

CHAPTER I — TREATS OF THE PLACE WHERE OLIVER TWIST WAS BORN AND OF THE CIRCUMSTANCES ATTENDING HIS BIRTH

Among other public buildings in a certain town, which for many reasons it will be prudent to refrain from mentioning, and to which I will assign no fictitious name, there is one anciently common to most towns, great or small: to wit, a workhouse; and in this workhouse was born; on a day and date which I need not trouble myself to repeat, inasmuch as it can be of no possible consequence to the reader, in this stage of the business at all events; the item of mortality whose name is prefixed to the head of this chapter.

For a long time after it was ushered into this world of sorrow and trouble, by the parish surgeon, it remained a matter of considerable doubt whether the child would survive to bear any name at all; in which case it is somewhat more than probable that these memoirs would never have appeared; or, if they had, that being comprised within a couple of pages, they would have possessed the inestimable merit of being the most concise and faithful specimen of biography, extant in the literature of any age or country.

Although I am not disposed to maintain that the being born in a workhouse, is in itself the most fortunate and enviable circumstance that can possibly befall a human being, I do mean to say that in this particular instance, it was the best thing for Oliver Twist that could by possibility have occurred.

The fact is, that there was considerable difficulty in inducing Oliver to take upon himself the office of respiration, — a troublesome practice, but one which custom has rendered necessary to our easy existence; and for some time he lay gasping on a little flock mattress, rather unequally poised between this world and the next: the balance being decidedly in favour of the latter.

Now, if, during this brief period, Oliver had been

ГЛАВА I — повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению

Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно - работный дом *. И в этом работном доме родился, - я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае на данной стадии повествования, - родился смертный, чье имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач * ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в работном доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста.

Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего.

Если бы на протяжении этого короткого

surrounded by careful grandmothers, anxious aunts, experienced nurses, and doctors of profound wisdom, he would most inevitably and indubitably have been killed in no time.

There being nobody by, however, but a pauper old woman, who was rendered rather misty by an unwonted allowance of beer; and a parish surgeon who did such matters by contract; Oliver and Nature fought out the point between them.

The result was, that, after a few struggles, Oliver breathed, sneezed, and proceeded to advertise to the inmates of the workhouse the fact of a new burden having been imposed upon the parish, by setting up as loud a cry as could reasonably have been expected from a male infant who had not been possessed of that very useful appendage, a voice, for a much longer space of time than three minutes and a quarter.

As Oliver gave this first proof of the free and proper action of his lungs, the patchwork coverlet which was carelessly flung over the iron bedstead, rustled; the pale face of a young woman was raised feebly from the pillow; and a faint voice imperfectly articulated the words,

'Let me see the child, and die.'

The surgeon had been sitting with his face turned towards the fire: giving the palms of his hands a warm and a rub alternately.

As the young woman spoke, he rose, and advancing to the bed's head, said, with more kindness than might have been expected of him:

'Oh, you must not talk about dying yet.'

'Lor bless her dear heart, no!' interposed the nurse, hastily depositing in her pocket a green glass bottle, the contents of which she had been tasting in a corner with evident satisfaction.

'Lor bless her dear heart, when she has lived as long as I have, sir, and had thirteen children of her own, and all on 'em dead except two, and them in the wurkus with me, she'll know better than to take on in that way, bless her dear heart!

промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и, несомненно был бы загублен.

Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоем выиграли битву.

В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям рабочего дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий вопль, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола, который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный дар - голос.

Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и свободной деятельности своих легких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки и слабый голос невнятно произнес:

- Дайте мне посмотреть на ребенка - и умереть.

Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони.

Когда заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал ласковее, чем можно было от него ждать:

- Ну, вам еще рано говорить о смерти!

- Конечно, боже избавь! - вмешалась сиделка, торопливо засовывая в карман зеленую бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием смаковала в углу комнаты.

- Боже избавь! Вот когда она проживет столько, сколько прожила я, сэр, да произведет на свет тринадцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те будут с нею в рабочем доме, вот тогда она образумится и не будет принимать все близко к сердцу!..

Think what it is to be a mother, there's a dear young lamb do.'

Apparently this consolatory perspective of a mother's prospects failed in producing its due effect.

The patient shook her head, and stretched out her hand towards the child.

The surgeon deposited it in her arms.

She imprinted her cold white lips passionately on its forehead; passed her hands over her face; gazed wildly round; shuddered; fell back — and died.

They chafed her breast, hands, and temples; but the blood had stopped forever.

They talked of hope and comfort.

They had been strangers too long.

'It's all over, Mrs. Thingummy!' said the surgeon at last.

'Ah, poor dear, so it is!' said the nurse, picking up the cork of the green bottle, which had fallen out on the pillow, as she stooped to take up the child.

'Poor dear!'

'You needn't mind sending up to me, if the child cries, nurse,' said the surgeon, putting on his gloves with great deliberation.

'It's very likely it will be troublesome.

Give it a little gruel if it is.'

He put on his hat, and, pausing by the bed-side on his way to the door, added, 'She was a good-looking girl, too; where did she come from?'

'She was brought here last night,' replied the old woman, 'by the overseer's order.

She was found lying in the street.

She had walked some distance, for her shoes were worn to pieces; but where she came from, or where she was going to, nobody knows.'

Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Какой у вас милый ребеночек!

По-видимому, эта утешительная перспектива материнства не произвела надлежащего впечатления.

Больная покачала головой и протянула руку к ребенку.

Доктор передал его в ее объятия.

Она страстно прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула, откинулась назад... и умерла.

Ей растирали грудь, руки и виски, но сердце остановилось навеки.

Что-то говорили о надежде и успокоении.

Но этого она давно уже не ведала.

- Все кончено, миссис Тингами! - сказал, наконец, врач.

- Да, все кончено. Ах, бедняжка! - подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка.

- Бедняжка!

- Вам незачем посылать за мной, если ребенок будет кричать, - сказал врач, медленно натягивая перчатки.

- Очень возможно, что он окажется беспокойным.

В таком случае дайте ему жидкой каши.

- Он надел шляпу, направился к двери и, приостановившись у кровати, добавил: - Милостивая женщина... Откуда она пришла?

- Ее принесли сюда вчера вечером, - ответила старуха, - по распоряжению надзирателя.

Ее нашли лежащей на улице.

Она пришла издалека, башмаки у нее совсем истоптаны, но откуда и куда она шла - никто не знает.

The surgeon leaned over the body, and raised the left hand.

'The old story,' he said, shaking his head: 'no wedding-ring, I see.'

Ah! Good-night!

The medical gentleman walked away to dinner; and the nurse, having once more applied herself to the green bottle, sat down on a low chair before the fire, and proceeded to dress the infant.

What an excellent example of the power of dress, young Oliver Twist was!

Wrapped in the blanket which had hitherto formed his only covering, he might have been the child of a nobleman or a beggar; it would have been hard for the haughtiest stranger to have assigned him his proper station in society.

But now that he was enveloped in the old calico robes which had grown yellow in the same service, he was badged and ticketed, and fell into his place at once — a parish child — the orphan of a workhouse — the humble, half-starved drudge — to be cuffed and buffeted through the world — despised by all, and pitied by none.

Oliver cried lustily.

If he could have known that he was an orphan, left to the tender mercies of church-wardens and overseers, perhaps he would have cried the louder.

CHAPTER II — TREATS OF OLIVER TWIST'S GROWTH, EDUCATION, AND BOARD

For the next eight or ten months, Oliver was the victim of a systematic course of treachery and deception.

He was brought up by hand.

The hungry and destitute situation of the infant orphan was duly reported by the workhouse authorities to the parish authorities.

Врач наклонился к покойнице и поднял ее левую руку.

- Старая история, - сказал он, покачивая головой. - Нет обручального кольца...

Ну, спокойной ночи!

Достойный медик отправился обедать, а сиделка, еще раз приложившись к зеленой бутылке, уселась на низкий стул у камина и принялась облачать младенца.

Каким превосходным доказательством могущества одеяния явился юный Оливер Твист!

Закутанный в одеяло, которое было доселе единственным его покровом, он мог быть сыном дворянина и сыном нищего; самый родовитый человек едва ли смог бы определить подобающее ему место в обществе.

Но теперь, когда его облачили в старую коленкорovou рубашонку, пожелтевшую от времени, он был отмечен и снабжен ярлыком и сразу занял свое место - приходского ребенка, сироты из работного дома, смиренного колодного бедняка, проходящего свой жизненный путь под градом ударов и пощечин, презираемого всеми и нигде не встречающего жалости.

Оливер громко кричал.

Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы еще громче.

ГЛАВА II — повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист.

В течение следующих восьми или десяти месяцев Оливер был жертвой системы вероломства и обманов.

Его кормили из рожка.

О голодном малютке-сироте, лишенном самого необходимого, власти работного дома доложили надлежащим образом приходским властям.

The parish authorities inquired with dignity of the workhouse authorities, whether there was no female then domiciled in 'the house' who was in a situation to impart to Oliver Twist, the consolation and nourishment of which he stood in need.

The workhouse authorities replied with humility, that there was not.

Upon this, the parish authorities magnanimously and humanely resolved, that Oliver should be 'farmed,' or, in other words, that he should be dispatched to a branch-workhouse some three miles off, where twenty or thirty other juvenile offenders against the poor-laws, rolled about the floor all day, without the inconvenience of too much food or too much clothing, under the parental superintendence of an elderly female, who received the culprits at and for the consideration of sevenpence-halfpenny per small head per week.

Sevenpence-halfpenny's worth per week is a good round diet for a child; a great deal may be got for sevenpence-halfpenny, quite enough to overload its stomach, and make it uncomfortable.

The elderly female was a woman of wisdom and experience; she knew what was good for children; and she had a very accurate perception of what was good for herself.

So, she appropriated the greater part of the weekly stipend to her own use, and consigned the rising parochial generation to even a shorter allowance than was originally provided for them.

Thereby finding in the lowest depth a deeper still; and proving herself a very great experimental philosopher.

Everybody knows the story of another experimental philosopher who had a great theory about a horse being able to live without eating, and who demonstrated it so well, that he had got his own horse down to a straw a day, and would unquestionably have rendered him a very spirited and rampacious animal on nothing at all, if he had not died, four-and-twenty hours before he was to have had his first comfortable bait of air.

Приходские власти с достоинством запросили властей работного дома о том, нет ли какой-нибудь особы женского пола, проживающей в доме, которая могла бы доставить Оливеру Твисту утешение и питание, столь для него необходимые.

На это власти работного дома ответили, что такой особы нет.

Тогда приходские власти великодушно и человечно порешили, что Оливера следует поместить "на ферму", или, иными словами, препроводить его в отделение работного дома, находившееся на расстоянии примерно трех миль, где от двадцати до тридцати других юных нарушителей закона о бедных * копошились по целым дням на полу, не страдая от избытка пищи или одежды, под материнским надзором пожилой особы, которая принимала к себе этих преступников за семь с половиной пенсов с души.

Семь с половиной пенсов в неделю - недурная сумма на содержание ребенка; немало можно приобрести на семь с половиной пенсов - вполне достаточно, чтобы переполнить желудок и вызвать неприятные последствия.

Пожилая особа женского пола была человеком разумным и опытным - она знала, что идет на пользу детям. И она в совершенстве постигла, что идет на пользу ей самой.

Поэтому большую часть еженедельной стипендии она оставляла себе, а подрастающему приходскому поколению уделяла значительно меньшую долю, чем та, которая была ему назначена.

Иными словами, она открыла в бездонных глубинах еще большую глубину, проявив себя великим философом.

Всем известна история другого философа, который измыслил знаменитую теорию о том, что лошадь может существовать без пищи, И он успешно доказал ее, что довел ежедневную порцию пищи, получаемую его собственной лошастью, до одной соломинки; несомненно он сделал бы ее чрезвычайно горячим и резвым животным, если бы она не пала за сутки до того дня, как ей предстояло перейти на отменную порцию воздуха.

Unfortunately for, the experimental philosophy of the female to whose protecting care Oliver Twist was delivered over, a similar result usually attended the operation of her system; for at the very moment when the child had contrived to exist upon the smallest possible portion of the weakest possible food, it did perversely happen in eight and a half cases out of ten, either that it sickened from want and cold, or fell into the fire from neglect, or got half-smothered by accident; in any one of which cases, the miserable little being was usually summoned into another world, and there gathered to the fathers it had never known in this.

Occasionally, when there was some more than usually interesting inquest upon a parish child who had been overlooked in turning up a bedstead, or inadvertently scalded to death when there happened to be a washing — though the latter accident was very scarce, anything approaching to a washing being of rare occurrence in the farm — the jury would take it into their heads to ask troublesome questions, or the parishioners would rebelliously affix their signatures to a remonstrance.

But these impertinences were speedily checked by the evidence of the surgeon, and the testimony of the beadle; the former of whom had always opened the body and found nothing inside (which was very probable indeed), and the latter of whom invariably swore whatever the parish wanted; which was very self-devotional.

Besides, the board made periodical pilgrimages to the farm, and always sent the beadle the day before, to say they were going.

The children were neat and clean to behold, when they went; and what more would the people have!

It cannot be expected that this system of farming would produce any very extraordinary or luxuriant crop.

Oliver Twist's ninth birthday found him a pale thin child, somewhat diminutive in stature, and decidedly small in circumference.

К несчастью для экспериментальной философии той женщины, чьим заботам и покровительству был поручен Оливер Твист, к таким же результатам обычно приводило применение ее системы; потому что в ту самую минуту, когда дитя научалось поддерживать в себе жизнь ничтожной долей самой непитательной пищи, по превратности судьбы, в восьми с половиной случаях из десяти, оно или заболело от голода и холода, или по недосмотру падало в огонь, или погибало от удушья. В любом из этих случаев несчастный малютка отправлялся в иной мир, чтоб там соединиться со своими родителями, коих он не ведал в этом.

Иной раз, когда производилось особо строгое следствие о приходском ребенке, за которым недосмотрели, а он опрокинул на себя кровать, или которого неумышленно обварили насмерть во время стирки белья - впрочем, последнее случалось не часто, ибо все хоть сколько-нибудь напоминающее стирку было редким событием на ферме, - присяжным иной раз приходило в голову задавать неприятные вопросы, а прихожане возмущались и подписывали протест.

Но эти дерзкие выступления тотчас же пресекались в корне после показания врача и свидетельства бидла *; первый всегда вскрывал труп и ничего в нем не находил - это было в высшей степени правдоподобно, а второй неизменно показывал под присягой все, что было угодно приходу, - это было в высшей степени благочестиво.

Вдобавок, члены совета регулярно посещали ферму и накануне всегда посылали бидла известить о своем прибытии.

Когда они приезжали, дети были милы и опрятны, а можно ли требовать большего!

Нельзя ожидать, чтобы такая система воспитания на ферме давала какой-нибудь необычайный или богатый урожай.

И в тот день, когда Оливеру Твисту исполнилось девять лет, он был бледным, чахлым ребенком, малорослым и несомненно тощим.

Но природа заронила добрые семена в грудь

But nature or inheritance had implanted a good sturdy spirit in Oliver's breast.

It had had plenty of room to expand, thanks to the spare diet of the establishment; and perhaps to this circumstance may be attributed his having any ninth birth-day at all.

Be this as it may, however, it was his ninth birthday; and he was keeping it in the coal-cellar with a select party of two other young gentleman, who, after participating with him in a sound thrashing, had been locked up for atrociously presuming to be hungry, when Mrs. Mann, the good lady of the house, was unexpectedly startled by the apparition of Mr. Bumble, the beadle, striving to undo the wicket of the garden-gate.

'Goodness gracious!

Is that you, Mr. Bumble, sir?' said Mrs. Mann, thrusting her head out of the window in well-affected ecstasies of joy. '(Susan, take Oliver and them two brats upstairs, and wash 'em directly.) — My heart alive!

Mr. Bumble, how glad I am to see you, sure-ly!'

Now, Mr. Bumble was a fat man, and a choleric; so, instead of responding to this open-hearted salutation in a kindred spirit, he gave the little wicket a tremendous shake, and then bestowed upon it a kick which could have emanated from no leg but a beadle's.

'Lor, only think,' said Mrs. Mann, running out, — for the three boys had been removed by this time, — 'only think of that!

That I should have forgotten that the gate was bolted on the inside, on account of them dear children!

Walk in sir; walk in, pray, Mr. Bumble, do, sir.'

Although this invitation was accompanied with a curtsy that might have softened the heart of a church-warden, it by no means mollified the beadle.

Оливера, и они развивались себе на свободе, чему весьма способствовала скудная диета, принятая в учреждении.

И, быть может, этому обстоятельству Оливер был обязан тем, что увидел день, когда ему минуло девять лет.

Как бы там ни было, но это был день его рождения, и он проводил его в погребе для угля - в избранном обществе двух юных джентльменов, которые, разделив с ним основательную порку, были посажены под замок за то, что дерзко осмелились заявить, будто они голодны, - как вдруг миссис Манн, славная леди, возглавляющая это учреждение, была потрясена внезапным появлением мистера Бамбла, бидла, который старался открыть калитку в воротах сада.

- Господи помилуй!

Это вы, мистер Бамбл? - воскликнула миссис Манн, высовывая голову из окна и искусно притворяясь чрезвычайно обрадованной. - (Сьюзен, приведите наверх Оливера и тех двух мальчишек и сейчас же их вымойте!) Ах, боже мой!

Мистер Бамбл, как я рада вас видеть!

Мистер Бамбл был человек дородный и раздражительный; вместо того чтобы должным образом ответить на это "чистосердечное" приветствие, он отчаянно тряхнул калитку, а затем угостил ее таким пинком, какого можно было ждать только от ноги бидла.

- Ах, боже мой! - вскричала миссис Манн, выбежав из дому, ибо три мальчика были к тому времени доставлены наверх. - Подумать только!

Как же это я могла позабыть о том, что из-за наших милых ребят калитка заперта изнутри!

Войдите, сэр, прошу вас, войдите, мистер Бамбл, войдите, сэр!

Хотя это приглашение сопровождалось реверансом, который мог растрогать сердце церковного старосты, оно отнюдь не смягчило бидла.

'Do you think this respectful or proper conduct, Mrs. Mann,' inquired Mr. Bumble, grasping his cane, 'to keep the parish officers a waiting at your garden-gate, when they come here upon parochial business with the parochial orphans?'

Are you aware, Mrs. Mann, that you are, as I may say, a parochial delegate, and a stipendiary?'

'I'm sure Mr. Bumble, that I was only a telling one or two of the dear children as is so fond of you, that it was you a coming,' replied Mrs. Mann with great humility.

Mr. Bumble had a great idea of his oratorical powers and his importance.

He had displayed the one, and vindicated the other.

He relaxed.

'Well, well, Mrs. Mann,' he replied in a calmer tone; 'it may be as you say; it may be.'

Lead the way in, Mrs. Mann, for I come on business, and have something to say.'

Mrs. Mann ushered the beadle into a small parlour with a brick floor; placed a seat for him; and officiously deposited his cocked hat and cane on the table before him.

Mr. Bumble wiped from his forehead the perspiration which his walk had engendered, glanced complacently at the cocked hat, and smiled.

Yes, he smiled.

Beadles are but men: and Mr. Bumble smiled.

'Now don't you be offended at what I'm a going to say,' observed Mrs. Mann, with captivating sweetness.

'You've had a long walk, you know, or I wouldn't mention it.'

Now, will you take a little drop of something, Mr. Bumble?'

- Неужели, миссис Манн, вы считаете почтительным или пристойным, - осведомился мистер Бамбл, сжимая свою трость, - заставлять приходских должностных лиц ждать у садовой калитки, когда они являются сюда по приходским делам, связанным с приходскими сиротами?

Известно ли вам, миссис Манн, что вы, так сказать, выборное лицо прихода и получаете жалованье?

- Право же, мистер Бамбл, я только сообщила кое-кому из наших милых деток, которые вас так любят, что это вы пришли, - с большим смирением ответила миссис Манн.

Мистер Бамбл был высокого мнения о своем ораторском даровании и о своей значительности.

Он выказал первое и утвердил второе.

Он смягчился.

- Ладно, миссис Манн, - ответил он более спокойным тоном, - быть может, и так.

Войдемте в дом, миссис Манн. Я пришел по делу и должен вам кое-что сообщить.

Миссис Манн ввела бидла в маленькую гостиную с кирпичным полом, подала ему стул и услужливо положила перед ним на стол его треуголку и трость.

Мистер Бамбл вытер со лба пот, выступивший после прогулки, бросил самодовольный взгляд на треуголку и улыбнулся.

Да, он улыбнулся.

Бидлы в конце концов тоже люди, и мистер Бамбл улыбнулся.

- А теперь не обижайтесь на то, что я вам скажу, - заметила миссис Манн с чарующей любезностью.

- Вы совершили, знаете ли, большую прогулку, иначе я бы не стала об этом упоминать.

Мистер Бамбл, не выпьете ли вы капельку?..

'Not a drop.

Nor a drop,' said Mr. Bumble, waving his right hand in a dignified, but placid manner.

'I think you will,' said Mrs. Mann, who had noticed the tone of the refusal, and the gesture that had accompanied it.

'Just a leetle drop, with a little cold water, and a lump of sugar.'

Mr. Bumble coughed.

'Now, just a leetle drop,' said Mrs. Mann persuasively.

'What is it?' inquired the beadle.

'Why, it's what I'm obliged to keep a little of in the house, to put into the blessed infants' Daffy, when they ain't well, Mr. Bumble,' replied Mrs. Mann as she opened a corner cupboard, and took down a bottle and glass.

'It's gin.

I'll not deceive you, Mr. B.

It's gin.'

'Do you give the children Daffy, Mrs. Mann?' inquired Bumble, following with his eyes the interesting process of mixing.

'Ah, bless 'em, that I do, dear as it is,' replied the nurse.

'I couldn't see 'em suffer before my very eyes, you know sir.'

'No'; said Mr. Bumble approvingly; 'no, you could not.

You are a humane woman, Mrs. Mann.' (Here she set down the glass.)

'I shall take a early opportunity of mentioning it to the board, Mrs. Mann.' (He drew it towards him.)

'You feel as a mother, Mrs. Mann.' (He stirred the gin-and-water.)

'I — I drink your health with cheerfulness, Mrs. Mann'; and he swallowed half of it.

- Ни капли!

Ни капли! - сказал мистер Бамбл, махнув правой рукой с достоинством, но благодушно.

- Я думаю, все-таки можно выпить, - сказала миссис Манн, отметив про себя тон отказа и жест, его сопровождавший.

- Одну капельку, и немножко холодной воды и кусочек сахара.

Мистер Бамбл кашлянул.

- Только одну капельку, - убеждала миссис Манн.

- Капельку чего именно? - осведомился бидл.

- Того самого, что я обязана держать в доме для милых малюток, чтобы подбавлять в эликсир Даффи *, когда они нездоровы, мистер Бамбл, - ответила миссис Манн, открывая буфет и доставая бутылку и стакан.

- Это джин.

Я не хочу вас обманывать, мистер Бамбл.

Это джин.

- Вы даете детям Даффи, миссис Манн? - спросил Бамбл, следя глазами за интересной процедурой приготовления смеси.

- Да благословит их бог, даю, хотя это и дорого стоит, - ответила воспитательница.

- Знаете ли, сэр, я не могу видеть, как они страдают у меня на глазах.

- Вот именно, - одобрительно сказал мистер Бамбл, - не можете.

Вы добрая женщина, миссис Манн. - Она поставила стакан на стол.

- Я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы доложить об этом совету, миссис Манн. - Он придвинул к себе стакан.

- У вас материнские чувства, миссис Манн. - Он размешал джин с водой.

- Я... я с удовольствием выпью за ваше здоровье, миссис Манн. И он залпом выпил полстакана.

'And now about business,' said the beadle, taking out a leathern pocket-book.

'The child that was half-baptized Oliver Twist, is nine year old to-day.'

'Bless him!' interposed Mrs. Mann, inflaming her left eye with the corner of her apron.

'And notwithstanding a offered reward of ten pound, which was afterwards increased to twenty pound. Notwithstanding the most superlative, and, I may say, supernat'ral exertions on the part of this parish,' said Bumble, 'we have never been able to discover who is his father, or what was his mother's settlement, name, or condition.'

Mrs. Mann raised her hands in astonishment; but added, after a moment's reflection,

'How comes he to have any name at all, then?'

The beadle drew himself up with great pride, and said,

'I inwented it.'

'You, Mr. Bumble!'

'I, Mrs. Mann.

We name our fondlings in alphabetical order.

The last was a S, — Swubble, I named him.

This was a T, — Twist, I named him.

The next one comes will be Unwin, and the next Vilkins.

I have got names ready made to the end of the alphabet, and all the way through it again, when we come to Z.'

'Why, you're quite a literary character, sir!' said Mrs. Mann.

'Well, well,' said the beadle, evidently gratified with the compliment; 'perhaps I may be.

Perhaps I may be, Mrs. Mann.'

He finished the gin-and-water, and added,

- А теперь к делу, - продолжал бидл, доставая кожаный бумажник.

- Ребенку Твисту, которого окрестили Оливером, исполнилось сегодня девять лет.

- Да благословит его бог! - вставила миссис Манн, докрасна растирая себе левый глаз кончиком передника.

- И, несмотря на предложенную награду в десять фунтов, которая затем была увеличена до двадцати фунтов, несмотря на чрезвычайные и, я бы сказал, сверхъестественные усилия со стороны прихода, - продолжал Бамбл, - нам так и не удалось узнать, кто его отец, а также местожительство, имя и звание его матери.

Миссис Манн с изумлением воздела руки, но после недолгого раздумья спросила:

- Как же тогда он вообще получил какую-то фамилию?

Бидл горделиво выпрямился и сказал:

- Это я придумал.

- Вы, мистер Бамбл?

- Я, миссис Манн.

Мы даем фамилии нашим питомцам в алфавитном порядке.

Последний был на букву С - я его назвал Суобл.

Этот был на букву Т - его я назвал Твист.

Следующий будет Унуин, а затем Филиппе.

Я придумал фамилии до конца алфавита и, когда мы дойдем до буквы Z, снова начну с начала.

- Да ведь вы настоящий писатель, сэр! - воскликнула миссис Манн.

- Ну-ну! - сказал бидл, явно польщенный комплиментом. - Может быть, и так...

Может быть, и так, миссис Манн.

Он допил джин с водой и прибавил:

'Oliver being now too old to remain here, the board have determined to have him back into the house.

I have come out myself to take him there.

So let me see him at once.'

'I'll fetch him directly,' said Mrs. Mann, leaving the room for that purpose.

Oliver, having had by this time as much of the outer coat of dirt which encrusted his face and hands, removed, as could be scrubbed off in one washing, was led into the room by his benevolent protectress.

'Make a bow to the gentleman, Oliver,' said Mrs. Mann.

Oliver made a bow, which was divided between the beadle on the chair, and the cocked hat on the table.

'Will you go along with me, Oliver?' said Mr. Bumble, in a majestic voice.

Oliver was about to say that he would go along with anybody with great readiness, when, glancing upward, he caught sight of Mrs. Mann, who had got behind the beadle's chair, and was shaking her fist at him with a furious countenance.

He took the hint at once, for the fist had been too often impressed upon his body not to be deeply impressed upon his recollection.

'Will she go with me?' inquired poor Oliver.

'No, she can't,' replied Mr. Bumble.

'But she'll come and see you sometimes.'

This was no very great consolation to the child.

Young as he was, however, he had sense enough to make a feint of feeling great regret at going away.

It was no very difficult matter for the boy to call tears into his eyes. Hunger and recent ill-usage are great assistants if you want to cry; and Oliver

- Так как Оливер теперь подрост и не может оставаться здесь, совет решил отправить его обратно в рабочий дом.

Я пришел сам, чтобы отвести его туда.

Покажите-ка мне его поскорее.

- Я сейчас же его приведу, - сказала миссис Манн, выходя из комнаты.

Оливер, освободившись к тому времени от того верхнего слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, какой можно было соскрести за одно умывание, - был введен в комнату своей милостивой покровительницей.

- Поклонись джентльмену, Оливер, - сказала миссис Манн.

Оливер отвесил поклон, предназначавшийся как бидлу на стуле, так и треуголке на столе.

- Хочешь пойти со мной, Оливер? - величественно спросил мистер Бамбл.

Оливер готов был сказать, что очень охотно уйдет отсюда с кем угодно, но, подняв глаза, встретил взгляд миссис Манн, которая поместилась за стулом бидла и с разъяренной физиономией грозила ему кулаком.

Он сразу понял намек - кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в памяти.

- А она пойдет со мной? - спросил бедный Оливер.

- Нет, она не может пойти, - ответил мистер Бамбл.

- Но иногда она будет тебя навещать.

Это было не очень большим утешением для мальчика.

Однако, как ни был он мал, у него хватило ума притвориться, будто он с большим сожалением покидает эти места.

Ему совсем нетрудно было прослезиться, голод и дурное обращение - великие помощники в тех случаях, когда вам нужно заплакать. И Оливер

cried very naturally indeed.

Mrs. Mann gave him a thousand embraces, and what Oliver wanted a great deal more, a piece of bread and butter, lest he should seem too hungry when he got to the workhouse.

With the slice of bread in his hand, and the little brown-cloth parish cap on his head, Oliver was then led away by Mr. Bumble from the wretched home where one kind word or look had never lighted the gloom of his infant years.

And yet he burst into an agony of childish grief, as the cottage-gate closed after him.

Wretched as were the little companions in misery he was leaving behind, they were the only friends he had ever known; and a sense of his loneliness in the great wide world, sank into the child's heart for the first time.

Mr. Bumble walked on with long strides; little Oliver, firmly grasping his gold-laced cuff, trotted beside him, inquiring at the end of every quarter of a mile whether they were 'nearly there.'

To these interrogations Mr. Bumble returned very brief and snappish replies; for the temporary blandness which gin-and-water awakens in some bosoms had by this time evaporated; and he was once again a beadle.

Oliver had not been within the walls of the workhouse a quarter of an hour, and had scarcely completed the demolition of a second slice of bread, when Mr. Bumble, who had handed him over to the care of an old woman, returned; and, telling him it was a board night, informed him that the board had said he was to appear before it forthwith.

Not having a very clearly defined notion of what a live board was, Oliver was rather astounded by this intelligence, and was not quite certain whether he ought to laugh or cry.

He had no time to think about the matter, however; for Mr. Bumble gave him a tap on the

плакал и в самом деле очень натурально.

Миссис Манн подарила ему тысячу поцелуев и - в этом Оливер нуждался гораздо больше - кусок хлеба с маслом, чтобы он не показался чересчур голодным, когда придет в рабочий дом.

С ломтем хлеба в руке и в коричневой приходской шапочке Оливер был уведен мистером Бамблом из гнусного дома, где ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет.

И все же детское его горе было глубоко, когда за ним закрылись ворота коттеджа.

Как ни были жалки его маленькие товарищи по несчастью, которых он покидал, - это были единственные его друзья. И сознание своего одиночества в великом, необъятном мире впервые проникло в сердце ребенка.

Мистер Бамбл шел большими шагами; маленький Оливер, крепко ухватившись за его обшитый золотым галуном обшлаг, рысцой бежал рядом с ним и через каждую четверть мили спрашивал: "Далеко ли еще?"

На эти вопросы мистер Бамбл давал очень короткие и резкие ответы, так как недолговечная приветливость, какую пробуждает в иных сердцах джин с водой, к тому времени испарилась, и он снова стал бидлом.

Оливер пробыл в стенах рабочего дома не более четверти часа и едва успел покончить со вторым ломтем хлеба, как мистер Бамбл, оставивший его на попечение какой-то старухи, вернулся и, рассказав о происходившем в тот вечер заседании совета, объявил ему, что, по желанию совета, он должен немедленно предстать перед ним.

Не имея достаточно ясного представления о том, что такое совет, Оливер был ошеломлен этим сообщением и не знал, смеяться ему или плакать.

Впрочем, ему некогда было об этом раздумывать, так как мистер Бамбл ударил его тростью по голове, чтобы расшевелить, и еще

head, with his cane, to wake him up: and another on the back to make him lively: and bidding him to follow, conducted him into a large white-washed room, where eight or ten fat gentlemen were sitting round a table.

At the top of the table, seated in an arm-chair rather higher than the rest, was a particularly fat gentleman with a very round, red face.

'Bow to the board,' said Bumble.

Oliver brushed away two or three tears that were lingering in his eyes; and seeing no board but the table, fortunately bowed to that.

'What's your name, boy?' said the gentleman in the high chair.

Oliver was frightened at the sight of so many gentlemen, which made him tremble: and the beadle gave him another tap behind, which made him cry.

These two causes made him answer in a very low and hesitating voice; whereupon a gentleman in a white waistcoat said he was a fool. Which was a capital way of raising his spirits, and putting him quite at his ease.

'Boy,' said the gentleman in the high chair, 'listen to me.

You know you're an orphan, I suppose?'

'What's that, sir?' inquired poor Oliver.

'The boy is a fool — I thought he was,' said the gentleman in the white waistcoat.

'Hush!' said the gentleman who had spoken first.

'You know you've got no father or mother, and that you were brought up by the parish, don't you?'

'Yes, sir,' replied Oliver, weeping bitterly.

'What are you crying for?' inquired the gentleman in the white waistcoat.

And to be sure it was very extraordinary.

What could the boy be crying for?

'I hope you say your prayers every night,' said

раз по спине, чтобы подбодрить, и, приказав следовать за собой, повел его в большую выбеленную известкой комнату, где сидели вокруг стола восемь или десять толстых джентльменов.

Во главе стола восседал в кресле, более высоком, чем остальные, чрезвычайно толстый джентльмен с круглой красной физиономией.

- Поклонись совету, - сказал Бамбл.

Оливер смахнул две-три еще не высохшие слезинки и, видя перед собой стол, по счастью, поклонился ему.

- Как тебя зовут, мальчик? - спросил джентльмен, восседавший в высоком кресле.

Оливер испугался столько джентльменов, приводивших его в трепет, а бидл угостил его сзади еще одним пинком, который заставил его расплакаться.

По этим двум причинам он ответил очень тихо и нерешительно, после чего джентльмен в белом жилете обозвал его дураком, сразу развеселился и пришел в прекрасное расположение духа.

- Мальчик, - сказал джентльмен в высоком кресле, - слушай меня.

Полагаю, тебе известно, что ты сирота?

- Что это такое, сэр? - спросил бедный Оливер.

- Мальчик - дурак! Я так и думал, - сказал джентльмен в белом жилете.

- Тише! - сказал джентльмен, который говорил первым.

- Тебе известно, что у тебя нет ни отца, ни матери и что тебя воспитал приход, не так ли?

- Да, сэр, - ответил Оливер, горько плача.

- О чем ты плачешь? - спросил джентльмен в белом жилете.

И в самом деле - очень странно!

О чем мог плакать этот мальчик?

- Надеюсь, ты каждый вечер читаешь молитву, -

another gentleman in a gruff voice; 'and pray for the people who feed you, and take care of you — like a Christian.'

'Yes, sir,' stammered the boy.

The gentleman who spoke last was unconsciously right.

It would have been very like a Christian, and a marvellously good Christian too, if Oliver had prayed for the people who fed and took care of him.

But he hadn't, because nobody had taught him.

'Well!

You have come here to be educated, and taught a useful trade,' said the red-faced gentleman in the high chair.

'So you'll begin to pick oakum to-morrow morning at six o'clock,' added the surly one in the white waistcoat.

For the combination of both these blessings in the one simple process of picking oakum, Oliver bowed low by the direction of the beadle, and was then hurried away to a large ward; where, on a rough, hard bed, he sobbed himself to sleep.

What a novel illustration of the tender laws of England!

They let the paupers go to sleep!

Poor Oliver!

He little thought, as he lay sleeping in happy unconsciousness of all around him, that the board had that very day arrived at a decision which would exercise the most material influence over all his future fortunes.

But they had.

And this was it:

The members of this board were very sage, deep, philosophical men; and when they came to turn their attention to the workhouse, they found out at once, what ordinary folks would never have

суровым голосом сказал другой джентльмен, - и молишься - как надлежит христианину - за тех, кто тебя кормит и о тебе заботится?

- Да, сэр, - заикаясь, ответил мальчик.

Джентльмен, говоривший последним, сам того не сознавая, был прав.

Оливер и в самом деле был бы христианином и на редкость хорошим христианином, если бы молился за тех, кто е_г_о кормит и о н_е_м заботится.

Но он не молился, потому что никто его этому не учил.

- Прекрасно!

Тебя привели сюда, чтобы воспитать и обучить полезному ремеслу, - сказал краснолицый джентльмен, сидевший в высоком кресле.

- И завтра же, с шести часов утра, ты начнешь трепать пеньку, - добавил угрюмый джентльмен в белом жилете.

В благодарность за соединение этих двух благодеяний в несложной операции трепанья пеньки Оливер, по указанию бидла, низко поклонился и был поспешно уведен в большую комнату, где на грубой, жесткой кровати он рыдал, пока не заснул.

Какая превосходная иллюстрация к милосердным законам Англии!

Они разрешают беднякам спать!

Бедный Оливер!

Он спал в счастливом неведении, не помышляя о том, что в этот самый день совет вынес решение, которое должно было повлиять на всю его дальнейшую судьбу.

Но совет вынес решение.

Оно заключалось в следующем.

Члены этого совета были очень мудрыми, проникательными философами, и, когда они, наконец, обратили внимание на работный дом, они тотчас подметили то, чего никогда бы не обнаружили простые смертные, а именно:

discovered — the poor people liked it!

It was a regular place of public entertainment for the poorer classes; a tavern where there was nothing to pay; a public breakfast, dinner, tea, and supper all the year round; a brick and mortar elysium, where it was all play and no work.

'Oho!' said the board, looking very knowing; 'we are the fellows to set this to rights; we'll stop it all, in no time.'

So, they established the rule, that all poor people should have the alternative (for they would compel nobody, not they), of being starved by a gradual process in the house, or by a quick one out of it.

With this view, they contracted with the water-works to lay on an unlimited supply of water; and with a corn-factor to supply periodically small quantities of oatmeal; and issued three meals of thin gruel a day, with an onion twice a week, and half a roll of Sundays.

They made a great many other wise and humane regulations, having reference to the ladies, which it is not necessary to repeat; kindly undertook to divorce poor married people, in consequence of the great expense of a suit in Doctors' Commons; and, instead of compelling a man to support his family, as they had theretofore done, took his family away from him, and made him a bachelor!

There is no saying how many applicants for relief, under these last two heads, might have started up in all classes of society, if it had not been coupled with the workhouse; but the board were long-headed men, and had provided for this difficulty.

The relief was inseparable from the workhouse and the gruel; and that frightened people.

For the first six months after Oliver Twist was removed, the system was in full operation.

It was rather expensive at first, in consequence of

бедняки любили работный дом!

Это было поистине место общественного увеселения для бедных классов; харчевня, где не нужно платить; даровой завтрак, обед, чай и ужин круглый год; рай из кирпича и извести, где все игра и никакой работы!

"Ого! - с глубокомысленным видом изрек совет. - Нам-то и надлежит навести порядок. Мы немедленно положим этому конец".

И члены совета постановили, чтобы всем бедным людям был предоставлен выбор (так как, разумеется, они никого не хотели принуждать) либо медленно умирать голодной смертью в работном доме, либо быстро умереть вне его стен.

С этою целью они заключили договор с водопроводной компанией на снабжение водой в неограниченном количестве и с агентом по торговле зерном на регулярное снабжение овсянкой в умеренном количестве и постановили давать три раза в день жидкую кашу, луковицу дважды в неделю и полбулки по воскресеньям.

Они сделали еще очень много мудрых и гуманных распоряжений, касающихся женщин, но их нет необходимости перечислять. Они милостиво согласились давать развод женатым беднякам ввиду больших издержек, сопряженных с бракоразводным процессом в Докторс-Коммонс*. И вместо того чтобы заставлять человека содержать семью, как они делали раньше, они отнимали у него семью и превращали его в холостяка!

Трудно сказать, сколько просителей из всех слоев общества обратилось бы к ним за пособием, имея в виду эти два последних пункта, если бы оно не было связано с работным домом, но члены совета были люди предусмотрительные и приняли меры против такого осложнения.

Пособие было неразрывно связано с работным домом и кашей, и это отпугивало людей.

В течение первого полугодия после появления Оливера Твиста систему применяли повсюду.

the increase in the undertaker's bill, and the necessity of taking in the clothes of all the paupers, which fluttered loosely on their wasted, shrunken forms, after a week or two's gruel.

But the number of workhouse inmates got thin as well as the paupers; and the board were in ecstasies.

The room in which the boys were fed, was a large stone hall, with a copper at one end: out of which the master, dressed in an apron for the purpose, and assisted by one or two women, ladled the gruel at mealtimes.

Of this festive composition each boy had one porringer, and no more — except on occasions of great public rejoicing, when he had two ounces and a quarter of bread besides.

The bowls never wanted washing.

The boys polished them with their spoons till they shone again; and when they had performed this operation (which never took very long, the spoons being nearly as large as the bowls), they would sit staring at the copper, with such eager eyes, as if they could have devoured the very bricks of which it was composed; employing themselves, meanwhile, in sucking their fingers most assiduously, with the view of catching up any stray splashes of gruel that might have been cast thereon.

Boys have generally excellent appetites.

Oliver Twist and his companions suffered the tortures of slow starvation for three months: at last they got so voracious and wild with hunger, that one boy, who was tall for his age, and hadn't been used to that sort of thing (for his father had kept a small cook-shop), hinted darkly to his companions, that unless he had another basin of gruel per diem, he was afraid he might some night happen to eat the boy who slept next him, who happened to be a weakly youth of tender age.

He had a wild, hungry eye; and they implicitly believed him.

Сначала она потребовала немалых расходов, ибо счет гробовщика увеличился и приходилось непрерывно ушивать одежду бедняков, которая после одной-двух недель каши висела мешком на их исхудавших телах.

Но число обитателей работного дома стало таким же тощим, как и сами бедняки, и совет был в восторге.

Мальчиков кормили в большом зале с кирпичными стенами; в одном конце его находился котел, и из этого котла в часы, назначенные для принятия пищи, надзиратель, надев передник, с помощью одной или двух женщин раздавал кашу.

Каждый мальчик получал одну мисочку этого превосходного месива - не больше, за исключением больших праздников, когда он, кроме того, получал две с четвертью унции хлеба.

Миски никогда не приходилось мыть.

Мальчики скоблили их ложками, пока они не начинали снова блестеть; покончив с этой операцией (которая никогда не отнимала много времени, так как ложки были почти такой же величины, как миски), они сидели, впиваясь в котел такими жадными глазами, словно собирались пожрать кирпичи, которыми он был обложен, и занимались тем, что жадно обсасывали себе пальцы в надежде найти крупички каши, случайно на них оставшейся.

Мальчики обычно отличаются прекрасным аппетитом.

Оливер Твист и его товарищи на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания; наконец, они стали такими жадными и так обезумели от голода, что один мальчик, который был рослым для своих лет и не привык к такому положению вещей (его отец содержал когда-то маленькую харчевню), мрачно намекнул товарищам, что, если ему не прибавят миски каши per diem, он боится, как бы случайно не съесть ночью спящего с ним рядом тщедушного мальчика.

Глаза у него были дикие, голодные, и дети слепо ему поверили.

A council was held; lots were cast who should walk up to the master after supper that evening, and ask for more; and it fell to Oliver Twist.

The evening arrived; the boys took their places.

The master, in his cook's uniform, stationed himself at the copper; his pauper assistants ranged themselves behind him; the gruel was served out; and a long grace was said over the short commons.

The gruel disappeared; the boys whispered each other, and winked at Oliver; while his next neighbors nudged him.

Child as he was, he was desperate with hunger, and reckless with misery.

He rose from the table; and advancing to the master, basin and spoon in hand, said: somewhat alarmed at his own temerity:

'Please, sir, I want some more.'

The master was a fat, healthy man; but he turned very pale.

He gazed in stupefied astonishment on the small rebel for some seconds, and then clung for support to the copper.

The assistants were paralysed with wonder; the boys with fear.

'What!' said the master at length, in a faint voice.

'Please, sir,' replied Oliver, 'I want some more.'

The master aimed a blow at Oliver's head with the ladle; pinioned him in his arm; and shrieked aloud for the beadle.

The board were sitting in solemn conclave, when Mr. Bumble rushed into the room in great excitement, and addressing the gentleman in the high chair, said,

'Mr. Limbkins, I beg your pardon, sir!

Oliver Twist has asked for more!'

There was a general start.

Посоветовались; был брошен жребий, кому подойти в тот вечер после ужина к надзирателю и попросить еще каши. И жребий выпал Оливеру Твисту.

Настал вечер; мальчики заняли свои места.

Надзиратель в поварском наряде поместился у котла; его нищие помощники расположились за его спиной. Каша была разлита по мискам. И длинная молитва была прочитана перед скудной едой.

Каша исчезла; мальчики перешептывались друг с другом и подмигивали Оливеру, а ближайшие соседи подталкивали его.

Он был совсем ребенок, впал в отчаяние от голода и стал безрассудным от горя.

Он встал из-за стола и, подойдя с миской и ложкой в руке к надзирателю, сказал, немножко испуганный своей дерзостью:

- Простите, сэр, я хочу еще.

Надзиратель был дюжий, здоровый человек, однако он сильно побледнел.

Остолбенев от изумления, он смотрел несколько секунд на маленького мятежника, а затем, ища поддержки, прислонился к котлу.

Помощники онемели от удивления, мальчики - от страха.

- Что такое?.. - слабым голосом произнес, наконец, надзиратель.

- Простите, сэр, - повторил Оливер, - я хочу еще.

Надзиратель ударил Оливера черпаком по голове, крепко схватил его за руки и завопил, призывая бидла.

Совет собрался на торжественное заседание, когда мистер Бамбл в великом волнении ворвался в комнату и, обращаясь к джентльмену, восседавшему в высоком кресле, сказал:

- Мистер Лимкинс, прошу прощения, сэр!

Оливер Твист попросил еще каши!

Произошло всеобщее смятение.

Horror was depicted on every countenance.

'For more!' said Mr. Limbkins.

'Compose yourself, Bumble, and answer me distinctly.

Do I understand that he asked for more, after he had eaten the supper allotted by the dietary?'

'He did, sir,' replied Bumble.

'That boy will be hung,' said the gentleman in the white waistcoat.

'I know that boy will be hung.'

Nobody controverted the prophetic gentleman's opinion.

An animated discussion took place.

Oliver was ordered into instant confinement; and a bill was next morning pasted on the outside of the gate, offering a reward of five pounds to anybody who would take Oliver Twist off the hands of the parish.

In other words, five pounds and Oliver Twist were offered to any man or woman who wanted an apprentice to any trade, business, or calling.

'I never was more convinced of anything in my life,' said the gentleman in the white waistcoat, as he knocked at the gate and read the bill next morning: 'I never was more convinced of anything in my life, than I am that that boy will come to be hung.'

As I purpose to show in the sequel whether the white waistcoated gentleman was right or not, I should perhaps mar the interest of this narrative (supposing it to possess any at all), if I ventured to hint just yet, whether the life of Oliver Twist had this violent termination or no.

CHAPTER III — RELATES HOW OLIVER TWIST WAS VERY NEAR GETTING A PLACE WHICH WOULD NOT HAVE BEEN A

Лица у всех исказились от ужаса.

- Еще каши?! - переспросил мистер Лимкинс.

- Успокойтесь, Бамбл, и отвечайте мне вразумительно.

Так ли я вас понял: он попросил еще, после того как съел полагающийся ему ужин?

- Так оно и было, сэр, - ответил Бамбл.

- Этот мальчик кончит жизнь на виселице, - сказал джентльмен в белом жилете.

- Я знаю: этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Никто не опровергал пророчества джентльмена.

Началось оживленное обсуждение.

Было предписано немедленно отправить Оливера в заточение; а на следующее утро к воротам было приклеено объявление, что любому, кто пожелает освободить приход от Оливера Твиста, предлагается вознаграждение в пять фунтов.

Иными словами, вознаграждение в пять фунтов и Оливер Твист были предложены любому мужчине или женщине, которые, занимаясь ремеслом, торговлей или чем-либо иным, нуждались в ученике.

- Никогда и ни в чем, - сказал джентльмен в белом жилете, постучав на следующее утро в ворота и прочитав объявление, - я не был так уверен, как в том, что этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Намереваясь показать в дальнейшем, прав или не прав был джентльмен в белом жилете, я не стану лишать занимательности это повествование (полагая, что оно обладает этим качеством) и не осмелюсь намекнуть, ждет ли Оливера Твиста такая страшная смерть, или нет.

ГЛАВА III — рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не sinecurой

SINECURE

For a week after the commission of the impious and profane offence of asking for more, Oliver remained a close prisoner in the dark and solitary room to which he had been consigned by the wisdom and mercy of the board.

It appears, at first sight not unreasonable to suppose, that, if he had entertained a becoming feeling of respect for the prediction of the gentleman in the white waistcoat, he would have established that sage individual's prophetic character, once and for ever, by tying one end of his pocket-handkerchief to a hook in the wall, and attaching himself to the other.

To the performance of this feat, however, there was one obstacle: namely, that pocket-handkerchiefs being decided articles of luxury, had been, for all future times and ages, removed from the noses of paupers by the express order of the board, in council assembled: solemnly given and pronounced under their hands and seals.

There was a still greater obstacle in Oliver's youth and childishness.

He only cried bitterly all day; and, when the long, dismal night came on, spread his little hands before his eyes to shut out the darkness, and crouching in the corner, tried to sleep: ever and anon waking with a start and tremble, and drawing himself closer and closer to the wall, as if to feel even its cold hard surface were a protection in the gloom and loneliness which surrounded him.

Let it not be supposed by the enemies of 'the system,' that, during the period of his solitary incarceration, Oliver was denied the benefit of exercise, the pleasure of society, or the advantages of religious consolation.

As for exercise, it was nice cold weather, and he was allowed to perform his ablutions every morning under the pump, in a stone yard, in the presence of Mr. Bumble, who prevented his catching cold, and caused a tingling sensation to pervade his frame, by repeated applications of the

В течение недели после совершения кощунственного и позорного преступления - просьбы о добавочной порции - Оливер сидел взаперти в темной и пустой комнате, куда его заключили по мудрому и милосердному распоряжению совета.

На первый взгляд как будто разумно предположить, что если бы он отнесся с должным почтением к предсказанию джентльмена в белом жилете, то раз и навсегда подтвердил бы пророческий дар этого джентльмена, прикрепив один конец носового платка к крюку в стене и повесившись на другом его конце.

Однако для совершения этого подвига существовало одно препятствие, а именно: носовые платки, отнесенные к предметам роскоши, были на все грядущие века отторгнуты от носов бедных людей по специальному приказу совета, собравшегося в полном составе, - по приказу, который был скреплен подписями и печатью и торжественно оглашен.

Еще более серьезным препятствием являлись юный возраст и ребяческий нрав Оливера.

Он горько проплакал весь день, а когда настала длинная, унылая ночь, он заслонил руками глаза, чтобы не видеть тьмы, и, забившись в угол, постарался уснуть. То и дело он просыпался, приподнимаясь и вздрагивая, и все теснее и теснее прижимался к стене, чувствуя, что холодная, твердая ее поверхность как бы служит ему защитой от одиночества во мраке, его окружающем.

Да не подумают враги "системы", что во время своего одиночного заключения Оливер был лишен упражнений, необходимых для здоровья, лишен при- личного общества и духовного утешения.

Что касается упражнений, то стояла чудесная холодная погода и ему разрешалось каждое утро совершать обливание под насосом в обнесенном кирпичной стеной дворе, в присутствии мистера Бамбла, который заботился о том, чтобы он не простудился, и с

cane.

As for society, he was carried every other day into the hall where the boys dined, and there sociably flogged as a public warning and example.

And so far from being denied the advantages of religious consolation, he was kicked into the same apartment every evening at prayer-time, and there permitted to listen to, and console his mind with, a general supplication of the boys, containing a special clause, therein inserted by authority of the board, in which they entreated to be made good, virtuous, contented, and obedient, and to be guarded from the sins and vices of Oliver Twist: whom the supplication distinctly set forth to be under the exclusive patronage and protection of the powers of wickedness, and an article direct from the manufactory of the very Devil himself.

It chanced one morning, while Oliver's affairs were in this auspicious and comfortable state, that Mr. Gamfield, chimney-sweep, went his way down the High Street, deeply cogitating in his mind his ways and means of paying certain arrears of rent, for which his landlord had become rather pressing.

Mr. Gamfield's most sanguine estimate of his finances could not raise them within full five pounds of the desired amount; and, in a species of arithmetical desperation, he was alternately cudgelling his brains and his donkey, when passing the workhouse, his eyes encountered the bill on the gate.

'Wo — o!' said Mr. Gamfield to the donkey.

The donkey was in a state of profound abstraction: wondering, probably, whether he was destined to be regaled with a cabbage-stalk or two when he had disposed of the two sacks of soot with which the little cart was laden; so, without noticing the word of command, he jogged onward.

Mr. Gamfield growled a fierce imprecation on the donkey generally, but more particularly on his eyes; and, running after him, bestowed a blow on his head, which would inevitably have beaten in

помощью трости вызывал ощущение теплоты во всем его теле.

Что касается общества, то каждые два дня его водили в зал, где обедали мальчики, и там секли при всех для примера и предостережения остальным.

А для того чтобы не лишить его духовного утешения, его выгоняли пинками каждый вечер в час молитвы в тот же зал и там разрешали утешать свой дух, слушая общую молитву мальчиков, содержавшую специальное дополнение, внесенное по распоряжению совета; в этом дополнении они просили сделать их хорошими, добродетельными, довольными и послушными и избавить от грехов и пороков Оливера Твиста: о последнем в молитве было отчетливо сказано, что он находится под особым покровительством и защитой злых сил и является изделием, выпущенным прямо с фабрики самого дьявола.

Однажды утром, когда Оливер находился в столь же утешительном положении, мистер Гэмфилд, трубочист, шел по Хай-стрит, глубокомысленно обдумывая пути и способы уплатить недоимки по арендной плате, которую его квартирохозяин требовал довольно настойчиво.

При самом оптимистическом подсчете своих финансов мистер Гэмфилд никак не мог насчитать пяти фунтов, каковая сумма была ему нужна; придя в некое арифметическое отчаяние, он то ломал себе голову, то старался проломить ее своему ослу, как вдруг, поравнявшись с работным домом, заметил на воротах объявление.

- Тпру-у, - сказал мистер Гэмфилд ослу.

Осел пребывал в глубокой задумчивости, размышляя, должно быть, о том, суждено ли ему получить одну-две кочерыжки, когда он избавится от двух мешков сажки, которыми была нагружена тележка; поэтому, не расслышав приказания, он продолжал рысцой подвигаться вперед.

Мистер Гэмфилд разразился неистовыми проклятиями, относившимися к ослу и в особенности к его глазам, и, бросившись за ним, нанес ему удар по голове, от которого

any skull but a donkey's.

Then, catching hold of the bridle, he gave his jaw a sharp wrench, by way of gentle reminder that he was not his own master; and by these means turned him round.

He then gave him another blow on the head, just to stun him till he came back again.

Having completed these arrangements, he walked up to the gate, to read the bill.

The gentleman with the white waistcoat was standing at the gate with his hands behind him, after having delivered himself of some profound sentiments in the board-room.

Having witnessed the little dispute between Mr. Gamfield and the donkey, he smiled joyously when that person came up to read the bill, for he saw at once that Mr. Gamfield was exactly the sort of master Oliver Twist wanted.

Mr. Gamfield smiled, too, as he perused the document; for five pounds was just the sum he had been wishing for; and, as to the boy with which it was encumbered, Mr. Gamfield, knowing what the dietary of the workhouse was, well knew he would be a nice small pattern, just the very thing for register stoves.

So, he spelt the bill through again, from beginning to end; and then, touching his fur cap in token of humility, accosted the gentleman in the white waistcoat.

'This here boy, sir, wot the parish wants to 'prentis,' said Mr. Gamfield.

'Ay, my man,' said the gentleman in the white waistcoat, with a condescending smile.

'What of him?'

'If the parish would like him to learn a right pleasant trade, in a good 'spectable chimbley-sweepin' bisness,' said Mr. Gamfield, 'I wants a 'prentis, and I am ready to take him.'

неизбежно раскололся бы любой череп, кроме ослиного.

Затем, схватив осла за узду, он сильно ее дернул, с целью любезно напомнить ему, кто его хозяин, и таким манером повернул его обратно.

После этого он еще раз треснул его по голове, чтобы тот не очухался до самого его возвращения.

Покончив с этими приготовлениями, он подошел к воротам прочитать объявление.

Заложив руки за спину, у ворот стоял джентльмен в белом жилете, высказавший только что несколько глубоких мыслей в комнате, где заседал совет.

Наблюдая маленькую размолвку между мистером Гэмфилдом и ослом, он радостно улыбнулся, когда этот человек подошел прочесть объявление, ибо он сразу угадал, что мистер Гэмфилд - именно такой хозяин, какой нужен Оливеру Твисту.

Прочитав бумагу, мистер Гэмфилд тоже улыбнулся, так как ему необходима была именно сумма в пять фунтов; что же касается мальчика, являвшегося придатком к этой сумме, то мистер Гэмфилд, зная, какова пища в работном доме, был уверен, что мальчик окажется очень миниатюрным экземпляром, весьма подходящим для дымоходов.

Поэтому он снова прочел по складам объявление от начала до конца и затем, притронувшись в знак почтения к своей меховой шапке, обратился к джентльмену в белом жилете.

- Этот мальчик, сэр, которого приход хочет отдать в ученье... - начал мистер Гэмфилд.

- Да, любезный, - со снисходительной улыбкой отозвался джентльмен в белом жилете.

- Что вы о нем скажете?

- Если приход желает, чтобы он обучился приятному ремеслу, доброму почтенному ремеслу трубочиста, - продолжал мистер Гэмфилд, - то могу сказать, что мне нужен

'Walk in,' said the gentleman in the white waistcoat.

Mr. Gamfield having lingered behind, to give the donkey another blow on the head, and another wrench of the jaw, as a caution not to run away in his absence, followed the gentleman with the white waistcoat into the room where Oliver had first seen him.

'It's a nasty trade,' said Mr. Limbkins, when Gamfield had again stated his wish.

'Young boys have been smothered in chimneys before now,' said another gentleman.

'That's acause they damped the straw afore they lit it in the chimbley to make 'em come down again,' said Gamfield; 'that's all smoke, and no blaze; vereas smoke ain't o' no use at all in making a boy come down, for it only sinds him to sleep, and that's wot he likes.

Boys is wery obstinit, and wery lazy, Gen'l'men, and there's nothink like a good hot blaze to make 'em come down vith a run.

It's humane too, gen'l'men, acause, even if they've stuck in the chimbley, roasting their feet makes 'em struggle to hextricate theirselves.'

The gentleman in the white waistcoat appeared very much amused by this explanation; but his mirth was speedily checked by a look from Mr. Limbkins.

The board then proceeded to converse among themselves for a few minutes, but in so low a tone, that the words 'saving of expenditure,' 'looked well in the accounts,' 'have a printed report published,' were alone audible.

These only chanced to be heard, indeed, or account of their being very frequently repeated with great emphasis.

At length the whispering ceased; and the members of the board, having resumed their seats and their

ученик и я готов его взять.

- Войдите, - сказал джентльмен в белом жилете.

Мистер Гэмфилд, замешкавшись позади, угостил осла еще одним ударом по голове и еще раз дернул его за узду, предостерегая, чтобы он не убежал во время его отсутствия, а затем последовал за джентльменом в белом жилете в ту комнату, где Оливер впервые увидел этого джентльмена.

- Это скверное ремесло, - сказал мистер Лимкинс, когда Гэмфилд снова заявил о своем желании.

- Случалось, что мальчики задыхались в дымоходах, - произнес другой джентльмен.

- Это потому, что смачивали солому, прежде чем зажечь ее в камине, чтобы заставить мальчика выбраться наружу, - сказал Гэмфилд. - От этого только дым валит, а огня нет! Ну, а от дыму нет никакого толку, он не заставит мальчика вылезти, он его усыпляет, а мальчишке этого только и нужно.

Мальчишки - народ очень упрямый и очень ленивый, джентльмены, и ничего нет лучше славного горячего огонька, чтобы заставить их быстrehонько спуститься.

К тому же это доброе дело, джентльмены, потому как, если они застрянут в дымоходе, а им начнешь поджаривать пятки, они изо всех сил стараются высвободиться.

Такое объяснение как будто очень позабавило джентльмена в белом жилете, но веселость эта быстро угасла от взгляда, брошенного на него мистером Лимкинсом.

Затем члены совета беседовали между собой в течение нескольких минут, но так тихо, что можно было расслышать только слова: "сокращение расходов", "прекрасно отразится на балансе", "выпустим печатный отчет".

Да и эти слова удалось расслышать только потому, что их повторяли очень часто и выразительно.

Наконец, перешептывание прекратилось, и, когда члены совета вернулись на свои места и

solemnity, Mr. Limbkins said:

'We have considered your proposition, and we don't approve of it.'

'Not at all,' said the gentleman in the white waistcoat.

'Decidedly not,' added the other members.

As Mr. Gamfield did happen to labour under the slight imputation of having bruised three or four boys to death already, it occurred to him that the board had, perhaps, in some unaccountable freak, taken it into their heads that this extraneous circumstance ought to influence their proceedings.

It was very unlike their general mode of doing business, if they had; but still, as he had no particular wish to revive the rumour, he twisted his cap in his hands, and walked slowly from the table.

'So you won't let me have him, gen'l'men?' said Mr. Gamfield, pausing near the door.

'No,' replied Mr. Limbkins; 'at least, as it's a nasty business, we think you ought to take something less than the premium we offered.'

Mr. Gamfield's countenance brightened, as, with a quick step, he returned to the table, and said,

'What'll you give, gen'l'men?

Come!

Don't be too hard on a poor man.

What'll you give?'

'I should say, three pound ten was plenty,' said Mr. Limbkins.

'Ten shillings too much,' said the gentleman in the white waistcoat.

'Come!' said Gamfield; 'say four pound, gen'l'men.

снова обрели торжественный вид, мистер Лимкинс сказал:

- Мы обсудили ваше предложение и не одобряем его.

- Отнюдь не одобряем, - сказал джентльмен в белом жилете.

- Решительно не одобряем, - добавили остальные члены совета.

Так как мистеру Гэмфилду случилось пострадать от пустячного обвинения в том, что он забил до смерти трех или четырех мальчиков, то у него мелькнула мысль, что члены совета, по какому-то непонятному капризу, вообразили, будто это обстоятельство, не имеющее отношения к делу, должно повлиять на их решение.

Правда, это отнюдь не походило на их обычный образ действия, однако, не имея особого желания воскрешать старые слухи, он повертел в руках шапку и медленно отошел от стола.

- Стало быть, вы не хотите отдать его мне, джентльмены? - спросил мистер Гэмфилд, приостановившись у двери.

- Не хотим, - ответил мистер Лимкинс, - ремесло у вас скверное, и мы считаем, что надо снизить предложенную нами премию.

Физиономия мистера Гэмфилда прояснилась; он быстрым шагом подошел к столу и сказал:

- Сколько дадите, джентльмены?

Ну-ка!

Не обижайте бедного человека.

Сколько дадите?

- Я бы сказал, что трех фунтов десяти шиллингов хватит за глаза, - ответил мистер Лимкинс.

- Десять шиллингов сбросить, - вмешался джентльмен в белом жилете.

- Послушайте! - сказал Гэмфилд. - Порешим на четырех фунтах, джентльмены.

Say four pound, and you've got rid of him for good and all.

There!'

'Three pound ten,' repeated Mr. Limbkins, firmly.

'Come! I'll split the difference, gen'l'men,' urged Gamfield.

'Three pound fifteen.'

'Not a farthing more,' was the firm reply of Mr. Limbkins.

'You're desperate hard upon me, gen'l'men,' said Gamfield, wavering.

'Pooh! pooh! nonsense!' said the gentleman in the white waistcoat.

'He'd be cheap with nothing at all, as a premium.

Take him, you silly fellow!

He's just the boy for you.

He wants the stick, now and then: it'll do him good; and his board needn't come very expensive, for he hasn't been overfed since he was born.

Ha! ha! ha!'

Mr. Gamfield gave an arch look at the faces round the table, and, observing a smile on all of them, gradually broke into a smile himself.

The bargain was made.

Mr. Bumble, was at once instructed that Oliver Twist and his indentures were to be conveyed before the magistrate, for signature and approval, that very afternoon.

In pursuance of this determination, little Oliver, to his excessive astonishment, was released from bondage, and ordered to put himself into a clean shirt.

He had hardly achieved this very unusual gymnastic performance, when Mr. Bumble brought him, with his own hands, a basin of gruel, and the holiday allowance of two ounces and a

Порешим на четырех фунтах, и вы избавитесь от него раз и навсегда.

Идет?

- Три фунта десять, - твердо повторил мистер Лимкинс.

- Послушайте, джентльмены, разделим разницу пополам, - предложил Гэмфилд.

- Три фунта пятнадцать.

- Ни одного фартинга не прибавлю, - был твердый ответ мистера Лимкинса.

- Уж очень вы меня прижимаете, джентльмены, - нерешительно сказал Гэмфилд.

- Ну-ну! Вздор! - сказал джентльмен в белом жилете.

- Он стоит того, чтобы его взяли без всякой премии.

Забирайте его, глупый вы человек!

Это самый подходящий для вас мальчик.

Время от времени его нужно угощать палкой - это пойдет ему на пользу. А его содержание не обойдется дорого, потому что его не закармливали с самого рождения.

Ха-ха-ха!

Мистер Гэмфилд хитрым взглядом окинул лица сидевших за столом и, заметив, что они улыбаются, сам начал ухмыляться.

Сделка была заключена.

Мистеру Бамблу немедленно объявили, что Оливер и его документы должны быть в тот же день препровождены к судье для подписи и утверждения.

Во исполнение этого решения маленького Оливера, крайне удивленного, выпустили из заточения и приказали надеть чистую рубашку.

Едва он успел покончить с этим совершенно непривычным гимнастическим упражнением, как мистер Бамбл собственноручно принес ему миску с кашей и праздничную порцию хлеба -

quarter of bread.

At this tremendous sight, Oliver began to cry very piteously: thinking, not unnaturally, that the board must have determined to kill him for some useful purpose, or they never would have begun to fatten him up in that way.

'Don't make your eyes red, Oliver, but eat your food and be thankful,' said Mr. Bumble, in a tone of impressive pomposity.

'You're a going to be made a 'prentice of, Oliver.'

'A prentice, sir!' said the child, trembling.

'Yes, Oliver,' said Mr. Bumble.

'The kind and blessed gentleman which is so many parents to you, Oliver, when you have none of your own: are a going to 'prentice' you: and to set you up in life, and make a man of you: although the expense to the parish is three pound ten! — three pound ten, Oliver! — seventy shillins — one hundred and forty sixpences! — and all for a naughty orphan which nobody can't love.'

As Mr. Bumble paused to take breath, after delivering this address in an awful voice, the tears rolled down the poor child's face, and he sobbed bitterly.

'Come,' said Mr. Bumble, somewhat less pompously, for it was gratifying to his feelings to observe the effect his eloquence had produced;

'Come, Oliver!

Wipe your eyes with the cuffs of your jacket, and don't cry into your gruel; that's a very foolish action, Oliver.'

It certainly was, for there was quite enough water in it already.

On their way to the magistrate, Mr. Bumble instructed Oliver that all he would have to do, would be to look very happy, and say, when the gentleman asked him if he wanted to be apprenticed, that he should like it very much indeed; both of which injunctions Oliver promised

две с четвертью унции.

При этом потрясающем зрелище Оливер жалобно заплакал: он подумал, - и это было вполне естественно, - что совет решил убить его для каких-нибудь полезных целей, в противном случае его ни за что не стали бы так откармливать.

- Не плачь, Оливер, а то глаза покраснеют. Ешь свою кашу и будь благодарен! - сказал мистер Бамбл внушительным и торжественным тоном.

- Тебя собираются отдать в ученье, Оливер.

- В ученье, сэр? - дрожа, переспросил мальчик.

- Да, Оливер, - сказал мистер Бамбл.

- Добрые и милосердные джентльмены, которые заменяют тебе родителей, Оливер, потому что своих у тебя нет, хотят отдать тебя в ученье, поставить на ноги и сделать из тебя человека, хотя это обойдется приходу в три фунта десять шиллингов! Три фунта десять, Оливер! Семьдесят шиллингов... сто сорок шестипенсовиков! И все это для дрянного сироты, которого никто не может полюбить!

Когда мистер Бамбл, устрашающим голосом произнес эту речь, остановился, чтобы перевести дух, слезы заструились по лицу бедного мальчика, и он горько зарыдал.

- Полно, - сказал мистер Бамбл уже не таким торжественным тоном, ибо ему лестно было видеть, какое впечатление производит его красноречие.

- Полно, Оливер!

Вытри глаза обшлагом куртки и не роняй слез в кашу. Это очень неразумно, Оливер.

И в самом деле это было неразумно, так как в каше и без того было достаточно воды.

По пути к судье мистер Бамбл сообщил Оливеру, что он сейчас должен казаться счастливым и, когда старый джентльмен спросит его, хочет ли он поступить в ученье, ответить, что ему этого очень хочется. Оба предписания Оливер обещал исполнить, тем более что трудно себе представить, как

to obey: the rather as Mr. Bumble threw in a gentle hint, that if he failed in either particular, there was no telling what would be done to him.

When they arrived at the office, he was shut up in a little room by himself, and admonished by Mr. Bumble to stay there, until he came back to fetch him.

There the boy remained, with a palpitating heart, for half an hour.

At the expiration of which time Mr. Bumble thrust in his head, unadorned with the cocked hat, and said aloud:

'Now, Oliver, my dear, come to the gentleman.'

As Mr. Bumble said this, he put on a grim and threatening look, and added, in a low voice, 'Mind what I told you, you young rascal!'

Oliver stared innocently in Mr. Bumble's face at this somewhat contradictory style of address; but that gentleman prevented his offering any remark thereupon, by leading him at once into an adjoining room: the door of which was open.

It was a large room, with a great window.

Behind a desk, sat two old gentleman with powdered heads: one of whom was reading the newspaper; while the other was perusing, with the aid of a pair of tortoise-shell spectacles, a small piece of parchment which lay before him.

Mr. Limbkins was standing in front of the desk on one side; and Mr. Gamfield, with a partially washed face, on the other; while two or three bluff-looking men, in top-boots, were lounging about.

The old gentleman with the spectacles gradually dozed off, over the little bit of parchment; and there was a short pause, after Oliver had been stationed by Mr. Bumble in front of the desk.

'This is the boy, your worship,' said Mr. Bumble.

The old gentleman who was reading the newspaper raised his head for a moment, and

деликатно намекнул мистер Бамбл, какая его постигнет судьба, если он не выполнит того или другого.

Когда они явились в камеру судьи, мистер Бамбл запер его одного в маленькой комнатке и приказал ждать здесь, пока он за ним зайдет.

С сильно бьющимся сердцем мальчик ждал около получаса.

По прошествии этого времени мистер Бамбл просунул в дверь голову, не украшенную на этот раз треуголкой, и громко сказал:

- Оливер, милый мой, пойдем к джентльменам.

- Произнеся эти слова, мистер Бамбл принял мрачный и угрожающий вид и шепотом добавил: - Помни, что я тебе сказал, негодный мальчишка!

Его манера обращения сбивала с толку, и Оливер простодушно заглянул в лицо мистеру Бамблу, но сей джентльмен помешал ему сделать какое бы то ни было замечание и немедленно повел его в смежную комнату, дверь которой была открыта.

Это была просторная комната с большим окном.

За конторкой сидели два старых джентльмена с напудренными волосами; один читал газету, другой, вооружившись очками в черепаховой оправе, изучал лежавший перед ним кусок пергамента.

Мистер Лимкинс стоял перед конторкой с одной стороны, а мистер Гэмфилд - его лицо было кое-как умыто - с другой; два-три грубоватых на вид человека в высоких сапогах слонялись вокруг.

Старый джентльмен в очках в конце концов задремал над куском пергамента, и, когда мистер Бамбл поставил Оливера перед конторкой, в течение нескольких минут длилось молчание.

- Вот он, этот мальчик, ваша честь, - сказал мистер Бамбл.

Старый джентльмен, который читал газету,

pulled the other old gentleman by the sleeve; whereupon, the last-mentioned old gentleman woke up.

'Oh, is this the boy?' said the old gentleman.

'This is him, sir,' replied Mr. Bumble.

'Bow to the magistrate, my dear.'

Oliver roused himself, and made his best obeisance.

He had been wondering, with his eyes fixed on the magistrates' powder, whether all boards were born with that white stuff on their heads, and were boards from thenceforth on that account.

'Well,' said the old gentleman, 'I suppose he's fond of chimney-sweeping?'

'He doats on it, your worship,' replied Bumble; giving Oliver a sly pinch, to intimate that he had better not say he didn't.

'And he will be a sweep, will he?' inquired the old gentleman.

'If we was to bind him to any other trade to-morrow, he'd run away simultaneous, your worship,' replied Bumble.

'And this man that's to be his master — you, sir — you'll treat him well, and feed him, and do all that sort of thing, will you?' said the old gentleman.

'When I says I will, I means I will,' replied Mr. Gamfield doggedly.

'You're a rough speaker, my friend, but you look an honest, open-hearted man,' said the old gentleman: turning his spectacles in the direction of the candidate for Oliver's premium, whose villainous countenance was a regular stamped receipt for cruelty.

But the magistrate was half blind and half childish, so he couldn't reasonably be expected to discern what other people did.

приподнял на минуту голову и дернул другого старого джентльмена за рукав, после чего тот проснулся.

- О, это тот самый мальчик? - промолвил старый джентльмен.

- Он самый, сэр, - отвечал мистер Бамбл.

- Милый мой, поклонись судье*.

Оливер востропел и отвесил почтительнейший поклон.

Рассматривая напудренные волосы судей, он с недоумением размышлял о том, неужели все члены совета так и рождаются с этой белой пылью на голове и потому-то становятся сразу членами совета.

- Ну-с, - сказал старый джентльмен, - полагаю, ему нравится ремесло трубочиста?

- Он без ума от него, ваша честь, - ответил Бамбл и украдкой ущипнул Оливера, давая понять, что лучше ему с этим не спорить.

- И он х_о_ч_е_т быть трубочистом, не так ли? - спросил старый джентльмен.

- Если бы мы вздумали завтра обучать его какому-нибудь другому ремеслу, он тотчас же сбежал бы, ваша честь, - отвечал Бамбл.

- А этот человек, будущий его хозяин... вы, сэр... вы будете хорошо обращаться с ним... кормить его... и тому подобное, не правда ли, сэр? - сказал старый джентльмен.

- Раз я говорю, что буду, значит буду, - угрюмо ответил мистер Гэмфилд.

- Речь у вас грубоватая, друг мой, но вы производите впечатление честного, прямодушного человека, - сказал старый джентльмен, обратив свои очки в сторону кандидата на премию за Оливера. Мерзкая физиономия этого кандидата была поистине отмечена клеймом, удостоверявшим его жестокость.

Но судья был подслеповат и впадал в детство, и потому вряд ли можно было ожидать, чтобы он подметил то, что подмечали другие.

'I hope I am, sir,' said Mr. Gamfield, with an ugly leer.

'I have no doubt you are, my friend,' replied the old gentleman: fixing his spectacles more firmly on his nose, and looking about him for the inkstand.

It was the critical moment of Oliver's fate.

If the inkstand had been where the old gentleman thought it was, he would have dipped his pen into it, and signed the indentures, and Oliver would have been straightway hurried off.

But, as it chanced to be immediately under his nose, it followed, as a matter of course, that he looked all over his desk for it, without finding it; and happening in the course of his search to look straight before him, his gaze encountered the pale and terrified face of Oliver Twist: who, despite all the admonitory looks and pinches of Bumble, was regarding the repulsive countenance of his future master, with a mingled expression of horror and fear, too palpable to be mistaken, even by a half-blind magistrate.

The old gentleman stopped, laid down his pen, and looked from Oliver to Mr. Limbkins; who attempted to take snuff with a cheerful and unconcerned aspect.

'My boy!' said the old gentleman, 'you look pale and alarmed.

What is the matter?'

'Stand a little away from him, Beadle,' said the other magistrate: laying aside the paper, and leaning forward with an expression of interest.

'Now, boy, tell us what's the matter: don't be afraid.'

Oliver fell on his knees, and clasping his hands together, prayed that they would order him back to the dark room — that they would starve him — beat him — kill him if they pleased — rather than send him away with that dreadful man.

- Надеюсь, что так, сэр, - сказал мистер Гэмфилд с отвратительной усмешкой.

- Я в этом не сомневаюсь, друг мой, - отозвался старый джентльмен, прочнее водрузив очки на нос и озираясь в поисках чернильницы.

Это был решающий момент в жизни Оливера.

Если бы чернильница находилась там, где предполагал ее найти старый джентльмен, он обмакнул бы в нее перо, подписал бумагу и Оливер был бы немедленно уведен.

Но так как она стояла под самым его носом, он, разумеется, осмотрев всю конторку, не нашел ее и когда, продолжая поиски, случайно посмотрел прямо перед собой, взгляд его упал на бледное, испуганное лицо Оливера Твиста, который, не обращая внимания на предостерегающие взоры и щипки Бамбла, глядел на отвратительную физиономию своего будущего хозяина со страхом и ужасом, столь нескрываемым, что этого не мог не заметить даже подслеповатый судья.

Старый джентльмен помедлил, положил перо и перевел взгляд с Оливера на мистера Лимкинса, который взял понюшку табаку, стараясь принять беззаботный и независимый вид. - Мальчик! - сказал старый джентльмен, перегнувшись через конторку. Оливер вздрогнул при этих словах. Ему можно простить это, потому что голос звучал ласково, а незнакомые звуки пугают людей. Он задрожал всем телом и залился слезами.

- Мальчик, - повторил старый джентльмен, - ты бледен и взволнован.

В чем дело?

- Отойдите от него, бидл... - сказал другой судья, отложив газету и с любопытством наклонившись вперед.

- А теперь, мальчик, объясни нам, в чем дело. Не бойся.

Оливер упал на колени и, сжав руки, стал умолять, чтобы его отослали обратно в темную комнату... морили голодом... избивали... убили, если это им угодно, но только не отправляли с этим страшным человеком.

'Well!' said Mr. Bumble, raising his hands and eyes with most impressive solemnity.

'Well! of all the artful and designing orphans that ever I see, Oliver, you are one of the most bare-facedest.'

'Hold your tongue, Beadle,' said the second old gentleman, when Mr. Bumble had given vent to this compound adjective.

'I beg your worship's pardon,' said Mr. Bumble, incredulous of having heard aright.

'Did your worship speak to me?'

'Yes.

Hold your tongue.'

Mr. Bumble was stupefied with astonishment.

A beadle ordered to hold his tongue!

A moral revolution!

The old gentleman in the tortoise-shell spectacles looked at his companion, he nodded significantly.

'We refuse to sanction these indentures,' said the old gentleman: tossing aside the piece of parchment as he spoke.

'I hope,' stammered Mr. Limbkins: 'I hope the magistrates will not form the opinion that the authorities have been guilty of any improper conduct, on the unsupported testimony of a child.'

'The magistrates are not called upon to pronounce any opinion on the matter,' said the second old gentleman sharply.

'Take the boy back to the workhouse, and treat him kindly.

He seems to want it.'

That same evening, the gentleman in the white waistcoat most positively and decidedly affirmed, not only that Oliver would be hung, but that he would be drawn and quartered into the bargain.

- Вот как! - сказал мистер Бамбл, весьма торжественно воздев руки и возведя очи горе.

- Вот как! Из всех лукавых и коварных сирот, каких я когда-либо видел, ты, Оливер, самый наглый из наглых.

- Придержите язык, бидл, - сказал второй старый джентльмен, когда мистер Бамбл произнес этот сложный эпитет.

- Прошу прощения, ваша честь, - сказал мистер Бамбл, не веря своим ушам.

- Ваша честь изволили обращаться ко мне?

- Да.

Придержите язык.

Мистер Бамбл остолбенел от изумления.

Бидлу приказано придерживаться язык!

Светопреставление!

Старый джентльмен в очках в черепаховой оправе посмотрел на своего коллегу. Тот многозначительно кивнул головой.

- Мы отказываемся утвердить этот договор, - сказал старый джентльмен, отбрасывая в сторону пергамент.

- Н... надеюсь... - заикаясь, начал мистер Лимкинс, - я надеюсь, что, основываясь на показаниях ребенка, ничем не подкрепленных, судьи не придут к тому заключению, будто приходские власти виновны в каком-нибудь недостойном поступке.

- Судьи не обязаны выносить какое бы то ни было заключение по этому вопросу, - резко произнес второй старый джентльмен.

- Отведите мальчика обратно в работный дом и обращайтесь с ним хорошо.

По-видимому, он в этом нуждается.

В тот же вечер джентльмен в белом жилете заявил совершенно категорически, что Оливер не только будет повешен, но что его вдобавок приволокнут к месту казни в четвертую.

Мистер Бамбл мрачно и таинственно покачал

Mr. Bumble shook his head with gloomy mystery, and said he wished he might come to good; whereunto Mr. Gamfield replied, that he wished he might come to him; which, although he agreed with the beadle in most matters, would seem to be a wish of a totally opposite description.

The next morning, the public were once informed that Oliver Twist was again To Let, and that five pounds would be paid to anybody who would take possession of him.

CHAPTER IV — OLIVER, BEING OFFERED ANOTHER PLACE, MAKES HIS FIRST ENTRY INTO PUBLIC LIFE

In great families, when an advantageous place cannot be obtained, either in possession, reversion, remainder, or expectancy, for the young man who is growing up, it is a very general custom to send him to sea.

The board, in imitation of so wise and salutary an example, took counsel together on the expediency of shipping off Oliver Twist, in some small trading vessel bound to a good unhealthy port.

This suggested itself as the very best thing that could possibly be done with him: the probability being, that the skipper would flog him to death, in a playful mood, some day after dinner, or would knock his brains out with an iron bar; both pastimes being, as is pretty generally known, very favourite and common recreations among gentleman of that class.

The more the case presented itself to the board, in this point of view, the more manifold the advantages of the step appeared; so, they came to the conclusion that the only way of providing for Oliver effectually, was to send him to sea without delay.

Mr. Bumble had been despatched to make various preliminary inquiries, with the view of finding out some captain or other who wanted a cabin-boy without any friends; and was returning to the

головой и выразил желание, чтобы он обратился к добру, после чего мистер Гэмфилд пожелал, чтобы он попал к нему в руки; и хотя мистер Гэмфилд почти во всем соглашался с приходским бидлом, он, по-видимому, решительно с ним разошелся, выразив такое пожелание.

На следующее утро публику снова известили о том, что Оливер Твист сдается внаем и что пять фунтов будут уплачены тому, кто пожелает им владеть.

ГЛАВА IV — Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще

Если молодому человеку из аристократической семьи не могут обеспечить выгодной должности по завещанию, дарственной или купчей, то его принято отправлять в плавание.

Подражая столь мудрому и спасительному примеру, члены совета принялись обсуждать, уместно ли будет спровадить Оливера Твиста на какое-нибудь маленькое торговое судно, отправляющееся в превосходный, гибельный для здоровья порт.

Это казалось наилучшим из всего, что только можно было с ним сделать: как-нибудь после обеда шкипер, находясь в игривом расположении духа, по всей вероятности, засечет его до смерти или проломит ему череп железным ломом; и та и другая забава являются, как многим известно, излюбленным и повседневным развлечением джентльменов этого рода.

Чем дольше члены совета рассматривали данный случай с упомянутой точки зрения, тем больше разнообразных преимуществ открывалось им в задуманном плане; и они пришли к решению, что единственный способ облагодетельствовать Оливера - безотлагательно отправить его в плавание.

Мистера Бамбла послали предварительно навести справки с целью отыскать какого-нибудь капитана, которому нужен кают-юнга,

workhouse to communicate the result of his mission; when he encountered at the gate, no less a person than Mr. Sowerberry, the parochial undertaker.

Mr. Sowerberry was a tall gaunt, large-jointed man, attired in a suit of threadbare black, with darned cotton stockings of the same colour, and shoes to answer. His features were not naturally intended to wear a smiling aspect, but he was in general rather given to professional jocosity.

His step was elastic, and his face betokened inward pleasantry, as he advanced to Mr. Bumble, and shook him cordially by the hand.

'I have taken the measure of the two women that died last night, Mr. Bumble,' said the undertaker.

'You'll make your fortune, Mr. Sowerberry,' said the beadle, as he thrust his thumb and forefinger into the proffered snuff-box of the undertaker: which was an ingenious little model of a patent coffin.

'I say you'll make your fortune, Mr. Sowerberry,' repeated Mr. Bumble, tapping the undertaker on the shoulder, in a friendly manner, with his cane.

'Think so?' said the undertaker in a tone which half admitted and half disputed the probability of the event.

'The prices allowed by the board are very small, Mr. Bumble.'

'So are the coffins,' replied the beadle: with precisely as near an approach to a laugh as a great official ought to indulge in.

Mr. Sowerberry was much tickled at this: as of course he ought to be; and laughed a long time without cessation.

'Well, well, Mr. Bumble,' he said at length, 'there's no denying that, since the new system of feeding has come in, the coffins are something narrower and more shallow than they used to be; but we must have some profit, Mr. Bumble.

Well-seasoned timber is an expensive article, sir;

не имеющий друзей, и Бамбл возвращался в работный дом сообщить о результатах своей миссии, как вдруг встретил у ворот мистера Сауербери, приходского гробовщика.

Мистер Сауербери был высоким, сухощавым, ширококостным человеком, в поношенном черном костюме, в заштопанных бумажных чулках тоже черного цвета и таких же башмаках, физиономия его не была от природы предназначена для улыбки, но, в общем, ему не была чужда профессиональная веселость.

Походка у него была эластичная, а лицо выражало искреннее удовольствие, когда он подошел к мистеру Бамблу и сердечно пожал ему руку.

- Я снял мерку с двух женщин, умерших сегодня ночью, мистер Бамбл, - сказал гробовщик.

- Вы сколотите себе состояние, мистер Сауербери, - отозвался бидл, запуская большой и указательный пальцы в протянутую ему гробовщиком табакерку; это была искусно сделанная маленькая модель гроба.

- Уверяю вас, вы сколотите себе состояние, мистер Сауербери! - повторил мистер Бамбл, дружески похлопав гробовщика тростью по плечу.

- Вы полагаете? - сказал гробовщик таким тоном, как будто он и признавал и оспаривал возможность такого события.

- Приходский совет назначил очень низкую цену, мистер Бамбл.

- Да и гробы невелики... - ответил бидл, позволив себе улыбнуться не больше, чем это подобало важному должностному лицу.

Мистера Сауербери это очень позабавило, что было вполне понятно, и он смеялся долго и неудержимо.

- Ну, что же, мистер Бамбл, - произнес он наконец, - нельзя отрицать, что с тех пор, как введена новая система питания, гробы стали чуточку поуже и пониже, чем в былые времена. Но должны же мы получать какую-то прибыль, мистер Бамбл!

Сухое, выдержанное дерево стоит недешево,

and all the iron handles come, by canal, from Birmingham.'

'Well, well,' said Mr. Bumble, 'every trade has its drawbacks.'

A fair profit is, of course, allowable.'

'Of course, of course,' replied the undertaker; 'and if I don't get a profit upon this or that particular article, why, I make it up in the long-run, you see — he! he! he!'

'Just so,' said Mr. Bumble.

'Though I must say,' continued the undertaker, resuming the current of observations which the beadle had interrupted: 'though I must say, Mr. Bumble, that I have to contend against one very great disadvantage: which is, that all the stout people go off the quickest.'

The people who have been better off, and have paid rates for many years, are the first to sink when they come into the house; and let me tell you, Mr. Bumble, that three or four inches over one's calculation makes a great hole in one's profits: especially when one has a family to provide for, sir.'

As Mr. Sowerberry said this, with the becoming indignation of an ill-used man; and as Mr. Bumble felt that it rather tended to convey a reflection on the honour of the parish; the latter gentleman thought it advisable to change the subject.

Oliver Twist being uppermost in his mind, he made him his theme.

'By the bye,' said Mr. Bumble, 'you don't know anybody who wants a boy, do you?'

A porochial 'prentis, who is at present a dead-weight; a millstone, as I may say, round the porochial throat?

Liberal terms, Mr. Sowerberry, liberal terms?'

As Mr. Bumble spoke, he raised his cane to the bill above him, and gave three distinct raps upon the words 'five pounds': which were printed thereon in

сэр, а железные ручки пересылают по каналу из Бирмингема.

- Так-то оно так, - сказал мистер Бамбл, - каждое ремесло требует затрат.

Конечно, дозволительно получать честный барыш.

- Разумеется! - подтвердил гробовщик. - И если я не получаю барыша на той или другой статье, ну что ж, к концу концов я свое наверстаю, хи-хи-хи!

- Вот именно, - сказал мистер Бамбл.

- Однако я должен сказать... - продолжал гробовщик, возвращаясь к размышлениям, прерванным бидлом, - однако я должен сказать, мистер Бамбл, что есть одно немаловажное затруднение. Видите ли, чаще всего умирают люди тучные.

Те, что были лучше обеспечены и много лет платили налоги, чахнут в первую очередь, когда попадают в рабочий дом. И разрешите вам сказать, мистер Бамбл, что три-четыре дюйма, превышающие норму, - нешуточная потеря, в особенности если приходится содержать семью, сэр.

Так как мистер Сауербери произнес эти слова с негодованием - вполне простительным - обиженного человека и так как мистер Бамбл почувствовал, что в них кроется нечто, предосудительное для чести прихода, сей последний джентльмен почел нужным заговорить о другом.

Мысли его были заняты главным образом Оливером Твистом, и о нем-то он и заговорил.

- Кстати, - сказал мистер Бамбл, - не знаете ли вы кого-нибудь, кому бы нужен был мальчик?

Приходский ученик, который в настоящее время является обузой, я бы сказал - жерновом на шее прихода...

Выгодные условия, мистер Сауербери, выгодные условия.

С этими словами мистер Бамбл коснулся тростью объявления, висевшего над его головой, и три раза отчетливо ударил по словам

Roman capitals of gigantic size.

'Gadso!' said the undertaker: taking Mr. Bumble by the gilt-edged lappel of his official coat; 'that's just the very thing I wanted to speak to you about.

You know — dear me, what a very elegant button this is, Mr. Bumble!

I never noticed it before.'

'Yes, I think it rather pretty,' said the beadle, glancing proudly downwards at the large brass buttons which embellished his coat.

'The die is the same as the porochial seal — the Good Samaritan healing the sick and bruised man.

The board presented it to me on Newyear's morning, Mr. Sowerberry.

I put it on, I remember, for the first time, to attend the inquest on that reduced tradesman, who died in a doorway at midnight.'

'I recollect,' said the undertaker.

'The jury brought it in,

"Died from exposure to the cold, and want of the common necessaries of life," didn't they?'

Mr. Bumble nodded.

'And they made it a special verdict, I think,' said the undertaker, 'by adding some words to the effect, that if the relieving officer had — '

'Tush!

Foolery!' interposed the beadle.

'If the board attended to all the nonsense that ignorant jurymen talk, they'd have enough to do.'

'Very true,' said the undertaker; 'they would indeed.'

'Juries,' said Mr. Bumble, grasping his cane tightly, as was his wont when working into a

"пять фунтов", которые были напечатаны гигантскими буквами романским шрифтом.

- Ах, бог ты мой! - воскликнул гробовщик, схватив мистера Бамбла за обшитый золотым галуном лацкан его шинели. - Да ведь об этом-то я и хотел с вами поговорить!

Знаете ли... Боже мой, какая красивая пуговица, мистер Бамбл!

Я до сей поры не обращал на нее внимания.

- Да, мне кажется, что она недурна, - промолвил бидл, горделиво бросив взгляд на большие бронзовые пуговицы, украшавшие его шинель.

- Штамп тот же, что и на приходской печати: добрый самаритянин, врачующий больного и немощного.

Приходский совет преподнес мне эту шинель на Новый год, мистер Сауербери.

Помню, я впервые надел ее, чтобы присутствовать на следствии о том разорившемся торговце, который умер в полночь у подъезда.

- Припоминаю, - сказал гробовщик.

- Присяжные вынесли решение:

"Умер от холода и отсутствия самого необходимого для поддержания жизни", не правда ли?

Мистер Бамбл кивнул головой.

- И они как будто вынесли специальный вердикт, - продолжал гробовщик, - присовокупив, что если бы чиновник по надзору за бедными...*

- Вздор!

Чепуха! - перебил бидл.

- Если бы совет прислушивался к тем глупостям, какие говорят эти невежды присяжные, у него было бы дела по горло.

- Истинная правда, - согласился гробовщик, - по горло.

- Присяжные, - продолжал мистер Бамбл, крепко сжимая трость, ибо такая была у него

passion: 'juries is ineddicated, vulgar, grovelling wretches.'

'So they are,' said the undertaker.

'They haven't no more philosophy nor political economy about 'em than that,' said the beadle, snapping his fingers contemptuously.

'No more they have,' acquiesced the undertaker.

'I despise 'em,' said the beadle, growing very red in the face.

'So do I,' rejoined the undertaker.

'And I only wish we'd a jury of the independent sort, in the house for a week or two,' said the beadle; 'the rules and regulations of the board would soon bring their spirit down for 'em.'

'Let 'em alone for that,' replied the undertaker.

So saying, he smiled, approvingly: to calm the rising wrath of the indignant parish officer.

Mr Bumble lifted off his cocked hat; took a handkerchief from the inside of the crown; wiped from his forehead the perspiration which his rage had engendered; fixed the cocked hat on again; and, turning to the undertaker, said in a calmer voice:

'Well; what about the boy?'

'Oh!' replied the undertaker; 'why, you know, Mr. Bumble, I pay a good deal towards the poor's rates.'

'Hem!' said Mr. Bumble.

'Well?'

'Well,' replied the undertaker, 'I was thinking that if I pay so much towards 'em, I've a right to get as much out of 'em as I can, Mr. Bumble; and so — I think I'll take the boy myself.'

Mr. Bumble grasped the undertaker by the arm, and led him into the building.

привычка, когда он сердился, - присяжные - это невежественные, пошлые, жалкие негодяи!

- Верно, - подтвердил гробовщик.

- В философии и политической экономии они смыслят вот сколько! - сказал бидл, презрительно щелкнув пальцами.

- Именно так, - подтвердил гробовщик.

- Я их презираю! - сказал бидл, весь побагровев.

- Я тоже, - присовокупил гробовщик.

- И мне бы только хотелось, чтобы эти независимые присяжные попали к нам в дом на одну-две недельки, - сказал бидл. - Правила и порядок, введенные советом, быстро бы их уладили.

- Оставим-ка их в покое, - сказал гробовщик.

С этими словами он одобрительно улыбнулся, чтобы умерить нарастающий гнев вознегодовавшего приходского служителя.

Мистер Бамбл снял треуголку, вынул из тульи носовой платок - он разозлился, и пот выступил у него на лбу, - вытер лоб, снова надел треуголку и, повернувшись к гробовщику, сказал более спокойным тоном:

- Ну, так как же насчет мальчика?

- О, знаете ли, мистер Бамбл, - отозвался гробовщик, - я плачу немалый налог в пользу бедных.

- Гм! - сказал мистер Бамбл.

- А дальше что?

- А вот что, - ответил гробовщик: - я думал, что если я столько плачу в пользу бедных, то, стало быть, имею право извлечь из них как можно больше, мистер Бамбл. И... и... кажется, я сам возьму этого мальчика.

Мистер Бамбл схватил гробовщика под руку и повел его в дом.

Мистер Саурбери в течение пяти минут

Mr. Sowerberry was closeted with the board for five minutes; and it was arranged that Oliver should go to him that evening 'upon liking' — a phrase which means, in the case of a parish apprentice, that if the master find, upon a short trial, that he can get enough work out of a boy without putting too much food into him, he shall have him for a term of years, to do what he likes with.

When little Oliver was taken before 'the gentlemen' that evening; and informed that he was to go, that night, as general house-lad to a coffin-maker's; and that if he complained of his situation, or ever came back to the parish again, he would be sent to sea, there to be drowned, or knocked on the head, as the case might be, he evinced so little emotion, that they by common consent pronounced him a hardened young rascal, and ordered Mr. Bumble to remove him forthwith.

Now, although it was very natural that the board, of all people in the world, should feel in a great state of virtuous astonishment and horror at the smallest tokens of want of feeling on the part of anybody, they were rather out, in this particular instance.

The simple fact was, that Oliver, instead of possessing too little feeling, possessed rather too much; and was in a fair way of being reduced, for life, to a state of brutal stupidity and sullenness by the ill usage he had received.

He heard the news of his destination, in perfect silence; and, having had his luggage put into his hand — which was not very difficult to carry, inasmuch as it was all comprised within the limits of a brown paper parcel, about half a foot square by three inches deep — he pulled his cap over his eyes; and once more attaching himself to Mr. Bumble's coat cuff, was led away by that dignitary to a new scene of suffering.

For some time, Mr. Bumble drew Oliver along, without notice or remark; for the beadle carried his head very erect, as a beadle always should; and, it being a windy day, little Oliver was completely enshrouded by the skirts of Mr. Bumble's coat as they blew open, and disclosed to great advantage his flapped waistcoat and drab

договаривался с членами совета, и было решено, что Оливер отправится к нему в тот же вечер "на пробу". Применительно к приходскому ученику это означало следующее: если хозяин после короткого испытания убедится, что может, не слишком заботясь о питании мальчика, заставить его изрядно работать, он вправе оставить его у себя на определенный срок и распоряжаться им по своему усмотрению.

Когда маленького Оливера привели в тот вечер к "джентльменам" и объявили ему, что он сегодня же поступает в услужение к гробовщику, а если он вздумает пожаловаться на свое положение или когда-нибудь вернуться в приход, его отправят в плавание либо прошибут ему голову, - Оливер выказал так мало волнения, что все единогласно признали его закоснелым юным негодяем и приказали мистеру Бамблу немедленно его увести.

Вполне естественно, что члены совета должны были скорее, чем кто-либо другой, прийти в величайшее и добродетельное изумление и ужас при малейших признаках бесчувственности со стороны кого бы то ни было, но в данном случае они несколько заблуждались.

Дело в том, что Оливер отнюдь не был бесчувственным; пожалуй, он даже отличался чрезмерной чувствительностью, а в результате дурного обращения был близок к тому, чтобы стать тупым и угрюмым до конца жизни.

В полном молчании он принял известие о своем назначении, забрал свое имущество - его не очень трудно было нести, так как оно помещалось в пакете из оберточной бумаги, имевшем полфута длины, полфута ширины и три дюйма толщины, - надвинул шапку на глаза и, уцепившись за обшлаг мистера Бамбла, отправился с этим должностным лицом к месту новых терзаний.

Сначала мистер Бамбл вел Оливера, не обращая на него внимания и не делая никаких замечаний, ибо бидл высоко держал голову, как и подобает бидлу, а так как день был ветреный, маленького Оливера совершенно скрывали полы шинели мистера Бамбла, которые развевались и обнажали во всей красе жилет с лацканами и короткие коричневые плюшевые

plush knee-breeches.

As they drew near to their destination, however, Mr. Bumble thought it expedient to look down, and see that the boy was in good order for inspection by his new master: which he accordingly did, with a fit and becoming air of gracious patronage.

'Oliver!' said Mr. Bumble.

'Yes, sir,' replied Oliver, in a low, tremulous voice.

'Pull that cap off your eyes, and hold up your head, sir.'

Although Oliver did as he was desired, at once; and passed the back of his unoccupied hand briskly across his eyes, he left a tear in them when he looked up at his conductor.

As Mr. Bumble gazed sternly upon him, it rolled down his cheek.

It was followed by another, and another.

The child made a strong effort, but it was an unsuccessful one.

Withdrawing his other hand from Mr. Bumble's he covered his face with both; and wept until the tears sprung out from between his chin and bony fingers.

'Well!' exclaimed Mr. Bumble, stopping short, and darting at his little charge a look of intense malignity.

'Well!

Of all the ungratefulest, and worst-disposed boys as ever I see, Oliver, you are the — '

'No, no, sir,' sobbed Oliver, clinging to the hand which held the well-known cane; 'no, no, sir; I will be good indeed; indeed, indeed I will, sir!

I am a very little boy, sir; and it is so — so — '

'So what?' inquired Mr. Bumble in amazement.

'So lonely, sir! So very lonely!' cried the child.

штаны.

Но, приблизившись к месту назначения, мистер Бамбл счел нужным взглянуть вниз и убедиться, что мальчик находится в должном виде, готовый предстать перед новым хозяином; так он и поступил, скроив надлежащую мину, милостивую и покровительственную.

- Оливер! - сказал мистер Бамбл.

- Да, сэр? - тихим, дрожащим голосом отозвался Оливер.

- Сдвиньте шапку на лоб, сэр, и поднимите голову!

Хотя Оливер тотчас же исполнил приказание и свободной рукой быстро провел по глазам, но когда он поднял их на своего проводника, в них блестели слезинки.

Мистер Бамбл сурово посмотрел на Оливера, но у того слезинка скатилась по щеке.

За ней последовала еще и еще одна.

Ребенок сделал невероятное усилие, но оно ни к чему не привело.

Вырвав у мистера Бамбла свою руку, он обеими руками закрыл лицо и заплакал, а слезы просачивались между подбородком и костлявыми пальцами.

- Вот как! - воскликнул мистер Бамбл, останавливаясь и бросая на своего питомца злобный взгляд.

- Вот как!

Из всех неблагодарных, испорченных мальчишек, каких мне случалось видеть, ты, Оливер, самый...

- Нет, нет, сэр! - всхлипывая, воскликнул Оливер, цепляясь за руку, которая держала хорошо знакомую ему трость. - Нет, нет, сэр! Я исправлюсь, право же, я исправлюсь, сэр!

Я еще очень маленький, сэр, и такой... такой...

- Какой - такой? - с изумлением спросил мистер Бамбл.

- Такой одинокий, сэр - Очень одинокий! -

'Everybody hates me.

Oh! sir, don't, don't pray be cross to me!'

The child beat his hand upon his heart; and looked in his companion's face, with tears of real agony.

Mr. Bumble regarded Oliver's piteous and helpless look, with some astonishment, for a few seconds; hemmed three or four times in a husky manner; and after muttering something about 'that troublesome cough,' bade Oliver dry his eyes and be a good boy.

Then once more taking his hand, he walked on with him in silence.

The undertaker, who had just put up the shutters of his shop, was making some entries in his day-book by the light of a most appropriate dismal candle, when Mr. Bumble entered.

'Aha!' said the undertaker; looking up from the book, and pausing in the middle of a word; 'is that you, Bumble?'

'No one else, Mr. Sowerberry,' replied the beadle.

'Here!

I've brought the boy.'

Oliver made a bow.

'Oh! that's the boy, is it?' said the undertaker: raising the candle above his head, to get a better view of Oliver.

'Mrs. Sowerberry, will you have the goodness to come here a moment, my dear?'

Mrs. Sowerberry emerged from a little room behind the shop, and presented the form of a short, then, squeezed-up woman, with a vixenish countenance.

'My dear,' said Mr. Sowerberry, deferentially, 'this is the boy from the workhouse that I told you of.'

Oliver bowed again.

воскликнул ребенок.

- Все меня ненавидят.

О сэр, пожалуйста, не сердитесь на меня!

Мальчик прижал руку к сердцу и со слезами, вызванными неподдельным горем, посмотрел в лицо спутнику.

Мистер Бамбл с некоторым удивлением встретил жалобный и беспомощный взгляд Оливера, раза три-четыре хрипло откашлялся и, пробормотав что-то об этом "надоедливом кашле", приказал Оливеру осушить слезы и быть хорошим мальчиком.

Затем он снова взял его за руку и молча продолжал путь.

Когда вошел мистер Бамбл, гробовщик, только что закрывший ставни в лавке, делал какие-то записи в приходно-расходной книге при свете унылой свечи, весьма здесь уместной.

- Эге! - сказал гробовщик, оторвавшись от книги и не дописав слово. - Это вы! Бамбл?

- Я самый, мистер Сауербери, - отозвался бидл.

- Ну вот!

Я вам привел мальчика.

Оливер поклонился.

- Так это и есть тот самый мальчик? - спросил гробовщик, подняв над головой свечу, чтобы лучше рассмотреть Оливера.

- Миссис Сауербери, будь так добра, зайди сюда на минутку, дорогая моя.

Из маленькой комнатки позади лавки вышла миссис Сауербери. Это была невысокая, тощая, высохшая женщина с ехидным лицом.

- Милая моя, - почтительно сказал мистер Сауербери, - это тот самый мальчик из работного дома, о котором я тебе говорил.

Оливер снова поклонился.

'Dear me!' said the undertaker's wife, 'he's very small.'

'Why, he is rather small,' replied Mr. Bumble: looking at Oliver as if it were his fault that he was no bigger; 'he is small.

There's no denying it.

But he'll grow, Mrs. Sowerberry — he'll grow.'

'Ah! I dare say he will,' replied the lady pettishly, 'on our victuals and our drink.

I see no saving in parish children, not I; for they always cost more to keep, than they're worth.

However, men always think they know best.

There! Get downstairs, little bag o' bones.'

With this, the undertaker's wife opened a side door, and pushed Oliver down a steep flight of stairs into a stone cell, damp and dark: forming the ante-room to the coal-cellar, and denominated 'kitchen'; wherein sat a slatternly girl, in shoes down at heel, and blue worsted stockings very much out of repair.

'Here, Charlotte,' said Mr. Sowerberry, who had followed Oliver down, 'give this boy some of the cold bits that were put by for Trip.

He hasn't come home since the morning, so he may go without 'em.

I dare say the boy isn't too dainty to eat 'em — are you, boy?'

Oliver, whose eyes had glistened at the mention of meat, and who was trembling with eagerness to devour it, replied in the negative; and a plateful of coarse broken victuals was set before him.

I wish some well-fed philosopher, whose meat and drink turn to gall within him; whose blood is ice, whose heart is iron; could have seen Oliver Twist clutching at the dainty viands that the dog had neglected.

- Ах, боже мой! - воскликнула жена гробовщика.
- Какой он маленький!

- Да, он, пожалуй, мал ростом, - согласился мистер Бамбл, посматривая на Оливера так, словно тот был виноват, что не дорос. - Он и в самом деле маленький.

Этого нельзя отрицать.

Но он подрастет, миссис Сауербери, он подрастет.

- Да что и говорить! - с раздражением отозвалась эта леди. - Подрастет на наших хлебах.

Я никакой выгоды не вижу от приходских детей: их содержание обходится дороже, чем они сами того стоят.

Но мужчины всегда думают, что они все знают лучше нас...

Ну, ступай вниз, мешок с костями!

С этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и вытолкнула Оливера на крутую лестницу, ведущую в каменный подвал, сырой и темный, служивший преддверием угольного погреба и носивший название кухни; здесь сидела девушка, грязно одетая, в стоптанных башмаках и дырявых синих шерстяных чулках.

- Шарлотт, - сказала миссис Сауербери, спустившаяся вслед за Оливером, - дайте этому мальчику остатки холодного мяса, которые отложены для Трипа.

Трип с утра не приходил домой и может обойтись без них.

Надеюсь, мальчик не настолько привередлив, чтобы отказываться от них... Верно, мальчик?

У Оливера глаза засверкали при слове "мясо", он задрожал от желания съесть его и дал утвердительный ответ, после чего перед ним поставили тарелку с объедками.

Хотел бы я, чтобы какой-нибудь откормленный философ, в чьем желудке мясо и вино превращаются в желчь, чья кровь холодна как лед, а сердце железное, - хотел бы я, чтобы он посмотрел, как Оливер Twist набросился на изысканные яства, которыми пренебрегла бы

I wish he could have witnessed the horrible avidity with which Oliver tore the bits asunder with all the ferocity of famine.

There is only one thing I should like better; and that would be to see the Philosopher making the same sort of meal himself, with the same relish.

'Well,' said the undertaker's wife, when Oliver had finished his supper: which she had regarded in silent horror, and with fearful auguries of his future appetite: 'have you done?'

There being nothing eatable within his reach, Oliver replied in the affirmative.

'Then come with me,' said Mrs. Sowerberry: taking up a dim and dirty lamp, and leading the way upstairs; 'your bed's under the counter.

You don't mind sleeping among the coffins, I suppose?

But it doesn't much matter whether you do or don't, for you can't sleep anywhere else.

Come; don't keep me here all night!'

Oliver lingered no longer, but meekly followed his new mistress.

CHAPTER V — OLIVER MINGLES WITH NEW ASSOCIATES. GOING TO A FUNERAL FOR THE FIRST TIME, HE FORMS AN UNFAVOURABLE NOTION OF HIS MASTER'S BUSINESS

Oliver, being left to himself in the undertaker's shop, set the lamp down on a workman's bench, and gazed timidly about him with a feeling of awe and dread, which many people a good deal older than he will be at no loss to understand.

An unfinished coffin on black tressels, which stood in the middle of the shop, looked so gloomy and death-like that a cold tremble came over him, every time his eyes wandered in the direction of the dismal object: from which he almost expected

собака!

Хотел бы я, чтобы он был свидетелем того, с какой жадностью Оливер, терзаемый страшным голодом, разрывал куски мяса!

Еще больше мне хотелось бы увидеть, как этот философ с таким же наслаждением поедает такое же блюдо.

- Ну что? - спросила жена гробовщика, когда Оливер покончил со своим ужином; она следила за ним в безмолвном ужасе, с тревогой предвидя, какой будет у него аппетит. - Кончил?

Не видя поблизости ничего съедобного, Оливер ответил утвердительно.

- Ну так ступай за мной, - сказала миссис Сауербери, взяв грязную, тускло горевшую лампу и поднимаясь по лестнице. - Твоя постель под прилавком.

Надеюсь, ты можешь спать среди гробов?

А впрочем, это не важно - можешь или нет, потому что больше тебе спать негде.

Иди! Не оставаться же мне здесь всю ночь!

Оливер больше не мешкал и покорно пошел за своей новой хозяйкой.

ГЛАВА V — Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина

Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер поставил лампу на верстак и робко осмотрелся вокруг с чувством благоговения и страха, которое без труда поймут многие люди значительно старше его.

Недоделанный гроб на черных козлах, стоявший посреди лавки, казался таким унылым и зловещим, что холодок пробежал у Оливера по спине, когда он посматривал на этот мрачный предмет: ему чудилось, что какая-то ужасная фигура вот-вот медленно

to see some frightful form slowly rear its head, to drive him mad with terror.

Against the wall were ranged, in regular array, a long row of elm boards cut in the same shape: looking in the dim light, like high-shouldered ghosts with their hands in their breeches pockets.

Coffin-plates, elm-chips, bright-headed nails, and shreds of black cloth, lay scattered on the floor; and the wall behind the counter was ornamented with a lively representation of two mutes in very stiff neckcloths, on duty at a large private door, with a hearse drawn by four black steeds, approaching in the distance.

The shop was close and hot.

The atmosphere seemed tainted with the smell of coffins.

The recess beneath the counter in which his flock mattress was thrust, looked like a grave.

Nor were these the only dismal feelings which depressed Oliver.

He was alone in a strange place; and we all know how chilled and desolate the best of us will sometimes feel in such a situation.

The boy had no friends to care for, or to care for him.

The regret of no recent separation was fresh in his mind; the absence of no loved and well-remembered face sank heavily into his heart.

But his heart was heavy, notwithstanding; and he wished, as he crept into his narrow bed, that that were his coffin, and that he could be lain in a calm and lasting sleep in the churchyard ground, with the tall grass waving gently above his head, and the sound of the old deep bell to soothe him in his sleep.

Oliver was awakened in the morning, by a loud kicking at the outside of the shop-door: which, before he could huddle on his clothes, was repeated, in an angry and impetuous manner, about twenty-five times.

приподнимет голову и он сойдет с ума от страха.

Вдоль стены в образцовом порядке выстроился длинный ряд вязовых досок, заготовленных для гробов; в тусклом свете они казались сутулыми привидениями, засунувшими руки в карманы.

Таблички для гробов, стружки, гвозди с блестящими шляпками и обрезки черной материи валялись на полу, а стену за прилавком украшала картина, на которой были очень живо изображены два немых плакальщика в туго накрахмаленных галстуках, стоящие на посту у дверей дома, к которому подъезжал катафалк, запряженный четверкой вороных лошадей.

В лавке было душно и жарко.

Казалось, воздух пропитан запахом гробов.

Местечко под прилавком, куда был брошен ему тюфяк, напоминало могилу.

Но не только эта унылая обстановка угнетала Оливера.

Он был один в незнакомом месте, а все мы знаем, каким покинутым и несчастным может почувствовать себя любой из нас при таких обстоятельствах.

У мальчика не было любящих или любимых друзей.

Не было у него сожалений о недавней разлуке; не было дорогого, близкого лица, которое ему мучительно хотелось бы увидеть.

Но, несмотря на это, на сердце у него было тяжело; и когда он забрался на свое узкое ложе, ему захотелось, чтобы это ложе было гробом, а его, спящего безмятежным и непробудным сном, зарыли бы на кладбище, где тихо шелестела бы над его головой высокая трава и баюкал густой звон старого колокола.

Утром Оливера разбудили громкие удары ногами в дверь лавки; пока он успел кое-как одеться, неистовый стук повторился раз двадцать пять.

When he began to undo the chain, the legs desisted, and a voice began.

'Open the door, will yer?' cried the voice which belonged to the legs which had kicked at the door.

'I will, directly, sir,' replied Oliver: undoing the chain, and turning the key.

'I suppose yer the new boy, ain't yer?' said the voice through the key-hole.

'Yes, sir,' replied Oliver.

'How old are yer?' inquired the voice.

'Ten, sir,' replied Oliver.

'Then I'll whop yer when I get in,' said the voice; 'you just see if I don't, that's all, my work'us brat!' and having made this obliging promise, the voice began to whistle.

Oliver had been too often subjected to the process to which the very expressive monosyllable just recorded bears reference, to entertain the smallest doubt that the owner of the voice, whoever he might be, would redeem his pledge, most honourably.

He drew back the bolts with a trembling hand, and opened the door.

For a second or two, Oliver glanced up the street, and down the street, and over the way: impressed with the belief that the unknown, who had addressed him through the key-hole, had walked a few paces off, to warm himself; for nobody did he see but a big charity-boy, sitting on a post in front of the house, eating a slice of bread and butter: which he cut into wedges, the size of his mouth, with a clasp-knife, and then consumed with great dexterity.

'I beg your pardon, sir,' said Oliver at length: seeing that no other visitor made his appearance; 'did you knock?'

'I kicked,' replied the charity-boy.

'Did you want a coffin, sir?' inquired Oliver, innocently.

Когда он стал снимать дверную цепочку, ноги, колотившие в дверь, утихомирились, и раздался голос.

- Отворяйте, слышите! - кричал голос, который принадлежал тому же лицу, что и ноги.

- Сейчас отопру, сэр, - сказал Оливер, снимая цепочку и поворачивая ключ.

- Должно быть, ты и есть новый мальчик? - спросил голос через замочную скважину.

- Да, сэр, - ответил Оливер.

- Сколько тебе лет? - осведомился голос.

- Десять, сэр, - ответил Оливер.

- Ну так я тебя вздую, как только войду, - сообщил голос, - помяни мое слово, приходский щенок! После этого любезного обещания послышался свист.

Оливера слишком часто подвергали операции, обозначаемой только что упомянутым выразительным словечком, а потому он ничуть не сомневался в том, что тот, кому принадлежал голос, добросовестнейшим образом выполнит свою угрозу.

Дрожащей рукой он отодвинул засов и открыл дверь.

Секунду или две Оливер осматривал улицу, посмотрел направо, налево и на противоположный тротуар, полагая, что неизвестный, разговаривавший с ним через замочную скважину, прогуливается, чтобы согреться. Дело в том, что он не видел перед собой никого, кроме рослого приютского мальчика, который сидел на тумбе перед домом и ел ломоть хлеба с маслом, разрезая его складным ножом на куски величиной с собственный рот и проглатывая их с большим проворством.

- Прошу прощения, сэр, - сказал Оливер, убедившись, что никто не появляется, - это вы стучали?

- Я колотил ногами, - ответил приютский мальчик.

- Вам нужен гроб, сэр? - простодушно спросил Оливер.

At this, the charity-boy looked monstrous fierce; and said that Oliver would want one before long, if he cut jokes with his superiors in that way.

'Yer don't know who I am, I suppose, Work'us?' said the charity-boy, in continuation: descending from the top of the post, meanwhile, with edifying gravity.

'No, sir,' rejoined Oliver.

'I'm Mister Noah Claypole,' said the charity-boy, 'and you're under me.

Take down the shutters, yer idle young ruffian!'

With this, Mr. Claypole administered a kick to Oliver, and entered the shop with a dignified air, which did him great credit.

It is difficult for a large-headed, small-eyed youth, of lumbering make and heavy countenance, to look dignified under any circumstances; but it is more especially so, when superadded to these personal attractions are a red nose and yellow smalls.

Oliver, having taken down the shutters, and broken a pane of glass in his effort to stagger away beneath the weight of the first one to a small court at the side of the house in which they were kept during the day, was graciously assisted by Noah: who having consoled him with the assurance that 'he'd catch it,' condescended to help him.

Mr. Sowerberry came down soon after.

Shortly afterwards, Mrs. Sowerberry appeared.

Oliver having 'caught it,' in fulfilment of Noah's prediction, followed that young gentleman down the stairs to breakfast.

'Come near the fire, Noah,' said Charlotte.

'I saved a nice little bit of bacon for you from master's breakfast.

Oliver, shut that door at Mister Noah's back, and take them bits that I've put out on the cover of the bread-pan.

При этих словах приютский мальчик принял необычайно грозный вид и заявил, что самому Оливеру в скором времени понадобится гроб, если он позволяет себе шутить таким образом со старшими.

- Приходский щенок, ты не знаешь, кто я такой?
- продолжал приютский мальчик, с важным видом слезая с тумбы.

- Не знаю, сэр, - ответил Оливер.

- Я мистер Ноэ Клейпол, - сказал приютский мальчик, - а ты находишься у меня под началом.

Открой ставни, ленивая тварь!

С этими словами мистер Клейпол угостил Оливера пинком и вошел в лавку с большим достоинством, делавшим ему честь.

При любых обстоятельствах большеголовому, толстому юнцу с маленькими глазками и тупой физиономией нелегко принять достойный вид, и тем более это трудно, если к таким привлекательным чертам прибавить красный нос и короткие желтые штаны.

Оливер снял ставни и попытался перетащить их во дворик позади дома, куда их уносили на день, но зашатавшись под тяжестью первого же ставня, разбил оконное стекло, после чего Ноэ, утешив его уверением, что "ему влетит", снисходительно пришел ему на помощь.

Вскоре в лавку спустился мистер Сауербери.

Вслед за ним появилась миссис Сауербери.

Оливеру, согласно предсказанию Ноэ, "влетело", а потом он отправился с этим молодым джентльменом вниз завтракать.

- Подсаживайтесь к очагу, Ноэ, - сказала Шарлотт.

- Я припасла для вас славный кусочек копченой грудинки от хозяйского завтрака...

Оливер, притвори дверь за мистером Ноэ и возьми себе вот те объедки, которые я положила на крышку от кастрюльки.

There's your tea; take it away to that box, and drink it there, and make haste, for they'll want you to mind the shop.

D'ye hear?'

'D'ye hear, Work'us?' said Noah Claypole.

'Lor, Noah!' said Charlotte, 'what a rum creature you are!

Why don't you let the boy alone?'

'Let him alone!' said Noah.

'Why everybody lets him alone enough, for the matter of that.

Neither his father nor his mother will ever interfere with him.

All his relations let him have his own way pretty well.

Eh, Charlotte?

He! he! he!'

'Oh, you queer soul!' said Charlotte, bursting into a hearty laugh, in which she was joined by Noah; after which they both looked scornfully at poor Oliver Twist, as he sat shivering on the box in the coldest corner of the room, and ate the stale pieces which had been specially reserved for him.

Noah was a charity-boy, but not a workhouse orphan.

No chance-child was he, for he could trace his genealogy all the way back to his parents, who lived hard by; his mother being a washerwoman, and his father a drunken soldier, discharged with a wooden leg, and a diurnal pension of twopence-halfpenny and an unstateable fraction.

The shop-boys in the neighbourhood had long been in the habit of branding Noah in the public streets, with the ignominious epithets of 'leathers,' 'charity,' and the like; and Noah had borne them without reply.

But, now that fortune had cast in his way a

Вот твоя чашка чаю. Поставь ее на ящик, пей там и поторапливайся, потому что тебя скоро позовут в лавку.

Слышишь?

- Слышишь, приходский щенок? - сказал Ноз Клейпол.

- Ах, боже мой, Ноз! - воскликнула Шарлотт. - Какой вы чудной парень!

Почему бы вам не оставить мальчика в покое?

- Оставить в покое! - повторил Ноз.

- Да ведь все и так оставили его в покое.

Ни отец, ни мать никогда ни в чем ему не помешают.

Все родственники позволяют ему идти своей дорогой.

Правда, Шарлотт?

Хи-хи-хи!

- Ах, чудак вы этакий! - воскликнула Шарлотт, заливаясь громким смехом, к которому присоединился и Ноз. Затем оба посмотрели с презрением на бедного Оливера Твиста, дрожащего на ящике в самом холодном углу комнаты и поедавшего вонючие объедки, отложенные специально для него.

Ноз был приютским мальчиком, а не сиротой из работного дома.

Он не был подкидышем, так как мог проследить свою родословную вплоть до родителей, живших поблизости; мать его была прачкой, а отец - пьяницей-солдатом, вышедшим в отставку с деревянной ногой и ежедневной пенсией в два пенса с половиной и еще какой-то неудобопроизносимой дробью.

Мальчишки из соседних лавок давно приобрели привычку клеймить Ноз на улице позорными кличками вроде "кожаные штаны", "приютский" и так далее, и Ноз принимал их безропотно.

Но теперь, когда судьба поставила на его пути безродного сироту, на которого даже самый

nameless orphan, at whom even the meanest could point the finger of scorn, he retorted on him with interest.

This affords charming food for contemplation.

It shows us what a beautiful thing human nature may be made to be; and how impartially the same amiable qualities are developed in the finest lord and the dirtiest charity-boy.

Oliver had been sojourning at the undertaker's some three weeks or a month.

Mr. and Mrs. Sowerberry — the shop being shut up — were taking their supper in the little back-parlour, when Mr. Sowerberry, after several deferential glances at his wife, said,

'My dear — ' He was going to say more; but, Mrs. Sowerberry looking up, with a peculiarly unpropitious aspect, he stopped short.

'Well,' said Mrs. Sowerberry, sharply.

'Nothing, my dear, nothing,' said Mr. Sowerberry.

'Ugh, you brute!' said Mrs. Sowerberry.

'Not at all, my dear,' said Mr. Sowerberry humbly.

'I thought you didn't want to hear, my dear.

I was only going to say — '

'Oh, don't tell me what you were going to say,' interposed Mrs. Sowerberry.

'I am nobody; don't consult me, pray.

I don't want to intrude upon your secrets.'

As Mrs. Sowerberry said this, she gave an hysterical laugh, which threatened violent consequences.

'But, my dear,' said Sowerberry, 'I want to ask your advice.'

ничтожный человек мог с презрением указать пальцем, он вымещал на нем свои обиды с лихвой.

Это дает превосходную пищу для размышлений.

Мы видим, какой прекрасной может стать человеческая натура и как одни и те же приятные качества развиваются у благороднейшего лорда и у самого грязного приютского мальчишки.

Прошло три-четыре недели с тех пор, как Оливер поселился у гробовщика.

Лавка была закрыта, и мистер и миссис Сауербери ужинали в маленькой задней гостиной, когда мистер Сауербери, бросив несколько почтительных взглядов на жену, сказал:

- Дорогая моя... Он хотел продолжать, но миссис Сауербери посмотрела на него столь неблагоприятно, что он запнулся.

- Ну? - резко спросила миссис Сауербери.

- Ничего, дорогая моя, ничего! - сказал мистер Сауербери.

- Уф, негодяй! - сказала миссис Сауербери.

- Право же, нет, дорогая моя, - смиренно отозвался мистер Сауербери.

- Мне показалось, что ты не расположена слушать, дорогая.

Я хотел только сказать...

- Ах, не говори мне, что ты там хотел сказать, - перебила миссис Сауербери.

- Я - ничто; пожалуйста, не обращай ко мне за советом.

Я не желаю выведывать твои секреты.

Произнеся эти слова, миссис Сауербери залилась истерическим смехом, который угрожал серьезными последствиями.

- Но, дорогая моя, - сказал мистер Сауербери, - я хочу с тобой посоветоваться.

- Нет, нет! Не советуйся со мной! - жалобным

'No, no, don't ask mine,' replied Mrs. Sowerberry, in an affecting manner: 'ask somebody else's.'

Here, there was another hysterical laugh, which frightened Mr. Sowerberry very much.

This is a very common and much-approved matrimonial course of treatment, which is often very effective.

It at once reduced Mr. Sowerberry to begging, as a special favour, to be allowed to say what Mrs. Sowerberry was most curious to hear.

After a short duration, the permission was most graciously conceded.

'It's only about young Twist, my dear,' said Mr. Sowerberry.

'A very good-looking boy, that, my dear.'

'He need be, for he eats enough,' observed the lady.

'There's an expression of melancholy in his face, my dear,' resumed Mr. Sowerberry, 'which is very interesting.

He would make a delightful mute, my love.'

Mrs. Sowerberry looked up with an expression of considerable wonderment.

Mr. Sowerberry remarked it and, without allowing time for any observation on the good lady's part, proceeded.

'I don't mean a regular mute to attend grown-up people, my dear, but only for children's practice.

It would be very new to have a mute in proportion, my dear.

You may depend upon it, it would have a superb effect.'

Mrs. Sowerberry, who had a good deal of taste in the undertaking way, was much struck by the novelty of this idea; but, as it would have been

тоном промолвила миссис Сауербери. - Советуйся с кем-нибудь другим.

Тут снова раздался истерический смех, чрезвычайно испугавший мистера Сауербери.

Такова весьма распространенная и рекомендуемая система обращения с супругом, которая часто приводит к желаемым результатам.

Это немедленно побудило мистера Сауербери умолять, как об особом одолжении, чтобы ему было разрешено высказать то, что миссис Сауербери жаждала услышать.

После недолгих пререканий, занявших меньше трех четвертей часа, разрешение было милостиво дано.

- Это касается юного Твиста, дорогая моя, - сказал мистер Сауербери.

- Он очень миловидный мальчик, дорогая.

- Еще бы, когда он столько ест! - заметила леди.

- У него меланхолическое выражение лица, дорогая моя, - продолжал мистер Сауербери, - и это делает его очень интересным...

Из него, милочка, вышел бы превосходный немой плакальщик.

Миссис Сауербери с нескрываемым удивлением посмотрела на него.

Мистер Сауербери подметил это и, не дожидаясь возражений со стороны доброй леди, продолжал:

- Я говорю не о настоящем немом плакальщике, присутствующем на похоронах у взрослых, а только о немом плакальщике для детей, дорогая.

Было бы такой новинкой, милочка, иметь немного плакальщика соответствующего роста.

Можешь быть уверена, что это произведет прекрасное впечатление.

Миссис Сауербери, проявлявшая замечательный вкус, когда дело касалось

compromising her dignity to have said so, under existing circumstances, she merely inquired, with much sharpness, why such an obvious suggestion had not presented itself to her husband's mind before?

Mr. Sowerberry rightly construed this, as an acquiescence in his proposition; it was speedily determined, therefore, that Oliver should be at once initiated into the mysteries of the trade; and, with this view, that he should accompany his master on the very next occasion of his services being required.

The occasion was not long in coming.

Half an hour after breakfast next morning, Mr. Bumble entered the shop; and supporting his cane against the counter, drew forth his large leathern pocket-book: from which he selected a small scrap of paper, which he handed over to Sowerberry.

'Aha!' said the undertaker, glancing over it with a lively countenance; 'an order for a coffin, eh?'

'For a coffin first, and a porochial funeral afterwards,' replied Mr. Bumble, fastening the strap of the leathern pocket-book: which, like himself, was very corpulent.

'Bayton,' said the undertaker, looking from the scrap of paper to Mr. Bumble.

'I never heard the name before.'

Bumble shook his head, as he replied,

'Obstinate people, Mr. Sowerberry; very obstinate.

Proud, too, I'm afraid, sir.'

'Proud, eh?' exclaimed Mr. Sowerberry with a sneer.

'Come, that's too much.'

'Oh, it's sickening,' replied the beadle.

'Antimonial, Mr. Sowerberry!'

'So it is,' acquiesced the undertaker.

похорон, была поражена новизной этой идеи; но так как признаться в этом при данных обстоятельствах значило бы уронить свое достоинство, она осведомилась только довольно резким тоном, почему эта простая мысль не приходила раньше в голову ее супругу?

Мистер Сауербери правильно истолковал ее слова как согласие на его предложение. Итак, тут же было решено немедленно посвятить Оливера во все тайны ремесла, чтобы он мог сопровождать своего хозяина, как только потребуются его услуги.

Случай не замедлил представиться.

На следующее утро, через полчаса после завтрака, в лавку вошел мистер Бамбл и, прислонив свою трость к прилавку, достал поместительный кожаный бумажник, откуда извлек клочок бумаги, который и протянул Сауербери.

- Эге! - сказал гробовщик, с просиявшей физиономией посмотрев на бумажку. - Заказ на гроб?

- Сначала гроб, потом приходские похороны, - ответил мистер Бамбл, затягивая ремешок кожаного бумажника, который, подобно ему самому, был очень тучен.

- Бейтон? - сказал гробовщик, переводя взгляд с клочка бумаги на мистера Бамбла.

- Никогда не слыхал этой фамилии.

Бамбл, покачивая головой, ответил:

- Упрямый народ, мистер Сауербери, очень упрямый.

Боюсь, что к тому же еще и гордый.

- Гордый? - усмехаясь, воскликнул - гробовщик.

- Ну, это уж слишком.

- Ох, это отвратительно! - отвечал бидл.

- Это безнравственно, мистер Сауербери.

- Совершенно верно, - согласился гробовщик.

'We only heard of the family the night before last,' said the beadle; 'and we shouldn't have known anything about them, then, only a woman who lodges in the same house made an application to the parochial committee for them to send the parochial surgeon to see a woman as was very bad.'

He had gone out to dinner; but his 'prentice (which is a very clever lad) sent 'em some medicine in a blacking-bottle, offhand.'

'Ah, there's promptness,' said the undertaker.

'Promptness, indeed!' replied the beadle.

'But what's the consequence; what's the ungrateful behaviour of these rebels, sir?

Why, the husband sends back word that the medicine won't suit his wife's complaint, and so she shan't take it — says she shan't take it, sir!

Good, strong, wholesome medicine, as was given with great success to two Irish labourers and a coal-heaver, only a week before — sent 'em for nothing, with a blackin'-bottle in, — and he sends back word that she shan't take it, sir!

As the atrocity presented itself to Mr. Bumble's mind in full force, he struck the counter sharply with his cane, and became flushed with indignation.

'Well,' said the undertaker,

'I ne — ver — did — '

'Never did, sir!' ejaculated the beadle.

'No, nor nobody never did; but now she's dead, we've got to bury her; and that's the direction; and the sooner it's done, the better.'

Thus saying, Mr. Bumble put on his cocked hat wrong side first, in a fever of parochial excitement; and flounced out of the shop.

'Why, he was so angry, Oliver, that he forgot even to ask after you!' said Mr. Sowerberry, looking

- Об этом семействе мы услыхали только третьего дня вечером, - продолжал бидл, - да и тогда мы бы ничего о нем не узнали, не будь в том же доме женщины, которая обратилась в приходский комитет с просьбой прислать приходского врача, чтобы он осмотрел больную, - ей, мол, очень худо.

Врач уехал на званный обед, а его ученик (очень смышленный парнишка) сейчас же послал им в баночке из-под ваксы какое-то лекарство.

- Вот это быстрота! - сказал гробовщик.

- Именно так! - подтвердил бидл.

- Но каковы были последствия, каково было поведение этих неблагодарных бунтовщиков?

Муж присылает сказать, что это лекарство не помогает от той болезни, какой страдает его жена, и, стало быть, она не будет его принимать. Он говорит, что она не будет его принимать, сэр!

Прекрасное, сильно действующее, полезное лекарство, которое всего неделю назад очень помогло двум ирландским рабочим и грузчику угля... Его послали даром, в баночке из-под ваксы, а он присылает сказать, что она не будет его принимать, сэр!

Когда чудовищность этого поступка была воспринята мистером Бамблом во всей ее полноте, он сильно ударил тростью по прилавку и покраснел от негодования.

- О! - сказал гробовщик.

- Мне бы и в голову никогда...

- Никогда, сэр, - воскликнул бидл.

- И никому никогда! Но теперь, когда она умерла, нам приходится ее хоронить! Вот адрес, и чем скорее это будет сделано, тем лучше.

С этими словами мистер Бамбл в приступе лихорадочного возбуждения надел задом наперед свою треуголку и быстро вышел из лавки.

- Ах, Оливер, он так рассердился, что даже забыл спросить о тебе, - сказал мистер Сауербери, глядя вслед бидлу, шагавшему по

after the beadle as he strode down the street.

'Yes, sir,' replied Oliver, who had carefully kept himself out of sight, during the interview; and who was shaking from head to foot at the mere recollection of the sound of Mr. Bumble's voice.

He needn't have taken the trouble to shrink from Mr. Bumble's glance, however; for that functionary, on whom the prediction of the gentleman in the white waistcoat had made a very strong impression, thought that now the undertaker had got Oliver upon trial the subject was better avoided, until such time as he should be firmly bound for seven years, and all danger of his being returned upon the hands of the parish should be thus effectually and legally overcome.

'Well,' said Mr. Sowerberry, taking up his hat, 'the sooner this job is done, the better.'

Noah, look after the shop.

Oliver, put on your cap, and come with me.'

Oliver obeyed, and followed his master on his professional mission.

They walked on, for some time, through the most crowded and densely inhabited part of the town; and then, striking down a narrow street more dirty and miserable than any they had yet passed through, paused to look for the house which was the object of their search.

The houses on either side were high and large, but very old, and tenanted by people of the poorest class: as their neglected appearance would have sufficiently denoted, without the concurrent testimony afforded by the squalid looks of the few men and women who, with folded arms and bodies half doubled, occasionally skulked along.

A great many of the tenements had shop-fronts; but these were fast closed, and mouldering away; only the upper rooms being inhabited.

Some houses which had become insecure from age and decay, were prevented from falling into the

улице.

- Да, сэр, - ответил Оливер, который во время этого свидания старался не попадаться на глаза бидлу и начал дрожать с головы до ног при одном воспоминании о голосе мистера Бамбла.

Впрочем, он напрасно старался избежать взоров мистера Бамбла, ибо это должностное лицо, на которое предсказание джентльмена в белом жилете произвело очень сильное впечатление, полагало, что теперь, когда гробовщик взял Оливера к себе на испытание, разумнее избегать разговоров о нем, пока он не будет окончательно закреплен на семь лет по контракту, а тогда раз и навсегда, законным образом, минует опасность его возвращения на содержание прихода.

- Прекрасно! - проговорил мистер Саурбери, берясь за шляпу. - Чем скорее будет покончено с этим делом, тем лучше...

Ное, присматривай за лавкой...

Оливер, надень шапку и ступай за мной.

Оливер повиновался и последовал за хозяином, отправившимся исполнять свои профессиональные обязанности.

Сначала они шли по самым людным и густонаселенным кварталам города, а затем, свернув в узкую улицу, еще более грязную и жалкую, чем те, какие они уже миновали, они приостановились, отыскивая дом, являвшийся целью их путешествия.

По обеим сторонам улицы дома были большие и высокие, но очень старые и населенные бедняками: об этом в достаточной мере свидетельствовали грязные фасады домов, и такой вывод не нуждался в подтверждении, каким являлись испитые лица нескольких мужчин и женщин, которые, скрестив на груди руки и согнувшись чуть ли не вдвое, крадучись проходили по улице.

В домах находились лавки, но они были заколочены и постепенно разрушались, и только верхние этажи были заселены.

Некоторые дома, разрушавшиеся от времени и

street, by huge beams of wood reared against the walls, and firmly planted in the road; but even these crazy dens seemed to have been selected as the nightly haunts of some houseless wretches, for many of the rough boards which supplied the place of door and window, were wrenched from their positions, to afford an aperture wide enough for the passage of a human body.

The kennel was stagnant and filthy.

The very rats, which here and there lay putrefying in its rottenness, were hideous with famine.

There was neither knocker nor bell-handle at the open door where Oliver and his master stopped; so, groping his way cautiously through the dark passage, and bidding Oliver keep close to him and not be afraid the undertaker mounted to the top of the first flight of stairs.

Stumbling against a door on the landing, he rapped at it with his knuckles.

It was opened by a young girl of thirteen or fourteen.

The undertaker at once saw enough of what the room contained, to know it was the apartment to which he had been directed.

He stepped in; Oliver followed him.

There was no fire in the room; but a man was crouching, mechanically, over the empty stove.

An old woman, too, had drawn a low stool to the cold hearth, and was sitting beside him.

There were some ragged children in another corner; and in a small recess, opposite the door, there lay upon the ground, something covered with an old blanket.

Oliver shuddered as he cast his eyes toward the place, and crept involuntarily closer to his master; for though it was covered up, the boy felt that it was a corpse.

The man's face was thin and very pale; his hair and beard were grizzly; his eyes were bloodshot.

The old woman's face was wrinkled; her two

ветхости, опирались, чтобы не рухнуть, на большие деревянные балки, припертые к стенам и врытые в землю у края мостовой. Но даже эти развалины, очевидно, служили ночным убежищем для бездомных бедняков, ибо необтесанные доски, закрывавшие двери и окна, были кое-где сорваны, чтобы в отверстие мог пролезть человек.

В сточных канавах вода была затхлая и грязная.

Даже крысы, которые разлагались в этой гнили, были омерзительно тощими.

Не было ни молотка, ни звонка у раскрытой двери, перед которой остановился Оливер со своим хозяином. Ощупью, осторожно пробираясь по темно- му коридору и уговаривая Оливера не отставать и не трусить, гробовщик поднялся во второй этаж.

Наткнувшись на дверь, выходившую на площадку лестницы, он постучал в нее суставами пальцев.

Дверь открыла девочка лет тринадцати - четырнадцати.

Гробовщик, едва заглянув в комнату, понял, что сюда-то он и послан.

Он вошел; за ним вошел Оливер.

Огня в очаге не было, но какой-то человек по привычке сидел, сгорбившись, у холодного очага.

Рядом с ним, придвинув низкий табурет к нетопленной печи, сидела старуха.

В другом углу копошились оборванные дети, а в маленькой нише против двери лежало что-то, покрытое старым одеялом.

Оливер, бросив взгляд в ту сторону, задрожал и невольно прижался к своему хозяину; хотя предмет и был прикрыт, он догадался, что это труп.

У мужчины было худое и очень бледное лицо; волосы и борода седые; глаза налиты кровью.

У старухи лицо было сморщенное; два

remaining teeth protruded over her under lip; and her eyes were bright and piercing.

Oliver was afraid to look at either her or the man.

They seemed so like the rats he had seen outside.

'Nobody shall go near her,' said the man, starting fiercely up, as the undertaker approached the recess.

'Keep back!

Damn you, keep back, if you've a life to lose!'

'Nonsense, my good man,' said the undertaker, who was pretty well used to misery in all its shapes.

'Nonsense!'

'I tell you,' said the man: clenching his hands, and stamping furiously on the floor, — 'I tell you I won't have her put into the ground.

She couldn't rest there. The worms would worry her — not eat her — she is so worn away.'

The undertaker offered no reply to this raving; but producing a tape from his pocket, knelt down for a moment by the side of the body.

'Ah!' said the man: bursting into tears, and sinking on his knees at the feet of the dead woman; 'kneel down, kneel down — kneel round her, every one of you, and mark my words!

I say she was starved to death.

I never knew how bad she was, till the fever came upon her; and then her bones were starting through the skin.

There was neither fire nor candle; she died in the dark — in the dark!

She couldn't even see her children's faces, though we heard her gasping out their names.

I begged for her in the streets: and they sent me to prison.

уцелевших зуба торчали над нижней губой, а глаза были острые и блестящие.

Оливер боялся смотреть и на нее и на мужчину.

Они слишком походили на крыс, которых он видел на улице.

- Никто к ней не подойдет! - злобно крикнул мужчина, вскочив с места, когда гробовщик направился к нише.

- Не подходите!

Будь вы прокляты, не подходите, если вам дорога жизнь!

- Вздор, дружище! - сказал гробовщик, который привык к горю во всех его видах.

- Вздор!

- Слушайте! - крикнул человек, сжав кулаки и в бешенстве топнув ногой. - Слушайте! Я не позволю зарыть ее в землю.

Там она не найдет покоя: черви будут ей мешать... Глодать ее они не могут, так она иссохла.

В ответ на этот сумасшедший бред гробовщик не сказал ни слова; достав из кармана мерку, он опустился на колени перед покойницей.

- Ах! - воскликнул мужчина, залившись слезами и падая к ногам умершей. - На колени перед ней, на колени перед ней, вы все, и запомните мои слова!

Говорю вам, ее умили голодом!

Я не знал, что ей так худо, пока у нее не началась лихорадка. И тогда обрисовались все ее кости.

Не было ни огня в очаге, ни свечи. Она умерла в темноте - в темноте!

Она не могла даже разглядеть лица своих детей, хотя мы слышали, как она окликала их по имени.

Для нее я просил милостыню, а меня посадили в тюрьму.

When I came back, she was dying; and all the blood in my heart has dried up, for they starved her to death.

I swear it before the God that saw it! They starved her!'

He twined his hands in his hair; and, with a loud scream, rolled grovelling upon the floor: his eyes fixed, and the foam covering his lips.

The terrified children cried bitterly; but the old woman, who had hitherto remained as quiet as if she had been wholly deaf to all that passed, menaced them into silence.

Having unloosened the cravat of the man who still remained extended on the ground, she tottered towards the undertaker.

'She was my daughter,' said the old woman, nodding her head in the direction of the corpse; and speaking with an idiotic leer, more ghastly than even the presence of death in such a place.

'Lord, Lord!

Well, it is strange that I who gave birth to her, and was a woman then, should be alive and merry now, and she lying there: so cold and stiff!

Lord, Lord! — to think of it; it's as good as a play — as good as a play!'

As the wretched creature mumbled and chuckled in her hideous merriment, the undertaker turned to go away.

'Stop, stop!' said the old woman in a loud whisper.

'Will she be buried to-morrow, or next day, or to-night?

I laid her out; and I must walk, you know.

Send me a large cloak: a good warm one: for it is bitter cold.

We should have cake and wine, too, before we go!

Never mind; send some bread — only a loaf of bread and a cup of water.

Когда я вернулся, она умерла, и кровь застыла у меня в жилах, потому что ее уморили голодом.

Клянусь пред лицом бога, который это видел, - ее уморили голодом!

Он вцепился руками в волосы и с громкими воплями стал кататься по полу; глаза его остановились, а на губах выступила пена.

Испуганные дети горько заплакали, но старуха, которая все время оставалась невозмутимой, как будто не слышала того, что происходило вокруг, угрозами заставила их замолчать.

Развязав галстук мужчине, все еще лежавшему на полу, она, шатаясь, подошла к гробовщику.

- Это моя дочь, - сказала старуха, кивая головой в сторону покойницы и с идиотским видом подмигивая, что производило здесь еще более страшное впечатление, чем вид мертвеца.

- Боже мой, боже мой!

Как это чудно! Я родила ее и была тогда молодой женщиной, теперь я весела и здорова, а она лежит здесь, такая холодная и застывшая!

Боже мой, боже мой, подумать только: ведь Это прямо как в театре, прямо как в театре!

Пока жалкое создание шамкало и хихикало, предаваясь омерзительному веселью, гробовщик направился к двери.

- Постойте! - громким шепотом окликнула старуха.

- Когда ее похоронят - завтра, послезавтра или сегодня вечером?

Я убирала ее к погребению, и я, знаете ли, должна идти за гробом.

Пришлите мне большой плащ - хороший теплый плащ, потому что стоит лютый холод.

И мы должны поесть пирожка и выпить вина, перед тем как идти!

Ладно уж! Пришлите хлеба - ковригу хлеба и чашку воды...

Shall we have some bread, dear?' she said eagerly: catching at the undertaker's coat, as he once more moved towards the door.

'Yes, yes,' said the undertaker, 'of course.

Anything you like!'

He disengaged himself from the old woman's grasp; and, drawing Oliver after him, hurried away.

The next day, (the family having been meanwhile relieved with a half-quartern loaf and a piece of cheese, left with them by Mr. Bumble himself,) Oliver and his master returned to the miserable abode; where Mr. Bumble had already arrived, accompanied by four men from the workhouse, who were to act as bearers.

An old black cloak had been thrown over the rags of the old woman and the man; and the bare coffin having been screwed down, was hoisted on the shoulders of the bearers, and carried into the street.

'Now, you must put your best leg foremost, old lady!' whispered Sowerberry in the old woman's ear; 'we are rather late; and it won't do, to keep the clergyman waiting.

Move on, my men, — as quick as you like!'

Thus directed, the bearers trotted on under their light burden; and the two mourners kept as near them, as they could.

Mr. Bumble and Sowerberry walked at a good smart pace in front; and Oliver, whose legs were not so long as his master's, ran by the side.

There was not so great a necessity for hurrying as Mr. Sowerberry had anticipated, however; for when they reached the obscure corner of the churchyard in which the nettles grew, and where the parish graves were made, the clergyman had not arrived; and the clerk, who was sitting by the vestry-room fire, seemed to think it by no means improbable that it might be an hour or so, before he came.

So, they put the bier on the brink of the grave; and the two mourners waited patiently in the damp clay, with a cold rain drizzling down, while the

Миленький, будет у нас хлеб? - нетерпеливо спросила она, уцепившись за пальто гробовщика, когда тот снова двинулся к двери.

- Да, да, - сказал гробовщик. - Конечно.

Все, что вы пожелаете!

Он вырвался из рук старухи и поспешно вышел, увлекая за собой Оливера.

На следующий день (тем временем семейству оказана была помощь в виде двух фунтов хлеба и куска сыру, доставленных самим мистером Бамблом) Оливер со своим хозяином вернулся в убогое жилище, куда уже прибыл мистер Бамбл в сопровождении четырех человек из работного дома, которым предстояло нести гроб.

Ветхие черные плащи были наброшены на лохмотья старухи и мужчины, и, когда привинтили крышку ничем не обитого гроба, носильщики подняли его на плечи и вынесли на улицу.

- А теперь шагайте быстрее, старая леди, - шепнул Сауербери на ухо старухе. - Мы опаздываем, а не годится, чтобы священник нас ждал.

Вперед, ребята, во всю прыть!

После такого распоряжения носильщики пустились рысцой ее своей легкой ношей, а двое провожающих изо всех сил старались не отставать.

Мистер Бамбл и Сауербери бодро шагали впереди, а Оливер, у которого ноги были не такие длинные, как у его хозяина, бежал сбоку.

Впрочем, вопреки предположениям мистера Сауербери, не было необходимости спешить, ибо, когда они достигли заброшенного, заросшего крапивой уголка кладбища, отведенного для приходских могил, священника еще не было, а клерк, сидевший у камина в ризнице, считал вполне возможным, что он придет примерно через час.

Поэтому гроб поставили у края могилы, и двое провожающих терпеливо ждали, стоя в грязи, под холодным морозящим дождем, а

ragged boys whom the spectacle had attracted into the churchyard played a noisy game at hide-and-seek among the tombstones, or varied their amusements by jumping backwards and forwards over the coffin.

Mr. Sowerberry and Bumble, being personal friends of the clerk, sat by the fire with him, and read the paper.

At length, after a lapse of something more than an hour, Mr. Bumble, and Sowerberry, and the clerk, were seen running towards the grave.

Immediately afterwards, the clergyman appeared: putting on his surplice as he came along.

Mr. Bumble then thrashed a boy or two, to keep up appearances; and the reverend gentleman, having read as much of the burial service as could be compressed into four minutes, gave his surplice to the clerk, and walked away again.

'Now, Bill!' said Sowerberry to the grave-digger. 'Fill up!'

It was no very difficult task, for the grave was so full, that the uppermost coffin was within a few feet of the surface.

The grave-digger shovelled in the earth; stamped it loosely down with his feet: shouldered his spade; and walked off, followed by the boys, who murmured very loud complaints at the fun being over so soon.

'Come, my good fellow!' said Bumble, tapping the man on the back.

'They want to shut up the yard.'

The man who had never once moved, since he had taken his station by the grave side, started, raised his head, stared at the person who had addressed him, walked forward for a few paces; and fell down in a swoon.

The crazy old woman was too much occupied in bewailing the loss of her cloak (which the undertaker had taken off), to pay him any attention; so they threw a can of cold water over him; and when he came to, saw him safely out of the churchyard, locked the gate, and departed on their different ways.

оборванные мальчишки, привлеченные на кладбище предстоящим зрелищем, затеяли шумную игру в прятки среди могильных плит или, придумав новое развлечение, перепрыгивали через гроб.

Мистер Сауербери и Бамбл в качестве личных друзей клерка сидели с ним у камина и читали газету.

Наконец, по прошествии часа показались мистер Бамбл, Сауербери и клерк, бежавшие к могиле.

Немедленно вслед за ними появился священник, на ходу надевавший стихарь.

Затем мистер Бамбл для соблюдения приличий поколотил двух-трех мальчишек, а священник, прочитав из погребальной службы столько, сколько можно было прочесть за четыре минуты, отдал стихарь клерку и ушел.

- Ну, Билл, - сказал Сауербери могильщику, - засыпайте могилу.

Работа была нетрудная: в могиле было столько гробов, что всего несколько футов отделяли верхний гроб от поверхности земли.

Могильщик набросал земли, притоптал ее ногами, поднял на плечи лопату и удалился в сопровождении мальчишек, которые орали, досадуя на то, что потеха так скоро кончилась.

- Ступайте, приятель! - сказал Бамбл, похлопав по спине мужчину.

- Сейчас запрут ворота кладбища.

Мужчина, который не шевельнулся с тех пор, как стал у края могилы, вздрогнул, поднял голову, посмотрел на говорившего, сделал несколько шагов и упал без чувств.

Сумасшедшая старуха была слишком занята оплакиванием плаща (который снял с нее гробовщик), чтобы обращать внимание на мужчину. Поэтому его окатили холодной водой из кружки, а когда он очнулся, благополучно выпроводили с кладбища, заперли ворота и разошлись в разные стороны.

'Well, Oliver,' said Sowerberry, as they walked home, 'how do you like it?'

'Pretty well, thank you, sir' replied Oliver, with considerable hesitation.

'Not very much, sir.'

'Ah, you'll get used to it in time, Oliver,' said Sowerberry.

'Nothing when you are used to it, my boy.'

Oliver wondered, in his own mind, whether it had taken a very long time to get Mr. Sowerberry used to it.

But he thought it better not to ask the question; and walked back to the shop: thinking over all he had seen and heard.

CHAPTER VI — OLIVER, BEING GOADED BY THE TAUNTS OF NOAH, ROUSES INTO ACTION, AND RATHER ASTONISHES HIM

The month's trial over, Oliver was formally apprenticed.

It was a nice sickly season just at this time.

In commercial phrase, coffins were looking up; and, in the course of a few weeks, Oliver acquired a great deal of experience.

The success of Mr. Sowerberry's ingenious speculation, exceeded even his most sanguine hopes.

The oldest inhabitants recollected no period at which measles had been so prevalent, or so fatal to infant existence; and many were the mournful processions which little Oliver headed, in a hat-band reaching down to his knees, to the indescribable admiration and emotion of all the mothers in the town.

As Oliver accompanied his master in most of his adult expeditions too, in order that he might acquire that equanimity of demeanour and full command of nerve which was essential to a finished undertaker, he had many opportunities of observing the beautiful resignation and fortitude with which some strong-minded people bear their trials and losses.

- Ну что, Оливер, - спросил Саурбери, когда они шли домой, - как тебе это понравилось?

- Ничего, благодарю вас, сэр, - нерешительно ответил Оливер.

- Не очень, сэр.

- Со временем привыкнешь, Оливер, - сказал Саурбери.

- Это пустяки, когда привыкнешь.

Оливер хотел бы знать, долго ли пришлось привыкать мистеру Саурбери.

Но он счел более разумным не задавать этого вопроса и вернулся в лавку, размышляя обо всем, что видел и слышал.

ГЛАВА VI — Оливер, раздраженный насмешками Ноэ, приступает к действиям и приводит его в немалое изумление

Месяц испытания истек, и Оливер был формально принят в ученики.

Пора года была славная, несущая болезни.

Выражаясь коммерческим языком, на гробы был спрос, и за несколько недель Оливер приобрел большой опыт.

Успех хитроумной выдумки мистера Саурбери превзошел самые радужные его надежды.

Старожилы не помнили, чтобы так свирепствовала корь и так косила младенцев; и много траурных процессий возглавлял маленький Оливер в шляпе с лентой, спускавшейся до колен, к невыразимому восторгу и умилению всех матерей города.

Так как Оливер принимал участие вместе со своим хозяином также и в похоронах взрослых людей, чтобы приобрести невозмутимую осанку и умение владеть собой, насущно необходимые безупречному гробовщику, то у него было немало случаев наблюдать превосходное смирение и твердость, с какими иные сильные духом люди переносят испытания и утраты.

For instance; when Sowerberry had an order for the burial of some rich old lady or gentleman, who was surrounded by a great number of nephews and nieces, who had been perfectly inconsolable during the previous illness, and whose grief had been wholly irrepressible even on the most public occasions, they would be as happy among themselves as need be — quite cheerful and contented — conversing together with as much freedom and gaiety, as if nothing whatever had happened to disturb them.

Husbands, too, bore the loss of their wives with the most heroic calmness.

Wives, again, put on weeds for their husbands, as if, so far from grieving in the garb of sorrow, they had made up their minds to render it as becoming and attractive as possible.

It was observable, too, that ladies and gentlemen who were in passions of anguish during the ceremony of interment, recovered almost as soon as they reached home, and became quite composed before the tea-drinking was over.

All this was very pleasant and improving to see; and Oliver beheld it with great admiration.

That Oliver Twist was moved to resignation by the example of these good people, I cannot, although I am his biographer, undertake to affirm with any degree of confidence; but I can most distinctly say, that for many months he continued meekly to submit to the domination and ill-treatment of Noah Claypole: who used him far worse than before, now that his jealousy was roused by seeing the new boy promoted to the black stick and hatband, while he, the old one, remained stationary in the muffin-cap and leathers.

Charlotte treated him ill, because Noah did; and Mrs. Sowerberry was his decided enemy, because Mr. Sowerberry was disposed to be his friend; so, between these three on one side, and a glut of funerals on the other, Oliver was not altogether as comfortable as the hungry pig was, when he was shut up, by mistake, in the grain department of a

Так, например, когда Сауербери получал заказ на погребение какой-нибудь богатой старой леди или джентльмена, окруженных множеством племянников и племянниц, которые в течение всей болезни были поистине безутешны и предавались безудержной скорби даже на глазах посторонних, - эти самые особы чувствовали себя прекрасно в своем кругу и были весьма беззаботны, беседуя между собой столь весело и непринужденно, словно не случилось ровно ничего, что могло бы нарушить их покой.

Да и мужья переносили потерю своих жен с героическим спокойствием.

В свою очередь жены, облакаясь в траур по своим мужьям, не только не горевали в этой одежде скорби, но как будто заботились о том, чтобы она была изящна и к лицу им.

Можно было также заметить, что леди и джентльмены, претерпевавшие жестокие муки при церемонии погребения, приходили в себя немедленно по возвращении домой и совершенно успокаивались еще до окончания чаепития.

Видеть все это было очень приятно и назидательно, и Оливер наблюдал за происходящим с великим восхищением.

Утверждать с некоторой степенью достоверности, будто пример этих добрых людей научил Оливера покорности судьбе, я не могу, хотя и являюсь его биографом; но я могу решительно заявить, что в течение многих месяцев он смиренно выносил помыкание и насмешки Ноэ Клейпола, который стал обращаться с ним гораздо хуже, чем раньше, ибо почувствовал зависть, когда новый ученик получил черный жезл и ленту на шляпу, тогда как он, старый ученик, по-прежнему ходил в шапке блином и в кожаных штанах.

Шарлотт относилась к Оливеру плохо, потому что плохо относился к нему Ноэ; а миссис Сауербери оставалась непримиримым его врагом, потому что мистер Сауербери не прочь был стать его другом; и вот между этими тремя лицами, с одной стороны, и обилием похорон, с другой, Оливер чувствовал себя, пожалуй, не так приятно, как голодная свинья, когда ее по

brewery.

And now, I come to a very important passage in Oliver's history; for I have to record an act, slight and unimportant perhaps in appearance, but which indirectly produced a material change in all his future prospects and proceedings.

One day, Oliver and Noah had descended into the kitchen at the usual dinner-hour, to banquet upon a small joint of mutton — a pound and a half of the worst end of the neck — when Charlotte being called out of the way, there ensued a brief interval of time, which Noah Claypole, being hungry and vicious, considered he could not possibly devote to a worthier purpose than aggravating and tantalising young Oliver Twist.

Intent upon this innocent amusement, Noah put his feet on the table-cloth; and pulled Oliver's hair; and twitched his ears; and expressed his opinion that he was a 'sneak'; and furthermore announced his intention of coming to see him hanged, whenever that desirable event should take place; and entered upon various topics of petty annoyance, like a malicious and ill-conditioned charity-boy as he was.

But, making Oliver cry, Noah attempted to be more facetious still; and in his attempt, did what many sometimes do to this day, when they want to be funny.

He got rather personal.

'Work'us,' said Noah, 'how's your mother?'

'She's dead,' replied Oliver; 'don't you say anything about her to me!'

Oliver's colour rose as he said this; he breathed quickly; and there was a curious working of the mouth and nostrils, which Mr. Claypole thought must be the immediate precursor of a violent fit of crying.

ошибке заперли в амбар с зерном при пивоварне.

А теперь я приступаю к очень важному эпизоду в истории Оливера, ибо мне предстоит поведать о происшествии, которое, хотя и может показаться пустым и незначительным, косвенным образом повлекло за собой существенную перемену во всех его делах и видах на будущее.

Однажды Оливер и Ноэ спустились, по обыкновению, в обеденный час в кухню, чтобы угоститься бараниной - кусок был самый дрянной, фунта в полтора, - когда Шарлотт вызвали из кухни, а Ноэ Клейпол, голодный и злой, решил, что этот короткий промежуток времени он использует наилучшим образом, если станет дразнить и мучить юного Оливера Твиста.

Намереваясь предаться сей невинной забаве, Ноэ положил ноги на покрытый скатертью стол, потянул Оливера за волосы, дернул его за ухо и высказал мнение, что он "подлиза"; далее он заявил о своем желании видеть, как его вздернут на виселицу, когда бы ни наступило это приятное событие, и сделал ряд других язвительных замечаний, каких можно было ждать от столь зловредного и испорченного приютского мальчишки.

Но так как ни одна из этих насмешек не достигла желанной цели - не довела Оливера до слез, - Ноэ попытался проявить еще больше остроумия и совершил то, что многие пошлые остряки, пользующиеся большей славой, чем Ноэ, делают и по сей день, когда хотят поиздеваться над кем-либо.

Он перешел на личности.

- Приходский щенок, - начал Ноэ, - как поживает твоя мать?

- Она умерла, - ответил Оливер. - Не говорите о ней ни слова.

При этом Оливер вспыхнул, стал дышать прерывисто, а губы и ноздри его начали как-то странно подергиваться, что, по мнению мистера Клейпола, неминуемо предвещало бурные рыдания.

Находясь под этим впечатлением, он снова

Under this impression he returned to the charge.

'What did she die of, Work'us?' said Noah.

'Of a broken heart, some of our old nurses told me,' replied Oliver: more as if he were talking to himself, than answering Noah.

'I think I know what it must be to die of that!'

'Tol de rol lol lol, right fol lairy, Work'us,' said Noah, as a tear rolled down Oliver's cheek.

'What's set you a snivelling now?'

'Not you,' replied Oliver, sharply.

'There; that's enough.

Don't say anything more to me about her; you'd better not!'

'Better not!' exclaimed Noah.

'Well! Better not!

Work'us, don't be impudent.

Your mother, too!

She was a nice 'un she was.

Oh, Lor!'

And here, Noah nodded his head expressively; and curled up as much of his small red nose as muscular action could collect together, for the occasion.

'Yer know, Work'us,' continued Noah, emboldened by Oliver's silence, and speaking in a jeering tone of affected pity: of all tones the most annoying: 'Yer know, Work'us, it can't be helped now; and of course yer couldn't help it then; and I am very sorry for it; and I'm sure we all are, and pity yer very much.

But yer must know, Work'us, yer mother was a regular right-down bad 'un.'

приступил к делу.

- Отчего она умерла, приходский щенок? - спросил Ноэ.

- От разбитого сердца, так мне говорили старые сиделки, - сказал Оливер, не столько отвечая Ноэ, сколько думая вслух.

- Мне кажется, я понимаю, что значит умереть от разбитого сердца!

- Траляля-ля-ля, приходский щенок! - воскликнул Ноэ, когда слеза скатилась по щеке Оливера.

- Что это довело тебя до слез?

- Не вы, - ответил Оливер, быстро смахнув слезу.

- Не воображайте!

- Не я, вот как? - поддразнил Ноэ. - Да, не вы! - резко ответил Оливер. - Ну, а теперь довольно. Больше ни слова не говорите мне о ней. Лучше не говорите!

- Лучше не говорить! - воскликнул Ноэ.

- Вот как! Лучше не говорить!

Приходский щенок, да ты наглец!

Твоя мать!

Хороша она была, нечего сказать!

О, бог ты мой!

Тут Ноэ многозначительно кивнул головой и сморщил, насколько было возможно, свой крохотный красный носик.

- Знаешь ли, приходский щенок, - ободренный молчанием Оливера, он заговорил насмешливым, притворно соболезнающим тоном, - знаешь ли, приходский щенок, теперь уж этому не помочь, да и тогда, конечно, ты не мог помочь, и я очень этим огорчен. Разумеется, мы все огорчены и очень тебя жалеем.

Но должен же ты знать, приходский щенок, что твоя мать была самой настоящей шлюхой.

'What did you say?' inquired Oliver, looking up very quickly.

'A regular right-down bad 'un, Work'us,' replied Noah, coolly.

'And it's a great deal better, Work'us, that she died when she did, or else she'd have been hard labouring in Bridewell, or transported, or hung; which is more likely than either, isn't it?'

Crimson with fury, Oliver started up; overthrew the chair and table; seized Noah by the throat; shook him, in the violence of his rage, till his teeth chattered in his head; and collecting his whole force into one heavy blow, felled him to the ground.

A minute ago, the boy had looked the quiet child, mild, dejected creature that harsh treatment had made him.

But his spirit was roused at last; the cruel insult to his dead mother had set his blood on fire.

His breast heaved; his attitude was erect; his eye bright and vivid; his whole person changed, as he stood glaring over the cowardly tormentor who now lay crouching at his feet; and defied him with an energy he had never known before.

'He'll murder me!' blubbered Noah.

'Charlotte! missis!

Here's the new boy a murdering of me!

Help! help!

Oliver's gone mad!

Char — lotte!

Noah's shouts were responded to, by a loud scream from Charlotte, and a louder from Mrs. Sowerberry; the former of whom rushed into the kitchen by a side-door, while the latter paused on the staircase till she was quite certain that it was consistent with the preservation of human life, to come further down.

'Oh, you little wretch!' screamed Charlotte: seizing Oliver with her utmost force, which was about

- Что вы сказали? - вздрогнув, переспросил Оливер.

- Самой настоящей шлюхой, приходский щенок, - хладнокровно повторил Ноэ.

- И знаешь, приходский щенок, хорошо, что она тогда умерла, иначе пришлось бы ей исполнять тяжелую работу в Брайдуэле *, или отправиться за океан, или болтаться на виселице, вернее всего - последнее!

Побагровев от бешенства, Оливер вскочил, опрокинул стол и стул, схватил Ноэ за горло, потряхнул его так, что у того зубы застучали, и, вложив все свои силы в один тяжелый удар, сбил его с ног.

Минуту назад мальчик казался тихим, кротким, забитым существом, каким его сделало суровое обращение.

Но, наконец, дух его возмутился: жестокое оскорбление, нанесенное покойной матери, воспламенило его кровь.

Грудь его вздымалась; он выпрямился во весь рост; глаза горели; он был сам на себя не похож, когда стоял, грозно сверкая глазами над трусливым своим мучителем, съезжившимся у его ног, и бросал вызов с энергией, доселе ему неведомой.

- Он меня убьет! - заревел Ноэ.

- Шарлотт! Хозяйка!

Новый ученик хочет убить меня!

На помощь! На помощь!

Оливер сошел с ума!

Шарлотт!

На крик Ноэ ответила громким воплем Шарлотт и еще более громким - миссис Саурбери; первая вбежала в кухню из боковой двери, а вторая постояла на лестнице, пока окончательно не убедилась в том, что ни малейшая опасность не угрожает жизни человеческой, если спуститься вниз.

- Ах негодяй! - завизжала Шарлотт, вцепившись

equal to that of a moderately strong man in particularly good training.

'Oh, you little un-grate-ful, mur-de-rous, hor-rid villain!'

And between every syllable, Charlotte gave Oliver a blow with all her might: accompanying it with a scream, for the benefit of society.

Charlotte's fist was by no means a light one; but, lest it should not be effectual in calming Oliver's wrath, Mrs. Sowerberry plunged into the kitchen, and assisted to hold him with one hand, while she scratched his face with the other.

In this favourable position of affairs, Noah rose from the ground, and pommelled him behind.

This was rather too violent exercise to last long.

When they were all wearied out, and could tear and beat no longer, they dragged Oliver, struggling and shouting, but nothing daunted, into the dust-cellar, and there locked him up.

This being done, Mrs. Sowerberry sunk into a chair, and burst into tears.

'Bless her, she's going off!' said Charlotte.

'A glass of water, Noah, dear.

Make haste!'

'Oh! Charlotte,' said Mrs. Sowerberry: speaking as well as she could, through a deficiency of breath, and a sufficiency of cold water, which Noah had poured over her head and shoulders.

'Oh! Charlotte, what a mercy we have not all been murdered in our beds!'

'Ah! mercy indeed, ma'am,' was the reply.

I only hope this'll teach master not to have any more of these dreadful creatures, that are born to be murderers and robbers from their very cradle.

в Оливера изо всех сил, которые были примерно равны силам довольно крепкого мужчины, прекрасно их развивавшего.

- Ах ты маленький неблаго-дар-ный, кро-во-жадный, мерз-кий негодяй!

И в промежутках между слогами Шарлотт наносила Оливеру полновесные удары, сопровождая их визгом в утеху всей компании.

Кулак у Шарлотт был довольно тяжелый, но, опасаясь, что кулака будет мало для усмирения взбешенного Оливера, миссис Саурбери ринулась в кухню и оказала Ноэ помощь, одной рукой придерживая Оливера, а другой царапая ему лицо.

При таком благоприятном положении дел Ноэ поднялся с пола и принялся тузить Оливера кулаками по спине.

Это было, пожалуй, слишком энергическое упражнение, чтобы долго длиться.

Выбившись из сил и устав бить и царапать, они поволокли Оливера, вырывавшегося и кричавшего, но не уstraшенного, в чулан и заперли его там.

Когда с этим было покончено, миссис Саурбери упала в кресло и залилась слезами.

- Ах, боже мой, она умирает! - воскликнула Шарлотт.

- Ноэ, миленький, стакан воды!

Скорей!

- О Шарлотт! - сказала миссис Саурбери, стараясь говорить внятно вопреки недостатку воздуха и избытку холодной воды, которой Ноэ облил ей голову и плечи.

- О Шарлотт, какое счастье, что нас всех не зарезали в постели!

- О да! Это - счастье, миссис, - подтвердила та.

- Надеюсь только, что это послужит уроком хозяину, чтобы он впредь не брал этих ужасных созданий, которые с самой колыбели предназначены стать убийцами и грабителями.

Poor Noah!

He was all but killed, ma'am, when I come in.'

'Poor fellow!' said Mrs. Sowerberry: looking piteously on the charity-boy.

Noah, whose top waistcoat-button might have been somewhere on a level with the crown of Oliver's head, rubbed his eyes with the inside of his wrists while this commiseration was bestowed upon him, and performed some affecting tears and sniffs.

'What's to be done!' exclaimed Mrs. Sowerberry.

'Your master's not at home; there's not a man in the house, and he'll kick that door down in ten minutes.'

Oliver's vigorous plunges against the bit of timber in question, rendered this occurrence highly probable.

'Dear, dear!

I don't know, ma'am,' said Charlotte, 'unless we send for the police-officers.'

'Or the millingtary,' suggested Mr. Claypole.

'No, no,' said Mrs. Sowerberry: bethinking herself of Oliver's old friend.

'Run to Mr. Bumble, Noah, and tell him to come here directly, and not to lose a minute; never mind your cap!

Make haste!

You can hold a knife to that black eye, as you run along.

It'll keep the swelling down.'

Noah stopped to make no reply, but started off at his fullest speed; and very much it astonished the people who were out walking, to see a charity-boy tearing through the streets pell-mell, with no cap on his head, and a clasp-knife at his eye.

Бедный Ноэ!

Он был едва жив, миссис, когда я вошла.

- Бедняжка! - сказала миссис Сауербери, глядя с состраданием на приютского мальчика.

Ноэ, верхняя жилетная пуговица которого могла бы оказаться примерно на одном уровне с макушкой Оливера, тер глаза ладонями, пока его осыпали этими соболезнающими возгласами, и, жалобно всхлипывая, выжал из себя несколько слезинок.

- Что нам делать! - воскликнула миссис Сауербери.

- Вашего хозяина нет дома, ни единого мужчины нет в доме, а ведь он через десять минут вышибет эту дверь.

Решительный натиск Оливера на упомянутый кусок дерева делал такое предположение в высшей степени правдоподобным.

- Ах, боже мой! - сказала Шарлотт.

- Не знаю, что делать, миссис... Не послать ли за полицией?

- Или за солдатами! - предложил мистер Клейпол.

- Нет! - сказала миссис Сауербери, вспомнив о старом приятеле Оливера.

- Бегите к мистеру Бамблу, Ноэ, и скажите ему, чтобы он сейчас же, не теряя ни минуты, шел сюда! Бросьте искать шапку!

Скорей!

Вы можете на бегу прикладывать лезвие ножа к подбитому глазу.

Опухоль спадет.

Ноэ не стал тратить времени на ответ и пустился во всю прыть. И как же были удивлены прохожие при виде приютского мальчика, прокладывавшего себе дорогу в уличной толчее, без шапки и со складным ножом, приложенным к глазу.

Noah Claypole ran along the streets at his swiftest pace, and paused not once for breath, until he reached the workhouse-gate.

Having rested here, for a minute or so, to collect a good burst of sobs and an imposing show of tears and terror, he knocked loudly at the wicket; and presented such a rueful face to the aged pauper who opened it, that even he, who saw nothing but rueful faces about him at the best of times, started back in astonishment.

'Why, what's the matter with the boy!' said the old pauper.

'Mr. Bumble!

Mr. Bumble!' cried Noah, with well-affected dismay: and in tones so loud and agitated, that they not only caught the ear of Mr. Bumble himself, who happened to be hard by, but alarmed him so much that he rushed into the yard without his cocked hat, — which is a very curious and remarkable circumstance: as showing that even a beadle, acted upon a sudden and powerful impulse, may be afflicted with a momentary visitation of loss of self-possession, and forgetfulness of personal dignity.

'Oh, Mr. Bumble, sir!' said Noah:

'Oliver, sir, — Oliver has — '

'What?

What?' interposed Mr. Bumble: with a gleam of pleasure in his metallic eyes.

'Not run away; he hasn't run away, has he, Noah?'

'No, sir, no.

Not run away, sir, but he's turned wicious,' replied Noah.

'He tried to murder me, sir; and then he tried to murder Charlotte; and then missis.

Oh! what dreadful pain it is!

Ноэ Клейпол стремглав мчался по улицам и ни разу не остановился, чтобы перевести дух, пока не добежал до ворот работного дома.

Помешкав здесь с минутку, чтобы хорошенько запастись всхлипываниями и скорчить плаксивую и испуганную мину, он громко постучал в калитку и предстал перед стариком нищим, открывшим ее, с такой унылой физиономией, что даже этот старик, который и в лучшие времена видел вокруг себя только унылые лица, с удивлением попятился.

- Что это случилось с мальчиком? - спросил старик нищий.

- Мистера Бамбла!

Мистера Бамбла! - закричал Ноэ с ловко разыгранным отчаянием и таким громким и встревоженным голосом, что эти слова не только коснулись слуха самого мистера Бамбла, случайно находившегося поблизости, но привели его в смятение, и он выбежал во двор без треуголки - обстоятельство весьма любопытное и примечательное: оно свидетельствует о том, что даже бидл, действуя под влиянием внезапного и сильного порыва, может временно потерять самообладание и забыть о собственном достоинстве.

- О мистер Бамбл, сэр! - вскричал Ноэ.

- Оливер, сэр... Оливер...

- Что?

Что такое? - перебил мистер Бамбл, глаза которого засветились радостью.

- Неужели сбежал? Неужели он сбежал, Ноэ?

- Нет, сэр!

Не сбежал, сэр! Он оказался злодеем!

Он хотел убить меня, сэр, а потом хотел убить Шарлотт, а потом хозяйку.

Ох, какая ужасная боль!

Such agony, please, sir!

And here, Noah writhed and twisted his body into an extensive variety of eel-like positions; thereby giving Mr. Bumble to understand that, from the violent and sanguinary onset of Oliver Twist, he had sustained severe internal injury and damage, from which he was at that moment suffering the acutest torture.

When Noah saw that the intelligence he communicated perfectly paralysed Mr. Bumble, he imparted additional effect thereunto, by bewailing his dreadful wounds ten times louder than before; and when he observed a gentleman in a white waistcoat crossing the yard, he was more tragic in his lamentations than ever: rightly conceiving it highly expedient to attract the notice, and rouse the indignation, of the gentleman aforesaid.

The gentleman's notice was very soon attracted; for he had not walked three paces, when he turned angrily round, and inquired what that young cur was howling for, and why Mr. Bumble did not favour him with something which would render the series of vocular exclamations so designated, an involuntary process?

'It's a poor boy from the free-school, sir,' replied Mr. Bumble, 'who has been nearly murdered — all but murdered, sir, — by young Twist.'

'By Jove!' exclaimed the gentleman in the white waistcoat, stopping short.

'I knew it!

I felt a strange presentiment from the very first, that that audacious young savage would come to be hung!'

'He has likewise attempted, sir, to murder the female servant,' said Mr. Bumble, with a face of ashy paleness.

'And his missis,' interposed Mr. Claypole.

'And his master, too, I think you said, Noah?' added Mr. Bumble.

'No! he's out, or he would have murdered him,' replied Noah.

Какие муки, сэр!

Тут Ноэ начал корчиться и извиваться, как угорь, тем самым давая понять мистеру Бамблу, что неистовое и кровожадное нападение Оливера Твиста привело к серьезным внутренним повреждениям, которые причиняют ему нестерпимую боль.

Увидев, что сообщенное им известие совершенно парализовало мистера Бамбла, он постарался еще усилить впечатление, принявшись сетовать на свои страшные раны в десять раз громче, чем раньше. Когда же он заметил джентльмена в белом жилете, шедшего по двору, вопли его стали еще более трагическими, ибо он правильно рассудил, что было бы весьма целесообразно привлечь внимание и привести в негодование вышеупомянутого джентльмена.

Внимание джентльмена было очень скоро привлечено. Не сделав и трех шагов, он гневно обернулся и спросил, почему этот дрянной мальчишка воет и почему мистер Бамбл не угостит его чем-нибудь так, чтобы эти звуки, названные воем, вырывались у него произвольно.

- Это бедный мальчик из приютской школы, сэр, - ответил мистер Бамбл. - Его чуть не убил - совсем уж почти убил - тот мальчишка, Твист.

- Черт возьми! - воскликнул джентльмен в белом жилете, остановившись как вкопанный.

- Я так и знал!

С самого начала у меня было странное предчувствие, что этот дерзкий мальчишка кончит виселицей!

- Он пытался также, сэр, убить служанку, - сказал мистер Бамбл, лицо которого приняло землистый оттенок.

- И свою хозяйку, - вставил мистер Клейпол.

- И своего хозяина, кажется, так вы сказали, Ноэ? - добавил мистер Бамбл.

- Нет, хозяина нет дома, а то бы он его убил, - ответил Ноэ.

'He said he wanted to.'

'Ah!

Said he wanted to, did he, my boy?' inquired the gentleman in the white waistcoat.

'Yes, sir,' replied Noah.

'And please, sir, missis wants to know whether Mr. Bumble can spare time to step up there, directly, and flog him — 'cause master's out.'

'Certainly, my boy; certainly,' said the gentleman in the white waistcoat: smiling benignly, and patting Noah's head, which was about three inches higher than his own.

'You're a good boy — a very good boy.

Here's a penny for you.

Bumble, just step up to Sowerberry's with your cane, and see what's best to be done.

Don't spare him, Bumble.'

'No, I will not, sir,' replied the beadle. And the cocked hat and cane having been, by this time, adjusted to their owner's satisfaction, Mr. Bumble and Noah Claypole betook themselves with all speed to the undertaker's shop.

Here the position of affairs had not at all improved.

Sowerberry had not yet returned, and Oliver continued to kick, with undiminished vigour, at the cellar-door.

The accounts of his ferocity as related by Mrs. Sowerberry and Charlotte, were of so startling a nature, that Mr. Bumble judged it prudent to parley, before opening the door.

With this view he gave a kick at the outside, by way of prelude; and, then, applying his mouth to

- Он сказал, что убьет.

- Ну?

Он сказал, что убьет? - спросил джентльмен в белом жилете.

- Да, сэр, - ответил Ноэ.

- И простите, сэр, хозяйка хотела узнать, не может ли мистер Бамбл уделить время, чтобы зайти туда сейчас и выпороть его, потому что хозяина нет дома.

- Разумеется, разумеется, - сказал джентльмен в белом жилете, благосклонно улыбаясь и поглаживая Ноэ по голове, которая находилась примерно на три дюйма выше его собственной.

- Ты - славный мальчик, очень славный.

Вот тебе пенни...

Бамбл, отправляйтесь-ка с вашей тростью к Сауербери и посмотрите, что там нужно сделать.

Не щадите его, Бамбл.

- Не буду щадить, сэр, - ответил Бамбл, поправляя дратву, которой был обмотан конец его трости, предназначенной для бичеваний. - И Сауербери скажите, чтобы он его не щадил. Без синяков и ссадин от него ничего не добиться, - сказал джентльмен в белом жилете. - Я позабочусь об этом, сэр, - ответил бидл. И так как треуголка и трость были уже приведены в порядок, к удовольствию их владельца, мистер Бамбл поспешил с Ноэ Клейполом в лавку гробовщика.

Здесь положение дел отнюдь не изменилось к лучшему.

Сауербери еще не вернулся, а Оливер с прежним рвением колотил ногами в дверь погреба.

Ярость его, по словам миссис Сауербери и Шарлотт, была столь ужасна, что мистер Бамбл счел благоразумным сперва начать переговоры, а потом уже отпереть дверь.

С этой целью он в виде вступления ударил ногой в дверь, а затем, приложив губы к замочной скважине, произнес голосом низким

the keyhole, said, in a deep and impressive tone:

'Oliver!'

'Come; you let me out!' replied Oliver, from the inside.

'Do you know this here voice, Oliver?' said Mr. Bumble.

'Yes,' replied Oliver.

'Ain't you afraid of it, sir?

Ain't you a-trembling while I speak, sir?' said Mr. Bumble.

'No!' replied Oliver, boldly.

An answer so different from the one he had expected to elicit, and was in the habit of receiving, staggered Mr. Bumble not a little.

He stepped back from the keyhole; drew himself up to his full height; and looked from one to another of the three bystanders, in mute astonishment.

'Oh, you know, Mr. Bumble, he must be mad,' said Mrs. Sowerberry.

'No boy in half his senses could venture to speak so to you.'

'It's not Madness, ma'am,' replied Mr. Bumble, after a few moments of deep meditation.

'It's Meat.'

'What?' exclaimed Mrs. Sowerberry.

'Meat, ma'am, meat,' replied Bumble, with stern emphasis.

'You've over-fed him, ma'am.

You've raised a artificial soul and spirit in him, ma'am unbecoming a person of his condition: as the board, Mrs. Sowerberry, who are practical philosophers, will tell you.

What have paupers to do with soul or spirit?

и внушительным:

- Оливер!

- Выпустите меня! - отозвался Оливер из погреба.

- Ты узнаешь мой голос, Оливер? - спросил мистер Бамбл.

- Да, - ответил Оливер.

- И ты не боишься?

Не трепещешь, когда я говорю? - спросил мистер Бамбл.

- Нет! - дерзко ответил Оливер.

Ответ, столь не похожий на тот, какой он ждал услышать и какой привык получать, не на шутку потряс мистера Бамбла.

Он попятился от замочной скважины, выпрямился во весь рост и в немом изумлении посмотрел на присутствующих, перевода взгляд с одного на другого.

- Ох, мистер Бамбл, должно быть, он с ума спятил, - сказала миссис Сауербери.

- Ни один мальчишка, будь он хотя бы наполовину в здравом рассудке, не осмелился бы так разговаривать с вами.

- Это не сумасшествие, миссис, - ответил мистер Бамбл после недолгого глубокого раздумья.

- Это мясо.

- Что такое? - воскликнула миссис Сауербери.

- Мясо, миссис, мясо! - повторил Бамбл сурово и выразительно.

- Вы его закармлили, миссис.

Вы пробудили в нем противоестественную душу и противоестественный дух, которые не подобает иметь человеку в его положении. Это скажут вам, миссис Сауербери, и члены приходского совета, а они - практические философы.

Что делать беднякам с душой или духом?

It's quite enough that we let 'em have live bodies.

If you had kept the boy on gruel, ma'am, this would never have happened.'

'Dear, dear!' ejaculated Mrs. Sowerberry, piously raising her eyes to the kitchen ceiling: 'this comes of being liberal!'

The liberality of Mrs. Sowerberry to Oliver, had consisted of a profuse bestowal upon him of all the dirty odds and ends which nobody else would eat; so there was a great deal of meekness and self-devotion in her voluntarily remaining under Mr. Bumble's heavy accusation.

Of which, to do her justice, she was wholly innocent, in thought, word, or deed.

'Ah!' said Mr. Bumble, when the lady brought her eyes down to earth again; 'the only thing that can be done now, that I know of, is to leave him in the cellar for a day or so, till he's a little starved down; and then to take him out, and keep him on gruel all through the apprenticeship.

He comes of a bad family.

Excitable natures, Mrs. Sowerberry!

Both the nurse and doctor said, that that mother of his made her way here, against difficulties and pain that would have killed any well-disposed woman, weeks before.'

At this point of Mr. Bumble's discourse, Oliver, just hearing enough to know that some allusion was being made to his mother, recommenced kicking, with a violence that rendered every other sound inaudible.

Sowerberry returned at this juncture.

Oliver's offence having been explained to him, with such exaggerations as the ladies thought best calculated to rouse his ire, he unlocked the cellar-door in a twinkling, and dragged his rebellious apprentice out, by the collar.

Хватит с них того, что мы им оставляем тело.

Если бы вы, миссис, держали мальчика на каше, этого никогда бы не случилось.

- Ах, боже мой! - возопила миссис Сауербери, набожно возведя глаза к потолку. - Вот что значит быть щедрой!

Щедрость миссис Сауербери по отношению к Оливеру выражалась в том, что она, не скупясь, наделяла его отвратительными объедками, которых никто другой не стал бы есть. И, следовательно, было немало покорности и самоотвержения в ее согласии добровольно принять на себя столь тяжкое обвинение, выдвинутое мистером Бамблом.

Надо быть справедливым и отметить, что в этом она была неповинна ни помышлением, ни словом, ни делом.

- Ах! - сказал мистер Бамбл, когда леди снова опустила глаза долу. - Единственное, что можно сейчас сделать, - это оставить его на день-другой в погребе, чтобы он немножко проголодался, а потом вывести его оттуда и кормить одной кашей, пока не закончится срок его обучения.

Он из дурной семьи.

Легко возбуждающиеся натуры, миссис Сауербери!

И сиделка и доктор говорили, что его мать приплелась сюда, невзирая на такие препятствия и мучения, которые давным-давно убили бы любую добропорядочную женщину.

Когда мистер Бамбл довел свою речь до этого пункта, Оливер, услышав ровно столько, чтобы уловить снова упоминание о своей матери, опять заколотил ногами в дверь с таким неистовством, что заглушил все прочие звуки.

В этот критический момент вернулся Сауербери.

Когда ему поведали о преступлении Оливера с теми преувеличениями, какие, по мнению обеих леди, могли наилучшим образом воспламенить его гнев, он немедленно отпер дверь погреба и вытащил за шиворот своего взбунтовавшегося ученика.

Oliver's clothes had been torn in the beating he had received; his face was bruised and scratched; and his hair scattered over his forehead.

The angry flush had not disappeared, however; and when he was pulled out of his prison, he scowled boldly on Noah, and looked quite undismayed.

'Now, you are a nice young fellow, ain't you?' said Sowerberry; giving Oliver a shake, and a box on the ear.

'He called my mother names,' replied Oliver.

'Well, and what if he did, you little ungrateful wretch?' said Mrs. Sowerberry.

'She deserved what he said, and worse.'

'She didn't' said Oliver.

'She did,' said Mrs. Sowerberry.

'It's a lie!' said Oliver.

Mrs. Sowerberry burst into a flood of tears.

This flood of tears left Mr. Sowerberry no alternative.

If he had hesitated for one instant to punish Oliver most severely, it must be quite clear to every experienced reader that he would have been, according to all precedents in disputes of matrimony established, a brute, an unnatural husband, an insulting creature, a base imitation of a man, and various other agreeable characters too numerous for recital within the limits of this chapter.

To do him justice, he was, as far as his power went — it was not very extensive — kindly disposed towards the boy; perhaps, because it was his interest to be so; perhaps, because his wife disliked him.

The flood of tears, however, left him no resource; so he at once gave him a drubbing, which satisfied even Mrs. Sowerberry herself, and rendered Mr. Bumble's subsequent application of the parochial cane, rather unnecessary.

Одежда Оливера была разорвана в клочья во время избиения; лицо в синяках и царапинах; всклокоченные волосы падали ему на лоб.

Но лицо его по-прежнему пылало от ярости, а когда его извлекли из темницы, он бросил грозный взгляд на Ноэ и казался нисколько не запуганным.

- Нечего сказать, хорош парень! - произнес Сауербери, встряхнув Оливера и угостив его пощечиной.

- Он ругал мою мать, - ответил Оливер.

- Ну так что за беда, если и ругал, неблагодарная, негодная ты тварь? - воскликнула миссис Сауербери.

- Она заслужила все, что он о ней говорил, и даже больше.

- Нет, не заслужила, - сказал Оливер.

- Нет, заслужила, - сказала миссис Сауербери.

- Это неправда! - крикнул Оливер. - Неправда!

Миссис Сауербери залилась потоком слез.

Этот поток слез лишил мистера Сауербери возможности сделать выбор.

Если бы он хоть на минутку поколебался сурово наказать Оливера согласно всем прецедентам в супружеских размолвках, то заслужил бы, как поймет искушенный читатель, наименование скотины, чудовища, оскорбителя, гнусной пародии на мужчину и другие лестные отзывы, слишком многочисленные, чтобы их можно было уместить в пределах этой главы.

Нужно отдать ему справедливость: поскольку простиралась его власть, - а она простиралась недалеко, - он был расположен щадить мальчика, может быть потому, что это отвечало его интересам, а быть может потому, что его жена не любила Оливера.

Однако поток ее слез поставил его в безвыходное положение, и он отколотил Оливера так, что удовлетворил даже миссис Сауербери, а мистеру Бамблу в сущности уже незачем было пускать в ход приходскую трость.

For the rest of the day, he was shut up in the back kitchen, in company with a pump and a slice of bread; and at night, Mrs. Sowerberry, after making various remarks outside the door, by no means complimentary to the memory of his mother, looked into the room, and, amidst the jeers and pointings of Noah and Charlotte, ordered him upstairs to his dismal bed.

It was not until he was left alone in the silence and stillness of the gloomy workshop of the undertaker, that Oliver gave way to the feelings which the day's treatment may be supposed likely to have awakened in a mere child.

He had listened to their taunts with a look of contempt; he had borne the lash without a cry: for he felt that pride swelling in his heart which would have kept down a shriek to the last, though they had roasted him alive.

But now, when there were none to see or hear him, he fell upon his knees on the floor; and, hiding his face in his hands, wept such tears as, God send for the credit of our nature, few so young may ever have cause to pour out before him!

For a long time, Oliver remained motionless in this attitude.

The candle was burning low in the socket when he rose to his feet.

Having gazed cautiously round him, and listened intently, he gently undid the fastenings of the door, and looked abroad.

It was a cold, dark night.

The stars seemed, to the boy's eyes, farther from the earth than he had ever seen them before; there was no wind; and the sombre shadows thrown by the trees upon the ground, looked sepulchral and death-like, from being so still.

He softly reclosed the door.

Having availed himself of the expiring light of the candle to tie up in a handkerchief the few articles of wearing apparel he had, sat himself down upon a bench, to wait for morning.

До наступления ночи Оливер сидел под замком в чулане в обществе насоса и ломтя хлеба, а вечером миссис Саурбери, стоя за дверью, сделала ряд замечаний, отнюдь не лестных для памяти его матери, затем - Ноз и Шарлотт все это время осыпали его насмешками и остротами - приказала ему идти наверх, где находилось его жалкое ложе.

Оставшись один в безмолвии и тишине мрачной лавки гробовщика, Оливер только тогда дал волю чувствам, которые после такого дня могли пробудиться даже в душе ребенка.

Он с презрением слушал язвительные замечания, он без единого крика перенес удары плетью, ибо сердце его исполнилось той гордости, которая заставила бы его молчать до последней минуты, даже если бы его поджаривали на огне.

Но теперь, когда никто не видел и не слышал его, Оливер упал на колени и заплакал такими слезами, какие мало кто в столь юном возрасте имел основания проливать - к чести нашей, бог дарует их смертным.

Долго оставался Оливер в этой позе.

Свеча догорала в подсвечнике, когда он встал.

Осторожно осматриваясь и чутко прислушиваясь, он потихоньку отпер дверь и выглянул на улицу.

Была холодная, темная ночь.

На взгляд мальчика, звезды были дальше от земли, чем он привык их видеть; ветра не было, и мрачные тени, отбрасываемые на землю деревьями, казались призрачными и мертвыми - так были они неподвижны.

Он тихо запер дверь.

При слабом свете догорающей свечи, увязав в носовой платок коекакую свою одежду, он сел на скамейку и стал ждать утра.

With the first ray of light that struggled through the crevices in the shutters, Oliver arose, and again unbarred the door.

One timid look around — one moment's pause of hesitation — he had closed it behind him, and was in the open street.

He looked to the right and to the left, uncertain whither to fly.

He remembered to have seen the waggons, as they went out, toiling up the hill.

He took the same route; and arriving at a footpath across the fields: which he knew, after some distance, led out again into the road; struck into it, and walked quickly on.

Along this same footpath, Oliver well-remembered he had trotted beside Mr. Bumble, when he first carried him to the workhouse from the farm.

His way lay directly in front of the cottage.

His heart beat quickly when he bethought himself of this; and he half resolved to turn back.

He had come a long way though, and should lose a great deal of time by doing so.

Besides, it was so early that there was very little fear of his being seen; so he walked on.

He reached the house.

There was no appearance of its inmates stirring at that early hour.

Oliver stopped, and peeped into the garden.

A child was weeding one of the little beds; as he stopped, he raised his pale face and disclosed the features of one of his former companions.

Oliver felt glad to see him, before he went; for, though younger than himself, he had been his little friend and playmate.

They had been beaten, and starved, and shut up together, many and many a time.

'Hush, Dick!' said Oliver, as the boy ran to the

Когда первый луч света пробился сквозь щели в ставнях, Оливер встал и снова снял дверные засовы.

Робкий взгляд, брошенный вокруг, минутное колебание - и он притворил за собой дверь и очутился на улице.

Он посмотрел направо, потом налево, не зная, куда бежать.

Он вспомнил, что повозки, выезжая из города, медленно поднимались на холм.

Он избрал этот путь и, дойдя до тропинки, пересекавшей поле, которая, как он знал, дальше снова выходила на дорогу, свернул на эту тропинку и быстро пошел вперед.

Оливер прекрасно помнил, что по этой самой тропинке он бежал рысцой рядом с мистером Бамблом, когда тот вел его с фермы в рабочий дом.

Путь его лежал как раз мимо коттеджа.

Сердце у него сильно забилося, когда он об этом подумал, и он чуть было не повернул назад.

Но он уже прошел немалое расстояние и потерял бы много времени на обратный путь.

К тому же было очень рано, и вряд ли были основания опасаться, что его увидят. Итак, он двинулся вперед.

Он поравнялся с домом.

По-видимому, в такой ранний час все обитатели его еще спали.

Оливер остановился и заглянул в сад.

Какой-то мальчик полыл грядку; когда Оливер остановился, он поднял бледное личико - это был один из его прежних товарищей.

Оливер обрадовался, что увидел его, прежде чем отсюда уйти: мальчик был моложе его, но Оливер жил с ним в дружбе и часто они вместе играли.

Много раз их обоих били, морили голодом, сажали под замок.

- Тише, Дик! - сказал Оливер, когда мальчик

gate, and thrust his thin arm between the rails to greet him.

'Is any one up?'

'Nobody but me,' replied the child.

'You musn't say you saw me, Dick,' said Oliver.

'I am running away.

They beat and ill-use me, Dick; and I am going to seek my fortune, some long way off.

I don't know where.

How pale you are!'

'I heard the doctor tell them I was dying,' replied the child with a faint smile.

'I am very glad to see you, dear; but don't stop, don't stop!'

'Yes, yes, I will, to say good-b'ye to you,' replied Oliver.

'I shall see you again, Dick.

I know I shall!

You will be well and happy!'

'I hope so,' replied the child.

'After I am dead, but not before.

I know the doctor must be right, Oliver, because I dream so much of Heaven, and Angels, and kind faces that I never see when I am awake.

Kiss me,' said the child, climbing up the low gate, and flinging his little arms round Oliver's neck.

'Good-b'ye, dear!

God bless you!'

The blessing was from a young child's lips, but it was the first that Oliver had ever heard invoked upon his head; and through the struggles and sufferings, and troubles and changes, of his after life, he never once forgot it.

подбежал к калитке и просунул между перекладинами худую руку, чтобы поздороваться с ним.

- Никто еще не встал?

- Никто, кроме меня, - ответил мальчик.

- Дик, не говори, что ты меня видел, - сказал Оливер.

- Я сбежал.

Меня били и обижали, и я решил искать счастья где-нибудь далеко отсюда.

Не знаю только где.

Какой ты бледный!

- Я слышал, как доктор сказал, что я умру, - слабо улыбнувшись, ответил мальчик.

- Я рад, что повидался с тобой, но уходи, уходи!

- Нет, я хочу попрощаться с тобой, - сказал Оливер.

- Мы еще увидимся, Дик.

Знаю, что увидимся!

Ты будешь здоровым и счастливым!

- Надеюсь, - ответил мальчик.

- После того как умру.

Я знаю, доктор прав, Оливер, потому что мне часто снятся небо, ангелы и добрые лица, которых я никогда не вижу наяву.

Поцелуй меня, - сказал мальчик, вскарабкавшись на низкую калитку и обвив ручонками шею Оливера.

- Прощай, милый!

Да благословит тебя бог.

Это благословение произнесли уста ребенка, но Оливер впервые услышал, что на него призывают благословение, и в последующей своей жизни, полной борьбы, страданий, превратностей и невзгод, он никогда не забывал его.

CHAPTER VIII — OLIVER WALKS TO LONDON. HE ENCOUNTERS ON THE ROAD A STRANGE SORT OF YOUNG GENTLEMAN

Oliver reached the stile at which the by-path terminated; and once more gained the high-road.

It was eight o'clock now.

Though he was nearly five miles away from the town, he ran, and hid behind the hedges, by turns, till noon: fearing that he might be pursued and overtaken.

Then he sat down to rest by the side of the milestone, and began to think, for the first time, where he had better go and try to live.

The stone by which he was seated, bore, in large characters, an intimation that it was just seventy miles from that spot to London.

The name awakened a new train of ideas in the boy's mind.

London! — that great place! — nobody — not even Mr. Bumble — could ever find him there!

He had often heard the old men in the workhouse, too, say that no lad of spirit need want in London; and that there were ways of living in that vast city, which those who had been bred up in country parts had no idea of.

It was the very place for a homeless boy, who must die in the streets unless some one helped him.

As these things passed through his thoughts, he jumped upon his feet, and again walked forward.

He had diminished the distance between himself and London by full four miles more, before he recollected how much he must undergo ere he could hope to reach his place of destination.

As this consideration forced itself upon him, he slackened his pace a little, and meditated upon his means of getting there.

ГЛАВА VIII — Оливер идет в Лондон. Он встречает на дороге странного молодого джентльмена

Оливер добрался до перелаза, которым кончалась тропинка, и снова вышел на большую дорогу.

Было восемь часов.

Хотя от города его отделяло почти пять миль, но до полудня он бежал, прячась за изгородями, опасаясь, что его преследуют и могут настигнуть.

Наконец, он сел отдохнуть у придорожного столба и впервые задумался о том, куда ему идти и где жить.

На столбе, у которого он сидел, было начертано крупными буквами, что отсюда до Лондона ровно семьдесят миль.

Эта надпись вызвала у мальчика вереницу мыслей.

Лондон!.. Величественный, огромный город!.. Никто - даже сам мистер Бамбл - никогда не сможет отыскать его там!

Старики в работном доме говаривали, что ни один толковый парень не будет нуждаться, живя в Лондоне, и в этом большом городе существуют такие способы зарабатывать деньги, о каких понятия не имеют люди, выросшие в провинции.

Это было самое подходящее место для бездомного мальчика, которому придется умереть на улице, если никто ему не поможет.

Когда эти мысли пришли ему в голову, он вскочил и снова зашагал вперед.

Расстояние между ним и Лондоном уменьшилось еще на добрые четыре мили, прежде чем он сообразил, сколько он должен претерпеть, пока достигнет цели своего путешествия.

Слегка замедлив шаги, он задумался о том, как ему туда добраться.

He had a crust of bread, a coarse shirt, and two pairs of stockings, in his bundle.

He had a penny too — a gift of Sowerberry's after some funeral in which he had acquitted himself more than ordinarily well — in his pocket.

'A clean shirt,' thought Oliver, 'is a very comfortable thing; and so are two pairs of darned stockings; and so is a penny; but they are small helps to a sixty-five miles' walk in winter time.'

But Oliver's thoughts, like those of most other people, although they were extremely ready and active to point out his difficulties, were wholly at a loss to suggest any feasible mode of surmounting them; so, after a good deal of thinking to no particular purpose, he changed his little bundle over to the other shoulder, and trudged on.

Oliver walked twenty miles that day; and all that time tasted nothing but the crust of dry bread, and a few draughts of water, which he begged at the cottage-doors by the road-side.

When the night came, he turned into a meadow; and, creeping close under a hay-rick, determined to lie there, till morning.

He felt frightened at first, for the wind moaned dismally over the empty fields: and he was cold and hungry, and more alone than he had ever felt before.

Being very tired with his walk, however, he soon fell asleep and forgot his troubles.

He felt cold and stiff, when he got up next morning, and so hungry that he was obliged to exchange the penny for a small loaf, in the very first village through which he passed.

He had walked no more than twelve miles, when night closed in again.

His feet were sore, and his legs so weak that they trembled beneath him.

Another night passed in the bleak damp air, made him worse; when he set forward on his journey next morning he could hardly crawl along.

В узелке у него была корка хлеба, грубая рубашка и две пары чулок.

Кроме того, в кармане был пенни - подарок Саурбери после каких-то похорон, на которых Оливер особенно отличился.

"Чистая рубашка, - подумал Оливер, - вещь прекрасная, так же как две пары заштопанных чулок и пенни; но от этого мало пользы тому, кто должен пройти шестьдесят пять миль в зимнюю пору".

Оливер, как и большинство людей, отличался чрезвычайной готовностью и умением подмечать трудности, но был совершенно беспомощен, когда нужно было придумать какой-нибудь осуществимый способ их преодолеть. И после долгих размышлений, оказавшихся бесплодными, он перебросил свой узелок через другое плечо и поплелся дальше.

В тот день Оливер прошел двадцать миль, и за все это время у него во рту не было ничего, кроме сухой корки хлеба и воды, которую он выпросил у дверей придорожного коттеджа.

Когда стемнело, он свернул на луг и, забравшись в стог сена, решил лежать здесь до утра.

Сначала ему было страшно, потому что ветер уныло завывал над оголенными полями. Ему было холодно, он был голоден и никогда еще не чувствовал себя таким одиноким.

Но, очень устав от ходьбы, он скоро заснул и забыл о своих невзгодах.

К утру он озяб, окоченел и был так голоден, что поневоле обменял свой пенни на маленький хлебец в первой же деревне, через которую случилось ему проходить.

Он прошел не больше двенадцати миль, когда снова спустилась ночь.

Ступни его ныли, и от усталости подкашивались ноги.

Прошла еще одна ночь, которую он провел в холодном, сыром месте, и ему стало еще хуже; когда наутро он тронулся в путь, то едва волочил ноги.

He waited at the bottom of a steep hill till a stage-coach came up, and then begged of the outside passengers; but there were very few who took any notice of him: and even those told him to wait till they got to the top of the hill, and then let them see how far he could run for a halfpenny.

Poor Oliver tried to keep up with the coach a little way, but was unable to do it, by reason of his fatigue and sore feet.

When the outsiders saw this, they put their halfpence back into their pockets again, declaring that he was an idle young dog, and didn't deserve anything; and the coach rattled away and left only a cloud of dust behind.

In some villages, large painted boards were fixed up: warning all persons who begged within the district, that they would be sent to jail.

This frightened Oliver very much, and made him glad to get out of those villages with all possible expedition.

In others, he would stand about the inn-yards, and look mournfully at every one who passed: a proceeding which generally terminated in the landlady's ordering one of the post-boys who were lounging about, to drive that strange boy out of the place, for she was sure he had come to steal something.

If he begged at a farmer's house, ten to one but they threatened to set the dog on him; and when he showed his nose in a shop, they talked about the beadle — which brought Oliver's heart into his mouth, — very often the only thing he had there, for many hours together.

In fact, if it had not been for a good-hearted turnpike-man, and a benevolent old lady, Oliver's troubles would have been shortened by the very same process which had put an end to his mother's; in other words, he would most assuredly have fallen dead upon the king's highway.

But the turnpike-man gave him a meal of bread and cheese; and the old lady, who had a shipwrecked grandson wandering barefoot in

Он подождал у подножия крутого холма, пока приблизится почтовая карета, и попросил милостыню у пассажиров, сидевших снаружи, но мало кто обратил на него внимание, да и те сказали, чтобы он подождал, пока они поднимутся на вершину холма, а тогда они посмотрят, так ли он быстро побежит, чтобы получить полпенни.

Бедный Оливер старался не отставать от кареты, но потерпел неудачу: он очень устал, и у него болели ноги.

Наружные пассажиры спрятали в карман свои полпенни, заявив, что он - ленивый щенок и ровно ничего не заслуживает. И карета с грохотом укатила, оставив за собой только облако пыли.

В некоторых деревнях были прибиты большие цветные доски с предупреждением всем, кто просит милостыню в этой округе, что им грозит тюрьма.

Оливера это всякий раз очень пугало, и он спешил поскорее покинуть эти места.

В других деревнях он стоял у гостиниц и горестно смотрел на прохожих; обычно это кончалось тем, что хозяйка гостиницы приказывала одному из фореиторов, слонявшихся поблизости, прогнать мальчишку, потому что - в этом она уверена - он хочет что-нибудь стащить.

Если он просил милостыню у двери фермера, в девяти случаях из десяти грозили натравить на него собаку, а когда он просовывал нос в лавку, заходила речь о бидле, после чего у Оливера от страха пересыхало во рту, а ведь частенько у него во рту ничего, кроме слюны, не бывало.

В конце концов не будь добросердечного сторожа у заставы и милосердной старой леди, страдания Оливера закончились бы гораздо скорее, так же как и страдания его матери, - иными словами, он упал бы мертвым на королевской большой дороге.

Но сторож у заставы накормил его хлебом и сыром, а старая леди, внук которой, потерпев кораблекрушение, скитался босой в какой-то

some distant part of the earth, took pity upon the poor orphan, and gave him what little she could afford — and more — with such kind and gentle words, and such tears of sympathy and compassion, that they sank deeper into Oliver's soul, than all the sufferings he had ever undergone.

Early on the seventh morning after he had left his native place, Oliver limped slowly into the little town of Barnet.

The window-shutters were closed; the street was empty; not a soul had awakened to the business of the day.

The sun was rising in all its splendid beauty; but the light only served to show the boy his own lonesomeness and desolation, as he sat, with bleeding feet and covered with dust, upon a doorstep.

By degrees, the shutters were opened; the window-blinds were drawn up; and people began passing to and fro.

Some few stopped to gaze at Oliver for a moment or two, or turned round to stare at him as they hurried by; but none relieved him, or troubled themselves to inquire how he came there.

He had no heart to beg.

And there he sat.

He had been crouching on the step for some time: wondering at the great number of public-houses (every other house in Barnet was a tavern, large or small), gazing listlessly at the coaches as they passed through, and thinking how strange it seemed that they could do, with ease, in a few hours, what it had taken him a whole week of courage and determination beyond his years to accomplish: when he was roused by observing that a boy, who had passed him carelessly some minutes before, had returned, and was now surveying him most earnestly from the opposite side of the way.

He took little heed of this at first; but the boy remained in the same attitude of close observation so long, that Oliver raised his head, and returned

далекой стране, пожалела бедного сироту и дала ему то небольшое, что могла уделить; и самое главное, она подарила ему добрые, ласковые слова и слезы сочувствия и сострадания, запавшие в душу Оливера глубже, чем все перенесенные им доселе мучения.

На седьмой день после ухода из родного города Оливер, прихрамывая, медленно вошел рано утром в городок Барнет.

Ставни на окнах были закрыты, улицы пустынные: никто еще не просыпался для повседневных дел.

Солнце вставало во всем своем великолепии, но свет заставил Оливера только сильнее почувствовать свое полное одиночество и заброшенность, когда он с окровавленными ногами, покрытый пылью, сидел на ступеньках у какой-то двери.

Постепенно начали открываться ставни; поднялись шторы на окнах, и на улице появились прохожие.

Иные на минутку приостанавливались и смотрели на Оливера или на ходу оборачивались, чтобы взглянуть на него; но никто не пришел ему на помощь и не спросил, как он сюда попал.

У него не хватало духу просить милостыню.

И он по-прежнему сидел у двери.

Долго он сидел, съежившись, на ступеньке, удивляясь количеству трактиров (в каждом втором доме города Барнета помещалась таверна, большая или маленькая), равнодушно посматривая на проезжающие мимо кареты и размышляя о том, как странно, что им ничего не стоит проделать в несколько часов то, на что ему понадобилась целая неделя, в течение которой он проявил мужество и решимость, несвойственные его возрасту. Вдруг он заметил мальчика, который, безучастно пройдя мимо него несколько минут назад, вернулся и теперь очень пристально следил за ним с противоположной стороны улицы.

Сначала он не придал этому значения, но мальчик так долго занимался наблюдением, что Оливер поднял голову и тоже посмотрел на

his steady look.

Upon this, the boy crossed over; and walking close up to Oliver, said,

'Hullo, my covey!

What's the row?'

The boy who addressed this inquiry to the young wayfarer, was about his own age: but one of the queerest looking boys that Oliver had even seen.

He was a snub-nosed, flat-browed, common-faced boy enough; and as dirty a juvenile as one would wish to see; but he had about him all the airs and manners of a man.

He was short of his age: with rather bow-legs, and little, sharp, ugly eyes.

His hat was stuck on the top of his head so lightly, that it threatened to fall off every moment — and would have done so, very often, if the wearer had not had a knack of every now and then giving his head a sudden twitch, which brought it back to its old place again.

He wore a man's coat, which reached nearly to his heels.

He had turned the cuffs back, half-way up his arm, to get his hands out of the sleeves: apparently with the ultimate view of thrusting them into the pockets of his corduroy trousers; for there he kept them.

He was, altogether, as roystering and swaggering a young gentleman as ever stood four feet six, or something less, in the bluchers.

'Hullo, my covey!

What's the row?' said this strange young gentleman to Oliver.

'I am very hungry and tired,' replied Oliver: the tears standing in his eyes as he spoke.

'I have walked a long way.

I have been walking these seven days.'

него в упор.

Тогда мальчик перешел улицу и, подойдя к Оливеру, сказал:

- Эй, парнишка!

Какая беда стряслась?

Мальчик, обратившийся с этим вопросом к юному путешественнику, был примерно одних с ним лет, но казался самым удивительным из всех мальчиков, каких случалось встречать Оливеру.

Он был курносый, с плоским лбом, ничем не примечательной физиономией и такой грязный, каким только можно вообразить юнца, но напускал на себя важность и держался как взрослый.

Для своих лет он был мал ростом, ноги у него были кривые, а глазки острые и противные.

Шляпа едва держалась у него на макушке, ежеминутно грозя слететь; это случилось бы с ней не раз, если бы ее владелец не имел привычки то и дело встряхивать головой, после чего шляпа водворялась на прежнее место.

На нем был сюртук взрослого мужчины, доходивший ему до пят.

Обшлага он отвернул до локтя, выпростав кисти рук из рукавов, по-видимому с той целью, чтобы засунуть их с вызывающим видом в карманы плисовых штанов, ибо руки он держал в карманах.

Вообще это был самый развязный и самоуверенный молодой джентльмен, ростом около четырех футов шести дюймов и в блюхеровских башмаках *.

- Эй, парнишка!

Какая беда стряслась? - сказал сей странный молодой джентльмен Оливеру.

- Я очень устал и проголодался, - со слезами на глазах ответил Оливер.

- Я пришел издалека.

Я иду вот уже семь дней.

'Walking for sivin days!' said the young gentleman.

'Oh, I see.

Beak's order, eh?

But,' he added, noticing Oliver's look of surprise, 'I suppose you don't know what a beak is, my flash com-pan-i-on.'

Oliver mildly replied, that he had always heard a bird's mouth described by the term in question.

'My eyes, how green!' exclaimed the young gentleman.

'Why, a beak's a madgst'rate; and when you walk by a beak's order, it's not straight forerd, but always agoing up, and niver a coming down agin.

Was you never on the mill?'

'What mill?' inquired Oliver.

'What mill!

Why, the mill — the mill as takes up so little room that it'll work inside a Stone Jug; and always goes better when the wind's low with people, than when it's high; acos then they can't get workmen.

But come,' said the young gentleman; 'you want grub, and you shall have it.

I'm at low-water-mark myself — only one bob and a magpie; but, as far as it goes, I'll fork out and stump.

Up with you on your pins.

There!

Now then!

'Morrice!'

Assisting Oliver to rise, the young gentleman took him to an adjacent chandler's shop, where he purchased a sufficiency of ready-dressed ham and a half-quartern loaf, or, as he himself expressed it, 'a fourpenny bran!' the ham being kept clean and preserved from dust, by the ingenious expedient of making a hole in the loaf by pulling out a portion

- Семь дней! - воскликнул молодой джентльмен.

- Понимаю.

По приказу клюва, да?

Но, кажется, - добавил он, заметив удивленный взгляд Оливера, - ты не знаешь, что такое клюв, приятель?

Оливер скромно ответил, что, по его сведениям, упомянутое слово обозначает рот у птиц.

- До чего же он желторотый! - воскликнул молодой джентльмен.

- Да ведь к_л_ю_в - это судья! И если идешь по приказу клюва, то идешь не прямо вперед, а к петле, и с нее уж не сорваться.

Ты никогда не бывал на ступальном колесе? *

- На каком колесе? - спросил Оливер.

- На каком?

Да, конечно, на ступальном, на том самом, которое занимает так мало места, что может вертеться в каменном кувшине. И чем лучше оно работает, тем хуже приходится людям, потому что, если людям хорошо живется, для него не найти рабочих...

Но послушай, - продолжал молодой джентльмен, - тебе нужно задать корму, и ты его получишь.

Я и сам теперь на мели - только и есть у меня, что боб да сорока *, но уж коли на то пошло, я раскошелюсь.

Вставай-ка!

Ну!..

Вот так!..

В путь-дорогу!

Молодой джентльмен помог Оливеру подняться и повел его в ближайшую мелочную лавку, где купил ветчины и половину четырехфунтовой булки, или, как он выразился, "отрубей на четыре пенса"; ветчина сохранялась от пыли благодаря хитроумной уловке, заключавшейся в том, что из булки вытаскивали часть мякиша, а

of the crumb, and stuffing it therein.

Taking the bread under his arm, the young gentleman turned into a small public-house, and led the way to a tap-room in the rear of the premises.

Here, a pot of beer was brought in, by direction of the mysterious youth; and Oliver, falling to, at his new friend's bidding, made a long and hearty meal, during the progress of which the strange boy eyed him from time to time with great attention.

'Going to London?' said the strange boy, when Oliver had at length concluded.

'Yes.'

'Got any lodgings?'

'No.'

'Money?'

'No.'

The strange boy whistled; and put his arms into his pockets, as far as the big coat-sleeves would let them go.

'Do you live in London?' inquired Oliver.

'Yes. I do, when I'm at home,' replied the boy.

'I suppose you want some place to sleep in to-night, don't you?'

'I do, indeed,' answered Oliver.

'I have not slept under a roof since I left the country.'

'Don't fret your eyelids on that score,' said the young gentleman.

'I've got to be in London to-night; and I know a 'spectable old gentleman as lives there, wot'll give you lodgings for nothink, and never ask for the change — that is, if any genelman he knows interduces you.

And don't he know me?

Oh, no!

вместо него запихивали ветчину.

Взяв хлеб под мышку, молодой джентльмен свернул в небольшой трактир и прошел в заднюю комнату, служившую распивочной.

Сюда, по распоряжению таинственного юнца, была принесена кружка пива, и Оливер, воспользовавшись приглашением своего нового друга, принялся за еду и ел долго и много, а в это время странный мальчик посматривал на него с величайшим вниманием.

- Идешь в Лондон? - спросил странный мальчик, когда Оливер, наконец, покончил с едой.

- Да.

- Квартира есть?

- Нет.

- Деньги?

- Нет.

Странный мальчик свистнул и засунул руки в карманы так глубоко, как только позволяли длинные рукава.

- Вы живете в Лондоне? - спросил Оливер.

- Да, когда бываю у себя дома, - ответил мальчик.

- Ты бы не прочь отыскать какое-нибудь местечко, чтобы переночевать там сегодня, верно?

- Очень хотел бы, - ответил Оливер.

- Я не спал под крышей с тех пор, как ушел из своего городка.

- Нечего тереть из-за этого глаза, - сказал молодой джентльмен.

- Сегодня вечером я должен быть в Лондоне, а там у меня есть знакомый, почтенный старый джентльмен, который приютит тебя даром и сдачи не потребует, - конечно, если ему тебя представит джентльмен, которого он знает.

А разве он меня не знает?

О нет!

Not in the least!

By no means.

Certainly not!'

The young gentleman smiled, as if to intimate that the latter fragments of discourse were playfully ironical; and finished the beer as he did so.

This unexpected offer of shelter was too tempting to be resisted; especially as it was immediately followed up, by the assurance that the old gentleman referred to, would doubtless provide Oliver with a comfortable place, without loss of time.

This led to a more friendly and confidential dialogue; from which Oliver discovered that his friend's name was Jack Dawkins, and that he was a peculiar pet and protege of the elderly gentleman before mentioned.

Mr. Dawkin's appearance did not say a vast deal in favour of the comforts which his patron's interest obtained for those whom he took under his protection; but, as he had a rather flightily and dissolute mode of conversing, and furthermore avowed that among his intimate friends he was better known by the sobriquet of

'The Artful Dodger,' Oliver concluded that, being of a dissipated and careless turn, the moral precepts of his benefactor had hitherto been thrown away upon him.

Under this impression, he secretly resolved to cultivate the good opinion of the old gentleman as quickly as possible; and, if he found the Dodger incorrigible, as he more than half suspected he should, to decline the honour of his farther acquaintance.

As John Dawkins objected to their entering London before nightfall, it was nearly eleven o'clock when they reached the turnpike at Islington.

They crossed from the Angel into St. John's Road; struck down the small street which terminates at Sadler's Wells Theatre; through Exmouth Street and Coppice Row; down the little court by the side of the workhouse; across the classic ground which once bore the name of Hockley-in-the-Hole; thence into Little Saffron Hill; and so into Saffron Hill the

Совсем не знает!

Нисколько!

Разумеется!

Молодой джентльмен улыбнулся, давая понять, что последние замечания были шутливо-ироническими, и допил пиво.

Неожиданное предложение дать приют было слишком соблазнительно, чтобы его отклонить. К тому же за ним тотчас же последовало уверение, что упомянутый старый джентльмен несомненно подыщет Оливеру хорошее место в самое ближайшее время.

Это повело к более дружеской и задушевной беседе, из которой Оливер узнал, что его друга зовут Джек Даукинс и что он пользуется особой любовью и покровительством вышеупомянутого пожилого джентльмена.

Наружность мистера Даукинса вряд ли свидетельствовала в пользу удобств, какие его патрон предоставлял тем, кого брал под свое покровительство. Но так как он вел довольно легкомысленные и развязные речи и вдобавок признался, что среди близких своих друзей больше известен под шутливым прозвищем

"Ловкий Плут", Оливер заключил, что это беззаботный и беспутный малый, на которого поучения его благодетеля до сей поры не возымели действия.

Находясь под этим впечатлением, он втайне решил поскорее заслужить доброе мнение старого джентльмена, и если Плут окажется неисправимым, что было более чем вероятно, он уклонится от чести поддерживать с ним знакомство.

Так как Джек Даукинс не хотел войти в Лондон, пока не стемнеет, то они ждали одиннадцати часов и только тогда подошли к заставе у Излингтона.

От "Ангела" * они свернули на Сент-Джон-роуд, прошли маленькой улочкой, заканчивающейся у театра Сэдлерс-Уэлс, миновали Элут-стрит и Копис-Роу, прошли по маленькому дворику около рабочего дома, пересекли Хокли-интехоул, оттуда повернули к Сафрен-Хилл, а затем к Грейт-Сафрен-Хилл, и здесь Плут

Great: along which the Dodger scudded at a rapid pace, directing Oliver to follow close at his heels.

Although Oliver had enough to occupy his attention in keeping sight of his leader, he could not help bestowing a few hasty glances on either side of the way, as he passed along.

A dirtier or more wretched place he had never seen.

The street was very narrow and muddy, and the air was impregnated with filthy odours.

There were a good many small shops; but the only stock in trade appeared to be heaps of children, who, even at that time of night, were crawling in and out at the doors, or screaming from the inside.

The sole places that seemed to prosper amid the general blight of the place, were the public-houses; and in them, the lowest orders of Irish were wrangling with might and main.

Covered ways and yards, which here and there diverged from the main street, disclosed little knots of houses, where drunken men and women were positively wallowing in filth; and from several of the door-ways, great ill-looking fellows were cautiously emerging, bound, to all appearance, on no very well-disposed or harmless errands.

Oliver was just considering whether he hadn't better run away, when they reached the bottom of the hill.

His conductor, catching him by the arm, pushed open the door of a house near Field Lane; and drawing him into the passage, closed it behind them.

'Now, then!' cried a voice from below, in reply to a whistle from the Dodger.

'Plummy and slam!' was the reply.

This seemed to be some watchword or signal that all was right; for the light of a feeble candle gleamed on the wall at the remote end of the passage; and a man's face peeped out, from where a balustrade of the old kitchen staircase had been broken away.

'There's two on you,' said the man, thrusting the

стремительно помчался вперед, приказав Оливеру следовать за ним по пятам.

Хотя внимание Оливера было поглощено тем, чтобы не упустить из виду проводника, однако на бегу он изредка посматривал по сторонам.

Более гнусного и жалкого места он еще не видывал.

Улица была очень узкая и грязная, а воздух насыщен зловонием.

Много было маленьких лавчонок, но, казалось, единственным товаром являлись дети, которые даже в такой поздний час копошились в дверях или визжали в доме.

Единственными заведениями, как будто преуспевавшими в этом обреченном на гибель месте, были трактиры, и в них орали во всю глотку отпетые люди - ирландские подонки.

За крытыми проходами и дворами, примыкавшими к главной улице, виднелись домишки, сбившиеся в кучу, и здесь пьяные мужчины и женщины буквально барахтались в грязи, а из некоторых дверей крадучись выходили какие-то дюжие подозрительные парни, очевидно отправлявшиеся по делам не особенно похвальным и безобидным.

Оливер подумал, не лучше ли ему улизнуть, но они уже спустились с холма.

Проводник, схватив его за руку, отворил дверь дома около Филд-лепп, втащил его в коридор и прикрыл за собой дверь.

- Эй, кто там? - раздался снизу голос в ответ на свист Плута.

- Плутни и удача! - был ответ.

По-видимому, это был пароль или сигнал, возвещавший о том, что все в порядке, так как на стену в дальнем конце коридора упал тусклый свет свечи, а из-за сломанных перил старой лестницы, ведущей в кухню, выглянуло лицо мужчины.

- Вас тут двое, - сказал мужчина, вытягивая

candle farther out, and shielding his eyes with his hand.

'Who's the t'other one?'

'A new pal,' replied Jack Dawkins, pulling Oliver forward.

'Where did he come from?'

'Greenland.

Is Fagin upstairs?'

'Yes, he's a sortin' the wipes.

Up with you!'

The candle was drawn back, and the face disappeared.

Oliver, groping his way with one hand, and having the other firmly grasped by his companion, ascended with much difficulty the dark and broken stairs: which his conductor mounted with an ease and expedition that showed he was well acquainted with them.

He threw open the door of a back-room, and drew Oliver in after him.

The walls and ceiling of the room were perfectly black with age and dirt.

There was a deal table before the fire: upon which were a candle, stuck in a ginger-beer bottle, two or three pewter pots, a loaf and butter, and a plate.

In a frying-pan, which was on the fire, and which was secured to the mantelshelf by a string, some sausages were cooking; and standing over them, with a toasting-fork in his hand, was a very old shrivelled Jew, whose villainous-looking and repulsive face was obscured by a quantity of matted red hair.

He was dressed in a greasy flannel gown, with his throat bare; and seemed to be dividing his attention between the frying-pan and the clothes-horse, over which a great number of silk handkerchiefs were hanging.

Several rough beds made of old sacks, were

руку со свечой, а другой рукой заслоняя глаза от света.

- Кто этот второй?

- Новый товарищ, - ответил Джек Даукинс, подталкивая вперед Оливера.

- Откуда он взялся?

- Из страны желторотых...

Феджин наверху?

- Да, сортирует утиралки.

Ступайте наверх!

Свечу убрали, и лицо исчезло.

Оливер, одной рукой шаря в темноте, в то время как товарищ крепко сжимая в своей другую его руку, с большим трудом поднялся по темной ветхой лестнице, по которой его проводник взбирался с легкостью и быстротой, свидетельствовавшими о том, что она ему хорошо знакома.

Он открыл дверь задней комнаты и втащил за собой Оливера.

Стены и потолок в этой комнате совсем почернели от времени и пыли.

Перед очагом стоял сосновый стол, а на столе - свеча, воткнутая в бутылку из-под имбирного пива, две-три оловянные кружки, хлеб, масло и тарелка.

На сковороде, подвешенной на проволоке к полке над очагом, поджаривались на огне сосиски, а наклонившись над ними, стоял с вилкой для поджаривания гренок очень старый, сморщенный еврей с всклокоченными рыжими волосами, падавшими на его злобное, отталкивающее лицо.

На нем был засаленный фланелевый халат с открытым воротом, а внимание свое он, казалось, делил между сковородкой и вешалкой, на которой висело множество шелковых носовых платков.

Несколько дрянных старых мешков, служивших

huddled side by side on the floor.

Seated round the table were four or five boys, none older than the Dodger, smoking long clay pipes, and drinking spirits with the air of middle-aged men.

These all crowded about their associate as he whispered a few words to the Jew; and then turned round and grinned at Oliver.

So did the Jew himself, toasting-fork in hand.

'This is him, Fagin,' said Jack Dawkins; 'my friend Oliver Twist.'

The Jew grinned; and, making a low obeisance to Oliver, took him by the hand, and hoped he should have the honour of his intimate acquaintance.

Upon this, the young gentleman with the pipes came round him, and shook both his hands very hard — especially the one in which he held his little bundle.

One young gentleman was very anxious to hang up his cap for him; and another was so obliging as to put his hands in his pockets, in order that, as he was very tired, he might not have the trouble of emptying them, himself, when he went to bed.

These civilities would probably be extended much farther, but for a liberal exercise of the Jew's toasting-fork on the heads and shoulders of the affectionate youths who offered them.

'We are very glad to see you, Oliver, very,' said the Jew.

'Dodger, take off the sausages; and draw a tub near the fire for Oliver.

Ah, you're a-staring at the pocket-handkerchiefs! eh, my dear.

There are a good many of 'em, ain't there?

We've just looked 'em out, ready for the wash; that's all, Oliver; that's all.

Ha! ha! ha!'

постелями, лежали один подле другого на полу.

За столом сидели четыре-пять мальчиков не старше Плути и с видом солидных мужчин курили длинные глиняные трубки и угощались спиртным.

Все они столпились вокруг своего товарища, когда тот шепнул несколько слов еврею, а затем повернулись и, ухмыляясь, стали смотреть на Оливера.

Так поступил и еврей, не выпуская из рук вилки для поджаривания гренков.

- Это он самый и есть, Феджин, - сказал Джек Даукинс, - мой друг Оливер Твист.

Еврей усмехнулся и, отвесив Оливеру низкий поклон, подал ему руку и выразил надежду, что удостоится чести познакомиться с ним ближе.

Вслед за этим Оливера окружили молодые джентльмены с трубками и очень крепко пожали ему обе руки - в особенности ту, в которой он держал свой узелок.

Один из молодых джентльменов очень заботливо повесил его шапку, а другой был столь услужлив, что засунул руки в его карманы, чтобы Оливер вследствие своего крайнего утомления не трудился вынимать вещи из карманов, когда будет ложиться спать.

Вероятно, их любезность простерлась бы еще дальше, если бы еврей не пустил в ход вилку, колотя ею предупредительных юношей по голове и по плечам.

- Мы очень рады познакомиться с тобой, Оливер, очень рады... - сказал еврей.

- Плут, сними сосиски и придвинь ближе к огню бочонок для Оливера.

Ты смотришь на носовые платки, да, миленький?

Их много, правда?

Мы их только что разобрали, приготовили к стирке. Вот и все, Оливер, вот и все.

Ха-ха-ха!

The latter part of this speech, was hailed by a boisterous shout from all the hopeful pupils of the merry old gentleman.

In the midst of which they went to supper.

Oliver ate his share, and the Jew then mixed him a glass of hot gin-and-water: telling him he must drink it off directly, because another gentleman wanted the tumbler.

Oliver did as he was desired.

Immediately afterwards he felt himself gently lifted on to one of the sacks; and then he sunk into a deep sleep.

CHAPTER IX — CONTAINING FURTHER PARTICULARS CONCERNING THE PLEASANT OLD GENTLEMAN, AND HIS HOPEFUL PUPILS

It was late next morning when Oliver awoke, from a sound, long sleep.

There was no other person in the room but the old Jew, who was boiling some coffee in a saucepan for breakfast, and whistling softly to himself as he stirred it round and round, with an iron spoon.

He would stop every now and then to listen when there was the least noise below: and when he had satisfied himself, he would go on whistling and stirring again, as before.

Although Oliver had roused himself from sleep, he was not thoroughly awake.

There is a drowsy state, between sleeping and waking, when you dream more in five minutes with your eyes half open, and yourself half conscious of everything that is passing around you, than you would in five nights with your eyes fast closed, and your senses wrapt in perfect unconsciousness.

At such time, a mortal knows just enough of what his mind is doing, to form some glimmering conception of its mighty powers, its bounding from earth and spurning time and space, when freed

Заключительные фразы вызвали шумное одобрение всех многообещающих питомцев веселого старого джентльмена.

И среди этого шума они принялись за ужин.

Оливер съел свою порцию, а затем еврей налил ему стакан горячего джина с водой, приказав выпить залпом, потому что стакан нужен другому джентльмену.

Оливер повиновался.

Тотчас после этого он почувствовал, что его осторожно перенесли на один из мешков, потом он заснул глубоким сном.

ГЛАВА IX, — содержащая различные сведения о приятном старом джентльмене и его многообещающих питомцах

На следующий день Оливер проснулся поздно после долгого, крепкого сна.

В комнате никого не было, кроме старого еврея, который варил в кастрюльке кофе к завтраку и тихонько насвистывал, помешивая его железной ложкой.

Он то и дело останавливался и прислушивался к малейшему шуму, доносившемуся снизу, а затем, удовлетворив свое любопытство, снова принимался насвистывать и помешивать ложкой.

Хотя Оливер уже не спал, но он еще не совсем проснулся.

Бывает такое дремотное состояние между сном и бодрствованием, когда вы лежите с полузакрытыми глазами и наполовину сознаете все, что происходит вокруг, и, однако, вам за пять минут может пригрезиться больше, чем за пять ночей, хотя бы вы их провели с плотно закрытыми глазами и ваши чувства были погружены в глубокий сон.

В такие минуты смертный знает о своем духе ровно столько, чтобы составить себе смутное представление о его великом могуществе, о том, как он отрывается от земли и отмечает время и пространство, освободившись от уз,

from the restraint of its corporeal associate.

Oliver was precisely in this condition.

He saw the Jew with his half-closed eyes; heard his low whistling; and recognised the sound of the spoon grating against the saucepan's sides: and yet the self-same senses were mentally engaged, at the same time, in busy action with almost everybody he had ever known.

When the coffee was done, the Jew drew the saucepan to the hob.

Standing, then in an irresolute attitude for a few minutes, as if he did not well know how to employ himself, he turned round and looked at Oliver, and called him by his name.

He did not answer, and was to all appearances asleep.

After satisfying himself upon this head, the Jew stepped gently to the door: which he fastened.

He then drew forth: as it seemed to Oliver, from some trap in the floor: a small box, which he placed carefully on the table.

His eyes glistened as he raised the lid, and looked in.

Dragging an old chair to the table, he sat down; and took from it a magnificent gold watch, sparkling with jewels.

'Aha!' said the Jew, shrugging up his shoulders, and distorting every feature with a hideous grin.

'Clever dogs!

Clever dogs!

Staunch to the last!

Never told the old parson where they were.

Never poached upon old Fagin!

And why should they?

It wouldn't have loosened the knot, or kept the drop up, a minute longer.

налагаемых на него телесной его оболочкой.

Именно таким было состояние Оливера.

Из-под полуопущенных век он видел еврея, слышал его тихое посвистывание и догадывался по звуку, что ложка скребет края кастрюли, и, однако, в то же самое время мысли его были заняты чуть ли не всеми, кого он когда-либо знал.

Когда кофе был готов, еврей снял кастрюльку с подставки на очаге, где она нагревалась.

Постояв несколько минут в раздумье, словно не зная, чем заняться, он обернулся, посмотрел на Оливера и окликнул его по имени.

Тот не отозвался - по-видимому, он спал.

Успокоившись на этот счет, еврей потихоньку подошел к двери и запер ее.

Затем он вытащил - из какого-то тайника под полом, как показалось Оливеру, - небольшую шкатулку, которую осторожно поставил на стол.

Глаза его блеснули, когда он, приподняв крышку, заглянул туда.

Придвинув к столу старый стул, он сел и вынул из шкатулки великолепные золотые часы, сверкавшие драгоценными камнями.

- Ого! - сказал еврей, приподняв плечи и скривив лило в омерзительную улыбку.

- Умные собаки!

Умные собаки!

Верные до конца!

Так и не сказали старому священнику, где они были.

Не донесли на старого Феджина!

Да и к чему было доносить?

Все равно это не развязало бы узла и ни на минуту не отсрочило бы конца.

No, no, no!

Fine fellows!

Fine fellows!'

With these, and other muttered reflections of the like nature, the Jew once more deposited the watch in its place of safety.

At least half a dozen more were severally drawn forth from the same box, and surveyed with equal pleasure; besides rings, brooches, bracelets, and other articles of jewellery, of such magnificent materials, and costly workmanship, that Oliver had no idea, even of their names.

Having replaced these trinkets, the Jew took out another: so small that it lay in the palm of his hand.

There seemed to be some very minute inscription on it; for the Jew laid it flat upon the table, and shading it with his hand, pored over it, long and earnestly.

At length he put it down, as if despairing of success; and, leaning back in his chair, muttered:

'What a fine thing capital punishment is!

Dead men never repent; dead men never bring awkward stories to light.

Ah, it's a fine thing for the trade!

Five of 'em strung up in a row, and none left to play booty, or turn white-livered!'

As the Jew uttered these words, his bright dark eyes, which had been staring vacantly before him, fell on Oliver's face; the boy's eyes were fixed on his in mute curiosity; and although the recognition was only for an instant — for the briefest space of time that can possibly be conceived — it was enough to show the old man that he had been observed.

He closed the lid of the box with a loud crash; and, laying his hand on a bread knife which was on the table, started furiously up.

Да!

Молодцы!

Молодцы!

Бормоча себе под нос эти слова, еврей снова спрятал часы в то же надежное место.

По крайней мере еще с полдюжины часов он извлек по очереди из шкатулки и рассматривал их с не меньшим удовольствием, так же как и кольца, брошки, браслеты и другие драгоценные украшения, столь же искусно сделанные, о которых Оливер не имел ни малейшего представления и даже не знал, как они называются.

Положив обратно эти драгоценные безделушки, еврей достал еще одну, уместившуюся у него на ладони.

Очевидно, на ней было что-то написано очень мелкими буквами, потому что он положил ее на стол и, заслонясь рукой от света, разглядывал очень долго и внимательно.

Наконец, он спрятал ее, словно отчаявшись в успехе, и, откинувшись на спинку стула, пробормотал:

- Превосходная штука - смертная казнь!

Мертвые никогда не каются. Мертвые никогда не выбалтывают неприятных вещей.

Ах, и славная это штука для такого ремесла!

Пятерых вздернули, и ни одного не осталось, чтобы заманить в ловушку сообщников или отпраздновать труса!

Когда еврей произнес эти слова, его блестящие темные глаза, рассеянно смотревшие в пространство, остановились на лице Оливера. Глаза мальчика с безмолвным любопытством были прикованы к нему, и, хотя их взгляды встретились на одно мгновение - на кратчайшую долю секунды, - этого было достаточно, чтобы старик понял, что за ним следят.

Он с треском захлопнул шкатулку и, схватив хлебный нож, лежавший на столе, в бешенстве вскочил.

He trembled very much though; for, even in his terror, Oliver could see that the knife quivered in the air.

'What's that?' said the Jew.

'What do you watch me for?

Why are you awake?

What have you seen?

Speak out, boy!

Quick — quick! for your life.

'I wasn't able to sleep any longer, sir,' replied Oliver, meekly.

'I am very sorry if I have disturbed you, sir.'

'You were not awake an hour ago?' said the Jew, scowling fiercely on the boy.

'No!

No, indeed!' replied Oliver.

'Are you sure?' cried the Jew: with a still fiercer look than before: and a threatening attitude.

'Upon my word I was not, sir,' replied Oliver, earnestly.

'I was not, indeed, sir.'

'Tush, tush, my dear!' said the Jew, abruptly resuming his old manner, and playing with the knife a little, before he laid it down; as if to induce the belief that he had caught it up, in mere sport.

'Of course I know that, my dear.

I only tried to frighten you.

You're a brave boy.

Ha! ha! you're a brave boy, Oliver.'

The Jew rubbed his hands with a chuckle, but glanced uneasily at the box, notwithstanding.

'Did you see any of these pretty things, my dear?' said the Jew, laying his hand upon it after a short pause.

Но он трясся всем телом, и Оливер, несмотря на ужасный испуг, заметил, как дрожит в воздухе нож.

- Что это значит? - крикнул еврей.

- Зачем ты подсматриваешь за мной?

Почему не спишь?

Что ты видел?

Говори!

Живей, живей, если тебе дорога жизнь!

- Я больше не мог спать, сэр, - робко ответил Оливер.

- Простите, если я вам помешал, сэр.

- Ты уж час как не спишь? - спросил еврей, злобно глядя на мальчика.

- Нет!

О нет! - ответил Оливер.

- Это правда? - крикнул еврей, бросив еще более злобный взгляд и приняв угрожающую позу.

- Клянусь, я спал, сэр, - с жаром ответил Оливер.

- Право же, сэр, я спал.

- Полно, полно, мой милый, - сказал еврей, неожиданно вернувшись к прежней своей манере обращения, и поиграл ножом, прежде чем положить его на стол, словно желая показать, что нож он схватил просто для забавы.

- Конечно, я это знаю, мой милый.

Я хотел только напугать тебя.

Ты храбрый мальчик.

Ха-ха! Ты храбрый мальчик, Оливер!

Еврей, хихикая, потер руки, но тем не менее с беспокойством посмотрел на шкатулку.

- Ты видел эти хорошенькие вещички, мой мальчик? - помолчав, спросил еврей, положив на шкатулку руку.

'Yes, sir,' replied Oliver.

'Ah!' said the Jew, turning rather pale.

'They — they're mine, Oliver; my little property.

All I have to live upon, in my old age.

The folks call me a miser, my dear.

Only a miser; that's all.'

Oliver thought the old gentleman must be a decided miser to live in such a dirty place, with so many watches; but, thinking that perhaps his fondness for the Dodger and the other boys, cost him a good deal of money, he only cast a deferential look at the Jew, and asked if he might get up.

'Certainly, my dear, certainly,' replied the old gentleman.

'Stay. There's a pitcher of water in the corner by the door.

Bring it here; and I'll give you a basin to wash in, my dear.'

Oliver got up; walked across the room; and stooped for an instant to raise the pitcher.

When he turned his head, the box was gone.

He had scarcely washed himself, and made everything tidy, by emptying the basin out of the window, agreeably to the Jew's directions, when the Dodger returned: accompanied by a very sprightly young friend, whom Oliver had seen smoking on the previous night, and who was now formally introduced to him as Charley Bates.

The four sat down, to breakfast, on the coffee, and some hot rolls and ham which the Dodger had brought home in the crown of his hat.

'Well,' said the Jew, glancing slyly at Oliver, and addressing himself to the Dodger, 'I hope you've been at work this morning, my dears?'

'Hard,' replied the Dodger.

'As nails,' added Charley Bates.

- Да, сэр, - ответил Оливер.

- А! - сказал еврей, слегка побледнев.

- Это... это мои вещи, Оливер. Мое маленькое имущество.

Все, что у меня есть, чтобы прожить на старости лет.

Меня называют скрягой, мой милый.

Скрягой, только и всего.

Оливер подумал, что старый джентльмен, должно быть, и в самом деле настоящий скряга, если, имея столько часов, живет в такой грязной дыре; но, решив, что его заботы о Плути и других мальчиках связаны с большими расходами, он бросил почтительный взгляд на еврея и попросил разрешения встать.

- Разумеется, мой милый, разумеется, - ответил старый джентльмен.

- Вон там в углу, у двери, стоит кувшин с водой.

Принеси его сюда, а я дам тебе таз, и ты, милый мой, умоешься.

Оливер встал, прошел в другой конец комнаты и наклонился, чтобы взять кувшин.

Когда он обернулся, шкатулка уже исчезла.

Он едва успел умыться, привести себя в порядок и, по указанию еврея, выплеснуть воду из таза за окно, как вернулся Плут в сопровождении своего бойкого молодого друга, которого накануне вечером Оливер видел с трубкой; теперь он был официально ему представлен как Чарли Бейтс.

Вчетвером они сели за завтрак, состоявший из кофе, ветчины и горячих булочек, принесенных Плутом в шляпе.

- Ну, - сказал еврей, лукаво посмотрев на Оливера и обращаясь к Плути, - надеюсь, мои милые, вы поработали сегодня утром?

- Здорово, - ответил Плут.

- Как черти, - добавил Чарли Бейтс.

'Good boys, good boys!' said the Jew.

'What have you got, Dodger?'

'A couple of pocket-books,' replied that young gentleman.

'Lined?' inquired the Jew, with eagerness.

'Pretty well,' replied the Dodger, producing two pocket-books; one green, and the other red.

'Not so heavy as they might be,' said the Jew, after looking at the insides carefully; 'but very neat and nicely made.

Ingenious workman, ain't he, Oliver?'

'Very indeed, sir,' said Oliver.

At which Mr. Charles Bates laughed uproariously; very much to the amazement of Oliver, who saw nothing to laugh at, in anything that had passed.

'And what have you got, my dear?' said Fagin to Charley Bates.

'Wipes,' replied Master Bates; at the same time producing four pocket-handkerchiefs.

'Well,' said the Jew, inspecting them closely; 'they're very good ones, very.

You haven't marked them well, though, Charley; so the marks shall be picked out with a needle, and we'll teach Oliver how to do it.

Shall us, Oliver, eh?

Ha! ha! ha!'

'If you please, sir,' said Oliver.

'You'd like to be able to make pocket-handkerchiefs as easy as Charley Bates, wouldn't you, my dear?' said the Jew.

'Very much, indeed, if you'll teach me, sir,' replied Oliver.

Master Bates saw something so exquisitely ludicrous in this reply, that he burst into another laugh; which laugh, meeting the coffee he was drinking, and carrying it down some wrong

- Славные ребята, славные ребята! - продолжал еврей.

- Что ты принес. Плут?

- Два бумажника, - ответил сей молодой джентльмен.

- С прокладкой? - нетерпеливо осведомился еврей.

- Довольно плотной, - ответил Плут, подавая два бумажника - один зеленый, другой красный.

- Могли бы быть потяжелее, - заметил еврей, внимательно ознакомившись с их содержимым, - но сделаны очень мило и аккуратно...

Он искусный работник, правда, Оливер?

- О да, очень искусный, сэр, - сказал Оливер.

Тут юный Чарльз Бейтс оглушительно захохотал, к большому удивлению Оливера, который не видел ровно ничего смешного в том, что происходило.

- А ты что принес, мой милый? - обратился Феджин к Чарли Бейтсу.

- Утиралки, - ответил юный Бейтс, доставая четыре носовых платка.

- И то хорошо, - сказал еврей, пристально их рассматривая. - Недурны, совсем недурны.

Но ты плохо их пометил, Чарли, - придется спороть метки иголкой. Мы научим Оливера, как это делается...

Научить тебя, Оливер?

Ха-ха-ха!

- Пожалуйста, сэр, - ответил Оливер.

- Тебе хотелось бы делать носовые платки так же искусно, как Чарли Бейтс, мой милый?

- Очень, сэр, если вы меня научите, - ответил Оливер.

Юный Бейтс усмотрел нечто столь смешное в этом ответе, что снова разразился хохотом; и этот хохот едва не привел к преждевременной

channel, very nearly terminated in his premature suffocation.

'He is so jolly green!' said Charley when he recovered, as an apology to the company for his unpolite behaviour.

The Dodger said nothing, but he smoothed Oliver's hair over his eyes, and said he'd know better, by and by; upon which the old gentleman, observing Oliver's colour mounting, changed the subject by asking whether there had been much of a crowd at the execution that morning?

This made him wonder more and more; for it was plain from the replies of the two boys that they had both been there; and Oliver naturally wondered how they could possibly have found time to be so very industrious.

When the breakfast was cleared away; the merry old gentleman and the two boys played at a very curious and uncommon game, which was performed in this way. The merry old gentleman, placing a snuff-box in one pocket of his trousers, a note-case in the other, and a watch in his waistcoat pocket, with a guard-chain round his neck, and sticking a mock diamond pin in his shirt: buttoned his coat tight round him, and putting his spectacle-case and handkerchief in his pockets, trotted up and down the room with a stick, in imitation of the manner in which old gentlemen walk about the streets any hour in the day.

Sometimes he stopped at the fire-place, and sometimes at the door, making believe that he was staring with all his might into shop-windows.

At such times, he would look constantly round him, for fear of thieves, and would keep slapping all his pockets in turn, to see that he hadn't lost anything, in such a very funny and natural manner, that Oliver laughed till the tears ran down his face.

All this time, the two boys followed him closely about: getting out of his sight, so nimbly, every time he turned round, that it was impossible to follow their motions.

At last, the Dodger trod upon his toes, or ran upon his boot accidentally, while Charley Bates stumbled up against him behind; and in that one moment

смерти от удушения, так как он пил кофе, которое и попало в дыхательное горло.

- Уж очень он желторотый! - оправившись, сказал Чарли, принося извинение за свою неучтивость.

Плут промолчал и только взъерошил Оливеру волосы так, что они упали ему на глаза, а потом сказал, что со временем он поумнеет. Тут старый джентльмен, заметив, как покраснел Оливер, переменял тему разговора и спросил, много ли народу глазело утром на казнь.

Оливер удивился еще больше, так как из ответа мальчиков выяснилось, что они оба там были, и он, разумеется, не понимал, когда же они успели так усердно поработать.

После завтрака, когда убрали со стола, веселый старый джентльмен и оба мальчика затеяли любопытную и необычайную игру: веселый старый джентльмен, положив в один карман брюк табакерку, в другой - записную книжку, а в жилетный карман - часы с цепочкой, обвивавшей его шею, и приколов к рубашке булавку с фальшивым бриллиантом, наглухо застегнул сюртук, сунул в карманы футляр от очков и носовой платок и с палкой в руке принялся расхаживать по комнате, подражая тем пожилым джентльменам, которых можно увидеть в любой час дня прогуливающимися по улице.

Он останавливался то перед очагом, то у двери, делая вид, будто с величайшим вниманием рассматривает витрины.

При этом он то и дело озирался, опасаясь воров и, желая убедиться, что ничего не потерял, похлопывал себя поочередно по всем карманам так забавно и натурально, что Оливер смеялся до слез.

Все время оба мальчика следовали за ним по пятам, а когда он оборачивался, так ловко скрывались из поля его зрения, что невозможно было за ними уследить.

Наконец, Плут не то наступил ему на ногу, не то случайно за нее зацепился, а Чарли Бейтс налетел на него сзади, и в одно мгновение они с

they took from him, with the most extraordinary rapidity, snuff-box, note-case, watch-guard, chain, shirt-pin, pocket-handkerchief, even the spectacle-case.

If the old gentleman felt a hand in any one of his pockets, he cried out where it was; and then the game began all over again.

When this game had been played a great many times, a couple of young ladies called to see the young gentleman; one of whom was named Bet, and the other Nancy.

They wore a good deal of hair, not very neatly turned up behind, and were rather untidy about the shoes and stockings.

They were not exactly pretty, perhaps; but they had a great deal of colour in their faces, and looked quite stout and hearty.

Being remarkably free and agreeable in their manners, Oliver thought them very nice girls indeed.

As there is no doubt they were.

The visitors stopped a long time.

Spirits were produced, in consequence of one of the young ladies complaining of a coldness in her inside; and the conversation took a very convivial and improving turn.

At length, Charley Bates expressed his opinion that it was time to pad the hoof.

This, it occurred to Oliver, must be French for going out; for directly afterwards, the Dodger, and Charley, and the two young ladies, went away together, having been kindly furnished by the amiable old Jew with money to spend.

'There, my dear,' said Fagin.

'That's a pleasant life, isn't it?

They have gone out for the day.'

'Have they done work, sir?' inquired Oliver.

'Yes,' said the Jew; 'that is, unless they should unexpectedly come across any, when they are out; and they won't neglect it, if they do, my dear,

удивительным проворством стянули у него табакерку, записную книжку, часы с цепочкой, носовой платок и даже футляр от очков.

Если старый джентльмен ощущал чью-то руку в кармане, он кричал, в каком кармане рука, и тогда игра начиналась сызнова.

Когда в эту игру сыграли много раз подряд, явились две молодые леди навестить молодых джентльменов; одну из них звали Бет, а другую Нэнси.

У них были чрезвычайно пышные волосы, не очень аккуратно причесанные, и грязные чулки и башмаки.

Пожалуй, их нельзя было назвать хорошенькими, но румянец у них был яркий, и они казались здоровыми и жизнерадостными.

Держали они себя очень мило и непринужденно, и Оливер решил, что они славные девушки.

И несомненно так оно и было.

Эти гости пробыли долго.

Подали виски, так как одна из молодых леди пожаловалась, что внутри у нее все застыло. Завязалась беседа, очень оживленная и поучительная.

Наконец, Чарли Бейтс заявил, что пора, по его мнению, поразмять копыта.

Оливер решил, что, по-видимому, это значит прогуляться, так как немедленно вслед за этим Плут. Чарли и обе молодые леди ушли все вместе, получив предварительно деньги на расходы от любезного старого еврея.

- Так-то, мой милый, - сказал Феджин.

- Приятная жизнь, не правда ли?

Они ушли на целый день.

- Со своей работой они уже покончили, сэр? - спросил Оливер.

- Совершенно верно, - ответил еврей, - разве что им подвернется какое-нибудь дельце во время прогулки, а уж тогда они им займутся, мой

depend upon it.

Make 'em your models, my dear.

Make 'em your models,' tapping the fire-shovel on the hearth to add force to his words; 'do everything they bid you, and take their advice in all matters — especially the Dodger's, my dear.

He'll be a great man himself, and will make you one too, if you take pattern by him. — Is my handkerchief hanging out of my pocket, my dear?' said the Jew, stopping short.

'Yes, sir,' said Oliver.

'See if you can take it out, without my feeling it; as you saw them do, when we were at play this morning.'

Oliver held up the bottom of the pocket with one hand, as he had seen the Dodger hold it, and drew the handkerchief lightly out of it with the other.

'Is it gone?' cried the Jew.

'Here it is, sir,' said Oliver, showing it in his hand.

'You're a clever boy, my dear,' said the playful old gentleman, patting Oliver on the head approvingly.

'I never saw a sharper lad.

Here's a shilling for you.

If you go on, in this way, you'll be the greatest man of the time.

And now come here, and I'll show you how to take the marks out of the handkerchiefs.'

Oliver wondered what picking the old gentleman's pocket in play, had to do with his chances of being a great man.

But, thinking that the Jew, being so much his senior, must know best, he followed him quietly to the table, and was soon deeply involved in his new study.

CHAPTER X — OLIVER BECOMES BETTER

милый, можешь не сомневаться в этом.

Бери с них пример, милый мой.

Бери с них пример, - повторил он, постукивая по очагу лопаткой для угля, чтобы придать своим словам больше веса. - Делай все, что они тебе прикажут, и во всем слушайся их советов, в особенности, мой милый, советов Плута.

Он будет великим человеком и тебя сделает таким же, если ты станешь ему подражать. Кстати, мой милый, не торчит ли у меня из кармана носовой платок? - спросил вдруг еврей.

- Да, сэр, - ответил Оливер.

- Посмотрим, удастся ли тебе его вытащить так, чтобы я не заметил. Утром ты видел, как они это делали, когда мы играли.

Оливер одной рукой придержал карман снизу, как это делал на его глазах Плут, а другой осторожно вытащил платок.

- Готово? - воскликнул еврей.

- Вот он, сэр! - сказал Оливер, показывая платок.

- Ты ловкий мальчуган, мой милый, - сказал старый джентльмен, одобрительно погладив Оливера по голове.

- Никогда еще я не видывал такого шустрого мальчика.

Вот тебе шиллинг.

Если ты будешь продолжать в этом духе, из тебя выйдет величайший человек в мире.

А теперь иди сюда, я тебе покажу, как спарывают метки с платков.

Оливер не понимал, почему кража - в шутку - носового платка из кармана старого джентльмена имеет отношение к его шансам стать великим человеком.

Но полагая, что еврей, который был много старше его, прекрасно об этом осведомлен, он послушно подошел к столу и вскоре углубился в новую работу.

ACQUAINTED WITH THE CHARACTERS OF HIS NEW ASSOCIATES; AND PURCHASES EXPERIENCE AT A HIGH PRICE. BEING A SHORT, BUT VERY IMPORTANT CHAPTER, IN THIS HISTORY

For many days, Oliver remained in the Jew's room, picking the marks out of the pocket-handkerchief, (of which a great number were brought home,) and sometimes taking part in the game already described: which the two boys and the Jew played, regularly, every morning.

At length, he began to languish for fresh air, and took many occasions of earnestly entreating the old gentleman to allow him to go out to work with his two companions.

Oliver was rendered the more anxious to be actively employed, by what he had seen of the stern morality of the old gentleman's character.

Whenever the Dodger or Charley Bates came home at night, empty-handed, he would expatiate with great vehemence on the misery of idle and lazy habits; and would enforce upon them the necessity of an active life, by sending them supperless to bed.

On one occasion, indeed, he even went so far as to knock them both down a flight of stairs; but this was carrying out his virtuous precepts to an unusual extent.

At length, one morning, Oliver obtained the permission he had so eagerly sought.

There had been no handkerchiefs to work upon, for two or three days, and the dinners had been rather meagre.

Perhaps these were reasons for the old gentleman's giving his assent; but, whether they were or no, he told Oliver he might go, and placed him under the joint guardianship of Charley Bates, and his friend the Dodger.

The three boys sallied out; the Dodger with his coat-sleeves tucked up, and his hat cocked, as usual; Master Bates sauntering along with his hands in his pockets; and Oliver between them, wondering where they were going, and what branch of manufacture he would be instructed in, first.

ГЛАВА X — Оливер ближе знакомится с новыми товарищами и дорогой ценой приобретает опыт. Короткая, но очень важная глава в этом повествовании

Много дней Оливер не выходил из комнаты еврея, спарывая метки с носовых платков (их приносили в большом количестве), а иной раз принимая участие в описанной выше игре, которую оба мальчика и еврей затекали каждое утро.

Наконец, он начал тосковать по свежему воздуху и не раз умолял старого джентльмена разрешить ему пойти на работу вместе с двумя его товарищами.

Оливеру не терпелось приступить к работе еще и потому, что он узнал суровый, добродетельный нрав старого джентльмена.

Если Плут и Чарли Бейтс приходили вечером домой с пустыми руками, он с жаром толковал о гнусной привычке к праздности и безделью и внушал им необходимость вести трудовую жизнь, отправляя их спать без ужина.

Однажды он даже спустил обоих с лестницы, но, пожалуй, тут он слишком далеко зашел в своих моральных поучениях.

Наконец, настало утро, когда Оливер получил разрешение, которого так ревностно добивался.

Вот уже два три дня не приносили носовых платков, ему нечего было делать, и обеды стали довольно скудными.

Быть может, по этой-то причине старый джентльмен дал свое согласие. Как бы там ни было, он позволил Оливеру идти и поручил его заботам Чарли Бейтса и его приятеля Плута.

Мальчики втроем отправились в путь. Плут, по обыкновению, шел с подвернутыми рукавами и в заломленной набекрень шляпе; юный Бейтс шествовал, заложив руку в карманы, а между ними брел Оливер, недоумевая, куда они идут и какому ремеслу будет он обучаться в первую очередь.

The pace at which they went, was such a very lazy, ill-looking saunter, that Oliver soon began to think his companions were going to deceive the old gentleman, by not going to work at all.

The Dodger had a vicious propensity, too, of pulling the caps from the heads of small boys and tossing them down areas; while Charley Bates exhibited some very loose notions concerning the rights of property, by pilfering divers apples and onions from the stalls at the kennel sides, and thrusting them into pockets which were so surprisingly capacious, that they seemed to undermine his whole suit of clothes in every direction.

These things looked so bad, that Oliver was on the point of declaring his intention of seeking his way back, in the best way he could; when his thoughts were suddenly directed into another channel, by a very mysterious change of behaviour on the part of the Dodger.

They were just emerging from a narrow court not far from the open square in Clerkenwell, which is yet called, by some strange perversion of terms,

'The Green': when the Dodger made a sudden stop; and, laying his finger on his lip, drew his companions back again, with the greatest caution and circumspection.

'What's the matter?' demanded Oliver.

'Hush!' replied the Dodger.

'Do you see that old cove at the book-stall?'

'The old gentleman over the way?' said Oliver.

'Yes, I see him.'

'He'll do,' said the Doger.

'A prime plant,' observed Master Charley Bates.

Oliver looked from one to the other, with the greatest surprise; but he was not permitted to make any inquiries; for the two boys walked stealthily across the road, and slunk close behind the old gentleman towards whom his attention had been directed.

Брели они лениво, не спеша, и Оливер вскоре начал подумывать, не хотят ли его товарищи обмануть старого джентльмена и вовсе не пойти на работу.

Вдобавок у Плути была дурная привычка сдергивать шапки с ребят и забрасывать их во дворы, а Чарли Бейтс обнаружил весьма непохвальное понятие о правах собственности, таская яблоки и луковицы с лотков, стоящих вдоль тротуара, и рассыпая их по карманам, столь вместительным, что казалось, его костюм весь состоит из них.

Это так не нравилось Оливеру, что он собирался заявить о своем намерении идти назад, как вдруг мысли его приняли другое направление, так как поведение Плути весьма загадочно изменилось.

Они только что вышли из узкого двора неподалеку от площади в Клеркенуэлле, которая неведомо почему называется

"Лужайкой", как вдруг Плут остановился и, приложив палец к губам, с величайшей осторожностью потащил своих товарищей назад.

- Что случилось? - спросил Оливер.

- Те... - зашептал Плут.

- Видишь вон того старикашку у книжного ларька?

- Видишь джентльмена на той стороне? - спросил Оливер.

- Вижу.

- Годится! - сказал Плут.

- Первый сорт! - заметил юный Чарли Бейтс.

Оливер с величайшим изумлением переводил взгляд с одного на другого, но задать вопроса не пришлось, так как оба мальчика незаметно перебежали через дорогу и подкрались сзади к старому джентльмену, которого показали ему раньше.

Oliver walked a few paces after them; and, not knowing whether to advance or retire, stood looking on in silent amazement.

The old gentleman was a very respectable-looking personage, with a powdered head and gold spectacles.

He was dressed in a bottle-green coat with a black velvet collar; wore white trousers; and carried a smart bamboo cane under his arm.

He had taken up a book from the stall, and there he stood, reading away, as hard as if he were in his elbow-chair, in his own study.

It is very possible that he fancied himself there, indeed; for it was plain, from his abstraction, that he saw not the book-stall, nor the street, nor the boys, nor, in short, anything but the book itself: which he was reading straight through: turning over the leaf when he got to the bottom of a page, beginning at the top line of the next one, and going regularly on, with the greatest interest and eagerness.

What was Oliver's horror and alarm as he stood a few paces off, looking on with his eyelids as wide open as they would possibly go, to see the Dodger plunge his hand into the old gentleman's pocket, and draw from thence a handkerchief! To see him hand the same to Charley Bates; and finally to behold them, both running away round the corner at full speed!

In an instant the whole mystery of the hankerchiefs, and the watches, and the jewels, and the Jew, rushed upon the boy's mind.

He stood, for a moment, with the blood so tingling through all his veins from terror, that he felt as if he were in a burning fire; then, confused and frightened, he took to his heels; and, not knowing what he did, made off as fast as he could lay his feet to the ground.

This was all done in a minute's space.

In the very instant when Oliver began to run, the old gentleman, putting his hand to his pocket, and missing his handkerchief, turned sharp round.

Seeing the boy scudding away at such a rapid

Оливер сделал несколько шагов, и не зная, идти ли ему за ними, или пойти назад, остановился и взирал на них с безмолвным удивлением.

Старый джентльмен с напудренной головой и в очках в золотой оправе имел вид весьма почтенный.

На нем был бутылочного цвета фрак с черным бархатным воротником и светлые брюки, а под мышкой он держал изящную бамбуковую трость.

Он взял с прилавка книгу и стоя читал ее с таким вниманием, как будто сидел в кресле у себя в кабинете.

Очень возможно, что он и в самом деле воображал, будто там сидит: судя по его сосредоточенному виду, было ясно, что он не замечает ни прилавка, ни улицы, ни мальчиков - короче говоря, ничего, кроме книги, которую усердно читал; дойдя до конца страницы, он переворачивал лист, начинал с верхней строки следующей страницы и продолжал читать с величайшим интересом и вниманием.

Каковы же были ужас и смятение Оливера, остановившегося в нескольких шагах и смотревшего во все глаза, когда он увидел, что Плут засунул руку в карман старого джентльмена и вытащил оттуда носовой платок, увидел, как он передал этот платок Чарли Бейтсу и, наконец, как они оба бросились бежать и свернули за угол.

В одно мгновение мальчику открылась тайна носовых платков, и часов, и драгоценных вещей, и еврея.

Секунду он стоял неподвижно, и от ужаса кровь бурлила у него в жилах так, что ему казалось, будто он в огне; потом, растерянный и испуганный, он кинулся прочь и, сам не по ни мая, что делает, бежал со всех ног.

Все это произошло в одну минуту.

В тот самый момент, когда Оливер бросился бежать, старый джентльмен сунул руку в карман и, не найдя носового платка, быстро оглянулся.

При виде удиравшего мальчика он, разумеется,

pace, he very naturally concluded him to be the depredator; and shouting

'Stop thief!' with all his might, made off after him, book in hand.

But the old gentleman was not the only person who raised the hue-and-cry.

The Dodger and Master Bates, unwilling to attract public attention by running down the open street, had merely retired into the very first doorway round the corner.

They no sooner heard the cry, and saw Oliver running, than, guessing exactly how the matter stood, they issued forth with great promptitude; and, shouting

'Stop thief!' too, joined in the pursuit like good citizens.

Although Oliver had been brought up by philosophers, he was not theoretically acquainted with the beautiful axiom that self-preservation is the first law of nature.

If he had been, perhaps he would have been prepared for this.

Not being prepared, however, it alarmed him the more; so away he went like the wind, with the old gentleman and the two boys roaring and shouting behind him.

'Stop thief!

Stop thief!'

There is a magic in the sound.

The tradesman leaves his counter, and the carman his waggon; the butcher throws down his tray; the baker his basket; the milkman his pail; the errand-boy his parcels; the school-boy his marbles; the paviour his pickaxe; the child his battledore.

Away they run, pell-mell, helter-skelter, slap-dash: tearing, yelling, screaming, knocking down the passengers as they turn the corners, rousing up the dogs, and astonishing the fowls: and streets, squares, and courts, re-echo with the sound.

'Stop thief!

заклучил, что это и есть преступник, и, закричав во все горло:

"Держите вора!" - пустился за ним с книгой в руке.

Но не один только старый джентльмен поднял тревогу.

Плут и юный Бейтс, не желая бежать по улице и тем привлечь к себе всеобщее внимание, спрятались в первом же подъезде за углом.

Услыхав крик и увидев бегущего Оливера, они сразу угадали, что произошло, поспешили выскочить из подъезда и с криком:

"Держите вора!" - приняли участие в погоне, как подобает добрым гражданам.

Хотя Оливер был воспитан философами, он теоретически не был знаком с превосходной аксиомой, что самосохранение есть первый закон природы.

Будь он с нею знаком, он оказался бы к этому подготовленным.

Но он не был подготовлен и тем сильнее испугался; посему он летел, как вихрь, а за ним с криком и ревом гнались старый джентльмен и два мальчика.

"Держите вора!

Держите вора!"

Есть в этих словах магическая сила.

Лавочник покидает свой прилавок, а возчик свою подводу, мясник бросает свой лоток, булочник свою корзину, молочник свое ведро, рассыльный свои свертки, школьник свои шарики *, мостильщик свою кирку, ребенок свой волан *.

И бегут они как попало, вперемежку, наобум, толкаются, орут, кричат, заворачивая за угол, сбивают с ног прохожих, пугают собак и приводят в изумление кур; а улицы, площади и дворы оглашаются криками.

"Держите вора!

Stop thief!

The cry is taken up by a hundred voices, and the crowd accumulate at every turning.

Away they fly, splashing through the mud, and rattling along the pavements: up go the windows, out run the people, onward bear the mob, a whole audience desert Punch in the very thickest of the plot, and, joining the rushing throng, swell the shout, and lend fresh vigour to the cry,

'Stop thief!

Stop thief!'

'Stop thief!

Stop thief!'

There is a passion FOR hunting something deeply implanted in the human breast.

One wretched breathless child, panting with exhaustion; terror in his looks; agony in his eyes; large drops of perspiration streaming down his face; strains every nerve to make head upon his pursuers; and as they follow on his track, and gain upon him every instant, they hail his decreasing strength with joy.

'Stop thief!'

Ay, stop him for God's sake, were it only in mercy!

Stopped at last!

A clever blow.

He is down upon the pavement; and the crowd eagerly gather round him: each new comer, jostling and struggling with the others to catch a glimpse.

'Stand aside!'

'Give him a little air!'

'Nonsense! he don't deserve it.'

'Where's the gentleman?'

'Here his is, coming down the street.'

Держите вора!"

Крик подхвачен сотней голосов, и толпа увеличивается на каждом углу.

И мчатся они, шлепая по грязи и топая по тротуарам; открываются окна, выбегают из домов люди, вперед летит толпа, зрители покидают Панча * в самый разгар его приключений и, присоединившись к людскому потоку, подхватывают крики и с новой энергией вопят:

"Держите вора!

Держите вора!"

"Держите вора!

Держите вора!"

Глубоко в человеческом сердце заложена страсть травить кого-нибудь.

Несчастный, измученный ребенок, задыхающийся от усталости, - ужас на его лице, отчаяние в глазах, крупные капли пота стекают по щекам, - напрягает каждый нерв, чтобы уйти от преследователей, а они бегут за ним и, с каждой секундой к нему приближаясь, видят, что силы ему изменяют, и орут еще громче, и гикают, и режут от радости.

"Держите вора!"

О да, ради бога, задержите его хотя бы только из сострадания!

Наконец, задержали!

Ловкий удар.

Он лежит на мостовой, а толпа с любопытством его окружает. Вновь прибывающие толкаются и протискиваются вперед, чтобы взглянуть на него.

"Отойдите в сторону!" -

"Дайте ему воздуху"! -

"Вздор! Он его не заслуживает". -

"Где этот джентльмен?" -

"Вот он, идет по улице". -

'Make room there for the gentleman!'

'Is this the boy, sir!'

'Yes.'

Oliver lay, covered with mud and dust, and bleeding from the mouth, looking wildly round upon the heap of faces that surrounded him, when the old gentleman was officiously dragged and pushed into the circle by the foremost of the pursuers.

'Yes,' said the gentleman, 'I am afraid it is the boy.'

'Afraid!' murmured the crowd.

'That's a good 'un!'

'Poor fellow!' said the gentleman, 'he has hurt himself.'

'I did that, sir,' said a great lubberly fellow, stepping forward; 'and precious I cut my knuckle agin' his mouth.

I stopped him, sir.'

The fellow touched his hat with a grin, expecting something for his pains; but, the old gentleman, eyeing him with an expression of dislike, look anxiously round, as if he contemplated running away himself: which it is very possible he might have attempted to do, and thus have afforded another chase, had not a police officer (who is generally the last person to arrive in such cases) at that moment made his way through the crowd, and seized Oliver by the collar.

'Come, get up,' said the man, roughly.

'It wasn't me indeed, sir.

Indeed, indeed, it was two other boys,' said Oliver, clasping his hands passionately, and looking round.

'They are here somewhere.'

'Oh no, they ain't,' said the officer.

He meant this to be ironical, but it was true besides; for the Dodger and Charley Bates had filed off down the first convenient court they came to.

"Пропустите вперед джентльмена!" -

"Это тот самый мальчик, сэр? -

"Да".

Оливер лежал, покрытый грязью и пылью, с окровавленным ртом, бросая обезумевшие взгляды на лица окружавших его людей, когда самые быстроногие его преследователи угодливо привели и втолкнули в круг старого джентльмена.

- Да, - сказал джентльмен, - боюсь, что это тот самый мальчик.

- Боится! - пробормотали в толпе.

- Добряк!

- Бедняжка! - сказал джентльмен. - Он ушибся.

- Это я, сэр! - сказал здоровенный, неуклюжий парень, выступив вперед. - Вот разбил себе кулак о его зубы.

Я его задержал, сэр.

Парень, ухмыльнувшись, притронулся к шляпе, ожидая получить что-нибудь за труды, но старый джентльмен, посмотрев на него с неприязнью, тревожно оглянулся, как будто в свою очередь подумывал о бегстве. Весьма возможно, что он попытался бы это сделать и началась бы новая погоня, если бы в эту минуту не пробился сквозь толпу полисмен (который в таких случаях обычно является последним) и не схватил Оливера за шиворот.

- Ну, вставай! - грубо сказал он.

- Право же, это не я, сэр.

Право же, это два других мальчика! - воскликнул Оливер, с отчаянием сжимая руки и осматриваясь вокруг.

- Они где-нибудь здесь.

- Ну, здесь их нет, - сказал полисмен.

Он хотел придать иронический смысл своим словам, но они соответствовали истине: Плут и Чарли Бейтс удрали, воспользовавшись первым подходящим для этой цели двором.

'Come, get up!'

'Don't hurt him,' said the old gentleman, compassionately.

'Oh no, I won't hurt him,' replied the officer, tearing his jacket half off his back, in proof thereof.

'Come, I know you; it won't do.

Will you stand upon your legs, you young devil?'

Oliver, who could hardly stand, made a shift to raise himself on his feet, and was at once lugged along the streets by the jacket-collar, at a rapid pace.

The gentleman walked on with them by the officer's side; and as many of the crowd as could achieve the feat, got a little ahead, and stared back at Oliver from time to time.

The boys shouted in triumph; and on they went.

CHAPTER XI — TREATS OF MR. FANG THE POLICE MAGISTRATE; AND FURNISHES A SLIGHT SPECIMEN OF HIS MODE OF ADMINISTERING JUSTICE

The offence had been committed within the district, and indeed in the immediate neighborhood of, a very notorious metropolitan police office.

The crowd had only the satisfaction of accompanying Oliver through two or three streets, and down a place called Mutton Hill, when he was led beneath a low archway, and up a dirty court, into this dispensary of summary justice, by the back way.

It was a small paved yard into which they turned; and here they encountered a stout man with a bunch of whiskers on his face, and a bunch of keys in his hand.

'What's the matter now?' said the man carelessly.

'A young fogle-hunter,' replied the man who had Oliver in charge.

- Вставай!

- Не обижай его! - мягко сказал старый джентльмен.

- Нет, я-то его не обижу! - отвечал полисмен и к доказательство своих слов чуть не сорвал с Оливера куртку.

- Идем, я тебя знаю, брось эти штуки.

Встанешь ты, наконец, на ноги, чертенок?

Оливер, который едва мог стоять, ухитрился подняться на ноги, и тотчас его потащили за шиворот по улице.

Джентльмен шагал рядом с полисменом, а те из толпы, что были попроворнее, забежали вперед и то и дело оглядывались на Оливера.

Мальчишки торжественно орали, а они продолжали путь.

ГЛАВА XI — повествует о мистере Фэнге, полицейском судье, и дает некоторое представление о его способе отправлять правосудие

Преступление было совершено в районе, входившем в границы весьма известного полицейского участка столицы.

Толпа имела удовольствие сопровождать Оливера только на протяжении двух-трех улиц и по так называемому Маттон-Хилл, а затем его провели под низкой аркой в грязный двор полицейского суда.

В этом маленьком мощеном дворике их встретил дородный мужчина с клочковатыми бакенбардами на лице и связкой ключей в руке.

- Что тут еще случилось? - небрежно спросил он.

- Охотник за носовыми платками, - ответил человек, который привел Оливера.

'Are you the party that's been robbed, sir?' inquired the man with the keys.

'Yes, I am,' replied the old gentleman; 'but I am not sure that this boy actually took the handkerchief.

I — I would rather not press the case.'

'Must go before the magistrate now, sir,' replied the man.

'His worship will be disengaged in half a minute.

Now, young gallows!'

This was an invitation for Oliver to enter through a door which he unlocked as he spoke, and which led into a stone cell.

Here he was searched; and nothing being found upon him, locked up.

This cell was in shape and size something like an area cellar, only not so light.

It was most intolerably dirty; for it was Monday morning; and it had been tenanted by six drunken people, who had been locked up, elsewhere, since Saturday night.

But this is little.

In our station-houses, men and women are every night confined on the most trivial charges — the word is worth noting — in dungeons, compared with which, those in Newgate, occupied by the most atrocious felons, tried, found guilty, and under sentence of death, are palaces.

Let any one who doubts this, compare the two.

The old gentleman looked almost as rueful as Oliver when the key grated in the lock.

He turned with a sigh to the book, which had been the innocent cause of all this disturbance.

'There is something in that boy's face,' said the old

- Вы - пострадавшая сторона, сэр? - осведомился человек с ключами.

- Да, я, - ответил старый джентльмен, - но я не уверен в том, что этот мальчик действительно стащил у меня носовой платок...

Мне... мне бы хотелось не давать хода этому делу...

- Теперь остается только идти к судье, - сказал человек с ключами.

- Его честь освободится через минуту.

Ступай, молодой висельник.

Этими словами он пригласил Оливера войти в отпертую им дверь, ведущую в камеру с кирпичными стенами.

Здесь Оливера обыскали и, не найдя у него ничего, заперли.

Камера своим видом и размерами напоминала погреб, но освещалась куда хуже.

Она оказалась нестерпимо грязной; было утро понедельника, а с субботнего вечера здесь сидели под замком шестеро пьяниц.

Но это пустяки.

В наших полицейских участках каждый вечер сажают под арест мужчин и женщин по самым ничтожным обвинениям - это слово достойно быть отмеченным - в темницы, по сравнению с которыми камеры в Ньюгете *, заполненные самыми опасными преступниками, коих судили, признали виновными и приговорили к смертной казни, напоминают дворцы.

Пусть тот, кто в этом сомневается, сравнит их сам.

Когда ключ заскрежетал в замке, старый джентльмен был опечален почти так же, как Оливер.

Он со вздохом обратился к книге, которая послужила невольной причиной происшедшего переполоха.

- В лице этого мальчика, - сказал старый

gentleman to himself as he walked slowly away, tapping his chin with the cover of the book, in a thoughtful manner; 'something that touches and interests me.

Can he be innocent?

He looked like — 'Bye the bye,' exclaimed the old gentleman, halting very abruptly, and staring up into the sky,

'Bless my soul! — where have I seen something like that look before?'

After musing for some minutes, the old gentleman walked, with the same meditative face, into a back anteroom opening from the yard; and there, retiring into a corner, called up before his mind's eye a vast amphitheatre of faces over which a dusky curtain had hung for many years.

'No,' said the old gentleman, shaking his head; 'it must be imagination.

He wandered over them again.

He had called them into view, and it was not easy to replace the shroud that had so long concealed them.

There were the faces of friends, and foes, and of many that had been almost strangers peering intrusively from the crowd; there were the faces of young and blooming girls that were now old women; there were faces that the grave had changed and closed upon, but which the mind, superior to its power, still dressed in their old freshness and beauty, calling back the lustre of the eyes, the brightness of the smile, the beaming of the soul through its mask of clay, and whispering of beauty beyond the tomb, changed but to be heightened, and taken from earth only to be set up as a light, to shed a soft and gentle glow upon the path to Heaven.

But the old gentleman could recall no one countenance of which Oliver's features bore a trace.

So, he heaved a sigh over the recollections he awakened; and being, happily for himself, an absent old gentleman, buried them again in the pages of the musty book.

джентльмен, медленно отходя от двери и с задумчивым видом похлопывая себя книгой по подбородку, - в лице этого мальчика есть что-то такое, что меня трогает и интересует.

Может ли быть, что он не виновен?

Лицо у него такое... Да, кстати! - воскликнул старый джентльмен, вдруг остановившись и подняв глаза к небу.

- Ах, боже мой! Где ж это я раньше мог видеть такое лицо?

После нескольких минут раздумья старый джентльмен все с тем же сосредоточенным видом вошел в прихожую перед камерой судьи, выходящую во двор, и здесь, отступив в угол, воскресил в памяти длинную вереницу лиц, над которыми уже много лет назад спустился сумеречный занавес.

- Нет! - сказал старый джентльмен, покачивая головой. - Должно быть, это моя фантазия!

Он снова их обозрел.

Он вызвал их, и нелегко было вновь опустить на них покров, так долго их скрывавший.

Здесь были лица друзей, врагов, людей, едва знакомых, назойливо выглядывавших из толпы; здесь были лица молодых, цветущих девушек, теперь уже старух; здесь были лица, искаженные смертью и сокрытые могилой. Но дух, властвующий над ней, по-прежнему облакал их свежестью и красотой, вызывая в памяти блеск глаз, сверкающую улыбку, сияние души, просвечивающей из праха, и то неясное, что нашептывает красота из загробного мира, изменившаяся лишь для того, чтобы вспыхнуть еще ярче, и отнятая у земли, чтобы стать светочем, который озаряет мягкими, нежными лучами тропу к небесам.

Но старый джентльмен не мог припомнить ни одного лица, чьи черты можно было найти в облике Оливера.

С глубоким вздохом он распрощался с пробужденными им воспоминаниями и, будучи, к счастью для себя, рассеянным старым джентльменом, снова похоронил их между пожелтевших страниц книги.

He was roused by a touch on the shoulder, and a request from the man with the keys to follow him into the office.

He closed his book hastily; and was at once ushered into the imposing presence of the renowned Mr. Fang.

The office was a front parlour, with a panelled wall.

Mr. Fang sat behind a bar, at the upper end; and on one side the door was a sort of wooden pen in which poor little Oliver was already deposited; trembling very much at the awfulness of the scene.

Mr. Fang was a lean, long-backed, stiff-necked, middle-sized man, with no great quantity of hair, and what he had, growing on the back and sides of his head.

His face was stern, and much flushed.

If he were really not in the habit of drinking rather more than was exactly good for him, he might have brought action against his countenance for libel, and have recovered heavy damages.

The old gentleman bowed respectfully; and advancing to the magistrate's desk, said, suiting the action to the word,

'That is my name and address, sir.'

He then withdrew a pace or two; and, with another polite and gentlemanly inclination of the head, waited to be questioned.

Now, it so happened that Mr. Fang was at that moment perusing a leading article in a newspaper of the morning, adverting to some recent decision of his, and commending him, for the three hundred and fiftieth time, to the special and particular notice of the Secretary of State for the Home Department.

He was out of temper; and he looked up with an angry scowl.

'Who are you?' said Mr. Fang.

The old gentleman pointed, with some surprise, to

Он очнулся, когда человек с ключами тронул его за плечо и предложил следовать за ним в камеру судьи.

Он поспешно захлопнул книгу и предстал перед лицом величественного и знаменитого мистера Фэнга.

Камера судьи помещалась в первой комнате с обшитыми панелью стенами.

Мистер Фэнг сидел в дальнем конце, за перилами, а у двери находилось нечто вроде деревянного загона, куда уже был помещен бедный маленький Оливер, весь дрожавший при виде этой устрашающей обстановки.

Мистер Фэнг был худощавым, с длинной талией и негибавшейся шеей, среднего роста человеком, с небольшим количеством волос, произраставших на затылке и у висков.

Лицо у него было хмурое и багровое.

Если он на самом деле не имел обыкновения пить больше, чем было ему полезно, он мог бы возбудить в суде против своей физиономии дело о клевете и получить щедрое вознаграждение за понесенные убытки.

Старый джентльмен почтительно поклонился и, подойдя к столу судьи, сказал, согласуя слова с делом:

- Вот моя фамилия и адрес, сэр.

Затем он отступил шага на два и, отвесив еще один учтивый джентльменский поклон, стал ждать допроса.

Случилось так, что в этот самый момент мистер Фэнг внимательно читал передовую статью в утренней газете, упоминаящую одно из недавних его решений и в триста пятидесятый раз предлагающую министру внутренних дел обратить на него особое и чрезвычайное внимание.

Он был в дурном расположении духа и, нахмурившись, сердито поднял голову.

- Кто вы такой? - спросил мистер Фэнг.

Старый джентльмен с некоторым удивлением

his card.

'Officer!' said Mr. Fang, tossing the card contemptuously away with the newspaper. 'Who is this fellow?'

'My name, sir,' said the old gentleman, speaking like a gentleman, 'my name, sir, is Brownlow.'

Permit me to inquire the name of the magistrate who offers a gratuitous and unprovoked insult to a respectable person, under the protection of the bench.'

Saying this, Mr. Brownlow looked around the office as if in search of some person who would afford him the required information.

'Officer!' said Mr. Fang, throwing the paper on one side, 'what's this fellow charged with?'

'He's not charged at all, your worship,' replied the officer.

'He appears against this boy, your worship.'

His worship knew this perfectly well; but it was a good annoyance, and a safe one.

'Appears against the boy, does he?' said Mr. Fang, surveying Mr. Brownlow contemptuously from head to foot.

'Swear him!'

'Before I am sworn, I must beg to say one word,' said Mr. Brownlow; 'and that is, that I really never, without actual experience, could have believed — '

'Hold your tongue, sir!' said Mr. Fang, peremptorily.

'I will not, sir!' replied the old gentleman.

'Hold your tongue this instant, or I'll have you turned out of the office!' said Mr. Fang.

'You're an insolent impertinent fellow.

указал на свою визитную карточку.

- Полисмен, - сказал мистер Фэнг, презрительно отбрасывая карточку вместе с газетой, - кто этот субъект?

- Моя фамилия, сэр, - сказал старый джентльмен, как подобает говорить джентльмену, - моя фамилия, сэр, Браунлоу...

Разрешите узнать фамилию судьи, который, пользуясь защитой своего звания, наносит незаслуженное и ничем не вызванное оскорбление почтенному лицу.

С этими словами мистер Браунлоу окинул взглядом комнату, словно отыскивая кого-нибудь, кто бы доставил ему требуемые сведения.

- Полисмен, - повторил мистер Фэнг, швыряя в сторону лист бумаги, - в чем обвиняется этот субъект?

- Он ни в чем не обвиняется, ваша честь, - ответил полисмен.

- Он выступает обвинителем против мальчика, ваша честь.

Его честь прекрасно это знал; но это был превосходный способ досадить свидетелю, да к тому же вполне безопасный.

- Выступает обвинителем против мальчика, вот как? - сказал Фэнг, с ног до головы смерив мистера Браунлоу презрительным взглядом.

- Приведите его к присяге!

- Прежде чем меня приведут к присяге, я прошу разрешения сказать одно слово, - заявил мистер Браунлоу, - а именно: я бы никогда не поверил, не убедившись на собственном опыте...

- Придержите язык, сэр! - повелительно сказал мистер Фэнг.

- Не желаю, сэр! - ответил старый джентльмен.

- Сию же минуту придержите язык, а не то я прикажу выгнать вас отсюда! - воскликнул мистер Фэнг.

- Вы наглец!

How dare you bully a magistrate!

'What!' exclaimed the old gentleman, reddening.

'Swear this person!' said Fang to the clerk.

'I'll not hear another word.

Swear him.'

Mr. Brownlow's indignation was greatly roused; but reflecting perhaps, that he might only injure the boy by giving vent to it, he suppressed his feelings and submitted to be sworn at once.

'Now,' said Fang, 'what's the charge against this boy?

What have you got to say, sir?'

'I was standing at a bookstall — ' Mr. Brownlow began.

'Hold your tongue, sir,' said Mr. Fang.

'Policeman!

Where's the policeman?

Here, swear this policeman.

Now, policeman, what is this?'

The policeman, with becoming humility, related how he had taken the charge; how he had searched Oliver, and found nothing on his person; and how that was all he knew about it.

'Are there any witnesses?' inquired Mr. Fang.

'None, your worship,' replied the policeman.

Mr. Fang sat silent for some minutes, and then, turning round to the prosecutor, said in a towering passion.

'Do you mean to state what your complaint against this boy is, man, or do you not?

You have been sworn.

Now, if you stand there, refusing to give evidence,

Как вы смеете грубить судье?

Что такое? - покраснев, вскричал старый джентльмен.

- Приведите этого человека к присяге! - сказал Фэнг клерку.

- Не желаю больше слышать ни единого слова.

Приведите его к присяге.

Негодование мистера Браунлоу было безгранично, но, сообразив, быть может, что он только повредит мальчику, если даст волю своим чувствам, мистер Браунлоу подавил их и покорно принес присягу.

- Ну, - сказал Фэнг, - в чем обвиняют этого мальчика?

Что вы имеете сказать, сэр?

- Я стоял у книжного ларька... - начал мистер Браунлоу.

- Помолчите, сэр, - сказал мистер Фэнг.

- Полисмен!

Где полисмен?..

Вот он.

Приведите к присяге этого полисмена...

Ну, полисмен, в чем дело? Полисмен с надлежащим смирением доложил о том, как он задержал обвиняемого, как обыскал Оливера и ничего не нашел, и о том, что он больше ничего об этом не знает.

- Есть еще свидетели? - осведомился мистер Фэнг.

- Больше никого нет, сэр, - ответил полисмен.

Мистер Фэнг несколько минут молчал, а затем, повернувшись к потерпевшему, сказал с неудержимой злобой:

- Намерены вы изложить, в чем заключается ваше обвинение против этого мальчика, или не намерены?

Вы принесли присягу.

I'll punish you for disrespect to the bench; I will, by — '

By what, or by whom, nobody knows, for the clerk and jailor coughed very loud, just at the right moment; and the former dropped a heavy book upon the floor, thus preventing the word from being heard — accidentally, of course.

With many interruptions, and repeated insults, Mr. Brownlow contrived to state his case; observing that, in the surprise of the moment, he had run after the boy because he had saw him running away; and expressing his hope that, if the magistrate should believe him, although not actually the thief, to be connected with the thieves, he would deal as leniently with him as justice would allow.

'He has been hurt already,' said the old gentleman in conclusion.

'And I fear,' he added, with great energy, looking towards the bar, 'I really fear that he is ill.'

'Oh! yes, I dare say!' said Mr. Fang, with a sneer.

'Come, none of your tricks here, you young vagabond; they won't do.

What's your name?'

Oliver tried to reply but his tongue failed him.

He was deadly pale; and the whole place seemed turning round and round.

'What's your name, you hardened scoundrel?' demanded Mr. Fang.

'Officer, what's his name?'

This was addressed to a bluff old fellow, in a striped waistcoat, who was standing by the bar.

He bent over Oliver, and repeated the inquiry; but finding him really incapable of understanding the question; and knowing that his not replying would only infuriate the magistrate the more, and add to

Если вы отказываетесь дать показание, я вас покараю за неуважение к суду. Чтоб вас...

Конец фразы остается неизвестным, ибо как раз в надлежащий момент клерк и тюремщик очень громко кашлянули, и первый уронил на пол - разумеется, случайно - тяжелую книгу, благодаря чему слова невозможно было расслышать.

Мистер Браунлоу, которого много раз перебивали и поминутно оскорбляли, ухитрился изложить свое дело, заявив, что в первый момент, растерявшись, он бросился за мальчиком, когда увидел, что тот удирает от него: затем он выразил надежду, что судья, признав мальчика виновным не в воровстве, но в сообщничестве с ворами, окажет ему снисхождение, не нарушая закона.

- Он и без того уже пострадал, - сказал в заключение старый джентльмен.

- И боюсь, - энергически добавил он, бросив взгляд на судью, - право же, боюсь, что он болен!

- О да, конечно! - насмешливо улыбаясь, сказал мистер Фэнг.

- Эй ты, бродяжка, брось эти фокусы! Они тебе не помогут.

Как тебя зовут?

Оливер попытался ответить, но язык ему не повиновался.

Он был смертельно бледен, и ему казалось, что все в комнате кружится перед ним.

- Как тебя зовут, закоснелый ты негодяй? - спросил мистер Фэнг.

- Полисмен, как его зовут?

Эти слова относились к грубоватому, добродушному на вид старику в полосатом жилете, стоявшему у перил.

Он наклонился к Оливеру и повторил вопрос, но, убедившись, что тот действительно не в силах понять его, и зная, что молчание мальчика только усилит бешенство судьи и приведет к более суровому приговору, он

the severity of his sentence; he hazarded a guess.

'He says his name's Tom White, your worship,' said the kind-hearted thief-taker.

'Oh, he won't speak out, won't he?' said Fang.

'Very well, very well.

Where does he live?'

'Where he can, your worship,' replied the officer; again pretending to receive Oliver's answer.

'Has he any parents?' inquired Mr. Fang.

'He says they died in his infancy, your worship,' replied the officer: hazarding the usual reply.

At this point of the inquiry, Oliver raised his head; and, looking round with imploring eyes, murmured a feeble prayer for a draught of water.

'Stuff and nonsense!' said Mr. Fang: 'don't try to make a fool of me.'

'I think he really is ill, your worship,' remonstrated the officer.

'I know better,' said Mr. Fang.

'Take care of him, officer,' said the old gentleman, raising his hands instinctively; 'he'll fall down.'

'Stand away, officer,' cried Fang; 'let him, if he likes.'

Oliver availed himself of the kind permission, and fell to the floor in a fainting fit.

The men in the office looked at each other, but no one dared to stir.

'I knew he was shamming,' said Fang, as if this were incontestable proof of the fact.

'Let him lie there; he'll soon be tired of that.'

'How do you propose to deal with the case, sir?' inquired the clerk in a low voice.

'Summarily,' replied Mr. Fang.

рискнул ответить наобум.

- Он говорит, и его зовут Том Уайт, ваша честь, - сказал этот мягкосердечный охотник за ворами.

- О, так он не желает разговаривать? - сказал Фэнг.

- Прекрасно, прекрасно.

Где он живет?

- Где придется, ваша честь! - заявил полисмен, снова притворяясь, будто Оливер ему незнаком.

- Родители живы? - осведомился мистер Фэнг.

- Он говорит, что они умерли, когда он был совсем маленький, ваша честь, - сказал полисмен наугад, как говорил обычно.

Когда допрос достиг этой стадии. Оливер поднял голову и, бросив умоляющий взгляд, слабым голосом попросил глоток воды.

- Вздор! - сказал мистер Фэнг. - Не вздумай меня дурачить.

- Мне кажется, он и в самом деле болен, ваша честь, - возразил полисмен.

- Мне лучше знать, - сказал мистер Фэнг.

- Помогите ему, полисмен, - сказал старый джентльмен, инстинктивно протягивая руки, - он вот-вот упадет!

- Отойдите, полисмен! - крикнул Фэнг. - Если ему угодно, пусть падает.

Оливер воспользовался милостивым разрешением и, потеряв сознание, упал на пол.

Присутствующие переглянулись, но ни один не посмел шевельнуться.

- Я знал, что он притворяется, - сказал Фэнг, словно это было неопровержимым доказательством притворства.

- Пусть он так и лежит. Ему это скоро надоест.

- Как вы намерены решить это дело, сэр? - спросил клерк.

- Очень просто! - ответил мистер Фэнг.

'He stands committed for three months — hard labour of course.

Clear the office.'

The door was opened for this purpose, and a couple of men were preparing to carry the insensible boy to his cell; when an elderly man of decent but poor appearance, clad in an old suit of black, rushed hastily into the office, and advanced towards the bench.

'Stop, stop! don't take him away!

For Heaven's sake stop a moment!' cried the new comer, breathless with haste.

Although the presiding Genii in such an office as this, exercise a summary and arbitrary power over the liberties, the good name, the character, almost the lives, of Her Majesty's subjects, expecially of the poorer class; and although, within such walls, enough fantastic tricks are daily played to make the angels blind with weeping; they are closed to the public, save through the medium of the daily press.[Footnote: Or were virtually, then.] Mr. Fang was consequently not a little indignant to see an unbidden guest enter in such irreverent disorder.

'What is this?

Who is this?

Turn this man out.

Clear the office!' cried Mr. Fang.

'I will speak,' cried the man;

'I will not be turned out.

I saw it all.

I keep the book-stall.

I demand to be sworn.

I will not be put down.

Mr. Fang, you must hear me.

You must not refuse, sir.'

The man was right.

- Он приговаривается к трехмесячному заключению и, разумеется, к тяжелым работам.

Очистить зал!

Открыли дверь, и два человека приготовились унести бесчувственного мальчика в тюремную камеру, как вдруг пожилой человек в поношенном черном костюме, на вид пристойный, но бедный, ворвался в комнату и направился к столу судьи.

- Подождите! Не уносите его!

Ради бога, подождите минутку! - воскликнул вновь прибывший, запыхавшись от быстрой ходьбы.

Хотя духи, председательствующие в подобных местах, пользуются полной и неограниченной властью над свободой, добрым именем, репутацией, чуть ли не над жизнью подданных ее величества, в особенности принадлежащих к беднейшим классам, и хотя в этих стенах ежедневно разыгрываются такие фантастические сцены, что ангелы могли бы выплакать себе глаза, однако это скрыто от общества, разве только кое-что проникает в печать. Вследствие этого мистер Фэнг не на шутку вознегодовал при виде незваного гостя, столь неучтиво нарушившего порядок.

- Что это?

Кто это такой?

Выгнать этого человека!

Очистить зал! - вскричал мистер Фэнг.

- Я б_у_д_у говорить! - крикнул человек.

- Я не позволю, чтобы меня выгнали!

Я все видел.

Я владелец книжного ларька.

Я требую, чтобы меня привели к присяге!

Меня вы не заставите молчать.

Мистер Фэнг, вы должны меня выслушать!

Вы не можете мне отказать, сэр.

Этот человек был прав.

His manner was determined; and the matter was growing rather too serious to be hushed up.

'Swear the man,' growled Mr. Fang, with a very ill grace.

'Now, man, what have you got to say?'

'This,' said the man: 'I saw three boys: two others and the prisoner here: loitering on the opposite side of the way, when this gentleman was reading.

The robbery was committed by another boy.

I saw it done; and I saw that this boy was perfectly amazed and stupified by it.'

Having by this time recovered a little breath, the worthy book-stall keeper proceeded to relate, in a more coherent manner the exact circumstances of the robbery.

'Why didn't you come here before?' said Fang, after a pause.

'I hadn't a soul to mind the shop,' replied the man.

'Everybody who could have helped me, had joined in the pursuit.

I could get nobody till five minutes ago; and I've run here all the way.'

'The prosecutor was reading, was he?' inquired Fang, after another pause.

'Yes,' replied the man.

'The very book he has in his hand.'

'Oh, that book, eh?' said Fang.

'Is it paid for?'

'No, it is not,' replied the man, with a smile.

'Dear me, I forgot all about it!' exclaimed the absent old gentleman, innocently.

'A nice person to prefer a charge against a poor

Вид у него был решительный, а дело принимало слишком серьезный оборот, чтобы можно было его замять.

- Приведите этого человека к присяге! - весьма недружелюбно проворчал мистер Фэнг.

- Ну, что вы имеете сказать?

- Вот что: я видел, как три мальчика - арестованный и еще двое слонялись по другой стороне улицы, когда этот джентльмен читал книгу.

Кражу совершил другой мальчик.

Я видел, как это произошло и видел, что вот этот мальчик был совершенно ошеломлен и потрясен.

К тому времени достойный владелец книжного ларьки немного отдышался и уже более связно рассказал, при каких обстоятельствах была совершена кража.

- Почему вы не явились сюда раньше? - помолчав, спросил Фэнг.

- Мне не на кого было оставить лавку, - ответил тот.

- Все, кто мог бы мне помочь, приняли участие в погоне.

Еще пять минут назад я никого не мог найти, а сюда я бежал всю дорогу.

- Истец читал, не так ли? - осведомился Фэнг, снова помолчав.

- Да, - ответил человек.

- Вот эту самую книгу, которая у него в руке.

- Эту самую, да? - сказал Фэнг.

- За нее уплачено?

- Нет, не уплачено, - с улыбкой ответил книгопродавец.

- Ах, боже мои, я об этом совсем забыл! - простодушно воскликнул рассеянный старый джентльмен.

- Что и говорить, достойная особа, а еще возводит обвинения на бедного мальчика! -

boy!' said Fang, with a comical effort to look humane.

'I consider, sir, that you have obtained possession of that book, under very suspicious and disreputable circumstances; and you may think yourself very fortunate that the owner of the property declines to prosecute.

Let this be a lesson to you, my man, or the law will overtake you yet.

The boy is discharged.

Clear the office!'

'D — n me!' cried the old gentleman, bursting out with the rage he had kept down so long, 'd — n me!

I'll — '

'Clear the office!' said the magistrate.

'Officers, do you hear?

Clear the office!'

The mandate was obeyed; and the indignant Mr. Brownlow was conveyed out, with the book in one hand, and the bamboo cane in the other: in a perfect phrenzy of rage and defiance.

He reached the yard; and his passion vanished in a moment.

Little Oliver Twist lay on his back on the pavement, with his shirt unbuttoned, and his temples bathed with water; his face a deadly white; and a cold tremble convulsing his whole frame.

'Poor boy, poor boy!' said Mr. Brownlow, bending over him.

'Call a coach, somebody, pray.

Directly!'

A coach was obtained, and Oliver having been carefully laid on the seat, the old gentleman got in and sat himself on the other.

'May I accompany you?' said the book-stall keeper,

сказал Фэнг, делая комические усилия казаться сердобольным.

- Я полагаю, сэр, что вы завладели этой книгой при весьма подозрительных и порочащих вас обстоятельствах. И можете считать себя счастливым, что владелец ее не намерен преследовать вас по суду.

Пусть это послужит вам уроком, любезнейший, а не то правосудие еще займется вами...

Мальчик оправдан.

Очистить зал!

- Черт побери! - вскричал старый джентльмен, не в силах больше сдерживать свой гнев. - Черт побери!

Я...

- Очистить зал! - сказал судья.

- Полисмены, слышите?

Очистить зал!

Приказание было исполнено. И негодующего мистера Браунлоу, который был вне себя от гнева и возмущения, выпроводили вон с книгой в одной руке и с бамбуковой тростью в другой.

Он вышел во двор, и бешенство его мгновенно улеглось.

На мощеном дворе лежал маленький Оливер Твист в расстегнутой рубашке и со смоченными водой висками; лицо его было смертельно бледно, дрожь пробежала по всему телу.

- Бедный мальчик, бедный мальчик! - сказал мистер Браунлоу, наклонившись к нему.

- Карету! Пожалуйста, пусть кто-нибудь наймет карету.

Поскорее!

Появилась карета, и когда Оливера бережно опустили на одно сиденье, старый джентльмен занял другое.

- Разрешите поехать с вами? - попросил

looking in.

'Bless me, yes, my dear sir,' said Mr. Brownlow quickly.

'I forgot you.

Dear, dear!

I have this unhappy book still!

Jump in.

Poor fellow!

There's no time to lose.'

The book-stall keeper got into the coach; and away they drove.

CHAPTER XII — IN WHICH OLIVER IS TAKEN BETTER CARE OF THAN HE EVER WAS BEFORE. AND IN WHICH THE NARRATIVE REVERTS TO THE MERRY OLD GENTLEMAN AND HIS YOUTHFUL FRIENDS.

The coach rattled away, over nearly the same ground as that which Oliver had traversed when he first entered London in company with the Dodger; and, turning a different way when it reached the Angel at Islington, stopped at length before a neat house, in a quiet shady street near Pentonville.

Here, a bed was prepared, without loss of time, in which Mr. Brownlow saw his young charge carefully and comfortably deposited; and here, he was tended with a kindness and solicitude that knew no bounds.

But, for many days, Oliver remained insensible to all the goodness of his new friends.

The sun rose and sank, and rose and sank again, and many times after that; and still the boy lay stretched on his uneasy bed, dwindling away beneath the dry and wasting heat of fever.

The worm does not work more surely on the dead body, than does this slow creeping fire upon the living frame.

владелец книжного ларька, заглядывая в карету.

- Ах, боже мой, конечно, дорогой сэръ! - быстро ответил мистер Браунлоу.

- Я забыл о вас.

Боже мой, боже мой!

У меня все еще эта злополучная книга!

Влезайте поскорее!

Бедный мальчуган!

Нельзя терять ни минуты.

Владелец книжного ларька сел в карету, и они уехали.

ГЛАВА XII, — в которой об Оливере заботятся лучше, чем когда бы то ни было, а в которой снова повествуется о веселом старом джентльмене и его молодых друзьях.

Карета с грохотом катила почти той же дорогой, какой шел Оливер, когда впервые вступил в Лондон, сопровождаемый Плутон, и, доехав до "Ангела" в Излингтоне, свернула в другую сторону и, наконец, остановилась у чистенького домика в тихой, окаймленной деревьями улице близ Пентонвила.

Здесь Оливеру была немедленно приготовлена постель, и сам мистер Браунлоу проследил, чтобы в нее бережно уложили его юного питомца; здесь за ним ухаживали с бесконечной нежностью и заботливостью.

Но в течение многих дней Оливер оставался нечувствительным к доброте своих новых друзей.

Солнце взошло и зашло, и снова взошло и зашло, и это повторялось много раз, а мальчик по-прежнему метался на кровати к иссушающему жару лихорадки.

Червь совершает свою работу над трупом не с большей уверенностью, чем этот медленно ползущий огонь над живым телом.

Weak, and thin, and pallid, he awoke at last from what seemed to have been a long and troubled dream. Feebly raising himself in the bed, with his head resting on his trembling arm, he looked anxiously around.

'What room is this?

Where have I been brought to?' said Oliver.

'This is not the place I went to sleep in.'

He uttered these words in a feeble voice, being very faint and weak; but they were overheard at once.

The curtain at the bed's head was hastily drawn back, and a motherly old lady, very neatly and precisely dressed, rose as she undrew it, from an arm-chair close by, in which she had been sitting at needle-work.

'Hush, my dear,' said the old lady softly.

'You must be very quiet, or you will be ill again; and you have been very bad, — as bad as bad could be, pretty nigh.

Lie down again; there's a dear!'

With those words, the old lady very gently placed Oliver's head upon the pillow; and, smoothing back his hair from his forehead, looked so kindly and loving in his face, that he could not help placing his little withered hand in hers, and drawing it round his neck.

'Save us!' said the old lady, with tears in her eyes.

'What a grateful little dear it is.

Pretty creetur!

What would his mother feel if she had sat by him as I have, and could see him now!'

'Perhaps she does see me,' whispered Oliver, folding his hands together; 'perhaps she has sat by me.

I almost feel as if she had.'

'That was the fever, my dear,' said the old lady

Слабый, худой и бледный, он очнулся, наконец, словно после долгого тревожного сна.

- Что это за комната?

Куда меня привели? - спросил Оливер.

- Мне здесь никогда не случалось спать.

Он был очень истощен и слаб, и эти слова произнес тихим голосом, но их тотчас же слышали.

Полог у изголовья кровати быстро отдернули, и добродушная старая леди, опрятно и скромно одетая, поднялась с кресла у самой кровати, в котором она сидела, занимаясь шитьем.

- Тише, дорогой мой, - ласково сказала старая леди.

- Ты должен лежать очень спокойно, иначе опять заболеешь. А тебе было очень плохо, так плохо, что хуже и быть не может.

Ложись, будь умником!

С этими словами старая леди осторожно уложила голову Оливера на подушку и, откинув ему волосы со лба с такой добротой и любовью посмотрела на него, что он невольно схватил исхудалой рукой ее руку и обвил ее вокруг своей шеи.

- Господи помилуй! - со слезами на глазах сказала старая леди.

- Какое благодарное милое дитя!

И какой он хорошенький!

Что почувствовала бы его мать, если бы все это время она сидела, как я, в его кровати и могла поглядеть на него сейчас!

- Может быть, она меня видит, - прошептал Оливер, складывая руки. - Может быть, она сидела подле меня.

Мне казалось, будто она сидела.

- Это тебя от лихорадки, дорогой мой, - ласково

mildly.

'I suppose it was,' replied Oliver, 'because heaven is a long way off; and they are too happy there, to come down to the bedside of a poor boy.'

But if she knew I was ill, she must have pitied me, even there; for she was very ill herself before she died.

She can't know anything about me though,' added Oliver after a moment's silence.

'If she had seen me hurt, it would have made her sorrowful; and her face has always looked sweet and happy, when I have dreamed of her.'

The old lady made no reply to this; but wiping her eyes first, and her spectacles, which lay on the counterpane, afterwards, as if they were part and parcel of those features, brought some cool stuff for Oliver to drink; and then, patting him on the cheek, told him he must lie very quiet, or he would be ill again.

So, Oliver kept very still; partly because he was anxious to obey the kind old lady in all things; and partly, to tell the truth, because he was completely exhausted with what he had already said.

He soon fell into a gentle doze, from which he was awakened by the light of a candle: which, being brought near the bed, showed him a gentleman with a very large and loud-ticking gold watch in his hand, who felt his pulse, and said he was a great deal better.

'You are a great deal better, are you not, my dear?' said the gentleman.

'Yes, thank you, sir,' replied Oliver.

'Yes, I know you are,' said the gentleman:

'You're hungry too, an't you?'

'No, sir,' answered Oliver.

'Hem!' said the gentleman.

'No, I know you're not.'

He is not hungry, Mrs. Bedwin,' said the gentleman: looking very wise.

сказала старая леди.

- Должно быть, - ответил Оливер, - потому что небо от нас очень далеко, а они там слишком счастливы, чтобы прийти к постели больного мальчика.

Но если она знала, что я болен, она и там должна была пожалеть меня, ведь она сама перед смертью была очень больна.

Впрочем, она ничего не может обо мне знать, - помолчав, добавил Оливер.

- Если бы она видела, как меня обижали, ее бы это опечалило, но, когда она мне снилась, лицо у нее всегда было ласковое и счастливое.

Старая леди ничего на это не ответила; вытерев сначала глаза, а потом лежавшие на одеяле очки, словно они являлись неотъемлемой частью глаз, она подала Оливеру какое-то прохладительное питье, а затем, погладив его по щеке, сказала, что он должен лежать очень спокойно, а не то опять заболит.

И Оливер лежал очень спокойно, отчасти потому, что хотел во всем повиноваться доброй старой леди, а отчасти, сказать по правде, и потому, что очень ослабел после этого разговора.

Вскоре он задремал, а проснулся от света свечи, поставленной у его постели, и увидел джентльмена, который, держа в руке большие и громко тикающие золотые часы, пощупал ему пульс и сказал, что ему гораздо лучше.

- Тебе гораздо лучше, не правда ли, милый? - сказал джентльмен.

- Да, благодарю вас, - ответил Оливер.

- Я знаю, что лучше, - сказал джентльмен.

- И тебе хочется есть, правда?

- Нет, сэр, - ответил Оливер.

- Гм! - сказал джентльмен.

- Я знаю, что не хочется.

Ему не хочется есть, миссис Бэдуин, - с глубокомысленным видом сказал джентльмен.

The old lady made a respectful inclination of the head, which seemed to say that she thought the doctor was a very clever man.

The doctor appeared much of the same opinion himself.

'You feel sleepy, don't you, my dear?' said the doctor.

'No, sir,' replied Oliver.

'No,' said the doctor, with a very shrewd and satisfied look.

'You're not sleepy.

Nor thirsty. Are you?'

'Yes, sir, rather thirsty,' answered Oliver.

'Just as I expected, Mrs. Bedwin,' said the doctor.

'It's very natural that he should be thirsty.

You may give him a little tea, ma'am, and some dry toast without any butter.

Don't keep him too warm, ma'am; but be careful that you don't let him be too cold; will you have the goodness?'

The old lady dropped a curtsey.

The doctor, after tasting the cool stuff, and expressing a qualified approval of it, hurried away: his boots creaking in a very important and wealthy manner as he went downstairs.

Oliver dozed off again, soon after this; when he awoke, it was nearly twelve o'clock.

The old lady tenderly bade him good-night shortly afterwards, and left him in charge of a fat old woman who had just come: bringing with her, in a little bundle, a small Prayer Book and a large nightcap.

Putting the latter on her head and the former on the table, the old woman, after telling Oliver that she had come to sit up with him, drew her chair close to the fire and went off into a series of short naps, chequered at frequent intervals with sundry tumblings forward, and divers moans and

Старая леди почтительно наклонила голову, как бы давая понять, что считает доктора очень умным человеком.

По-видимому, и сам доктор был того же мнения.

- Тебя клонит в сон, правда, мой милый? - сказал доктор.

- Нет, сэр, - ответил Оливер.

- Так! - сказал доктор с очень проницательным и довольным видом.

- Тебя не клонит в сон.

И пить не хочется, правда?

- Пить хочется, сэр, - ответил Оливер.

- Я так и предполагал, миссис Бэдуин, - сказал доктор.

- Очень естественно, что ему хочется пить.

Вы можете дать ему немного чаю, сударыня, и гренек без масла.

Не укрывай его слишком тепло, но, будьте добры, позаботьтесь, чтобы ему не было холодно.

Старая леди сделала реверанс.

Доктор, отведав освежающее питье и выразив свое одобрение, поспешно удалился; башмаки его скрипели очень внушительно и чванливо, когда он спускался по лестнице.

Вскоре после этого Оливер снова задремал, а когда он проснулся, было около полуночи.

Старая леди ласково пожелала ему спокойной ночи и оставила его на попечение толстой старухи, которая только что пришла, принесла с собой в узелке маленький молитвенник и большой ночной чепец.

Надев чепец на голову и положив молитвенник на стол, старуха сообщила, что пришла ухаживать за ним ночью, а затем придвинула стул поближе к камину и погрузилась в сон, который то и дело прерывался, потому что она клевала носом, охала и сопела.

chokings.

These, however, had no worse effect than causing her to rub her nose very hard, and then fall asleep again.

And thus the night crept slowly on.

Oliver lay awake for some time, counting the little circles of light which the reflection of the rushlight-shade threw upon the ceiling; or tracing with his languid eyes the intricate pattern of the paper on the wall.

The darkness and the deep stillness of the room were very solemn; as they brought into the boy's mind the thought that death had been hovering there, for many days and nights, and might yet fill it with the gloom and dread of his awful presence, he turned his face upon the pillow, and fervently prayed to Heaven.

Gradually, he fell into that deep tranquil sleep which ease from recent suffering alone imparts; that calm and peaceful rest which it is pain to wake from.

Who, if this were death, would be roused again to all the struggles and turmoils of life; to all its cares for the present; its anxieties for the future; more than all, its weary recollections of the past!

It had been bright day, for hours, when Oliver opened his eyes; he felt cheerful and happy.

The crisis of the disease was safely past.

He belonged to the world again.

In three days' time he was able to sit in an easy-chair, well propped up with pillows; and, as he was still too weak to walk, Mrs. Bedwin had him carried downstairs into the little housekeeper's room, which belonged to her.

Having him set, here, by the fire-side, the good old lady sat herself down too; and, being in a state of considerable delight at seeing him so much better, forthwith began to cry most violently.

Впрочем, никакой беды от этого не приключилось, только по временам она просыпалась и сильно терла нос, после чего снова засыпала.

Медленно тянулись ночные часы.

Оливер долго не спал, считая светлые кружочки, которые отбрасывала на потолок тростниковая свеча *, заслоненная экраном, или всматриваясь усталым взором в сложный рисунок на обоях.

Сумрак и тишина в комнате были торжественны. Они навевали мальчику мысль о том, что в течение многих дней и ночей здесь витала смерть и, быть может, еще теперь в комнате сохранился след ее страшного присутствия; он уткнулся лицом в подушку и стал горячо молиться.

Наконец, он заснул тем глубоким, спокойным сном, какой приходит только после недавних страданий, тем безмятежным, тихим сном, который мучительно нарушить.

Если такова смерть, кто захотел бы воскреснуть для борьбы и треволнений жизни со всеми ее заботами о настоящем, тревогой о будущем и прежде всего тяжелыми воспоминаниями о прошлом!

Давно уже рассвело, когда Оливер открыл глаза; он почувствовал себя бодрым и счастливым.

Кризис благополучно миновал.

Оливер возвратился в этот мир.

Прошло три дня - и он уже мог сидеть в кресле, со всех сторон обложенный подушками; а так как он все еще был очень слаб и не мог ходить, миссис Бэдуин - экономка - на руках перенесла его вниз, в маленькую комнатку, которую она занимала.

Усадив его здесь у камина, добрая старая леди тоже села и, в восторге от того, что он чувствует себя гораздо лучше, расплакалась не на шутку.

'Never mind me, my dear,' said the old lady;

'I'm only having a regular good cry.

There; it's all over now; and I'm quite comfortable.'

'You're very, very kind to me, ma'am,' said Oliver.

'Well, never you mind that, my dear,' said the old lady; 'that's got nothing to do with your broth; and it's full time you had it; for the doctor says Mr. Brownlow may come in to see you this morning; and we must get up our best looks, because the better we look, the more he'll be pleased.'

And with this, the old lady applied herself to warming up, in a little saucepan, a basin full of broth: strong enough, Oliver thought, to furnish an ample dinner, when reduced to the regulation strength, for three hundred and fifty paupers, at the lowest computation.

'Are you fond of pictures, dear?' inquired the old lady, seeing that Oliver had fixed his eyes, most intently, on a portrait which hung against the wall; just opposite his chair.

'I don't quite know, ma'am,' said Oliver, without taking his eyes from the canvas;

'I have seen so few that I hardly know.

What a beautiful, mild face that lady's is!'

'Ah!' said the old lady, 'painters always make ladies out prettier than they are, or they wouldn't get any custom, child.

The man that invented the machine for taking likenesses might have known that would never succeed; it's a deal too honest.

A deal,' said the old lady, laughing very heartily at her own acuteness.

'Is — is that a likeness, ma'am?' said Oliver.

- Не обращай на меня внимания, дорогой мой, - сказала старая леди.

- Я хочу хорошенько поплакать...

Ну вот, все уже прошло, и у меня очень весело на душе.

- Вы очень, очень добры ко мне, сударыня, - сказал Оливер.

- Полно, не думай об этом, дорогой мой, - сказала старая леди. - Это никакого отношения не имеет к твоему бульону, а тебе давно уже пора его покушать, потому что доктор позволил мистеру Браунлоу навестить тебя сегодня утром, и у тебя должен быть наилучший вид: чем лучше будет у тебя вид, чем он будет довольнее.

И с этими словами старая леди принялась разогревать в кастрюльке большую порцию бульона, такого крепкого, что, по мнению Оливера, если разбавить этот бульон надлежащим образом, он мог бы послужить обедом, по самому скромному подсчету, на триста пятьдесят бедняков.

- Ты любишь картины, дорогой мой? - спросила старая леди, заметив, что Оливер пристально смотрит на портрет, висевший на стене, как раз против его кресла.

- Право, не знаю, сударыня, - ответил Оливер, не спуская глаз с холста.

- Я видел так мало картин, что и сам хорошенько не знаю.

Какое прекрасное, кроткое лицо у этой леди!

- Ах! - сказала старая леди. - Живописцы всегда рисуют леди красивее, чем они есть на самом деле, иначе у них не было бы заказчиков, дитя мое.

Человек, который изобрел машину, снимающую портреты, мог бы догадаться, что она не будет пользоваться успехом.

Она слишком правдива, слишком правдива, - сказала старая леди, от души смеясь своей собственной остроте.

- А это... это портрет, сударыня? - спросил Оливер.

'Yes,' said the old lady, looking up for a moment from the broth; 'that's a portrait.'

'Whose, ma'am?' asked Oliver.

'Why, really, my dear, I don't know,' answered the old lady in a good-humoured manner.

'It's not a likeness of anybody that you or I know, I expect.

It seems to strike your fancy, dear.'

'It is so pretty,' replied Oliver.

'Why, sure you're not afraid of it?' said the old lady: observing in great surprise, the look of awe with which the child regarded the painting.

'Oh no, no,' returned Oliver quickly; 'but the eyes look so sorrowful; and where I sit, they seem fixed upon me.

It makes my heart beat,' added Oliver in a low voice, 'as if it was alive, and wanted to speak to me, but couldn't.'

'Lord save us!' exclaimed the old lady, starting; 'don't talk in that way, child.

You're weak and nervous after your illness.

Let me wheel your chair round to the other side; and then you won't see it.

There!' said the old lady, suiting the action to the word; 'you don't see it now, at all events.'

Oliver did see it in his mind's eye as distinctly as if he had not altered his position; but he thought it better not to worry the kind old lady; so he smiled gently when she looked at him; and Mrs. Bedwin, satisfied that he felt more comfortable, salted and broke bits of toasted bread into the broth, with all the bustle befitting so solemn a preparation.

Oliver got through it with extraordinary expedition.

He had scarcely swallowed the last spoonful, when there came a soft rap at the door.

- Да, - сказала старая леди, на минутку отвлекаясь от бульона, - это портрет.

- Чей, сударыня? - спросил Оливер.

- Право, не знаю, дорогой мой, - добродушно ответила старая леди.

- Думаю что этой особы на портрете мы с тобой не знаем.

Он как будто тебе понравился?

- Он такой красивый, - сказал Оливер.

- Да уж не боишься ли ты его? - спросила старая леди, заметив, к большому своему изумлению, что мальчик с каким-то благоговейным страхом смотрит на картину.

- О нет! - быстро ответил Оливер. - Но глаза такие печальные, и с того места, где я сижу, кажется, будто они смотрят на меня.

У меня начинает сильно биться сердце, - шепотом добавил Оливер, - словно этот портрет живой и хочет заговорить со мной, но не может.

- Господи помилуй! - вздрогнув, воскликнула старая леди. - Не надо так говорить, дитя мое.

Ты еще слаб, и нервы у тебя не в порядке после болезни.

Дай-ка я передвину твое кресло к другой стене, и тогда тебе не будет его видно.

Вот так! - сказала старая леди, приводя свое намеренье в исполнение. - Уж теперь-то ты его не видишь.

Оливер в_и_д_е_л его духовным взором так же ясно, как будто не менял места; но он решил не огорчать добрую старую леди; поэтому он кротко улыбнулся, когда она взглянула на него. Миссис Бэдуин, радуясь тому, что он успокоился, посолила бульон и положила туда сухариков; исполняя эту торжественную процедуру, она чрезвычайно суежилась.

Оливер очень быстро покончил с бульоном.

Едва успел он проглотить последнюю ложку, как в дверь тихонько постучали.

'Come in,' said the old lady; and in walked Mr. Brownlow.

Now, the old gentleman came in as brisk as need be; but, he had no sooner raised his spectacles on his forehead, and thrust his hands behind the skirts of his dressing-gown to take a good long look at Oliver, than his countenance underwent a very great variety of odd contortions.

Oliver looked very worn and shadowy from sickness, and made an ineffectual attempt to stand up, out of respect to his benefactor, which terminated in his sinking back into the chair again; and the fact is, if the truth must be told, that Mr. Brownlow's heart, being large enough for any six ordinary old gentlemen of humane disposition, forced a supply of tears into his eyes, by some hydraulic process which we are not sufficiently philosophical to be in a condition to explain.

'Poor boy, poor boy!' said Mr. Brownlow, clearing his throat.

'I'm rather hoarse this morning, Mrs. Bedwin.

I'm afraid I have caught cold.'

'I hope not, sir,' said Mrs. Bedwin.

'Everything you have had, has been well aired, sir.'

'I don't know, Bedwin. I don't know,' said Mr. Brownlow;

'I rather think I had a damp napkin at dinner-time yesterday; but never mind that.

How do you feel, my dear?'

'Very happy, sir,' replied Oliver.

'And very grateful indeed, sir, for your goodness to me.'

'Good by,' said Mr. Brownlow, stoutly.

'Have you given him any nourishment, Bedwin?

Any slops, eh?'

- Войдите, - сказала старая леди. И появился мистер Браунлоу.

Старый джентльмен очень бодро вошел в комнату, но как только он поднял очки на лоб и заложил руки за спину под полы халата, чтобы хорошенько всмотреться в Оливера, лицо его начало как-то странно подергиваться.

Оливер казался очень истощенным и прозрачным после болезни. Из уважения к своему благодетелю он сделал неудачную попытку встать, закончившуюся тем, что он снова упал в кресло. А уж если говорить правду, сердце мистера Браунлоу, такое большое, что его хватило бы на полдюжины старых джентльменов, склонных к человеколюбию, заставило его глаза наполниться слезами благодаря какому-то гидравлическому процессу, который мы отказываемся объяснить, не будучи в достаточной мере философами.

- Бедный мальчик, бедный мальчик! - откашливаясь, сказал мистер Браунлоу.

- Я немножко охрип сегодня, миссис Бэдуин.

Боюсь, что простудился.

- Надеюсь, что нет, сэр, - сказала миссис Бэдуин.

- Все ваши вещи были хорошо просушены, сэр.

- Не знаю, Бэдуин, не знаю, - сказал мистер Браунлоу.

- Кажется, вчера за обедом мне подали сырую салфетку, но это неважно...

Как ты себя чувствуешь, мой милый?

- Очень хорошо, сэр, - ответил Оливер.

- Я очень благодарен, сэр, за вашу доброту ко мне.

- Славный мальчик... - решительно сказал Мистер Браунлоу.

- Вы ему дали поесть, Бэдуин?

Какого-нибудь жиденького супу?

- Сэр, он только что получил тарелку

'He has just had a basin of beautiful strong broth, sir,' replied Mrs. Bedwin: drawing herself up slightly, and laying strong emphasis on the last word: to intimate that between slops, and broth will compounded, there existed no affinity or connection whatsoever.

'Ugh!' said Mr. Brownlow, with a slight shudder; 'a couple of glasses of port wine would have done him a great deal more good.

Wouldn't they, Tom White, eh?'

'My name is Oliver, sir,' replied the little invalid: with a look of great astonishment.

'Oliver,' said Mr. Brownlow;

'Oliver what?

Oliver White, eh?'

'No, sir, Twist, Oliver Twist.'

'Queer name!' said the old gentleman.

'What made you tell the magistrate your name was White?'

'I never told him so, sir,' returned Oliver in amazement.

This sounded so like a falsehood, that the old gentleman looked somewhat sternly in Oliver's face.

It was impossible to doubt him; there was truth in every one of its thin and sharpened lineaments.

'Some mistake,' said Mr. Brownlow.

But, although his motive for looking steadily at Oliver no longer existed, the old idea of the resemblance between his features and some familiar face came upon him so strongly, that he could not withdraw his gaze.

'I hope you are not angry with me, sir?' said Oliver, raising his eyes beseechingly.

'No, no,' replied the old gentleman.

'Why! what's this?

прекрасного, крепкого бульону, - ответила миссис Бэдуин, выпрямившись и делая энергическое ударение на последнем слове, как бы давая этим понять, что жиденький суп и умело приготовленный бульон не состоят ни в родстве, ни в свойстве.

- Уф! - вымолвил мистер Браунлоу, передернув плечами. - Рюмки две хорошего портвейна принесли бы ему гораздо больше пользы.

Не правда ли, Том Уайт?

- Меня зовут Оливер, сэр, - с удивлением сказал маленький больной.

- Оливер, - повторил мистер Браунлоу.

- Оливер, а дальше как?

Оливер Уайт, да?

- Нет, сэр, Твист, Оливер Твист.

- Странная фамилия, - сказал старый джентльмен.

- Почему же ты сказал судье, что тебя зовут Уайт?

- Я ему этого не говорил, сэр, - с недоумением возразил Оливер.

Это так походило на ложь, что старый джентльмен довольно строго посмотрел на Оливера.

Немыслимо было не поверить ему: тонкое, исхудавшее лицо его дышало правдой.

- Какое-то недоразумение! - сказал мистер Браунлоу.

У него больше не было оснований пристально смотреть на Оливера, тем не менее мысль о сходстве его с каким-то знакомым лицом снова овладела старым джентльменом с такой силой, что он не мог отвести взгляд.

- Надеюсь, вы не сердитесь на меня, сэр? - спросил Оливер, устремив на него умоляющий взгляд.

- Нисколько! - сказал старый джентльмен.

- Что же это значит?..

Bedwin, look there!'

As he spoke, he pointed hastily to the picture over Oliver's head, and then to the boy's face.

There was its living copy.

The eyes, the head, the mouth; every feature was the same.

The expression was, for the instant, so precisely alike, that the minutest line seemed copied with startling accuracy!

Oliver knew not the cause of this sudden exclamation; for, not being strong enough to bear the start it gave him, he fainted away.

A weakness on his part, which affords the narrative an opportunity of relieving the reader from suspense, in behalf of the two young pupils of the Merry Old Gentleman; and of recording — That when the Dodger, and his accomplished friend Master Bates, joined in the hue-and-cry which was raised at Oliver's heels, in consequence of their executing an illegal conveyance of Mr. Brownlow's personal property, as has been already described, they were actuated by a very laudable and becoming regard for themselves; and forasmuch as the freedom of the subject and the liberty of the individual are among the first and proudest boasts of a true-hearted Englishman, so, I need hardly beg the reader to observe, that this action should tend to exalt them in the opinion of all public and patriotic men, in almost as great a degree as this strong proof of their anxiety for their own preservation and safety goes to corroborate and confirm the little code of laws which certain profound and sound-judging philosophers have laid down as the main-springs of all Nature's deeds and actions: the said philosophers very wisely reducing the good lady's proceedings to matters of maxim and theory: and, by a very neat and pretty compliment to her exalted wisdom and understanding, putting entirely out of sight any considerations of heart, or generous impulse and feeling.

For, these are matters totally beneath a female who is acknowledged by universal admission to be far above the numerous little foibles and

Бэдуин, смотрите!

С этими словами он быстро указал на портрет над головой мальчика, а потом на лицо Оливера.

Это была живая копия.

Те же черты, глаза, лоб, рот.

И выражение лица то же, словно мельчайшая черточка была воспроизведена с поразительной точностью!

Оливер не узнал причины такого неожиданного восклицания, потому что у него еще не было сил перенести вызванное этим потрясение, и он потерял сознание.

Обнаруженная им слабость дает нам возможность удовлетворить интерес читателя к двум юным ученикам веселого старого джентльмена и поведать о том, что, когда Плут и его достойный друг юный Бейтс приняли участие в погоне за Оливером, начавшейся вследствие того, что они, как было описано выше, незаконным образом присвоили личную собственность мистера Браунлоу, - ими руководила весьма похвальная забота о самих себе. А так как истый англичанин прежде всего и с наибольшей гордостью хвастается гражданскими вольностями и свободой личности, то вряд ли нужно обращать внимание читателя на то, что поведение Плута и юного Бейтса должно подняв их в глазах всех общественных деятелей и патриотов в такой же мере, в какой это неопровержимое доказательство их беспокойства о собственной безопасности и благополучии утверждает и подкрепляет небольшой свод законов, который иные глубокомысленные философы положили в основу всех деяний и поступков Природы! Упомянутые философы очень мудро свели действия этой доброй леди к правилам и теориям и, делая весьма любезный и приятный комплимент ее высокой мудрости и разуму, совершенно устранили все, что имеет отношение к сердцу, великодушным побуждениям и чувствам.

Ибо эти качества вовсе не достойны особы, которая со всеобщего согласия признана стоящей выше многочисленных маленьких

weaknesses of her sex.

If I wanted any further proof of the strictly philosophical nature of the conduct of these young gentlemen in their very delicate predicament, I should at once find it in the fact (also recorded in a foregoing part of this narrative), of their quitting the pursuit, when the general attention was fixed upon Oliver; and making immediately for their home by the shortest possible cut.

Although I do not mean to assert that it is usually the practice of renowned and learned sages, to shorten the road to any great conclusion (their course indeed being rather to lengthen the distance, by various circumlocutions and discursive staggerings, like unto those in which drunken men under the pressure of a too mighty flow of ideas, are prone to indulge); still, I do mean to say, and do say distinctly, that it is the invariable practice of many mighty philosophers, in carrying out their theories, to evince great wisdom and foresight in providing against every possible contingency which can be supposed at all likely to affect themselves.

Thus, to do a great right, you may do a little wrong; and you may take any means which the end to be attained, will justify; the amount of the right, or the amount of the wrong, or indeed the distinction between the two, being left entirely to the philosopher concerned, to be settled and determined by his clear, comprehensive, and impartial view of his own particular case.

It was not until the two boys had scoured, with great rapidity, through a most intricate maze of narrow streets and courts, that they ventured to halt beneath a low and dark archway.

Having remained silent here, just long enough to recover breath to speak, Master Bates uttered an exclamation of amusement and delight; and, bursting into an uncontrollable fit of laughter, flung himself upon a doorstep, and rolled thereon in a transport of mirth.

'What's the matter?' inquired the Dodger.

слабостей и недостатков, присущих ее полу.

Если бы мне нужно было еще какое-нибудь доказательство в пользу философического характера поведения этих молодых джентльменов, я бы тотчас обрел его в том факте (уже отмеченном в предшествующей части этого повествования), что они отказались от погони, когда всеобщее внимание сосредоточилось на Оливере, и немедленно отправились домой кратчайшим путем.

Хотя я не намерен утверждать, что прославленные, всеведущие мудрецы имеют обыкновение сокращать пути, ведущие к великим умозаклучениям (в сущности, они скорее расположены увеличивать расстояние с помощью различных многоречивых уклонений и колебаний, подобных тем, которым склонны предаваться пьяные под натиском слишком мощного потока мыслей), но я намерен сказать и говорю с уверенностью, что многие великие философы, развивая теории, проявляют большую мудрость и предусмотрительность, принимая меры против всех случайностей, какие могут быть им хоть сколько-нибудь опасны.

Таким образом, для того чтобы принести великое добро, вы имеете право сотворить маленькое зло и можете пользоваться любыми средствами, которые будут оправданы намеченной вами целью. Определить степень добра и степень зла и даже разницу между ними всецело предоставляется усмотрению заинтересованного в этом философа, дабы он их установил путем ясного, разумного и беспристрастного исследования каждого частного случая.

Оба мальчика быстро пробежали запутаннейшим лабиринтом узких улиц и дворов и тогда только рискнули остановиться в низком и темном подъезде.

Постояв здесь молча ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы отдышаться и обрести дар речи, юный Бейтс весело взвизгнул и, залившись неудержимым смехом, бросился на крылечко и начал по нему кататься вне себя от восторга.

- В чем дело? - осведомился Плут.

'Ha! ha! ha!' roared Charley Bates.

'Hold your noise,' remonstrated the Dodger, looking cautiously round.

'Do you want to be grabbed, stupid?'

'I can't help it,' said Charley, 'I can't help it!'

To see him splitting away at that pace, and cutting round the corners, and knocking up again the posts, and starting on again as if he was made of iron as well as them, and me with the wipe in my pocket, singing out arter him — oh, my eye!'

The vivid imagination of Master Bates presented the scene before him in too strong colours.

As he arrived at this apostrophe, he again rolled upon the door-step, and laughed louder than before.

'What'll Fagin say?' inquired the Dodger; taking advantage of the next interval of breathlessness on the part of his friend to propound the question.

'What?' repeated Charley Bates.

'Ah, what?' said the Dodger.

'Why, what should he say?' inquired Charley: stopping rather suddenly in his merriment; for the Dodger's manner was impressive.

'What should he say?'

Mr. Dawkins whistled for a couple of minutes; then, taking off his hat, scratched his head, and nodded thrice.

'What do you mean?' said Charley.

'Toor rul lol loo, gammon and spinnage, the frog he wouldn't, and high cockolorum,' said the Dodger: with a slight sneer on his intellectual countenance.

This was explanatory, but not satisfactory.

Master Bates felt it so; and again said,

'What do you mean?'

The Dodger made no reply; but putting his hat on again, and gathering the skirts of his long-tailed

- Ха-ха-ха! - заливался Чарли Бейтс.

- Заткни глотку, - приказал Плут, осторожно озираясь.

- Хочешь, чтобы тебя сцапали, дурак?

- Я не могу удержаться, - сказал Чарли, - не могу удержаться!

Как он улепетывал, сворачивая за угол, налетал на тумбы и опять пускался бежать, словно и сам он железный, как тумба, а утиралка у меня в кармане, а я ору ему вслед. Ах, боже мой!

Живое воображение юного Бейтса воспроизвело всю сцену в слишком ярких красках.

При этом восклицании он снова стал кататься по крылечку и захохотал еще громче.

- Что скажет Феджин? - спросил Плут, воспользовавшись минутой, когда его приятель снова задохнулся от смеха.

- Что? - переспросил Чарли Бейтс.

- Вот именно - что? - повторил Плут.

- А что же он может сказать? - спросил Чарли, внезапно перестав веселиться, потому что вид у Плута был серьезный.

- Что он может сказать?

Мистер Даукинс минуты две свистел, затем, сняв шляпу, почесал голову и трижды кивнул.

- Что ты хочешь сказать? - спросил Чарли.

- Тра-ля-ля! Вздор и чепуха, черт подери! - сказал Пим. И на умной его физиономии появилась усмешка.

Это было пояснение, но неудовлетворительное.

Юный Бейтс нашел его таковым и повторил:

- Что ты хочешь сказать?

Чарли ничего не ответил; надев шляпу и подобрав полы своего длинного сюртука, он

coat under his arm, thrust his tongue into his cheek, slapped the bridge of his nose some half-dozen times in a familiar but expressive manner, and turning on his heel, slunk down the court.

Master Bates followed, with a thoughtful countenance.

The noise of footsteps on the creaking stairs, a few minutes after the occurrence of this conversation, roused the merry old gentleman as he sat over the fire with a saveloy and a small loaf in his hand; a pocket-knife in his right; and a pewter pot on the trivet.

There was a rascally smile on his white face as he turned round, and looking sharply out from under his thick red eyebrows, bent his ear towards the door, and listened.

'Why, how's this?' muttered the Jew: changing countenance; 'only two of 'em?

Where's the third?

They can't have got into trouble.

Hark!' The footsteps approached nearer; they reached the landing.

The door was slowly opened; and the Dodger and Charley Bates entered, closing it behind them.

CHAPTER XIII — SOME NEW ACQUAINTANCES ARE INTRODUCED TO THE INTELLIGENT READER, CONNECTED WITH WHOM VARIOUS PLEASANT MATTERS ARE RELATED, APPERTAINING TO THIS HISTORY

'Where's Oliver?' said the Jew, rising with a menacing look.

'Where's the boy?'

The young thieves eyed their preceptor as if they were alarmed at his violence; and looked uneasily at each other.

But they made no reply.

'What's become of the boy?' said the Jew, seizing the Dodger tightly by the collar, and threatening him with horrid imprecations.

подпер щеку языком, раз шесть по привычке, но выразительно, щелкнул себя по переносице и, повернувшись на каблуках, шмыгнул во двор.

Юный Бейтс с задумчивой физиономией последовал за ним.

Несколько минут спустя после этого разговора шаги на скрипучей лестнице привлекли внимание веселого старого джентльмена, который сидел у очага, держа в левой руке дешевую колбасу и хлеб, а в правой - складной нож: на тагане стояла оловянная кастрюля.

Отвратительная улыбка появилась на его бледном лице, когда он оглянулся и, зорко посматривая из-под густых рыжих бровей, повернулся к двери и стал прислушиваться.

- Что же это? - пробормотал еврей, изменившись в лице. - Только двое?

Где третий?

Не могли же они попасть в беду.

Шаги приближались; они уже слышались с площадки лестницы.

Дверь медленно открылась, и Плут с Чарли Бейтсом, войдя, закрыли ее за собой.

ГЛАВА XIII — Понятливый читатель знакомится с новыми лицами; в связи с этим повествуется о разных занимательных предметах, имеющих отношение к этой истории

- Где Оливер? - с грозным видом спросил еврей и вскочил.

- Где мальчик?

Юные воришки смотрели на своего наставника, встревоженные его порывистым движением, и с беспокойством переглянулись.

Но они ничего не ответили.

- Что случилось с мальчиком? - крикнул еврей, крепко схватив Плута за шиворот и осыпая его отвратительными ругательствами.

'Speak out, or I'll throttle you!'

Mr. Fagin looked so very much in earnest, that Charley Bates, who deemed it prudent in all cases to be on the safe side, and who conceived it by no means improbable that it might be his turn to be throttled second, dropped upon his knees, and raised a loud, well-sustained, and continuous roar — something between a mad bull and a speaking trumpet.

'Will you speak?' thundered the Jew: shaking the Dodger so much that his keeping in the big coat at all, seemed perfectly miraculous.

'Why, the traps have got him, and that's all about it,' said the Dodger, sullenly.

'Come, let go o' me, will you!'

And, swinging himself, at one jerk, clean out of the big coat, which he left in the Jew's hands, the Dodger snatched up the toasting fork, and made a pass at the merry old gentleman's waistcoat; which, if it had taken effect, would have let a little more merriment out than could have been easily replaced.

The Jew stepped back in this emergency, with more agility than could have been anticipated in a man of his apparent decrepitude; and, seizing up the pot, prepared to hurl it at his assailant's head.

But Charley Bates, at this moment, calling his attention by a perfectly terrific howl, he suddenly altered its destination, and flung it full at that young gentleman.

'Why, what the blazes is in the wind now!' growled a deep voice.

'Who pitched that 'ere at me?'

It's well it's the beer, and not the pot, as hit me, or I'd have settled somebody.

I might have know'd, as nobody but an infernal, rich, plundering, thundering old Jew could afford to throw away any drink but water — and not that, unless he done the River Company every quarter.

- Отвечай, или я тебя задушу!

Мистер Феджин отнюдь не шутил, и Чарли Бейтс, который почитал разумным заботиться о собственной безопасности и не видел ничего невероятного в том, что затем наступит и его черед погибнуть от удушения, упал на колени и испустил громкий, протяжный, несмолкающий рев - нечто среднее между ревом бешеного быка и ревом рупора.

- Будешь ты говорить? - рявкнул еврей, встряхивая Плута с такой силой, что казалось поистине чудесным, как тот не выскочит из своего широкого сюртука.

- Ищейки его сцапали, и конец делу! - сердито сказал Плут.

- Пустите меня, слышите!

Рванувшись и выскользнув из широкого сюртука, который остался в руках еврея. Плут схватил вилку для поджаривания гренок и замахнулся, целясь в жилет веселого старого джентльмена; если бы это увенчалось успехом, старик лишился бы некоторой доли веселости, которую нелегко было бы возместить.

В этот критический момент еврей отскочил с таким проворством, какого трудно было ожидать от человека, по-видимому столь немощного и дряхлого, и, схватив кувшин, замахнулся, чтобы швырнуть его в голову противнику.

Но так как в эту минуту Чарли Бейтс привлек его внимание поистине устрашающим воем, он внезапно передумал и запустил кувшином в этого молодого джентльмена.

- Что за чертовщина! - проворчал чей-то бас.

- Кто это швырнул?

Хорошо, что в меня попало пиво, а не кувшин, не то я бы кое с кем расправился!..

Ну конечно! Кто же, кроме этого чертова богача, грабителя, старого еврея, станет зря расплескивать напитки! Разве что воду, - да и воду только в том случае, если каждые три месяца обманывает водопроводную компанию...

Wot's it all about, Fagin?

D — me, if my neck-handkercher an't lined with beer!

Come in, you sneaking warmint; wot are you stopping outside for, as if you was ashamed of your master!

Come in!'

The man who growled out these words, was a stoutly-built fellow of about five-and-thirty, in a black velveteen coat, very soiled drab breeches, lace-up half boots, and grey cotton stockings which inclosed a bulky pair of legs, with large swelling calves; — the kind of legs, which in such costume, always look in an unfinished and incomplete state without a set of fetters to garnish them.

He had a brown hat on his head, and a dirty belcher handkerchief round his neck: with the long frayed ends of which he smeared the beer from his face as he spoke.

He disclosed, when he had done so, a broad heavy countenance with a beard of three days' growth, and two scowling eyes; one of which displayed various parti-coloured symptoms of having been recently damaged by a blow.

'Come in, d'ye hear?' growled this engaging ruffian.

A white shaggy dog, with his face scratched and torn in twenty different places, skulked into the room.

'Why didn't you come in afore?' said the man.

'You're getting too proud to own me afore company, are you?

Lie down!'

This command was accompanied with a kick, which sent the animal to the other end of the room.

He appeared well used to it, however; for he coiled himself up in a corner very quietly, without uttering a sound, and winking his very ill-looking eyes twenty times in a minute, appeared to occupy himself in taking a survey of the apartment.

В чем дело, Феджин?

Черт меня подери, если мой шарф не вымок в пиве!..

Ступай сюда, подлая тварь, чего торчишь там, за дверью, будто стыдишься своего хозяина!

Сюда!

Субъект, произнесший эту речь, был крепкого сложения детиной лет тридцати пяти, в черном вельветовом сюртуке, весьма грязных коротких темных штанах, башмаках на шнуровке и серых бумажных чулках, которые обтягивали толстые ноги с выпуклыми икрами, - такие ноги при таком костюме всегда производят впечатление чего-то незаконченного, если их не украшают кандалы.

На голове у него была коричневая шляпа, а на шее пестрый шарф, длинными, обтрепанными концами которого он вытирал лицо, залитое пивом.

Когда он покончил с этим делом, обнаружилось, что лицо у него широкое, грубое, несколько дней не знавшее бритвы; глаза были мрачные; один из них обрамляли разноцветные пятна, свидетельствующие о недавно полученном ударе.

- Сюда, слышишь? - проворчал этот симпатичный субъект.

Белая лохматая собака с исцарапанной мордой прошмыгнула в комнату.

- Почему не входила раньше? - сказал субъект.

- Слишком возгордилась, чтобы показываться со мной на людях?

Ложись!

Приказание сопровождалось пинком, отбросившим животное в другой конец комнаты.

Однако пес, по-видимому, привык к этому: очень спокойно он улегся в углу, не издавая ни звука, раз двадцать в минуту мигая своими недобрыми глазами, и, казалось, принялся обозревать комнату.

'What are you up to? Ill-treating the boys, you covetous, avaricious, in-sa-ti-a-ble old fence?' said the man, seating himself deliberately.

'I wonder they don't murder you!

I would if I was them.

If I'd been your 'prentice, I'd have done it long ago, and — no, I couldn't have sold you afterwards, for you're fit for nothing but keeping as a curiosity of ugliness in a glass bottle, and I suppose they don't blow glass bottles large enough.'

'Hush! hush! Mr. Sikes,' said the Jew, trembling; 'don't speak so loud!'

'None of your mistering,' replied the ruffian; 'you always mean mischief when you come that.

You know my name: out with it!

I shan't disgrace it when the time comes.'

'Well, well, then — Bill Sikes,' said the Jew, with abject humility.

'You seem out of humour, Bill.'

'Perhaps I am,' replied Sikes;

'I should think you was rather out of sorts too, unless you mean as little harm when you throw pewter pots about, as you do when you blab and —'

'Are you mad?' said the Jew, catching the man by the sleeve, and pointing towards the boys.

Mr. Sikes contented himself with tying an imaginary knot under his left ear, and jerking his head over on the right shoulder; a piece of dumb show which the Jew appeared to understand perfectly.

He then, in cant terms, with which his whole conversation was plentifully besprinkled, but which would be quite unintelligible if they were

- Чем это вы тут занимаетесь: мучите мальчиков, жадный, скупой, ненасытный старик, укрыватель краденного? - спросил детина, преспокойно усаживаясь.

- Удивляюсь, как это они вас еще не прикончили!

Я бы на их месте это сделал!

Я бы давным-давно это сделал, будь я вашим учеником и... нет, продать вас мне бы не удалось, куда вы годны?! Разве что сохранять вас, как редкую уродину, в стеклянной банке, да таких больших стеклянных банок, кажется, не делают.

- Тише! - дрожа, проговорил еврей. - Мистер Сайкс, не говорите так громко.

- Бросьте этих мистеров! - отозвался детина. - У вас всегда что-то недоброе на уме, когда вы начинаете этак выражаться.

Вы мое имя знаете - стало быть, так меня и называйте!

Я его не опозорю, когда час пробьет!

- Вот именно, совершенно верно, Билл Сайкс, - с гнусным подбострастием сказал еврей.

- Вы как будто в дурном расположении духа, Билл?

- Может быть, и так, - ответил Сайкс.

- Я бы сказал, что и вы не в своей тарелке, или вы считаете, что никому не приносите убытка, когда швыряетесь кувшинами или выдаете...

- Вы с ума сошли? - вскричал еврей, хватая его за рукав и указывая на мальчиков.

Мистер Сайкс удовольствовался тем, что затянул воображаемый узел под левым своим ухом и склонил голову к правому плечу, - по-видимому, еврей прекрасно понял этот пантомим.

Затем на жаргоне, которым были в изобилии приправлены все его речи, - если бы привести его здесь, он был бы решительно непонятен, -

recorded here, demanded a glass of liquor.

'And mind you don't poison it,' said Mr. Sikes, laying his hat upon the table.

This was said in jest; but if the speaker could have seen the evil leer with which the Jew bit his pale lip as he turned round to the cupboard, he might have thought the caution not wholly unnecessary, or the wish (at all events) to improve upon the distiller's ingenuity not very far from the old gentleman's merry heart.

After swallowing two of three glasses of spirits, Mr. Sikes condescended to take some notice of the young gentlemen; which gracious act led to a conversation, in which the cause and manner of Oliver's capture were circumstantially detailed, with such alterations and improvements on the truth, as to the Dodger appeared most advisable under the circumstances.

'I'm afraid,' said the Jew, 'that he may say something which will get us into trouble.'

'That's very likely,' returned Sikes with a malicious grin.

'You're blowed upon, Fagin.'

'And I'm afraid, you see,' added the Jew, speaking as if he had not noticed the interruption; and regarding the other closely as he did so, — 'I'm afraid that, if the game was up with us, it might be up with a good many more, and that it would come out rather worse for you than it would for me, my dear.'

The man started, and turned round upon the Jew.

But the old gentleman's shoulders were shrugged up to his ears; and his eyes were vacantly staring on the opposite wall.

There was a long pause.

Every member of the respectable coterie appeared plunged in his own reflections; not excepting the dog, who by a certain malicious licking of his lips seemed to be meditating an attack upon the legs of the first gentleman or lady he might encounter in the streets when he went out.

'Somebody must find out wot's been done at the

мистер Сайкс потребовал себе стаканчик.

- Только не подумайте всыпать туда яду, - сказал он.

Это было сказано в шутку, но если бы он видел, как еврей злобно прищурился и повернулся к буфету, закусив бледные губы, быть может, ему пришло бы в голову, что предосторожность не является излишней и веселому старому джентльмену во всяком случае не чуждо желание улучшить изделие винокура.

Пропустив два-три стаканчика, мистер Сайкс снизошел до того, что обратил внимание на молодых джентльменов; такая любезность с его стороны привела к беседе, в которой причины и подробности ареста Оливера были детально изложены с теми изменениями и уклонениями от истины, какие Плут считал наиболее уместными при данных обстоятельствах.

- Боюсь, - произнес еврей, - как бы он не сказал чего-нибудь, что доведет нас до беды...

- Все может быть, - со злобной усмешкой отозвался Сайкс.

- Вас предадут, Феджин.

- И, знаете ли, я боюсь, - продолжал еврей, как будто не обращая внимания на то, что его прервали, и при этом пристально глядя на своего собеседника, - боюсь, что если наша игра проиграна, то это может случиться и кое с кем другим, а для вас это обернется, пожалуй, хуже, чем для меня, мой милый.

Детина вздрогнул и круто повернулся к еврею.

Но старый джентльмен поднял плечи до самых ушей, а глаза его рассеянно уставились на противоположную стену.

Наступило длительное молчание.

Казалось, каждый член почтенного общества погрузился в свои собственные размышления, не исключая и собаки, которая злорадно облизывалась, как будто подумывая о том, чтобы атаковать ноги первого джентльмена или леди, которых случится ей встретить, когда она выйдет на улицу.

- Кто-нибудь должен разузнать, что там

office,' said Mr. Sikes in a much lower tone than he had taken since he came in.

The Jew nodded assent.

'If he hasn't peached, and is committed, there's no fear till he comes out again,' said Mr. Sikes, 'and then he must be taken care on.

You must get hold of him somehow.'

Again the Jew nodded.

The prudence of this line of action, indeed, was obvious; but, unfortunately, there was one very strong objection to its being adopted.

This was, that the Dodger, and Charley Bates, and Fagin, and Mr. William Sikes, happened, one and all, to entertain a violent and deeply-rooted antipathy to going near a police-office on any ground or pretext whatever.

How long they might have sat and looked at each other, in a state of uncertainty not the most pleasant of its kind, it is difficult to guess.

It is not necessary to make any guesses on the subject, however; for the sudden entrance of the two young ladies whom Oliver had seen on a former occasion, caused the conversation to flow afresh.

'The very thing!' said the Jew.

'Bet will go; won't you, my dear?'

'Wheres?' inquired the young lady.

'Only just up to the office, my dear,' said the Jew coaxingly.

It is due to the young lady to say that she did not positively affirm that she would not, but that she merely expressed an emphatic and earnest desire to be 'blessed' if she would; a polite and delicate evasion of the request, which shows the young lady to have been possessed of that natural good breeding which cannot bear to inflict upon a fellow-creature, the pain of a direct and pointed refusal.

The Jew's countenance fell.

He turned from this young lady, who was gaily, not

произошло, в камере судьи, - сказал мистер Сайкс, заметно умерив тон.

Еврей в знак согласия кивнул головой.

- Если он не донес и посажен в тюрьму, бояться нечего, пока его не выпустят, - сказал мистер Сайкс, - а потом уж нужно о нем позаботиться.

Вы должны как-нибудь заполучить его в свои руки.

Еврей снова кивнул головой.

Такой план действий был разумен, но, к несчастью, ему препятствовало одно весьма серьезное обстоятельство.

Дело в том, что Плут, Чарли Бейтс, Феджин и мистер Уильям Сайкс питали глубокую и закоренелую антипатию к прогулкам около полицейского участка на любом основании и под любым предлогом.

Как долго могли бы они сидеть и смотреть друг на друга, пребывая в неприятном состоянии нерешительности, угадать трудно.

Впрочем, нет необходимости делать какие бы то ни было догадки, так как внезапное появление двух молодых леди, которых уже видел раньше Оливер, оживило беседу.

- Как раз то, что нам нужно! - сказал еврей.

- Бет пойдет. Ты пойдешь, моя милая?

- Куда? - осведомилась молодая леди.

- Всего-навсего в полицейский участок, моя милая, - вкрадчиво сказал еврей.

Нужно воздать должное молодой леди: она не объявила напрямик, что не хочет идти, но выразила энергическое и горячее желание "быть проклятой, если она туда пойдет". Эта вежливая и деликатная уклончивость свидетельствовала о том, что молодая леди отличалась прирожденной учтивостью, которая препятствовала ей огорчить ближнего прямым и резким отказом.

Физиономия у еврея вытянулась.

Он отвернулся от этой молодой леди, которая

to say gorgeously attired, in a red gown, green boots, and yellow curl-papers, to the other female.

'Nancy, my dear,' said the Jew in a soothing manner, 'what do YOU say?'

'That it won't do; so it's no use a-trying it on, Fagin,' replied Nancy.

'What do you mean by that?' said Mr. Sikes, looking up in a surly manner.

'What I say, Bill,' replied the lady collectedly.

'Why, you're just the very person for it,' reasoned Mr. Sikes: 'nobody about here knows anything of you.'

'And as I don't want 'em to, neither,' replied Nancy in the same composed manner, 'it's rather more no than yes with me, Bill.'

'She'll go, Fagin,' said Sikes.

'No, she won't, Fagin,' said Nancy.

'Yes, she will, Fagin,' said Sikes.

And Mr. Sikes was right.

By dint of alternate threats, promises, and bribes, the lady in question was ultimately prevailed upon to undertake the commission.

She was not, indeed, withheld by the same considerations as her agreeable friend; for, having recently removed into the neighborhood of Field Lane from the remote but genteel suburb of Ratcliffe, she was not under the same apprehension of being recognised by any of her numerous acquaintances.

Accordingly, with a clean white apron tied over her gown, and her curl-papers tucked up under a straw bonnet, — both articles of dress being provided from the Jew's inexhaustible stock, — Miss Nancy prepared to issue forth on her errand.

'Stop a minute, my dear,' said the Jew, producing, a little covered basket.

'Carry that in one hand.

была в ярком, если не великолепном наряде - красное платье, зеленые ботинки, желтые папильотки, - и обратился к другой.

- Нэнси, милая моя, - улещивал ее еврей, - что ты скажешь?

- Скажу, что это не годится, стало быть нечего настаивать, Феджин, - ответила Нэнси.

- Что ты хочешь этим сказать? - вмешался мистер Сайкс, бросая на нее мрачный взгляд.

- То, что сказала, Билл, - невозмутимо отозвалась леди.

- Да ведь ты больше всех подходишь для этого, - произнес мистер Сайкс. - Здесь о тебе никто ничего не знает.

- А так как я и не хочу, чтобы знали, - с тем же спокойствием отвечала Нэнси, - то скорее скажу "нет", чем "да", Билл.

- Она пойдет, Феджин, - сказал Сайкс.

- Нет, она не пойдет, Феджин, - сказала Нэнси.

- Она пойдет, Феджин, - сказал Сайкс.

И мистер Сайкс не ошибся.

С помощью угроз, посулов и подачек упомянутую леди в конце концов заставили взять на себя это поручение.

В самом деле, ей не могли воспрепятствовать соображения, какие удерживали ее любезную подругу: не так давно переселившись из отдаленных, но аристократических окрестностей рэтклифской большой дороги * в Филд-Лейн, она могла не опасаться, что ее узнает кто-нибудь из многочисленных знакомых.

И вот, повязав поверх платья чистый белый передник и запрятав папильотки под соломенную шляпку - эти принадлежности туалета были извлечены из неисчерпаемых запасов еврея, - мисс Нэнси приготовилась выполнить поручение.

- Подожди минутку, моя милая, - сказал еврей, протягивая ей корзинку с крышкой.

- Держи ее в руках.

It looks more respectable, my dear.'

'Give her a door-key to carry in her t'other one, Fagin,' said Sikes; 'it looks real and genivine like.'

'Yes, yes, my dear, so it does,' said the Jew, hanging a large street-door key on the forefinger of the young lady's right hand.

'There; very good!

Very good indeed, my dear!' said the Jew, rubbing his hands.

'Oh, my brother!

My poor, dear, sweet, innocent little brother!' exclaimed Nancy, bursting into tears, and wringing the little basket and the street-door key in an agony of distress.

'What has become of him!

Where have they taken him to!

Oh, do have pity, and tell me what's been done with the dear boy, gentlemen; do, gentlemen, if you please, gentlemen!'

Having uttered those words in a most lamentable and heart-broken tone: to the immeasurable delight of her hearers: Miss Nancy paused, winked to the company, nodded smilingly round, and disappeared.

'Ah, she's a clever girl, my dears,' said the Jew, turning round to his young friends, and shaking his head gravely, as if in mute admonition to them to follow the bright example they had just beheld.

'She's a honour to her sex,' said Mr. Sikes, filling his glass, and smiting the table with his enormous fist.

'Here's her health, and wishing they was all like her!'

While these, and many other encomiums, were being passed on the accomplished Nancy, that young lady made the best of her way to the police-office; whither, notwithstanding a little natural

Она тебе придаст более пристойный вид.

- Феджин, дайте ей ключ от двери, пусть она держит его в руке, - сказал Сайкс. - Это покажется естественным и приличным.

- Совершенно верно, мой милый, - сказал еврей, вешая молодой леди большой ключ от двери на указательный палец правой руки.

- Вот так!

Прекрасно! Прекрасно, моя милая! - сказал еврей, потирая руки.

- Ох, братец!

Мой бедный, милый, ни в чем не повинный братец! - воскликнула Нэнси, заливаясь слезами и в отчаянии теребя корзиночку и дверной ключ.

- Что с ним случилось?

Куда они его увели?

Ох, сжальтесь надо мной, скажите мне, джентльмены, что сделали с бедным мальчиком? Умоляю вас, скажите, джентльмены!

Произнеся эти слова, к бесконечному восхищению слушателей, очень жалобным, душераздирающим голосом, мисс Нэнси умолкла, подмигнула всей компании, улыбнулась, кивнула головой и скрылась.

- Ах, мои милые, какая смышленная девушка! - воскликнул еврей, поворачиваясь к своим молодым друзьям и торжественно покачивая головой, как бы призывая их следовать блестящему примеру, который они только что лицезрели.

- Она делает честь своему полу, - промолвил мистер Сайкс, налив себе стакан и ударив по столу огромным кулаком.

- Пью за ее здоровье и желаю, чтобы все женщины походили на нее!

Пока все эти похвалы расточались по адресу достойной Нэнси, эта молодая леди спешила в полицейское управление, куда вскоре и

timidity consequent upon walking through the streets alone and unprotected, she arrived in perfect safety shortly afterwards.

Entering by the back way, she tapped softly with the key at one of the cell-doors, and listened.

There was no sound within: so she coughed and listened again.

Still there was no reply: so she spoke.

'Nolly, dear?' murmured Nancy in a gentle voice;

'Nolly?'

There was nobody inside but a miserable shoeless criminal, who had been taken up for playing the flute, and who, the offence against society having been clearly proved, had been very properly committed by Mr. Fang to the House of Correction for one month; with the appropriate and amusing remark that since he had so much breath to spare, it would be more wholesomely expended on the treadmill than in a musical instrument.

He made no answer: being occupied mentally bemoaning the loss of the flute, which had been confiscated for the use of the county: so Nancy passed on to the next cell, and knocked there.

'Well!' cried a faint and feeble voice.

'Is there a little boy here?' inquired Nancy, with a preliminary sob.

'No,' replied the voice;

'God forbid.'

This was a vagrant of sixty-five, who was going to prison for not playing the flute; or, in other words, for begging in the streets, and doing nothing for his livelihood.

In the next cell was another man, who was going to the same prison for hawking tin saucepans without license; thereby doing something for his living, in defiance of the Stamp-office.

прибыла благополучно, несмотря на вполне понятную робость, вызванную необходимостью идти по улицам одной, без провожатых.

Войдя с черного хода, она тихонько постучала ключом в дверь одной из камер и прислушалась.

Оттуда не доносилось ни звука; тогда она кашлянула и снова прислушалась.

Ответа не было, и она заговорила.

- Ноли, миленький! - ласково прошептала Нэнси.

- Ноли!

В камере не было никого, кроме жалкого, босого преступника, арестованного за игру на флейте; так как его преступление против общества было вполне доказано, мистер Фэнг приговорил его к месяцу заключения в исправительном доме, заметив весьма кстати и юмористически, что раз у него такой избыток дыхания, полезнее будет потратить его на ступальное колесо, чем на музыкальный инструмент.

Преступник ничего не отвечал, ибо мысленно оплакивал флейту, конфискованную в пользу графства. Тогда Нэнси подошла к следующей камере и постучалась.

- Что нужно? - отозвался тихий, слабый голос.

- Нет ли здесь маленького мальчика? - спросила Нэнси, предварительно всхлипнув.

- Нет! - ответил заключенный.

- Боже упаси!

Это был шестидесятипятилетний бродяга, приговоренный к тюремному заключению за то, что не играл на флейте, - иными словами, просил милостыню на улице и ничего не делал для того, чтобы заработать себе на жизнь.

В смежной камере сидел человек, который отправлялся в ту же самую тюрьму, так как торговал вразнос оловянными кастрюлями, не имея разрешения, - иными словами, уклонялся от уплаты налогов и делал что-то для того, чтобы заработать себе на жизнь.

But, as neither of these criminals answered to the name of Oliver, or knew anything about him, Nancy made straight up to the bluff officer in the striped waistcoat; and with the most piteous wailings and lamentations, rendered more piteous by a prompt and efficient use of the street-door key and the little basket, demanded her own dear brother.

'I haven't got him, my dear,' said the old man.

'Where is he?' screamed Nancy, in a distracted manner.

'Why, the gentleman's got him,' replied the officer.

'What gentleman!

Oh, gracious heavens!

What gentleman?' exclaimed Nancy.

In reply to this incoherent questioning, the old man informed the deeply affected sister that Oliver had been taken ill in the office, and discharged in consequence of a witness having proved the robbery to have been committed by another boy, not in custody; and that the prosecutor had carried him away, in an insensible condition, to his own residence: of and concerning which, all the informant knew was, that it was somewhere in Pentonville, he having heard that word mentioned in the directions to the coachman.

In a dreadful state of doubt and uncertainty, the agonised young woman staggered to the gate, and then, exchanging her faltering walk for a swift run, returned by the most devious and complicated route she could think of, to the domicile of the Jew.

Mr. Bill Sikes no sooner heard the account of the expedition delivered, than he very hastily called up the white dog, and, putting on his hat, expeditiously departed: without devoting any time to the formality of wishing the company good-morning.

'We must know where he is, my dears; he must be found,' said the Jew greatly excited.

'Charley, do nothing but skulk about, till you bring

Но так как никто из этих преступников не отзывался на имя Оливера и ничего о нем не знал, Нэнси обратилась непосредственно к добродушному старику в полосатом жилете и со стонами и причитаниями, - они казались особенно жалобными, ибо она искусно теребила корзинку и ключ, - потребовала у него своего милого братца.

- У меня его нет, моя милая, - сказал старик.

- Где же он? - взвизгнула Нэнси.

- Его забрал с собой джентльмен, - ответил тот.

- Какой джентльмен?

Боже милостивый!

Какой джентльмен? - вскричала Нэнси.

В ответ на этот невразумительный вопрос старик сообщил взволнованной "сестре", что Оливеру стало дурно в камере судьи, что его оправдали, так как один свидетель показал, будто кража совершена не им, а другими мальчиками, оставшимися на свободе, и что истец увез Оливера, лишившегося чувств, к себе, в свой собственный дом. Об этом доме ее собеседник знал только, что он находится где-то в Пентонвиле, - это слово он расслышал, когда давались указания кучеру.

В ужасном смятении и растерянности несчастная молодая женщина, шатаясь, поплелась к воротам, а затем, сменив нерешительную поступь на быстрый бег, вернулась к дому еврея самыми запутанными и извилистыми путями, какие только могла придумать.

Мистер Билл Сайкс, едва успев выслушать отчет о ее походе, поспешно кликнул белую собаку и, надев шляпу, стремительно удалился, не тратя времени на такую формальность, как пожелание остальной компании счастливо оставаться.

- Милые мои, мы должны узнать, где он... Его нужно найти! - в страшном волнении сказал еврей.

- Чарли, ты пока ничего не делай, только

home some news of him!

Nancy, my dear, I must have him found.

I trust to you, my dear, — to you and the Artful for everything!

Stay, stay,' added the Jew, unlocking a drawer with a shaking hand; 'there's money, my dears.

I shall shut up this shop to-night.

You'll know where to find me!

Don't stop here a minute.

Not an instant, my dears!'

With these words, he pushed them from the room: and carefully double-locking and barring the door behind them, drew from its place of concealment the box which he had unintentionally disclosed to Oliver.

Then, he hastily proceeded to dispose the watches and jewellery beneath his clothing.

A rap at the door startled him in this occupation.

'Who's there?' he cried in a shrill tone.

'Me!' replied the voice of the Dodger, through the key-hole.

'What now?' cried the Jew impatiently.

'Is he to be kidnapped to the other ken, Nancy says?' inquired the Dodger.

'Yes,' replied the Jew, 'wherever she lays hands on him.

Find him, find him out, that's all.

I shall know what to do next; never fear.'

The boy murmured a reply of intelligence: and hurried downstairs after his companions.

'He has not peached so far,' said the Jew as he pursued his occupation.

шныряя повсюду, пока не добудешь о нем каких-нибудь сведений.

Нэнси, моя милая, мне во что бы то ни стало нужно его отыскать.

Я тебе доверяю во всем, моя милая, - тебе и Плуту!

Постойте, постойте, - добавил еврей, дрожащей рукой отпирая ящик стола, - вот вам деньги, милые мои.

Я на сегодня закрываю лавочку.

Вы знаете, где меня найти!

Не задерживайтесь здесь ни на минуту.

Ни на секунду, мои милые!

С этими словами он вытолкнул их из комнаты и, старательно повернув два раза ключ в замке и заложив дверь засовом, достал из потайного местечка шкатулку, которую случайно увидел Оливер.

Затем он торопливо начал прятать часы и драгоценные вещи у себя под одеждой.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть и оторваться от этого занятия.

- Кто там? - крикнул он пронзительно.

- Я! - раздался сквозь замочную скважину голос Плута.

- Ну, что еще? - нетерпеливо крикнул еврей.

- Нэнси спрашивает, куда его тащить - в другую берлогу? - осведомился Плут.

- Да! - ответил еврей. - Где бы она его не сцапала!

Отыщите его, отыщите, вот и все!

Я уж буду знать, что дальше делать. Не бойтесь!

Мальчик буркнул, что он понимает, и бросился догонять товарищей.

- Пока что он не выдал, - сказал еврей, принимаясь за прежнюю работу.

'If he means to blab us among his new friends, we may stop his mouth yet.'

CHAPTER XIV — COMPRISING FURTHER PARTICULARS OF OLIVER'S STAY AT MR. BROWNLOW'S, WITH THE REMARKABLE PREDICTION WHICH ONE MR. GRIMWIG UTTERED CONCERNING HIM, WHEN HE WENT OUT ON AN ERRAND

Oliver soon recovering from the fainting-fit into which Mr. Brownlow's abrupt exclamation had thrown him, the subject of the picture was carefully avoided, both by the old gentleman and Mrs. Bedwin, in the conversation that ensued: which indeed bore no reference to Oliver's history or prospects, but was confined to such topics as might amuse without exciting him.

He was still too weak to get up to breakfast; but, when he came down into the housekeeper's room next day, his first act was to cast an eager glance at the wall, in the hope of again looking on the face of the beautiful lady.

His expectations were disappointed, however, for the picture had been removed.

'Ah!' said the housekeeper, watching the direction of Oliver's eyes.

'It is gone, you see.'

'I see it is ma'am,' replied Oliver.

'Why have they taken it away?'

'It has been taken down, child, because Mr. Brownlow said, that as it seemed to worry you, perhaps it might prevent your getting well, you know,' rejoined the old lady.

'Oh, no, indeed.

It didn't worry me, ma'am,' said Oliver.

'I liked to see it.

I quite loved it.'

'Well, well!' said the old lady, good-humouredly; 'you get well as fast as ever you can, dear, and it

- Если он вздумает болтать о нас своим новым друзьям, мы еще успеем заткнуть ему глотку.

ГЛАВА XIV, — заключающая дальнейшие подробности о пребывании Оливера у мистера, Браунлоу, а также замечательное пророчество, которое некий мистер Гримуиг изрек касательно Оливера, когда тот отправился исполнять поручение.

Оливер быстро пришел в себя после обморока, вызванного внезапным восклицанием мистера Браунлоу, а старый джентльмен и миссис Бэдуин в дальнейшем старательно избегали упоминать о портрете: разговор не имел ни малейшего отношения ни к прошлой жизни Оливера, ни к его видам на будущее и касался лишь тех предметов, которые могли позабавить его, но не взволновать.

Оливер был все еще слишком слаб, чтобы вставать к завтраку, но на следующий день, спустившись в комнату экономки, он первым делом бросил нетерпеливый взгляд на стену в надежде снова увидеть лицо прекрасной леди.

Однако его ожидания были обмануты - портрет убрали.

- А, вот что! - сказала экономка, проследив за взглядом Оливера.

- Как видишь, его унесли.

- Вижу, что унесли, сударыня, - ответил Оливер.

- Зачем его убрали?

- Его сняли, дитя мое, потому что, по мнению мистера Браунлоу, он как будто тебя беспокоил. А вдруг он, знаешь ли, помешал бы выздоровлению, - сказала старая леди.

- О, право же нет!

Он меня не беспокоил, сударыня, - сказал Оливер.

- Мне приятно было смотреть на него.

Я очень его полюбил.

- Ну-ну! - благодушно сказала старая леди. - Постарайся, дорогой мой, как можно скорее

shall be hung up again.

There! I promise you that!

Now, let us talk about something else.'

This was all the information Oliver could obtain about the picture at that time.

As the old lady had been so kind to him in his illness, he endeavoured to think no more of the subject just then; so he listened attentively to a great many stories she told him, about an amiable and handsome daughter of hers, who was married to an amiable and handsome man, and lived in the country; and about a son, who was clerk to a merchant in the West Indies; and who was, also, such a good young man, and wrote such dutiful letters home four times a-year, that it brought the tears into her eyes to talk about them.

When the old lady had expatiated, a long time, on the excellences of her children, and the merits of her kind good husband besides, who had been dead and gone, poor dear soul! just six-and-twenty years, it was time to have tea.

After tea she began to teach Oliver cribbage: which he learnt as quickly as she could teach: and at which game they played, with great interest and gravity, until it was time for the invalid to have some warm wine and water, with a slice of dry toast, and then to go cosily to bed.

They were happy days, those of Oliver's recovery.

Everything was so quiet, and neat, and orderly; everybody so kind and gentle; that after the noise and turbulence in the midst of which he had always lived, it seemed like Heaven itself.

He was no sooner strong enough to put his clothes on, properly, than Mr. Brownlow caused a complete new suit, and a new cap, and a new pair of shoes, to be provided for him.

As Oliver was told that he might do what he liked with the old clothes, he gave them to a servant

поправиться, и тогда портрет будет повешен на прежнее место.

Это я тебе обещаю!

А теперь поговорим о чем-нибудь другом.

Вот все сведения, какие мог получить в то время Оливер о портрете.

В ту пору он старался об этом не думать, потому что старая леди была очень добра к нему во время его болезни; и он внимательно выслушивал бесконечные истории, какие она ему рассказывала о своей милой и прекрасной дочери, вышедшей замуж за милого и прекрасного человека и жившей в деревне, и о сыне, который служил клерком у купца в Вест-Индии и был также безупречным молодым человеком, и четыре раза в год посылал домой такие почтительные письма, что у нее слезы навертывались на глаза при упоминании о них.

Старая леди долго распространялась о превосходных качествах своих детей, а также и о достоинствах своего доброго, славного мужа, который - бедная, добрая душа! - умер ровно двадцать шесть лет назад... А затем наступало время пить чай.

После чаю она принималась обучать Оливера криббеджу *, который он усваивал с такой же легкостью, с какой она его преподавала; и в эту игру они играли с большим интересом и торжественностью, пока не наступал час, когда больному надлежало дать теплого вина с водой и уложить его в мягкую постель.

Это были счастливые дни - дни выздоровления Оливера.

Все было так мирно, чисто и аккуратно, все были так добры и ласковы, что после шума и сутолоки, среди которых протекала до сих пор его жизнь, ему казалось, будто он в раю.

Как только он окреп настолько, что мог уже одеться, мистер Браунлоу приказал купить ему новый костюм, новую шляпу и новые башмаки.

Когда Оливеру объявили, что он может распорядиться по своему усмотрению старым своим платьем, он отдал его служанке, которая

who had been very kind to him, and asked her to sell them to a Jew, and keep the money for herself.

This she very readily did; and, as Oliver looked out of the parlour window, and saw the Jew roll them up in his bag and walk away, he felt quite delighted to think that they were safely gone, and that there was now no possible danger of his ever being able to wear them again.

They were sad rags, to tell the truth; and Oliver had never had a new suit before.

One evening, about a week after the affair of the picture, as he was sitting talking to Mrs. Bedwin, there came a message down from Mr. Brownlow, that if Oliver Twist felt pretty well, he should like to see him in his study, and talk to him a little while.

'Bless us, and save us!

Wash your hands, and let me part your hair nicely for you, child,' said Mrs. Bedwin.

'Dear heart alive!

If we had known he would have asked for you, we would have put you a clean collar on, and made you as smart as sixpence!'

Oliver did as the old lady bade him; and, although she lamented grievously, meanwhile, that there was not even time to crimp the little frill that bordered his shirt-collar; he looked so delicate and handsome, despite that important personal advantage, that she went so far as to say: looking at him with great complacency from head to foot, that she really didn't think it would have been possible, on the longest notice, to have made much difference in him for the better.

Thus encouraged, Oliver tapped at the study door.

On Mr. Brownlow calling to him to come in, he found himself in a little back room, quite full of books, with a window, looking into some pleasant little gardens.

There was a table drawn up before the window, at

была очень добра к нему, и попросил ее продать это старье какому-нибудь еврею, а деньги оставить себе. Эту просьбу она с готовностью исполнила.

И когда Оливер, стоя у окна гостиной, увидел, как еврей спрятал платье в свой мешок и удалился, он пришел в восторг при мысли, что эти вещи унесли и теперь ему уже не грозит опасность снова их надеть.

По правде сказать, это были жалкие лохмотья, и у Оливера никогда еще не бывало нового костюма.

Однажды вечером, примерно через неделю после истории с портретом, когда Оливер разговаривал с миссис Бэдуин, мистер Браунлоу прислал сказать, что хотел бы видеть Оливера Твиста у себя в кабинете и потолковать с ним немного, если он хорошо себя чувствует.

- Господи, спаси и помилуй нас!

Вымой руки, дитя мое, и дай-ка я хорошенько приглажу тебе волосы! - воскликнула миссис Бэдуин.

- Боже мой!

Знай мы, что он пожелает тебя видеть, мы бы надели тебе чистый воротничок и ты засиял бы у нас, как новенький шестипенсовик!

Оливер повиновался старой леди, и хотя она горько сетовала о том, что теперь уже некогда прогладить гофрированную оборочку у воротничка его рубашки, он казался очень хрупким и миловидным, несмотря на отсутствие столь важного украшения, и она, с величайшим удовольствием осмотрев его с головы до ног, пришла к выводу, что даже если бы их и предупредили заблаговременно, вряд ли можно было сделать его еще красивее.

Ободренный этими словами, Оливер постучал в дверь кабинета.

Когда мистер Браунлоу предложил ему войти, он очутился в маленькой комнатке, заполненной книгами, с окном, выходившим в красивый садик.

К окну был придвинут стол, за которым сидел и

which Mr. Brownlow was seated reading.

When he saw Oliver, he pushed the book away from him, and told him to come near the table, and sit down.

Oliver complied; marvelling where the people could be found to read such a great number of books as seemed to be written to make the world wiser.

Which is still a marvel to more experienced people than Oliver Twist, every day of their lives.

'There are a good many books, are there not, my boy?' said Mr. Brownlow, observing the curiosity with which Oliver surveyed the shelves that reached from the floor to the ceiling.

'A great number, sir,' replied Oliver.

'I never saw so many.'

'You shall read them, if you behave well,' said the old gentleman kindly; 'and you will like that, better than looking at the outsides, — that is, some cases; because there are books of which the backs and covers are by far the best parts.'

'I suppose they are those heavy ones, sir,' said Oliver, pointing to some large quartos, with a good deal of gilding about the binding.

'Not always those,' said the old gentleman, patting Oliver on the head, and smiling as he did so; 'there are other equally heavy ones, though of a much smaller size.'

How should you like to grow up a clever man, and write books, eh?'

'I think I would rather read them, sir,' replied Oliver.

'What! wouldn't you like to be a book-writer?' said the old gentleman.

Oliver considered a little while; and at last said, he should think it would be a much better thing to be a book-seller; upon which the old gentleman laughed heartily, and declared he had said a very good thing.

Which Oliver felt glad to have done, though he by no means knew what it was.

читал мистер Браунлоу.

При виде Оливера он отложил в сторону книгу и предложил ему подойти к столу и сесть.

Оливер повиновался, удивляясь, где можно найти людей, которые бы читали такое множество книг, казалось написанных для того, чтобы сделать человечество более разумным.

До сей поры это является загадкой и для людей более искушенных, чем Оливер Твист.

- Много книг, не правда ли, мой мальчик? - спросил мистер Браунлоу, заметив, с каким любопытством Оливер посматривал на книжные полки, поднимавшиеся от пола до потолка.

- Очень много, сэр, - ответил Оливер.

- Столько я никогда не видал.

- Ты их прочтешь, если будешь вести себя хорошо, - ласково сказал старый джентльмен, - и тебе это понравится больше, чем рассматривать переплеты. А впрочем, не всегда: бывают такие книги, у которых самое лучшее - корешок и обложка.

- Должно быть, это вон те тяжелые книги, сэр, - заметил Оливер, указывая на большие томы в раззолоченных переплетах.

- Не обязательно, - ответил старый джентльмен, глядя его по голове и улыбаясь. - Бывают книги такие же тяжелые, но гораздо меньше этих.

А тебе бы не хотелось вырасти умным и писать книги?

- Я думаю, мне больше бы хотелось читать их, сэр, - ответил Оливер.

- Как! Ты не хотел бы писать книги? - спросил старый джентльмен.

Оливер немножко подумал, а потом сообщил, что, пожалуй, гораздо лучше продавать книги; в ответ на это старый джентльмен от души рассмеялся и объявил, что он неплохо сказал.

Оливер обрадовался, хотя понятия не имел о том, что тут хорошего.

'Well, well,' said the old gentleman, composing his features.

'Don't be afraid!

We won't make an author of you, while there's an honest trade to be learnt, or brick-making to turn to.'

'Thank you, sir,' said Oliver.

At the earnest manner of his reply, the old gentleman laughed again; and said something about a curious instinct, which Oliver, not understanding, paid no very great attention to.

'Now,' said Mr. Brownlow, speaking if possible in a kinder, but at the same time in a much more serious manner, than Oliver had ever known him assume yet, 'I want you to pay great attention, my boy, to what I am going to say.

I shall talk to you without any reserve; because I am sure you are well able to understand me, as many older persons would be.'

'Oh, don't tell you are going to send me away, sir, pray!' exclaimed Oliver, alarmed at the serious tone of the old gentleman's commencement!

'Don't turn me out of doors to wander in the streets again.

Let me stay here, and be a servant.

Don't send me back to the wretched place I came from.

Have mercy upon a poor boy, sir!'

'My dear child,' said the old gentleman, moved by the warmth of Oliver's sudden appeal; 'you need not be afraid of my deserting you, unless you give me cause.'

'I never, never will, sir,' interposed Oliver.

'I hope not,' rejoined the old gentleman.

- Прекрасно! - сказал старый джентльмен, перестав смеяться.

- Не бойся!

Мы из тебя не сделаем писателя, раз есть возможность научиться какому-нибудь честному ремеслу или стать каменщиком.

- Благодарю вас, сэр, - сказал Оливер.

Услыхав его серьезный ответ, старый джентльмен снова расхохотался и сказал что-то о странностях инстинкта, но Оливер не понял и не обратил на это внимания.

- А теперь, мой мальчик, - продолжал мистер Браунлоу, говоря - если это было возможно - еще более ласково, но в то же время лицо его было такое серьезное, какого Оливер никогда еще у него не видывал, - я хочу, чтобы ты с величайшим вниманием выслушал то, что я намерен сказать.

Я буду говорить с тобой совершенно откровенно, потому что я уверен: ты можешь понять меня не хуже, чем многие другие старше тебя.

- О, прошу вас, сэр, не говорите мне, что вы хотите меня прогнать! - воскликнул Оливер, испуганный серьезным тоном старого джентльмена.

- Не выбрасывайте меня за дверь, чтобы я снова бродил по улицам!

Позвольте мне остаться здесь и быть вашим слугой.

Не отсылайте меня назад, в то ужасное место, откуда я пришел!

Пожалейте бедного мальчика, сэр!

- Милое мое дитя, - сказал старый джентльмен, растроганный неожиданной и горячей мольбой Оливера, - тебе незачем бояться, что я тебя когда-нибудь покину, если ты сам не дашь повода...

- Никогда, никогда этого не случится, сэр! - перебил Оливер.

- Надеюсь, - ответил старый джентльмен.

'I do not think you ever will.

I have been deceived, before, in the objects whom I have endeavoured to benefit; but I feel strongly disposed to trust you, nevertheless; and I am more interested in your behalf than I can well account for, even to myself.

The persons on whom I have bestowed my dearest love, lie deep in their graves; but, although the happiness and delight of my life lie buried there too, I have not made a coffin of my heart, and sealed it up, forever, on my best affections.

Deep affliction has but strengthened and refined them.'

As the old gentleman said this in a low voice: more to himself than to his companion: and as he remained silent for a short time afterwards: Oliver sat quite still.

'Well, well!' said the old gentleman at length, in a more cheerful tone,

'I only say this, because you have a young heart; and knowing that I have suffered great pain and sorrow, you will be more careful, perhaps, not to wound me again.

You say you are an orphan, without a friend in the world; all the inquiries I have been able to make, confirm the statement.

Let me hear your story; where you come from; who brought you up; and how you got into the company in which I found you.

Speak the truth, and you shall not be friendless while I live.'

Oliver's sobs checked his utterance for some minutes; when he was on the point of beginning to relate how he had been brought up at the farm, and carried to the workhouse by Mr. Bumble, a peculiarly impatient little double-knock was heard at the street-door: and the servant, running upstairs, announced Mr. Grimwig.

'Is he coming up?' inquired Mr. Brownlow.

'Yes, sir,' replied the servant.

- Не думаю, чтобы ты когда-нибудь это сделал.

Мне приходилось быть обманутым теми, кому я старался помочь, но я весьма расположен верить тебе, и мне самому непонятно, почему я тобой так интересуюсь.

Люди, которым я отдал самую горячую свою любовь, лежат в могиле; и хотя вместе с ними погребены счастье и радость моей жизни, я не превратил своего сердца в гробницу и оставил его открытым для - лучших моих чувств.

Глубокая скорбь только укрепила эти чувства и очистила их.

Так как старый джентльмен говорил тихо, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему собеседнику, а затем умолк, то и Оливер не нарушал молчания.

- Так-то! - сказал, наконец, старый джентльмен более веселым тоном.

- Я заговорил об этом только потому, что сердце у тебя молодое и ты, узнав о моих горестях и страданиях, постарайся, быть может, не доставлять мне еще новых огорчений.

По твоим словам, ты сирота и у тебя нет ни единого друга; сведения, какие мне удалось получить, подтверждают эти слова.

Расскажи мне все о себе: откуда ты пришел, кто тебя воспитал и как ты попал в ту компанию, в какой я тебя нашел?

Говори правду, и пока я жив, у тебя всегда будет друг.

В течение нескольких минут всхлипывания мешали Оливеру говорить; когда же он собрался рассказать о том, как его воспитывали на ферме и как мистер Бамбл отвел его в работный дом, раздался отрывистый, нетерпеливый двойной удар в парадную дверь, и служанка, взбежав по лестнице, доложила о приходе мистера Гримуига.

- Он идет сюда? - осведомился мистер Браунлоу.

- Да, сэр, - ответила служанка.

'He asked if there were any muffins in the house; and, when I told him yes, he said he had come to tea.'

Mr. Brownlow smiled; and, turning to Oliver, said that Mr. Grimwig was an old friend of his, and he must not mind his being a little rough in his manners; for he was a worthy creature at bottom, as he had reason to know.

'Shall I go downstairs, sir?' inquired Oliver.

'No,' replied Mr. Brownlow, 'I would rather you remained here.'

At this moment, there walked into the room: supporting himself by a thick stick: a stout old gentleman, rather lame in one leg, who was dressed in a blue coat, striped waistcoat, nankeen breeches and gaiters, and a broad-brimmed white hat, with the sides turned up with green.

A very small-plaited shirt frill stuck out from his waistcoat; and a very long steel watch-chain, with nothing but a key at the end, dangled loosely below it.

The ends of his white neckerchief were twisted into a ball about the size of an orange; the variety of shapes into which his countenance was twisted, defy description.

He had a manner of screwing his head on one side when he spoke; and of looking out of the corners of his eyes at the same time: which irresistibly reminded the beholder of a parrot.

In this attitude, he fixed himself, the moment he made his appearance; and, holding out a small piece of orange-peel at arm's length, exclaimed, in a growling, discontented voice.

'Look here! do you see this!

Isn't it a most wonderful and extraordinary thing that I can't call at a man's house but I find a piece of this poor surgeon's friend on the staircase?

I've been lamed with orange-peel once, and I know orange-peel will be my death, or I'll be content to eat my own head, sir!'

- Он спросил, есть ли в доме сдобные булочки, и, когда я ответила утвердительно, объявил, что пришел пить чай.

Мистер Браунлоу улыбнулся и, обратившись к Оливеру, пояснил, что мистер Гримуиг - старый его друг, и пусть Оливер не обращает внимания на его несколько грубоватые манеры, ибо в сущности он достойнейший человек, о чем имел основания знать мистер Браунлоу.

- Мне уйти вниз, сэр? - спросил Оливер.

- Нет, - ответил мистер Браунлоу, - я бы хотел, чтобы ты остался.

В эту минуту в комнату вошел, опираясь на толстую трость, породный старый джентльмен, слегка прихрамывающий на одну ногу; на нем был синий фрак, полосатый жилет, нанковые брюки и гетры и широкополая белая шляпа с зеленой каймой.

Из-под жилета торчало мелко гофрированное жабо, а снизу болталась очень длинная стальная цепочка от часов, на конце которой не было ничего, кроме ключа.

Концы его белого галстука были закручены в клубок величиной с апельсин, а всевозможные гримасы словно скручивали его физиономию и не поддавались описанию.

Разговаривая, он имел обыкновение склонять голову набок, посматривая уголком глаза, что придавало ему необычайное сходство с попугаем.

В этой позе он и остановился, едва успел войти в комнату, и, держа в вытянутой руке кусочек апельсиновой корки, воскликнул ворчливым, недовольным голосом:

- Смотрите! Видите?

Не странная ли и не удивительная ли это вещь: стоит мне зайти к кому-нибудь в дом, как я нахожу на лестнице вот такого помощника бедных врачей?

Некогда я охромел из-за апельсиновой корки и знаю, что в конце концов апельсиновая корка послужит причиной моей смерти. Так оно и будет, сэр!

This was the handsome offer with which Mr. Grimwig backed and confirmed nearly every assertion he made; and it was the more singular in his case, because, even admitting for the sake of argument, the possibility of scientific improvements being brought to that pass which will enable a gentleman to eat his own head in the event of his being so disposed, Mr. Grimwig's head was such a particularly large one, that the most sanguine man alive could hardly entertain a hope of being able to get through it at a sitting — to put entirely out of the question, a very thick coating of powder.

'I'll eat my head, sir,' repeated Mr. Grimwig, striking his stick upon the ground.

'Hallo! what's that!' looking at Oliver, and retreating a pace or two.

'This is young Oliver Twist, whom we were speaking about,' said Mr. Brownlow.

Oliver bowed.

'You don't mean to say that's the boy who had the fever, I hope?' said Mr. Grimwig, recoiling a little more.

'Wait a minute!

Don't speak!

Stop — ' continued Mr. Grimwig, abruptly, losing all dread of the fever in his triumph at the discovery; 'that's the boy who had the orange!

If that's not the boy, sir, who had the orange, and threw this bit of peel upon the staircase, I'll eat my head, and his too.'

'No, no, he has not had one,' said Mr. Brownlow, laughing.

'Come!

Put down your hat; and speak to my young friend.'

'I feel strongly on this subject, sir,' said the irritable old gentleman, drawing off his gloves.

Апельсинная корка послужит причиной моей смерти, а если это неверно, то я готов съесть свою собственную голову, сэр! Этим превосходным предложением мистер Гримуиг заключал и подкреплял чуть ли не каждое свое заявление, что было весьма странно, ибо, если даже допустить, что наука достигнет той ступени, когда джентльмен сможет съесть свою собственную голову, если он того пожелает, голова мистера Гримуига была столь велика, что самый сангвинический человек вряд ли мог питать надежду прикончить ее за один присест, даже если совершенно не принимать в расчет очень толстого слоя пудры.

- Я съем свою голову, сэр! - повторил мистер Гримуиг, стукнув тростью по полу.

- Погодите! Это что такое? - добавил он, взглянув на Оливера и отступив шага на два.

- Это юный Оливер Твист, о котором мы говорили, - сказал мистер Браунлоу.

Оливер поклонился.

- Надеюсь, вы не хотите сказать, что это тот самый мальчик, у которого была горячка? - попятившись, сказал мистер Гримуиг.

- Подождите минутку!

Не говорите ни слова!

Постойте-ка... - бросал отрывисто мистер Гримуиг, потеряв всякий страх перед горячкой и с торжеством делая открытие, - это тот самый мальчик, у которого был апельсин?

Если это не тот самый мальчик, сэр, который бросил корку на лестнице, я съем свою голову, да и его в придачу!

- Нет, у него не было апельсина, - смеясь, сказал мистер Браунлоу.

- Полно!

Положите свою шляпу и побеседуйте с моим юным другом.

- Меня этот вопрос очень беспокоит, сэр, - произнес раздражительный старый джентльмен, снимая перчатки.

- По всей нашей улице всегда валяются на

'There's always more or less orange-peel on the pavement in our street; and I know it's put there by the surgeon's boy at the corner.

A young woman stumbled over a bit last night, and fell against my garden-railings; directly she got up I saw her look towards his infernal red lamp with the pantomime-light.

"Don't go to him," I called out of the window, "he's an assassin!

A man-trap!"

So he is.

If he is not — ' Here the irascible old gentleman gave a great knock on the ground with his stick; which was always understood, by his friends, to imply the customary offer, whenever it was not expressed in words.

Then, still keeping his stick in his hand, he sat down; and, opening a double eye-glass, which he wore attached to a broad black riband, took a view of Oliver: who, seeing that he was the object of inspection, coloured, and bowed again.

'That's the boy, is it?' said Mr. Grimwig, at length.

'That's the boy,' replied Mr. Brownlow.

'How are you, boy?' said Mr. Grimwig.

'A great deal better, thank you, sir,' replied Oliver.

Mr. Brownlow, seeming to apprehend that his singular friend was about to say something disagreeable, asked Oliver to step downstairs and tell Mrs. Bedwin they were ready for tea; which, as he did not half like the visitor's manner, he was very happy to do.

'He is a nice-looking boy, is he not?' inquired Mr. Brownlow.

'I don't know,' replied Mr. Grimwig, pettishly.

'Don't know?'

мостовой апельсинные корки, и мне и_з_в_е_с_т_н_о, что их разбрасывает мальчишка хирурга, который живет на углу.

Вчера вечером молодая женщина поскользнулась, наступив на корку, и упала у решетки моего сада. Как только она встала, я увидел, что она смотрит на его проклятый красный фонарь *, безмолвно приглашающий войти.

"Не ходите к нему! - крикнул я из окна. - Это убийца!

Он расставляет капканы!"

И это правда.

А если это не так... Тут вспыльчивый старый джентльмен громко стукнул тростью об пол, что, как знали его друзья, заменяло его обычную присказку всякий раз, когда она не была выражена словами.

Затем, не выпуская из рук трости, он сел и, раскрыв лорнет, висевший на широкой черной ленте, устремил взор на Оливера, который, видя, что является объектом наблюдения, покраснел и снова поклонился.

- Это тот самый мальчик, не так ли? - сказал, наконец, мистер Гримуиг.

- Тот самый, - ответил мистер Браунлоу.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил мистер Гримуиг.

- Гораздо лучше, благодарю вас, сэр, - ответил Оливер.

Мистер Браунлоу, как будто опасаясь, что его чудаковатый друг вот-вот скажет что-нибудь неприятное, попросил Оливера пойти вниз и передать миссис Бэдуин просьбу распорядиться о чае; он с радостью повиновался, так как ему не особенно понравились манеры гостя.

- Хорошенький мальчик, не правда ли? - спросил мистер Браунлоу.

- Не знаю, - брюзгливо отозвался мистер Гримуиг.

- Не знаете?

'No.

I don't know. I never see any difference in boys.

I only knew two sort of boys. Mealy boys, and beef-faced boys.'

'And which is Oliver?'

'Mealy.

I know a friend who has a beef-faced boy; a fine boy, they call him; with a round head, and red cheeks, and glaring eyes; a horrid boy; with a body and limbs that appear to be swelling out of the seams of his blue clothes; with the voice of a pilot, and the appetite of a wolf.

I know him!

The wretch!'

'Come,' said Mr. Brownlow, 'these are not the characteristics of young Oliver Twist; so he needn't excite your wrath.'

'They are not,' replied Mr. Grimwig.

'He may have worse.'

Here, Mr. Brownlow coughed impatiently; which appeared to afford Mr. Grimwig the most exquisite delight.

'He may have worse, I say,' repeated Mr. Grimwig.

'Where does he come from!

Who is he?

What is he?

He has had a fever.

What of that?

Fevers are not peculiar to good people; are they?

Bad people have fevers sometimes; haven't they, eh?

- Не знаю.

Не вижу никакой разницы между мальчишками.

Я знаю только два сорта мальчишек: мальчишки мучнистые и мальчишки мясистые.

- К каким же относится Оливер?

- К мучнистым.

У одного моего приятеля мясистый мальчишка; они его называют прекрасным мальчуганом: круглая голова, красные щеки, блестящие глаза. Ужасный мальчишка. Туловище, руки и ноги у него такие, что его синий костюм вот-вот лопнет по швам; голос, как у лоцмана, а аппетит волчий.

Я его знаю!

Негодяй!

- Полно! - сказал мистер Браунлоу. - Это отнюдь не отличительные признаки юного Оливера Твиста; стало быть, он не может возбуждать ваш гнев.

- Согласен, не отличительные, - заметил мистер Гримуиг.

- У него могут быть еще похуже.

Тут мистер Браунлоу нетерпеливо кашлянул, что, по-видимому, доставило величайшее удовольствие мистеру Гримуигу.

- У него могут быть и похуже, говорю я, - повторил мистер Гримуиг.

- Откуда он взялся?

Кто он такой?

Что он такое?

У него была горячка.

Ну так что ж!

Горячка не является особой привилегией порядочных людей, не так ли?

Дурные люди тоже болеют иной раз горячкой, не правда ли?

I knew a man who was hung in Jamaica for murdering his master.

He had had a fever six times; he wasn't recommended to mercy on that account.

Pooh! nonsense!'

Now, the fact was, that in the inmost recesses of his own heart, Mr. Grimwig was strongly disposed to admit that Oliver's appearance and manner were unusually prepossessing; but he had a strong appetite for contradiction, sharpened on this occasion by the finding of the orange-peel; and, inwardly determining that no man should dictate to him whether a boy was well-looking or not, he had resolved, from the first, to oppose his friend.

When Mr. Brownlow admitted that on no one point of inquiry could he yet return a satisfactory answer; and that he had postponed any investigation into Oliver's previous history until he thought the boy was strong enough to hear it; Mr. Grimwig chuckled maliciously.

And he demanded, with a sneer, whether the housekeeper was in the habit of counting the plate at night; because if she didn't find a table-spoon or two missing some sunshiny morning, why, he would be content to — and so forth.

All this, Mr. Brownlow, although himself somewhat of an impetuous gentleman: knowing his friend's peculiarities, bore with great good humour; as Mr. Grimwig, at tea, was graciously pleased to express his entire approval of the muffins, matters went on very smoothly; and Oliver, who made one of the party, began to feel more at his ease than he had yet done in the fierce old gentleman's presence.

'And when are you going to hear a full, true, and particular account of the life and adventures of Oliver Twist?' asked Grimwig of Mr. Brownlow, at the conclusion of the meal; looking sideways at Oliver, as he resumed his subject.

'To-morrow morning,' replied Mr. Brownlow.

'I would rather he was alone with me at the time.

Come up to me to-morrow morning at ten o'clock,

Я знал одного человека, которого повесили на Ямайке за то, что он убил своего хозяина.

Он шесть раз болел горячкой; на этом основании он не был помилован.

Тьфу! Чепуха!

Дело в том, что в самых тайниках души мистер Гримуиг был весьма расположен признать наружность и манеры Оливера в высшей степени привлекательными; однако у него была неудержимая потребность противоречить, обострившаяся в тот день благодаря найденной им апельсиновой корке; решив про себя, что ни один человек не заставит его признать мальчика красивым или некрасивым, он сразу стал возражать своему другу.

Когда мистер Браунлоу заявил, что ни на один из этих вопросов он пока не может дать удовлетворительного ответа, так как откладывает расследование, касающееся прошлой жизни Оливера, до той поры, пока мальчик не окрепнет, мистер Гримуиг злорадно усмехнулся.

С насмешливой улыбкой он спросил, имеет ли экономка обыкновение проверять на ночь столовое серебро; если она в одно прекрасное утро не обнаружит пропажи одной-двух столовых ложек, то он готов... и так далее.

Зная странности своего друга, мистер Браунлоу - хотя он и сам был вспыльчивым джентльменом - выслушал все это очень добродушно; за чаем все шло очень мирно, так как мистер Гримуиг за чаем милостиво соизволил выразить полное свое одобрение булочкам, и Оливер, принимавший участие к чаепитию, уже не так смущался и присутствии сердитого старого джентльмена.

- А когда же вам предстоит услышать полный, правдивый и подробный отчет о жизни и приключениях Оливера Твиста? - спросил Гримуиг мистера Браунлоу по окончании трапезы и, заведя об этом речь, искоса взглянул на Оливера.

- Завтра утром, - ответил мистер Браунлоу.

- Я бы хотел быть в это время с ним наедине.

Ты придешь ко мне, дорогой мой, завтра в

my dear.'

'Yes, sir,' replied Oliver.

He answered with some hesitation, because he was confused by Mr. Grimwig's looking so hard at him.

'I'll tell you what,' whispered that gentleman to Mr. Brownlow; 'he won't come up to you to-morrow morning.

I saw him hesitate.

He is deceiving you, my good friend.'

'I'll swear he is not,' replied Mr. Brownlow, warmly.

'If he is not,' said Mr. Grimwig, 'I'll — ' and down went the stick.

'I'll answer for that boy's truth with my life!' said Mr. Brownlow, knocking the table.

'And I for his falsehood with my head!' rejoined Mr. Grimwig, knocking the table also.

'We shall see,' said Mr. Brownlow, checking his rising anger.

'We will,' replied Mr. Grimwig, with a provoking smile; 'we will.'

As fate would have it, Mrs. Bedwin chanced to bring in, at this moment, a small parcel of books, which Mr. Brownlow had that morning purchased of the identical bookstall-keeper, who has already figured in this history; having laid them on the table, she prepared to leave the room.

'Stop the boy, Mrs. Bedwin!' said Mr. Brownlow; 'there is something to go back.'

'He has gone, sir,' replied Mrs. Bedwin.

'Call after him,' said Mr. Brownlow; 'it's particular.

He is a poor man, and they are not paid for.

There are some books to be taken back, too.'

десять часов утра.

- Как вам будет угодно, сэр, - сказал Оливер.

Он ответил с некоторым замешательством, потому что его смутил пристальный взгляд мистера Гримуига.

- Вот что я вам скажу, - шепнул сей джентльмен мистеру Браунлоу, - завтра утром он к вам не придет.

Я видел, как он смутился.

Он вас обманывает, добрый мой друг.

- Готов поклясться, что не обманывает! - с жаром воскликнул мистер Браунлоу.

- Если не обманывает, - сказал мистер Гримуиг, - то я готов... - и трость стукнула об пол.

- Я ручаюсь своей жизнью, что этот мальчик не лжет! - сказал мистер Браунлоу, стукнув кулаком по столу.

- А я - своей головой за то, что он лжет! - ответил мистер Гримуиг, также стукнув по столу.

- Увидим! - сказал мистер Браунлоу, сдерживая нарастающий гнев.

- Совершенно верно! - отозвался мистер Гримуиг с раздражающей улыбкой. - Посмотрим!

Судьбе угодно было, чтобы в эту минуту миссис Бэдуин принесла небольшую пачку книг, купленных утром мистером Браунлоу у того самого владельца книжного ларька, который уже появлялся в этом повествовании. Положив их на стол, она хотела выйти из комнаты.

- Задержите мальчика, миссис Бэдуин, - сказал мистер Браунлоу, - я хочу кое-что отослать с ним обратно.

- Он ушел, сэр, - ответила миссис Бэдуин.

- Верните его, - сказал мистер Браунлоу. - Это дело важное.

Книгопродавец - человек бедный, а за книги не уплачено.

И несколько книг нужно отнести назад.

The street-door was opened.

Oliver ran one way; and the girl ran another; and Mrs. Bedwin stood on the step and screamed for the boy; but there was no boy in sight.

Oliver and the girl returned, in a breathless state, to report that there were no tidings of him.

'Dear me, I am very sorry for that,' exclaimed Mr. Brownlow;

'I particularly wished those books to be returned to-night.'

'Send Oliver with them,' said Mr. Grimwig, with an ironical smile; 'he will be sure to deliver them safely, you know.'

'Yes; do let me take them, if you please, sir,' said Oliver.

'I'll run all the way, sir.'

The old gentleman was just going to say that Oliver should not go out on any account; when a most malicious cough from Mr. Grimwig determined him that he should; and that, by his prompt discharge of the commission, he should prove to him the injustice of his suspicions: on this head at least: at once.

'You shall go, my dear,' said the old gentleman.

'The books are on a chair by my table.

Fetch them down.'

Oliver, delighted to be of use, brought down the books under his arm in a great bustle; and waited, cap in hand, to hear what message he was to take.

'You are to say,' said Mr. Brownlow, glancing steadily at Grimwig; 'you are to say that you have brought those books back; and that you have come to pay the four pound ten I owe him.

This is a five-pound note, so you will have to bring me back, ten shillings change.'

'I won't be ten minutes, sir,' said Oliver, eagerly.

Парадная дверь была открыта.

Оливер бросился в одну сторону, служанка - в другую, а миссис Бэдуин стояла на пороге и пронзительным голосом звала посланца, но никакого мальчика не было видно.

Оливер и служанка вернулись, запыхавшись, и доложили, что того и след простыл.

- Ах, боже мой, какая досада! - воскликнул мистер Браунлоу.

- Мне так хотелось отослать сегодня вечером эти книги!

- Отошлите их с Оливером, - с иронической улыбкой сказал мистер Гримуиг. - Он несомненно доставит их в полной сохранности.

- Да, пожалуйста, позвольте мне отнести их, сэр, - сказал Оливер.

- Я буду бежать всю дорогу, сэр.

Старый джентльмен хотел было сказать, что ни в коем случае не пустит Оливера, но злорадное покашливание мистера Гримуига заставило его принять другое решение: быстрым исполнением поручения Оливер докажет мистеру Гримуигу несправедливость его подозрений хотя бы по этому пункту, и докажет немедленно. - Хорошо!

Ты пойдешь, мой милый, - сказал старый джентльмен.

- Книги лежат на стуле у моего стола.

Принеси их.

Радуюсь случаю быть полезным, Оливер быстро схватил книги подмышку и с шапкой в руке ждал, что ему поручено будет передать.

- Ты ему передашь, - продолжал мистер Браунлоу, - пристально глядя на Гримуига, - ты передашь, что принес эти книги обратно, и уплатишь четыре фунта десять шиллингов, которые я ему должен.

Вот билет в пять фунтов. Стало - быть, ты принесешь мне сдачи десять шиллингов.

- Десяти минут не пройдет, как я уже вернусь,

Having buttoned up the bank-note in his jacket pocket, and placed the books carefully under his arm, he made a respectful bow, and left the room.

Mrs. Bedwin followed him to the street-door, giving him many directions about the nearest way, and the name of the bookseller, and the name of the street: all of which Oliver said he clearly understood.

Having superadded many injunctions to be sure and not take cold, the old lady at length permitted him to depart.

'Bless his sweet face!' said the old lady, looking after him.

'I can't bear, somehow, to let him go out of my sight.'

At this moment, Oliver looked gaily round, and nodded before he turned the corner.

The old lady smilingly returned his salutation, and, closing the door, went back to her own room.

'Let me see; he'll be back in twenty minutes, at the longest,' said Mr. Brownlow, pulling out his watch, and placing it on the table.

'It will be dark by that time.'

'Oh! you really expect him to come back, do you?' inquired Mr. Grimwig.

'Don't you?' asked Mr. Brownlow, smiling.

The spirit of contradiction was strong in Mr. Grimwig's breast, at the moment; and it was rendered stronger by his friend's confident smile.

'No,' he said, smiting the table with his fist, 'I do not.'

The boy has a new suit of clothes on his back, a set of valuable books under his arm, and a five-pound note in his pocket.

He'll join his old friends the thieves, and laugh at you.

сэр! - с жаром отвечал Оливер.

Спрятав банковый билет в карман куртки, застегивавшийся на пуговицу, и старательно придерживая книги под мышкой, он отвесил учтивый поклон и вышел из комнаты.

Миссис Бэдуин проводила его до парадной двери, дала многочисленные указания, как пройти кратчайшим путем, сообщила фамилию книгопродавца и название улицы; все это, по словам Оливера, он прекрасно понял.

Добавив сверх того еще ряд наставлений, чтобы он не простудился, старая леди, наконец, позволила ему уйти.

- Да благословит бог его милое личико! - сказала старая леди, глядя ему вслед.

- Почему-то мне трудно отпускать его от себя.

Как раз в эту минуту Оливер весело оглянулся и кивнул ей, прежде чем свернуть за угол.

Старая леди с улыбкой ответила на его приветствие и, заперев дверь, пошла к себе в комнату.

- Ну-ка, посмотрим: он вернется не позже чем через двадцать минут, - сказал мистер Браунлоу, вынимая часы и кладя их на стол.

- К тому времени стемнеет.

- О! Вы всерьез думаете, что он вернется? - осведомился мистер Гримуиг.

- А вы этого не думаете? - с улыбкой спросил мистер Браунлоу.

В тот момент дух противоречия целиком овладел мистером Гримуигом, а самоуверенная улыбка друга еще сильнее его подстрекнула.

- Не думаю! - сказал он, ударив кулаком по столу.

- На мальчишке новый костюм, под мышкой пачка дорогих книг, а в кармане билет в пять фунтов.

Он пойдет к своим приятелям-ворам и посмеется над вами.

If ever that boy returns to this house, sir, I'll eat my head.'

With these words he drew his chair closer to the table; and there the two friends sat, in silent expectation, with the watch between them.

It is worthy of remark, as illustrating the importance we attach to our own judgments, and the pride with which we put forth our most rash and hasty conclusions, that, although Mr. Grimwig was not by any means a bad-hearted man, and though he would have been unfeignedly sorry to see his respected friend duped and deceived, he really did most earnestly and strongly hope at that moment, that Oliver Twist might not come back.

It grew so dark, that the figures on the dial-plate were scarcely discernible; but there the two old gentlemen continued to sit, in silence, with the watch between them.

CHAPTER XV — SHOWING HOW VERY FOND OF OLIVER TWIST, THE MERRY OLD JEW AND MISS NANCY WERE

In the obscure parlour of a low public-house, in the filthiest part of Little Saffron Hill; a dark and gloomy den, where a flaring gas-light burnt all day in the winter-time; and where no ray of sun ever shone in the summer: there sat, brooding over a little pewter measure and a small glass, strongly impregnated with the smell of liquor, a man in a velveteen coat, drab shorts, half-boots and stockings, whom even by that dim light no experienced agent of the police would have hesitated to recognise as Mr. William Sikes.

At his feet, sat a white-coated, red-eyed dog; who occupied himself, alternately, in winking at his master with both eyes at the same time; and in licking a large, fresh cut on one side of his mouth, which appeared to be the result of some recent conflict.

'Keep quiet, you warmint!

Keep quiet!' said Mr. Sikes, suddenly breaking silence.

Если этот мальчишка когда-нибудь вернется сюда, сэр, я готов съесть свою голову.

С этими словами он придвинул стул к столу. Два друга сидели в молчаливом ожидании, а между ними лежали часы.

Следует отметить, чтобы подчеркнуть то значение, какое мы приписываем нашим суждениям, и ту гордыню, с какой мы делаем самые опрометчивые и торопливые заключения, - следует отметить, что мистер Гримуиг был отнюдь не жестокосердным человеком и непритворно огорчился бы, если бы его почтенного друга обманули и одурачили, но при всем том он искренне и от всей души надеялся в ту минуту, что Оливер Twist никогда не вернется.

Сумерки сгустились так, что едва можно было разглядеть цифры на циферблате, но два старых джентльмена по-прежнему сидели молча, а между ними лежали часы.

ГЛАВА XV, — показывающая, сколь нежно любил Оливера Твиста веселый старый еврей и мисс Нэнси

В темной комнате дрянного трактира, в самой грязной части Малого Саффрен-Хилла, в хмурой и мрачной берлоге, пропитанной запахом спирта, где зимой целый день горит газовый рожок и куда летом не проникает ни один луч солнца, сидел над оловянным кувшинчиком и рюмкой человек в вельветовом сюртуке, коротких темных штанах, башмаках и чулках, которого даже при этом тусклом свете самый неопытный агент полиции не преминул бы признать за мистера Уильяма Сайкса.

У ног его сидела белая красноглазая собака, которая то моргала, глядя на хозяина, то зализывала широкую свежую рану на морде, появившуюся, очевидно, в результате недавней драки.

- Смирно, гадина!

Смирно! - приказал мистер Сайкс, внезапно нарушив молчание.

Whether his meditations were so intense as to be disturbed by the dog's winking, or whether his feelings were so wrought upon by his reflections that they required all the relief derivable from kicking an unoffending animal to allay them, is matter for argument and consideration.

Whatever was the cause, the effect was a kick and a curse, bestowed upon the dog simultaneously.

Dogs are not generally apt to revenge injuries inflicted upon them by their masters; but Mr. Sikes's dog, having faults of temper in common with his owner, and labouring, perhaps, at this moment, under a powerful sense of injury, made no more ado but at once fixed his teeth in one of the half-boots.

Having given in a hearty shake, he retired, growling, under a form; just escaping the pewter measure which Mr. Sikes levelled at his head.

'You would, would you?' said Sikes, seizing the poker in one hand, and deliberately opening with the other a large clasp-knife, which he drew from his pocket.

'Come here, you born devil!

Come here!

D'ye hear?'

The dog no doubt heard; because Mr. Sikes spoke in the very harshest key of a very harsh voice; but, appearing to entertain some unaccountable objection to having his throat cut, he remained where he was, and growled more fiercely than before: at the same time grasping the end of the poker between his teeth, and biting at it like a wild beast.

This resistance only infuriated Mr. Sikes the more; who, dropping on his knees, began to assail the animal most furiously.

The dog jumped from right to left, and from left to right; snapping, growling, and barking; the man thrust and swore, and struck and blasphemed; and the struggle was reaching a most critical point for one or other; when, the door suddenly opening, the dog darted out: leaving Bill Sikes with the poker and the clasp-knife in his hands.

Были ли мысли его столь напряжены, что им помешало моргание собаки, или нервы столь натянуты в результате его собственных размышлений, что для их успокоения требовалось угостить пинком безобидное животное, - остается невыясненным.

Какова бы ни была причина, но на долю собаки достались одновременно и пинок и проклятье.

Собаки обычно не склонны мстить за обиды, нанесенные их хозяевами, по собака мистера Сайкса, отличаясь таким же скверным нравом, как и ее владелец, и, быть может, находясь в тот момент под впечатлением пережитого оскорбления, без всяких церемоний вцепилась зубами в его башмак.

Хорошенько встряхнув его, она с ворчанием спряталась под скамью - как раз вовремя, чтобы ускользнуть от оловянного кувшина, который мистер Сайкс занес над ее головой.

- Вот оно что! - произнес Сайкс, одной рукой схватив кочергу, а другой неторопливо открывая большой складной нож, который вытащил из кармана.

- Сюда, дьявол!

Сюда!

Слышишь?

Собака несомненно слышала, так как мистер Сайкс говорил грубейшим тоном и очень грубым голосом, но, испытывая, по-видимому, какое-то странное нежелание оказаться с перерезанной глоткой, она не покинула своего места и зарычала еще громче; она вцепилась зубами в конец кочерги и принялась грызть ее, как дикий зверь.

Такое сопротивление только усилило бешенство мистера Сайкса, который, опустившись на колени, злобно атаковал животное.

Собака металась из стороны в сторону, огрызаясь, рыча и лая, а человек ругался, наносил удары и изрыгал проклятья; борьба достигла критического момента, как вдруг дверь распахнулась, и собака вырвалась из комнаты, оставив Билла Сайкса с кочергой и складным ножом в руках.

There must always be two parties to a quarrel, says the old adage.

Mr. Sikes, being disappointed of the dog's participation, at once transferred his share in the quarrel to the new comer.

'What the devil do you come in between me and my dog for?' said Sikes, with a fierce gesture.

'I didn't know, my dear, I didn't know,' replied Fagin, humbly; for the Jew was the new comer.

'Didn't know, you white-livered thief!' growled Sikes.

'Couldn't you hear the noise?'

'Not a sound of it, as I'm a living man, Bill,' replied the Jew.

'Oh no!

You hear nothing, you don't,' retorted Sikes with a fierce sneer.

'Sneaking in and out, so as nobody hears how you come or go!

I wish you had been the dog, Fagin, half a minute ago.'

'Why?' inquired the Jew with a forced smile.

'Cause the government, as cares for the lives of such men as you, as haven't half the pluck of curs, lets a man kill a dog how he likes,' replied Sikes, shutting up the knife with a very expressive look; 'that's why.'

The Jew rubbed his hands; and, sitting down at the table, affected to laugh at the pleasantry of his friend.

He was obviously very ill at ease, however.

'Grin away,' said Sikes, replacing the poker, and surveying him with savage contempt; 'grin away.

You'll never have the laugh at me, though, unless it's behind a nightcap.

Для ссоры всегда нужны две стороны - гласит старая поговорка.

Мистер Сайкс, лишившись собаки как участника в ссоре, немедленно перенес свой гнев на вновь прибывшего.

- Черт вас побери, зачем вы влезаете между мной и моей собакой? - злобно жестикулируя, крикнул Сайкс.

- Я не знал, мой милый, не знал, - смиренно ответил Феджин (появился именно он).

- Не знали, трусливый вор? - проворчал Сайкс.

- Не слышали шума?

- Ни звука не слышал, Билл, умереть мне на этом месте, - ответил еврей.

- Ну да!

Конечно, вы ничего не слышите, - злобно усмехнувшись, сказал Сайкс.

- Крадетесь так, что никто не слышит, как вы вошли и вышли!

Жаль Феджин, что полминуты тому назад вы не были этой собакой!

- Почему? - с натянутой улыбкой осведомился еврей.

- Потому что правительство заботится о жизни таких людей, как вы, которые подлее всякой дворняжки, но разрешает убивать собак, когда б человек ни пожелал, - ответил Сайкс, с многозначительным видом закрывая свой нож. - Вот почему.

Еврей потер руки и, присев к столу, принужденно засмеялся в ответ на шутку своего друга.

Впрочем, ему было явно не по себе.

- Ладно, ухмыляйтесь! - продолжал Сайкс, кладя на место кочергу и созерцая его со злобным презрением.

- Никогда не случится вам посмеяться надо мной, разве что на виселице.

I've got the upper hand over you, Fagin; and, d — me, I'll keep it.

There!

If I go, you go; so take care of me.'

'Well, well, my dear,' said the Jew,

'I know all that; we — we — have a mutual interest, Bill, — a mutual interest.'

'Humph,' said Sikes, as if he thought the interest lay rather more on the Jew's side than on his.

'Well, what have you got to say to me?'

'It's all passed safe through the melting-pot,' replied Fagin, 'and this is your share.

It's rather more than it ought to be, my dear; but as I know you'll do me a good turn another time, and — '

'Stow that gammon,' interposed the robber, impatiently.

'Where is it?

Hand over!'

'Yes, yes, Bill; give me time, give me time,' replied the Jew, soothingly.

'Here it is!

All safe!'

As he spoke, he drew forth an old cotton handkerchief from his breast; and untying a large knot in one corner, produced a small brown-paper packet.

Sikes, snatching it from him, hastily opened it; and proceeded to count the sovereigns it contained.

'This is all, is it?' inquired Sikes.

'All,' replied the Jew.

'You haven't opened the parcel and swallowed one or two as you come along, have you?' inquired Sikes, suspiciously.

'Don't put on an injured look at the question;

Вы в моих руках, Феджин, и будь я проклят, если вас выпущу.

Да!

Попадусь я - попадетесь и вы.

Стало быть, будьте со мной осторожны.

- Да, да, мой милый, - сказал еврей, - все это мне известно. У нас... у нас общие интересы, Билл, общие интересы.

- Гм... - пробурчал Сайкс, словно он полагал, что не все интересы у них общие.

- Ну, что же вы хотели мне сказать?

- Все благополучно пропущено через тигель, - отвечал Феджин, - и я принес вашу долю.

Она больше, чем полагается вам, мой милый, но так как я знаю, что в следующий раз мы меня не обидите, и...

- Довольно болтать! - нетерпеливо перебил грабитель.

- Где она?

Подавайте!

- Хорошо, Билл, не торопите меня, не торопите, - успокоительным гоном отозвался еврей.

- Вот она!

Все в сохранности!

С этими словами он вынул из-за пазухи старый бумажный платок и, развязав большой узел в одном из его уголков, достал маленький пакет в оберточной бумаге.

Сайкс, выхватив его из рук еврея, торопливо развернул и начал считать находившиеся в нем соверены *.

- Это все? - спросил Сайкс.

- Все, - ответил еврей.

- А вы по дороге не разворачивали сверток и не проглотили одну-две монеты? - подозрительно спросил Сайкс.

- Нечего корчить обиженную физиономию. Вы

you've done it many a time.

Jerk the tinkler.'

These words, in plain English, conveyed an injunction to ring the bell.

It was answered by another Jew: younger than Fagin, but nearly as vile and repulsive in appearance.

Bill Sikes merely pointed to the empty measure.

The Jew, perfectly understanding the hint, retired to fill it: previously exchanging a remarkable look with Fagin, who raised his eyes for an instant, as if in expectation of it, and shook his head in reply; so slightly that the action would have been almost imperceptible to an observant third person.

It was lost upon Sikes, who was stooping at the moment to tie the boot-lace which the dog had torn.

Possibly, if he had observed the brief interchange of signals, he might have thought that it boded no good to him.

'Is anybody here, Barney?' inquired Fagin; speaking, now that that Sikes was looking on, without raising his eyes from the ground.

'Dot a shoul,' replied Barney; whose words: whether they came from the heart or not: made their way through the nose.

'Nobody?' inquired Fagin, in a tone of surprise: which perhaps might mean that Barney was at liberty to tell the truth.

'Dobody but Biss Dadsy,' replied Barney.

'Nancy!' exclaimed Sikes.

'Where?

Strike me blind, if I don't honour that 'ere girl, for her native talents.'

'She's bid havid a plate of boiled beef id the bar,' replied Barney.

'Send her here,' said Sikes, pouring out a glass of

это уже не раз проделывали.

Звякните!

В переводе на обычный английский язык это означало приказание позвонить.

На звонок явился другой еврей, моложе Феджина, но с почти такой же отталкивающей внешностью.

Билл Сайкс указал на пустой кувшинчик.

Еврей, превосходно поняв намек, взял кувшин и ушел, чтобы его наполнить, предварительно обменявшись многозначительным взглядом с Феджином, который, как бы ожидая его взгляда, на минутку поднял глаза и в ответ кивнул головой - слегка, так что это с трудом мог бы подметить наблюдательный зритель.

Этого не видел Сайкс, который наклонился, чтобы завязать шнурок на башмаке, порванный собакой.

Быть может, если бы он заметил быстрый обмен знаками, у него мелькнула бы мысль, что это не предвещает ему добра.

- Есть здесь кто-нибудь, Барни? - спросил Феджин; теперь, когда Сайкс поднял голову, он говорил, не отрывая глаз от пола.

- Ни души, - ответил Барни, чьи слова - исходили ли они из сердца или нет - проходили через нос.

- Никого? - спросил Феджин удивленным тоном, тем самым давая понять, что Барни должен говорить правду.

- Никого нет, кроме мисс Нэнси, - ответил Барни.

- Нэнси! - воскликнул Сайкс.

- Где?

Лопни мои глаза, если я не почитаю эту девушку за ее природные таланты.

- Она заказала себе вареной говядины в буфетной, - ответил Барни.

- Пошлите ее сюда, - сказал Сайкс, наливая

liquor.

'Send her here.'

Barney looked timidly at Fagin, as if for permission; the Jew remaining silent, and not lifting his eyes from the ground, he retired; and presently returned, ushering in Nancy; who was decorated with the bonnet, apron, basket, and street-door key, complete.

'You are on the scent, are you, Nancy?' inquired Sikes, proffering the glass.

'Yes, I am, Bill,' replied the young lady, disposing of its contents; 'and tired enough of it I am, too.'

The young brat's been ill and confined to the crib; and — '

'Ah, Nancy, dear!' said Fagin, looking up.

Now, whether a peculiar contraction of the Jew's red eye-brows, and a half closing of his deeply-set eyes, warned Miss Nancy that she was disposed to be too communicative, is not a matter of much importance.

The fact is all we need care for here; and the fact is, that she suddenly checked herself, and with several gracious smiles upon Mr. Sikes, turned the conversation to other matters.

In about ten minutes' time, Mr. Fagin was seized with a fit of coughing; upon which Nancy pulled her shawl over her shoulders, and declared it was time to go.

Mr. Sikes, finding that he was walking a short part of her way himself, expressed his intention of accompanying her; they went away together, followed, at a little distant, by the dog, who slunk out of a back-yard as soon as his master was out of sight.

The Jew thrust his head out of the room door when Sikes had left it; looked after him as we walked up the dark passage; shook his clenched fist; muttered a deep curse; and then, with a horrible grin, reseated himself at the table; where he was soon deeply absorbed in the interesting pages of the Hue-and-Cry.

водку в стакан.

- Пошлите ее сюда.

Барни робко глянул на Феджина, словно спрашивая разрешения; так как еврей молчал и не поднимал глаз, Барни вышел и вскоре вернулся с Нэнси, которая была в полном наряде - в чепце, переднике, с корзинкой и ключом.

- Напала на след, Нэнси? - спросил Сайкс, предлагая ей рюмку водки.

- Напала, Билл, - ответила молодая леди, осушив рюмку, - и здорово устала.

Мальчишка был болен, не вставал с постели и...

- Ах, Нэнси, милая! - сказал Феджин, подняв глаза.

Быть может, странно нахмурившиеся рыжие брови еврея и его полузакрытые глубоко запавшие глаза возвестили мисс Нэнси о том, что она расположена к излишней откровенности, но это не имеет большого значения.

В данном случае нам надлежит интересоваться только фактом. А факт тот, что мисс Нэнси вдруг оборвала свою речь и, даря любезные улыбки мистеру Сайксу, перевела разговор на другие темы.

Минут через десять у мистера Феджина начался приступ кашля; тогда Нэнси набросила на плечи шаль и объявила, что ей пора идти.

Мистер Сайкс, узнав, что часть дороги ему с ней по пути, изъявил желание сопровождать ее; они отправились вместе, а за ними на некотором расстоянии следовала собака, которая крадучись выбежала с заднего двора, как только удалился ее хозяин.

Сайкс вышел из комнаты, а еврей выглянул из двери и, посмотрев ему вслед, когда тот шел по темному коридору, погрозил кулаком, пробормотал какое-то проклятие, а затем с отвратительной усмешкой снова присел к столу и вскоре погрузился в чтение небезынтересной газеты "Лови! Держи!" *

Meanwhile, Oliver Twist, little dreaming that he was within so very short a distance of the merry old gentleman, was on his way to the book-stall.

When he got into Clerkenwell, he accidentally turned down a by-street which was not exactly in his way; but not discovering his mistake until he had got half-way down it, and knowing it must lead in the right direction, he did not think it worth while to turn back; and so marched on, as quickly as he could, with the books under his arm.

He was walking along, thinking how happy and contented he ought to feel; and how much he would give for only one look at poor little Dick, who, starved and beaten, might be weeping bitterly at that very moment; when he was startled by a young woman screaming out very loud.

'Oh, my dear brother!'

And he had hardly looked up, to see what the matter was, when he was stopped by having a pair of arms thrown tight round his neck.

'Don't,' cried Oliver, struggling.

'Let go of me.

Who is it?

What are you stopping me for?'

The only reply to this, was a great number of loud lamentations from the young woman who had embraced him; and who had a little basket and a street-door key in her hand.

'Oh my gracious!' said the young woman,

'I have found him!

Oh! Oliver! Oliver!

Oh you naughty boy, to make me suffer such distress on your account!

Come home, dear, come.

Oh, I've found him.

Thank gracious goodness heavins, I've found him!'

Тем временем Оливер Твист, не ведая того, что такое небольшое расстояние отделяет его от веселого старого джентльмена, направлялся к книжному ларьку.

Дойдя до Клеркенуэла, он по ошибке свернул в переулок, который мог бы и миновать; но он прошел уже полпути, когда обнаружил свою ошибку; зная, что и этот переулок приведет его к цели, он решил не возвращаться и быстро продолжал путь, держа под мышкой книги.

Он шел, размышляя о том, каким счастливым и довольным должен он себя чувствовать и как много дал бы он за то, чтобы хоть разок взглянуть на бедного маленького Дика, измученного голодом и побоями, который, быть может, в эту самую минуту горько плачет. Вдруг он вздрогнул, испуганный громким воплем какой-то молодой женщины:

"О милый мой братец!"

И не успел он осмотреться и понять, что случилось, как чьи-то руки крепко обхватили его за шею.

- Оставьте! - отбиваясь, крикнул Оливер.

- Пустите меня!

Кто это?

Зачем вы меня остановили?

Единственным ответом на это были громкие причитания обнимавшей его молодой женщины, которая держала в руке корзиночку и ключ от двери.

- Ах, боже мой! - кричала молодая женщина.

- Я нашла его!

Ох, Оливер!

Ах ты, дрянной мальчишка, заставил меня столько горя вынести из-за тебя.

Идем домой, дорогой мой, идем!

Ах, я нашла его!

Боже милостивый, благодарю тебя, я нашла его!

With these incoherent exclamations, the young woman burst into another fit of crying, and got so dreadfully hysterical, that a couple of women who came up at the moment asked a butcher's boy with a shiny head of hair anointed with suet, who was also looking on, whether he didn't think he had better run for the doctor.

To which, the butcher's boy: who appeared of a lounging, not to say indolent disposition: replied, that he thought not.

'Oh, no, no, never mind,' said the young woman, grasping Oliver's hand;

'I'm better now.

Come home directly, you cruel boy!

Come!'

'Oh, ma'am,' replied the young woman, 'he ran away, near a month ago, from his parents, who are hard-working and respectable people; and went and joined a set of thieves and bad characters; and almost broke his mother's heart.'

'Young wretch!' said one woman.

'Go home, do, you little brute,' said the other.

'I am not,' replied Oliver, greatly alarmed.

'I don't know her.

I haven't any sister, or father and mother either.

I'm an orphan; I live at Pentonville.'

'Only hear him, how he braves it out!' cried the young woman.

'Why, it's Nancy!' exclaimed Oliver; who now saw her face for the first time; and started back, in irrepressible astonishment.

'You see he knows me!' cried Nancy, appealing to the bystanders.

'He can't help himself.

После этих бессвязных восклицаний молодая особа снова разразилась рыданиями и пришла в такое истерическое состояние, что две подошедшие в это время женщины спросили служившего в мясной лавке мальчика с лоснящимися волосами, смазанными говяжьим салом, не считает ли он нужным сбегать за доктором.

На это мальчик из мясной лавки, который, по-видимому, был расположен к отдыху, чтобы не сказать - к лени, ответил, что он этого не считает.

- Ах, не обращайтесь внимания! - сказала молодая женщина, сжимая руку Оливера.

- Мне теперь лучше.

Сейчас же пойдем домой, бессердечный мальчишка!

Идем!

- Что случилось, сударыня? - спросила одна из женщин. - Ах, сударыня! - воскликнула молодая женщина. - Около месяца назад он убежал от своих родителей, работающих, почтенных людей, связался с шайкой воров и негодяев и разбил сердце своей матери.

- Ну и дрянной мальчишка! - сказала первая.

- Ступай домой, звереныш! - подхватила другая.

- Нет, нет! - воскликнул Оливер в страшной тревоге.

- Я ее не знаю!

У меня нет сестры, нет ни отца, ни матери.

Я сирота. Я живу в Пентонвиле.

- Вы только послушайте, как он храбро ото всех отрекается! - вскричала молодая женщина.

- Как, да ведь это Нэнси! - воскликнул Оливер, который только что увидел ее лицо, и в изумлении отшатнулся.

- Видите, он меня знает! - крикнула Нэнси, взывая к присутствующим.

- Тут уж он не может отвертеться.

Make him come home, there's good people, or he'll kill his dear mother and father, and break my heart!'

'What the devil's this?' said a man, bursting out of a beer-shop, with a white dog at his heels; 'young Oliver!

Come home to your poor mother, you young dog!

Come home directly.'

'I don't belong to them.

I don't know them.

Help! help!' cried Oliver, struggling in the man's powerful grasp.

'Help!' repeated the man.

'Yes; I'll help you, you young rascal!

What books are these?

You've been a stealing 'em, have you?

Give 'em here.'

With these words, the man tore the volumes from his grasp, and struck him on the head.

'That's right!' cried a looker-on, from a garret-window.

'That's the only way of bringing him to his senses!'

'To be sure!' cried a sleepy-faced carpenter, casting an approving look at the garret-window.

'It'll do him good!' said the two women.

'And he shall have it, too!' rejoined the man, administering another blow, and seizing Oliver by the collar.

'Come on, you young villain!

Here, Bull's-eye, mind him, boy!

Mind him!'

Weak with recent illness; stupified by the blows and the suddenness of the attack; terrified by the

Помилосердствуйте, заставьте его вернуться домой, а то он убьет свою добрую мать и отца и разобьет мне сердце!

- Черт побери, что тут такое? - крикнул, выбежав из пивной, какой-то человек, за которым следовала по пятам белая собака. - Маленький Оливер!

Щенок, иди к своей бедной матери!

Немедленно отправляйся домой!

- Они мне не родня!

Я их не знаю!

Помогите! Помогите! - крикнул Оливер, вырываясь из могучих рук этого человека.

- Помогите? - повторил человек.

- Да, я тебе помогу, маленький мошенник!

Что это за книги?

Ты их украл?

Дай-ка их сюда!

С этими словами он вырвал у мальчика из рук книги и ударил его ими по голове.

- Правильно! - крикнул из окна на чердаке какой-то ротозей.

- Только таким путем и можно его образумить.

- Совершенно верно? - отозвался плотник с заспанным лицом, бросив одобрителный взгляд на чердачное окно.

- Это пойдет ему на пользу! - решили обе женщины.

- Да, польза ему от этого будет! - подхватил человек, снова нанеся удар и хватая Оливера за шиворот.

- Ступай, мерзавец!..

Эй, Фонарик, сюда! Запомни его!

Запомни!

Ослабевший после недавно перенесенной болезни, ошеломленный ударами и внезапным

fierce growling of the dog, and the brutality of the man; overpowered by the conviction of the bystanders that he really was the hardened little wretch he was described to be; what could one poor child do!

Darkness had set in; it was a low neighborhood; no help was near; resistance was useless.

In another moment he was dragged into a labyrinth of dark narrow courts, and was forced along them at a pace which rendered the few cries he dared to give utterance to, unintelligible.

It was of little moment, indeed, whether they were intelligible or no; for there was nobody to care for them, had they been ever so plain.

The gas-lamps were lighted; Mrs. Bedwin was waiting anxiously at the open door; the servant had run up the street twenty times to see if there were any traces of Oliver; and still the two old gentlemen sat, perseveringly, in the dark parlour, with the watch between them.

CHAPTER XVI — RELATES WHAT BECAME OF OLIVER TWIST, AFTER HE HAD BEEN CLAIMED BY NANCY

The narrow streets and courts, at length, terminated in a large open space; scattered about which, were pens for beasts, and other indications of a cattle-market.

Sikes slackened his pace when they reached this spot: the girl being quite unable to support any longer, the rapid rate at which they had hitherto walked.

Turning to Oliver, he roughly commanded him to take hold of Nancy's hand.

'Do you hear?' growled Sikes, as Oliver hesitated, and looked round.

They were in a dark corner, quite out of the track of passengers.

Oliver saw, but too plainly, that resistance would be of no avail.

нападением, уstraшенный грозным рычанием собаки и зверским обращением человека, угнетенный тем, что присутствующие убеждены, будто он и в самом деле закоснелый маленький негодяй, каким его изобразили, - что он мог сделать, бедный ребенок?

Спустились сумерки; в этих краях жил темный люд; не было поблизости никого, кто бы мог помочь. Соппротивление было бесполезно.

Минуту спустя его увлекли в лабиринт темных узких дворов, а если он и осмеливался изредка кричать, его заставляли идти так быстро, что слов нельзя было разобрать.

В сущности какое имело значение, можно ли их разобрать, раз не было никого, кто обратил бы на них внимание, даже если бы они звучали внятно?

Зажгли свет; миссис Бэдуин в тревоге ждала у открытой двери; служанка раз двадцать выбегала на улицу посмотреть, не видно ли Оливера. А два старых джентльмена по-прежнему сидели в темной гостиной и между ними лежали часы.

ГЛАВА XVI — повествует о том, что случилось с Оливером Твистом после того, как на него предъявила права Нэнси

Узкие улицы и дворы вывели, наконец, к широкой открытой площади, где расположены были загоны и все, что необходимо для торговли рогатым скотом.

Дойдя до этого места. Сайкс замедлил шаги: девушка больше не в силах была идти так быстро.

Повернувшись к Оливеру, он грубо приказал ему взять за руку Нэнси.

- Ты что, не слышишь? - заворчал Сайкс, так как Оливер мешкал и озибался вокруг.

Они находились в темном закоулке, в стороне от людных улиц.

Оливер прекрасно понимал, что сопротивление ни к чему не приведет.

He held out his hand, which Nancy clasped tight in hers.

'Give me the other,' said Sikes, seizing Oliver's unoccupied hand.

'Here, Bull's-Eye!'

The dog looked up, and growled.

'See here, boy!' said Sikes, putting his other hand to Oliver's throat; 'if he speaks ever so soft a word, hold him!'

D'ye mind!'

The dog growled again; and licking his lips, eyed Oliver as if he were anxious to attach himself to his windpipe without delay.

'He's as willing as a Christian, strike me blind if he isn't!' said Sikes, regarding the animal with a kind of grim and ferocious approval.

'Now, you know what you've got to expect, master, so call away as quick as you like; the dog will soon stop that game.

Get on, young'un!'

Bull's-eye wagged his tail in acknowledgment of this unusually endearing form of speech; and, giving vent to another admonitory growl for the benefit of Oliver, led the way onward.

It was Smithfield that they were crossing, although it might have been Grosvenor Square, for anything Oliver knew to the contrary.

The night was dark and foggy.

The lights in the shops could scarcely struggle through the heavy mist, which thickened every moment and shrouded the streets and houses in gloom; rendering the strange place still stranger in Oliver's eyes; and making his uncertainty the more dismal and depressing.

They had hurried on a few paces, when a deep church-bell struck the hour.

With its first stroke, his two conductors stopped, and turned their heads in the direction whence the

Он протянул руку, которую Нэнси крепко сжала в своей.

- Другую руку дай мне, - сказал Сайкс, завладев свободной рукой Оливера.

- Сюда, Фонарик!

Собака подняла голову и зарычала.

- Смотри! - сказал он, другой рукой касаясь шеи Оливера. - Если он промолвит хоть словечко, хватай его!

Помни это!

Собака снова зарычала и, облизываясь, посмотрела на Оливера так, словно ей не терпелось вцепиться ему в горло.

- Пес его схватит не хуже, чем любой христианин, лопни мои глаза, если это не так!.. - сказал Сайкс, с каким-то мрачным и злобным одобрением посматривая на животное.

- Теперь, мистер, вам известно, что вас ожидает, а значит, можете кричать сколько угодно: собака скоро положит конец этой забаве...

Ступай вперед, песик!

Фонарик завилял хвостом в благодарность за это непривычно ласковое обращение, еще раз, в виде предупреждения, зарычал на Оливера и побежал вперед.

Они пересекли Смитфилд, но Оливер все равно не узнал бы дороги, даже если бы они шли через Гровенор-сквер.

Вечер был темный и туманный.

Огни в лавках едва мерцали сквозь тяжелую завесу тумана, который с каждой минутой сгущался, окутывая мглой улицы и дома, и незнакомые места казались Оливеру еще более незнакомыми, а его растерянность становилась еще более гнетущей и безнадежной.

Они сделали еще несколько шагов, когда раздался глухой бой церковных часов.

При - первом же ударе оба спутника Оливера остановились и повернулись в ту сторону,

sound proceeded.

'Eight o' clock, Bill,' said Nancy, when the bell ceased.

'What's the good of telling me that; I can hear it, can't I!' replied Sikes.

'I wonder whether THEY can hear it,' said Nancy.

'Of course they can,' replied Sikes.

'It was Bartlemy time when I was shopped; and there warn't a penny trumpet in the fair, as I couldn't hear the squeaking on.

Arter I was locked up for the night, the row and din outside made the thundering old jail so silent, that I could almost have beat my brains out against the iron plates of the door.'

'Poor fellow!' said Nancy, who still had her face turned towards the quarter in which the bell had sounded.

'Oh, Bill, such fine young chaps as them!'

'Yes; that's all you women think of,' answered Sikes.

'Fine young chaps!'

Well, they're as good as dead, so it don't much matter.'

With this consolation, Mr. Sikes appeared to repress a rising tendency to jealousy, and, clasping Oliver's wrist more firmly, told him to step out again.

'Wait a minute!' said the girl:

'I wouldn't hurry by, if it was you that was coming out to be hung, the next time eight o'clock struck, Bill.

I'd walk round and round the place till I dropped, if the snow was on the ground, and I hadn't a shawl to cover me.'

'And what good would that do?' inquired the unsentimental Mr. Sikes.

'Unless you could pitch over a file and twenty yards of good stout rope, you might as well be

откуда доносились звуки.

- Восемь часов, Билл, - сказала Нэнси, когда замер бой.

- Что толку говорить? Разве я сам не слышу? - отозвался Сайкс.

- Хотела бы я знать, слышат ли о_н_и? - произнесла Нэнси.

- Конечно, слышат, - ответил Сайкс.

- Меня сцапали в Варфоломеев день *, и не было на ярмарке такой грошовой трубы, писка которой я бы не расслышал.

От шума и грохота снаружи тишина в проклятой старой тюрьме была такая, что я чуть было не размозжил себе голову о железную дверь.

- Бедные! - сказала Нэнси, которая все еще смотрела в ту сторону, где били часы.

- Ах, Билл, такие славные молодые парни!

- Да, вам, женщинам, только об этом и думать, - отозвался Сайкс.

- Славные молодые парни!

Сейчас они все равно что мертвецы. Значит, не чем и толковать.

Произнеся эти утешительные слова, мистер Сайкс, казалось, заглушил проснувшуюся ревность и, крепче сжав руку Оливера, приказал ему идти дальше.

- Подожди минутку! - воскликнула девушка.

- Я бы не стала спешить, если бы это тебе, Билл, предстояло болтаться на виселице, когда в следующий раз пробьет восемь часов.

Я бы ходила вокруг да около того места, пока бы не свалилась, даже если бы на земле лежал снег, а у меня не было шали, чтобы прикрыться.

- А какой был бы от этого толк? - спросил чуждый сентиментальности мистер Сайкс.

- Раз ты не можешь передать напильник и двадцать ярдов прочной веревки, то бродила бы ты за пятьдесят миль или стояла бы на месте,

walking fifty mile off, or not walking at all, for all the good it would do me.

Come on, and don't stand preaching there.'

The girl burst into a laugh; drew her shawl more closely round her; and they walked away.

But Oliver felt her hand tremble, and, looking up in her face as they passed a gas-lamp, saw that it had turned a deadly white.

They walked on, by little-frequented and dirty ways, for a full half-hour: meeting very few people, and those appearing from their looks to hold much the same position in society as Mr. Sikes himself.

At length they turned into a very filthy narrow street, nearly full of old-clothes shops; the dog running forward, as if conscious that there was no further occasion for his keeping on guard, stopped before the door of a shop that was closed and apparently untenanted; the house was in a ruinous condition, and on the door was nailed a board, intimating that it was to let: which looked as if it had hung there for many years.

'All right,' cried Sikes, glancing cautiously about.

Nancy stooped below the shutters, and Oliver heard the sound of a bell.

They crossed to the opposite side of the street, and stood for a few moments under a lamp.

A noise, as if a sash window were gently raised, was heard; and soon afterwards the door softly opened.

Mr. Sikes then seized the terrified boy by the collar with very little ceremony; and all three were quickly inside the house.

The passage was perfectly dark.

They waited, while the person who had let them in, chained and barred the door.

'Anybody here?' inquired Sikes.

'No,' replied a voice, which Oliver thought he had heard before.

все равно никакой пользы мне это не принесло бы.

Идем, нечего стоять здесь и читать проповеди!

Девушка расхохоталась, запахнула шаль, и они пошли дальше.

Но Оливер почувствовал, как дрожит ее рука, а когда они проходили мимо газового фонаря, он заглянул ей в лицо и увидел, что оно стало мертвенно бледным.

Не меньше получаса они шли глухими и грязными улицами, встречая редких прохожих, да и те занимали, судя по их виду, такое же положение в обществе, как и мистер Сайкс.

Наконец, они вышли на очень узкую, грязную улицу, почти сплошь занятую лавками старьевщиков; собака бежала впереди, словно понимая, что больше не понадобится ей быть начеку, и остановилась у дверей лавки, запертой и, по-видимому, пустой. Дом полуразвалился, и к двери была прибита табличка, что он сдается внаем; казалось, она висит здесь уже много лет.

- Все в порядке! - крикнул Сайкс, осторожно посматривая вокруг.

Нэнси наклонилась к ставням, и Оливер услышал звон колокольчика.

Они перешли на другую сторону улицы и несколько минут стояли под фонарем.

Послышался шум, словно кто-то осторожно поднимал оконную раму; а вскоре после этого потихоньку открыли дверь.

Затем мистер Сайкс без всяких церемоний схватил испуганного мальчика за шиворот, и все трое быстро вошли в дом.

В коридоре было совсем темно.

Они ждали, пока человек, впустивший их, запирает дверь на засов и цепочку.

- Кто-нибудь есть? - спросил Сайкс.

- Никого, - ответил голос. Оливеру показалось, что он его слышал раньше.

'Is the old 'un here?' asked the robber.

'Yes,' replied the voice, 'and precious down in the mouth he has been.

Won't he be glad to see you?

Oh, no!'

The style of this reply, as well as the voice which delivered it, seemed familiar to Oliver's ears: but it was impossible to distinguish even the form of the speaker in the darkness.

'Let's have a glim,' said Sikes, 'or we shall go breaking our necks, or treading on the dog.

Look after your legs if you do!'

'Stand still a moment, and I'll get you one,' replied the voice.

The receding footsteps of the speaker were heard; and, in another minute, the form of Mr. John Dawkins, otherwise the Artful Dodger, appeared.

He bore in his right hand a tallow candle stuck in the end of a cleft stick.

The young gentleman did not stop to bestow any other mark of recognition upon Oliver than a humorous grin; but, turning away, beckoned the visitors to follow him down a flight of stairs.

They crossed an empty kitchen; and, opening the door of a low earthy-smelling room, which seemed to have been built in a small back-yard, were received with a shout of laughter.

'Oh, my wig, my wig!' cried Master Charles Bates, from whose lungs the laughter had proceeded: 'here he is! oh, cry, here he is!

Oh, Fagin, look at him!

Fagin, do look at him!

I can't bear it; it is such a jolly game, I can't bear it.

Hold me, somebody, while I laugh it out.'

With this irrepressible ebullition of mirth, Master Bates laid himself flat on the floor: and kicked

- А старик здесь? - спросил грабитель.

- Здесь, - отозвался голос. - Он здорово струхнул.

Вы думаете, он вам не обрадуется?

Как бы не так!

Форма ответа, как и голос говорившего, показались Оливеру знакомыми, но в темноте невозможно было разглядеть даже фигуру говорившего.

- Посвети, - сказал Сайкс, - не то мы свернем себе шею или наступим на собаку.

Береги ноги, - если тебе случится на нее наступить.

- Подождите минутку, я вам посвечу, - отозвался голос.

Послышались удаляющиеся шаги, и минуту спустя появился мистер Джек Даукинс, иначе - Ловкий Плут.

В правой руке у него была сальная свеча, вставленная в расщепленный конец палки.

Молодой джентльмен ограничился насмешливой улыбкой в знак того, что узнал Оливера, и, повернувшись, предложил посетителям спуститься вслед за ним по лестнице.

Они прошли через пустую кухню и, войдя в низкую комнату, где пахло землей, были встречены взрывом смеха.

- Ох, не могу, не могу! - завопил юный Чарльз Бейтс, заливаясь во все горло. - Вот он! Ох, вот и он!

Ах, Феджин, посмотрите на него.

Да посмотрите же на него, Феджин!

У меня сил больше нет. Вот так потеха!

Эй, кто-нибудь подержите меня, пока я нахохочусь вволю!

В порыве неудержимой веселости юный Бейтс повалился на пол и в течение пяти минут

convulsively for five minutes, in an ecstasy of facetious joy.

Then jumping to his feet, he snatched the cleft stick from the Dodger; and, advancing to Oliver, viewed him round and round; while the Jew, taking off his nightcap, made a great number of low bows to the bewildered boy.

The Artful, meantime, who was of a rather saturnine disposition, and seldom gave way to merriment when it interfered with business, rifled Oliver's pockets with steady assiduity.

'Look at his togs, Fagin!' said Charley, putting the light so close to his new jacket as nearly to set him on fire.

'Look at his togs!

Superfine cloth, and the heavy swell cut!

Oh, my eye, what a game!

And his books, too!

Nothing but a gentleman, Fagin!'

'Delighted to see you looking so well, my dear,' said the Jew, bowing with mock humility.

'The Artful shall give you another suit, my dear, for fear you should spoil that Sunday one.

Why didn't you write, my dear, and say you were coming?

We'd have got something warm for supper.'

At his, Master Bates roared again: so loud, that Fagin himself relaxed, and even the Dodger smiled; but as the Artful drew forth the five-pound note at that instant, it is doubtful whether the sally of the discovery awakened his merriment.

'Hallo, what's that?' inquired Sikes, stepping forward as the Jew seized the note.

'That's mine, Fagin.'

'No, no, my dear,' said the Jew.

судорожно дрыгал ногами, выражая этим свой восторг.

Затем, вскочив, он выхватил из рук Плути палку со свечой и, подойдя к Оливеру, принялся осматривать его со всех сторон, в то время как еврей, сняв ночной колпак, отвешивал низкие поклоны перед ошеломленным мальчиком.

Между тем Плут, отличавшийся довольно мрачным нравом и редко позволявший себе веселиться, если это мешало делу, с великим прилежанием обшаривал карманы Оливера.

- Посмотрите на его костюм, Феджин! - сказал Чарли, так близко поднося свечу к новой курточке Оливера, что чуть было ее не подпалил.

- Посмотрите на его костюм!

Тончайшее сукно и самый щегольской покрой!

Вот так потеха!

Да еще книги в придачу!

Да он настоящий джентльмен, Феджин!

- Очень рад видеть тебя таким молодцом, мой милый - сказал еврей, с притворным смирением отвешивая поклон.

- Плут даст тебе другой костюм, мой милый, чтобы ты не запачкал своего воскресного платья.

Почему, же ты нам не написал, мой милый, и не предупредил о своем приходе!

Мы бы тебе приготовили что-нибудь горячее на ужин.

Тут юный Бейтс снова захохотал так громко, что сам Феджин развеселился, и даже Плут улыбнулся, но так как в этот момент Плут извлек пятифунтовый билет, то трудно сказать, чем вызвана была его улыбка - шуткой или находкой.

- Эй, это еще что такое? - спросил Сайкс, шагнув вперед, когда еврей схватил билет.

- Это моя добыча, Феджин.

- Нет, нет, мой милый! - воскликнул еврей.

'Mine, Bill, mine.

You shall have the books.'

'If that ain't mine!' said Bill Sikes, putting on his hat with a determined air; 'mine and Nancy's that is; I'll take the boy back again.'

The Jew started.

Oliver started too, though from a very different cause; for he hoped that the dispute might really end in his being taken back.

'Come!

Hand over, will you?' said Sikes.

'This is hardly fair, Bill; hardly fair, is it, Nancy?' inquired the Jew.

'Fair, or not fair,' retorted Sikes, 'hand over, I tell you!

Do you think Nancy and me has got nothing else to do with our precious time but to spend it in scouting arter, and kidnapping, every young boy as gets grabbed through you?

Give it here, you avaricious old skeleton, give it here!'

With this gentle remonstrance, Mr. Sikes plucked the note from between the Jew's finger and thumb; and looking the old man coolly in the face, folded it up small, and tied it in his neckerchief.

'That's for our share of the trouble,' said Sikes; 'and not half enough, neither.

You may keep the books, if you're fond of reading.

If you ain't, sell 'em.'

'They're very pretty,' said Charley Bates: who, with sundry grimaces, had been affecting to read one of the volumes in question; 'beautiful writing, isn't it, Oliver?'

At sight of the dismayed look with which Oliver regarded his tormentors, Master Bates, who was blessed with a lively sense of the ludicrous, fell

- Это моя, Билл, моя.

Вы получите книги.

- Как бы не так! - сказал Билл Сайкс, с решительным видом надевая шляпу. - Это принадлежит мне и Нэнси, а не то я отведу мальчишку обратно.

Еврей вздрогнул.

Вздрогнул и Оливер, но совсем по другой причине: у него появилась надежда, что его отведут обратно.

- Отдайте!

Слышите! - сказал Сайкс.

- Это несправедливо, Билл. Ведь правда же, Нэнси? - спросил еврей.

- Справедливо или несправедливо, - возразил Сайкс, - говорят вам, отдайте.

Неужели вы думаете, что нам с Нэнси только и дела, что рыскать по улицам и похищать мальчишек, которых сцапали по вашей вине?

Отдай деньги, скупой, старый скелет! Слышишь!

После такого увещания мистер Сайкс выхватил билет, зажатый между большим и указательным пальцами еврея, и, хладнокровно глядя в лицо старику, старательно сложил билет и завязал в свой платок.

- Это нам за труды, - сказал Сайкс, - а следовало бы вдвое больше.

Книги можете оставить себе, если вы любитель чтения.

Или продайте их.

- Какие они красивые! - сказал Чарли Бейтс, корча гримасы и делая вид, будто читает одну из книг. - Интересное чтение, правда, Оливер?

Видя, с какой тоской Оливер смотрит на своих мучителей, юный Бейтс, наделенный способностью подмечать во всем смешную сторону, пришел в еще более исступленный

into another ecstasy, more boisterous than the first.

'They belong to the old gentleman,' said Oliver, wringing his hands; 'to the good, kind, old gentleman who took me into his house, and had me nursed, when I was near dying of the fever.'

Oh, pray send them back; send him back the books and money.

Keep me here all my life long; but pray, pray send them back.

He'll think I stole them; the old lady: all of them who were so kind to me: will think I stole them.

Oh, do have mercy upon me, and send them back!'

With these words, which were uttered with all the energy of passionate grief, Oliver fell upon his knees at the Jew's feet; and beat his hands together, in perfect desperation.

'The boy's right,' remarked Fagin, looking covertly round, and knitting his shaggy eyebrows into a hard knot.

'You're right, Oliver, you're right; they WILL think you have stolen 'em.

Ha! ha!' chuckled the Jew, rubbing his hands, 'it couldn't have happened better, if we had chosen our time!'

'Of course it couldn't,' replied Sikes;

'I know'd that, directly I see him coming through Clerkenwell, with the books under his arm.

It's all right enough.

They're soft-hearted psalm-singers, or they wouldn't have taken him in at all; and they'll ask no questions after him, fear they should be obliged to prosecute, and so get him lagged.

He's safe enough.'

Oliver had looked from one to the other, while these words were being spoken, as if he were bewildered, and could scarcely understand what

восторг.

- Это книги старого джентльмена! - ломая руки, воскликнул Оливер. - Доброго, славного старого джентльмена, который приютил меня и ухаживал за мной, когда я чуть не умер от горячки!

О, прошу вас, отошлите их назад, отошлите ему книги и деньги!

Держите меня здесь до конца жизни, но отошлите их назад.

Он подумает, что я их украл. И старая леди и все, кто был так добр ко мне, подумают, что я их украл!

О, сжальтесь надо мной, отошлите их!

Произнеся эти слова с безграничной тоской, Оливер упал на колени к ногам еврея и в полном отчаянии ломал руки.

- Мальчик прав, - заметил Феджин, украдкой осмотревшись вокруг и сдвинув косматые брови.

- Ты прав, Оливер, ты прав: они, конечно, подумают, что ты их украл.

Ха-ха! - усмехнулся еврей, потирая руки. - Большой удачи быть не могло, как бы мы ни старались.

- Конечно, не могло, - отозвался Сайкс.

- Я это понял, как только увидел его в Клеркенуэле с книгами под мышкой.

Все в порядке.

Эти люди - мягкосердечные святоши, иначе они не взяли бы его к себе в дом. И они не будут наводить о нем справки, опасаясь, как бы не пришлось обратиться в суд, а стало быть, отправить его на каторгу.

Сейчас он в безопасности.

Пока шел этот разговор, Оливер переводил взгляд с одного на другого, словно хорошенько не мог понять, что происходит; но когда Билл Сайкс умолк, он вдруг вскочил и вне себя

passed; but when Bill Sikes concluded, he jumped suddenly to his feet, and tore wildly from the room: uttering shrieks for help, which made the bare old house echo to the roof.

'Keep back the dog, Bill!' cried Nancy, springing before the door, and closing it, as the Jew and his two pupils darted out in pursuit.

'Keep back the dog; he'll tear the boy to pieces.'

'Serve him right!' cried Sikes, struggling to disengage himself from the girl's grasp.

'Stand off from me, or I'll split your head against the wall.'

'I don't care for that, Bill, I don't care for that,' screamed the girl, struggling violently with the man, 'the child shan't be torn down by the dog, unless you kill me first.'

'Shan't he!' said Sikes, setting his teeth.

'I'll soon do that, if you don't keep off.'

The housebreaker flung the girl from him to the further end of the room, just as the Jew and the two boys returned, dragging Oliver among them.

'What's the matter here!' said Fagin, looking round.

'The girl's gone mad, I think,' replied Sikes, savagely.

'No, she hasn't,' said Nancy, pale and breathless from the scuffle; 'no, she hasn't, Fagin; don't think it.'

'Then keep quiet, will you?' said the Jew, with a threatening look.

'No, I won't do that, neither,' replied Nancy, speaking very loud.

'Come! What do you think of that?'

Mr. Fagin was sufficiently well acquainted with the manners and customs of that particular species of humanity to which Nancy belonged, to feel tolerably certain that it would be rather

бросился вон из комнаты, испуская пронзительные вопли, призывающие на помощь и гулко разносившиеся по пустынному старому дому.

- Придержи собаку, Билл! - крикнула Нэнси, рванувшись к двери и захлопнув ее, когда еврей и его два питомца бросились в погоню.

- Придержи собаку. Она разорвет мальчика в клочья!

- Поделом ему! - крикнул Сайкс, стараясь вырваться из рук девушки.

- Убирайся, иначе я размозжу тебе голову об стену!

- Мне все равно, Билл, все равно! - завопила девушка, изо всех сил вцепившись в мужчину. - Эта собака не растерзает ребенка, разве что ты раньше убьешь меня!

- Не растерзает! - стиснув зубы, произнес Сайкс.

- Скорее я это сделаю, если ты не отстанешь!

Грабитель отшвырнул от себя девушку в другой конец комнаты, и как раз в этот момент вернулся еврей с двумя мальчиками, волоча за собой Оливера.

- Что случилось? - спросил Феджин, озираясь вокруг.

- Похоже на то, что девчонка с ума спятила, - с бешенством ответил Сайкс.

- Нет, она не спятила с ума, - сказала Нэнси, бледная, задыхающаяся после борьбы. - Нет, она не спятила с ума, Феджин, не думайте!

- Ну, так успокойся, слышишь? - сказал еврей, бросая на нее грозный взгляд.

- Нет, я этого не сделаю, - возразила Нэнси, повысив голос.

- Ну, что вы на это скажете?

Мистер Феджин был в достаточной мере знаком с нравами и обычаями тех людей, к породе которых принадлежала Нэнси, и знал, что поддерживать с нею разговор сейчас не совсем

unsafe to prolong any conversation with her, at present.

With the view of diverting the attention of the company, he turned to Oliver.

'So you wanted to get away, my dear, did you?' said the Jew, taking up a jagged and knotted club which lay in a corner of the fireplace; 'eh?'

Oliver made no reply.

But he watched the Jew's motions, and breathed quickly.

'Wanted to get assistance; called for the police; did you?' sneered the Jew, catching the boy by the arm.

'We'll cure you of that, my young master.'

The Jew inflicted a smart blow on Oliver's shoulders with the club; and was raising it for a second, when the girl, rushing forward, wrested it from his hand.

She flung it into the fire, with a force that brought some of the glowing coals whirling out into the room.

'I won't stand by and see it done, Fagin,' cried the girl.

'You've got the boy, and what more would you have? — Let him be — let him be — or I shall put that mark on some of you, that will bring me to the gallows before my time.'

The girl stamped her foot violently on the floor as she vented this threat; and with her lips compressed, and her hands clenched, looked alternately at the Jew and the other robber: her face quite colourless from the passion of rage into which she had gradually worked herself.

'Why, Nancy!' said the Jew, in a soothing tone; after a pause, during which he and Mr. Sikes had stared at one another in a disconcerted manner; 'you, — you're more clever than ever to-night.'

Ha! ha! my dear, you are acting beautifully.'

'Am I!' said the girl.

безопасно.

С целью отвлечь внимание присутствующих, он повернулся к Оливеру.

- Значит, ты хотел улизнуть, мой милый, не так ли? - сказал еврей, беря сучковатую дубинку, лежавшую у очага. - Не так ли?

Оливер ничего не ответил.

Он следил за каждым движением еврея и порывисто дышал.

- Хотел позвать на помощь, звал полицию, да? - насмехался еврей, хватая мальчика за руку.

- Мы тебя от этого излечим, молодой джентльмен!

Еврей больно ударил Оливера дубинкой по спине и замахнулся снова, но девушка, рванувшись вперед, выхватила ее.

Она швырнула дубинку в огонь с такой силой, что раскаленные угли посыпались на пол.

- Не желаю я стоять и смотреть на это, Феджин! - крикнула девушка.

- Мальчик у вас, чего же вам еще нужно? Не троньте его, не троньте, не то я припечатаю кого-нибудь из вас так, что попаду на виселицу раньше времени.

Произнося эту угрозу, девушка неистово топнула ногой и, сжав губы, стиснув кулаки, перевела взгляд с еврея на другого грабителя; лицо ее стало мертвенно бледным от бешенства, до которого она постепенно довела себя.

- Ах, Нэнси! - умиротворяющим тоном сказал еврей, переглянувшись в смущении с мистером Сайксом. - Сегодня ты смышленнее, чем когда бы то ни было.

Ха-ха! Милая моя, ты прекрасно разыгрываешь свою роль.

- Вот как! - сказала девушка.

'Take care I don't overdo it.

You will be the worse for it, Fagin, if I do; and so I tell you in good time to keep clear of me.'

There is something about a roused woman: especially if she add to all her other strong passions, the fierce impulses of recklessness and despair; which few men like to provoke.

The Jew saw that it would be hopeless to affect any further mistake regarding the reality of Miss Nancy's rage; and, shrinking involuntarily back a few paces, cast a glance, half imploring and half cowardly, at Sikes: as if to hint that he was the fittest person to pursue the dialogue.

Mr. Sikes, thus mutely appealed to; and possibly feeling his personal pride and influence interested in the immediate reduction of Miss Nancy to reason; gave utterance to about a couple of score of curses and threats, the rapid production of which reflected great credit on the fertility of his invention.

As they produced no visible effect on the object against whom they were discharged, however, he resorted to more tangible arguments.

'What do you mean by this?' said Sikes; backing the inquiry with a very common imprecation concerning the most beautiful of human features: which, if it were heard above, only once out of every fifty thousand times that it is uttered below, would render blindness as common a disorder as measles: 'what do you mean by it?

Burn my body!

Do you know who you are, and what you are?'

'Oh, yes, I know all about it,' replied the girl, laughing hysterically; and shaking her head from side to side, with a poor assumption of indifference.

'Well, then, keep quiet,' rejoined Sikes, with a growl like that he was accustomed to use when addressing his dog, 'or I'll quiet you for a good long time to come.'

- Берегитесь, как бы я не переиграла.

Вам только хуже будет, если это случится, Феджин, и я вас заранее предупреждаю, чтобы вы держались от меня подальше.

В женщине взбешенной, в особенности если к другим ее неукротимым страстям присоединяются безрассудство и отчаяние, есть нечто такое, с чем мало кто из мужчин захотел бы столкнуться.

Еврей понял, что безнадежно притворяться, будто он не верит в ярость Нэнси, и, невольно попятившись, бросил умоляющий и трусливый взгляд на Сайкса, как бы говоря, что теперь тому надлежит продолжать диалог.

Мистер Сайкс, угадав эту немую мольбу и чувствуя, быть может, что гордость его и авторитет могут пострадать, если он сразу же не образумит мисс Нэнси, изрыгнул несколько десятков проклятий и угроз, быстрое извержение которых делало честь его изобретательности.

Но так как они не произвели никакого впечатления на ту, против которой были направлены, он прибег к более веским аргументам.

- Это еще что значит? - сказал Сайкс, подкрепляя свой вопрос весьма распространенным проклятьем, обращенным к прекраснейшему украшению человеческого лица; если бы этому проклятью внимали наверху хотя бы один раз на пятьдесят тысяч, когда оно произносится, слепота сделалась бы такой же обыкновенной болезнью, как корь. - Это еще что значит?

Провалиться мне в пекло!

Да знаешь ли ты, кто ты и что ты?

- Да, все это я знаю, - ответила девушка, истерически смеясь, покачивая головой и тщетно притворяясь равнодушной.

- А если так, то перестань шуметь, - сказал Сайкс тем ворчливым голосом, которым привык говорить, обращаясь к своей собаке, - а не то я тебя утихомирю на долгие времена.

The girl laughed again: even less composedly than before; and, darting a hasty look at Sikes, turned her face aside, and bit her lip till the blood came.

'You're a nice one,' added Sikes, as he surveyed her with a contemptuous air, 'to take up the humane and gen — teel side!

A pretty subject for the child, as you call him, to make a friend of!'

'God Almighty help me, I am!' cried the girl passionately; 'and I wish I had been struck dead in the street, or had changed places with them we passed so near to-night, before I had lent a hand in bringing him here.

He's a thief, a liar, a devil, all that's bad, from this night forth.

Isn't that enough for the old wretch, without blows?'

'Come, come, Sikes,' said the Jew appealing to him in a remonstratory tone, and motioning towards the boys, who were eagerly attentive to all that passed; 'we must have civil words; civil words, Bill.'

'Civil words!' cried the girl, whose passion was frightful to see.

'Civil words, you villain!

Yes, you deserve 'em from me.

I thieved for you when I was a child not half as old as this!' pointing to Oliver.

'I have been in the same trade, and in the same service, for twelve years since.

Don't you know it?

Speak out!

Don't you know it?'

'Well, well,' replied the Jew, with an attempt at pacification; 'and, if you have, it's your living!'

Девушка засмеялась еще более истерическим смехом и, бросив быстрый взгляд на Сайкса, отвернулась и прикусила губу так, что выступила кровь.

- Нечего сказать, молодчина! - добавил Сайкс, окидывая ее презрительным взглядом. - Как раз тебе-то и подобает стать на сторону человеколюбцев и людей благородных.

Самая подходящая особа для того, чтобы ребенок, как ты его называешь, подружился с тобой!

- Это правда, да поможет мне всемогущий бог! - с жаром воскликнула девушка. - И лучше бы я упала замертво на улице или поменялась местами с теми, мимо которых мы сегодня проходили, прежде чем я помогла вам привести его сюда!

Начиная с этого вечера он становится вором, лжецом, чертом, всем, чем угодно.

Неужели старому негодяю этого мало и нужны еще побои?

- Полно, полно, - увещевал еврей Сайкса, указывая на мальчиков, которые с любопытством следили за всем происходящим. - Мы должны выражаться учтиво, учтиво, Билл.

- Выражаться учтиво! - вскричала взбешенная девушка, на которую страшно было смотреть.

- Выражаться учтиво, негодяй!

Да, вы от меня заслужили учтивые речи!

Я для вас воровала, когда была вдвое моложе, чем он! - Она указала на Оливера.

- Я занималась этим ремеслом и служила вам двенадцать лет.

Вы этого не знаете?

Да говорите же!

Не знаете?

- Ну-ну! - пытался успокоить ее еврей. - А коли так, то ведь ты зарабатываешь этим себе на жизнь.

'Aye, it is!' returned the girl; not speaking, but pouring out the words in one continuous and vehement scream.

'It is my living; and the cold, wet, dirty streets are my home; and you're the wretch that drove me to them long ago, and that'll keep me there, day and night, day and night, till I die!'

'I shall do you a mischief!' interposed the Jew, goaded by these reproaches; 'a mischief worse than that, if you say much more!'

The girl said nothing more; but, tearing her hair and dress in a transport of passion, made such a rush at the Jew as would probably have left signal marks of her revenge upon him, had not her wrists been seized by Sikes at the right moment; upon which, she made a few ineffectual struggles, and fainted.

'She's all right now,' said Sikes, laying her down in a corner.

'She's uncommon strong in the arms, when she's up in this way.'

The Jew wiped his forehead: and smiled, as if it were a relief to have the disturbance over; but neither he, nor Sikes, nor the dog, nor the boys, seemed to consider it in any other light than a common occurrence incidental to business.

'It's the worst of having to do with women,' said the Jew, replacing his club; 'but they're clever, and we can't get on, in our line, without 'em.'

Charley, show Oliver to bed.'

'I suppose he'd better not wear his best clothes tomorrow, Fagin, had he?' inquired Charley Bates.

'Certainly not,' replied the Jew, reciprocating the grin with which Charley put the question.

Master Bates, apparently much delighted with his commission, took the cleft stick: and led Oliver into an adjacent kitchen, where there were two or three of the beds on which he had slept before; and here, with many uncontrollable bursts of laughter, he produced the identical old suit of

- О да! - подхватила девушка; она не говорила, а визжала - слова лились каким-то неистовым потоком: - Я этим живу...

Холодные, сырые, грязные улицы - мой дом! А вы - тот негодяй, который много лет назад выгнал меня на эти улицы и будет держать меня там день за днем, ночь за ночью, пока я не умру...

- Я еще не то с тобой сделаю! - перебил еврей, раздраженный этими упреками. - Я с тобой расправлюсь, если ты еще хоть слово скажешь!

Девушка больше ничего не сказала; она в исступлении рвала на себе волосы и так стремительно набросилась на еврея, что оставила бы на нем следы своей мести, если бы Сайкс в надлежащий момент не схватил ее за руки, после чего она сделала несколько тщетных попыток освободиться и лишилась чувств.

- Теперь все в порядке, - сказал Сайкс, укладывая ее в углу комнаты.

- Когда она вот этак бесится, у нее удивительная сила в руках.

Еврей вытер лоб и улыбнулся, видимо почувствовав облегчение, когда тревога улеглась, но и он, и Сайкс, и собака, и мальчишки, казалось, считали это повседневным происшествием, связанным с их профессией.

- Вот почему плохо иметь дело с женщинами, - сказал еврей, кладя на место дубинку, - но они хитры, и нам, с нашим ремеслом, без них не обойтись...

Чарли, покажи-ка Оливеру его постель.

- Я думаю, Феджин, лучше ему не надевать завтра самый парадный свой костюм? - сказал Чарли Бейтс.

- Конечно, - ответил еврей, ухмыляясь так же, как ухмыльнулся Чарли, задавая этот вопрос.

Юный Бейтс, явно обрадованный данным ему поручением, взял палку с расщепленным концом и повел Оливера в смежную комнату-кухню, где лежали два-три тюфяка, на одном из которых он спал раньше. Здесь, заливаясь неудержимым смехом, он извлек то самое

clothes which Oliver had so much congratulated himself upon leaving off at Mr. Brownlow's; and the accidental display of which, to Fagin, by the Jew who purchased them, had been the very first clue received, of his whereabouts.

'Put off the smart ones,' said Charley, 'and I'll give 'em to Fagin to take care of.

What fun it is!'

Poor Oliver unwillingly complied.

Master Bates rolling up the new clothes under his arm, departed from the room, leaving Oliver in the dark, and locking the door behind him.

The noise of Charley's laughter, and the voice of Miss Betsy, who opportunely arrived to throw water over her friend, and perform other feminine offices for the promotion of her recovery, might have kept many people awake under more happy circumstances than those in which Oliver was placed.

But he was sick and weary; and he soon fell sound asleep.

CHAPTER XVII — OLIVER'S DESTINY CONTINUING UNPROFITIOUS, BRINGS A GREAT MAN TO LONDON TO INJURE HIS REPUTATION

It is the custom on the stage, in all good murderous melodramas, to present the tragic and the comic scenes, in as regular alternation, as the layers of red and white in a side of streaky bacon.

The hero sinks upon his straw bed, weighed down by fetters and misfortunes; in the next scene, his faithful but unconscious squire regales the audience with a comic song.

We behold, with throbbing bosoms, the heroine in the grasp of a proud and ruthless baron: her virtue and her life alike in danger, drawing forth her dagger to preserve the one at the cost of the other; and just as our expectations are wrought up

старое платье, от которого Оливер с такой радостью избавился в доме мистера Браунлоу; это платье, случайно показанное Феджину евреем, купившим его, послужило первой нитью, которая привела к открытию местопребывания Оливера.

- Снимай свой парадный костюмчик, - сказал Чарли, - я отдам его Феджину, у него он будет целее.

Ну и потеха!

Бедный Оливер неохотно повиновался.

Юный Бейтс, свернув новый костюм, сунул его под мышку, вышел из комнаты и, оставив Оливера в темноте, запер за собой дверь.

Оглушительный смех Чарли и голос Бетси, явившейся как раз вовремя, чтобы побрызгать водой на свою подругу и оказать ей прочие услуги для приведения ее в чувство, быть может, заставили бы бодрствовать многих и многих людей, находящихся в более счастливом положении, чем Оливер.

Но силы его иссякли, он был совершенно измучен и заснул крепким сном.

ГЛАВА XVII — Судьба продолжает преследовать Оливера и, чтобы опорочить его, приводит в Лондон великого человека

На театре существует обычай во всех порядочных кровавых мелодрамах перемежать в строгом порядке трагические сцены с комическими, подобно тому как в свиной грудинке чередуются слои красные и белые.

Герой опускается на соломенное свое ложе, отягощенный цепями и несчастиями; в следующей сцене его верный, но ничего не подозревающий оруженосец угощает слушателей комической песенкой.

С трепещущим сердцем мы видим героиню во власти надменного и беспощадного барона; честь ее и жизнь равно подвергаются опасности; она извлекает кинжал, чтобы сохранить честь, пожертвовав жизнью; а в тот самый момент, когда наше волнение достигает

to the highest pitch, a whistle is heard, and we are straightway transported to the great hall of the castle; where a grey-headed seneschal sings a funny chorus with a funnier body of vassals, who are free of all sorts of places, from church vaults to palaces, and roam about in company, carolling perpetually.

Such changes appear absurd; but they are not so unnatural as they would seem at first sight.

The transitions in real life from well-spread boards to death-beds, and from mourning-weeds to holiday garments, are not a whit less startling; only, there, we are busy actors, instead of passive lookers-on, which makes a vast difference.

The actors in the mimic life of the theatre, are blind to violent transitions and abrupt impulses of passion or feeling, which, presented before the eyes of mere spectators, are at once condemned as outrageous and preposterous.

As sudden shiftings of the scene, and rapid changes of time and place, are not only sanctioned in books by long usage, but are by many considered as the great art of authorship: an author's skill in his craft being, by such critics, chiefly estimated with relation to the dilemmas in which he leaves his characters at the end of every chapter: this brief introduction to the present one may perhaps be deemed unnecessary.

If so, let it be considered a delicate intimation on the part of the historian that he is going back to the town in which Oliver Twist was born; the reader taking it for granted that there are good and substantial reasons for making the journey, or he would not be invited to proceed upon such an expedition.

Mr. Bumble emerged at early morning from the workhouse-gate, and walked with portly carriage and commanding steps, up the High Street.

He was in the full bloom and pride of beadlehood; his cocked hat and coat were dazzling in the

высшей степени, раздается свисток, и мы сразу переносимся в огромный зал замка, где седобородый сенешаль * распевает забавную песню вместе с еще более забавными вассалами, которые могут появляться в любом месте - и под церковными сводами и во дворцах - и толпами скитаются по стране, вечно распевая песни.

Такие перемены как будто нелепы, но они более натуральны, чем может показаться с первого взгляда.

В жизни переход от нагруженного яствами стола к смертному ложу и от траурных одежд к праздничному наряду отнюдь не менее поразителен; только в жизни мы - актеры, а не пассивные зрители, в этом-то и заключается существенная разница.

Актеры в подражательной жизни театра не видят резких переходов и неистовых побуждений страсти или чувства, которые глазам простого зрителя сразу представляются достойными осуждения как неумеренные и нелепые.

Так как внезапные чередования сцен и быстрая смена времени и места не только освящены в книгах многолетним обычаем, но и почитаются доказательством великого мастерства писателя - такого рода критики расценивают искусство писателя в зависимости от тех затруднительных положений, в какие он ставит своих героев в конце каждой главы, - это краткое вступление к настоящей главе, быть может, будет сочтено ненужным.

В таком случае пусть оно будет принято как деликатный намек историка, оповещающего о том, что он возвращается в город, где родился Оливер Твист; и пусть читатель примет на веру, что есть существенные и основательные причины отправиться в путь, иначе ему не предложили бы совершить такое путешествие.

Ранним утром мистер Бамбл вышел из ворот работного дома и с торжественным видом зашагал величественной поступью по Хай-стрит.

Он весь так и сиял, упоенный своим званием бидла; галуны на его треуголке и на шинели сверкали в лучах утреннего солнца; он сжимал

morning sun; he clutched his cane with the vigorous tenacity of health and power.

Mr. Bumble always carried his head high; but this morning it was higher than usual.

There was an abstraction in his eye, an elevation in his air, which might have warned an observant stranger that thoughts were passing in the beadle's mind, too great for utterance.

Mr. Bumble stopped not to converse with the small shopkeepers and others who spoke to him, deferentially, as he passed along.

He merely returned their salutations with a wave of his hand, and relaxed not in his dignified pace, until he reached the farm where Mrs. Mann tended the infant paupers with parochial care.

'Drat that beadle!' said Mrs. Mann, hearing the well-known shaking at the garden-gate.

'If it isn't him at this time in the morning!

Lauk, Mr. Bumble, only think of its being you!

Well, dear me, it IS a pleasure, this is!

Come into the parlour, sir, please.'

The first sentence was addressed to Susan; and the exclamations of delight were uttered to Mr. Bumble: as the good lady unlocked the garden-gate: and showed him, with great attention and respect, into the house.

'Mrs. Mann,' said Mr. Bumble; not sitting upon, or dropping himself into a seat, as any common jackanapes would: but letting himself gradually and slowly down into a chair; 'Mrs. Mann, ma'am, good morning.'

'Well, and good morning to you, sir,' replied Mrs. Mann, with many smiles; 'and hoping you find yourself well, sir!'

'So-so, Mrs. Mann,' replied the beadle.

свою трость энергически и крепко, отличаясь отменным здоровьем и исполненный сознания своего могущества.

Мистер Бамбл всегда высоко держал голову, но в это утро он держал ее выше, чем обычно.

Рассеянный его взор, горделивый вид могли бы оповестить наблюдательного зрителя о том, что голова бидла полна мыслями слишком глубокими, чтобы можно было выразить их словами.

Мистер Бамбл не останавливался побеседовать с мелкими лавочниками и теми, кто почтительно обращался к нему, когда он проходил мимо.

На их приветствия он отвечал только мановением руки и не замедлял величественного своего шага, пока не прибыл на ферму, где миссис Манн с приходской заботливостью выхаживала нищих младенцев.

- Черт бы побрал этого бидла! - сказала миссис Манн, услышав хорошо ей знакомый стук в садовую калитку.

- Кто, кроме него, придет в такой ранний час...

Ах, мистер Бамбл, подумать только, что это вы пришли!

Боже мой, какое счастье!

Пожалуйте в гостиную, сэр, прошу вас!

Первая часть речи была адресована к Сьюзен, а восторженные восклицания относились к мистеру Бамблу; славная леди отперла садовую калитку и с большим почтением и услужливостью ввела его в дом.

- Миссис Манн, - начал мистер Бамбл, не садясь и не падая в кресло, как сделал бы какой-нибудь нахал, но опускаясь медленно и постепенно, - миссис Манн, с добрым утром.

- И вам желаю доброго утра, сэр, - сияя улыбками, ответила миссис Манн. - Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

- Так себе, миссис Манн, - ответил бидл.

'A porochial life is not a bed of roses, Mrs. Mann.'

'Ah, that it isn't indeed, Mr. Bumble,' rejoined the lady.

And all the infant paupers might have chorussed the rejoinder with great propriety, if they had heard it.

'A porochial life, ma'am,' continued Mr. Bumble, striking the table with his cane, 'is a life of worrit, and vexation, and hardihood; but all public characters, as I may say, must suffer prosecution.'

Mrs. Mann, not very well knowing what the beadle meant, raised her hands with a look of sympathy, and sighed.

'Ah! You may well sigh, Mrs. Mann!' said the beadle.

Finding she had done right, Mrs. Mann sighed again: evidently to the satisfaction of the public character: who, repressing a complacent smile by looking sternly at his cocked hat, said,

'Mrs. Mann, I am going to London.'

'Lauk, Mr. Bumble!' cried Mrs. Mann, starting back.

'To London, ma'am,' resumed the inflexible beadle, 'by coach.

I and two paupers, Mrs. Mann!

A legal action is a coming on, about a settlement; and the board has appointed me — me, Mrs. Mann — to dispose to the matter before the quarter-sessions at Clerkinwell.

And I very much question,' added Mr. Bumble, drawing himself up, 'whether the Clerkinwell Sessions will not find themselves in the wrong box before they have done with me.'

'Oh! you mustn't be too hard upon them, sir,' said Mrs. Mann, coaxingly.

'The Clerkinwell Sessions have brought it upon

- Приходская жизнь - не ложе из роз, миссис Манн.

- Ах, это правда, мистер Бамбл! - подхватила леди.

И если бы бедные младенцы слышали эти слова, они могли бы весьма кстати повторить их хором.

- Приходская жизнь, сударыня, - продолжал мистер Бамбл, ударив тростью по столу, - полна забот, неприятностей и тяжких трудов, но могу сказать, что все общественные деятели обречены терпеть от преследований.

Миссис Манн, не совсем понимая, что хочет сказать бидл, сочувственно воздела руки и вздохнула.

- Ах, и в самом деле можно вздохнуть, миссис Манн! - сказал бидл.

Убедившись, что она поступила правильно, миссис Манн еще раз вздохнула, к явному удовлетворению общественного деятеля, который, бросив суровый взгляд на свою треуголку и тем самым скрыв самодовольную улыбку, сказал:

- Миссис Манн, я еду в Лондон.

- Ах, боже мой, мистер Бамбл! - попятившись, воскликнула миссис Манн.

- В Лондон, сударыня, - повторил непреклонный бидл, - в почтовой карете.

Я и двое бедняков, миссис Манн.

Предстоит судебный процесс касательно оседлости *, и совет поручил мне - мне, миссис Манн, - дать показания по этому делу на квартальной сессии в Клеркенуэле.

И я не на шутку опасаюсь, - добавил, приосанившись, мистер Бамбл, - как бы судьи на клеркенуэлской сессии * не попали впросак, прежде чем покончить со мной.

- Ах, не будьте слишком строги к ним, сэр! - вкрадчиво сказала миссис Манн.

- Судьи на клеркенуэлской сессии сами довели

themselves, ma'am,' replied Mr. Bumble; 'and if the Clerkinwell Sessions find that they come off rather worse than they expected, the Clerkinwell Sessions have only themselves to thank.'

There was so much determination and depth of purpose about the menacing manner in which Mr. Bumble delivered himself of these words, that Mrs. Mann appeared quite awed by them.

At length she said,

'You're going by coach, sir?

I thought it was always usual to send them paupers in carts.'

'That's when they're ill, Mrs. Mann,' said the beadle.

'We put the sick paupers into open carts in the rainy weather, to prevent their taking cold.'

'Oh!' said Mrs. Mann.

'The opposition coach contracts for these two; and takes them cheap,' said Mr. Bumble.

'They are both in a very low state, and we find it would come two pound cheaper to move 'em than to bury 'em — that is, if we can throw 'em upon another parish, which I think we shall be able to do, if they don't die upon the road to spite us.

Ha! ha! ha!'

When Mr. Bumble had laughed a little while, his eyes again encountered the cocked hat; and he became grave.

'We are forgetting business, ma'am,' said the beadle; 'here is your parochial stipend for the month.'

Mr. Bumble produced some silver money rolled up in paper, from his pocket-book; and requested a receipt: which Mrs. Mann wrote.

'It's very much blotted, sir,' said the farmer of infants; 'but it's formal enough, I dare say.

Thank you, Mr. Bumble, sir, I am very much

себя до этого, сударыня, - ответил мистер Бамбл. - И если дело обернется для них хуже, чем они предполагали, пусть благодарят самих себя!

Столько решимости и сознания долга слышалось в угрожающем тоне, каким мистер Бамбл изрек эти слова, что миссис Манн, казалось, совершенно была устрашена.

Наконец, она промолвила:

- Вы едете в карете, сэр?

А я думала, что этих нищих принято отправлять в повозках.

- Если они больны, миссис Манн, - сказал бидл.

- В дождливую погоду мы отправляем больных в открытых повозках, чтобы они не простудились.

- О! - сказала миссис Манн.

- Обратная карета берется довезти этих двоих да к тому же по сходной цене, - сказал мистер Бамбл.

- Обоим очень худо, и мы считаем, что увезти их обойдется на два фунта дешевле, чем похоронить, - в том случае, если нам удастся спихнуть их на руки другому приходу, а это я считаю вполне возможным, только бы они назло нам не умерли посреди дороги.

Ха-ха-ха!

Мистер Бамбл посмеялся немного, затем взгляд его снова упал на треуголку, и он принял серьезный вид.

- Мы забыли о делах, сударыня, - сказал бидл. - Вот вам жалованье от прихода за месяц.

Мистер Бамбл извлек из бумажника завернутые в бумагу серебряные монеты и потребовал, расписку, которую ему и написала миссис Манн.

- Замарала я ее, сэр, - сказала воспитательница младенцев, - но, кажется, все написано по форме.

Благодарю вас, мистер Бамбл, сэр, право же, я

obliged to you, I'm sure.'

Mr. Bumble nodded, blandly, in acknowledgment of Mrs. Mann's curtsy; and inquired how the children were.

'Bless their dear little hearts!' said Mrs. Mann with emotion, 'they're as well as can be, the dears!

Of course, except the two that died last week. And little Dick.'

'Isn't that boy no better?' inquired Mr. Bumble.

Mrs. Mann shook her head.

'He's a ill-conditioned, wicious, bad-disposed porochial child that,' said Mr. Bumble angrily.

'Where is he?'

'I'll bring him to you in one minute, sir,' replied Mrs. Mann.

'Here, you Dick!'

After some calling, Dick was discovered.

Having had his face put under the pump, and dried upon Mrs. Mann's gown, he was led into the awful presence of Mr. Bumble, the beadle.

The child was pale and thin; his cheeks were sunken; and his eyes large and bright.

The scanty parish dress, the livery of his misery, hung loosely on his feeble body; and his young limbs had wasted away, like those of an old man.

Such was the little being who stood trembling beneath Mr. Bumble's glance; not daring to lift his eyes from the floor; and dreading even to hear the beadle's voice.

'Can't you look at the gentleman, you obstinate boy?' said Mrs. Mann.

The child meekly raised his eyes, and encountered those of Mr. Bumble.

'What's the matter with you, porochial Dick?'

вам очень признательна.

Мистер Бамбл благосклонно кивнул в ответ на реверанс миссис Манн и осведомился, как поживают дети.

- Да благословит их бог! - с волнением сказала миссис Манн. - Они, миленькие, здоровы, лучшего и пожелать им нельзя!

Конечно, за исключением тех двух, что умерли на прошлой неделе, и маленького Дика.

- А этому мальчику все не лучше? - спросил мистер Бамбл.

Миссис Манн покачала головой.

- Это зловредный, испорченный, порочный приходский ребенок, - сердито сказал мистер Бамбл.

- Где он?

- Я сию же минуту приведу его к вам, сэр, - ответила миссис Манн.

- Иди сюда. Дик!

Дика окликнули несколько раз, и он, наконец, отыскался.

Его лицо подставили под насос и вытерли подолом миссис Манн, после чего он предстал пред грозным мистером Бамблом, бидлом.

Мальчик был бледен и худ; щеки у него ввалились, глаза были большие и блестящие.

Жалкое приходское платье - ливрея его нищеты - висело на его слабом теле, а руки и ноги ребенка высохли, как у старца.

Таково было это маленькое создание, которое, трепеща, стояло перед мистером Бамблом, не смея отвести глаз от пола и пугаясь даже голоса бидла.

- Не можешь ты, что ли, посмотреть в лицо джентльмену, упрямый мальчишка? - сказала миссис Манн.

Мальчик робко поднял глаза и встретил взгляд мистера Бамбла.

- Что случилось с тобой, приходский Дик? - осведомился мистер Бамбл - весьма уместно -

inquired Mr. Bumble, with well-timed jocularity.

'Nothing, sir,' replied the child faintly.

'I should think not,' said Mrs. Mann, who had of course laughed very much at Mr. Bumble's humour.

'You want for nothing, I'm sure.'

'I should like — ' faltered the child.

'Hey-day!' interposed Mr. Mann,

'I suppose you're going to say that you DO want for something, now?

Why, you little wretch — '

'Stop, Mrs. Mann, stop!' said the beadle, raising his hand with a show of authority.

'Like what, sir, eh?'

'I should like,' faltered the child, 'if somebody that can write, would put a few words down for me on a piece of paper, and fold it up and seal it, and keep it for me, after I am laid in the ground.'

'Why, what does the boy mean?' exclaimed Mr. Bumble, on whom the earnest manner and wan aspect of the child had made some impression: accustomed as he was to such things.

'What do you mean, sir?'

'I should like,' said the child, 'to leave my dear love to poor Oliver Twist; and to let him know how often I have sat by myself and cried to think of his wandering about in the dark nights with nobody to help him.

And I should like to tell him,' said the child pressing his small hands together, and speaking with great fervour, 'that I was glad to die when I was very young; for, perhaps, if I had lived to be a man, and had grown old, my little sister who is in Heaven, might forget me, or be unlike me; and it would be so much happier if we were both children there together.'

Mr. Bumble surveyed the little speaker, from head to foot, with indescribable astonishment; and,

шутливым тоном.

- Ничего, сэр, - тихо ответил мальчик.

- Разумеется, ничего! - сказала миссис Манн, которая не преминула - посмеяться от души над шуткой мистера Бамбла.

- Я уверена, что ты ни в чем не нуждаешься.

- Мне бы хотелось... - заикаясь, начал ребенок.

- Вот так-так! - перебила миссис Манн.

- Ты, кажется, хочешь сказать, что тебе чего-то не хватает?

Ах ты маленький негодяй!

- Тише, тише, миссис Манн! - сказал бидл, властно поднимая руку.

- Чего бы вам хотелось, сэр?

- Мне бы хотелось, - заикаясь, продолжал мальчик, - чтобы кто-нибудь написал за меня несколько слов на клочке бумаги, сложил ее, запечатал и спрятал, когда меня зароят в землю.

- О чем говорит этот мальчик! - воскликнул мистер Бамбл, на которого серьезный тон и истощенный вид ребенка произвели некоторое впечатление, хотя он и был привычен к таким вещам.

- О чем вы говорите, сэр?

- Мне бы хотелось, - сказал ребенок, - передать бедному Оливеру Твисту мой горячий привет, и пусть он узнает, как часто я сидел и плакал, думая о том, что он скитается в темную ночь и нет никого, кто бы ему помог.

И мне бы хотелось сказать ему, - продолжал ребенок, сжимая ручонки и говоря с большим жаром, - что я рад умереть совсем маленьким, если бы я вырос, стал взрослым и состарился, моя сестренка на небе забыла бы меня или была бы на меня не похожа, а гораздо лучше будет, если мы оба встретимся там детьми.

Мистер - Бамбл с неописуемым изумлением смерил взглядом маленького оратора с головы до ног и, повернувшись к своей собеседнице,

turning to his companion, said,

'They're all in one story, Mrs. Mann.

That out-dacious Oliver had demogalized them all!'

'I couldn't have believed it, sir' said Mrs Mann, holding up her hands, and looking malignantly at Dick.

'I never see such a hardened little wretch!'

'Take him away, ma'am!' said Mr. Bumble imperiously.

'This must be stated to the board, Mrs. Mann.

'I hope the gentleman will understand that it isn't my fault, sir?' said Mrs. Mann, whimpering pathetically.

'They shall understand that, ma'am; they shall be acquainted with the true state of the case,' said Mr. Bumble.

'There; take him away, I can't bear the sight on him.'

Dick was immediately taken away, and locked up in the coal-cellar.

Mr. Bumble shortly afterwards took himself off, to prepare for his journey.

At six o'clock next morning, Mr. Bumble: having exchanged his cocked hat for a round one, and encased his person in a blue great-coat with a cape to it: took his place on the outside of the coach, accompanied by the criminals whose settlement was disputed; with whom, in due course of time, he arrived in London.

He experienced no other crosses on the way, than those which originated in the perverse behaviour of the two paupers, who persisted in shivering, and complaining of the cold, in a manner which, Mr. Bumble declared, caused his teeth to chatter in his head, and made him feel quite uncomfortable; although he had a great-coat on.

Having disposed of these evil-minded persons for the night, Mr. Bumble sat himself down in the house at which the coach stopped; and took a

сказал:

- Все они на один лад, миссис Манн.

Этот дерзкий Оливер всех их перепортил.

- Никогда бы я этому не поверила, сэр! - сказала миссис Манн, воздевая руки и злобно поглядывая на Дика.

- Я никогда еще не видывала такого закоренелого маленького негодяя!

- Уведите его, сударыня! - повелительно сказал мистер Бамбл.

- Об этом следует доложить совету, миссис Манн.

- Надеюсь, джентльмены поймут, что это не моя вина, сэр? - жалобно хныча, сказала миссис Манн.

- Они это поймут, сударыня; они будут осведомлены об истинном положении дел, - сказал мистер Бамбл.

- А теперь уведите его, мне противно на него смотреть.

Дика немедленно увели и заперли в погреб для угля.

Вскоре вслед за этим мистер Бамбл удалился, чтобы снарядиться в путь.

На следующий день, в шесть часов утра, мистер Бамбл, заменив треуголку круглой шляпой и укутав свою особу в синий плащ с капюшоном, занял наружное место в почтовой карете, сопровождаемый двумя преступниками, чье право на оседлость оспаривалось. И вместе с ними он в надлежащее время прибыл в Лондон.

В пути у него не было никаких неприятностей, кроме тех, что причиняли ему своим гнусным поведением бедняки, которые упрямо не переставали дрожать и жаловаться на стужу так, что, по словам мистера Бамбла, у него у самого застучали зубы и он озяб, хотя и был закутан в плащ.

Избавившись на ночь от этих злонамеренных лиц, мистер Бамбл расположился в доме, перед которым остановилась карета, и заказал

temperate dinner of steaks, oyster sauce, and porter.

Putting a glass of hot gin-and-water on the chimney-piece, he drew his chair to the fire; and, with sundry moral reflections on the too-prevalent sin of discontent and complaining, composed himself to read the paper.

The very first paragraph upon which Mr. Bumble's eye rested, was the following advertisement. 'FIVE GUINEAS REWARD

'Whereas a young boy, named Oliver Twist, absconded, or was enticed, on Thursday evening last, from his home, at Pentonville; and has not since been heard of.

The above reward will be paid to any person who will give such information as will lead to the discovery of the said Oliver Twist, or tend to throw any light upon his previous history, in which the advertiser is, for many reasons, warmly interested.'

And then followed a full description of Oliver's dress, person, appearance, and disappearance: with the name and address of Mr. Brownlow at full length.

Mr. Bumble opened his eyes; read the advertisement, slowly and carefully, three several times; and in something more than five minutes was on his way to Pentonville: having actually, in his excitement, left the glass of hot gin-and-water, untasted.

'Is Mr. Brownlow at home?' inquired Mr. Bumble of the girl who opened the door.

To this inquiry the girl returned the not uncommon, but rather evasive reply of

'I don't know; where do you come from?'

Mr. Bumble no sooner uttered Oliver's name, in explanation of his errand, than Mrs. Bedwin, who had been listening at the parlour door, hastened into the passage in a breathless state.

'Come in, come in,' said the old lady:

'I knew we should hear of him.

скромный обед - жареное мясо, соус из устриц и портер.

Поставив на каминную полку стакан горячего джина с водой, он придвинул кресло к огню и после высоконравственных размышлений о слишком распространенном пороке - недовольстве и неблагодарности, - приготовился к чтению газеты.

Первыми же строками, на которые упал взор мистера Бамбла, были следующие: "ПЯТЬ ГИНЕЙ НАГРАДЫ

В четверг вечером, на прошлой неделе, убежал или был уведен из дома в Пентонвиле мальчик, по имени Оливер Twist, и с тех пор о нем нет никаких известий.

Вышеуказанная награда будет уплачена любому, кто поможет обнаружить местопребывание упомянутого Оливера Твиста, или прольет свет на прежнюю его жизнь, которой по многим причинам горячо интересуется лицо, давшее это объявление".

Далее следовало подробное описание одежды и особы Оливера, его появления и исчезновения, а также имя и адрес мистера Браунлоу.

Мистер Бамбл широко раскрыл глаза, прочел объявление медленно и старательно три раза подряд и минут через пять уже ехал в Пентонвил, в волнении оставив нетронутым стакан горячего джина с водой.

- Дома мистер Браунлоу? - спросил мистер Бамбл у девушки, которая открыла дверь.

На этот вопрос девушка дала обычный, но довольно уклончивый ответ:

- Не знаю... Откуда вы?

Как только мистер Бамбл, объясняя причину своего появления, произнес имя Оливера, миссис Бэдуин, которая прислушивалась у двери в гостиную, выбежала, задыхаясь, в коридор.

- Войдите, войдите! - воскликнула старая леди.

- Я знала, что мы о нем услышим.

Poor dear!

I knew we should!

I was certain of it.

Bless his heart!

I said so all along.'

Having heard this, the worthy old lady hurried back into the parlour again; and seating herself on a sofa, burst into tears.

The girl, who was not quite so susceptible, had run upstairs meanwhile; and now returned with a request that Mr. Bumble would follow her immediately: which he did.

He was shown into the little back study, where sat Mr. Brownlow and his friend Mr. Grimwig, with decanters and glasses before them.

The latter gentleman at once burst into the exclamation:

'A beadle.

A parish beadle, or I'll eat my head.'

'Pray don't interrupt just now,' said Mr. Brownlow.

'Take a seat, will you?'

Mr. Bumble sat himself down; quite confounded by the oddity of Mr. Grimwig's manner.

Mr. Brownlow moved the lamp, so as to obtain an uninterrupted view of the beadle's countenance; and said, with a little impatience,

'Now, sir, you come in consequence of having seen the advertisement?'

'Yes, sir,' said Mr. Bumble.

'And you ARE a beadle, are you not?' inquired Mr. Grimwig.

'I am a parochial beadle, gentlemen,' rejoined Mr. Bumble proudly.

'Of course,' observed Mr. Grimwig aside to his friend,

Бедняжка!

Я знала, что услышим о нем!

Я была в этом уверена.

Да благословит его бог!

Я все время это говорила.

С этими словами почтенная старая леди поспешила назад в гостиную, села на диван и залилась слезами.

Тем временем служанка, не отличавшаяся такой впечатлительностью, побежала наверх и, вернувшись, предложила мистеру Бамблу немедленно следовать за ней, что тот и сделал.

Его ввели в маленький кабинет, где перед графинами и стаканами сидели мистер Браунлоу и его друг мистер Гримуиг.

Сей последний джентльмен сразу разразился восклицаниями:

- Бидл!

Я готов съесть свою голову, если это не приходский бидл.

- Пожалуйста, помолчите, - сказал мистер Браунлоу.

- Не угодно ли сесть?

Мистер Бамбл сел, совершенно сбитый с толку странными манерами мистера Гримуига.

Мистер Браунлоу подвинул лампу так, чтобы лучше видеть лицо бидла, и сказал несколько нетерпеливо:

- Ну-с, сэр, вы пришли потому, что вам попало на глаза объявление?

- Да, сэр, - сказал мистер Бамбл.

- И вы бидл, не так ли? - спросил мистер Гримуиг.

- Я - приходский бидл, джентльмены, - с гордостью ответил мистер Бамбл.

- Ну, конечно, - заметил мистер Гримуиг, обращаясь к своему другу.

'I knew he was.

A beadle all over!'

Mr. Brownlow gently shook his head to impose silence on his friend, and resumed:

'Do you know where this poor boy is now?'

'No more than nobody,' replied Mr. Bumble.

'Well, what DO you know of him?' inquired the old gentleman.

'Speak out, my friend, if you have anything to say.

What DO you know of him?'

'You don't happen to know any good of him, do you?' said Mr. Grimwig, caustically; after an attentive perusal of Mr. Bumble's features.

Mr. Bumble, catching at the inquiry very quickly, shook his head with portentous solemnity.

'You see?' said Mr. Grimwig, looking triumphantly at Mr. Brownlow.

Mr. Brownlow looked apprehensively at Mr. Bumble's pursed-up countenance; and requested him to communicate what he knew regarding Oliver, in as few words as possible.

Mr. Bumble put down his hat; unbuttoned his coat; folded his arms; inclined his head in a retrospective manner; and, after a few moments' reflection, commenced his story.

It would be tedious if given in the beadle's words: occupying, as it did, some twenty minutes in the telling; but the sum and substance of it was, that Oliver was a foundling, born of low and vicious parents. That he had, from his birth, displayed no better qualities than treachery, ingratitude, and malice. That he had terminated his brief career in the place of his birth, by making a sanguinary and cowardly attack on an unoffending lad, and running away in the night-time from his master's house.

In proof of his really being the person he

- Так я и думал.

Бидл с головы до пят!

Мистер Браунлоу слегка покачал головой, предлагая приятелю помолчать, и продолжал:

- Вам известно, где сейчас находится этот бедный мальчик?

- Не больше, чем всякому другому, - ответил мистер Бамбл.

- Ну, так что же вы о нем знаете? - спросил старый джентльмен.

- Говорите, друг мой, если у вас есть что сказать.

Что вы о нем знаете?

- Вряд ли что-нибудь хорошее, не так - ли? - язвительно сказал мистер Гримуиг, внимательно всматриваясь в лицо мистера Бамбла.

Мистер Бамбл, быстро уловив тон вопроса, зловеще и величественно покачал головой.

- Видите! - сказал мистер Гримуиг, с торжеством взглянув на мистера Браунлоу.

Мистер Браунлоу опасливо посмотрел на насупленную физиономию мистера Бамбла и попросил его рассказать как можно короче все, что ему известно об Оливере.

Мистер Бамбл положил шляпу, расстегнул сюртук; скрестив руки, глубокомысленно наклонил голову и, после недолгого раздумья, начал свой рассказ.

Скучно было бы передавать его словами бидла, которому потребовалось на это минут двадцать, но суть его заключалась в том, что Оливер - питомец, рожденный от порочных родителей низкого происхождения; что со дня рождения он обнаружил такие качества, как вероломство, неблагодарность и злость; что свое недолгое пребывание в родном городе он закончил кроважидным и мерзким нападением на безобидного мальчика и бежал ночной порой из дома своего хозяина.

В доказательство того, что он действительно то

represented himself, Mr. Bumble laid upon the table the papers he had brought to town.

Folding his arms again, he then awaited Mr. Brownlow's observations.

'I fear it is all too true,' said the old gentleman sorrowfully, after looking over the papers.

'This is not much for your intelligence; but I would gladly have given you treble the money, if it had been favourable to the boy.'

It is not improbable that if Mr. Bumble had been possessed of this information at an earlier period of the interview, he might have imparted a very different colouring to his little history.

It was too late to do it now, however; so he shook his head gravely, and, pocketing the five guineas, withdrew.

Mr. Brownlow paced the room to and fro for some minutes; evidently so much disturbed by the beadle's tale, that even Mr. Grimwig forbore to vex him further.

At length he stopped, and rang the bell violently.

'Mrs. Bedwin,' said Mr. Brownlow, when the housekeeper appeared; 'that boy, Oliver, is an imposter.'

'It can't be, sir. It cannot be,' said the old lady energetically.

'I tell you he is,' retorted the old gentleman.

'What do you mean by can't be?

We have just heard a full account of him from his birth; and he has been a thorough-paced little villain, all his life.'

'I never will believe it, sir,' replied the old lady, firmly.

'Never!'

'You old women never believe anything but quack-doctors, and lying story-books,' growled Mr.

лицо, за которое себя выдает, мистер Бамбл положил на стол бумаги, привезенные им в город.

Сложив руки, он ждал, пока мистер Браунлоу ознакомится с ними.

- Боюсь, что все это правда, - грустно сказал старый джентльмен, просмотрев бумаги.

- Награда за доставленные вами сведения невелика, но я бы с радостью дал вам вдвое больше, если бы они оказались благоприятными для мальчика.

Знай мистер Бамбл об этом обстоятельстве раньше, весьма возможно, что он придал бы совсем иную окраску своему краткому рассказу.

Однако теперь поздно было это делать, а потому он степенно покачал головой и, спрятав в карман пять гиней, удалился.

В течение нескольких минут мистер Браунлоу шагал взад и вперед по комнате, видимо столь огорченный рассказом бидла, что даже мистер Гримуиг не стал больше ему досаждать.

Наконец, он остановился и резко позвонил в колокольчик.

- Миссис Бэдуин, - сказал мистер Браунлоу, когда вошла экономка, - этот мальчик, Оливер, оказался негодяем.

- Не может этого быть, сэр, не может быть! - с жаром сказала старая леди.

- Говорю вам - он негодяй! - возразил старый джентльмен.

- Какие у вас основания говорить, что "не может этого быть"?

Мы только что выслушали подробный рассказ о нем со дня его рождения. Он всю свою жизнь был ловким маленьким негодяем.

- Никогда не поверю этому, сэр, - твердо заявила старая леди.

- Никогда!

- Вы, старухи, верите только шарлатанам да нелепым сказкам, - проворчал мистер Гримуиг.

Grimwig.

'I knew it all along.

Why didn't you take my advise in the beginning; you would if he hadn't had a fever, I suppose, eh?

He was interesting, wasn't he?

Interesting!

Bah!'

And Mr. Grimwig poked the fire with a flourish.

'He was a dear, grateful, gentle child, sir,' retorted Mrs. Bedwin, indignantly.

'I know what children are, sir; and have done these forty years; and people who can't say the same, shouldn't say anything about them.

That's my opinion!'

This was a hard hit at Mr. Grimwig, who was a bachelor.

As it extorted nothing from that gentleman but a smile, the old lady tossed her head, and smoothed down her apron preparatory to another speech, when she was stopped by Mr. Brownlow.

'Silence!' said the old gentleman, feigning an anger he was far from feeling.

'Never let me hear the boy's name again.

I rang to tell you that.

Never.

Never, on any pretence, mind!

You may leave the room, Mrs. Bedwin.

Remember!

I am in earnest.'

There were sad hearts at Mr. Brownlow's that night.

- Я это знал с самого начала.

Почему вы сразу не обратились ко мне за советом? Вероятно, вы бы это сделали, не заболел он горячкой?

Он казался интересным, да?

Интересным!

Вот еще!

- И мистер Гримуиг, взмахнув кочергой, ожесточенно ткнул ею в камин.

- Это было милое, благодарное, кроткое дитя, сэр! - с негодованием возразила миссис Бэдуин.

- Я детей знаю, сэр. Я их знаю уже сорок лет; а те, кто не может сказать того же о себе, пусть лучше помолчат!

Вот мое мнение.

Это был резкий выпад против мистера Гримуига, который был холостяком.

Так как у этого джентльмена он вызвал только улыбку, старая леди тряхнула головой и расправила свой передник, готовясь к новому выступлению, но ее остановил мистер Браунлоу.

- Довольно! - сказал старый джентльмен, притворяясь рассерженным, чего на самом деле отнюдь не было.

- Больше я не желаю слышать имени этого мальчика!

Я вас позвал, чтобы сообщить вам об этом.

Никогда!

Никогда, ни под каким видом! Запомните!

Можете идти, миссис Бэдуин.

Помните!

Я не шучу.

В эту ночь тяжело было на сердце у обитателей дома мистера Браунлоу.

Oliver's heart sank within him, when he thought of his good friends; it was well for him that he could not know what they had heard, or it might have broken outright.

CHAPTER XVIII — HOW OLIVER PASSED HIS TIME IN THE IMPROVING SOCIETY OF HIS REPUTABLE FRIENDS

About noon next day, when the Dodger and Master Bates had gone out to pursue their customary avocations, Mr. Fagin took the opportunity of reading Oliver a long lecture on the crying sin of ingratitude; of which he clearly demonstrated he had been guilty, to no ordinary extent, in wilfully absenting himself from the society of his anxious friends; and, still more, in endeavouring to escape from them after so much trouble and expense had been incurred in his recovery.

Mr. Fagin laid great stress on the fact of his having taken Oliver in, and cherished him, when, without his timely aid, he might have perished with hunger; and he related the dismal and affecting history of a young lad whom, in his philanthropy, he had succoured under parallel circumstances, but who, proving unworthy of his confidence and evincing a desire to communicate with the police, had unfortunately come to be hanged at the Old Bailey one morning.

Mr. Fagin did not seek to conceal his share in the catastrophe, but lamented with tears in his eyes that the wrong-headed and treacherous behaviour of the young person in question, had rendered it necessary that he should become the victim of certain evidence for the crown: which, if it were not precisely true, was indispensably necessary for the safety of him (Mr. Fagin) and a few select friends.

Mr. Fagin concluded by drawing a rather disagreeable picture of the discomforts of hanging; and, with great friendliness and politeness of manner, expressed his anxious hopes that he might never be obliged to submit Oliver Twist to that unpleasant operation.

У Оливера сердце сжималось, когда он думал о своих добрых, любящих друзьях; хорошо, что он не знал, какие сведения получены ими, иначе сердце его могло бы разорваться.

ГЛАВА XVIII — Как Оливер проводил время в душеспасительном обществе своих почтенных друзей

На следующий день, около полудня, когда Плут и юный Бейтс ушли из дому на обычную свою работу, мистер Феджин воспользовался случаем, чтобы прочесть Оливеру длинную лекцию о вопиющем грехе неблагодарности, в котором, как доказал он ясно, Оливер был повинен в немалой степени, умышленно избегая общества своих встревоженных друзей и вдобавок пытаясь убежать от них после того, как стольких хлопот и издержек стоило найти его.

Мистер Феджин в особенности подчеркивал тот факт, что он дал приют Оливеру и пригласил его в то время, когда - не будь этой своевременной помощи - он мог умереть с голоду; и мистер Феджин рассказал печальную и трогательную историю одного мальчика, которому он из человеколюбия помог при таких же обстоятельствах, но этот мальчик, оказавшись недостойным его доверия и обнаружив желание связаться с полицией, был, к сожалению, повешен однажды утром в Олд-Бейли *.

Мистер Феджин не пытался скрыть свою долю участия в катастрофе, но со слезами на глазах сокрушался о гнусном и предательском поведении упомянутого юнца, каковое привело к необходимости сделать его жертвой некоторых показаний, данных на суде, которые, если и не вполне соответствовали истине, были насущно необходимы для безопасности его (мистера Феджина) и немногих избранных друзей.

В заключение мистер Феджин дал довольно неприятное описание неудобств, сопутствующих повешению, и очень дружелюбно и вежливо выразил горячую надежду, что ему никогда не придется подвергнуть Оливера Твиста этой неприятной операции.

Little Oliver's blood ran cold, as he listened to the Jew's words, and imperfectly comprehended the dark threats conveyed in them.

That it was possible even for justice itself to confound the innocent with the guilty when they were in accidental companionship, he knew already; and that deeply-laid plans for the destruction of inconveniently knowing or over-communicative persons, had been really devised and carried out by the Jew on more occasions than one, he thought by no means unlikely, when he recollected the general nature of the altercations between that gentleman and Mr. Sikes: which seemed to bear reference to some foregone conspiracy of the kind.

As he glanced timidly up, and met the Jew's searching look, he felt that his pale face and trembling limbs were neither unnoticed nor unrelished by that wary old gentleman.

The Jew, smiling hideously, patted Oliver on the head, and said, that if he kept himself quiet, and applied himself to business, he saw they would be very good friends yet.

Then, taking his hat, and covering himself with an old patched great-coat, he went out, and locked the room-door behind him.

And so Oliver remained all that day, and for the greater part of many subsequent days, seeing nobody, between early morning and midnight, and left during the long hours to commune with his own thoughts.

Which, never failing to revert to his kind friends, and the opinion they must long ago have formed of him, were sad indeed.

After the lapse of a week or so, the Jew left the room-door unlocked; and he was at liberty to wander about the house.

It was a very dirty place.

The rooms upstairs had great high wooden chimney-pieces and large doors, with panelled walls and cornices to the ceiling; which, although they were black with neglect and dust, were ornamented in various ways.

У маленького Оливера кровь стыла в жилах, когда он слушал речь еврея и смутно догадывался о мрачных угрозах, таившихся в ней.

Ему уже было известно, что даже правосудие может принять невинного за виновного, если тот и другой случайно очутились вместе. Вполне вероятным казалось ему также, что старый еврей уж не раз придумывал и приводил в исполнение таинственные планы с целью погубить слишком осведомленных или болтливых людей, так как Оливер вспомнил о пререканиях между этим джентльменом и мистером Сайксом, которые как будто относились к заговору, имевшему место в прошлом.

Робко подняв глаза и встретив испытующий взгляд еврея, он почувствовал, что его бледность и трепет не остались незамеченными и доставили удовольствие этому бдительному старому джентльмену.

Еврей, отвратительно улыбаясь, погладил Оливера по голове и сказал, что они еще станут друзьями, если он будет вести себя хорошо и начнет работать.

Затем, взяв шляпу и надев старое, заплатанное пальто, он вышел из комнаты и запер за собой дверь.

Весь этот день и в последующие дни Оливер не видел никого с раннего утра до полуночи и в течение долгих часов был предоставлен своим собственным мыслям.

А эти мысли, неизменно обращаясь к его добрым друзьям и к тому мнению, какое у них сложилось о нем, были очень грустны.

По прошествии недели еврей перестал запира́ть дверь, и теперь Оливер получил возможность бродить по всему дому.

Здесь было очень грязно.

В комнатах верхнего этажа были огромные, высокие деревянные камины, большие двери, обшитые панелью стены и карнизы у потолка, почерневшие от времени и грязи, но украшенные всевозможными орнаментами.

From all of these tokens Oliver concluded that a long time ago, before the old Jew was born, it had belonged to better people, and had perhaps been quite gay and handsome: dismal and dreary as it looked now.

Spiders had built their webs in the angles of the walls and ceilings; and sometimes, when Oliver walked softly into a room, the mice would scamper across the floor, and run back terrified to their holes.

With these exceptions, there was neither sight nor sound of any living thing; and often, when it grew dark, and he was tired of wandering from room to room, he would crouch in the corner of the passage by the street-door, to be as near living people as he could; and would remain there, listening and counting the hours, until the Jew or the boys returned.

In all the rooms, the mouldering shutters were fast closed: the bars which held them were screwed tight into the wood; the only light which was admitted, stealing its way through round holes at the top: which made the rooms more gloomy, and filled them with strange shadows.

There was a back-garret window with rusty bars outside, which had no shutter; and out of this, Oliver often gazed with a melancholy face for hours together; but nothing was to be descried from it but a confused and crowded mass of housetops, blackened chimneys, and gable-ends.

Sometimes, indeed, a grizzly head might be seen, peering over the parapet-wall of a distant house; but it was quickly withdrawn again; and as the window of Oliver's observatory was nailed down, and dimmed with the rain and smoke of years, it was as much as he could do to make out the forms of the different objects beyond, without making any attempt to be seen or heard, — which he had as much chance of being, as if he had lived inside the ball of St. Paul's Cathedral.

One afternoon, the Dodger and Master Bates being engaged out that evening, the first-named young gentleman took it into his head to evince some anxiety regarding the decoration of his person (to do him justice, this was by no means an

Все это позволяло Оливеру заключить, что много лет назад, еще до рождения старого еврея, дом принадлежал людям более достойным и, быть может, был веселым и красивым, хотя и стал теперь унылым и мрачным.

Пауки затянули паутиной углы комнаты, а иной раз, когда Оливер потихоньку входил в комнату, мыши разбегались во все стороны и в испуге прятались в свои норки.

За исключением мышей, здесь не видно и не слышно было ни единого живого существа; и часто, когда наступали сумерки и Оливер уставал бродить по комнатам, он забивался в уголок у входной двери, чтобы быть поближе к живым людям, и сидел здесь, прислушиваясь и считая часы, пока не возвращался еврей или мальчишки.

Во всех комнатах ветхие ставни были закрыты, укреплявшие их болты плотно привинчены к дереву; свет пробивался только в круглые отверстия наверху, что делало комнаты еще более мрачными и наполняло их причудливыми тенями.

Выходившее во двор чердачное окно с заржавленной решеткой, приделанной снаружи, не было закрыто ставнями, и в это окно грустивший Оливер часто смотрел часами; за окном в беспорядке громоздились крыши, видны были почерневшие трубы, коньки - и только.

Правда, иной раз можно было увидеть седую голову, выглядывавшую из-за парапета какого-нибудь далекого дома, но она быстро исчезала; а так как окно в обсерватории Оливера было забито и за долгие годы потускнело от дождя и дыма, то ему оставалось только всматриваться в очертания различных предметов, не надеясь, что его увидят или услышат, - на это у него было не больше шансов, чем если бы он жил внутри купола собора св. Павла.

Как-то после полудня, когда Плут и юный Бейтс готовились к вечерней работе, первому из упомянутых молодых джентльменов пришла в голову мысль позаботиться об украшении собственной особы (нужно отдать ему справедливость - обычно он не был подвержен

habitual weakness with him); and, with this end and aim, he condescendingly commanded Oliver to assist him in his toilet, straightway.

Oliver was but too glad to make himself useful; too happy to have some faces, however bad, to look upon; too desirous to conciliate those about him when he could honestly do so; to throw any objection in the way of this proposal.

So he at once expressed his readiness; and, kneeling on the floor, while the Dodger sat upon the table so that he could take his foot in his laps, he applied himself to a process which Mr. Dawkins designated as 'japanning his trotter-cases.'

The phrase, rendered into plain English, signifieth, cleaning his boots.

Whether it was the sense of freedom and independence which a rational animal may be supposed to feel when he sits on a table in an easy attitude smoking a pipe, swinging one leg carelessly to and fro, and having his boots cleaned all the time, without even the past trouble of having taken them off, or the prospective misery of putting them on, to disturb his reflections; or whether it was the goodness of the tobacco that soothed the feelings of the Dodger, or the mildness of the beer that mollified his thoughts; he was evidently tinctured, for the nonce, with a spice of romance and enthusiasm, foreign to his general nature.

He looked down on Oliver, with a thoughtful countenance, for a brief space; and then, raising his head, and heaving a gentle sign, said, half in abstraction, and half to Master Bates:

'What a pity it is he isn't a prig!'

'Ah!' said Master Charles Bates; 'he don't know what's good for him.'

The Dodger sighed again, and resumed his pipe: as did Charley Bates.

They both smoked, for some seconds, in silence.

'I suppose you don't even know what a prig is?'

этой слабости), и с этой целью он снисходительно приказал Оливеру немедленно помочь ему при совершении туалета.

Оливер был рад случаю оказать услугу, счастлив, что видит подле себя людей, хотя бы и дурных, страстно желал снискать расположение тех, кто его окружал, если этого можно было достигнуть, не совершая бесчестных поступков, - вот почему он и не подумал возражать против такого предложения.

Он поспешил изъявить свою готовность и, опустившись на пол, чтобы поставить себе на колено ногу Плута, сидевшего на столе, приступил к процедуре, которую мистер Даукинс назвал "полированием своих скакунов".

Эти слова в переводе на обычный английский язык означали чистку сапог.

Сознание ли свободы и независимости, которое, по-видимому, должно испытывать разумное животное, когда оно сидит в удобной позе на столе, курит трубку и небрежно болтает одной ногой, пока ему чистят сапоги, хотя оно не потрудились их снять, и неприятная перспектива снова их натягивать не тревожит его мыслей, или же хороший табак смягчил сердце Плута, а может быть, на него подействовало успокоительно слабое пиво, - как бы там ни было, но Плут в тот момент находился в расположении духа романтическом и восторженном, обычно чуждом его природе.

Сначала он с задумчивым видом смотрел вниз на Оливера, а затем, подняв голову и тихонько вздохнув, сказал не то самому себе, не то юному Бейтсу:

- Какая жалость, что он не мазурик!

- Да, - сказал юный Чарльз Бейтс, - он своей выгоды не понимает.

Плут снова вздохнул и снова взялся за трубку; так же поступил и Чарли Бейтс.

Несколько секунд оба курили молча.

- Ты, наверно, даже не знаешь, что такое

said the Dodger mournfully.

'I think I know that,' replied Oliver, looking up.

'It's a the — ; you're one, are you not?' inquired Oliver, checking himself.

'I am,' replied the Doger.

'I'd scorn to be anything else.'

Mr. Dawkins gave his hat a ferocious cock, after delivering this sentiment, and looked at Master Bates, as if to denote that he would feel obliged by his saying anything to the contrary.

'I am,' repeated the Dodger.

'So's Charley. So's Fagin. So's Sikes. So's Nancy. So's Bet.

So we all are, down to the dog.

And he's the downiest one of the lot!'

'And the least given to peaching,' added Charley Bates.

'He wouldn't so much as bark in a witness-box, for fear of committing himself; no, not if you tied him up in one, and left him there without wittles for a fortnight,' said the Dodger.

'Not a bit of it,' observed Charley.

'He's a rum dog.

Don't he look fierce at any strange cove that laughs or sings when he's in company!' pursued the Dodger.

'Won't he growl at all, when he hears a fiddle playing!

And don't he hate other dogs as ain't of his breed!

Oh, no!'

'He's an out-and-out Christian,' said Charley.

This was merely intended as a tribute to the animal's abilities, but it was an appropriate remark in another sense, if Master Bates had only known it; for there are a good many ladies and gentlemen, claiming to be out-and-out Christians,

мазурик? - задумчиво спросил Плут.

- Мне кажется, знаю, - отозвался Оливер, поднимая голову.

- Это во... вы один из них, правда? - запнувшись, спросил он.

- Совершенно верно, - ответил Плут.

- Я бы не унизился до какого-нибудь другого занятия.

Сообщив о таком решении, мистер Даукинс сердито сдвинул шляпу набекрень и посмотрел на юного Бейтса, как будто вызывая его на возражения.

- Совершенно верно, - повторил Плут.

- А также и Чарли, и Феджин, и Сайкс, и Нэнси, и Бет.

Все мы мазурики, не исключая и собаки.

А она будет половчее нас всех!

- И уж она-то не донесет! - добавил Чарли Бейтс.

- Она бы и не тявкнула на суде из боязни проболтаться... э, нет, даже если бы ее там привязали и две недели не давали жрать, - сказал Плут.

- Ни за что бы не тявкнула, - подтвердил Чарли.

- Чудная собака, - продолжал Плут.

- Как свирепо она смотрит на чужого, который вздумает смеяться или петь при ней!

А как ворчит, когда играют на скрипке!

И ненавидит всех собак другой породы!

О!

- Настоящая христианка! - сказал Чарли.

Он хотел только похвалить собаку за ее качества, но его замечание было уместно и в ином смысле, хотя юный Бейтс этого не знал: много есть леди и джентльменов, претендующих на то, чтобы их считали

between whom, and Mr. Sikes' dog, there exist strong and singular points of resemblance.

'Well, well,' said the Dodger, recurring to the point from which they had strayed: with that mindfulness of his profession which influenced all his proceedings.

'This hasn't go anything to do with young Green here.'

'No more it has,' said Charley.

'Why don't you put yourself under Fagin, Oliver?'

'And make your fortun' out of hand?' added the Dodger, with a grin.

'And so be able to retire on your property, and do the gen-teel: as I mean to, in the very next leap-year but four that ever comes, and the forty-second Tuesday in Trinity-week,' said Charley Bates.

'I don't like it,' rejoined Oliver, timidly;

'I wish they would let me go.

I — I — would rather go.'

'And Fagin would RATHER not!' rejoined Charley.

Oliver knew this too well; but thinking it might be dangerous to express his feelings more openly, he only sighed, and went on with his boot-cleaning.

'Go!' exclaimed the Dodger.

'Why, where's your spirit?'

Don't you take any pride out of yourself?

Would you go and be dependent on your friends?'

'Oh, blow that!' said Master Bates: drawing two or three silk handkerchiefs from his pocket, and tossing them into a cupboard, 'that's too mean; that is.'

'I couldn't do it,' said the Dodger, with an air of haughty disgust.

'You can leave your friends, though,' said Oliver with a half smile; 'and let them be punished for

истинными христианами, которые обнаруживают поразительное сходство с собакой мистера Сайкса.

- Ну ладно, - сказал Плут, возвращаясь к теме, от которой они отвлеклись, ибо он всегда помнил о своей профессии.

- Это не имеет никакого отношения к нашему простаку.

- Правильно, - согласился Чарли.

- Оливер, почему ты не хочешь поступить в обучение к Феджину?

- И сразу сколотить себе состояние? - усмехаясь, добавил Плут.

- А потом уйти от дел и зажить по-благородному? Я и сам так поступлю, скажем, через четыре високосных года, в следующий же високосный, в сорок второй вторник на троичной неделе, - сказал Чарли Бейтс.

- Мне это не нравится, - робко ответил Оливер.

- Я бы хотел, чтобы меня отпустили.

Мне... мне хотелось бы уйти.

- А вот Феджин этого не хочет! - возразил Чарли.

Оливер знал это слишком хорошо, но, считая, что опасно выражать открыто свои чувства, только вздохнул и продолжал чистить сапоги.

- Уйти! - воскликнул Плут.

- Стыда у тебя нет, что ли?

И гордости никакой нет!

Ты бы хотел уйти и жить за счет своих друзей?

- Черт подери! - воскликнул юный Бейтс, вытаскивая из кармана два-три шелковых платка и швыряя их в шкаф. - Это подло, вот оно что!

- Я бы на это не пошел, - сказал Плут тоном высокомерно-презрительным.

- А друзей своих бросать вы можете, - с бледной улыбкой сказал Оливер, - и допускать, чтобы их

what you did.'

'That,' rejoined the Dodger, with a wave of his pipe, 'That was all out of consideration for Fagin, 'cause the traps know that we work together, and he might have got into trouble if we hadn't made our lucky; that was the move, wasn't it, Charley?'

Master Bates nodded assent, and would have spoken, but the recollection of Oliver's flight came so suddenly upon him, that the smoke he was inhaling got entangled with a laugh, and went up into his head, and down into his throat: and brought on a fit of coughing and stamping, about five minutes long.

'Look here!' said the Dodger, drawing forth a handful of shillings and halfpence.

'Here's a jolly life!

What's the odds where it comes from?

Here, catch hold; there's plenty more where they were took from.

You won't, won't you?

Oh, you precious flat!

'It's naughty, ain't it, Oliver?' inquired Charley Bates.

'He'll come to be scragged, won't he?'

'I don't know what that means,' replied Oliver.

'Something in this way, old feller,' said Charly.

As he said it, Master Bates caught up an end of his neckerchief; and, holding it erect in the air, dropped his head on his shoulder, and jerked a curious sound through his teeth; thereby indicating, by a lively pantomimic representation, that scragging and hanging were one and the same thing.

'That's what it means,' said Charley.

'Look how he stares, Jack!

I never did see such prime company as that 'ere boy; he'll be the death of me, I know he will.'

наказывали за вас?

- Ну, знаешь ли, - отозвался Плут, размахивая трубкой, - это было сделано из внимания к Феджину, ведь ищейки-то знают, что мы работаем вместе, а он мог попасть в беду, если бы мы не улили... Вот в чем тут дело, правда, Чарли?

Юный Бейтс кивнул в знак согласия и хотел что-то добавить, но, внезапно вспомнив о бегстве Оливера, захохотал, и дым, которым он затянулся, попал не в то горло, вследствие чего он минут пять кашлял и топал ногами.

- Смотри! - сказал Плут, доставая из кармана целую пригоршню шиллингов и полупенсовиков.

- Вот это развеселая жизнь!

Не все ли равно, откуда они взялись?

Ну, бери! Там, откуда их взяли, еще много осталось.

Что, не хочешь?

Эх ты, простофиля!

- Это очень дурно, правда, Оливер? - сказал Чарли Бейтс.

- Кончится тем, что его за это вздернут, да?

- Я не понимаю, что это значит, - отозвался Оливер.

- А вот что, дружище! - сказал Чарли.

С этими словами юный Бейтс схватил конец своего галстука, дернул его вверх и, склонив голову набок, издал сквозь зубы какой-то странный звук, поясняя с помощью этой веселенькой пантомимы, что вздергивание и повешение - одно и то же.

- Вот что это значит, - сказал Чарли.

- Смотри, Джек, как он таращит глаза!

Никогда еще я не видывал такого простофилю, как этот мальчишка. Когда-нибудь он меня

Master Charley Bates, having laughed heartily again, resumed his pipe with tears in his eyes.

'You've been brought up bad,' said the Dodger, surveying his boots with much satisfaction when Oliver had polished them.

'Fagin will make something of you, though, or you'll be the first he ever had that turned out unprofitable.

You'd better begin at once; for you'll come to the trade long before you think of it; and you're only losing time, Oliver.'

Master Bates backed this advice with sundry moral admonitions of his own: which, being exhausted, he and his friend Mr. Dawkins launched into a glowing description of the numerous pleasures incidental to the life they led, interspersed with a variety of hints to Oliver that the best thing he could do, would be to secure Fagin's favour without more delay, by the means which they themselves had employed to gain it.

'And always put this in your pipe, Nolly,' said the Dodger, as the Jew was heard unlocking the door above, 'if you don't take fogels and tickers — '

'What's the good of talking in that way?' interposed Master Bates; 'he don't know what you mean.'

'If you don't take pocket-handkechers and watches,' said the Dodger, reducing his conversation to the level of Oliver's capacity, 'some other cove will; so that the coves that lose 'em will be all the worse, and you'll be all the worse, too, and nobody half a ha'p'orth the better, except the chaps wot gets them — and you've just as good a right to them as they have.'

'To be sure, to be sure!' said the Jew, who had entered unseen by Oliver.

'It all lies in a nutshell my dear; in a nutshell, take the Dodger's word for it.

Ha! ha! ha!

окончательно уморит, знаю, что уморит.

Юный Чарльз Бейтс, снова расхохотавшись так, что слезы выступили у него на глазах, взялся за свою трубку.

- Тебя плохо воспитали, - сказал Плут, с большим удовольствием созерцая свои сапоги, вычищенные Оливером.

Впрочем, Феджин что-нибудь из тебя сделает, или ты окажешься первым, от которого он ничего не мог добиться.

Начинай-ка лучше сразу, потому что все равно придется тебе заняться этим ремеслом, и ты только время теряешь, Оливер.

Юный Бейтс подкрепил этот совет всевозможными увещаниями морального порядка; когда же они были исчерпаны, он и его приятель мистер Даукинс принялись описывать в ярких красках многочисленные удовольствия, связанные с той жизнью, какую они вели, и намекали Оливеру, что для него лучше безотлагательно снискать расположение мистера Феджина с помощью тех средств, которыми пользовались они сами.

- И вбей себе в башку. Ноли, - сказал Плут, услышав, что еврей отпирает дверь наверху, - если ты не будешь таскать утиралки и тикалки...

- Что толку в этих словах? - вмешался юный Бейтс. - Он не понимает, о чем ты говоришь.

- Если ты не будешь таскать носовые платки и часы, - сказал Плут, приспособляя свою речь к уровню развития Оливера, - все равно их стащит кто-нибудь другой. От этого плохо будет тем, у кого их стащат, и плохо будет тебе, и никто на этом деле не выгадает, кроме того парня, который эти вещи прикарманит, а ты имеешь на них точь-в-точь такое же право, как и он.

- Верно! - сказал еврей, который вошел в комнату, не замеченный Оливером.

- Все это очень просто, мой милый; очень просто, можешь поверить на слово Плуту.

Ха-ха-ха!

He understands the catechism of his trade.'

The old man rubbed his hands gleefully together, as he corroborated the Dodger's reasoning in these terms; and chuckled with delight at his pupil's proficiency.

The conversation proceeded no farther at this time, for the Jew had returned home accompanied by Miss Betsy, and a gentleman whom Oliver had never seen before, but who was accosted by the Dodger as Tom Chitling; and who, having lingered on the stairs to exchange a few gallantries with the lady, now made his appearance.

Mr. Chitling was older in years than the Dodger: having perhaps numbered eighteen winters; but there was a degree of deference in his deportment towards that young gentleman which seemed to indicate that he felt himself conscious of a slight inferiority in point of genius and professional acquirements.

He had small twinkling eyes, and a pock-marked face; wore a fur cap, a dark corduroy jacket, greasy fustian trousers, and an apron.

His wardrobe was, in truth, rather out of repair; but he excused himself to the company by stating that his 'time' was only out an hour before; and that, in consequence of having worn the regimentals for six weeks past, he had not been able to bestow any attention on his private clothes.

Mr. Chitling added, with strong marks of irritation, that the new way of fumigating clothes up yonder was infernal unconstitutional, for it burnt holes in them, and there was no remedy against the County.

The same remark he considered to apply to the regulation mode of cutting the hair: which he held to be decidedly unlawful.

Mr. Chitling wound up his observations by stating that he had not touched a drop of anything for forty-two moral long hard-working days; and that he 'wished he might be busted if he warn't as dry as a lime-basket.'

'Where do you think the gentleman has come from,

Он знает азбуку своего ремесла.

Старик весело потирал руки, подтверждая рассуждения Плути, и посмеивался, восхищенный способностями своего ученика.

На этот раз беседа оборвалась, так как еврей вернулся домой в сопровождении мисс Бетси и джентльмена, которого Оливер ни разу еще не видел; Плут называл его Томом Читлингом; он замешкался на лестнице, обмениваясь любезностями с леди, и только что вошел в комнату.

Мистер Читлинг был старше Плути - быть может, видал на своем веку восемнадцать зим, - но обращение его с этим молодым джентльменом отличалось некоторой почтительностью, казалось свидетельствовавшей о том, что он признавал себя, пожалуй, ниже Плути, поскольку речь шла о хитроумии и профессиональных способностях.

У него были маленькие, блестящие глазки и лицо, взрытое оспой; на нем была меховая шапка, темная, из рубчатого плиса куртка, засаленные бумажейные штаны и фартук.

Правду сказать, его костюм был в незавидном состоянии; но он принес извинения компании, заявив, что его "выпустили" всего час назад, а так как он в течение последних шести недель носил мундир, то и не имел возможности уделить внимания своему штатскому платью.

С величайшим раздражением мистер Читлинг добавил, что новый способ окуривать одежду чертовски противоречит конституции, так как прожигается материя; но нет никакой возможности бороться с властями графства.

Подобное же замечание он сделал по поводу распоряжения стричь волосы, которое считал решительно противозаконным.

Свою речь мистер Читлинг закончил заявлением, что вот уже сорок два бесконечных трудовых дня у него ни капли не было во рту и "пусть его прихлопнут, если он не усох".

- Как ты думаешь, Оливер, откуда пришел этот джентльмен? - ухмыляясь, спросил еврей, когда

Oliver?' inquired the Jew, with a grin, as the other boys put a bottle of spirits on the table.

'I — I — don't know, sir,' replied Oliver.

'Who's that?' inquired Tom Chitling, casting a contemptuous look at Oliver.

'A young friend of mine, my dear,' replied the Jew.

'He's in luck, then,' said the young man, with a meaning look at Fagin.

'Never mind where I came from, young 'un; you'll find your way there, soon enough, I'll bet a crown!'

At this sally, the boys laughed.

After some more jokes on the same subject, they exchanged a few short whispers with Fagin; and withdrew.

After some words apart between the last comer and Fagin, they drew their chairs towards the fire; and the Jew, telling Oliver to come and sit by him, led the conversation to the topics most calculated to interest his hearers.

These were, the great advantages of the trade, the proficiency of the Dodger, the amiability of Charley Bates, and the liberality of the Jew himself.

At length these subjects displayed signs of being thoroughly exhausted; and Mr. Chitling did the same: for the house of correction becomes fatiguing after a week or two.

Miss Betsy accordingly withdrew; and left the party to their repose.

From this day, Oliver was seldom left alone; but was placed in almost constant communication with the two boys, who played the old game with the Jew every day: whether for their own improvement or Oliver's, Mr. Fagin best knew.

At other times the old man would tell them stories of robberies he had committed in his younger days: mixed up with so much that was droll and

два других мальчика поставили на стол бутылку виски.

- Н-не знаю, сэр, - сказал Оливер.

- Это кто такой? - спросил Том Читлинг, бросив презрительный взгляд на Оливера.

- Это, милый мой, один из моих юных друзей, - ответил еврей.

- Значит, ему повезло... - сказал молодой человек, многозначительно посмотрев на Феджина.

- Не все ли равно, откуда я пришел, мальчуган? Бьюсь об заклад на крону, что ты скоро отыщешь туда дорогу!

Эта шутка вызвала смех у мальчиков.

Побалагурив еще немного на ту же тему, они шепотом обменялись несколькими словами с Феджином и ушли.

Новый гость потолковал в сторонке с Феджином, после чего оба придвинули свои стулья к очагу, и еврей, подзвав к себе Оливера и приказав ему сесть возле, завел речь о том, что должно было больше всего интересоваться его слушателей.

Разговор шел о великих выгодах их профессии, о сноровке Плута, о добродушном нраве Чарльза Бейтса и о щедрости самого еврея.

Наконец, эти темы истощились, истощен был и мистер Читлинг, ибо пребывание в исправительном доме становится утомительным по истечении одной-двух недель.

Поэтому мисс Бетси ушла, предоставив компании расположиться на отдых.

Начиная с этого дня Оливера редко оставляли одного; почти всегда он находился в обществе обоих мальчиков, которые ежедневно играли с евреем в старую игру - то ли для собственного усовершенствования, то ли для Оливера, - об этом лучше всех знал мистер Феджин.

Иногда старик рассказывал им истории о грабежах, которые совершал в дни молодости, и столько было в них смешного и любопытного,

curious, that Oliver could not help laughing heartily, and showing that he was amused in spite of all his better feelings.

In short, the wily old Jew had the boy in his toils.

Having prepared his mind, by solitude and gloom, to prefer any society to the companionship of his own sad thoughts in such a dreary place, he was now slowly instilling into his soul the poison which he hoped would blacken it, and change its hue for ever.

CHAPTER XIX — IN WHICH A NOTABLE PLAN IS DISCUSSED AND DETERMINED ON

It was a chill, damp, windy night, when the Jew: buttoning his great-coat tight round his shrivelled body, and pulling the collar up over his ears so as completely to obscure the lower part of his face: emerged from his den.

He paused on the step as the door was locked and chained behind him; and having listened while the boys made all secure, and until their retreating footsteps were no longer audible, slunk down the street as quickly as he could.

The house to which Oliver had been conveyed, was in the neighborhood of Whitechapel.

The Jew stopped for an instant at the corner of the street; and, glancing suspiciously round, crossed the road, and struck off in the direction of the Spitalfields.

The mud lay thick upon the stones, and a black mist hung over the streets; the rain fell sluggishly down, and everything felt cold and clammy to the touch.

It seemed just the night when it befitted such a being as the Jew to be abroad.

As he glided stealthily along, creeping beneath the shelter of the walls and doorways, the hideous old man seemed like some loathsome reptile, engendered in the slime and darkness through which he moved: crawling forth, by night, in search of some rich offal for a meal.

что Оливер невольно смеялся от души и, несмотря на все свои прекрасные качества, не мог скрыть, что эти истории его забавляют.

Короче говоря, хитрый старый еврей опутал мальчика своими сетями.

Подготовив его душу одиночеством и унынием к тому, чтобы мальчик предпочел любое общество своим печальным мыслям, старик теперь вливал в нее по капле яд, который, как он надеялся, загрязнит ее, навеки изменив ее цвет.

ГЛАВА XIX, — в которой обсуждают, и принимают замечательный план

Была серая, промозглая, ветреная ночь, когда еврей, застегнув на все пуговицы пальто, плотно облежавшее его иссохшее тело, и подняв воротник до ушей, чтобы скрыть нижнюю часть лица, вышел из своей берлоги.

Он приостановился на ступени, пока запирали за ним дверь и закладывали цепочку, и, убедившись, что мальчики заперли все как следует и шаги их замерли вдаль, побежал по улице так быстро, как только мог.

Дом, куда привели Оливера, был расположен по соседству с Уайтчеплом *.

Еврей на минутку приостановился на углу и, подозрительно осмотревшись по сторонам, перешел через улицу по направлению к Спителфилдс.

Грязь толстым слоем лежала на мостовой, и черная мгла нависла над улицами; моросил дождь, все было холодным и - липким на ощупь.

Казалось, именно в эту ночь и подобает бродить по улицам таким существам, как этот еврей.

Пробираясь крадучись вперед, скользя под прикрытием стен и подъездов, отвратительный старик походил на какое-то омерзительное пресмыкающееся, рожденное в грязи и во тьме, сквозь которые он шел: он полз в ночи в поисках жирной падали себе на обед.

He kept on his course, through many winding and narrow ways, until he reached Bethnal Green; then, turning suddenly off to the left, he soon became involved in a maze of the mean and dirty streets which abound in that close and densely-populated quarter.

The Jew was evidently too familiar with the ground he traversed to be at all bewildered, either by the darkness of the night, or the intricacies of the way.

He hurried through several alleys and streets, and at length turned into one, lighted only by a single lamp at the farther end.

At the door of a house in this street, he knocked; having exchanged a few muttered words with the person who opened it, he walked upstairs.

A dog growled as he touched the handle of a room-door; and a man's voice demanded who was there.

'Only me, Bill; only me, my dear,' said the Jew looking in.

'Bring in your body then,' said Sikes.

'Lie down, you stupid brute!

Don't you know the devil when he's got a great-coat on?'

Apparently, the dog had been somewhat deceived by Mr. Fagin's outer garment; for as the Jew unbuttoned it, and threw it over the back of a chair, he retired to the corner from which he had risen: wagging his tail as he went, to show that he was as well satisfied as it was in his nature to be.

'Well!' said Sikes.

'Well, my dear,' replied the Jew. — 'Ah!

Nancy.'

The latter recognition was uttered with just enough of embarrassment to imply a doubt of its reception; for Mr. Fagin and his young friend had not met, since she had interfered in behalf of Oliver.

All doubts upon the subject, if he had any, were

Он шел извилистыми и узкими улицами, пока не достиг Бетнел-Гряна; затем, круто свернув влево, он очутился в лабиринте грязных улиц, которых так много в этом густонаселенном районе.

По-видимому, еврей был очень хорошо знаком с той местностью, где находился, и его отнюдь не пугали темная ночь и трудная дорога.

Он быстро миновал несколько переулков и улиц и, наконец, свернул в улицу, освещенную только одним фонарем в дальнем ее конце.

Он постучал в дверь одного из домов и, обменявшись вполголоса несколькими невнятными словами с человеком, открывшим ее, поднялся по лестнице.

Когда он коснулся ручки двери, зарычала собака, и голос мужчины спросил, кто там.

- Это я, Билл, это только я, мой милый, - сказал еврей, заглядывая в комнату.

- Ну, так вваливайтесь сюда, - сказал Сайкс.

- Лежи смирно, глупая скотина!

Не можешь ты, что ли, узнать черта, если он в пальто?

Очевидно, собаку ввело в заблуждение верхнее одеяние мистера Феджина, ибо, как только еврей расстегнул пальто и бросил его на спинку стула, она удалилась в свой угол и при этом завиляла хвостом, как бы давая понять, что теперь она удовлетворена, насколько это чувство свойственно ее природе.

- Ну! - сказал Сайкс.

- Ну что ж, милый мой!.. - отозвался еврей.

- А, Нэнси!

В этом обращении слышалось некоторое замешательство, свидетельствовавшее о неуверенности в том, как оно будет принято: мистер Феджин и его юная приятельница не виделись с того дня, как она заступилась за Оливера.

Поведение молодой леди быстро рассеяло все

speedily removed by the young lady's behaviour.

She took her feet off the fender, pushed back her chair, and bade Fagin draw up his, without saying more about it: for it was a cold night, and no mistake.

'It is cold, Nancy dear,' said the Jew, as he warmed his skinny hands over the fire.

'It seems to go right through one,' added the old man, touching his side.

'It must be a piercer, if it finds its way through your heart,' said Mr. Sikes.

'Give him something to drink, Nancy.

Burn my body, make haste!

It's enough to turn a man ill, to see his lean old carcase shivering in that way, like a ugly ghost just rose from the grave.'

Nancy quickly brought a bottle from a cupboard, in which there were many: which, to judge from the diversity of their appearance, were filled with several kinds of liquids.

Sikes pouring out a glass of brandy, bade the Jew drink it off.

'Quite enough, quite, thankye, Bill,' replied the Jew, putting down the glass after just setting his lips to it.

'What! You're afraid of our getting the better of you, are you?' inquired Sikes, fixing his eyes on the Jew.

'Ugh!'

With a hoarse grunt of contempt, Mr. Sikes seized the glass, and threw the remainder of its contents into the ashes: as a preparatory ceremony to filling it again for himself: which he did at once.

The Jew glanced round the room, as his companion tossed down the second glassful; not in curiosity, for he had seen it often before; but in a restless and suspicious manner habitual to him.

сомнения на этот счет, если таковые у него были.

Она спустила ноги с каминной решетки, отодвинула стул и без лишних слов предложила Феджину подсесть к очагу, так как ночь - что и говорить - холодная.

- Да, моя милая Нэнси, очень холодно, - сказал еврей, грея свои костлявые руки над огнем.

- Пронизывает насквозь, - добавил старик, потирая себе бок.

- Лютый должен быть холод, чтобы пробрать вас до самого сердца, - сказал мистер Сайкс.

- Дай ему выпить чего-нибудь, Нэнси.

Да пошевеливайся, черт подери!

Тут и самому недолго заболеть, когда посмотришь, как трясется этот мерзкий старый скелет, словно гнусный призрак, только что вставший из могилы.

Нэнси проворно достала бутылку из шкафа, где стояло еще много бутылок, наполненных, судя по их виду, всевозможными спиртными напитками.

Сайкс, налив стакан бренди, предложил его еврею. - Довольно, довольно...

Спасибо, Билл, - сказал еврей, едва пригубив и поставив стакан на стол.

- Бойтесь, как бы вас не обошли? - сказал Сайкс, пристально посмотрев на еврея.

- Уф!

С хриплым, презрительным ворчанием мистер Сайкс схватил стакан и выплеснул остатки бренди в золу - эта церемония предшествовала тому, чтобы затем наполнить его для себя, что он и сделал.

Пока он опрокидывал в глотку второй стакан, еврей окинул взглядом комнату - не из любопытства, так как не раз уже видел ее, но по свойственной ему подозрительности и вследствие беспокойной своей натуры.

It was a meanly furnished apartment, with nothing but the contents of the closet to induce the belief that its occupier was anything but a working man; and with no more suspicious articles displayed to view than two or three heavy bludgeons which stood in a corner, and a 'life-preserver' that hung over the chimney-piece.

'There,' said Sikes, smacking his lips. 'Now I'm ready.'

'For business?' inquired the Jew.

'For business,' replied Sikes; 'so say what you've got to say.'

'About the crib at Chertsey, Bill?' said the Jew, drawing his chair forward, and speaking in a very low voice.

'Yes.

Wot about it?' inquired Sikes.

'Ah! you know what I mean, my dear,' said the Jew.

'He knows what I mean, Nancy; don't he?'

'No, he don't,' sneered Mr. Sikes.

'Or he won't, and that's the same thing.

Speak out, and call things by their right names; don't sit there, winking and blinking, and talking to me in hints, as if you warn't the very first that thought about the robbery.

Wot d'ye mean?'

'Hush, Bill, hush!' said the Jew, who had in vain attempted to stop this burst of indignation; 'somebody will hear us, my dear.

Somebody will hear us.'

'Let 'em hear!' said Sikes;

'I don't care.'

But as Mr. Sikes DID care, on reflection, he dropped his voice as he said the words, and grew calmer.

'There, there,' said the Jew, coaxingly.

Это была нищенски обставленная комната, и только содержимое шкафа наводило на мысль, что здесь живет человек, не занимающийся трудом; на виду не было никаких подозрительных предметов, кроме нескольких тяжелых дубинок, стоявших в углу, и дубинки со свинцовым наконечником, висевшей над очагом.

- Ну вот, - сказал Сайкс, облизывая губы, - теперь я готов.

- Поговорим о делах? - осведомился еврей.

- Ладно, пусть о делах, - согласился Сайкс.

- Выкладывайте, что хотели сказать. - О делишках в Чертей, Билл? - спросил еврей, придвинув свой стул и понизив голос.

- Ладно.

Что вы об этом скажете? - спросил Сайкс.

- Ах, милый мой, ведь вы знаете, что у меня на уме... - сказал еврей.

- Ведь он это знает, Нэнси, правда?

- Нет, не знает, - ухмыльнулся мистер Сайкс.

- Или не хочет знать, а это одно и то же.

Говорите начистоту и называйте вещи своими именами! Нечего сидеть здесь, моргать да подмигивать и объясняться со мной намеками, как будто не вам первому пришла в голову мысль о грабеже!

Что у вас на уме?

- Тише, Билл, тише! - сказал еврей, тщетно пытавшийся положить конец этому взрыву негодования.

- Нас могут услышать.

- Пусть слушают! - сказал Сайкс.

- Не все ли мне равно?

Но так как мистери Сайксу было не все равно, то, поразмыслив, он заговорил тише и стал заметно спокойнее.

- Ну-ну, - сказал еврей, улещивая его.

'It was only my caution, nothing more.

Now, my dear, about that crib at Chertsey; when is it to be done, Bill, eh?

When is it to be done?

Such plate, my dear, such plate!' said the Jew: rubbing his hands, and elevating his eyebrows in a rapture of anticipation.

'Not at all,' replied Sikes coldly.

'Not to be done at all!' echoed the Jew, leaning back in his chair.

'No, not at all,' rejoined Sikes.

'At least it can't be a put-up job, as we expected.'

'Then it hasn't been properly gone about,' said the Jew, turning pale with anger.

'Don't tell me!'

'But I will tell you,' retorted Sikes. 'Who are you that's not to be told?

I tell you that Toby Crackit has been hanging about the place for a fortnight, and he can't get one of the servants in line.'

'Do you mean to tell me, Bill,' said the Jew: softening as the other grew heated: 'that neither of the two men in the house can be got over?'

'Yes, I do mean to tell you so,' replied Sikes.

'The old lady has had 'em these twenty years; and if you were to give 'em five hundred pound, they wouldn't be in it.'

'But do you mean to say, my dear,' remonstrated the Jew, 'that the women can't be got over?'

'Not a bit of it,' replied Sikes.

'Not by flash Toby Crackit?' said the Jew incredulously.

- Я просто осторожен, вот и все.

А теперь, мой милый, поговорим об этом дельце в Чертей.

Когда мы его обделаем, Билл? Когда?

Какое там столовое серебро, мой милый, какое серебро! - сказал еврей, потирая руки и поднимая брови в предвкушении удовольствия.

- Ничего не выйдет, - холодно отозвался Сайкс.

- Ничего из этого дела не выйдет?.. - воскликнул еврей, откинувшись на спинку стула.

- Да, ничего не выйдет, - сказал Сайкс.

- Во всяком случае, это не такое простое дело, как мы думали.

- Значит, за него взялись плохо, - сказал еврей, побледнев от злости.

- Можете ничего мне не говорить!

- Нет, я вам все расскажу, - возразил Сайкс, - Кто вы такой, что вам ничего нельзя сказать?

Я вам говорю, что Тоби Крекит две недели слонялся вокруг этого места и ему не удалось связаться ни с одним из слуг!

- Неужели вы хотите сказать, Билл, - спросил еврей, успокаиваясь по мере того, как его собеседник начинал горячиться, - что хоть одного из этих двух слуг не удалось переманить?

- Да, это самое я и хочу вам сказать, - ответил Сайкс.

- Вот уже двадцать лет, как они служат у старой леди, и если бы вы им дали пятьсот фунтов, они все равно не клюнули бы.

- Неужели вы хотите сказать, мой милый, что никому не удастся даже женщин переманить? - спросил еврей.

- Совершенно верно, не удастся, - ответил Сайкс.

- Как, даже такому ловкачу, как Тоби Крекит? - недоверчиво сказал еврей.

'Think what women are, Bill,'

'No; not even by flash Toby Crackit,' replied Sikes.

'He says he's worn sham whiskers, and a canary waistcoat, the whole blessed time he's been loitering down there, and it's all of no use.'

'He should have tried mustachios and a pair of military trousers, my dear,' said the Jew.

'So he did,' rejoined Sikes, 'and they warn't of no more use than the other plant.'

The Jew looked blank at this information.

After ruminating for some minutes with his chin sunk on his breast, he raised his head and said, with a deep sigh, that if flash Toby Crackit reported aright, he feared the game was up.

'And yet,' said the old man, dropping his hands on his knees, 'it's a sad thing, my dear, to lose so much when we had set our hearts upon it.'

'So it is,' said Mr. Sikes.

'Worse luck!'

A long silence ensued; during which the Jew was plunged in deep thought, with his face wrinkled into an expression of villainy perfectly demoniacal.

Sikes eyed him furtively from time to time.

Nancy, apparently fearful of irritating the housebreaker, sat with her eyes fixed upon the fire, as if she had been deaf to all that passed.

'Fagin,' said Sikes, abruptly breaking the stillness that prevailed; 'is it worth fifty shiners extra, if it's safely done from the outside?'

'Yes,' said the Jew, as suddenly rousing himself.

'Is it a bargain?' inquired Sikes.

'Yes, my dear, yes,' rejoined the Jew; his eyes glistening, and every muscle in his face working,

- Помните, Билл, что за народ эти женщины!

- Да, даже ловкачу Тоби Крекиту, - ответил Сайкс.

- Он говорит, что приклеивал фальшивые бакенбарды, надевал канареечного цвета жилет, когда слонялся в тех краях, и все ни к чему.

- Лучше было бы ему, мой милый, испробовать усы и военные штаны, - возразил еврей.

- Он и это пробовал, - сказал Сайкс, - а пользы от них было столько же.

Это известие смутило еврея.

Уткнувшись подбородком в грудь, он несколько минут размышлял, а потом поднял голову и сказал с глубоким вздохом, что если ловкач Тоби Крекит рассказал все правильно, то игра, он опасается, проиграна.

- А все-таки, - сказал старик, опуская руки на колени, - грустно, милый мой, столько терять, когда на это были направлены все наши помыслы.

- Верно, - согласился мистер Сайкс.

- Не повезло.

Наступило длительное молчание; еврей погрузился в глубокие размышления, и сморщенное его лицо поистине стало дьявольски мерзким.

Время от времени Сайкс украдкой поглядывал на него.

Нэнси, явно боясь раздражать взломщика, сидела, не спуская глаз с огня, будто оставалась глухой ко всему происходившему.

- Феджин, - спросил Сайкс, резко нарушая наступившую тишину, стоит это дело лишних пятидесяти золотых?

- Да, - сказал еврей, также внезапно оживившись.

- Значит, по рукам? - осведомился Сайкс.

- Да, мой милый, - ответил еврей; глаза у него засверкали, и каждый мускул на лице его

with the excitement that the inquiry had awakened.

'Then,' said Sikes, thrusting aside the Jew's hand, with some disdain, 'let it come off as soon as you like.'

Toby and me were over the garden-wall the night afore last, sounding the panels of the door and shutters.

The crib's barred up at night like a jail; but there's one part we can crack, safe and softly.'

'Which is that, Bill?' asked the Jew eagerly.

'Why,' whispered Sikes, 'as you cross the lawn — '

'Yes?' said the Jew, bending his head forward, with his eyes almost starting out of it.

'Umph!' cried Sikes, stopping short, as the girl, scarcely moving her head, looked suddenly round, and pointed for an instant to the Jew's face.

'Never mind which part it is.

You can't do it without me, I know; but it's best to be on the safe side when one deals with you.'

'As you like, my dear, as you like' replied the Jew.

'Is there no help wanted, but yours and Toby's?'

'None,' said Sikes.

'Cept a centre-bit and a boy.

The first we've both got; the second you must find us.'

'A boy!' exclaimed the Jew.

'Oh! then it's a panel, eh?'

'Never mind wot it is!' replied Sikes.

'I want a boy, and he musn't be a big 'un.

дрожал от волнения, вызванного этим вопросом.

- Ну, так вот, - сказал Сайкс, с некоторым пренебрежением отстраняя руку еврея, - это можно сделать когда угодно.

Позапрошлой ночью мы с Тоби перелезли через ограду сада и ощупали дверь и ставни.

На ночь дом запирают, как тюрьму, но есть одно местечко, куда мы можем пробраться потихоньку и ничем не рискуя.

- Где же это, Билл? - нетерпеливо спросил еврей.

- Нужно, знаете ли, пересечь лужайку... - шепотом заговорил Сайкс.

- Да? - подхватил еврей, вытянув шею и выпучив глаза так, что они едва не выскочили из орбит.

- Уф! - воскликнул Сайкс и запнулся, так как девушка вдруг оглянулась и чуть заметным кивком головы указала на еврея.

- Не все ли равно, где это?

Знаю, что без меня вам все равно не обойтись... Но лучше быть начеку, когда имеешь дело с таким, как вы.

- Как хотите, мой милый, как хотите, - отозвался еврей.

- Помощи вам никакой не надо, вы справитесь вдвоем с Тоби?

- Никакой, - сказал Сайкс.

- Нам нужны только коловорот и мальчишка.

Первый у нас есть, а второго должны достать нам вы.

- Мальчишка! - воскликнул еврей.

- О, так, стало быть, речь идет о филенке?

- Вам до этого нет никакого дела! - ответил Сайкс.

- Мне нужен мальчишка, и мальчишка должен быть не жирный.

Lord!' said Mr. Sikes, reflectively, 'if I'd only got that young boy of Ned, the chimbley-sweeper's!

He kept him small on purpose, and let him out by the job.

But the father gets lagged; and then the Juvenile Delinquent Society comes, and takes the boy away from a trade where he was earning money, teaches him to read and write, and in time makes a 'prentice of him.

And so they go on,' said Mr. Sikes, his wrath rising with the recollection of his wrongs, 'so they go on; and, if they'd got money enough (which it's a Providence they haven't,) we shouldn't have half a dozen boys left in the whole trade, in a year or two.'

'No more we should,' acquiesced the Jew, who had been considering during this speech, and had only caught the last sentence.

'Bill!'

'What now?' inquired Sikes.

The Jew nodded his head towards Nancy, who was still gazing at the fire; and intimated, by a sign, that he would have her told to leave the room.

Sikes shrugged his shoulders impatiently, as if he thought the precaution unnecessary; but complied, nevertheless, by requesting Miss Nancy to fetch him a jug of beer.

'You don't want any beer,' said Nancy, folding her arms, and retaining her seat very composedly.

'I tell you I do!' replied Sikes.

'Nonsense,' rejoined the girl coolly,

'Go on, Fagin.

I know what he's going to say, Bill; he needn't mind me.'

The Jew still hesitated.

О господи! - раздумчиво сказал мистер Сайкс. - Если бы я мог заполучить сынишку трубочиста Нэда!

Он нарочно держал его в черном теле и отпускал на работу.

Но отца послали на каторгу, и тогда вмешалось Общество попечения о малолетних преступниках, забрало мальчишку, лишило его ремесла, которое давало заработок, обучает грамоте и со временем сделает из него подмастерье.

Вечно они суются! - сказал мистер Сайкс, припоминая все обиды и раздражаясь все больше и больше. - Вечно суются! И будь у них достаточно денег (слава богу, их нет!), у нас через годик-другой не осталось бы и пяти мальчишек для нашего ремесла.

- Правильно, - согласился еврей, который в продолжение этой речи был погружен в размышления и расслышал только последнюю фразу.

- Билл!

- Ну, что еще? - сказал Сайкс.

Еврей кивнул головой в сторону Нэнси, которая по-прежнему смотрела на огонь, и этим дал понять, что лучше было бы удалить ее из комнаты.

Сайкс нетерпеливо пожал плечами, как будто считал такую меру предосторожности излишней, но тем не менее подчинился и потребовал, чтобы мисс Нэнси принесла ему кружку пива.

- Никакого пива ты не хочешь, - сказала Нэнси, складывая руки и преспокойно оставаясь на своем месте.

- А я говорю тебе, что хочу! - крикнул Сайкс.

- Вздор! - хладнокровно ответила девушка.

- Продолжайте, Феджин.

Я знаю, что он хочет сказать, Билл. На меня он может не обращать никакого внимания.

Еврей все еще колебался.

Sikes looked from one to the other in some surprise.

'Why, you don't mind the old girl, do you, Fagin?' he asked at length.

'You've known her long enough to trust her, or the Devil's in it.

She ain't one to blab.

Are you Nancy?

'I should think not!' replied the young lady: drawing her chair up to the table, and putting her elbows upon it.

'No, no, my dear, I know you're not,' said the Jew; 'but — ' and again the old man paused.

'But wot?' inquired Sikes.

'I didn't know whether she mightn't p'r'aps be out of sorts, you know, my dear, as she was the other night,' replied the Jew.

At this confession, Miss Nancy burst into a loud laugh; and, swallowing a glass of brandy, shook her head with an air of defiance, and burst into sundry exclamations of

'Keep the game a-going!'

'Never say die!' and the like.

These seemed to have the effect of re-assuring both gentlemen; for the Jew nodded his head with a satisfied air, and resumed his seat: as did Mr. Sikes likewise.

'Now, Fagin,' said Nancy with a laugh. 'Tell Bill at once, about Oliver!'

'Ha! you're a clever one, my dear: the sharpest girl I ever saw!' said the Jew, patting her on the neck.

'It WAS about Oliver I was going to speak, sure enough.

Ha! ha! ha!'

'What about him?' demanded Sikes.

Сайкс удивленно переводил взгляд с него на нее.

- Да неужели девушка мешает вам, Феджин? - сказал он, наконец. - Что за чертовщина!

Вы давно ее знаете и можете ей доверять.

Она не из болтливых.

Верно, Нэнси?

- Ну еще бы! - ответила эта молодая леди, придвинув стул к столу и облокотившись на него.

- Да, да, моя милая, я это знаю, - сказал еврей, - но... - И старик снова запнулся.

- Но - что? - спросил Сайкс.

- Я думал, что она, знаете ли, опять выйдет из себя, как в тот вечер, - ответил еврей.

Услыхав такое признание, мисс Нэнси громко расхохоталась и, залпом выпив стаканчик бренди, вызываяще покачала головой и разразилась восклицаниями, вроде:

"Валяйте смелее",

"Никогда не унывайте" и тому подобными.

По-видимому, они подействовали успокоительно на обоих джентльменов, так как еврей с удовлетворенным видом кивнул головой и снова занял свое место; так же поступил и мистер Сайкс.

- Ну, Феджин, - со смехом сказала Нэнси, - поскорее расскажите Биллу об Оливере!

- Ха! Какая ты умница, моя милая! Никогда еще не видывал такой смышленной девушки! - сказал еврей, поглаживая ее по шее.

- Верно, я хотел поговорить об Оливере.

Ха-ха-ха!

- Что же вы хотели сказать о нем! - спросил Сайкс.

- Для вас это самый подходящий мальчик, мой

'He's the boy for you, my dear,' replied the Jew in a hoarse whisper; laying his finger on the side of his nose, and grinning frightfully.

'He!' exclaimed. Sikes.

'Have him, Bill!' said Nancy.

'I would, if I was in your place.

He mayn't be so much up, as any of the others; but that's not what you want, if he's only to open a door for you.

Depend upon it he's a safe one, Bill.'

'I know he is,' rejoined Fagin.

'He's been in good training these last few weeks, and it's time he began to work for his bread.

Besides, the others are all too big.'

'Well, he is just the size I want,' said Mr. Sikes, ruminating.

'And will do everything you want, Bill, my dear,' interposed the Jew; 'he can't help himself.

That is, if you frighten him enough.'

'Frighten him!' echoed Sikes.

'It'll be no sham frightening, mind you.

If there's anything queer about him when we once get into the work; in for a penny, in for a pound.

You won't see him alive again, Fagin.

Think of that, before you send him.

Mark my words!' said the robber, poising a crowbar, which he had drawn from under the bedstead.

'I've thought of it all,' said the Jew with energy.

'I've — I've had my eye upon him, my dears, close — close.

Once let him feel that he is one of us; once fill his

милый, - хриплым шепотом ответил еврей, прикладывая палец к носу и отвратительно ухмыляясь.

- Он?! - воскликнул Сайкс.

- Возьми его, Билл, - сказала Нэнси.

- Я бы взяла, будь я на твоём месте.

Может, он не так проворен, как другие, но ведь тебе нужно только, чтобы он отпер дверь.

Будь уверен, Билл, на него можно положиться.

- Я в этом не сомневаюсь, - подтвердил Феджин.

- Эти последние недели мы его здорово дрессировали, и пора ему зарабатывать себе на хлеб.

К тому же все остальные слишком велики.

- Да, он как раз подходит по росту, - задумчиво сказал мистер Сайкс.

- И он исполнит все, чего вы от него потребуете, Билл, милый мой, - присовокупил еврей. - У него другого выхода нет.

Конечно, если вы его хорошенько припугнете.

- Припугнуть! - подхватил Сайкс.

- Запомните, я его припугну не на шутку.

Если он вздумает увиливать, когда мы примемся за работу, я ему не спущу ни на пенни, ни на фунт.

Живым вы его не увидите, Феджин.

Подумайте об этом, прежде чем посылать его.

Запомните мои слова! - сказал грабитель, показывая лом, который он достал из-под кровати.

- Обо всем этом я подумал, - с жаром ответил еврей.

- Я... к нему присматривался, мой милый, очень внимательно.

Нужно только дать ему понять, что он из нашей

mind with the idea that he has been a thief; and he's ours!

Ours for his life.

Oho!

It couldn't have come about better!

The old man crossed his arms upon his breast; and, drawing his head and shoulders into a heap, literally hugged himself for joy.

'Ours!' said Sikes.

'Yours, you mean.'

'Perhaps I do, my dear,' said the Jew, with a shrill chuckle.

'Mine, if you like, Bill.'

'And wot,' said Sikes, scowling fiercely on his agreeable friend, 'wot makes you take so much pains about one chalk-faced kid, when you know there are fifty boys snoozing about Common Garden every night, as you might pick and choose from?'

'Because they're of no use to me, my dear,' replied the Jew, with some confusion, 'not worth the taking.'

Their looks convict 'em when they get into trouble, and I lose 'em all.

With this boy, properly managed, my dears, I could do what I couldn't with twenty of them.

Besides,' said the Jew, recovering his self-possession, 'he has us now if he could only give us leg-bail again; and he must be in the same boat with us.

Never mind how he came there; it's quite enough for my power over him that he was in a robbery; that's all I want.

Now, how much better this is, than being obliged to put the poor leetle boy out of the way — which would be dangerous, and we should lose by it

компании, вбить ему в голову, что он стал вором, - и тогда он наш!

Наш на всю жизнь.

Ого!

Как это все кстати случилось!

Старик скрестил руки на груди; опустив голову и сгорбившись, он как будто обнимал самого себя от радости.

- Наш! - повторил Сайкс.

- Вы хотите сказать - ваш!

- Может быть, мой, милый, - сказал еврей, пронзительно захихикав.

- Мой, если хотите, Билл!

- А почему, - спросил Сайкс, нахмурившись и злобно взглянув на своего милого дружка, - почему вы столько труда положили на какого-то чахлого младенца, когда вам известно, что в Коммон-Гарден каждый вечер слоняются пятьдесят мальчишек, из которых - вы можете выбрать любого?

- Потому что от них мне никакой пользы, мой милый, - с некоторым смущением ответил еврей.

- Не стоит и говорить. Если случится им попасть в беду, их выдаст сама их физиономия, и тогда для меня они потеряны.

А если этого мальчика хорошенько вымуштровать, мои милые, с ним я больше сделаю, чем с двумя десятками других.

И к тому же, - добавил еврей, оправившись от смущения, - он нас теперь предаст, если только ему удастся удрать, а потому он должен разделить нашу судьбу. Не все ли равно, как это случится?

В моей власти заставить его принять участие в грабеже - вот все, что мне нужно.

И к тому же это куда лучше, чем смести с дороги бедного маленького мальчика. Это было бы опасно, и вдобавок мы потеряли бы на этом

besides.'

'When is it to be done?' asked Nancy, stopping some turbulent exclamation on the part of Mr. Sikes, expressive of the disgust with which he received Fagin's affectation of humanity.

'Ah, to be sure,' said the Jew; 'when is it to be done, Bill?'

'I planned with Toby, the night arter to-morrow,' rejoined Sikes in a surly voice, 'if he heerd nothing from me to the contrary.'

'Good,' said the Jew; 'there's no moon.'

'No,' rejoined Sikes.

'It's all arranged about bringing off the swag, is it?' asked the Jew.

Sikes nodded.

'And about — '

'Oh, ah, it's all planned,' rejoined Sikes, interrupting him.

'Never mind particulars.

You'd better bring the boy here to-morrow night.

I shall get off the stone an hour arter daybreak.

Then you hold your tongue, and keep the melting-pot ready, and that's all you'll have to do.'

After some discussion, in which all three took an active part, it was decided that Nancy should repair to the Jew's next evening when the night had set in, and bring Oliver away with her; Fagin craftily observing, that, if he evinced any disinclination to the task, he would be more willing to accompany the girl who had so recently interfered in his behalf, than anybody else.

It was also solemnly arranged that poor Oliver should, for the purposes of the contemplated expedition, be unreservedly consigned to the care and custody of Mr. William Sikes; and further, that the said Sikes should deal with him as he thought fit; and should not be held responsible by the Jew for any mischance or evil that might be necessary

деле.

- На какой день назначено? - спросила Нэнси, помешав мистеру Сайксу разразиться негодующими возгласами в ответ на человеколюбивые замечания Феджина.

- Да, в самом деле, - подхватил еврей, - на какой день назначено, Билл?

- Я сговорился с Тоби на послезавтра, ночью, - угрюмо ответил Сайкс. - В случае чего я его предупрежу.

- Прекрасно, - сказал еврей, - луны не будет.

- Не будет, - подтвердил Сайкс.

- Значит, все приготовлено, чтобы завладеть добычей? - спросил еврей.

Сайкс кивнул.

- И насчет того, чтобы...

- Обо всем договорились, - перебил его Сайкс.

- Нечего толковать о подробностях.

Приведите-ка лучше мальчишку завтра вечером.

Я тронусь в путь через час после рассвета.

А вы держите язык за зубами и тигель наготове, больше ничего от вас не требуется.

После недолгой беседы, в которой все трое принимали живое участие, было решено, что завтра, в сумерках, Нэнси отправится к еврею и уведет с собой Оливера; при этом Феджин хитро заметил, что, если Оливер вздумает оказать сопротивление, он, Феджин, с большей готовностью, чем кто-нибудь другой, согласен сопровождать девушку, которая недавно заступалась за Оливера.

Торжественно условились также, что бедный Оливер, ввиду задуманной экспедиции, будет всецело поручен заботам и попечению мистера Уильяма Сайкса и что упомянутый Сайкс будет обходиться с ним так, как сочтет нужным, и еврей не призовет его к ответу в случае, если Оливера постигнет какая-нибудь беда или

to visit him: it being understood that, to render the compact in this respect binding, any representations made by Mr. Sikes on his return should be required to be confirmed and corroborated, in all important particulars, by the testimony of flash Toby Crackit.

These preliminaries adjusted, Mr. Sikes proceeded to drink brandy at a furious rate, and to flourish the crowbar in an alarming manner; yelling forth, at the same time, most unmusical snatches of song, mingled with wild execrations.

At length, in a fit of professional enthusiasm, he insisted upon producing his box of housebreaking tools: which he had no sooner stumbled in with, and opened for the purpose of explaining the nature and properties of the various implements it contained, and the peculiar beauties of their construction, than he fell over the box upon the floor, and went to sleep where he fell.

'Good-night, Nancy,' said the Jew, muffling himself up as before.

'Good-night.'

Their eyes met, and the Jew scrutinised her, narrowly.

There was no flinching about the girl.

She was as true and earnest in the matter as Toby Crackit himself could be.

The Jew again bade her good-night, and, bestowing a sly kick upon the prostrate form of Mr. Sikes while her back was turned, groped downstairs.

'Always the way!' muttered the Jew to himself as he turned homeward.

'The worst of these women is, that a very little thing serves to call up some long-forgotten feeling; and, the best of them is, that it never lasts.

Ha! ha!

The man against the child, for a bag of gold!'

окажется необходимым подвергнуть его наказанию; относительно этого пункта договорились, что любое заявление мистера Сайкса по возвращении домой будет во всех важных деталях подтверждено и засвидетельствовано ловкачом Тоби Крекитом.

Когда с предварительными переговорами было покончено, мистер Сайкс с ожесточением принялся за бренди, устрашающе размахивал ломом, во все горло, весьма немusыкально распевал какую-то песню и выкрикивая отвратительные ругательства.

Наконец, в порыве профессионального энтузиазма он пожелал показать свой ящик с набором воровских инструментов; не успел он ввалиться с ним в комнату и открыть его с целью объяснить свойства и качества различных находящихся в нем инструментов и своеобразную прелесть их конструкции, как растянулся вместе с ящиком на полу и заснул, где упал.

- Спокойной ночи, Нэнси, - сказал еврей, снова закутываясь до ушей.

- Спокойной ночи.

Взгляды их встретились, и еврей зорко посмотрел на нее.

Девушка и глазом не моргнула.

Она так же не помышляла об обмане и так же серьезно относилась к делу, как и сам Тоби Крекит.

Еврей снова пожелал ей спокойной ночи, украдкой лягнул за ее спиной распростертое тело мистера Сайкса и ощупью спустился по лестнице.

- Вечно одно и то же, - бормотал себе под нос еврей, возвращаясь домой.

- Хуже всего в этих женщинах то, что малейший пустяк пробуждает в них какое-то давно забытое чувство, а лучше всего то, что это скоро проходит.

Ха-ха!

Мужчина против ребенка, - за мешок золота!

Beguiling the time with these pleasant reflections, Mr. Fagin wended his way, through mud and mire, to his gloomy abode: where the Dodger was sitting up, impatiently awaiting his return.

'Is Oliver a-bed?

I want to speak to him,' was his first remark as they descended the stairs.

'Hours ago,' replied the Dodger, throwing open a door.

'Here he is!'

The boy was lying, fast asleep, on a rude bed upon the floor; so pale with anxiety, and sadness, and the closeness of his prison, that he looked like death; not death as it shows in shroud and coffin, but in the guise it wears when life has just departed; when a young and gentle spirit has, but an instant, fled to Heaven, and the gross air of the world has not had time to breathe upon the changing dust it hallowed.

'Not now,' said the Jew, turning softly away.

'To-morrow.

To-morrow.'

CHAPTER XX — WHEREIN OLIVER IS DELIVERED OVER TO MR. WILLIAM SIKES

When Oliver awoke in the morning, he was a good deal surprised to find that a new pair of shoes, with strong thick soles, had been placed at his bedside; and that his old shoes had been removed.

At first, he was pleased with the discovery: hoping that it might be the forerunner of his release; but such thoughts were quickly dispelled, on his sitting down to breakfast along with the Jew, who told him, in a tone and manner which increased his alarm, that he was to be taken to the residence of Bill Sikes that night.

'To — to — stop there, sir?' asked Oliver, anxiously.

'No, no, my dear. Not to stop there,' replied the Jew.

Коротая время за такими приятными размышлениями, мистер Феджин добрался по грязи и слякоти - до своего мрачного жилища, где бодрствовал Плут, нетерпеливо ожидавший его возвращения.

- Оливер спит?

Я хочу с ним поговорить, - были первые слова Феджина, когда они спустились вниз.

- Давным-давно, - ответил Плут, распахнув дверь.

- Вот он!

Мальчик крепко спал на жесткой постели, постланной на полу; от тревоги, печали и затхлого воздуха своей темницы он был бледен как смерть - не мертвец в саване и гробу, но тот, кого только что покинула жизнь и чей кроткий юный дух секунду назад вознесся к небу, а грубый воздух земного мира еще не успел изменить тленную оболочку...

- Не сейчас, - сказал еврей, потихоньку отходя от него.

- Завтра.

Завтра.

ГЛАВА XX, — в которой Оливер поступает в распоряжение мистера Уильяма Сайкса

Проснувшись утром, Оливер с большим удивлением увидел, что у его постели стоит пара новых башмаков на прочной толстой подошве, а старые его башмаки исчезли.

Сначала он обрадовался этому открытию, надеясь, что оно предвещает ему освобождение, но надежда быстро рассеялась, когда он уселся завтракать вместе с евреем и тот сообщил ему, что сегодня вечером его отведут в резиденцию Билла Сайкса, причем тон и вид еврея еще более усилили его тревогу.

- И... и оставят там совсем, сэр? - с беспокойством спросил Оливер.

- Нет, нет, мой милый, не оставят, - ответил еврей.

'We shouldn't like to lose you.

Don't be afraid, Oliver, you shall come back to us again.

Ha! ha! ha!

We won't be so cruel as to send you away, my dear.

Oh no, no!'

The old man, who was stooping over the fire toasting a piece of bread, looked round as he bantered Oliver thus; and chuckled as if to show that he knew he would still be very glad to get away if he could.

'I suppose,' said the Jew, fixing his eyes on Oliver, 'you want to know what you're going to Bill's for — eh, my dear?'

Oliver coloured, involuntarily, to find that the old thief had been reading his thoughts; but boldly said, Yes, he did want to know.

'Why, do you think?' inquired Fagin, parrying the question.

'Indeed I don't know, sir,' replied Oliver.

'Bah!' said the Jew, turning away with a disappointed countenance from a close perusal of the boy's face.

'Wait till Bill tells you, then.'

The Jew seemed much vexed by Oliver's not expressing any greater curiosity on the subject; but the truth is, that, although Oliver felt very anxious, he was too much confused by the earnest cunning of Fagin's looks, and his own speculations, to make any further inquiries just then.

He had no other opportunity: for the Jew remained very surly and silent till night: when he prepared to go abroad.

'You may burn a candle,' said the Jew, putting one upon the table.

'And here's a book for you to read, till they come to fetch you.

- Нам бы не хотелось расставаться с тобой.

Не бойся, Оливер, ты к нам вернешься!

Ха-ха-ха!

Мы не так жестоки и не отпустим тебя, мой милый.

О нет!

Старик, склонившийся над очагом и поджаривавший кусок хлеба, оглянулся, подшучивая над Оливером, и захихикал, давая понять, что прекрасно знает, как рад был бы Оливер уйти, будь это возможно.

- Я думаю, мой милый, - сказал еврей, устремив взгляд на Оливера, - тебе хочется знать, зачем тебя посылают к Биллу?

Оливер невольно покраснел, видя, что старый вор отгадал его мысли, но храбро сказал: да, ему хотелось бы это знать.

- А как ты думаешь, зачем? - спросил Феджин, уклоняясь от ответа.

- Право, не знаю, сэр, - отозвался Оливер.

- Эх, ты! - воскликнул еврей и, пристально всмотревшись в лицо мальчика, с неудовольствием отвернулся.

- Подожди, пусть Билл сам тебе скажет.

Еврею как будто досадно было, что Оливер не проявил большого любопытства. Между тем дело объяснилось так: хотя Оливер и был очень встревожен, но его слишком смутили серьезные и лукавые взгляды Феджина и его собственные мысли, чтобы он мог в тот момент задавать какие-нибудь вопросы.

Но другого случая ему уже не представилось, потому что вплоть до самого вечера еврей хмурился и молчал, а потом собрался уйти из дому.

- Ты можешь зажечь свечу, - сказал он, поставив ее - на стол.

- А вот тебе книга, читай, пока не зайдут за тобой.

Good-night!'

'Good-night!' replied Oliver, softly.

The Jew walked to the door: looking over his shoulder at the boy as he went.

Suddenly stopping, he called him by his name.

Oliver looked up; the Jew, pointing to the candle, motioned him to light it.

He did so; and, as he placed the candlestick upon the table, saw that the Jew was gazing fixedly at him, with lowering and contracted brows, from the dark end of the room.

'Take heed, Oliver! take heed!' said the old man, shaking his right hand before him in a warning manner.

'He's a rough man, and thinks nothing of blood when his own is up.

Whatever falls out, say nothing; and do what he bids you.

Mind!'

Placing a strong emphasis on the last word, he suffered his features gradually to resolve themselves into a ghastly grin, and, nodding his head, left the room.

Oliver leaned his head upon his hand when the old man disappeared, and pondered, with a trembling heart, on the words he had just heard.

The more he thought of the Jew's admonition, the more he was at a loss to divine its real purpose and meaning.

He could think of no bad object to be attained by sending him to Sikes, which would not be equally well answered by his remaining with Fagin; and after meditating for a long time, concluded that he had been selected to perform some ordinary menial offices for the housebreaker, until another boy, better suited for his purpose could be engaged.

He was too well accustomed to suffering, and had suffered too much where he was, to bewail the prospect of change very severely.

Спокойной ночи!

- Спокойной ночи, - тихо отозвался Оливер.

Еврей направился к двери, посмотрел через плечо на мальчика.

Вдруг он остановился и окликнул его по имени.

Оливер поднял голову; еврей знаком приказал ему зажечь свечу.

Он повиновался и, поставив подсвечник на стол, увидел, что еврей, нахмурившись и сдвинув брови, пристально смотрит на него из темного угла комнаты.

- Берегись, Оливер, берегись! - сказал старик, предостерегающе погрозив ему правой рукой.

- Он человек грубый. Что ему стоит пролить кровь, если у него самого кровь закипит в жилах!

Что бы ни случилось - молчи. И делай все, что он тебе прикажет.

Помни!

Сделав ударение на последнем слове, он отвратительно улыбнулся и, кивнув головой, вышел из комнаты.

Когда старик ушел, Оливер подпер голову рукой и с трепещущим сердцем задумался о словах Феджина.

Чем больше он размышлял о предостережении еврея, тем труднее было ему угадать подлинный его смысл.

Он не мог придумать, для какого недоброго дела хотят отослать его к Сайксу и почему нельзя достигнуть той же цели, оставив его у Феджина, и после долгих размышлений решил, что его выбрали прислуживать взломщику и исполнять повседневную черную работу, пока тот не подыщет другого, более подходящего мальчика.

Он слишком привык к страданиям и слишком много выстрадал здесь, чтобы с горечью сетовать на предстоящую перемену.

He remained lost in thought for some minutes; and then, with a heavy sigh, snuffed the candle, and, taking up the book which the Jew had left with him, began to read.

He turned over the leaves.

Carelessly at first; but, lighting on a passage which attracted his attention, he soon became intent upon the volume.

It was a history of the lives and trials of great criminals; and the pages were soiled and thumbled with use.

Here, he read of dreadful crimes that made the blood run cold; of secret murders that had been committed by the lonely wayside; of bodies hidden from the eye of man in deep pits and wells: which would not keep them down, deep as they were, but had yielded them up at last, after many years, and so maddened the murderers with the sight, that in their horror they had confessed their guilt, and yelled for the gibbet to end their agony.

Here, too, he read of men who, lying in their beds at dead of night, had been tempted (so they said) and led on, by their own bad thoughts, to such dreadful bloodshed as it made the flesh creep, and the limbs quail, to think of.

The terrible descriptions were so real and vivid, that the sallow pages seemed to turn red with gore; and the words upon them, to be sounded in his ears, as if they were whispered, in hollow murmurs, by the spirits of the dead.

In a paroxysm of fear, the boy closed the book, and thrust it from him.

Then, falling upon his knees, he prayed Heaven to spare him from such deeds; and rather to will that he should die at once, than be reserved for crimes, so fearful and appalling.

By degrees, he grew more calm, and besought, in a low and broken voice, that he might be rescued from his present dangers; and that if any aid were to be raised up for a poor outcast boy who had never known the love of friends or kindred, it

Несколько минут он сидел погруженный в свои думы, потом с тяжелым вздохом снял нагар со свечи и, взяв книгу, которую оставил ему еврей, стал читать.

Он перелистывал страницы.

Сначала читал рассеянно, но, заинтересовавшись отрывком, который привлек его внимание, он вскоре погрузился в чтение.

Это были биографии и судебные процессы знаменитых преступников; страницы были запачканы, замусолены грязными пальцами.

В этой книге он читал об ужасных преступлениях, от которых кровь стынет в жилах; об убийствах из-за угла, совершенных на безлюдных проселочных дорогах; о трупах, сокрытых от глаз людских в глубоких ямах и колодцах, которые - как ни были они глубоки - не сохранили их на дне, но по истечении многих лет выбросили их в конце концов на поверхность, и это зрелище столь устало убило, что в ужасе они покаялись и молили о виселице, чтобы избавиться от душевной муки.

Здесь читал он также о людях, которые, лежа глухой ночью в постели, предавались (по их словам) греховным своим мыслям и потом совершали убийства столь ужасные, что при одной мысли о них мороз пробежал по коже и руки и ноги дрожали.

Страшные описания были так реальны и яркие, что пожелтевшие страницы, казалось, краснели от запекшейся крови, а слова звучали в ушах Оливера, как будто их глухо нашептывали ему призраки умерших.

В ужасе мальчик захлопнул книгу и отшвырнул ее от себя.

Потом, упав на колени, он стал молиться и просил Бога избавить его от таких деяний и лучше ниспослать сейчас же смерть, чем сохранить ему жизнь для того, чтобы он совершил преступления столь страшные и отвратительные.

Мало-помалу он успокоился и тихим, прерывающимся голосом молил спасти его от угрожающей ему опасности и, если можно, прийти на помощь бедному, всеми отвергнутому мальчику, никогда не знавшему любви друзей и

might come to him now, when, desolate and deserted, he stood alone in the midst of wickedness and guilt.

He had concluded his prayer, but still remained with his head buried in his hands, when a rustling noise aroused him.

'What's that!' he cried, starting up, and catching sight of a figure standing by the door.

'Who's there?'

'Me. Only me,' replied a tremulous voice.

Oliver raised the candle above his head: and looked towards the door.

It was Nancy.

'Put down the light,' said the girl, turning away her head.

'It hurts my eyes.'

Oliver saw that she was very pale, and gently inquired if she were ill.

The girl threw herself into a chair, with her back towards him: and wrung her hands; but made no reply.

'God forgive me!' she cried after a while,

'I never thought of this.'

'Has anything happened?' asked Oliver.

'Can I help you?'

I will if I can.

I will, indeed.'

She rocked herself to and fro; caught her throat; and, uttering a gurgling sound, gasped for breath.

'Nancy!' cried Oliver, 'What is it?'

The girl beat her hands upon her knees, and her feet upon the ground; and, suddenly stopping, drew her shawl close round her: and shivered with cold.

Oliver stirred the fire.

родных, помочь ему сейчас, когда он, одинокий и всеми покинутый, находится в самой гуще пороков и преступлений.

Он кончил молиться, но все еще закрывал лицо руками, как вдруг какой-то шорох заставил его встrepенуться.

- Что это? - воскликнул он и вздрогнул, заметив какую-то фигуру, стоящую у двери.

- Кто там?

- Я... это я, - раздался дрожащий голос.

Оливер поднял над головой свечу и посмотрел в сторону двери.

Там стояла Нэнси.

- Поставь свечку, - отворачиваясь, сказала девушка.

- Свет режет мне глаза.

Оливер заметил, как она бледна, и ласково спросил, не больна ли она.

Девушка бросилась на стул спиной к нему и стала ломать руки, но ничего не ответила.

- Помилуй меня, боже! - воскликнула она немного погодя.

- Я об этом не подумала.

- Что-то случилось? - спросил Оливер.

- Не могу ли я вам помочь?

Я все сделаю, что в моих силах.

Право же, все!

Она раскачивалась взад и вперед, схватив себя за горло, и, всхлипывая, ловила воздух ртом.

- Нэнси, - крикнул Оливер, - что с вами?

Девушка заколотила руками по коленям, затопала ногами, потом, вдруг затихнув, задрожала от холода и плотнее закуталась в шаль.

Оливер размешал угли в очаге.

Drawing her chair close to it, she sat there, for a little time, without speaking; but at length she raised her head, and looked round.

'I don't know what comes over me sometimes,' said she, affecting to busy herself in arranging her dress; 'it's this damp dirty room, I think.

Now, Nolly, dear, are you ready?'

'Am I to go with you?' asked Oliver.

'Yes. I have come from Bill,' replied the girl.

'You are to go with me.'

'What for?' asked Oliver, recoiling.

'What for?' echoed the girl, raising her eyes, and averting them again, the moment they encountered the boy's face.

'Oh! For no harm.'

'I don't believe it,' said Oliver: who had watched her closely.

'Have it your own way,' rejoined the girl, affecting to laugh.

'For no good, then.'

Oliver could see that he had some power over the girl's better feelings, and, for an instant, thought of appealing to her compassion for his helpless state.

But, then, the thought darted across his mind that it was barely eleven o'clock; and that many people were still in the streets: of whom surely some might be found to give credence to his tale.

As the reflection occurred to him, he stepped forward: and said, somewhat hastily, that he was ready.

Neither his brief consideration, nor its purport, was lost on his companion.

She eyed him narrowly, while he spoke; and cast upon him a look of intelligence which sufficiently showed that she guessed what had been passing in his thoughts.

'Hush!' said the girl, stooping over him, and

Придвинув стул к огню, она сначала сидела молча; наконец, она подняла голову и осмотрелась вокруг.

- Не понимаю, что это иной раз на меня находит, - сказала она, делая вид, будто оправляет платье, - Должно быть, виновата эта сырая, грязная комната...

Ну, Ноли, дорогой мой, ты готов?

- Я должен идти с вами? - спросил Оливер.

- Да, меня прислал Билл, - ответила девушка.

- Ты пойдешь со мной?

- Зачем? - отшатнувшись, спросил Оливер.

- Зачем? - повторила девушка и подняла глаза, но, взглянув на мальчика, тотчас же отвернулась.

- Нет, не для худого дела.

- Не верю, - сказал Оливер, пристально следивший за ней.

- Пусть будет по-твоему, - отозвалась девушка с деланным смехом.

- Пожалуй, не для доброго.

Оливер видел, что может в какой-то мере пробудить в девушке лучшие чувства, и, нигде не находя помощи, подумал воззвать к ее состраданию.

Но потом у него мелькнула мысль, что сейчас только одиннадцать часов и на улице еще много прохожих; конечно, среди них найдется кто-нибудь, кто поверит его рассказу.

Придя к такому заключению, он шагнул вперед и торопливо заявил, что готов идти.

Недолгое его раздумье было подмечено Нэнси.

Она следила за ним, пока он говорил, и бросила на него зоркий взгляд, который ясно показывал, что она угадала, какие мысли пронеслись у него в голове.

- Тсс!.. - зашептала девушка, наклонившись к

pointing to the door as she looked cautiously round.

'You can't help yourself.

I have tried hard for you, but all to no purpose.

You are hedged round and round.

If ever you are to get loose from here, this is not the time.'

Struck by the energy of her manner, Oliver looked up in her face with great surprise.

She seemed to speak the truth; her countenance was white and agitated; and she trembled with very earnestness.

'I have saved you from being ill-used once, and I will again, and I do now,' continued the girl aloud; 'for those who would have fetched you, if I had not, would have been far more rough than me.

I have promised for your being quiet and silent; if you are not, you will only do harm to yourself and me too, and perhaps be my death.

See here!

I have borne all this for you already, as true as God sees me show it.'

She pointed, hastily, to some livid bruises on her neck and arms; and continued, with great rapidity:

'Remember this!

And don't let me suffer more for you, just now.

If I could help you, I would; but I have not the power.

They don't mean to harm you; whatever they make you do, is no fault of yours.

Hush!

Every word from you is a blow for me.

Give me your hand.

Make haste!

нему, и, осторожно озираясь, указала на дверь.

- Ты ничего не можешь поделать.

Я изо всех сил старалась тебе помочь, но это ни к чему не привело.

Ты связан по рукам и по ногам.

Если удастся тебе когда-нибудь вырваться отсюда, то во всяком случае не сейчас.

Пораженный ее выразительным тоном, Оливер удивленно смотрел на нее.

Казалось, она говорит правду; лицо у нее было бледное и встревоженное, и она дрожала от волнения.

- Один раз я тебя уже спасла от побоев, и еще раз спасу, да я и сейчас это делаю, - повысив голос, продолжала девушка. - Ведь если бы вместо меня послали кого-нибудь другого, он обошелся бы с тобой гораздо грубее, чем я.

Я поручилась, что ты будешь вести себя тихо и смирно. Если ты не слушаешь, то повредишь и себе и мне и, может быть, принесешь мне смерть.

Смотри!

Клянусь богом, который меня видит сейчас, вот что я уже перенесла из-за тебя!

Она торопливо указала на синяки на шее и на руках и заговорила скороговоркой:

- Помни это!

И сейчас не заставляй меня сильнее страдать из-за тебя.

Если бы я могла тебе помочь, я бы тебе помогла, но я не могу.

Они не хотят причинить тебе зло. Что бы они не заставили тебя сделать - вина не твоя.

Молчи!

Каждое твое слово может погубить меня.

Дай мне руку!

Скорей!

Your hand!'

She caught the hand which Oliver instinctively placed in hers, and, blowing out the light, drew him after her up the stairs.

The door was opened, quickly, by some one shrouded in the darkness, and was as quickly closed, when they had passed out.

A hackney-cabriolet was in waiting; with the same vehemence which she had exhibited in addressing Oliver, the girl pulled him in with her, and drew the curtains close.

The driver wanted no directions, but lashed his horse into full speed, without the delay of an instant.

The girl still held Oliver fast by the hand, and continued to pour into his ear, the warnings and assurances she had already imparted.

All was so quick and hurried, that he had scarcely time to recollect where he was, or how he came there, when the carriage stopped at the house to which the Jew's steps had been directed on the previous evening.

For one brief moment, Oliver cast a hurried glance along the empty street, and a cry for help hung upon his lips.

But the girl's voice was in his ear, beseeching him in such tones of agony to remember her, that he had not the heart to utter it.

While he hesitated, the opportunity was gone; he was already in the house, and the door was shut.

'This way,' said the girl, releasing her hold for the first time.

'Bill!'

'Hallo!' replied Sikes: appearing at the head of the stairs, with a candle.

'Oh!

That's the time of day.

Come on!'

Дай руку!

Она схватила Оливера за руку, которую он машинально подал ей, и, задув свечу, увлекла его за собой на лестницу.

Кто-то невидимый в темноте быстро распахнул дверь и так же быстро ее запер, когда они вышли.

Их ждал наемный кабриолет; с той же стремительностью, с какой она говорила с Оливером, девушка втащила его в кэб и плотно задержала занавески.

Кучер не нуждался ни в каких указаниях - он хлестнул лошадь и погнал ее во всю прыть.

Девушка все еще сжимала руку Оливера и продолжала нашептывать ему предостережения и увещания, которые он уже раньше от нее слышал.

Все произошло так быстро и внезапно, что не успел он сообразить, где он и почему сюда попал, как экипаж уже остановился перед домом, к которому накануне вечером направил свои стопы еврей.

Была минута, когда Оливер быстро окинул взглядом безлюдную улицу и призыв на помощь едва не сорвался с его губ.

Но в ушах его еще звучал голос девушки, с такой тоской заклинаящей помнить о ней, что у него не хватило духу крикнуть.

Пока он колебался, благоприятный момент был упущен: его уже ввели в дом, и дверь захлопнулась.

- Сюда! - сказала девушка, только сейчас разжав руку.

- Билл!

- Ну, что там! - отозвался Сайкс, появляясь со свечой на площадке лестницы.

- О!

Вот здорово!

Пожалуйста!

This was a very strong expression of approbation, an uncommonly hearty welcome, from a person of Mr. Sikes' temperament.

Nancy, appearing much gratified thereby, saluted him cordially.

'Bull's-eye's gone home with Tom,' observed Sikes, as he lighted them up.

'He'd have been in the way.'

'That's right,' rejoined Nancy.

'So you've got the kid,' said Sikes when they had all reached the room: closing the door as he spoke.

'Yes, here he is,' replied Nancy.

'Did he come quiet?' inquired Sikes.

'Like a lamb,' rejoined Nancy.

'I'm glad to hear it,' said Sikes, looking grimly at Oliver; 'for the sake of his young carcass: as would otherways have suffered for it.

Come here, young 'un; and let me read you a lectur', which is as well got over at once.'

Thus addressing his new pupil, Mr. Sikes pulled off Oliver's cap and threw it into a corner; and then, taking him by the shoulder, sat himself down by the table, and stood the boy in front of him.

'Now, first: do you know wot this is?' inquired Sikes, taking up a pocket-pistol which lay on the table.

Oliver replied in the affirmative.

'Well, then, look here,' continued Sikes. 'This is powder; that 'ere's a bullet; and this is a little bit of a old hat for waddin'.'

Oliver murmured his comprehension of the different bodies referred to; and Mr. Sikes proceeded to load the pistol, with great nicety and deliberation.

'Now it's loaded,' said Mr. Sikes, when he had finished.

Со стороны особы такого темперамента, как мистер Сайкс, эти слова выражали весьма решительное одобрение, необычайно сердечный прием.

Нэнси, по-видимому очень этим довольная, приветствовала его с жаром.

- Фонарик отправился домой с Томом, - сказал Сайкс, освещая дорогу.

- Он бы здесь помешал.

- Верно, - отозвалась Нэнси.

- Значит, привела мальчишку? - заметил Сайкс, когда все трое вошли в комнату, и с этими словами запер дверь.

- Да, вот он, - ответила Нэнси.

- Послушно шел? - осведомился Сайкс.

- Как ягненок, - отозвалась Нэнси.

- Рад это слышать, - сказал Сайкс, хмуро посмотрев на Оливера, - рад за его шкуру, иначе ей пришлось бы худо.

Пожалуйста сюда, молодой человек, и выслушайте мое поучение; лучше с этим покончить сразу.

Обратившись с такими словами к своему новому ученику, мистер Сайкс сорвал с Оливера шапку и швырнул ее в угол; потом, придерживая его за плечо, уселся на стул и поставил мальчика перед собой.

- Ну-с, прежде всего, известно ли тебе, что это такое? - спросил Сайкс, беря карманный пистолет, лежавший на столе.

Оливер отвечал утвердительно.

- А теперь посмотри-ка сюда, - продолжал Сайкс, - Вот порох, вот пуля, а вот кусочек старой шляпы для лыжа...

Оливер прошептал, что ему известно назначение указанных предметов, а мистер Сайкс принялся очень старательно заряжать пистолет.

- Теперь он заряжен, - сказал мистер Сайкс, покончив с этим делом.

'Yes, I see it is, sir,' replied Oliver.

'Well,' said the robber, grasping Oliver's wrist, and putting the barrel so close to his temple that they touched; at which moment the boy could not repress a start; 'if you speak a word when you're out o'doors with me, except when I speak to you, that loading will be in your head without notice.

So, if you do make up your mind to speak without leave, say your prayers first.'

Having bestowed a scowl upon the object of this warning, to increase its effect, Mr. Sikes continued.

'As near as I know, there isn't anybody as would be asking very partickler arter you, if you was disposed of; so I needn't take this devil-and-all of trouble to explain matters to you, if it warn't for your own good.

D'ye hear me?'

'The short and the long of what you mean,' said Nancy: speaking very emphatically, and slightly frowning at Oliver as if to bespeak his serious attention to her words: 'is, that if you're crossed by him in this job you have on hand, you'll prevent his ever telling tales afterwards, by shooting him through the head, and will take your chance of swinging for it, as you do for a great many other things in the way of business, every month of your life.'

'That's it!' observed Mr. Sikes, approvingly; 'women can always put things in fewest words. — Except when it's blowing up; and then they lengthens it out.

And now that he's thoroughly up to it, let's have some supper, and get a snooze before starting.'

In pursuance of this request, Nancy quickly laid the cloth; disappearing for a few minutes, she presently returned with a pot of porter and a dish of sheep's heads: which gave occasion to several pleasant witticisms on the part of Mr. Sikes, founded upon the singular coincidence of 'jemmies' being a can name, common to them, and also to an ingenious implement much used in his profession.

- Вижу, сэр, - ответил Оливер.

- Слушай, - продолжал грабитель, крепко схватив Оливера за руку и приставив вплотную к его виску дуло пистолета, отчего мальчик невольно вздрогнул, - если ты хоть слово скажешь, когда мы выйдем из дому - разве что, я сам с тобой заговорю, - пуля сразу будет у тебя в голове.

Стало быть, если ты вздумашь говорить без разрешения, прочти раньше свои молитвы.

Для большего эффекта мистер Сайкс сопровождал это предостережение грозным взглядом и продолжал:

- Насколько мне известно, нет никого, кто бы стал беспокоиться о твоей судьбе, если бы тебя прикончили. Стало быть, мне незачем столько трудиться и объяснять тебе суть дела, не желай я тебе добра.

Слышишь?

- Короче говоря, - решительно вмешалась Нэнси, хмуро посматривая на Оливера, чтобы тот обратил внимание на ее слова, - если Оливер тебя рассердит, когда ты примешься за работу, на которую ты идешь, ты прострелишь ему голову, чтобы он потом не болтал языком, хотя бы ты рисковал качаться из-за этого на виселице, ведь ремесло у тебя такое, что ты на этот риск идешь изза всякого пустяка каждый месяц в году.

- Правильно! - одобрил мистер Сайкс. - Женщины умеют объяснить все в двух словах, если только не начинают кипятиться, а уж тогда заводят волынку.

Ну, теперь он ко всему подготовлен... Давай ужинать, а потом всхрапнем перед уходом.

Исполняя его приказание, Нэнси - быстро накрыла на стол; исчезнув на несколько минут, она вернулась с кувшином пива и блюдом с фаршированной бараньей головой, что дало возможность мистеру Сайксу отпустить несколько острот, основанных на странном совпадении слов: "джемми" * называлось и это кушанье и хитрый инструмент, весьма распространенный среди лиц его профессии.

Indeed, the worthy gentleman, stimulated perhaps by the immediate prospect of being on active service, was in great spirits and good humour; in proof whereof, it may be here remarked, that he humourously drank all the beer at a draught, and did not utter, on a rough calculation, more than four-score oaths during the whole progress of the meal.

Supper being ended — it may be easily conceived that Oliver had no great appetite for it — Mr. Sikes disposed of a couple of glasses of spirits and water, and threw himself on the bed; ordering Nancy, with many imprecations in case of failure, to call him at five precisely.

Oliver stretched himself in his clothes, by command of the same authority, on a mattress upon the floor; and the girl, mending the fire, sat before it, in readiness to rouse them at the appointed time.

For a long time Oliver lay awake, thinking it not impossible that Nancy might seek that opportunity of whispering some further advice; but the girl sat brooding over the fire, without moving, save now and then to trim the light.

Weary with watching and anxiety, he at length fell asleep.

When he awoke, the table was covered with tea-things, and Sikes was thrusting various articles into the pockets of his great-coat, which hung over the back of a chair.

Nancy was busily engaged in preparing breakfast.

It was not yet daylight; for the candle was still burning, and it was quite dark outside.

A sharp rain, too, was beating against the window-panes; and the sky looked black and cloudy.

'Now, then!' growled Sikes, as Oliver started up; 'half-past five!

Look sharp, or you'll get no breakfast; for it's late as it is.'

Oliver was not long in making his toilet; having taken some breakfast, he replied to a surly inquiry from Sikes, by saying that he was quite ready.

Достойный джентльмен, возбужденный, может быть, перспективой незамедлительно приступить к действию, был очень весел и находился в превосходном расположении духа; в доказательство этого можно здесь отметить, что он с удовольствием выпил залпом свое пиво и за ужином изрыгнул по приблизительному подсчету не больше восьмидесяти проклятий.

После ужина - нетрудно угадать, что у Оливера не было аппетита, - мистер Сайкс осушил два стакана виски с водой, бросился на кровать и приказал Нэнси разбудить его ровно в пять часов, изругав ее заранее в случае, если она этого не сделает.

По команде того же авторитетного лица, Оливер улегся, не раздеваясь, на тюфяке, лежавшем на полу; а девушка, подбрасывая топливо, осталась у очага, готовая разбудить их в назначенный час.

Оливер долго не спал, надеясь, что Нэнси воспользуется этим случаем и шепотом даст еще какой-нибудь совет, но девушка в мрачном раздумье сидела у очага, не двигаясь и только время от времени снимала нагар со свечи.

Измученный бдением и тревогой, он в конце концов заснул.

Когда он проснулся, стол был накрыт к чаю, а Сайкс рассовывал какие-то вещи по карманам своего пальто, висевшего на спинке стула.

Нэнси суетилась, готовя завтрак.

Еще не рассвело; горела свеча, и за окном было темно.

Вдобавок колючие струи дождя ударяли в оконные стекла, и небо было черным и облачным.

- Ну! - проворчал Сайкс, когда Оливер вскочил.
- Половина шестого!

Поторапливайся, не то останешься без завтрака. Мы и так уже опаздываем.

Оливер быстро покончил со своим туалетом; позавтракав наспех, он на сердитый вопрос Сайкса ответил, что совсем готов.

Nancy, scarcely looking at the boy, threw him a handkerchief to tie round his throat; Sikes gave him a large rough cape to button over his shoulders.

Thus attired, he gave his hand to the robber, who, merely pausing to show him with a menacing gesture that he had that same pistol in a side-pocket of his great-coat, clasped it firmly in his, and, exchanging a farewell with Nancy, led him away.

Oliver turned, for an instant, when they reached the door, in the hope of meeting a look from the girl.

But she had resumed her old seat in front of the fire, and sat, perfectly motionless before it.

CHAPTER XXI — THE EXPEDITION

It was a cheerless morning when they got into the street; blowing and raining hard; and the clouds looking dull and stormy.

The night had been very wet: large pools of water had collected in the road: and the kennels were overflowing.

There was a faint glimmering of the coming day in the sky; but it rather aggravated than relieved the gloom of the scene: the sombre light only serving to pale that which the street lamps afforded, without shedding any warmer or brighter tints upon the wet house-tops, and dreary streets.

There appeared to be nobody stirring in that quarter of the town; the windows of the houses were all closely shut; and the streets through which they passed, were noiseless and empty.

By the time they had turned into the Bethnal Green Road, the day had fairly begun to break.

Many of the lamps were already extinguished; a few country waggons were slowly toiling on, towards London; now and then, a stage-coach, covered with mud, rattled briskly by: the driver bestowing, as he passed, an admonitory lash upon the heavy waggoner who, by keeping on the wrong side of the road, had endangered his arriving at

Нэнси, стараясь не смотреть на мальчика, бросила ему платок, чтобы он обвязал его вокруг шеи; Сайкс дал ему большой плащ из грубой материи и велел накинуть на себя и застегнуть.

Одевшись, Оливер протянул руку грабителю, который приостановился, чтобы показать ему пистолет, хранившийся в боковом кармине пальто, зажал его руку в своей и затем, распрощавшись с Нэнси, увел его.

Когда они подошли к двери, Оливер оглянулся, надеясь встретиться глазами с девушкой.

Но она снова уселась на прежнее место у очага и сидела не шевелясь.

ГЛАВА XXI — Экспедиция

Унылое было утро, когда они вышли на улицу: дул ветер, шел дождь, нависли хмурые грозовые тучи.

Дождь шел всю ночь - на мостовой стояли большие лужи, из желобов хлестала вода.

Слабый свет загоравшегося дня только омрачал унылую картину; при бледном свете тускнели уличные фонари, и этот свет не окрашивал в более теплые и яркие тона мокрые крыши и темные улицы.

В этой части города, казалось, никто еще не просыпался: во всех домах окна были закрыты ставнями, а улицы, по которым они проходили, были тихи и безлюдны.

Когда они свернули на Бетнел-Грин-роуд, уже совсем рассвело.

Многие фонари были погашены. По направлению к Лондону медленно тащилось несколько деревенских повозок; изредка проносилась с грохотом почтовая карета, покрытая грязью, и кучер в виде предостережения угощал бичом неторопливого возчика, который ехал по той стороной дороги,

the office, a quarter of a minute after his time.

The public-houses, with gas-lights burning inside, were already open.

By degrees, other shops began to be unclosed, and a few scattered people were met with.

Then, came straggling groups of labourers going to their work; then, men and women with fish-baskets on their heads; donkey-carts laden with vegetables; chaise-carts filled with live-stock or whole carcasses of meat; milk-women with pails; an unbroken concourse of people, trudging out with various supplies to the eastern suburbs of the town.

As they approached the City, the noise and traffic gradually increased; when they threaded the streets between Shoreditch and Smithfield, it had swelled into a roar of sound and bustle.

It was as light as it was likely to be, till night came on again, and the busy morning of half the London population had begun.

Turning down Sun Street and Crown Street, and crossing Finsbury square, Mr. Sikes struck, by way of Chiswell Street, into Barbican: thence into Long Lane, and so into Smithfield; from which latter place arose a tumult of discordant sounds that filled Oliver Twist with amazement.

It was market-morning.

The ground was covered, nearly ankle-deep, with filth and mire; a thick steam, perpetually rising from the reeking bodies of the cattle, and mingling with the fog, which seemed to rest upon the chimney-tops, hung heavily above.

All the pens in the centre of the large area, and as many temporary pens as could be crowded into the vacant space, were filled with sheep; tied up to posts by the gutter side were long lines of beasts and oxen, three or four deep.

Countrymen, butchers, drovers, hawkers, boys, thieves, idlers, and vagabonds of every low grade, were mingled together in a mass; the whistling of drovers, the barking dogs, the bellowing and plunging of the oxen, the bleating of sheep, the grunting and squeaking of pigs, the cries of

вследствие чего кучеру грозила опасность подъехать к конторе на четверть минуты позже.

Уже открылись трактиры, и в них горел газ.

Начали открывать и лавки, и навстречу изредка попадались люди.

Затем появились отдельными группами мастеровые, шедшие на работу. Потом мужчины и женщины с нагруженными рыбой корзинками на голове; повозки с овощами, запряженные ослиами; повозки с живым скотом и тушами; молочницы с ведрами - нескончаемая вереница людей, несущих съестные припасы к восточным предместьям города.

По мере приближения к Сити грохот экипажей усиливался; когда они проходили по улицам между Шордитч и Смитфилд, шум перешел в гул, началась сутолока.

Стало совсем светло - светлее уже не будет, - и для половины населения Лондона настало деловое утро.

Миновав Сан-стрит и Краун-стрит, пройдя Финсбери-сквер, мистер Сайкс вышел по Чизуел-стрит на Барбикен, потом на Лонг-лейн и затем в Смитфилд, откуда неслись такие оглушительные нестройные звуки, что Оливер Твист пришел в изумление.

Был базарный день.

Ноги чуть ли не по самую щиколотку увязали в грязи; над дымящимися крупами быков и коров поднимался густой пар и, смешиваясь с туманом, казалось отдохавшим на дымовых трубах, тяжелым облаком нависал над головой.

Все загоны для скота в центре большой площади, а также временные загоны, которые уместились на свободном пространстве, были битком набиты овцами; вдоль желобов стояли привязанные к столбам в три-четыре длинных ряда быки и другой рогатый скот.

Крестьяне, мясники, погонщики, разносчики, мальчишки, воры, зеваки и всякого рода бродяги смешались в толпу; свист погонщиков, лай собак, мычанье быков, блеянье овец,

hawkers, the shouts, oaths, and quarrelling on all sides; the ringing of bells and roar of voices, that issued from every public-house; the crowding, pushing, driving, beating, whooping and yelling; the hideous and discordant din that resounded from every corner of the market; and the unwashed, unshaven, squalid, and dirty figures constantly running to and fro, and bursting in and out of the throng; rendered it a stunning and bewildering scene, which quite confounded the senses.

Mr. Sikes, dragging Oliver after him, elbowed his way through the thickest of the crowd, and bestowed very little attention on the numerous sights and sounds, which so astonished the boy.

He nodded, twice or thrice, to a passing friend; and, resisting as many invitations to take a morning dram, pressed steadily onward, until they were clear of the turmoil, and had made their way through Hosier Lane into Holborn.

'Now, young 'un!' said Sikes, looking up at the clock of St. Andrew's Church, 'hard upon seven! you must step out.

Come, don't lag behind already, Lazy-legs!'

Mr. Sikes accompanied this speech with a jerk at his little companion's wrist; Oliver, quickening his pace into a kind of trot between a fast walk and a run, kept up with the rapid strides of the house-breaker as well as he could.

They held their course at this rate, until they had passed Hyde Park corner, and were on their way to Kensington: when Sikes relaxed his pace, until an empty cart which was at some little distance behind, came up.

Seeing 'Hounslow' written on it, he asked the driver with as much civility as he could assume, if he would give them a lift as far as Isleworth.

'Jump up,' said the man.

'Is that your boy?'

'Yes; he's my boy,' replied Sikes, looking hard at Oliver, and putting his hand abstractedly into the

хрюканье и визг свиней, крики разносчиков, вопли, проклятья и ругательства со всех сторон; звон колокольчиков, гул голосов, вырывающийся из каждого трактира, толкотня, давка, драки, гиканье и вопли, визг, отвратительный вой, то и дело доносящийся со всех концов рынка, и немытые, небритые, жалкие и грязные люди, мечущиеся туда и сюда, - все это производило ошеломляющее, одуряющее впечатление.

Мистер Сайкс, тащивший за собой Оливера, прокладывал себе локтями путь сквозь толпу и очень мало внимания обращал на все то, что поражало слух и зрение мальчика.

Раза два или три он кивал проходившим мимо приятелям и, отклоняя предложение пропустить утреннюю рюмочку, упорно пробивался вперед, пока они не выбрались из толпы и не направились по Хоузер-лейн к Холборну.

- Ну, малый, - сказал Сайкс, бросив взгляд на часы Церкви Сент Эндрью, - скоро семь часов!

Шагай быстрее! Еле ноги волочит, лентяй!

Произнеся эту речь, мистер Сайкс дернул за руку своего маленького спутника; Оливер по мере сил приноравливался к быстрым шагам взломщика; он пустился рысцей - это было нечто среднее между быстрой ходьбой и бегом.

Они не замедляли шага, пока не миновали угол Гайд-парка и не свернули к Кенсингтону; здесь Сайкс шел медленнее, пока их не нагнала пустая повозка, ехавшая некоторое время позади.

Увидев на ней надпись "Хаунсло", он со всей вежливостью, на какую только был способен, спросил возницу, не согласится ли тот подвезти их до Айлуорта.

- Полезайте, - сказал возница.

- Это ваш мальчуган?

- Мой, - отвечал Сайкс, пристально посмотрев на Оливера и небрежно сунув руку в карман,

pocket where the pistol was.

'Your father walks rather too quick for you, don't he, my man?' inquired the driver: seeing that Oliver was out of breath.

'Not a bit of it,' replied Sikes, interposing.

'He's used to it.

Here, take hold of my hand, Ned.

In with you!'

Thus addressing Oliver, he helped him into the cart; and the driver, pointing to a heap of sacks, told him to lie down there, and rest himself.

As they passed the different mile-stones, Oliver wondered, more and more, where his companion meant to take him.

Kensington, Hammersmith, Chiswick, Kew Bridge, Brentford, were all passed; and yet they went on as steadily as if they had only just begun their journey.

At length, they came to a public-house called the Coach and Horses; a little way beyond which, another road appeared to run off.

And here, the cart stopped.

Sikes dismounted with great precipitation, holding Oliver by the hand all the while; and lifting him down directly, bestowed a furious look upon him, and rapped the side-pocket with his fist, in a significant manner.

'Good-bye, boy,' said the man.

'He's sulky,' replied Sikes, giving him a shake; 'he's sulky.

A young dog!

Don't mind him.'

'Not I!' rejoined the other, getting into his cart.

'It's a fine day, after all.'

And he drove away.

Sikes waited until he had fairly gone; and then,

где лежал пистолет.

- Твой отец шагает, пожалуй, слишком быстро для тебя! Верно говорю, парнишка? - сказал возница, видя, что Оливер запыхался.

- Ничуть не бывало, - вмешался Сайкс.

- Он к этому привык.

Держись за мою руку, Нэд.

Ну, полезай!

Обратившись с такими словами к Оливеру, он помог ему влезть в повозку, а возница, указав на грудку мешков, предложил прилечь на них и отдохнуть.

Когда они проезжали мимо придорожных столбов, Оливер все больше и больше недоумевал, куда же спутник везет его.

Кенсингтон, Хамерсмит, Чизуик, Кью-Бридж, Брентфорд остались позади, и тем не менее они подвигались вперед с таким упорством, как будто только что тронулись в путь.

Наконец, они подъехали к трактиру, носившему название "Карета и Коня"; неподалеку от него начиналась другая дорога.

Здесь повозка остановилась.

Сайкс поспешил выйти, не выпуская из своей руки руку Оливера; подняв его и опустив на землю, он бросил на него злобный взгляд и многозначительно похлопал кулаком по боковому карману.

- Прощай, мальчуган, - сказал возница.

- Он дуется, - отозвался Сайкс, встряхивая Оливера. - Дуется!

Вот щенок!

Не обращайтесь на него внимание.

- Стану я обращать на него внимание! - воскликнул тот, залезая в свою повозку.

- А погода нынче славная.

И он уехал.

Сайкс подождал, пока он не отъехал на

telling Oliver he might look about him if he wanted, once again led him onward on his journey.

They turned round to the left, a short way past the public-house; and then, taking a right-hand road, walked on for a long time: passing many large gardens and gentlemen's houses on both sides of the way, and stopping for nothing but a little beer, until they reached a town. Here against the wall of a house, Oliver saw written up in pretty large letters,

'Hampton.'

They lingered about, in the fields, for some hours.

At length they came back into the town; and, turning into an old public-house with a defaced sign-board, ordered some dinner by the kitchen fire.

The kitchen was an old, low-roofed room; with a great beam across the middle of the ceiling, and benches, with high backs to them, by the fire; on which were seated several rough men in smock-frocks, drinking and smoking.

They took no notice of Oliver; and very little of Sikes; and, as Sikes took very little notice of them, he and his young comrade sat in a corner by themselves, without being much troubled by their company.

They had some cold meat for dinner, and sat so long after it, while Mr. Sikes indulged himself with three or four pipes, that Oliver began to feel quite certain they were not going any further.

Being much tired with the walk, and getting up so early, he dozed a little at first; then, quite overpowered by fatigue and the fumes of the tobacco, fell asleep.

It was quite dark when he was awakened by a push from Sikes.

Rousing himself sufficiently to sit up and look about him, he found that worthy in close fellowship and communication with a labouring man, over a pint of ale.

'So, you're going on to Lower Halliford, are you?'

порядочное расстояние, потом, сказав Оливеру, что он может, если хочет, глазеть по сторонам, потащил его вперед.

Миновав трактир, он свернул налево, потом направо. Шли они долго - позади остались большие усадьбы с садами; задерживались они только для того, чтобы выпить пива, и, наконец, добрались до города, здесь на стене какого-то дома Оливер увидел надпись крупными буквами:

"Хэмптон".

Несколько часов они слонялись по окрестным полям.

Наконец, вернулись в город и, зайдя в старый трактир со стертой вывеской, заказали себе обед в кухне у очага.

Кухней служила затхлая комната с низким потолком, поперек которого тянулась толстая балка, а перед очагом стояли скамьи с высокими спинками, и на них сидели грубоватые на вид люди в рабочих блузах.

Они не обратили никакого внимания на Оливера и очень мало - на Сайкса; а так как Сайкс очень мало внимания обратил на них, то он со своим юным спутником сидел в углу, нисколько не стесняемый их присутствием.

На обед они получили холодное мясо, а после обеда сидели очень долго, пока мистер Сайкс услаждал себя тремя-четырьмя трубками. И теперь Оливер почти не сомневался в том, что дальше они не пойдут.

Очень устав от ходьбы, после раннего пробуждения, он начал дремать; потом от усталости и табачного дыма заснул.

Было совсем темно, когда его разбудил толчок Сайкса.

Он преодолел сонливость, сел, осмотрелся и обнаружил, что сей достойный джентльмен завязал за пинтой пива приятельские отношения с каким-то рабочим.

- Значит, вы едете в Лоуэр-Халифорд? - спросил

inquired Sikes.

'Yes, I am,' replied the man, who seemed a little the worse — or better, as the case might be — for drinking; 'and not slow about it neither.

My horse hasn't got a load behind him going back, as he had coming up in the mornin'; and he won't be long a-doing of it.

Here's luck to him.

Ecod! he's a good 'un!'

'Could you give my boy and me a lift as far as there?' demanded Sikes, pushing the ale towards his new friend.

'If you're going directly, I can,' replied the man, looking out of the pot.

'Are you going to Halliford?'

'Going on to Shepperton,' replied Sikes.

'I'm your man, as far as I go,' replied the other.

'Is all paid, Becky?'

'Yes, the other gentleman's paid,' replied the girl.

'I say!' said the man, with tipsy gravity; 'that won't do, you know.'

'Why not?' rejoined Sikes.

'You're a-going to accommodate us, and wot's to prevent my standing treat for a pint or so, in return?'

The stranger reflected upon this argument, with a very profound face; having done so, he seized Sikes by the hand: and declared he was a real good fellow.

To which Mr. Sikes replied, he was joking; as, if he had been sober, there would have been strong reason to suppose he was.

After the exchange of a few more compliments, they bade the company good-night, and went out; the girl gathering up the pots and glasses as they did so, and lounging out to the door, with her hands full, to see the party start.

Сайкс.

- Да, - подтвердил парень, который как будто чувствовал себя немного хуже, а быть может, и лучше - после выпивки, - и поеду очень скоро.

Моя лошадь дойдет порожняком - не то что сегодня утром, и пойдет она быстро.

Выпьем за ее здоровье!

Ура! Это славная лошадка!

- Не подвезете ли вы меня и моего мальчика? - спросил Сайкс, придвигая пиво своему новому приятелю.

- Ну что ж, подвезу, если вы готовы сейчас же тронуться с места, - отозвался парень, выглядывая из-за кружки.

- Вы едете в Халифорд?

- В Шепертон, - ответил Сайкс.

- Подвезу... - повторил тот.

- Все уплачено, Беки?

- Да, вот этот джентльмен заплатил, - сказала девушка.

- Э, нет! - воскликнул парень с важностью захмелевшего человека. - Так, знаете ли, не годится.

- Почему? - возразил Сайкс.

- Вы нам оказываете услугу, вот я и хочу угостить вас пинтой-другой.

Новый знакомый с весьма глубокомысленным видом призадумался над этим доводом, потом схватил руку Сайкса и заявил, что он славный малый.

На это мистер Сайкс ответил, что тот шутит; и, будь парень трезв, у него были бы серьезные основания для такого предположения.

Обменявшись еще несколькими любезностями, они пожелали доброй ночи остальной компании и вышли; служанка забрала кувшины и стаканы и, держа их в руках, подошла к двери посмотреть на отъезжающих.

The horse, whose health had been drunk in his absence, was standing outside: ready harnessed to the cart.

Oliver and Sikes got in without any further ceremony; and the man to whom he belonged, having lingered for a minute or two 'to bear him up,' and to defy the hostler and the world to produce his equal, mounted also.

Then, the hostler was told to give the horse his head; and, his head being given him, he made a very unpleasant use of it: tossing it into the air with great disdain, and running into the parlour windows over the way; after performing those feats, and supporting himself for a short time on his hind-legs, he started off at great speed, and rattled out of the town right gallantly.

The night was very dark.

A damp mist rose from the river, and the marshy ground about; and spread itself over the dreary fields.

It was piercing cold, too; all was gloomy and black.

Not a word was spoken; for the driver had grown sleepy; and Sikes was in no mood to lead him into conversation.

Oliver sat huddled together, in a corner of the cart; bewildered with alarm and apprehension; and figuring strange objects in the gaunt trees, whose branches waved grimly to and fro, as if in some fantastic joy at the desolation of the scene.

As they passed Sunbury Church, the clock struck seven.

There was a light in the ferry-house window opposite: which streamed across the road, and threw into more sombre shadow a dark yew-tree with graves beneath it.

There was a dull sound of falling water not far off; and the leaves of the old tree stirred gently in the night wind.

It seemed like quiet music for the repose of the dead.

Sunbury was passed through, and they came again

Лошадь, за чье здоровье пили в ее отсутствие, стояла перед домом, уже запряженная в повозку.

Оливер и Сайкс уселись без дальнейших церемоний, а владелец лошади на минутку замешкался, чтобы подбодрить ее и объявить конюху и всему миру, что нет ей равной.

Затем конюху было приказано отпустить лошадь, и, когда это было сделано, лошадь повела себя весьма глупо: мотала головой с величайшим презрением, сунула ее в окно домика на другой стороне улицы и, совершив эти подвиги, поднялась на дыбы, после чего ретиво пустилась во всю прыть и с грохотом вылетела из города.

Вечер был очень темный.

Промозглый туман поднимался от реки и от ближних болот, клубился над печальными полями.

Холод пронизывал. Все было мрачно и черно.

Никто не проронил ни слова: возницу клонило в сон, а Сайкс не был расположен заводить с ним разговор.

Оливер, съжившись, забился в угол повозки, испуганный и терзаемый недобрыми предчувствиями: ему чудились странные существа вместо чахлых деревьев, ветки которых угрюмо покачивались, словно в упоении от унылого пейзажа.

Когда они проезжали мимо церкви Санбери, пробило семь часов.

Напротив, в доме перевозчика, одно окно было освещено, и луч света падал на дорогу, отчего тисовое дерево, осенявшее могилы, казалось, окутывал более густой мрак.

Где-то неподалеку слышался глухой шум низвергающейся воды, а листья старого дерева тихо шелестели на ветру.

Это походило на тихую музыку, дарующую покой умершим.

Санбери остался позади, и снова они выехали

into the lonely road.

Two or three miles more, and the cart stopped.

Sikes alighted, took Oliver by the hand, and they once again walked on.

They turned into no house at Shepperton, as the weary boy had expected; but still kept walking on, in mud and darkness, through gloomy lanes and over cold open wastes, until they came within sight of the lights of a town at no great distance.

On looking intently forward, Oliver saw that the water was just below them, and that they were coming to the foot of a bridge.

Sikes kept straight on, until they were close upon the bridge; then turned suddenly down a bank upon the left.

'The water!' thought Oliver, turning sick with fear.

'He has brought me to this lonely place to murder me!'

He was about to throw himself on the ground, and make one struggle for his young life, when he saw that they stood before a solitary house: all ruinous and decayed.

There was a window on each side of the dilapidated entrance; and one story above; but no light was visible.

The house was dark, dismantled: and the all appearance, uninhabited.

Sikes, with Oliver's hand still in his, softly approached the low porch, and raised the latch.

The door yielded to the pressure, and they passed in together.

CHAPTER XXII — THE BURGLARY

'Hallo!' cried a loud, hoarse voice, as soon as they set foot in the passage.

'Don't make such a row,' said Sikes, bolting the door.

'Show a glim, Toby.'

на безлюдную дорогу.

Еще две-три мили - и повозка остановилась.

Сайкс вылез, взял за руку Оливера, и они опять побрели дальше.

В Шепертоне они ни в один дом не заходили, вопреки надежде усталого мальчика, и по-прежнему шли по грязи и в темноте унылыми проселочными дорогами и пересекали холодные, открытые ветрам пустоши, пока не вдалеке не показались огни города.

Пристально всматриваясь, Оливер увидел у своих ног воду и понял, что они подходят к мосту.

Сайкс шел, не сворачивая в сторону, до самого моста, Затем внезапно повернул налево, к берегу.

"Там вода! - подумал Оливер, замирая от страха.

- Он привел меня в это безлюдное место, чтобы убить".

Он хотел упасть на землю, пытаясь спасти свою юную жизнь, как вдруг увидел, что они подошли к какому-то полуразрушенному, заброшенному дому.

По обе стороны подгнившего крыльца было по окну; выше - еще один этаж, но нигде не видно было света.

Дом был темный, обветшалый и, по-видимому, необитаемый.

Сайкс, все еще не выпуская руку Оливера из своей, подошел потихоньку к невысокому крыльцу и поднял щеколду.

Дверь поддалась его толчку, и они вошли.

ГЛАВА XXII — Кража со взломом

- Эй! - раздался громкий, хриплый голос, как только они вошли в коридор.

- Нечего орать, - отозвался Сайкс, запирая дверь.

- Посветите нам, Тоби.

'Aha! my pal!' cried the same voice.

'A glim, Barney, a glim!

Show the gentleman in, Barney; wake up first, if convenient.'

The speaker appeared to throw a boot-jack, or some such article, at the person he addressed, to rouse him from his slumbers: for the noise of a wooden body, falling violently, was heard; and then an indistinct muttering, as of a man between sleep and awake.

'Do you hear?' cried the same voice.

'There's Bill Sikes in the passage with nobody to do the civil to him; and you sleeping there, as if you took laudanum with your meals, and nothing stronger.

Are you any fresher now, or do you want the iron candlestick to wake you thoroughly?'

A pair of slipshod feet shuffled, hastily, across the bare floor of the room, as this interrogatory was put; and there issued, from a door on the right hand; first, a feeble candle: and next, the form of the same individual who has been heretofore described as labouring under the infirmity of speaking through his nose, and officiating as waiter at the public-house on Saffron Hill.

'Bister Sikes!' exclaimed Barney, with real or counterfeit joy; 'cub id, sir; cub id.'

'Here! you get on first,' said Sikes, putting Oliver in front of him.

'Quicker! or I shall tread upon your heels.'

Muttering a curse upon his tardiness, Sikes pushed Oliver before him; and they entered a low dark room with a smoky fire, two or three broken chairs, a table, and a very old couch: on which, with his legs much higher than his head, a man was reposing at full length, smoking a long clay pipe.

- Эге! Да это мой приятель! - крикнул тот же голос.

- Свету, Барни, свету!

Впусти джентльмена... А прежде всего не угодно ли вам будет проснуться?

По-видимому, оратор швырнул сначала рожок для надевания башмаков или что-нибудь в этом роде в особу, к которой обращался, чтобы пробудить ее ото сна, потому что слышно было, как с грохотом упала какая-то деревянная вещь, а затем послышалось невнятное бормотанье человека, находящегося между сном и бодрствованием.

- Слышишь ты или нет? - продолжал тот же голос.

- В коридоре Билл Сайкс, и никто его не встречает, а ты дрыхнешь, как будто принял опиум за обедом.

Ну что, очухался, или, может быть, запустить в тебя железным подсвечником, чтобы ты окончательно проснулся?

Как только был задан этот вопрос, по голому полу быстро зашлепали стоптанные туфли, и из двери направо появились - сначала тускло горевшая свеча, а затем фигура того самого субъекта, который уже был описан, - гнусавого слуги из трактира на Сафрен-Хилле.

- Мистер Сайкс! - воскликнул Барни с искренней или притворной радостью. - Пожалуйста, сэр, пожалуйста!

- Ну, входи первым, - сказал Сайкс, подталкивая Оливера.

- Живее, не то наступлю тебе на пятки.

Ругая его за медлительность. Сайкс толкнул Оливера, и они очутились в низкой темной комнате, где был закопченный камин, два-три поломанных стула, стол и очень старый диван, на котором, задрав ноги выше головы, лежал, растянувшись во весь рост, мужчина, куrivший длинную глиняную трубку.

He was dressed in a smartly-cut snuff-coloured coat, with large brass buttons; an orange neckerchief; a coarse, staring, shawl-pattern waistcoat; and drab breeches.

Mr. Crackit (for he it was) had no very great quantity of hair, either upon his head or face; but what he had, was of a reddish dye, and tortured into long corkscrew curls, through which he occasionally thrust some very dirty fingers, ornamented with large common rings.

He was a trifle above the middle size, and apparently rather weak in the legs; but this circumstance by no means detracted from his own admiration of his top-boots, which he contemplated, in their elevated situation, with lively satisfaction.

'Bill, my boy!' said this figure, turning his head towards the door,

'I'm glad to see you.

I was almost afraid you'd given it up: in which case I should have made a personal wentur.

Hallo!'

Uttering this exclamation in a tone of great surprise, as his eyes rested on Oliver, Mr. Toby Crackit brought himself into a sitting posture, and demanded who that was.

'The boy. Only the boy!' replied Sikes, drawing a chair towards the fire.

'Wud of Bister Fagid's lads,' exclaimed Barney, with a grin.

'Fagin's, eh!' exclaimed Toby, looking at Oliver.

'Wot an inwalable boy that'll make, for the old ladies' pockets in chapels!

His mug is a fortin' to him.'

'There — there's enough of that,' interposed Sikes, impatiently; and stooping over his recumbant

На нем был модного покроя сюртук табачного цвета с большими бронзовыми пуговицами, оранжевый галстук, грубый, бросающийся в глаза пестрый жилет и короткие темные штаны.

Мистер Крекит (ибо это был он) не имел чрезмерного количества волос ни на голове, ни на лице, а те, какие у него были, отличались красноватым оттенком и были закручены в длинные локоны наподобие пробочника, в которые он то и дело засовывал свои грязные пальцы, украшенные большими дешевыми перстнями.

Он был немного выше среднего роста и, по-видимому, слаб на ноги, но это обстоятельство ничуть не мешало ему восхищаться собственными, задранными вверх, высокими сапогами, которые он созерцал с живейшим удовольствием.

- Билл, приятель! - сказал субъект, повернув голову к двери.

- Рад вас видеть.

Я уже начал побаиваться, не отказались ли вы от нашего дельца, тогда бы я пошел на свой страх и риск.

Ох!

Испустив этот возглас, выражавший величайшее изумление при виде Оливера, мистер Тоби Крекит принял сидячее положение и пожелал узнать, что это такое.

- Мальчишка, всего-навсего мальчишка, - ответил Сайкс, придвигая стул к камину.

- Один из питомцев мистера Феджина, - ухмыляясь, подхватил Барни.

- Ах, Феджина! - воскликнул Тоби, разглядывая Оливера.

- Ну и редкостный мальчишка - такому ничего не стоит очистить карманы у всех старых леди в церкви!

Этот тихоня составит Феджину целое состояние!

- Ну-ну, довольно! - нетерпеливо перебил Сайкс и, наклонившись к своему приятелю, шепнул

friend, he whispered a few words in his ear: at which Mr. Crackit laughed immensely, and honoured Oliver with a long stare of astonishment.

'Now,' said Sikes, as he resumed his seat, 'if you'll give us something to eat and drink while we're waiting, you'll put some heart in us; or in me, at all events.'

Sit down by the fire, younker, and rest yourself; for you'll have to go out with us again to-night, though not very far off.'

Oliver looked at Sikes, in mute and timid wonder; and drawing a stool to the fire, sat with his aching head upon his hands, scarecely knowing where he was, or what was passing around him.

'Here,' said Toby, as the young Jew placed some fragments of food, and a bottle upon the table,

'Success to the crack!'

He rose to honour the toast; and, carefully depositing his empty pipe in a corner, advanced to the table, filled a glass with spirits, and drank off its contents.

Mr. Sikes did the same.

'A drain for the boy,' said Toby, half-filling a wine-glass.

'Down with it, innocence.'

'Indeed,' said Oliver, looking piteously up into the man's face; 'indeed, I — '

'Down with it!' echoed Toby.

'Do you think I don't know what's good for you?

Tell him to drink it, Bill.'

'He had better!' said Sikes clapping his hand upon his pocket.

'Burn my body, if he isn't more trouble than a whole family of Dodgers.

Drink it, you perverse imp; drink it!'

Frightened by the menacing gestures of the two

ему на ухо несколько слов, после чего мистер Крекит неудержимо расхохотался и удостоил Оливера пристальным и изумленным взглядом.

- А теперь, - сказал Сайкс, усевшись на прежнее место, - дайте нам, пока мы тут ждем, чего-нибудь поесть и выпить, это нас подбодрит - меня во всяком случае.

Подсаживайся к камину, малыш, и отдыхай - ночью тебе еще придется пройтись, хоть не так уж далеко.

Оливер посмотрел на Сайкса робко и с немym изумлением; потом, придвинув табурет к огню, сел, опустив голову на руки - она у него болела, - вряд ли сознавая, где он находится и что вокруг него творится.

- Ну, - сказал Тоби, когда молодой еврей принес еду и поставил на стол бутылку.

- За успех дельца!

Провозгласив этот тост, он встал, заботливо положил в угол пустую трубку и, подойдя к столу, наполнил стаканчик водкой и выпил.

Мистер Сайкс последовал его примеру.

- Нужно дать капельку мальчишке, - сказал Тоби, налив рюмку до половины.

- Выпей залпом, невинное создание.

- Право же, - начал Оливер, жалобно подняв на него глаза, - право же, я...

- Выпей залпом, - повторил Тоби.

- Думаешь, я не знаю, что пойдет тебе на пользу?..

Прикажите ему пить, Билл.

- Пусть лучше выпьет! - сказал Сайкс, похлопывая рукой по карману.

- Провалиться мне в пекло, с ним больше хлопот, чем с целым семейством Плуттов!

Пей, чертенок, пей!

Испуганный угрожающими жестами обоих

men, Oliver hastily swallowed the contents of the glass, and immediately fell into a violent fit of coughing: which delighted Toby Crackit and Barney, and even drew a smile from the surly Mr. Sikes.

This done, and Sikes having satisfied his appetite (Oliver could eat nothing but a small crust of bread which they made him swallow), the two men laid themselves down on chairs for a short nap.

Oliver retained his stool by the fire; Barney wrapped in a blanket, stretched himself on the floor: close outside the fender.

They slept, or appeared to sleep, for some time; nobody stirring but Barney, who rose once or twice to throw coals on the fire.

Oliver fell into a heavy doze: imagining himself straying along the gloomy lanes, or wandering about the dark churchyard, or retracing some one or other of the scenes of the past day: when he was roused by Toby Crackit jumping up and declaring it was half-past one.

In an instant, the other two were on their legs, and all were actively engaged in busy preparation.

Sikes and his companion enveloped their necks and chins in large dark shawls, and drew on their great-coats; Barney, opening a cupboard, brought forth several articles, which he hastily crammed into the pockets.

'Barkers for me, Barney,' said Toby Crackit.

'Here they are,' replied Barney, producing a pair of pistols.

'You loaded them yourself.'

'All right!' replied Toby, stowing them away.

'The persuaders?'

'I've got 'em,' replied Sikes.

'Crape, keys, centre-bits, darkies — nothing forgotten?' inquired Toby: fastening a small crowbar to a loop inside the skirt of his coat.

мужчин, Оливер поспешил залпом выпить рюмку и тотчас же сильно закашлялся, что привело в восхищение Тоби Крекита и Барии и даже вызвало улыбку у мрачного мистера Сайкса.

Когда с этим было покончено, а Сайкс утолил голод (Оливера с трудом заставили проглотить корочку хлеба), двое мужчин улеглись на стульях, чтобы немножко вздремнуть.

Оливер остался на своем табурете у камина; Барни, завернувшись в одеяло, растянулся на полу, перед самой каминной решеткой.

Некоторое время они спали или казались спящими; никто не шевельнулся, кроме Барни, который раза два вставал, чтобы подбросить углей в камин.

Оливер погрузился в тяжелую дремоту; ему чудилось, будто он бредет по мрачным проселочным дорогам, блуждает по темному кладбищу, вновь видит картины, мелькавшие перед ним в течение дня, как вдруг его разбудил Тоби Крекит, который вскочил и объявил, что уже половина второго.

Через секунду другие двое были на ногах, и все деятельно занялись приготовлениями.

Сайкс и его приятель закутали шеи и подбородки широкими темными шарфами и надели пальто; Барни, открыв шкаф, достал оттуда различные инструменты и торопливо рассовал их по карманам.

- Подай мне собак, Барни, - сказал Тоби Крекит.

- Вот они, - отозвался Барни, протягивая пару пистолетов.

- Вы сами их зарядили.

- Ладно! - пряча их, сказал Тоби.

- А где напильники?

- У меня, - ответил Сайкс.

- Клещи, отмычки, коловороты, фонари - ничего не забыли? - спрашивал Тоби, прикрепляя небольшой лом к петле под полкой своего пальто.

'All right,' rejoined his companion.

'Bring them bits of timber, Barney.

That's the time of day.'

With these words, he took a thick stick from Barney's hands, who, having delivered another to Toby, busied himself in fastening on Oliver's cape.

'Now then!' said Sikes, holding out his hand.

Oliver: who was completely stupified by the unwonted exercise, and the air, and the drink which had been forced upon him: put his hand mechanically into that which Sikes extended for the purpose.

'Take his other hand, Toby,' said Sikes.

'Look out, Barney.'

The man went to the door, and returned to announce that all was quiet.

The two robbers issued forth with Oliver between them.

Barney, having made all fast, rolled himself up as before, and was soon asleep again.

It was now intensely dark.

The fog was much heavier than it had been in the early part of the night; and the atmosphere was so damp, that, although no rain fell, Oliver's hair and eyebrows, within a few minutes after leaving the house, had become stiff with the half-frozen moisture that was floating about.

They crossed the bridge, and kept on towards the lights which he had seen before.

They were at no great distance off; and, as they walked pretty briskly, they soon arrived at Chertsey.

'Slap through the town,' whispered Sikes; 'there'll be nobody in the way, to-night, to see us.'

Toby acquiesced; and they hurried through the main street of the little town, which at that late hour was wholly deserted.

A dim light shone at intervals from some bed-room

- Все в порядке, - ответил его товарищ.

- Тащи дубинки, Барни.

Пора идти.

С этими словами он взял толстую палку из рук Барни, который, вручив другую палку Тоби, принялся застегивать плащ Оливера.

- Ну-ка, - сказал Сайкс, протягивая руку.

Оливер, совершенно одурманенный непривычной прогулкой, свежим воздухом и водкой, которую его заставили выпить, машинально вложил руку в протянутую руку Сайкса.

- Бери его за другую, Тоби, - сказал Сайкс.

- Выгляни-ка наружу, Барни.

Тот направился к двери и, вернувшись, доложил, что все спокойно.

Двое грабителей вышли вместе с Оливером.

Барни, хорошенько заперев дверь, снова завернулся в одеяло и заснул.

Была непроглядная тьма.

Туман стал еще гуще, чем в начале ночи, а воздух был до такой степени насыщен влагой, что, хотя дождя и не было, спустя несколько минут после выхода из дома у Оливера волосы и брови стали влажными.

Они прошли мостом и двинулись по направлению к огонькам, которые Оливер уже видел раньше.

Расстояние было небольшое, а так как они шли быстро, то вскоре и достигли Чертей.

- Махнем через город, - прошептал Сайкс. - Ночью нам никто не попадется на пути.

Тоби согласился, и они быстро зашагали по главной улице маленького городка, совершенно безлюдной в этот поздний час.

Кое-где в окне какой-нибудь спальни мерцал

window; and the hoarse barking of dogs occasionally broke the silence of the night.

But there was nobody abroad.

They had cleared the town, as the church-bell struck two.

Quickening their pace, they turned up a road upon the left hand.

After walking about a quarter of a mile, they stopped before a detached house surrounded by a wall: to the top of which, Toby Crackit, scarcely pausing to take breath, climbed in a twinkling.

'The boy next,' said Toby.

'Hoist him up; I'll catch hold of him.'

Before Oliver had time to look round, Sikes had caught him under the arms; and in three or four seconds he and Toby were lying on the grass on the other side.

Sikes followed directly.

And they stole cautiously towards the house.

And now, for the first time, Oliver, well-nigh mad with grief and terror, saw that housebreaking and robbery, if not murder, were the objects of the expedition.

He clasped his hands together, and involuntarily uttered a subdued exclamation of horror.

A mist came before his eyes; the cold sweat stood upon his ashy face; his limbs failed him; and he sank upon his knees.

'Get up!' murmured Sikes, trembling with rage, and drawing the pistol from his pocket;

'Get up, or I'll strew your brains upon the grass.'

'Oh! for God's sake let me go!' cried Oliver; 'let me run away and die in the fields.'

I will never come near London; never, never!

Oh! pray have mercy on me, and do not make me steal.

For the love of all the bright Angels that rest in

тусклый свет; изредка хриплый лай собаки нарушал тишину ночи.

Но на улице не было никого.

Они вышли за город, когда церковные часы пробили два.

Ускорив шаги, они свернули влево, на дорогу.

Пройдя примерно четверть мили, они подошли к одиноко стоявшему дому, обнесенному стеной, на которую Тоби Крекит, даже не успев отдышаться, вскарабкался в одно мгновение.

- Теперь давайте мальчишку, - сказал Тоби.

- Поднимите его; я его подхвачу.

Оливер оглянуться не успел, как Сайкс подхватил его под мышки, и через три-четыре секунды он и Тоби лежали на траве по ту сторону стены.

Сайкс не замедлил присоединиться к ним.

И они крадучись направились к дому.

И тут только Оливер, едва не лишившийся рассудка от страха и отчаяния, понял, что целью этой экспедиции был грабеж, если не убийство.

Он сжал руки и, не удержавшись, глухо вскрикнул от ужаса.

В глазах у него потемнело, холодный пот выступил на побледневшем лице, ноги отказались служить, и он упал на колени.

- Вставай! - прошипел Сайкс, дрожа от бешенства и вытаскивая из кармана пистолет.

- Вставай, не то я тебе размозжу башку.

- Ох, ради бога, отпустите меня! - воскликнул Оливер. - Я убегу и умру где-нибудь там, в полях.

Я никогда не подойду близко к Лондону, никогда, никогда!

О, пожалейте меня, не заставляйте воровать!

Ради всех светлых ангелов небесных, сжальтесь

Heaven, have mercy upon me!"

The man to whom this appeal was made, swore a dreadful oath, and had cocked the pistol, when Toby, striking it from his grasp, placed his hand upon the boy's mouth, and dragged him to the house.

"Hush!" cried the man; "it won't answer here.

Say another word, and I'll do your business myself with a crack on the head.

That makes no noise, and is quite as certain, and more genteel.

Here, Bill, wrench the shutter open.

He's game enough now, I'll engage.

I've seen older hands of his age took the same way, for a minute or two, on a cold night.'

Sikes, invoking terrific imprecations upon Fagin's head for sending Oliver on such an errand, plied the crowbar vigorously, but with little noise.

After some delay, and some assistance from Toby, the shutter to which he had referred, swung open on its hinges.

It was a little lattice window, about five feet and a half above the ground, at the back of the house: which belonged to a scullery, or small brewing-place, at the end of the passage.

The aperture was so small, that the inmates had probably not thought it worth while to defend it more securely; but it was large enough to admit a boy of Oliver's size, nevertheless.

A very brief exercise of Mr. Sike's art, sufficed to overcome the fastening of the lattice; and it soon stood wide open also.

"Now listen, you young limb," whispered Sikes, drawing a dark lantern from his pocket, and throwing the glare full on Oliver's face;

"I'm a going to put you through there.

надо мной!

Человек, к которому он обращался с этой мольбой, изрыгнул отвратительное ругательство и взвел курок пистолета, но Тоби, выбив у него из рук пистолет, зажал мальчику рот рукой и потащил его к дому.

- Тише! - зашептал он. - Здесь это ничему не поможет.

Еще словечко, и я сам с тобой расправлюсь - хлопну тебя по голове.

Шуму никакого не будет, а дело надежное, и все по-благородному.

Ну-ка, Билл, взломайте этот ставень.

Ручаюсь, что мальчик теперь подбодрился.

В такую холодную ночь людям и постарше его в первую минуту случалось сплеховать - сам видел.

Сайкс, призывая грозные проклятья на голову Феджина, пославшего на такое дело Оливера, решительно, но стараясь не шуметь, пустил в ход лом.

Спустя немного ему удалось с помощью Тоби открыть ставень, державшийся на петлях.

Это было маленькое оконце с частым переплетом, находившееся в пяти с половиной футах от земли, в задней половине дома, - оконце в комнате для мытья посуды или для варки пива, и конце коридора.

Отверстие было такое маленькое, что обитатели дома, должно быть, не считали нужным закрыть его ненадежней; однако оно было достаточно велико, чтобы в него мог пролезть мальчик ростом с Оливера.

Повозившись еще немного, мистер Сайкс справился с задвижками; вскоре окно распахнулось настежь.

- Слушай теперь, чертенок! - прошипел Сайкс, вытаскивая из кармана потайной фонарь и направляя луч света прямо в лицо Оливера.

- Я тебя просуну в это окно.

Take this light; go softly up the steps straight afore you, and along the little hall, to the street door; unfasten it, and let us in.'

'There's a bolt at the top, you won't be able to reach,' interposed Toby.

'Stand upon one of the hall chairs.

There are three there, Bill, with a jolly large blue unicorn and gold pitchfork on 'em: which is the old lady's arms.'

'Keep quiet, can't you?' replied Sikes, with a threatening look.

'The room-door is open, is it?'

'Wide,' replied Toby, after peeping in to satisfy himself.

'The game of that is, that they always leave it open with a catch, so that the dog, who's got a bed in here, may walk up and down the passage when he feels wakeful.

Ha! ha!

Barney 'ticed him away to-night.

So neat!'

Although Mr. Crackit spoke in a scarcely audible whisper, and laughed without noise, Sikes imperiously commanded him to be silent, and to get to work.

Toby complied, by first producing his lantern, and placing it on the ground; then by planting himself firmly with his head against the wall beneath the window, and his hands upon his knees, so as to make a step of his back.

This was no sooner done, than Sikes, mounting upon him, put Oliver gently through the window with his feet first; and, without leaving hold of his collar, planted him safely on the floor inside.

'Take this lantern,' said Sikes, looking into the room.

'You see the stairs afore you?'

Oliver, more dead than alive, gasped out,

Ты возьмешь этот фонарь, поднимешься тихонько по лестнице - она как раз перед тобой, - пройдешь через маленькую переднюю к входной двери, отопрешь ее ипустишь нас.

- Там наверху есть засов, тебе до него не дотянуться, - вмешался Тоби.

- Влезь на стул в передней...

Там три стула, Билл, а на спинках большущий синий единорог и золотые вилы, это герб старой леди.

- Помалкивай! - перебил Сайкс, бросив на него грозный взгляд.

- Дверь в комнаты открыта?

- Настежь, - ответил Тоби, предварительно заглянув в окно.

- Потеха! Они всегда оставляют ее открытой, чтобы собака, у которой здесь подстилка, могла прогуляться по коридору, когда ей не спится.

Ха-ха-ха!

А Барни сманил ее сегодня вечером.

Вот здорово!

Хотя мистер Крекит говорил чуть слышным шепотом и смеялся беззвучно, однако Сайкс властно приказал ему замолчать и приступить к делу.

Тоби повиновался: сначала достал из кармана фонарь и поставил его на землю, затем крепко уперся головой в стену под окном, а руками в колени, так, чтобы спина его служила ступенькой.

Когда Это было сделано. Сайкс, взобравшись на него, осторожно просунул Оливера в окно, ногами вперед, и, придерживая его за шиворот, благополучно опустил на пол.

- Бери этот фонарь, - сказал Сайкс, заглядывая в комнату.

- Видишь перед собой лестницу?

Оливер, ни жив ни мертв, прошептал:

'Yes.'

Sikes, pointing to the street-door with the pistol-barrel, briefly advised him to take notice that he was within shot all the way; and that if he faltered, he would fall dead that instant.

'It's done in a minute,' said Sikes, in the same low whisper.

'Directly I leave go of you, do your work.

Hark!'

'What's that?' whispered the other man.

They listened intently.

'Nothing,' said Sikes, releasing his hold of Oliver.

'Now!'

In the short time he had had to collect his senses, the boy had firmly resolved that, whether he died in the attempt or not, he would make one effort to dart upstairs from the hall, and alarm the family.

Filled with this idea, he advanced at once, but stealthily.

'Come back!' suddenly cried Sikes aloud.

'Back! back!'

Scared by the sudden breaking of the dead stillness of the place, and by a loud cry which followed it, Oliver let his lantern fall, and knew not whether to advance or fly.

The cry was repeated — a light appeared — a vision of two terrified half-dressed men at the top of the stairs swam before his eyes — a flash — a loud noise — a smoke — a crash somewhere, but where he knew not, — and he staggered back.

Sikes had disappeared for an instant; but he was up again, and had him by the collar before the smoke had cleared away.

He fired his own pistol after the men, who were already retreating; and dragged the boy up.

"Да".

Сайкс указывая пистолетом на входную дверь, лаконически посоветовал ему принять к сведению, что он все время будет находиться под прицелом и если замешкается, то в ту же секунду будет убит.

- Все должно быть сделано в одну минуту, - продолжал Сайкс чуть слышно.

- Как только я тебя отпущу, принимайся за дело.

Эй, что это?

- Что там такое? - прошептал его товарищ.

Оба напряженно прислушались.

- Ничего! - сказал Сайкс, отпуская Оливера.

- Ну!

В тот короткий промежуток времени, когда мальчик мог собраться с мыслями, он твердо решил - хотя бы эта попытка и стоила ему жизни - взбежать по лестнице, ведущей из передней, и поднять тревогу в доме.

Приняв такое решение, он тотчас же крадучись двинулся к двери.

- Назад! - закричал вдруг Сайкс.

- Назад! Назад!

Когда мертвая тишина, царившая в доме, была нарушена громким криком, Оливер в испуге уронил фонарь и не знал, идти ли ему вперед, или бежать!

Снова раздался крик - блеснул свет; перед его глазами появились на верхней ступеньке лестницы два перепуганных полуодетых человека. Яркая вспышка, оглушительный шум, дым, треск неизвестно откуда, - и Оливер отшатнулся назад.

Сайкс на мгновение исчез, но затем показался снова и схватил его за шиворот, прежде чем рассеялся дым.

Он выстрелил из своего пистолета вслед людям, которые уже кинулись назад, и потащил мальчика вверх.

'Clasp your arm tighter,' said Sikes, as he drew him through the window.

'Give me a shawl here.

They've hit him.

Quick!

How the boy bleeds!'

Then came the loud ringing of a bell, mingled with the noise of fire-arms, and the shouts of men, and the sensation of being carried over uneven ground at a rapid pace.

And then, the noises grew confused in the distance; and a cold deadly feeling crept over the boy's heart; and he saw or heard no more.

CHAPTER XXIII — WHICH CONTAINS THE SUBSTANCE OF A PLEASANT CONVERSATION BETWEEN MR. BUMBLE AND A LADY; AND SHOWS THAT EVEN A BEADLE MAY BE SUSCEPTIBLE ON SOME POINTS

The night was bitter cold.

The snow lay on the ground, frozen into a hard thick crust, so that only the heaps that had drifted into byways and corners were affected by the sharp wind that howled abroad: which, as if expending increased fury on such prey as it found, caught it savagely up in clouds, and, whirling it into a thousand misty eddies, scattered it in air.

Bleak, dark, and piercing cold, it was a night for the well-housed and fed to draw round the bright fire and thank God they were at home; and for the homeless, starving wretch to lay him down and die.

Many hunger-worn outcasts close their eyes in our bare streets, at such times, who, let their crimes have been what they may, can hardly open them in a more bitter world.

Such was the aspect of out-of-doors affairs, when Mrs. Corney, the matron of the workhouse to which our readers have been already introduced

- Держись, крепче, - прошептал Сайкс, протаскивая его в окно.

- Эй, дай мне шарф.

Они попали в него.

Живее!

Мальчишка истекает кровью.

Потом Оливер услышал звон колокольчика, выстрелы, крики и почувствовал, что кто-то уносит его, быстро шагая по неровной почве.

А потом шум замер вдалеке, смертельный холод сковал ему сердце. И больше он ничего не видел и не слышал.

ГЛАВА XXIII, — которая рассказывает о приятной беседе между мистером Бамблом и некоей леди и убеждает в том, что в иных случаях даже бидл бывает не лишен чувствительности

Вечером был лютый холод.

Снег, лежавший на земле, покрылся твердой ледяной коркой, и только на сугробы по проселкам и закоулкам налетал резкий, воющий ветер, который словно удваивал бешенство при виде добычи, какая ему попадалась, взметал снег мглистым облаком, кружил его и рассыпал в воздухе.

Суровый, темный, холодный был вечер, заставивший тех, кто сыт и у кого есть теплый у гол, собраться у камина и благодарить бога за то, что они у себя дома, а бездомных, умирающих с голоду бедняков - лечь на землю и умереть.

В такой вечер многие измученные голодом отщепенцы смыкают глаза на наших безлюдных улицах, и - каковы бы ни были их преступления - вряд ли они откроют их в более жестком мире.

Так обстояло дело под открытым небом, когда миссис Корни, надзирательница работного дома, с которым наши читатели уже знакомы

as the birthplace of Oliver Twist, sat herself down before a cheerful fire in her own little room, and glanced, with no small degree of complacency, at a small round table: on which stood a tray of corresponding size, furnished with all necessary materials for the most grateful meal that matrons enjoy.

In fact, Mrs. Corney was about to solace herself with a cup of tea.

As she glanced from the table to the fireplace, where the smallest of all possible kettles was singing a small song in a small voice, her inward satisfaction evidently increased, — so much so, indeed, that Mrs. Corney smiled.

'Well!' said the matron, leaning her elbow on the table, and looking reflectively at the fire; 'I'm sure we have all on us a great deal to be grateful for!

A great deal, if we did but know it.

Ah!'

Mrs. Corney shook her head mournfully, as if deploring the mental blindness of those paupers who did not know it; and thrusting a silver spoon (private property) into the inmost recesses of a two-ounce tin tea-caddy, proceeded to make the tea.

How slight a thing will disturb the equanimity of our frail minds!

The black teapot, being very small and easily filled, ran over while Mrs. Corney was moralising; and the water slightly scalded Mrs. Corney's hand.

'Drat the pot!' said the worthy matron, setting it down very hastily on the hob; 'a little stupid thing, that only holds a couple of cups!

What use is it of, to anybody!

Except,' said Mrs. Corney, pausing, 'except to a

как с местом рождения Оливера Твиста, уселась перед веселым огоньком в своей собственной маленькой комнатке и не без самодовольства бросила взгляд на небольшой круглый столик, на котором стоял соответствующих размеров поднос со всеми принадлежностями, необходимыми для наилучшего ужина, какой только может пожелать надзирательница.

Миссис Корни хотела побаловать себя чашкой чая.

Когда она перевела взгляд со стола на камин, где самый маленький из всех существующих чайников затянул тихим голоском тихую песенку, чувство внутреннего удовлетворения у миссис Корни до того усилилось, что она улыбнулась.

- Ну что ж! - сказала надзирательница, облокотившись на стол и задумчиво глядя на огонь, - Право же, каждому из нас дано очень много, и нам есть за что быть благодарными.

Очень много, только мы этого не понимаем.

Увы!

Миссис Корни скорбно покачала головой, словно оплакивая духовную слепоту тех бедняков, которые этого не понимают, и, погрузив серебряную ложечку (личная собственность) в недра металлической чайницы, вмещающей две-три унции, принялась заваривать чай.

Как мало нужно, чтобы нарушить спокойствие нашего слабого духа.

Пока миссис Корни занималась рассуждениями, вода в черном чайнике, который был очень маленьким, так что ничего не стоило наполнить его доверху, перелилась через край и слегка ошпарила руку миссис Корни.

- Ах, будь ты проклят! - воскликнула почтенная надзирательница, с большой поспешностью поставив чайник на камин. - Дурацкая штука! Вмещает всего-навсего две чашки!

Ну кому от нее может быть прок?..

Разве что, - призадумавшись, добавила миссис Корни, - разве что такому бедному, одинокому

poor desolate creature like me.

Oh dear!'

With these words, the matron dropped into her chair, and, once more resting her elbow on the table, thought of her solitary fate.

The small teapot, and the single cup, had awakened in her mind sad recollections of Mr. Corney (who had not been dead more than five-and-twenty years); and she was overpowered.

'I shall never get another!' said Mrs. Corney, pettishly;

'I shall never get another — like him.'

Whether this remark bore reference to the husband, or the teapot, is uncertain.

It might have been the latter; for Mrs. Corney looked at it as she spoke; and took it up afterwards.

She had just tasted her first cup, when she was disturbed by a soft tap at the room-door.

'Oh, come in with you!' said Mrs. Corney, sharply.

'Some of the old women dying, I suppose.

They always die when I'm at meals.

Don't stand there, letting the cold air in, don't.

What's amiss now, eh?'

'Nothing, ma'am, nothing,' replied a man's voice.

'Dear me!' exclaimed the matron, in a much sweeter tone, 'is that Mr. Bumble?'

'At your service, ma'am,' said Mr. Bumble, who had been stopping outside to rub his shoes clean, and to shake the snow off his coat; and who now made his appearance, bearing the cocked hat in one hand and a bundle in the other.

созданию, как я!

Ах, боже мой!

С этими словами надзирательница упала в кресло и, снова облокотившись на стол, задумалась об одинокой своей судьбе.

Маленький чайник и одна-единственная чашка пробудили печальные воспоминания о мистере Корни (который умер всего-навсего двадцать пять лет назад), и это подействовало на нее угнетающе.

- Больше никогда не будет у меня такого! - досадливо сказала миссис Корни.

- Больше никогда не будет у меня такого, как он!

Неизвестно, к кому относилось это замечание: к мужу или к чайнику.

Быть может, к последнему, ибо, произнося эти слова, миссис Корни смотрела на него, а затем сняла его с огня.

Она только отведала первую чашку, как вдруг ее потревожил тихий стук в дверь.

- Ну, входите! - резко сказала миссис Корни.

- Должно быть, какая-нибудь старуха собралась помирать.

Они всегда помирают, когда я вздумаю закусить.

Не стойте там, не напускайте холодного воздуха.

Ну, что там еще случилось?

- Ничего, сударыня, ничего, - ответил мужской голос.

- Ах, боже мой! - воскликнула надзирательница значительно более мягким голосом.

- Неужели это мистер Бамбл? - К вашим услугам, сударыня, - произнес мистер Бамбл, который задержался было в дверях, чтобы соскоблить грязь с башмаков и отряхнуть снег с пальто, а затем вошел, держа в одной руке шляпу, а в другой узелок.

'Shall I shut the door, ma'am?'

The lady modestly hesitated to reply, lest there should be any impropriety in holding an interview with Mr. Bumble, with closed doors.

Mr. Bumble taking advantage of the hesitation, and being very cold himself, shut it without permission.

'Hard weather, Mr. Bumble,' said the matron.

'Hard, indeed, ma'am,' replied the beadle.

'Anti-porochial weather this, ma'am.

We have given away, Mrs. Corney, we have given away a matter of twenty quartern loaves and a cheese and a half, this very blessed afternoon; and yet them paupers are not contented.'

'Of course not.

When would they be, Mr. Bumble?' said the matron, sipping her tea.

'When, indeed, ma'am!' rejoined Mr. Bumble.

'Why here's one man that, in consideration of his wife and large family, has a quartern loaf and a good pound of cheese, full weight.

Is he grateful, ma'am? Is he grateful?

Not a copper farthing's worth of it!

What does he do, ma'am, but ask for a few coals; if it's only a pocket handkerchief full, he says!

Coals!

What would he do with coals?

Toast his cheese with 'em and then come back for more.

That's the way with these people, ma'am; give 'em a apron full of coals to-day, and they'll come back for another, the day after to-morrow, as brazen as alabaster.'

- Не прикажете ли, сударыня, закрыть дверь?

Леди из целомудрия не решалась дать ответ, опасаясь, пристойно ли будет иметь свидание с мистером Бамблом при закрытых дверях.

Мистер Бамбл, воспользовавшись ее замешательством, а к тому же и озябнув, закрыл дверь, не дожидаясь разрешения.

- Ненастная погода, мистер Бамбл, - сказала надзирательница.

- Да, сударыня, ненастье, - отозвался бидл.

- Такая погода во вред приходу, сударыня.

Сегодня после полудня, миссис Корни, мы раздали двадцать четырехфунтовых хлебов и полторы головки сыра, а эти бедняки все еще недовольны.

- Ну конечно.

Когда же они бывают довольны, мистер Бамбл? - сказала надзирательница, попивая чай.

- Совершенно верно, сударыня, когда? - подхватил мистер Бамбл.

- Тут одному человеку, ради его жены и большого семейства, дали четырехфунтовый хлеб и добрый фунт сыру, без обвеса.

А как вы думаете, почувствовал он благодарность, сударыня, настоящую благодарность?

Ни на один медный фартинг!

Как вы думаете, что он сделал, сударыня? Стал просить угля - хотя бы немножко, в носовой платок, сказал он!

Угля!

А что ему с ним делать?

Поджаривать сыр, а потом прийти и просить еще.

Вот какие навыки у этих людей, сударыня: навали ему сегодня угля полон передник, он, бессовестный, послезавтра опять придет выпрашивать.

Надзирательница выразила полное одобрение

The matron expressed her entire concurrence in this intelligible simile; and the beadle went on.

'I never,' said Mr. Bumble, 'see anything like the pitch it's got to.

The day afore yesterday, a man — you have been a married woman, ma'am, and I may mention it to you — a man, with hardly a rag upon his back (here Mrs. Corney looked at the floor), goes to our overseer's door when he has got company coming to dinner; and says, he must be relieved, Mrs. Corney.

As he wouldn't go away, and shocked the company very much, our overseer sent him out a pound of potatoes and half a pint of oatmeal.

"My heart!" says the ungrateful villain, "what's the use of this to me?

You might as well give me a pair of iron spectacles!"

"Very good," says our overseer, taking 'em away again, "you won't get anything else here."

"Then I'll die in the streets!" says the vagrant.

"Oh no, you won't," says our overseer.'

'Ha! ha!

That was very good!

So like Mr. Grannett, wasn't it?' interposed the matron.

'Well, Mr. Bumble?'

'Well, ma'am,' rejoined the beadle, 'he went away; and he did die in the streets.

There's a obstinate pauper for you!'

'It beats anything I could have believed,' observed the matron emphatically.

'But don't you think out-of-door relief a very bad thing, any way, Mr. Bumble?

You're a gentleman of experience, and ought to

этому образному суждению, и бидл продолжал свою речь.

- Я и не представлял себе, до чего это может прийти, - сказал мистер Бамбл.

- Третьего дня - вы были замужем, сударыня, и я могу это рассказать вам, - третьего дня какой-то субъект, у которого спина едва прикрыта лохмотьями (тут миссис Корни потупилась), приходит к дверям нашего смотрителя, когда у того гостя собрались на обед, и говорит, что нуждается в помощи, миссис Корни.

Так как он не хотел уходить и произвел на гостей ужасающее впечатление, то смотритель выслал ему фунт картофеля и полпинты овсяной муки.

"Ах, бог мой! - говорит неблагодарный негодяй. - Что толку мне от этого?

С таким же успехом вы могли бы дать мне очки в железной оправе!" -

"Отлично, - говорит наш смотритель, отбирая у него подавание, - больше ничего вы здесь не получите". -

"Ну, значит, я умру где-нибудь на улице! - говорит бродяга.

"Нет, не умрешь", - говорит наш смотритель...

- Ха-ха-ха!

Чудесно!

Как это похоже на мистера Граната, правда? - перебила надзирательница.

- Дальше, мистер Бамбл!

- Так вот, сударыня, - продолжал бидл, - он ушел и так-таки и умер на улице.

Вот упрямый нищий!

- Никогда бы я этому не поверила! - решительно заметила надзирательница.

- Но не думаете ли вы, мистер Бамбл, что оказывать помощь людям с улицы - дурное дело?

Вы - джентльмен, умудренный опытом, и

know.

Come.'

'Mrs. Corney,' said the beadle, smiling at men who are conscious of superior information, 'out-of-door relief, properly managed: properly managed, ma'am: is the parochial safeguard.

The great principle of out-of-door relief is, to give the paupers exactly what they don't want; and then they get tired of coming.'

'Dear me!' exclaimed Mrs. Corney.

'Well, that is a good one, too!'

'Yes.

Between you and me, ma'am,' returned Mr. Bumble, 'that's the great principle; and that's the reason why, if you look at any cases that get into them old-fashioned newspapers, you'll always observe that sick families have been relieved with slices of cheese.

That's the rule now, Mrs. Corney, all over the country.

But, however,' said the beadle, stopping to unpack his bundle, 'these are official secrets, ma'am; not to be spoken of; except, as I may say, among the parochial officers, such as ourselves.

This is the port wine, ma'am, that the board ordered for the infirmary; real, fresh, genuine port wine; only out of the cask this forenoon; clear as a bell, and no sediment!'

Having held the first bottle up to the light, and shaken it well to test its excellence, Mr. Bumble placed them both on top of a chest of drawers; folded the handkerchief in which they had been wrapped; put it carefully in his pocket; and took up his hat, as if to go.

'You'll have a very cold walk, Mr. Bumble,' said the matron.

должны это знать.

Как вы полагаете?

- Миссис Корни, - сказал бидл, улыбаясь, как улыбаются люди, сознающие, что они хорошо осведомлены, - оказывать помощь таким людям - при соблюдении надлежащего порядка, надлежащего порядка, сударыня! - Это спасение для прихода.

Первое правило, когда оказываешь помощь, заключается в том, чтобы давать беднякам как раз то, что им не нужно... А тогда им скоро надоест приходить.

- Ах, боже мой! - воскликнула миссис Корни.

- Как это умно придумано!

- Еще бы!

Между нами говоря, сударыня, - отозвался мистер Бамбл, - это правило весьма важное: если вы заинтересуетесь теми случаями, какие попадают в эти дерзкие газеты, вы не преминете заметить, что нуждающиеся семейства получают вспомоществование в виде кусочков сыру.

Такой порядок, миссис Корни, установлен ныне по всей стране.

Впрочем, - добавил бидл, развязывая свой узелок, - это служебные тайны, сударыня, - о них толковать не полагается никому, за исключением, сказал бы я, приходских чиновников, вроде нас с вами...

А вот портвейн, сударыня, который приходский совет заказал для больницы: свежий, настоящий портвейн, без обмана, только сегодня из бочки; чистый, как стеклышко, и никакого осадка!

Посмотрев одну из бутылок на свет и хорошенько взболтав ее, чтобы убедиться в превосходном качестве вина, мистер Бамбл поставил обе бутылки на комод, сложил носовой платок, в который они были завернуты, заботливо сунул его в карман и взялся за шляпу с таким видом, будто собирался уйти.

- Придется вам идти по морозу, мистер Бамбл, - заметила надзирательница.

'It blows, ma'am,' replied Mr. Bumble, turning up his coat-collar, 'enough to cut one's ears off.'

The matron looked, from the little kettle, to the beadle, who was moving towards the door; and as the beadle coughed, preparatory to bidding her good-night, bashfully inquired whether — whether he wouldn't take a cup of tea?

Mr. Bumble instantaneously turned back his collar again; laid his hat and stick upon a chair; and drew another chair up to the table.

As he slowly seated himself, he looked at the lady.

She fixed her eyes upon the little teapot.

Mr. Bumble coughed again, and slightly smiled.

Mrs. Corney rose to get another cup and saucer from the closet.

As she sat down, her eyes once again encountered those of the gallant beadle; she coloured, and applied herself to the task of making his tea.

Again Mr. Bumble coughed — louder this time than he had coughed yet.

'Sweet? Mr. Bumble?' inquired the matron, taking up the sugar-basin.

'Very sweet, indeed, ma'am,' replied Mr. Bumble.

He fixed his eyes on Mrs. Corney as he said this; and if ever a beadle looked tender, Mr. Bumble was that beadle at that moment.

The tea was made, and handed in silence.

Mr. Bumble, having spread a handkerchief over his knees to prevent the crumbs from sullyng the splendour of his shorts, began to eat and drink; varying these amusements, occasionally, by fetching a deep sigh; which, however, had no injurious effect upon his appetite, but, on the contrary, rather seemed to facilitate his operations in the tea and toast department.

'You have a cat, ma'am, I see,' said Mr. Bumble,

- Жестокий ветер, сударыня, - отозвался мистер Бамбл, поднимая воротник шинели. - Того гляди, оторвет уши.

Надзирательница перевела взгляд с маленького чайника на бидла, направившегося к двери, и, когда бидл кашлянул, собираясь пожелать ей спокойной ночи, она застенчиво осведомилась, не угодно ли... не угодно ли ему выпить чашку чаю?

Мистер Бамбл немедленно опустил воротник, положил шляпу и трость на стул, а другой стул придвинул к столу.

Медленно усаживаясь на свое место, он бросил взгляд на леди.

Та устремила взор на маленький чайник.

Мистер Бамбл снова кашлянул и слегка улыбнулся.

Миссис Корни встала, чтобы достать из шкафа вторую чашку и блюдце.

Когда она уселась, глаза ее снова встретились с глазами галантного бидла; она покраснела и принялась наливать ему чай.

Снова мистер Бамбл кашлянул - на этот раз громче, чем раньше.

- Послаще, мистер Бамбл? - спросила надзирательница, взяв сахарницу.

- Если позволите, послаще, сударыня, - ответил мистер Бамбл.

При этом он устремил взгляд на миссис Корни; и если бидл может быть нежен, то таким бидлом был в тот момент мистер Бамбл.

Чай был налит и подан молча.

Мистер Бамбл, расстелив на коленях носовой платок, чтобы крошки не запачкали его великолепных коротких штанов, приступил к еде и питью, время от времени прерывая это приятное занятие глубокими вздохами, которые, однако, отнюдь не служили в ущерб его аппетиту, а напротив, помогали ему управляться с чаем и гренками.

- Вижу, сударыня, что у вас есть кошка, - сказал

glancing at one who, in the centre of her family, was basking before the fire; 'and kittens too, I declare!'

'I am so fond of them, Mr. Bumble, you can't think,' replied the matron.

'They're so happy, so frolicsome, and so cheerful, that they are quite companions for me.'

'Very nice animals, ma'am,' replied Mr. Bumble, approvingly; 'so very domestic.'

'Oh, yes!' rejoined the matron with enthusiasm; 'so fond of their home too, that it's quite a pleasure, I'm sure.'

'Mrs. Corney, ma'am,' said Mr. Bumble, slowly, and marking the time with his teaspoon, 'I mean to say this, ma'am; that any cat, or kitten, that could live with you, ma'am, and not be fond of its home, must be a ass, ma'am.'

'Oh, Mr. Bumble!' remonstrated Mrs. Corney.

'It's of no use disguising facts, ma'am,' said Mr. Bumble, slowly flourishing the teaspoon with a kind of amorous dignity which made him doubly impressive;

'I would drown it myself, with pleasure.'

'Then you're a cruel man,' said the matron vivaciously, as she held out her hand for the beadle's cup; 'and a very hard-hearted man besides.'

'Hard-hearted, ma'am?' said Mr. Bumble.

'Hard?'

Mr. Bumble resigned his cup without another word; squeezed Mrs. Corney's little finger as she took it; and inflicting two open-handed slaps upon his laced waistcoat, gave a mighty sigh, and hitched his chair a very little morsel farther from the fire.

мистер Бамбл, глядя на кошку, которая грелась у камина, окруженная своим семейством. - Да вдобавок еще котята!

- Ах, как я их люблю, мистер Бамбл, вы и представить себе не можете! - отозвалась надзирательница.

- Такие веселые, такие шаловливые, такие беззаботные, право же, они составляют мне компанию!

- Славные животные, сударыня, - одобрительно заметил мистер Бамбл. - Такие домашние...

- О да! - восторженно воскликнула надзирательница. - Они так привязаны к своему дому. Право же, это истинное наслаждение.

- Миссис Корни, - медленно произнес мистер Бамбл, отбивая такт чайной ложкой, - вот что, сударыня, намерен я вам сказать: если кошки или котята живут с вами, сударыня, и не привязаны к своему дому, то, стало быть, они ослы, сударыня.

- Ах, мистер Бамбл! - воскликнула миссис Корни.

- Зачем скрывать истину, сударыня! - продолжал мистер Бамбл, медленно помахивая чайной ложкой с видом влюбленным и внушительным, что производило особенно сильное впечатление.

- Я бы с удовольствием собственными руками утопил такую кошку.

- Значит, вы злой человек! - с живостью подхватила надзирательница, протягивая руку за чашкой бидла. - И вдобавок жестокосердный!

- Жестокосердный, сударыня? - повторил мистер Бамбл.

- Жестокосердный?

Мистер Бамбл без лишних слов отдал свою чашку миссис Корни, сжал при этом ее мизинец и, дважды хлопнув себя ладонью по обшитому галуном жилету, испустил глубокий вздох и чуть-чуть отодвинул свой стул от камина.

It was a round table; and as Mrs. Corney and Mr. Bumble had been sitting opposite each other, with no great space between them, and fronting the fire, it will be seen that Mr. Bumble, in receding from the fire, and still keeping at the table, increased the distance between himself and Mrs. Corney; which proceeding, some prudent readers will doubtless be disposed to admire, and to consider an act of great heroism on Mr. Bumble's part: he being in some sort tempted by time, place, and opportunity, to give utterance to certain soft nothings, which however well they may become the lips of the light and thoughtless, do seem immeasurably beneath the dignity of judges of the land, members of parliament, ministers of state, lord mayors, and other great public functionaries, but more particularly beneath the stateliness and gravity of a beadle: who (as is well known) should be the sternest and most inflexible among them all.

Whatever were Mr. Bumble's intentions, however (and no doubt they were of the best): it unfortunately happened, as has been twice before remarked, that the table was a round one; consequently Mr. Bumble, moving his chair by little and little, soon began to diminish the distance between himself and the matron; and, continuing to travel round the outer edge of the circle, brought his chair, in time, close to that in which the matron was seated.

Indeed, the two chairs touched; and when they did so, Mr. Bumble stopped.

Now, if the matron had moved her chair to the right, she would have been scorched by the fire; and if to the left, she must have fallen into Mr. Bumble's arms; so (being a discreet matron, and no doubt foreseeing these consequences at a glance) she remained where she was, and handed Mr. Bumble another cup of tea.

'Hard-hearted, Mrs. Corney?' said Mr. Bumble, stirring his tea, and looking up into the matron's face; 'are you hard-hearted, Mrs. Corney?'

'Dear me!' exclaimed the matron, 'what a very

Стол был круглый; а так как миссис Корни и мистер Бамбл сидели друг против друга на небольшом расстоянии, лицом к огню, то ясно, что мистер Бамбл, отодвигаясь от огня, но по-прежнему сидя за столом, увеличивал расстояние, отделявшее его от миссис Корни; к такому поступку иные благоразумные читатели несомненно отнесутся с восторгом и будут почитать его актом величайшего героизма со стороны мистера Бамбла; время, место и благоприятные обстоятельства до известной степени побуждали его произнести те нежные и любезные словечки, которые - как бы ни приличествовали они устам людей легкомысленных и беззаботных - кажутся ниже достоинства судей сей страны, членов парламента, министров, лорд-мэров и прочих великих общественных деятелей, а тем более не подобает столь великому и солидному человеку, как бидл, который (как хорошо известно) долженствует быть самым суровым и самым непоколебимым из всех этих людей.

Однако, каковы бы ни были намерения мистера Бамбла (а они несомненно были наилучшими), к несчастью, случилось так, что стол - о чем уже упомянуто дважды - был круглый, вследствие этого мистер Бамбл, помаленьку передвигая свой стул, вскоре начал уменьшать расстояние, отделявшее его от надзирательницы, и, продолжая путешествие по кругу, придвинул, наконец, свой стул к тому, на котором сидела надзирательница.

В самом деле, оба стула соприкоснулись, а когда это произошло, Мистер Бамбл остановился.

Если бы надзирательница подвинула теперь свой стул вправо, ее неминуемо опалило бы огнем, а если бы подвинула влево, то упала бы в объятия мистера Бамбла; итак (будучи скромной надзирательницей и несомненно предусмотрев сразу эти последствия), она осталась сидеть на своем месте и протянула мистеру Бамблу вторую чашку чаю.

- Жестокосердный, миссис Корни? - повторил мистер Бамбл, помешивая чай и заглядывая в лицо надзирательнице. - А вы не жестокосердны, миссис Корни?

- Ах, боже мой! - воскликнула надзирательница.

curious question from a single man.

What can you want to know for, Mr. Bumble?'

The beadle drank his tea to the last drop; finished a piece of toast; whisked the crumbs off his knees; wiped his lips; and deliberately kissed the matron.

'Mr. Bumble!' cried that discreet lady in a whisper; for the fright was so great, that she had quite lost her voice,

'Mr. Bumble, I shall scream!'

Mr. Bumble made no reply; but in a slow and dignified manner, put his arm round the matron's waist.

As the lady had stated her intention of screaming, of course she would have screamed at this additional boldness, but that the exertion was rendered unnecessary by a hasty knocking at the door: which was no sooner heard, than Mr. Bumble darted, with much agility, to the wine bottles, and began dusting them with great violence: while the matron sharply demanded who was there.

It is worthy of remark, as a curious physical instance of the efficacy of a sudden surprise in counteracting the effects of extreme fear, that her voice had quite recovered all its official asperity.

'If you please, mistress,' said a withered old female pauper, hideously ugly: putting her head in at the door, 'Old Sally is a-going fast.'

'Well, what's that to me?' angrily demanded the matron.

'I can't keep her alive, can I?'

'No, no, mistress,' replied the old woman, 'nobody can; she's far beyond the reach of help.

I've seen a many people die; little babes and great strong men; and I know when death's a-coming, well enough.

But she's troubled in her mind: and when the fits are not on her, — and that's not often, for she is dying very hard, — she says she has got something to tell, which you must hear.

- Странно слышать такой вопрос от холостяка!

Зачем вам это понадобилось знать, мистер Бамбл?

Бидл выпил чай до последней капли, доел гренки, смахнул крошки с колен, вытер губы и преспокойно поцеловал надзирательницу.

- Мистер Бамбл! - шепотом воскликнула сия целомудренная леди, ибо испуг был так велик, что она лишилась голоса.

- Мистер Бамбл, я закричу!

Вместо ответа мистер Бамбл не спеша, с достоинством обвил рукой талию надзирательницы.

Раз сия леди выразила намерение закричать, то, конечно, она бы и закричала при этом новом дерзком поступке, если бы торопливый стук в дверь не сделал это излишним: как только раздался стук, мистер Бамбл с большим проворством ринулся к винным бутылкам и с рвением принялся смахивать с них пыль, а надзирательница суровым тоном спросила, кто стучит.

Следует отметить любопытный факт: удивление оказало такое действие на крайний ее испуг, что голос вновь обрел всю свою официальную жесткость.

- Простите, миссис, - сказала высохшая старая нищенка, на редкость безобразная, просовывая голову в дверь, - старуха Салли отходит.

- Ну, а мне какое до этого дело? - сердито спросила надзирательница.

- Ведь я же не могу ее оживить.

- Конечно, конечно, миссис, - ответила старуха, - Это никому не под силу; ей уже нельзя помочь.

Много раз я видела, как помирают люди - и младенцы и крепкие, сильные люди, - и уж мне ли не знать, когда приходит смерть!

Но у нее что-то тяжелое на душе, и, когда боли ее отпускают - а это бывает редко, потому что помирает она в муках, - она говорит, что ей нужно что-то вам сказать.

She'll never die quiet till you come, mistress.'

At this intelligence, the worthy Mrs. Corney muttered a variety of invectives against old women who couldn't even die without purposely annoying their betters; and, muffling herself in a thick shawl which she hastily caught up, briefly requested Mr. Bumble to stay till she came back, lest anything particular should occur.

Bidding the messenger walk fast, and not be all night hobbling up the stairs, she followed her from the room with a very ill grace, scolding all the way.

Mr. Bumble's conduct on being left to himself, was rather inexplicable.

He opened the closet, counted the teaspoons, weighed the sugar-tongs, closely inspected a silver milk-pot to ascertain that it was of the genuine metal, and, having satisfied his curiosity on these points, put on his cocked hat corner-wise, and danced with much gravity four distinct times round the table.

Having gone through this very extraordinary performance, he took off the cocked hat again, and, spreading himself before the fire with his back towards it, seemed to be mentally engaged in taking an exact inventory of the furniture.

CHAPTER XXIV — TREATS ON A VERY POOR SUBJECT. BUT IS A SHORT ONE, AND MAY BE FOUND OF IMPORTANCE IN THIS HISTORY

It was no unfit messenger of death, who had disturbed the quiet of the matron's room.

Her body was bent by age; her limbs trembled with palsy; her face, distorted into a mumbling leer, resembled more the grotesque shaping of some wild pencil, than the work of Nature's hand.

Она не помрет спокойно, пока вы не придете, миссис.

Выслушав это сообщение, достойная миссис Корни вполголоса осыпала всевозможными ругательствами тех старух, которые даже и умереть не могут, чтобы умышленно не досадить лицам, выше их стоящим. Быстро схватив теплую шаль и завернувшись в нее, она, не тратя лишних слов, попросила мистера Бамбла подождать ее возвращения на тот случай, если произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее.

Приказав посланной за ней старухе идти быстро, а не карабкаться всю ночь по лестнице, она вышла вслед за ней из комнаты с очень суровым видом и всю дорогу ругалась.

Поведение мистера Бамбла, предоставленного самому себе, в сущности не поддается объяснению.

Он открыл шкаф, пересчитал чайные ложки, взвесил на руке щипцы для сахара, внимательно осмотрел серебряный молочник и, удовлетворив этим свое любопытство, надел треуголку набекрень и весьма солидно пустился в пляс, четыре раза обойдя вокруг стола.

Покончив с этим изумительным занятием, он снова снял треуголку и, расположившись перед камином, спиной к огню, казалось, принялся мысленно составлять точную опись обстановки.

ГЛАВА XXIV — трактует о весьма ничтожном предмете. Но это короткая глава, и она может оказаться не лишней в этом повествовании

Особа, нарушившая покой в комнате надзирательницы, была подобающей вестницей смерти.

Преклонные годы согнули ее тело, руки и ноги дрожали, лицо, искаженное бессмысленной гримасой, скорее походило на чудовищную маску, начертанную карандашом сумасшедшего, чем на создание Природы.

Alas!

How few of Nature's faces are left alone to gladden us with their beauty!

The cares, and sorrows, and hungerings, of the world, change them as they change hearts; and it is only when those passions sleep, and have lost their hold for ever, that the troubled clouds pass off, and leave Heaven's surface clear.

It is a common thing for the countenances of the dead, even in that fixed and rigid state, to subside into the long-forgotten expression of sleeping infancy, and settle into the very look of early life; so calm, so peaceful, do they grow again, that those who knew them in their happy childhood, kneel by the coffin's side in awe, and see the Angel even upon earth.

The old crone tottered along the passages, and up the stairs, muttering some indistinct answers to the chidings of her companion; being at length compelled to pause for breath, she gave the light into her hand, and remained behind to follow as she might: while the more nimble superior made her way to the room where the sick woman lay.

It was a bare garret-room, with a dim light burning at the farther end.

There was another old woman watching by the bed; the parish apothecary's apprentice was standing by the fire, making a toothpick out of a quill.

'Cold night, Mrs. Corney,' said this young gentleman, as the matron entered.

'Very cold, indeed, sir,' replied the mistress, in her most civil tones, and dropping a curtsy as she spoke.

'You should get better coals out of your contractors,' said the apothecary's deputy, breaking a lump on the top of the fire with the rusty poker; 'these are not at all the sort of thing for a cold night.'

'They're the board's choosing, sir,' returned the matron.

Увы!

Как мало остается лиц, сотворенных Природой, которые не меняются и радуют нас своей красотой!

Мирские заботы, скорби и лишения изменяют их так же, как изменяют сердца; и только тогда, когда страсти засыпают и навеки теряют свою власть, рассеиваются взбаламученные облака и проясняется небесная твердь.

Нередко бывает так, что лица умерших, даже напряженные и окоченевшие, принимают давно забытое выражение, словно у спящего ребенка, напоминая младенческий лик; такими мирными, такими безмятежными становятся снова эти люди, что те, кто знал их в пору счастливого детства, преклоняют колени у гроба и видят ангела, сошедшего на Землю.

Старая карга ковыляла по коридорам и поднималась по лестницам, невнятно бормоча что-то в ответ на ругань своей спутницы; наконец, приостановившись, чтобы отдышаться, она передала ей в руки свечу и последовала за ней, стараясь не отставать от своей куда более проворной начальницы, направлявшейся в комнату больной.

Это была жалкая каморка на чердаке. В дальнем ее углу горел тусклый свет.

У постели сидела другая старуха; у камина стоял ученик аптекаря и делал себе зубочистку из гусиного пера.

- Вечер морозный, миссис Корни, - сказал этот молодой джентльмен вошедшей надзирательнице.

- В самом деле, очень морозный, сэр, - приседая, ответила та самым учтивым тоном.

- Вам следовало бы получать лучший уголь от ваших поставщиков, - заявил помощник аптекаря, разбивая заржавленной кочергой кусок угля в камине, - такой уголь не годится для морозной ночи.

- Совет выбирал его, сэр, - ответила надзирательница.

'The least they could do, would be to keep us pretty warm: for our places are hard enough.'

The conversation was here interrupted by a moan from the sick woman.

'Oh!' said the young mag, turning his face towards the bed, as if he had previously quite forgotten the patient, 'it's all U.P. there, Mrs. Corney.'

'It is, is it, sir?' asked the matron.

'If she lasts a couple of hours, I shall be surprised,' said the apothecary's apprentice, intent upon the toothpick's point.

'It's a break-up of the system altogether.

Is she dozing, old lady?'

The attendant stooped over the bed, to ascertain; and nodded in the affirmative.

'Then perhaps she'll go off in that way, if you don't make a row,' said the young man.

'Put the light on the floor.

She won't see it there.'

The attendant did as she was told: shaking her head meanwhile, to intimate that the woman would not die so easily; having done so, she resumed her seat by the side of the other nurse, who had by this time returned.

The mistress, with an expression of impatience, wrapped herself in her shawl, and sat at the foot of the bed.

The apothecary's apprentice, having completed the manufacture of the toothpick, planted himself in front of the fire and made good use of it for ten minutes or so: when apparently growing rather dull, he wished Mrs. Corney joy of her job, and took himself off on tiptoe.

When they had sat in silence for some time, the two old women rose from the bed, and crouching over the fire, held out their withered hands to catch the heat.

The flame threw a ghastly light on their shrivelled faces, and made their ugliness appear terrible, as, in this position, they began to converse in a low

- А совет мог бы позаботиться, по крайней мере о том, чтобы мы не мерзли, потому что работа у нас тяжелая.

Тут разговор был прерван стоном больной.

- О! - сказал молодой человек, поворачиваясь к кровати с таким видом, будто совсем забыл о пациентке. - Ее песенка спета, миссис Корни.

- Неужели, сэр? - спросила надзирательница.

- Я буду очень удивлен, если она протянет еще часа два, - сказал помощник аптекаря, сосредоточив внимание на острие зубочистки.

- Организм совершенно разрушен.

Посмотрите-ка, старушка, она дремлет?

Сиделка наклонилась к кровати и утвердительно кивнула головой.

- Быть может, она так и умрет, если вы не будете шуметь, - сказал, молодой человек.

- Поставьте свечу на пол.

Там она ей не помешает.

Сиделка исполнила приказание и в то же время покачала головой, как бы давая понять, что женщина так легко не умрет; затем она снова заняла свое место рядом с другой старухой, которая к тому времени возвратилась.

Надзирательница с раздражением завернулась в шаль и присела в ногах кровати.

Помощник аптекаря, покончив с отделкой зубочистки, расположился перед камином и в течение десяти минут грелся у огня; наконец, по-видимому соскучившись, он пожелал миссис Корни успешного завершения ее трудов и на цыпочках удалился.

Посидев несколько минут молча, обе старухи отошли от кровати и, присев на корточки у огня, стали греть иссохшие руки.

Приняв такую позу, они вели тихим голосом разговор, и, когда пламя отбрасывало призрачный отблеск на их сморщенные лица, их

voice.

'Did she say any more, Anny dear, while I was gone?' inquired the messenger.

'Not a word,' replied the other.

'She plucked and tore at her arms for a little time; but I held her hands, and she soon dropped off.

She hasn't much strength in her, so I easily kept her quiet.

I ain't so weak for an old woman, although I am on parish allowance; no, no!'

'Did she drink the hot wine the doctor said she was to have?' demanded the first.

'I tried to get it down,' rejoined the other. 'But her teeth were tight set, and she clenched the mug so hard that it was as much as I could do to get it back again. So I drank it; and it did me good!'

Looking cautiously round, to ascertain that they were not overheard, the two hags cowered nearer to the fire, and chuckled heartily.

'I mind the time,' said the first speaker, 'when she would have done the same, and made rare fun of it afterwards.'

'Ay, that she would,' rejoined the other; 'she had a merry heart.

'A many, many, beautiful corpses she laid out, as nice and neat as waxwork.

My old eyes have seen them — ay, and those old hands touched them too; for I have helped her, scores of times.'

Stretching forth her trembling fingers as she spoke, the old creature shook them exultingly before her face, and fumbling in her pocket, brought out an old time-discoloured tin snuff-box, from which she shook a few grains into the outstretched palm of her companion, and a few more into her own.

While they were thus employed, the matron, who had been impatiently watching until the dying woman should awaken from her stupor, joined

безобразие казалось ужасающим.

- Больше она ничего не говорила, Энни, милая, пока меня не было? - спросила та, что ходила за надзирательницей.

- Ни слова, - ответила вторая сиделка.

- Сначала она щипала и ломала себе руки, но я их придержала, и она скоро утихомирилась.

Сил у нее мало осталось, так что мне легко было ее успокоить.

Для старухи я не так уж слаба, хотя и сижу на приходском пайке!

- Она выпила подогретое вино, которое ей прописал доктор? - спросила первая.

- Я пробовала влить ей в рот, - отозвалась вторая, - но зубы у нее были стиснуты, а за кружку она уцепилась так, что мне едва удалось ее вырвать; тогда я сама выпила вино, и оно пошло мне на пользу.

Осторожно оглянувшись и убедившись, что их не подслушивают, обе старые карги ближе придвинулись к огню в весело захихикали.

- Было время, - снова заговорила первая, - когда она сама сделала бы то же самое и как бы еще потом потешалась!

- Ну конечно! - подхватила другая. - Она была развеселая.

Много, много славных покойничков она обрядила, и были они такие милые и аккуратные, как восковые куклы.

Мои старые глаза их видели, эти старые руки их трогали, потому что я десятки раз ей помогала.

Вытянув дрожащие пальцы, старуха с восторгом помахала ими перед носом собеседницы, потом, пошарив в кармане, вытащила старую, выцветшую от времени жестяную табакерку, из которой насыпала немножко табаку на протянутую ладонь своей приятельницы и чуть-чуть побольше себе на ладонь.

Пока они так развлекались, надзирательница, нетерпеливо ожидавшая, когда же, наконец,

them by the fire, and sharply asked how long she was to wait?

'Not long, mistress,' replied the second woman, looking up into her face.

'We have none of us long to wait for Death.

Patience, patience!

He'll be here soon enough for us all.'

'Hold your tongue, you doting idiot!' said the matron sternly.

'You, Martha, tell me; has she been in this way before?'

'Often,' answered the first woman.

'But will never be again,' added the second one; 'that is, she'll never wake again but once — and mind, mistress, that won't be for long!'

'Long or short,' said the matron, snappishly, 'she won't find me here when she does wake; take care, both of you, how you worry me again for nothing.

It's no part of my duty to see all the old women in the house die, and I won't — that's more.

Mind that, you impudent old harridans.

If you make a fool of me again, I'll soon cure you, I warrant you!'

She was bouncing away, when a cry from the two women, who had turned towards the bed, caused her to look round.

The patient had raised herself upright, and was stretching her arms towards them.

'Who's that?' she cried, in a hollow voice.

'Hush, hush!' said one of the women, stooping over her.

'Lie down, lie down!'

'I'll never lie down again alive!' said the woman, struggling.

умирающая очнется, подошла к камину и резко спросила, долго ли ей еще ждать.

- Недолго, миссис, - ответила вторая старуха, подняв на нее глаза.

- Всем нам недолго ждать смерти.

Потерпите, потерпите!

Скоро она заберет всех нас.

- Придержите язык, старая идиотка! - строго приказала надзирательница.

- Отвечайте мне вы, Марта: впадала ли она и раньше в такое состояние?

- Много раз, - отозвалась первая старуха.

- Но больше это уже не повторится - добавила вторая, - то есть еще один разок она очнется, но ненадолго, попомните мое слово, миссис!

- Надолго или ненадолго, - с раздражением сказала надзирательница, - но когда она очнется, меня здесь уже не будет! И чтобы вы не смели меня больше беспокоить из-за пустяков!

В мои обязанности не входит смотреть, как умирают здесь старухи, и я этого делать не стану.

Запомните это, бесстыжие старые ведьмы!

Если вы опять вздумаете меня дурачить, предупреждаю - я с вами быстро расправлюсь!

Разозлившись, она бросилась к двери, но крик обеих старух, повернувшихся к кровати, заставил ее оглянуться.

Больная приподнялась в постели и простирала к ним руки.

- Кто это? - глухо кричала она.

- Тише, тише! - зашипела одна из старух, наклоняясь к ней.

- Ложитесь, ложитесь!

- Живой я никогда уже больше не лягу!.. - отбиваясь, воскликнула женщина.

'I will tell her!

Come here!

Nearer!

Let me whisper in your ear.'

She clutched the matron by the arm, and forcing her into a chair by the bedside, was about to speak, when looking round, she caught sight of the two old women bending forward in the attitude of eager listeners.

'Turn them away,' said the woman, drowsily; 'make haste! make haste!'

The two old crones, chiming in together, began pouring out many piteous lamentations that the poor dear was too far gone to know her best friends; and were uttering sundry protestations that they would never leave her, when the superior pushed them from the room, closed the door, and returned to the bedside.

On being excluded, the old ladies changed their tone, and cried through the keyhole that old Sally was drunk; which, indeed, was not unlikely; since, in addition to a moderate dose of opium prescribed by the apothecary, she was labouring under the effects of a final taste of gin-and-water which had been privily administered, in the openness of their hearts, by the worthy old ladies themselves.

'Now listen to me,' said the dying woman aloud, as if making a great effort to revive one latent spark of energy.

'In this very room — in this very bed — I once nursed a pretty young creetur', that was brought into the house with her feet cut and bruised with walking, and all soiled with dust and blood.

She gave birth to a boy, and died.

Let me think — what was the year again!'

'Never mind the year,' said the impatient auditor; 'what about her?'

'Ay,' murmured the sick woman, relapsing into her former drowsy state, 'what about her? — what about — I know!' she cried, jumping fiercely up:

- Я хочу что-то сказать ей.

Подойдите ко мне!

Ближе!

Я буду шептать вам на ухо.

Она вцепилась в руку надзирательницы и, заставив ее сесть на стул у кровати, хотела заговорить, но, оглянувшись, заметила двух старух, которые, вытянув шею, приготовились с жадностью слушать.

- Прогоните их, - слабеющим голосом сказала больная. - Скорее, скорее!

Старые карги, завопив в один голос, принялись жалобно сетовать на то, что бедняжке очень худо и она не узнает лучших своих друзей, твердили, что ни за что ее не покинут, но надзирательница вытолкала их из комнаты, заперла дверь и вернулась к кровати.

Очутившись за дверью, старые леди переменили тон и стали кричать в замочную скважину, что старуха Салли пьяна; это было довольно правдоподобно, так как в дополнение к умеренной дозе опиума, прописанного аптекарем, на нее подействовала последняя порция джина с водой, которым, по доброте сердечной, тайком угостили ее достойные старые леди.

- Теперь слушайте меня! - громко сказала умирающая, напрягая все силы, чтобы раздуть последнюю искру жизни.

- Когда-то в этой самой комнате я ухаживала за молодой красоткой, лежавшей на этой самой кровати. Сюда ее принесли с израненными от ходьбы ногами, покрытыми грязью и кровью.

Она родила мальчика и умерла.

Сейчас я припомню... в каком году это было?..

- Неважно, в каком году, - перебила нетерпеливая слушательница. - Ну, дальше, что скажете о ней?

- Дальше... - пробормотала больная, впадая в прежнее полудремотное состояние, - что еще сказать о ней, что еще... Знаю! - воскликнула она, быстро выпрямившись; лицо ее было

her face flushed, and her eyes starting from her head — 'I robbed her, so I did!

She wasn't cold — I tell you she wasn't cold, when I stole it!

'Stole what, for God's sake?' cried the matron, with a gesture as if she would call for help.

'It!' replied the woman, laying her hand over the other's mouth.

'The only thing she had.

She wanted clothes to keep her warm, and food to eat; but she had kept it safe, and had it in her bosom.

It was gold, I tell you!

Rich gold, that might have saved her life!

'Gold!' echoed the matron, bending eagerly over the woman as she fell back.

'Go on, go on — yes — what of it?

Who was the mother?

When was it?

'She charge me to keep it safe,' replied the woman with a groan, 'and trusted me as the only woman about her.

I stole it in my heart when she first showed it me hanging round her neck; and the child's death, perhaps, is on me besides!

They would have treated him better, if they had known it all!

'Known what?' asked the other.

'Speak!'

'The boy grew so like his mother,' said the woman, rambling on, and not heeding the question, 'that I could never forget it when I saw his face.

Poor girl! poor girl!

She was so young, too!

багровым, глаза были выпучены. - Я ее ограбила. Да, вот что я сделала!

Она еще не окоченела, говорю вам - она еще не окоченела, когда я это украла!

- Что вы украли, да говорите же, ради бога? - вскричала надзирательница, сделав движение, словно хотела позвать на помощь.

- Одну вещь, - ответила женщина, прикрыв ей рот рукой.

- Единственную вещь, какая у нее была.

Ей нужна была одежда, чтобы не мерзнуть, нужна была пища, но эту вещь она сохраняла и прятала у себя на груди.

Говорю вам - вещь была золотая!

Чистое золото, которое могло спасти ей жизнь!

- Золото! - повторила надзирательница, наклонившись к упавшей на подушку женщине.

- Говорите же, говорите... что дальше?

Кто была мать?

Когда это было?

- Она поручила мне сохранить ее, - со стоном продолжала больная, - и доверилась мне, единственной женщине, которая была при ней.

Как только она мне показала эту вещь, висевшую у нее на шее, я сразу порешила ее украсть. Может быть, на моей душе лежит еще и смерть ребенка!

Они бы лучше с ним обращались, если бы им все было известно.

- Что известно? - спросила надзирательница.

- Да говорите же!

- Мальчик подрос и так походил на мать, - бессвязно продолжала больная, не обращая внимания на вопрос, - что я никогда не могла об этом забыть, стоило мне увидеть его лицо.

Бедная женщина! Бедная женщина!

И такая молоденькая!

Such a gentle lamb!

Wait; there's more to tell.

I have not told you all, have I?

'No, no,' replied the matron, inclining her head to catch the words, as they came more faintly from the dying woman.

'Be quick, or it may be too late!'

'The mother,' said the woman, making a more violent effort than before; 'the mother, when the pains of death first came upon her, whispered in my ear that if her baby was born alive, and thrived, the day might come when it would not feel so much disgraced to hear its poor young mother named.

"And oh, kind Heaven!" she said, folding her thin hands together, "whether it be boy or girl, raise up some friends for it in this troubled world, and take pity upon a lonely desolate child, abandoned to its mercy!"

'The boy's name?' demanded the matron.

'They called him Oliver,' replied the woman, feebly.

'The gold I stole was — '

'Yes, yes — what?' cried the other.

She was bending eagerly over the woman to hear her reply; but drew back, instinctively, as she once again rose, slowly and stiffly, into a sitting posture; then, clutching the coverlid with both hands, muttered some indistinct sounds in her throat, and fell lifeless on the bed.

'Stone dead!' said one of the old women, hurrying in as soon as the door was opened.

'And nothing to tell, after all,' rejoined the matron, walking carelessly away.

The two crones, to all appearance, too busily occupied in the preparations for their dreadful duties to make any reply, were left alone, hovering about the body.

Такая кроткая овечка!

Подождите. Я должна еще что-то сказать.

Ведь я вам еще не все рассказала?

- Нет, нет, - ответила надзирательница, наклоняясь, чтобы лучше расслышать слабеющий голос умирающей.

- Скорее, не то будет поздно!

- Мать, - сказала женщина, делая еще более отчаянное усилие, - мать, когда настали смертные муки, зашептала мне на ухо, что если ее ребенок родится живым и вырастет, то, может быть, придет день, когда он, услышав о своей бедной молодой матери, не будет считать себя опозоренным.

"О боже милостивый! - сказала она. - Будет ли это мальчик или девочка, пошли ему друзей в этом мире, полном невзгод, и сжался над бедным, одиноким ребенком, брошенным на произвол судьбы!"

- Имя мальчика? - спросила надзирательница.

- Его называли Оливером, - слабым голосом ответила женщина.

- Золотая вещь, которую я украла...

- Да, да... говорите! - крикнула надзирательница.

Она нетерпеливо наклонилась к женщине, чтобы услышать ответ, но невольно отшатнулась, когда та медленно, не сгибаясь, снова приподнялась и села, потом, вцепившись обеими руками в одеяло, пробормотала что-то невнятное и упала на подушки.

- Умерла! - сказала одна из старух, врываясь в комнату, как только открылась дверь.

- И в конце концов ничего не сказала, - отозвалась надзирательница и спокойно ушла.

Обе старухи, готовясь к исполнению своей ужасной обязанности, были, по-видимому, слишком заняты, чтобы отвечать, и, оставшись одни, закопошились около тела.

CHAPTER XXV — WHEREIN THIS HISTORY REVERTS TO MR. FAGIN AND COMPANY

While these things were passing in the country workhouse, Mr. Fagin sat in the old den — the same from which Oliver had been removed by the girl — brooding over a dull, smoky fire.

He held a pair of bellows upon his knee, with which he had apparently been endeavouring to rouse it into more cheerful action; but he had fallen into deep thought; and with his arms folded on them, and his chin resting on his thumbs, fixed his eyes, abstractedly, on the rusty bars.

At a table behind him sat the Artful Dodger, Master Charles Bates, and Mr. Chitling: all intent upon a game of whist; the Artful taking dummy against Master Bates and Mr. Chitling.

The countenance of the first-named gentleman, peculiarly intelligent at all times, acquired great additional interest from his close observance of the game, and his attentive perusal of Mr. Chitling's hand; upon which, from time to time, as occasion served, he bestowed a variety of earnest glances: wisely regulating his own play by the result of his observations upon his neighbour's cards.

It being a cold night, the Dodger wore his hat, as, indeed, was often his custom within doors.

He also sustained a clay pipe between his teeth, which he only removed for a brief space when he deemed it necessary to apply for refreshment to a quart pot upon the table, which stood ready filled with gin-and-water for the accommodation of the company.

Master Bates was also attentive to the play; but being of a more excitable nature than his accomplished friend, it was observable that he more frequently applied himself to the gin-and-water, and moreover indulged in many jests and irrelevant remarks, all highly unbecoming a scientific rubber.

ГЛАВА XXV, — которая вновь повествует о мистере Феджине и компании

Пока происходили эти события в провинциальном работном доме, мистер Феджин сидел в старой своей берлоге - той самой, откуда девушка увела Оливера, - и размышлял о чем-то у тусклого огня в дымящем очаге.

На коленях у него лежали раздувальные мехи, с помощью которых он, видимо, старался раздуть веселый огонек, но, задумавшись, он положил на них руки, подпер подбородок большими пальцами и рассеянно устремил взгляд на заржавленные прутья.

У стола за его спиной сидели Ловкий Плут, юный Чарльз Бейтс и мистер Читлинг; все трое с увлечением играли в вист; Плут с "болваном" играл против юного Бейтса и мистера Читлинга.

Физиономия первого из упомянутых джентльменов, всегда удивительно смышленная, казалась теперь особенно интересной вследствие вдумчивого его отношения к игре и внимательного изучения карт мистера Читлинга, на которые, как только представлялся удобный случай, он бросал зоркий взгляд, мудро соображая свою игру с результатами наблюдений над картами соседа.

Так как ночь была холодная. Плут не снимал шляпы, что, впрочем, являлось одной из его привычек.

Он сжимал зубами мундштук глиняной трубки, которую вынимал изо рта на короткое время, когда считал нужным подкрепиться джином с водой из кувшина, вместимостью в кварту, поставленного на стол для угощения всей компании.

Юный Бейтс также уделял большое внимание игре, но так как у него натура была более впечатлительная, чем у его талантливой друга, то можно было заметить, что он чаще угощался джином с водой и вдобавок увеселял себя всевозможными шутками и непристойными замечаниями, в высшей степени неуместными при серьезной игре.

Indeed, the Artful, presuming upon their close attachment, more than once took occasion to reason gravely with his companion upon these improprieties; all of which remonstrances, Master Bates received in extremely good part; merely requesting his friend to be 'blowed,' or to insert his head in a sack, or replying with some other neatly-turned witticism of a similar kind, the happy application of which, excited considerable admiration in the mind of Mr. Chitling.

It was remarkable that the latter gentleman and his partner invariably lost; and that the circumstance, so far from angering Master Bates, appeared to afford him the highest amusement, inasmuch as he laughed most uproariously at the end of every deal, and protested that he had never seen such a jolly game in all his born days.

'That's two doubles and the rub,' said Mr. Chitling, with a very long face, as he drew half-a-crown from his waistcoat-pocket.

'I never see such a feller as you, Jack; you win everything.

Even when we've good cards, Charley and I can't make nothing of 'em.'

Either the master or the manner of this remark, which was made very ruefully, delighted Charley Bates so much, that his consequent shout of laughter roused the Jew from his reverie, and induced him to inquire what was the matter.

'Matter, Fagin!' cried Charley.

'I wish you had watched the play.

Tommy Chitling hasn't won a point; and I went partners with him against the Artfull and dumb.'

'Ay, ay!' said the Jew, with a grin, which sufficiently demonstrated that he was at no loss to understand the reason.

'Try 'em again, Tom; try 'em again.'

'No more of it for me, thank 'ee, Fagin,' replied Mr. Chitling;

'I've had enough.

That 'ere Dodger has such a run of luck that

Плут, на правах тесной дружбы, несколько раз принимался торжественно журить его за такое неприличное поведение, но все эти наставления юный Бейтс выслушивал с величайшим добродушием и предлагал своему другу отправиться к черту либо засунуть голову в мешок или же отвечал другими изящными остротами в том же духе, удачное пользование которыми приводило в восторг мистера Читлинга.

Примечательно, что сей последний джентльмен и его партнер неизменно проигрывали, и это обстоятельство не только не раздражало юного Бейтса, но, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие, так как после каждой партии он оглушительно хохотал и уверял, что отроду не видывал такой веселой игры.

- Два двойных и роббер, - с вытянувшейся физиономией сказал мистер Читлинг, доставая из жилетного кармана полкроны.

- В первый раз вижу такого парня, как ты, Джек. Ты всегда выигрываешь.

Даже когда у нас с Чарли хорошие карты, все равно иы ничего не можем поделать.

Самый ли факт, или очень печальный тон, каким юбили сказаны эти слова, привели в такое восхищение Чарли Бейтса, что очередной его взрыв смеха заставили еврея очнуться от раздумья и спросить, в чем дело.

- В чем дело, Феджин!? - закричал Чарли.

- Жаль, что вы не следили за игрой.

Томми Читлинг ни разу не выиграл, мы с ним играли против Плута с "болваном".

- Так, так, - сказал еврей с улыбкой свидетельствовавшей о том, что причина ему ясна.

- Попробуй еще разок, Том, попробуй еще разок.

- Хватит с меня, благодарю вас, Феджин, - ответил мистер Читлинг.

- Хватит!

Этому Плуту так везет, что против него не

there's no standing again' him.'

'Ha! ha! my dear,' replied the Jew, 'you must get up very early in the morning, to win against the Dodger.'

'Morning!' said Charley Bates; 'you must put your boots on over-night, and have a telescope at each eye, and a opera-glass between your shoulders, if you want to come over him.'

Mr. Dawkins received these handsome compliments with much philosophy, and offered to cut any gentleman in company, for the first picture-card, at a shilling at a time.

Nobody accepting the challenge, and his pipe being by this time smoked out, he proceeded to amuse himself by sketching a ground-plan of Newgate on the table with the piece of chalk which had served him in lieu of counters; whistling, meantime, with peculiar shrillness.

'How precious dull you are, Tommy!' said the Dodger, stopping short when there had been a long silence; and addressing Mr. Chitling.

'What do you think he's thinking of, Fagin?'

'How should I know, my dear?' replied the Jew, looking round as he plied the bellows.

'About his losses, maybe; or the little retirement in the country that he's just left, eh?'

Ha! ha!

Is that it, my dear?'

'Not a bit of it,' replied the Dodger, stopping the subject of discourse as Mr. Chitling was about to reply.

'What do you say, Charley?'

'I should say,' replied Master Bates, with a grin, 'that he was uncommon sweet upon Betsy.'

See how he's a-blushing!

Oh, my eye! here's a merry-go-rounder!

Tommy Chitling's in love!

устоишь.

- Ха-ха-ха, милый мой! - рассмеялся еврей. - Встань утром пораньше, тогда выиграешь у Плута.

- Утром! - повторил Чарли Бейтс. - Если хотите его обыграть, нужно с вечера надеть башмаки, приставить к обоим глазам по подзорной трубе, а за спину повесить бинокль.

Мистер Даукинс с философическим спокойствием выслушал эти любезные комплименты и предложил любому из присутствующих джентельменов открыть фигуру, ставка - шиллинг.

Так как никто не принял вызова, а трубку он к тому времени выкурил, то и начал для развлечения чертить на столе общий план Ньюгетской тюрьмы тем куском мела, который заменял ему фишки; при этом он долго и пронзительно свистел.

- Ну и скукотища же с тобой, Томми!.. - после долгого молчания сказал Плут, перестав свистеть и повернувшись к мистеру Читлингу.

- Как вы полагаете, о чем он думает, Феджин?

- Откуда мне знать, мой милый? - оглядываясь, отозвался еврей, раздувавший огонь мехами.

- Может быть, о своем проигрыше или о том уединенном местечке в провинции, которое он недавно покинул.

Ха-ха!..

Верно, мой милый?

- Ничуть не бывало, - возразил Плут, перебивая мистера Читлинга, собиравшегося ответить.

- А ты что скажешь, Чарли?

- Скажу, - ухмыляясь, отвечал юный Бейтс, - что он без ума от Бетси.

Смотрите, как он краснеет.

Боже ты мой! Ну и умора!

Томми Читлинг влюблен!..

Oh, Fagin, Fagin! what a spree!

Thoroughly overpowered with the notion of Mr. Chitling being the victim of the tender passion, Master Bates threw himself back in his chair with such violence, that he lost his balance, and pitched over upon the floor; where (the accident abating nothing of his merriment) he lay at full length until his laugh was over, when he resumed his former position, and began another laugh.

'Never mind him, my dear,' said the Jew, winking at Mr. Dawkins, and giving Master Bates a reproving tap with the nozzle of the bellows.

'Betsy's a fine girl.

Stick up to her, Tom.

Stick up to her.'

'What I mean to say, Fagin,' replied Mr. Chitling, very red in the face, 'is, that that isn't anything to anybody here.'

'No more it is,' replied the Jew;

'Charley will talk.

Don't mind him, my dear; don't mind him.

Betsy's a fine girl.

Do as she bids you, Tom, and you will make your fortune.'

'So I do do as she bids me,' replied Mr. Chitling;

'I shouldn't have been milled, if it hadn't been for her advice.

But it turned out a good job for you; didn't it, Fagin!

And what's six weeks of it?

It must come, some time or another, and why not in the winter time when you don't want to go out a-walking so much; eh, Fagin?'

'Ah, to be sure, my dear,' replied the Jew.

Ох, Феджин, Феджин, вот так потеха!

Потрясенный образом мистера Читлинга - жертвы нежной страсти, - юный Бейтс столь энергически откинулся на спинку стула, что потерял равновесие и полетел на пол, где и остался лежать, вытянувшись во весь рост (это происшествие отнюдь не уменьшило его веселости), пока не нахохотался вдосталь, после чего занял прежнее место и снова захохотал.

- Не обращайтесь на него внимания, мой милый, - сказал еврей, подмигнув мистеру Даукинсу и в виде наказания ударив юного Бейтса рыльцем раздувальных мехов.

- Бетси - славная девушка.

Держитесь за нее, Том.

Держитесь за нее.

- Я хочу только сказать, Феджин, - отозвался мистер Читлинг, густо покраснев, - что это решительно никого не касается.

- Разумеется, - подтвердил еврей.

- Чарли так себе болтает.

Не обращайтесь на него внимания, мой милый, не обращайтесь внимания.

Бетси - славная девушка.

Делайте то, что она вам скажет, Том, - и вы разбогатеете.

- Да я так и поступаю, как она велит, - ответил мистер Читлинг.

- Меня бы не зацапали, если бы я не послушался ее совета.

Вам-то это оказалось на руку, правда, Феджин?

Ну, да ведь шесть недель ничего не стоят.

Рано или поздно, это должно было случиться, так уж лучше зимой, когда нет охоты болтаться по улицам. Правда, Феджин?

- Совершенно верно, мой милый, - ответил еврей.

'You wouldn't mind it again, Tom, would you,' asked the Dodger, winking upon Charley and the Jew, 'if Bet was all right?'

'I mean to say that I shouldn't,' replied Tom, angrily.

'There, now. Ah!

Who'll say as much as that, I should like to know; eh, Fagin?'

'Nobody, my dear,' replied the Jew; 'not a soul, Tom.

I don't know one of 'em that would do it besides you; not one of 'em, my dear.'

'I might have got clear off, if I'd split upon her; mightn't I, Fagin?' angrily pursued the poor half-witted dupe.

'A word from me would have done it; wouldn't it, Fagin?'

'To be sure it would, my dear,' replied the Jew.

'But I didn't blab it; did I, Fagin?' demanded Tom, pouring question upon question with great volubility.

'No, no, to be sure,' replied the Jew; 'you were too stout-hearted for that.

A deal too stout, my dear!'

'Perhaps I was,' rejoined Tom, looking round; 'and if I was, what's to laugh at, in that; eh, Fagin?'

The Jew, perceiving that Mr. Chitling was considerably roused, hastened to assure him that nobody was laughing; and to prove the gravity of the company, appealed to Master Bates, the principal offender.

But, unfortunately, Charley, in opening his mouth to reply that he was never more serious in his life, was unable to prevent the escape of such a violent roar, that the abused Mr. Chitling, without any preliminary ceremonies, rushed across the room and aimed a blow at the offender; who, being skilful in evading pursuit, ducked to avoid it, and chose his time so well that it lighted on the chest

- Ты бы согласился еще разок посидеть, Том, - спросил Плут, подмигивая Чарли и еврею, - раз Бет дала тебе хороший совет?

- Я хочу сказать, что я бы не отказался! - сердито ответил Том.

- Ну, хватит!

Хотел бы я знать, кто, кроме меня, мог бы это сказать, Феджин?

- Никто, мой милый, - ответил еврей, - ни один человек, Том.

Я не знаю никого, кроме вас, кто бы мог это сказать. Никого, мой милый.

- Меня бы отпустили, если бы я ее выдал. Верно, Феджин? - с раздражением продолжал бедный, одураченный, слабоумный парень.

- Для этого мне нужно было сказать только слово. Верно, Феджин?

- Разумеется, отпустили бы, мой милый, - ответил еврей.

- Но я ничего не выболтал. Правда, Феджин? - сказал Том, стремительно задавая один вопрос за другим.

- Нет, нет, разумеется, ничего, - ответил еврей, - вы слишком мужественны для этого.

Слишком мужественны, мой милый!

- Может быть, это и верно, - отозвался Том, озираясь. - Но коли так, то что тут смешного, а, Феджин?

Еврей, видя, что мистер Читлинг не на шутку раздражен, поспешил уверить его, что никто не смеется; желая добиться серьезного отношения собравшихся, он воззвал к юному Бейтсу, первому обидчику.

Но, к несчастью, Чарли, уже раскрыв рот и собравшись ответить, что еще ни разу в жизни он не был так серьезен, не смог удержаться и разразился таким неистовым хохотом, что оскорбленный мистер Читлинг без дальнейших церемоний кинулся в другой конец комнаты и замахнулся на обидчика, но тот, наловчившись избегать преследователей, шмыгнул в сторону, дабы ускользнуть от него, и столь удачно

of the merry old gentleman, and caused him to stagger to the wall, where he stood panting for breath, while Mr. Chitling looked on in intense dismay.

'Hark!' cried the Dodger at this moment,

'I heard the tinkler.'

Catching up the light, he crept softly upstairs.

The bell was rung again, with some impatience, while the party were in darkness.

After a short pause, the Dodger reappeared, and whispered Fagin mysteriously.

'What!' cried the Jew, 'alone?'

The Dodger nodded in the affirmative, and, shading the flame of the candle with his hand, gave Charley Bates a private intimation, in dumb show, that he had better not be funny just then.

Having performed this friendly office, he fixed his eyes on the Jew's face, and awaited his directions.

The old man bit his yellow fingers, and meditated for some seconds; his face working with agitation the while, as if he dreaded something, and feared to know the worst.

At length he raised his head.

'Where is he?' he asked.

The Dodger pointed to the floor above, and made a gesture, as if to leave the room.

'Yes,' said the Jew, answering the mute inquiry; 'bring him down.'

Hush!

Quiet, Charley!

Gently, Tom!

Scarce, scarce!'

This brief direction to Charley Bates, and his recent antagonist, was softly and immediately obeyed.

There was no sound of their whereabouts, when the

выбрал момент, что удар попал в грудь веселого старого джентльмена и заставил его пошатнуться и отступить к стене, где он и остановился, тяжело дыша, а мистер Читлинг взирал на него с ужасом.

- Тише! - крикнул в эту минуту Плут.

- Что-то тренькает.

Взяв свечу, он крадучись стал подниматься по лестнице.

Снова раздался нетерпеливый звон колокольчика. Все остальные сидели в темноте.

Вскоре вернулся Плут и с таинственным видом шепнул что-то Феджину.

- Как? - вскричал еврей. - Один?

Плут утвердительно кивнул головой и, заслонив рукой пламя свечи, украдкой дал понять Чарли Бейтсу с помощью пантомимы, что лучше бы ему теперь не смеяться.

Оказав эту дружескую услугу, он устремил взгляд на еврея и ждал его распоряжений.

В течение нескольких секунд старик кусал свои желтые пальцы и пребывал в раздумье; лицо его подергивалось от волнения, словно он чего-то опасался и страшился узнать наихудшее.

Наконец, он поднял голову.

- Где он? - спросил еврей.

Плут указал на потолок и сделал движение, будто намеревался выйти из комнаты.

- Да, - сказал еврей, отвечая на безмолвный вопрос. - Приведи его сюда, вниз.

Тес!..

Тише, Чарли!

Успокойтесь, Том!

Смойтесь!

Это лаконическое приказание Чарли Бейтс и его недавний противник исполнили покорно и незамедлительно.

Dodger descended the stairs, bearing the light in his hand, and followed by a man in a coarse smock-frock; who, after casting a hurried glance round the room, pulled off a large wrapper which had concealed the lower portion of his face, and disclosed: all haggard, unwashed, and unshorn: the features of flash Toby Crackit.

'How are you, Faguey?' said this worthy, nodding to the Jew.

'Pop that shawl away in my castor, Dodger, so that I may know where to find it when I cut; that's the time of day!

You'll be a fine young cracksman afore the old file now.'

With these words he pulled up the smock-frock; and, winding it round his middle, drew a chair to the fire, and placed his feet upon the hob.

'See there, Faguey,' he said, pointing disconsolately to his top boots; 'not a drop of Day and Martin since you know when; not a bubble of blacking, by Jove!

But don't look at me in that way, man.

All in good time.

I can't talk about business till I've eat and drank; so produce the sustenance, and let's have a quiet fill-out for the first time these three days!'

The Jew motioned to the Dodger to place what eatables there were, upon the table; and, seating himself opposite the housebreaker, waited his leisure.

To judge from appearances, Toby was by no means in a hurry to open the conversation.

At first, the Jew contented himself with patiently watching his countenance, as if to gain from its expression some clue to the intelligence he brought; but in vain.

He looked tired and worn, but there was the same complacent repose upon his features that they always wore: and through dirt, and beard, and whisker, there still shone, unimpaired, the self-satisfied smirk of flash Toby Crackit.

Ни один звук не выдавал их присутствия, когда Плут со свечой в руке спустился по лестнице, а вслед за ним пошел человек в грубой рабочей блузе, который, быстро окинув взглядом комнату, снял широкий шарф, скрывавший нижнюю часть лица, и показал усталую, немытую и небритую физиономию ловкача Тоби Крекита.

- Как поживаете, Феги? - сказал сей достойный джентльмен, кивая еврею.

- Сунь этот шарф в мою кастановую шляпу, Плут, чтобы я знал, где его найти, когда буду удирать. Вот какие времена настали!

А из тебя выйдет прекрасный взломщик, лучше этого старою мошенника.

С этими словами он вытянул из штанов подол блузы, обмотал ее вокруг талии и, придвинув стул к огню, положил ноги на решетку.

- Посмотрите-ка, Феги, - сказал он, печально показывая на свои сапоги с отворотами. - Сами знаете, с какого дня они не нюхали ваксы Дэй и Мартин *, ей-богу ни разу не чищены!..

Нечего тарашить на меня глаза, старик.

Все в свое время.

Я не могу говорить о делах, пока не поем и не выпью. Тащите сюда еду и дайте мне спокойно поесть в первый раз за эти три дня!

Еврей жестом приказал Плуту подать на стол съестные припасы и, усевшись против взломщика, стал ждать.

Суда по всему, Тоби отнюдь не спешил начать разговор.

Сначала еврей довольствовался тем, что терпеливо изучал его физиономию, словно надеясь по выражению ее угадать, какие вести он принес, но это ни к чему не привело.

Тоби казался усталым и изнуренным, но лицо его оставалось благодушно спокойным, как всегда, и, невзирая на грязь, небритую бороду и бакенбарды, на нем сияла все та же самодовольная, глупая улыбка ловкача Крекита.

Then the Jew, in an agony of impatience, watched every morsel he put into his mouth; pacing up and down the room, meanwhile, in irrepressible excitement.

It was all of no use.

Toby continued to eat with the utmost outward indifference, until he could eat no more; then, ordering the Dodger out, he closed the door, mixed a glass of spirits and water, and composed himself for talking.

'First and foremost, Faguey,' said Toby.

'Yes, yes!' interposed the Jew, drawing up his chair.

Mr. Crackit stopped to take a draught of spirits and water, and to declare that the gin was excellent; then placing his feet against the low mantelpiece, so as to bring his boots to about the level of his eye, he quietly resumed.

'First and foremost, Faguey,' said the housebreaker, 'how's Bill?'

'What!' screamed the Jew, starting from his seat.

'Why, you don't mean to say — ' began Toby, turning pale.

'Mean!' cried the Jew, stamping furiously on the ground.

'Where are they?

Sikes and the boy!

Where are they?

Where have they been?

Where are they hiding?

Why have they not been here?'

'The crack failed,' said Toby faintly.

'I know it,' replied the Jew, tearing a newspaper from his pocket and pointing to it.

'What more?'

Тогда еврей, вне себя от нетерпения, стал следить за каждым куском, который тот отправлял себе в рот, и, не скрывая волнения, зашагал взад и вперед по комнате.

Но от всего этого не было никакого толку.

Тоби продолжал есть с величайшим хладнокровием, пока не наелся до отвала; затем, приказав Плуту выйти из комнаты, он запер дверь, налил в стакан виски с водой и приступил к беседе.

- Прежде всего, Феги... - начал Тоби.

- Ну, ну?.. - перебил еврей, придвигая стул.

Мистер Крекит приостановился, чтобы хлебнуть джина с водой, и объявил, что он превосходен; затем, упершись ногами в полку над низким очагом так, чтобы сапоги находились на уровне его глаз, он спокойно продолжал.

- Прежде всего, Феги, - сказал взломщик, - как поживает Билл?

- Что! - взвизгнул еврей, вскакивая со стула.

- Как, неужели вы хотите сказать?.. - бледнея, начал Тоби.

- Хочу сказать! - завопил еврей, в бешенстве топая ногами.

- Где они?

Сайкс и мальчик!

Где они?

Где они были?

Где они скрываются?

Почему не пришли сюда?

- Кража со взломом провалилась, - тихо сказал Тоби.

- Я это знаю, - сказал еврей, выхватив из кармана газету и указывая на нее.

- Что дальше?

'They fired and hit the boy.

We cut over the fields at the back, with him between us — straight as the crow flies — through hedge and ditch.

They gave chase.

Damme! the whole country was awake, and the dogs upon us.'

'The boy!'

'Bill had him on his back, and scudded like the wind.

We stopped to take him between us; his head hung down, and he was cold.

They were close upon our heels; every man for himself, and each from the gallows!

We parted company, and left the youngster lying in a ditch.

Alive or dead, that's all I know about him.'

The Jew stopped to hear no more; but uttering a loud yell, and twining his hands in his hair, rushed from the room, and from the house.

CHAPTER XXVI — IN WHICH A MYSTERIOUS CHARACTER APPEARS UPON THE SCENE; AND MANY THINGS, INSEPARABLE FROM THIS HISTORY, ARE DONE AND PERFORMED

The old man had gained the street corner, before he began to recover the effect of Toby Crackit's intelligence.

He had relaxed nothing of his unusual speed; but was still pressing onward, in the same wild and disordered manner, when the sudden dashing past of a carriage: and a boisterous cry from the foot passengers, who saw his danger: drove him back upon the pavement.

Avoiding, as much as was possible, all the main streets, and skulking only through the by-ways and alleys, he at length emerged on Snow Hill.

- Они стреляли, попали в мальчика.

Мы пустились наутек вместе с ним через поля позади дома, бежали вперед быстрее, чем ворона летит... перескакивали через изгороди и канавы.

За нами погнались.

Черт подери! Все окрестные жители проснулись, на нас напустили собак...

- А мальчик?

- Билл тащил его на спине и мчался как вихрь.

Мы остановились, чтобы нести его вдвоем; голова у него свесилась, и он весь похолодел.

Они гнались за нами по пятам. Тут уж каждый за себя и подальше от виселицы!

Мы расстались, а мальчишку положили в канаву.

Живого или мертвого - не знаю.

Еврей не стал больше слушать. Громко завопив и вцепившись себе в волосы, он бросился вон из дому.

ГЛАВА XXVI, — в которой появляется таинственная особа, и происходят многие события, неразрывно связанные с этим повествованием

Старик добежал до угла улицы, прежде чем успел прийти в себя от впечатления, произведенного на него сообщением Тоби Крекита.

Он по-прежнему мчался с необычайной быстротой, растерянный и обезумевший, как вдруг пролетевший мимо экипаж и громкий крик прохожих, заметивших, какая грозила ему опасность, заставили его отступить на тротуар.

Избегая по возможности людных улиц и крадучись пробираясь окольными путями и закоулками, он вышел, наконец, на Сноу-Хилл.

Here he walked even faster than before; nor did he linger until he had again turned into a court; when, as if conscious that he was now in his proper element, he fell into his usual shuffling pace, and seemed to breathe more freely.

Near to the spot on which Snow Hill and Holborn Hill meet, opens, upon the right hand as you come out of the City, a narrow and dismal alley, leading to Saffron Hill.

In its filthy shops are exposed for sale huge bunches of second-hand silk handkerchiefs, of all sizes and patterns; for here reside the traders who purchase them from pick-pockets.

Hundreds of these handkerchiefs hang dangling from pegs outside the windows or flaunting from the door-posts; and the shelves, within, are piled with them.

Confined as the limits of Field Lane are, it has its barber, its coffee-shop, its beer-shop, and its fried-fish warehouse.

It is a commercial colony of itself: the emporium of petty larceny: visited at early morning, and setting-in of dusk, by silent merchants, who traffic in dark back-parlours, and who go as strangely as they come.

Here, the clothesman, the shoe-vamper, and the rag-merchant, display their goods, as sign-boards to the petty thief; here, stores of old iron and bones, and heaps of mildewy fragments of woollen-stuff and linen, rust and rot in the grimy cellars.

It was into this place that the Jew turned.

He was well known to the sallow denizens of the lane; for such of them as were on the look-out to buy or sell, nodded, familiarly, as he passed along.

He replied to their salutations in the same way; but bestowed no closer recognition until he reached the further end of the alley; when he stopped, to address a salesman of small stature, who had squeezed as much of his person into a child's chair as the chair would hold, and was

Здесь он зашагал еще быстрее и не останавливался до той поры, пока не вошел в какой-то двор, где, словно почувствовав себя в родной стихии, поплелся, по своему обыкновению волоча ноги, и, казалось, вздохнул свободнее.

Неподалеку от того места, где Сноу-Хилл сливается с Холборн-Хиллом, начинается справа, если идти от Сити, узкий и мрачный переулок, ведущий к Сафрен-Хиллу.

В грязных его лавках выставлены на продажу огромные связки подержанных шелковых носовых платков всевозможных размеров и расцветок, ибо здесь проживают торговцы, скупающие эти платки у карманных воришек.

Сотни носовых платков висят на гвоздях за окнами или развеваются у дверных косяков, а в лавке ими завалены все полки.

Как ни узки границы Филд-лейна, однако здесь есть свой цирюльник, своя кофейня, своя пивная и своя лавка с жареной рыбой.

Это нечто вроде коммерческой колонии, рынок мелких воров, посещаемый ранним утром и в сумерках молчаливыми торговцами, которые обделывают свои делишки в темных задних комнатах и уходят так же таинственно, как и приходят.

Здесь продавец платья, сапожник и старьевщик выставляют свой товар, который для мелких воришек заменяет вывеску; здесь кучи заржавленного железа и костей, заплесневевшие куски шерстяной материи и полотна гниют и тлеют в мрачных подвалах.

Вот в этот-то переулок и свернул еврей.

Он был хорошо знаком чахлым его обитателям, и те из них, которые оставались на своем посту, чтобы продать что-нибудь или купить, кивали ему, как старому приятелю, когда он проходил мимо.

На их приветствия он отвечал кивком, но ни с кем не вступал в разговор, пока не дошел до конца переулка; здесь он остановился и заговорил с одним торговцем, очень маленького роста, который, втиснув кое-как свою особу в детское креслице, курил трубку у двери своей

smoking a pipe at his warehouse door.

'Why, the sight of you, Mr. Fagin, would cure the hoptalmy!' said this respectable trader, in acknowledgment of the Jew's inquiry after his health.

'The neighbourhood was a little too hot, Lively,' said Fagin, elevating his eyebrows, and crossing his hands upon his shoulders.

'Well, I've heerd that complaint of it, once or twice before,' replied the trader; 'but it soon cools down again; don't you find it so?'

Fagin nodded in the affirmative.

Pointing in the direction of Saffron Hill, he inquired whether any one was up yonder to-night.

'At the Cripples?' inquired the man.

The Jew nodded.

'Let me see,' pursued the merchant, reflecting.

'Yes, there's some half-dozen of 'em gone in, that I knows.

I don't think your friend's there.'

'Sikes is not, I suppose?' inquired the Jew, with a disappointed countenance.

'Non istwentus, as the lawyers say,' replied the little man, shaking his head, and looking amazingly sly.

'Have you got anything in my line to-night?'

'Nothing to-night,' said the Jew, turning away.

'Are you going up to the Cripples, Fagin?' cried the little man, calling after him.

'Stop!

I don't mind if I have a drop there with you!'

But as the Jew, looking back, waved his hand to intimate that he preferred being alone; and,

лавки.

- Стоит на вас посмотреть, мистер Феджин, - и слепоту как рукой снимет! - сказал сей почтенный торговец, отвечая на вопрос еврея о его здоровье.

- Слишком уж жарко было здесь по соседству, Лайвли, - откликнулся Феджин, приподняв брови и скрестив руки.

- Да, мне уже два раза приходилось выслушивать такие жалобы, - ответил торговец.
- Но ведь огонь очень скоро остывает, не правда ли?

Феджин в знак согласия кивнул головой.

Указав в сторону Сафрен-Хилла, он спросил, заглядывал ли туда кто-нибудь сегодня вечером.

- Навестить "Калек"? - спросил торговец.

Еврей снова кивнул головой.

- Подождите-ка, - призадумавшись, сказал человек.

- Да, человек пять-шесть пошли туда.

Думаю, что вашего друга там нет.

- Сайкса там нет? - спросил еврей; вид у него был очень встревоженный.

- Non istventus "Non est inventus" - "Не найден">, как говорят законники, - отозвался человечек, покачав головой и скроив на редкость хитрую мину.

- Нет ли у вас сегодня чего-нибудь по моей части?

- Сегодня ничего нет, - сказал еврей, отходя от него.

- Вы идете к "Калекам", Феджин? - крикнул ему вслед человечек.

- Постойте!

Я не прочь пропустить с вами рюмочку!

Но так как еврей, оглянувшись, махнул рукой, давая понять, что предпочитает остаться в

moreover, as the little man could not very easily disengage himself from the chair; the sign of the Cripples was, for a time, bereft of the advantage of Mr. Lively's presence.

By the time he had got upon his legs, the Jew had disappeared; so Mr. Lively, after ineffectually standing on tiptoe, in the hope of catching sight of him, again forced himself into the little chair, and, exchanging a shake of the head with a lady in the opposite shop, in which doubt and mistrust were plainly mingled, resumed his pipe with a grave demeanour.

The Three Cripples, or rather the Cripples; which was the sign by which the establishment was familiarly known to its patrons: was the public-house in which Mr. Sikes and his dog have already figured.

Merely making a sign to a man at the bar, Fagin walked straight upstairs, and opening the door of a room, and softly insinuating himself into the chamber, looked anxiously about: shading his eyes with his hand, as if in search of some particular person.

The room was illuminated by two gas-lights; the glare of which was prevented by the barred shutters, and closely-drawn curtains of faded red, from being visible outside.

The ceiling was blackened, to prevent its colour from being injured by the flaring of the lamps; and the place was so full of dense tobacco smoke, that at first it was scarcely possible to discern anything more.

By degrees, however, as some of it cleared away through the open door, an assemblage of heads, as confused as the noises that greeted the ear, might be made out; and as the eye grew more accustomed to the scene, the spectator gradually became aware of the presence of a numerous company, male and female, crowded round a long table: at the upper end of which, sat a chairman with a hammer of office in his hand; while a professional gentleman with a bluish nose, and his face tied up for the benefit of a toothache, presided at a jingling piano in a remote corner.

As Fagin stepped softly in, the professional gentleman, running over the keys by way of

одинокости, и к тому же человечку не очень-то легко было вылезти из креслица, то на этот раз трактир под вывеской "Калеки" не удостоился посещения мистера Лайвли.

К тому времени, когда он поднялся на ноги, еврей уже скрылся из виду, и мистер Лайвли, постояв на цыпочках и обманувшись в надежде его увидеть, снова втиснул свою особу в креслице и, обмениваясь кивком с леди из лавки напротив и выразив этим свои сомнения и недоверие, вновь взялся с торжественной миной за трубку.

"Трое калек", или, вернее, "Калеки" - ибо под этой вывеской учреждение было известно его завсегдатаям, - был тем самым трактиром, в котором появлялся мистер Сайкс со своей собакой.

Сделав знак человеку, стоявшему за стойкой, Феджин поднялся по лестнице, открыл дверь и, незаметно проскользнув в комнату, с беспокойством стал озираться, прикрывая глаза рукой и словно кого-то разыскивая.

Комнату освещали две газовые лампы; с улицы не видно было света благодаря закрытым ставням и плотно задернутым вылинявшим красным занавескам.

Потолок был выкрашен в черный цвет, чтобы окраска его не пострадала от коптящих ламп, и в комнате стоял такой густой табачный дым, что сначала ничего нельзя было разглядеть.

Но когда мало-помалу дым ушел через раскрытую дверь, обнаружилось скопище людей, такое же беспорядочное, как и гул, наполнявший комнату, и, по мере того как глаз привыкал к этому зрелищу, наблюдатель убеждался, что за длинным столом собралось многочисленное общество, состоявшее из мужчин и женщин; во главе стола помещался председатель с молоточком в руке, а в дальнем углу сидел за разбитым фортепьяно джентльмен-профессионал с багровым носом и подвязанной - по случаю зубной боли - щекой.

Когда Феджин прошмыгнул в комнату, джентльмен-профессионал пробежал пальцами

prelude, occasioned a general cry of order for a song; which having subsided, a young lady proceeded to entertain the company with a ballad in four verses, between each of which the accompanist played the melody all through, as loud as he could.

When this was over, the chairman gave a sentiment, after which, the professional gentleman on the chairman's right and left volunteered a duet, and sang it, with great applause.

It was curious to observe some faces which stood out prominently from among the group.

There was the chairman himself, (the landlord of the house,) a coarse, rough, heavy built fellow, who, while the songs were proceeding, rolled his eyes hither and thither, and, seeming to give himself up to joviality, had an eye for everything that was done, and an ear for everything that was said — and sharp ones, too.

Near him were the singers: receiving, with professional indifference, the compliments of the company, and applying themselves, in turn, to a dozen proffered glasses of spirits and water, tendered by their more boisterous admirers; whose countenances, expressive of almost every vice in almost every grade, irresistibly attracted the attention, by their very repulsiveness.

Cunning, ferocity, and drunkenness in all its stages, were there, in their strongest aspect; and women: some with the last lingering tinge of their early freshness almost fading as you looked: others with every mark and stamp of their sex utterly beaten out, and presenting but one loathsome blank of profligacy and crime; some mere girls, others but young women, and none past the prime of life; formed the darkest and saddest portion of this dreary picture.

Fagin, troubled by no grave emotions, looked eagerly from face to face while these proceedings were in progress; but apparently without meeting that of which he was in search.

Succeeding, at length, in catching the eye of the

по клавишам, взамен прелюдии, после чего все громогласно потребовали песни; как только крики затихли, молодая леди принялась услаждать общество балладой из четырех строф, в промежутках между которыми аккомпаниатор играл как можно громче всю мелодию с начала до конца.

Когда с этим было покончено, председатель произнес свое суждение, после чего профессионалы, сидевшие по правую и левую руку от него, выразили желание спеть дуэт и спели его с большим успехом.

Любопытно было всматриваться в иные лица, выделявшиеся из толпы.

Прежде всего-сам председатель (хозяин заведения), грубый, неотесанный, тяжеловесный мужчина, который шнырял глазами во все стороны, пока продолжалось пение, и делая вид, что принимает участие в общем веселье, видел все, что происходит, слышал все, что говорится, а зрение у него было острое и слух чуткий.

С ним рядом сидели певцы, с профессиональным равнодушием слушавшие похвалы всей компании и по очереди прикладывавшиеся к дюжине стаканчиков виски с водой, поднесенных им пылкими поклонниками, чьи физиономии, носившие печать чуть ли не всех пороков во всех стадиях их развития, неумолимо привлекали внимание именно своей омерзительностью.

Хитрость, жестокость, опьянение были ярко запечатлены на них, а что касается женщин, то иные еще сохранили какую-то свежесть юности, блекнувшую, казалось, у вас на глазах; другие же окончательно утратили все признаки своего пола и олицетворяли лишь гнусное распутство и преступность; эти девушки, эти молодые женщины - ни одна из них не перешагнула порога юности - являли собой, пожалуй, самое печальное зрелище в этом омерзительном вертепе.

Тем временем Феджин, отнюдь не тревожимый серьезными размышлениями, жадно всматривался в лица, по-видимому не находя того, кого искал.

Когда ему удалось, наконец, поймать взгляд

man who occupied the chair, he beckoned to him slightly, and left the room, as quietly as he had entered it.

'What can I do for you, Mr. Fagin?' inquired the man, as he followed him out to the landing.

'Won't you join us?

They'll be delighted, every one of 'em.'

The Jew shook his head impatiently, and said in a whisper,

'Is he here?'

'No,' replied the man.

'And no news of Barney?' inquired Fagin.

'None,' replied the landlord of the Cripples; for it was he.

'He won't stir till it's all safe.

Depend on it, they're on the scent down there; and that if he moved, he'd blow upon the thing at once.

He's all right enough, Barney is, else I should have heard of him.

I'll pound it, that Barney's managing properly.

Let him alone for that.'

'Will he be here to-night?' asked the Jew, laying the same emphasis on the pronoun as before.

'Monks, do you mean?' inquired the landlord, hesitating.

'Hush!' said the Jew.

'Yes.'

'Certain,' replied the man, drawing a gold watch from his fob;

'I expected him here before now.

If you'll wait ten minutes, he'll be — '

'No, no,' said the Jew, hastily; as though, however desirous he might be to see the person in question, he was nevertheless relieved by his absence.

человека, занимавшего председательское место, он осторожно поманил его и вышел из комнаты так же тихо, как и вошел.

- Чем могу служить вам, мистер Феджин? - осведомился председатель, выйдя вслед за ним на площадку.

- Не угодно ли присоединиться к нам?

Все будут рады, все до единого.

Еврей нетерпеливо покачал головой и шепотом спросил:

- О_н здесь?

- Нет, - ответил тот.

- И никаких известий о Барни?

- Никаких, - ответил хозяин "Калек", ибо это был он.

- Барни не шелохнется, пока все не утихнет.

Будьте уверены, они там напали на след, и, если бы он вздумал двинуться с места, их сразу бы накрыли.

С Барни ничего плохого не случилось, не то я бы о нем услышал.

Бьюсь об заклад, что Барни ведет себя молодцом.

О нем можете не беспокоиться.

- А т_о_т будет здесь сегодня? - спросил еврей, снова выразительно подчеркивая местоимение.

- Вы говорите о Монксе? - нерешительно спросил хозяин.

- Тес!.. - зашептал еврей.

- Да.

- Конечно, - ответил хозяин, вытаскивая из кармана золотые часы.

- Я ждал его раньше.

Если вы подождете минут десять, он...

- Нет, нет! - быстро сказал еврей, который как будто и хотел видеть того, о ком шла речь, и был рад, что его нет.

'Tell him I came here to see him; and that he must come to me to-night.

No, say to-morrow.

As he is not here, to-morrow will be time enough.'

'Good!' said the man.

'Nothing more?'

'Not a word now,' said the Jew, descending the stairs.

'I say,' said the other, looking over the rails, and speaking in a hoarse whisper; 'what a time this would be for a sell!

I've got Phil Barker here: so drunk, that a boy might take him!'

'Ah!

But it's not Phil Barker's time,' said the Jew, looking up.

'Phil has something more to do, before we can afford to part with him; so go back to the company, my dear, and tell them to lead merry lives — while they last.

Ha! ha! ha!'

The landlord reciprocated the old man's laugh; and returned to his guests.

The Jew was no sooner alone, than his countenance resumed its former expression of anxiety and thought.

After a brief reflection, he called a hack-cabriolet, and bade the man drive towards Bethnal Green.

He dismissed him within some quarter of a mile of Mr. Sikes's residence, and performed the short remainder of the distance, on foot.

'Now,' muttered the Jew, as he knocked at the door, 'if there is any deep play here, I shall have it out of you, my girl, cunning as you are.'

She was in her room, the woman said.

Fagin crept softly upstairs, and entered it without any previous ceremony.

- Передайте ему, что я заходил сюда повидаться с ним; пусть он придет ко мне сегодня вечером.

Нет, лучше завтра.

Раз его здесь нет, то не поздно будет и завтра.

- Ладно! - отозвался хозяин.

- Еще что-нибудь?

- Ни слова больше, - сказал еврей, спускаясь по лестнице.

- Послушайте, - заговорил хриплым шепотом хозяин, перевешиваясь через перила, - сейчас самое время обделать дело!

У меня здесь Фил Баркер; так пьян, что любой мальчишка может его сцапать.

- А!

Впрочем, для Филадельфии Баркера время еще не пришло, - ответил еврей, подняв голову.

- Фил должен еще поработать, прежде чем мы позволим себе расстаться с ним. Возвращайтесь-ка, мой милый, к своей компании и скажите им, чтобы они веселились... пока живы!

Ха-ха-ха!

Трактирщик ответил ему смехом и вернулся к своим гостям.

Как только еврей остался один, на лице его снова появилось тревожное и озабоченное выражение.

После недолгого раздумья он нанял кабриолет и приказал извозчику ехать в Бетнел-Грин-роуд.

За четверть мили до резиденции мистера Сайкса он отпустил извозчика и прошел это короткое расстояние пешком.

- Ну, - пробормотал еврей, стуча в дверь, - если тут ведут какую-то темную игру, то, как вы ни хитры, моя милая, а я у вас все выпытаю.

Женщина, которую он имел в виду, находилась у себя в комнате.

Феджин потихоньку поднялся по лестнице и без дальнейших церемоний вошел.

The girl was alone; lying with her head upon the table, and her hair straggling over it.

'She has been drinking,' thought the Jew, coolly, 'or perhaps she is only miserable.'

The old man turned to close the door, as he made this reflection; the noise thus occasioned, roused the girl.

She eyed his crafty face narrowly, as she inquired to his recital of Toby Crackit's story.

When it was concluded, she sank into her former attitude, but spoke not a word.

She pushed the candle impatiently away; and once or twice as she feverishly changed her position, shuffled her feet upon the ground; but this was all.

During the silence, the Jew looked restlessly about the room, as if to assure himself that there were no appearances of Sikes having covertly returned.

Apparently satisfied with his inspection, he coughed twice or thrice, and made as many efforts to open a conversation; but the girl heeded him no more than if he had been made of stone.

At length he made another attempt; and rubbing his hands together, said, in his most conciliatory tone,

'And where should you think Bill was now, my dear?'

The girl moaned out some half intelligible reply, that she could not tell; and seemed, from the smothered noise that escaped her, to be crying.

'And the boy, too,' said the Jew, straining his eyes to catch a glimpse of her face.

'Poor leetle child!

Left in a ditch, Nance; only think!'

'The child,' said the girl, suddenly looking up, 'is better where he is, than among us; and if no harm comes to Bill from it, I hope he lies dead in the ditch and that his young bones may rot there.'

Девушка была одна; она положила на стол голову с распущенными, сбившимися волосами.

"Напилась, - хладнокровно подумал еврей, - или, может быть, просто горюет о чем-нибудь".

С этой мыслью он повернулся, чтобы закрыть дверь; шум заставил девушку встрепнуться.

Зорко всматриваясь в его хитрое лицо, она спросила, нет ли новостей, и выслушала от него сообщение Тоби Крекита.

Когда рассказ был закончен, она снова приняла прежнее положение, но не проронила ни слова.

Она терпеливо отодвинула свечу, раза два лихорадочно меняла позу, шаркала ногами по полу, но не более того.

Пока длилось молчание, еврей с беспокойством озирался, словно желая удостовериться, что нет никаких признаков, указывающих на тайное возвращение Сайкса.

По-видимому, удовлетворенный осмотром, он раза два-три кашлянул и столько же раз пытался завязать разговор, но девушка не обращала на него никакого внимания, словно перед ней был камень.

Наконец, он сделал еще одну попытку и, потирая руки, спросил самым заискивающим тоном:

- Как вы думаете, моя милая, где теперь Билл?

Девушка невнятно простонала в ответ, что этого она не знает, и по приглушенному всхлипыванию можно было угадать, что она плачет.

- А мальчик? - продолжал еврей, стараясь заглянуть ей в лицо.

- Бедный ребенок!

Его оставили в канаве! Нэнси, подумай только!

- Ребенку лучше там, чем у нас, - сказала девушка, неожиданно подняв голову. - И если только Билл не попадет из-за этого в беду, я надеюсь, что мальчик лежит мертвый в канаве,

'What!' cried the Jew, in amazement.

'Ay, I do,' returned the girl, meeting his gaze.

'I shall be glad to have him away from my eyes, and to know that the worst is over.

I can't bear to have him about me.

The sight of him turns me against myself, and all of you.'

'Pooh!' said the Jew, scornfully.

'You're drunk.'

'Am I?' cried the girl bitterly.

'It's no fault of yours, if I am not!

You'd never have me anything else, if you had your will, except now; — the humour doesn't suit you, doesn't it?'

'No!' rejoined the Jew, furiously.

'It does not.'

'Change it, then!' responded the girl, with a laugh.

'Change it!' exclaimed the Jew, exasperated beyond all bounds by his companion's unexpected obstinacy, and the vexation of the night,

'I will change it!

Listen to me, you drab.

Listen to me, who with six words, can strangle Sikes as surely as if I had his bull's throat between my fingers now.

If he comes back, and leaves the boy behind him; if he gets off free, and dead or alive, fails to restore him to me; murder him yourself if you would have him escape Jack Ketch.

And do it the moment he sets foot in this room, or mind me, it will be too late!'

'What is all this?' cried the girl involuntarily.

и пусть там сгниют его кости.

- Что такое?! - с изумлением воскликнул еврей.

- Да, надеюсь! - ответила девушка, глядя ему в глаза.

- Я буду рада, если узнаю, что он убрался с моих глаз и худшее осталось позади.

Я не могу выносить его около себя.

Стоит мне посмотреть на него - и я сама себе ненавистна, и вы все мне ненавистны.

- Вздор! - презрительно сказал еврей.

- Ты пьяна...

- Вот как! - с горечью воскликнула девушка.

- Не ваша вина, если я не пьяная!

Будь ваша воля, вы бы всегда меня спаивали - но только не сегодня. Сейчас эта привычка вам не по нутру, да?

- Совершенно верно! - злобно ответил еврей.

- Не по нутру.

- Ну, так измените ее! - со смехом сказала девушка.

- Изменить! - крикнул еврей, окончательно выведенный из терпения неожиданным упорством собеседницы и досадными происшествиями этой ночи.

- Да, я ее изменю!

Слушай меня, девка!

Слушай меня - мне достаточно сказать пять слов, чтобы задушить Сайкса, вот так, как если бы я сдавил сейчас пальцами его бычью шею.

Если он вернется, а мальчишку бросит там, если он выкрутится и не доставит мне мальчишки, живого или мертвого, убей его сама, если не хочешь, чтобы он попал в руки Джека Кетча *!

Убей его, как только он войдет в эту комнату, не то - попомни мои слова - будет поздно.

- Что это значит? - невольно воскликнула девушка.

'What is it?' pursued Fagin, mad with rage.

'When the boy's worth hundreds of pounds to me, am I to lose what chance threw me in the way of getting safely, through the whims of a drunken gang that I could whistle away the lives of!

And me bound, too, to a born devil that only wants the will, and has the power to, to — '

Panting for breath, the old man stammered for a word; and in that instant checked the torrent of his wrath, and changed his whole demeanour.

A moment before, his clenched hands had grasped the air; his eyes had dilated; and his face grown livid with passion; but now, he shrunk into a chair, and, cowering together, trembled with the apprehension of having himself disclosed some hidden villainy.

After a short silence, he ventured to look round at his companion.

He appeared somewhat reassured, on beholding her in the same listless attitude from which he had first roused her.

'Nancy, dear!' croaked the Jew, in his usual voice.

'Did you mind me, dear?'

'Don't worry me now, Fagin!' replied the girl, raising her head languidly.

'If Bill has not done it this time, he will another.

He has done many a good job for you, and will do many more when he can; and when he can't he won't; so no more about that.'

'Regarding this boy, my dear?' said the Jew, rubbing the palms of his hands nervously together.

'The boy must take his chance with the rest,' interrupted Nancy, hastily; 'and I say again, I hope he is dead, and out of harm's way, and out of yours, — that is, if Bill comes to no harm.

- Что это значит? - повторил Феджин, потеряв голову от бешенства.

- Этот мальчик стоит сотни фунтов, так неужели я должен терять то, что случай позволяет мне подобрать без всякого риска, - терять из-за глупых причуд пьяной шайки, которую я могу придушить!

И вдобавок я связан с самим дьяволом во плоти, которому нужно только завещание, и он может... может...

Задыхаясь, старик запнулся, подыскивая слова, но тут же сдержал приступ гнева, и поведение его совершенно изменилось.

За секунду до этого он ловил скрюченными пальцами воздух, глаза были расширены, лицо посинело от ярости, а сейчас он опустился на стул, съежился и дрожал, боясь, что сам выдал какую-то мерзкую тайну.

После короткого молчания он решился взглянуть на свою собеседницу.

Казалось, он немного успокоился, видя, что та по-прежнему сидит безучастная, в той позе, в какой он ее застал.

- Нэнси, милая! - прохрипел еврей обычным своим тоном.

- Ты меня слушала, милая?

- Не приставайте ко мне сейчас, Феджин, - отозвалась девушка, лениво поднимая голову.

- Если Билл теперь этого не сделал, так в другой раз сделает.

Немало он хороших дел для вас обделал и еще немало обделает, если сможет. А не сможет, так, значит, нечего больше об этом толковать.

- А как насчет мальчика, моя милая?... - спросил еврей, нервно потирая руки.

- Мальчику приходится рисковать, как и всем остальным, - быстро перебила Нэнси. - И говорю вам: я надеюсь, что он помер и избавился от всяких бед и от вас, - надеюсь, если только с Биллом ничего плохого не приключится.

And if Toby got clear off, Bill's pretty sure to be safe; for Bill's worth two of Toby any time.'

'And about what I was saying, my dear?' observed the Jew, keeping his glistening eye steadily upon her.

'Your must say it all over again, if it's anything you want me to do,' rejoined Nancy; 'and if it is, you had better wait till to-morrow.'

You put me up for a minute; but now I'm stupid again.'

Fagin put several other questions: all with the same drift of ascertaining whether the girl had profited by his unguarded hints; but, she answered them so readily, and was withal so utterly unmoved by his searching looks, that his original impression of her being more than a trifle in liquor, was confirmed.

Nancy, indeed, was not exempt from a failing which was very common among the Jew's female pupils; and in which, in their tenderer years, they were rather encouraged than checked.

Her disordered appearance, and a wholesale perfume of Geneva which pervaded the apartment, afforded strong confirmatory evidence of the justice of the Jew's supposition; and when, after indulging in the temporary display of violence above described, she subsided, first into dullness, and afterwards into a compound of feelings: under the influence of which she shed tears one minute, and in the next gave utterance to various exclamations of

'Never say die!' and divers calculations as to what might be the amount of the odds so long as a lady or gentleman was happy, Mr. Fagin, who had had considerable experience of such matters in his time, saw, with great satisfaction, that she was very far gone indeed.

Having eased his mind by this discovery; and having accomplished his twofold object of imparting to the girl what he had, that night, heard, and of ascertaining, with his own eyes, that Sikes had not returned, Mr. Fagin again turned his face homeward: leaving his young friend asleep,

А если Тоби выпутался, то, конечно, и Билл в безопасности, потому что Билл стоит двух таких, как Тоби.

- Ну, а как насчет того, что я говорил, моя милая? - спросил еврей, не спуская с нее сверкающих глаз.

- Если вы хотите, чтобы я для вас что-то сделала, так повторите все сначала, - ответила Нэнси. - А лучше бы вы подождали до завтра.

Вы меня на минутку растормошили, но теперь я опять отупела.

Феджин задал еще несколько вопросов все с той же целью установить, обратила ли девушка внимание на его неосторожные намеки; но она отвечала ему с такой готовностью и так равнодушно встречала его пронизательные взгляды, что его первое впечатление, будто она под хмельком, окончательно укрепилось.

Нэнси и в самом деле была подвержена этой слабости, весьма распространенной среди учениц еврея, которых с раннего детства не только не отучали, но, скорее, поощряли к этому.

Ее неопрятный вид и резкий запах джина, стоявший в комнате, в достаточной мере подтверждали правильность его догадки. Когда же она после описанной вспышки сначала впала в какое-то отупение, а затем пришла в возбужденное состояние, под влиянием которого то проливала слезы, то восклицала на все лады:

"Не унывать! - и рассуждала о том, что хоть милые бранятся, только тешатся, - мистер Феджин, имевший солидный опыт в такого рода делах, убедился, к большому своему удовлетворению, что она очень пьяна.

Успокоенный этим открытием, мистер Феджин, достигнув двух целей, то есть сообщив девушке все, что слышал в тот вечер, и собственными глазами удостоверившись в отсутствии Сайкса, отправился домой. Молодая его приятельница заснула, положив голову на стол.

with her head upon the table.

It was within an hour of midnight.

The weather being dark, and piercing cold, he had no great temptation to loiter.

The sharp wind that scoured the streets, seemed to have cleared them of passengers, as of dust and mud, for few people were abroad, and they were to all appearance hastening fast home.

It blew from the right quarter for the Jew, however, and straight before it he went: trembling, and shivering, as every fresh gust drove him rudely on his way.

He had reached the corner of his own street, and was already fumbling in his pocket for the door-key, when a dark figure emerged from a projecting entrance which lay in deep shadow, and, crossing the road, glided up to him unperceived.

'Fagin!' whispered a voice close to his ear.

'Ah!' said the Jew, turning quickly round, 'is that —'

'Yes!' interrupted the stranger.

'I have been lingering here these two hours.

Where the devil have you been?'

'On your business, my dear,' replied the Jew, glancing uneasily at his companion, and slackening his pace as he spoke.

'On your business all night.'

'Oh, of course!' said the stranger, with a sneer.

'Well; and what's come of it?'

'Nothing good,' said the Jew.

'Nothing bad, I hope?' said the stranger, stopping short, and turning a startled look on his companion.

The Jew shook his head, and was about to reply, when the stranger, interrupting him, motioned to the house, before which they had by this time arrived: remarking, that he had better say what he had got to say, under cover: for his blood was chilled with standing about so long, and the wind

До полуночи оставалось около часу.

Вечер был темный, пронизывающе холодный, так что Феджин не имел желания мешкать.

Резкий ветер, рыскавший по улицам, как будто смел с них пешеходов, словно пыль и грязь, - прохожих было мало, и они, по-видимому, спешили домой.

Впрочем, для еврея ветер был попутный, и Феджин шел все вперед и вперед, дрожа и сутулясь, когда его грубо подгонял налетавший вихрь.

Он дошел до угла своей улицы и уже нащупывал в кармане ключ от двери, как вдруг из окутанной густой тенью подъезда вынырнула какая-то темная фигура и, перейдя через улицу, незаметно приблизилась к нему.

- Феджин! - прошептал у самого его уха чей-то голос.

- Ах! - вскрикнул еврей, быстро обернувшись.

- Вы... - Да! - перебил незнакомец.

- Вот уже два часа, как я здесь слоняюсь.

Черт подери, где вы были?

- Ходил по вашим делам, мой милый, - ответил еврей, с беспокойством поглядывая на своего собеседника и замедляя шаги.

- Весь вечер по вашим делам.

- Да, конечно! - с усмешкой сказал незнакомец.

- Ну, а что же из этого вышло?

- Ничего хорошего, - ответил еврей.

- Надеюсь, и ничего плохого? - спросил незнакомец, неожиданно остановившись и бросив испуганный взгляд на своего спутника.

Еврей покачал головой и хотел было ответить, но незнакомец, перебив его, указал на дом, к которому они тем временем подошли, и заметил, что лучше поговорить под крышей, так как кровь у него застыла от долгого ожидания и

blew through him.

Fagin looked as if he could have willingly excused himself from taking home a visitor at that unseasonable hour; and, indeed, muttered something about having no fire; but his companion repeating his request in a peremptory manner, he unlocked the door, and requested him to close it softly, while he got a light.

'It's as dark as the grave,' said the man, groping forward a few steps.

'Make haste!'

'Shut the door,' whispered Fagin from the end of the passage.

As he spoke, it closed with a loud noise.

'That wasn't my doing,' said the other man, feeling his way.

'The wind blew it to, or it shut of its own accord: one or the other.

Look sharp with the light, or I shall knock my brains out against something in this confounded hole.'

Fagin stealthily descended the kitchen stairs.

After a short absence, he returned with a lighted candle, and the intelligence that Toby Crackit was asleep in the back room below, and that the boys were in the front one.

Beckoning the man to follow him, he led the way upstairs.

'We can say the few words we've got to say in here, my dear,' said the Jew, throwing open a door on the first floor; 'and as there are holes in the shutters, and we never show lights to our neighbours, we'll set the candle on the stairs.

There!'

With those words, the Jew, stooping down, placed the candle on an upper flight of stairs, exactly opposite to the room door.

This done, he led the way into the apartment; which was destitute of all movables save a broken arm-chair, and an old couch or sofa without

ветер пронизывает насквозь.

Феджин, казалось, не прочь был отговориться тем, что не может ввести в дом посетителя в такой поздний час, и даже пробормотал, что камин не затоплен, но, когда его спутник повелительным тоном повторил свое требование, он отпер дверь и попросил его закрыть ее потихоньку, пока он принесет свечу.

- Здесь темно, как в могиле, - сказал незнакомец, ощупью сделав несколько шагов.

- Поторапливайтесь.

- Закройте дверь, - шепнул Феджин с другого конца коридора.

В эту минуту дверь с шумом захлопнулась.

- Это не моя вина, - сказал незнакомец, пощупывая дорогу.

- Ветер закрыл ее или она сама захлопнулась - одно из двух.

Скорее дайте свет, не то я наткнусь на что-нибудь в этой проклятой дыре и размозжу себе голову.

Феджин крадучись спустился по лестнице в кухню.

После недолгого отсутствия он вернулся с зажженной свечой и сообщил, что Тоби Крекит спит в задней комнате внизу, а мальчики - в передней.

Знаком предложив незнакомцу следовать за ним, он стал подниматься по лестнице.

- Здесь мы можем обо всем переговорить, мой милый, - сказал еврей, открывая дверь комнаты во втором этаже. - Но так как в ставнях есть дыры, а мы не хотим, чтобы соседи видели у нас свет, то свечу мы оставим на лестнице.

Вот так!

С этими словами еврей, наклонившись, поставил подсвечник на верхнюю площадку лестницы как раз против двери.

Затем он первый вошел в комнату, где не было никакой мебели, кроме сломанного кресла и старой кушетки или дивана без обивки,

covering, which stood behind the door.

Upon this piece of furniture, the stranger sat himself with the air of a weary man; and the Jew, drawing up the arm-chair opposite, they sat face to face.

It was not quite dark; the door was partially open; and the candle outside, threw a feeble reflection on the opposite wall.

They conversed for some time in whispers.

Though nothing of the conversation was distinguishable beyond a few disjointed words here and there, a listener might easily have perceived that Fagin appeared to be defending himself against some remarks of the stranger; and that the latter was in a state of considerable irritation.

They might have been talking, thus, for a quarter of an hour or more, when Monks — by which name the Jew had designated the strange man several times in the course of their colloquy — said, raising his voice a little,

'I tell you again, it was badly planned.

Why not have kept him here among the rest, and made a sneaking, snivelling pickpocket of him at once?'

'Only hear him!' exclaimed the Jew, shrugging his shoulders.

'Why, do you mean to say you couldn't have done it, if you had chosen?' demanded Monks, sternly.

'Haven't you done it, with other boys, scores of times?

If you had had patience for a twelvemonth, at most, couldn't you have got him convicted, and sent safely out of the kingdom; perhaps for life?'

'Whose turn would that have served, my dear?' inquired the Jew humbly.

'Mine,' replied Monks.

'But not mine,' said the Jew, submissively.

'He might have become of use to me.

стоявшего за дверью.

На этот диван устало опустился незнакомец, а еврей подвинул кресло так, что они сидели друг против друга.

Здесь было не совсем темно: дверь была приотворена, а свеча на площадке отбрасывала слабый отблеск света на противоположную стену.

Сначала они разговаривали шепотом.

Хотя из этого разговора нельзя было разобрать ничего, кроме отдельных несвязных слов, однако слушатель мог бы легко угадать, что Феджин как будто защищается, отвечая на замечания незнакомца, а этот последний крайне раздражен.

Так толковали они с четверть часа, если не больше, а затем Монкс - этим именем еврей несколько раз на протяжении их беседы называл незнакомца - сказал, слегка повывисив голос:

- Повторяю, этот план ни к черту не годился.

Почему было не оставить его здесь, вместе с остальными, и не сделать из него этакого паршивого, сопливого карманника?

- Вы только послушайте, что он говорит! - воскликнул еврей, пожимая плечами.

- Да неужели же вы хотите сказать, что не могли бы этого сделать, если бы захотели? - сердито спросил Монкс.

- Разве вы этого не делали десятки раз с другими мальчишками?

Если бы у вас хватило терпения на год, неужели вы не добились бы, чтобы его засудили и выслали из Англии, быть может на всю жизнь?

- Кому бы это пошло на пользу, мой милый? - униженно спросил еврей.

- Мне, - ответил Монкс.

- Но не мне, - смиренно сказал еврей?

- Мальчик мог оказаться мне полезен.

When there are two parties to a bargain, it is only reasonable that the interests of both should be consulted; is it, my good friend?'

'What then?' demanded Monks.

'I saw it was not easy to train him to the business,' replied the Jew; 'he was not like other boys in the same circumstances.'

'Curse him, no!' muttered the man, 'or he would have been a thief, long ago.'

'I had no hold upon him to make him worse,' pursued the Jew, anxiously watching the countenance of his companion.

'His hand was not in.

I had nothing to frighten him with; which we always must have in the beginning, or we labour in vain.

What could I do?

Send him out with the Dodger and Charley?

We had enough of that, at first, my dear; I trembled for us all.'

'That was not my doing,' observed Monks.

'No, no, my dear!' renewed the Jew.

'And I don't quarrel with it now; because, if it had never happened, you might never have clapped eyes on the boy to notice him, and so led to the discovery that it was him you were looking for.

Well!

I got him back for you by means of the girl; and then she begins to favour him.'

'Throttle the girl!' said Monks, impatiently.

'Why, we can't afford to do that just now, my dear,' replied the Jew, smiling; 'and, besides, that sort of thing is not in our way; or, one of these days, I might be glad to have it done.

I know what these girls are, Monks, well.

As soon as the boy begins to harden, she'll care no

Когда в договоре участвуют две стороны, благоразумие требует считаться с интересами обеих, не так ли, милый друг?

- Что же дальше? - спросил Монкс.

- Я понял, что нелегко будет приучить его к делу, - ответил еврей. - Он не похож на других мальчишек, очутившихся в таком же положении.

- Да, не похож, будь он проклят! - пробормотал Монкс. - Иначе он бы давным-давно стал вором.

- Чтобы испортить его, мне надо было сперва забрать его хорошенько в руки, - продолжал еврей, с тревогой всматриваясь в лицо собеседника.

- Но я ничего не мог с ним поделать.

Я ничем не мог его запугать, а с этого мы всегда должны начинать, иначе наши труды пропадут; даром.

Что мне было делать?

Посылать его с Плутом и Чарли?

Довольно с меня и одного раза, мой милый; тогда я трепетал за всех нас.

- Уж в этом-то я не виноват, - заметил Монкс.

- Конечно, конечно, мой милый? - подхватил еврей.

- Да я и не жалею теперь: ведь не случись этого, вы, может быть, никогда бы не увидели мальчишки, а значит, и не узнали бы, что как раз его-то и разыскиваете.

Ну что ж!

Я его вернул вам с помощью этой девки, а потом она вздумала жалеть его.

- Задушить девку! - нетерпеливо сказал Монкс.

- Сейчас мы не можем себе это позволить, мой милый, - улыбаясь, ответил еврей. - И к тому же мы такими делами не занимаемся, иначе я бы с радостью это сделал в один из ближайших дней.

Я этих девок хорошо знаю, Монкс.

Как только мальчишка закалится, она будет

more for him, than for a block of wood.

You want him made a thief.

If he is alive, I can make him one from this time; and, if — if — ' said the Jew, drawing nearer to the other, — 'it's not likely, mind, — but if the worst comes to the worst, and he is dead — '

'It's no fault of mine if he is!' interposed the other man, with a look of terror, and clasping the Jew's arm with trembling hands.

'Mind that. Fagin!

I had no hand in it.

Anything but his death, I told you from the first.

I won't shed blood; it's always found out, and haunts a man besides.

If they shot him dead, I was not the cause; do you hear me?

Fire this infernal den!

What's that?'

'What!' cried the Jew, grasping the coward round the body, with both arms, as he sprung to his feet.

'Where?'

'Yonder!' replied the man, glaring at the opposite wall.

'The shadow!

I saw the shadow of a woman, in a cloak and bonnet, pass along the wainscot like a breath!'

The Jew released his hold, and they rushed tumultuously from the room.

The candle, wasted by the draught, was standing where it had been placed.

It showed them only the empty staircase, and their own white faces.

They listened intently: a profound silence reigned throughout the house.

'It's your fancy,' said the Jew, taking up the light

интересоваться им не больше, чем бревном.

Вы хотите, чтобы мальчишка стал вором.

Если он жив, я могу это сделать, а если... если... - сказал еврей, придвигаясь к своему собеседнику, - помните, это маловероятно... но если случилась беда и он умер...

- Не моя вина, если он умер! - с ужасом перебил Монкс, дрожащими руками схватив руку еврея.

- Запомните, Феджин!

Я в этом не участвовал.

С самого начала я вам сказал - все, только не его смерть.

Я не хотел проливать кровь: в конце концов это всегда обнаруживается, и, вдобавок человек не находит себе покоя.

Если его застрелили, я тут ни при чем, слышите?..

Черт бы побрал это логовище!..

Что это такое?

- Что? - вскричал еврей, обеими руками обхватив труса, когда тот вскочил с места.

- Где?

- Вон там! - ответил Монкс, пристально глядя на противоположную стену.

- Тень!

Я видел тень женщины в накидке и шляпе, она быстро скользнула вдоль стены!

Еврей разжал руки, и оба стремительно выбежали из комнаты.

Свеча, оплывшая от сквозняка, стояла там, где ее поставили.

При свете ее видна была только лестница и их побелевшие лица.

Оба напряженно прислушивались: глубокая тишина царила во всем доме.

- Вам почудилось, - сказал еврей, беря свечу и

and turning to his companion.

'I'll swear I saw it!' replied Monks, trembling.

'It was bending forward when I saw it first; and when I spoke, it darted away.'

The Jew glanced contemptuously at the pale face of his associate, and, telling him he could follow, if he pleased, ascended the stairs.

They looked into all the rooms; they were cold, bare, and empty.

They descended into the passage, and thence into the cellars below.

The green damp hung upon the low walls; the tracks of the snail and slug glistened in the light of the candle; but all was still as death.

'What do you think now?' said the Jew, when they had regained the passage.

'Besides ourselves, there's not a creature in the house except Toby and the boys; and they're safe enough.

See here!'

As a proof of the fact, the Jew drew forth two keys from his pocket; and explained, that when he first went downstairs, he had locked them in, to prevent any intrusion on the conference.

This accumulated testimony effectually staggered Mr. Monks.

His protestations had gradually become less and less vehement as they proceeded in their search without making any discovery; and, now, he gave vent to several very grim laughs, and confessed it could only have been his excited imagination.

He declined any renewal of the conversation, however, for that night: suddenly remembering that it was past one o'clock.

And so the amiable couple parted.

CHAPTER XXVII — ATONES FOR THE

поворачиваясь к своему собеседнику.

- Клянусь, что я ее видел! - дрожа, возразил Монкс.

- Она стояла, наклонившись, когда я ее увидел, а когда я заговорил, она метнулась прочь.

Еврей с презрением посмотрел на бледное лицо своего собеседника и, предложив ему, если он хочет, следовать за ним, стал подниматься по лестнице.

Они заглянули во все комнаты; в них было холодно, голо и пусто.

Они спустились в коридор и дальше, в подвал.

Зеленая плесень покрывала низкие стены; следы, оставленные улитками и слизняками, блестели при свете свечи, но кругом было тихо, как в могиле.

- Ну, что вы теперь скажете? - спросил еврей, когда они вернулись в коридор.

- Не считая нас с вами, в доме нет никого - только Тоби и мальчишки, а их можно не опасаться.

Смотрите!

В подтверждение этого факта еврей вынул из кармана два ключа и объяснил, что, спустившись в первый раз вниз, он запер их в комнате, чтобы никто не помешал беседе.

Это новое доказательство значительно поколебало уверенность мистера Монкса.

Его возражения становились все менее и менее бурными по мере того, как оба продолжали поиски и ничего не обнаружили; наконец, он начал мрачно хохотать и признался, что всему виной только его расстроенное воображение.

Однако он отказался возобновить в тот вечер разговор, вспомнив внезапно, что уже второй час.

И любезная парочка рассталась.

ГЛАВА XXVII — заглаживает неучтивость

UNPOLITENESS OF A FORMER CHAPTER; WHICH DESERTED A LADY, MOST UNCEREMONIOUSLY

As it would be, by no means, seemly in a humble author to keep so mighty a personage as a beadle waiting, with his back to the fire, and the skirts of his coat gathered up under his arms, until such time as it might suit his pleasure to relieve him; and as it would still less become his station, or his gallantry to involve in the same neglect a lady on whom that beadle had looked with an eye of tenderness and affection, and in whose ear he had whispered sweet words, which, coming from such a quarter, might well thrill the bosom of maid or matron of whatsoever degree; the historian whose pen traces these words — trusting that he knows his place, and that he entertains a becoming reverence for those upon earth to whom high and important authority is delegated — hastens to pay them that respect which their position demands, and to treat them with all that duteous ceremony which their exalted rank, and (by consequence) great virtues, imperatively claim at his hands.

Towards this end, indeed, he had purposed to introduce, in this place, a dissertation touching the divine right of beadles, and elucidative of the position, that a beadle can do no wrong: which could not fail to have been both pleasurable and profitable to the right-minded reader but which he is unfortunately compelled, by want of time and space, to postpone to some more convenient and fitting opportunity; on the arrival of which, he will be prepared to show, that a beadle properly constituted: that is to say, a parochial beadle, attached to a parochial workhouse, and attending in his official capacity the parochial church: is, in right and virtue of his office, possessed of all the excellences and best qualities of humanity; and that to none of those excellences, can mere companies' beadles, or court-of-law beadles, or even chapel-of-ease beadles (save the last, and they in a very lowly and inferior degree), lay the remotest sustainable claim.

Mr. Bumble had re-counted the teaspoons, re-weighed the sugar-tongs, made a closer inspection of the milk-pot, and ascertained to a nicety the

одной из предыдущих глав, в которой весьма, бесцеремонно покинута некая леди

Скромному автору не подобает, конечно, заставлять столь важную особу, как бидл, ждать, повернувшись спиной к камину и подобрав полы шинели, до той поры, пока автор не соблаговолит отпустить его; и еще менее подходит автору, принимая во внимание его положение и галантность, относиться с тем же пренебрежением к леди, на которую сей бидл бросил взор нежный и любовный, нашептывая ласковые слова, которые, исходя от такого лица, заставили бы затрепетать сердце любой девицы или матроны. Историк, чье перо пишет эти слова, - полагая, что знает свое место и относится с подобающим уважением к тем смертным, кому дарована высшая, непререкаемая власть, - спешит засвидетельствовать им почтение, коего они вправе ждать по своему положению, и соблюсти все необходимые церемонии, которых требуют от него их высокое звание, а следовательно, и великие добродетели.

С этой целью автор намеревался даже привести здесь доводы касательно божественного происхождения прав бидла и его непогрешимости. Такие доводы не преминули бы доставить удовольствие и пользу здравомыслящему читателю, но, к сожалению, за недостатком времени и места автор принужден отложить это до более удобного и благоприятного случая; когда же таковой представится, автор готов разъяснить, что бидл в точном смысле этого слова - а именно: приходский бидл, состоящий при приходском работном доме и прислуживающий в качестве официального лица в приходской церкви, - наделен по своей должности всеми добродетелями и наилучшими качествами, и ни на одну из этих добродетелей не имеют ни малейшего права притязать бидлы, состоящие при торговых компаниях, судейский бидлы и даже бидлы в часовнях (впрочем, последние все-таки имеют на это некоторое право, хоть и самое ничтожное).

Мистер Бамбл еще раз пересчитал чайные ложки, взвесил на руке щипчики для сахара, внимательно осмотрел молочник, в точности

exact condition of the furniture, down to the very horse-hair seats of the chairs; and had repeated each process full half a dozen times; before he began to think that it was time for Mrs. Corney to return.

Thinking begets thinking; as there were no sounds of Mrs. Corney's approach, it occurred to Mr. Bumble that it would be an innocent and virtuous way of spending the time, if he were further to allay his curiosity by a cursory glance at the interior of Mrs. Corney's chest of drawers.

Having listened at the keyhole, to assure himself that nobody was approaching the chamber, Mr. Bumble, beginning at the bottom, proceeded to make himself acquainted with the contents of the three long drawers: which, being filled with various garments of good fashion and texture, carefully preserved between two layers of old newspapers, speckled with dried lavender: seemed to yield him exceeding satisfaction.

Arriving, in course of time, at the right-hand corner drawer (in which was the key), and beholding therein a small padlocked box, which, being shaken, gave forth a pleasant sound, as of the chinking of coin, Mr. Bumble returned with a stately walk to the fireplace; and, resuming his old attitude, said, with a grave and determined air,

'I'll do it!'

He followed up this remarkable declaration, by shaking his head in a waggish manner for ten minutes, as though he were remonstrating with himself for being such a pleasant dog; and then, he took a view of his legs in profile, with much seeming pleasure and interest.

He was still placidly engaged in this latter survey, when Mrs. Corney, hurrying into the room, threw herself, in a breathless state, on a chair by the fireside, and covering her eyes with one hand, placed the other over her heart, and gasped for breath.

'Mrs. Corney,' said Mr. Bumble, stooping over the matron, 'what is this, ma'am?

Has anything happened, ma'am?

установил, в каком состоянии находится мебель и даже конский волос в сиденьях кресел, и, проделав каждую из этих операций не менее пяти-шести раз, начал подумывать о том, что пора бы уже миссис Корни вернуться.

Одна мысль порождает другую: так как ничто не указывало на приближение миссис Корни, мистеру Бамблу пришло в голову, что он проведет время невинно и добродетельно, если удовлетворит свое любопытство беглым осмотром комода миссис Корни.

Прислушавшись у замочной скважины с целью удостовериться, что никто не идет, мистер Бамбл начал знакомиться с содержимым трех длинных ящиков, начиная с нижнего; эти ящички, наполненные всевозможными принадлежностями туалета прекрасного качества, которые были заботливо уложены между двумя листами старой газеты и посыпаны сухой лавандой, по-видимому, доставили ему чрезвычайное удовольствие.

Добравшись до ящика в правом углу (где торчал ключ) и узрев в нем шкатулочку с висячим замком, откуда, когда он ее встряхнул, донесся приятный звук, напоминающий звон монет, мистер Бамбл величественной поступью вернулся к камину и, приняв прежнюю позу, произнес с видом серьезным и решительным:

"Я это сделаю".

После сего примечательного заявления он минут десять игриво покачивал головой, как будто рассуждал сам с собой о том, какой он славный парень, а затем с явным удовольствием и интересом стал рассматривать свои ноги сбоку.

Он все еще мирно предавался этому созерцанию, как вдруг в комнату ворвалась миссис Корни, задыхаясь, упала в кресло у камина и, прикрыв глаза одной рукой, другую прижала к сердцу, стараясь отдышаться.

- Миссис Корни, - сказал мистер Бамбл, наклоняясь к надзирательнице, - в чем дело, сударыня?

Что случилось, сударыня?

Прошу вас, отвечайте, я как на... на... Мистер

Pray answer me: I'm on — on — ' Mr. Bumble, in his alarm, could not immediately think of the word 'tenterhooks,' so he said 'broken bottles.'

'Oh, Mr. Bumble!' cried the lady,

'I have been so dreadfully put out!'

'Put out, ma'am!' exclaimed Mr. Bumble; 'who has dared to — ?

I know!' said Mr. Bumble, checking himself, with native majesty, 'this is them wicious paupers!'

'It's dreadful to think of!' said the lady, shuddering.

'Then don't think of it, ma'am,' rejoined Mr. Bumble.

'I can't help it,' whimpered the lady.

'Then take something, ma'am,' said Mr. Bumble soothingly.

'A little of the wine?'

'Not for the world!' replied Mrs. Corney.

'I couldn't, — oh!

The top shelf in the right-hand corner — oh!'

Uttering these words, the good lady pointed, distractedly, to the cupboard, and underwent a convulsion from internal spasms.

Mr. Bumble rushed to the closet; and, snatching a pint green-glass bottle from the shelf thus incoherently indicated, filled a tea-cup with its contents, and held it to the lady's lips.

'I'm better now,' said Mrs. Corney, falling back, after drinking half of it.

Mr. Bumble raised his eyes piously to the ceiling in thankfulness; and, bringing them down again to the brim of the cup, lifted it to his nose.

'Peppermint,' exclaimed Mrs. Corney, in a faint voice, smiling gently on the beadle as she spoke.

'Try it!

Бамбл от волнения не мог припомнить выражения "как на иголках" и вместо этого сказал: "как на осколках".

- Ах, мистер Бамбл! - воскликнула леди.

- Меня так ужасно расстроили.

- Расстроили, сударыня? - повторил мистер Бамбл. - Кто посмел?..

Я знаю, - произнес мистер Бамбл с присущим ему величием, сдерживая свои чувства, - эти дрянные бедняки.

- Страшно и подумать, - содрогаясь, сказала леди.

- В таком случае не думайте, сударыня, - отвечив мистер Бамбл.

- Не могу, - захныкала леди.

- Тогда выпейте чего-нибудь, сударыня, - успокоительным тоном сказал мистер Бамбл.

- Рюмочку вина?

- Ни за что на свете, - ответила миссис Корни.

- Не могу... Ох!

На верхней полке, в правом углу... Ох!

Произнеся эти слова, добрая леди указала в умопомрачении на буфет и начала корчиться от спазм.

Мистер Бамбл устремился к шкафу и, схватив с полки, столь туманно ему указанной, зеленую бутылку, вмещавшую пинту, наполнил ее содержимым чайную чашку и поднес к губам леди.

- Теперь мне лучше, - сказала миссис Корни, выпив полчашки и откинувшись на спинку стула.

В знак благодарности мистер Бамбл благоговейно возвел очи к потолку, потом опустил их на чашку и поднес ее к носу.

- Пепперминт *, - слабым голосом промолвила миссис Корни, нежно улыбаясь бидлу.

- Попробуйте.

There's a little — a little something else in it.'

Mr. Bumble tasted the medicine with a doubtful look; smacked his lips; took another taste; and put the cup down empty.

'It's very comforting,' said Mrs. Corney.

'Very much so indeed, ma'am,' said the beadle.

As he spoke, he drew a chair beside the matron, and tenderly inquired what had happened to distress her.

'Nothing,' replied Mrs. Corney.

'I am a foolish, excitable, weak creetur.'

'Not weak, ma'am,' retorted Mr. Bumble, drawing his chair a little closer.

'Are you a weak creetur, Mrs. Corney?'

'We are all weak creeturs,' said Mrs. Corney, laying down a general principle.

'So we are,' said the beadle.

Nothing was said on either side, for a minute or two afterwards.

By the expiration of that time, Mr. Bumble had illustrated the position by removing his left arm from the back of Mrs. Corney's chair, where it had previously rested, to Mrs. Corney's apron-string, round which it gradually became entwined.

'We are all weak creeturs,' said Mr. Bumble.

Mrs. Corney sighed.

'Don't sigh, Mrs. Corney,' said Mr. Bumble.

'I can't help it,' said Mrs. Corney.

And she sighed again.

'This is a very comfortable room, ma'am,' said Mr. Bumble looking round.

'Another room, and this, ma'am, would be a

Там есть еще... еще кое-что.

Мистер Бамбл с недоверчивым видом отведал лекарство, причмокнув губами, отведал еще раз и осушил чашку.

- Это очень успокаивает, - сказала миссис Корни.

- Чрезвычайно успокаивает, сударыня, - сказал бидл.

С этими словами он придвинул стул к креслу надзирательницы и ласковым голосом осведомился, что ее расстроило.

- Ничего, - ответила миссис Корни.

- Я такое глупое, слабое создание, меня так легко взволновать...

- Ничуть не слабое, сударыня, - возразил мистер Бамбл, придвинув ближе свой стул.

- Разве вы слабое создание, миссис Корни?

- Все мы слабые создания, - сказала миссис Корни, констатируя общеизвестную истину.

- Да, правда, - согласился бидл.

Затем оба молчали минуты две.

По истечении этого времени мистер Бамбл, поясняя высказанную мысль, снял руку со спинки кресла миссис Корни, где эта рука раньше покоилась, и положил ее на пояс передника миссис Корни, вокруг которого она постепенно обвилась.

- Все мы слабые создания, - сказал мистер Бамбл.

Миссис Корни вздохнула.

- Не вздыхайте, миссис Корни, - сказал мистер Бамбл.

- Не могу удержаться, - сказала миссис Корни.

И снова вздохнула...

- У вас очень уютная комната, сударыня, - осматриваясь вокруг, сказал мистер Бамбл.

- Прибавить к ней еще одну, сударыня, и будет

complete thing.'

'It would be too much for one,' murmured the lady.

'But not for two, ma'am,' rejoined Mr. Bumble, in soft accents.

'Eh, Mrs. Corney?'

Mrs. Corney drooped her head, when the beadle said this; the beadle drooped his, to get a view of Mrs. Corney's face.

Mrs. Corney, with great propriety, turned her head away, and released her hand to get at her pocket-handkerchief; but insensibly replaced it in that of Mr. Bumble.

'The board allows you coals, don't they, Mrs. Corney?' inquired the beadle, affectionately pressing her hand.

'And candles,' replied Mrs. Corney, slightly returning the pressure.

'Coals, candles, and house-rent free,' said Mr. Bumble.

'Oh, Mrs. Corney, what an Angel you are!'

The lady was not proof against this burst of feeling.

She sank into Mr. Bumble's arms; and that gentleman in his agitation, imprinted a passionate kiss upon her chaste nose.

'Such porochial perfection!' exclaimed Mr. Bumble, rapturously.

'You know that Mr. Slout is worse to-night, my fascinator?'

'Yes,' replied Mrs. Corney, bashfully.

'He can't live a week, the doctor says,' pursued Mr. Bumble.

'He is the master of this establishment; his death will cause a wacancy; that wacancy must be filled up.

Oh, Mrs. Corney, what a prospect this opens!

What a opportunity for a jining of hearts and

прекрасна.

- Слишком много для одного человека, - прошептала леди.

- Но не для двух, сударыня, - нежным голосом возразил мистер Бамбл.

- Не так ли, миссис Корни?

Когда бидл произнес эти слова, миссис Корни опустила голову; бидл тоже опустил голову, чтобы заглянуть в лицо миссис Корни.

Миссис Корни весьма пристойно отвернулась и высвободила руку, чтобы достать носовой платок, но, сама того не сознавая, вложила ее в руку мистера Бамбла.

- Совет, отпускает вам уголь, не правда ли, миссис Корни? - спросил бидл, нежно пожимая ей руку.

- И свечи, - ответила миссис Корни, в свою очередь пожимая слегка его руку.

- Уголь, свечи и даровая квартира, - сказал мистер Бамбл.

- О миссис Корни, вы - ангел!

Леди не устояла перед таким взрывом чувств.

Она упала в объятия мистера Бамбла, и сей джентльмен в волнении запечатлел страстный поцелуй на ее целомудренном носу.

- Превосходнейшее творение прихода! - восторженно воскликнул мистер Бамбл.

- Известно ли вам, моя очаровательница, что сегодня мистеру Скауту стало хуже?

- Да, - застенчиво отвечала миссис Корни.

- Доктор говорит, что он и недели не протянет, - продолжал мистер Бамбл.

- Он стоит во главе этого учреждения; после его смерти освободится вакансия, эту вакансию кто-нибудь должен занять.

О миссис Корни, какая перспектива!

Какой благоприятный случай, чтобы соединить

housekeepings!'

Mrs. Corney sobbed.

'The little word?' said Mr. Bumble, bending over the bashful beauty.

'The one little, little, little word, my blessed Corney?'

'Ye — ye — yes!' sighed out the matron.

'One more,' pursued the beadle; 'compose your darling feelings for only one more.

When is it to come off?'

Mrs. Corney twice essayed to speak: and twice failed.

At length summoning up courage, she threw her arms around Mr. Bumble's neck, and said, it might be as soon as ever he pleased, and that he was 'a irresistible duck.'

Matters being thus amicably and satisfactorily arranged, the contract was solemnly ratified in another teacupful of the peppermint mixture; which was rendered the more necessary, by the flutter and agitation of the lady's spirits.

While it was being disposed of, she acquainted Mr. Bumble with the old woman's decease.

'Very good,' said that gentleman, sipping his peppermint;

'I'll call at Sowerberry's as I go home, and tell him to send to-morrow morning.

Was it that as frightened you, love?'

'It wasn't anything particular, dear,' said the lady evasively.

'It must have been something, love,' urged Mr. Bumble.

'Won't you tell your own B.?''

'Not now,' rejoined the lady; 'one of these days.

сердца и завести общее хозяйство!

Миссис Корни всхлипнула.

- Одно словечко, - промолвил мистер Бамбл, склоняясь к застенчивой красавице.

- Одно маленькое, маленькое словечко, ненаглядная моя Корни?

- Д... д... да, - прошептала надзирательница.

- Еще одно, дорогая, - настаивал мистер Бамбл. - Соберитесь с силами и произнесите еще одно словечко.

Когда это совершится?

Миссис Корни дважды пыталась заговорить и дважды потерпела неудачу.

Наконец, собравшись с духом, она обвила руками шею мистера Бамбла и сказала, что это произойдет, когда он пожелает, и что он "ненаглядный ее птенчик".

Когда дело было таким образом улажено, дружески и к полному удовлетворению, договор скрепили еще одной чашкой пепперминта, которая оказалась весьма необходимой вследствие трепета и волнения, овладевших леди.

Осушив чашку, она сообщила мистеру Бамблу о смерти старухи.

- Прекрасно! - сказал сей джентльмен, попивая пепперминт.

- По дороге домой я загляну к Саурбери и скажу, чтобы он прислал, что нужно, завтра утром.

Так, значит, это вас и испугало, моя дорогая?

- Ничего особенного не случилось, мой милый, - уклончиво отвечала леди.

- Но все-таки что-то случилось, дорогая моя, - настаивал мистер Бамбл.

- Неужели вы не расскажете об этом вашему Бамблу?

- Не сейчас... - ответила леди, - в один из ближайших дней, когда мы сочетаемся браком,

After we're married, dear.'

'After we're married!' exclaimed Mr. Bumble.

'It wasn't any impudence from any of them male paupers as — '

'No, no, love!' interposed the lady, hastily.

'If I thought it was,' continued Mr. Bumble; 'if I thought as any one of 'em had dared to lift his vulgar eyes to that lovely countenance — '

'They wouldn't have dared to do it, love,' responded the lady.

'They had better not!' said Mr. Bumble, clenching his fist.

'Let me see any man, porochial or extra-porochial, as would presume to do it; and I can tell him that he wouldn't do it a second time!'

Unembellished by any violence of gesticulation, this might have seemed no very high compliment to the lady's charms; but, as Mr. Bumble accompanied the threat with many warlike gestures, she was much touched with this proof of his devotion, and protested, with great admiration, that he was indeed a dove.

The dove then turned up his coat-collar, and put on his cocked hat; and, having exchanged a long and affectionate embrace with his future partner, once again braved the cold wind of the night: merely pausing, for a few minutes, in the male paupers' ward, to abuse them a little, with the view of satisfying himself that he could fill the office of workhouse-master with needful acerbity.

Assured of his qualifications, Mr. Bumble left the building with a light heart, and bright visions of his future promotion: which served to occupy his mind until he reached the shop of the undertaker.

Now, Mr. and Mrs. Sowerberry having gone out to

дорогой мой.

- Когда мы сочетаемся браком! - воскликнул мистер Бамбл.

- Неужели у кого-нибудь из этих нищих хватило наглости...

- Нет, нет, дорогой мой! - быстро перебила леди.

- Если бы я считал это возможным, - продолжал мистер Бамбл, - если бы я считал возможным, что они осмелятся взирать своими гнусными глазами на это прелестное лицо...

- Они бы не осмелились, дорогой мой, - ответствовала леди.

- Тем лучше для них, - сказал мистер Бамбл, сжимая руку в кулак.

- Покажите мне такого человека, приходского или сверхприходского, который посмел бы это сделать, и я докажу ему, что второй раз он не осмелится.

Не будь это заявление подкреплено энергической жестикуляцией, оно могло бы показаться весьма нелестным для прелестей сей леди, но так как мистер Бамбл сопровождал свою угрозу воинственными жестами, леди была чрезвычайно растрогана этим доказательством его преданности и с величайшим восхищением объявила, что он и в самом деле ее птенчик.

После этого птенчик поднял воротник шинели, надел треуголку и, обменявшись долгим и нежным поцелуем с будущей своей подругой жизни, снова храбро зашагал навстречу холодному ночному ветру, задержавшись лишь на несколько минут в палате для бедняков мужского пола, чтобы осыпать их бранью и тем самым удостовериться, что может с надлежащей суровостью исполнять обязанности начальника работного дома.

Убедившись в своих способностях, мистер Бамбл покинул заведение с легким сердцем и радужными мечтами о грядущем повышении, которые занимали его, пока он не дошел до лавки гробовщика.

Мистер и миссис Саурбери пили чай и

tea and supper: and Noah Claypole not being at any time disposed to take upon himself a greater amount of physical exertion than is necessary to a convenient performance of the two functions of eating and drinking, the shop was not closed, although it was past the usual hour of shutting-up.

Mr. Bumble tapped with his cane on the counter several times; but, attracting no attention, and beholding a light shining through the glass-window of the little parlour at the back of the shop, he made bold to peep in and see what was going forward; and when he saw what was going forward, he was not a little surprised.

The cloth was laid for supper; the table was covered with bread and butter, plates and glasses; a porter-pot and a wine-bottle.

At the upper end of the table, Mr. Noah Claypole lolled negligently in an easy-chair, with his legs thrown over one of the arms: an open clasp-knife in one hand, and a mass of buttered bread in the other.

Close beside him stood Charlotte, opening oysters from a barrel: which Mr. Claypole condescended to swallow, with remarkable avidity.

A more than ordinary redness in the region of the young gentleman's nose, and a kind of fixed wink in his right eye, denoted that he was in a slight degree intoxicated; these symptoms were confirmed by the intense relish with which he took his oysters, for which nothing but a strong appreciation of their cooling properties, in cases of internal fever, could have sufficiently accounted.

'Here's a delicious fat one, Noah, dear!' said Charlotte; 'try him, do; only this one.'

'What a delicious thing is a oyster!' remarked Mr. Claypole, after he had swallowed it.

'What a pity it is, a number of 'em should ever make you feel uncomfortable; isn't it, Charlotte?'

'It's quite a cruelty,' said Charlotte.

'So it is,' acquiesced Mr. Claypole.

ужинали в гостях, а Ноэ Клейпол никогда не склонен был утруждать себя физическими упражнениями, за исключением тех, какие необходимы для принятия пищи и питья, - вот почему лавка оказалась незапертой, хотя уже миновал час, когда ее обычно закрывали.

Мистер Бамбл несколько раз ударил тростью по прилавку, но не привлек к себе внимания и, видя свет за стеклянной дверью маленькой гостиной позади лавки, решил заглянуть туда, чтобы узнать, что там происходит. Узнав же, что там происходит, он был немало удивлен.

Стол был покрыт скатертью; на нем красовались хлеб и масло, тарелки и стаканы, кружка портера и бутылка вина.

Во главе стола, небрежно развалившись в кресле и перебросив ноги через ручку, сидел мистер Ноэ Клейпол; в одной руке у него был раскрытый складной нож, а в другой - огромный кусок хлеба с маслом.

Подле него стояла Шарлотт и раскрывала вынутые из бочонка устрицы, которые мистер Клейпол удостаивал проглатывать с удивительной жадностью.

Нос молодого джентльмена, более красный, чем обычно, и какое-то напряженное подмигивание правым глазом свидетельствовали, что он под хмельком; эти симптомы подтверждало и величайшее наслаждение, с каким он поедал устрицы и которое можно было объяснить лишь тем, что он весьма ценил их свойство охлаждать сжигающий его внутренний жар.

- Вот чудесная жирная устрица, милый Ноэ, - сказала Шарлотт. - Скушайте ее, одну только эту.

- Чудесная вещь - устрица, - заметил мистер Клейпол, проглотив ее.

- Какая досада, что начинаешь плохо себя чувствовать, если съешь слишком много! Правда, Шарлотт?

- Это прямо-таки жестоко, - сказала Шарлотт.

- Совершенно верно, - согласился мистер Клейпол.

'An't yer fond of oysters?'

'Not overmuch,' replied Charlotte.

'I like to see you eat 'em, Noah dear, better than eating 'em myself.'

'Lor!' said Noah, reflectively; 'how queer!'

'Have another,' said Charlotte.

'Here's one with such a beautiful, delicate beard!'

'I can't manage any more,' said Noah.

'I'm very sorry.

Come here, Charlotte, and I'll kiss yer.'

'What!' said Mr. Bumble, bursting into the room.

'Say that again, sir.'

Charlotte uttered a scream, and hid her face in her apron.

Mr. Claypole, without making any further change in his position than suffering his legs to reach the ground, gazed at the beadle in drunken terror.

'Say it again, you wile, owdacious fellow!' said Mr. Bumble.

'How dare you mention such a thing, sir?

And how dare you encourage him, you insolent minx?

Kiss her!' exclaimed Mr. Bumble, in strong indignation.

'Faugh!'

'I didn't mean to do it!' said Noah, blubbering.

'She's always a-kissing of me, whether I like it, or not.'

'Oh, Noah,' cried Charlotte, reproachfully.

'Yer are; yer know yer are!' retorted Noah.

'She's always a-doin' of it, Mr. Bumble, sir; she chucks me under the chin, please, sir; and makes

- А вы любите устрицы?

- Не очень, - отвечала Шарлотт.

- Мне приятнее смотреть, как вы их едите, милый Ноэ, чем самой их есть.

- Ах, боже мой... - раздумчиво сказал Ноэ. - Как странно!

- Еще одну! - предложила Шарлотт.

- Вот эту, с такими красивыми, нежными ресничками.

- Больше не могу ни одной, - сказала Ноэ.

- Очень печально...

Подойдите ко мне, Шарлотт, я вас поцелую.

- Что такое? - вскричал мистер Бамбл, врываясь в комнату.

- Повторите-ка это, сэр.

Шарлотт взвизгнула и закрыла лицо передником.

Мистер Клейпол, оставаясь в прежней позе и только спустив ноги на пол, с пьяным ужасом взирал на бидла.

- Повторите-ка это, дерзкий, дрянной мальчишка, - продолжал Бамбл.

- Как вы смеее заикаться о таких вещах, сэр?..

А вы как смеее подстрекать его, бесстыдная вертушка?..

Поцеловать ее! - воскликнул мистер Бамбл в сильнейшем негодовании.

- Тьфу!

- Я вовсе этого не хотел, - захныкал Ноэ.

- Она вечно сама меня целует, нравится мне это или не нравится.

- О Ноэ! - с упреком воскликнула Шарлотт.

- Да, целуешь. Сама знаешь, что целуешь, - возразил Ноэ.

- Она всегда это делает, мистер Бамбл, сэр; она меня треплет по подбородку, сэр, и всячески

all manner of love!'

'Silence!' cried Mr. Bumble, sternly.

'Take yourself downstairs, ma'am.

Noah, you shut up the shop; say another word till your master comes home, at your peril; and, when he does come home, tell him that Mr. Bumble said he was to send a old woman's shell after breakfast to-morrow morning.

Do you hear sir?

Kissing!' cried Mr. Bumble, holding up his hands.

'The sin and wickedness of the lower orders in this porochial district is frightful!

If Parliament don't take their abominable courses under consideration, this country's ruined, and the character of the peasantry gone for ever!'

With these words, the beadle strode, with a lofty and gloomy air, from the undertaker's premises.

And now that we have accompanied him so far on his road home, and have made all necessary preparations for the old woman's funeral, let us set on foot a few inquires after young Oliver Twist, and ascertain whether he be still lying in the ditch where Toby Crackit left him.

CHAPTER XXVIII — LOOKS AFTER OLIVER, AND PROCEEDS WITH HIS ADVENTURES

'Wolves tear your throats!' muttered Sikes, grinding his teeth.

'I wish I was among some of you; you'd howl the hoarser for it.'

As Sikes growled forth this imprecation, with the most desperate ferocity that his desperate nature was capable of, he rested the body of the wounded boy across his bended knee; and turned his head, for an instant, to look back at his pursuers.

There was little to be made out, in the mist and darkness; but the loud shouting of men vibrated through the air, and the barking of the

ухаживает.

- Молчать!.. - строго прикрикнул мистер Бамбл.

- Ступайте вниз, сударыня...

Ноэ, закройте лавку. Вам не поздоровится, если вы еще хоть словечко пророните, пока не вернется ваш хозяин. А когда он придет домой, передайте ему, что мистер Бамбл приказал прислать завтра утром, после завтрака, гроб для старухи.

Слышите, сэр?..

Целоваться! - воскликнул мистер Бамбл, воздев руки.

- Поистине ужасна развращенность и греховность низших классов в этом приходе.

Если парламент не обратит внимания на их гнусное поведение, погибла эта страна, а вместе с нею и нравственность крестьян!

С этими словами бидл величественно и мрачно покинул владения гробовщика.

А теперь, проводив домой бидла и покончив со всеми необходимыми приготовлениями для похорон старухи, справимся о юном Оливере Твисте и удостоверимся, лежит ли он еще в канаве, где его оставил Тоби Крекит.

ГЛАВА XXVIII — занимается Оливером Твистом и повествует о его приключениях

- Чтобы вам волки перегрызли глотку! - скрежеща зубами, бормотал Сайкс.

- Попадись вы мне - вы бы у меня завыли.

Бормоча эти проклятия с самой безудержной злобой, на какую только способна была его натура. Сайкс опустил раненого мальчика на колено и на секунду повернул голову, чтобы разглядеть своих преследователей.

В темноте и тумане почти ничего нельзя было увидеть, но он слышал громкие крики, и со всех

neighbouring dogs, roused by the sound of the alarm bell, resounded in every direction.

'Stop, you white-livered hound!' cried the robber, shouting after Toby Crackit, who, making the best use of his long legs, was already ahead.

'Stop!'

The repetition of the word, brought Toby to a dead stand-still.

For he was not quite satisfied that he was beyond the range of pistol-shot; and Sikes was in no mood to be played with.

'Bear a hand with the boy,' cried Sikes, beckoning furiously to his confederate.

'Come back!'

Toby made a show of returning; but ventured, in a low voice, broken for want of breath, to intimate considerable reluctance as he came slowly along.

'Quicker!' cried Sikes, laying the boy in a dry ditch at his feet, and drawing a pistol from his pocket.

'Don't play booty with me.'

At this moment the noise grew louder.

Sikes, again looking round, could discern that the men who had given chase were already climbing the gate of the field in which he stood; and that a couple of dogs were some paces in advance of them.

'It's all up, Bill!' cried Toby; 'drop the kid, and show 'em your heels.'

With this parting advice, Mr. Crackit, preferring the chance of being shot by his friend, to the certainty of being taken by his enemies, fairly turned tail, and darted off at full speed.

Sikes clenched his teeth; took one look around; threw over the prostrate form of Oliver, the cape in which he had been hurriedly muffled; ran along the front of the hedge, as if to distract the attention of those behind, from the spot where the

сторон доносился лай собак, разбуженных набатом.

- Стой, трусливая тварь! - крикнул разбойник вслед Тоби Крекиту, который, не щадя своих длинных ног, далеко опередил его.

- Стой!

После второго окрика Тоби Крекит остановился как вкопанный.

Он был не совсем уверен в том, что находится за пределами пистолетного выстрела, а Сайкс пребывал не в таком расположении духа, чтобы с ним шутить.

- Помоги нести мальчика! - крикнул Сайкс, злобно подзывая своего сообщника.

- Вернись!

Тоби сделал вид, будто возвращается, но шел медленно и тихим голосом, прерывавшимся от одышки, осмелился выразить крайнее свое нежелание идти.

- Поторапливайся! - крикнул Сайкс, положив мальчика в сухую канаву у своих ног и вытаскивая из кармана пистолет.

- Меня не проведешь.

В эту минуту шум усилился.

Сайкс, снова оглянувшись, увидел, что гнавшиеся за ним люди уже перелезают через ворота в конце поля, а две собаки опередили их на несколько шагов.

- Все кончено, Билл! - крикнул Тоби. - Брось мальчишку и улепетывай!

Дав на прощание этот совет, мистер Крекит, предпочитая возможность умереть от руки своего друга уверенности в том, что он попадет в руки врагов, пустился наутек и помчался во всю прыть.

Сайкс стиснул зубы, еще раз оглянулся, накрыл распростертого Оливера плащом, в который его второпях завернули, побежал вдоль изгороди, чтобы отвлечь внимание преследователей от того места, где лежал мальчик, на момент

boy lay; paused, for a second, before another hedge which met it at right angles; and whirling his pistol high into the air, cleared it at a bound, and was gone.

'Ho, ho, there!' cried a tremulous voice in the rear.

'Pincher!

Neptune!

Come here, come here!'

The dogs, who, in common with their masters, seemed to have no particular relish for the sport in which they were engaged, readily answered to the command.

Three men, who had by this time advanced some distance into the field, stopped to take counsel together.

'My advice, or, leastways, I should say, my orders, is,' said the fattest man of the party, 'that we 'mediately go home again.'

'I am agreeable to anything which is agreeable to Mr. Giles,' said a shorter man; who was by no means of a slim figure, and who was very pale in the face, and very polite: as frightened men frequently are.

'I shouldn't wish to appear ill-mannered, gentlemen,' said the third, who had called the dogs back,

'Mr. Giles ought to know.'

'Certainly,' replied the shorter man; 'and whatever Mr. Giles says, it isn't our place to contradict him.

No, no, I know my sitiuation!

Thank my stars, I know my sitiuation.'

To tell the truth, the little man did seem to know his situation, and to know perfectly well that it was by no means a desirable one; for his teeth chattered in his head as he spoke.

'You are afraid, Brittles,' said Mr. Giles.

'I an't,' said Brittles.

'You are,' said Giles.

приостановился перед другой изгородью, пересекавшей первую под прямым углом, и, выстрелив из пистолета в воздух, перемахнул через нее и скрылся.

- Хо, хо, сюда! - раздался сзади неуверенный голос.

- Пинчер!

Нептун!

Сюда! Сюда!

Собаки, казалось, испытывали от забавы, которой предавались, не больше удовольствия, чем их хозяева, и с готовностью вернулись на зов.

Трое мужчин, вышедшие к тому времени в поле, остановились и стали совещаться.

- Мой совет, или, пожалуй, следовало бы сказать - мой приказ: немедленно возвращаться домой, - произнес самый толстый из всех трех.

- Мне по вкусу все, что по вкусу мистеру Джайлсу, - сказал другой, пониже ростом, отнюдь не худощавый, но очень бледный и очень вежливый, каким часто бывает струсивший человек.

- Я бы не хотел оказаться невежей, джентльмены, - сказал третий, тот, что отозвал собак.

- Мистеру Джайлсу лучше знать.

- Разумеется, - ответил низкорослый. - И что бы ни сказал мистер Джайлс, не нам ему перечить.

Нет, нет, я свое место знаю.

Слава богу, я свое место знаю.

Сказать по правде, маленький человечек как будто и в самом деле знал свое место, и знал прекрасно, что оно отнюдь не завидно, ибо, когда он говорил, зубы у него стучали.

- Вы боитесь, Бритлс! - сказал мистер Джайлс.

- Я не боюсь, - сказал Бритлс.

- Вы боитесь! - сказал Джайлс.

'You're a falsehood, Mr. Giles,' said Brittles.

'You're a lie, Brittles,' said Mr. Giles.

Now, these four retorts arose from Mr. Giles's taunt; and Mr. Giles's taunt had arisen from his indignation at having the responsibility of going home again, imposed upon himself under cover of a compliment.

The third man brought the dispute to a close, most philosophically.

'I'll tell you what it is, gentlemen,' said he, 'we're all afraid.'

'Speak for yourself, sir,' said Mr. Giles, who was the palest of the party.

'So I do,' replied the man.

'It's natural and proper to be afraid, under such circumstances.

I am.'

'So am I,' said Brittles; 'only there's no call to tell a man he is, so bounceably.'

These frank admissions softened Mr. Giles, who at once owned that he was afraid; upon which, they all three faced about, and ran back again with the completest unanimity, until Mr. Giles (who had the shortest wind of the party, as was encumbered with a pitchfork) most handsomely insisted on stopping, to make an apology for his hastiness of speech.

'But it's wonderful,' said Mr. Giles, when he had explained, 'what a man will do, when his blood is up.

I should have committed murder — I know I should — if we'd caught one of them rascals.'

As the other two were impressed with a similar presentiment; and as their blood, like his, had all gone down again; some speculation ensued upon the cause of this sudden change in their temperament.

'I know what it was,' said Mr. Giles; 'it was the gate.'

- Вы лжец, мистер Джайлс! - сказал Бритлс.

- Вы лгун, Бритлс! - сказал мистер Джайлс.

Эти четыре реплики были вызваны попреком мистера Джайлса, а попрек мистера Джайлса был вызван его негодованием, ибо под видом комплимента на него возложили ответственность за возвращение домой.

Третий мужчина рассудительно положил конец пререканиям.

- Вот что я вам скажу, джентльмены, - заявил он, - мы все боимся.

- Говорите о себе, сэр, - сказал мистер Джайлс, самый бледный из всей компании.

- Я о себе и говорю, - ответил сей джентльмен.

- Бояться при таких обстоятельствах вполне натурально и уместно.

Я боюсь.

- Я тоже, - сказал Бритлс. - Только зачем же так грубо попрекать этим человека!

Эти откровенные признания смягчили мистера Джайлса, который немедленно сознался, что и он боится, после чего все трое повернули назад и бежали с полным единодушием, пока мистер Джайлс (который был обременен вилами и начал задыхаться раньше всех) весьма любезно не предложил остановиться, так как он хочет принести извинение за свои необдуманные слова.

- Но вот что удивительно, - сказал мистер Джайлс, покончив с объяснениями, - чего только не сделает человек, когда кровь у него закипает!

Я мог бы совершить убийство - знаю, что мог бы, если бы мы поймали одного из этих негодяев.

Так как другие двое чувствовали то же самое и так как кровь у них тоже совсем остыла, то они принялись рассуждать о причине этой внезапной перемены в их темпераменте.

- Я знаю причину, - сказал мистер Джайлс. - Ворота!

'I shouldn't wonder if it was,' exclaimed Brittles, catching at the idea.

'You may depend upon it,' said Giles, 'that that gate stopped the flow of the excitement.

I felt all mine suddenly going away, as I was climbing over it.'

By a remarkable coincidence, the other two had been visited with the same unpleasant sensation at that precise moment.

It was quite obvious, therefore, that it was the gate; especially as there was no doubt regarding the time at which the change had taken place, because all three remembered that they had come in sight of the robbers at the instant of its occurrence.

This dialogue was held between the two men who had surprised the burglars, and a travelling tinker who had been sleeping in an outhouse, and who had been roused, together with his two mongrel curs, to join in the pursuit.

Mr. Giles acted in the double capacity of butler and steward to the old lady of the mansion; Brittles was a lad of all-work: who, having entered her service a mere child, was treated as a promising young boy still, though he was something past thirty.

Encouraging each other with such converse as this; but, keeping very close together, notwithstanding, and looking apprehensively round, whenever a fresh gust rattled through the boughs; the three men hurried back to a tree, behind which they had left their lantern, lest its light should inform the thieves in what direction to fire.

Catching up the light, they made the best of their way home, at a good round trot; and long after their dusky forms had ceased to be discernible, the light might have been seen twinkling and dancing in the distance, like some exhalation of the damp and gloomy atmosphere through which it was swiftly borne.

The air grew colder, as day came slowly on; and the mist rolled along the ground like a dense cloud of smoke.

- Я бы не удивился, если б так оно и было! - воскликнул Бритлс, ухватившись за эту мысль.

- Можете не сомневаться, - сказал Джайлс, - это ворота охладили пыл.

Перелезая через них, я почувствовал, как весь мой пыл внезапно улетучился.

По удивительному стечению обстоятельств другие двое испытали такое же неприятное ощущение в тот же самый момент.

Итак, было совершенно очевидно, что всему причиной ворота; к тому же не оставалось никаких сомнений относительно момента, когда наступила перемена, ибо все трое припомнили, что как раз в эту минуту они увидели разбойников.

Этот разговор вели двое мужчин, спугнувшие взломщиков, и спавший в сарае странствующий лудильщик, которого разбудили, чтобы он со своими двумя дворнягами тоже принял участие в погоне.

Мистер Джайлс исполнял обязанности дворецкого и управляющего в доме старой леди; Бритлс был на побегушках; поступив к ней на службу совсем ребенком, он все еще считался многообещающим юнцом, хотя ему уже шел четвертый десяток.

Подбодряя себя такими разговорами, но тем не менее держась поближе друг к другу и пугливо озираясь, когда ветви трещали под порывами ветра, трое мужчин бегом вернулись к дереву, позади которого оставили свой фонарь, чтобы свет его не надоумил грабителей, куда стрелять.

Подхватив фонарь, они бодрой рысцой пустились к дому; и, когда уже нельзя было различить в темноте их фигуры, фонарь долго еще мерцал и плясал вдали, словно какой-то болотный огонек в сыром и нездоровом воздухе.

По мере того как приближался день, становилось все свежее, и туман клубился над землею, подобно густым облакам дыма.

The grass was wet; the pathways, and low places, were all mire and water; the damp breath of an unwholesome wind went languidly by, with a hollow moaning.

Still, Oliver lay motionless and insensible on the spot where Sikes had left him.

Morning drew on apace.

The air become more sharp and piercing, as its first dull hue — the death of night, rather than the birth of day — glimmered faintly in the sky.

The objects which had looked dim and terrible in the darkness, grew more and more defined, and gradually resolved into their familiar shapes.

The rain came down, thick and fast, and pattered noisily among the leafless bushes.

But, Oliver felt it not, as it beat against him; for he still lay stretched, helpless and unconscious, on his bed of clay.

At length, a low cry of pain broke the stillness that prevailed; and uttering it, the boy awoke.

His left arm, rudely bandaged in a shawl, hung heavy and useless at his side; the bandage was saturated with blood.

He was so weak, that he could scarcely raise himself into a sitting posture; when he had done so, he looked feebly round for help, and groaned with pain.

Trembling in every joint, from cold and exhaustion, he made an effort to stand upright; but, shuddering from head to foot, fell prostrate on the ground.

After a short return of the stupor in which he had been so long plunged, Oliver: urged by a creeping sickness at his heart, which seemed to warn him that if he lay there, he must surely die: got upon his feet, and essayed to walk.

His head was dizzy, and he staggered to and fro like a drunken man.

Трава была мокрая, тропинка и низины покрыты жидкой грязью; с глухим воем лениво налетали порывы сырого, тлетворного ветра.

Оливер по-прежнему лежал неподвижный, без чувств, там, где его оставил Сайкс.

Загоралось утро.

Ветер стал более резким и пронизывающим, когда первые тусклые проблески рассвета, - скорее смерть ночи, чем рождение дня, - слабо забрезжили в небе.

Предметы, казавшиеся расплывчатыми и страшными в темноте, постепенно вырисовывались все яснее и яснее и принимали свой обычный вид.

Полил дождь, частый и сильный, и застучал по голым кустам.

Но Оливер не чувствовал, как хлестал его дождь, потому что все еще лежал без сознания, беспомощный, распростертый на своем глинистом ложе.

Наконец, болезненный стон нарушил тишину, и с этим стоном мальчик очнулся.

Левая его рука, кое-как обмотанная шарфом, повисла тяжелая и бессильная; повязка была пропитана кровью.

Он так ослабел, что ему едва удалось приподняться и сесть; усевшись, он с трудом огляделся кругом в надежде на помощь и застонал от боли.

Дрожа всем телом от холода и слабости, он сделал попытку встать, но, содрогнувшись с головы до ног, как подкошенный упал на землю.

Когда он очнулся от короткого обморока, подобного тому, в который он был так долго погружен, Оливер, побуждаемый дурнотой, подползавшей к сердцу и словно предупреждавшей его, что он умрет, если останется здесь лежать, поднялся на ноги и попытался идти.

Голова у него кружилась, и он шатался, как пьяный.

But he kept up, nevertheless, and, with his head drooping languidly on his breast, went stumbling onward, he knew not whither.

And now, hosts of bewildering and confused ideas came crowding on his mind.

He seemed to be still walking between Sikes and Crackit, who were angrily disputing — for the very words they said, sounded in his ears; and when he caught his own attention, as it were, by making some violent effort to save himself from falling, he found that he was talking to them.

Then, he was alone with Sikes, plodding on as on the previous day; and as shadowy people passed them, he felt the robber's grasp upon his wrist.

Suddenly, he started back at the report of firearms; there rose into the air, loud cries and shouts; lights gleamed before his eyes; all was noise and tumult, as some unseen hand bore him hurriedly away.

Through all these rapid visions, there ran an undefined, uneasy consciousness of pain, which wearied and tormented him incessantly.

Thus he staggered on, creeping, almost mechanically, between the bars of gates, or through hedge-gaps as they came in his way, until he reached a road.

Here the rain began to fall so heavily, that it roused him.

He looked about, and saw that at no great distance there was a house, which perhaps he could reach.

Pitying his condition, they might have compassion on him; and if they did not, it would be better, he thought, to die near human beings, than in the lonely open fields.

He summoned up all his strength for one last trial, and bent his faltering steps towards it.

As he drew nearer to this house, a feeling came over him that he had seen it before.

Однако он удержался на ногах и, устало свесив голову на грудь, побрел, спотыкаясь, вперед, сам не зная куда.

И тогда в его сознании возникли какие-то сбивчивые, неясные образы.

Ему чудилось, будто он все еще шагает между Сайксом и Крекитом, которые сердито переругиваются, - даже те слова, какими они обменивались, звучали у него в ушах; а когда он, сделав неимоверное усилие, чтобы не упасть, пришел в себя, то обнаружил, что он сам разговаривал с ними.

Потом он остался один с Сайксом и брел вперед, как накануне; а когда мимо проходили призрачные люди, он чувствовал, как Сайкс сжимает ему руку.

Вдруг он отшатнулся, услышав выстрелы; раздались громкие вопли и крики; перед глазами замелькали огни; вокруг был шум и грохот; чья-то невидимая рука увлекла его прочь.

В то время как быстро сменялись эти видения, его не покидало смутное ощущение какой-то боли, которая не давала ему покоя.

Так плелся он, шатаясь, вперед, пролезал, чуть ли не машинально, между перекладинами ворот и в проломы изгородей, попадавших ему на пути, пока не вышел на дорогу.

Тут начался такой ливень, что мальчик пришел в себя.

Он осмотрелся по сторонам и неподалеку увидел дом, до которого, пожалуй, мог бы добраться.

Быть может, там, видя печальное его состояние, сжалятся над ним, а если и не сжалятся, подумал он, то все-таки лучше умереть близ людей, чем в пустынном открытом поле.

Он собрал все свои силы для этого последнего испытания и нетвердыми шагами направился к дому.

Когда он подошел ближе, ему показалось, что он уже видел его раньше.

He remembered nothing of its details; but the shape and aspect of the building seemed familiar to him.

That garden wall!

On the grass inside, he had fallen on his knees last night, and prayed the two men's mercy.

It was the very house they had attempted to rob.

Oliver felt such fear come over him when he recognised the place, that, for the instant, he forgot the agony of his wound, and thought only of flight.

Flight!

He could scarcely stand: and if he were in full possession of all the best powers of his slight and youthful frame, whither could he fly?

He pushed against the garden-gate; it was unlocked, and swung open on its hinges.

He tottered across the lawn; climbed the steps; knocked faintly at the door; and, his whole strength failing him, sunk down against one of the pillars of the little portico.

It happened that about this time, Mr. Giles, Brittles, and the tinker, were recruiting themselves, after the fatigues and terrors of the night, with tea and sundries, in the kitchen.

Not that it was Mr. Giles's habit to admit to too great familiarity the humbler servants: towards whom it was rather his wont to deport himself with a lofty affability, which, while it gratified, could not fail to remind them of his superior position in society.

But, death, fires, and burglary, make all men equals; so Mr. Giles sat with his legs stretched out before the kitchen fender, leaning his left arm on the table, while, with his right, he illustrated a circumstantial and minute account of the robbery, to which his bearers (but especially the cook and housemaid, who were of the party) listened with breathless interest.

Деталей он не помнил, но дом был ему как будто знаком.

Стена сада!

На траве, за стеной, он упал прошлой ночью на колени и молил тех, двоих, о сострадании.

Это был тот самый дом, который они хотели ограбить.

Узнав его, Оливер так испугался, что на секунду забыл о мучительной ране и думал только о бегстве.

Бежать!

Но он едва держался на ногах, и если бы даже силы не покинули его хрупкого детского тела, куда было ему бежать?

Он толкнул калитку: она была не заперта и распахнулась.

Спотыкаясь, он пересек лужайку, поднялся по ступеням, слабой рукой постучал в дверь, но тут силы ему изменили, и он опустился на ступеньку, прислонившись спиной к одной из колонн маленького портика.

Случилось так, что в это время мистер Джайлс, Бритлс и лудильщик после трудов и ужасов этой ночи подкреплялись в кухне чаем и всякой снедью.

Нельзя сказать, чтобы мистер Джайлс привык терпеть излишнюю фамильярность со стороны простых слуг, по отношению к которым держал себя с величественной приветливостью, каковая была им приятна, но все же не могла не напомнить о его более высоком положении в обществе.

Но смерть, пожар и грабеж делают всех равными; вот почему мистер Джайлс сидел, вытянув ноги перед решеткой очага и облокотившись левой рукой на стол, правой пояснял детальный и обстоятельный рассказ о грабеже, которому его слушатели (в особенности же кухарка и горничная, находившиеся в этой компании) внимали с безграничным интересом.

'It was about half-past two,' said Mr. Giles, 'or I wouldn't swear that it mightn't have been a little nearer three, when I woke up, and, turning round in my bed, as it might be so, (here Mr. Giles turned round in his chair, and pulled the corner of the table-cloth over him to imitate bed-clothes,) I fancied I heerd a noise.'

At this point of the narrative the cook turned pale, and asked the housemaid to shut the door: who asked Brittles, who asked the tinker, who pretended not to hear.

' — Heerd a noise,' continued Mr. Giles.

'I says, at first,

"This is illusion"; and was composing myself off to sleep, when I heerd the noise again, distinct.'

'What sort of a noise?' asked the cook.

'A kind of a busting noise,' replied Mr. Giles, looking round him.

'More like the noise of powdering a iron bar on a nutmeg-grater,' suggested Brittles.

'It was, when you heerd it, sir,' rejoined Mr. Giles; 'but, at this time, it had a busting sound.

I turned down the clothes'; continued Giles, rolling back the table-cloth, 'sat up in bed; and listened.'

The cook and housemaid simultaneously ejaculated

'Lor!' and drew their chairs closer together.

'I heerd it now, quite apparent,' resumed Mr. Giles. "'Somebody," I says, "is forcing of a door, or window; what's to be done?"

I'll call up that poor lad, Brittles, and save him from being murdered in his bed; or his throat," I says, "may be cut from his right ear to his left, without his ever knowing it."

- Было это около половины третьего... - начал мистер Джайлс, - поклясться не могу, быть может около трех... когда я проснулся и повернулся на кровати, скажем, вот так (тут мистер Джайлс повернулся на стуле и натянул на себя край скатерти, долженствующей изображать одеяло), как вдруг мне послышался шум...

Когда рассказчик дошел до этого места в своем повествовании, кухарка побледнела и попросила горничную закрыть дверь; та попросила Бритлса, тот попросил лудильщика, а тот сделал вид, что не слышит.

- ...послышался шум, - продолжал мистер Джайлс.

- Сначала я сказал себе:

"Мне почудилось", - и приготовился уже опять заснуть, как вдруг снова, на этот раз ясно, услышал шум.

- Какой это был шум? - спросила кухарка.

- Как будто что-то затрещало, - ответил мистер Джайлс, посматривая по сторонам.

- Нет, вернее, будто кто-то водил железом по терке для мускатных орехов, - подсказал Бритлс.

- Так оно и было, когда вы, сэр, услышали шум, - возразил мистер Джайлс, - но в ту минуту это был какой-то треск.

Я откинул одеяло, - продолжал Джайлс, отвернув край скатерти, - уселся в постели и прислушался.

Кухарка и горничная в один голос воскликнули:

"Ах, боже мой!" - и ближе придвинулись друг к другу.

- Теперь я совершенно отчетливо слышал шум, - повествовал мистер Джайлс. - "Кто-то, говорю я себе, взламывает дверь или окно. Что делать?"

Разбужу-ка я этого бедного парнишку Бритлса, спасу его, чтобы его не убили в кровати, а не то, говорю я, он и не услышит, как ему перережут горло от правого уха до левого".

Here, all eyes were turned upon Brittles, who fixed his upon the speaker, and stared at him, with his mouth wide open, and his face expressive of the most unmitigated horror.

'I tossed off the clothes,' said Giles, throwing away the table-cloth, and looking very hard at the cook and housemaid, 'got softly out of bed; drew on a pair of — '

'Ladies present, Mr. Giles,' murmured the tinker.

' — Of shoes, sir,' said Giles, turning upon him, and laying great emphasis on the word; 'seized the loaded pistol that always goes upstairs with the plate-basket; and walked on tiptoes to his room.

"Brittles," I says, when I had woke him, "don't be frightened!"

'So you did,' observed Brittles, in a low voice.

""We're dead men, I think, Brittles," I says,' continued Giles; ""but don't be frightened.""

'Was he frightened?' asked the cook.

'Not a bit of it,' replied Mr. Giles.

'He was as firm — ah! pretty near as firm as I was.'

'I should have died at once, I'm sure, if it had been me,' observed the housemaid.

'You're a woman,' retorted Brittles, plucking up a little.

'Brittles is right,' said Mr. Giles, nodding his head, approvingly; 'from a woman, nothing else was to be expected.

We, being men, took a dark lantern that was standing on Brittle's hob, and groped our way downstairs in the pitch dark, — as it might be so.'

Mr. Giles had risen from his seat, and taken two steps with his eyes shut, to accompany his description with appropriate action, when he started violently, in common with the rest of the

Тут все взоры обратились на Бритлса, который воззрился на рассказчика и таращил на него глаза, широко разинув рот и всей своей физиономией выражая беспредельный ужас.

- Я отшвырнул одеяло, - продолжал Джайлс, отбрасывая край скатерти и очень сурово глядя на кухарку и горничную, - потихоньку спустился с кровати, натянул пару...

- Мистер Джайлс, здесь дамы, - прошептал лудильщик.

- ...башмаков, сэр, - сказал Джайлс, поворачиваясь к - нему и особо подчеркивая это слово, - схватил заряженный пистолет, который всегда относят наверх вместе с корзиной со столовым серебром, и на цыпочках вышел к нему в комнату.

"Бритлс, говорю я, разбудив его, не пугайся!.."

- Да, вы это сказали, - тихим голосом вставил Бритлс.

- "Мне кажется, твоя песенка спета, Бритлс, говорю я, - продолжал Джайлс, - но ты не пугайся".

- А он испугался? - спросила кухарка.

- Ничуть, - ответил мистер Джайлс.

- Он был так же тверд... да, почти так же тверд, как и я.

- Право же, будь я на его месте, я бы тут же умерла, - заметила горничная.

- Вы - женщина, - возразил Бритлс, слегка приободрившись.

- Бритлс прав, - сказал мистер Джайлс, одобрительно кивая головой, - ничего другого и ждать нельзя от женщины.

Но мы, мужчины, взяли потайной фонарь, стоявший на камине у Бритлса, и ощупью, в непроглядной тьме, спустились по лестнице - скажем, вот так...

Сопровождая свой рассказ соответствующими жестами, мистер Джайлс встал и сделал два шага с закрытыми глазами, но вдруг сильно вздрогнул, так же как и все остальные, и

company, and hurried back to his chair.

The cook and housemaid screamed.

'It was a knock,' said Mr. Giles, assuming perfect serenity.

'Open the door, somebody.'

Nobody moved.

'It seems a strange sort of a thing, a knock coming at such a time in the morning,' said Mr. Giles, surveying the pale faces which surrounded him, and looking very blank himself; 'but the door must be opened.

Do you hear, somebody?'

Mr. Giles, as he spoke, looked at Brittles; but that young man, being naturally modest, probably considered himself nobody, and so held that the inquiry could not have any application to him; at all events, he tendered no reply.

Mr. Giles directed an appealing glance at the tinker; but he had suddenly fallen asleep.

The women were out of the question.

'If Brittles would rather open the door, in the presence of witnesses,' said Mr. Giles, after a short silence, 'I am ready to make one.'

'So am I,' said the tinker, waking up, as suddenly as he had fallen asleep.

Brittles capitulated on these terms; and the party being somewhat re-assured by the discovery (made on throwing open the shutters) that it was now broad day, took their way upstairs; with the dogs in front.

The two women, who were afraid to stay below, brought up the rear.

By the advice of Mr. Giles, they all talked very loud, to warn any evil-disposed person outside, that they were strong in numbers; and by a master-stroke of policy, originating in the brain of the same ingenious gentleman, the dogs' tails were well pinched, in the hall, to make them bark

бросился назад к своему стулу.

Кухарка и горничная взвизгнули.

- Кто-то постучал, - сказал мистер Джайлс, притворяясь безмятежно спокойным.

- Пусть кто-нибудь откроет дверь.

Никто не шевельнулся.

- Довольно странно - стук в такой ранний час, - сказал мистер Джайлс, окинув взглядом бледные лица окружающих, да и сам он очень побледнел, - но дверь открыть нужно.

Кто-нибудь, слышите?

При этом мистер Джайлс посмотрел на Бриттлса, но сей молодой человек, будучи от природы скромным, должно быть почитал себя никем и, следовательно, полагал, что этот вопрос не имеет к нему ни малейшего отношения: во всяком случае он ничего не ответил.

Мистер Джайлс перевел умоляющий взгляд на лудильщика, но тот внезапно заснул.

О женщинах не могло быть и речи.

- Если Бриттлс согласится отпереть дверь в присутствии свидетелей, - сказал после короткого молчания мистер Джайлс, - я готов быть одним из них.

- Я также, - сказал лудильщик, проснувшись также внезапно, как и заснул.

На этих условиях Бриттлс сдался, и вся компания, слегка успокоенная открытием (сделанным, когда распахнули ставни), что уже совсем рассвело, стала подниматься по лестнице - впереди шли собаки.

Обе женщины, боясь оставаться внизу, замыкали шествие.

По совету мистера Джайлса, все говорили очень громко, предупреждая любого находящегося снаружи злоумышленника, что их очень много; а в прихожей, приводя в исполнение гениальный план, родившийся в голове того же изобретательного джентльмена, собак больно дергали за хвост, чтобы они подняли отчаянный

savagely.

These precautions having been taken, Mr. Giles held on fast by the tinker's arm (to prevent his running away, as he pleasantly said), and gave the word of command to open the door.

Brittles obeyed; the group, peeping timorously over each other's shoulders, beheld no more formidable object than poor little Oliver Twist, speechless and exhausted, who raised his heavy eyes, and mutely solicited their compassion.

'A boy!' exclaimed Mr. Giles, valiantly, pushing the tinker into the background.

'What's the matter with the — eh? — Why — Brittles — look here — don't you know?'

Brittles, who had got behind the door to open it, no sooner saw Oliver, than he uttered a loud cry.

Mr. Giles, seizing the boy by one leg and one arm (fortunately not the broken limb) lugged him straight into the hall, and deposited him at full length on the floor thereof.

'Here he is!' bawled Giles, calling in a state of great excitement, up the staircase; 'here's one of the thieves, ma'am!

Here's a thief, miss!

Wounded, miss!

I shot him, miss; and Brittles held the light.'

' — In a lantern, miss,' cried Brittles, applying one hand to the side of his mouth, so that his voice might travel the better.

The two women-servants ran upstairs to carry the intelligence that Mr. Giles had captured a robber; and the tinker busied himself in endeavouring to restore Oliver, lest he should die before he could be hanged.

In the midst of all this noise and commotion, there was heard a sweet female voice, which quelled it in an instant.

лай.

Когда эти меры предосторожности были приняты, мистер Джайлс крепко уцепился за руку лудильщика (чтобы тот не убежал, как любезно пояснил он) и дал приказ открыть дверь.

Бритлс повиновался; остальные, боязливо выглядывая друг из-за друга, не увидели ничего устрашающего, кроме бедного, маленького Оливера Твиста. От слабости он не мог говорить, только поднял отяжелевшие веки и безмолвно молил о сострадании.

- Мальчик! - воскликнул мистер Джайлс, храбро оттесняя на задний план лудильщика.

- Что с ним такое... а?... Что? Бритлс... Взгляни-ка... Ты узнаешь?

Не успел Бритлс - он отступил за дверь (чтобы открыть ее) - увидеть Оливера, как у него вырвался громкий крик.

Мистер Джайлс, схватив Оливера за ногу и за руку (к счастью, за здоровую руку), втащил его прямо в холл и положил на пол.

- Вот он! - заорал Джайлс, в сильнейшем возбуждении поворачиваясь лицом к лестнице. - Вот один из грабителей, сударыня!

Вот он, грабитель, мисс!

Он ранен, мисс!

Я его подстрелил, а Бритлс мне светил.

- Держал фонарь, мисс! - крикнул Бритлс, приложив руку ко рту так, чтобы голос его звучал громче.

Обе служанки бросились наверх сообщить о том, что мистер Джайлс поймал грабителя, а лудильщик старался привести в чувство Оливера, чтобы тот не умер раньше, чем его можно будет повесить.

Среди этого шума и суматохи послышался нежный женский голос, сразу водворивший тишину.

'Giles!' whispered the voice from the stair-head.

'I'm here, miss,' replied Mr. Giles.

'Don't be frightened, miss; I ain't much injured.

He didn't make a very desperate resistance, miss!

I was soon too many for him.'

'Hush!' replied the young lady; 'you frighten my aunt as much as the thieves did.

Is the poor creature much hurt?'

'Wounded desperate, miss,' replied Giles, with indescribable complacency.

'He looks as if he was a-going, miss,' bawled Brittles, in the same manner as before.

'Wouldn't you like to come and look at him, miss, in case he should?'

'Hush, pray; there's a good man!' rejoined the lady.

'Wait quietly only one instant, while I speak to aunt.'

With a footstep as soft and gentle as the voice, the speaker tripped away.

She soon returned, with the direction that the wounded person was to be carried, carefully, upstairs to Mr. Giles's room; and that Brittles was to saddle the pony and betake himself instantly to Chertsey: from which place, he was to despatch, with all speed, a constable and doctor.

'But won't you take one look at him, first, miss?' asked Mr. Giles, with as much pride as if Oliver were some bird of rare plumage, that he had skilfully brought down.

'Not one little peep, miss?'

'Not now, for the world,' replied the young lady.

'Poor fellow!

Oh! treat him kindly, Giles for my sake!'

- Джайлс! - прошептал голос с верхней площадки лестницы.

- Я здесь, мисс, - отозвался мистер Джайлс.

- Не пугайтесь, мисс, я не очень пострадал.

Он не оказывал отчаянного сопротивления, мисс!

Я быстро с ним справился.

- Тише! - сказала молодая леди. - Вы пугаете мою тетю не меньше, чем напугали ее воры...

Бедняжка, он тяжело ранен?

- Ужасно, мисс! - ответил Джайлс с неопишуемым самодовольством.

- Похоже на то, что он сейчас помрет, мисс, - заорал Бритлс тем же голосом.

- Не угодно ли вам спуститься вниз и поглядеть на него, мисс, на случай если он помрет?

- Будьте добры, пожалуйста, потише! - сказала леди.

- Подождите тихонько одну минутку, пока я переговорю с тетей.

И она вышла из комнаты, - поступь у нее была такая же мягкая, как и голос.

Вскоре она вернулась и отдала распоряжение, чтобы раненого осторожно перенесли наверх, в комнату мистера Джайлса, а Бритлс пусть оседлает пони и немедленно отправляется в Чертей, откуда должен как можно скорее прислать констебля и доктора.

- Не хотите ли взглянуть на него сначала, мисс? - спросил мистер Джайлс с такой гордостью, как будто Оливер был птицей с диковинным оперением, которую он ловко подстрелил.

- Один разочек, мисс?

- Нет, не сейчас, ни за что на свете, - ответила молодая леди.

- Бедняжка!

О Джайлс, обращайтесь с ним ласково, ради меня!

The old servant looked up at the speaker, as she turned away, with a glance as proud and admiring as if she had been his own child.

Then, bending over Oliver, he helped to carry him upstairs, with the care and solicitude of a woman.

CHAPTER XXIX — HAS AN INTRODUCTORY ACCOUNT OF THE INMATES OF THE HOUSE, TO WHICH OLIVER RESORTED

In a handsome room: though its furniture had rather the air of old-fashioned comfort, than of modern elegance: there sat two ladies at a well-spread breakfast-table.

Mr. Giles, dressed with scrupulous care in a full suit of black, was in attendance upon them.

He had taken his station some half-way between the side-board and the breakfast-table; and, with his body drawn up to its full height, his head thrown back, and inclined the merest trifle on one side, his left leg advanced, and his right hand thrust into his waist-coat, while his left hung down by his side, grasping a waiter, looked like one who laboured under a very agreeable sense of his own merits and importance.

Of the two ladies, one was well advanced in years; but the high-backed oaken chair in which she sat, was not more upright than she.

Dressed with the utmost nicety and precision, in a quaint mixture of by-gone costume, with some slight concessions to the prevailing taste, which rather served to point the old style pleasantly than to impair its effect, she sat, in a stately manner, with her hands folded on the table before her.

Her eyes (and age had dimmed but little of their brightness) were attentively upon her young companion.

The younger lady was in the lovely bloom and spring-time of womanhood; at that age, when, if ever angels be for God's good purposes enthroned in mortal forms, they may be, without impiety,

Старый слуга посмотрел на говорившую, когда она повернулась, чтобы уйти, с такой гордостью и восхищением, словно она была его детищем.

Потом, наклонившись к Оливеру, он заботливо и осторожно, как женщина, помог перенести его наверх.

ГЛАВА XXIX — сообщает предварительные сведения об обитателях дома, в котором нашел пристанище Оливер

В уютной комнате, хотя обстановка ее свидетельствовала скорее о старомодном комфорте, чем о современной роскоши, сидели за изысканно сервированным завтраком две леди.

Им прислуживал мистер Джайлс, одетый в благопристойную черную пару.

Он занимал позицию на полпути между буфетом и столом; выпрямившись во весь рост, откинув голову и слегка склонив ее набок, левую ногу выставив вперед, а правую руку заложив за борт жилета, тогда как в опущенной левой руке у него был поднос, он имел вид человека, который с большой приятностью сознает собственные свои заслуги и значение.

Что касается двух леди, то одна была уже пожилой, но держалась так же прямо, как высокая спинка дубового кресла, в котором она сидела.

Одетая очень изысканно и строго в старомодное платье, причудливо допускающее некоторые уступки последней моде, которые не только не вредили общему впечатлению, но скорее изящно подчеркивали старый стиль, она сидела с величественным видом, сложив перед собой руки на столе.

Глаза ее (а годы почти не затуманили их блеска) смотрели пристально на молодую ее собеседницу.

Для младшей леди наступил очаровательный расцвет, весенняя пора женственности - тот возраст, когда, не впадая в кошунство, можно предположить, что в подобные создания вселяются ангелы, если бог, во имя благих

supposed to abide in such as hers.

She was not past seventeen.

Cast in so slight and exquisite a mould; so mild and gentle; so pure and beautiful; that earth seemed not her element, nor its rough creatures her fit companions.

The very intelligence that shone in her deep blue eye, and was stamped upon her noble head, seemed scarcely of her age, or of the world; and yet the changing expression of sweetness and good humour, the thousand lights that played about the face, and left no shadow there; above all, the smile, the cheerful, happy smile, were made for Home, and fireside peace and happiness.

She was busily engaged in the little offices of the table.

Chancing to raise her eyes as the elder lady was regarding her, she playfully put back her hair, which was simply braided on her forehead; and threw into her beaming look, such an expression of affection and artless loveliness, that blessed spirits might have smiled to look upon her.

'And Brittles has been gone upwards of an hour, has he?' asked the old lady, after a pause.

'An hour and twelve minutes, ma'am,' replied Mr. Giles, referring to a silver watch, which he drew forth by a black ribbon.

'He is always slow,' remarked the old lady.

'Brittles always was a slow boy, ma'am,' replied the attendant.

And seeing, by the bye, that Brittles had been a slow boy for upwards of thirty years, there appeared no great probability of his ever being a fast one.

'He gets worse instead of better, I think,' said the elder lady.

'It is very inexcusable in him if he stops to play with any other boys,' said the young lady, smiling.

Mr. Giles was apparently considering the propriety

своих целей, когда-нибудь заключает их в смертную оболочку.

Ей было не больше семнадцати лет.

Облик ее был так хрупок и безупречен, так нежен и кроток, так чист и прекрасен, что казалось, земля - не ее стихия, а грубые земные существа - не подходящие для нее спутники.

Даже ум, светившийся в ее глубоких синих глазах и запечатленный на благородном челе, казалось, не соответствовал ни возрасту ее, ни этому миру; но мягкость и добросердечие, тысячи отблесков света, озарявших ее лицо и не оставлявших на нем тени, а главное, улыбка, прелестная, радостная улыбка, были созданы для семьи, для мира и счастья у домашнего очага.

Она усердно хозяйничала за столом.

Случайно подняв глаза в ту минуту, когда старая леди смотрела на нее, она весело откинула со лба волосы, скромно причесанные, и ее сияющий взор выразил столько любви и подлинной нежности, что духи небесные улыбнулись бы, на нее глядя.

- Уже больше часу прошло, как уехал Бритлс, не правда ли? - помолчав, спросила старая леди.

- Час двадцать минут, сударыня, - ответил мистер Джайлс, справившись по часам, которые вытащил за черную ленту.

- Он всегда медлит, - сказала старая леди.

- Бритлс всегда был медлительным парнишкой, сударыня, - отозвался слуга.

Кстати, если принять во внимание, что Бритлс был неповоротливым парнишкой вот уже тридцать лет, казалось маловероятным, чтобы он когда-нибудь сделался проворным.

- Мне кажется, что он становится не лучше, а хуже, - заметила пожилая леди.

- Совершенно непростительно, если он мешкает, играя с другими мальчиками, - улыбаясь, сказала молодая леди.

Мистер Джайлс, по-видимому, раздумывал, уместно ли ему позволить себе почтительную

of indulging in a respectful smile himself, when a gig drove up to the garden-gate: out of which there jumped a fat gentleman, who ran straight up to the door: and who, getting quickly into the house by some mysterious process, burst into the room, and nearly overturned Mr. Giles and the breakfast-table together.

'I never heard of such a thing!' exclaimed the fat gentleman.

'My dear Mrs. Maylie — bless my soul — in the silence of the night, too — I never heard of such a thing!'

With these expressions of condolence, the fat gentleman shook hands with both ladies, and drawing up a chair, inquired how they found themselves.

'You ought to be dead; positively dead with the fright,' said the fat gentleman.

'Why didn't you send?

Bless me, my man should have come in a minute; and so would I; and my assistant would have been delighted; or anybody, I'm sure, under such circumstances.

Dear, dear!

So unexpected!

In the silence of the night, too!'

The doctor seemed expecially troubled by the fact of the robbery having been unexpected, and attempted in the night-time; as if it were the established custom of gentlemen in the housebreaking way to transact business at noon, and to make an appointment, by post, a day or two previous.

'And you, Miss Rose,' said the doctor, turning to the young lady, 'I — '

'Oh! very much so, indeed,' said Rose, interrupting him; 'but there is a poor creature upstairs, whom aunt wishes you to see.'

'Ah! to be sure,' replied the doctor, 'so there is.

That was your handiwork, Giles, I understand.'

улыбку, но в эту минуту к калитке сада подъехала двуколка, откуда выпрыгнул толстый джентльмен, который побежал прямо к двери и, каким-то таинственным способом мгновенно проникнув в дом, ворвался в комнату и чуть не опрокинул и мистера Джайлса и стол, накрытый для завтрака.

- Никогда еще я не слыхивал о такой штуке! - воскликнул толстый джентльмен.

- Дорогая моя миссис Мэйли... ах, боже мой!.. и вдобавок под покровом ночи... никогда еще я не слыхивал о такой штуке!

Выразив таким образом свое соболезнование, толстый джентльмен пожал руку обеим леди и, придвинув стул, осведомился, как они себя чувствуют.

- Вы могли умереть, буквально умереть от испуга, - сказал толстый джентльмен.

- Почему вы не послали за мной?

Честное слово, мой слуга явился бы через минуту, а также и я, да и мой помощник рад был бы помочь, как и всякий при таких обстоятельствах.

Боже мой, боже мой!

Так неожиданно!

И вдобавок под покровом ночи.

Казалось, доктор был особенно встревожен тем, что попытка ограбления была предпринята неожиданно и в ночную пору, словно у джентльменов-взломщиков установился обычай обделывать свои дела в полдень и предупреждать по почте за день - за два.

- А вы, мисс Роз, - сказал доктор, обращаясь к молодой леди, - я...

- Да, конечно, - перебила его Роз, - но тетя хочет, чтобы вы осмотрели этого беднягу, который лежит наверху.

- Да, да, разумеется, - ответил доктор. - Совершенно верно!

Насколько я понял, это ваших рук дело,

Mr. Giles, who had been feverishly putting the tea-cups to rights, blushed very red, and said that he had had that honour.

'Honour, eh?' said the doctor; 'well, I don't know; perhaps it's as honourable to hit a thief in a back kitchen, as to hit your man at twelve paces.

Fancy that he fired in the air, and you've fought a duel, Giles.'

Mr. Giles, who thought this light treatment of the matter an unjust attempt at diminishing his glory, answered respectfully, that it was not for the like of him to judge about that; but he rather thought it was no joke to the opposite party.

'Gad, that's true!' said the doctor.

'Where is he?

Show me the way.

I'll look in again, as I come down, Mrs. Maylie.

That's the little window that he got in at, eh?

Well, I couldn't have believed it!'

Talking all the way, he followed Mr. Giles upstairs; and while he is going upstairs, the reader may be informed, that Mr. Losberne, a surgeon in the neighbourhood, known through a circuit of ten miles round as 'the doctor,' had grown fat, more from good-humour than from good living: and was as kind and hearty, and withal as eccentric an old bachelor, as will be found in five times that space, by any explorer alive.

The doctor was absent, much longer than either he or the ladies had anticipated.

A large flat box was fetched out of the gig; and a bedroom bell was rung very often; and the servants ran up and down stairs perpetually; from which tokens it was justly concluded that something important was going on above.

Джайлс.

Мистер Джайлс, лихорадочно убиравший чашки, густо покраснел и сказал, что эта честь принадлежит ему.

- Честь, а? - переспросил доктор. - Ну, не знаю, быть может, подстрелить вора в кухне так же почетно, как и застрелить человека на расстоянии двенадцати шагов.

Вообразите, что он выстрелил в воздух, а вы дрались на дуэли, Джайлс.

Мистер Джайлс, считавший такое легкомысленное отношение к делу несправедливой попыткой умалить его славу, почтительно отвечал, что не ему судить об этом, однако, по его мнению, противной стороне было не до шуток.

- Да, правда! - воскликнул доктор.

- Где он?

Проводите меня.

Я еще загляну сюда, когда спущусь вниз, миссис Мэйли.

Это то самое оконце, в которое он влез, да?

Ну, ни за что бы я этому не поверил!

Болтая без умолку, он последовал за мистером Джайлсом наверх. А пока он поднимается по лестнице, можно поведать читателю, что мистер Лосберн, местный лекарь, которого знали на десять миль вокруг просто как "доктора", растолстел скорее от добродушия, чем от хорошей жизни, и был таким милым, сердечным и к тому же чудаковатым старым холостяком, какого ни один исследователь не сыскал бы в округе и в пять раз большей.

Доктор отсутствовал гораздо дольше, чем предполагал он сам и обе леди.

Из двуколки принесли большой плоский ящик; в спальне очень часто звонили в колокольчик, а слуги все время сновали вверх и вниз по лестнице; на основании этих признаков было сделано справедливое заключение, что наверху происходит нечто очень серьезное.

Наконец, доктор вернулся и в ответ на

At length he returned; and in reply to an anxious inquiry after his patient; looked very mysterious, and closed the door, carefully.

'This is a very extraordinary thing, Mrs. Maylie,' said the doctor, standing with his back to the door, as if to keep it shut.

'He is not in danger, I hope?' said the old lady.

'Why, that would not be an extraordinary thing, under the circumstances,' replied the doctor; 'though I don't think he is.

Have you seen the thief?'

'No,' rejoined the old lady.

'Nor heard anything about him?'

'No.'

'I beg your pardon, ma'am, interposed Mr. Giles; 'but I was going to tell you about him when Doctor Losberne came in.'

The fact was, that Mr. Giles had not, at first, been able to bring his mind to the avowal, that he had only shot a boy.

Such commendations had been bestowed upon his bravery, that he could not, for the life of him, help postponing the explanation for a few delicious minutes; during which he had flourished, in the very zenith of a brief reputation for undaunted courage.

'Rose wished to see the man,' said Mrs. Maylie, 'but I wouldn't hear of it.'

'Humph!' rejoined the doctor.

'There is nothing very alarming in his appearance.

Have you any objection to see him in my presence?'

'If it be necessary,' replied the old lady, 'certainly not.'

тревожный вопрос о своем пациенте принял весьма таинственный вид и старательно притворил дверь.

- Это из ряда вон выходящий случай, миссис Мэйли, - сказал доктор, прислонившись спиной к двери, словно для того, чтобы ее не могли открыть.

- Неужели он в опасности? - спросила старая леди.

- Принимая во внимание все обстоятельства, в этом не было бы ничего из ряда вон выходящего, - ответил доктор, - впрочем, полагаю, что опасности нет.

Вы видели этого вора?

- Нет, - ответила старая леди.

- И ничего о нем не слышали?

- Ничего.

- Прошу прощения, сударыня, - вмешался мистер Джайлс, - я как раз собирался рассказать вам о нем, когда вошел доктор Лосберн.

Дело в том, что сначала мистер Джайлс не в силах был признаться, что подстрелил он всего-навсего мальчика.

Таких похвал удостоилась его доблесть, что он решительно не мог не отложить объяснения хотя бы на несколько восхитительных минут, в течение коих пребывал на самой вершине мимолетной славы, которую стяжал непоколебимым мужеством.

- Роз не прочь была посмотреть на него, - сказала миссис Мэйли, - но я и слышать об этом не хотела.

- Гм! - отозвался доктор.

- На вид он совсем не страшный.

Вы не возражаете против того, чтобы взглянуть на него в моем присутствии?

- Конечно, если это необходимо, - ответила старая леди.

- Я считаю это необходимым, - сказал доктор. -

'Then I think it is necessary,' said the doctor; 'at all events, I am quite sure that you would deeply regret not having done so, if you postponed it.'

He is perfectly quiet and comfortable now.

Allow me — Miss Rose, will you permit me?

Not the slightest fear, I pledge you my honour!'

CHAPTER XXX — RELATES WHAT OLIVER'S NEW VISITORS THOUGHT OF HIM

With many loquacious assurances that they would be agreeably surprised in the aspect of the criminal, the doctor drew the young lady's arm through one of his; and offering his disengaged hand to Mrs. Maylie, led them, with much ceremony and stateliness, upstairs.

'Now,' said the doctor, in a whisper, as he softly turned the handle of a bedroom-door, 'let us hear what you think of him.'

He has not been shaved very recently, but he don't look at all ferocious notwithstanding.

Stop, though!

Let me first see that he is in visiting order.'

Stepping before them, he looked into the room.

Motioning them to advance, he closed the door when they had entered; and gently drew back the curtains of the bed.

Upon it, in lieu of the dogged, black-visaged ruffian they had expected to behold, there lay a mere child: worn with pain and exhaustion, and sunk into a deep sleep.

His wounded arm, bound and splintered up, was crossed upon his breast; his head reclined upon the other arm, which was half hidden by his long hair, as it streamed over the pillow.

The honest gentleman held the curtain in his hand, and looked on, for a minute or so, in silence.

Whilst he was watching the patient thus, the

Во всяком случае, я совершенно уверен, что вы очень пожалеете, если будете откладывать и не сделаете этого.

Сейчас он лежит тихо и спокойно.

Разрешите мне... мисс Роз, вы позволите?

Клянусь честью, нет никаких оснований бояться!

ГЛАВА XXX — повествует о том, что подумали об Оливере новые лица, посетившие его

Твердя о том, что они будут приятно изумлены видом преступника, доктор продел руку молодой леди под свою и, предложив другую, свободную руку миссис Мэйли, повел их церемонно и торжественно наверх.

- А теперь, - прошептал доктор, тихонько поворачивая ручку двери в спальню, - послушаем, что вы о нем скажете.

Он давненько не брился, но тем не менее вид у него совсем не свирепый.

А впрочем, постойте!

Сначала я посмотрю, готов ли он к приему гостей.

Опередив их, он заглянул в комнату.

Потом, дав знак следовать за ним, впустил их, закрыл за ними дверь и осторожно откинул полог кровати.

На ней вместо закоснелого, мрачного злодея, которого ожидали они увидеть, лежал худой, измученный болью ребенок, погруженный в глубокий сон.

Раненая его рука в лубке лежала на груди; голова покоилась на другой руке, полускрытой длинными волосами, разметающимися по подушке.

Достойный джентльмен придерживал полог рукой и с минуту смотрел на мальчика молча.

Пока он наблюдал пациента, молодая леди

younger lady glided softly past, and seating herself in a chair by the bedside, gathered Oliver's hair from his face.

As she stooped over him, her tears fell upon his forehead.

The boy stirred, and smiled in his sleep, as though these marks of pity and compassion had awakened some pleasant dream of a love and affection he had never known.

Thus, a strain of gentle music, or the rippling of water in a silent place, or the odour of a flower, or the mention of a familiar word, will sometimes call up sudden dim remembrances of scenes that never were, in this life; which vanish like a breath; which some brief memory of a happier existence, long gone by, would seem to have awakened; which no voluntary exertion of the mind can ever recall.

'What can this mean?' exclaimed the elder lady.

'This poor child can never have been the pupil of robbers!'

'Vice,' said the surgeon, replacing the curtain, 'takes up her abode in many temples; and who can say that a fair outside shell not enshrine her?'

'But at so early an age!' urged Rose.

'My dear young lady,' rejoined the surgeon, mournfully shaking his head; 'crime, like death, is not confined to the old and withered alone.

The youngest and fairest are too often its chosen victims.'

'But, can you — oh! can you really believe that this delicate boy has been the voluntary associate of the worst outcasts of society?' said Rose.

The surgeon shook his head, in a manner which intimated that he feared it was very possible; and observing that they might disturb the patient, led the way into an adjoining apartment.

'But even if he has been wicked,' pursued Rose,

тихонько проскользнула мимо него и, опустившись на стул у кровати, откинула волосы с лица Оливера.

Когда она наклонилась к нему, ее слезы упали ему на лоб.

Мальчик зашевелился и улыбнулся во сне, словно эти знаки жалости и сострадания пробудили какую-то приятную мечту о любви и ласке, которых он никогда не знал.

Так же точно нежная мелодия, журчание воды в тишине, запах цветка или знакомое слово иной раз внезапно вызывают смутное воспоминание о том, чего никогда не было в этой жизни, - воспоминание, которое исчезает, как вздох, которое пробуждено какой-то мимолетной мыслью о более счастливом существовании, давно минувшем, - воспоминание, которое нельзя вызвать, сознательным напряжением памяти.

- Что же это значит? - воскликнула пожилая леди.

- Этот бедный ребенок не мог быть подручным грабителей.

- Порок находит себе пристанище во многих храмах, - со вздохом сказал врач, опуская полог, - и кто может сказать, что ему не служит обителью прекрасная оболочка?

- Но в таком юном возрасте? - возразила Роз.

- Милая моя молодая леди, - произнес врач, горестно покачивая головой, - преступление, как и смерть, простирает свою власть не только на старых и дряхлых.

Самые юные и прекрасные слишком часто бывают повинны в нем.

- Но неужели... о, неужели вы можете допустить, что этот хрупкий мальчик был добровольным сообщником самых отвратительных отщепенцев? - сказала Роз.

Доктор покачал головой, давая понять, что это весьма возможно; предупредив, чтоб они не потревожили больного, он повел их в соседнюю комнату.

- Но даже если он развращен, - продолжала Роз,

'think how young he is; think that he may never have known a mother's love, or the comfort of a home; that ill-usage and blows, or the want of bread, may have driven him to herd with men who have forced him to guilt.

Aunt, dear aunt, for mercy's sake, think of this, before you let them drag this sick child to a prison, which in any case must be the grave of all his chances of amendment.

Oh! as you love me, and know that I have never felt the want of parents in your goodness and affection, but that I might have done so, and might have been equally helpless and unprotected with this poor child, have pity upon him before it is too late!'

'My dear love,' said the elder lady, as she folded the weeping girl to her bosom, 'do you think I would harm a hair of his head?'

'Oh, no!' replied Rose, eagerly.

'No, surely,' said the old lady; 'my days are drawing to their close: and may mercy be shown to me as I show it to others!'

What can I do to save him, sir?'

'Let me think, ma'am,' said the doctor; 'let me think.'

Mr. Losberne thrust his hands into his pockets, and took several turns up and down the room; often stopping, and balancing himself on his toes, and frowning frightfully.

After various exclamations of 'I've got it now' and 'no, I haven't,' and as many renewals of the walking and frowning, he at length made a dead halt, and spoke as follows:

'I think if you give me a full and unlimited commission to bully Giles, and that little boy, Brittles, I can manage it.

Giles is a faithful fellow and an old servant, I

- подумайте, как он молод. Подумайте, что, быть может, он никогда не знал ни материнской любви, ни домашнего уюта. Может быть, дурное обращение, побои или голод заставили его сойтись с людьми, которые принудили его пойти на преступление...

Тетя, милая тетя, ради бога, подумайте об этом, прежде чем позволите бросить этого больного ребенка в тюрьму, где, конечно, будет погребена последняя надежда на его исправление!

О, вы меня любите, вы знаете, что благодаря вашей ласке и доброте я никогда не чувствовала своего сиротства, но я могла бы его почувствовать, могла быть такой же беспомощной и беззащитной, как это бедное дитя! Так сжальтесь же над ним, пока еще не поздно!

- Дорогая моя, - сказала пожилая леди, прижимая к груди плачущую девушку, - неужели ты думаешь, что я трону хоть один волосок на его голове?

- О нет! - с жаром воскликнула Роз.

- Конечно, нет, - подтвердила старая леди. - Жизнь моя клонится к закату, и я в надежде на милосердие ко мне стараюсь быть милосердной к людям...

Что мне делать, чтобы спасти его, сэр?

- Дайте подумать, сударыня, - сказал доктор, - дайте подумать...

Мистер Лосберн засунул руки в карманы и несколько раз прошелся взад и вперед по комнате, часто останавливаясь, приподнимаясь на цыпочки и грозно хмурясь.

Многократно восклицая: "придумал!" и "нет, нет!" - он снова принимался ходить с нахмуренными бровями и, наконец, остановился и произнес:

- Мне кажется, если вы мне позволите как следует припугнуть Джайлса и мальчугана Бриттлса, я с этим делом справлюсь.

Знаю, что Джайлс - преданный человек и

know; but you can make it up to him in a thousand ways, and reward him for being such a good shot besides.

You don't object to that?'

'Unless there is some other way of preserving the child,' replied Mrs. Maylie.

'There is no other,' said the doctor.

'No other, take my word for it.'

'Then my aunt invests you with full power,' said Rose, smiling through her tears; 'but pray don't be harder upon the poor fellows than is indispensably necessary.'

'You seem to think,' retorted the doctor, 'that everybody is disposed to be hard-hearted to-day, except yourself, Miss Rose.'

I only hope, for the sake of the rising male sex generally, that you may be found in as vulnerable and soft-hearted a mood by the first eligible young fellow who appeals to your compassion; and I wish I were a young fellow, that I might avail myself, on the spot, of such a favourable opportunity for doing so, as the present.'

'You are as great a boy as poor Brittles himself,' returned Rose, blushing.

'Well,' said the doctor, laughing heartily, 'that is no very difficult matter.'

But to return to this boy.

The great point of our agreement is yet to come.

He will wake in an hour or so, I dare say; and although I have told that thick-headed constable-fellow downstairs that he musn't be moved or spoken to, on peril of his life, I think we may converse with him without danger.

Now I make this stipulation — that I shall examine him in your presence, and that, if, from what he says, we judge, and I can show to the satisfaction of your cool reason, that he is a real and thorough bad one (which is more than possible), he shall be left to his fate, without any farther interference on

старый слуга, но у вас есть тысяча способов поладить с ним и вдобавок наградить за меткую стрельбу.

Вы против этого не возражаете?

- Если нет другого способа спасти ребенка, - ответила миссис Мэйли.

- Никакого другого способа нет, - сказал доктор.

- Никакого! Можете поверить мне на слово.

- В таком случае тетя облакает вас неограниченной властью, - улыбаясь сквозь слезы, сказала Роз. - Но, прошу вас, не будьте с этими бедняками строже, чем это необходимо.

- Вы как будто считаете, мисс Роз, - возразил доктор, - что сегодня все, кроме вас, склонны к жестокосердию.

Могу лишь надеяться, ради блага подрастающих представителей мужского пола, что первый же достойный юноша, который будет взывать к вашему состраданию, найдет вас в таком же чувствительном и мягкосердечном расположении духа. И хотел бы я быть юношей, чтобы тут же воспользоваться таким благоприятным случаем, какой представляется сегодня.

- Вы такой же взрослый ребенок, как и бедняга Бритлс, - зардевшись, сказала Роз.

- Ну что же, - от души рассмеялся доктор, - это не так уж трудно.

Но вернемся к мальчику.

Нам еще предстоит обсудить основной пункт нашего соглашения.

Полагаю, он проснется через час. И хотя я сказал этому тупоголовому констеблю там, внизу, что мальчика нельзя беспокоить и нельзя разговаривать с ним без риска для его жизни, я думаю, мы можем с ним побеседовать, не подвергая его опасности.

Я ставлю такое условие: я его спрошу в вашем присутствии, и, если на основании его слов мы заключим, к полному удовлетворению трезвых умов, что он окончательно испорчен (а это более чем вероятно), мальчик будет предоставлен своей судьбе, - я, во всяком

my part, at all events.'

'Oh no, aunt!' entreated Rose.

'Oh yes, aunt!' said the doctor.

'Is is a bargain?'

'He cannot be hardened in vice,' said Rose;

'It is impossible.'

'Very good,' retorted the doctor; 'then so much the more reason for acceding to my proposition.'

Finally the treaty was entered into; and the parties thereunto sat down to wait, with some impatience, until Oliver should awake.

The patience of the two ladies was destined to undergo a longer trial than Mr. Losberne had led them to expect; for hour after hour passed on, and still Oliver slumbered heavily.

It was evening, indeed, before the kind-hearted doctor brought them the intelligence, that he was at length sufficiently restored to be spoken to.

The boy was very ill, he said, and weak from the loss of blood; but his mind was so troubled with anxiety to disclose something, that he deemed it better to give him the opportunity, than to insist upon his remaining quiet until next morning: which he should otherwise have done.

The conference was a long one.

Oliver told them all his simple history, and was often compelled to stop, by pain and want of strength.

It was a solemn thing, to hear, in the darkened room, the feeble voice of the sick child recounting a weary catalogue of evils and calamities which hard men had brought upon him.

Oh! if when we oppress and grind our fellow-creatures, we bestowed but one thought on the dark evidences of human error, which, like dense and heavy clouds, are rising, slowly it is true, but not less surely, to Heaven, to pour their after-vengeance on our heads; if we heard but one instant, in imagination, the deep testimony of dead

случае, больше вмешиваться не стану.

- О нет, тетя! - взмолилась Роз.

- О да, тетя! - перебил доктор.

- Решено?

- Он не может быть закоснелым негодяем! - сказала Роз.

- Это немыслимо.

- Прекрасно! - заявил доктор. - Значит, тем больше оснований принять мое предложение.

В конце концов договор был заключен, и обе стороны с некоторым нетерпением стали ждать, когда проснется Оливер.

Терпению обеих леди предстояло более длительное испытание, чем предсказал им мистер Лосберн, ибо час проходил за часом, а Оливер все еще спал тяжелым сном.

Был уже вечер, когда сердобольный доктор принес им весть, что Оливер достаточно оправился, чтобы можно было с ним говорить.

Мальчик, по словам доктора, был очень болен и ослабел от потери крови, но ему так мучительно хотелось о чем-то сообщить, что доктор предпочел дать ему эту возможность и не настаивал, чтобы его не беспокоили до утра; иначе он не преминул бы настоять на этом.

Долго тянулась беседа.

Несложную историю своей жизни Оливер рассказал им со всеми подробностями, а боль и упадок сил часто заставляли его умолкать.

Печально звучал в затемненной комнате слабый голос больного ребенка, развертывавшего длинный список обид и бед, навлеченных на него жестокими людьми.

О, если бы мы, угнетая и притесняя своих ближних, задумались хоть однажды над ужасными уликами человеческих заблуждений, - уликами, которые, подобно густым и тяжелым облакам, поднимаются медленно, но неуклонно к небу, чтобы обрушить отмщение на наши головы! О, если бы мы хоть на миг услышали в воображении своем глухие, обличающие голоса

men's voices, which no power can stifle, and no pride shut out; where would be the injury and injustice, the suffering, misery, cruelty, and wrong, that each day's life brings with it!

Oliver's pillow was smoothed by gentle hands that night; and loveliness and virtue watched him as he slept.

He felt calm and happy, and could have died without a murmur.

The momentous interview was no sooner concluded, and Oliver composed to rest again, than the doctor, after wiping his eyes, and condemning them for being weak all at once, betook himself downstairs to open upon Mr. Giles.

And finding nobody about the parlours, it occurred to him, that he could perhaps originate the proceedings with better effect in the kitchen; so into the kitchen he went.

There were assembled, in that lower house of the domestic parliament, the women-servants, Mr. Brittles, Mr. Giles, the tinker (who had received a special invitation to regale himself for the remainder of the day, in consideration of his services), and the constable.

The latter gentleman had a large staff, a large head, large features, and large half-boots; and he looked as if he had been taking a proportionate allowance of ale — as indeed he had.

The adventures of the previous night were still under discussion; for Mr. Giles was expatiating upon his presence of mind, when the doctor entered; Mr. Brittles, with a mug of ale in his hand, was corroborating everything, before his superior said it.

'Sit still!' said the doctor, waving his hand.

'Thank you, sir, said Mr. Giles.

'Misses wished some ale to be given out, sir; and

мертвецов, которые никакая сила не может заглушить и никакая гордыня не заставит молчать! Что осталось бы тогда от оскорблений и несправедливости, от страданий, нищеты, жестокости и обид, какие приносит каждый день жизни!

В тот вечер подушку Оливера оправили ласковые руки, и красота и добродетель бодрствовали над ним, пока он спал.

Он был спокоен и счастлив и мог бы умереть безропотно.

Как только закончилась знаменательная беседа и Оливер снова начал засыпать, доктор, вытерев глаза и в то же время попрекнув их за слабость, спустился вниз, чтобы открыть действия против мистера Джайлса.

Не найдя никого в парадных комнатах, он подумал, что, может быть, достигнет больших успехов, если начнет кампанию в кухне; итак, он отправился в кухню.

Здесь, в нижней палате домашнего парламента, собрались служанки, мистер Бриттлс, мистер Джайлс, лудильщик (который, в награду за оказанные услуги, получил специальное приглашение угощаться до конца дня) и констебль.

У сего последнего джентльмена был большой жезл, большая голова, крупные черты лица и огромные башмаки, и он имел вид человека, который выпивает соответствующее количество эля, как оно и было в действительности.

Предметом обсуждения все еще служили приключения прошлой ночи, ибо, когда доктор вошел, мистер Джайлс разглагольствовал о своем присутствии духа; мистер Бриттлс с кружкой эля в руке подтверждал каждое слово, прежде чем его успевал выговорить его начальник.

- Не вставайте, - сказал доктор, махнув им рукой.

- Благодарю вас, сэр, - отозвался мистер Джайлс.

- Хозяйка распорядилась выдать нам эля, сэр, а

as I felt no ways inclined for my own little room, sir, and was disposed for company, I am taking mine among 'em here.'

Brittles headed a low murmur, by which the ladies and gentlemen generally were understood to express the gratification they derived from Mr. Giles's condescension.

Mr. Giles looked round with a patronising air, as much as to say that so long as they behaved properly, he would never desert them.

'How is the patient to-night, sir?' asked Giles.

'So-so'; returned the doctor.

'I am afraid you have got yourself into a scrape there, Mr. Giles.'

'I hope you don't mean to say, sir,' said Mr. Giles, trembling, 'that he's going to die.'

If I thought it, I should never be happy again.

I wouldn't cut a boy off: no, not even Brittles here; not for all the plate in the county, sir.'

'That's not the point,' said the doctor, mysteriously.

'Mr. Giles, are you a Protestant?'

'Yes, sir, I hope so,' faltered Mr. Giles, who had turned very pale.

'And what are you, boy?' said the doctor, turning sharply upon Brittles.

'Lord bless me, sir!' replied Brittles, starting violently;

'I'm the same as Mr. Giles, sir.'

'Then tell me this,' said the doctor, 'both of you, both of you! Are you going to take upon yourselves to swear, that that boy upstairs is the boy that was put through the little window last night?'

так как я не чувствовал ни малейшего расположения идти к себе в комнату, сэр, и хотел побыть в компании, то вот и распиваю здесь с ними.

Бритлс первый, а за ним все леди и джентльмены тихим шепотом выразили то удовлетворение, какое им доставила снисходительность мистера Джайлса.

Мистер Джайлс с покровительственным видом осмотрелся вокруг, как бы говоря, что пока они будут держать себя пристойно, он их не покинет.

- Как себя чувствует сейчас больной, сэр? - спросил Джайлс.

- Неважно, - ответил доктор.

- Боюсь, что вы попали в затруднительное положение, мистер Джайлс.

- Надеюсь, сэр, - задрожав, начал мистер Джайлс, - вы не хотите этим сказать, что он умрет?

Если бы я так думал, я бы навсегда потерял покой.

Ни одного мальчика я бы не согласился погубить - даже вот этого Бритлса, - не согласился бы за все столовое серебро в графстве, сэр.

- Не в этом дело... - таинственно сказал доктор.

- Мистер Джайлс, вы протестант?

- Да, сэр, надеюсь, - заикаясь, проговорил мистер Джайлс.

- А вы кто, молодой человек? - спросил доктор, резко поворачиваясь к Бритлсу.

- Господи помилуй, сэр, - вздрогнув, сказал Бритлс.

- Я... я то же самое, что и мистер Джайлс, сэр.

- В таком случае, - продолжал доктор, - отвечайте вы оба, да, оба: готовы ли вы показать под присягой, что этот мальчик, там наверху, - тот самый, которого просунули прошлой ночью в окошко?

Out with it!

Come!

We are prepared for you!'

The doctor, who was universally considered one of the best-tempered creatures on earth, made this demand in such a dreadful tone of anger, that Giles and Brittles, who were considerably muddled by ale and excitement, stared at each other in a state of stupefaction.

'Pay attention to the reply, constable, will you?' said the doctor, shaking his forefinger with great solemnity of manner, and tapping the bridge of his nose with it, to bespeak the exercise of that worthy's utmost acuteness.

'Something may come of this before long.'

The constable looked as wise as he could, and took up his staff of office: which had been reclining indolently in the chimney-corner.

'It's a simple question of identity, you will observe,' said the doctor.

'That's what it is, sir,' replied the constable, coughing with great violence; for he had finished his ale in a hurry, and some of it had gone the wrong way.

'Here's the house broken into,' said the doctor, 'and a couple of men catch one moment's glimpse of a boy, in the midst of gunpowder smoke, and in all the distraction of alarm and darkness.

Here's a boy comes to that very same house, next morning, and because he happens to have his arm tied up, these men lay violent hands upon him — by doing which, they place his life in great danger — and swear he is the thief.

Now, the question is, whether these men are justified by the fact; if not, in what situation do they place themselves?'

The constable nodded profoundly.

He said, if that wasn't law, he would be glad to know what was.

'I ask you again,' thundered the doctor, 'are you,

Отвечайте!

Ну?

Мы вас слушаем.

Доктор, которого все считали одним из благодушнейших людей в мире, задал этот вопрос таким разгневанным тоном, что Джайлс и Бриттлс, в достаточной мере возбужденные и одурманенные элем, остолбенев, посмотрели друг на друга.

- Слушайте внимательно, констебль, - сказал доктор, весьма торжественно погрозив указательным пальцем и постучав им по переносице, чтобы вызвать к жизни всю проницательность сего достойного человека.

- Сейчас кое-что должно обнаружиться.

Констебль принял самый глубокомысленный вид, какой только мог, и взял свой служебный жезл, который стоял без дела в углу у камина.

- Как видите, это вопрос об установлении личности, - сказал доктор.

- Совершенно верно, сэр, - ответил констебль, жестоко закашлявшись, так как с излишней поспешностью допил свой эль, который и попал ему не в то горло.

- В дом вламываются воры, - продолжал - доктор, - и два человека видят мельком в темноте, в самый разгар тревоги и сквозь пороховой дым какого-то мальчика.

Наутро к этому самому дому подходит мальчик, и только потому, что рука у него завязана, эти люди грубо хватают его - чем подвергают серьезной опасности его жизнь - и клянутся, что он вор.

Возникает вопрос: оправдано ли поведение этих людей, а если не оправдано, то в какое же положение они себя ставят?

Констебль глубокомысленно кивнул головой.

Он сказал, что если это не законный поступок, то хотелось бы ему знать, что же это такое?

- Я вас спрашиваю еще раз, - громовым голосом произнес доктор, - можете ли вы торжественно

on your solemn oaths, able to identify that boy?

Brittles looked doubtfully at Mr. Giles; Mr. Giles looked doubtfully at Brittles; the constable put his hand behind his ear, to catch the reply; the two women and the tinker leaned forward to listen; the doctor glanced keenly round; when a ring was heard at the gate, and at the same moment, the sound of wheels.

'It's the runners!' cried Brittles, to all appearance much relieved.

'The what?' exclaimed the doctor, aghast in his turn.

'The Bow Street officers, sir,' replied Brittles, taking up a candle; 'me and Mr. Giles sent for 'em this morning.' 'What?' cried the doctor. 'Yes,' replied Brittles; 'I sent a message up by the coachman, and I only wonder they weren't here before, sir.'

'You did, did you?

Then confound your — slow coaches down here; that's all,' said the doctor, walking away.

CHAPTER XXXI — INVOLVES A CRITICAL POSITION

'Who's that?' inquired Brittles, opening the door a little way, with the chain up, and peeping out, shading the candle with his hand.

'Open the door,' replied a man outside; 'it's the officers from Bow Street, as was sent to to-day.'

Much comforted by this assurance, Brittles opened the door to its full width, and confronted a portly man in a great-coat; who walked in, without saying anything more, and wiped his shoes on the mat, as coolly as if he lived there.

'Just send somebody out to relieve my mate, will you, young man?' said the officer; 'he's in the gig, a-minding the prad.

поклаться, что это тот самый мальчик?

Бритлс нерешительно посмотрел на мистера Джайлса, мистер Джайлс нерешительно посмотрел на Бритлса; констебль поднял руку к уху, чтоб уловить ответ; обе женщины и лудильщик наклонились вперед, чтобы лучше слышать; доктор зорко осматривался кругом, как вдруг у ворот раздался звонок и в то же время послышался стук колес.

- Это полицейские сыщики! - воскликнул Бритлс, по-видимому почувствовав большое облегчение.

- Что такое? - вскричал доктор, который теперь, в свою очередь, пришел в ужас.

- Агенты с Боу-стрит, сэр, - ответил Бритлс, беря свечу. - Мы с мистером Джайлсом послали за ними сегодня утром.

- Послали, вот как!

Так будь же прокляты ваши... ваши здешние кареты - они еле тащатся! - сказал доктор, выходя из кухни.

ГЛАВА XXXI — повествует о критическом положении

- Кто там? - спросил Бритлс, приоткрыл дверь и, не сняв цепочки, выглянул, заслоня рукой свечу.

- Откройте дверь, - отозвался человек, стоявший снаружи. - Это агенты с Боу-стрит, за которыми посылали сегодня.

Совершенно успокоенный этим ответом, Бритлс широко распахнул дверь и увидел перед собой осанистого человека в пальто, который вошел, не говоря больше ни слова, и вытер ноги о циновку с такой невозмутимостью, как будто здесь жил.

- Ну-ка, молодой человек, пошлите кого-нибудь сменить моего приятеля, - сказал агент. - Он остался в двуколке, присматривает за лошадью.

Have you got a coach 'us here, that you could put it up in, for five or ten minutes?'

Brittles replying in the affirmative, and pointing out the building, the portly man stepped back to the garden-gate, and helped his companion to put up the gig: while Brittles lighted them, in a state of great admiration.

This done, they returned to the house, and, being shown into a parlour, took off their great-coats and hats, and showed like what they were.

The man who had knocked at the door, was a stout personage of middle height, aged about fifty: with shiny black hair, cropped pretty close; half-whiskers, a round face, and sharp eyes.

The other was a red-headed, bony man, in top-boots; with a rather ill-favoured countenance, and a turned-up sinister-looking nose.

'Tell your governor that Blathers and Duff is here, will you?' said the stouter man, smoothing down his hair, and laying a pair of handcuffs on the table.

'Oh! Good-evening, master.

Can I have a word or two with you in private, if you please?'

This was addressed to Mr. Losberne, who now made his appearance; that gentleman, motioning Brittles to retire, brought in the two ladies, and shut the door.

'This is the lady of the house,' said Mr. Losberne, motioning towards Mrs. Maylie.

Mr. Blathers made a bow.

Being desired to sit down, he put his hat on the floor, and taking a chair, motioned to Duff to do the same.

The latter gentleman, who did not appear quite so much accustomed to good society, or quite so much at his ease in it — one of the two — seated himself, after undergoing several muscular affections of the limbs, and the head of his stick into his mouth, with some embarrassment.

'Now, with regard to this here robbery, master,'

Есть у вас тут каретный сарай, куда бы можно было ее поставить минут на пять - десять?

Когда Бритлс дал утвердительный ответ и указал им строение, осанистый человек вернулся к воротам и помог своему спутнику поставить в сарай двуколку, в то время как Бритлс в полном восторге светил им.

Покончив с этим, они направились в дом и, когда их ввели в гостиную, сняли пальто и шляпы и предстали во всей красе.

Тот, что стучал в дверь, был человеком крепкого сложения, лет пятидесяти, среднего роста, с лоснящимися черными волосами, довольно коротко остриженными, с бакенами, круглой физиономией и зоркими глазами.

Второй был рыжий, костлявый, в сапогах с отворотами; у него было некрасивое лицо и вздернутый, зловещего вида нос.

- Доложите вашему хозяину, что приехали Блетерс и Дафф, слышите? - сказал человек крепкого сложения, приглаживая волосы и кладя на стол пару наручников.

- А, добрый вечер, сударь!

Разрешите сказать вам словечко наедине.

Эти слова были обращены к мистеру Лосберну, входившему в комнату; сей джентльмен, знаком приказав Бритлсу удалиться, ввел обеих леди и закрыл дверь.

- Вот хозяйка дома, - сказал мистер Лосберн, указывая на миссис Мэйли.

Мистер Блетерс поклонился.

Получив приглашение сесть, он положил шляпу на пол и, усевшись, дал знак Даффу последовать его примеру.

Сей джентльмен, который либо был менее привычен к хорошему обществу, либо чувствовал себя в нем менее свободно, уселся после ряда судорожных движений и в замешательстве засунул в рот набалдашник своей трости.

- Теперь займемся этим грабежом, сударь, -

said Blathers.

'What are the circumstances?'

Mr. Losberne, who appeared desirous of gaining time, recounted them at great length, and with much circumlocution.

Messrs. Blathers and Duff looked very knowing meanwhile, and occasionally exchanged a nod.

'I can't say, for certain, till I see the work, of course,' said Blathers; 'but my opinion at once is, — I don't mind committing myself to that extent, — that this wasn't done by a yokel; eh, Duff?'

'Certainly not,' replied Duff.

'And, translating the word yokel for the benefit of the ladies, I apprehend your meaning to be, that this attempt was not made by a countryman?' said Mr. Losberne, with a smile.

'That's it, master,' replied Blathers.

'This is all about the robbery, is it?'

'All,' replied the doctor.

'Now, what is this, about this here boy that the servants are a-talking on?' said Blathers.

'Nothing at all,' replied the doctor.

'One of the frightened servants chose to take it into his head, that he had something to do with this attempt to break into the house; but it's nonsense: sheer absurdity.'

'Wery easy disposed of, if it is,' remarked Duff.

'What he says is quite correct,' observed Blathers, nodding his head in a confirmatory way, and playing carelessly with the handcuffs, as if they were a pair of castanets.

'Who is the boy?'

What account does he give of himself?

Where did he come from?

сказал Блетерс.

- Каковы обстоятельства дела?

Мистер Лосберн, хотевший, казалось, выиграть время, рассказал о них чрезвычайно подробно и с многочисленными отклонениями.

Господа Блетерс и Дафф имели весьма проницательный вид и изредка обменивались кивками.

- Конечно, я ничего не могу утверждать, пока не увижу место происшествия, - сказал Блетерс, - но сейчас мое мнение, - и в этих пределах я готов раскрыть свои карты, - мое мнение, что это сработано не какой-нибудь деревенщиной. А, Дафф?

- Разумеется, - отозвался Дафф.

- Если перевести этим дамам слово "деревенщина", вы, насколько я понимаю, считаете, что это было совершено не деревенским жителем? - с улыбкой спросил мистер Лосберн.

- Именно, сударь, - ответил Блетерс.

- Больше никаких подробностей о грабеже?

- Никаких, - сказал доктор.

- А что это толкуют слуги о каком-то мальчике? - спросил Блетерс.

- Пустяки, - сказал доктор.

- Один из слуг с перепугу вбил себе в голову, что мальчик имеет какое-то отношение к этим разбойникам. Но это вздор, сущая чепуха.

- А если так, то очень легко с этим разделаться, - заметил доктор.

- Он правильно говорит, - подтвердил Блетерс, одобрительно кивнув головой и небрежно играя наручниками, словно парой кастаньет.

- Кто этот мальчик?

Что он о себе рассказывает?

Откуда он пришел?

He didn't drop out of the clouds, did he, master?"

'Of course not,' replied the doctor, with a nervous glance at the two ladies.

'I know his whole history: but we can talk about that presently.

You would like, first, to see the place where the thieves made their attempt, I suppose?"

'Certainly,' rejoined Mr. Blathers.

'We had better inspect the premises first, and examine the servants afterwards.

That's the usual way of doing business.'

Lights were then procured; and Messrs. Blathers and Duff, attended by the native constable, Brittles, Giles, and everybody else in short, went into the little room at the end of the passage and looked out at the window; and afterwards went round by way of the lawn, and looked in at the window; and after that, had a candle handed out to inspect the shutter with; and after that, a lantern to trace the footsteps with; and after that, a pitchfork to poke the bushes with.

This done, amidst the breathless interest of all beholders, they came in again; and Mr. Giles and Brittles were put through a melodramatic representation of their share in the previous night's adventures: which they performed some six times over: contradicting each other, in not more than one important respect, the first time, and in not more than a dozen the last.

This consummation being arrived at, Blathers and Duff cleared the room, and held a long council together, compared with which, for secrecy and solemnity, a consultation of great doctors on the knottiest point in medicine, would be mere child's play.

Meanwhile, the doctor walked up and down the next room in a very uneasy state; and Mrs. Maylie and Rose looked on, with anxious faces.

'Upon my word,' he said, making a halt, after a great number of very rapid turns, 'I hardly know what to do.'

Ведь не с неба же он свалился, сударь?

- Конечно, нет, - отозвался доктор, бросив беспокойный взгляд на обеих леди.

- Вся его история мне известна, но об этом мы можем потолковать позднее.

Полагаю, вам сначала хотелось бы увидеть, где вору пытались пробраться в дом?

- Разумеется, - подхватил мистер Блетерс.

- Лучше мы сначала осмотрим место, а потом допросим слуг.

Так принято расследовать дело.

Принесли свет, и господа Блетерс и Дафф в сопровождении местного констебля, Бриттлса, Джайлса и, короче говоря, всех остальных вошли в маленькую комнатку в конце коридора и выглянули из окна, а после этого обошли вокруг дома по лужайке и заглянули в окно; затем им подали свечу для осмотра ставня; затем - фонарь, чтобы освидетельствовать следы; а затем вилы, чтобы обшарить кусты.

Когда при напряженном внимании всех зрителей с этим делом было покончено, они снова вошли в дом, и тут Джайлс и Бриттлс должны были изложить свою мелодраматическую историю о приключениях минувшей ночи, которую они повторили раз пять-шесть, противореча друг другу не более чем в одном важном пункте в первый раз и не более чем в десяти - в последний.

Достигнув таких успехов, Блетерс и Дафф выдворили всех из комнаты и вдвоем долго держали совет, столь секретно и торжественно, что по сравнению с ним консилиум великих врачей, разбирающих труднейший в медицине случай, показался бы детской забавой.

Тем временем доктор, крайне озабоченный, шагал взад и вперед в соседней комнате, а миссис Мэйли и Роз с беспокойством смотрели на него.

- Честное слово, - сказал он, пробежав по комнате великое множество раз и, наконец, останавливаясь, - я не знаю, что делать.

'Surely,' said Rose, 'the poor child's story, faithfully repeated to these men, will be sufficient to exonerate him.'

'I doubt it, my dear young lady,' said the doctor, shaking his head.

'I don't think it would exonerate him, either with them, or with legal functionaries of a higher grade.

What is he, after all, they would say?

A runaway.

Judged by mere worldly considerations and probabilities, his story is a very doubtful one.'

'You believe it, surely?' interrupted Rose.

'I believe it, strange as it is; and perhaps I may be an old fool for doing so,' rejoined the doctor; 'but I don't think it is exactly the tale for a practical police-officer, nevertheless.'

'Why not?' demanded Rose.

'Because, my pretty cross-examiner,' replied the doctor: 'because, viewed with their eyes, there are many ugly points about it; he can only prove the parts that look ill, and none of those that look well.

Confound the fellows, they will have the why and the wherefore, and will take nothing for granted.

On his own showing, you see, he has been the companion of thieves for some time past; he has been carried to a police-officer, on a charge of picking a gentleman's pocket; he has been taken away, forcibly, from that gentleman's house, to a place which he cannot describe or point out, and of the situation of which he has not the remotest idea.

He is brought down to Chertsey, by men who seem to have taken a violent fancy to him, whether he will or no; and is put through a window to rob a house; and then, just at the very moment when he is going to alarm the inmates, and so do the very thing that would set him all to rights, there rushes

- Право же, - сказала Роз, - если правдиво рассказать этим людям историю бедного мальчика, этого будет вполне достаточно, чтобы оправдать его.

- Сомневаюсь, милая моя молодая леди, - покачивая головой, возразил доктор.

- Полагаю, что это не оправдывает его ни в их глазах, ни в глазах служителей правосудия, занимающих более высокое положение.

В конце концов кто он такой? - скажут они.

- Беглец!

Если руководствоваться только доводами и соображениями здравого смысла, его история в высшей степени неправдоподобна...

- Но вы-то ей верите? - перебила Роз.

- Как ни странно, но верю, и, может быть, я старый дурак, - ответил доктор. - Но тем не менее я считаю, что такой рассказ не годится для опытного полицейского чиновника.

- Почему? - спросила Роз.

- А потому, прелестная моя допросчица, - ответил доктор, - что с их точки зрения в этой истории много неприглядного: мальчик может доказать только те факты, которые производят плохое впечатление, и не докажет ни одного, выгодного для себя.

Будь прокляты эти субъекты! Они пожелают знать, зачем да почему, и не поверят на слово.

Видите ли, на основании его собственных показаний, он в течение какого-то времени находился в компании воров; его отправили в полицейское управление, обвиняя в том, что он обчистил карман некоего джентльмена; из дома этого джентльмена его увели насильно в какое-то место, которое он не может описать или указать и ни малейшего представления не имеет о том, где оно находится.

Его привозят в Чертей люди, которые как будто крепко связаны с ним, хочет он того или не хочет, и его пропихивают в окно, чтобы ограбить дом, а затем, как раз в тот момент, когда он собрался поднять на ноги обитателей дома и, стало быть, совершить поступок,

into the way, a blundering dog of a half-bred butler, and shoots him!

As if on purpose to prevent his doing any good for himself!

Don't you see all this?'

'I see it, of course,' replied Rose, smiling at the doctor's impetuosity; 'but still I do not see anything in it, to criminate the poor child.'

'No,' replied the doctor; 'of course not!

Bless the bright eyes of your sex!

They never see, whether for good or bad, more than one side of any question; and that is, always, the one which first presents itself to them.'

Having given vent to this result of experience, the doctor put his hands into his pockets, and walked up and down the room with even greater rapidity than before.

'The more I think of it,' said the doctor, 'the more I see that it will occasion endless trouble and difficulty if we put these men in possession of the boy's real story.

I am certain it will not be believed; and even if they can do nothing to him in the end, still the dragging it forward, and giving publicity to all the doubts that will be cast upon it, must interfere, materially, with your benevolent plan of rescuing him from misery.'

'Oh! what is to be done?' cried Rose.

'Dear, dear! why did they send for these people?'

'Why, indeed!' exclaimed Mrs. Maylie.

'I would not have had them here, for the world.'

'All I know is,' said Mr. Losberne, at last: sitting down with a kind of desperate calmness, 'that we must try and carry it off with a bold face.

The object is a good one, and that must be our

который бы снял с него всякие обвинения, появляется эта бестолковая тварь, этот болван дворецкий, и стреляет в него.

Словно умышленно хотел ему помешать сделать то, что пошло бы ему на пользу.

Теперь вам все понятно?

- Разумеется, понятно, - ответила Роз, улыбаясь в ответ на взволнованную речь доктора, - но все-таки я не вижу в этом ничего, что могло бы повредить бедному мальчику.

- Да, конечно, ничего! - отозвался доктор.

- Да благословит бог зоркие очи представительниц вашего пола.

Они видят только одну сторону дела - хорошую или дурную, - и всегда ту, которую заметят первой.

Изложив таким образом результаты своего жизненного опыта, доктор засунул руки в карманы и еще проворнее зашагал по комнате.

- Чем больше я об этом думаю, - продолжал доктор, - тем больше убеждаюсь, что мы не оберемся хлопот, если расскажем этим людям подлинную историю мальчика.

Конечно, ей не поверят. А если даже они в конце концов не могут ему повредить, то все же оглашение его истории, а также и сомнения, какие она вызывает, существенно отразятся на вашем благом намерении избавить его от страданий.

- Ах, что же делать?! - вскричала Роз.

- Боже мой, боже мой! Зачем они послали за этими людьми?

- Совершенно верно, зачем? - воскликнула миссис Мэйли.

- Я бы ни за что на свете не пустила их сюда.

- Я знаю только одно, - сказал, наконец, мистер Лосберн, усаживаясь с видом человека, который на все решился, - надо сделать все, что можно, и действовать надо смело.

Цель благая, и пусть это послужит нам

excuse.

The boy has strong symptoms of fever upon him, and is in no condition to be talked to any more; that's one comfort.

We must make the best of it; and if bad be the best, it is no fault of ours.

Come in!

'Well, master,' said Blathers, entering the room followed by his colleague, and making the door fast, before he said any more.

'This warn't a put-up thing.'

'And what the devil's a put-up thing?' demanded the doctor, impatiently.

'We call it a put-up robbery, ladies,' said Blathers, turning to them, as if he pitied their ignorance, but had a contempt for the doctor's, 'when the servants is in it.'

'Nobody suspected them, in this case,' said Mrs. Maylie.

'Wery likely not, ma'am,' replied Blathers; 'but they might have been in it, for all that.'

'More likely on that wery account,' said Duff.

'We find it was a town hand,' said Blathers, continuing his report; 'for the style of work is first-rate.'

'Wery pretty indeed it is,' remarked Duff, in an undertone.

'There was two of 'em in it,' continued Blathers; 'and they had a boy with 'em; that's plain from the size of the window.'

That's all to be said at present.

We'll see this lad that you've got upstairs at once, if you please.'

'Perhaps they will take something to drink first, Mrs. Maylie?' said the doctor: his face brightening, as if some new thought had occurred to him.

оправданием.

У мальчика все симптомы сильной лихорадки, и он не в таком состоянии, чтобы с ним можно было разговаривать; а нам это на руку.

Мы должны извлечь из этого все выгоды. Если же получится худо, вина не наша...

Войдите!

- Ну, сударь, - начал Блетерс, войдя вместе со своим товарищем и плотно притворив дверь, - дело это не состряпанное.

- Черт подери!

Что значит состряпанное дело? - нетерпеливо спросил доктор.

- Состряпанным грабежом, миледи, - сказал Блетерс, обращаясь к обеим леди и как бы соболезнуя их невежеству, но презирая невежество доктора, - мы называем грабеж с участием слуг.

- В данном случае никто их не подозревал, - сказала миссис Мэйли.

- Весьма возможно, сударыня, - отвечал Блетерс, - но тем не менее они могли быть замешаны.

- Это тем более вероятно, что на них не падало подозрение, - добавил Дафф.

- Мы обнаружили, что работали городские, - сказал Блетерс, продолжая доклад. - Чистая работа.

- Да, ловко сделано, - вполголоса заметил Дафф.

- Их было двое, - продолжал Блетерс, - и с ними мальчишка. Это ясно, судя по величине окна.

Вот все, что мы можем сейчас сказать.

Теперь, с вашего разрешения, мы, не откладывая, посмотрим на мальчишку, который лежит у вас наверху.

- А не предложить ли им сначала выпить чего-нибудь, миссис Мэйли? - сказал доктор; лицо его прояснилось, словно его осенила какая-то

'Oh! to be sure!' exclaimed Rose, eagerly.

'You shall have it immediately, if you will.'

'Why, thank you, miss!' said Blathers, drawing his coat-sleeve across his mouth; 'it's dry work, this sort of duty.'

Anythink that's handy, miss; don't put yourself out of the way, on our accounts.'

'What shall it be?' asked the doctor, following the young lady to the sideboard.

'A little drop of spirits, master, if it's all the same,' replied Blathers.

'It's a cold ride from London, ma'am; and I always find that spirits comes home warmer to the feelings.'

This interesting communication was addressed to Mrs. Maylie, who received it very graciously.

While it was being conveyed to her, the doctor slipped out of the room.

'Ah!' said Mr. Blathers: not holding his wine-glass by the stem, but grasping the bottom between the thumb and forefinger of his left hand: and placing it in front of his chest;

'I have seen a good many pieces of business like this, in my time, ladies.'

'That crack down in the back lane at Edmonton, Blathers,' said Mr. Duff, assisting his colleague's memory.

'That was something in this way, warn't it?' rejoined Mr. Blathers; 'that was done by Conkey Chickweed, that was.'

'You always gave that to him' replied Duff.

'It was the Family Pet, I tell you.

Conkey hadn't any more to do with it than I had.'

'Get out!' retorted Mr. Blathers;

'I know better.

новая мысль.

- Да, конечно! - с жаром подхватила Роз.

- Если хотите, вас сейчас же угостят.

- Благодарю вас, мисс, - сказал Блетерс, проводя рукавом по губам. - Должность у нас такая, что в глотке пересыхает.

Что найдется под рукой, мисс. Не хлопчите из-за нас.

- Чего бы вам хотелось? - спросил доктор, подходя вместе с молодой леди к буфету.

- Капельку спиртного, сударь, если вас не затруднит, - ответил Блетерс.

- По дороге из Лондона мы промерзли, сударыня, а я всегда замечал, что спирт лучше всего согревает.

Это интересное сообщение было обращено к миссис Мэйли, которая выслушала его очень милостиво.

Пока оно излагалось, доктор незаметно выскользнул из комнаты.

- Ах! - произнес мистер Блетерс, беря рюмку не за ножку, а ежидая донышко большим и указательным пальцами и держа ее на уровне груди.

- Мне, сударыня, довелось на своем веку видеть много таких дел.

- Взять хотя бы эту кражу со взломом на проселочной дороге у Эдмонта, Блетерс, - подсказал мистер Дафф своему коллеге.

- Она напоминает здешнее дельце, правда? - подхватил мистер Блетерс. - Это была работа Проныры Чикуида.

- Вы всегда приписываете это ему, - возразил Дафф.

- А я вам говорю, что это сделал Семейный Пет.

Проныра имел к этому такое же отношение, как и я.

- Бросьте! - перебил мистер Блетерс.

- Мне лучше знать.

Do you mind that time when Conkey was robbed of his money, though?

What a start that was!

Better than any novel-book I ever see!"

'What was that?' inquired Rose: anxious to encourage any symptoms of good-humour in the unwelcome visitors.

'It was a robbery, miss, that hardly anybody would have been down upon,' said Blathers.

'This here Conkey Chickweed — '

'Conkey means Nosey, ma'am,' interposed Duff.

'Of course the lady knows that, don't she?' demanded Mr. Blathers.

'Always interrupting, you are, partner!

This here Conkey Chickweed, miss, kept a public-house over Battlebridge way, and he had a cellar, where a good many young lords went to see cock-fighting, and badger-drawing, and that; and a wery intellectual manner the sports was conducted in, for I've seen 'em off'en.

He warn't one of the family, at that time; and one night he was robbed of three hundred and twenty-seven guineas in a canvas bag, that was stole out of his bedroom in the dead of night, by a tall man with a black patch over his eye, who had concealed himself under the bed, and after committing the robbery, jumped slap out of window: which was only a story high.

He was wery quick about it.

But Conkey was quick, too; for he fired a blunderbuss arter him, and roused the neighbourhood.

They set up a hue-and-cry, directly, and when they came to look about 'em, found that Conkey had hit the robber; for there was traces of blood, all the way to some palings a good distance off; and there they lost 'em.

However, he had made off with the blunt; and, consequently, the name of Mr. Chickweed, licensed witler, appeared in the Gazette among the other bankrupts; and all manner of benefits and

А помните, как ограбили самого Проныру?

Вот была потеха.

Лучше всякого романа.

- Как же это случилось? - спросила Роз, желая поддержать доброе расположение духа неприятных гостей.

- Такую кражу, мисс, вряд ли кто мог бы строго осудить, - сказал Блетерс.

- Этот самый Проныра Чикуид...

- Проныра значит хитрец, сударыня, - пояснил Дафф.

- Дамам, конечно, это слово понятно, не так ли?.. - сказал Блетерс.

- Вечно вы меня перебиваете, приятель...

Так вот этот самый Проныра Чикуид держал трактир на Бэтл-бриджской дороге, и был у него погреб, куда заходили молодые джентльмены посмотреть бой петухов, травлю барсуков собаками и прочее. Очень ловко велись эти игры - я их частенько видел.

В ту пору он еще не входил в шайку. И как-то ночью у него украли триста двадцать семь гиней в парусиновом мешке; их стащил среди ночи, у него из спальни, какой-то высокий мужчина с черным пластырем на глазу; мужчина прятался под кроватью, а совершив кражу, выскочил из окна во втором этаже.

Очень он это быстро проделал.

Но и Проныра не мешкал: проснувшись от шума, он вскочил с кровати и выстрелил ему вслед из ружья и разбудил всех по соседству.

Тотчас же бросились в погоню, а когда стали осматриваться, то убедились, что Проныра задел-таки вора: следы крови были видны на довольно большом расстоянии, они вели к изгороди и здесь терялись.

Как бы там ни было, вор удрал с добычей, а фамилия мистера Чикуида, владельца трактира, имевшего патент на продажу спиртного,

subscriptions, and I don't know what all, was got up for the poor man, who was in a very low state of mind about his loss, and went up and down the streets, for three or four days, pulling his hair off in such a desperate manner that many people were afraid he might be going to make away with himself.

One day he came up to the office, all in a hurry, and had a private interview with the magistrate, who, after a deal of talk, rang the bell, and ordered Jem Spyers in (Jem was a active officer), and tells him to go and assist Mr. Chickweed in apprehending the man who robbed his house.

"I see him, Spyers," said Chickweed, "pass my house yesterday morning,"

"Why didn't you stop him, and collar him!" says Spyers.

"I was so struck all of a heap, that you might have fractured my skull with a toothpick," says the poor man; "but we're sure to have him; for between ten and eleven o'clock at night he passed again."

Spyers no sooner heard this, than he put some clean linen and a comb, in his pocket, in case he should have to stop a day or two; and away he goes, and sets himself down at one of the public-house windows behind the little red curtain, with his hat on, all ready to bolt out, at a moment's notice.

He was smoking his pipe here, late at night, when all of a sudden Chickweed roars out,

"Here he is!

Stop thief!

Murder!"

Jem Spyers dashes out; and there he sees Chickweed, tearing down the street full cry.

Away goes Spyers; on goes Chickweed; round turns the people; everybody roars out,

"Thieves!" and Chickweed himself keeps on shouting, all the time, like mad.

появилась в "Газете" * среди других банкротов. И тогда затеяли всевозможные подписки и сбор пожертвований для бедняги, который был очень угнетен своей потерей: дня три-четыре бродил по улицам и с таким отчаянием рвал на себе волосы, что многие боялись, как бы он не покончил с собой.

Однажды он впопыхах прибегает в полицейский суд, уединяется для частной беседы с судьей, а тот после долгого разговора звонит в колокольчик, требует к себе Джема Спайерса (Джем был агент расторопный) и приказывает, чтобы он пошел с мистером Чикуидом и помог ему арестовать человека, обокравшего дом.

"Спайерс, - говорит Чикуид, - вчера утром я видел, как он прошел мимо моего дома". -

"Так почему же вы не схватили его за шиворот?" - говорит Спайерс.

"Я был так ошарашен, что мне можно было проломить череп зубочисткой, - отвечает бедняга, - но уж теперь-то мы его поймаем. Между десятью и одиннадцатью вечера он опять прошел мимо дома".

Услыхав это, Спайерс сейчас же сует в карман смену белья и гребень на случай, если придется задержаться дня на два, отправляется в путь и, явившись в трактир, усаживается у окна за маленькой красной занавеской, не снимая шляпы, чтобы в любой момент можно было выбежать.

Здесь он курит трубку до позднего вечера, как вдруг Чикуид ревет:

"Вот он!

Держите вора!

Убивают!"

Спайерс выскакивает на улицу и видит Чикуида, который мчится во всю прыть и кричит.

Спайерс за ним; Чикуид летит вперед; люди оборачиваются; все кричат:

"Воры!" - и сам Чикуид не перестает орать как сумасшедший.

Spyers loses sight of him a minute as he turns a corner; shoots round; sees a little crowd; dives in;

"Which is the man?"

"D — me!" says Chickweed, "I've lost him again!"

It was a remarkable occurrence, but he warn't to be seen nowhere, so they went back to the public-house.

Next morning, Spyers took his old place, and looked out, from behind the curtain, for a tall man with a black patch over his eye, till his own two eyes ached again.

At last, he couldn't help shutting 'em, to ease 'em a minute; and the very moment he did so, he hears Chickweed a-roaring out,

"Here he is!"

Off he starts once more, with Chickweed half-way down the street ahead of him; and after twice as long a run as the yesterday's one, the man's lost again!

This was done, once or twice more, till one-half the neighbours gave out that Mr. Chickweed had been robbed by the devil, who was playing tricks with him arterwards; and the other half, that poor Mr. Chickweed had gone mad with grief.'

'What did Jem Spyers say?' inquired the doctor, who had returned to the room shortly after the commencement of the story.

'Jem Spyers,' resumed the officer, 'for a long time said nothing at all, and listened to everything without seeming to, which showed he understood his business.

But, one morning, he walked into the bar, and taking out his snuffbox, says

"Chickweed, I've found out who done this here robbery."

"Have you?" said Chickweed.

"Oh, my dear Spyers, only let me have wengeance, and I shall die contented!

На минутку Спайерс теряет его из виду, когда тот заворачивает за угол, бежит за ним, видит небольшую толпу, ныряет в нее:

"Который из них?" -

"Черт побери, - говорит Чикуид, - опять я его упустил".

Как это ни странно, но его нигде не было видно, - и пришлось им вернуться в трактир.

Наутро Спайерс занял прежнее место и высматривал из-за занавески рослого человека с черным пластырем на глазу, пока у него самого не заболели глаза.

Наконец, ему пришлось закрыть их, чтобы немного передохнуть, и в этот самый момент слышит, Чикуид орет:

"Вот он!"

Снова он пустился в погоню, а Чикуид уже опередил его на пол-улицы. Когда они пробежали вдвое большее расстояние, чем накануне, этот человек опять скрылся.

Так повторялось еще два раза, и, наконец, большинство соседей заявило, что мистера Чикуида обокрал сам черт, который теперь и водит его за нос, а другие - что бедный мистер Чикуид рехнулся с горя.

- А что сказал Джем Спайерс? - спросил доктор, который вернулся в начале повествования.

- Долгое время, - продолжал агент, - Джем Спайерс решительно ничего не говорил и ко всему прислушивался, однако и виду не подавал; отсюда следует, что свое дело он разумел.

Но вот однажды утром он вошел в бар, достал табакерку и говорит:

"Чикуид, я узнал, кто совершил эту кражу". -

"Да неужели! - воскликнул Чикуид.

- Ах, дорогой мой Спайерс, дайте мне только отомстить, и я умру спокойно.

Oh, my dear Spyers, where is the villain!"

"Come!" said Spyers, offering him a pinch of snuff, "none of that gammon!"

You did it yourself."

So he had; and a good bit of money he had made by it, too; and nobody would never have found it out, if he hadn't been so precious anxious to keep up appearances!' said Mr. Blathers, putting down his wine-glass, and clinking the handcuffs together.

'Very curious, indeed,' observed the doctor.

'Now, if you please, you can walk upstairs.'

'If you please, sir,' returned Mr. Blathers.

Closely following Mr. Losberne, the two officers ascended to Oliver's bedroom; Mr. Giles preceding the party, with a lighted candle.

Oliver had been dozing; but looked worse, and was more feverish than he had appeared yet.

Being assisted by the doctor, he managed to sit up in bed for a minute or so; and looked at the strangers without at all understanding what was going forward — in fact, without seeming to recollect where he was, or what had been passing.

'This,' said Mr. Losberne, speaking softly, but with great vehemence notwithstanding, 'this is the lad, who, being accidentally wounded by a spring-gun in some boyish trespass on Mr. What-d' ye-call-him's grounds, at the back here, comes to the house for assistance this morning, and is immediately laid hold of and maltreated, by that ingenious gentleman with the candle in his hand: who has placed his life in considerable danger, as I can professionally certify.'

Messrs. Blathers and Duff looked at Mr. Giles, as he was thus recommended to their notice.

Ах, дорогой мой Спайерс, где он, этот негодяй? -

"Полно! - сказал Спайерс, предлагая ему понюшку табаку. - Довольно вздор болтать.

Вы сами это сделали".

Так оно и было, и немало денег он на этом заработал, и ничего никогда бы и не открылось, если бы Чикуид поменьше заботился о правдоподобию, - закончил мистер Блетерс, поставив рюмку и позвякивая наручниками.

- Действительно, очень любопытная история, - заметил доктор.

- А теперь, если вам угодно, можете пойти наверх.

- Если вам угодно, сэр, - ответил мистер Блетерс.

Следуя по пятам за мистером Лосберном, оба агента поднялись наверх, в спальню Оливера; шествие возглавлял мистер Джайлс с зажженной свечой.

Оливер дремал, но вид у него был хуже, и его лихорадило сильнее, чем раньше.

С помощью доктора он сел в постели и посмотрел на незнакомцев, совершенно не понимая, что происходит, - он, видимо, не припоминал, где он находится и что случилось.

- Вот этот мальчик, - сказал мистер Лосберн шепотом, но тем не менее с большим жаром, - тот самый, который, озорничая, был случайно ранен из самострела *, когда забрался во владения мистера, как его там зовут, расположенные позади этого дома. Сегодня утром он приходит сюда за помощью, а его немедленно задерживает и грубо обходится с ним вот этот; сообразительный джентльмен со свечой в руке, который подвергает его жизнь серьезной опасности, что я как врач могу удостоверить.

Господа Блетерс и Дафф посмотрели на мистера Джайлса, отрекомендованного таким образом.

The bewildered butler gazed from them towards Oliver, and from Oliver towards Mr. Losberne, with a most ludicrous mixture of fear and perplexity.

'You don't mean to deny that, I suppose?' said the doctor, laying Oliver gently down again.

'It was all done for the — for the best, sir,' answered Giles.

'I am sure I thought it was the boy, or I wouldn't have meddled with him.

I am not of an inhuman disposition, sir.'

'Thought it was what boy?' inquired the senior officer.

'The housebreaker's boy, sir!' replied Giles.

'They — they certainly had a boy.'

'Well?

Do you think so now?' inquired Blathers.

'Think what, now?' replied Giles, looking vacantly at his questioner.

'Think it's the same boy, Stupid-head?' rejoined Blathers, impatiently.

'I don't know; I really don't know,' said Giles, with a rueful countenance.

'I couldn't swear to him.'

'What do you think?' asked Mr. Blathers.

'I don't know what to think,' replied poor Giles.

'I don't think it is the boy; indeed, I'm almost certain that it isn't.

You know it can't be.'

'Has this man been a-drinking, sir?' inquired Blathers, turning to the doctor.

'What a precious muddle-headed chap you are!' said Duff, addressing Mr. Giles, with supreme contempt.

Mr. Losberne had been feeling the patient's pulse

Ошеломленный - дворецкий с лицом, выражающим и страх, и замешательство, переводил взгляд с них на Оливера и с Оливера на мистера Лосберна.

- Полагаю, вы не намерены это отрицать? - спросил доктор, осторожно опуская Оливера на подушки.

- Я... хотел, чтобы было... чтобы было как можно лучше, сэр, - ответил Джайлс.

- Право же, я думал, что это тот самый мальчишка, сэр, иначе я бы его не тронул.

Я ведь не бесчувственный, сэр.

- Какой мальчишка? - спросил старший агент.

- Мальчишка грабителей, сэр, - ответил Джайлс.

- С ними, конечно, был мальчишка.

- Ну?

Вы и теперь так думаете? - спросил Блетерс.

- Что думаю теперь? - отозвался Джайлс, тупо глядя на допрашивающего.

- Думаете, что это тот самый мальчик, глупая вы голова! - нетерпеливо пояснил Блетерс.

- Не знаю. Право, не знаю, - с горестным видом сказал Джайлс.

- Я бы не мог показать под присягой.

- Что же вы думаете? - спросил мистер Блетерс.

- Не знаю, что и думать, - ответил бедный Джайлс.

- Думаю, что это не тот мальчик. Да я почти уверен, что это не он.

Вы ведь знаете, что это не может быть он.

- Этот человек пьян, сэр? - осведомился Блетерс, повернувшись к доктору.

- Ну и тупоголовый же вы парень! - сказал Дафф с величайшим презрением, обращаясь к мистеру Джайлсу.

Во время этого короткого диалога мистер

during this short dialogue; but he now rose from the chair by the bedside, and remarked, that if the officers had any doubts upon the subject, they would perhaps like to step into the next room, and have Brittles before them.

Acting upon this suggestion, they adjourned to a neighbouring apartment, where Mr. Brittles, being called in, involved himself and his respected superior in such a wonderful maze of fresh contradictions and impossibilities, as tended to throw no particular light on anything, but the fact of his own strong mystification; except, indeed, his declarations that he shouldn't know the real boy, if he were put before him that instant; that he had only taken Oliver to be he, because Mr. Giles had said he was; and that Mr. Giles had, five minutes previously, admitted in the kitchen, that he began to be very much afraid he had been a little too hasty.

Among other ingenious surmises, the question was then raised, whether Mr. Giles had really hit anybody; and upon examination of the fellow pistol to that which he had fired, it turned out to have no more destructive loading than gunpowder and brown paper: a discovery which made a considerable impression on everybody but the doctor, who had drawn the ball about ten minutes before.

Upon no one, however, did it make a greater impression than on Mr. Giles himself; who, after labouring, for some hours, under the fear of having mortally wounded a fellow-creature, eagerly caught at this new idea, and favoured it to the utmost.

Finally, the officers, without troubling themselves very much about Oliver, left the Chertsey constable in the house, and took up their rest for that night in the town; promising to return the next morning.

With the next morning, there came a rumour, that two men and a boy were in the cage at Kingston, who had been apprehended over night under suspicious circumstances; and to Kingston Messrs. Blathers and Duff journeyed accordingly.

The suspicious circumstances, however, resolving themselves, on investigation, into the one fact,

Лосберн щупал больному пульс; теперь он поднялся со стула, стоявшего у кровати, и заметил, что если у агентов еще осталось какое-нибудь сомнение, то не желают ли они выйти в соседнюю комнату и потолковать с Бриттлсом.

Приняв это предложение, они отправились в смежную комнату, куда был призван мистер Бриттлс, опутавший и себя и своего почтенного начальника такой изумительной паутиной новых противоречий и нелепостей, что ни одного факта не удалось выяснить, за исключением факта полной его, Бриттлса, растерянности; впрочем, он заявил, что не узнал бы мальчишку, если бы его поставили сейчас перед ним, что он принял за него Оливера только благодаря утверждению Джайлса и что пять минут назад мистер Джайлс признался на кухне в своих опасениях, не слишком ли он поторопился.

Затем среди других остроумных предположений появилось и такое - действительно ли мистер Джайлс кого-то подстрелил; когда же был осмотрен пистолет, парный с тем, из которого стрелял Джайлс, в нем не обнаружилось заряда более разрушительного, чем порох и пыж. Это открытие произвело чрезвычайное впечатление на всех, кроме доктора, который минут десять тому назад вынул пулю.

Но наибольшее впечатление произвело оно на самого мистера Джайлса, который в течение нескольких часов, терзаясь опасениями, не ранил ли он смертельно своего ближнего, с восторгом ухватился за эту новую идею и всеми силами ее поддерживал.

В конце концов агенты, не слишком утруждая себя мыслями об Оливере, оставили в доме его и констебля из Чертей и отправились ночевать в город, обещав вернуться утром.

А наутро распространился слух, что в Кингстонскую тюрьму посадили двух мужчин и мальчика, арестованных прошлой ночью при подозрительных обстоятельствах, и господа Блетерс и Дафф отправились в Кингстон.

Впрочем, при расследовании подозрительные обстоятельства свелись к тому, что этих людей обнаружили спящими под стогом сена, каковой

that they had been discovered sleeping under a haystack; which, although a great crime, is only punishable by imprisonment, and is, in the merciful eye of the English law, and its comprehensive love of all the King's subjects, held to be no satisfactory proof, in the absence of all other evidence, that the sleeper, or sleepers, have committed burglary accompanied with violence, and have therefore rendered themselves liable to the punishment of death; Messrs.

Blathers and Duff came back again, as wise as they went.

In short, after some more examination, and a great deal more conversation, a neighbouring magistrate was readily induced to take the joint bail of Mrs. Maylie and Mr. Losberne for Oliver's appearance if he should ever be called upon; and Blathers and Duff, being rewarded with a couple of guineas, returned to town with divided opinions on the subject of their expedition: the latter gentleman on a mature consideration of all the circumstances, inclining to the belief that the burglarious attempt had originated with the Family Pet; and the former being equally disposed to concede the full merit of it to the great Mr. Conkey Chickweed.

Meanwhile, Oliver gradually throve and prospered under the united care of Mrs. Maylie, Rose, and the kind-hearted Mr. Losberne.

If fervent prayers, gushing from hearts overcharged with gratitude, be heard in heaven — and if they be not, what prayers are! — the blessings which the orphan child called down upon them, sunk into their souls, diffusing peace and happiness.

CHAPTER XXXII — OF THE HAPPY LIFE OLIVER BEGAN TO LEAD WITH HIS KIND FRIENDS

Oliver's ailments were neither slight nor few.

In addition to the pain and delay attendant on a broken limb, his exposure to the wet and cold had brought on fever and ague: which hung about him for many weeks, and reduced him sadly.

факт, хотя и является тягчайшим преступлением, наказуется только заключением в тюрьму и, с точки зрения милостивого английского закона с его всеобъемлющей любовью к королевским подданным, почитается при отсутствии других улик недостаточным доказательством того, что спящий или спящие совершили кражу со взломом и, стало быть, заслуживают смертной казни.

Господа Блетерс и Дафф вернулись не умнее, чем уехали.

Короче говоря, после новых допросов и бесконечных разговоров местный мировой судья охотно принял поручительство миссис Мэйли и мистера Лосберна в том, что Оливер явится, если когда-нибудь его вызовут, а Блетерс и Дафф, награжденные двумя гинейями, вернулись в город, не сходясь во мнении о предмете своей экспедиции: сей последний джентльмен, по зрелом обсуждении всех обстоятельств, склонялся к уверенности, что покушение на кражу со взломом было совершено Семейным Петом, а первый готов был в равной мере приписать всю заслугу великому Проныре Чикуиду.

Между тем Оливер помаленьку поправлялся и благоденствовал, окруженный заботами миссис Мэйли, Роз и мягкосердечного мистера Лосберна.

Если пламенные молитвы, изливающиеся из сердца, исполненного благодарности, бывают услышаны на небе - что тогда молитва, если она не может быть услышана! - то те благословения, которые призывал на них сирота, проникли им в душу, даруя покой и счастье.

ГЛАВА XXXII — о счастливой жизни, которая началась для Оливера среди его добрых друзей

Болезнь Оливера была затяжной и тяжелой.

Не говоря уже о медленном заживлении простреленной руки и боли в ней, долгое пребывание Оливера под дождем и на холоде вызвало лихорадку, которая не покидала его много недель и очень истощила.

But, at length, he began, by slow degrees, to get better, and to be able to say sometimes, in a few tearful words, how deeply he felt the goodness of the two sweet ladies, and how ardently he hoped that when he grew strong and well again, he could do something to show his gratitude; only something, which would let them see the love and duty with which his breast was full; something, however slight, which would prove to them that their gentle kindness had not been cast away; but that the poor boy whom their charity had rescued from misery, or death, was eager to serve them with his whole heart and soul.

'Poor fellow!' said Rose, when Oliver had been one day feebly endeavouring to utter the words of thankfulness that rose to his pale lips; 'you shall have many opportunities of serving us, if you will.'

We are going into the country, and my aunt intends that you shall accompany us.

The quiet place, the pure air, and all the pleasure and beauties of spring, will restore you in a few days.

We will employ you in a hundred ways, when you can bear the trouble.'

'The trouble!' cried Oliver.

'Oh! dear lady, if I could but work for you; if I could only give you pleasure by watering your flowers, or watching your birds, or running up and down the whole day long, to make you happy; what would I give to do it!'

'You shall give nothing at all,' said Miss Maylie, smiling; 'for, as I told you before, we shall employ you in a hundred ways; and if you only take half the trouble to please us, that you promise now, you will make me very happy indeed.'

'Happy, ma'am!' cried Oliver; 'how kind of you to say so!'

'You will make me happier than I can tell you,' replied the young lady.

'To think that my dear good aunt should have been

Но, наконец, он начал понемногу поправляться и уже в состоянии был произнести несколько слов о том, как глубоко он чувствует доброту двух ласковых леди и как горячо надеется, что, окрепнув и выздоровев, сделает для них что-нибудь в доказательство своей благодарности, чтоб они увидели, какой любовью и преданностью полно его сердце, и окажет им хотя бы какую-нибудь пустячную услугу, которая убедит их в том, что бедный мальчик, спасенный благодаря их доброте от страданий или смерти, достоин их милосердия и от всего сердца желает им служить.

- Бедняжка! - сказала однажды Роз, когда Оливер с трудом пытался выговорить бледными губами слова благодарности. - Тебе представится много случаев нам услужить, если ты этого захочешь.

Мы поедем за город, и тетя намерена взять тебя.

Тишина, чистый воздух и все радости и красоты весны помогут тебе в несколько дней окрепнуть.

Мы будем давать тебе сотни поручений, если тебе это окажется по силам.

- Поручений! - воскликнул Оливер.

- О дорогая леди, если бы я мог работать для вас, если бы я мог доставить вам удовольствие, поливая ваши цветы, ухаживая за вашими птичками или весь день бегая на посылках, чтобы только вы были счастливы, - чего бы я не отдал за это!

- Тебе ничего не нужно отдавать, - улыбаясь, сказала Роз Мэйли, - ведь я уже сказала, что мы будем давать тебе сотню поручений, и если ты будешь хоть наполовину трудиться так, как сейчас обещаешь, чтобы угодить нам, я буду очень счастлива.

- Счастливы, сударыня! - воскликнул Оливер. - Как вы добры, что говорите так!

- Ты сделаешь меня такой счастливой, что и сказать нельзя, - ответила молодая леди.

- Мысль о том, что моя милая, добрая тетя спасла кого-то от той печальной участи, какую

the means of rescuing any one from such sad misery as you have described to us, would be an unspeakable pleasure to me; but to know that the object of her goodness and compassion was sincerely grateful and attached, in consequence, would delight me, more than you can well imagine.

'Do you understand me?' she inquired, watching Oliver's thoughtful face.

'Oh yes, ma'am, yes!' replied Oliver eagerly; 'but I was thinking that I am ungrateful now.'

'To whom?' inquired the young lady.

'To the kind gentleman, and the dear old nurse, who took so much care of me before,' rejoined Oliver.

'If they knew how happy I am, they would be pleased, I am sure.'

'I am sure they would,' rejoined Oliver's benefactress; 'and Mr. Losberne has already been kind enough to promise that when you are well enough to bear the journey, he will carry you to see them.'

'Has he, ma'am?' cried Oliver, his face brightening with pleasure.

'I don't know what I shall do for joy when I see their kind faces once again!'

In a short time Oliver was sufficiently recovered to undergo the fatigue of this expedition.

One morning he and Mr. Losberne set out, accordingly, in a little carriage which belonged to Mrs. Maylie.

When they came to Chertsey Bridge, Oliver turned very pale, and uttered a loud exclamation.

'What's the matter with the boy?' cried the doctor, as usual, all in a bustle.

'Do you see anything — hear anything — feel anything — eh?'

'That, sir,' cried Oliver, pointing out of the carriage window.

ты нам описал, доставляет мне невыразимое удовольствие, но сознание, что тот, к кому она отнеслась с лаской и состраданием, чувствует искреннюю благодарность и преданность, радует меня больше, чем ты можешь себе представить...

Ты меня понимаешь? - спросила она, вглядываясь в задумчивое лицо Оливера.

- О да, сударыня, понимаю! - с жаром ответил Оливер. - Но сейчас я думал о том, какой я неблагодарный.

- К кому? - спросила молодая леди.

- К доброму джентльмену и милой старой няне, которые так заботились обо мне, - сказал Оливер.

- Они были бы, наверно, довольны, если бы знали, как я счастлив.

- Наверно, - отозвалась благодетельница Оливера. - И мистер Лосберн по доброте своей уже обещал, что повезет тебя повидаться с ними, как только ты в состоянии будешь перенести путешествие.

- Обещал, сударыня? - вскричал Оливер, просяяв от удовольствия.

- Не знаю, что со мной будет от радости, когда я снова увижу их добрые лица.

Вскоре Оливер достаточно оправился, чтобы перенести утомление, связанное с этой поездкой.

Однажды утром он и мистер Лосберн двинулись в путь в - маленьком экипаже, принадлежащем миссис Мэйли.

Когда они доехали до моста через Чертей, Оливер вдруг сильно побледнел и громко вскрикнул.

- Что случилось с мальчиком? - засуетился, по своему обыкновению, доктор.

- Ты что-нибудь увидел... услышал... почувствовал, а?

- Вот, сэр, - крикнул Оливер, указывая в окно кареты.

'That house!'

'Yes; well, what of it?

Stop coachman.

Pull up here,' cried the doctor.

'What of the house, my man; eh?'

'The thieves — the house they took me to!' whispered Oliver.

'The devil it is!' cried the doctor.

'Hallo, there! let me out!'

But, before the coachman could dismount from his box, he had tumbled out of the coach, by some means or other; and, running down to the deserted tenement, began kicking at the door like a madman.

'Halloa?' said a little ugly hump-backed man: opening the door so suddenly, that the doctor, from the very impetus of his last kick, nearly fell forward into the passage.

'What's the matter here?'

'Matter!' exclaimed the other, collaring him, without a moment's reflection.

'A good deal.

Robbery is the matter.'

'There'll be Murder the matter, too,' replied the hump-backed man, coolly, 'if you don't take your hands off.

Do you hear me?'

'I hear you,' said the doctor, giving his captive a hearty shake.

'Where's — confound the fellow, what's his rascally name — Sikes; that's it.

Where's Sikes, you thief?'

The hump-backed man stared, as if in excess of amazement and indignation; then, twisting himself, dexterously, from the doctor's grasp, growled forth a volley of horrid oaths, and retired into the house.

- Этот дом!

- Да? Ну так что же?

Эй, кучер!

Остановитесь здесь, - крикнул доктор.

- Что это за дом, мой мальчик? А?

- Воры... Они приводили меня сюда, - прошептал Оливер.

- Ах, черт побери! - воскликнул доктор.

- Эй, вы там! Помогите мне выйти!

Но не успел кучер слезть с козел, как доктор уже каким-то образом выкарабкался из кареты и, подбежав к заброшенному дому, начал как сумасшедший стучать ногой в дверь.

- Кто там? - отозвался маленький, безобразный горбун, так внезапно раскрыв дверь, что доктор, энергически наносивший последний удар, чуть не влетел прямо в коридор.

- Что случилось?

- Случилось! - воскликнул доктор, ни секунды не размышляя и хватая его за шиворот.

- Многое случилось.

Грабеж - вот что случилось!

- Случится еще и убийство, если вы не отпустите меня, - хладнокровно отозвался горбун.

- Слышите?

- Слышу, - сказал доктор, основательно встряхивая своего пленника.

- Где этот, черт бы его подрал, как его, проклятого, зовут... Да, Сайкс.

Где Сайкс, отвечайте, вор?

Горбун вытаращил глаза, как бы вне себя от изумления и негодования, затем, ловко высвободившись из рук доктора, изрыгнул залп омерзительных проклятий и вернулся в дом.

Before he could shut the door, however, the doctor had passed into the parlour, without a word of parley.

He looked anxiously round; not an article of furniture; not a vestige of anything, animate or inanimate; not even the position of the cupboards; answered Oliver's description!

'Now!' said the hump-backed man, who had watched him keenly, 'what do you mean by coming into my house, in this violent way?

Do you want to rob me, or to murder me? Which is it?'

'Did you ever know a man come out to do either, in a chariot and pair, you ridiculous old vampire?' said the irritable doctor.

'What do you want, then?' demanded the hunchback.

'Will you take yourself off, before I do you a mischief?

Curse you!'

'As soon as I think proper,' said Mr. Losberne, looking into the other parlour; which, like the first, bore no resemblance whatever to Oliver's account of it.

'I shall find you out, some day, my friend.'

'Will you?' sneered the ill-favoured cripple.

'If you ever want me, I'm here.

I haven't lived here mad and all alone, for five-and-twenty years, to be scared by you.

You shall pay for this; you shall pay for this.'

And so saying, the mis-shapen little demon set up a yell, and danced upon the ground, as if wild with rage.

'Stupid enough, this,' muttered the doctor to himself; 'the boy must have made a mistake.

Here! Put that in your pocket, and shut yourself up again.'

With these words he flung the hunchback a piece

Но не успел он закрыть дверь, как доктор, не вступая ни в какие переговоры, вошел в комнату.

Он с беспокойством осмотрелся кругом: и мебель, и предметы, и даже расположение шкафов не соответствовали описанию Оливера.

- Ну? - сказал горбун, зорко следивший за ним. - Что это значит, почему вы насильно врываетесь в мой дом?

Хотите меня ограбить или убить?

- Случалось вам, глупый вы старый кровопийца, видеть когда-нибудь, чтобы человек приезжал с этой целью в карете? - сказал вспыхивый доктор.

- Так что же вам нужно? - крикнул горбун.

- Убирайтесь, пока не поздно!

Будь вы прокляты!

- Уйду, когда сочту нужным, - сказал мистер Лосберн, заглядывая в другую комнату, которая, как и первая, не имела ни малейшего сходства с описанной Оливером.

- Я еще до вас доберусь, приятель.

- Вот как! - огрызнулся отвратительный урод.

- Если я вам буду нужен, вы найдете меня здесь.

Я здесь один-одинешенек двадцать пять лет сижу, совсем рехнулся, а вы еще меня запугиваете!

Вы за это заплатите, да, заплатите!

И уродливый маленький демон поднял вой и в ярости стал плясать по комнате.

- Выходит довольно глупо, - пробормотал себе под нос доктор, - должно быть, мальчик ошибся.

Вот, суньте это в карман и заткните глотку!

С этими словами он бросил горбуну монету и

of money, and returned to the carriage.

The man followed to the chariot door, uttering the wildest imprecations and curses all the way; but as Mr. Losberne turned to speak to the driver, he looked into the carriage, and eyed Oliver for an instant with a glance so sharp and fierce and at the same time so furious and vindictive, that, waking or sleeping, he could not forget it for months afterwards.

He continued to utter the most fearful imprecations, until the driver had resumed his seat; and when they were once more on their way, they could see him some distance behind: beating his feet upon the ground, and tearing his hair, in transports of real or pretended rage.

'I am an ass!' said the doctor, after a long silence.

'Did you know that before, Oliver?'

'No, sir.'

'Then don't forget it another time.'

'An ass,' said the doctor again, after a further silence of some minutes.

'Even if it had been the right place, and the right fellows had been there, what could I have done, single-handed?'

And if I had had assistance, I see no good that I should have done, except leading to my own exposure, and an unavoidable statement of the manner in which I have hushed up this business.

That would have served me right, though.

I am always involving myself in some scrape or other, by acting on impulse.

It might have done me good.'

Now, the fact was that the excellent doctor had never acted upon anything but impulse all through his life, and it was no bad compliment to the nature of the impulses which governed him, that so far from being involved in any peculiar troubles or misfortunes, he had the warmest respect and esteem of all who knew him.

вернулся к экипажу.

Горбун следовал за ним до дверцы кареты, все время осыпая его гнусными ругательствами; когда же мистер Лосберн заговорил с кучером, он заглянул в карету и бросил на Оливера взгляд такой зоркий и пронизывающий и в то же время такой злобный и мстительный, что в течение нескольких месяцев мальчик вспоминал его и во сне и наяву.

Горбун продолжал омерзительно ругаться, пока кучер не занял своего места; а когда карета тронулась в путь, можно было издали видеть, как он топает ногами и рвет на себе волосы в припадке подлинного или притворного бешенства.

- Я - осел... - сказал доктор после долгого молчания.

- Ты это знал раньше, Оливер?

- Нет, сэр.

- Ну, так не забывай этого в следующий раз.

Осел! - повторил доктор, снова помолчав несколько минут.

- Даже если бы это было то самое место и там оказались те самые люди, что бы я мог поделаться один?

А будь у меня помощники, я все же не знаю, какой вышел бы толк. Пожалуй, это привело бы к тому, что я сам попался бы, и обнаружилось бы неизбежно, каким образом я замолчал эту историю.

Впрочем, поделом бы мне было.

Вечно я попадаю в беду, действуя под влиянием импульса.

Может быть, это пойдет мне на пользу.

Добрейший доктор и в самом деле всю свою жизнь действовал только под влиянием импульсов, и к немалой чести руководивших им импульсов служил тот факт, что он не только избег сколько-нибудь серьезных затруднений или неудач, но и пользовался глубоким уважением и привязанностью всех, кто его знал.

If the truth must be told, he was a little out of temper, for a minute or two, at being disappointed in procuring corroborative evidence of Oliver's story on the very first occasion on which he had a chance of obtaining any.

He soon came round again, however; and finding that Oliver's replies to his questions, were still as straightforward and consistent, and still delivered with as much apparent sincerity and truth, as they had ever been, he made up his mind to attach full credence to them, from that time forth.

As Oliver knew the name of the street in which Mr. Brownlow resided, they were enabled to drive straight thither.

When the coach turned into it, his heart beat so violently, that he could scarcely draw his breath.

'Now, my boy, which house is it?' inquired Mr. Losberne.

'That! That!' replied Oliver, pointing eagerly out of the window.

'The white house.

Oh! make haste!

Pray make haste!

I feel as if I should die: it makes me tremble so.'

'Come, come!' said the good doctor, patting him on the shoulder.

'You will see them directly, and they will be overjoyed to find you safe and well.'

'Oh! I hope so!' cried Oliver.

'They were so good to me; so very, very good to me.'

The coach rolled on.

It stopped.

No; that was the wrong house; the next door.

It went on a few paces, and stopped again.

Если же говорить правду, доктор одну-две минутки чувствовал некоторую досаду, ибо ему не удалось раздобыть доказательства, подтверждающие рассказ Оливера, когда впервые представился случай их получить.

Впрочем, он скоро успокоился; убедившись, что Оливер отвечает на его вопросы так же непринужденно и последовательно и говорит, по-видимому, так же искренне и правдиво, как и раньше, он решил отныне относиться с полным доверием к его словам.

Так как Оливер знал название улицы, где проживал мистер Браунлоу, они поехали прямо туда.

Когда карета свернула за угол, сердце Оливера забилося так сильно, что у него перехватило дыхание.

- Ну, мой мальчик, где же этот дом? - спросил мистер Лосберн.

- Вот он, вот! - воскликнул Оливер, нетерпеливо показывая в окно.

- Белый дом.

Ох, поезжайте быстрее!

Пожалуйста, быстрее!

Мне кажется, я вот-вот умру. Я весь дрожу.

- Ну-ну, - сказал добряк-доктор, похлопав его по плечу.

- Сейчас ты их увидишь, и они придут в восторг, узнав, что ты цел и невредим.

- О да, я надеюсь на это! - вскричал Оливер.

- Они были так добры ко мне, очень, очень добры.

Карета мчалась дальше.

Потом она остановилась.

Нет, Это не тот дом; следующая дверь.

Еще несколько шагов, карета снова остановилась.

Оливер посмотрел на окна. Слезы, вызванные

Oliver looked up at the windows, with tears of happy expectation coursing down his face.

Alas! the white house was empty, and there was a bill in the window.

'To Let.'

'Knock at the next door,' cried Mr. Losberne, taking Oliver's arm in his.

'What has become of Mr. Brownlow, who used to live in the adjoining house, do you know?'

The servant did not know; but would go and inquire.

She presently returned, and said, that Mr. Brownlow had sold off his goods, and gone to the West Indies, six weeks before.

Oliver clasped his hands, and sank feebly backward.

'Has his housekeeper gone too?' inquired Mr. Losberne, after a moment's pause.

'Yes, sir'; replied the servant.

'The old gentleman, the housekeeper, and a gentleman who was a friend of Mr. Brownlow's, all went together.'

'Then turn towards home again,' said Mr. Losberne to the driver; 'and don't stop to bait the horses, till you get out of this confounded London!'

'The book-stall keeper, sir?' said Oliver.

'I know the way there.

See him, pray, sir!

Do see him!'

'My poor boy, this is disappointment enough for one day,' said the doctor.

'Quite enough for both of us.

If we go to the book-stall keeper's, we shall certainly find that he is dead, or has set his house on fire, or run away.

радостным ожиданием, струились по его щекам.

Увы, в белом доме не было жильцов, и в окне виднелась табличка:

"Сдается внаем".

- Постучите в следующую дверь! - крикнул мистер Лосберн, взяв за руку Оливера.

- Не знаете ли вы, что случилось с мистером Браунлоу, который жил в соседнем доме?

Служанка не знала, но не прочь была навести справки.

Вскоре она вернулась и сказала, что мистер Браунлоу распродал свое имущество и вот уже полтора месяца как уехал в Вест-Индию.

Оливер сжал руки и без сил откинулся на спинку сиденья.

- А экономка его тоже уехала? - помолчав, спросил мистер Лосберн.

- Да, сэр, - ответила служанка.

- Старый джентльмен, экономка и еще один джентльмен, приятель мистера Браунлоу, уехали все вместе.

- В таком случае поезжайте домой, - сказал мистер Лосберн кучеру, - и не останавливайтесь кормить лошадей, пока мы не выберемся из этого проклятого Лондона.

- А книготорговец, сэр? - спросил Оливер.

- Дорогу к нему я знаю.

Пожалуйста, повидайтесь с ним.

Повидайтесь с ним.

- Бедный мой мальчик, хватит с нас разочарований на сегодня, - сказал мистер Лосберн.

- Совершенно достаточно для нас обоих.

Если мы поедем к книготорговцу, то, разумеется, узнаем, что он умер, или поджег свой дом, или удрал.

No; home again straight!'

And in obedience to the doctor's impulse, home they went.

This bitter disappointment caused Oliver much sorrow and grief, even in the midst of his happiness; for he had pleased himself, many times during his illness, with thinking of all that Mr. Brownlow and Mrs. Bedwin would say to him: and what delight it would be to tell them how many long days and nights he had passed in reflecting on what they had done for him, and in bewailing his cruel separation from them.

The hope of eventually clearing himself with them, too, and explaining how he had been forced away, had buoyed him up, and sustained him, under many of his recent trials; and now, the idea that they should have gone so far, and carried with them the belief that he was an impostor and a robber — a belief which might remain uncontradicted to his dying day — was almost more than he could bear.

The circumstance occasioned no alteration, however, in the behaviour of his benefactors.

After another fortnight, when the fine warm weather had fairly begun, and every tree and flower was putting forth its young leaves and rich blossoms, they made preparations for quitting the house at Chertsey, for some months.

Sending the plate, which had so excited Fagin's cupidity, to the banker's; and leaving Giles and another servant in care of the house, they departed to a cottage at some distance in the country, and took Oliver with them.

Who can describe the pleasure and delight, the peace of mind and soft tranquillity, the sickly boy felt in the balmy air, and among the green hills and rich woods, of an inland village!

Who can tell how scenes of peace and quietude sink into the minds of pain-worn dwellers in close and noisy places, and carry their own freshness, deep into their jaded hearts!

Men who have lived in crowded, pent-up streets,

Нет, едем прямо домой.

И, повинувшись внезапному требованию доктора, они отправились домой.

Это горькое разочарование принесло Оливеру, даже в пору его счастья, много скорби и печали. Не раз в течение своей болезни он тешил себя мечтой о том, что скажут ему мистер Браунлоу и миссис Бэдуин и какая это будет радость, - мечтал рассказать им, сколько долгих дней и ночей провел он, размышляя об их благодеяниях и оплакивая жестокую разлуку с ними.

Надежда оправдаться и рассказать им о своем насильственном уходе воодушевляла и поддерживала его во время недавних испытаний; мысль, что они уехали так далеко и увезли с собой уверенность в том, что он - обманщик и вор, - уверенность, которая, быть может, останется неопровергнутой до конца жизни, - этой мысли он не мог вынести.

Впрочем, все это нисколько не изменило отношения к нему его благодетелей.

Еще через две недели, когда установилась прекрасная теплая погода, деревья покрылись новой листвой, а цветы раскрыли свои бутоны, начались приготовления к отъезду на несколько месяцев из Чертей.

Отправив в банк столовое серебро, столь воспламенившее жадность Феджина, и оставив дом на попечении Джайлса и еще одного слуги, они переехали в коттедж, находившийся довольно далеко от города. Оливера они взяли с собой.

Кто может описать радость и восторг, спокойствие духа и тихую умиротворенность, которые почувствовал болезненный мальчик в благовоном воздухе, среди зеленых холмов и густых лесов, окружавших отдаленную деревню?

Кто может рассказать, как запечатлеваются в душе измученных обитателей тесных и шумных городов картины мира и тишины и как глубоко проникает их свежесть в истерзанные сердца?

Те, кто всю свою трудовую жизнь прожил в

through lives of toil, and who have never wished for change; men, to whom custom has indeed been second nature, and who have come almost to love each brick and stone that formed the narrow boundaries of their daily walks; even they, with the hand of death upon them, have been known to yearn at last for one short glimpse of Nature's face; and, carried far from the scenes of their old pains and pleasures, have seemed to pass at once into a new state of being.

Crawling forth, from day to day, to some green sunny spot, they have had such memories wakened up within them by the sight of the sky, and hill and plain, and glistening water, that a foretaste of heaven itself has soothed their quick decline, and they have sunk into their tombs, as peacefully as the sun whose setting they watched from their lonely chamber window but a few hours before, faded from their dim and feeble sight!

The memories which peaceful country scenes call up, are not of this world, nor of its thoughts and hopes.

Their gentle influence may teach us how to weave fresh garlands for the graves of those we loved: may purify our thoughts, and bear down before it old enmity and hatred; but beneath all this, there lingers, in the least reflective mind, a vague and half-formed consciousness of having held such feelings long before, in some remote and distant time, which calls up solemn thoughts of distant times to come, and bends down pride and worldliness beneath it.

It was a lovely spot to which they repaired.

Oliver, whose days had been spent among squalid crowds, and in the midst of noise and brawling, seemed to enter on a new existence there.

The rose and honeysuckle clung to the cottage walls; the ivy crept round the trunks of the trees; and the garden-flowers perfumed the air with delicious odours.

Hard by, was a little churchyard; not crowded with tall unsightly gravestones, but full of humble

густо населенных, узких улицах и никогда не жаждал перемены, те, для кого привычка стала второй натурой и кто чуть ли не полюбил каждый кирпич и камень, служившие границей их повседневных прогулок, - эти люди, даже они, когда нависала над ними рука смерти, начинали, наконец, томиться желанием взглянуть хотя бы мельком в лицо Природе; удалившись от тех мест, где прежде страдали и радовались, они как будто сразу вступали в новую стадию бытия.

Когда они изо дня в день выползали на какую-нибудь зеленую, залитую солнцем лужайку, у них при виде неба, холмов, долины, сверкающей воды пробуждались такие воспоминания, что даже предощущение загробной жизни действовало умиротворяюще на быстрое их увядание, и они сходили в могилу так же безмятежно, как угасало перед их слабыми, тускнеющими глазами солнце, закат которого наблюдали они всего несколько часов назад из окна своей уединенной спальни.

Воспоминания, вызываемые мирными деревенскими пейзажами, чужды миру сему, его помыслам и надеждам.

Умиротворяя, они могут научить нас сплести свежие гирлянды на могилы тех, кого мы любили, могут очистить наши мысли и сломить прежнюю вражду и ненависть; но под ними дремлет в каждой хоть сколько-нибудь созерцательной душе смутное, неопределенное сознание, что такие чувства были уже испытаны когда-то, в далекие, давно прошедшие времена, - сознание, пробуждающее торжественные мысли о далеких, грядущих временах и смиряющее суетность и гордыню.

Прелестным было местечко, куда они переехали.

Для Оливера, всегда жившего в грязной толпе, среди шума и ругани, казалось, началась здесь новая жизнь.

Розы и жимолость льнули к стенам коттеджа, плющ обвивал стволы деревьев, а цветы в саду наполняли воздух чудесным ароматом.

Совсем поблизости находилось маленькое кладбище, где не было высоких безобразных

mounds, covered with fresh turf and moss: beneath which, the old people of the village lay at rest.

Oliver often wandered here; and, thinking of the wretched grave in which his mother lay, would sometimes sit him down and sob unseen; but, when he raised his eyes to the deep sky overhead, he would cease to think of her as lying in the ground, and would weep for her, sadly, but without pain.

It was a happy time.

The days were peaceful and serene; the nights brought with them neither fear nor care; no languishing in a wretched prison, or associating with wretched men; nothing but pleasant and happy thoughts.

Every morning he went to a white-headed old gentleman, who lived near the little church: who taught him to read better, and to write: and who spoke so kindly, and took such pains, that Oliver could never try enough to please him.

Then, he would walk with Mrs. Maylie and Rose, and hear them talk of books; or perhaps sit near them, in some shady place, and listen whilst the young lady read: which he could have done, until it grew too dark to see the letters.

Then, he had his own lesson for the next day to prepare; and at this, he would work hard, in a little room which looked into the garden, till evening came slowly on, when the ladies would walk out again, and he with them: listening with such pleasure to all they said: and so happy if they wanted a flower that he could climb to reach, or had forgotten anything he could run to fetch: that he could never be quick enough about it.

When it became quite dark, and they returned home, the young lady would sit down to the piano, and play some pleasant air, or sing, in a low and gentle voice, some old song which it pleased her aunt to hear.

There would be no candles lighted at such times as

надгробий, а только скромные холмики, покрытые свежим дерном и мхом, под которыми покоились старики из деревни.

Часто Оливер бродил здесь и, вспоминая о жалкой могиле, где лежала его мать, садился иной раз и плакал, не видимый никем; но, поднимая глаза к глубокому небу над головой, он уже не представлял ее себе лежащей в земле и оплакивал ее грустно, но без горечи.

Счастливая была пора.

Дни проходили безмятежные и ясные, ночи не приносили с собой ни страха, ни забот - ни прозябания в отвратительной тюрьме, ни общения с отвратительными людьми, - радостны и светлы были его мысли.

Каждое утро Оливер ходил к седому, старому джентльмену, жившему неподалеку от маленькой церкви, который помогал ему совершенствоваться в грамоте; старый джентльмен говорил так ласково и так много уделял ему внимания, что Оливер всеми силами старался угодить ему.

Потом он шел гулять с миссис Мэйли и Роз и прислушивался к их разговорам о книгах или усаживался рядом с ними в каком-нибудь тенистом местечке и слушал, как читает молодая леди; слушать он готов был до самых сумерек, пока можно было различать буквы.

Потом он готовил уроки к следующему дню и в своей маленькой комнатке, которая выходила в сад, усердно работал, пока не приближался постепенно вечер, и тогда обе леди снова отправлялись на прогулку, а с ними и он, с удовольствием прислушиваясь ко всем их разговорам. Если им нравился какой-нибудь цветок и он мог добраться до него и сорвать или если они забыли какую-нибудь вещь, за которой он мог сбегать, он был так счастлив, что со всех ног бросался оказать им услугу.

Когда же совсем темнело, они возвращались домой, и молодая леди, садилась за фортепьяно и играла прекрасные мелодии или же пела тихим и нежным голосом какую-нибудь старую песню, правившуюся ее тете.

В таких случаях свечей не зажигали, и Оливер,

these; and Oliver would sit by one of the windows, listening to the sweet music, in a perfect rapture.

And when Sunday came, how differently the day was spent, from any way in which he had ever spent it yet! and how happily too; like all the other days in that most happy time!

There was the little church, in the morning, with the green leaves fluttering at the windows: the birds singing without: and the sweet-smelling air stealing in at the low porch, and filling the homely building with its fragrance.

The poor people were so neat and clean, and knelt so reverently in prayer, that it seemed a pleasure, not a tedious duty, their assembling there together; and though the singing might be rude, it was real, and sounded more musical (to Oliver's ears at least) than any he had ever heard in church before.

Then, there were the walks as usual, and many calls at the clean houses of the labouring men; and at night, Oliver read a chapter or two from the Bible, which he had been studying all the week, and in the performance of which duty he felt more proud and pleased, than if he had been the clergyman himself.

In the morning, Oliver would be a-foot by six o'clock, roaming the fields, and plundering the hedges, far and wide, for nosegays of wild flowers, with which he would return laden, home; and which it took great care and consideration to arrange, to the best advantage, for the embellishment of the breakfast-table.

There was fresh groundsel, too, for Miss Maylie's birds, with which Oliver, who had been studying the subject under the able tuition of the village clerk, would decorate the cages, in the most approved taste.

When the birds were made all spruce and smart for the day, there was usually some little commission of charity to execute in the village; or, failing that, there was rare cricket-playing, sometimes, on the green; or, failing that, there was always something to do in the garden, or about the plants, to which Oliver (who had studied this science also, under the same master, who was a gardener by trade,) applied himself with hearty good-will, until Miss Rose made her appearance:

сидя у окна, в полном восторге слушал чудную музыку.

А воскресенье! Совсем по-иному проводили здесь этот день по сравнению с тем, как проводил он его раньше. И какой счастливый был день - как и все дни в эту счастливую пору!

Утром - служба в маленькой церкви; там за окном шелестели зеленые листья, пели птицы, а благовонный воздух прокрадывался в низкую дверь и наполнял ароматом скромное здание.

Бедняки были одеты так чисто и опрятно, так благоговейно преклоняли колени, как будто для удовольствия, а не во имя тягостного долга собрались они здесь вместе; а пение, быть может и неискusstное, звучало искреннее и казалось (во всяком случае Оливеру) более музыкальным, чем слышанное им прежде.

>Затем, как — всегда - прогулки и посещение чистеньких домиков рабочего люда, а вечером Оливер прочитывал одну-две главы из библии, которую изучал всю неделю, и чувствовал себя более гордым и счастливым, чем если бы он сам был священником.

В шесть часов утра Оливер был уже на ногах; он блуждал по полям и обшаривал живые изгороди в поисках полевых цветов; нагруженный ими, он возвращался домой, и тогда нужно было заботливо и внимательно составить букеты для украшения стола к первому завтраку.

Был и крестовник для птиц мисс Мэйли; Оливер с большим вкусом убирал им клетки, научившись этому искусству у многоопытного приходского клерка.

Когда с этим бывало покончено, его обычно отправляли в деревню для оказания кому-нибудь помощи или устраивали иной раз игру в крикет на лугу, а бывало и так, что находилось какое-нибудь дело в саду, которым Оливер (изучавший эту науку под руководством того же наставника, садовника по профессии) занимался весело и охотно, пока не появлялась мисс Роз. А тогда его осыпали тысячью похвал

when there were a thousand commendations to be bestowed on all he had done.

So three months glided away; three months which, in the life of the most blessed and favoured of mortals, might have been unmingled happiness, and which, in Oliver's were true felicity.

With the purest and most amiable generosity on one side; and the truest, warmest, soul-felt gratitude on the other; it is no wonder that, by the end of that short time, Oliver Twist had become completely domesticated with the old lady and her niece, and that the fervent attachment of his young and sensitive heart, was repaid by their pride in, and attachment to, himself.

CHAPTER XXXIII — WHEREIN THE HAPPINESS OF OLIVER AND HIS FRIENDS, EXPERIENCES A SUDDEN CHECK

Spring flew swiftly by, and summer came.

If the village had been beautiful at first it was now in the full glow and luxuriance of its richness.

The great trees, which had looked shrunken and bare in the earlier months, had now burst into strong life and health; and stretching forth their green arms over the thirsty ground, converted open and naked spots into choice nooks, where was a deep and pleasant shade from which to look upon the wide prospect, steeped in sunshine, which lay stretched beyond.

The earth had donned her mantle of brightest green; and shed her richest perfumes abroad.

It was the prime and vigour of the year; all things were glad and flourishing.

Still, the same quiet life went on at the little cottage, and the same cheerful serenity prevailed among its inmates.

Oliver had long since grown stout and healthy; but health or sickness made no difference in his warm feelings of a great many people.

за все, что он сделал.

Так промелькнули три месяца - три месяца, которые в жизни самого благополучного и благоденствующего из смертных могли почитаться безграничным счастьем, а в жизни Оливера были поистине блаженством.

Самое чистое и нежное великодушие - с одной стороны; самая искренняя, горячая и глубокая благодарность - с другой. Не чудо, что по истечении этого короткого срока Оливер Твист тесно сблизился со старой леди и ее племянницей, и пламенная любовь его юного и чуткого сердца была вознаграждена тем, что они привязались к мальчику и стали им гордиться.

ГЛАВА XXXIII, — в которой счастью Оливера и его друзей неожиданно угрожает опасность

Быстро пролетела весна, и настало лето.

Если деревня была прекрасна раньше, то теперь она предстала в полном блеске и пышности своих богатств.

Огромные деревья, которые раньше казались съезжившимися и нагими, преисполнились жизнью и здоровьем и, простирая зеленые свои руки над жаждущей землей, превратили открытые и оголенные места в чудесные уголки, окутанные густой и приятной тенью, откуда можно было смотреть на раскинувшееся вдали широкое и залитое солнцем пространство.

Земля облачилась в самую яркую свою зеленую мантию и источала самое пряное благоухание.

Наступила лучшая пора года - вся природа ликовала.

По-прежнему тихо и мирно шла жизнь в маленьком коттедже, и то же беззаботное спокойствие осеняло его обитателей.

Оливер давно уже выздоровел и окреп, но был ли он болен или здоров, горячее чувство его к окружающим ничуть не менялось, хотя такая перемена происходит весьма часто в чувствах

He was still the same gentle, attached, affectionate creature that he had been when pain and suffering had wasted his strength, and when he was dependent for every slight attention, and comfort on those who tended him.

One beautiful night, when they had taken a longer walk than was customary with them: for the day had been unusually warm, and there was a brilliant moon, and a light wind had sprung up, which was unusually refreshing.

Rose had been in high spirits, too, and they had walked on, in merry conversation, until they had far exceeded their ordinary bounds.

Mrs. Maylie being fatigued, they returned more slowly home.

The young lady merely throwing off her simple bonnet, sat down to the piano as usual.

After running abstractedly over the keys for a few minutes, she fell into a low and very solemn air; and as she played it, they heard a sound as if she were weeping.

'Rose, my dear!' said the elder lady.

Rose made no reply, but played a little quicker, as though the words had roused her from some painful thoughts.

'Rose, my love!' cried Mrs. Maylie, rising hastily, and bending over her.

'What is this?

In tears!

My dear child, what distresses you?'

'Nothing, aunt; nothing,' replied the young lady.

'I don't know what it is; I can't describe it; but I feel — '

'Not ill, my love?' interposed Mrs. Maylie.

'No, no!

Oh, not ill!' replied Rose: shuddering as though

людей.

Он оставался все тем же кротким, признательным, любящим мальчиком, как и в ту пору, когда боль и страдания истощили его силы и он всецело зависел от внимания и забот тех, кто за ним ухаживал.

Однажды, чудесным вечером, они предприняли более длительную прогулку, чем обычно, потому что день выдался жаркий; ярко светила луна, и вместе с легким ветерком повеяло необычной прохладой.

Да и Роз была в превосходном расположении духа, и, весело беседуя, они шли все дальше и оставили далеко позади места своих повседневных прогулок.

Так как миссис Мили почувствовала усталость, они медленным шагом вернулись домой.

Молодая леди, сняв простенькую шляпу, села, по обыкновению, за фортепьяно.

В течение нескольких минут она рассеянно пробегала пальцами по клавишам, потом заиграла медленную и торжественную мелодию; и пока она играла, им показалось, будто она плачет.

- Роз, дорогая моя! - воскликнула пожилая леди.

Роз ничего не ответила, но заиграла немного быстрее, словно эти слова отвлекли ее от каких-то тягостных мыслей.

- Роз, милочка! - вскричала миссис Мэйли, торопливо вставая и наклоняясь к ней.

- Что это значит?

Слезы?

Дорогое мое дитя, что огорчает тебя?

- Ничего, тетя, ничего! - ответила молодая леди.

- Я не знаю, что это... не могу рассказать... но чувствую...

- Чувствуешь, что больна, милочка? - перебила миссис Мэйли.

- Нет, нет!

О нет, не больна! - ответила Роз, содрогаясь,

some deadly chillness were passing over her, while she spoke;

'I shall be better presently.

Close the window, pray!'

Oliver hastened to comply with her request.

The young lady, making an effort to recover her cheerfulness, strove to play some livelier tune; but her fingers dropped powerless over the keys.

Covering her face with her hands, she sank upon a sofa, and gave vent to the tears which she was now unable to repress.

'My child!' said the elderly lady, folding her arms about her,

'I never saw you so before.'

'I would not alarm you if I could avoid it,' rejoined Rose; 'but indeed I have tried very hard, and cannot help this.

I fear I am ill, aunt.'

She was, indeed; for, when candles were brought, they saw that in the very short time which had elapsed since their return home, the hue of her countenance had changed to a marble whiteness.

Its expression had lost nothing of its beauty; but it was changed; and there was an anxious haggard look about the gentle face, which it had never worn before.

Another minute, and it was suffused with a crimson flush: and a heavy wildness came over the soft blue eye.

Again this disappeared, like the shadow thrown by a passing cloud; and she was once more deadly pale.

Oliver, who watched the old lady anxiously, observed that she was alarmed by these appearances; and so in truth, was he; but seeing that she affected to make light of them, he endeavoured to do the same, and they so far succeeded, that when Rose was persuaded by her aunt to retire for the night, she was in better spirits; and appeared even in better health: assuring them that she felt certain she should rise

однако, при этих словах так, будто на нее повеяло смертным холодом.

- Сейчас мне будет лучше.

Пожалуйста, закройте окно!

Оливер поспешил исполнить ее просьбу.

Молодая леди, делая усилие, чтобы вернуть прежнюю жизнерадостность, заиграла более веселую мелодию, но пальцы ее беспомощно застыли на клавишах.

Закрыв лицо руками, она опустилась на диван и дала волю слезам, которых больше уже не могла удержать.

- Дитя мое! - обняв ее, воскликнула старая леди.

- Такою я тебя никогда еще не видела.

- Я бы не стала тревожить вас, если бы могла, - отозвалась Роз. - Право же, я очень старалась, но ничего не могла поделать.

Боюсь, что я и в самом деле больна, тетя.

Она действительно была больна: когда принесли свечи, они увидели, что за короткий промежуток времени, истекший после их возвращения, лицо ее стало белым как мрамор.

Выражение ее по-прежнему прекрасного лица было какое-то иное. Что-то тревожное и безумное появилось в кротких его чертах, чего не было раньше.

Еще минута - и щеки ее залились ярким румянцем, и диким блеском сверкнули нежные голубые глаза.

Затем все это исчезло, как тень, отброшенная мимолетным облаком, и она снова стала мертвенно-бледной.

Оливер, с беспокойством следивший за старой леди, заметил, что она встревожена этими симптомами; по правде говоря, встревожен был и он, но, заметив, что она старается не придавать этому значения, он попытался поступить также, и они добились того, что Роз, уходя, по совету тети, спать, была в лучшем расположении духа, казалась даже не такой больной и уверяла их, будто не сомневается в

in the morning, quite well.

'I hope,' said Oliver, when Mrs. Maylie returned, 'that nothing is the matter?'

She don't look well to-night, but — '

The old lady motioned to him not to speak; and sitting herself down in a dark corner of the room, remained silent for some time.

At length, she said, in a trembling voice:

'I hope not, Oliver.

I have been very happy with her for some years: too happy, perhaps.

It may be time that I should meet with some misfortune; but I hope it is not this.'

'What?' inquired Oliver.

'The heavy blow,' said the old lady, 'of losing the dear girl who has so long been my comfort and happiness.'

'Oh! God forbid!' exclaimed Oliver, hastily.

'Amen to that, my child!' said the old lady, wringing her hands.

'Surely there is no danger of anything so dreadful?' said Oliver.

'Two hours ago, she was quite well.'

'She is very ill now,' rejoined Mrs. Maylies; 'and will be worse, I am sure.

My dear, dear Rose!

Oh, what shall I do without her!'

She gave way to such great grief, that Oliver, suppressing his own emotion, ventured to remonstrate with her; and to beg, earnestly, that, for the sake of the dear young lady herself, she would be more calm.

'And consider, ma'am,' said Oliver, as the tears forced themselves into his eyes, despite of his efforts to the contrary. 'Oh! consider how young and good she is, and what pleasure and comfort she gives to all about her.

I am sure — certain — quite certain — that, for

том, что утром проснется совсем здоровой.

- Надеюсь, - сказал Оливер, когда миссис Мэйли вернулась, - ничего серьезного нет?

Вид у нее сегодня болезненный, но...

Старая леди знаком попросила его не разговаривать и, сев в темном углу комнаты, долго молчала.

Наконец, она дрожащим голосом сказала:

- И я надеюсь, Оливер.

Несколько лет я была очень счастлива с нею, может быть слишком счастлива.

Может прийти время, когда меня постигнет какое-нибудь горе, но я надеюсь, что не это.

- Что? - спросил Оливер.

- Тяжкий удар, - сказала старая леди, - утрата дорогой девушки, которая так долго была моим утешением и счастьем.

- О, боже сохрани! - быстро воскликнул Оливер.

- Аминь, дитя мое! - сжимая руки, отозвалась старая леди.

- Но ведь никакой опасности нет, ничего страшного не случилось? - воскликнул Оливер.

- Два часа назад она была совсем здорова.

- Сейчас она очень больна, - сказала миссис Мэйли. - И ей будет хуже, я уверена в этом.

Милая, милая моя Роз!

О, что бы я стала без нее делать?

Печаль ее была так велика, что Оливер, скрывая свою тревогу, стал уговаривать и настойчиво упрашивать, чтобы она успокоилась ради молодой леди.

- Вы подумайте, сударыня, - говорил Оливер, а слезы, несмотря на все его усилия, навертывались ему на глаза, - подумайте о том, какая она молодая и добрая и какую радость и утешение дает она всем окружающим!

Я знаю... я уверен... твердо уверен в том, что

your sake, who are so good yourself; and for her own; and for the sake of all she makes so happy; she will not die.

Heaven will never let her die so young.'

'Hush!' said Mrs. Maylie, laying her hand on Oliver's head.

'You think like a child, poor boy.

But you teach me my duty, notwithstanding.

I had forgotten it for a moment, Oliver, but I hope I may be pardoned, for I am old, and have seen enough of illness and death to know the agony of separation from the objects of our love.

I have seen enough, too, to know that it is not always the youngest and best who are spared to those that love them; but this should give us comfort in our sorrow; for Heaven is just; and such things teach us, impressively, that there is a brighter world than this; and that the passage to it is speedy.

God's will be done!

I love her; and He knows how well!'

Oliver was surprised to see that as Mrs. Maylie said these words, she checked her lamentations as though by one effort; and drawing herself up as she spoke, became composed and firm.

He was still more astonished to find that this firmness lasted; and that, under all the care and watching which ensued, Mrs. Maylie was every ready and collected: performing all the duties which had devolved upon her, steadily, and, to all external appearances, even cheerfully.

But he was young, and did not know what strong minds are capable of, under trying circumstances.

How should he, when their possessors so seldom know themselves?

An anxious night ensued.

When morning came, Mrs. Maylie's predictions were but too well verified.

ради вас, такой же доброй, ради себя самой и ради всех, кого она делает такими счастливыми, она не умрет!

Бог не допустит, чтобы она умерла такой молодой.

- Тише! - сказала миссис Мэйли, кладя руку на голову Оливера.

- Бедный мой мальчик, ты рассуждаешь как дитя.

Но все-таки ты учишь меня моему долгу.

Я на минуту забыла о нем, Оливер, но, надеюсь, мне можно простить, потому что я стара и видела достаточно болезней и смертей, чтобы знать, как мучительна разлука с теми, кого любишь.

Видела я достаточно и убедилась, что не всегда самые юные и добрые бывают сохранены для тех, кто их любит. Но пусть это служит нам утешением в нашей скорби, ибо небеса справедливы, и это свидетельствует о том, что есть иной мир, лучший, чем этот... а переход туда совершается быстро.

Да будет воля божия!

Я люблю ее, и он знает, как я ее люблю!

Оливер с удивлением увидел, что, произнося эти слова, миссис Мэйли, с усилием прервав сетования, выпрямилась и стала спокойной и сдержанной.

Еще более изумился он, убедившись, что эта сдержанность оказалась длительной и, несмотря на все последующие хлопоты и уход за больной, миссис Мэйли всегда оставалась энергичной, спокойной, исполняя свои обязанности неуклонно и, по-видимому, даже бодро.

Но он был молод и не знал, на что способны сильные духом при тяжелых испытаниях.

Да и как мог он знать, если даже люди, сильные духом, так редко сами об этом догадываются.

Настала тревожная ночь.

Наутро предсказания миссис Мэйли, к сожалению, сбылись.

Rose was in the first stage of a high and dangerous fever.

'We must be active, Oliver, and not give way to useless grief,' said Mrs. Maylie, laying her finger on her lip, as she looked steadily into his face; 'this letter must be sent, with all possible expedition, to Mr. Losberne.'

It must be carried to the market-town: which is not more than four miles off, by the footpath across the field: and thence dispatched, by an express on horseback, straight to Chertsey.

The people at the inn will undertake to do this: and I can trust to you to see it done, I know.'

Oliver could make no reply, but looked his anxiety to be gone at once.

'Here is another letter,' said Mrs. Maylie, pausing to reflect; 'but whether to send it now, or wait until I see how Rose goes on, I scarcely know.'

I would not forward it, unless I feared the worst.'

'Is it for Chertsey, too, ma'am?' inquired Oliver; impatient to execute his commission, and holding out his trembling hand for the letter.

'No,' replied the old lady, giving it to him mechanically.

Oliver glanced at it, and saw that it was directed to Harry Maylie, Esquire, at some great lord's house in the country; where, he could not make out.

'Shall it go, ma'am?' asked Oliver, looking up, impatiently.

'I think not,' replied Mrs. Maylie, taking it back.

'I will wait until to-morrow.'

With these words, she gave Oliver her purse, and he started off, without more delay, at the greatest speed he could muster.

У Роз началась жестокая, опасная горячка.

- Мы не должны сидеть сложа руки, Оливер, и поддаваться бесполезной скорби, - сказала миссис Мэйли, приложив палец к губам и пристально всматриваясь в его лицо. - Это письмо следует как можно скорее отправить мистеру Лосберну.

Нужно отнести его в городок, где рынок, - отсюда не больше четырех миль, если идти по тропинке полем, а из города его отошлют с верховым прямо в Чертей.

В гостинице возьмутся это исполнить, а я могу положиться на тебя, что все будет сделано. Я это знаю.

Оливер не ответил ничего, но видно было, что он рвется немедленно отправиться в путь.

- Вот еще одно письмо, - сказала миссис Мэйли и задумалась. - Право, не знаю, посылать ли его сейчас, или подождать, пока увижу, как развивается болезнь Роз.

Мне бы не хотелось его отправлять, пока я не опасюсь худшего.

- Это тоже в Чертей, сударыня? - спросил Оливер, которому не терпелось поскорее исполнить поручение, и он протянул дрожащую руку за письмом.

- Нет, - ответила старая леди, машинально отдавая письмо.

Оливер бросил на него взгляд и увидел, что оно адресовано Гарри Мэйли, эсквайру *, проживающему в поместье знатного лорда - где именно, он не мог разобрать.

- Послать его, сударыня? - с нетерпением спросил Оливер, поднимая глаза.

- Нет, пожалуй, не надо, - ответила миссис Мэйли, беря назад письмо.

- Подожду до завтра.

С этими словами она вручила Оливеру свой кошелек, и он, не медля больше, зашагал так быстро, как только мог.

Swiftly he ran across the fields, and down the little lanes which sometimes divided them: now almost hidden by the high corn on either side, and now emerging on an open field, where the mowers and haymakers were busy at their work: nor did he stop once, save now and then, for a few seconds, to recover breath, until he came, in a great heat, and covered with dust, on the little market-place of the market-town.

Here he paused, and looked about for the inn.

There were a white bank, and a red brewery, and a yellow town-hall; and in one corner there was a large house, with all the wood about it painted green: before which was the sign of 'The George.'

To this he hastened, as soon as it caught his eye.

He spoke to a postboy who was dozing under the gateway; and who, after hearing what he wanted, referred him to the ostler; who after hearing all he had to say again, referred him to the landlord; who was a tall gentleman in a blue neckcloth, a white hat, drab breeches, and boots with tops to match, leaning against a pump by the stable-door, picking his teeth with a silver toothpick.

This gentleman walked with much deliberation into the bar to make out the bill: which took a long time making out: and after it was ready, and paid, a horse had to be saddled, and a man to be dressed, which took up ten good minutes more.

Meanwhile Oliver was in such a desperate state of impatience and anxiety, that he felt as if he could have jumped upon the horse himself, and galloped away, full tear, to the next stage.

At length, all was ready; and the little parcel having been handed up, with many injunctions and entreaties for its speedy delivery, the man set spurs to his horse, and rattling over the uneven paving of the market-place, was out of the town, and galloping along the turnpike-road, in a couple of minutes.

As it was something to feel certain that assistance was sent for, and that no time had been lost, Oliver hurried up the inn-yard, with a somewhat

Он бежал по полям и тропинкам, кое-где разделявшим их; то почти скрывался в высоких хлебах, то выходил на открытый луг, где косили и склады-вали в копны сено; лишь изредка задерживался он на несколько секунд, чтобы передохнуть, и, наконец, вышел, разгоряченный и покрытый пылью, на рыночную площадь маленького городка.

Здесь он остановился и осмотрелся, отыскивая гостиницу.

На площади находились белое здание банка, красная пивоварня и желтая ратуша, а на углу стоял большой деревянный дом, окрашенный в зеленый цвет, на фасаде которого виднелась вывеска Джорджа.

К этому дому и бросился Оливер, как только его заметил.

Он заговорил, с фореитором, дремавшим в подворотне, который, выслушав, направил его к конюху, а тот к хозяину гостиницы, высокому джентльмену в синем галстуке, белой шляпе, темных штанах и сапогах с отворотами, который, прислонясь к насосу у ворот конюшни, ковырял в зубах серебряной зубочисткой.

Сей джентльмен неторопливо пошел в буфетную выписать счет, что отняло много времени; когда счет был готов и оплачен, нужно было оседлать лошадь, а человеку одеться, и на это ушло еще добрых десять минут.

Оливер был в таком нетерпении и тревоге, что не прочь был сам вскочить в седло и мчаться галопом до следующей станции.

Наконец, все было готово; и когда маленький пакет был вручен вместе с предписаниями и мольбами как можно скорее его доставить, человек прищипорил лошадь и поскакал по неровной мостовой рыночной площади; минуты через две он был уже за городом и мчался по дороге к заставе.

Так как было нечто успокоительное в сознании, что за помощью послано и ни минуты не потеряно, Оливер, у которого немножко отлегло

lighter heart.

He was turning out of the gateway when he accidentally stumbled against a tall man wrapped in a cloak, who was at that moment coming out of the inn door.

'Hah!' cried the man, fixing his eyes on Oliver, and suddenly recoiling.

'What the devil's this?'

'I beg your pardon, sir,' said Oliver; 'I was in a great hurry to get home, and didn't see you were coming.'

'Death!' muttered the man to himself, glaring at the boy with his large dark eyes.

'Who would have thought it!

Grind him to ashes! He'd start up from a stone coffin, to come in my way!'

'I am sorry,' stammered Oliver, confused by the strange man's wild look.

'I hope I have not hurt you!'

'Rot you!' murmured the man, in a horrible passion; between his clenched teeth; 'if I had only had the courage to say the word, I might have been free of you in a night.

Curses on your head, and black death on your heart, you imp!

What are you doing here?'

The man shook his fist, as he uttered these words incoherently.

He advanced towards Oliver, as if with the intention of aiming a blow at him, but fell violently on the ground: writhing and foaming, in a fit.

Oliver gazed, for a moment, at the struggles of the madman (for such he supposed him to be); and then darted into the house for help.

Having seen him safely carried into the hotel, he turned his face homewards, running as fast as he could, to make up for lost time: and recalling with

от сердца, побежал через двор гостиницы.

В воротах он неожиданно налетел на высокого, закутанного в плащ человека, выходившего в тот момент из гостиницы.

- Ого! - вскричал этот человек, взглянув на Оливера и внезапно попятившись.

- Черт возьми, что это значит?

- Простите, сэр, - сказал Оливер, - я очень спешил домой и не заметил, как вы вышли.

- Проклятье! - пробормотал человек, впиваясь в мальчика своими большими темными глазами.

- Кто бы подумал!

Разотрите его в порошок - он все равно выскочит из каменного гроба, чтобы встать на моем пути!

- Простите, - заикаясь, сказал Оливер, смущенный безумным взглядом странного человека.

- Надеюсь, я вас не ушиб?

- Черт бы тебя побрал! - проскрежетал тот, вне себя от бешенства. - Если бы только хватило у меня храбрости сказать слово, я бы от тебя отделался в одну ночь.

Проклятье на твою голову, чуму тебе в сердце, чертенок!

Что ты тут делаешь?

Бессвязно произнеся эти слова, человек потряс кулаком.

Он шагнул к Оливеру, словно намереваясь его ударить, но вдруг упал на землю с пеной у рта, корчась в припадке.

Одно мгновение Оливер смотрел на судороги сумасшедшего (он принял его за сумасшедшего), потом бросился в дом звать на помощь.

Убедившись, что того благополучно перенесли в гостиницу, Оливер побежал домой как можно быстрее, чтобы наверстать потерянное время, и

a great deal of astonishment and some fear, the extraordinary behaviour of the person from whom he had just parted.

The circumstance did not dwell in his recollection long, however: for when he reached the cottage, there was enough to occupy his mind, and to drive all considerations of self completely from his memory.

Rose Maylie had rapidly grown worse; before midnight she was delirious.

A medical practitioner, who resided on the spot, was in constant attendance upon her; and after first seeing the patient, he had taken Mrs. Maylie aside, and pronounced her disorder to be one of a most alarming nature.

'In fact,' he said, 'it would be little short of a miracle, if she recovered.'

How often did Oliver start from his bed that night, and stealing out, with noiseless footstep, to the staircase, listen for the slightest sound from the sick chamber!

How often did a tremble shake his frame, and cold drops of terror start upon his brow, when a sudden trampling of feet caused him to fear that something too dreadful to think of, had even then occurred!

And what had been the fervency of all the prayers he had ever muttered, compared with those he poured forth, now, in the agony and passion of his supplication for the life and health of the gentle creature, who was tottering on the deep grave's verge!

Oh! the suspense, the fearful, acute suspense, of standing idly by while the life of one we dearly love, is trembling in the balance!

Oh! the racking thoughts that crowd upon the mind, and make the heart beat violently, and the breath come thick, by the force of the images they conjure up before it; the desperate anxiety to be doing something to relieve the pain, or lessen the danger, which we have no power to alleviate; the sinking of soul and spirit, which the sad remembrance of our helplessness produces; what tortures can equal these; what reflections or endeavours can, in the full tide and fever of the

с великим изумлением и не без страха размышлял о странном поведении человека, с которым только что расстался.

Впрочем, это происшествие недолго его занимало, ибо когда он вернулся в коттедж, событий там было достаточно, чтобы дать пищу для размышлений и стереть из памяти все мысли о самом себе.

Роз Мэйли стало хуже; еще до полуночи она начала бредить.

Врач, проживавший в этом местечке, не отходил от ее постели; осмотрев больную, он отвел в сторону миссис Мэйли и объявил, что болезнь опасна.

- Чудо, если она выздоровеет, - сказал он.

Сколько раз Оливер вставал в ту ночь с постели и, крадучись выйдя на лестницу, прислушивался к малейшему звуку, доносившемуся из комнаты больной!

Сколько раз начинал он дрожать всем телом, и от ужаса на лбу у него выступал холодный пот, когда внезапно раздавшиеся торопливые шаги заставляли его опасаться, что уже совершилось то, о чем слишком страшно было думать!

И можно ли было сравнить прежние пламенные его молитвы с теми, какие возносил он теперь, молясь в тоске и отчаянии о жизни и здоровье кроткого существа, стоявшего у самого края могилы!

О, какое это жестокое мучение - быть беспомощным в то время, когда жизнь того, кого мы горячо любим, колеблется на чаше весов!

О, эти мучительные мысли, которые теснятся в мозгу и силой образов, вызванных ими, заставляют неистово биться сердце и тяжело дышать! О, это страстное желание хоть что-нибудь делать, чтобы облегчить страдания или уменьшить опасность, которую мы не в силах устранить; уныние души, вызванное печальным воспоминанием о нашей беспомощности, - какие пытки могут сравниться с этими, какие думы или усилия могут в самую трудную и

time, allay them!

Morning came; and the little cottage was lonely and still.

People spoke in whispers; anxious faces appeared at the gate, from time to time; women and children went away in tears.

All the livelong day, and for hours after it had grown dark, Oliver paced softly up and down the garden, raising his eyes every instant to the sick chamber, and shuddering to see the darkened window, looking as if death lay stretched inside.

Late that night, Mr. Losberne arrived.

'It is hard,' said the good doctor, turning away as he spoke; 'so young; so much beloved; but there is very little hope.'

Another morning.

The sun shone brightly; as brightly as if it looked upon no misery or care; and, with every leaf and flower in full bloom about her; with life, and health, and sounds and sights of joy, surrounding her on every side: the fair young creature lay, wasting fast.

Oliver crept away to the old churchyard, and sitting down on one of the green mounds, wept and prayed for her, in silence.

There was such peace and beauty in the scene; so much of brightness and mirth in the sunny landscape; such blithesome music in the songs of the summer birds; such freedom in the rapid flight of the rook, careering overhead; so much of life and joyousness in all; that, when the boy raised his aching eyes, and looked about, the thought instinctively occurred to him, that this was not a time for death; that Rose could surely never die when humbler things were all so glad and gay; that graves were for cold and cheerless winter: not for sunlight and fragrance.

He almost thought that shrouds were for the old and shrunken; and that they never wrapped the young and graceful form in their ghastly folds.

горячую минуту их ослабить!

Настало утро, а в маленьком коттедже было тихо.

Говорили шепотом. Время от времени у ворот появлялись встревоженные лица; женщины и дети уходили в слезах.

Весь этот бесконечный день до самой ночи Оливер ходил по саду и поминутно поглядывал с дрожью на окно комнаты больной, и ему казалось, что над ним простерлась смерть.

Поздно вечером приехал мистер Лосберн...

- Как это тяжело! - сказал добряк-доктор, отворачиваясь при этом в сторону. - Такая молодая, всеми любимая! Но надежды очень мало.

Снова утро.

Ярко светило солнце - так ярко, словно не видело ни горя, ни забот; вокруг была пышная листва и цветы, жизнь, здоровье - звуки и картины, вещавшие о радости, а прекрасное юное создание быстро угасало.

Оливер прокрался на старое кладбище и, присев на зеленый холмик, плакал и молился о ней в тишине.

Такой был покой и так прекрасно вокруг, таким радостным казался озаренный солнцем пейзаж, такая веселая музыка слышалась в песнях летних птиц, так вольно над самой головой проносился грач, столько было жизни и радости, что мальчик, подняв болевшие от слез глаза и осмотревшись вокруг, невольно подумал о том, что сейчас не время для смерти, что Роз, конечно, не может умереть, когда так веселы и беззаботны все эти бесхитростные создания, что время рыть могилы в холодную и унылую зимнюю пору, а не теперь, когда все залито солнцем и благоухает.

Он невольно подумал, что и саваны предназначены для морщинистых стариков и никогда не облекали своими страшными складками молодое и прекрасное тело.

A knell from the church bell broke harshly on these youthful thoughts.

Another!

Again!

It was tolling for the funeral service.

A group of humble mourners entered the gate: wearing white favours; for the corpse was young.

They stood uncovered by a grave; and there was a mother — a mother once — among the weeping train.

But the sun shone brightly, and the birds sang on.

Oliver turned homeward, thinking on the many kindnesses he had received from the young lady, and wishing that the time could come again, that he might never cease showing her how grateful and attached he was.

He had no cause for self-reproach on the score of neglect, or want of thought, for he had been devoted to her service; and yet a hundred little occasions rose up before him, on which he fancied he might have been more zealous, and more earnest, and wished he had been.

We need be careful how we deal with those about us, when every death carries to some small circle of survivors, thoughts of so much omitted, and so little done — of so many things forgotten, and so many more which might have been repaired!

There is no remorse so deep as that which is unavailing; if we would be spared its tortures, let us remember this, in time.

When he reached home Mrs. Maylie was sitting in the little parlour.

Oliver's heart sank at sight of her; for she had never left the bedside of her niece; and he trembled to think what change could have driven her away.

He learnt that she had fallen into a deep sleep, from which she would waken, either to recovery and life, or to bid them farewell, and die.

Похоронный звон церковного колокола грубо оборвал Эти детские размышления.

Еще один удар!

Еще!

Они возвещали о погребальной службе.

В ворота вошла скромная группа провожающих; на них были белые банты, потому что покойник был молод.

С обнаженной головой они стояли у могилы, и среди плачущих была мать - мать, потерявшая ребенка.

Но ярко светило солнце и птицы пели.

Оливер побрел домой, размышляя о том, сколько добра видел он от молодой леди, и мечтая, чтобы вновь вернулось то время и он мог бы неустанно доказывать ей свою благодарность и привязанность.

У него не было никаких оснований упрекать себя в небрежности или невнимании - он служил ей преданно, и тем не менее припоминались сотни мелких случаев, когда, казалось ему, он мог бы проявить больше усердия и рвения, и он сожалел, что этого не сделал.

Мы должны быть осторожны в своих отношениях с теми, кто нас окружает, ибо каждая смерть приносит маленькому кружку оставшихся в живых мысль о том, как много было упущено и как мало сделано, сколько позабытого и еще больше непоправимого!

Нет раскаяния более жестокого, чем раскаяние бесполезное; если мы хотим избавить себя от его мук, вспомним об этом, пока не поздно.

Когда он вернулся домой, миссис Мэйли сидела в маленькой гостиной.

При виде ее у Оливера замерло сердце: она ни разу не отходила от постели своей племянницы, и он страшился подумать, какая перемена заставила ее уйти.

Он узнал, что Роз погрузилась в глубокий сон и, очнувшись ото сна, либо выздоровеет и будет жить, либо простится с ними и умрет.

They sat, listening, and afraid to speak, for hours.

The untasted meal was removed, with looks which showed that their thoughts were elsewhere, they watched the sun as he sank lower and lower, and, at length, cast over sky and earth those brilliant hues which herald his departure.

Their quick ears caught the sound of an approaching footstep.

They both involuntarily darted to the door, as Mr. Losberne entered.

'What of Rose?' cried the old lady.

'Tell me at once!

I can bear it; anything but suspense!

Oh, tell me! in the name of Heaven!'

'You must compose yourself,' said the doctor supporting her.

'Be calm, my dear ma'am, pray.'

'Let me go, in God's name!

My dear child!

She is dead!

She is dying!'

'No!' cried the doctor, passionately.

'As He is good and merciful, she will live to bless us all, for years to come.'

The lady fell upon her knees, and tried to fold her hands together; but the energy which had supported her so long, fled up to Heaven with her first thanksgiving; and she sank into the friendly arms which were extended to receive her.

CHAPTER XXXIV — CONTAINS SOME INTRODUCTORY PARTICULARS RELATIVE TO A YOUNG GENTLEMAN WHO NOW ARRIVES UPON THE SCENE; AND A NEW ADVENTURE WHICH HAPPENED TO OLIVER

В течение нескольких часов они сидели, прислушиваясь и боясь заговорить.

Обед унесли нетронутым; видно было, что мысли их витают где-то в другом месте, когда они следили, как солнце опускалось все ниже и ниже и, наконец, окрасило небо и землю в те радужные тона, которые возвещают закат.

Их чуткий слух уловил шум приближающихся шагов.

Они невольно бросились к двери; вошел мистер Лосберн.

- Что Роз? - вскричала старая леди.

- Скажите сразу!

Я могу это вынести, я вынесу все, кроме неизвестности!

Говорите же, ради бога!

- Вы должны успокоиться! - поддерживая ее, сказал доктор.

- Прошу вас, сударыня, успокойтесь, дорогая моя!

- Пустите меня, ради бога!

Дорогое мое дитя!

Она умерла!

Умирает!

- Нет! - с жаром воскликнул доктор.

- Бог милостив, она будет жить еще много лет на радость всем нам!

Леди упала на колени и попыталась сложить руки, но силы, так долго ее поддерживавшие, унеслись к небесам вместе с первой благодарственной молитвой, и она опустилась на руки друга.

ГЛАВА XXXIV — содержит некоторые предварительные сведения о молодом джентльмене, который появляется на сцене, а также новое приключение Оливера

It was almost too much happiness to bear.

Oliver felt stunned and stupefied by the unexpected intelligence; he could not weep, or speak, or rest.

He had scarcely the power of understanding anything that had passed, until, after a long ramble in the quiet evening air, a burst of tears came to his relief, and he seemed to awaken, all at once, to a full sense of the joyful change that had occurred, and the almost insupportable load of anguish which had been taken from his breast.

The night was fast closing in, when he returned homeward: laden with flowers which he had culled, with peculiar care, for the adornment of the sick chamber.

As he walked briskly along the road, he heard behind him, the noise of some vehicle, approaching at a furious pace.

Looking round, he saw that it was a post-chaise, driven at great speed; and as the horses were galloping, and the road was narrow, he stood leaning against a gate until it should have passed him.

As it dashed on, Oliver caught a glimpse of a man in a white nightcap, whose face seemed familiar to him, although his view was so brief that he could not identify the person.

In another second or two, the nightcap was thrust out of the chaise-window, and a stentorian voice bellowed to the driver to stop: which he did, as soon as he could pull up his horses. Then, the nightcap once again appeared: and the same voice called Oliver by his name.

'Here!' cried the voice.

'Oliver, what's the news?

Miss Rose!

Master O-li-ver!'

'Is is you, Giles?' cried Oliver, running up to the chaise-door.

Giles popped out his nightcap again, preparatory

Это счастье было почти непосильно.

Оливер был ошеломлен и оглушен неожиданной вестью. Он не мог плакать, разговаривать, дышать.

Он с трудом понимал происходившее, долго бродил, вдыхая вечерний воздух, и, наконец, хлынувшие слезы принесли ему облегчение, и он словно очнулся вдруг и осознал вполне ту радостную перемену, какая произошла, и как безгранично тяжело было бремя тревоги, которое сняли с его плеч.

Быстро сгущались сумерки, когда он возвращался домой, нагруженный цветами, которые собирал с особенной заботливостью, чтобы украсить комнату больной.

Бодро шагая по дороге, он услышал за спиной шум бешено мчавшегося экипажа.

Оглянувшись, он увидел быстро приближавшуюся почтовую карету и, так как лошади неслись галопом, а дорога была узкая, прислонился к каким-то воротам, чтобы ее пропустить.

Когда карета поравнялась с ним, Оливер мельком увидел человека в белом ночном колпаке, лицо которого показалось ему знакомым, хотя за это короткое мгновение он не мог его узнать.

Секунды через две ночной колпак высунулся из окна кареты, а зычный голос приказал кучеру остановиться, что тот и исполнил, как только ему удалось справиться с лошадьми.

- Сюда! - крикнул голос.

- Оливер, что нового?

Мисс Роз?

О-ли-вер!

- Это вы, Джайлс? - закричал Оливер, подбегая к дверце кареты.

Джайлс снова высунул свой ночной колпак,

to making some reply, when he was suddenly pulled back by a young gentleman who occupied the other corner of the chaise, and who eagerly demanded what was the news.

'In a word!' cried the gentleman,

'Better or worse?'

'Better — much better!' replied Oliver, hastily.

'Thank Heaven!' exclaimed the gentleman.

'You are sure?'

'Quite, sir,' replied Oliver.

'The change took place only a few hours ago; and Mr. Losberne says, that all danger is at an end.'

The gentleman said not another word, but, opening the chaise-door, leaped out, and taking Oliver hurriedly by the arm, led him aside.

'You are quite certain?'

There is no possibility of any mistake on your part, my boy, is there?' demanded the gentleman in a tremulous voice.

'Do not deceive me, by awakening hopes that are not to be fulfilled.'

'I would not for the world, sir,' replied Oliver.

'Indeed you may believe me.'

Mr. Losberne's words were, that she would live to bless us all for many years to come.

I heard him say so.'

The tears stood in Oliver's eyes as he recalled the scene which was the beginning of so much happiness; and the gentleman turned his face away, and remained silent, for some minutes.

Oliver thought he heard him sob, more than once; but he feared to interrupt him by any fresh remark — for he could well guess what his feelings were — and so stood apart, feigning to be occupied with his nosegay.

All this time, Mr. Giles, with the white nightcap on,

собираясь ответить, как вдруг его оттолкнул назад молодой джентльмен, занимавший другой угол кареты, и с нетерпением спросил, что нового.

- Одно слово! - крикнул джентльмен.

- Лучше или хуже?

- Лучше, гораздо лучше! - поспешил ответить Оливер.

- Слава богу! - воскликнул джентльмен.

- Ты уверен?

- Совершенно уверен, сэр! - ответил Оливер.

- Кризис был всего несколько часов назад, и мистер Лосберн говорит, что всякая опасность миновала.

Джентльмен, не произнося ни слова, открыл дверцу, выпрыгнул из кареты и, схватив Оливера под руку, отвел его в сторону.

- Ты совершенно уверен?

Ты не ошибаешься, мой мальчик? - дрожащим голосом спросил он.

- Не обманывай меня, пробуждая надежду, которой не суждено сбыться.

- Ни за что на свете я бы этого не сделал, сэр, - ответил Оливер.

- Право же, вы можете мне поверить!

Вот слова мистера Лосберна: "Она будет жить еще много лет на радость всем нам".

Я сам слышал, как он это сказал.

У Оливера слезы выступили на глазах, когда он припомнил минуту, даровавшую такое великое счастье; а джентльмен молча отвернулся.

Оливеру не один раз чудилось, будто он слышит его рыдания, но он боялся помешать ему каким-нибудь замечанием, ибо легко угадывал, что у него на душе, - а потому стоял в сторонке и делал вид, будто занят своим букетом.

Между тем мистер Джайлс, в белом ночном

had been sitting on the steps of the chaise, supporting an elbow on each knee, and wiping his eyes with a blue cotton pocket-handkerchief dotted with white spots.

That the honest fellow had not been feigning emotion, was abundantly demonstrated by the very red eyes with which he regarded the young gentleman, when he turned round and addressed him.

'I think you had better go on to my mother's in the chaise, Giles,' said he.

'I would rather walk slowly on, so as to gain a little time before I see her.

You can say I am coming.'

'I beg your pardon, Mr. Harry,' said Giles: giving a final polish to his ruffled countenance with the handkerchief; 'but if you would leave the postboy to say that, I should be very much obliged to you.

It wouldn't be proper for the maids to see me in this state, sir; I should never have any more authority with them if they did.'

'Well,' rejoined Harry Maylie, smiling, 'you can do as you like.

Let him go on with the luggage, if you wish it, and do you follow with us.

Only first exchange that nightcap for some more appropriate covering, or we shall be taken for madmen.'

Mr. Giles, reminded of his unbecoming costume, snatched off and pocketed his nightcap; and substituted a hat, of grave and sober shape, which he took out of the chaise.

This done, the postboy drove off; Giles, Mr. Maylie, and Oliver, followed at their leisure.

As they walked along, Oliver glanced from time to time with much interest and curiosity at the new comer.

колпаке, сидел на подножке кареты, опершись обоими локтями о колени и утирая глаза бумажным носовым платком, синим в белую крапинку.

Бедняга отнюдь не притворялся взволнованным - об этом явно свидетельствовали очень красные глаза, которые он поднял на молодого джентльмена, когда тот повернулся и заговорил с ним.

- Пожалуй, лучше будет, Джайлс, если вы сядете в карсту и поедете к моей матери, - сказал он.

- А я предпочел бы пройтись пешком, чтобы выиграть время, прежде чем увижу ее.

Можете сказать ей, что я сейчас приду.

- Прошу прощения, мистер Гарри, - сказал Джайлс, наводя носовым платком последний лоск на свою взбудораженную физиономию, - но если бы вы приказали фореитору передать это поручение, я был бы вам весьма признателен.

Не годится, чтобы служанки видели меня в таком состоянии, сэр... Я утрачу всякий авторитет в их глазах.

- Хорошо, - с улыбкой ответил Гарри Мэйли, - поступайте как знаете.

Пусть он отправляется вперед с багажом, если вам это по вкусу, а вы следуйте за ним вместе с нами.

Но сначала смените этот ночной колпак на более приличный головной убор, не то нас примут за сумасшедших.

Мистер Джайлс, получив напоминание о неподобающем своем наряде, сорвал с головы и спрятал в карман ночной колпак и заменил его шляпой солидного и простого фасона, которую достал из кареты.

Когда с этим было покончено, фореитор поехал дальше; Джайлс, мистер Мэйли и Оливер следовали за ним не спеша.

Дорогой Оливер с большим интересом и любопытством посматривал на приезжего.

He seemed about five-and-twenty years of age, and was of the middle height; his countenance was frank and handsome; and his demeanor easy and prepossessing.

Notwithstanding the difference between youth and age, he bore so strong a likeness to the old lady, that Oliver would have had no great difficulty in imagining their relationship, if he had not already spoken of her as his mother.

Mrs. Maylie was anxiously waiting to receive her son when he reached the cottage.

The meeting did not take place without great emotion on both sides.

'Mother!' whispered the young man; 'why did you not write before?'

'I did,' replied Mrs. Maylie; 'but, on reflection, I determined to keep back the letter until I had heard Mr. Losberne's opinion.'

'But why,' said the young man, 'why run the chance of that occurring which so nearly happened?'

If Rose had — I cannot utter that word now — if this illness had terminated differently, how could you ever have forgiven yourself!

How could I ever have known happiness again!'

'If that had been the case, Harry,' said Mrs. Maylie, 'I fear your happiness would have been effectually blighted, and that your arrival here, a day sooner or a day later, would have been of very, very little import.'

'And who can wonder if it be so, mother?' rejoined the young man; 'or why should I say, if? — It is — it is — you know it, mother — you must know it!'

'I know that she deserves the best and purest love the heart of man can offer,' said Mrs. Maylie; 'I know that the devotion and affection of her nature require no ordinary return, but one that shall be deep and lasting.'

If I did not feel this, and know, besides, that a changed behaviour in one she loved would break

На вид ему было лет двадцать пять; он был среднего роста, лицо открытое и красивое, обхождение простое и непринужденное.

Невзирая на разницу в возрасте, он так походил на пожилую леди, что Оливер мог бы догадаться об их родстве, даже если бы он не упомянул о ней как о своей матери.

Когда он подходил к коттеджу, миссис Мэйли с нетерпением поджидала сына.

При встрече оба были очень взволнованы.

- Маменька, - прошептал молодой человек, - почему вы не написали раньше?

- Я написала, - ответила миссис Мэйли, - но, подумав, решила не посылать письма, пока не услышу мнение мистера Лосберна.

- Но зачем, - продолжал молодой человек, - зачем было рисковать, когда могло случиться то, что едва не случилось?

Если бы Роз... нет, сейчас я не могу выговорить это слово... если бы исход болезни оказался иным, разве могли бы вы когда-нибудь простить себе?

Разве мог бы я когда-нибудь быть снова счастливым?

- Случись самое скверное, Гарри, - сказала миссис Мэйли, - твоя жизнь, боюсь, была бы навсегда разбита, и тогда имело бы очень, очень мало значения, приехал ты сюда днем раньше или позже.

- А если и так, что удивительного? - возразил молодой человек. - И зачем говорить если? Это так и есть, так и есть... вы это знаете, маменька... должны знать.

- Я знаю, что она заслуживает самой нежной и чистой любви, на какую способно сердце мужчины, - сказала миссис Мэйли, - знаю, что ее преданная и любящая натура требует не легкого чувства, но глубокого и постоянного.

Если бы я этого не понимала и не знала вдобавок, что, изменись к ней тот, кого она

her heart, I should not feel my task so difficult of performance, or have to encounter so many struggles in my own bosom, when I take what seems to me to be the strict line of duty.'

'This is unkind, mother,' said Harry.

'Do you still suppose that I am a boy ignorant of my own mind, and mistaking the impulses of my own soul?'

'I think, my dear son,' returned Mrs. Maylie, laying her hand upon his shoulder, 'that youth has many generous impulses which do not last; and that among them are some, which, being gratified, become only the more fleeting.

Above all, I think' said the lady, fixing her eyes on her son's face, 'that if an enthusiastic, ardent, and ambitious man marry a wife on whose name there is a stain, which, though it originate in no fault of hers, may be visited by cold and sordid people upon her, and upon his children also: and, in exact proportion to his success in the world, be cast in his teeth, and made the subject of sneers against him: he may, no matter how generous and good his nature, one day repent of the connection he formed in early life.

And she may have the pain of knowing that he does so.'

'Mother,' said the young man, impatiently, 'he would be a selfish brute, unworthy alike of the name of man and of the woman you describe, who acted thus.'

'You think so now, Harry,' replied his mother.

'And ever will!' said the young man.

'The mental agony I have suffered, during the last two days, wrings from me the avowal to you of a passion which, as you well know, is not one of yesterday, nor one I have lightly formed.

On Rose, sweet, gentle girl! my heart is set, as firmly as ever heart of man was set on woman.

любит, она тут же умерла бы с горя, я почла бы свою задачу не столь трудной и с легким сердцем взялась бы за исполнение того, что считаю своим непреложным долгом.

- Это жестоко, маменька, - сказал Гарри.

- Неужели вы до сих пор смотрите на меня как на мальчика, не ведающего своего собственного сердца и не понимающего стремлений своей души?

- Я думаю, дорогой мой сын, - ответила миссис Мэйли, положив руку ему на плечо, - что юности свойственны благородные стремления, которые не бывают длительными, а среди них есть такие, которые, будучи удовлетворены, оказываются еще более мимолетными.

А прежде всего я думаю, - продолжала леди, не спуская глаз с сына, - что если восторженный, пылкий и честолюбивый человек вступает в брак с девушкой, на чьем имени лежит пятно, то хотя она в этом не повинна, бессердечные и дурные люди могут карать и ее и их детей и, по мере его успеха в свете, напоминать ему об этом пятне и издеваться над ним; и я думаю, что этот человек - как бы ни был он великодушен и добр по природе - может когда-нибудь раскаяться в союзе, какой заключил в молодости.

А она, зная об этом, будет страдать.

- Маменька, - нетерпеливо сказал молодой человек, - тот, кто поступил бы так, недостоин называться мужчиной и недостоин женщины, которую вы описываете.

- Так думаешь ты теперь, Гарри, - отозвалась мать.

- И так буду думать всегда! - воскликнул молодой человек.

- Душевная пытка, какую я претерпел за эти два дня, вырывает у меня признание в страсти, которая, как вам хорошо известно, родилась не вчера и возникла не вследствие моего легкомыслия.

Роз, милой, кроткой девушке, навсегда отдано мое сердце, как только может быть отдано

I have no thought, no view, no hope in life, beyond her; and if you oppose me in this great stake, you take my peace and happiness in your hands, and cast them to the wind.

Mother, think better of this, and of me, and do not disregard the happiness of which you seem to think so little.'

'Harry,' said Mrs. Maylie, 'it is because I think so much of warm and sensitive hearts, that I would spare them from being wounded.

But we have said enough, and more than enough, on this matter, just now.'

'Let it rest with Rose, then,' interposed Harry.

'You will not press these overstrained opinions of yours, so far, as to throw any obstacle in my way?'

'I will not,' rejoined Mrs. Maylie; 'but I would have you consider — '

'I have considered!' was the impatient reply;

'Mother, I have considered, years and years.

I have considered, ever since I have been capable of serious reflection.

My feelings remain unchanged, as they ever will; and why should I suffer the pain of a delay in giving them vent, which can be productive of no earthly good?

No!

Before I leave this place, Rose shall hear me.'

'She shall,' said Mrs. Maylie.

'There is something in your manner, which would almost imply that she will hear me coldly, mother,' said the young man.

'Not coldly,' rejoined the old lady; 'far from it.'

'How then?' urged the young man.

'She has formed no other attachment?'

женщине сердце мужчины.

Все мои мысли, стремления, надежды связаны с нею, и, препятствуя мне в этом, вы берете в свои руки мое спокойствие и счастье и пускаете их по ветру.

Маменька, подумайте хорошенько об этом и обо мне и не пренебрегайте тем счастьем, о котором вы как будто так мало думаете!

- Гарри! - воскликнула миссис Мэйли. - Как раз потому, что я так много думаю о горячих и чувствительных сердцах, мне бы хотелось избавить их от ран.

Но сейчас сказано об этом достаточно, более чем достаточно...

- В таком случае пусть решает Роз, - перебил Гарри.

- Вы не будете отстаивать свои взгляды, чтобы создавать препятствия на моем пути?

- Нет, - ответила миссис Мэйли, - но мне бы хотелось, чтобы ты подумал...

- Я д_у_м_а_л! - последовал нетерпеливый ответ.

- Мама, я думал годы и годы.

Я начал думать об этом, как только стал способен рассуждать серьезно.

Мои чувства неизменны, и такими они останутся. К чему мне терпеть мучительную отсрочку и сдерживать их, раз это ничего доброго принести не может?

Нет!

Прежде чем я отсюда уеду, Роз должна меня выслушать.

- Она выслушает, - сказала миссис Мэйли.

- Судя по вашему тону, вы как будто полагаете, маменька, что она выслушает меня холодно, - сказал молодой человек.

- Нет, не холодно, - ответила старая леди. - Совсем нет.

- Тогда как? - настаивал молодой человек.

- Не отдала ли она свое сердце другому?

'No, indeed,' replied his mother; 'you have, or I mistake, too strong a hold on her affections already.'

What I would say,' resumed the old lady, stopping her son as he was about to speak, 'is this. Before you stake your all on this chance; before you suffer yourself to be carried to the highest point of hope; reflect for a few moments, my dear child, on Rose's history, and consider what effect the knowledge of her doubtful birth may have on her decision: devoted as she is to us, with all the intensity of her noble mind, and with that perfect sacrifice of self which, in all matters, great or trifling, has always been her characteristic.'

'What do you mean?'

'That I leave you to discover,' replied Mrs. Maylie.

'I must go back to her.'

God bless you!'

'I shall see you again to-night?' said the young man, eagerly.

'By and by,' replied the lady; 'when I leave Rose.'

'You will tell her I am here?' said Harry.

'Of course,' replied Mrs. Maylie.

'And say how anxious I have been, and how much I have suffered, and how I long to see her.'

You will not refuse to do this, mother?'

'No,' said the old lady;

'I will tell her all.'

And pressing her son's hand, affectionately, she hastened from the room.

Mr. Losberne and Oliver had remained at another end of the apartment while this hurried conversation was proceeding.

The former now held out his hand to Harry Maylie; and hearty salutations were exchanged between them.

- Конечно, нет! - сказала его мать. - Если не ошибаюсь, ее сердце принадлежит тебе.

Но вот что хотелось бы мне сказать, - продолжала старая леди, удерживая сына, когда тот хотел заговорить, - прежде чем ставить все на эту карту, прежде чем позволить себе унести на крыльях надежды, подумай минутку, дорогое мое дитя, об истории Роз и рассуди, как может повлиять на ее решение то, что она знает о своем сомнительном происхождении, раз она так предана нам всей своей благородной душой и всегда так безгранично готова пренебречь своими интересами - как в серьезных делах, так и в пустяках.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я предоставляю тебе подумать, - отозвалась миссис Мэйли.

- Я должна вернуться к ней.

Да благословит тебя бог!

- Мы еще увидимся сегодня вечером? - с волнением спросил молодой человек.

- Позднее, - ответила леди, - когда я приду от Роз.

- Вы ей скажете, что я здесь? - спросил Гарри.

- Конечно, - ответила миссис Мэйли.

- И скажете, в какой я был тревоге, сколько страдал и как хочу ее видеть.

Вы не откажете мне в этом, маменька?

- Нет, - отозвалась старая леди.

- Я скажу ей все.

И, ласково пожав сыну руку, она вышла.

Пока шел этот торопливый разговор, мистер Лосберн и Оливер оставались в другом конце комнаты.

Теперь мистер Лосберн протянул руку Гарри Мэйли, и они обменялись сердечными приветствиями.

The doctor then communicated, in reply to multifarious questions from his young friend, a precise account of his patient's situation; which was quite as consolatory and full of promise, as Oliver's statement had encouraged him to hope; and to the whole of which, Mr. Giles, who affected to be busy about the luggage, listened with greedy ears.

'Have you shot anything particular, lately, Giles?' inquired the doctor, when he had concluded.

'Nothing particular, sir,' replied Mr. Giles, colouring up to the eyes.

'Nor catching any thieves, nor identifying any house-breakers?' said the doctor.

'None at all, sir,' replied Mr. Giles, with much gravity.

'Well,' said the doctor, 'I am sorry to hear it, because you do that sort of thing admirably.

Pray, how is Brittles?'

'The boy is very well, sir,' said Mr. Giles, recovering his usual tone of patronage; 'and sends his respectful duty, sir.'

'That's well,' said the doctor.

'Seeing you here, reminds me, Mr. Giles, that on the day before that on which I was called away so hurriedly, I executed, at the request of your good mistress, a small commission in your favour.

Just step into this corner a moment, will you?'

Mr. Giles walked into the corner with much importance, and some wonder, and was honoured with a short whispering conference with the doctor, on the termination of which, he made a great many bows, and retired with steps of unusual stateliness.

The subject matter of this conference was not disclosed in the parlour, but the kitchen was speedily enlightened concerning it; for Mr. Giles walked straight thither, and having called for a

Затем доктор в ответ на многочисленные вопросы своего молодого друга дал точный отчет о состоянии больной, оказавшейся не менее утешительным, чем слова Оливера, пробудившие в нем надежду. Мистер Джайлс, делая вид, будто занят багажом, прислушивался, наострив уши.

- За последнее время ничего особенного не подстрелили, Джайлс? - осведомился доктор, закончив отчет.

- Ничего особенного, сэр, - ответил мистер Джайлс, покраснев до ушей.

- И воров никаких не поймали и никаких грабителей не опознали? - продолжал доктор.

- Никаких, сэр, - важно ответил мистер Джайлс.

- Жаль, - сказал доктор, - потому что такого рода дела вы обделываете превосходно...

А скажите, пожалуйста, как поживает Бриттлс?

- Паренек чувствует себя прекрасно, сэр, - ответил мистер Джайлс, вновь обретая свой обычный, снисходительный тон, - и просит засвидетельствовать вам свое глубокое уважение.

- Отлично, - сказал доктор.

- При виде вас я вспомнил, мистер Джайлс, что за день до того, как меня так поспешно вызвали, я исполнил, по просьбе вашей доброй хозяйки, маленькое приятное для вас поручение.

Не угодно ли вам отойти на минутку сюда, в угол?

Мистер Джайлс величественно, с некоторым изумлением отступил в угол и имел честь вести шепотом краткую беседу с доктором, по окончании которой отвесил великое множество поклонов и удалился необычайно важной поступью.

Предмет этого собеседования остался тайной в гостиной, но незамедлительно был обнародован в кухне, ибо мистер Джайлс отправился прямо туда и, потребовав кружку эля, возвестил с

mug of ale, announced, with an air of majesty, which was highly effective, that it had pleased his mistress, in consideration of his gallant behaviour on the occasion of that attempted robbery, to deposit, in the local savings-bank, the sum of five-and-twenty pounds, for his sole use and benefit.

At this, the two women-servants lifted up their hands and eyes, and supposed that Mr. Giles, pulling out his shirt-frill, replied,

'No, no'; and that if they observed that he was at all haughty to his inferiors, he would thank them to tell him so.

And then he made a great many other remarks, no less illustrative of his humility, which were received with equal favour and applause, and were, withal, as original and as much to the purpose, as the remarks of great men commonly are.

Above stairs, the remainder of the evening passed cheerfully away; for the doctor was in high spirits; and however fatigued or thoughtful Harry Maylie might have been at first, he was not proof against the worthy gentleman's good humour, which displayed itself in a great variety of sallies and professional recollections, and an abundance of small jokes, which struck Oliver as being the drollest things he had ever heard, and caused him to laugh proportionately; to the evident satisfaction of the doctor, who laughed immoderately at himself, and made Harry laugh almost as heartily, by the very force of sympathy.

So, they were as pleasant a party as, under the circumstances, they could well have been; and it was late before they retired, with light and thankful hearts, to take that rest of which, after the doubt and suspense they had recently undergone, they stood much in need.

Oliver rose next morning, in better heart, and went about his usual occupations, with more hope and pleasure than he had known for many days.

The birds were once more hung out, to sing, in their old places; and the sweetest wild flowers that

торжественным видом, что его госпоже угодно было в награду за его доблестное поведение в день неудавшегося грабежа положить в местную сберегательную кассу двадцать пять фунтов специально для него.

Тут обе служанки подняли руки и глаза к небу и предположили, что теперь мистер Джайлс совсем возгордится. На это мистер Джайлс, расправив жабо, отвечал:

"Нет, нет", - добавив, что, если они заметят хоть сколько-нибудь высокомерное отношение с его стороны к подчиненным, он будет им благодарен, когда бы они ему об этом ни сказали.

А затем он сделал еще много других замечаний, в не меньшей мере свидетельствовавших о его скромности, которые были приняты так же благосклонно и одобрительно и являлись такими же оригинальными и уместными, какими обычно бывают замечания великих людей.

Конец вечера прошел наверху весело: доктор был в превосходном расположении духа, а как ни был утомлен сначала или озабочен Гарри Мэйли, однако и он не мог устоять перед добродушием достойного джентльмена, проявлявшимся в разнообразнейших островах, всевозможных профессиональных воспоминаниях и бесчисленных шутках, которые казались Оливеру самыми забавными из всех им слышанных и заставляли его смеяться, к явному удовольствию доктора, который и сам хохотал безудержно и, в силу симпатии, принуждал Гарри смеяться чуть ли не так же заразительно.

Таким образом, они провели время очень приятно, насколько возможно при данных обстоятельствах, и было уже поздно, когда они с легким и благодарным сердцем ушли отдыхать, в чем после недавно перенесенных тревог и беспокойства очень нуждались.

Утром Оливер проснулся бодрым и принялся за свои обычные занятия с такой надеждой и радостью, каких не знал много дней.

Клетки были снова развешаны, чтобы птицы пели на старых своих местах; и снова были

could be found, were once more gathered to gladden Rose with their beauty.

The melancholy which had seemed to the sad eyes of the anxious boy to hang, for days past, over every object, beautiful as all were, was dispelled by magic.

The dew seemed to sparkle more brightly on the green leaves; the air to rustle among them with a sweeter music; and the sky itself to look more blue and bright. Such is the influence which the condition of our own thoughts, exercise, even over the appearance of external objects.

Men who look on nature, and their fellow-men, and cry that all is dark and gloomy, are in the right; but the sombre colours are reflections from their own jaundiced eyes and hearts.

The real hues are delicate, and need a clearer vision.

It is worthy of remark, and Oliver did not fail to note it at the time, that his morning expeditions were no longer made alone.

Harry Maylie, after the very first morning when he met Oliver coming laden home, was seized with such a passion for flowers, and displayed such a taste in their arrangement, as left his young companion far behind.

If Oliver were behindhand in these respects, he knew where the best were to be found; and morning after morning they scoured the country together, and brought home the fairest that blossomed.

The window of the young lady's chamber was opened now; for she loved to feel the rich summer air stream in, and revive her with its freshness; but there always stood in water, just inside the lattice, one particular little bunch, which was made up with great care, every morning.

Oliver could not help noticing that the withered flowers were never thrown away, although the little vase was regularly replenished; nor, could he help observing, that whenever the doctor came into the garden, he invariably cast his eyes up to

собраны самые душистые полевые цветы, чтобы красотой своей радовать Роз.

Грусть, которая, как представлялось печальным глазам встревоженного мальчика, нависла надо всем вокруг, хотя вокруг все и было прекрасно, рассеялась, словно по волшебству.

Казалось, роса ярче сверкала на зеленой листве, ветер шелестел в ней нежнее и небо стало синее и ярче - Так влияют наши собственные мысли даже на внешний вид предметов.

Люди, взирающие на природу и своих близких и утверждающие, что все хмуро и мрачно, - правы; но темные тона являются отражением их собственных затуманенных желчью глаз и сердец.

В действительности же краски нежны и требуют более ясного зрения.

Не мешает отметить - и Оливер не преминул обратить на это внимание, - что в утренние свои экскурсии он отправлялся теперь не один.

Гарри Мэйли с того утра, когда он встретил Оливера, возвращающегося домой со своей ношей, воспылал такой любовью к цветам и проявил столько вкуса при составлении букетов, что заметно превзошел своего юного спутника.

Но если в этом Оливер отстал, зато ему известно было, где найти лучшие цветы; и каждое утро они вдвоем рыскали по окрестностям и приносили домой прекрасные букеты.

Окно спальни молодой леди было теперь открыто; ей нравилось, когда в комнату врывался душистый летний воздух и оживлял ее своей свежестью; а на подоконнике всегда стоял в воде особый маленький букетик, который с величайшей заботливостью составляли каждое утро.

Оливер не мог не заметить, что увядшие цветы никогда не выбрасывались, хотя маленькая вазочка аккуратно наполнялась свежими; не мог он также не заметить, что, когда бы доктор не вышел в сад, он неизменно посматривал в тот уголок и весьма выразительно кивал

that particular corner, and nodded his head most expressively, as he set forth on his morning's walk.

Pending these observations, the days were flying by; and Rose was rapidly recovering.

Nor did Oliver's time hang heavy on his hands, although the young lady had not yet left her chamber, and there were no evening walks, save now and then, for a short distance, with Mrs. Maylie.

He applied himself, with redoubled assiduity, to the instructions of the white-headed old gentleman, and laboured so hard that his quick progress surprised even himself.

It was while he was engaged in this pursuit, that he was greatly startled and distressed by a most unexpected occurrence.

The little room in which he was accustomed to sit, when busy at his books, was on the ground-floor, at the back of the house.

It was quite a cottage-room, with a lattice-window: around which were clusters of jessamine and honeysuckle, that crept over the casement, and filled the place with their delicious perfume.

It looked into a garden, whence a wicket-gate opened into a small paddock; all beyond, was fine meadow-land and wood.

There was no other dwelling near, in that direction; and the prospect it commanded was very extensive.

One beautiful evening, when the first shades of twilight were beginning to settle upon the earth, Oliver sat at this window, intent upon his books.

He had been poring over them for some time; and, as the day had been uncommonly sultry, and he had exerted himself a great deal, it is no disparagement to the authors, whoever they may have been, to say, that gradually and by slow degrees, he fell asleep.

There is a kind of sleep that steals upon us sometimes, which, while it holds the body prisoner, does not free the mind from a sense of things about it, and enable it to ramble at its

головой, отправляясь на утреннюю свою прогулку.

Оливер занимался наблюдениями, дни летели, и Роз быстро поправлялась.

Нельзя сказать, чтобы для Оливера время тянулось медленно, хотя молодая леди еще не выходила из своей комнаты и вечерних прогулок не было, разве что изредка недалекие прогулки с миссис Мэйли.

С особым рвением он принялся за уроки у старого, седого джентльмена и работал так усердно, что даже сам был удивлен своими быстрыми успехами.

Но вот однажды, когда он занимался, неожиданное происшествие несказанно испугало его и потрясло.

Маленькая комнатка, где он обычно сидел за своими книгами, находилась в нижнем этаже, в задней половине дома.

Это была обычная комната сельского коттеджа - окно, забранное решеткой, а за ним кусты жасмина и вившаяся по оконной раме жимолость, наполнявшие помещение чудесным ароматом.

Окно выходило в сад, садовая калитка вела на огороженный лужок; дальше - прекрасный луг и лес.

В этой стороне не было поблизости никакого жилья, а отсюда открывалась широкая даль.

Однажды чудесным вечером, когда первые сумеречные тени начали простираться по земле, Оливер сидел у окна, погруженный в свои книги.

Он давно уже сидел над ними, а так как день был необычайно знойный и он немало потруился - авторов этих книг, кто бы они там ни были, нисколько не унижает то, что Оливер незаметно заснул.

Иной раз к нам подкрадывается такой сон, который, держа в плену тело, не освобождает нашего духа от восприятия окружающего и

pleasure.

So far as an overpowering heaviness, a prostration of strength, and an utter inability to control our thoughts or power of motion, can be called sleep, this is it; and yet, we have a consciousness of all that is going on about us, and, if we dream at such a time, words which are really spoken, or sounds which really exist at the moment, accommodate themselves with surprising readiness to our visions, until reality and imagination become so strangely blended that it is afterwards almost matter of impossibility to separate the two.

Nor is this, the most striking phenomenon incidental to such a state.

It is an undoubted fact, that although our senses of touch and sight be for the time dead, yet our sleeping thoughts, and the visionary scenes that pass before us, will be influenced and materially influenced, by the mere silent presence of some external object; which may not have been near us when we closed our eyes: and of whose vicinity we have had no waking consciousness.

Oliver knew, perfectly well, that he was in his own little room; that his books were lying on the table before him; that the sweet air was stirring among the creeping plants outside.

And yet he was asleep.

Suddenly, the scene changed; the air became close and confined; and he thought, with a glow of terror, that he was in the Jew's house again.

There sat the hideous old man, in his accustomed corner, pointing at him, and whispering to another man, with his face averted, who sat beside him.

'Hush, my dear!' he thought he heard the Jew say; 'it is he, sure enough.

Come away.'

'He!' the other man seemed to answer; 'could I mistake him, think you?

If a crowd of ghosts were to put themselves into his exact shape, and he stood amongst them, there

позволяет ему витать где вздумается.

Если ощущение непреодолимой тяжести, упадок сил и полная неспособность контролировать наши мысли и движения могут быть названы сном - это сон; однако мы сознаем все, что вокруг нас происходит, и если в это время вам что-нибудь снится, слова, действительно произносимые, и звуки, в этот момент действительно слышимые, с удивительной легкостью приноравливаются к нашему сновидению, и, наконец, действительное и воображаемое так странно сливаются воедино, что потом почти невозможно их разделить.

Но это еще не самое поразительное явление, сопутствующее такому состоянию.

Хотя наше чувство осязания и наше зрение в это время мертвы, однако на наши спящие мысли и на мелькающие перед нами видения может повлиять материально даже б_е_з_м_о_л_в_н_о_е_п_р_и_с_у_т_с_т_в_и_е какого-нибудь реального предмета, который мог и не находиться около нас, когда мы закрыли глаза, и о близости которого мы и не подозревали наяву.

Оливер прекрасно знал, что сидит в своей комнатке, что перед ним на столе лежат его книги, что за окном ароматный ветерок шелестит в листве ползучих растений.

И, однако, он спал.

Внезапно картина изменилась. Воздух стал душным и спертым, и он с ужасом подумал, что снова находится в доме еврея.

Там, в обычном своем уголку, сидел этот безобразный старик, указывая на него и шепча что-то другому человеку, который, отвернувшись в сторону, сидел рядом с ним.

- Тише, мой милый! - чудилось ему, будто он слышит слова еврея. - Конечно, это он!

Уйдем.

- Он! - ответил будто бы тот, другой. - Вы думаете, я могу не узнать его?

Если бы толпа призраков приняла его облик и

is something that would tell me how to point him out.

If you buried him fifty feet deep, and took me across his grave, I fancy I should know, if there wasn't a mark above it, that he lay buried there?"

The man seemed to say this, with such dreadful hatred, that Oliver awoke with the fear, and started up.

Good Heaven! what was that, which sent the blood tingling to his heart, and deprived him of his voice, and of power to move!

There — there — at the window — close before him — so close, that he could have almost touched him before he started back: with his eyes peering into the room, and meeting his: there stood the Jew!

And beside him, white with rage or fear, or both, were the scowling features of the man who had accosted him in the inn-yard.

It was but an instant, a glance, a flash, before his eyes; and they were gone.

But they had recognised him, and he them; and their look was as firmly impressed upon his memory, as if it had been deeply carved in stone, and set before him from his birth.

He stood transfixed for a moment; then, leaping from the window into the garden, called loudly for help.

CHAPTER XXXV — CONTAINING THE UNSATISFACTORY RESULT OF OLIVER'S ADVENTURE; AND A CONVERSATION OF SOME IMPORTANCE BETWEEN HARRY MAYLIE AND ROSE

When the inmates of the house, attracted by Oliver's cries, hurried to the spot from which they proceeded, they found him, pale and agitated, pointing in the direction of the meadows behind the house, and scarcely able to articulate the words,

"The Jew! the Jew!"

он стоял в этой толпе, что-то подсказало бы мне, как его опознать.

Если бы его тело зарыли глубоко под землей, я сыскал бы его могилу, даже не будь на ней ни плиты, ни камня.

Казалось, человек говорит с такой страшной ненавистью, что от испуга Оливер проснулся и вскочил.

О боже! Что же заставило кровь прихлынуть к его сердцу, лишило его голоса и способности двигаться?

Там... там... у окна... близко - так близко, что он мог бы его коснуться, если бы не отшатнулся, - стоял еврей. Он заглядывал в комнату и встретился с ним глазами.

А рядом с ним - побледневшее от ярости или страха, либо от обоих этих чувств - виднелось злобное лицо того самого человека, который заговорил с ним во дворе гостиницы.

Это было мгновение, взгляд, вспышка. Они исчезли.

Но они его узнали; и он их узнал; и лица их запечатлелись в его памяти так прочно, словно были высечены глубоко на камне и со дня его рождения находились у него перед глазами.

Секунду он стоял как пригвожденный к месту. Потом, выпрыгнув из окна в сад, громко позвал на помощь.

ГЛАВА XXXV, — повествующая о том, как неудачно окончилось приключение Оливера, а также о не лишнем значении разговоре между Гарри Мэйли и Роз

Когда обитатели дома, привлеченные криками, бросились туда, откуда они доносились, Оливер, бледный и потрясенный, указывал на луга за домом и с трудом бормотал:

"Старик! Старик!"

Mr. Giles was at a loss to comprehend what this outcry meant; but Harry Maylie, whose perceptions were something quicker, and who had heard Oliver's history from his mother, understood it at once.

'What direction did he take?' he asked, catching up a heavy stick which was standing in a corner.

'That,' replied Oliver, pointing out the course the man had taken;

'I missed them in an instant.'

'Then, they are in the ditch!' said Harry.

'Follow!

And keep as near me, as you can.'

So saying, he sprang over the hedge, and darted off with a speed which rendered it matter of exceeding difficulty for the others to keep near him.

Giles followed as well as he could; and Oliver followed too; and in the course of a minute or two, Mr. Losberne, who had been out walking, and just then returned, tumbled over the hedge after them, and picking himself up with more agility than he could have been supposed to possess, struck into the same course at no contemptible speed, shouting all the while, most prodigiously, to know what was the matter.

On they all went; nor stopped they once to breathe, until the leader, striking off into an angle of the field indicated by Oliver, began to search, narrowly, the ditch and hedge adjoining; which afforded time for the remainder of the party to come up; and for Oliver to communicate to Mr. Losberne the circumstances that had led to so vigorous a pursuit.

The search was all in vain.

There were not even the traces of recent footsteps, to be seen.

They stood now, on the summit of a little hill, commanding the open fields in every direction for three or four miles.

There was the village in the hollow on the left; but, in order to gain that, after pursuing the track

Мистер Джайлс не в силах был уразуметь, что означает этот возглас, но Гарри Мэйли, соображавший быстрее и слышавший историю Оливера от своей матери, понял сразу.

- В какую сторону он побежал? - спросил он, схватив тяжелую палку, стоявшую в углу.

- Туда! - ответил Оливер, указывая, в каком направлении они скрылись.

- Я мгновенно потерял их из виду.

- Значит, они в канаве! - сказал Гарри.

- За мной!

И старайтесь от меня не отставать.

С этими словами он перепрыгнул через живую изгородь и помчался с такой быстротой, что остальным чрезвычайно трудно было не отставать.

Джайлс следовал за ним по мере сил; следовал за ним и Оливер, а минуты через две мистер Лосберн, вышедший на прогулку и только что вернувшийся домой, перевалился через изгородь и, вскочив на ноги с таким проворством, какого нельзя было от него ожидать, кинулся сломя голову в том же направлении и все время оглушительно кричал, желая узнать, что случилось.

Все мчались вперед и ни разу не остановились, чтобы отдышаться, пока их предводитель, свернув на указанный Оливером участок поля, не начал тщательно обыскивать канаву и прилегающие кусты, что дало время остальным догнать его, а Оливеру - поведать мистеру Лосберну о тех обстоятельствах, которые привели к столь стремительной погоне.

Поиски оказались тщетными.

Не видно было даже свежих следов.

Теперь все стояли на вершине небольшого холма, откуда на три-четыре мили можно было обозреть окрестные поля.

Слева в ложбине находилась деревня, но чтобы добраться до нее дорогой, указанной Оливером,

Oliver had pointed out, the men must have made a circuit of open ground, which it was impossible they could have accomplished in so short a time.

A thick wood skirted the meadow-land in another direction; but they could not have gained that covert for the same reason.

'It must have been a dream, Oliver,' said Harry Maylie.

'Oh no, indeed, sir,' replied Oliver, shuddering at the very recollection of the old wretch's countenance;

'I saw him too plainly for that.

I saw them both, as plainly as I see you now.'

'Who was the other?' inquired Harry and Mr. Losberne, together.

'The very same man I told you of, who came so suddenly upon me at the inn,' said Oliver.

'We had our eyes fixed full upon each other; and I could swear to him.'

'They took this way?' demanded Harry: 'are you sure?'

'As I am that the men were at the window,' replied Oliver, pointing down, as he spoke, to the hedge which divided the cottage-garden from the meadow.

'The tall man leaped over, just there; and the Jew, running a few paces to the right, crept through that gap.'

The two gentlemen watched Oliver's earnest face, as he spoke, and looking from him to each other, seemed to feel satisfied of the accuracy of what he said.

Still, in no direction were there any appearances of the trampling of men in hurried flight.

The grass was long; but it was trodden down nowhere, save where their own feet had crushed it.

The sides and brinks of the ditches were of damp

людям пришлось бы бежать в обход по открытому месту, и вряд ли они могли скрыться из виду за такое короткое время.

С другой стороны луг был окаймлен густым лесом, но этого прикрытия они не могли достигнуть по той же причине.

- Не приснилось ли это тебе, Оливер? - сказал Гарри Мэйли.

- Нет, право же, нет, сэр! - воскликнул Оливер, содрогаясь при одном воспоминании о физиономии старого негодяя.

- Я слишком ясно его видел!

Их обоих я видел так же ясно, как вижу сейчас вас.

- А кто был этот второй? - в один голос спросили Гарри и мистер Лосберн.

- Тот самый, о котором я вам уже говорил. Тот самый, кто вдруг набросился на меня около гостиницы, - ответил Оливер.

- Мы встретились с ним взглядом, и я могу поклясться, что это он.

- Они побежали в эту сторону? - спросил Гарри.
- Ты в этом уверен?

- Уверен так же, как и в том, что они стояли у окна, - ответил Оливер, указывая при этих словах на изгородь, отделявшую сад коттеджа от луга.

- Вот здесь перепрыгнул высокий человек, а еврей, отбежав на несколько шагов вправо, пролез вон в ту дыру.

Пока Оливер говорил, оба джентльмена всматривались в его возбужденное лицо и, переглянувшись, по-видимому, поверили в точность его рассказа.

Тем не менее нигде не видно было следов людей, поспешно обратившихся в бегство.

Трава была высокая, но нигде не примята, за исключением тех мест, где они сами ее притоптали.

По краям канав лежала сырая глина, но нигде

clay; but in no one place could they discern the print of men's shoes, or the slightest mark which would indicate that any feet had pressed the ground for hours before.

'This is strange!' said Harry.

'Strange?' echoed the doctor.

'Blathers and Duff, themselves, could make nothing of it.'

Notwithstanding the evidently useless nature of their search, they did not desist until the coming on of night rendered its further prosecution hopeless; and even then, they gave it up with reluctance.

Giles was dispatched to the different ale-houses in the village, furnished with the best description Oliver could give of the appearance and dress of the strangers.

Of these, the Jew was, at all events, sufficiently remarkable to be remembered, supposing he had been seen drinking, or loitering about; but Giles returned without any intelligence, calculated to dispel or lessen the mystery.

On the next day, fresh search was made, and the inquiries renewed; but with no better success.

On the day following, Oliver and Mr. Maylie repaired to the market-town, in the hope of seeing or hearing something of the men there; but this effort was equally fruitless.

After a few days, the affair began to be forgotten, as most affairs are, when wonder, having no fresh food to support it, dies away of itself.

Meanwhile, Rose was rapidly recovering.

She had left her room: was able to go out; and mixing once more with the family, carried joy into the hearts of all.

But, although this happy change had a visible effect on the little circle; and although cheerful voices and merry laughter were once more heard in the cottage; there was at times, an unwonted restraint upon some there: even upon Rose herself: which Oliver could not fail to remark.

не могли они различить отпечатков мужских башмаков или хоть какой-нибудь след, указывавший, что несколько часов назад здесь ступала чья-то нога.

- Удивительно, - сказал Гарри.

- Удивительно! - откликнулся доктор.

- Блетерс и Дафф и те не могли бы тут разобраться.

Несмотря на явную бесполезность поисков, они не ушли домой - пока спустившаяся ночь не сделала дальнейшие поиски безнадежными; да и тогда они отказались от них с неохотой.

Джайлса послали в деревенские трактиры, снабдив самым точным описанием внешности и одежды незнакомцев, какое мог дать Оливер.

Еврей был во всяком случае достаточно примечателен, чтобы его запомнили, если б он зашел куда-нибудь выпить стаканчик или слонялся поблизости, но Джайлс вернулся, не принеся никаких сведений, которые могли бы раскрыть тайну или хоть что-нибудь объяснить.

На другой день возобновили поиски и снова наводили справки, но столь же безуспешно.

Через день Оливер и мистер Мэйли отправились в городок, где был рынок, надеясь услышать что-нибудь об этих людях; но и эта попытка ни к чему не привела.

Спустя несколько дней это событие стало забываться, как забываются почти все события, когда любопытство, не получая новой пищи, само собой угасает.

Между тем Роз быстро поправлялась.

Она уже ходила по дому, начала выходить в сад и снова приняла участие в жизни семьи, радуя все сердца.

Но хотя эта счастливая перемена заметно отразилась на маленьком кружке и хотя в коттедже снова зазвучали беззаботные голоса и веселый смех, иногда кое в ком чувствовалась непривычная скованность - даже в самой Роз, - на что не мог не обратить внимания Оливер.

Mrs. Maylie and her son were often closeted together for a long time; and more than once Rose appeared with traces of tears upon her face.

After Mr. Losberne had fixed a day for his departure to Chertsey, these symptoms increased; and it became evident that something was in progress which affected the peace of the young lady, and of somebody else besides.

At length, one morning, when Rose was alone in the breakfast-parlour, Harry Maylie entered; and, with some hesitation, begged permission to speak with her for a few moments.

'A few — a very few — will suffice, Rose,' said the young man, drawing his chair towards her.

'What I shall have to say, has already presented itself to your mind; the most cherished hopes of my heart are not unknown to you, though from my lips you have not heard them stated.'

Rose had been very pale from the moment of his entrance; but that might have been the effect of her recent illness.

She merely bowed; and bending over some plants that stood near, waited in silence for him to proceed.

'I — I — ought to have left here, before,' said Harry.

'You should, indeed,' replied Rose.

'Forgive me for saying so, but I wish you had.'

'I was brought here, by the most dreadful and agonising of all apprehensions,' said the young man; 'the fear of losing the one dear being on whom my every wish and hope are fixed.'

You had been dying; trembling between earth and heaven.

We know that when the young, the beautiful, and good, are visited with sickness, their pure spirits insensibly turn towards their bright home of lasting rest; we know, Heaven help us! that the best and fairest of our kind, too often fade in blooming.'

Миссис Мэйли с сыном уединялись часто и надолго, а Роз не раз приходила заплаканная.

Когда же мистер Лосберн назначил день своего отъезда в Чертей, эти признаки стали еще заметнее, и было ясно, что происходит нечто, нарушающее покой молодой леди и кого-то еще.

Наконец, как-то утром, когда Роз сидела одна в маленькой столовой, вошел Гарри Мэйли и нерешительно попросил позволения поговорить с ней несколько минут.

- Недолго... совсем недолго... я вас не задержу, Роз, - сказал молодой человек, придвигая к ней стул.

- То, что я хочу сказать, уже открыто вашим мыслям... Самые заветные мои надежды известны вам, хотя от меня вы о них еще не слыхали.

Роз очень побледнела, когда он вошел, но это можно было приписать ее недавней болезни.

Она опустила голову и, склонившись над стоявшими поблизости цветами, молча ждала продолжения.

- Я... я должен был уехать отсюда раньше, - сказал Гарри.

- Да... должны, - отозвалась Роз.

- Простите мне эти слова, но я бы хотела, чтобы вы уехали.

- Меня привело сюда самое ужасное и мучительное опасение, - продолжал молодой человек, - боязнь потерять единственное дорогое существо, на котором сосредоточены все мои упования и надежды.

Вы были при смерти; вы пребывали между землей и небом.

Мы знаем: когда болезнь поражает юных, прекрасных и добрых, их дух бессознательно стремится к светлой обители вечного покоя... Мы знаем - да поможет нам небо! - что лучшие и прекраснейшие из нас слишком часто увядают в полном расцвете.

There were tears in the eyes of the gentle girl, as these words were spoken; and when one fell upon the flower over which she bent, and glistened brightly in its cup, making it more beautiful, it seemed as though the outpouring of her fresh young heart, claimed kindred naturally, with the loveliest things in nature.

'A creature,' continued the young man, passionately, 'a creature as fair and innocent of guile as one of God's own angels, fluttered between life and death.

Oh! who could hope, when the distant world to which she was akin, half opened to her view, that she would return to the sorrow and calamity of this!

Rose, Rose, to know that you were passing away like some soft shadow, which a light from above, casts upon the earth; to have no hope that you would be spared to those who linger here; hardly to know a reason why you should be; to feel that you belonged to that bright sphere whither so many of the fairest and the best have winged their early flight; and yet to pray, amid all these consolations, that you might be restored to those who loved you — these were distractions almost too great to bear.

They were mine, by day and night; and with them, came such a rushing torrent of fears, and apprehensions, and selfish regrets, lest you should die, and never know how devotedly I loved you, as almost bore down sense and reason in its course.

You recovered.

Day by day, and almost hour by hour, some drop of health came back, and mingling with the spent and feeble stream of life which circulated languidly within you, swelled it again to a high and rushing tide.

I have watched you change almost from death, to life, with eyes that turned blind with their eagerness and deep affection.

Do not tell me that you wish I had lost this; for it

При этих словах слезы выступили на глазах кроткой девушки; и когда одна слезинка упала на цветок, над которым она склонилась, и ярко засверкала в его венчике, цветок стал еще прекраснее, - казалось, будто изливания ее девственного, юного сердца заявляют по праву о своем родстве с чудеснейшим творением Природы.

- Создание, прекрасное и невинное, как ангел небесный, - с жаром продолжал молодой человек, - находилось между жизнью и смертью.

О, кто мог надеяться - когда перед глазами ее приоткрылся тот далекий мир, который был родным для нее, - что она вернется к печалям и невзгодам этого мира!

Роз, Роз, видеть, как вы ускользаете, подобно нежной тени, отброшенной на землю лугом с небес, отказаться от надежды, что вы будете сохранены для тех, кто прозябает здесь, - да и вряд ли знать, зачем должны вы быть сохранены для них, - чувствовать, что вы принадлежите тому лучезарному миру, куда так рано унеслись на крыльях столь многие, самые прекрасные и добрые, и, однако, вопреки этим утешительным мыслям, молиться о том, чтобы вы были возвращены тем, кто вас любит, - такое мучение вряд ли можно вынести!

Я испытывал его днем и ночью. Вместе с ним на меня нахлынул поток страхов, опасений и себялюбивых сожалений, что вы можете умереть, не узнав, как беззаветно я любил вас, - этот поток мог унести с собой и сознание и мой разум!..

Вы выздоровели.

День за днем и чуть ли не час за часом здоровье по капле возвращалось к вам и, вливаясь в истощенный, слабый ручеек жизни, медленно в вас текущий, вновь подарило ему стремительность и силу.

Глазами, ослепленными страстной и глубокой любовью, я следил за тем, как с порога смерти вы возвращались к жизни.

Не говорите же мне, что вы хотите лишить меня этого! Ибо теперь, когда я люблю, люди стали

has softened my heart to all mankind.'

'I did not mean that,' said Rose, weeping;

'I only wish you had left here, that you might have turned to high and noble pursuits again; to pursuits well worthy of you.'

'There is no pursuit more worthy of me: more worthy of the highest nature that exists: than the struggle to win such a heart as yours,' said the young man, taking her hand.

'Rose, my own dear Rose!

For years — for years — I have loved you; hoping to win my way to fame, and then come proudly home and tell you it had been pursued only for you to share; thinking, in my daydreams, how I would remind you, in that happy moment, of the many silent tokens I had given of a boy's attachment, and claim your hand, as in redemption of some old mute contract that had been sealed between us!

That time has not arrived; but here, with not fame won, and no young vision realised, I offer you the heart so long your own, and stake my all upon the words with which you greet the offer.'

'Your behaviour has ever been kind and noble.' said Rose, mastering the emotions by which she was agitated.

'As you believe that I am not insensible or ungrateful, so hear my answer.'

'It is, that I may endeavour to deserve you; it is, dear Rose?'

'It is,' replied Rose, 'that you must endeavour to forget me; not as your old and dearly-attached companion, for that would wound me deeply; but, as the object of your love.

Look into the world; think how many hearts you would be proud to gain, are there.

Confide some other passion to me, if you will; I will be the truest, warmest, and most faithful friend you have.'

мне ближе.

- Я не это хотела сказать, - со слезами ответила Роз.

- Я хочу только, чтобы вы уехали отсюда и снова устремились к высоким и благородным целям - целям, вполне достойным вас.

- Нет цели, более достойной меня, более достойной самого благородного человека, чем старания завоевать такое сердце, как ваше! - сказал молодой человек, беря ее руку.

- Роз, милая моя, дорогая Роз!

Много лет, много лет я любил вас, надеясь завоевать пути к славе, а потом гордо вернуться домой, чтобы разделить ее с вами... Я грезил наяву о том, как в эту счастливую минуту напомню вам о многих безмолвных доказательствах юношеской любви и попрошу вашей руки во исполнение старого безмолвного соглашения, заключенного между нами!

Это не случилось. Но теперь, не завоевав никакой славы и не осуществив ни одной юношеской мечты, я предлагаю вам свое сердце, давно отданное вам, и вся моя судьба зависит от тех слов, какими вы встретите это предложение.

- Вы всегда были добры и благородны, - сказала Роз, подавляя охватившее ее волнение.

- Вы не считаете меня бесчувственной или неблагодарной, так выслушайте же мой ответ.

- Вы ответите, что я могу заслужить вас, не правда ли, дорогая Роз?

- Я отвечу, - сказала Роз, - что вы должны постараться забыть меня: нет, не старого и преданного вам друга - это ранило бы меня глубоко, - а ту, кого вы любите.

Посмотрите вокруг! Подумайте, сколько на свете сердец, покорить которые вам было бы лестно.

Если хотите, сделайте меня поверенной вашей новой любви... Я буду самым верным, любящим и преданным вашим другом.

There was a pause, during which, Rose, who had covered her face with one hand, gave free vent to her tears.

Harry still retained the other.

'And your reasons, Rose,' he said, at length, in a low voice; 'your reasons for this decision?'

'You have a right to know them,' rejoined Rose.

'You can say nothing to alter my resolution.

It is a duty that I must perform.

I owe it, alike to others, and to myself.'

'To yourself?'

'Yes, Harry.

I owe it to myself, that I, a friendless, portionless, girl, with a blight upon my name, should not give your friends reason to suspect that I had sordidly yielded to your first passion, and fastened myself, a clog, on all your hopes and projects.

I owe it to you and yours, to prevent you from opposing, in the warmth of your generous nature, this great obstacle to your progress in the world.'

'If your inclinations chime with your sense of duty — ' Harry began.

'They do not,' replied Rose, colouring deeply.

'Then you return my love?' said Harry.

'Say but that, dear Rose; say but that; and soften the bitterness of this hard disappointment!'

'If I could have done so, without doing heavy wrong to him I loved,' rejoined Rose, 'I could have — '

'Have received this declaration very differently?' said Harry.

'Do not conceal that from me, at least, Rose.'

Последовало молчание, в течение которого Роз, закрыв лицо рукой, дала волю слезам.

Гарри не выпускал другой ее руки.

- Какие у вас причины. Роз, - тихо спросил он, наконец, - какие у вас причины для такого решения?

- Вы имеете право их знать, - ответила Роз.

- И все ваши слова бессильны их изменить.

Это - долг, который я должна исполнить.

Я обязана это сделать ради других и ради самой себя.

- Ради самой себя?

- Да, Гарри.

Ради себя самой; лишенная друзей и состояния, с запятнанным именем, я не должна давать вашим друзьям повод заподозрить меня в том, будто я из корысти уступила вашей первой любви и послужила помехой для всех ваших надежд и планов.

Я обязана, ради вас и ваших родных, помешать тому, чтобы вы в пылу свойственного вам великодушия воздвигли такую преграду на пути к жизненным успехам...

- Если ваши чувства совпадают с сознанием долга... - начал Гарри.

- Нет, не совпадают... - сильно покраснев, ответила Роз.

- Значит, вы отвечаете на мою любовь? - спросил Гарри.

- Только это одно скажите, дорогая Роз, только это! И смягчите горечь столь тяжкого разочарования!

- Если бы я могла отвечать на нее, не принося жестокого зла тому, кого люблю, - сказала Роз, - я бы...

- Вы приняли бы это признание совсем иначе? - спросил Гарри.

- Хоть этого не скрывайте от меня. Роз!

'I could,' said Rose.

'Stay!' she added, disengaging her hand, 'why should we prolong this painful interview?

Most painful to me, and yet productive of lasting happiness, notwithstanding; for it will be happiness to know that I once held the high place in your regard which I now occupy, and every triumph you achieve in life will animate me with new fortitude and firmness.

Farewell, Harry!

As we have met to-day, we meet no more; but in other relations than those in which this conversation have placed us, we may be long and happily entwined; and may every blessing that the prayers of a true and earnest heart can call down from the source of all truth and sincerity, cheer and prosper you!

'Another word, Rose,' said Harry.

'Your reason in your own words.

From your own lips, let me hear it!'

'The prospect before you,' answered Rose, firmly, 'is a brilliant one.

All the honours to which great talents and powerful connections can help men in public life, are in store for you.

But those connections are proud; and I will neither mingle with such as may hold in scorn the mother who gave me life; nor bring disgrace or failure on the son of her who has so well supplied that mother's place.

In a word,' said the young lady, turning away, as her temporary firmness forsook her, 'there is a stain upon my name, which the world visits on innocent heads.

I will carry it into no blood but my own; and the reproach shall rest alone on me.'

'One word more, Rose. Dearest Rose! one more!' cried Harry, throwing himself before her.

- Да! - сказала Роз.

- Довольно! - прибавила она, освобождая руку. - Зачем нам продолжать этот мучительный разговор?

Очень мучительный для меня, и тем не менее он сулит мне счастье на долгие времена, потому что счастьем будет сознавать, что своей любовью вы вознесли меня так высоко и каждый ваш успех на жизненном поприще будет придавать мне сил и твердости.

Прощайте, Гарри!

Так, как встретились мы сегодня, мы больше никогда не встретимся, но хотя наши отношения не будут походить на те, какие могла повлечь за собой Эта беседа, - мы можем быть связаны друг с другом прочно и надолго. И пусть благословения, исторгнутые молитвами верного и пылкого сердца из источника правды, пусть они принесут вам радость и благоденствие!

- Еще одно слово, Роз! - сказал Гарри.

- Скажите, какие у вас основания?

Дайте мне услышать их из ваших уст!

- Перед вами блестящее будущее, - твердо ответила Роз.

- Вас ждут все почести, которых большие способности и влиятельные родственники помогают достигнуть в общественной жизни.

Но эти родственники горды, а я не хочу встречаться с теми, кто может отнестись с презрением к матери, давшей мне жизнь, и не хочу принести позор сыну той, которая с такой добротой заступила место моей матери.

Одним словом, - продолжала молодая девушка, отворачиваясь, так как стойкость покинула ее, - мое имя запятнано, и люди перенесут мой позор на невиновного!

Пусть попрекают лишь меня и я одна буду страдать.

- Еще одно слово, Роз, дорогая Роз, только одно! - воскликнул Гарри, бросаясь перед ней на колени.

'If I had been less — less fortunate, the world would call it — if some obscure and peaceful life had been my destiny — if I had been poor, sick, helpless — would you have turned from me then?

Or has my probable advancement to riches and honour, given this scruple birth?'

'Do not press me to reply,' answered Rose.

'The question does not arise, and never will.

It is unfair, almost unkind, to urge it.'

'If your answer be what I almost dare to hope it is,' retorted Harry, 'it will shed a gleam of happiness upon my lonely way, and light the path before me.

It is not an idle thing to do so much, by the utterance of a few brief words, for one who loves you beyond all else.

Oh, Rose: in the name of my ardent and enduring attachment; in the name of all I have suffered for you, and all you doom me to undergo; answer me this one question!'

'Then, if your lot had been differently cast,' rejoined Rose; 'if you had been even a little, but not so far, above me; if I could have been a help and comfort to you in any humble scene of peace and retirement, and not a blot and drawback in ambitious and distinguished crowds; I should have been spared this trial.

I have every reason to be happy, very happy, now; but then, Harry, I own I should have been happier.'

Busy recollections of old hopes, cherished as a girl, long ago, crowded into the mind of Rose, while making this avowal; but they brought tears with them, as old hopes will when they come back withered; and they relieved her.

'I cannot help this weakness, and it makes my purpose stronger,' said Rose, extending her hand.

'I must leave you now, indeed.'

- Если бы я не был таким... таким счастливым, как сказали бы в свете... если бы мне суждено было тихо и незаметно прожить свою жизнь, если бы я был беден, болен, беспомощен, вы и тогда отвернулись бы от меня?

Или же эти сомнения рождены тем, что я, быть может, завоюю богатство и почести?

- Не настаивайте на ответе, - сказала Роз.

- Этот вопрос не возникал и никогда не возникнет.

Нехорошо, почти жестоко добиваться ответа!

- Если ответ ваш будет такой, на какой я почти смею надеяться, - возразил Гарри, - он прольет луч счастья на одинокий мой путь и осветит лежащую передо мной тропу.

Произнести несколько коротких слов, дать так много тому, кто любит вас больше всех в мире, - не пустое дело!

О Роз, во имя моей пламенной и крепкой любви, во имя того, что я выстрадал ради вас, и того, на что вы меня обрекаете, ответьте мне на один только этот вопрос!

- Да, если бы судьба ваша сложилась иначе, - сказала Роз, - и вы не намного выше меня стояли бы в обществе, если бы я могла быть вам помощью и утешением в каком-нибудь скромном, тихом и уединенном уголке, а не бесчестьем и помехой среди честолюбивых и знатных людей, - тогда мне проще было бы принять решение.

Теперь у меня есть все основания быть счастливой, очень счастливой, но признаюсь вам, Гарри, тогда я была бы еще счастливее.

Яркие воспоминания о былых надеждах, которые она лелеяла давно, еще девочкой, воскресли в уме Роз, когда она делала это признание; но они вызвали слезы, какие всегда вызывают былые надежды, возвращаясь к нам увядшими, и слезы принесли ей облегчение.

- Я не могу побороть эту слабость, но она укрепляет мое решение, - сказала Роз, протягивая ему руку.

- А теперь мы должны расстаться.

'I ask one promise,' said Harry. 'Once, and only once more, — say within a year, but it may be much sooner, — I may speak to you again on this subject, for the last time.'

'Not to press me to alter my right determination,' replied Rose, with a melancholy smile; 'it will be useless.'

'No,' said Harry; 'to hear you repeat it, if you will — finally repeat it!

I will lay at your feet, whatever of station of fortune I may possess; and if you still adhere to your present resolution, will not seek, by word or act, to change it.'

'Then let it be so,' rejoined Rose; 'it is but one pang the more, and by that time I may be enabled to bear it better.'

She extended her hand again.

But the young man caught her to his bosom; and imprinting one kiss on her beautiful forehead, hurried from the room.

CHAPTER XXXVI — IS A VERY SHORT ONE, AND MAY APPEAR OF NO GREAT IMPORTANCE IN ITS PLACE, BUT IT SHOULD BE READ NOTWITHSTANDING, AS A SEQUEL TO THE LAST, AND A KEY TO ONE THAT WILL FOLLOW WHEN ITS TIME ARRIVES

'And so you are resolved to be my travelling companion this morning; eh?' said the doctor, as Harry Maylie joined him and Oliver at the breakfast-table.

'Why, you are not in the same mind or intention two half-hours together!'

'You will tell me a different tale one of these days,' said Harry, colouring without any perceptible reason.

'I hope I may have good cause to do so,' replied Mr. Losberne; 'though I confess I don't think I shall.

- Обещайте мне только одно, - сказал Гарри, - один раз, один только раз - ну, скажем, через год, а быть может, раньше - вы позволите мне снова заговорить с вами об этом... заговорить в последний раз!

- Но не настаивать на том, чтобы я изменила принятое мной решение, - с печальной улыбкой отозвалась Роз. - Это будет бесполезно.

- Согласен! - сказал Гарри. - Только услышать, как вы повторите его, если захотите - повторите в последний раз!

Я положу к вашим ногам все чины и богатства, каких достигну, и если вы останетесь непоколебимы в своем решении, я не буду ни словом, ни делом добиваться, чтобы вы от него отступили.

- Пусть будет так, - ответила Роз, - это только причинит новую боль, но, может быть, к тому времени я в состоянии буду перенести ее.

Она снова протянула руку.

Но молодой человек прижал Роз к груди и, поцеловав ее чистый лоб, быстро вышел из комнаты.

ГЛАВА XXXVI, — очень короткая и, казалось бы, не имеющая большого значения в данном месте. Но тем не менее ее должно прочесть как продолжение предыдущей и ключ к той, которая последует в надлежащее время

- Так, стало быть, вы решили уехать сегодня утром со мной? - спросил доктор, когда Гарри Мэйли уселся за завтрак вместе с ним и Оливером.

- Каждые полчаса у вас меняются или планы, или расположение духа!

- Придет время, и вы мне скажете совсем другое, - отозвался Гарри, краснея без всякой видимой причины.

- Надеюсь, у меня будут на то веские основания, - ответил мистер Лосберн, - хотя, признаюсь, я не думаю, чтобы это случилось.

But yesterday morning you had made up your mind, in a great hurry, to stay here, and to accompany your mother, like a dutiful son, to the sea-side.

Before noon, you announce that you are going to do me the honour of accompanying me as far as I go, on your road to London.

And at night, you urge me, with great mystery, to start before the ladies are stirring; the consequence of which is, that young Oliver here is pinned down to his breakfast when he ought to be ranging the meadows after botanical phenomena of all kinds.

Too bad, isn't it, Oliver?

'I should have been very sorry not to have been at home when you and Mr. Maylie went away, sir,' rejoined Oliver.

'That's a fine fellow,' said the doctor; 'you shall come and see me when you return.

But, to speak seriously, Harry; has any communication from the great nobs produced this sudden anxiety on your part to be gone?'

'The great nobs,' replied Harry, 'under which designation, I presume, you include my most stately uncle, have not communicated with me at all, since I have been here; nor, at this time of the year, is it likely that anything would occur to render necessary my immediate attendance among them.'

'Well,' said the doctor, 'you are a queer fellow.

But of course they will get you into parliament at the election before Christmas, and these sudden shiftings and changes are no bad preparation for political life.

There's something in that.

Good training is always desirable, whether the race be for place, cup, or sweepstakes.'

Harry Maylie looked as if he could have followed up this short dialogue by one or two remarks that would have staggered the doctor not a little; but he contented himself with saying, 'We shall see,'

Не далее чем вчера утром вы очень поспешно приняли решение остаться здесь и, как подобает примерному сыну, проводить вашу мать на морское побережье.

Еще до полудня вы возвещаете о своем намерении оказать мне честь и сопровождать меня в Лондон.

А вечером вы весьма таинственно убеждаете меня отправиться в дорогу, раньше чем проснутся леди, - в результате чего юный Оливер принужден сидеть здесь за завтраком, хотя ему следовало бы рыскать по лугам в поисках всяких красивых растений...

Плохо дело, не правда ли, Оливер?

- Я бы очень жалел, сэр, если бы меня не было дома, когда уезжаете вы и мистер Мэйли, - возразил Оливер.

- Молодец! - сказал доктор. - Когда вернешься в город, зайди навестить меня...

Но, говоря серьезно, Гарри, не вызван ли этот неожиданный отъезд каким-нибудь известием, полученным от важных особ?

- От важных особ, - ответил Гарри, - к числу которых, полагаю, вы относите моего дядю, не было никаких известий с того времени, что я здесь, и в эту пору года вряд ли могло произойти какое-нибудь событие, делающее мое присутствие среди них необходимым.

- Ну и чудака же вы! - сказал доктор.

- Разумеется, они проведут вас в парламент на пред рождественских выборах, а эти внезапные колебания и переменчивость - недурная подготовка к политической жизни.

В этом какой-то толк есть.

Хорошая тренировка всегда желательна, состязаются ли из-за поста, кубка или выигрыша на скачках.

У Гарри Мэйли был такой вид, будто он мог продлить этот короткий диалог двумя-тремя замечаниями, которые потрясли бы доктора не на шутку, но он удовольствовался словом

and pursued the subject no farther.

The post-chaise drove up to the door shortly afterwards; and Giles coming in for the luggage, the good doctor bustled out, to see it packed.

'Oliver,' said Harry Maylie, in a low voice, 'let me speak a word with you.'

Oliver walked into the window-recess to which Mr. Maylie beckoned him; much surprised at the mixture of sadness and boisterous spirits, which his whole behaviour displayed.

'You can write well now?' said Harry, laying his hand upon his arm.

'I hope so, sir,' replied Oliver.

'I shall not be at home again, perhaps for some time; I wish you would write to me — say once a fortnight: every alternate Monday: to the General Post Office in London.

Will you?'

'Oh! certainly, sir; I shall be proud to do it,' exclaimed Oliver, greatly delighted with the commission.

'I should like to know how — how my mother and Miss Maylie are,' said the young man; 'and you can fill up a sheet by telling me what walks you take, and what you talk about, and whether she — they, I mean — seem happy and quite well.

You understand me?'

'Oh! quite, sir, quite,' replied Oliver.

'I would rather you did not mention it to them,' said Harry, hurrying over his words; 'because it might make my mother anxious to write to me oftener, and it is a trouble and worry to her.

Let it be a secret between you and me; and mind you tell me everything!

I depend upon you.'

Oliver, quite elated and honoured by a sense of his

"посмотрим" и больше не говорил на эту тему.

Вскоре к двери подъехала почтовая карета, и, когда Джайлс пришел за багажом, славный доктор суетливо выбежал из комнаты посмотреть, как его уложат.

- Оливер, - тихо произнес Гарри Мэйли, - я хочу сказать тебе несколько слов.

Оливер вошел в нишу у окна, куда поманил его мистер Мэйли; он был очень удивлен, видя, что расположение духа молодого человека было грустным и в то же время каким-то восторженным.

- Теперь ты уже хорошо умеешь писать? - спросил Гарри, положив руку ему на плечо.

- Надеюсь, сэр, - ответил Оливер.

- Быть может, я не скоро вернусь домой... Я бы хотел, чтобы ты мне писал - скажем, раз в две недели, в понедельник, - на главный почтамт в Лондоне.

Согласен?

- О, разумеется, сэр! Я с гордостью буду это делать! - воскликнул Оливер, в восторге от такого поручения.

- Мне бы хотелось знать, как... как поживают моя мать и мисс Мэйли, - продолжал молодой человек, - и ты можешь заполнить страничку, описывая мне, как вы гуляете, о чем разговариваете и какой у нее... у них, хотел я сказать... вид, счастливый ли и здоровый.

Ты меня понимаешь?

- О да, прекрасно понимаю, сэр, - ответил Оливер.

- Я бы хотел, чтобы ты им об этом не говорил, - быстро сказал Гарри, - так как моя мать стала бы писать мне чаще, что для нее утомительно и хлопотливо.

Пусть это будет наш секрет. И помни - пиши мне обо всем!

Я на тебя рассчитываю.

Оливер, восхищенный и преисполненный

importance, faithfully promised to be secret and explicit in his communications.

Mr. Maylie took leave of him, with many assurances of his regard and protection.

The doctor was in the chaise; Giles (who, it had been arranged, should be left behind) held the door open in his hand; and the women-servants were in the garden, looking on.

Harry cast one slight glance at the latticed window, and jumped into the carriage.

'Drive on!' he cried, 'hard, fast, full gallop!

Nothing short of flying will keep pace with me, to-day.'

'Halloa!' cried the doctor, letting down the front glass in a great hurry, and shouting to the postillion; 'something very short of flying will keep pace with me.

Do you hear?'

Jingling and clattering, till distance rendered its noise inaudible, and its rapid progress only perceptible to the eye, the vehicle wound its way along the road, almost hidden in a cloud of dust: now wholly disappearing, and now becoming visible again, as intervening objects, or the intricacies of the way, permitted.

It was not until even the dusty cloud was no longer to be seen, that the gazers dispersed.

And there was one looker-on, who remained with eyes fixed upon the spot where the carriage had disappeared, long after it was many miles away; for, behind the white curtain which had shrouded her from view when Harry raised his eyes towards the window, sat Rose herself.

'He seems in high spirits and happy,' she said, at length.

'I feared for a time he might be otherwise.

I was mistaken.

I am very, very glad.'

Tears are signs of gladness as well as grief; but

сознанием собственной значительности, от всей души пообещал хранить тайну и посылать точные сообщения.

Мистер Мэйли распрощался с ним, заверив его в своем расположении и покровительстве.

Доктор сидел в карете; Джайлс (который, как было условлено, оставался здесь) придерживал дверцу, а служанки собрались в саду и наблюдали оттуда.

Гарри бросил мимолетный взгляд на окно с частым переплетом и вскочил в экипаж.

- Трогайте! - крикнул он. - Быстрее, живей, галопом!

Сегодня только полет будет мне по душе.

- Эй, вы! - закричал доктор, быстро опуская переднее стекло и вызывая к форейтору. - Мне полет совсем не по душе.

Слышите?

Дребезжа и грохоча, пока расстояние не заглушило этого шума и только глаз мог различить движущийся экипаж, карета катилась по дороге, почти скрытая облаком пыли, то совсем исчезая из виду, то появляясь снова по воле встречавшихся на пути предметов и извилин дороги.

Провожжающие разошлись лишь тогда, когда нельзя было разглядеть даже пыльное облачко.

А один из провожавших долго не спускал глаз с дороги, где исчезла карета, давно уже отъехавшая на много миль: за белой занавеской, которая скрывала ее от глаз Гарри, бросившего взгляд на окно, сидела Роз.

- Он как будто весел и счастлив, - произнесла она, наконец.

- Одно время я боялась, что он будет иным.

Я ошиблась.

Я очень, очень рада.

Слезы могут знаменовать и радость и

those which coursed down Rose's face, as she sat pensively at the window, still gazing in the same direction, seemed to tell more of sorrow than of joy.

CHAPTER XXXVII — IN WHICH THE READER MAY PERCEIVE A CONTRAST, NOT UNCOMMON IN MATRIMONIAL CASES

Mr. Bumble sat in the workhouse parlour, with his eyes moodily fixed on the cheerless grate, whence, as it was summer time, no brighter gleam proceeded, than the reflection of certain sickly rays of the sun, which were sent back from its cold and shining surface.

A paper fly-cage dangled from the ceiling, to which he occasionally raised his eyes in gloomy thought; and, as the heedless insects hovered round the gaudy net-work, Mr. Bumble would heave a deep sigh, while a more gloomy shadow overspread his countenance.

Mr. Bumble was meditating; it might be that the insects brought to mind, some painful passage in his own past life.

Nor was Mr. Bumble's gloom the only thing calculated to awaken a pleasing melancholy in the bosom of a spectator.

There were not wanting other appearances, and those closely connected with his own person, which announced that a great change had taken place in the position of his affairs.

The laced coat, and the cocked hat; where were they?

He still wore knee-breeches, and dark cotton stockings on his nether limbs; but they were not the breeches.

The coat was wide-skirted; and in that respect like the coat, but, oh how different!

The mighty cocked hat was replaced by a modest round one.

Mr. Bumble was no longer a beadle.

страдание; но те, что струились по лицу Роз, когда она задумчиво сидела у окна, глядя все в ту же сторону, казалось говорили скорее о скорби, чем о радости.

ГЛАВА XXXVII, — в которой читатель может наблюдать столкновение, нередкое в супружеской жизни

Мистер Бамбл сидел в приемной рабочего дома, хмуро уставившись на унылую решетку камина, откуда по случаю летней поры не вырывались веселые языки пламени, и только бледные лучи солнца отражались на ее холодной и блестящей поверхности.

С потолка свешивалась бумажная мухоловка, на которую он изредка в мрачном раздумье поднимал глаза, и, глядя, как суетятся в пестрой сетке неосторожные насекомые, мистер Бамбл выпускал тяжкий вздох, а на физиономию его спускалась еще более мрачная тень.

Мистер Бамбл размышлял; быть может, насекомые напоминали ему какое-нибудь тягостное событие из его собственной жизни.

Но не только мрачное расположение духа мистера Бамбла могло пробудить меланхолию в душе наблюдателя.

Немало было других признаков, и притом тесно связанных с его особой, которые возвещали о том, что в делах его произошла великая перемена.

Обшитая галуном шинель и треуголка - где они?

Нижняя половина его тела была по-прежнему облечена в короткие панталоны и черные бумажные чулки; но это были отнюдь не те панталоны.

Сюртук был по-прежнему широкополый и этим напоминал прежнюю шинель, но - какая разница!

Внушительную треуголку заменила скромная круглая шляпа.

Мистер Бамбл больше не был приходским

There are some promotions in life, which, independent of the more substantial rewards they offer, require peculiar value and dignity from the coats and waistcoats connected with them.

A field-marshal has his uniform; a bishop his silk apron; a counsellor his silk gown; a beadle his cocked hat.

Strip the bishop of his apron, or the beadle of his hat and lace; what are they?

Men.

Mere men.

Dignity, and even holiness too, sometimes, are more questions of coat and waistcoat than some people imagine.

Mr. Bumble had married Mrs. Corney, and was master of the workhouse.

Another beadle had come into power. On him the cocked hat, gold-laced coat, and staff, had all three descended.

'And to-morrow two months it was done!' said Mr. Bumble, with a sigh.

'It seems a age.'

Mr. Bumble might have meant that he had concentrated a whole existence of happiness into the short space of eight weeks; but the sigh — there was a vast deal of meaning in the sigh.

'I sold myself,' said Mr. Bumble, pursuing the same train of relection, 'for six teaspoons, a pair of sugar-tongs, and a milk-pot; with a small quantity of second-hand furniture, and twenty pound in money.

I went very reasonable.

Cheap, dirt cheap!

'Cheap!' cried a shrill voice in Mr. Bumble's ear: 'you would have been dear at any price; and dear enough I paid for you, Lord above knows that!'

бидлом.

Есть такие должности, которые независимо от более существенных благ, с ними связанных, обретают особую ценность и значительность от сюртуков и жилетов, им присвоенных.

У фельдмаршала есть мундир; у епископа - шелковая ряса; у адвоката - шелковая мантия; у приходского бидла - треуголка.

Отнимите у епископа его рясу или у приходского бидла его треуголку и галуны - кем будут они тогда?

Людьми.

Обыкновенными людьми!

Иной раз достоинство и даже святость зависят от сюртука и жилета больше, чем кое-кто полагает.

Мистер Бамбл женился на миссис Корни и стал надзирателем работного дома.

Власть приходского бидла перешла к другому - он получил и треуголку, и обшитую галуном шинель, и трость.

- Завтра будет два месяца с тех пор, как это совершилось! - со вздохом сказал мастер Бамбл.

- А мне кажется, будто прошли века.

Быть может, мистер Бамбл хотел сказать, что в этом коротком восьминедельном отрезке времени сосредоточилось для него все счастье жизни, но вздох - очень многозначителен был этот вздох.

- Я продался, - сказал мистер Бамбл, развивая все ту же мысль, - за полдюжины чайных ложек, щипцы для сахара, молочник и в придачу небольшое количество подержанной мебели и двадцать фунтов наличными.

Я продешевил.

Дешево, чертовски дешево!

- Дешево! - раздался над самым ухом мистера Бамбла пронзительный голос. - За тебя сколько ни дай, все равно будет дорого: всевышнему известно, что уж я-то немало за тебя заплатила!

Mr. Bumble turned, and encountered the face of his interesting consort, who, imperfectly comprehending the few words she had overheard of his complaint, had hazarded the foregoing remark at a venture.

'Mrs. Bumble, ma'am!' said Mr. Bumble, with a sentimental sternness.

'Well!' cried the lady.

'Have the goodness to look at me,' said Mr. Bumble, fixing his eyes upon her. (If she stands such a eye as that,' said Mr. Bumble to himself, 'she can stand anything.

It is a eye I never knew to fail with paupers.

If it fails with her, my power is gone.')

Whether an exceedingly small expansion of eye be sufficient to quell paupers, who, being lightly fed, are in no very high condition; or whether the late Mrs. Corney was particularly proof against eagle glances; are matters of opinion.

The matter of fact, is, that the matron was in no way overpowered by Mr. Bumble's scowl, but, on the contrary, treated it with great disdain, and even raised a laugh thereat, which sounded as though it were genuine.

On hearing this most unexpected sound, Mr. Bumble looked, first incredulous, and afterwards amazed.

He then relapsed into his former state; nor did he rouse himself until his attention was again awakened by the voice of his partner.

'Are you going to sit snoring there, all day?' inquired Mrs. Bumble.

'I am going to sit here, as long as I think proper, ma'am,' rejoined Mr. Bumble; 'and although I was not snoring, I shall snore, gape, sneeze, laugh, or cry, as the humour strikes me; such being my prerogative.'

'Your prerogative!' sneered Mrs. Bumble, with

Мистер Бамбл повернулся и увидел лицо своей привлекательной супруги, которая, не вполне уразумев те несколько слов, какие она подслушала из его жалобы, рискнула тем не менее сделать вышеупомянутое замечание.

- Миссис Бамбл, сударыня! - сказал мистер Бамбл с сентиментальной строгостью.

- Ну что? - крикнула леди.

- Будьте любезны посмотреть на меня, - произнес мистер Бамбл, устремив на нее взор. ("Если она выдержит такой взгляд, - сказал самому себе мистер Бамбл, - значит, она может выдержать что угодно.

Не помню случая, чтобы этот взгляд не подействовал на бедняков.

Если он не подействует на нее, значит я потерял свою власть").

Может быть, для усмирения бедняков достаточно было лишь немного выпучить глаза, потому что они сидели на легкой пище и находились не в очень блестящем состоянии, или же бывшая миссис Корни была совершенно непроницаема для орлиных взглядов - зависит от точки зрения.

Во всяком случае, надзирательница отнюдь не была сокрушена грозным видом мистера Бамбла, но, напротив, отнеслась к нему с великим презрением и даже разразилась хохотом, который казался вовсе не притворным.

Когда мистер Бамбл слышал эти весьма неожиданные звуки, на лице его отразилось сначала недоверие, а затем изумление.

После этого он впал в прежнее состояние и очнулся не раньше, чем внимание его было вновь привлечено голосом подруги его жизни.

- Ты весь день намерен сидеть здесь и храпеть? - осведомилась миссис Бамбл.

- Я намерен сидеть здесь столько, сколько найду нужным, сударыня, - отвечал мистер Бамбл. - И хотя я не храпел, но, если мне вздумается, буду храпеть, зевать, чихать, смеяться или плакать. Это мое право.

- Твое право! - с неизъяснимым презрением

ineffable contempt.

'I said the word, ma'am,' said Mr. Bumble.

'The prerogative of a man is to command.'

'And what's the prerogative of a woman, in the name of Goodness?' cried the relict of Mr. Corney deceased.

'To obey, ma'am,' thundered Mr. Bumble.

'Your late unfortunate husband should have taught it you; and then, perhaps, he might have been alive now.

I wish he was, poor man!'

Mrs. Bumble, seeing at a glance, that the decisive moment had now arrived, and that a blow struck for the mastership on one side or other, must necessarily be final and conclusive, no sooner heard this allusion to the dead and gone, than she dropped into a chair, and with a loud scream that Mr. Bumble was a hard-hearted brute, fell into a paroxysm of tears.

But, tears were not the things to find their way to Mr. Bumble's soul; his heart was waterproof.

Like washable beaver hats that improve with rain, his nerves were rendered stouter and more vigorous, by showers of tears, which, being tokens of weakness, and so far tacit admissions of his own power, pleased and exalted him.

He eyed his good lady with looks of great satisfaction, and begged, in an encouraging manner, that she should cry her hardest: the exercise being looked upon, by the faculty, as strongly conducive to health.

'It opens the lungs, washes the countenance, exercises the eyes, and softens down the temper,' said Mr. Bumble.

'So cry away.'

As he discharged himself of this pleasantry, Mr. Bumble took his hat from a peg, and putting it on, rather rakishly, on one side, as a man might, who

ухмыльнулась миссис Бамбл.

- Да, я произнес это слово, сударыня, - сказал мистер Бамбл.

- Право мужчины - повелевать!

- А какие же права у женщины, скажи во имя господ бога? - вскричала бывшая супруга усопшего мистера Корни.

- Повиноваться, сударыня! - загремел мистер Бамбл.

- Следовало бы вашему злосчастному покойному супругу обучить вас этому, тогда, быть может, он бы и по сей день был жив.

Хотел бы я, чтобы он был жив, бедняга!

Миссис Бамбл, сразу угадав, что решительный момент настал и удар, нанесенный той или другой стороной, должен окончательно и бесповоротно утвердить главенство в семье, едва успела выслушать это упоминание об усопшем, как уже рухнула в кресло и, завопив, что мистер Бамбл - бессердечная скотина, разразилась истерическими слезами.

Но слезам не проникнуть было в душу мистера Бамбла: сердце у него было непромокаемое.

Подобно тому как кастановые шляпы, которые можно стирать, делаются только лучше от дождя, так и его нервы стали более крепкими и упругими благодаря потоку слез, каковые, являясь признаком слабости и в силу этого молчаливым признанием его могущества, были приятны ему и воодушевляли его.

С большим удовлетворением он взирал на свою любезную супругу и поощрительным тоном просил ее хорошенько выплакаться, так как, по мнению врачей, это упражнение весьма полезно для здоровья.

- Слезы очищают легкие, умывают лицо, укрепляют Зрение и успокаивают нервы, - сказал мистер Бамбл.

- Так плачь же хорошенько.

Сделав это шутливое замечание, мистер Бамбл снял с гвоздя шляпу и, надев ее довольно лихо набекрень, - как человек, сознающий, что он

felt he had asserted his superiority in a becoming manner, thrust his hands into his pockets, and sauntered towards the door, with much ease and waggishness depicted in his whole appearance.

Now, Mrs. Corney that was, had tried the tears, because they were less troublesome than a manual assault; but, she was quite prepared to make trial of the latter mode of proceeding, as Mr. Bumble was not long in discovering.

The first proof he experienced of the fact, was conveyed in a hollow sound, immediately succeeded by the sudden flying off of his hat to the opposite end of the room.

This preliminary proceeding laying bare his head, the expert lady, clasping him tightly round the throat with one hand, inflicted a shower of blows (dealt with singular vigour and dexterity) upon it with the other.

This done, she created a little variety by scratching his face, and tearing his hair; and, having, by this time, inflicted as much punishment as she deemed necessary for the offence, she pushed him over a chair, which was luckily well situated for the purpose: and defied him to talk about his prerogative again, if he dared.

'Get up!' said Mrs. Bumble, in a voice of command.

'And take yourself away from here, unless you want me to do something desperate.'

Mr. Bumble rose with a very rueful countenance: wondering much what something desperate might be.

Picking up his hat, he looked towards the door.

'Are you going?' demanded Mrs. Bumble.

'Certainly, my dear, certainly,' rejoined Mr. Bumble, making a quicker motion towards the door.

'I didn't intend to — I'm going, my dear!

You are so very violent, that really I — '

At this instant, Mrs. Bumble stepped hastily

должным образом утвердил свое превосходство, - засунул руки в карманы и направился к двери, всем видом своим выражая полное удовлетворение и игривое расположение духа.

А бывшая миссис Корни прибегла к слезам, потому что это менее утомительно, чем кулачная расправа, но она была вполне подготовлена к тому, чтобы испробовать и последний способ воздействия, в чем не замедлил убедиться мистер Бамбл.

Первым доказательством этого факта, дошедшим до его сознания, был какой-то глухой звук, а затем его шляпа немедленно отлетела в другой конец комнаты.

Когда эта предварительная мера обнажила его голову, опытная леди, крепко обхватив его одной рукой за шею, другой осыпала его голову градом ударов (наносимых с удивительной силой и ловкостью).

Покончив с этим, она слегка видоизменила свои приемы, принявшись царапать ему лицо и таскать за волосы; когда же он, по ее мнению, получил должное возмездие за оскорбление, она толкнула его к стулу, который, по счастью, стоял как раз в надлежащем месте, и предложила ему еще раз заикнуться о своем праве, если у него хватит смелости.

- Вставай! - повелительным тоном сказала миссис Бамбл.

- И убирайся вон, если не желаешь, чтобы я совершила какой-нибудь отчаянный поступок!

Мистер Бамбл с горестным видом встал, недоумевая, какой бы это мог быть отчаянный поступок.

Подняв свою шляпу, он направился к двери.

- Ты уходишь? - спросила миссис Бамбл.

- Разумеется, дорогая моя, разумеется, - отвечал мистер Бамбл, устремившись к двери.

- Я не хотел... я уйду, дорогая моя!

Ты так порывиста, что, право же, я...

Тут миссис Бамбл торопливо шагнула вперед,

forward to replace the carpet, which had been kicked up in the scuffle.

Mr. Bumble immediately darted out of the room, without bestowing another thought on his unfinished sentence: leaving the late Mrs. Corney in full possession of the field.

Mr. Bumble was fairly taken by surprise, and fairly beaten.

He had a decided propensity for bullying: derived no inconsiderable pleasure from the exercise of petty cruelty; and, consequently, was (it is needless to say) a coward.

This is by no means a disparagement to his character; for many official personages, who are held in high respect and admiration, are the victims of similar infirmities.

The remark is made, indeed, rather in his favour than otherwise, and with a view of impressing the reader with a just sense of his qualifications for office.

But, the measure of his degradation was not yet full.

After making a tour of the house, and thinking, for the first time, that the poor-laws really were too hard on people; and that men who ran away from their wives, leaving them chargeable to the parish, ought, in justice to be visited with no punishment at all, but rather rewarded as meritorious individuals who had suffered much; Mr. Bumble came to a room where some of the female paupers were usually employed in washing the parish linen: when the sound of voices in conversation, now proceeded.

'Hem!' said Mr. Bumble, summoning up all his native dignity.

'These women at least shall continue to respect the prerogative.

Hallo! hallo there!

What do you mean by this noise, you hussies?'

With these words, Mr. Bumble opened the door, and walked in with a very fierce and angry manner: which was at once exchanged for a most humiliated and cowering air, as his eyes

чтобы расправить ковер, сбившийся во время потасовки.

Мистер Бамбл мгновенно вылетел из комнаты, даже и не подумав докончить начатую фразу, а поле битвы осталось в полном распоряжении бывшей миссис Корни.

Мистер Бамбл растерялся от неожиданности и был разбит наголову.

Он отличался несомненно склонностью к запугиванию, извлекал немалое удовольствие из мелочной жестокости и, следовательно (что само собой разумеется), был трусом.

Это отнюдь не порочит его особы, ибо многие должностные лица, к которым относятся с великим уважением и восхищением, являются жертвами той же слабости.

Это замечание сделано скорее в похвалу ему и имеет целью внушить читателю правильное представление о его пригодности к службе.

Но мера унижения его еще не исполнилась.

Производя обход дома и впервые подумав о том, что законы о бедняках и в самом деле слишком суровы, а мужья, убежавшие от своих жен и оставившие их на попечение прихода, заслуживают по справедливости отнюдь не наказания, а скорее награды, как люди достойные, много претерпевшие, - мистер Бамбл подошел к комнате, где несколько призреваемых женщин обычно занимались стиркой приходского белья и откуда сейчас доносился гул голосов.

- Гм! - сказал мистер Бамбл, обретая присущее ему достоинство.

- Уж эти-то женщины по крайней мере будут по-прежнему уважать мои права...

Эй, вы!

Чего вы такой шум подняли, негодные твари?

С этими словами мистер Бамбл открыл дверь и вошел с видом разгневанным и грозным, который мгновенно уступил место самому смиренному и трусливому, когда взгляд его

unexpectedly rested on the form of his lady wife.

'My dear,' said Mr. Bumble, 'I didn't know you were here.'

'Didn't know I was here!' repeated Mrs. Bumble.

'What do you do here?'

'I thought they were talking rather too much to be doing their work properly, my dear,' replied Mr. Bumble: glancing distractedly at a couple of old women at the wash-tub, who were comparing notes of admiration at the workhouse-master's humility.

'You thought they were talking too much?' said Mrs. Bumble.

'What business is it of yours?'

'Why, my dear — ' urged Mr. Bumble submissively. 'What business is it of yours?' demanded Mrs. Bumble, again.

'It's very true, you're matron here, my dear,' submitted Mr. Bumble; 'but I thought you mightn't be in the way just then.'

'I'll tell you what, Mr. Bumble,' returned his lady. 'We don't want any of your interference.'

You're a great deal too fond of poking your nose into things that don't concern you, making everybody in the house laugh, the moment your back is turned, and making yourself look like a fool every hour in the day.

Be off; come!'

Mr. Bumble, seeing with excruciating feelings, the delight of the two old paupers, who were tittering together most rapturously, hesitated for an instant.

Mrs. Bumble, whose patience brooked no delay, caught up a bowl of soap-suds, and motioning him towards the door, ordered him instantly to depart, on pain of receiving the contents upon his portly person.

What could Mr. Bumble do?

неожиданно остановился на достойной его супруге.

- Дорогая моя, - сказал мистер Бамбл, - я не знал, что ты здесь.

- Не знал, что я здесь! - повторила миссис Бамбл.

- А ты что тут делаешь?

- Я подумал, что они слишком много болтают, а дела не делают, дорогая моя, - отвечал мистер Бамбл, в замешательстве глядя на двух старух у лохани, которые обменивались наблюдениями, восхищенные смиренным видом надзирателя работного дома.

- Ты думал, что они слишком много болтают? - спросила миссис Бамбл.

- А тебе какое дело?

- Совершенно верно, дорогая моя, ты тут хозяйка, - покорно согласился мистер Бамбл.

- Но я подумал, что, может быть, тебя сейчас здесь нет.

- Вот что я тебе скажу, мистер Бамбл, - заявила его супруга, - в твоём вмешательстве мы не нуждаемся.

Очень уж ты любишь совать нос в дела, которые тебя не касаются; только ты отвернешься, над тобой смеются, все время разыгрываешь дурака...

Ну-ка, проваливай!

Мистер Бамбл, с тоской наблюдая радость обеих старух, весело хихикавших, минутку колебался.

Миссис Бамбл, не терпевшая никакого промедления, схватила ковш с мыльной пеной и, указав на дверь, приказала ему немедленно удалиться, пригрозив окатить дородную его персону содержимым ковшом.

Что было делать мистеру Бамблу?

He looked dejectedly round, and slunk away; and, as he reached the door, the titterings of the paupers broke into a shrill chuckle of irrepressible delight.

It wanted but this.

He was degraded in their eyes; he had lost caste and station before the very paupers; he had fallen from all the height and pomp of beadleship, to the lowest depth of the most snubbed hen-peckery.

'All in two months!' said Mr. Bumble, filled with dismal thoughts.

'Two months!

No more than two months ago, I was not only my own master, but everybody else's, so far as the parochial workhouse was concerned, and now! — '

It was too much.

Mr. Bumble boxed the ears of the boy who opened the gate for him (for he had reached the portal in his reverie); and walked, distractedly, into the street.

He walked up one street, and down another, until exercise had abated the first passion of his grief; and then the revulsion of feeling made him thirsty.

He passed a great many public-houses; but, at length paused before one in a by-way, whose parlour, as he gathered from a hasty peep over the blinds, was deserted, save by one solitary customer.

It began to rain, heavily, at the moment.

This determined him.

Mr. Bumble stepped in; and ordering something to drink, as he passed the bar, entered the apartment into which he had looked from the street.

The man who was seated there, was tall and dark, and wore a large cloak.

He had the air of a stranger; and seemed, by a

Он уныло осмотрелся и потихоньку ретировался. Когда он добрался до двери, хихиканье старух перешло в пронзительный смех, выражавший неудержимый восторг.

Этого только не хватало!

Он был унижен в их глазах; он уронил свой авторитет и достоинство даже перед этими бедняками; он упал с величественных высот поста бидла в глубочайшую пропасть, очутившись в положении мужа, находящегося под башмаком у сварливой жены.

- И все это за два месяца! - сказал мистер Бамбл, исполненный горестных дум.

- Два месяца!

Всего-навсего два месяца тому назад я был не только сам себе господин, но всем другим господин, во всяком случае в работном доме, а теперь!..

Это было уже слишком.

Мистер Бамбл угостил пощечиной мальчишку, открывавшего ему ворота (ибо в раздумье, сам того не замечая, он добрался до ворот), и в замешательстве вышел на улицу.

Он прошел по одной улице, потом по другой, пока прогулка не заглушила первых приступов тоски, а эта перемена в расположении духа вызвала у него жажду.

Он миновал много трактиров, но, наконец, остановился перед одним в переулке, где, как он убедился, глянув мельком поверх занавески, не было никого, кроме одного-единственного завсегдатая.

Как раз в это время полил дождь.

Это заставило его решиться.

Мистер Бамбл вошел; пройдя мимо стойки и приказав, чтобы ему подали чего-нибудь выпить, он очутился в комнате, куда заглядывал с улицы.

Человек, сидевший там, был высокий и смуглый, в широком плаще.

Он производил впечатление иностранца и, судя

certain haggardness in his look, as well as by the dusty soils on his dress, to have travelled some distance.

He eyed Bumble askance, as he entered, but scarcely deigned to nod his head in acknowledgment of his salutation.

Mr. Bumble had quite dignity enough for two; supposing even that the stranger had been more familiar: so he drank his gin-and-water in silence, and read the paper with great show of pomp and circumstance.

It so happened, however: as it will happen very often, when men fall into company under such circumstances: that Mr. Bumble felt, every now and then, a powerful inducement, which he could not resist, to steal a look at the stranger: and that whenever he did so, he withdrew his eyes, in some confusion, to find that the stranger was at that moment stealing a look at him.

Mr. Bumble's awkwardness was enhanced by the very remarkable expression of the stranger's eye, which was keen and bright, but shadowed by a scowl of distrust and suspicion, unlike anything he had ever observed before, and repulsive to behold.

When they had encountered each other's glance several times in this way, the stranger, in a harsh, deep voice, broke silence.

'Were you looking for me,' he said, 'when you peered in at the window?'

'Not that I am aware of, unless you're Mr. — ' Here Mr. Bumble stopped short; for he was curious to know the stranger's name, and thought in his impatience, he might supply the blank.

'I see you were not,' said the stranger; an expression of quiet sarcasm playing about his mouth; 'or you have known my name.

You don't know it.

I would recommend you not to ask for it.'

'I meant no harm, young man,' observed Mr. Bumble, majestically.

'And have done none,' said the stranger.

по изможденному его виду и запыленной одежде, совершил длинное путешествие.

Когда вошел Бамбл, он искоса взглянул на него и едва удостоил кивком в ответ на его приветствие.

У мистера Бамбла хватило бы достоинства и на двоих, даже если бы незнакомец оказался более общительным; поэтому он молча пил свой джин, разбавленный водой, и читал газету с очень важным и солидным видом.

Однако же случилось так - это бывает очень часто, когда люди встречаются при подобных обстоятельствах, - что мистер Бамбл то и дело чувствовал сильное желание, которому не мог противостоять, украдкой бросить взгляд на незнакомца, и всякий раз он не без смущения отводил глаза, ибо в эту минуту незнакомец украдкой посматривал на него.

Замешательство мистера Бамбла усиливалось вследствие странного взгляда незнакомца, у которого глаза были зоркие и блестящие, но выражали какое-то мрачное недоверие и презрение, чего мистер Бамбл никогда доселе не наблюдал и что было очень неприятно.

Когда взгляды их таким образом несколько раз встретились, незнакомец грубым, низким голосом нарушил молчание.

- Это меня вы искали, когда заглядывали в окно? - спросил он.

- Думаю, что нет, если вы не мистер... Тут мистер Бамбл запнулся, ибо он любопытствовал узнать имя незнакомца и в нетерпении своем надеялся, что тот заполнит пробел.

- Вижу, что не искали, - сказал незнакомец; саркастическая улыбка чуть заметно кривила его губы.

- Иначе вы бы знали мое имя.

Советую вам не осведомляться о нем.

- Я не хотел вас обидеть, молодой человек, - величественно отвечивал мистер Бамбл.

- И не обидели, - сказал незнакомец.

Another silence succeeded this short dialogue: which was again broken by the stranger.

'I have seen you before, I think?' said he.

'You were differently dressed at that time, and I only passed you in the street, but I should know you again.

You were beadle here, once; were you not?'

'I was,' said Mr. Bumble, in some surprise; 'porochial beadle.'

'Just so,' rejoined the other, nodding his head.

'It was in that character I saw you.

What are you now?'

'Master of the workhouse,' rejoined Mr. Bumble, slowly and impressively, to check any undue familiarity the stranger might otherwise assume.

'Master of the workhouse, young man!'

'You have the same eye to your own interest, that you always had, I doubt not?' resumed the stranger, looking keenly into Mr. Bumble's eyes, as he raised them in astonishment at the question.

'Don't scruple to answer freely, man.

I know you pretty well, you see.'

'I suppose, a married man,' replied Mr. Bumble, shading his eyes with his hand, and surveying the stranger, from head to foot, in evident perplexity, 'is not more averse to turning an honest penny when he can, than a single one.

Porochial officers are not so well paid that they can afford to refuse any little extra fee, when it comes to them in a civil and proper manner.'

The stranger smiled, and nodded his head again: as much to say, he had not mistaken his man; then rang the bell.

После этого краткого диалога снова воцарилось молчание, которое и на сей раз было нарушено незнакомцем.

- Мне кажется, я вас раньше видел, - сказал он.

- Я видел вас мельком на улице, когда вы были одеты иначе, но, кажется, я вас узнаю.

Вы когда-то были здесь бидлом, не так ли?

- Правильно, - с удивлением сказал мистер Бамбл, - приходским бидлом.

- Вот именно, - отозвался незнакомец, кивнув головой.

- Как раз эту должность вы и занимали, когда я вас встретил.

А теперь кто вы такой?

- Надзиратель работного дома, - произнес мистер Бамбл медленно и внушительно, чтобы воспрепятствовать неуместной фамильярности, которую мог позволить себе незнакомец.

- Надзиратель работного дома, молодой человек.

- Полагаю, вы, как и в прежние времена, не упускаете из виду своих интересов? - продолжал незнакомец, зорко посмотрев в глаза мистеру Бамблу, когда тот поднял их, удивленный этим вопросом.

- Не смущайтесь, говорите откровенно, старина.

Как видите, я вас хорошо знаю.

- Мне кажется, - отвечал мистер Бамбл, заслоня глаза рукой и с явным замешательством осматривая незнакомца с головы до ног, - женатый человек, как и холостяк, не прочь честно заработать пенни, когда представляется случай.

Приходским чиновникам не так уж хорошо платят, чтобы они могли отказываться от маленького добавочного вознаграждения, если его предлагают им вежливо и пристойно.

Незнакомец улыбнулся и снова кивнул головой, как бы желая сказать, что не ошибся в этом человеке, затем позвонил в колокольчик.

'Fill this glass again,' he said, handing Mr. Bumble's empty tumbler to the landlord.

'Let it be strong and hot.

You like it so, I suppose?'

'Not too strong,' replied Mr. Bumble, with a delicate cough.

'You understand what that means, landlord!' said the stranger, drily.

The host smiled, disappeared, and shortly afterwards returned with a steaming jorum: of which, the first gulp brought the water into Mr. Bumble's eyes.

'Now listen to me,' said the stranger, after closing the door and window.

'I came down to this place, to-day, to find you out; and, by one of those chances which the devil throws in the way of his friends sometimes, you walked into the very room I was sitting in, while you were uppermost in my mind.

I want some information from you.

I don't ask you to give it for nothing, slight as it is.

Put up that, to begin with.'

As he spoke, he pushed a couple of sovereigns across the table to his companion, carefully, as though unwilling that the chinking of money should be heard without.

When Mr. Bumble had scrupulously examined the coins, to see that they were genuine, and had put them up, with much satisfaction, in his waistcoat-pocket, he went on:

'Carry your memory back — let me see — twelve years, last winter.'

'It's a long time,' said Mr. Bumble.

'Very good.

I've done it.'

'The scene, the workhouse.'

- Наполните-ка еще разок, - сказал он, протягивая трактирщику пустой стакан мистера Бамбла.

- Налейте покрепче и погорячее...

Думаю, вам это по вкусу?

- Не слишком крепко, - ответил мистер Бамбл, деликатно кашлянув.

- Вы понимаете, что он хотел этим сказать, трактирщик? - сухо спросил незнакомец.

Хозяин улыбнулся, исчез и вскоре принес кружку горячего пунша; от первого же глотка у мистера Бамбла слезы выступили на глазах.

- Теперь слушайте меня, - начал незнакомец, предварительно закрыв дверь и окно.

- Я приехал сюда сегодня, чтобы разыскать вас, и благодаря счастливому случаю, какие дьявол иной раз дарит своим друзьям, вы вошли в ту самую комнату, где я сидел, когда мои мысли были заняты главным образом вами.

Мне нужно получить от вас кое-какие сведения.

Хотя они и маловажны, но я не прошу, чтобы вы сообщали их даром.

Для начала спрячьте-ка это в карман.

С этими словами он придвинул через стол своему собеседнику два соверена - осторожно, словно опасаясь, как бы снаружи не услышали звон монет.

Когда мистер Бамбл заботливо проверил, не фальшивые ли деньги, и с большим удовольствием спрятал их в жилетный карман, незнакомец продолжал:

- Перенеситесь мыслями в прошлое... Ну, скажем, припомните зиму двенадцать лет назад.

- Времена далекие, - сказал мистер Бамбл.

- Ладно.

Припомнил.

- Место действия - работный дом.

'Good!'

'And the time, night.'

'Yes.'

'And the place, the crazy hole, wherever it was, in which miserable drabs brought forth the life and health so often denied to themselves — gave birth to puling children for the parish to rear; and hid their shame, rot 'em in the grave!'

'The lying-in room, I suppose?' said Mr. Bumble, not quite following the stranger's excited description.

'Yes,' said the stranger.

'A boy was born there.'

'A many boys,' observed Mr. Bumble, shaking his head, despondingly.

'A murrain on the young devils!' cried the stranger;

'I speak of one; a meek-looking, pale-faced boy, who was apprenticed down here, to a coffin-maker — I wish he had made his coffin, and screwed his body in it — and who afterwards ran away to London, as it was supposed.

'Why, you mean Oliver!

Young Twist!' said Mr. Bumble;

'I remember him, of course.

There wasn't a obstinater young rascal — '

'It's not of him I want to hear; I've heard enough of him,' said the stranger, stopping Mr. Bumble in the outset of a tirade on the subject of poor Oliver's vices.

'It's of a woman; the hag that nursed his mother.

Where is she?'

'Where is she?' said Mr. Bumble, whom the gin-and-water had rendered facetious.

'It would be hard to tell.

- Хорошо.

- А время - ночь.

- Так.

- И где-то там - отвратительная дыра, в которой жалкие твари порождали на свет жизнь и здоровье, так часто отнятые у них самих, - рождали хнычущих ребят, оставляя их на попечение прихода, а сами, черт бы их побрал, скрывали свой позор в могиле.

- Должно быть, это родильная комната? - спросил мистер Бамбл, не совсем уразумев описание комнаты, с таким волнением сделанное незнакомцем.

- Правильно, - сказал незнакомец.

- Там родился мальчик.

- Много мальчиков рождалось, - заметил мистер Бамбл, удрученно покачивая головой.

- Провалились они сквозь землю, эти чертенята! - воскликнул незнакомец.

- Я говорю только об одном: тихом, болезненном мальчике, который был учеником здешнего гробовщика - жаль, что тот не сделал ему гроб и не запрятал его туда, - а потом, как предполагают, сбежал в Лондон.

- Так вы говорите об Оливере?

О юном Твисте? - воскликнул мистер Бамбл.

- Конечно, я его помню.

Такого негодного мальчишки никогда еще...

- Я не о нем хотел слышать; о нем я достаточно наслушался, - сказал незнакомец, прерывая речь мистера Бамбла на тему о пороках бедного Оливера.

- Я спрашиваю о женщине, о той старой карге, которая ходила за его матерью.

Где она?

- Где она? - повторил мистер Бамбл, который после джина с водой не прочь был пошутить.

- На это нелегко ответить.

There's no midwifery there, whichever place she's gone to; so I suppose she's out of employment, anyway.'

'What do you mean?' demanded the stranger, sternly.

'That she died last winter,' rejoined Mr. Bumble.

The man looked fixedly at him when he had given this information, and although he did not withdraw his eyes for some time afterwards, his gaze gradually became vacant and abstracted, and he seemed lost in thought.

For some time, he appeared doubtful whether he ought to be relieved or disappointed by the intelligence; but at length he breathed more freely; and withdrawing his eyes, observed that it was no great matter.

With that he rose, as if to depart.

But Mr. Bumble was cunning enough; and he at once saw that an opportunity was opened, for the lucrative disposal of some secret in the possession of his better half.

He well remembered the night of old Sally's death, which the occurrences of that day had given him good reason to recollect, as the occasion on which he had proposed to Mrs. Corney; and although that lady had never confided to him the disclosure of which she had been the solitary witness, he had heard enough to know that it related to something that had occurred in the old woman's attendance, as workhouse nurse, upon the young mother of Oliver Twist.

Hastily calling this circumstance to mind, he informed the stranger, with an air of mystery, that one woman had been closeted with the old harridan shortly before she died; and that she could, as he had reason to believe, throw some light on the subject of his inquiry.

'How can I find her?' said the stranger, thrown off his guard; and plainly showing that all his fears (whatever they were) were aroused afresh by the intelligence.

Куда бы она ни отправилась, повитухи там не нужны, вот я и полагаю, что работы у нее нет.

- Что вы хотите этим сказать? - сердито спросил незнакомец.

- Да то, что она умерла этой зимой, - отвечал мистер Бамбл.

Услышав эти слова, незнакомец пристально на него посмотрел, и, хотя довольно долго не сводил с него глаз, взгляд его постепенно делался рассеянным, и он, казалось, глубоко задумался.

Сначала он как будто колебался, почувствовать ли ему облегчение или разочарование при таком известии, но, наконец, вздохнув свободнее и отведя взгляд, заявил, что это не так важно.

С этими словами он встал, словно собираясь уйти.

Но мистер Бамбл был достаточно хитер - он сразу угадал, что представляется возможность выгодно распорядиться некоей тайной, которая принадлежала его лучшей половине.

Он прекрасно помнил тот вечер, когда умерла старая Салли, ибо обстоятельства этого дня не без основания запечатлелись в его памяти: благодаря им он сделал предложение-миссис Корни, и хотя эта леди не доверила ему того, чему была единственной свидетельницей, он слышал достаточно и понял, что это имеет отношение к какому-то событию, которое произошло в ту пору, когда старуха как сиделка работного дома ухаживала за молодой матерью Оливера Твиста.

Быстро припомнив это обстоятельство, он с таинственным видом сообщил незнакомцу, что перед самой смертью старой карги одна женщина оставалась с ней с глазу на глаз и у него есть основания предполагать, что она может содействовать ему в его расследованиях.

- Как мне ее найти? - спросил застигнутый врасплох незнакомец, явно обнаруживая, что эта весть воскресила все его опасения (каковы бы они ни были).

- Только при моей помощи, - заявил мистер

'Only through me,' rejoined Mr. Bumble.

'When?' cried the stranger, hastily.

'To-morrow,' rejoined Bumble.

'At nine in the evening,' said the stranger, producing a scrap of paper, and writing down upon it, an obscure address by the water-side, in characters that betrayed his agitation; 'at nine in the evening, bring her to me there.

I needn't tell you to be secret.

It's your interest.'

With these words, he led the way to the door, after stopping to pay for the liquor that had been drunk.

Shortly remarking that their roads were different, he departed, without more ceremony than an emphatic repetition of the hour of appointment for the following night.

On glancing at the address, the parochial functionary observed that it contained no name.

The stranger had not gone far, so he made after him to ask it.

'What do you want?' cried the man, turning quickly round, as Bumble touched him on the arm.

'Following me?'

'Only to ask a question,' said the other, pointing to the scrap of paper. 'What name am I to ask for?'

'Monks!' rejoined the man; and strode hastily, away.

CHAPTER XXXVIII — CONTAINING AN ACCOUNT OF WHAT PASSED BETWEEN MR. AND MRS. BUMBLE, AND MR. MONKS, AT THEIR NOCTURNAL INTERVIEW

It was a dull, close, overcast summer evening.

The clouds, which had been threatening all day, spread out in a dense and sluggish mass of vapour, already yielded large drops of rain, and seemed to

Бамбл.

- Когда? - нетерпеливо воскликнул незнакомец.

- Завтра, - ответил Бамбл.

- В девять часов вечера, - сказал незнакомец, достал клочок бумаги и почерком, выдававшим его волнение, записал на нем название какой-то улицы у реки. - В девять часов вечера придите с ней туда.

Мне незачем говорить вам, чтобы вы держали все в тайне.

Это в ваших интересах.

С этими словами он направился к двери, задержавшись, чтобы уплатить за выпивку.

Бросив короткое замечание, что здесь их пути расходятся, он удалился без всяких церемоний, внушительно напомнив о часе, назначенном для свидания на следующий день.

Взглянув на адрес, приходский чиновник заметил, что фамилия не обозначена.

Незнакомец еще не успел отойти далеко, а потому он побежал за ним, чтобы справиться о ней.

- Что вам нужно? - крикнул тот, быстро повернувшись, когда Бамбл тронул его за руку.

- Выслеживаете меня?

- Хочу только узнать, - сказал мистер Бамбл, указывая на клочок бумаги, - кого мне там спросить?

- Монкса, - ответил тот и быстро пошел дальше.

ГЛАВА XXXVIII, — содержащая отчет о том, что произошло между супругами Бамбл и мистером Монксом во время их вечернего свидания

Был хмурый, душный, облачный летний вечер.

Тучи, которые ползли по небу весь день, собрались густой, грязноватой пеленой и уже роняли крупные капли дождя и, казалось,

presage a violent thunder-storm, when Mr. and Mrs. Bumble, turning out of the main street of the town, directed their course towards a scattered little colony of ruinous houses, distant from it some mile and a-half, or thereabouts, and erected on a low unwholesome swamp, bordering upon the river.

They were both wrapped in old and shabby outer garments, which might, perhaps, serve the double purpose of protecting their persons from the rain, and sheltering them from observation.

The husband carried a lantern, from which, however, no light yet shone; and trudged on, a few paces in front, as though — the way being dirty — to give his wife the benefit of treading in his heavy footprints.

They went on, in profound silence; every now and then, Mr. Bumble relaxed his pace, and turned his head as if to make sure that his helpmate was following; then, discovering that she was close at his heels, he mended his rate of walking, and proceeded, at a considerable increase of speed, towards their place of destination.

This was far from being a place of doubtful character; for it had long been known as the residence of none but low ruffians, who, under various pretences of living by their labour, subsisted chiefly on plunder and crime.

It was a collection of mere hovels: some, hastily built with loose bricks: others, of old worm-eaten ship-timber: jumbled together without any attempt at order or arrangement, and planted, for the most part, within a few feet of the river's bank.

A few leaky boats drawn up on the mud, and made fast to the dwarf wall which skirted it: and here and there an oar or coil of rope: appeared, at first, to indicate that the inhabitants of these miserable cottages pursued some avocation on the river; but a glance at the shattered and useless condition of the articles thus displayed, would have led a passer-by, without much difficulty, to the conjecture that they were disposed there, rather for the preservation of appearances, than with any view to their being actually employed.

предвещали жестокую грозу, когда мистер и миссис Бамбл, свернув с главной улицы, направили свои стопы к кучке беспорядочно разбросанных, полуразрушенных домов, находящихся примерно на расстоянии полутора миль от центра города, в гнилой, болотистой низине у реки.

Старая, поношенная верхняя одежда, которая была на них, могла послужить двум целям: защищать от дождя и не привлекать к ним внимания.

Супруг нес фонарь, пока еще не излучавший никакого света, и трусил в нескольких шагах впереди, словно для того, чтобы его жена могла ступать по тяжелым его следам: дорога была грязная.

Они шли в глубоком молчании; время от времени мистер Бамбл замедлял шаги и оглядывался, как бы желая удостовериться, что подруга жизни от него не отстала; затем, видя, что она идет за ним по пятам, он ускорял шаги и еще быстрее устремлялся к цели их путешествия.

Репутация этого места отнюдь не вызывала сомнений: давно уже оно было известно как обиталище отъявленных негодяев, которые, всячески притворяясь, будто живут честным трудом, поддерживали свое существование главным образом грабежом и преступлениями.

Здесь были только лачуги: одни - наспех построенные из заваливавшихся кирпичей, другие - из старого, подточенного червями корабельного леса; они были сбиты в кучу с полным пренебрежением к порядку и благоустройству и находились на расстоянии нескольких футов от реки.

Продырявленные лодки, вытащенные на грязный берег и привязанные к окаймляющей его низенькой стене, а также лежавшие кое-где весла и сложенные в бухту канаты сначала наводили на мысль, что обитатели этих жалких хижин зарабатывают себе пропитание на реке. Но одного взгляда на эту старую и ни на что не годную заваль, разбросанную здесь, было достаточно, чтобы прохожий без особого труда пришел к заключению, что она выставлена скорее для виду и вряд ли кто пользуется ею.

In the heart of this cluster of huts; and skirting the river, which its upper stories overhung; stood a large building, formerly used as a manufactory of some kind.

It had, in its day, probably furnished employment to the inhabitants of the surrounding tenements. But it had long since gone to ruin.

The rat, the worm, and the action of the damp, had weakened and rotted the piles on which it stood; and a considerable portion of the building had already sunk down into the water; while the remainder, tottering and bending over the dark stream, seemed to wait a favourable opportunity of following its old companion, and involving itself in the same fate.

It was before this ruinous building that the worthy couple paused, as the first peal of distant thunder reverberated in the air, and the rain commenced pouring violently down.

'The place should be somewhere here,' said Bumble, consulting a scrap of paper he held in his hand.

'Halloa there!' cried a voice from above.

Following the sound, Mr. Bumble raised his head and descried a man looking out of a door, breast-high, on the second story.

'Stand still, a minute,' cried the voice; 'I'll be with you directly.'

With which the head disappeared, and the door closed.

'Is that the man?' asked Mr. Bumble's good lady.

Mr. Bumble nodded in the affirmative.

'Then, mind what I told you,' said the matron: 'and be careful to say as little as you can, or you'll betray us at once.'

Mr. Bumble, who had eyed the building with very rueful looks, was apparently about to express some doubts relative to the advisability of proceeding any further with the enterprise just then, when he was prevented by the appearance of Monks: who opened a small door, near which they

В центре этой кучки лачуг, у самой реки, так что верхние этажи нависали над ней, возвышалось большое строение, бывшее прежде фабрикой.

В былые времена оно, верно, доставляло заработок обитателям соседних домишек, но с тех пор давно пришло в ветхость.

От крыс, червей и сырости расшатались и подгнили сваи, на которых оно держалось, - значительная часть здания уже погрузилась в воду, тогда как еще уцелевшая, шаткая и накренившаяся над темным потоком, казалось, ждала удобного случая, чтобы последовать за старым своим приятелем и подвергнуться той же участи.

Перед этим-то ветхим домом и остановилась достойная пара, когда в воздухе пронеслись первые раскаты отдаленного грома и полил сильный дождь.

- Должно быть, это где-то здесь, - сказал Бамбл, разглядывая клочок бумаги, который держал в руке.

- Эй, вы, там! - раздался сверху чей-то голос.

Мистер Бамбл поднял голову и увидел человека, наполовину высунувшегося из двери во втором этаже.

- Постойте минутку, - продолжал голос, - я сейчас к вам выйду.

С этими словами голова исчезла и дверь захлопнулась.

- Это и есть тот самый человек? - спросила любезная супруга мистера Бамбла.

Мистер Бамбл утвердительно шепнул.

- Так помни же, что я тебе наказывала, - сказала надзирательница, - и старайся говорить как можно меньше, а не то ты нас сразу выдашь.

Мистер Бамбл, с удрученным видом созерцавший дом, казалось, собирался высказать некоторое сомнение, уместно ли будет сейчас приводить в исполнение их план, но ему помешало появление Монкса - тот открыл маленькую дверь, у которой они стояли,

stood, and beckoned them inwards.

'Come in!' he cried impatiently, stamping his foot upon the ground.

'Don't keep me here!'

The woman, who had hesitated at first, walked boldly in, without any other invitation.

Mr. Bumble, who was ashamed or afraid to lag behind, followed: obviously very ill at ease and with scarcely any of that remarkable dignity which was usually his chief characteristic.

'What the devil made you stand lingering there, in the wet?' said Monks, turning round, and addressing Bumble, after he had bolted the door behind them.

'We — we were only cooling ourselves,' stammered Bumble, looking apprehensively about him.

'Cooling yourselves!' retorted Monks.

'Not all the rain that ever fell, or ever will fall, will put as much of hell's fire out, as a man can carry about with him.

You won't cool yourself so easily; don't think it!'

With this agreeable speech, Monks turned short upon the matron, and bent his gaze upon her, till even she, who was not easily cowed, was fain to withdraw her eyes, and turn them towards the ground.

'This is the woman, is it?' demanded Monks.

'Hem!

That is the woman,' replied Mr. Bumble, mindful of his wife's caution.

'You think women never can keep secrets, I suppose?' said the matron, interposing, and returning, as she spoke, the searching look of Monks.

'I know they will always keep one till it's found out,' said Monks.

и поманил их в дом.

- Входите! - нетерпеливо крикнул он, топнув ногой.

- Не задерживайте меня здесь!

Женщина, колебавшаяся поначалу, смело вошла, не дожидаясь новых приглашений.

Мистер Бамбл, который не то стыдился, не то боялся мешкать позади, последовал за ней, чувствуя себя весьма неважно и почти утратив ту исключительную величавость, которая являлась его характеристической чертой.

- Какого черта вы там топтались, под дождем? - заперев за ними дверь, спросил Монкс, оглядываясь и обращаясь к Бамблу.

- Мы... мы только хотели немного прохладиться, - заикаясь, выговорил Бамбл, с опаской осматриваясь вокруг.

- Прохладиться! - повторил Монкс.

- Все дожди, какие когда-либо выпали или выпадут, не могут угасить того адского пламени, которое иной человек носит в себе.

Не так-то легко вам прохладиться, не надейтесь на это!

После такой любезной речи Монкс круто повернулся к надзирательнице и посмотрел на нее так пристально, что даже она, особа отнюдь не из пугливых, отвела взгляд и потупилась.

- Это та самая женщина? - спросил Монкс.

- Гм...

Это та самая женщина, - ответил Бамбл, помня предостережения жены.

- Вы, верно, думаете, что женщины не умеют хранить тайну? - вмешалась надзирательница, отвечая при этом на испытующий взгляд Монкса.

- Одну тайну они всегда хранят, пока она не обнаружится, - сказал Монкс.

'And what may that be?' asked the matron.

'The loss of their own good name,' replied Monks.

'So, by the same rule, if a woman's a party to a secret that might hang or transport her, I'm not afraid of her telling it to anybody; not I!

Do you understand, mistress?'

'No,' rejoined the matron, slightly colouring as she spoke.

'Of course you don't!' said Monks.

'How should you?'

Bestowing something half-way between a smile and a frown upon his two companions, and again beckoning them to follow him, the man hastened across the apartment, which was of considerable extent, but low in the roof.

He was preparing to ascend a steep staircase, or rather ladder, leading to another floor of warehouses above: when a bright flash of lightning streamed down the aperture, and a peal of thunder followed, which shook the crazy building to its centre.

'Hear it!' he cried, shrinking back.

'Hear it!

Rolling and crashing on as if it echoed through a thousand caverns where the devils were hiding from it.

I hate the sound!'

He remained silent for a few moments; and then, removing his hands suddenly from his face, showed, to the unspeakable discomposure of Mr. Bumble, that it was much distorted and discoloured.

'These fits come over me, now and then,' said Monks, observing his alarm; 'and thunder sometimes brings them on.

Don't mind me now; it's all over for this once.'

Thus speaking, he led the way up the ladder; and

- Какую же? - спросила надзирательница.

- Потерю доброго имени, - ответил Монкс.

- А стало быть, если женщина посвящена в тайну, которая может привести ее к виселице или каторге, я не боюсь, что она ее кому-нибудь выдаст, о нет!

Вы меня понимаете, сударыня?

- Нет, - промолвила надзирательница и при этом слегка покраснела.

- Ну, разумеется, - сказал Монкс.

- Разве вы можете это понять?

Посмотрев на обоих своих собеседников не то насмешливо, не то мрачно и снова поманив их за собой, он быстро пересек комнату, довольно большую, но с низким потолком.

Он уже начал - подниматься по крутой лестнице, которая походила на приставную и вела в верхний этаж, где когда-то были склады, как вдруг яркая вспышка молнии осветила отверстие наверху, а последовавший за ней удар грома потряс до самого основания полуразрушенный дом.

- Вы слышите? - крикнул он, попятившись.

- Слышите?

Гремит и грохочет, как будто раскатывается по тысяче пещер, где прячутся от него дьяволы.

Ненавижу гром!

Несколько секунд он молчал, потом внезапно отнял руки от лица, и мистер Бамбл, к невыразимому своему смятению, увидел, что оно исказилось и побелело.

- Со мной бывают такие припадки, - сказал Монкс, заметив его испуг, - и частенько их вызывает гром.

Не обращайтесь на меня внимания, уже все прошло.

С этими словами он стал подниматься по

hastily closing the window-shutter of the room into which it led, lowered a lantern which hung at the end of a rope and pulley passed through one of the heavy beams in the ceiling: and which cast a dim light upon an old table and three chairs that were placed beneath it.

'Now,' said Monks, when they had all three seated themselves, 'the sooner we come to our business, the better for all.

The woman know what it is, does she?'

The question was addressed to Bumble; but his wife anticipated the reply, by intimating that she was perfectly acquainted with it.

'He is right in saying that you were with this hag the night she died; and that she told you something — '

'About the mother of the boy you named,' replied the matron interrupting him.

'Yes.'

'The first question is, of what nature was her communication?' said Monks.

'That's the second,' observed the woman with much deliberation.

'The first is, what may the communication be worth?'

'Who the devil can tell that, without knowing of what kind it is?' asked Monks.

'Nobody better than you, I am persuaded,' answered Mrs. Bumble: who did not want for spirit, as her yoke-fellow could abundantly testify.

'Humph!' said Monks significantly, and with a look of eager inquiry; 'there may be money's worth to get, eh?'

'Perhaps there may,' was the composed reply.

'Something that was taken from her,' said Monks.

'Something that she wore.

Something that — '

лестнице и, быстро закрыв ставни в комнате, куда вошел, спустил фонарь, висевший на конце веревки с блоком; веревка была пропущена через тяжелую балку потолка, и фонарь бросал тусклый свет на стоявший под ним старый стол и три стула.

- А теперь, - сказал Монкс, когда все трое уселись, - чем скорее мы приступим к делу, тем лучше для всех...

Женщина знает, о чем идет речь?

Вопрос был обращен к Бамблу, но его супруга предупредила ответ, объявив, что суть дела ей хорошо известна.

- Он правду сказал, что вы находились с той ведьмой в ночь, когда она умерла, и она сообщила вам что-то?..

- О матери того мальчика, про которого вы говорили? - перебила его надзирательница.

- Да.

- Первый вопрос заключается в том, какого характера было ее сообщение, - сказал Монкс.

- Это второй вопрос, - очень рассудительно заметила женщина.

- Первый заключается в том, сколько стоит это сообщение.

- А кто, черт возьми, на это ответит, не узнав, каково оно? - спросил Монкс.

- Лучше вас - никто, я в этом уверена, - заявила миссис Бамбл, у которой не было недостатка в храбрости, что с полным правом мог засвидетельствовать спутник ее жизни.

- Гм!... - многозначительно произнес Монкс тоном, выражавшим живейшее любопытство. - Значит, из него можно извлечь деньги?

- Все может быть, - последовал сдержанный ответ.

- У нее что-то взяли, - сказал Монкс.

- Какую-то вещь, которая была на ней.

Какую-то вещь...

- Вы бы лучше назначили цену, - перебила

'You had better bid,' interrupted Mrs. Bumble.

'I have heard enough, already, to assure me that you are the man I ought to talk to.'

Mr. Bumble, who had not yet been admitted by his better half into any greater share of the secret than he had originally possessed, listened to this dialogue with outstretched neck and distended eyes: which he directed towards his wife and Monks, by turns, in undisguised astonishment; increased, if possible, when the latter sternly demanded, what sum was required for the disclosure.

'What's it worth to you?' asked the woman, as collectedly as before.

'It may be nothing; it may be twenty pounds,' replied Monks.

'Speak out, and let me know which.'

'Add five pounds to the sum you have named; give me five-and-twenty pounds in gold,' said the woman; 'and I'll tell you all I know.'

Not before.'

'Five-and-twenty pounds!' exclaimed Monks, drawing back.

'I spoke as plainly as I could,' replied Mrs. Bumble.

'It's not a large sum, either.'

'Not a large sum for a paltry secret, that may be nothing when it's told!' cried Monks impatiently; 'and which has been lying dead for twelve years past or more!'

'Such matters keep well, and, like good wine, often double their value in course of time,' answered the matron, still preserving the resolute indifference she had assumed.

'As to lying dead, there are those who will lie dead for twelve thousand years to come, or twelve million, for anything you or I know, who will tell strange tales at last!'

миссис Бамбл.

- Я уже слышала достаточно и убедилась, что вы как раз тот, с кем мне нужно потолковать.

Мистер Бамбл, которому лучшая его половина до сих пор еще не открыла больше того, что он когда-то узнал, прислушивался к этому диалогу, вытянув шею и выпучив глаза, переводя взгляд с жены на Монкса и не скрывая изумления, пожалуй еще усилившегося, когда сей последний сердито спросил, сколько они потребуют у него за раскрытие тайны.

- Какую цену она имеет для вас? - спросила женщина так же спокойно, как и раньше.

- Быть может, никакой, а может быть, двадцать фунтов, - ответил Монкс.

- Говорите и предоставьте мне решать.

- Прибавьте еще пять фунтов к названной вами сумме. Дайте мне двадцать пять фунтов золотом, - сказала женщина, - и я расскажу вам все, что знаю.

Только тогда и расскажу.

- Двадцать пять фунтов! - воскликнул Монкс, откинувшись на спинку стула.

- Я вам ясно сказала, - ответила миссис Бамбл.

- Сумма небольшая.

- Вполне достаточно за жалкую тайну, которая может оказаться ничего не стоящей, - нетерпеливо крикнул Монкс. - И погребена она уже двенадцать лет, если не больше.

- Такие вещи хорошо сохраняются, а пройдет время - стоимость их часто удваивается, как это бывает с добрым вином, - ответила надзирательница, по-прежнему сохраняя рассудительный и равнодушный вид.

- Что до погребения, то, кто знает, бывают такие вещи, которые могут пролежать двенадцать тысяч или двенадцать миллионов лет и в конце концов порассказать странные истории.

- А если я зря отдам деньги? - колеблясь,

'What if I pay it for nothing?' asked Monks, hesitating.

'You can easily take it away again,' replied the matron. 'I am but a woman; alone here; and unprotected.'

'Not alone, my dear, nor unprotected, neither,' submitted Mr. Bumble, in a voice tremulous with fear:

'I am here, my dear.

And besides,' said Mr. Bumble, his teeth chattering as he spoke, 'Mr. Monks is too much of a gentleman to attempt any violence on porochial persons.

Mr. Monks is aware that I am not a young man, my dear, and also that I am a little run to seed, as I may say; bu he has heerd: I say I have no doubt Mr. Monks has heerd, my dear: that I am a very determined officer, with very uncommon strength, if I'm once roused.

I only want a little rousing; that's all.'

As Mr. Bumble spoke, he made a melancholy feint of grasping his lantern with fierce determination; and plainly showed, by the alarmed expression of every feature, that he did want a little rousing, and not a little, prior to making any very warlike demonstration: unless, indeed, against paupers, or other person or persons trained down for the purpose.

'You are a fool,' said Mrs. Bumble, in reply; 'and had better hold your tongue.'

'He had better have cut it out, before he came, if he can't speak in a lower tone,' said Monks, grimly.

'So! He's your husband, eh?'

'He my husband!' tittered the matron, parrying the question.

'I thought as much, when you came in,' rejoined Monks, marking the angry glance which the lady darted at her spouse as she spoke.

спросил Монкс.

- Вы можете легко их отобрать: я только женщина, я здесь одна и без защиты.

- Не одна, дорогая моя, и не без защиты, - почтительно вставил мистер Бамбл голосам, прерывающимся от страха.

- Здесь я, дорогая моя.

А кроме того, - продолжал мистер Бамбл, щелкая при этом зубами, - мистер Монкс - джентльмен и не станет совершать насилие над приходскими чиновниками.

Мистеру Монксу известно, дорогая моя, что я уже не молод и, если можно так выразиться, немножко отцвел, но он слышал - я не сомневаюсь, дорогая моя, мистер Монкс слышал, что я особа очень решительная и отличаюсь незаурядной силой, если меня расшевелить.

Меня нужно только немножко расшевелить, вот и все.

С этими словами мистер Бамбл попытался с грозной решимостью схватить фонарь, но по его испуганной физиономии было ясно видно, что его и в самом деле надо расшевелить, и расшевелить хорошенько, прежде чем он приступит к каким-либо воинственным действиям; конечно, если они не направлены против бедняков или особ, выдрессированных для этой цели.

- Ты - дурак, - сказала миссис Бамбл, - и лучше бы ты держал язык за зубами!

- Лучше бы он его отрезал, прежде чем идти сюда, если не умеет говорить потише! - мрачно сказал Монкс.

- Так, значит, он ваш муж?

- Он - мой муж, - хихикнув, подтвердила надзирательница.

- Я так и подумал, когда вы вошли, - отозвался Монкс, отметив злобный взгляд, который леди метнула при этих словах на своего супруга.

'So much the better; I have less hesitation in dealing with two people, when I find that there's only one will between them.

I'm in earnest.

See here!'

He thrust his hand into a side-pocket; and producing a canvas bag, told out twenty-five sovereigns on the table, and pushed them over to the woman.

'Now,' he said, 'gather them up; and when this cursed peal of thunder, which I feel is coming up to break over the house-top, is gone, let's hear your story.'

The thunder, which seemed in fact much nearer, and to shiver and break almost over their heads, having subsided, Monks, raising his face from the table, bent forward to listen to what the woman should say.

The faces of the three nearly touched, as the two men leant over the small table in their eagerness to hear, and the woman also leant forward to render her whisper audible.

The sickly rays of the suspended lantern falling directly upon them, aggravated the paleness and anxiety of their countenances: which, encircled by the deepest gloom and darkness, looked ghastly in the extreme.

'When this woman, that we called old Sally, died,' the matron began, 'she and I were alone.'

'Was there no one by?' asked Monks, in the same hollow whisper;

'No sick wretch or idiot in some other bed?

No one who could hear, and might, by possibility, understand?'

'Not a soul,' replied the woman; 'we were alone.

I stood alone beside the body when death came over it.'

'Good,' said Monks, regarding her attentively.

- Тем лучше. Я охотнее веду дела с мужем и женой, когда вижу, что они действуют заодно.

Я говорю серьезно.

Смотрите!

Он сунул руку в боковой карман и, достав парусиновый мешочек, отсчитал на стол двадцать пять соверенов и подвинул их к женщине.

- А теперь, - сказал он, - берите их. И когда утихнут эти проклятые удары грома, которые, я чувствую, вот-вот прокатятся над крышей, послушаем ваш рассказ.

Когда затих гром, грохотавший, казалось, где-то еще ближе, почти совсем над ними, Монкс, приподняв голову, наклонился вперед, готовясь выслушать рассказ женщины.

Лица всех троих почти соприкасались, когда двое мужчин в нетерпении переглянулись через маленький столик, а женщина тоже наклонилась вперед, чтобы они слышали ее шепот.

Тусклые лучи фонаря, падавшие прямо на них, еще усиливали тревожную бледность лиц, и, окруженные густым сумраком и тьмою, они казались призрачными.

- Когда умирала эта женщина, которую мы звали старой Салли, - начала надзирательница, - мы с ней были вдвоем.

- Больше никого при этом не было? - таким же глухим шепотом спросил Монкс.

- Ни одной больной старухи или идиотки на соседней кровати?

Никого, кто мог бы услышать, а может быть, и понять, о чем идет речь?

- Ни души, - ответила женщина, - мы были одни.

Я одна была возле нее, когда пришла смерть.

- Хорошо, - сказал Монкс, пристально в нее

'Go on.'

'She spoke of a young creature,' resumed the matron, 'who had brought a child into the world some years before; not merely in the same room, but in the same bed, in which she then lay dying.'

'Ay?' said Monks, with quivering lip, and glancing over his shoulder,

'Blood!

How things come about!'

'The child was the one you named to him last night,' said the matron, nodding carelessly towards her husband; 'the mother this nurse had robbed.'

'In life?' asked Monks.

'In death,' replied the woman, with something like a shudder.

'She stole from the corpse, when it had hardly turned to one, that which the dead mother had prayed her, with her last breath, to keep for the infant's sake.'

'She sold it,' cried Monks, with desperate eagerness; 'did she sell it?

Where?

When?

To whom?

How long before?'

'As she told me, with great difficulty, that she had done this,' said the matron, 'she fell back and died.'

'Without saying more?' cried Monks, in a voice which, from its very suppression, seemed only the more furious.

'It's a lie!

I'll not be played with.

She said more.

всматриваясь.

- Дальше.

- Она говорила об одной молодой женщине, - продолжала надзирательница, - которая родила когда-то ребенка не только в той самой комнате, но даже на той самой кровати, на которой она теперь умирала.

- Неужто? - дрожащими губами проговорил Монкс, оглянувшись через плечо.

- Проклятье!

Какие бывают совпадения!

- Это был тот самый ребенок, о котором он говорил вам вчера вечером, - продолжала надзирательница, небрежно кивнув в сторону своего супруга. - Сиделка обокрала его мать.

- Живую? - спросил Монкс.

- Мертвую, - слегка вздрогнув, ответила женщина.

- Она сняла с еще не остывшего тела ту вещь, которую женщина, умирая, просила сберечь для младенца.

- Она продала ее? - воскликнул Монкс вне себя от волнения. - Она ее продала?

Где?

Когда?

Кому?

Давно ли?

- С великим трудом рассказав мне, что она сделала, - продолжала надзирательница, - она откинулась на спину и умерла.

- И ни слова больше не сказала? - воскликнул Монкс голосом, казавшимся еще более злобным благодаря тому, что он был приглушен.

- Ложь!

Со мной шутки плохи.

Она еще что-то сказала.

I'll tear the life out of you both, but I'll know what it was.'

'She didn't utter another word,' said the woman, to all appearance unmoved (as Mr. Bumble was very far from being) by the strange man's violence; 'but she clutched my gown, violently, with one hand, which was partly closed; and when I saw that she was dead, and so removed the hand by force, I found it clasped a scrap of dirty paper.'

'Which contained — ' interposed Monks, stretching forward.

'Nothing,' replied the woman; 'it was a pawnbroker's duplicate.'

'For what?' demanded Monks.

'In good time I'll tell you.' said the woman.

'I judge that she had kept the trinket, for some time, in the hope of turning it to better account; and then had pawned it; and had saved or scraped together money to pay the pawnbroker's interest year by year, and prevent its running out; so that if anything came of it, it could still be redeemed.

Nothing had come of it; and, as I tell you, she died with the scrap of paper, all worn and tattered, in her hand.

The time was out in two days; I thought something might one day come of it too; and so redeemed the pledge.'

'Where is it now?' asked Monks quickly.

'There,' replied the woman.

And, as if glad to be relieved of it, she hastily threw upon the table a small kid bag scarcely large enough for a French watch, which Monks pouncing upon, tore open with trembling hands.

It contained a little gold locket: in which were two locks of hair, and a plain gold wedding-ring.

'It has the word "Agnes" engraved on the inside,' said the woman.

Я вас обоих прикончу, но узнаю, что именно.

- Она не вымолвила больше ни словечка, - сказала женщина, по-видимому ничуть не испуганная (чего отнюдь нельзя было сказать о мистере Бамбле) яростью этого странного человека. - Она изо всех сил уцепилась за мое платье, а когда я увидела, что она умерла, я разжала ее руку и нашла в ней грязный клочок бумаги.

- И в нем было... - прервал Монкс, наклоняясь вперед.

- Ничего в нем не было, - ответила женщина. - Это была закладная квитанция.

- На какую вещь? - спросил Монкс.

- Скоро узнаете, - ответила женщина.

- Сначала она хранила драгоценную безделушку, надеясь, наверно, как-нибудь лучше ее пристроить, а потом заложила и наскребывала деньги, из года в год выплачивая проценты ростовщику, чтобы она не ушла из ее рук. Значит, если бы что-нибудь подвернулось, ее всегда можно было выкупить.

Но ничего не подвертывалось, и, как я вам уже сказала, она умерла, сжимая в руке клочок пожелтевшей бумаги.

Срок истекал через два дня. Я тоже подумала, что, может быть, со временем что-нибудь подвернется, и выкупила заклад.

- Где он сейчас? - быстро спросил Монкс.

- З_д_е_с_ь, - ответила женщина.

И, словно радуясь возможности избавиться от него, она торопливо бросила на стол маленький кошелек из лайки, где едва могли бы поместиться французские часики.

Монкс схватил его и раскрыл трясущимися руками - в кошельке лежал маленький золотой медальон, а в медальоне две пряди волос и золотое обручальное кольцо.

- С внутренней стороны на нем выгравировано имя "Агнес", - сказала женщина.

'There is a blank left for the surname; and then follows the date; which is within a year before the child was born.

I found out that.' 'And this is all?' said Monks, after a close and eager scrutiny of the contents of the little packet.

'All,' replied the woman.

Mr. Bumble drew a long breath, as if he were glad to find that the story was over, and no mention made of taking the five-and-twenty pounds back again; and now he took courage to wipe the perspiration which had been trickling over his nose, unchecked, during the whole of the previous dialogue.

'I know nothing of the story, beyond what I can guess at,' said his wife addressing Monks, after a short silence; 'and I want to know nothing; for it's safer not.

But I may ask you two questions, may I?'

'You may ask,' said Monks, with some show of surprise; 'but whether I answer or not is another question.'

'— Which makes three,' observed Mr. Bumble, essaying a stroke of facetiousness.

'Is that what you expected to get from me?' demanded the matron.

'It is,' replied Monks.

'The other question?'

'What do you propose to do with it?'

Can it be used against me?'

'Never,' rejoined Monks; 'nor against me either.

See here!

But don't move a step forward, or your life is not worth a bulrush.'

With these words, he suddenly wheeled the table aside, and pulling an iron ring in the boarding, threw back a large trap-door which opened close at Mr. Bumble's feet, and caused that gentleman

- Потом оставлено место для фамилии, а дальше следует дата примерно за год до рождения ребенка, как я выяснила.

- И это все? - спросил Монкс, жадно и пристально осмотрев содержимое маленького кошелька.

- Все, - ответила женщина.

Мистер Бамбл перевел дух, будто радуясь, что рассказ окончен и ни слова не сказано о том, чтобы отобрать двадцать пять фунтов; теперь он набрался храбрости и вытер капли пота, обильно стекавшие по его носу во время всего диалога.

- Я ничего не знаю об этой истории, кроме того, о чем могу догадываться, - после короткого молчания сказала его жена, обращаясь к Монксу, - да и знать ничего не хочу, так будет безопаснее.

Но не могу ли я задать вам два вопроса?

- Можете, задавайте, - не без удивления сказал Монкс, - впрочем, отвечу ли я на них, или нет - это уж другой вопрос.

- Итого будет три, - заметил мистер Бамбл, пытаясь сострить.

- Вы получили от меня то, на что рассчитывали? - спросила надзирательница.

- Да, - ответил Монкс.

- Второй вопрос?

- Что вы намерены с этим делать?

Не обернется ли это против меня?

- Никогда, - сказал Монкс, - ни против вас, ни против меня.

Смотрите сюда.

Но ни шагу вперед, а не то за вашу жизнь и соломинки не дашь.

С этими словами он неожиданно отодвинул стол и, дернув за железное кольцо в полу, откинул крышку большого люка, оказавшегося у самых ног мистера Бамбла, с величайшей

to retire several paces backward, with great precipitation.

'Look down,' said Monks, lowering the lantern into the gulf.

'Don't fear me.

I could have let you down, quietly enough, when you were seated over it, if that had been my game.'

Thus encouraged, the matron drew near to the brink; and even Mr. Bumble himself, impelled by curiosity, ventured to do the same.

The turbid water, swollen by the heavy rain, was rushing rapidly on below; and all other sounds were lost in the noise of its plashing and eddying against the green and slimy piles.

There had once been a water-mill beneath; the tide foaming and chafing round the few rotten stakes, and fragments of machinery that yet remained, seemed to dart onward, with a new impulse, when freed from the obstacles which had unavailingly attempted to stem its headlong course.

'If you flung a man's body down there, where would it be to-morrow morning?' said Monks, swinging the lantern to and fro in the dark well.

'Twelve miles down the river, and cut to pieces besides,' replied Bumble, recoiling at the thought.

Monks drew the little packet from his breast, where he had hurriedly thrust it; and tying it to a leaden weight, which had formed a part of some pulley, and was lying on the floor, dropped it into the stream.

It fell straight, and true as a die; clove the water with a scarcely audible splash; and was gone.

The three looking into each other's faces, seemed to breathe more freely.

'There!' said Monks, closing the trap-door, which fell heavily back into its former position.

'If the sea ever gives up its dead, as books say it

поспешностью отступившего на несколько шагов.

- Загляните вниз, - сказал Монкс, опуская фонарь в отверстие.

- Не бойтесь.

Будь это в моих интересах, я преспокойно отправил бы вас туда, когда вы сидели над люком.

Ободренная этими словами, надзирательница подошла к краю люка, и даже сам мистер Бамбл, снедаемый любопытством, осмелился сделать то же самое.

Бурлящая река, вздувшаяся после ливня, быстро катила внизу свои воды, и все другие звуки тонули в том грохоте, с каким они набегали и разбивались о зеленые сваи, покрытые тиной.

Когда-то здесь была водяная мельница: поток, ленись и крутясь вокруг подгнивших столбов и уцелевших обломков машин, казалось, с новой силой устремлялся вперед, когда избавлялся от препятствий, тщетно пытавшихся остановить его бешеное течение.

- Если бросить туда труп человека, где очутится он завтра утром? - спросил Монкс, раскачивая фонарь в темном колодце.

- За двенадцать миль отсюда вниз по течению, и вдобавок он будет растерзан в клочья, - ответил мистер Бамбл, съжившись при этой мысли.

Монкс вынул маленький кошелек из-за пазухи, куда второпях засунул его, и, привязав кошелек к свинцовому грузу, когда-то служившему частью какого-то блока и валявшемуся на полу, бросил его в поток.

Кошелек упал тяжело, как игральная кость, с едва уловимым плеском рассек воду и исчез.

Трое, посмотрев друг на друга, казалось, облегченно вздохнули.

- Готово, - сказал Монкс, опуская крышку люка, которая со стуком упала на прежнее место.

- Если море и отдаст когда-нибудь своих

will, it will keep its gold and silver to itself, and that trash among it.

We have nothing more to say, and may break up our pleasant party.'

'By all means,' observed Mr. Bumble, with great alacrity.

'You'll keep a quiet tongue in your head, will you?' said Monks, with a threatening look.

'I am not afraid of your wife.'

'You may depend upon me, young man,' answered Mr. Bumble, bowing himself gradually towards the ladder, with excessive politeness.

'On everybody's account, young man; on my own, you know, Mr. Monks.'

'I am glad, for your sake, to hear it,' remarked Monks.

'Light your lantern! And get away from here as fast as you can.'

It was fortunate that the conversation terminated at this point, or Mr. Bumble, who had bowed himself to within six inches of the ladder, would infallibly have pitched headlong into the room below.

He lighted his lantern from that which Monks had detached from the rope, and now carried in his hand; and making no effort to prolong the discourse, descended in silence, followed by his wife.

Monks brought up the rear, after pausing on the steps to satisfy himself that there were no other sounds to be heard than the beating of the rain without, and the rushing of the water.

They traversed the lower room, slowly, and with caution; for Monks started at every shadow; and Mr. Bumble, holding his lantern a foot above the ground, walked not only with remarkable care, but with a marvellously light step for a gentleman of his figure: looking nervously about him for hidden trap-doors.

мертвецов, как говорится в книгах, то золото свое и серебро, а также и эту дребедень оно оставит себе.

Говорить нам больше не о чем, можно положить конец этому приятному свиданию.

- Совершенно верно, - быстро отозвался мистер Бамбл.

- Язык держите за зубами, слышите? - с угрожающим видом сказал Монкс.

- За вашу жену я не боюсь.

- Можете положиться и на меня, молодой человек, - весьма учтиво ответил мистер Бамбл, с поклоном пятясь к лестнице.

- Ради всех нас, молодой человек, и ради меня самого, понимаете ли, мистер Монкс?

- Слышу и рад за вас, - сказал Монкс.

- Уберите свой фонарь и убирайтесь как можно скорее!

Хорошо, что разговор оборвался на этом месте, иначе мистер Бамбл, который, продолжая отвешивать поклоны, находился в шести дюймах от лестницы, неизбежно полетел бы в комнату нижнего этажа.

Он зажег свой фонарь от того фонаря, который Монкс отвязал от веревки и держал в руке, и, не делая никаких попыток продолжать беседу, стал молча спускаться по лестнице, а за ним его жена.

Монкс замыкал шествие, предварительно задержавшись на ступеньке и удостоверившись, что не слышно никаких других звуков, кроме шума дождя и стремительно несущегося потока.

Они миновали комнату нижнего этажа медленно и осторожно, потому что Монкс вздрагивал при виде каждой тени, а мистер Бамбл, держа свой фонарь на фут от пола, шел не только с исключительной осмотрительностью, но и удивительно легкой поступью для такого дородного джентльмена, нервически осматриваясь вокруг, нет ли где потайных люков.

The gate at which they had entered, was softly unfastened and opened by Monks; merely exchanging a nod with their mysterious acquaintance, the married couple emerged into the wet and darkness outside.

They were no sooner gone, than Monks, who appeared to entertain an invincible repugnance to being left alone, called to a boy who had been hidden somewhere below.

Bidding him go first, and bear the light, he returned to the chamber he had just quitted.

CHAPTER XXXIX — INTRODUCES SOME RESPECTABLE CHARACTERS WITH WHOM THE READER IS ALREADY ACQUAINTED, AND SHOWS HOW MONKS AND THE JEW LAID THEIR WORTHY HEADS TOGETHER

On the evening following that upon which the three worthies mentioned in the last chapter, disposed of their little matter of business as therein narrated, Mr. William Sikes, awakening from a nap, drowsily growled forth an inquiry what time of night it was.

The room in which Mr. Sikes propounded this question, was not one of those he had tenanted, previous to the Chertsey expedition, although it was in the same quarter of the town, and was situated at no great distance from his former lodgings.

It was not, in appearance, so desirable a habitation as his old quarters: being a mean and badly-furnished apartment, of very limited size; lighted only by one small window in the shelving roof, and abutting on a close and dirty lane.

Nor were there wanting other indications of the good gentleman's having gone down in the world of late: for a great scarcity of furniture, and total absence of comfort, together with the disappearance of all such small moveables as spare clothes and linen, bespoke a state of extreme poverty; while the meagre and attenuated condition of Mr. Sikes himself would have fully confirmed these symptoms, if they had stood in any need of corroboration.

Монкс бесшумно отпер и распахнул дверь, и супруги, обменявшись кивком со своим таинственным знакомым, очутились под дождем во мраке.

Как только они ушли, Монкс, казалось, питавший непреодолимое отвращение к одиночеству, позвал мальчика, который был спрятан где-то внизу.

Приказав ему идти впереди и светить, он вернулся в комнату, откуда только что вышел.

ГЛАВА XXXIX — выводит на сцену несколько респектабельных особ, с которыми читатель уже знаком, и повествует о том, как совещались между собой достойный Монкс и достойный еврей

На следующий день после того, как три достойные особы, упомянутые в предшествующей главе, покончили со своим маленьким дельцем, мистер Уильям Сайкс, очнувшись вечером от дремоты, сонным и ворчливым голосом спросил, который час.

Этот вопрос был задан мистером Сайксом уже не в той комнате, какую он занимал до экспедиции в Чертей, хотя находилась она в том же районе, неподалеку от его прежнего жилища.

Несомненно, это было менее завидное жилье, чем его старая квартира, - жалкая, плохо меблированная комната, совсем маленькая, освещавшаяся только одним крохотным оконцем в покатой крыше, выходившим в тесный, грязный переулок.

Не было здесь недостатка и в других признаках, указывающих на то, что славному джентльмену за последнее время не везет, ибо весьма скудная обстановка и полное отсутствие комфорта, а также исчезновение такого мелкого движимого имущества, как запасная одежда и белье, свидетельствовали о крайней бедности; к тому же тощий и изможденный вид самого мистера Сайкса мог бы вполне удостоверить эти факты, если бы они нуждались в подтверждении.

The housebreaker was lying on the bed, wrapped in his white great-coat, by way of dressing-gown, and displaying a set of features in no degree improved by the cadaverous hue of illness, and the addition of a soiled nightcap, and a stiff, black beard of a week's growth.

The dog sat at the bedside: now eyeing his master with a wistful look, and now pricking his ears, and uttering a low growl as some noise in the street, or in the lower part of the house, attracted his attention.

Seated by the window, busily engaged in patching an old waistcoat which formed a portion of the robber's ordinary dress, was a female: so pale and reduced with watching and privation, that there would have been considerable difficulty in recognising her as the same Nancy who has already figured in this tale, but for the voice in which she replied to Mr. Sikes's question.

'Not long gone seven,' said the girl.

'How do you feel to-night, Bill?'

'As weak as water,' replied Mr. Sikes, with an imprecation on his eyes and limbs.

'Here; lend us a hand, and let me get off this thundering bed anyhow.'

Illness had not improved Mr. Sikes's temper; for, as the girl raised him up and led him to a chair, he muttered various curses on her awkwardness, and struck her.

'Whining are you?' said Sikes.

'Come!

Don't stand snivelling there.

If you can't do anything better than that, cut off altogether.

D'ye hear me?'

'I hear you,' replied the girl, turning her face aside, and forcing a laugh.

'What fancy have you got in your head now?'

'Oh! you've thought better of it, have you?'

Грабитель лежал на кровати, закутавшись вместо халата в свое белое пальто и отнюдь не похорошевший от мертвенного цвета лица, вызванного болезнью, равно как и от грязного ночного колпака и колючей черной бороды, неделю не бритой.

Собака сидела около кровати, то задумчиво посматривая на хозяина, то настораживая уши и глухо ворча, если ее внимание привлекал какой-нибудь шум на улице или в нижнем этаже дома.

У окна, углубившись в починку старого жилета, который служил частью повседневного костюма грабителя, сидела женщина, такая бледная и исхудавшая от лишений и ухода за больным, что большого труда стоило признать в ней ту самую Нэнси, которая уже появлялась в этом повествовании, если бы не голос, каким она ответили на вопрос мистера Сайкса.

- Начало восьмого, - сказала девушка.

- Как ты себя чувствуешь, Билл?

- Слаб, как чистая вода, - ответил мистер Сайкс, проклиная свои глаза, руки и ноги.

- Дай руку и помоги мне как-нибудь сползти с этой проклятой кровати.

Нрав мистера Сайкса не улучшился от болезни: когда девушка помогала ему подняться и повела его к столу, он всячески ругал ее за неловкость, а потом ударил.

- Скулишь? - спросил Сайкс.

- Хватит!

Нечего стоять и хныкать!

Если ты только на это и способна, проваливай!

Слышишь?

- Слышу, - ответила девушка, отворачиваясь и пытаясь рассмеяться.

- Что это еще взбрело тебе в голову?

- Э, так ты, стало быть, одумалась? - проворчал

growled Sikes, marking the tear which trembled in her eye.

'All the better for you, you have.'

'Why, you don't mean to say, you'd be hard upon me to-night, Bill,' said the girl, laying her hand upon his shoulder.

'No!' cried Mr. Sikes. 'Why not?'

'Such a number of nights,' said the girl, with a touch of woman's tenderness, which communicated something like sweetness of tone, even to her voice: 'such a number of nights as I've been patient with you, nursing and caring for you, as if you had been a child: and this the first that I've seen you like yourself; you wouldn't have served me as you did just now, if you'd thought of that, would you?

Come, come; say you wouldn't.'

'Well, then,' rejoined Mr. Sikes, 'I wouldn't.

Why, damme, now, the girls's whining again!'

'It's nothing,' said the girl, throwing herself into a chair.

'Don't you seem to mind me.

It'll soon be over.'

'What'll be over?' demanded Mr. Sikes in a savage voice.

'What foolery are you up to, now, again?

Get up and bustle about, and don't come over me with your woman's nonsense.'

At any other time, this remonstrance, and the tone in which it was delivered, would have had the desired effect; but the girl being really weak and exhausted, dropped her head over the back of the chair, and fainted, before Mr. Sikes could get out a few of the appropriate oaths with which, on similar occasions, he was accustomed to garnish his threats.

Not knowing, very well, what to do, in this uncommon emergency; for Miss Nancy's hysterics

Сайкс, заметив слезы, навернувшиеся ей на глаза.

- Тем лучше для тебя.

- Но ведь не хочешь же ты сказать, Билл, что и сегодня будешь жесток со мной, - произнесла девушка, положив руку ему на плечо.

- А почему бы и нет? - воскликнул мистер Сайкс, - Почему?..

- Столько ночей, - сказала девушка с еле заметной женственной нежностью, от которой даже в ее голосе послышались ласковые нотки, - столько ночей я терпеливо ухаживала за тобой, заботилась о тебе, как о ребенке, а сегодня я впервые вижу, что ты пришел в себя. Ведь не будешь же ты обращаться со мной как только что, правда ведь?

Ну, скажи, что не будешь.

- Ладно, - отозвался мистер Сайкс, - не буду.

Ах, черт подери, девчонка опять хнычет!

- Это пустяки, - сказала девушка, бросаясь на стул.

- Не обращай на меня внимания.

Скоро пройдет.

- Что - пройдет? - злобно спросил мистер Сайкс.

- Какую еще дурь ты на себя напустила?

Вставай, занимайся делом и не лезь ко мне со всякой бабьей чепухой!

В другое время это внушение и тон, каким оно было сделано, возымели бы желаемое действие, но девушка, действительно ослабевшая от истощения, откинула голову на спинку стула и лишилась чувств, прежде чем мистер Сайкс успел изрыгнуть несколько приличествующих случаю проклятий, которыми при подобных обстоятельствах имел обыкновение приправлять свои угрозы.

Хорошенько не зная, что делать при столь исключительных обстоятельствах, - ибо у мисс Нэнси истерики обычно отличались тем бурным

were usually of that violent kind which the patient fights and struggles out of, without much assistance; Mr. Sikes tried a little blasphemy: and finding that mode of treatment wholly ineffectual, called for assistance.

'What's the matter here, my dear?' said Fagin, looking in.

'Lend a hand to the girl, can't you?' replied Sikes impatiently.

'Don't stand chattering and grinning at me!'

With an exclamation of surprise, Fagin hastened to the girl's assistance, while Mr. John Dawkins (otherwise the Artful Dodger), who had followed his venerable friend into the room, hastily deposited on the floor a bundle with which he was laden; and snatching a bottle from the grasp of Master Charles Bates who came close at his heels, uncorked it in a twinkling with his teeth, and poured a portion of its contents down the patient's throat: previously taking a taste, himself, to prevent mistakes.

'Give her a whiff of fresh air with the bellows, Charley,' said Mr. Dawkins; 'and you slap her hands, Fagin, while Bill undoes the petticoats.'

These united restoratives, administered with great energy: especially that department consigned to Master Bates, who appeared to consider his share in the proceedings, a piece of unexampled pleantry: were not long in producing the desired effect.

The girl gradually recovered her senses; and, staggering to a chair by the bedside, hid her face upon the pillow: leaving Mr. Sikes to confront the new comers, in some astonishment at their unlooked-for appearance.

'Why, what evil wind has blowed you here?' he asked Fagin.

'No evil wind at all, my dear, for evil winds blow nobody any good; and I've brought something good with me, that you'll be glad to see.

Dodger, my dear, open the bundle; and give Bill the little trifles that we spent all our money on,

характером, который позволял больной справляться с ними без посторонней помощи, - мистер Сайкс попытался пустить в ход несколько ругательств и, убедившись, что такой способ лечения совершенно недейственен, позвал на помощь.

- Что случилось, мой милый? - спросил Феджин, заглядывая в комнату.

- Помогите-ка девчонке, - нетерпеливо откликнулся Сайкс.

- Нечего тут бормотать, и ухмыляться, и пялить на меня глаза.

Вскрикнув от удивления, Феджин поспешил на помощь к девушке, а мистер Джек Даукинс (иными словами - Ловкий Плут), вошедший в комнату вслед за своим почтенным другом, мигом положил на пол узел, который тащил, и, выхватив бутылку из рук юного Чарльза Бейтса, шедшего за ним по пятам, мгновенно вытащил пробку зубами и влил часть содержимого бутылки в рот больной, предварительно отведав его сам, во избежание ошибки.

- Возьми-ка мехи, Чарльз, и дай ей глотнуть свежего воздуха, - сказал мистер Даукинс, - а вы похлопайте ее по рукам, Феджин, пока Билл развязывает юбки.

Все эти меры, совместно принятые и примененные с большой энергией - особенно те из них, которые были поручены юному Бейтсу, явно считавшему свою долю участия в процедуре беспримерной забавой, - не замедлили привести к желаемым результатам.

Девушка постепенно пришла в себя, шатаясь, добралась до стула у кровати и зарылась лицом в подушку, предоставив встречать новых посетителей мистеру Сайксу, несколько удивленному их неожиданным появлением.

- Какой чертов ветер принес вас сюда? - спросил он Феджина.

- Вовсе не чертов ветер, мой милый. Чертов ветер никому не приносит добра. А я захватил кое-что хорошее, что вам понравится...

Плут, мой милый, развяжи узел и передай Биллу те пустяки, на которые мы сегодня утром

this morning.'

In compliance with Mr. Fagin's request, the Artful untied this bundle, which was of large size, and formed of an old table-cloth; and handed the articles it contained, one by one, to Charley Bates: who placed them on the table, with various encomiums on their rarity and excellence.

'Sitch a rabbit pie, Bill,' exclaimed that young gentleman, disclosing to view a huge pasty; 'sitch delicate creeturs, with sitch tender limbs, Bill, that the wery bones melt in your mouth, and there's no occasion to pick 'em; half a pound of seven and six-penny green, so precious strong that if you mix it with biling water, it'll go nigh to blow the lid of the tea-pot off; a pound and a half of moist sugar that the niggers didn't work at all at, afore they got it up to sitch a pitch of goodness, — oh no!

Two half-quartern brans; pound of best fresh; piece of double Glo'ster; and, to wind up all, some of the richest sort you ever lushed!

Uttering this last panegyric, Master Bates produced, from one of his extensive pockets, a full-sized wine-bottle, carefully corked; while Mr. Dawkins, at the same instant, poured out a wine-glassful of raw spirits from the bottle he carried: which the invalid tossed down his throat without a moment's hesitation.

'Ah!' said Fagin, rubbing his hands with great satisfaction.

'You'll do, Bill; you'll do now.'

'Do!' exclaimed Mr. Sikes;

'I might have been done for, twenty times over, afore you'd have done anything to help me.

What do you mean by leaving a man in this state, three weeks and more, you false-hearted wagabond?'

'Only hear him, boys!' said Fagin, shrugging his shoulders.

'And us come to bring him all these beau-ti-ful

истратили все деньги.

Исполняя распоряжение мистера Феджина, Ловкий Плут достал сверток не малых размеров, завязанный в старую скатерть, и начал передавать один за другим находившиеся в нем предметы Чарли Бейтсу, который раскладывал их на столе, расхваливая на все лады их редкие и превосходные качества.

- Ах, какой паштет из кроликов, Билл! - воскликнул сей молодой джентльмен, доставая огромный паштет. - Такое нежное создание, с такими хрупкими лапками, Билл, что даже косточки тают во рту и незачем их выбирать. Полфунта зеленого чаю, семь шиллингов шесть пенсов, такого крепкого, что, если засыпать его в кипяток, с чайника слетит крышка; полтора фунта сахара, чуть мокроватого, над которым негры здорово потрудились, пока он не достиг такого совершенства.

Две двухфунтовые булки; фунт хорошего свежего масла; кусок жирного глостерского сыра наилучшего сорта, какого вы никогда и не нюхали.

Произнеся этот панегирик, юный Бейтс извлек из своего просторного кармана большую, тщательно закупоренную бутылку вина и в то же самое время налил из прежней бутылки полную рюмку чистого спирта, которую больной без всяких колебаний опрокинул себе в рот.

- Э, - воскликнул Феджин, с довольным видом потирая руки.

- Вы не пропадете, Билл, теперь вы не пропадете.

- Не пропаду! - повторил мистер Сайкс.

- Да я бы двадцать раз мог пропасть, прежде чем вы пришли ко мне на помощь.

Как же это вы, лживая скотина, на три с лишним недели бросили человека на произвол судьбы когда он в таком состоянии?

- Вы только послушайте его, ребята! - пожимая плечами, сказал Феджин.

- А мы-то принесли ему все эти чудесные вещи.

things.'

'The things is well enough in their way,' observed Mr. Sikes: a little soothed as he glanced over the table; 'but what have you got to say for yourself, why you should leave me here, down in the mouth, health, blunt, and everything else; and take no more notice of me, all this mortal time, than if I was that 'ere dog. — Drive him down, Charley!'

'I never see such a jolly dog as that,' cried Master Bates, doing as he was desired.

'Smelling the grub like a old lady a going to market!

He'd make his fortun' on the stage that dog would, and revive the drayma besides.'

'Hold your din,' cried Sikes, as the dog retreated under the bed: still growling angrily.

'What have you got to say for yourself, you withered old fence, eh?'

'I was away from London, a week and more, my dear, on a plant,' replied the Jew.

'And what about the other fortnight?' demanded Sikes.

'What about the other fortnight that you've left me lying here, like a sick rat in his hole?'

'I couldn't help it, Bill.

I can't go into a long explanation before company; but I couldn't help it, upon my honour.'

'Upon your what?' growled Sikes, with excessive disgust.

'Here! Cut me off a piece of that pie, one of you boys, to take the taste of that out of my mouth, or it'll choke me dead.'

'Don't be out of temper, my dear,' urged Fagin, submissively.

'I have never forgot you, Bill; never once.'

'No! I'll pound it that you han't,' replied Sikes, with a bitter grin.

- Вещи в своем роде не плохи, - заметил мистер Сайкс, слегка смягчившись после того, как окинул взглядом стол, - но что вы можете сказать в свое оправдание? Почему вы бросили меня здесь, голодного, больного, без денег и вообще без всего и черт знает сколько времени обращали на меня не больше внимания, чем на эту вот собаку?.. Прогони ее, Чарли!

- Никогда еще я не видел такой потешной собаки! - воскликнул юный Бейтс, исполняя его просьбу.

- Чует съестное не хуже, чем старая леди, идущая на рынок.

Эта собака могла бы сколотить себе состояние на сцене и вдобавок оживить представление.

- А ну, молчи!.. - крикнул Сайкс, когда собака, не переставая рычать, уползла под кровать.

- Так что же вы скажете в свое оправдание, тощий, старый кровопийца?

- Меня больше недели не было в Лондоне. Дела были разные, - ответил еврей.

- А другие две недели? - спросил Сайкс.

- Другие две недели, когда я валялся здесь, как больная крыса в норе?

- Я ничего не мог поделать, Билл.

Нельзя пускаться на людях в длинные объяснения... Я ничего не мог поделать, клянусь честью.

- Чем это вы клянетесь? - с величайшим презрением проворчал Сайкс.

- Эй, вы, мальчишки, пусть кто-нибудь из вас отрежет мне кусок паштета, чтобы отбить этот вкус во рту, иначе я совсем задохнусь.

- Не раздражайтесь, мой милый, - смиренно уговаривал Феджин.

- Я никогда не забывал вас, Билл, никогда.

- Да, я готов биться об заклад, что не забывали, - с горькой усмешкой отозвался Сайкс.

'You've been scheming and plotting away, every hour that I have laid shivering and burning here; and Bill was to do this; and Bill was to do that; and Bill was to do it all, dirt cheap, as soon as he got well: and was quite poor enough for your work.

If it hadn't been for the girl, I might have died.'

'There now, Bill,' remonstrated Fagin, eagerly catching at the word.

'If it hadn't been for the girl!

Who but poor ould Fagin was the means of your having such a handy girl about you?'

'He says true enough there!' said Nancy, coming hastily forward.

'Let him be; let him be.'

Nancy's appearance gave a new turn to the conversation; for the boys, receiving a sly wink from the wary old Jew, began to ply her with liquor: of which, however, she took very sparingly; while Fagin, assuming an unusual flow of spirits, gradually brought Mr. Sikes into a better temper, by affecting to regard his threats as a little pleasant banter; and, moreover, by laughing very heartily at one or two rough jokes, which, after repeated applications to the spirit-bottle, he condescended to make.

'It's all very well,' said Mr. Sikes; 'but I must have some blunt from you to-night.'

'I haven't a piece of coin about me,' replied the Jew.

'Then you've got lots at home,' retorted Sikes; 'and I must have some from there.'

'Lots!' cried Fagin, holding up his hands.

'I haven't so much as would — '

'I don't know how much you've got, and I dare say you hardly know yourself, as it would take a pretty long time to count it,' said Sikes; 'but I must have some to-night; and that's flat.'

'Well, well,' said Fagin, with a sigh,

- Все время, пока я лежал здесь в жару и лихорадке, вы замышляли всякие планы и козни: Билл сделает то, Билл сделает это, и Билл сделает все за чертовски низкую плату, как только поправится - он достаточно беден, чтобы работать на вас.

Если бы не эта девушка, я отправился бы на тот свет.

- Полно, Билл, - возразил Феджин, жадно ухватившись за эти слова. -

"Если бы не эта девушка"!

Кто, как не бедный старый Феджин, помог вам обзавестись такой ловкой девушкой?

- Это он правду говорит, - сказала Нэнси, быстро шагнув вперед.

- Оставь его, оставь в покое.

Вмешательство Нэнси изменило характер беседы, так как мальчики, подметив хитрое подмигивание осторожного старого еврея, начали угощать ее спиртным, - впрочем, пила она очень умеренно, а Феджин, обнаружив несвойственную ему веселость, постепенно привел мистера Сайкса в лучшее расположение духа, притворившись, будто считает его угрозы милыми шуточками, и вдобавок они от души посмеялись над теми двумя-тремя грубыми остротами, до которых снизошел Сайкс, предварительно приложившись несколько раз к бутылке со спиртом.

- Все это прекрасно, - сказал мистер Сайкс, - но сегодня я должен получить от вас наличные.

- При мне нет ни единой монеты, - ответил еврей.

- Но дома их у вас груды, - возразил Сайкс. - И из них я должен кое-что получить.

- Груды! - вскричал Феджин, вздевая руки.

- Да мне не хватило бы даже на...

- Не знаю, сколько их у вас накопилось, да и сами-то вы не знаете, потому что долгонько пришлось бы их считать, - сказал Сайкс. - Но деньги мне нужны сегодня - коротко и ясно!

- Хорошо, хорошо! - со вздохом сказал Феджин.

'I'll send the Artful round presently.'

'You won't do nothing of the kind,' rejoined Mr. Sikes.

'The Artful's a deal too artful, and would forget to come, or lose his way, or get dodged by traps and so be perwented, or anything for an excuse, if you put him up to it.

Nancy shall go to the ken and fetch it, to make all sure; and I'll lie down and have a snooze while she's gone.'

After a great deal of haggling and squabbling, Fagin beat down the amount of the required advance from five pounds to three pounds four and sixpence: protesting with many solemn asseverations that that would only leave him eighteen-pence to keep house with; Mr. Sikes sullenly remarking that if he couldn't get any more he must accompany him home; with the Dodger and Master Bates put the eatables in the cupboard.

The Jew then, taking leave of his affectionate friend, returned homeward, attended by Nancy and the boys: Mr. Sikes, meanwhile, flinging himself on the bed, and composing himself to sleep away the time until the young lady's return.

In due course, they arrived at Fagin's abode, where they found Toby Crackit and Mr. Chitling intent upon their fifteenth game at cribbage, which it is scarcely necessary to say the latter gentleman lost, and with it, his fifteenth and last sixpence: much to the amusement of his young friends.

Mr. Crackit, apparently somewhat ashamed at being found relaxing himself with a gentleman so much his inferior in station and mental endowments, yawned, and inquiring after Sikes, took up his hat to go.

'Has nobody been, Toby?' asked Fagin.

'Not a living leg,' answered Mr. Crackit, pulling up his collar; 'it's been as dull as swipes.

- Я пришлю с Ловким Плутом.

- Этого вы не сделаете, - возразил мистер Сайкс.

- Ловкий Плут слишком ловок - он позабудет прийти, или собьется с дороги, или будет увиливать от ищеек и не придет, или еще что-нибудь придумает в оправдание, если вы дадите ему такой наказ.

Пусть Нэнси идет в вашу берлогу и принесет деньги, чтобы все было в порядке, а пока ее не будет, я лягу всхрапну.

После долгого торга и пререканий Феджин снизил требуемую ссуду с пяти фунтов до трех фунтов четырех шиллингов и шести пенсов, клятвенно заверяя, что теперь у него останется только восемнадцать пенсов на хозяйство. Мистер Сайкс хмуро заметил, что придется ему удовлетвориться и этим, если на большее рассчитывать не приходится. Затем Нэнси собралась провожать Феджина, а Плут и мистер Бейтс спрятали еду в буфет.

Распрощавшись со своим любезным другом, еврей отправился домой в сопровождении Нэнси и мальчиков; тем временем мистер Сайкс бросился на постель, намереваясь спать вплоть до возвращения молодой леди.

Без всяких задержек они прибыли в обиталище Феджина, где застали Тоби Крекита и мистера Читлинга, увлеченных пятнадцатой партией криббеджа, причем вряд ли нужно говорить, что сей последний джентльмен эту партию проиграл, а вместе с нею пятнадцатый и последний шестипенсовик, к великой потехе своих молодых друзей.

Мистер Крекит, явно пристыженный тем, что его застали за игрой с джентльменом, столь ниже его по общественному положению и умственным способностям, зевнул и, осведомившись о Сайксе, взял шляпу, собираясь уйти.

- Никто не приходил, Тоби? - спросил Феджин.

- Ни одной живой души, - ответил мистер Крекит, поднимая воротник. - От скуки я чуть не скис, как дрянное пиво.

You ought to stand something handsome, Fagin, to recompense me for keeping house so long.

Damme, I'm as flat as a juryman; and should have gone to sleep, as fast as Newgate, if I hadn't had the good natur' to amuse this youngster.

Horrid dull, I'm blessed if I an't!

With these and other ejaculations of the same kind, Mr. Toby Crackit swept up his winnings, and crammed them into his waistcoat pocket with a haughty air, as though such small pieces of silver were wholly beneath the consideration of a man of his figure; this done, he swaggered out of the room, with so much elegance and gentility, that Mr. Chitling, bestowing numerous admiring glances on his legs and boots till they were out of sight, assured the company that he considered his acquaintance cheap at fifteen sixpences an interview, and that he didn't value his losses the snap of his little finger.

'Wot a rum chap you are, Tom!' said Master Bates, highly amused by this declaration.

'Not a bit of it,' replied Mr. Chitling.

'Am I, Fagin?'

'A very clever fellow, my dear,' said Fagin, patting him on the shoulder, and winking to his other pupils.

'And Mr. Crackit is a heavy swell; an't he, Fagin?' asked Tom.

'No doubt at all of that, my dear.'

'And it is a creditable thing to have his acquaintance; an't it, Fagin?' pursued Tom.

'Very much so, indeed, my dear.

They're only jealous, Tom, because he won't give it to them.'

'Ah!' cried Tom, triumphantly, 'that's where it is!

He has cleaned me out.

But I can go and earn some more, when I like;

За вами хорошая выпивка, Феджин, в награду мне за то, что я так долго сторожил дом.

Черт побери! Я отупел, как присяжный, и заснул бы так же крепко, как Ньюгетская тюрьма, если бы по доброте своей не вздумал позабавить этого юнца.

Чертовская скука, будь я проклят, если не так!

С этими словами мистер Тоби Крекит забрал выигранные деньги и сунул в жилетный карман с высокомерным видом, словно мелкие серебряные деньги совершенно недостойны внимания такой особы, как он; покончив с этим, он важно вышел из комнаты элегантно и благородной поступью, после чего мистер Читлинг, бросавший восхищенные взгляды на его ноги и сапоги, пока они не скрылись из виду, объявил всей компании, что знакомство с ним обходится каких-нибудь пятнадцать шестипенсовиков за свидание, а такой проигрыш он ценит не дороже щелчка.

- Ну и чудак же вы, Том, - сказал мистер Бейтс, которого очень позабавило это заявление.

- Ничуть не бывало, - отозвался мистер Читлинг.

- Разве я чудак, Феджин?

- Ты очень смысленный парень, мой милый, - сказал Феджин, похлопывая его по плечу и подмигивая другим ученикам.

- А мистер Крекит - настоящий франт. Правда, Феджин? - спросил Том.

- Без сомнения, мой милый.

- И поддерживать с ним знакомство очень лестно. Правда, Феджин? - продолжал Том.

- Конечно, очень лестно, мой милый.

Они просто завидуют тебе, потому что с ними он не хочет водиться.

- Ну! - с торжеством воскликнул Том. - Вот в чем дело!

Он меня дочиста обобрал.

Но ведь я могу пойти заработать еще, когда мне

can't I, Fagin?'

'To be sure you can, and the sooner you go the better, Tom; so make up your loss at once, and don't lose any more time.

Dodger!

Charley!

It's time you were on the lay.

Come!

It's near ten, and nothing done yet.'

In obedience to this hint, the boys, nodding to Nancy, took up their hats, and left the room; the Dodger and his vivacious friend indulging, as they went, in many witticisms at the expense of Mr. Chitling; in whose conduct, it is but justice to say, there was nothing very conspicuous or peculiar: inasmuch as there are a great number of spirited young bloods upon town, who pay a much higher price than Mr. Chitling for being seen in good society: and a great number of fine gentlemen (composing the good society aforesaid) who established their reputation upon very much the same footing as flash Toby Crackit.

'Now,' said Fagin, when they had left the room, 'I'll go and get you that cash, Nancy.

This is only the key of a little cupboard where I keep a few odd things the boys get, my dear.

I never lock up my money, for I've got none to lock up, my dear — ha! ha! ha! — none to lock up.

It's a poor trade, Nancy, and no thanks; but I'm fond of seeing the young people about me; and I bear it all, I bear it all.

Hush!' he said, hastily concealing the key in his breast; 'who's that?

Listen!'

The girl, who was sitting at the table with her arms folded, appeared in no way interested in the

вздумается, - правда, Феджин?

- Разумеется, можешь. Том, и чем скорее пойдешь, тем лучше. Возмести же, не мешкая, свой проигрыш и не теряй больше времени...

Плут!

Чарли!

Пора вам отправляться на работу.

Пошевеливайтесь!

Скоро десять, а ничего еще не сделано.

Приняв к сведению намеков, мальчики кивнули Нэнси и, взяв свои шляпы, вышли из комнаты; по дороге Плут и его жизнерадостный друг развлекались, придумывая всевозможные остроты, направленные против мистера Читлинга, в чьем поведении, нужно отдать ему справедливость, не было ничего особо примечательного или странного, поскольку немало есть в столице предприимчивых молодых щеголей, которые платят значительно больше, чем мистер Читлинг, за честь быть принятыми в хорошем обществе, и немало изысканных джентльменов (составляющих упомянутое хорошее общество), которые строят свою репутацию почти на таком же фундаменте, - как и ловкач Тоби Крекит.

- А теперь, - сказал Феджин, когда мальчики вышли из комнаты, - пойду принесу тебе деньги, Нэнси.

Это просто ключ от шкафика, моя милая, где я храню кое-какие вещи, которые приносят мальчики.

Своих денег я никогда не запираю, потому что мне и запирать нечего, моя милая... ха-ха-ха... запирать нечего.

Невыгодное это ремесло, Нэнси, и неблагоприятное. Но я люблю видеть вокруг себя молодые лица и все терплю, все терплю.

Тише, - воскликнул он, торопливо пряча ключ за пазуху. - Кто это там?

Прислушайся.

Девушка, сидевшая за столом сложа руки, по-

arrival: or to care whether the person, whoever he was, came or went: until the murmur of a man's voice reached her ears.

The instant she caught the sound, she tore off her bonnet and shawl, with the rapidity of lightning, and thrust them under the table.

The Jew, turning round immediately afterwards, she muttered a complaint of the heat: in a tone of languor that contrasted, very remarkably, with the extreme haste and violence of this action: which, however, had been unobserved by Fagin, who had his back towards her at the time.

'Bah!' he whispered, as though nettled by the interruption; 'it's the man I expected before; he's coming downstairs.

Not a word about the money while he's here, Nance.

He won't stop long.

Not ten minutes, my dear.'

Laying his skinny forefinger upon his lip, the Jew carried a candle to the door, as a man's step was heard upon the stairs without.

He reached it, at the same moment as the visitor, who, coming hastily into the room, was close upon the girl before he observed her.

It was Monks.

'Only one of my young people,' said Fagin, observing that Monks drew back, on beholding a stranger.

'Don't move, Nancy.'

The girl drew closer to the table, and glancing at Monks with an air of careless levity, withdrew her eyes; but as he turned towards Fagin, she stole another look; so keen and searching, and full of purpose, that if there had been any bystander to observe the change, he could hardly have believed the two looks to have proceeded from the same person.

'Any news?' inquired Fagin.

видимому, нисколько не интересовалась, пришел ли кто-нибудь, или уходит, пока до слуха ее не донесся невнятный мужской голос.

Едва уловив этот звук, она с быстротой молнии сорвала с себя шляпку и шаль и сунула их под стол.

Когда еврей оглянулся, она пожаловалась на жару ослабевшим голосом, удивительно противоречащим стремительности и страстности ее движений, что, однако, не было замечено Феджином, стоявшим в то время к ней спиной.

- Ба! - пробормотал он, как будто раздосадованный помехой. - Это тот человек, которого я ждал раньше; он спускается по лестнице.

Ни слова о деньгах, пока он здесь, Нэнси.

Он недолго пробудет.

Не больше десяти минут, моя милая.

Приложив к губам костлявый указательный палец, еврей понес лампу к двери, когда за нею на лестнице послышались шаги.

Он подошел к двери одновременно с посетителем, который, быстро войдя в комнату, очутился возле девушки, прежде чем успел ее заметить.

Это был Монкс.

- Всего-навсего одна из моих молоденьких учениц, - сказал Феджин, заметив, что Монкс попятился при виде незнакомого лица.

- Не уходи, Нэнси.

Девушка ближе придвинулась к столу и, мельком, с равнодушным видом посмотрев на Монкса, отвела взгляд; но когда Монкс перевод глаза с нее на Феджина, она искоса снова метнула на него взгляд - такой острый и испытующий, что, будь здесь какой-нибудь наблюдатель и подметь он эту перемену, он с трудом мог бы поверить, что оба эти взгляда брошены одной и той же особой.

- Есть новости? - осведомился Феджин.

'Great.'

'And — and — good?' asked Fagin, hesitating as though he feared to vex the other man by being too sanguine.

'Not bad, any way,' replied Monks with a smile.

'I have been prompt enough this time.

Let me have a word with you.'

The girl drew closer to the table, and made no offer to leave the room, although she could see that Monks was pointing to her.

The Jew: perhaps fearing she might say something aloud about the money, if he endeavoured to get rid of her: pointed upward, and took Monks out of the room.

'Not that infernal hole we were in before,' she could hear the man say as they went upstairs.

Fagin laughed; and making some reply which did not reach her, seemed, by the creaking of the boards, to lead his companion to the second story.

Before the sound of their footsteps had ceased to echo through the house, the girl had slipped off her shoes; and drawing her gown loosely over her head, and muffling her arms in it, stood at the door, listening with breathless interest.

The moment the noise ceased, she glided from the room; ascended the stairs with incredible softness and silence; and was lost in the gloom above.

The room remained deserted for a quarter of an hour or more; the girl glided back with the same unearthly tread; and, immediately afterwards, the two men were heard descending.

Monks went at once into the street; and the Jew crawled upstairs again for the money.

When he returned, the girl was adjusting her shawl and bonnet, as if preparing to be gone.

'Why, Nance!' exclaimed the Jew, starting back as

- Очень важные.

- И... и... хорошие? - нерешительно спросил Феджин, словно опасаясь раздражать собеседника чрезмерным благодушием.

- Во всяком случае, неплохие, - с улыбкой ответил Монкс.

- На этот раз я не терял времени.

Мне нужно с вами поговорить.

Девушка еще ближе придвинулась к столу и не выразила намерения покинуть комнату, хотя и могла заметить, что Монкс указывает на нее.

Еврей, боясь, быть может, как бы она не заговорила вслух о деньгах, если он попробует ее выпроводить, указал наверх и увел Монкса.

- Только не в ту проклятую дыру, где мы были прошлый раз, - услышала она голос посетителя, когда они поднимались по лестнице.

Феджин засмеялся, ответил что-то, чего она не разобрала, и, казалось, судя по скрипу досок, повел своего собеседника на третий этаж.

Еще не замерло в доме эхо, разбуженное их шагами, как девушка уже сняла башмаки, завернула на голову подол платья и, закутав в него руки, остановилась у двери, прислушиваясь с напряженным вниманием.

Как только шум затих, она выскользнула из комнаты, удивительно легко и бесшумно поднялась по лестнице и скрылась во мраке наверху.

Около четверти часа, если не больше, в комнате никого не было; затем девушка вернулась той же неслышной поступью, и сейчас же вслед за этим раздались шаги двух мужчин, спускавшихся по лестнице.

Монкс немедленно вышел на улицу, а еврей снова поплелся наверх за деньгами.

Когда он вошел, девушка надевала шаль и шляпку, якобы собираясь уходить.

- Что это, Нэнси? - воскликнул еврей, поставивший свечу на стол, и отшатнулся. -

he put down the candle, 'how pale you are!'

'Pale!' echoed the girl, shading her eyes with her hands, as if to look steadily at him.

'Quite horrible.

What have you been doing to yourself?'

'Nothing that I know of, except sitting in this close place for I don't know how long and all,' replied the girl carelessly.

'Come! Let me get back; that's a dear.'

With a sigh for every piece of money, Fagin told the amount into her hand.

They parted without more conversation, merely interchanging a 'good-night.'

When the girl got into the open street, she sat down upon a doorstep; and seemed, for a few moments, wholly bewildered and unable to pursue her way.

Suddenly she arose; and hurrying on, in a direction quite opposite to that in which Sikes was awaiting her returned, quickened her pace, until it gradually resolved into a violent run.

After completely exhausting herself, she stopped to take breath: and, as if suddenly recollecting herself, and deploring her inability to do something she was bent upon, wrung her hands, and burst into tears.

It might be that her tears relieved her, or that she felt the full hopelessness of her condition; but she turned back; and hurrying with nearly as great rapidity in the contrary direction; partly to recover lost time, and partly to keep pace with the violent current of her own thoughts: soon reached the dwelling where she had left the housebreaker.

If she betrayed any agitation, when she presented herself to Mr. Sikes, he did not observe it; for merely inquiring if she had brought the money, and receiving a reply in the affirmative, he uttered a growl of satisfaction, and replacing his head

Какая ты бледная!

- Бледная? - повторила девушка, заслоняя глаза руками, как будто для того, чтобы пристальнее посмотреть на него.

- Ужасно.

Что это с тобой стряслось?

- Ровно ничего. Сидела в этой душной комнате невесть сколько времени, вот и все, - небрежно ответила девушка.

- Ну, будьте добреньки, отпустите же меня.

Вздыхая над каждой монетой, Феджин отсчитал ей на ладонь деньги.

Они расстались без дальнейших разговоров, обменявшись только пожеланием спокойной ночи.

Очутившись на улице, девушка присела на ступеньку у двери и в течение нескольких секунд казалась совершенно ошеломленной и неспособной продолжать путь.

Вдруг она встала и, бросившись в сторону, как раз противоположную той, где ждал ее Сайкс, ускорила шаги и шла все быстрее, пока шаг ее не превратился в стремительный бег.

Окончательно выбившись из сил, она остановилась, чтобы отдышаться, но, словно опомнившись и поняв, что не сможет осуществить задуманное, в отчаянии заломила руки и разрыдалась.

Может быть, слезы облегчили ее или же она поняла полную безнадежность своего положения - как бы то ни было, она повернулась и побежала в обратную сторону чуть ли не с такой же быстротой - отчасти, чтобы наверстать потерянное время, а отчасти, чтобы приноровить шаг к стремительному потоку своих мыслей, - и вскоре добралась до дома, где оставила грабителя.

Если, представ перед мистером Сайксом, она и выдала чем-нибудь свое волнение, то он этого не заметил; осведомившись, принесла ли она деньги, и получив утвердительный ответ, он удовлетворенно пробурчал что-то и, снова

upon the pillow, resumed the slumbers which her arrival had interrupted.

It was fortunate for her that the possession of money occasioned him so much employment next day in the way of eating and drinking; and withal had so beneficial an effect in smoothing down the asperities of his temper; that he had neither time nor inclination to be very critical upon her behaviour and deportment.

That she had all the abstracted and nervous manner of one who is on the eve of some bold and hazardous step, which it has required no common struggle to resolve upon, would have been obvious to the lynx-eyed Fagin, who would most probably have taken the alarm at once; but Mr. Sikes lacking the niceties of discrimination, and being troubled with no more subtle misgivings than those which resolve themselves into a dogged roughness of behaviour towards everybody; and being, furthermore, in an unusually amiable condition, as has been already observed; saw nothing unusual in her demeanor, and indeed, troubled himself so little about her, that, had her agitation been far more perceptible than it was, it would have been very unlikely to have awakened his suspicions.

As that day closed in, the girl's excitement increased; and, when night came on, and she sat by, watching until the housebreaker should drink himself asleep, there was an unusual paleness in her cheek, and a fire in her eye, that even Sikes observed with astonishment.

Mr. Sikes being weak from the fever, was lying in bed, taking hot water with his gin to render it less inflammatory; and had pushed his glass towards Nancy to be replenished for the third or fourth time, when these symptoms first struck him.

'Why, burn my body!' said the man, raising himself on his hands as he stared the girl in the face.

'You look like a corpse come to life again.

What's the matter?'

'Matter!' replied the girl.

опустив голову на подушку, погрузился в сон, прерванный ее приходом.

Счастье для нее, что на следующий день наличие денег заставило Сайкса столько потрудиться над едой и питьем и к тому же возымело столь благотворное влияние на его нрав, смягчив его шероховатость, что у него не было ни времени, ни желания критиковать ее поведение и манеры.

Ее рассеянность и нервозность, как у того, кто готовится совершить какой-то смелый и опасный шаг, требующий серьезной борьбы, прежде чем принято решение, не ускользнули бы от рысжих глаз Феджина, который, вероятно, немедленно забил бы тревогу. Но мистер Сайкс, не отличавшийся особой наблюдательностью и не тревожимый опасениями более тонкими, чем те, какие можно заглушить неизменной грубостью в обращении со всеми и каждым, а вдобавок, как было уже указано, находившийся в исключительно приятном расположении духа, - мистер Сайкс не видел ничего необычного в ее поведении и в сущности обращал на нее так мало внимания, что, будь даже ее волнение гораздо приметнее, оно вряд ли вызвало бы у него подозрения.

К концу дня возбуждение девушки усилилось, когда же настал вечер и она, сидя возле грабителя, ждала, пока он напьется и заснет, щеки ее были так бледны, а глаза так горели, что даже Сайкс отметил это с изумлением.

Мистер Сайкс, ослабевший от лихорадки, лежал на кровати, разбавляя джин горячей водой, чтобы уменьшить его возбуждающее действие, и уже в третий или четвертый раз пододвинул Нэнси стакан, чтобы та наполнила его, когда вдруг ее вид впервые поразил его.

- Ах, чтоб мне сдохнуть! - воскликнул он, приподнимаясь на руках и всматриваясь в лицо девушки.

- Ты похожа на ожившего мертвеца.

В чем дело?

- В чем дело? - повторила девушка.

'Nothing.

What do you look at me so hard for?'

'What foolery is this?' demanded Sikes, grasping her by the arm, and shaking her roughly.

'What is it?

What do you mean?

What are you thinking of?'

'Of many things, Bill,' replied the girl, shivering, and as she did so, pressing her hands upon her eyes.

'But, Lord! What odds in that?'

The tone of forced gaiety in which the last words were spoken, seemed to produce a deeper impression on Sikes than the wild and rigid look which had preceded them.

'I tell you wot it is,' said Sikes; 'if you haven't caught the fever, and got it comin' on, now, there's something more than usual in the wind, and something dangerous too.

You're not a-going to — .

No, damme! you wouldn't do that!'

'Do what?' asked the girl.

'There ain't,' said Sikes, fixing his eyes upon her, and muttering the words to himself; 'there ain't a stauncher-hearted gal going, or I'd have cut her throat three months ago.

She's got the fever coming on; that's it.'

Fortifying himself with this assurance, Sikes drained the glass to the bottom, and then, with many grumbling oaths, called for his physic.

The girl jumped up, with great alacrity; poured it quickly out, but with her back towards him; and held the vessel to his lips, while he drank off the contents.

'Now,' said the robber, 'come and sit aside of me, and put on your own face; or I'll alter it so, that you won't know it agin when you do want it.'

- Ни в чем.

Чего ты так таращишь на меня глаза?

- Что это еще за дурь? - спросил Сайкс, схватив ее за руку и грубо встряхнув.

- Что это значит?

Что у тебя на уме?

О чем ты думаешь?

- О многом, Билл, - ответила девушка, вздрагивая и закрывая глаза руками.

- Но не все ли равно?

Притворно веселый тон, каким были сказаны последние слова, казалось, произвел на Сайкса более глубокое впечатление, чем дикий, напряженный взгляд, который им предшествовал.

- Вот что я тебе скажу, - начал Сайкс, - если ты не заразилась лихорадкой и не больна, так значит тут пахнет чем-то другим, особенным, да к тому же и опасным.

Уж не собираешься ли ты...

Нет, черт подери, этого ты бы не сделала!

- Чего бы не сделала? - спросила девушка.

- Нет на свете, - сказал Сайкс, не спуская с нее глаз и бормоча эти слова про себя, - нет на свете более надежной девки, не то я еще три месяца назад перерезал бы ей горло.

Это у нее лихорадка начинается, вот что.

Успокоив себя таким доводом, Сайкс осушил стакан до дна, а затем, ворчливо ругнувшись, потребовал свое лекарство.

Девушка поспешно вскочила, стоя спиной к нему, она быстро налила лекарство и держала стакан у его губ, пока он пил.

- А теперь, - сказал грабитель, - сядь возле меня и чтобы лицо у тебя было как всегда, а не то я разукрашу его так, что ты сама его не узнаешь.

The girl obeyed.

Sikes, locking her hand in his, fell back upon the pillow: turning his eyes upon her face.

They closed; opened again; closed once more; again opened.

He shifted his position restlessly; and, after dozing again, and again, for two or three minutes, and as often springing up with a look of terror, and gazing vacantly about him, was suddenly stricken, as it were, while in the very attitude of rising, into a deep and heavy sleep.

The grasp of his hand relaxed; the upraised arm fell languidly by his side; and he lay like one in a profound trance.

'The laudanum has taken effect at last,' murmured the girl, as she rose from the bedside. 'I may be too late, even now.'

She hastily dressed herself in her bonnet and shawl: looking fearfully round, from time to time, as if, despite the sleeping draught, she expected every moment to feel the pressure of Sikes's heavy hand upon her shoulder; then, stooping softly over the bed, she kissed the robber's lips; and then opening and closing the room-door with noiseless touch, hurried from the house.

A watchman was crying half-past nine, down a dark passage through which she had to pass, in gaining the main thoroughfare.

'Has it long gone the half-hour?' asked the girl.

'It'll strike the hour in another quarter,' said the man: raising his lantern to her face.

'And I cannot get there in less than an hour or more,' muttered Nancy: brushing swiftly past him, and gliding rapidly down the street.

Many of the shops were already closing in the back lanes and avenues through which she tracked her way, in making from Spitalfields towards the West-End of London.

The clock struck ten, increasing her impatience.

She tore along the narrow pavement: elbowing the passengers from side to side; and darting almost under the horses' heads, crossed crowded streets,

Девушка повиновалась.

Сайкс, зажав ее руку в своей, откинулся на подушку, не спуская глаз с ее лица.

Глаза закрылись, открылись снова, опять закрылись и снова открылись.

Он беспокойно повернулся, несколько раз задремывал на две-три минуты и так же часто вскакивал с испуганным видом, тупо озирался вокруг и вдруг, в ту самую минуту, когда хотел приподняться, погрузился в глубокий, тяжелый сон.

Пальцы его разжались, поднятая рука вяло опустилась - он лежал словно в полном беспамятстве.

- Наконец-то опий подействовал, - прошептала ловушка, отходя от кровати, - но, может быть, теперь уже слишком поздно.

Она проворно надела шляпку и шаль, изредка боязливо оглядываясь, словно опасаясь, как бы, несмотря на снотворный напиток, не опустилась на ее плечо тяжелая рука Сайкса; потом, тихонько наклонившись над постелью, поцеловала грабителя в губы и, бесшумно открыв дверь комнаты, выбежала на улицу.

В темном переулке, который вел на главную улицу, сторож выкрикивал половину десятого.

- Давно пробило? - спросила девушка.

- Через четверть часа пробьет десять, - сказал сторож, поднимая фонарь к ее лицу.

- А мне не добраться туда раньше, чем через час, - пробормотала девушка, проскользнув мимо него и бросившись бежать по улице.

Многие лавки уже закрылись в тех глухих переулках и улицах, которыми она пробегала, направляясь из Спителфилдс к лондонскому Вест-Энду.

Когда пробило десять, нетерпение ее усилилось.

Она мчалась по узкому тротуару; расталкивая прохожих и проскакивая чуть ли не под самыми мордами лошадей, перебежала запруженные

where clusters of persons were eagerly watching their opportunity to do the like.

'The woman is mad!' said the people, turning to look after her as she rushed away.

When she reached the more wealthy quarter of the town, the streets were comparatively deserted; and here her headlong progress excited a still greater curiosity in the stragglers whom she hurried past.

Some quickened their pace behind, as though to see whither she was hastening at such an unusual rate; and a few made head upon her, and looked back, surprised at her undiminished speed; but they fell off one by one; and when she neared her place of destination, she was alone.

It was a family hotel in a quiet but handsome street near Hyde Park.

As the brilliant light of the lamp which burnt before its door, guided her to the spot, the clock struck eleven.

She had loitered for a few paces as though irresolute, and making up her mind to advance; but the sound determined her, and she stepped into the hall.

The porter's seat was vacant.

She looked round with an air of incertitude, and advanced towards the stairs.

'Now, young woman!' said a smartly-dressed female, looking out from a door behind her, 'who do you want here?'

'A lady who is stopping in this house,' answered the girl.

'A lady!' was the reply, accompanied with a scornful look.

'What lady?'

'Miss Maylie,' said Nancy.

The young woman, who had by this time, noted her appearance, replied only by a look of virtuous

улицы, где кучки людей нетерпеливо ждали возможности перейти через дорогу.

- Эта женщина с ума сошла, - говорили прохожие, оборачиваясь, чтобы посмотреть ей вслед, в то время как она летела дальше.

Когда она добралась до более богатой части города, улицы были сравнительно пустынные, и здесь ее стремительность вызывала еще большее любопытство у редких прохожих, мимо которых она пробегала.

Иные ускоряли шаг, словно хотели узнать, куда она так спешит, и те из них, кому удавалось нагнать ее, оглядывались, удивленные тем, что она мчится все с той же быстротой. Но один за другим они отставали, и она была одна, когда достигла цели своего путешествия.

Это был семейный пансион в тихой, красивой улице неподалеку от Гайд-парка.

Когда ослепительный свет фонаря, горевшего у двери, привел ее к этому дому, пробило одиннадцать.

Сначала она замедлила шаги, словно собираясь с духом, чтобы подойти, но бой часов придал ей решимости, и она вошла в холл...

Привратника не было на обычном его месте.

Она неуверенно огляделась вокруг и направилась к лестнице.

- Послушайте-ка, - сказала нарядная особа женского пола, выглядывая за ее спиной из-за двери, - кого вам здесь нужно?

- Леди, которая остановилась в этом доме, - отозвалась девушка.

- Леди? - последовал ответ, сопровождаемый презрительным взглядом.

- Какую леди?

- Мисс Мэйли, - сказала Нэнси.

Нарядная особа, которая к тому времени обратила внимание на внешность Нэнси, ответила только взглядом, выражавшим

disdain; and summoned a man to answer her.

To him, Nancy repeated her request.

'What name am I to say?' asked the waiter.

'It's of no use saying any,' replied Nancy.

'Nor business?' said the man.

'No, nor that neither,' rejoined the girl.

'I must see the lady.'

'Come!' said the man, pushing her towards the door.

'None of this. Take yourself off.'

'I shall be carried out if I go!' said the girl violently; 'and I can make that a job that two of you won't like to do.'

'Isn't there anybody here,' she said, looking round, 'that will see a simple message carried for a poor wretch like me?'

This appeal produced an effect on a good-tempered-faced man-cook, who with some of the other servants was looking on, and who stepped forward to interfere.

'Take it up for her, Joe; can't you?' said this person.

'What's the good?' replied the man.

'You don't suppose the young lady will see such as her; do you?'

This allusion to Nancy's doubtful character, raised a vast quantity of chaste wrath in the bosoms of four housemaids, who remarked, with great fervour, that the creature was a disgrace to her sex; and strongly advocated her being thrown, ruthlessly, into the kennel.

'Do what you like with me,' said the girl, turning to the men again; 'but do what I ask you first, and I ask you to give this message for God Almighty's sake.'

добродетельное презрение, и призвала для переговоров с нею мужчину.

Нэнси повторила ему свою просьбу.

- Как о вас доложить? - спросил слуга.

- Не к чему называть фамилию, - ответила Нэнси.

- А по какому делу? - продолжал тот.

- И об этом незачем говорить! - возразила девушка.

- Мне нужно видеть леди.

- Уходите! - сказал слуга, подталкивая ее к двери.

- Хватит, убирайтесь!

- Можете вытолкать меня отсюда, но сама я не уйду! - резко крикнула девушка. - А уж я постараюсь, чтобы вы и вдвоем со мной не сладили.

Неужели нет здесь никого, - продолжала она, озираясь, - кто бы согласился исполнить просьбу такого жалкого создания, как я?

Этот призыв произвел впечатление на повара, который благодушно наблюдал эту сцену вместе с другими слугами и теперь выступил вперед, чтобы вмешаться.

- Доложите-ка о ней, Джо, что вам стоит, - сказала Эта персона.

- Да что толку? - возразил тот.

- Уж не думаете ли вы, что молодая леди пожелает принять такую, как она?

Этот намек на сомнительную репутацию Нэнси вызвал бурю целомудренного гнева в груди четырех горничных, которые с великим угаром заявили, что эта тварь позорит свой пол, и решительно потребовали, чтобы ее без всякого сожаления бросили в канаву.

- Делайте со мной что хотите, - сказала девушка, снова обращаясь к мужчинам, - но сначала исполните мою просьбу, а я именем господа бога прошу доложить обо мне.

The soft-hearted cook added his intercession, and the result was that the man who had first appeared undertook its delivery.

'What's it to be?' said the man, with one foot on the stairs.

'That a young woman earnestly asks to speak to Miss Maylie alone,' said Nancy; 'and that if the lady will only hear the first word she has to say, she will know whether to hear her business, or to have her turned out of doors as an impostor.'

'I say,' said the man, 'you're coming it strong!'

'You give the message,' said the girl firmly; 'and let me hear the answer.'

The man ran upstairs.

Nancy remained, pale and almost breathless, listening with quivering lip to the very audible expressions of scorn, of which the chaste housemaids were very prolific; and of which they became still more so, when the man returned, and said the young woman was to walk upstairs.

'It's no good being proper in this world,' said the first housemaid.

'Brass can do better than the gold what has stood the fire,' said the second.

The third contented herself with wondering 'what ladies was made of'; and the fourth took the first in a quartette of

'Shameful!' with which the Dianas concluded.

Regardless of all this: for she had weightier matters at heart: Nancy followed the man, with trembling limbs, to a small ante-chamber, lighted by a lamp from the ceiling.

Here he left her, and retired.

CHAPTER XL — A STRANGE INTERVIEW, WHICH IS A SEQUEL TO THE LAST

Мягкосердечный повар присовокупил свое ходатайство, и дело кончилось тем, что слуга, появившийся первым, взялся исполнить поручение.

- Так что же передать? - спросил он, уже стоя одной ногой на нижней ступеньке.

- Что одна молодая женщина убедительно просит позволения поговорить наедине с мисс Мэйли, - ответила Нэнси, - а когда леди услышит хоть одно слово из того, что та хочет ей сказать, она сама решит, выслушать ли ей до конца, или выгнать эту женщину, как обманщицу.

- Ну, знаете ли, - вы что-то уж очень напористы, - сказал слуга.

- Вы только передайте эти слова, - твердо сказала девушка, - и принесите мне ответ.

Слуга побежал по лестнице.

Нэнси, бледная, с трудом переводя дух, стояла внизу, прислушиваясь с дрожащими губами к тем громким, презрительным замечаниям, на какие не скупились целомудренные служанки; они принялись расточать их еще щедрее, когда вернулся слуга и сказал, чтобы молодая женщина шла наверх.

- Что толку соблюдать благопристойность на этом свете? - сказала первая служанка.

- Медь иной раз ценят дороже золота, хотя ему и огонь нипочем! - заметила вторая.

Третья удовольствовалась недоуменным вопросом: "Из чего же сделаны леди?" - а четвертая положила начало квартету:

"Какой срам!" - на чем и сошлись эти Дианы.

Невзирая на все это - ибо на сердце у нее было бремя более тяжкое, - Нэнси, дрожа всем телом, вошла вслед за слугой в маленькую переднюю, освещенную висевшей под потолком лампой.

Здесь слуга ее оставил и удалился.

ГЛАВА XL — Странное свидание, которое является продолжением событий,

The girl's life had been squandered in the streets, and among the most noisome of the stews and dens of London, but there was something of the woman's original nature left in her still; and when she heard a light step approaching the door opposite to that by which she had entered, and thought of the wide contrast which the small room would in another moment contain, she felt burdened with the sense of her own deep shame, and shrunk as though she could scarcely bear the presence of her with whom she had sought this interview.

But struggling with these better feelings was pride, — the vice of the lowest and most debased creatures no less than of the high and self-assured.

The miserable companion of thieves and ruffians, the fallen outcast of low haunts, the associate of the scourings of the jails and hulks, living within the shadow of the gallows itself, — even this degraded being felt too proud to betray a feeble gleam of the womanly feeling which she thought a weakness, but which alone connected her with that humanity, of which her wasting life had obliterated so many, many traces when a very child.

She raised her eyes sufficiently to observe that the figure which presented itself was that of a slight and beautiful girl; then, bending them on the ground, she tossed her head with affected carelessness as she said:

'It's a hard matter to get to see you, lady.

If I had taken offence, and gone away, as many would have done, you'd have been sorry for it one day, and not without reason either.'

'I am very sorry if any one has behaved harshly to you,' replied Rose.

'Do not think of that.

Tell me why you wished to see me.

I am the person you inquired for.'

The kind tone of this answer, the sweet voice, the

Жизнь девушки протекала на улицах, в самых гнусных притонах и вертепах Лондона, но тем не менее она еще сохранила какую-то порядочность, присущую женщине, и, когда она услышала легкие шаги, приближающиеся к двери, находившейся против той, в какую она вошла, она подумала о резком контрасте, свидетелем которого будет через секунду эта маленькая комнатка, почувствовала всю тяжесть своего позора и съежилась, как будто ей почти непосильно было присутствие той, с кем она добивалась свидания.

Но с этими лучшими чувствами боролась гордость - порок самых развращенных и униженных, равно как и возвеличенных и самоуверенных.

Жалкая сообщница воров и грабителей, падшее существо, исторгнутое грязными притонами, помощница самых мерзких преступников, живущая под сенью виселицы, - даже это погрязшее в пороках создание было слишком гордым, чтобы хоть отчасти проявить чувствительность, присущую женщине, - чувствительность, которую она считала слабостью, хотя она одна еще связывала ее с человеческой природой, следы которой стерла тяжелая жизнь в пору ее детства.

Она подняла глаза лишь настолько, чтобы разглядеть, что представшая перед ней девушка стройна и прекрасна, затем, потупившись, она с притворной беззаботностью тряхнула головой и сказала:

- Нелегкое дело добратся до вас, сударыня.

Если бы я обиделась и ушла, как сделали бы многие на моем месте, вы об этом когда-нибудь пожалели бы - и не зря.

- Я очень сожалею, если с вами были грубы, - отвечала Роз.

- Постарайтесь забыть об этом.

Скажите мне, зачем вы хотели меня видеть.

Я та, кого вы спрашивали.

Ласковый тон, нежный голос, кроткая

gentle manner, the absence of any accent of haughtiness or displeasure, took the girl completely by surprise, and she burst into tears.

'Oh, lady, lady!' she said, clasping her hands passionately before her face, 'if there was more like you, there would be fewer like me, — there would — there would!'

'Sit down,' said Rose, earnestly.

'If you are in poverty or affliction I shall be truly glad to relieve you if I can, — I shall indeed.

Sit down.'

'Let me stand, lady,' said the girl, still weeping, 'and do not speak to me so kindly till you know me better.

It is growing late.

Is — is — that door shut?'

'Yes,' said Rose, recoiling a few steps, as if to be nearer assistance in case she should require it.

'Why?'

'Because,' said the girl, 'I am about to put my life and the lives of others in your hands.

I am the girl that dragged little Oliver back to old Fagin's on the night he went out from the house in Pentonville.'

'You!' said Rose Maylie.

'I, lady!' replied the girl.

'I am the infamous creature you have heard of, that lives among the thieves, and that never from the first moment I can recollect my eyes and senses opening on London streets have known any better life, or kinder words than they have given me, so help me God!

Do not mind shrinking openly from me, lady.

I am younger than you would think, to look at me, but I am well used to it.

учтивость, полное отсутствие высокомерия или неудовольствия застигли девушку врасплох, и она залилась слезами.

- Ах, сударыня! - воскликнула она страстно, заломив руки. - Если бы больше было таких, как вы, - меньше было бы таких, как я... меньше... меньше...

- Сядьте, - настойчиво сказала Роз.

- Если вы бедны или вас постигло несчастье, я от всей души и всем, чем могу, рада вам помочь.

Сядьте.

- Разрешите мне постоять, леди, - сказала девушка, все еще плача, - и не говорите со мной так ласково, пока вы не узнаете, кто я такая.

Становится поздно.

Эта... Эта дверь закрыта?

- Да, - сказала Роз, отступив на несколько шагов, словно для того, чтобы к ней скорее могли прийти на помощь в случае, если понадобится.

- Почему вы задаете этот вопрос?

- Потому, - сказала девушка, - потому, что я собираюсь отдать в ваши руки свою жизнь и жизнь других.

Я - та самая девушка, которая утащила маленького Оливера к старику Феджину в тот вечер, когда он вышел из дома в Пентонвиле.

- Вы?! - воскликнула Роз Мэйли.

- Да, я, сударыня, - ответила девушка.

- Я та самая бесчестная женщина, о которой вы слыхали, живущая среди воров, и - да поможет мне бог! - с того времени, как я себя помню, и когда глазам моим и чувствам открылись улицы Лондона, я не знала лучшей жизни и не слышала более ласковых слов, чем те, какими она меня награждала.

Не бойтесь, можете отшатнуться от меня, леди.

Я моложе, чем кажусь, но я к этому привыкла.

The poorest women fall back, as I make my way along the crowded pavement.'

'What dreadful things are these!' said Rose, involuntarily falling from her strange companion.

'Thank Heaven upon your knees, dear lady,' cried the girl, 'that you had friends to care for and keep you in your childhood, and that you were never in the midst of cold and hunger, and riot and drunkenness, and — and — something worse than all — as I have been from my cradle.

I may use the word, for the alley and the gutter were mine, as they will be my deathbed.'

'I pity you!' said Rose, in a broken voice.

'It wrings my heart to hear you!'

'Heaven bless you for your goodness!' rejoined the girl.

'If you knew what I am sometimes, you would pity me, indeed.

But I have stolen away from those who would surely murder me, if they knew I had been here, to tell you what I have overheard.

Do you know a man named Monks?'

'No,' said Rose.

'He knows you,' replied the girl; 'and knew you were here, for it was by hearing him tell the place that I found you out.'

'I never heard the name,' said Rose.

'Then he goes by some other amongst us,' rejoined the girl, 'which I more than thought before.

Some time ago, and soon after Oliver was put into your house on the night of the robbery, I — suspecting this man — listened to a conversation held between him and Fagin in the dark.

Самые бедные женщины отшатываются от меня, когда я прохожу по людной улице.

- Какой ужас! - сказала Роз, невольно отступая от своей странной собеседницы.

- На коленях благодарите бога, дорогая леди, - воскликнула девушка, - что у вас были друзья, которые с самого раннего детства о вас заботились и оберегали вас, и вы никогда не знали холода и голода, буйства и пьянства и... и еще кое-чего похуже, что знала я с самой колыбели.

Я могу сказать это слово, потому что моей колыбелью были глухой закоулок да канава... они будут и моим смертным ложем.

- Мне жаль вас, - прерывающимся голосом сказала Роз.

- У меня сердце надрывается, когда я вас слушаю.

- Да благословит вас бог за вашу доброту, - отозвалась девушка.

- Если бы вы знали, какой я иной раз бываю, вы бы я в самом деле меня пожалели.

Но ведь я тайком убежала от тех, которые, конечно, убили бы меня, знай они, что я пришла, сюда, чтобы передать подслушанное.

Знаете ли вы человека по имени Монкс?

- Нет, - ответила Роз.

- А он вас знает, - заявила девушка, - и знает, что вы остановились здесь. Ведь я вас отыскала потому, что подслушала, как он назвал это место.

- Я никогда не слыхала этой фамилии, - сказала Роз.

- Значит, у нас он появляется под другим именем, - заявила девушка, - я об этом и раньше догадывалась.

Несколько времени назад, вскоре после того, как Оливера просунули к вам в окошко, - когда пытались вас ограбить, я, подозревая этого человека, подслушала однажды ночью его разговор с Феджином.

I found out, from what I heard, that Monks — the man I asked you about, you know — '

'Yes,' said Rose, 'I understand.'

' — That Monks,' pursued the girl, 'had seen him accidentally with two of our boys on the day we first lost him, and had known him directly to be the same child that he was watching for, though I couldn't make out why.'

A bargain was struck with Fagin, that if Oliver was got back he should have a certain sum; and he was to have more for making him a thief, which this Monks wanted for some purpose of his own.'

'For what purpose?' asked Rose.

'He caught sight of my shadow on the wall as I listened, in the hope of finding out,' said the girl; 'and there are not many people besides me that could have got out of their way in time to escape discovery.'

But I did; and I saw him no more till last night.'

'And what occurred then?'

'I'll tell you, lady.'

Last night he came again.

Again they went upstairs, and I, wrapping myself up so that my shadow would not betray me, again listened at the door.

The first words I heard Monks say were these:

"So the only proofs of the boy's identity lie at the bottom of the river, and the old hag that received them from the mother is rotting in her coffin."

They laughed, and talked of his success in doing this; and Monks, talking on about the boy, and getting very wild, said that though he had got the young devil's money safely now, he'd rather have had it the other way; for, what a game it would have been to have brought down the boast of the father's will, by driving him through every jail in town, and then hauling him up for some capital

И я поняла, что Монкс, тот самый, о котором я вас спрашивала...

- Да, - сказала Роз, - понимаю.

- Вот что Монкс, - продолжала девушка, - случайно увидел Оливера с двумя из ваших мальчишек в тот день, когда мы в первый раз его потеряли, и сразу узнал в нем того самого ребенка, которого он выслеживал, - я не могла угадать, о какой цели.

С Феджином был заключен договора что, если Оливера опять захватят, он получит определенную сумму и получит еще больше, если сделает из него вора, а это для чего-то очень нужно было Монксу.

- Для чего? - спросила Роз.

- Он заметил мою тень на стене, когда я подслушивала, надеясь разузнать, в чем тут дело, - ответила девушка, - и мало кто мог бы, кроме меня, улизнуть вовремя и не попасться.

Но мне это удалось, и я его не видела до вчерашнего вечера.

- А что же случилось вчера?

- Сейчас я вам расскажу, леди.

Вчера вечером он опять пришел.

Опять они поднялись наверх, и я, закутавшись так, чтобы тень не выдала меня, опять подслушивала у двери.

Первое, что я услышала, были слова Монкса:

"Итак, единственные доказательства, устанавливающие личность мальчика, покоятся на дне реки, а старая карга, получившая их от его матери, гниет в своем гробу".

Он и Феджин расхохотались и стали толковать о том, как посчастливилось ему все это обделать, а Монкс, заговорив о мальчике, расвирепел и сказал, что хотя он и заполучил деньги чертенка, но лучше бы ему добиться их другим путем; вот была бы потеха, говорил он, поиздеваться над чванливым завещанием отца, протащить мальчишку через все городские тюрьмы, а потом вздернуть его на виселицу за

felony which Fagin could easily manage, after having made a good profit of him besides.'

'What is all this!' said Rose.

'The truth, lady, though it comes from my lips,' replied the girl.

'Then, he said, with oaths common enough in my ears, but strange to yours, that if he could gratify his hatred by taking the boy's life without bringing his own neck in danger, he would; but, as he couldn't, he'd be upon the watch to meet him at every turn in life; and if he took advantage of his birth and history, he might harm him yet.

"In short, Fagin," he says, "Jew as you are, you never laid such snares as I'll contrive for my young brother, Oliver."

'His brother!' exclaimed Rose.

'Those were his words,' said Nancy, glancing uneasily round, as she had scarcely ceased to do, since she began to speak, for a vision of Sikes haunted her perpetually.

'And more.

When he spoke of you and the other lady, and said it seemed contrived by Heaven, or the devil, against him, that Oliver should come into your hands, he laughed, and said there was some comfort in that too, for how many thousands and hundreds of thousands of pounds would you not give, if you had them, to know who your two-legged spaniel was.'

'You do not mean,' said Rose, turning very pale, 'to tell me that this was said in earnest?'

'He spoke in hard and angry earnest, if a man ever did,' replied the girl, shaking her head.

'He is an earnest man when his hatred is up.

I know many who do worse things; but I'd rather listen to them all a dozen times, than to that Monks once.

какое-нибудь тяжкое преступление, что Феджин легко мог бы обделать, а до этого еще и подработать на нем.

- Что же это такое?! - воскликнула Роз.

- Сущая правда, леди, хотя это и говорю я, - ответила девушка.

- Потом Монкс сказал с проклятьями, привычными для меня, но незнакомыми вам, что, если бы он мог утолить свою ненависть и лишить мальчика жизни без риска для собственной головы, он сделал бы это, но так как это невозможно, то он будет начеку, будет следить за превратностями его судьбы, и так как он знает о его происхождении и жизни - преимущество на его стороне, и, может быть, ему удастся повредить мальчику.

"Короче говоря, Феджин, - сказал он, - хотя вы и еврей, но никогда еще не расставляли таких силков, какие я расставил для моего братца Оливера".

- Для брата! - воскликнула Роз.

- Это были его слова, - сказала Нэнси, пугливо озираясь, как озиралась она почти все время, пока говорила, ибо ее преследовал образ Сайкса.

- Но это не все.

Когда он заговорил о вас и о той, другой леди и сказал, что, видно, бог или дьявол устроили так, чтобы, назло ему, Оливер попал в ваши руки, он расхохотался и заявил, что даже и это его радует, потому что немало тысяч и сотен фунтов отдали бы вы, если бы их имели, чтобы узнать, кто ваша двуногая собачка.

- Неужели это было сказано серьезно? - сильно побледнев, спросила Роз.

- Он говорил на редкость решительно и злобно, - покачивая головой, ответила девушка.

- Он не шутит, когда в нем кипит ненависть.

Я знаю многих, кто делает вещи похуже, но лучше мне слушать их десятков раз, чем один раз этого Монкса.

It is growing late, and I have to reach home without suspicion of having been on such an errand as this.

I must get back quickly.'

'But what can I do?' said Rose.

'To what use can I turn this communication without you?

Back!

Why do you wish to return to companions you paint in such terrible colors?

If you repeat this information to a gentleman whom I can summon in an instant from the next room, you can be consigned to some place of safety without half an hour's delay.'

'I wish to go back,' said the girl.

'I must go back, because — how can I tell such things to an innocent lady like you? — because among the men I have told you of, there is one: the most desperate among them all; that I can't leave: no, not even to be saved from the life I am leading now.'

'Your having interfered in this dear boy's behalf before,' said Rose; 'your coming here, at so great a risk, to tell me what you have heard; your manner, which convinces me of the truth of what you say; your evident contrition, and sense of shame; all lead me to believe that you might yet be reclaimed.

Oh!' said the earnest girl, folding her hands as the tears coursed down her face, 'do not turn a deaf ear to the entreaties of one of your own sex; the first — the first, I do believe, who ever appealed to you in the voice of pity and compassion.

Do hear my words, and let me save you yet, for better things.'

'Lady,' cried the girl, sinking on her knees, 'dear, sweet, angel lady, you are the first that ever

Сейчас уже поздно, а я должна вернуться домой, чтобы не заподозрили, по какому делу а ходила.

Мне нужно поскорее добраться до дому.

- Но что же я могу сделать? - сказала Роз.

- Без вас какую пользу я могу извлечь из этих сведений?

Добраться до дому?

Почему вам хочется вернуться к товарищам, которых вы описали такими ужасными красками?

Если вы повторите это сообщение одному джентльмену, которого я сию же минуту могу вызвать из соседней комнаты, не пройдет и получаса, как вас устроят в каком-нибудь безопасном месте.

- Я хочу вернуться, - сказала девушка.

- Я должна вернуться, потому что... как говорить о таких вещах вам, невинной леди?... потому что среди тех людей, о которых я вам рассказывала, есть один, самый отчаянный из всех, и его я не могу оставить, да, не могу, даже ради того, чтобы избавиться от той жизни, какую теперь веду.

- Ваше прежнее заступничество за этого милого мальчика, - сказала Роз, - ваш приход сюда, чтобы, невзирая на страшную опасность, рассказать мне то, что вы слышали, ваш вид, убеждающий меня в правдивости наших слов, ваше явное раскаяние и стыд - все это заставляет меня верить, что вы еще можете исправиться.

О! - складывая руки, воскликнула пылкая девушка, а слезы струились у нее по лицу, - не будьте глухи к мольбам другой женщины, которая первая - первая, я в этом уверена! - обратилась к вам со словами жалости и сострадания.

Услышьте меня и дайте мне вас спасти для лучшего будущего!

- Сударыня, - воскликнула девушка, падая на колени, - милая сударыня, добрая, как ангел! Да, вы первая, которая осчастливила меня

blessed me with such words as these, and if I had heard them years ago, they might have turned me from a life of sin and sorrow; but it is too late, it is too late!

'It is never too late,' said Rose, 'for penitence and atonement.'

'It is,' cried the girl, writhing in agony of her mind;

'I cannot leave him now!

I could not be his death.'

'Why should you be?' asked Rose.

'Nothing could save him,' cried the girl.

'If I told others what I have told you, and led to their being taken, he would be sure to die.

He is the boldest, and has been so cruel!

'Is it possible,' cried Rose, 'that for such a man as this, you can resign every future hope, and the certainty of immediate rescue?

It is madness.'

'I don't know what it is,' answered the girl;

'I only know that it is so, and not with me alone, but with hundreds of others as bad and wretched as myself.

I must go back.

Whether it is God's wrath for the wrong I have done, I do not know; but I am drawn back to him through every suffering and ill usage; and I should be, I believe, if I knew that I was to die by his hand at last.'

'What am I to do?' said Rose.

'I should not let you depart from me thus.'

'You should, lady, and I know you will,' rejoined the girl, rising.

такими словами, и, услышь я их несколько лет назад, они могли бы отвратить меня от пути греха и печали. Но теперь слишком поздно, слишком поздно.

- Никогда не поздно, - сказала Роз, - раскаяться и искупить грехи.

- Поздно! - вскричала девушка, терзаемая душевной мукой.

- Теперь я не могу его оставить.

Я не могу быть виновницей его смерти.

- А почему вы будете виновницей? - спросила Роз.

- Ничто бы его не спасло! - воскликнула девушка.

- Если бы я рассказала другим то, что рассказала вам, и всех бы захватили, ему, конечно, не избежать смерти.

Он самый отчаянный и был таким жестоким.

- Может ли быть, - вскричала Роз, - что ради такого человека вы отказываетесь от всех надежд на будущее и от уверенности в немедленном спасении?

Это безумие!

- Не знаю, что это такое, - ответила девушка.

- Знаю только, что так оно есть и так бывает не со мной одной, но с сотнями других, таких же падших и ничтожных, как я.

Я должна вернуться.

Божья ли это кара за содеянное мною зло, но меня тянет вернуться к нему, несмотря на все муки и побои, и, верно, тянуло бы, даже знай я, что в конце концов мне придется умереть от его руки.

- Что же мне делать? - сказала Роз.

- Я не должна вас отпускать.

- Вы должны, сударыня! И я знаю, что вы меня отпустите, - возразила девушка, поднимаясь с колен.

'You will not stop my going because I have trusted in your goodness, and forced no promise from you, as I might have done.'

'Of what use, then, is the communication you have made?' said Rose.

'This mystery must be investigated, or how will its disclosure to me, benefit Oliver, whom you are anxious to serve?'

'You must have some kind gentleman about you that will hear it as a secret, and advise you what to do,' rejoined the girl.

'But where can I find you again when it is necessary?' asked Rose.

'I do not seek to know where these dreadful people live, but where will you be walking or passing at any settled period from this time?'

'Will you promise me that you will have my secret strictly kept, and come alone, or with the only other person that knows it; and that I shall not be watched or followed?' asked the girl.

'I promise you solemnly,' answered Rose.

'Every Sunday night, from eleven until the clock strikes twelve,' said the girl without hesitation, 'I will walk on London Bridge if I am alive.'

'Stay another moment,' interposed Rose, as the girl moved hurriedly towards the door.

'Think once again on your own condition, and the opportunity you have of escaping from it.

You have a claim on me: not only as the voluntary bearer of this intelligence, but as a woman lost almost beyond redemption.

Will you return to this gang of robbers, and to this man, when a word can save you?

What fascination is it that can take you back, and

- Вы не помешаете мне уйти, потому что я доверилась вашей доброте и не потребовала от вас никаких обещаний, хотя могла бы это сделать.

- Какая же тогда польза от вашего сообщения? - сказала Роз.

- Эту тайну необходимо раскрыть, иначе какое благо принесет Оливеру, которому вы хотите услужить, то, что вы мне говорили?

- Среди ваших знакомых, конечно, есть какой-нибудь добрый джентльмен, который выслушает все и, сохраняя тайну, посоветует вам, что делать, - сказала девушка.

- Но где же мне найти вас, если это будет необходимо? - спросила Роз.

- Я вовсе не хочу знать, где живут эти ужасные люди, но не могли бы вы отныне прогуливаться где-нибудь в определенный час?

- Обещаете ли вы мне, что будете крепко хранить мою тайну и придете одна или только с тем человеком, которому ее доверите? Обещаете, что меня не будут подстерегать или выслеживать? - спросила девушка.

- Даю вам торжественное обещание - ответила Роз.

- Каждый воскресный вечер в одиннадцать часов, - не колеблясь, сказала девушка, - если буду жива, я буду ходить по Лондонскому мосту.

- Подождите еще минутку! - воскликнула Роз, когда девушка быстро направилась к двери.

- Подумайте еще раз о своей собственной участи и о возможности изменить ее.

Я перед вами в долгу не только потому, что вы добровольно доставили эти сведения, но и потому, что вы - женщина, погибшая почти безвозвратно.

Неужели вы вернетесь к этой шайке грабителей и к этому человеку, когда одно слово может вас спасти?

Что за обольщение заставляет вас вернуться и

make you cling to wickedness and misery?

Oh! is there no chord in your heart that I can touch!

Is there nothing left, to which I can appeal against this terrible infatuation!'

'When ladies as young, and good, and beautiful as you are,' replied the girl steadily, 'give away your hearts, love will carry you all lengths — even such as you, who have home, friends, other admirers, everything, to fill them.

When such as I, who have no certain roof but the coffinlid, and no friend in sickness or death but the hospital nurse, set our rotten hearts on any man, and let him fill the place that has been a blank through all our wretched lives, who can hope to cure us?

Pity us, lady — pity us for having only one feeling of the woman left, and for having that turned, by a heavy judgment, from a comfort and a pride, into a new means of violence and suffering.'

'You will,' said Rose, after a pause, 'take some money from me, which may enable you to live without dishonesty — at all events until we meet again?'

'Not a penny,' replied the girl, waving her hand.

'Do not close your heart against all my efforts to help you,' said Rose, stepping gently forward.

'I wish to serve you indeed.'

'You would serve me best, lady,' replied the girl, wringing her hands, 'if you could take my life at once; for I have felt more grief to think of what I am, to-night, than I ever did before, and it would be something not to die in the hell in which I have lived.

God bless you, sweet lady, and send as much

льнуть к пороку и злу?

О, неужели нет ни одной струны в вашем сердце, которую я могла бы затронуть?

Неужели не осталось ничего, к чему могла бы я воззвать, чтобы побороть это ужасное ослепление?

- Когда леди, такие молодые, добрые и прекрасные, как вы, отдают свое сердце, - твердо ответила девушка, - любовь может завлечь их куда угодно... даже таких, как вы, у которых есть дом, друзья, поклонники, все, что делает жизнь полной.

Когда такие, как я, у которых нет никакой надежной крыши, кроме крышки гроба, и ни одного друга в случае болезни или смерти, кроме больничной сиделки, отдают свое развращенное сердце какому-нибудь мужчине и позволяют ему занять место, которое никем не было занято в продолжение всей нашей злосчастной жизни, кто может надеяться излечить нас?

Пожалейте нас, леди! Пожалейте нас за то, что из всех чувств, ведомых женщине, у нас осталось только одно, да и оно, по суровому приговору, доставляет не покой и гордость, а новые насилия и страдания.

- Вы согласитесь, - помолчав, сказала Роз, - принять от меня немного денег, которые помогут вам жить честно, хотя бы до тех пор, пока мы снова не встретимся?

- Ни одного пенни! - махнув рукой, ответила девушка.

- Не замыкайте своего сердца, не сопротивляйтесь всем моим попыткам помочь вам! - сказала Роз, ласково подходя к ней.

- Я ото всей души хочу оказать вам услугу.

- Вы оказали бы мне самую лучшую услугу, сударыня, - ломая руки, ответила девушка, - если бы могли сразу отнять у меня жизнь, потому что сегодня я испытала больше горя, чем когда бы то ни было, все думала о том, кто я такая и что, пожалуй, лучше мне умереть не в том аду, где я жила.

Да благословит вас бог, добрая леди, и да

happiness on your head as I have brought shame on mine!'

Thus speaking, and sobbing aloud, the unhappy creature turned away; while Rose Maylie, overpowered by this extraordinary interview, which had more the semblance of a rapid dream than an actual occurrence, sank into a chair, and endeavoured to collect her wandering thoughts.

CHAPTER XLI — CONTAINING FRESH DISCOVERIES, AND SHOWING THAT SUPRISES, LIKE MISFORTUNES, SELDOM COME ALONE

Her situation was, indeed, one of no common trial and difficulty.

While she felt the most eager and burning desire to penetrate the mystery in which Oliver's history was enveloped, she could not but hold sacred the confidence which the miserable woman with whom she had just conversed, had reposed in her, as a young and guileless girl.

Her words and manner had touched Rose Maylie's heart; and, mingled with her love for her young charge, and scarcely less intense in its truth and fervour, was her fond wish to win the outcast back to repentance and hope.

They purposed remaining in London only three days, prior to departing for some weeks to a distant part of the coast.

It was now midnight of the first day.

What course of action could she determine upon, which could be adopted in eight-and-forty hours?

Or how could she postpone the journey without exciting suspicion?

Mr. Losberne was with them, and would be for the next two days; but Rose was too well acquainted with the excellent gentleman's impetuosity, and foresaw too clearly the wrath with which, in the first explosion of his indignation, he would regard the instrument of Oliver's recapture, to trust him with the secret, when her representations in the

пошлет он вам столько счастья, сколько я навлекла на себя позора!

С этими словами, громко рыдая, несчастная девушка ушла, а Роз Мэйли, угнетенная необычайным свиданием, которое походило скорее на мимолетный сон, чем на реальное событие, опустилась в кресло и попыталась собраться с мыслями.

ГЛАВА XLI, — содержащая новые открытия и показывающая, что неожиданность, как и беда, не ходит одна

Ее положение было и в самом деле непривычно тяжелым и затруднительным.

Охваченная непреодолимым и горячим желанием проникнуть в тайну, окутывавшую жизнь Оливера, она в то же время не могла не почитать священным секретное сообщение, какое несчастная женщина, с которой она только что беседовала, доверила ей - молодой и чистой девушке.

Ее слова и вид тронули сердце мисс Мэйли; и к той любви, какую она питала к своему юному питомцу, присоединилось - такое же искреннее и горячее - стремление привести отверженную к раскаянию и надежде.

Они предполагали прожить в Лондоне только три дня, а затем уехать на несколько недель в отдаленное местечко на побережье.

Была полночь первого дня их пребывания в столице.

На какой образ действий ей решиться, чтобы осуществить задуманное за сорок восемь часов?

Или как отложить поездку, не возбуждая подозрений?

С ними приехал мистер Лосберн, который должен был остаться еще на два дня; но Роз слишком хорошо знала стремительность этого превосходного джентльмена и слишком ясно предвидела ту ярость, какой он восплает в припадке негодования против орудия вторичного похищения Оливера, чтобы доверить ему тайну, если ее доводы в защиту

girl's behalf could be seconded by no experienced person.

These were all reasons for the greatest caution and most circumspect behaviour in communicating it to Mrs. Maylie, whose first impulse would infallibly be to hold a conference with the worthy doctor on the subject.

As to resorting to any legal adviser, even if she had known how to do so, it was scarcely to be thought of, for the same reason.

Once the thought occurred to her of seeking assistance from Harry; but this awakened the recollection of their last parting, and it seemed unworthy of her to call him back, when — the tears rose to her eyes as she pursued this train of reflection — he might have by this time learnt to forget her, and to be happier away.

Disturbed by these different reflections; inclining now to one course and then to another, and again recoiling from all, as each successive consideration presented itself to her mind; Rose passed a sleepless and anxious night.

After more communing with herself next day, she arrived at the desperate conclusion of consulting Harry.

'If it be painful to him,' she thought, 'to come back here, how painful it will be to me!

But perhaps he will not come; he may write, or he may come himself, and studiously abstain from meeting me — he did when he went away.

I hardly thought he would; but it was better for us both.'

And here Rose dropped the pen, and turned away, as though the very paper which was to be her messenger should not see her weep.

She had taken up the same pen, and laid it down again fifty times, and had considered and reconsidered the first line of her letter without writing the first word, when Oliver, who had been

девушки не поддержит кто-нибудь, искушенный опытом.

Были все основания соблюдать величайшую осторожность и осмотрительность, а если посвятить в это дело миссис Мэйли, первым побуждением ее неизбежно будет призвать на совет достойного доктора.

Что касается юридического советчика - даже если бы она знала, как к нему обратиться, - то об этом, по тем же причинам, вряд ли можно было думать.

Ей пришла в голову мысль искать помощи у Гарри, но это пробудило воспоминание об их последней встрече, и ей показалось недостойным призывать его назад; может быть, - при этой мысли на глазах у нее навернулись слезы, - он уже научился не думать о ней и чувствовать себя более счастливым вдали от нее.

Волнуемая этими разнообразными соображениями, склоняясь то к одному образу действий, то к другому и снова отшатываясь от всего, по мере того как перебирала в уме все доводы. Роз провела бессонную и тревожную ночь.

На следующий день, снова поразмыслив и придя в отчаяние, она решила обратиться к Гарри.

"Если ему мучительно вернуться сюда, - думала она, - то как мучительно это мне!

Но, возможно, он не приедет; он может написать или приехать и старательно избегать встречи со мной - он это сделал, когда уезжал.

Я не думала, что он так поступит, но это было лучше для нас обоих".

Тут Роз уронила перо и отвернулась, словно даже бумага, которой предстояло стать ее вестником, не должна была быть свидетельницей ее слез.

Раз пятьдесят бралась она за перо и опять его откладывала, и снова и снова обдумывала первую строчку письма, не написав еще ни единого слова, как вдруг Оливер, гулявший по улицам с мистером Джайлсом вместо

walking in the streets, with Mr. Giles for a body-guard, entered the room in such breathless haste and violent agitation, as seemed to betoken some new cause of alarm.

'What makes you look so flurried?' asked Rose, advancing to meet him.

'I hardly know how; I feel as if I should be choked,' replied the boy.

'Oh dear!

To think that I should see him at last, and you should be able to know that I have told you the truth!'

'I never thought you had told us anything but the truth,' said Rose, soothing him.

'But what is this? — of whom do you speak?'

'I have seen the gentleman,' replied Oliver, scarcely able to articulate, 'the gentleman who was so good to me — Mr. Brownlow, that we have so often talked about.'

'Where?' asked Rose.

'Getting out of a coach,' replied Oliver, shedding tears of delight, 'and going into a house.

I didn't speak to him — I couldn't speak to him, for he didn't see me, and I trembled so, that I was not able to go up to him.

But Giles asked, for me, whether he lived there, and they said he did.

Look here,' said Oliver, opening a scrap of paper, 'here it is; here's where he lives — I'm going there directly!

Oh, dear me, dear me! What shall I do when I come to see him and hear him speak again!'

With her attention not a little distracted by these and a great many other incoherent exclamations of joy, Rose read the address, which was Craven Street, in the Strand.

She very soon determined upon turning the discovery to account.

'Quick!' she said.

телохранителя, ворвался в комнату с такой стремительностью и в таком сильном возбуждении, что, казалось, это предвещало новый повод для тревоги.

- Что тебя так взволновало? - спросила Роз, вставая ему навстречу.

- Не знаю, что сказать... Я, кажется, сейчас задохнусь, - ответил мальчик.

- Ах, боже мой!

Подумать только, что наконец-то я его увижу, а у вас будет возможность убедиться, что я рассказал вам всю правду!

- Я никогда в этом не сомневалась, - успокаивая его, сказала Роз.

- Но что случилось? О ком ты говоришь?

- Я видел того джентльмена, - ответил Оливер, с трудом внятно выговаривая слова, - того джентльмена, который был так добр ко мне! Мистера Браунлоу, о котором мы так часто говорили!

- Где? - спросила Роз.

- Он вышел из кареты, - ответил Оливер, плача от радости, - и вошел в дом!

Я с ним не говорил, я не мог заговорить с ним, потому что он меня не заметил, а я так дрожал, что не в силах был подойти к нему.

Но Джайлс, по моей просьбе, спросил, здесь ли он живет. и ему ответили утвердительно.

Смотрите, - сказал Оливер, развертывая клочок бумаги, - вот здесь, здесь он живет... Я сейчас же туда пойду!..

Ах, боже мой, боже мой, что со мной будет, когда я снова увижу его и услышу его голос!

Роз, чье внимание немало отвлекали бессвязные и радостные восклицания, прочла адрес - Крейвн-стрит, Стрэнде.

Немедленно она приняла решение извлечь пользу из этой встречи.

- Живо! - воскликнула она.

'Tell them to fetch a hackney-coach, and be ready to go with me.

I will take you there directly, without a minute's loss of time.

I will only tell my aunt that we are going out for an hour, and be ready as soon as you are.'

Oliver needed no prompting to despatch, and in little more than five minutes they were on their way to Craven Street.

When they arrived there, Rose left Oliver in the coach, under pretence of preparing the old gentleman to receive him; and sending up her card by the servant, requested to see Mr. Brownlow on very pressing business.

The servant soon returned, to beg that she would walk upstairs; and following him into an upper room, Miss Maylie was presented to an elderly gentleman of benevolent appearance, in a bottle-green coat.

At no great distance from whom, was seated another old gentleman, in nankeen breeches and gaiters; who did not look particularly benevolent, and who was sitting with his hands clasped on the top of a thick stick, and his chin propped thereupon.

'Dear me,' said the gentleman, in the bottle-green coat, hastily rising with great politeness,

'I beg your pardon, young lady — I imagined it was some importunate person who — I beg you will excuse me.

Be seated, pray.'

'Mr. Brownlow, I believe, sir?' said Rose, glancing from the other gentleman to the one who had spoken.

'That is my name,' said the old gentleman.

'This is my friend, Mr. Grimwig.

Grimwig, will you leave us for a few minutes?'

'I believe,' interposed Miss Maylie, 'that at this

- Распорядись, чтобы наняли карету. Ты поедешь со мной.

Сейчас же, не теряя ни минуты, я отвезу тебя туда.

Я только предупрежу тетю, что мы на час отлучимся, и буду готова в одно время с тобой.

Оливера не нужно было торопить, и через пять минут они уже ехали на Крейвн-стрит.

Когда они туда прибыли. Роз оставила Оливера в карете якобы для того, чтобы приготовить старого джентльмена к встрече с ним, и, послав свою визитную карточку со слугой, выразила желание повидать мистера Браунлоу по неотложному делу.

Слуга вскоре вернулся и попросил ее пройти наверх; войдя вслед за ним в комнату верхнего этажа, мисс Мэйли очутилась перед пожилым джентльменом с благодушной физиономией, одетым в бутылочного цвета фрак.

Неподалеку от него сидел другой старый джентльмен в коротких нанковых штанах и гетрах; он имел вид не особенно благодушный и сжимал руками набалдашник толстой трости, подпирая им подбородок.

- Ах, боже мой! - сказал джентльмен в бутылочного цвета фраке, вставая поспешно и с величайшей учтивостью.

- Прошу прощения, молодая леди... я думал, что это какая-нибудь навязчивая особа, которая... прошу извинить меня.

Пожалуйста, присядьте.

- Мистер Браунлоу, не так ли, сэр? - спросила Роз, переводя взгляд с другого джентльмена на того, кто говорил.

- Да, это я, - сказал старый джентльмен.

- А это мой друг, мистер Гримуиг...

Гримуиг, не покинете ли вы нас на несколько минут?

- Я не стала бы беспокоить этого джентльмена

period of our interview, I need not give that gentleman the trouble of going away.

If I am correctly informed, he is cognizant of the business on which I wish to speak to you.'

Mr. Brownlow inclined his head.

Mr. Grimwig, who had made one very stiff bow, and risen from his chair, made another very stiff bow, and dropped into it again.

'I shall surprise you very much, I have no doubt,' said Rose, naturally embarrassed; 'but you once showed great benevolence and goodness to a very dear young friend of mine, and I am sure you will take an interest in hearing of him again.'

'Indeed!' said Mr. Brownlow.

'Oliver Twist you knew him as,' replied Rose.

The words no sooner escaped her lips, than Mr. Grimwig, who had been affecting to dip into a large book that lay on the table, upset it with a great crash, and falling back in his chair, discharged from his features every expression but one of unmitigated wonder, and indulged in a prolonged and vacant stare; then, as if ashamed of having betrayed so much emotion, he jerked himself, as it were, by a convulsion into his former attitude, and looking out straight before him emitted a long deep whistle, which seemed, at last, not to be discharged on empty air, but to die away in the innermost recesses of his stomach.

Mr. Brownlow was no less surprised, although his astonishment was not expressed in the same eccentric manner.

He drew his chair nearer to Miss Maylie's, and said,

'Do me the favour, my dear young lady, to leave entirely out of the question that goodness and benevolence of which you speak, and of which nobody else knows anything; and if you have it in your power to produce any evidence which will alter the unfavourable opinion I was once induced to entertain of that poor child, in Heaven's name

просьбой уйти, - вмешалась мисс Мэйли.

- Если я правильно осведомлена, ему известно то дело, о котором я хочу говорить с Вами.

Мистер Браунлоу поклонился.

Мистер Гримуиг, который отвесил весьма чопорный поклон и поднялся со стула, отвесил еще один чопорный поклон и снова опустился на стул.

- Несомненно, я очень удивлю вас, - начала Роз, чувствуя вполне понятное смущение, - но когда-то вы отнеслись с величайшей добротой и благосклонностью к одному моему милому маленькому другу, и я уверена, что вам любопытно будет услышать о нем снова.

- Вот как! - сказал мистер Браунлоу.

- Вы его знали как Оливера Твиста, - добавила Роз.

Как только эти слова сорвались с ее губ, мистер Гримуиг, притворявшийся, будто внимание его всецело поглощено большущей книгой, лежавшей на столе, уронил ее с грохотом и, откинувшись на спинку стула, взглянул на девушку, причем на лице его нельзя было прочесть ничего, кроме безграничного изумления; он долго и бессмысленно тарашил глаза, затем, слов-но пристыженный таким проявлением чувства, судорожно принял прежнюю позу и, глядя прямо перед собой, испустил протяжный, глухой свист, который, казалось, не рассеялся к воздуху, но замер в самых сокровенных тайниках его желудка.

Мистер Браунлоу был удивлен отнюдь не меньше, хотя его изумление выражалось не таким эксцентрическим образом.

Он придвинул стул ближе к мисс Мэйли и сказал:

- Окажите мне милость, прелестная моя юная леди, - не касайтесь вопроса о доброте и благосклонности: об этом никто ничего не знает. Если же есть у вас возможность представить какое-нибудь доказательство, которое может изменить то неблагоприятное мнение, какое я когда-то вынужден был составить об этом бедном мальчике, то, ради

put me in possession of it.'

'A bad one!

'I'll eat my head if he is not a bad one,' growled Mr. Grimwig, speaking by some ventriloquial power, without moving a muscle of his face.

'He is a child of a noble nature and a warm heart,' said Rose, colouring; 'and that Power which has thought fit to try him beyond his years, has planted in his breast affections and feelings which would do honour to many who have numbered his days six times over.'

'I'm only sixty-one,' said Mr. Grimwig, with the same rigid face.

'And, as the devil's in it if this Oliver is not twelve years old at least, I don't see the application of that remark.'

'Do not heed my friend, Miss Maylie,' said Mr. Brownlow; 'he does not mean what he says.'

'Yes, he does,' growled Mr. Grimwig.

'No, he does not,' said Mr. Brownlow, obviously rising in wrath as he spoke.

'He'll eat his head, if he doesn't,' growled Mr. Grimwig.

'He would deserve to have it knocked off, if he does,' said Mr. Brownlow.

'And he'd uncommonly like to see any man offer to do it,' responded Mr. Grimwig, knocking his stick upon the floor.

Having gone thus far, the two old gentlemen severally took snuff, and afterwards shook hands, according to their invariable custom.

'Now, Miss Maylie,' said Mr. Brownlow, 'to return to the subject in which your humanity is so much interested.

Will you let me know what intelligence you have of this poor child: allowing me to promise that I exhausted every means in my power of discovering

бога, поделитесь им со мной.

- Скверный мальчишка!

Готов съесть свою голову, если это не так, - проворчал мистер Гримуиг; ни один мускул его лица не шевельнулся, словно он прибегнул к чревоуещанию.

- У этого мальчика благородная натура и пылкое сердце, - покраснев, сказала Роз, - и та сила, которая почла нужным обречь его на испытания не по летам, вложила ему в грудь такие чувства и такую преданность, какие сделали бы честь многим людям старше его раз в шесть.

- Мне только шестьдесят один год, - сказал мистер Гримуиг все с тем же застывшим лицом.

- Если сам черт не вмешался в дело, этому Оливеру никак не меньше двенадцати... И я не понимаю, кого вы имеете в виду?

- Не обращайтесь внимания на моего друга, мисс Мэйли, - сказал мистер Браунлоу, - он не то хотел сказать.

- Нет, то, - проворчал мистер Гримуиг.

- Нет, не то, - сказал мистер Браунлоу, явно начиная сердиться.

- Он готов съесть свою голову, если не то, - проворчал мистер Гримуиг.

- В таком случае он заслуживает того, чтобы у него сняли ее с плеч, - сказал мистер Браунлоу.

- Очень хотел бы он посмотреть, кто возьмется это сделать, - отвечив мистер Гримуиг, стукнув тростью об пол.

Зайдя столь далеко, оба старых джентльмена взяли несколько понюшек табаку, а затем пожали друг другу руку во исполнение неизменного своего обычая.

- Итак, мисс Мэйли, - сказал мистер Браунлоу, - вернемся к предмету, который столь затронул ваше доброе сердце.

Сообщите ли вы мне, какие у вас есть сведения об этом бедном мальчике? И разрешите мне сказать, что я исчерпал все средства, какие

him, and that since I have been absent from this country, my first impression that he had imposed upon me, and had been persuaded by his former associates to rob me, has been considerably shaken.'

Rose, who had had time to collect her thoughts, at once related, in a few natural words, all that had befallen Oliver since he left Mr. Brownlow's house; reserving Nancy's information for that gentleman's private ear, and concluding with the assurance that his only sorrow, for some months past, had been not being able to meet with his former benefactor and friend.

'Thank God!' said the old gentleman.

'This is great happiness to me, great happiness.

But you have not told me where he is now, Miss Maylie.

You must pardon my finding fault with you, — but why not have brought him?'

'He is waiting in a coach at the door,' replied Rose.

'At this door!' cried the old gentleman.

With which he hurried out of the room, down the stairs, up the coachsteps, and into the coach, without another word.

When the room-door closed behind him, Mr. Grimwig lifted up his head, and converting one of the hind legs of his chair into a pivot, described three distinct circles with the assistance of his stick and the table; sitting in it all the time.

After performing this evolution, he rose and limped as fast as he could up and down the room at least a dozen times, and then stopping suddenly before Rose, kissed her without the slightest preface.

'Hush!' he said, as the young lady rose in some alarm at this unusual proceeding.

были в моей власти, чтобы отыскать его, и, с той поры как я покинул Англию, первоначальное мое мнение, будто он меня обманул и прежние сообщники уговорили его обокрасть меня, в значительной мере поколебалось.

Роз, успевшая к тому времени собраться с мыслями, тотчас же поведала просто и немногословно обо всем, что случилось с Оливером с той поры, как он вышел из дома мистера Браунлоу, умолчав о сообщении Нэнси, чтобы передать его потом наедине; закончила она свой рассказ уверениями, что единственным огорчением Оливера за последние несколько месяцев была невозможность встретиться с прежним своим благодетелем и другом.

- Слава богу! - воскликнул старый джентльмен.

- Для меня это величайшая радость, величайшая радость!

Но вы мне не сказали, мисс Мэйли, где он сейчас находится?

Простите, если я осмеливаюсь упрекать вас... но почему вы не привезли его с собой?

- Он ждет в карете у двери, - ответила Роз.

- У двери моего дома! - воскликнул старый джентльмен.

Не произнеся больше ни слова, он устремился вон из комнаты, вниз по лестнице, к подножке кареты и вскочил в карету.

Когда дверь комнаты захлопнулась за ним, мистер Гримуиг приподнял голову и, превратив одну из задних ножек стула в ось вращения, трижды, не вставая с места, описал круг, помогая себе тростью и придерживаясь за стол.

Совершив такое упражнение, он встал и, прихрамывая, по крайней мере раз десять прошелся по комнате со всей быстротой, на какую был способен, после чего, внезапно остановившись перед Роз, поцеловал ее без всяких предисловий.

- Тише! - сказал он, когда молодая леди привстала, слегка испуганная этой странной

'Don't be afraid.

I'm old enough to be your grandfather.

You're a sweet girl.

I like you.

Here they are!'

In fact, as he threw himself at one dexterous dive into his former seat, Mr. Brownlow returned, accompanied by Oliver, whom Mr. Grimwig received very graciously; and if the gratification of that moment had been the only reward for all her anxiety and care in Oliver's behalf, Rose Maylie would have been well repaid.

'There is somebody else who should not be forgotten, by the bye,' said Mr. Brownlow, ringing the bell.

'Send Mrs. Bedwin here, if you please.'

The old housekeeper answered the summons with all dispatch; and dropping a curtsy at the door, waited for orders.

'Why, you get blinder every day, Bedwin,' said Mr. Brownlow, rather testily.

'Well, that I do, sir,' replied the old lady.

'People's eyes, at my time of life, don't improve with age, sir.'

'I could have told you that,' rejoined Mr. Brownlow; 'but put on your glasses, and see if you can't find out what you were wanted for, will you?'

The old lady began to rummage in her pocket for her spectacles.

But Oliver's patience was not proof against this new trial; and yielding to his first impulse, he sprang into her arms.

'God be good to me!' cried the old lady, embracing him; 'it is my innocent boy!'

выходкой.

- Не бойтесь.

Я стар и гожусь вам в деды.

Вы славная девушка!

Вы мне нравитесь...

А вот и они!

Действительно, не успел он опуститься на прежнее место, как вернулся мистер Браунлоу в сопровождении Оливера, которого мистер Гримуиг принял очень благосклонно; и если бы эта счастливая минута была единственной наградой за все беспокойство и заботы об Оливере, Роз Мэйли была бы щедро вознаграждена.

- Между прочим, есть еще кое-кто, о ком не следует забывать, - сказал мистер Браунлоу, позвонив; в колокольчик.

- Пожалуйста, пришлите сюда миссис Бэдуин.

Старая экономка тотчас пришла на зов и, сделав у двери реверанс, ждала приказаний.

- Да вы с каждым днем слепнете, Бэдуин, - с легким раздражением сказал мистер Браунлоу.

- И в самом деле слепну, сэр, - отозвалась старая леди.

- В моем возрасте зрение с годами не улучшается, сэр.

- Я бы и сам мог вам это сказать, - заявил мистер Браунлоу, - но наденьте-ка очки да посмотрите... Не догадаетесь ли вы, зачем вас позвали.

Старая леди начала шарить в кармане в поисках очков.

Но терпение Оливера не выдержало этого нового испытания, и, отдаваясь первому порыву, он бросился в ее объятия.

- Господи помилуй! - обнимая его, воскликнула старая леди. - Да ведь это мой невинный мальчик!

'My dear old nurse!' cried Oliver.

'He would come back — I knew he would,' said the old lady, holding him in her arms.

'How well he looks, and how like a gentleman's son he is dressed again!

Where have you been, this long, long while?

Ah! the same sweet face, but not so pale; the same soft eye, but not so sad.

I have never forgotten them or his quiet smile, but have seen them every day, side by side with those of my own dear children, dead and gone since I was a lightsome young creature.'

Running on thus, and now holding Oliver from her to mark how he had grown, now clasping him to her and passing her fingers fondly through his hair, the good soul laughed and wept upon his neck by turns.

Leaving her and Oliver to compare notes at leisure, Mr. Brownlow led the way into another room; and there, heard from Rose a full narration of her interview with Nancy, which occasioned him no little surprise and perplexity.

Rose also explained her reasons for not confiding in her friend Mr. Losberne in the first instance.

The old gentleman considered that she had acted prudently, and readily undertook to hold solemn conference with the worthy doctor himself.

To afford him an early opportunity for the execution of this design, it was arranged that he should call at the hotel at eight o'clock that evening, and that in the meantime Mrs. Maylie should be cautiously informed of all that had occurred.

These preliminaries adjusted, Rose and Oliver returned home.

Rose had by no means overrated the measure of the good doctor's wrath.

Nancy's history was no sooner unfolded to him,

- Милая моя старая няня! - вскричал Оливер.

- Он вернулся - я знала, что он вернется! - воскликнула старая леди, не выпуская его из своих объятий.

- А какой прекрасный у него вид, и снова он одет, как сын джентльмена!

Где же ты был столько времени?

Ах, это все то же милое личико, но не такое бледное, те же кроткие глаза, но не такие печальные!

Никогда я не забывала ни этих глаз, ни его кроткой улыбки, каждый день видела его рядышком с моими милыми родными детками, которые умерли еще в ту пору, когда я была веселой и молодой.

Говоря без умолку и то отстраняя от себя Оливера, чтобы определить, очень ли он вырос, то снова прижимая его к груди и ласково перебирая пальцами его волосы, добрая старушка и смеялась и плакала у него на плече.

Предоставив ей и Оливеру делиться на досуге впечатлениями, мистер Браунлоу увел Роз в другую комнату и там выслушал подробный рассказ о ее свидании с Нэнси, который привел его в немалое изумление и замешательство.

Роз объяснила также, почему она не доверилась прежде всего своему другу, мистеру Лосберну.

Старый джентльмен нашел, что она поступила разумно, и охотно согласился сам открыть торжественное совещание с достойным доктором.

Чтобы поскорее доставить ему возможность привести в исполнение этот план, условились, что он зайдет в гостиницу в восемь часов вечера и что к тому времени осторожно осведомят обо всем происшедшем миссис Мэйли.

Когда эти предварительные меры были обсуждены, Роз с Оливером вернулись домой.

Роз отнюдь не ошиблась, предвидя, как разгневается добрый доктор.

Как только ему поведали историю Нэнси, он

than he poured forth a shower of mingled threats and execrations; threatened to make her the first victim of the combined ingenuity of Messrs. Blathers and Duff; and actually put on his hat preparatory to sallying forth to obtain the assistance of those worthies.

And, doubtless, he would, in this first outbreak, have carried the intention into effect without a moment's consideration of the consequences, if he had not been restrained, in part, by corresponding violence on the side of Mr. Brownlow, who was himself of an irascible temperament, and partly by such arguments and representations as seemed best calculated to dissuade him from his hotbrained purpose.

'Then what the devil is to be done?' said the impetuous doctor, when they had rejoined the two ladies.

'Are we to pass a vote of thanks to all these vagabonds, male and female, and beg them to accept a hundred pounds, or so, apiece, as a trifling mark of our esteem, and some slight acknowledgment of their kindness to Oliver?'

'Not exactly that,' rejoined Mr. Brownlow, laughing; 'but we must proceed gently and with great care.'

'Gentleness and care,' exclaimed the doctor.

'I'd send them one and all to — '

'Never mind where,' interposed Mr. Brownlow.

'But reflect whether sending them anywhere is likely to attain the object we have in view.'

'What object?' asked the doctor.

'Simply, the discovery of Oliver's parentage, and regaining for him the inheritance of which, if this story be true, he has been fraudulently deprived.'

'Ah!' said Mr. Losberne, cooling himself with his pocket-handkerchief;

'I almost forgot that.'

'You see,' pursued Mr. Brownlow; 'placing this poor girl entirely out of the question, and

разразился градом угроз и проклятий, грозил сделать ее первой жертвой хитроумия мистеров Блетерса и Даффа и даже надел шляпу, собираясь отправиться за помощью к этим достойным особам.

Несомненно, в припадке ярости он осуществил бы свое намерение, ни на секунду не задумываясь о последствиях, если бы его не сдержала вспыльчивость мистера Браунлоу, который и сам отличался горячим нравом, а также те доводы и возражения, какие казались наиболее подходящими, чтобы отговорить его от опрометчивого шага.

- Черт возьми, что же в таком случае делать? - спросил неугомонный доктор, когда они вернулись к обеим леди.

- Не должны ли мы изъяснить благодарность всем этим бродягам мужского и женского пола и обратиться к ним с просьбой принять примерно по сотне фунтов на каждого как скромный знак нашего уважения и признательности за их доброту к Оливеру?

- Не совсем так, - со смехом возразил мистер Браунлоу, - но мы должны действовать осторожно и с величайшей осмотрительностью.

- Осторожность и осмотрительность! - воскликнул доктор.

- Я бы их всех до единого послал к...

- Неважно куда! - перебил мистер Браунлоу.

- Но рассудите: можем ли мы достигнуть цели, если пошлем их куда бы то ни было?

- Какой цели? - спросил доктор.

- Узнать о происхождении Оливера и вернуть ему наследство, которого, если этот рассказ правдив, его лишили мошенническим путем.

- Вот что! - сказал мистер Лосберн, обмахиваясь носовым платком.

- Я об этом почти забыл.

- Видите ли, - продолжал мистер Браунлоу, - если даже оставить в стороне эту бедную

supposing it were possible to bring these scoundrels to justice without compromising her safety, what good should we bring about?'

'Hanging a few of them at least, in all probability,' suggested the doctor, 'and transporting the rest.'

'Very good,' replied Mr. Brownlow, smiling; 'but no doubt they will bring that about for themselves in the fulness of time, and if we step in to forestall them, it seems to me that we shall be performing a very Quixotic act, in direct opposition to our own interest — or at least to Oliver's, which is the same thing.'

'How?' inquired the doctor.

'Thus.

It is quite clear that we shall have extreme difficulty in getting to the bottom of this mystery, unless we can bring this man, Monks, upon his knees.

That can only be done by stratagem, and by catching him when he is not surrounded by these people.

For, suppose he were apprehended, we have no proof against him.

He is not even (so far as we know, or as the facts appear to us) concerned with the gang in any of their robberies.

If he were not discharged, it is very unlikely that he could receive any further punishment than being committed to prison as a rogue and vagabond; and of course ever afterwards his mouth would be so obstinately closed that he might as well, for our purposes, be deaf, dumb, blind, and an idiot.'

'Then,' said the doctor impetuously, 'I put it to you again, whether you think it reasonable that this promise to the girl should be considered binding; a promise made with the best and kindest intentions, but really — '

'Do not discuss the point, my dear young lady, pray,' said Mr. Brownlow, interrupting Rose as she was about to speak.

девушку и предположить, что возможно предать негодяев суду, не подвергая ее опасности, чего бы мы этим добились?

- По крайней мере нескольких повесили бы, - заметил доктор, - а остальных сослали.

- Прекрасно! - с улыбкой отозвался мистер Браунлоу. - Но нет никаких сомнений, что в свое время они сами до этого дойдут, а если мы вмешаемся и предупредим их, то, кажется мне, мы совершим весьма донкихотский поступок, явно противоречащий нашим интересам или во всяком случае интересам Оливера, что одно и то же.

- Каким образом? - спросил доктор.

- А вот каким.

Совершенно ясно, что мы столкнемся с чрезвычайными трудностями, пытаюсь проникнуть в тайну, если нам не удастся поставить на колени этого человека - Монкса.

Этого можно добиться только хитростью, захватив его в тот момент, когда он не окружен своими сообщниками.

Если допустить, что его арестуют, - у нас нет против него никаких улик.

Он даже не участвовал с этой шайкой (поскольку нам известны или поскольку мы представляем себе обстоятельства дела) ни в одном из грабежей.

Даже если его не оправдают, то самое большее, его приговорят к тюремному заключению за мошенничество и бродяжничество; разумеется, после этого он будет навсегда потерян для нас, и от него добьешься не больше, чем от какого-нибудь идиота, да к тому же еще глухого, немого и слепого.

- В таком случае, - с жаром заговорил доктор, - я спрашиваю вас снова: полагаете ли вы, что мы связаны обещанием, которое дали девушке? Обещание было дано с самыми лучшими и добрыми намерениями, но, право же...

- Прошу вас, не бойтесь, милая моя молодая леди, - сказал мистер Браунлоу, перебивая Роз, которая хотела заговорить.

'The promise shall be kept.

I don't think it will, in the slightest degree, interfere with our proceedings.

But, before we can resolve upon any precise course of action, it will be necessary to see the girl; to ascertain from her whether she will point out this Monks, on the understanding that he is to be dealt with by us, and not by the law; or, if she will not, or cannot do that, to procure from her such an account of his haunts and description of his person, as will enable us to identify him.

She cannot be seen until next Sunday night; this is Tuesday.

I would suggest that in the meantime, we remain perfectly quiet, and keep these matters secret even from Oliver himself.'

Although Mr. Losberne received with many wry faces a proposal involving a delay of five whole days, he was fain to admit that no better course occurred to him just then; and as both Rose and Mrs. Maylie sided very strongly with Mr. Brownlow, that gentleman's proposition was carried unanimously.

'I should like,' he said, 'to call in the aid of my friend Grimwig.

He is a strange creature, but a shrewd one, and might prove of material assistance to us; I should say that he was bred a lawyer, and quitted the Bar in disgust because he had only one brief and a motion of course, in twenty years, though whether that is recommendation or not, you must determine for yourselves.'

'I have no objection to your calling in your friend if I may call in mine,' said the doctor.

'We must put it to the vote,' replied Mr. Brownlow, 'who may he be?'

'That lady's son, and this young lady's — very old friend,' said the doctor, motioning towards Mrs. Maylie, and concluding with an expressive glance at her niece.

- Обещание не будет нарушено.

Не думаю, чтобы оно явилось хотя бы ничтожной помехой в наших делах.

Но прежде чем мы остановимся на каком-нибудь определенном образе действий, необходимо повидать девушку и узнать от нее, укажет ли она этого Монкса при условии, что он будет иметь дело с нами, а не с правосудием. Если же она либо не хочет, либо не может это сделать, то надо добиться, чтобы она указала, какие притоны он посещает, и описала его особу, а мы могли бы его опознать.

С нею нельзя увидеться раньше, чем в воскресенье вечером, а сегодня вторник.

Я бы посоветовал успокоиться и хранить это дело в тайне даже от самого Оливера.

Хотя мистер Лосберн скроил немало кислых гримас при этом предложении, требующем отсрочки на целых пять дней, ему поневоле пришлось признать, что в данный момент он не может придумать лучшего плана, а так как и Роз и миссис Мэйли весьма решительно поддержали мистера Браунлоу, то предложение этого джентльмена было принято единогласно.

- Мне бы хотелось, - сказал он, - обратиться за со действием к моему другу Гримуигу.

Он человек странный, но проницательный и может оказать нам существенную помощь; должен сказать, что он получил юридическое образование и с отвращением отказался от адвокатской деятельности, так как за двадцать лет ему было поручено ведение одного только дела, а служит ли это ему рекомендацией или нет - решайте сами.

- Я не возражаю против того, чтобы вы обратились к вашему другу, если мне позволят обратиться к моему, - сказал доктор.

- Мы должны решить это большинством голосов, - ответил мистер Браунлоу. - Кто он?

- Сын этой леди... старый друг этой молодой леди, - сказал доктор, указав на миссис Мэйли, а затем бросив выразительный взгляд на ее племянницу.

Rose blushed deeply, but she did not make any audible objection to this motion (possibly she felt in a hopeless minority); and Harry Maylie and Mr. Grimwig were accordingly added to the committee.

'We stay in town, of course,' said Mrs. Maylie, 'while there remains the slightest prospect of prosecuting this inquiry with a chance of success.'

I will spare neither trouble nor expense in behalf of the object in which we are all so deeply interested, and I am content to remain here, if it be for twelve months, so long as you assure me that any hope remains.'

'Good!' rejoined Mr. Brownlow.

'And as I see on the faces about me, a disposition to inquire how it happened that I was not in the way to corroborate Oliver's tale, and had so suddenly left the kingdom, let me stipulate that I shall be asked no questions until such time as I may deem it expedient to forestall them by telling my own story.'

Believe me, I make this request with good reason, for I might otherwise excite hopes destined never to be realised, and only increase difficulties and disappointments already quite numerous enough.

Come!

Supper has been announced, and young Oliver, who is all alone in the next room, will have begun to think, by this time, that we have wearied of his company, and entered into some dark conspiracy to thrust him forth upon the world.'

With these words, the old gentleman gave his hand to Mrs. Maylie, and escorted her into the supper-room.

Mr. Losberne followed, leading Rose; and the council was, for the present, effectually broken up.

CHAPTER XLII — AN OLD ACQUAINTANCE OF OLIVER'S, EXHIBITING DECIDED MARKS OF GENIUS, BECOMES A PUBLIC

Роз густо покраснела, но ничего не возразила против этого предложения (быть может, она понимала, что неизбежно останется в меньшинстве), и в результате Гарри Мэйли и мистер Гримуиг вошли в комитет.

- Разумеется, - сказала миссис Мэйли, - мы останемся в городе, пока есть хоть малейшая надежда на успешное продолжение этого расследования.

Я не остановлюсь ни перед хлопотами, ни перед расходами ради той цели, которая так сильно интересуется нас всех, и я готова жить здесь хоть целый год, если вы заверите меня, что надежда еще не потеряна.

- Прекрасно! - подхватил мистер Браунлоу.

- А так как по выражению лиц, меня окружающих, я угадываю желание спросить, как это случилось, что меня не оказалось на месте, чтобы подтвердить рассказ Оливера, и я так внезапно покинул страну, то разрешите поставить условие: мне не будут задавать никаких вопросов, пока я не сочту целесообразным предупредить их, рассказав мою собственную историю.

Поверьте, у меня есть веские основания для такой просьбы, ибо иначе я могу породить несбыточные надежды и только умножить трудности и разочарования, и без того уже достаточно многочисленные.

Пойдемте!

Об ужине уже докладывали, а юный Оливер, который сидит один-одинешенек в соседней комнате, чего доброго подумает, что нам надоело его общество и мы составили какой-то черный заговор, чтобы отделаться от него.

С этими словами старый джентльмен подал руку миссис Мэйли и повел ее в столовую.

Мистер Лосберн, ведя Роз, последовал за ним, и заседание было закрыто.

ГЛАВА XLII — Старый знакомый Оливера обнаруживает явные признаки гениальности и становится видным

CHARACTER IN THE METROPOLIS

Upon the night when Nancy, having lulled Mr. Sikes to sleep, hurried on her self-imposed mission to Rose Maylie, there advanced towards London, by the Great North Road, two persons, upon whom it is expedient that this history should bestow some attention.

They were a man and woman; or perhaps they would be better described as a male and female: for the former was one of those long-limbed, knock-kneed, shambling, bony people, to whom it is difficult to assign any precise age, — looking as they do, when they are yet boys, like undergrown men, and when they are almost men, like overgrown boys.

The woman was young, but of a robust and hardy make, as she need have been to bear the weight of the heavy bundle which was strapped to her back.

Her companion was not encumbered with much luggage, as there merely dangled from a stick which he carried over his shoulder, a small parcel wrapped in a common handkerchief, and apparently light enough.

This circumstance, added to the length of his legs, which were of unusual extent, enabled him with much ease to keep some half-dozen paces in advance of his companion, to whom he occasionally turned with an impatient jerk of the head: as if reproaching her tardiness, and urging her to greater exertion.

Thus, they had toiled along the dusty road, taking little heed of any object within sight, save when they stepped aside to allow a wider passage for the mail-coaches which were whirling out of town, until they passed through Highgate archway; when the foremost traveller stopped and called impatiently to his companion,

'Come on, can't yer?

What a lazybones yer are, Charlotte.'

'It's a heavy load, I can tell you,' said the female,

дейтелем в столице

В тот вечер, когда Нэнси, усыпив мистера Сайкса, Спешила к Роз Мэйли исполнить миссию, ею самой на себя возложенную, по Большой северной дороге приближались к Лондону два человека, которым следует уделить некоторое внимание в нашем повествовании.

Это были мужчина и женщина - или, может быть, вернее назвать их существом мужского и существом женского пола, ибо первый был одним из тех долговязых, кривоногих, расхлябанных, костлявых людей, чей возраст трудно установить с точностью: мальчиками они похожи на недоростков, а став мужчинами, напоминают мальчиков-переростков.

Женщина была молода, но крепкого телосложения и вынослива, в чем она и нуждалась, чтобы выдержать тяжесть большого узла, привязанного у нее за спиной.

Ее спутник не был обременен поклажей, так как на палке, которую он перекинул через плечо, болтался только маленький сверток, по-видимому довольно легкий, увязанный в носовой платок.

Это обстоятельство, а также его ноги, отличавшиеся необыкновенной длиной, помогали ему без особых усилий держаться на несколько шагов впереди спутницы, к которой он иногда поворачивался, нетерпеливо встряхивая головой, слезно упрекая ее за медлительность и побуждая приложить больше усердия.

Так плелись они по пыльной дороге, обращая внимание на окружающие их предметы лишь тогда, когда им приходилось отступать к обочине, чтобы пропустить мчавшиеся из города почтовые кареты; когда же они прошли под Хайгетской аркой, путешественник, шагавший впереди, остановился и нетерпеливо окликнул свою спутницу:

- Иди же! Не можешь, что ли?

Ну и лентяйка же ты, Шарлотт!

- Ноша у меня тяжелая, уверяю тебя, - подходя

coming up, almost breathless with fatigue.

'Heavy!

What are yer talking about?

What are yer made for?' rejoined the male traveller, changing his own little bundle as he spoke, to the other shoulder.

'Oh, there yer are, resting again!

Well, if yer ain't enough to tire anybody's patience out, I don't know what is!'

'Is it much farther?' asked the woman, resting herself against a bank, and looking up with the perspiration streaming from her face.

'Much farther!

Yer as good as there,' said the long-legged tramper, pointing out before him.

'Look there!

Those are the lights of London.'

'They're a good two mile off, at least,' said the woman despondingly.

'Never mind whether they're two mile off, or twenty,' said Noah Claypole; for he it was; 'but get up and come on, or I'll kick yer, and so I give yer notice.'

As Noah's red nose grew redder with anger, and as he crossed the road while speaking, as if fully prepared to put his threat into execution, the woman rose without any further remark, and trudged onward by his side.

'Where do you mean to stop for the night, Noah?' she asked, after they had walked a few hundred yards.

'How should I know?' replied Noah, whose temper had been considerably impaired by walking.

'Near, I hope,' said Charlotte.

'No, not near,' replied Mr. Claypole.

к нему, сказала женщина, чуть дышавшая от усталости.

- Тяжелая!

Что ты болтаешь?

А для чего же ты создана? - отозвался мужчина, перекладывая при этом свой собственный узелок на другое плечо.

- Ну вот, опять решила отдохнуть!

Право, не знаю, кто, кроме тебя, умеет так выводить из терпения!

- Далеко еще? - спросила женщина, прислонившись к насыпи и взглянув на него; пот струился у нее по лицу.

- Далеко!

Да мы, можно сказать, пришли, - сказал длинноногий путник, указывая вперед.

- Смотри!

Вон огни Лондона.

- До них добрых две мили - по меньшей мере, - уныло отозвалась женщина.

- Нечего и думать о том, две мили или двадцать, - сказал Ноэ Клейпол, ибо это был он. - Вставай-ка да иди, не то я тебя пихну ногой, предупреждаю заранее!

Так как нос Ноэ от гнева еще сильнее покраснел и он с этими словами перешел через дорогу, словно готовясь привести угрозу в исполнение, женщина без дальнейших рассуждений встала и побрела рядом с ним.

- Где ты хочешь остановиться на ночь, Ноэ? - спросила она, когда они прошли еще несколько сот ярдов.

- Откуда мне знать, - огрызнулся Ноэ, расположение духа которого значительно ухудшилось от ходьбы.

- Надеюсь, где-нибудь поблизости, - сказала Шарлотт.

- Нет, не поблизости, - ответил мистер Клейпол.

'There!

Not near; so don't think it.'

'Why not?'

'When I tell yer that I don't mean to do a thing, that's enough, without any why or because either,' replied Mr. Claypole with dignity.

'Well, you needn't be so cross,' said his companion.

'A pretty thing it would be, wouldn't it to go and stop at the very first public-house outside the town, so that Sowerberry, if he come up after us, might poke in his old nose, and have us taken back in a cart with handcuffs on,' said Mr. Claypole in a jeering tone.

'No!

I shall go and lose myself among the narrowest streets I can find, and not stop till we come to the very out-of-the-wayest house I can set eyes on.

'Cod, yer may thanks yer stars I've got a head; for if we hadn't gone, at first, the wrong road a purpose, and come back across country, yer'd have been locked up hard and fast a week ago, my lady.

And serve yer right for being a fool.'

'I know I ain't as cunning as you are,' replied Charlotte; 'but don't put all the blame on me, and say I should have been locked up.

You would have been if I had been, any way.'

'Yer took the money from the till, yer know yer did,' said Mr. Claypole.

'I took it for you, Noah, dear,' rejoined Charlotte.

'Did I keep it?' asked Mr. Claypole.

'No; you trusted in me, and let me carry it like a dear, and so you are,' said the lady, chucking him

- Слышишь? Не поблизости.

Значит, нечего и думать об этом.

- Почему не поблизости?

- Когда я говорю тебе, что не намерен что-либо делать, этого достаточно без всяких почему и потому, - с достоинством ответил мистер Клейпол.

- Зачем так сердиться? - сказала его спутница.

- Хорошенькое было бы дело, если б мы остановились в каком-нибудь трактире близ самого города, чтобы Сауербери, если он пустился за нами в погоню, сунул туда свой старый нос, надел на нас наручники и отвез нас обратно в повозке, - насмешливым тоном сказал мистер Клейпол.

- Нет!

Я уйду и затеряюсь в самых узких улицах, какие только удастся найти, и до тех пор не остановлюсь, пока не сыщу самый жалкий трактир из всех, какие нам попадаются по дороге.

Благовари свою счастливую звезду за то, что у меня есть голова на плечах: если бы я не схитрил и не пошел по другой дороге и не вернулся мы через поля, вы, сударыня, уже неделю как сидели бы под крепким замком!

И поделом тебе было бы, потому что ты дура!

- Я знаю, что я не такая смышленная, как ты, - ответила Шарлотт, - но не сваливай всю вину на меня и не говори, что меня посадили бы под замок.

Случись это со мной, тебя бы, конечно, тоже посадили.

- Ты взяла деньги из кассы, сама знаешь, что ты, - сказал мистер Клейпол.

- Я их взяла для тебя, милый Ноэ, - возразила Шарлотт.

- А я их у себя оставил? - спросил мистер Клейпол.

- Нет. Ты доверился мне и позволил их нести, потому что ты милый и славный, - сказала леди,

under the chin, and drawing her arm through his.

This was indeed the case; but as it was not Mr. Claypole's habit to repose a blind and foolish confidence in anybody, it should be observed, in justice to that gentleman, that he had trusted Charlotte to this extent, in order that, if they were pursued, the money might be found on her: which would leave him an opportunity of asserting his innocence of any theft, and would greatly facilitate his chances of escape.

Of course, he entered at this juncture, into no explanation of his motives, and they walked on very lovingly together.

In pursuance of this cautious plan, Mr. Claypole went on, without halting, until he arrived at the Angel at Islington, where he wisely judged, from the crowd of passengers and numbers of vehicles, that London began in earnest.

Just pausing to observe which appeared the most crowded streets, and consequently the most to be avoided, he crossed into Saint John's Road, and was soon deep in the obscurity of the intricate and dirty ways, which, lying between Gray's Inn Lane and Smithfield, render that part of the town one of the lowest and worst that improvement has left in the midst of London.

Through these streets, Noah Claypole walked, dragging Charlotte after him; now stepping into the kennel to embrace at a glance the whole external character of some small public-house; now jogging on again, as some fancied appearance induced him to believe it too public for his purpose.

At length, he stopped in front of one, more humble in appearance and more dirty than any he had yet seen; and, having crossed over and surveyed it from the opposite pavement, graciously announced his intention of putting up there, for the night.

'So give us the bundle,' said Noah, unstrapping it from the woman's shoulders, and slinging it over his own; 'and don't yer speak, except when yer

потрепан его по подбородку и взяв под руку.

Это соответствовало действительности, но так как у мистера Клейпола не было привычки слепо и безрассудно дарить кому бы то ни было свое доверие, то, воздавая должное этому джентльмену, следует заметить, что он доверился Шарлотт только для того, чтобы деньги были найдены у нее, если их поймают: это дало бы ему возможность заявить о своей непричастности к краже и весьма благоприятствовало его надежде ускользнуть.

Конечно, при таком положении дел он не стал объяснять своих мотивов, и они очень мирно пошли дальше рядом.

Следуя своему, благоразумному плану, мистер Клейпол шел, не останавливаясь, пока не добрался до "Ангела" в Излингтоне, где он пришел к мудрому заключению, что, судя по толпе прохожих и количеству экипажей, здесь и в самом деле начинается Лондон.

Задержавшись только для того, чтобы посмотреть, какие улицы самые людные и каких, стало быть, надлежит особенно избегать, он свернул на Сент-Джон-роуд и вскоре углубился во мрак запутанных и грязных переулков между Грейс-Инн-лейном и Смитфилдом, благодаря которым эта часть города кажется одной из самых жалких и отвратительных, хоть она находится в центре Лондона и подверглась большой перестройке.

Этими улицами шел Ноэ Клейпол, таща за собой Шарлотт; время от времени он сходил на мостовую, чтобы окинуть глазом какой-нибудь трактирчик, и снова шел дальше, если наружный вид заведения заставлял думать, что здесь для него слишкомлюдно.

Наконец, он остановился перед одним, на вид более жалким и грязным, чем все замеченные им раньше, перешел дорогу и, обзрев его с противоположного тротуара, милостиво объявил о своем намерении пристроиться здесь на ночь.

- Давай-ка узел, - сказал Ноэ, отстегивая ремни, укреплявшие его на плечах женщины, и взваливая его себе на плечи, - и не говори ни

spoke to.

What's the name of the house — t-h-r — three what?'

'Cripples,' said Charlotte.

'Three Cripples,' repeated Noah, 'and a very good sign too.'

Now, then!

Keep close at my heels, and come along.'

With these injunctions, he pushed the rattling door with his shoulder, and entered the house, followed by his companion.

There was nobody in the bar but a young Jew, who, with his two elbows on the counter, was reading a dirty newspaper.

He stared very hard at Noah, and Noah stared very hard at him.

If Noah had been attired in his charity-boy's dress, there might have been some reason for the Jew opening his eyes so wide; but as he had discarded the coat and badge, and wore a short smock-frock over his leathers, there seemed no particular reason for his appearance exciting so much attention in a public-house.

'Is this the Three Cripples?' asked Noah.

'That is the dabe of this 'ouse,' replied the Jew.

'A gentleman we met on the road, coming up from the country, recommended us here,' said Noah, nudging Charlotte, perhaps to call her attention to this most ingenious device for attracting respect, and perhaps to warn her to betray no surprise.

'We want to sleep here to-night.'

'T'b dot certaid you cad,' said Barney, who was the attendant sprite; 'but I'll idquire.'

'Show us the tap, and give us a bit of cold meat and a drop of beer while yer inquiring, will yer?'

слова, пока с тобой не заговорят.

Как называется это заведение... т-р... трое кого?

- Калек, - сказала Шарлотт.

- Трое калек, - повторил Ноэ. - Ну что ж, прекрасная вывеска.

Вперед!

Не отставай от меня ни на шаг. Идем!

Сделав такое внушение, он толкнул плечом скрипучую дверь и вошел в дом вместе со своей спутницей.

В буфетной никого не было, кроме молодого еврея, который, опершись обоими локтями о стойку, читал грязную газету.

Он очень пристально посмотрел на Ноэ, а Ноэ очень пристально посмотрел на него.

Будь Ноэ в костюме приютского мальчика, у еврея могло быть какое-то основание так широко раскрывать глаза; но так как Ноэ отделался от куртки и значка и в дополнение к кожаным штанам надел короткую рабочую блузу, то, казалось, не было особых причин для того, чтобы внешний его вид привлекал к себе внимание посетителей трактира.

- Это "Трое калек?" - спросил Ноэ.

- Так называется это заведение, - ответил еврей.

- Один джентльмен, шедший из деревни, которого мы повстречали по дороге, посоветовал нам зайти сюда, - сказал Ноэ, подталкивая локтем Шарлотт, быть может, с целью обратить ее внимание на этот чрезвычайно хитроумный способ вызвать к себе уважение, а может быть, предостерегая ее, чтобы она не выдала своего изумления.

- Мы хотим здесь переночевать.

- Насчет этого я не знаю, - сказал Барни, который был помощником трактирщика. - Пойду справлюсь.

- Проводите нас в другую комнату и дайте холодной говядины и пива, пока будете ходить

said Noah.

Barney complied by ushering them into a small back-room, and setting the required viands before them; having done which, he informed the travellers that they could be lodged that night, and left the amiable couple to their refreshment.

Now, this back-room was immediately behind the bar, and some steps lower, so that any person connected with the house, undrawing a small curtain which concealed a single pane of glass fixed in the wall of the last-named apartment, about five feet from its flooring, could not only look down upon any guests in the back-room without any great hazard of being observed (the glass being in a dark angle of the wall, between which and a large upright beam the observer had to thrust himself), but could, by applying his ear to the partition, ascertain with tolerable distinctness, their subject of conversation.

The landlord of the house had not withdrawn his eye from this place of espial for five minutes, and Barney had only just returned from making the communication above related, when Fagin, in the course of his evening's business, came into the bar to inquire after some of his young pupils.

'Hush!' said Barney: 'stradegers id the next roob.'

'Strangers!' repeated the old man in a whisper.

'Ah!

Ad rub uds too,' added Barney.

'Frob the cuttry, but subthig in your way, or I'b bistaked.'

Fagin appeared to receive this communication with great interest.

Mounting a stool, he cautiously applied his eye to the pane of glass, from which secret post he could see Mr. Claypole taking cold beef from the dish, and porter from the pot, and administering homeopathic doses of both to Charlotte, who sat patiently by, eating and drinking at his pleasure.

справляться, - сказал Ноэ.

Барни повиновался - повел их в маленькую заднюю комнатку и поставил перед ними заказанную снедь; покончив с этим, он уведомил путешественников, что они могут устроиться здесь на ночлег, и ушел, предоставив любезной парочке подкрепляться.

Эта задняя комната находилась как раз за буфетной и была расположена на несколько ступенек ниже, так что любой, кто был своим в заведении, отдернув занавеску, скрывавшую маленькое оконце в стене упомянутого помещения, на расстоянии примерно пяти футов от пола, мог не только видеть гостей в задней комнате, не подвергая себя серьезной опасности быть замеченным (оконце было в углу, между стеной и толстой вертикальной балкой, и здесь должен был поместиться наблюдатель), но и, прижавшись ухом к перегородке, установить в достаточной мере точно предмет их разговора.

Хозяин Заведения минут пять не отрывал глаз от потайного окна, а Барни, передав упомянутое выше сообщение, только что вернулся, когда Феджин заглянул в бар справиться о своих юных учениках.

- Тссс... - зашептал Барни. - В соседней комнате чужие.

- Чужие? - шепотом повторил старик.

- Да.

И чудная пара, - добавил Барни.

- Из провинции, но, если не ошибаюсь, вам по вкусу.

Казалось, Феджин выслушал это сообщение с большим интересом.

Взобравшись на табурет, он осторожно прижался глазом к стеклу и из своего укромного местечка мог видеть, как мистер Клейпол брал холодную говядину с блюда, пил пиво из кружки и выдавал гомеопатические дозы того и другого Шарлотт, которая сидела рядом и покорно то пила, то ела.

'Aha!' he whispered, looking round to Barney,

'I like that fellow's looks.

He'd be of use to us; he knows how to train the girl already.

Don't make as much noise as a mouse, my dear, and let me hear 'em talk — let me hear 'em.'

He again applied his eye to the glass, and turning his ear to the partition, listened attentively: with a subtle and eager look upon his face, that might have appertained to some old goblin.

'So I mean to be a gentleman,' said Mr. Claypole, kicking out his legs, and continuing a conversation, the commencement of which Fagin had arrived too late to hear.

'No more jolly old coffins, Charlotte, but a gentleman's life for me: and, if yer like, yer shall be a lady.'

'I should like that well enough, dear,' replied Charlotte; 'but tills ain't to be emptied every day, and people to get clear off after it.'

'Tills be blowed!' said Mr. Claypole; 'there's more things besides tills to be emptied.'

'What do you mean?' asked his companion.

'Pockets, women's ridicules, houses, mail-coaches, banks!' said Mr. Claypole, rising with the porter.

'But you can't do all that, dear,' said Charlotte.

'I shall look out to get into company with them as can,' replied Noah.

'They'll be able to make us useful some way or another.

Why, you yourself are worth fifty women; I never see such a precious sly and deceitful creetur as yer can be when I let yer.'

'Lor, how nice it is to hear yer say so!' exclaimed Charlotte, imprinting a kiss upon his ugly face.

- Эге, - прошептал Феджин, поворачиваясь к Барни.

- Мне нравится этот парень.

Он может нам пригодиться. Он уже знает, как дрессировать девушку.

Притаитесь, как мышь, мой милый, и дайте мне послушать, о чем они говорят, дайте мне их послушать.

Он снова приблизил лицо к стеклу и, прижавшись ухом к перегородке, стал внимательно слушать с такой хитрой миной, которая была бы под стать какому-нибудь старому злому черту.

- Так вот: я хочу сделаться джентльменом, - сказал мистер Клейпол, вытягивая ноги и продолжая разговор, к началу которого Феджин опоздал.

- Хватит с меня проклятых старых гробов, Шарлотт. Я желаю жить как джентльмен, а ты, если хочешь, будешь леди.

- Я бы очень хотела, дорогой! - отозвалась Шарлотт. - Но не каждый день можно очищать кассы, и после этого удирать.

- К черту кассы! - сказал мистер Клейпол. - И кроме касс есть что очищать.

- А что у тебя на уме? - спросила его спутница.

- Карманы, женские ридикюли, дома, почтовые кареты, банки, - сказал мистер Клейпол, воодушевляясь под влиянием пива.

- Но ты не сумеешь делать все это, дорогой мой, - сказала Шарлотт.

- Я постараюсь войти в компанию с теми, которые умеют, - ответил Ноз.

- Они-то помогут нам стать на ноги.

Да ведь ты одна стоишь пятидесяти женщин; никогда еще я не видывал такого хитрого и коварного создания, как ты, когда я тебе позволяю.

- Ах, боже мой, как приятно слышать это от тебя! - воскликнула Шарлотт, запечатлев

'There, that'll do: don't yer be too affectionate, in case I'm cross with yer,' said Noah, disengaging himself with great gravity.

'I should like to be the captain of some band, and have the whopping of 'em, and follering 'em about, unbeknown to themselves.

That would suit me, if there was good profit; and if we could only get in with some gentleman of this sort, I say it would be cheap at that twenty-pound note you've got, — especially as we don't very well know how to get rid of it ourselves.'

After expressing this opinion, Mr. Claypole looked into the porter-pot with an aspect of deep wisdom; and having well shaken its contents, nodded condescendingly to Charlotte, and took a draught, wherewith he appeared greatly refreshed.

He was meditating another, when the sudden opening of the door, and the appearance of a stranger, interrupted him.

The stranger was Mr. Fagin.

And very amiable he looked, and a very low bow he made, as he advanced, and setting himself down at the nearest table, ordered something to drink of the grinning Barney.

'A pleasant night, sir, but cool for the time of year,' said Fagin, rubbing his hands. 'From the country, I see, sir?'

'How do yer see that?' asked Noah Claypole.

'We have not so much dust as that in London,' replied Fagin, pointing from Noah's shoes to those of his companion, and from them to the two bundles.

'Yer a sharp feller,' said Noah.

'Ha! ha! only hear that, Charlotte!'

'Why, one need be sharp in this town, my dear,' replied the Jew, sinking his voice to a confidential whisper; 'and that's the truth.'

Fagin followed up this remark by striking the side

поцелуй на его безобразном лице.

- Ну, хватит! Нечего чересчур нежничать, а не то я рассержусь! - важно сказал Ноэ, отстраняясь от нее.

>- Я бы хотел быть главарем какой-нибудь — шайки, держать людей в руках и шпионить за ними так, чтобы они сами этого не знали.

Вот это бы мне подошло, если барыш хорош. И если бы только нам связаться с какими-нибудь джентльменами этой породы, я бы сказал, что двадцатифунтовый билет, который у тебя спрятан, недорогая плата, тем более что мы-то сами толком не знаем, как от него отделаться.

Высказав такое пожелание, мистер Клейпол с видом великого мудреца заглянул в пивную кружку и, хорошенько взболтав ее содержимое, хлебнул пива, что, повидимому, очень его освежило.

Он подумывал, не хлебнуть ли еще раз, но дверь внезапно распахнулась, и появление незнакомца ему помешало.

Незнакомец был мистер Феджин.

И казался он очень любезным; он отвесил низкий поклон, когда подошел, и, присев за ближайший столик, приказал ухмыльнувшемуся Барни подать чего-нибудь выпить.

- Приятный вечер, сэр, но холодный для этой поры года, - сказал Феджин, потирая руки, - Из провинции, как вижу, сэр?

- Как вы это угадали? - спросил Ноэ Клейпол.

- У нас, в Лондоне, нет такой пыли, - ответил Феджин, указывая на башмаки Ноэ, затем на башмаки его спутницы и, наконец, на два узла.

- Вы человек смысленный, - сказал Ноэ.

- Ха-ха!.. Ты послушай только, Шарлотт!

- Эх, милый мой, в этом городе приходится быть смысленным, - отозвался еврей, понизив голос до доверительного шепота. - Что правда, то правда.

Феджин подкрепил это замечание, постукав

of his nose with his right forefinger, — a gesture which Noah attempted to imitate, though not with complete success, in consequence of his own nose not being large enough for the purpose.

However, Mr. Fagin seemed to interpret the endeavour as expressing a perfect coincidence with his opinion, and put about the liquor which Barney reappeared with, in a very friendly manner.

'Good stuff that,' observed Mr. Claypole, smacking his lips.

'Dear!' said Fagin. 'A man need be always emptying a till, or a pocket, or a woman's reticule, or a house, or a mail-coach, or a bank, if he drinks it regularly.'

Mr. Claypole no sooner heard this extract from his own remarks than he fell back in his chair, and looked from the Jew to Charlotte with a countenance of ashy paleness and excessive terror.

'Don't mind me, my dear,' said Fagin, drawing his chair closer.

'Ha! ha! it was lucky it was only me that heard you by chance.

It was very lucky it was only me.'

'I didn't take it,' stammered Noah, no longer stretching out his legs like an independent gentleman, but coiling them up as well as he could under his chair; 'it was all her doing; yer've got it now, Charlotte, yer know yer have.'

'No matter who's got it, or who did it, my dear,' replied Fagin, glancing, nevertheless, with a hawk's eye at the girl and the two bundles.

'I'm in that way myself, and I like you for it.'

'In what way?' asked Mr. Claypole, a little recovering.

'In that way of business,' rejoined Fagin; 'and so are the people of the house.

You've hit the right nail upon the head, and are as safe here as you could be.

себя сбоку по носу указательным пальцем - жест, который Ноэ попробовал воспроизвести, хотя и не особенно успешно, ибо его собственный нос был для этого слишком мал.

Тем не менее мистер Феджин, казалось, истолковал его попытку как выражение полного согласия с высказанным мнением и весьма дружески угостил его вином, которое принес вновь появившийся Барни.

- Славная штука! - заметил мистер Клейпол, причмокивая губами.

- Мой милый, - сказал Феджин, - приходится очищать кассу, или карман, или женский ридикюль, или дом, или почтовую карету, или банк, если пьешь регулярно.

Услыхав эту выдержку из своих собственных речей, мистер Клейпол откинулся на спинку стула и с испуганной физиономией перевел взгляд с еврея на Шарлотт.

- Не обращайтесь на меня внимания, мой милый, - сказал Феджин, придвигая свой стул.

- Ха-ха! Вам повезло, что вас слышал только я.

Очень удачно вышло, что это был только я.

- Я их не брал, - заикаясь, выговорил Ноэ; он уже не вытягивал ног, как подобало независимому джентльмену, а подбирал их старательно под стул, - это все ее рук дело... Они у тебя сейчас, Шарлотт, ты же знаешь, что у тебя!

- Не важно, у кого они и кто это сделал, мой милый, - отозвался Феджин, бросив, однако, хищный взгляд на девушку и на два узла.

- Я сам этим промышляю, поэтому вы мне нравитесь.

- Чем промышляете? - спросил мистер Клейпол, слегка оправившись.

- Такими делами, - ответил Феджин. - Ими занимаются и обитатели этого дома.

Вы попали как раз куда нужно, и здесь вы в полной безопасности.

There is not a safer place in all this town than is the Cripples; that is, when I like to make it so.

And I have taken a fancy to you and the young woman; so I've said the word, and you may make your minds easy.'

Noah Claypole's mind might have been at ease after this assurance, but his body certainly was not; for he shuffled and writhed about, into various uncouth positions: eyeing his new friend meanwhile with mingled fear and suspicion.

'I'll tell you more,' said Fagin, after he had reassured the girl, by dint of friendly nods and muttered encouragements. 'I have got a friend that I think can gratify your darling wish, and put you in the right way, where you can take whatever department of the business you think will suit you best at first, and be taught all the others.'

'Yer speak as if yer were in earnest,' replied Noah.

'What advantage would it be to me to be anything else?' inquired Fagin, shrugging his shoulders.

'Here! Let me have a word with you outside.'

'There's no occasion to trouble ourselves to move,' said Noah, getting his legs by gradual degrees abroad again.

'She'll take the luggage upstairs the while.

Charlotte, see to them bundles.'

This mandate, which had been delivered with great majesty, was obeyed without the slightest demur; and Charlotte made the best of her way off with the packages while Noah held the door open and watched her out.

'She's kept tolerably well under, ain't she?' he asked as he resumed his seat: in the tone of a keeper who had tamed some wild animal.

'Quite perfect,' rejoined Fagin, clapping him on the shoulder.

'You're a genius, my dear.'

Во всем городе не найдется более безопасного места, чем "Калеки", - впрочем, это зависит от меня.

А я почувствовал симпатию к вам и к молодой женщине. Потому-то я и заговорил, и пусть у вас на душе будет спокойно.

Может быть, после такого заявления у Ноэ Клейпола и стало спокойно на душе, но к телу его это отнюдь не относилось, ибо он ерзал и корчился, принимая самые нелепые позы, и взирал на своего нового друга боязливо и подозрительно.

- А вам еще кое-что скажу, - продолжал Феджин после того, как успокоил девушку дружелюбными кивками и пробормотал какие-то ободряющие слова, - есть у меня приятель, который сможет исполнить ваше заветное желание и выведет вас на верную дорогу, а тогда вы выберете дельце, которое, по вашему мнению, больше всего подходит вам поначалу, и обучитесь всему остальному.

- Вы как будто говорите всерьез! - сказал Ноэ.

- Какая для меня польза говорить иначе? - пожимая плечами, спросил Феджин.

- Знаете, я хочу сказать вам словечко в другой комнате.

- К чему утруждать себя и вставать? - возразил Ноэ, постепенно снова вытягивая ноги.

- Она пока отнесет вещи наверх...

Шарлотт, займись узлами!

Этот приказ, отданный весьма величественно, был исполнен без всяких возражений, и Шарлотт удалилась с поклажей, а Ноэ придержал дверь и посмотрел ей вслед.

- Недурно я ее натаскал, правда? - вернувшись на свое место, спросил он тоном укротителя, который приручил дикого зверя.

- Очень хорошо! - заявил Феджин, похлопывая его по плечу.

- Вы - гений, мой милый!

'Why, I suppose if I wasn't, I shouldn't be here,' replied Noah.

'But, I say, she'll be back if yer lose time.'

'Now, what do you think?' said Fagin.

'If you was to like my friend, could you do better than join him?'

'Is he in a good way of business; that's where it is!' responded Noah, winking one of his little eyes.

'The top of the tree; employs a power of hands; has the very best society in the profession.'

'Regular town-maders?' asked Mr. Claypole.

'Not a countryman among 'em; and I don't think he'd take you, even on my recommendation, if he didn't run rather short of assistants just now,' replied Fagin.

'Should I have to hand over?' said Noah, slapping his breeches-pocket.

'It couldn't possibly be done without,' replied Fagin, in a most decided manner.

'Twenty pound, though — it's a lot of money!'

'Not when it's in a note you can't get rid of,' retorted Fagin.

'Number and date taken, I suppose?

Payment stopped at the Bank?

Ah! It's not worth much to him.

It'll have to go abroad, and he couldn't sell it for a great deal in the market.'

'When could I see him?' asked Noah doubtfully.

'To-morrow morning.'

'Where?'

'Here.'

'Um!' said Noah. 'What's the wages?'

- Что ж, пожалуй, не будь я им, не сидел бы я сейчас здесь, - ответил Ноэ.

- Но послушайте, она вернется, если вы будете мешкать.

- Ну, так что ж вы об этом думаете? - спросил Феджин.

- Если мой приятель вам понравится, почему бы вам к нему не пристроиться?

- А дело у него хорошее? Вот что важно, - отвечал Ноэ, подмигивая одним глазом.

- Самое отменное! Нанимает множество людей. С ним лучшие люди этой профессии.

- Настоящие горожане? - спросил мистер Клейпол.

- Ни одного провинциала. И не думаю, чтобы он вас принял, даже по моей рекомендации, не нуждайся он как раз теперь в помощниках.

- Надо ему дать? - спросил Ноэ, похлопав себя по карману штанов.

- Без этого никак не обойтись, - решительным тоном ответил Феджин.

- Но двадцать фунтов... это куча денег.

- Нет, если это банкнот, от которого вы не можете отделаться, - возразил Феджин.

- Номер и год, полагаю, записаны?

Выплата в банке задержана?

Вот видите, он из этого банкнота тоже не много извлечет.

Придется переправить за границу, ему не удастся продать его на рынке по высокой цене.

- Когда я его увижу? - неуверенно спросил Ноэ.

- Завтра утром.

- Где?

- Здесь.

- Гм, - сказал Ноэ, - какое жалованье?

- Будете жить как джентльмен, стол и квартира,

'Live like a gentleman — board and lodging, pipes and spirits free — half of all you earn, and half of all the young woman earns,' replied Mr. Fagin.

Whether Noah Claypole, whose rapacity was none of the least comprehensive, would have acceded even to these glowing terms, had he been a perfectly free agent, is very doubtful; but as he recollected that, in the event of his refusal, it was in the power of his new acquaintance to give him up to justice immediately (and more unlikely things had come to pass), he gradually relented, and said he thought that would suit him.

'But, yer see,' observed Noah, 'as she will be able to do a good deal, I should like to take something very light.'

'A little fancy work?' suggested Fagin.

'Ah! something of that sort,' replied Noah.

'What do you think would suit me now?

Something not too trying for the strength, and not very dangerous, you know.

That's the sort of thing!'

'I heard you talk of something in the spy way upon the others, my dear,' said Fagin.

'My friend wants somebody who would do that well, very much.'

'Why, I did mention that, and I shouldn't mind turning my hand to it sometimes,' rejoined Mr. Claypole slowly; 'but it wouldn't pay by itself, you know.'

'That's true!' observed the Jew, ruminating or pretending to ruminate.

'No, it might not.'

'What do you think, then?' asked Noah, anxiously regarding him.

'Something in the sneaking way, where it was pretty sure work, and not much more risk than being at home.'

'What do you think of the old ladies?' asked Fagin.

табаку и спиртного вволю, половина вашего заработка и половина заработка молодой женщины - ваши, - ответил Феджин.

Весьма сомнительно, согласился бы Ноэ Клейпол, алчность которого не знала пределов, даже на такие блестящие условия, будь он совершенно свободен в своих действиях; но так как он припомнил, что в случае отказа новый знакомый может предать его немедленно в руки правосудия (а случались вещи и более невероятные), то постепенно смягчился и сказал, что, пожалуй, это ему подойдет.

- Но, знаете ли, - заметил Ноэ, - раз она может справиться с тяжелой работой, то мне бы хотелось взяться за что-нибудь полегче.

- За какую-нибудь маленькую, приятную работенку? - предложил Феджин.

- Вот именно, - ответил Ноэ.

- Как вы думаете, что бы мне теперь подошло?

Ну, скажем, дельце, не требующее больших усилий и, знаете ли, не очень опасное.

Что-нибудь в этом роде.

- Я слыхал, вы говорили о том, чтобы шпионить за другими, мой милый, - сказал Феджин.

- Мой приятель нуждается в человеке, который бы с этим справился.

- Да, об этом я упомянул и не прочь иной раз этим заняться, - медленно проговорил Ноэ, - но, знаете ли, эта работа себя не оправдывает.

- Верно, - заметил еврей, размышляя или притворяясь размышляющим.

- Нет, не подходит.

- Так что же вы скажете? - спросил Ноэ, с беспокойством поглядывая на него.

- Хорошо бы красть под шумок, чтобы дело было надежное, а риска немногим больше, чем если сидишь у себя дома.

- Что вы думаете о старых леди? - спросил Феджин.

'There's a good deal of money made in snatching their bags and parcels, and running round the corner.'

'Don't they holler out a good deal, and scratch sometimes?' asked Noah, shaking his head.

'I don't think that would answer my purpose.

Ain't there any other line open?'

'Stop!' said Fagin, laying his hand on Noah's knee.

'The kinchin lay.'

'What's that?' demanded Mr. Claypole.

'The kinchins, my dear,' said Fagin, 'is the young children that's sent on errands by their mothers, with sixpences and shillings; and the lay is just to take their money away — they've always got it ready in their hands, — then knock 'em into the kennel, and walk off very slow, as if there were nothing else the matter but a child fallen down and hurt itself.

Ha! ha! ha!'

'Ha! ha!' roared Mr. Claypole, kicking up his legs in an ecstasy.

'Lord, that's the very thing!'

'To be sure it is,' replied Fagin; 'and you can have a few good beats chalked out in Camden Town, and Battle Bridge, and neighborhoods like that, where they're always going errands; and you can upset as many kinchins as you want, any hour in the day.

Ha! ha! ha!'

With this, Fagin poked Mr. Claypole in the side, and they joined in a burst of laughter both long and loud.

'Well, that's all right!' said Noah, when he had recovered himself, and Charlotte had returned.

'What time to-morrow shall we say?'

- Очень хороший бывает заработок, когда вырываешь у них сумки и пакеты и убегаешь за угол.

- Да ведь они ужасно вопят, а иногда и царапаются, - возразил Ноэ, покачивая головой.

- Не думаю, чтобы это мне подошло.

Не найдется ли какого-нибудь другого занятия?

- Постойте, - сказал Феджин, положив руку ему на колено.

- Облапошивание птенцов.

- А что это значит? - осведомился мистер Клейпол.

- Птенцы, милый мой, - сказал Феджин, - это маленькие дети, которых матери посылают за покупками, давая им шестипенсовики и шиллинги. А облапошить - значит отобрать у них деньги... они их держат всегда наготове в руке... потом столкнуть их в водосточную канаву у тротуара и спокойно удалиться, будто ничего особенного не случилось, кроме того, что какой-то ребенок упал и ушибся.

Ха-ха-ха!

- Ха-ха! - захохотал мистер Клейпол, в восторге дрыгая ногами.

- Ей-богу, это как раз по мне!

- Разумеется, - ответил Феджин. - И вы можете наметить себе места в Кемден-Тауне, Бэтл-Бридже и по соседству, куда их всегда посылают за покупками, и в каждый свой обход в любой час дня будете сбивать с ног столько птенцов, сколько вам вздумается.

Ха-ха-ха!

С этими словами мистер Феджин ткнул мистера Клейпола в бок, и они дружно разразились громким и долго не смолкавшим смехом.

- Ну, все в порядке, - сказал Ноэ; когда в комнату вернулась Шарлотт, он уже мог говорить.

- В котором часу завтра?

- В десять можете? - спросил Феджин и, когда

'Will ten do?' asked Fagin, adding, as Mr. Claypole nodded assent, 'What name shall I tell my good friend.'

'Mr. Bolter,' replied Noah, who had prepared himself for such emergency.

'Mr. Morris Bolter.

This is Mrs. Bolter.'

'Mrs. Bolter's humble servant,' said Fagin, bowing with grotesque politeness.

'I hope I shall know her better very shortly.'

'Do you hear the gentleman, Charlotte?' thundered Mr. Claypole.

'Yes, Noah, dear!' replied Mrs. Bolter, extending her hand.

'She calls me Noah, as a sort of fond way of talking,' said Mr. Morris Bolter, late Claypole, turning to Fagin.

'You understand?'

'Oh yes, I understand — perfectly,' replied Fagin, telling the truth for once.

'Good-night! Good-night!'

With many adieus and good wishes, Mr. Fagin went his way.

Noah Claypole, bespeaking his good lady's attention, proceeded to enlighten her relative to the arrangement he had made, with all that haughtiness and air of superiority, becoming, not only a member of the sterner sex, but a gentleman who appreciated the dignity of a special appointment on the kinchin lay, in London and its vicinity.

CHAPTER XLIII — WHEREIN IS SHOWN HOW THE ARTFUL DODGER GOT INTO TROUBLE

мистер Клейпол кивнул в знак согласия, добавил: - Как вас отрекомендовать моему доброму другу?

- Мистер Болтер, - ответил Ноэ, заранее приготовившийся к такому вопросу.

- Мистер Морис Болтер.

А это миссис Болтер.

- Я к вашим услугам, миссис Болтер, - сказал Феджин, раскланиваясь с комической учтивостью.

- Надеюсь, в самом непродолжительном времени ближе познакомиться с вами.

- Ты слышишь, что говорит джентльмен, Шарлотт? - заревел мистер Клейпол.

- Да, дорогой Ноэ, - ответила миссис Болтер, протягивая руку.

- Она называет меня Ноэ, это вроде ласкательного имени, - сказал Морис Болтер, бывший Клейпол, обращаясь к Феджину.

- Понимаете?

- О да, понимаю, прекрасно понимаю, - ответил Феджин, на сей раз говоря правду.

- Спокойной ночи!

После длительных прощаний и многозначительных благих пожеланий мистер Феджин отправился своей дорогой.

Ноэ Клейпол, призвав к вниманию свою любезную супругу, начал рассказывать ей о заключенном им соглашении со всем высокомерием и сознанием собственного превосходства, какие приличествуют не только представителю более сильного пола, но и джентльмену, который оценил честь назначения на специальную должность облапошивателя птенцов в Лондоне и его окрестностях.

ГЛАВА XLIII, — в которой рассказано, как Ловкий Плут попал в беду

'And so it was you that was your own friend, was it?' asked Mr. Claypole, otherwise Bolter, when, by virtue of the compact entered into between them, he had removed next day to Fagin's house. "Cod, I thought as much last night!"

'Every man's his own friend, my dear,' replied Fagin, with his most insinuating grin.

'He hasn't as good a one as himself anywhere.'

'Except sometimes,' replied Morris Bolter, assuming the air of a man of the world.

'Some people are nobody's enemies but their own, yer know.'

'Don't believe that,' said Fagin.

'When a man's his own enemy, it's only because he's too much his own friend; not because he's careful for everybody but himself.

Pooh! pooh!

There ain't such a thing in nature.'

'There oughn't to be, if there is,' replied Mr. Bolter.

'That stands to reason.

Some conjurers say that number three is the magic number, and some say number seven.

It's neither, my friend, neither.

It's number one.

'Ha! ha!' cried Mr. Bolter.

'Number one for ever.'

'In a little community like ours, my dear,' said Fagin, who felt it necessary to qualify this position, 'we have a general number one, without considering me too as the same, and all the other young people.'

'Oh, the devil!' exclaimed Mr. Bolter.

'You see,' pursued Fagin, affecting to disregard this interruption, 'we are so mixed up together, and identified in our interests, that it must be so.

- Так это вы и были вашим собственным другом? - спросил мистер Клейпол, иначе Болтер, когда, в силу заключенного им договора, переселился в дом Феджина. - Ей-богу, мне приходило это в голову еще вчера.

- Каждый человек себе друг, милый мой, - ответил Феджин с вкрадчивой улыбкой.

- И такого хорошего друга ему нигде не найти.

- Бывают исключения, - возразил Морис Болтер с видом светского человека.

- Иной, знаете ли, никому не враг, а только самому себе.

- Не верьте этому, - сказал Феджин.

- Если человек сам себе враг, то лишь потому, что он уж слишком сам себе друг, а не потому, что заботится обо всех, кроме себя.

Вздор, вздор!

Такого на свете не бывает.

- А если бывает, так не должно быть, - отозвался мистер Болтер.

- Само собой разумеется.

Одни заклинатели говорят, что магическое число - три, а другие - семь.

Ни то, ни другое, мой друг, ни то, ни другое?

Это число - один.

- Ха-ха! - захохотал мистер Болтер.

- Всегда один.

- В такой маленькой, общине, как наша, мой милый, - сказал Феджин, считая необходимым пояснить свое суждение, - у нас общее число - один; иначе говоря, вы не можете почитать себя номером первым, не почитая таковым же и меня, а также всех наших молодых людей.

- Ах, черт! - воскликнул мистер Болтер.

- Видите ли, - продолжал Феджин, притворяясь, будто не слышал этого возгласа, - мы все так связаны общими интересами, что иначе и быть не может.

For instance, it's your object to take care of number one — meaning yourself.'

'Certainly,' replied Mr. Bolter.

'Yer about right there.'

'Well!

You can't take care of yourself, number one, without taking care of me, number one.'

'Number two, you mean,' said Mr. Bolter, who was largely endowed with the quality of selfishness.

'No, I don't!' retorted Fagin.

'I'm of the same importance to you, as you are to yourself.'

'I say,' interrupted Mr. Bolter, 'yer a very nice man, and I'm very fond of yer; but we ain't quite so thick together, as all that comes to.'

'Only think,' said Fagin, shrugging his shoulders, and stretching out his hands; 'only consider.

You've done what's a very pretty thing, and what I love you for doing; but what at the same time would put the cravat round your throat, that's so very easily tied and so very difficult to unloose — in plain English, the halter!'

Mr. Bolter put his hand to his neckerchief, as if he felt it inconveniently tight; and murmured an assent, qualified in tone but not in substance.

'The gallows,' continued Fagin, 'the gallows, my dear, is an ugly finger-post, which points out a very short and sharp turning that has stopped many a bold fellow's career on the broad highway.

To keep in the easy road, and keep it at a distance, is object number one with you.'

'Of course it is,' replied Mr. Bolter.

'What do yer talk about such things for?'

'Only to show you my meaning clearly,' said the

Вот, например, ваша цель - заботиться о номере первом, то есть о самом себе.

- Конечно, - отозвался мистер Болтер.

- В этом вы правы.

- Отлично.

Вы не можете заботиться о себе, номере первом, не заботясь обо мне, номере первом.

- Номере втором, хотите вы сказать, - заметил мистер Болтер, который был щедро наделен таким качеством, как эгоизм.

- Нет, не хочу, - возразил Феджин.

- Я имею для вас такое же значение, как и вы сами...

- Послушайте, - перебил мистер Болтер, - вы очень славный человек и очень мне нравитесь, но не так уж мы с вами крепко подружились, чтобы дело дошло до этого.

- Вы только подумайте, - сказал Феджин, пожимая плечами и протягивая руки, - только рассудите.

Вы обделали очень хорошенькое дельце, и я вас за это люблю, но зато вам теперь грозит галстук на шею, который так легко затянуть и так трудно развязать, - петля, говоря простым английским языком.

Мистер Болтер поднес руку к своему шейному платку, как будто почувствовав, что он слишком туго завязан, и пробормотал что-то, выражая согласие тоном, но не словами.

- Виселица, - продолжал Феджин, - виселица, мой милый, - это безобразный, придорожный столб, указывающий путь к очень короткому и очень крутому повороту, который положил конец карьере многих смельчаков на широкой, большой дороге.

Не сходить с прямой тропы и держаться от него подальше - вот ваша цель, номер первый.

- Конечно, это верно, - ответил мистер Болтер.

- Но зачем вы толкуете о таких вещах?

- Только для того, чтобы пояснить вам смысл

Jew, raising his eyebrows.

'To be able to do that, you depend upon me.

To keep my little business all snug, I depend upon you.

The first is your number one, the second my number one.

The more you value your number one, the more careful you must be of mine; so we come at last to what I told you at first — that a regard for number one holds us all together, and must do so, unless we would all go to pieces in company.'

'That's true,' rejoined Mr. Bolter, thoughtfully.

'Oh! yer a cunning old codger!'

Mr. Fagin saw, with delight, that this tribute to his powers was no mere compliment, but that he had really impressed his recruit with a sense of his wily genius, which it was most important that he should entertain in the outset of their acquaintance.

To strengthen an impression so desirable and useful, he followed up the blow by acquainting him, in some detail, with the magnitude and extent of his operations; blending truth and fiction together, as best served his purpose; and bringing both to bear, with so much art, that Mr. Bolter's respect visibly increased, and became tempered, at the same time, with a degree of wholesome fear, which it was highly desirable to awaken.

'It's this mutual trust we have in each other that consoles me under heavy losses,' said Fagin.

'My best hand was taken from me, yesterday morning.'

'You don't mean to say he died?' cried Mr. Bolter.

'No, no,' replied Fagin, 'not so bad as that.

Not quite so bad.'

'What, I suppose he was — '

моих слов, - сказал еврей, пожимая плечами.

- Чтобы добиться этого, вы полагаетесь на меня.

Чтобы мирно заниматься своим маленьким делом, я полагаюсь на вас.

Одно - для вас номер первый, другое - для меня номер первый.

Чем больше вы цените свой номер первый, тем больше вы заботитесь о моем; вот, наконец, мы и вернулись к тому, что я вам сказал вначале: внимание к номеру первому связывает нас всех вместе. Так и должно быть, иначе вся наша компания развалится.

- Это правда, - задумчиво промолвил мистер Болтер.

- Ох, и ловкий же вы старый пройдоха!

Мистер Феджин с великой радостью убедился, что эта похвала его способностям не простой комплимент, но что он действительно внушил новичку представление о своем гениальном хитроумии, а укрепить в нем такое представление было делом чрезвычайно важным.

Дабы усилить впечатление, столь желательное и полезное, он еще подробнее ознакомил Ноэ с размахом своих операций, переплетая в своих целях правду с вымыслом и преподнося то и другое с таким мастерством, что почтение к нему мистера Болтера явно возросло и окрасилось неким благодетельным страхом, к чему Феджин и стремился.

- Вот это взаимное доверие, какое мы питаем друг к другу, и утешает меня в случае тяжелых утрат, - сказал Феджин.

- Вчера утром я лишился своего лучшего помощника.

- Неужели вы хотите сказать, что он умер! - воскликнул мистер Болтер.

- Нет, - ответил Феджин, - дело не так плохо.

Не так уж плохо.

- Тогда, должно быть, его...

'Wanted,' interposed Fagin.

'Yes, he was wanted.'

'Very particular?' inquired Mr. Bolter.

'No,' replied Fagin, 'not very.'

He was charged with attempting to pick a pocket, and they found a silver snuff-box on him, — his own, my dear, his own, for he took snuff himself, and was very fond of it.

They remanded him till to-day, for they thought they knew the owner.

Ah! he was worth fifty boxes, and I'd give the price of as many to have him back.

You should have known the Dodger, my dear; you should have known the Dodger.'

'Well, but I shall know him, I hope; don't yer think so?' said Mr. Bolter.

'I'm doubtful about it,' replied Fagin, with a sigh.

'If they don't get any fresh evidence, it'll only be a summary conviction, and we shall have him back again after six weeks or so; but, if they do, it's a case of lagging.

They know what a clever lad he is; he'll be a lifer.

They'll make the Artful nothing less than a lifer.'

'What do you mean by lagging and a lifer?' demanded Mr. Bolter.

'What's the good of talking in that way to me; why don't yer speak so as I can understand yer?'

Fagin was about to translate these mysterious expressions into the vulgar tongue; and, being interpreted, Mr. Bolter would have been informed that they represented that combination of words, 'transportation for life,' when the dialogue was cut short by the entry of Master Bates, with his hands in his breeches-pockets, and his face twisted into a look of semi-comical woe.

- Затребовали, - подсказал Феджин.

- Да, его затребовали.

- По очень важному делу? - спросил мистер Болтер.

- Нет, - ответил мистер Феджин, - не очень.

Его обвинили в попытке очистить карман и нашли у него серебряную табакерку - его собственную, мой милый, его собственную, потому что он сам очень любит нюхать табак.

Его держали под арестом до сегодняшнего дня, так как полагали, что знают владельца.

Ах, он стоил пятидесяти табакерок, и я бы заплатил их стоимость, только бы его вернуть.

Следовало вам знать Плута, мой милый, следовало вам знать Плута.

- Ну что ж, надеюсь, я с ним познакомлюсь, как вы думаете? - сказал мистер Болтер.

- Сомневаюсь, - со вздохом ответил Феджин.

- Если они не раздобудут каких-нибудь новых улик, то дадут ему короткий срок, и месяца через полтора он к нам вернется, а если раздобудут, то дело пахнет укупоркой.

Им известно, какой он умный парень. Он будет пожизненным.

Они сделают Плута ни больше, ни меньше, как пожизненным.

- Что значит укупорка и пожизненный? - спросил мистер Болтер.

- Что толку объясняться со мной на таком языке? Почему вы не говорите так, чтобы я мог вас понять?

Феджин хотел было перевести эти таинственные выражения на простой язык, и, получив объяснение, мистер Болтер узнал бы, что сочетание этих слов означает по жизненную каторгу, но тут беседа была прервана появлением юного Бейтса, руки которого были засунуты в карманы, а лицо перекошилось, выражая полукомическую скорбь.

'It's all up, Fagin,' said Charley, when he and his new companion had been made known to each other.

'What do you mean?'

'They've found the gentleman as owns the box; two or three more's a coming to 'dentify him; and the Artful's booked for a passage out,' replied Master Bates.

'I must have a full suit of mourning, Fagin, and a hatband, to wisit him in, afore he sets out upon his travels.

To think of Jack Dawkins — lummy Jack — the Dodger — the Artful Dodger — going abroad for a common twopenny-halfpenny sneeze-box!

I never thought he'd a done it under a gold watch, chain, and seals, at the lowest.

Oh, why didn't he rob some rich old gentleman of all his walables, and go out as a gentleman, and not like a common prig, without no honour nor glory!'

With this expression of feeling for his unfortunate friend, Master Bates sat himself on the nearest chair with an aspect of chagrin and despondency.

'What do you talk about his having neither honour nor glory for!' exclaimed Fagin, darting an angry look at his pupil.

'Wasn't he always the top-sawyer among you all!

Is there one of you that could touch him or come near him on any scent! Eh?'

'Not one,' replied Master Bates, in a voice rendered husky by regret; 'not one.'

'Then what do you talk of?' replied Fagin angrily; 'what are you blubbering for?'

"Cause it isn't on the rec-ord, is it?" said Charley, chafed into perfect defiance of his venerable friend by the current of his regrets; "cause it can't come out in the 'dictment; 'cause nobody will never

- Все кончено, Феджин! - сказал Чарли, когда он и его новый товарищ были представлены друг другу.

- Что это значит?

- Они отыскиали джентльмена, которому принадлежит табакерка. Еще два-три человека явятся опознать его, и Плуту придется пуститься в плавание, - ответил юный Бейтс.

- Мне, Феджин, нужны траурный костюм и лента на шляпу, чтобы навестить его перед тем, как он отправится в путешествие.

Подумать только, что Джек Даукинс - молодчага Джек - Плут - Ловкий Плут уезжает в чужие края из-за простой табакерки, которой цена два с половиной пенса.

Я всегда думал, что если такое с ним случится, то по меньшей мере из-за золотых часов с цепочкой и печатками.

Ох, почему он не отобрал у какого-нибудь старого богача все его драгоценности, чтобы уехать как джентльмен, а не как простой воришка, без всяких почестей и славы!

Выразив таким образом сочувствие своему злосчастному другу, юный Бейтс с видом грустным и угнетенным опустил на ближайший стул.

- Что это ты там болтаешь? - воскликнул Феджин, бросив сердитый взгляд на своего ученика.

- Разве не был он на голову выше всех вас?

Разве есть среди вас хоть один, кто бы мог до него дотянуться и в чем-нибудь сравняться с ним?

- Ни одного, - ответил юный Бейтс голосом, охрипшим от огорчения. - Ни одного.

- Так о чем же ты болтаешь? - сердито спросил Феджин. - О чем ты хнычешь?

- О том, что этого не будет в протоколе, - сказал Чарли, которого взбудоражили нахлынувшие сожаления, побудив бросить открытый вызов своему почтенному другу о том, что это не будет указано в обвинительном акте, о том, что

know half of what he was.

How will he stand in the Newgate Calendar?

P'raps not be there at all.

Oh, my eye, my eye, wot a blow it is!'

'Ha! ha!' cried Fagin, extending his right hand, and turning to Mr. Bolter in a fit of chuckling which shook him as though he had the palsy; 'see what a pride they take in their profession, my dear.

Ain't it beautiful?'

Mr. Bolter nodded assent, and Fagin, after contemplating the grief of Charley Bates for some seconds with evident satisfaction, stepped up to that young gentleman and patted him on the shoulder.

'Never mind, Charley,' said Fagin soothingly; 'it'll come out, it'll be sure to come out.

They'll all know what a clever fellow he was; he'll show it himself, and not disgrace his old pals and teachers.

Think how young he is too!

What a distinction, Charley, to be lagged at his time of life!'

'Well, it is a honour that is!' said Charley, a little consoled.

'He shall have all he wants,' continued the Jew.

'He shall be kept in the Stone Jug, Charley, like a gentleman.

Like a gentleman!

With his beer every day, and money in his pocket to pitch and toss with, if he can't spend it.'

'No, shall he though?' cried Charley Bates.

'Ay, that he shall,' replied Fagin, 'and we'll have a big-wig, Charley: one that's got the greatest gift of the gab: to carry on his defence; and he shall make

никто никогда до конца не узнает, кем он был.

Какое место он займет в Ньюгетском справочнике *?

Может быть, вовсе не попадет туда.

О господи, какой удар!

- Ха-ха! - вскричал Феджин, вытягивая правую руку к мистеру Болтеру и, словно паралитик, весь сотрясаясь от собственного хихиканья. - Посмотрите, как они гордятся своей профессией, мой милый.

Не чудесно ли это?

Мистер Болтер кивнул утвердительно, а Феджин, в течение нескольких секунд созерцавший с нескрываемым удовлетворением скорбь Чарли Бейтса, подошел к сему молодому джентльмену и потрепал его по плечу.

- Полно, Чарли, - успокоительно сказал Феджин, - Это станет известно, непременно станет известно.

Все узнают, каким он был смышленным парнем, он сам это покажет и не опозорит своих старых приятелей и учителей.

Подумай о том, как он молод.

Как почетно, Чарли, получить укупорку в такие годы!

- Пожалуй, это и в самом деле честь, - сказал Чарли, немножко утешившись.

- Он получит все, чего пожелает, - продолжал еврей.

- Его будут содержать в каменном кувшине, как джентльмена, Чарли.

Как джентльмена.

Каждый день пиво и карманные деньги, чтобы играть в орлянку, если он не может их истратить.

- Да неужели? - воскликнул Чарли Бейтс.

- Все это он получит, - ответил Феджин. - И у нас будет большой парик - такой, что лучше всех умеет болтать языком, чтобы его защитить.

a speech for himself too, if he likes; and we'll read it all in the papers — "Artful Dodger — shrieks of laughter — here the court was convulsed" — eh, Charley, eh?"

'Ha! ha!' laughed Master Bates, 'what a lark that would be, wouldn't it, Fagin?"

I say, how the Artful would bother 'em wouldn't he?"

'Would!' cried Fagin.

'He shall — he will!'

'Ah, to be sure, so he will,' repeated Charley, rubbing his hands.

'I think I see him now,' cried the Jew, bending his eyes upon his pupil.

'So do I,' cried Charley Bates.

'Ha! ha! ha! so do I.

I see it all afore me, upon my soul I do, Fagin.

What a game!

What a regular game!

All the big-wigs trying to look solemn, and Jack Dawkins addressing of 'em as intimate and comfortable as if he was the judge's own son making a speech arter dinner — ha! ha! ha!'

In fact, Mr. Fagin had so well humoured his young friend's eccentric disposition, that Master Bates, who had at first been disposed to consider the imprisoned Dodger rather in the light of a victim, now looked upon him as the chief actor in a scene of most uncommon and exquisite humour, and felt quite impatient for the arrival of the time when his old companion should have so favourable an opportunity of displaying his abilities.

'We must know how he gets on to-day, by some handy means or other,' said Fagin.

'Let me think.'

'Shall I go?' asked Charley.

'Not for the world,' replied Fagin.

Плут, если захочет, и сам может произнести речь, а мы ее всю прочитаем в газетах: "Ловкий Плут - взрывы смеха, с судьями конвульсии". Ну как, Чарли, э?"

- Ха-ха! - захохотал Чарли. - Вот будет потеха! Верно, Феджин?"

Плут-то им досадит, верно?"

- Верно! - воскликнул Феджин.

- Уж он досадит.

- Да что и говорить, досадит, - повторил Чарли, потирая руки.

- Мне кажется, я его перед собой вижу, - сказал еврей, устремив взгляд на своего ученика.

- Я тоже! - крикнул Чарли Бейтс.

- Ха-ха-ха! Я тоже.

Я все это вижу, ей-богу, вижу, Феджин.

Вот потеха!

Вот уж взаправду потеха!

Все большие парики стараются напустить на себя важность, а Джек Даукинс обращается к ним спокойно и душевно, будто он родной сын судьи и произносит спич после обеда. Ха-ха-ха!

В самом деле, мистер Феджин столь искусно воздействовал на эксцентрический характер своего молодого друга, что Бейтс, который сначала был склонен почитать арестованного Плута жертвой, смотрел на него теперь как на первого актера на сцене, отличающегося беспримерным и восхитительным юмором, и с нетерпением ждал часа, когда старому его приятелю представится столь благоприятный случай обнаружить свои таланты.

- Мы должны половчее разузнать, как идут у него дела сейчас, - сказал Феджин.

- Дай-ка я подумаю.

- Не пойти ли мне? - спросил Чарли.

- Ни за что на свете! - ответил Феджин.

'Are you mad, my dear, stark mad, that you'd walk into the very place where — No, Charley, no.

One is enough to lose at a time.'

'You don't mean to go yourself, I suppose?' said Charley with a humorous leer.

'That wouldn't quite fit,' replied Fagin shaking his head.

'Then why don't you send this new cove?' asked Master Bates, laying his hand on Noah's arm.

'Nobody knows him.'

'Why, if he didn't mind — ' observed Fagin.

'Mind!' interposed Charley.

'What should he have to mind?'

'Really nothing, my dear,' said Fagin, turning to Mr. Bolter, 'really nothing.'

'Oh, I dare say about that, yer know,' observed Noah, backing towards the door, and shaking his head with a kind of sober alarm.

'No, no — none of that.

It's not in my department, that ain't.'

'Wot department has he got, Fagin?' inquired Master Bates, surveying Noah's lank form with much disgust.

'The cutting away when there's anything wrong, and the eating all the wittles when there's everything right; is that his branch?'

'Never mind,' retorted Mr. Bolter; 'and don't yer take liberties with yer superiors, little boy, or yer'll find yerself in the wrong shop.'

Master Bates laughed so vehemently at this magnificent threat, that it was some time before Fagin could interpose, and represent to Mr. Bolter that he incurred no possible danger in visiting the police-office; that, inasmuch as no account of the little affair in which he had engaged, nor any

- Рехнулся ты, что ли, мой милый, окончательно рехнулся, если вздумал идти туда, где... Нет, Чарли, нет.

Нельзя терять больше одного за раз.

- Я думаю, сами-то вы не собираетесь идти? - сказал Чарли, шутливо подмигивая.

- Это было бы не совсем удобно, - покачивая головой, ответил Феджин.

- А почему бы не послать этого нового парня? - спросил юный Бейтс, положив руку на плечо Ноэ.

- Его никто не знает.

- Ну что же, если он ничего не имеет против... - начал Феджин.

- Против? - перебил Чарли.

- А что он может иметь против?

- Ровно ничего, мой милый, - сказал Феджин, поворачиваясь к мистеру Болтеру, - ровно ничего.

- О, как бы не так! - возразил Ноэ, пятась к двери и опасливо качая головой.

- Нет, нет, бросьте!

Это не входит в мои обязанности.

- А какие он взял на себя обязанности, Феджин? - спросил юный Бейтс, презрительно созерцая тощую фигуру Ноэ.

- Удирать, когда что-нибудь неладно, и есть по горло, когда все в порядке? Это, что ли, его занятие?

- Не все ли равно? - возразил мистер Болтер. - А ты, малыш, не позволяй себе вольностей со старшими, не то тебе не поздоровится.

В ответ на эту великолепную угрозу юный Бейтс так неистово захохотал, что прошло некоторое время, прежде чем Феджин мог вмешаться и объяснить мистеру Болтеру, что в полицейском управлении ему ничто не грозит, ибо ни отчет о маленьком дельце, в котором он участвовал, ни описание его особы еще не

description of his person, had yet been forwarded to the metropolis, it was very probable that he was not even suspected of having resorted to it for shelter; and that, if he were properly disguised, it would be as safe a spot for him to visit as any in London, inasmuch as it would be, of all places, the very last, to which he could be supposed likely to resort of his own free will.

Persuaded, in part, by these representations, but overborne in a much greater degree by his fear of Fagin, Mr. Bolter at length consented, with a very bad grace, to undertake the expedition.

By Fagin's directions, he immediately substituted for his own attire, a waggoner's frock, velveteen breeches, and leather leggings: all of which articles the Jew had at hand.

He was likewise furnished with a felt hat well garnished with turnpike tickets; and a carter's whip.

Thus equipped, he was to saunter into the office, as some country fellow from Covent Garden market might be supposed to do for the gratification of his curiosity; and as he was as awkward, ungainly, and raw-boned a fellow as need be, Mr. Fagin had no fear but that he would look the part to perfection.

These arrangements completed, he was informed of the necessary signs and tokens by which to recognise the Artful Dodger, and was conveyed by Master Bates through dark and winding ways to within a very short distance of Bow Street.

Having described the precise situation of the office, and accompanied it with copious directions how he was to walk straight up the passage, and when he got into the side, and pull off his hat as he went into the room, Charley Bates bade him hurry on alone, and promised to bide his return on the spot of their parting.

Noah Claypole, or Morris Bolter as the reader pleases, punctually followed the directions he had received, which — Master Bates being pretty well

препровождены в столицу и, по всей вероятности, его даже не подозревают в том, что он искал в ней приюта, а потому - если он надлежащим образом переоденется, то может посетить это место с такой же безопасностью, как и всякое другое в Лондоне, тем более что из всех мест оно самое последнее, где можно ждать добровольного его появления.

Убежденный отчасти такими доводами, но в значительно большей степени подавленный страхом перед Феджином, мистер Болтер с большой неохотой согласился, наконец, отправиться в эту экспедицию.

По указанию Феджина он немедленно заменил свой костюм курткой возчика, короткими плисовыми штанами и кожаными гетрами, - все это было у Феджина под рукой.

Его снабдили также войлочной шляпой, разукрашенной билетиками с заставы и извозчичьим кнутом.

В таком снаряжении он должен был ввалиться в суд, как сделал бы какой-нибудь деревенский парень с Ковент-Гарденского рынка, вздумавший удовлетворить свое любопытство. А так как Ноэ был как раз таким неотесанным, неуклюжим и костлявым парнем, какой был нужен, мистер Феджин не сомневался в том, что он в совершенстве справится со своей ролью.

Когда эти приготовления были закончены, ему сообщили признаки и приметы, необходимые для опознания Ловкого Плути, и юный Бейтс проводил его темными и извилистыми путями до того места, откуда было недалеко до Боу-стрит.

Описав точное местонахождение полицейского управления и присовокупив многочисленные указания, как пройти переулком, пересечь двор, подняться по лестнице к двери по правую руку и, войдя в комнату, снять шляпу, Чарли Бейтс предложил ему проститься и быстро идти дальше и обещал ждать его возвращения там, где они расстались.

Ноэ Клейпол, или, если читателю угодно, Морис Болтер, пунктуально следовал полученным указаниям, которые (юный Бейтс

acquainted with the locality — were so exact that he was enabled to gain the magisterial presence without asking any question, or meeting with any interruption by the way.

He found himself jostled among a crowd of people, chiefly women, who were huddled together in a dirty frowsy room, at the upper end of which was a raised platform railed off from the rest, with a dock for the prisoners on the left hand against the wall, a box for the witnesses in the middle, and a desk for the magistrates on the right; the awful locality last named, being screened off by a partition which concealed the bench from the common gaze, and left the vulgar to imagine (if they could) the full majesty of justice.

There were only a couple of women in the dock, who were nodding to their admiring friends, while the clerk read some depositions to a couple of policemen and a man in plain clothes who leant over the table.

A jailer stood reclining against the dock-rail, tapping his nose listlessly with a large key, except when he repressed an undue tendency to conversation among the idlers, by proclaiming silence; or looked sternly up to bid some woman

'Take that baby out,' when the gravity of justice was disturbed by feeble cries, half-smothered in the mother's shawl, from some meagre infant.

The room smelt close and unwholesome; the walls were dirt-discoloured; and the ceiling blackened.

There was an old smoky bust over the mantel-shelf, and a dusty clock above the dock — the only thing present, that seemed to go on as it ought; for depravity, or poverty, or an habitual acquaintance with both, had left a taint on all the animate matter, hardly less unpleasant than the thick greasy scum on every inanimate object that frowned upon it.

Noah looked eagerly about him for the Dodger; but although there were several women who

был недурно знаком с этой местностью) были так точны, что ему удалось достигнуть полицейского управления, не задавая никаких вопросов и не встретив на пути никаких помех.

Он очутился в плотной толпе, состоявшей преимущественно из женщин, теснившихся в грязной, душной комнате, в дальнем конце которой находилось огороженное перилами возвышение со скамьей для подсудимых у стены слева, кафедрой для свидетелей посередине и столом для судей справа; это последнее, устрашающее место было отделено перегородкой, которая скрывала суд от взоров простых смертных и давала свободу черни представлять себе (если ей это удастся) правосудие во всем его величии.

На скамье подсудимых сидели только две женщины, которые все время кивали своим восхищенным друзьям, пока клерк читал какие-то показания двум полисменам и чиновнику в штатском, склонившемуся над столом.

Тюремщик стоял, опершись на перила скамьи подсудимых и лениво постукивал себя по носу большим ключом, отрываясь от этого занятия лишь для того, чтобы окриком пресечь неуместные попытки зевак вести разговор или, сурово подняв взор, приказать какой-нибудь женщине:

"Унесите этого ребенка", - если торжественное отправление правосудия прерывалось слабым писком какого-нибудь тощего младенца, доносившимся из-под материнской шали.

Воздух в комнате был тяжелый и спертый; от грязи изменилась окраска стола, а потолок почернел.

На каменной стене возвышался старый, закопченный бюст, а над скамьей подсудимых - запылившиеся часы - единственный предмет, который, казалось, был в должном порядке, тогда как пороки, бедность или близкое знакомство с ними оставили на всех одушевленных существах налет, вряд ли менее неприятный, чем густой, жирный слой копоти, лежавший на всех неодушевленных предметах, хмуро взиравших на происходящее.

Ноэ нетерпеливо озирался в поисках Плути, но хотя многие из присутствующих женщин

would have done very well for that distinguished character's mother or sister, and more than one man who might be supposed to bear a strong resemblance to his father, nobody at all answering the description given him of Mr. Dawkins was to be seen.

He waited in a state of much suspense and uncertainty until the women, being committed for trial, went flaunting out; and then was quickly relieved by the appearance of another prisoner who he felt at once could be no other than the object of his visit.

It was indeed Mr. Dawkins, who, shuffling into the office with the big coat sleeves tucked up as usual, his left hand in his pocket, and his hat in his right hand, preceded the jailer, with a rolling gait altogether indescribable, and, taking his place in the dock, requested in an audible voice to know what he was placed in that 'ere disgraceful situation for.

'Hold your tongue, will you?' said the jailer.

'I'm an Englishman, ain't I?' rejoined the Dodger.

'Where are my privileges?'

'You'll get your privileges soon enough,' retorted the jailer, 'and pepper with 'em.'

'We'll see wot the Secretary of State for the Home Affairs has got to say to the beaks, if I don't,' replied Mr. Dawkins.

'Now then! Wot is this here business?'

I shall thank the madg'strates to dispose of this here little affair, and not to keep me while they read the paper, for I've got an appointment with a genelman in the City, and as I am a man of my word and wery punctual in business matters, he'll go away if I ain't there to my time, and then pr'aps ther won't be an action for damage against them as kep me away.

Oh no, certainly not!'

At this point, the Dodger, with a show of being

прекрасно могли бы сойти за мать или сестру этого выдающегося человека и несколько мужчин могли походить на его отца, не было видно решительно никого, к кому подошло бы полученное Ноэ описание наружности мистера Даукинса.

Ноэ ждал с величайшим беспокойством и неуверенностью, пока женщины, чьи дела передавались в уголовный суд *, не удалились с развязным видом, а затем его быстро успокоило появление другого арестованного, который, как он сразу понял, мог быть только тем, ради кого он сюда пришел.

Это был действительно мистер Даукинс с закатанными, по обыкновению, длинными рукавами сюртука; засунув левую руку в карман, а в правой держа шляпу, он вошел, сопровождаемый тюремщиком, в комнату совершенно неопишуемой походкой, волоча ноги, вразвалку и, заняв место на скамье подсудимых, громким голосом пожелал узнать, чего ради поставили его в такое унижительное положение.

- Прикусите язык, слышите? - сказал тюремщик.

- Я - англичанин, разве не так? - возразил Плут.

- Где же мои привилегии?

- Скоро получите свои привилегии, - отрезал тюремщик, - и перцу в придачу!

- А если не получу, то посмотрим, что скажет этим крючкотворам министр внутренних дел... - отвечивал мистер Даукинс.

- Ну, какое у нас тут дело?

Я буду благодарен судьям, если они разберут это маленькое дельце и не станут меня задерживать, читая газету, потому что у меня назначено свидание с одним джентльменом в Сити, а так как я всегда верен своему слову и очень пунктуален в делах, то он уйдет, если я не приду вовремя. И уж не думают ли они, что им не предъявят иска о возмещении убытков, если они меня задержат?

О, как бы не так!

Тут Плут, делая вид, будто крайне

very particular with a view to proceedings to be had thereafter, desired the jailer to communicate 'the names of them two files as was on the bench.'

Which so tickled the spectators, that they laughed almost as heartily as Master Bates could have done if he had heard the request.

'Silence there!' cried the jailer.

'What is this?' inquired one of the magistrates.

'A pick-pocketing case, your worship.'

'Has the boy ever been here before?'

'He ought to have been, a many times,' replied the jailer.

'He has been pretty well everywhere else.

I know him well, your worship.'

'Oh! you know me, do you?' cried the Artful, making a note of the statement.

'Wery good.

That's a case of deformation of character, any way.'

Here there was another laugh, and another cry of silence.

'Now then, where are the witnesses?' said the clerk.

'Ah! that's right,' added the Dodger.

'Where are they?

I should like to see 'em.'

This wish was immediately gratified, for a policeman stepped forward who had seen the prisoner attempt the pocket of an unknown gentleman in a crowd, and indeed take a handkerchief therefrom, which, being a very old one, he deliberately put back again, after trying it on his own countenance.

For this reason, he took the Dodger into custody as soon as he could get near him, and the said

заинтересован процессом, который может возникнуть на этой почве, пожелал узнать у тюремщика фамилии вон тех двух ловкачей в судейских креслах.

Это столь позабавило зрителей, что они захохотали почти так же громко, как захохотал бы юный Бейтс, если бы услышал такое требование.

- Эй, потише! - крикнул тюремщик.

- В чем его обвиняют? - спросил один из судей.

- В карманной краже, ваша честь.

- Этот мальчик бывал здесь когда-нибудь раньше?

- Много раз следовало бы ему здесь быть, - ответил тюремщик.

- Почти везде он побывал.

Уж я-то его хорошо знаю, ваша честь.

- О, вы меня знаете, вот как? - откликнулся на это сообщение Плут.

- Очень хорошо!

Так или иначе, а это попытка опорочить репутацию.

Тут снова раздался смех, и снова призыв к молчанию.

- Ну, а где же свидетели? - спросил клерк.

- Вот именно, - подхватил Плут.

- Где они?

Хотел бы я на них посмотреть.

Это желание было немедленно удовлетворено, ибо вперед выступил полисмен, который видел, как арестованный покушался на карман какого-то джентльмена в толпе и даже вытащил оттуда носовой платок, оказавшийся таким старым, что он преспокойно положил его назад, предварительно воспользовавшись им для своего собственного носа.

На этом основании он арестовал Плута, как только удалось до него добраться, и при обыске

Dodger, being searched, had upon his person a silver snuff-box, with the owner's name engraved upon the lid.

This gentleman had been discovered on reference to the Court Guide, and being then and there present, swore that the snuff-box was his, and that he had missed it on the previous day, the moment he had disengaged himself from the crowd before referred to.

He had also remarked a young gentleman in the throng, particularly active in making his way about, and that young gentleman was the prisoner before him.

'Have you anything to ask this witness, boy?' said the magistrate.

'I wouldn't abase myself by descending to hold no conversation with him,' replied the Dodger.

'Have you anything to say at all?'

'Do you hear his worship ask if you've anything to say?' inquired the jailer, nudging the silent Dodger with his elbow.

'I beg your pardon,' said the Dodger, looking up with an air of abstraction.

'Did you redress yourself to me, my man?'

'I never see such an out-and-out young wagabond, your worship,' observed the officer with a grin.

'Do you mean to say anything, you young shaver?'

'No,' replied the Dodger, 'not here, for this ain't the shop for justice: besides which, my attorney is a-breakfasting this morning with the Vice President of the House of Commons; but I shall have something to say elsewhere, and so will he, and so will a wery numerous and 'spectable circle of acquaintance as'll make them beaks wish they'd never been born, or that they'd got their footmen to hang 'em up to their own hat-pegs, afore they let 'em come out this morning to try it on upon me.

I'll — '

'There!

у названного Плута была найдена серебряная табакерка с выгравированной на крышке фамилией владельца.

Этого джентльмена разыскивали с помощью "Судебного справочника", и, находясь в настоящее время здесь, он показал под присягой, что табакерка принадлежит ему и что он хватился ее накануне, когда выбрался из той самой толпы.

Он также заметил в толпе молодого джентльмена, весьма решительно прокладывавшего себе дорогу, и находящийся перед ним арестованный и есть этот молодой джентльмен.

- Мальчик, вы имеете о чем-нибудь спросить этого свидетеля? - сказал судья.

- Я не намерен унижаться, снисходя до беседы с ним, - ответил Плут.

- Вы ничего не имеете сказать?

- Слышите, их честь спрашивает, имеете ли вы что сказать? - повторил тюремщик, подталкивая локтем молчавшего Плута.

- Прошу прощенья! - сказал Плут, с рассеянным видом поднимая глаза.

- Это вы ко мне обращаетесь, милейший?

- Никогда я не видал такого прожженного молодого бродяги, ваша честь, - усмехаясь, заметил полисмен.

- Хотите ли вы что-нибудь сказать, юнец?

- Нет, - ответил Плут, - не здесь, потому что эта лавочка не годится для правосудия, да к тому же сегодня утром мой адвокат завтракает с вице-президентом палаты общин. Но в другом месте я кое-что скажу, а также и он и мои многочисленные и почтенные знакомые, и тогда эти крючкотворы пожалеют, что родились на свет или что не приказали своим лакеям повесить их на гвоздь вместо шляпы, когда те отпустили их сегодня утром проделывать надо мной эти штуки.

Я...

- Довольно!

He's fully committed!' interposed the clerk.

'Take him away.'

'Come on,' said the jailer.

'Oh ah! I'll come on,' replied the Dodger, brushing his hat with the palm of his hand. 'Ah! (to the Bench) it's no use your looking frightened; I won't show you no mercy, not a ha'porth of it.

You'll pay for this, my fine fellers.

I wouldn't be you for something!

I wouldn't go free, now, if you was to fall down on your knees and ask me.

Here, carry me off to prison!

Take me away!'

With these last words, the Dodger suffered himself to be led off by the collar; threatening, till he got into the yard, to make a parliamentary business of it; and then grinning in the officer's face, with great glee and self-approval.

Having seen him locked up by himself in a little cell, Noah made the best of his way back to where he had left Master Bates.

After waiting here some time, he was joined by that young gentleman, who had prudently abstained from showing himself until he had looked carefully abroad from a snug retreat, and ascertained that his new friend had not been followed by any impertinent person.

The two hastened back together, to bear to Mr. Fagin the animating news that the Dodger was doing full justice to his bringing-up, and establishing for himself a glorious reputation.

CHAPTER XLIV — THE TIME ARRIVES FOR NANCY TO REDEEM HER PLEDGE TO ROSE MAYLIE. SHE FAILS.

Adept as she was, in all the arts of cunning and dissimulation, the girl Nancy could not wholly conceal the effect which the knowledge of the step she had taken, wrought upon her mind.

Приговорен к преданию суду.

Уведите его, - перебил клерк.

- Идем! - сказал тюремщик.

- Иду, - ответил Плут, чистя ладонью свою шляпу, - Эй (обращаясь к судьям), нечего напускать на себя испуганный вид: я вам не окажу ни малейшего снисхождения, ни на полпенни!

Вы за это заплатите, милейшие!

Я бы ни за что не согласился быть на вашем месте.

Я бы не вышел теперь на волю, даже если бы вы упали на колени и умоляли меня.

Эй, ведите меня в тюрьму!

Уведите меня!

Произнеся эти последние слова, Плут разрешил, чтобы его вытащили за шиворот, и, пока не очутился во дворе, грозил возбудить дело в парламенте, а затем весело и самодовольно ухмыльнулся в лицо полисмену.

Убедившись, что Даукинса заперли в маленькой одиночной камере, Ноэ быстрыми шагами направился туда, где оставил юного Бейтса.

Здесь он дождался этого молодого джентльмена, который благоразумно избегал показываться на глаза, пока из укромного уголка тщательно не обозрел местность и не удостоверился, что никакая назойливая личность не выслеживает его нового друга.

Вдвоем они поспешили домой сообщить мистеру Феджину радостную весть, что Плут воздаст должное полученному им воспитанию и завоевывает себе блестящую репутацию.

ГЛАВА XLIV — Для Нэнси настает время исполнить обещание, данное Роз Мэйли. Она терпит неудачу

Как ни была искушена Нэнси во всех тонкостях искусства хитрить и притворяться, однако она не могла до конца скрыть того смятения, в которое ее поверг соделанный ею поступок.

She remembered that both the crafty Jew and the brutal Sikes had confided to her schemes, which had been hidden from all others: in the full confidence that she was trustworthy and beyond the reach of their suspicion.

Vile as those schemes were, desperate as were their originators, and bitter as were her feelings towards Fagin, who had led her, step by step, deeper and deeper down into an abyss of crime and misery, whence was no escape; still, there were times when, even towards him, she felt some relenting, lest her disclosure should bring him within the iron grasp he had so long eluded, and he should fall at last — richly as he merited such a fate — by her hand.

But, these were the mere wanderings of a mind unable wholly to detach itself from old companions and associations, though enabled to fix itself steadily on one object, and resolved not to be turned aside by any consideration.

Her fears for Sikes would have been more powerful inducements to recoil while there was yet time; but she had stipulated that her secret should be rigidly kept, she had dropped no clue which could lead to his discovery, she had refused, even for his sake, a refuge from all the guilt and wretchedness that encompasses her — and what more could she do!

She was resolved.

Though all her mental struggles terminated in this conclusion, they forced themselves upon her, again and again, and left their traces too.

She grew pale and thin, even within a few days.

At times, she took no heed of what was passing before her, or no part in conversations where once, she would have been the loudest.

At other times, she laughed without merriment, and was noisy without a moment afterwards — she sat silent and dejected, brooding with her head upon her hands, while the very effort by which she roused herself, told, more forcibly than even these indications, that she was ill at ease, and that her

Она помнила, что и лукавый еврей и жестокий Сайкс посвящали ее в свои планы, которые оставались тайной для всех других, в полной уверенности, что она достойна доверия и стоит вне подозрений.

Как ни гнусны были эти планы, какими отъявленными негодьями ни были люди, их замыслившие, и как ни велико было ее озлобление против Феджина, который вел ее шаг за шагом вниз и вниз, в бездну преступлений и отчаяния, откуда нет возврата, однако бывали минуты, когда она смягчалась даже по отношению к нему, опасаясь, как бы ее разоблачение не привело его к тем железным тискам, от которых он так долго ускользал, и как бы он не погиб - хотя такую участь он и заслужил - от ее руки.

Но подобные колебания духа не могли целиком оторвать ее от прежних товарищей и сообщников, хотя она и способна была сосредоточиться на одной цели и не уклоняться в сторону, невзирая ни на какие соображения.

Ее опасения за Сайкса могли послужить более серьезным мотивом для отступления, пока еще не поздно, но она условилась, что ее тайну будут свято хранить, она не дала ни одной нити, которая помогла бы его найти; ради него она даже отказалась спастись от всех преступлений и мерзости, окружавших ее, - могла ли она сделать больше?

Она решилась.

Хотя ее душевная борьба и заканчивалась таким решением, но она начиналась снова и снова и не проходила бесследно.

За эти несколько дней Нэнси похудела и побледнела.

Иногда она никакого внимания не обращала на то, что происходило вокруг, и не принимала участия к разговорах, тогда как прежде кричала бы громче всех.

Иной раз она смеялась невесело и поднимала шум без причины и без толку. Иной раз - это нередко случалось минуту спустя - она сидела молчаливая и понурая, в раздумье опустив голову на руки, и те усилия, какие она делала, чтобы оживиться, красноречивее, чем эти

thoughts were occupied with matters very different and distant from those in the course of discussion by her companions.

It was Sunday night, and the bell of the nearest church struck the hour.

Sikes and the Jew were talking, but they paused to listen.

The girl looked up from the low seat on which she crouched, and listened too.

Eleven.

'An hour this side of midnight,' said Sikes, raising the blind to look out and returning to his seat.

'Dark and heavy it is too.

A good night for business this.'

'Ah!' replied Fagin.

'What a pity, Bill, my dear, that there's none quite ready to be done.'

'You're right for once,' replied Sikes gruffly.

'It is a pity, for I'm in the humour too.'

Fagin sighed, and shook his head despondingly.

'We must make up for lost time when we've got things into a good train. That's all I know,' said Sikes.

'That's the way to talk, my dear,' replied Fagin, venturing to pat him on the shoulder.

'It does me good to hear you.'

'Does you good, does it!' cried Sikes.

'Well, so be it.'

'Ha! ha! ha!' laughed Fagin, as if he were relieved by even this concession.

'You're like yourself to-night, Bill.

Quite like yourself.'

'I don't feel like myself when you lay that withered old claw on my shoulder, so take it away,' said

признаки, говорили о том, что ей не по себе и мысли ее не имеют никакого отношения к тому, о чем толкуют ее товарищи.

Был воскресный вечер, и на ближней церкви колокол начал отбивать часы.

Сайкс с евреем вели беседу, но теперь умолкли, прислушиваясь.

Девушка, сидевшая, сторбившись, на низкой скамье, подняла голову и тоже прислушалась.

Одиннадцать.

- Час до полуночи, - сказал Сайкс, приподняв штору, чтобы посмотреть на улицу, и возвращаясь на свое место.

- И к тому же темно и облачно.

Славная ночка для работы.

- Ах! - вздохнул Феджин.

- Как досадно, Билл, милый мой, что у нас никакой работы не припасено.

- На этот раз вы правы, - хмуро сказал Сайкс.

- Досадно, потому что сейчас мне это пришлось бы по вкусу.

Феджин вздохнул и уныло покачал головой.

- Мы должны наверстать потерянное время, как только дела у нас наладятся, вот что я думаю, - заметил Сайкс.

- Правильно рассуждаете, милый мой, - ответил Феджин, осмелившись потрепать его по плечу.

- Мне приятно вас слушать.

- Вам приятно! - воскликнул Сайкс.

- Ну что ж, пусть так.

- Ха-ха-ха! - засмеялся Феджин, как будто это замечание его успокоило.

- Сегодня вы опять такой, как прежде, Билл.

Совсем такой же.

- А я себя не чувствую таким, когда вы кладете мне на плечо эти усохшие старые когти. Стало быть, уберите их, - сказал Сайкс, отталкивая

Sikes, casting off the Jew's hand.

'It make you nervous, Bill, — reminds you of being nabbed, does it?' said Fagin, determined not to be offended.

'Reminds me of being nabbed by the devil,' returned Sikes.

'There never was another man with such a face as yours, unless it was your father, and I suppose he is singeing his grizzled red beard by this time, unless you came straight from the old 'un without any father at all betwixt you; which I shouldn't wonder at, a bit.'

Fagin offered no reply to this compliment: but, pulling Sikes by the sleeve, pointed his finger towards Nancy, who had taken advantage of the foregoing conversation to put on her bonnet, and was now leaving the room.

'Hallo!' cried Sikes.

'Nance.

Where's the gal going to at this time of night?'

'Not far.'

'What answer's that?' retorted Sikes.

'Do you hear me?'

'I don't know where,' replied the girl.

'Then I do,' said Sikes, more in the spirit of obstinacy than because he had any real objection to the girl going where she listed. 'Nowhere.

Sit down.'

'I'm not well.

I told you that before,' rejoined the girl.

'I want a breath of air.'

'Put your head out of the winder,' replied Sikes.

'There's not enough there,' said the girl.

'I want it in the street.'

руку еврея.

- Это вас волнует, Билл; походит на то, будто вас схватили? - сказал Феджин, решив не обижаться.

- Походит на то, будто меня сам черт схватил, - ответил Сайкс.

- Не бывало еще человека с такой рожей, как у вас. Вот разве что у вашего отца была такая, а уж ему-то, наверно, подпаливают сейчас бороду, рыжую с проседью. Или, может быть, вы произошли прямо от черта, без всякого отца, - меня бы это ничуть не удивило.

На этот комплимент Феджин ничего не ответил, но, дернув Сайкса за рукав, указал пальцем на Нэнси, которая воспользовалась возникшим разговором, чтобы надеть шляпку, и теперь собралась выйти из комнаты.

- Эй! - крикнул Сайкс.

- Нэнс!

Куда это девка вздумала идти так поздно?

- Недалеко.

- Это еще что за ответ? - сказал Сайкс. - Куда ты идешь? - Говорю - недалеко. - А я спрашиваю: куда? - закричал Сайкс.

- Ты меня слышишь?

- Не знаю куда, - ответила девушка.

- Ну, так я знаю, - сказал Сайкс, не столько потому, что у него были веские причины не пускать ее, если бы она вздумала куда-нибудь пойти, сколько из упрямства, - Никуда!..

Сядь!

- Мне нездоровится.

Я тебе уже говорила, - возразила девушка.

- Я хочу подышать свежим воздухом.

- Высунь голову в окно, - ответил Сайкс.

- Мне этого мало, - сказала девушка.

- Мне нужно подышать воздухом на улице.

'Then you won't have it,' replied Sikes.

With which assurance he rose, locked the door, took the key out, and pulling her bonnet from her head, flung it up to the top of an old press.

'There,' said the robber.

'Now stop quietly where you are, will you?'

'It's not such a matter as a bonnet would keep me,' said the girl turning very pale.

'What do you mean, Bill?

Do you know what you're doing?'

'Know what I'm — Oh!' cried Sikes, turning to Fagin, 'she's out of her senses, you know, or she daren't talk to me in that way.'

'You'll drive me on the something desperate,' muttered the girl placing both hands upon her breast, as though to keep down by force some violent outbreak.

'Let me go, will you, — this minute — this instant.'

'No!' said Sikes.

'Tell him to let me go, Fagin.

He had better.

It'll be better for him.

Do you hear me?' cried Nancy stamping her foot upon the ground.

'Hear you!' repeated Sikes turning round in his chair to confront her.

'Aye! And if I hear you for half a minute longer, the dog shall have such a grip on your throat as'll tear some of that screaming voice out.

Wot has come over you, you jade!

Wot is it?'

'Let me go,' said the girl with great earnestness; then sitting herself down on the floor, before the

- Обойдешься! - ответил Сайкс.

С этими словами он встал, запер дверь, вынул ключ и, сорвав у нее с головы шляпку, забросил ее на старый шкаф.

- Вот так, - сказал грабитель.

- Теперь сиди смирно там, где сидела, слышишь?

- Шляпа-то меня не удержит, - сильно побледнев, сказала девушка.

- Что с тобой, Билл?

Да знаешь ли ты, что ты делаешь?

- Знаю ли я... О! - воскликнул Сайкс, поворачиваясь к Феджину. - Смотрите, она свихнулась, иначе она бы не посмела так со мной говорить.

- Ты меня доведешь до какого-нибудь отчаянного поступка, - пробормотала девушка, прижимая обе руки к груди, словно стараясь удержаться от бурного взрыва.

- Отпусти, слышишь... сию же минуту... сию же секунду!

- Нет, - сказал Сайкс.

- Феджин, скажите ему, чтобы он меня отпустил.

Пусть лучше отпустит.

Для него же будет лучше.

Слышишь ты меня? - топнув ногой, крикнула Нэнси.

- Слышу ли? - повторил Сайкс, поворачиваясь на стуле лицом к ней.

- Если я еще минуту буду тебя слышать, собака вцепится тебе в горло так, что выдерет из глотки этот крикливый голос.

Что это на тебя нашло, дрянь ты этакая?!

Что на тебя нашло?

- Пусти меня, - очень настойчиво сказала девушка и, усевшись на пол перед дверью,

door, she said,

'Bill, let me go; you don't know what you are doing.

You don't, indeed.

For only one hour — do — do!'

'Cut my limbs off one by one!' cried Sikes, seizing her roughly by the arm, 'If I don't think the gal's stark raving mad.

Get up.'

'Not till you let me go — not till you let me go — Never — never!' screamed the girl.

Sikes looked on, for a minute, watching his opportunity, and suddenly pinioning her hands dragged her, struggling and wrestling with him by the way, into a small room adjoining, where he sat himself on a bench, and thrusting her into a chair, held her down by force.

She struggled and implored by turns until twelve o'clock had struck, and then, wearied and exhausted, ceased to contest the point any further.

With a caution, backed by many oaths, to make no more efforts to go out that night, Sikes left her to recover at leisure and rejoined Fagin.

'Whew!' said the housebreaker wiping the perspiration from his face.

'Wot a precious strange gal that is!'

'You may say that, Bill,' replied Fagin thoughtfully. 'You may say that.'

'Wot did she take it into her head to go out to-night for, do you think?' asked Sikes.

'Come; you should know her better than me.

Wot does it mean?'

'Obstinacy; woman's obstinacy, I suppose, my dear.'

'Well, I suppose it is,' growled Sikes.

'I thought I had tamed her, but she's as bad as

добавила: - Билл, пусти меня!

Ты не знаешь, что ты делаешь.

Не знаешь...

Только на один час... Пусти!.. Пусти...

- Пусть меня режут на куски, - воскликнул Сайкс, грубо схватив ее за плечо, - если у этой девки не буйное помешательство!

Встань!

- Не встану, пока ты меня непустишь... пока непустишь... ни за что... ни за что!.. - завизжала девушка.

С минуту Сайкс смотрел на нее, подстерегая удобный момент, потом, внезапно скрутив ей руки, потащил ее, невзирая на сопротивление, в маленькую смежную комнату, где швырнул на стул, а сам уселся рядом на скамью, продолжая держать ее.

Она то вырывалась, то умоляла, пока не пробило двенадцать, тогда, устав и выбившись из сил, она перестала настаивать на своем.

Бросив ей предостережение, скрепленное многочисленными ругательствами, не пытаться больше выйти сегодня из дому, Сайкс предоставил ей успокаиваться на досуге и вернулся к Феджину.

- Вот так штука! - сказал взломщик, вытирая пот с лица.

- Чертовски странная девка.

- Что и говорить, Билл... - задумчиво отозвался Феджин, - что и говорить.

- Как вы думаете, что это ей взбрело в голову уходить из дому ночью? - спросил Сайкс.

- Послушайте, вы знаете ее лучше, чем я.

Что это значит?

- Упрямство. Мне кажется, это женское упрямство, мой милый.

- Мне тоже так кажется, - проворчал Сайкс.

- Я думал, что вышколил ее, но она такая же

ever.'

'Worse,' said Fagin thoughtfully.

'I never knew her like this, for such a little cause.'

'Nor I,' said Sikes.

'I think she's got a touch of that fever in her blood yet, and it won't come out — eh?'

'Like enough.'

'I'll let her a little blood, without troubling the doctor, if she's took that way again,' said Sikes.

Fagin nodded an expressive approval of this mode of treatment.

'She was hanging about me all day, and night too, when I was stretched on my back; and you, like a blackhearted wolf as you are, kept yourself aloof,' said Sikes.

'We was poor too, all the time, and I think, one way or other, it's worried and fretted her; and that being shut up here so long has made her restless — eh?'

'That's it, my dear,' replied the Jew in a whisper.

'Hush!'

As he uttered these words, the girl herself appeared and resumed her former seat.

Her eyes were swollen and red; she rocked herself to and fro; tossed her head; and, after a little time, burst out laughing.

'Why, now she's on the other tack!' exclaimed Sikes, turning a look of excessive surprise on his companion.

Fagin nodded to him to take no further notice just then; and, in a few minutes, the girl subsided into her accustomed demeanour.

Whispering Sikes that there was no fear of her relapsing, Fagin took up his hat and bade him good-night.

He paused when he reached the room-door, and looking round, asked if somebody would light him

дрянь, какой была.

- Хуже, - задумчиво произнес Феджин.

- Я никогда еще не видел, чтобы это с ней случилось из-за таких пустяков.

- Я тоже, - сказал Сайкс.

- Я думаю, у нее еще бродит в крови эта лихорадка, а?

- Похоже на то.

- Если она еще раз примется за такие штуки, я ей сделаю маленькое кровопускание, не утруждая доктора, - сказал Сайкс.

Феджин выразительно кивнул, одобряя такой способ лечения.

- Она по целым дням, да и по ночам не отходила от меня, когда я лежал пластом, а вы, злое, волчье отродье, держались в стороне, - сказал Сайкс.

- К тому же мы все время очень нуждались, и, я думаю, ее это мучило и раздражало, а от долгого сиденья здесь взаперти она, наверно, и сделалась такой беспокойной.

- Так оно и есть, мой милый, - шепотом ответил еврей.

- Тише.

Как только он произнес эти слова, девушка вошла в комнату и села на прежнее место.

Глаза у нее опухли и покраснели; она раскачивалась взад и вперед, встряхивала головой и вдруг расхохоталась.

- Ну вот, теперь она покатила по другой дорожке! - воскликнул Сайкс, с величайшим изумлением посмотрев на своего собеседника.

Феджин кивнул ему, чтобы он не обращал на нее внимания, и через несколько минут девушка пришла в себя.

Шепнув Сайксу, что больше нечего опасаться нового припадка, Феджин взял шляпу и пожелал ему спокойной ночи.

У двери он приостановился и, оглянувшись, спросил, не посветит ли ему кто-нибудь на

down the dark stairs.

'Light him down,' said Sikes, who was filling his pipe.

'It's a pity he should break his neck himself, and disappoint the sight-seers.

Show him a light.'

Nancy followed the old man downstairs, with a candle.

When they reached the passage, he laid his finger on his lip, and drawing close to the girl, said, in a whisper.

'What is it, Nancy, dear?'

'What do you mean?' replied the girl, in the same tone.

'The reason of all this,' replied Fagin.

'If he' — he pointed with his skinny fore-finger up the stairs — 'is so hard with you (he's a brute, Nance, a brute-beast), why don't you — '

'Well?' said the girl, as Fagin paused, with his mouth almost touching her ear, and his eyes looking into hers.

'No matter just now.

We'll talk of this again.

You have a friend in me, Nance; a staunch friend.

I have the means at hand, quiet and close.

If you want revenge on those that treat you like a dog — like a dog! worse than his dog, for he humours him sometimes — come to me.

I say, come to me.

He is the mere hound of a day, but you know me of old, Nance.'

'I know you well,' replied the girl, without manifesting the least emotion.

'Good-night.'

She shrank back, as Fagin offered to lay his hand

темной лестнице.

- Посвети ему, - сказал Сайкс, набивавший трубку.

- Жаль будет, если он свернет себе шею и разочарует любителей зрелищ.

Проводи его со свечой.

Взяв свечу, Нэнси спустилась вслед за стариком по лестнице.

Когда они вышли в коридор, он приложил палец к губам и, придвинувшись к девушке, спросил шепотом:

- Что случилось, Нэнси, милая?

- О чем вы говорите? - также тихо спросила девушка.

- О причине всего этого, - ответил Феджин.

- Если о_н, - костлявым пальцем он указал вверх, - так жесток с тобой (ведь он скотина, Нэнс, грубая скотина), то почему же ты не...

- Ну? - сказала девушка, когда Феджин замолчал, почти касаясь губами ее уха и не сводя с нее глаз.

- Сейчас не будем говорить.

Мы об этом еще потолкуем.

Во мне ты имеешь друга, Нэнс, верного друга.

У меня есть средства под рукой, надежные и безопасные.

Если ты хочешь отомстить тем, кто обращается с тобой как с собакой - нет, хуже, чем с собакой, потому что ей он иной раз потакает, - приходи ко мне.

Слышишь, приходи ко мне!

Этот негодяй у тебя на один день, а меня ты давно знаешь, Нэнс.

- Я вас хорошо знаю, - отозвалась девушка без всякого волнения.

- Спокойной ночи.

Она отшатнулась, когда Феджин хотел пожать ей руку, но снова твердым голосом пожелала

on hers, but said good-night again, in a steady voice, and, answering his parting look with a nod of intelligence, closed the door between them.

Fagin walked towards his home, intent upon the thoughts that were working within his brain.

He had conceived the idea — not from what had just passed though that had tended to confirm him, but slowly and by degrees — that Nancy, wearied of the housebreaker's brutality, had conceived an attachment for some new friend.

Her altered manner, her repeated absences from home alone, her comparative indifference to the interests of the gang for which she had once been so zealous, and, added to these, her desperate impatience to leave home that night at a particular hour, all favoured the supposition, and rendered it, to him at least, almost matter of certainty.

The object of this new liking was not among his myrmidons.

He would be a valuable acquisition with such an assistant as Nancy, and must (thus Fagin argued) be secured without delay.

There was another, and a darker object, to be gained.

Sikes knew too much, and his ruffian taunts had not galled Fagin the less, because the wounds were hidden.

The girl must know, well, that if she shook him off, she could never be safe from his fury, and that it would be surely wreaked — to the maiming of limbs, or perhaps the loss of life — on the object of her more recent fancy.

'With a little persuasion,' thought Fagin, 'what more likely than that she would consent to poison him?'

Women have done such things, and worse, to secure the same object before now.

There would be the dangerous villain: the man I hate: gone; another secured in his place; and my influence over the girl, with a knowledge of this

ему спокойной ночи и, ответив на его прощальный взгляд многозначительным кивком, заперла за ним дверь.

Феджин направился к себе домой, погруженный в глубокие размышления.

У него медленно и постепенно зарождалось подозрение - не только из-за сегодняшней сцены, хотя она и служила тому подтверждением, - подозрение, что Нэнси, измученная грубостью взломщика, решила завести себе нового друга.

Перемена в ее обращении, частые отлучки из дому, некоторое равнодушие к интересам шайки, которой она когда-то была так предана, и в довершение - ее неудержимое желание уйти в тот вечер в определенный час - все это делало правдоподобным его догадку и превращало ее, по крайней мере для него, чуть ли не в уверенность.

Предмет этой новой любви не был одним из его подручных.

Он мог оказаться ценным приобретением с такой помощницей, как Нэнси, и его следовало (так рассуждал Феджин) привлечь без промедления.

Нельзя было терять из виду и другой цели, еще более преступной.

Сайксу слишком многое было известно, а его грубое издевательство раздражало Феджина ничуть не меньше оттого, что он это скрывал.

Девушка должна прекрасно знать, что, если она его бросит, ей никогда не защитить себя от его ярости, и эта ярость несомненно обрушится на предмет ее нового увлечения, а это приведет к увечью, может быть и к смерти.

"Стоит подговорить ее, - размышлял Феджин, - и весьма вероятно, что она согласится его отравить.

Для этого женщины проделывали вещи и похуже.

Исчезнет опасный негодяй, человек, которого я ненавижу, его место займет другой, а мое влияние на девушку, подкрепленное тем, что ее преступление мне известно, окажется

crime to back it, unlimited.'

These things passed through the mind of Fagin, during the short time he sat alone, in the housebreaker's room; and with them uppermost in his thoughts, he had taken the opportunity afterwards afforded him, of sounding the girl in the broken hints he threw out at parting.

There was no expression of surprise, no assumption of an inability to understand his meaning.

The girl clearly comprehended it.

Her glance at parting showed that.

But perhaps she would recoil from a plot to take the life of Sikes, and that was one of the chief ends to be attained.

'How,' thought Fagin, as he crept homeward, 'can I increase my influence with her?

What new power can I acquire?'

Such brains are fertile in expedients.

If, without extracting a confession from herself, he laid a watch, discovered the object of her altered regard, and threatened to reveal the whole history to Sikes (of whom she stood in no common fear) unless she entered into his designs, could he not secure her compliance?

'I can,' said Fagin, almost aloud.

'She durst not refuse me then.

Not for her life, not for her life!

I have it all.

The means are ready, and shall be set to work.

I shall have you yet!'

He cast back a dark look, and a threatening motion of the hand, towards the spot where he had left the bolder villain; and went on his way: busying his bony hands in the folds of his tattered garment, which he wrenched tightly in his grasp, as though there were a hated enemy crushed with every motion of his fingers.

безграничным".

Эти соображения промелькнули в голове Феджина за короткое время, пока он сидел в комнате грабителя, и, всецело занятый ими, он затем воспользовался представившимся случаем испытать девушку с помощью туманных намеков, брошенных при прощании.

Она не удивилась, но притворилась, будто ей непонятен смысл его слов.

Девушка все поняла.

Об этом говорил при прощании ее взгляд.

Но, может быть, она отшатнется от предложения лишить Сайкса жизни, а это была одна из главных целей, о которой надо было помнить.

"Как усилить мое влияние на нее? - думал Феджин, плетясь домой.

- Как мне добиться большей власти?"

Такие люди умеют изыскивать средства.

Скажем, не вырывая у нее признания, он, Феджин, примется выслеживать, откроет предмет ее новой привязанности и, если она отвергнет его замысел, пригрозит рассказать обо всем Сайксу (которого она не на шутку боялась), - разве не обеспечит он себе ее согласия?

- Я этого добьюсь, - прошептал Феджин.

- Тогда она не посмеет мне отказать.

Ни за что, ни за что не посмеет.

Я все обдумал.

Средства под рукой и будут пущены в ход.

Я еще до тебя доберусь!

Он бросил мрачный взгляд назад, сделал угрожающий жест, глядя в ту сторону, где оставил негодяя, более храброго, чем он сам, и пошел своей дорогой, теребя и туго закручивая костлявыми пальцами складки рваного плаща, словно руки его сокрушали ненавистного врага.

CHAPTER XLV — NOAH CLAYPOLE IS EMPLOYED BY FAGIN ON A SECRET MISSION

The old man was up, betimes, next morning, and waited impatiently for the appearance of his new associate, who after a delay that seemed interminable, at length presented himself, and commenced a voracious assault on the breakfast.

'Bolter,' said Fagin, drawing up a chair and seating himself opposite Morris Bolter.

'Well, here I am,' returned Noah.

'What's the matter?

Don't yer ask me to do anything till I have done eating.

That's a great fault in this place. Yer never get time enough over yer meals.'

'You can talk as you eat, can't you?' said Fagin, cursing his dear young friend's greediness from the very bottom of his heart.

'Oh yes, I can talk.

I get on better when I talk,' said Noah, cutting a monstrous slice of bread.

'Where's Charlotte?'

'Out,' said Fagin.

'I sent her out this morning with the other young woman, because I wanted us to be alone.'

'Oh!' said Noah.

'I wish yer'd ordered her to make some buttered toast first.

Well.

Talk away.

Yer won't interrupt me.'

There seemed, indeed, no great fear of anything

ГЛАВА XLV — Феджин дает Ноэ Клейполу секретное поручение

На следующее утро старик встал рано и с нетерпением ждал прихода своего нового сообщника, который с большим опозданием явился, наконец, и с жадностью набросился на завтрак.

- Болтер, - сказал Феджин, придвигая стул и усаживаясь против Мориса Болтера.

- Ну вот, я здесь, - отозвался Ноэ.

- Что случилось?

Не просите меня ни о чем, пока я не покончу с едой.

Вот что у вас здесь плохо: никогда не хватает времени спокойно поесть.

- Разве вы не можете разговаривать и есть одновременно? - спросил Феджин, от всей души проклиная прожорливость своего любезного молодого друга.

- Ну что же, разговаривать я могу.

У меня дело идет лучше, когда я разговариваю, - сказал Ноэ, отрезая чудовищный ломоть хлеба.

- Где Шарлотт?

- Ушла, - ответил Феджин.

- Я ее отослал утром с другой молодой женщиной, потому что хотел остаться с вами наедине.

- О! - сказал Ноэ.

- Жаль, что вы не приказали ей сначала приготовить гренки с маслом.

Ну ладно.

Говорите.

Вы мне не мешаете.

В самом деле, не было, казалось, большой

interrupting him, as he had evidently sat down with a determination to do a great deal of business.

'You did well yesterday, my dear,' said Fagin.

'Beautiful!

Six shillings and ninepence halfpenny on the very first day!

The kinchin lay will be a fortune to you.'

'Don't you forget to add three pint-pots and a milk-can,' said Mr. Bolter.

'No, no, my dear.

The pint-pots were great strokes of genius: but the milk-can was a perfect masterpiece.'

'Pretty well, I think, for a beginner,' remarked Mr. Bolter complacently.

'The pots I took off airy railings, and the milk-can was standing by itself outside a public-house.

I thought it might get rusty with the rain, or catch cold, yer know.

Eh?

Ha! ha! ha!'

Fagin affected to laugh very heartily; and Mr. Bolter having had his laugh out, took a series of large bites, which finished his first hunk of bread and butter, and assisted himself to a second.

'I want you, Bolter,' said Fagin, leaning over the table, 'to do a piece of work for me, my dear, that needs great care and caution.'

'I say,' rejoined Bolter, 'don't yer go shoving me into danger, or sending me any more o' yer police-offices.

That don't suit me, that don't; and so I tell yer.'

'That's not the smallest danger in it — not the very

опасности помешать ему чем бы то ни было, так как он уселся за стол с твердым намерением потрудиться на славу.

- Вчера вы хорошо поработали, мой милый, - сказал Феджин.

- Превосходно.

В первый же день шесть шиллингов девять с половиной пенсов.

Вы сколотите себе состояние на облапошивании птенцов.

- Не забудьте прибавить к этому три пинтовые кружки и кувшин для молока, - сказал мистер Болтер.

- Да, да, мой милый.

Что касается до кружек - это было здорово сделано, а кувшин - завидная работа.

- Мне кажется, очень неплохо для начинающего, - самодовольно заметил мистер Болтер.

- Кружки я снял с изгороди, а кувшин стоял сам по себе у входа в трактир.

Я подумал, как бы он не заржавел от дождя или, знаете ли, не схватил простуду.

А?

Ха-ха-ха!

Феджин сделал вид, будто смеется от души, а мистер Болтер, нахохотавшись вдосталь, проглотил один за другим несколько больших кусков и, покончив с первым ломтем хлеба с маслом, принялся за второй.

- Мне нужно, Болтер, - сказал Феджин, нагнувшись над столом, - чтобы вы, мой милый, исполнили для меня одну работу, требующую величайшего старания и осмотрительности.

- Послушайте, - сказал Болтер, - не вздумайте толкать меня на опасное дело или опять посылать в ваше полицейское управление.

Это мне вовсе не подходит, и я вам так прямо и говорю.

- Никакой опасности в этом нет, ни малейшей, -

smallest,' said the Jew; 'it's only to dodge a woman.'

'An old woman?' demanded Mr. Bolter.

'A young one,' replied Fagin.

'I can do that pretty well, I know,' said Bolter.

'I was a regular cunning sneak when I was at school.

What am I to dodge her for?

Not to — '

'Not to do anything, but to tell me where she goes, who she sees, and, if possible, what she says; to remember the street, if it is a street, or the house, if it is a house; and to bring me back all the information you can.'

'What'll yer give me?' asked Noah, setting down his cup, and looking his employer, eagerly, in the face.

'If you do it well, a pound, my dear.

One pound,' said Fagin, wishing to interest him in the scent as much as possible.

'And that's what I never gave yet, for any job of work where there wasn't valuable consideration to be gained.'

'Who is she?' inquired Noah.

'One of us.'

'Oh Lor!' cried Noah, curling up his nose.

'Yer doubtful of her, are yer?'

'She has found out some new friends, my dear, and I must know who they are,' replied Fagin.

'I see,' said Noah.

'Just to have the pleasure of knowing them, if they're respectable people, eh?

Ha! ha! ha!

сказал еврей, - нужно только проследить за одной женщиной.

- За старухой? - спросил мистер Болтер.

- За молодой, - ответил еврей.

- С этим делом я прекрасно могу справиться, - сказал Болтер.

- В школе я был ловким доносчиком.

А зачем мне ее выслеживать?

Уж не для того ли, чтобы...

- Делать ничего не нужно, только сообщите мне, куда она ходит, с кем встречается и, если возможно, что говорит; запомнить улицу - если это улица, или дом - если это дом, и принести мне все сведения, какие раздобудете.

- Сколько вы мне заплатите? - спросил Ноэ, поставив чашку и жадно всматриваясь в лицо своего хозяина.

- Фунт, если вы хорошо это обделаете, мой милый.

Целый фунт, - сказал Феджин, желая заинтересовать его выслеживанием.

- Столько я никогда еще не давал за работу, которая не приносит никаких выгод.

- А кто она? - осведомился Ноэ.

- Одна из наших.

- Ах, бог ты мой! - воскликнул Ноэ, сморщив нос.

- Вы, значит, ее подозреваете?

- Она нашла себе каких-то новых друзей, мой милый, а я должен знать, кто они, - ответил Феджин.

- Понимаю, - сказал Ноэ.

- Только для того, чтобы иметь удовольствие познакомиться с ними, если они люди почтенные, да?

Ха-ха-ха!..

I'm your man.'

'I knew you would be,' cried Fagin, elated by the success of his proposal.

'Of course, of course,' replied Noah.

'Where is she?

Where am I to wait for her?

Where am I to go?'

'All that, my dear, you shall hear from me.

I'll point her out at the proper time,' said Fagin.

'You keep ready, and leave the rest to me.'

That night, and the next, and the next again, the spy sat booted and equipped in his carter's dress: ready to turn out at a word from Fagin.

Six nights passed — six long weary nights — and on each, Fagin came home with a disappointed face, and briefly intimated that it was not yet time.

On the seventh, he returned earlier, and with an exultation he could not conceal.

It was Sunday.

'She goes abroad to-night,' said Fagin, 'and on the right errand, I'm sure; for she has been alone all day, and the man she is afraid of will not be back much before daybreak.

Come with me.

Quick!'

Noah started up without saying a word; for the Jew was in a state of such intense excitement that it infected him.

They left the house stealthily, and hurrying through a labyrinth of streets, arrived at length before a public-house, which Noah recognised as the same in which he had slept, on the night of his arrival in London.

It was past eleven o'clock, and the door was

Я готов вам служить.

- Я знал, что вы согласитесь! - воскликнул Феджин в восторге от успеха своей затеи.

- Конечно, конечно! - отозвался Ноэ.

- Где она?

Где мне ее подстергать?

Куда я должен идти?

- Все это вы узнаете от меня, мой милый.

Я вам ее покажу, когда придет время, - сказал Феджин.

- Будьте наготове, а остальное предоставьте мне.

Этот вечер и два следующих шпион просидел в сапогах и в полном снаряжении возчика, готовый выйти по приказу Феджина.

Прошло шесть вечеров - шесть долгих, томительных вечеров, - и каждый раз Феджин приходил домой с разочарованной миной и коротко сообщал, что время еще не настало.

На седьмой день он явился раньше обычного, с трудом скрывая свой восторг.

Было воскресенье.

- Сегодня ода уйдет из дому, - сказал Феджин. - И я уверен, по тому самому делу... Целый день она провела одна, а человек, которого она боится, вернется не раньше чем на рассвете.

Идем.

Поторапливайтесь!

Ноэ вскочил, не говоря ни слова, ибо еврей был в таком сильном волнении, что оно передалось и ему.

Крадучись они вышли из дому и, быстро пройдя лабиринтом улиц, остановились, наконец, перед трактиром, в котором Ноэ признал тот самый, где провел ночь по прибытии своем в Лондон.

closed.

It opened softly on its hinges as Fagin gave a low whistle.

They entered, without noise; and the door was closed behind them.

Scarcely venturing to whisper, but substituting dumb show for words, Fagin, and the young Jew who had admitted them, pointed out the pane of glass to Noah, and signed to him to climb up and observe the person in the adjoining room.

'Is that the woman?' he asked, scarcely above his breath.

Fagin nodded yes.

'I can't see her face well,' whispered Noah.

'She is looking down, and the candle is behind her.

'Stay there,' whispered Fagin.

He signed to Barney, who withdrew.

In an instant, the lad entered the room adjoining, and, under pretence of snuffing the candle, moved it in the required position, and, speaking to the girl, caused her to raise her face.

'I see her now,' cried the spy.

'Plainly?'

'I should know her among a thousand.'

He hastily descended, as the room-door opened, and the girl came out.

Fagin drew him behind a small partition which was curtained off, and they held their breaths as she passed within a few feet of their place of concealment, and emerged by the door at which they had entered.

'Hist!' cried the lad who held the door.

'Dow.'

Noah exchanged a look with Fagin, and darted out.

'To the left,' whispered the lad; 'take the left had,

Был двенадцатый час, и дверь была заперта.

Она бесшумно распахнулась, когда Феджин негромко свистнул.

Они потихоньку вошли, и дверь за ними закрылась.

Едва осмеливаясь говорить шепотом и заменяя речь пантомимой, Феджин и молодой еврей, впусивший их, указали Ноэ на оконце и знаком предложили ему посмотреть на особу в соседней комнате.

- Это та самая женщина? - спросил он чуть слышно.

Феджин утвердительно кивнул головой.

- Я не могу разглядеть ее лицо, - прошептал Ноэ.

- Она опустила голову, а свеча стоит у нее за спиной.

- Подождите, - шепнул Феджин.

Он сделал знак Барни, после чего тот удалился.

Секунду спустя парень вошел в соседнюю комнату и, якобы желая снять нагар со свечи, передвинул ее, как было нужно, и, заговорив с девушкой, заставил ее поднять голову.

- Теперь я ее вижу, - прошептал шпион.

- Ясно?

- Я узнал бы ее из тысячи!

Он быстро спустился вниз, так как дверь комнаты распахнулась и появилась девушка.

Феджин оттащил его в угол комнаты, отделенный занавеской, и они затаили дыхание, когда она прошла в нескольких футах от их убежища и исчезла за дверью, в которую они вошли.

- Тес! - сказал парень, открывший дверь.

- Пора!

Ноэ переглянулся с Феджином и выбежал из трактира.

- Налево! - шепнул парень. - Ступайте налево и

and keep on the other side.'

He did so; and, by the light of the lamps, saw the girl's retreating figure, already at some distance before him.

He advanced as near as he considered prudent, and kept on the opposite side of the street, the better to observe her motions.

She looked nervously round, twice or thrice, and once stopped to let two men who were following close behind her, pass on.

She seemed to gather courage as she advanced, and to walk with a steadier and firmer step.

The spy preserved the same relative distance between them, and followed: with his eye upon her.

CHAPTER XLVI — THE APPOINTMENT KEPT

The church clocks chimed three quarters past eleven, as two figures emerged on London Bridge.

One, which advanced with a swift and rapid step, was that of a woman who looked eagerly about her as though in quest of some expected object; the other figure was that of a man, who slunk along in the deepest shadow he could find, and, at some distance, accommodated his pace to hers: stopping when she stopped: and as she moved again, creeping stealthily on: but never allowing himself, in the ardour of his pursuit, to gain upon her footsteps.

Thus, they crossed the bridge, from the Middlesex to the Surrey shore, when the woman, apparently disappointed in her anxious scrutiny of the foot-passengers, turned back.

The movement was sudden; but he who watched her, was not thrown off his guard by it; for, shrinking into one of the recesses which surmount the piers of the bridge, and leaning over the parapet the better to conceal his figure, he suffered her to pass on the opposite pavement.

держитесь противоположной стороны улицы.

Ноэ так и сделал и при свете фонарей увидел удаляющуюся фигуру девушки, уже значительно его опередившей.

Придерживаясь все время другой стороны улицы, он приблизился к ней настолько, насколько считал благоразумным, чтобы удобнее было за нею следить.

Раза два или три она тревожно оглянулась, а один раз приостановилась, желая пропустить двух мужчин, шедших за нею.

Казалось, она набиралась храбрости по мере того, как шла дальше, и теперь шагала более твердо и уверенно.

Шпион соблюдал между нею и собой все то же расстояние и шел, не спуская с нее глаз.

ГЛАВА XLVI — Свидание состоялось

Церковные часы пробили три четверти двенадцатого, когда на Лондонском мосту появились две фигуры.

Одна, шедшая впереди торопливым и быстрым шагом, была женщина, которая нетерпеливо озиралась, словно поджидала и отыскивала кого-то; другая фигура - мужчина, пробиравшийся в самой густой тени, какую только мог найти, и издали принарамливавший свой шаг к ее шагам: приостанавливаясь, когда останавливалась она, и двигаясь вперед, как только она шла дальше, но и в пылу преследования не позволяя себе нагнать ее.

Так перешли они по мосту из Мидлсекса на Саррийскую сторону, как вдруг женщина, с тревогой заглядывавшая в лица прохожих, по-видимому, обманулась в своих надеждах и повернула назад.

Она повернула внезапно, но тот, кто за ней следил, не был застигнут врасплох: забившись в одну из ниш над быками моста и перегнувшись через перила, чтобы лучше спрятаться, он выждал, пока она не прошла по противоположному тротуару.

When she was about the same distance in advance as she had been before, he slipped quietly down, and followed her again.

At nearly the centre of the bridge, she stopped.

The man stopped too.

It was a very dark night. The day had been unfavourable, and at that hour and place there were few people stirring.

Such as there were, hurried quickly past: very possibly without seeing, but certainly without noticing, either the woman, or the man who kept her in view.

Their appearance was not calculated to attract the importunate regards of such of London's destitute population, as chanced to take their way over the bridge that night in search of some cold arch or doorless hovel wherein to lay their heads; they stood there in silence: neither speaking nor spoken to, by any one who passed.

A mist hung over the river, deepening the red glare of the fires that burnt upon the small craft moored off the different wharfs, and rendering darker and more indistinct the murky buildings on the banks.

The old smoke-stained storehouses on either side, rose heavy and dull from the dense mass of roofs and gables, and frowned sternly upon water too black to reflect even their lumbering shapes.

The tower of old Saint Saviour's Church, and the spire of Saint Magnus, so long the giant-warders of the ancient bridge, were visible in the gloom; but the forest of shipping below bridge, and the thickly scattered spires of churches above, were nearly all hidden from sight.

The girl had taken a few restless turns to and fro — closely watched meanwhile by her hidden observer — when the heavy bell of St. Paul's tolled for the death of another day.

Midnight had come upon the crowded city.

The palace, the night-cellar, the jail, the

Когда она оказалась впереди его примерно на таком же расстоянии, как и раньше, он потихоньку вышел и снова последовал за ней.

Почти на середине моста она остановилась.

Остановился и мужчина.

Ночь была очень темная, погода стояла плохая, и в этот час и в таком месте людей было мало.

Немногие прохожие быстро шли мимо, по всей вероятности, не замечая ни женщины, ни мужчины, который не терял ее из виду, и, уж конечно, не обращая на них внимания.

Не такой был у них вид, чтобы привлекать докучливые взоры тех лондонских нищих, которые случайно проходили в тот вечер по мосту в поисках какой-нибудь холодной ниши или лачуги без дверей, где можно приклонить голову. Оба стояли молча - ни с кем не заговаривали, и никто из прохожих не заговаривал с ними.

Над рекой навис туман, сгущая красные отблески огней, которые горели на маленьких судах, пришвартованных к различным пристаням, и в тумане мрачные строения на берегу казались еще более хмурыми и расплывчатыми.

Старые, закопченные склады, по обоим берегам реки поднимались, тяжелые и сумрачные над тесным скопищем крыш и карнизов и мрачно взирали на воду, слишком черную, чтобы отражать даже их громоздкую массу.

Во мраке виднелись башня старой церкви Спасителя и шпиль церкви Сент Магнуса - древние стражи-гиганты старинного моста, но лес мачт внизу и густо рассыпанные шпиль церкви вверх были почти скрыты от глаз.

Девушка беспокойно прошла несколько раз взад и вперед - за ней все время пристально следил прятавшийся от нее наблюдатель, - наконец, тяжелый колокол собора св. Павла возвестил о смерти еще одного дня.

Полночь спустилась на многолюдный город.

На дворец, на ночной винный погребок, на

madhouse: the chambers of birth and death, of health and sickness, the rigid face of the corpse and the calm sleep of the child: midnight was upon them all.

The hour had not struck two minutes, when a young lady, accompanied by a grey-haired gentleman, alighted from a hackney-carriage within a short distance of the bridge, and, having dismissed the vehicle, walked straight towards it.

They had scarcely set foot upon its pavement, when the girl started, and immediately made towards them.

They walked onward, looking about them with the air of persons who entertained some very slight expectation which had little chance of being realised, when they were suddenly joined by this new associate.

They halted with an exclamation of surprise, but suppressed it immediately; for a man in the garments of a countryman came close up — brushed against them, indeed — at that precise moment.

'Not here,' said Nancy hurriedly,

'I am afraid to speak to you here.

Come away — out of the public road — down the steps yonder!'

As she uttered these words, and indicated, with her hand, the direction in which she wished them to proceed, the countryman looked round, and roughly asking what they took up the whole pavement for, passed on.

The steps to which the girl had pointed, were those which, on the Surrey bank, and on the same side of the bridge as Saint Saviour's Church, form a landing-stairs from the river.

To this spot, the man bearing the appearance of a countryman, hastened unobserved; and after a moment's survey of the place, he began to descend.

These stairs are a part of the bridge; they consist of three flights.

Just below the end of the second, going down, the stone wall on the left terminates in an ornamental

тюрем, на сумасшедший дом, на приют рождения и смерти, здоровья и болезни, на застывшее лицо мертвеца и мирный сон ребенка - на все спустилась полночь.

Не прошло и двух минут после боя часов, как из наемной кареты, остановившейся неподалеку от моста, вышли молодая леди и седой джентльмен и, отпустив экипаж, направились прямо к мосту.

Они едва успели вступить на него, как девушка встрепенулась и сейчас же поспешила к ним навстречу.

Они шли вперед, посматривая по сторонам с таким видом, как будто ждали чего-то, что вряд ли могло осуществиться, когда перед ними внезапно появилась девушка.

Они остановились, вскрикнув от изумления, но тотчас умолкли, потому что в этот самый момент мимо них прошел очень близко - даже задел их - какой-то человек, одетый по-деревенски.

- Не здесь! - торопливо сказала Нэнси.

- Здесь я боюсь разговаривать с вами.

Пойдемте... подальше от дороги... вот сюда, вниз по ступеням.

Когда она произнесла эти слова и указала рукой в ту сторону, куда хотела их повести, деревенский парень оглянулся и, грубо спросив, чего ради они заняли весь тротуар, пошел дальше.

Ступени, указанные девушкой, были те самые, которые на Саррийской стороне, на том же берегу, где церковь Спасителя, служат речной пристанью.

Сюда-то и поспешил никем не замеченный человек, похожий на деревенского жителя, и, быстро окинув взглядом это место, стал спускаться.

Эта лестница является частью моста; она состоит из трех пролетов.

В конце второго уходящая вниз каменная стена заканчивается с левой стороны

pilaster facing towards the Thames.

At this point the lower steps widen: so that a person turning that angle of the wall, is necessarily unseen by any others on the stairs who chance to be above him, if only a step.

The countryman looked hastily round, when he reached this point; and as there seemed no better place of concealment, and, the tide being out, there was plenty of room, he slipped aside, with his back to the pilaster, and there waited: pretty certain that they would come no lower, and that even if he could not hear what was said, he could follow them again, with safety.

So tardily stole the time in this lonely place, and so eager was the spy to penetrate the motives of an interview so different from what he had been led to expect, that he more than once gave the matter up for lost, and persuaded himself, either that they had stopped far above, or had resorted to some entirely different spot to hold their mysterious conversation.

He was on the point of emerging from his hiding-place, and regaining the road above, when he heard the sound of footsteps, and directly afterwards of voices almost close at his ear.

He drew himself straight upright against the wall, and, scarcely breathing, listened attentively.

'This is far enough,' said a voice, which was evidently that of the gentleman.

'I will not suffer the young lady to go any farther.

Many people would have distrusted you too much to have come even so far, but you see I am willing to humour you.'

'To humour me!' cried the voice of the girl whom he had followed.

'You're considerate, indeed, sir.

To humour me!

Well, well, it's no matter.'

орнаментальным пилястром, обращенным к Темзе.

Здесь нижние ступени шире, так что человек, завернувший за угол этой стены, не может быть замечен находящимися на лестнице, если они стоят хотя бы на одну ступеньку выше, чем он.

Дойдя до этого места, деревенский парень быстро осмотрелся вокруг, и, так как нигде не видно было более укромного уголка, а благодаря отливу места было вполне достаточно, он крадучись свернул в сторону и, прижавшись спиной к пилястру, ждал, совершенно уверенный, что они не спустятся ниже и, если даже ему не удастся подслушать разговор, он может с полной безопасностью снова пойти за ними следом.

Так медленно тянулось время в этом уединенном уголке и так не терпелось шпиону разузнать причины свидания, столь не похожего на то, какого он мог ждать, что он не раз готов был счесть дело проигранным и говорил себе, что либо они остановились значительно выше, либо удалились для своей таинственной беседы совсем в другое место.

Он уже собрался выйти из своего тайника и снова подняться наверх, как вдруг услышал шаги и сейчас же вслед за этим голоса чуть ли не над самым своим ухом.

Он выпрямился, прижимаясь к стене, и, затаив дыхание, стал внимательно слушать.

- Довольно! - сказал голос, несомненно принадлежавший джентльмену.

- Я не допущу, чтобы эта молодая леди шла дальше.

Немногие доверились бы вам настолько, чтобы прийти с вами сюда, но, как видите, я готов вам потакать.

- Потакать мне! - раздался голос девушки, которую он выслеживал.

- Право же, вы очень деликатны, сэр.

Потакать мне!

Ну, неважно.

'Why, for what,' said the gentleman in a kinder tone, 'for what purpose can you have brought us to this strange place?

Why not have let me speak to you, above there, where it is light, and there is something stirring, instead of bringing us to this dark and dismal hole?'

'I told you before,' replied Nancy, 'that I was afraid to speak to you there.

I don't know why it is,' said the girl, shuddering, 'but I have such a fear and dread upon me to-night that I can hardly stand.'

'A fear of what?' asked the gentleman, who seemed to pity her.

'I scarcely know of what,' replied the girl.

'I wish I did.

Horrible thoughts of death, and shrouds with blood upon them, and a fear that has made me burn as if I was on fire, have been upon me all day.

I was reading a book to-night, to wile the time away, and the same things came into the print.'

'Imagination,' said the gentleman, soothing her.

'No imagination,' replied the girl in a hoarse voice.

'I'll swear I saw "coffin" written in every page of the book in large black letters, — aye, and they carried one close to me, in the streets to-night.'

'There is nothing unusual in that,' said the gentleman.

'They have passed me often.'

'Real ones,' rejoined the girl.

'This was not.'

There was something so uncommon in her manner, that the flesh of the concealed listener crept as he heard the girl utter these words, and the blood chilled within him.

- Но с какой же целью, - сказал джентльмен более мягким тоном, - с какой целью вы привели нас в это странное место?

Почему не позволили мне поговорить с вами там, наверху, где светло и встречаются прохожие, вместо того чтобы тащить нас в эту темную и мрачную дыру?

- Я уже вам сказала, - ответила Нэнси, - что боюсь разговаривать там с вами.

Не знаю почему, - содрогаясь, добавила девушка, - но сегодня меня охватывает такой ужас, что я едва держусь на ногах.

- Ужас перед чем? - спросил джентльмен, казалось почувствовав к ней жалость.

- Я и сама не знаю, - ответила девушка.

- А мне так хотелось бы знать.

Весь день меня преследовали ужасные мысли о смерти, о каких-то саванах, запятнанных кровью, и такой страх, что я горела, как в огне.

Вечером, чтобы скоротать время, я взялась за книгу, и те же видения появлялись между строк.

- Воображение, - успокаивая ее, сказал джентльмен.

- Нет, это не воображение, - хриплым голосом сказала девушка.

- Я могу поклясться, что видела слово "гроб", написанное большими черными буквами на каждой странице книги, - да, а сегодня вечером по улице пронесли гроб как раз мимо меня.

- В этом нет ничего необычного, - сказал джентльмен.

- Мимо меня их тоже часто проносили.

- Н_а_с_т_о_я_щ_и_е_г_р_о_б_ы, - возразила девушка.

- А этот был не такой.

Что-то столь странное послышалось в ее тоне, что у притаившегося наблюдателя мурашки пробежали по коже и кровь застыла, когда он услышал произнесенные девушкой слова.

He had never experienced a greater relief than in hearing the sweet voice of the young lady as she begged her to be calm, and not allow herself to become the prey of such fearful fancies.

'Speak to her kindly,' said the young lady to her companion.

'Poor creature!

She seems to need it.'

'Your haughty religious people would have held their heads up to see me as I am to-night, and preached of flames and vengeance,' cried the girl.

'Oh, dear lady, why ar'n't those who claim to be God's own folks as gentle and as kind to us poor wretches as you, who, having youth, and beauty, and all that they have lost, might be a little proud instead of so much humbler?'

'Ah!' said the gentleman.

'A Turk turns his face, after washing it well, to the East, when he says his prayers; these good people, after giving their faces such a rub against the World as to take the smiles off, turn with no less regularity, to the darkest side of Heaven.

Between the Mussulman and the Pharisee, commend me to the first!'

These words appeared to be addressed to the young lady, and were perhaps uttered with the view of affording Nancy time to recover herself.

The gentleman, shortly afterwards, addressed himself to her.

'You were not here last Sunday night,' he said.

'I couldn't come,' replied Nancy; 'I was kept by force.'

'By whom?'

'Him that I told the young lady of before.'

Никогда еще не испытывал он большего облегчения, чем в тот момент, когда слышался нежный голос молодой леди, просившей ее успокоиться и бороться с такими страшными видениями, созданными воображением.

- Поговорите с ней ласково, - сказала молодая леди своему спутнику.

- Бедняжка!

Мне кажется, она в этом нуждается.

- Эти надменные благочестивые люди, ваши знакомые, задрали бы нос, увидев меня такой, какая я сейчас, и стали бы проповедовать о пекле и возмездии! - воскликнула девушка.

- Ах, дорогая леди, почему те, что считают себя исповедующими заповеди божьи, не относятся к нам, жалким тварям, с такой же кротостью и добротой, с какой относитесь вы? Ведь вам, молодой, прекрасной, имеющей все то, что они утратили, можно было бы немножко возгордиться, а вы гораздо скромнее их.

- О! - отозвался джентльмен.

- Турок, умыв лицо, обращает его к востоку, чтобы прочитать свои молитвы, а эти благочестивые люди, с чьих лиц от соприкосновения с миром навсегда сбежала улыбка, неизменно поворачиваются к самой мрачной стороне света.

Если выбирать между мусульманином и фарисеем, я предпочту первого.

По-видимому, эти слова были обращены к молодой леди и, быть может, произнесены с целью дать Нэнси время успокоиться.

Вскоре джентльмен снова заговорил с ней.

- Вас не было здесь в прошлое воскресенье вечером, - сказал он.

- Я не могла прийти, - ответила Нэнси, - меня удержали силой.

- Кто?

- Тот, о ком я уже говорила молодой леди.

'You were not suspected of holding any communication with anybody on the subject which has brought us here to-night, I hope?' asked the old gentleman.

'No,' replied the girl, shaking her head.

'It's not very easy for me to leave him unless he knows why; I couldn't give him a drink of laudanum before I came away.'

'Did he awake before you returned?' inquired the gentleman.

'No; and neither he nor any of them suspect me.'

'Good,' said the gentleman.

'Now listen to me.'

'I am ready,' replied the girl, as he paused for a moment.

'This young lady,' the gentleman began, 'has communicated to me, and to some other friends who can be safely trusted, what you told her nearly a fortnight since.

I confess to you that I had doubts, at first, whether you were to be implicitly relied upon, but now I firmly believe you are.'

'I am,' said the girl earnestly.

'I repeat that I firmly believe it.

To prove to you that I am disposed to trust you, I tell you without reserve, that we propose to extort the secret, whatever it may be, from the fear of this man Monks.

But if — if — ' said the gentleman, 'he cannot be secured, or, if secured, cannot be acted upon as we wish, you must deliver up the Jew.'

'Fagin,' cried the girl, recoiling.

'That man must be delivered up by you,' said the gentleman.

'I will not do it!

- Надеюсь, вас не заподозрили в том, что вы вступили с кем-нибудь в переговоры по тому делу, которое привело нас сюда сегодня? - спросил старый джентльмен.

- Нет, - покачав головой, ответила девушка.

- Не очень-то легко уйти от него, если он не знает, зачем я иду. И в тот раз мне бы не удалось повидать леди, если бы перед уходом я не дала ему выпить настойку из опия.

- Он проснулся прежде, чем вы вернулись? - спросил джентльмен.

- Нет. Ни он и никто из них меня не подозревает.

- Хорошо, - сказал джентльмен.

- Теперь выслушайте меня.

- Я слушаю, - отозвалась девушка, когда он на секунду умолк.

- Эта молодая леди, - начал джентльмен, - сообщила мне и кое-кому из друзей, которым можно спокойно довериться, то, что вы ей рассказали почти две недели назад.

Признаюсь вам, сначала у меня были сомнения, можно ли всецело на вас положиться, но теперь я твердо верю, что можно.

- Можно! - с жаром подтвердила девушка.

- Повторяю, я этому твердо верю.

В доказательство того, что я склонен вам доверять, скажу вам без всяких недомолвок, что мы предполагаем выпытать тайну, какова бы она ни была, припугнув этого Монкса.

Но если... если, - продолжал джентльмен, - его не удастся задержать или если мы его задержим, но не удастся воздействовать на него так, как мы хотим, вы должны выдать еврея.

- Феджина! - вскрикнула девушка, отшатнувшись.

- Этого человека вы должны выдать, - сказал джентльмен.

- Я этого не сделаю!

I will never do it!' replied the girl.

'Devil that he is, and worse than devil as he has been to me, I will never do that.'

'You will not?' said the gentleman, who seemed fully prepared for this answer.

'Never!' returned the girl.

'Tell me why?'

'For one reason,' rejoined the girl firmly, 'for one reason, that the lady knows and will stand by me in, I know she will, for I have her promise: and for this other reason, besides, that, bad life as he has led, I have led a bad life too; there are many of us who have kept the same courses together, and I'll not turn upon them, who might — any of them — have turned upon me, but didn't, bad as they are.'

'Then,' said the gentleman, quickly, as if this had been the point he had been aiming to attain; 'put Monks into my hands, and leave him to me to deal with.'

'What if he turns against the others?'

'I promise you that in that case, if the truth is forced from him, there the matter will rest; there must be circumstances in Oliver's little history which it would be painful to drag before the public eye, and if the truth is once elicited, they shall go scot free.'

'And if it is not?' suggested the girl.

'Then,' pursued the gentleman, 'this Fagin shall not be brought to justice without your consent.'

In such a case I could show you reasons, I think, which would induce you to yield it.'

'Have I the lady's promise for that?' asked the girl.

'You have,' replied Rose.

'My true and faithful pledge.'

'Monks would never learn how you knew what you do?' said the girl, after a short pause.

Я этого никогда не сделаю! - воскликнула девушка.

- Хотя он и черт, а для меня был хуже черта, этого я никогда не сделаю.

- Не сделаете? - переспросил джентльмен, который, казалось, был вполне подготовлен к такому ответу.

- Никогда, - повторила девушка.

- Объясните мне - почему.

- По одной причине, - твердо ответила девушка, - по одной причине, которая известна этой леди, и леди будет на моей стороне, я это знаю, потому что я заручилась ее обещанием. Есть и другая причина: какой бы дурной ни была его жизнь, моя жизнь тоже была дурной; многие из нас шли вместе одной дорогой, и я не предам тех, которые могли бы - любой из них - предать меня, но не предали, какими бы ни были они дурными людьми.

- В таком случае, - быстро сказал джентльмен, словно это и была та цель, какой он стремился достигнуть, - отдайте в мои руки Монкса и предоставьте мне иметь дело с ним.

- А что, если он выдаст остальных?

- Обещаю вам, что, если у него будет вырвано правдивое признание, тем дело и кончится. В короткой жизни Оливера несомненно есть какие-то обстоятельства, которые тягостно предавать огласке, и если мы добьемся правды, эти люди не понесут никакого наказания.

- А если не добьетесь? - спросила девушка.

- Тогда, - продолжал джентльмен, - этот Феджин не будет предан суду без вашего согласия.

Думаю, в таком случае мне удастся привести вам доводы, которые заставят вас уступить.

- Леди тоже обещает мне это? - спросила девушка.

- Да, - ответила Роз.

- Даю вам торжественное обещание!

- Монкс никогда не узнает, откуда вам все известно? - спросила девушка после короткого

'Never,' replied the gentleman.

'The intelligence should be brought to bear upon him, that he could never even guess.'

'I have been a liar, and among liars from a little child,' said the girl after another interval of silence, 'but I will take your words.'

After receiving an assurance from both, that she might safely do so, she proceeded in a voice so low that it was often difficult for the listener to discover even the purport of what she said, to describe, by name and situation, the public-house whence she had been followed that night.

From the manner in which she occasionally paused, it appeared as if the gentleman were making some hasty notes of the information she communicated.

When she had thoroughly explained the localities of the place, the best position from which to watch it without exciting observation, and the night and hour on which Monks was most in the habit of frequenting it, she seemed to consider for a few moments, for the purpose of recalling his features and appearances more forcibly to her recollection.

'He is tall,' said the girl, 'and a strongly made man, but not stout; he has a lurking walk; and as he walks, constantly looks over his shoulder, first on one side, and then on the other.'

Don't forget that, for his eyes are sunk in his head so much deeper than any other man's, that you might almost tell him by that alone.

His face is dark, like his hair and eyes; and, although he can't be more than six or eight and twenty, withered and haggard.

His lips are often discoloured and disfigured with the marks of teeth; for he has desperate fits, and sometimes even bites his hands and covers them with wounds — why did you start?' said the girl, stopping suddenly.

The gentleman replied, in a hurried manner, that he was not conscious of having done so, and

молчания.

- Никогда, - ответил джентльмен.

- Эти сведения будут преподнесены ему так, что у него не мелькнет ни единой догадки.

- Я была лгуньей и с детства жила среди лгунов, - сказала девушка после новой паузы, - но вам я поверю на слово.

Получив от обоих подтверждение, что она может твердо им верить, девушка тихим голосом, - подслушивавшему не раз было трудно уловить даже смысл ее слов, - начала рассказ, упомянув название и местоположение трактира, где в тот вечер начали ее выслеживать.

Судя по тому, что иногда она умолкала, могло показаться, будто джентльмен торопливо записывает сообщаемые ею сведения.

Старательно указав все приметы этого трактира, наиболее удобное место, откуда можно было бы за ним следить, не привлекая к себе внимания, и те дни и часы, когда Монкс имел обыкновение его посещать, она как будто на несколько секунд призадумалась, стараясь ярче восстановить в памяти его лицо и манеры.

- Он высокого роста, - сказала девушка, - и крепкого сложения, но не толстый; он как будто не ходит, а крадется и при ходьбе поминутно оглядывается через плечо сначала в одну сторону, потом в другую.

Не забудьте об этом, потому что глаза у него так глубоко посажены, как я ни у кого еще не видела, и, должно быть, по одному этому вы могли бы его узнать.

Лицо смуглое, волосы и глаза темные; и хотя ему не больше двадцати шести - двадцати восьми лет, вид у него изнуренный и угрюмый.

Губы у него бледные и искусанные, потому что с ним случаются ужасные припадки, а иногда он даже до крови кусает себе руки. Почему вы вздрогнули? - спросила девушка, внезапно запнувшись.

Джентльмен поспешно ответил, что ей показалось, и попросил ее продолжать.

begged her to proceed.

'Part of this,' said the girl, 'I have drawn out from other people at the house I tell you of, for I have only seen him twice, and both times he was covered up in a large cloak.

I think that's all I can give you to know him by.

Stay though,' she added.

'Upon his throat: so high that you can see a part of it below his neckerchief when he turns his face: there is — '

'A broad red mark, like a burn or scald?' cried the gentleman.

'How's this?' said the girl.

'You know him!'

The young lady uttered a cry of surprise, and for a few moments they were so still that the listener could distinctly hear them breathe.

'I think I do,' said the gentleman, breaking silence.

'I should by your description.

We shall see.

Many people are singularly like each other.

It may not be the same.'

As he expressed himself to this effect, with assumed carelessness, he took a step or two nearer the concealed spy, as the latter could tell from the distinctness with which he heard him mutter,

'It must be he!'

'Now,' he said, returning: so it seemed by the sound: to the spot where he had stood before, 'you have given us most valuable assistance, young woman, and I wish you to be the better for it.

What can I do to serve you?'

'Nothing,' replied Nancy.

- Часть этих сведений, - сказала девушка, - я выпытала у жильцов этого дома, о котором вам говорила, потому что сама видела его только два раза, и оба раза он был закутан в широкий плащ.

Вот, кажется, и все приметы, какие я могу вам сообщить, чтобы вы его узнали.

А впрочем, подождите! - добавила она.

- У него на шее, под галстуком, вы можете увидеть, когда он поворачивает голову...

- Большое красное пятно, словно от ожога? - вскричал джентльмен.

- Как?.. - сказала девушка.

- Вы его знаете!

Молодая леди вскрикнула от удивления, и несколько секунд они стояли так тихо, что шпион ясно слышал их дыхание.

- Кажется, да, - сказал джентльмен, нарушая молчание.

- Я бы узнал его по вашему описанию.

Посмотрим.

Много есть людей, поразительно похожих друг на друга.

Быть может, это и не он.

Сказав это с притворным равнодушием, он приблизился шага на два к притаившемуся шпиону, о чем последний мог догадаться по тому, как отчетливо было слышно его бормотанье:

"Это несомненно он!"

- Вы, любезная, - сказал он, вернувшись, если судить по голосу, туда, где стоял раньше, - оказали нам весьма важную услугу, и я хочу вас отблагодарить.

Чем могу я быть вам полезен?

- Ничем, - ответила Нэнси.

'You will not persist in saying that,' rejoined the gentleman, with a voice and emphasis of kindness that might have touched a much harder and more obdurate heart.

'Think now.

Tell me.'

'Nothing, sir,' rejoined the girl, weeping.

'You can do nothing to help me.

I am past all hope, indeed.'

'You put yourself beyond its pale,' said the gentleman.

'The past has been a dreary waste with you, of youthful energies mis-spent, and such priceless treasures lavished, as the Creator bestows but once and never grants again, but, for the future, you may hope.

I do not say that it is in our power to offer you peace of heart and mind, for that must come as you seek it; but a quiet asylum, either in England, or, if you fear to remain here, in some foreign country, it is not only within the compass of our ability but our most anxious wish to secure you.

Before the dawn of morning, before this river wakes to the first glimpse of day-light, you shall be placed as entirely beyond the reach of your former associates, and leave as utter an absence of all trace behind you, as if you were to disappear from the earth this moment.

Come!

I would not have you go back to exchange one word with any old companion, or take one look at any old haunt, or breathe the very air which is pestilence and death to you.

Quit them all, while there is time and opportunity!'

'She will be persuaded now,' cried the young lady.

'She hesitates, I am sure.'

'I fear not, my dear,' said the gentleman.

- Не упорствуйте, - настаивал джентльмен, в голосе и тоне которого было столько доброты, что она могла бы тронуть сердце гораздо более жестокое и черствое.

- Подумайте.

Скажите.

- Ничем, сэр, - заплакав, повторила девушка.

- Вы ничем не можете мне помочь.

Нет у меня больше никакой надежды.

- Вы сами себя ее лишаете, - сказал джентльмен.

- До сих пор вы лишь понапрасну расточали свои юные силы, те бесценные сокровища, которыми творец одаряет нас лишь однажды и никогда не наделяет вновь. Но что касается будущего, то вы можете надеяться.

Я не говорю, что в нашей власти дать покой вашему сердцу и душе, ибо покой приходит, если вы его ищете; но обеспечить вам тихое пристанище в Англии или, если вы боитесь здесь остаться, где-нибудь в чужих краях, - это не только в нашей власти, но является самым горячим нашим желанием.

Еще до рассвета, прежде чем эта река проснется при первых проблесках дня, вы будете совершенно недосыгаемы для ваших прежних сообщников и не оставите после себя никаких следов, словно вы в одно мгновение исчезли с лица земли.

Пойдемте!

Я не хочу, чтобы вы вернулись туда, обменялись хоть одним словом с кем-нибудь из прежних товарищей, бросили взгляд на старые места, вдохнули тот воздух, который несет вам гибель и смерть.

Оставьте все это, пока есть время и возможность!

- Теперь ее удастся уговорить! - воскликнула молодая леди.

- Я уверена, что она колеблется.

- Боюсь, что нет, моя дорогая, - сказал

'No sir, I do not,' replied the girl, after a short struggle.

'I am chained to my old life.

I loathe and hate it now, but I cannot leave it.

I must have gone too far to turn back, — and yet I don't know, for if you had spoken to me so, some time ago, I should have laughed it off.

But,' she said, looking hastily round, 'this fear comes over me again.

I must go home.'

'Home!' repeated the young lady, with great stress upon the word.

'Home, lady,' rejoined the girl.

'To such a home as I have raised for myself with the work of my whole life.

Let us part.

I shall be watched or seen.

Go!

Go!

If I have done you any service all I ask is, that you leave me, and let me go my way alone.'

'It is useless,' said the gentleman, with a sigh.

'We compromise her safety, perhaps, by staying here.

We may have detained her longer than she expected already.'

'Yes, yes,' urged the girl.

'You have.'

'What,' cried the young lady, 'can be the end of this poor creature's life!'

'What!' repeated the girl.

джентльмен.

- Да, сэр, я не колеблюсь, - ответила девушка после недолгой борьбы с собой.

- Я прикована цепями к прежней жизни.

Теперь она мне отвратительна и ненавистна, но я не могу ее бросить.

Должно быть, я зашла слишком далеко, чтобы вернуться, а впрочем, не знаю: если бы вы заговорили со мной об этом прежде, я бы расхохоталась в ответ.

Но меня опять охватывает страх, - добавила она, быстро озираясь.

- Мне надо идти домой.

- Домой! - повторила молодая леди с сильным ударением на этом слове.

- Домой, леди, - откликнулась девушка.

- В тот дом, который я сама для себя построила трудами всей моей жизни.

Простимся.

Меня могут выследить или увидеть.

Идите!

Идите!

Если я оказала вам какую-то услугу, я прошу вас только об одном - оставьте меня, не мешайте мне идти своей дорогой.

- Все это бесполезно, - со вздохом сказал джентльмен.

- Быть может, оставаясь здесь, мы подвергаем ее опасности.

Пожалуй, мы уже задержали ее дольше, чем она рассчитывала.

- Да, да, - подхватила девушка.

- Вы меня задержали.

- Чем же кончится жизнь этого бедного создания! - воскликнула молодая леди.

- Чем кончится? - повторила девушка.

'Look before you, lady.

Look at that dark water.

How many times do you read of such as I who
spring into the tide, and leave no living thing, to
care for, or bewail them.

It may be years hence, or it may be only months,
but I shall come to that at last.'

'Do not speak thus, pray,' returned the young lady,
sobbing.

'It will never reach your ears, dear lady, and God
forbid such horrors should!' replied the girl.

'Good-night, good-night!'

The gentleman turned away.

'This purse,' cried the young lady.

'Take it for my sake, that you may have some
resource in an hour of need and trouble.'

'No!' replied the girl.

'I have not done this for money.

Let me have that to think of.

And yet — give me something that you have worn:
I should like to have something — no, no, not a
ring — your gloves or handkerchief — anything
that I can keep, as having belonged to you, sweet
lady.

There.

Bless you!

God bless you.

Good-night, good-night!'

The violent agitation of the girl, and the
apprehension of some discovery which would
subject her to ill-usage and violence, seemed to
determine the gentleman to leave her, as she
requested.

The sound of retreating footsteps were audible
and the voices ceased.

- Посмотрите прямо перед собой, леди.

Посмотрите на эту темную воду.

Сколько раз читали вы о том, что такие, как я,
бросались в реку, не оставив ни одного живого
существа, которому было бы до них дело и
которое оплакивало бы их!

Может быть, пройдут годы, может быть, только
месяцы, но в конце концов мне этого не
миновать.

- Прошу вас, не говорите так, - всхлипывая,
отозвалась молодая леди.

- Вы никогда не услышите об этом, дорогая
леди, и сохрани бог, чтобы вы слышали о таких
ужасах! - ответила девушка.

- Прощайте, прощайте!

Джентльмен отвернулся.

- Вот кошелек! - воскликнула молодая леди.

- Возьмите его ради меня, чтобы у вас были
какие-то средства в час нужды и горя.

- Нет! - сказала девушка.

- Я это сделала не для денег.

Я хочу помнить об этом.

Но... дайте мне какую-нибудь вещь, которую вы
носили, - я бы хотела иметь что-нибудь... Нет,
нет, не кольцо... ваши перчатки или носовой
платок... что-нибудь такое, что я могла бы
хранить в память о вас, милая леди...

Ну вот!

Будьте счастливы!

Да благословит вас бог!

Прощайте, прощайте!

Сильное волнение девушки, боявшейся, что
если ее увидят, то жестоко изобьют, казалось
побудило джентльмена отпустить ее, как она
просила.

Послышались удаляющиеся шаги, и голоса
смолкли.

The two figures of the young lady and her companion soon afterwards appeared upon the bridge.

They stopped at the summit of the stairs.

'Hark!' cried the young lady, listening.

'Did she call!

I thought I heard her voice.'

'No, my love,' replied Mr. Brownlow, looking sadly back.

'She has not moved, and will not till we are gone.'

Rose Maylie lingered, but the old gentleman drew her arm through his, and led her, with gentle force, away.

As they disappeared, the girl sunk down nearly at her full length upon one of the stone stairs, and vented the anguish of her heart in bitter tears.

After a time she arose, and with feeble and tottering steps ascended the street.

The astonished listener remained motionless on his post for some minutes afterwards, and having ascertained, with many cautious glances round him, that he was again alone, crept slowly from his hiding-place, and returned, stealthily and in the shade of the wall, in the same manner as he had descended.

Peeping out, more than once, when he reached the top, to make sure that he was unobserved, Noah Claypole darted away at his utmost speed, and made for the Jew's house as fast as his legs would carry him.

CHAPTER XLVII — FATAL CONSEQUENCES

It was nearly two hours before day-break; that time which in the autumn of the year, may be truly called the dead of night; when the streets are

Вскоре на мосту появились две фигуры - молодая леди и ее спутник.

Они остановились на верхней площадке лестницы.

- Подождите! - воскликнула молодая леди, прислушиваясь.

- Она как будто окликнула нас!

Мне послышался ее голос.

- Нет, дорогая моя, - ответил мистер Браунлоу, печально оглянувшись.

- Она стоит все там же и не тронется с места, пока мы не уйдем.

Роз Мэйли медлила, но старый джентльмен продел ее руку под свою и ласково, но настойчиво увел.

Как только они скрылись из виду, девушка упала на каменную ступень, растянувшись чуть ли не во весь рост, и в горьких слезах излила свою душевную боль.

Спустя некоторое время она встала и, пошатываясь, неуверенно ступая, поднялась на улицу.

Пораженный слушатель стоял еще несколько минут неподвижно на своем посту, потом, несколько раз осторожно осмотревшись вокруг и удостоверившись, что снова остался один, медленно выбрался из своего тайника и поднялся по лестнице, крадучись в тени стены, так же как спустился сюда.

Достигнув верхней ступени и несколько раз трусливо оглянувшись, дабы убедиться, что за ним не следят, Ноэ Клейпол пустился во всю прыть и устремился к дому еврея с той быстротой, на какую только способны были его ноги.

ГЛАВА XLII — Роковые последствия

Оставалось почти два часа до рассвета - была та пора, которую осенью можно по справедливости назвать глухой ночью, когда улицы безмолвны и пустыnnы, когда даже звуки

silent and deserted; when even sounds appear to slumber, and profligacy and riot have staggered home to dream; it was at this still and silent hour, that Fagin sat watching in his old lair, with face so distorted and pale, and eyes so red and blood-shot, that he looked less like a man, than like some hideous phantom, moist from the grave, and worried by an evil spirit.

He sat crouching over a cold hearth, wrapped in an old torn coverlet, with his face turned towards a wasting candle that stood upon a table by his side.

His right hand was raised to his lips, and as, absorbed in thought, he hit his long black nails, he disclosed among his toothless gums a few such fangs as should have been a dog's or rat's.

Stretched upon a mattress on the floor, lay Noah Claypole, fast asleep.

Towards him the old man sometimes directed his eyes for an instant, and then brought them back again to the candle; which with a long-burnt wick drooping almost double, and hot grease falling down in clots upon the table, plainly showed that his thoughts were busy elsewhere.

Indeed they were.

Mortification at the overthrow of his notable scheme; hatred of the girl who had dared to palter with strangers; and utter distrust of the sincerity of her refusal to yield him up; bitter disappointment at the loss of his revenge on Sikes; the fear of detection, and ruin, and death; and a fierce and deadly rage kindled by all; these were the passionate considerations which, following close upon each other with rapid and ceaseless whirl, shot through the brain of Fagin, as every evil thought and blackest purpose lay working at his heart.

He sat without changing his attitude in the least, or appearing to take the smallest heed of time, until his quick ear seemed to be attracted by a footstep in the street.

'At last,' he muttered, wiping his dry and fevered mouth.

'At last!'

как будто погружаются в сон, а распутство и разгул, пошатываясь, возвращаются домой на отдых. В этот тихий и безмолвный час в старом своем логове Феджин бодрствовал с таким перекошенным и бледным лицом, с такими красными и налитыми кровью глазами, что походил не столько на человека, сколько на какойто отвратительный призрак, вставший из сырой могилы и терзаемый злым духом.

Он сидел, сгорбившись, у холодного очага, закутанный в старое, рваное одеяло, лицом к оплывающей свече, которая стояла на столе около него.

Правую руку он держал у рта и, поглощенный своими мыслями, грыз длинные черные ногти, а меж беззубых десен виднелось несколько клыков, какие бывают у собаки или крысы.

На полу, растянувшись на тюфяке, крепко спал Ноэ.

Старик изредка останавливал на нем взгляд и снова переводил его на свечу, обгоревший фитиль которой согнулся почти вдвое, а горячее сало капало на стол, явно свидетельствуя, что мысли старика витают где-то далеко.

Так оно в действительности и было.

Досада, вызванная крушением его великолепного плана, ненависть к девушке, осмелившейся связаться с чужими людьми, полное неверие в искренность ее отказа выдать его, горькое разочарование, ибо не было возможности отомстить Сайксу, боязнь разоблачения, гибели, смерти и дикое, неудержимое бешенство - все это проносилось вихрем в мозгу Феджина, а дьявольские мысли и самые черные замыслы грызли ему сердце.

Он сидел, не меняя позы и как будто не замечая, как долго он сидит, пока до чуткого его слуха не донесся шум шагов на улице.

- Наконец-то! - пробормотал он, вытирая сухие, воспаленные губы.

- Наконец-то!

The bell rang gently as he spoke.

He crept upstairs to the door, and presently returned accompanied by a man muffled to the chin, who carried a bundle under one arm.

Sitting down and throwing back his outer coat, the man displayed the burly frame of Sikes.

'There!' he said, laying the bundle on the table.

'Take care of that, and do the most you can with it.

It's been trouble enough to get; I thought I should have been here, three hours ago.'

Fagin laid his hand upon the bundle, and locking it in the cupboard, sat down again without speaking.

But he did not take his eyes off the robber, for an instant, during this action; and now that they sat over against each other, face to face, he looked fixedly at him, with his lips quivering so violently, and his face so altered by the emotions which had mastered him, that the housebreaker involuntarily drew back his chair, and surveyed him with a look of real affright.

'Wot now?' cried Sikes.

'Wot do you look at a man so for?'

Fagin raised his right hand, and shook his trembling forefinger in the air; but his passion was so great, that the power of speech was for the moment gone.

'Damme!' said Sikes, feeling in his breast with a look of alarm.

'He's gone mad.

I must look to myself here.'

'No, no,' rejoined Fagin, finding his voice.

'It's not — you're not the person, Bill.

I've no — no fault to find with you.'

'Oh, you haven't, haven't you?' said Sikes, looking sternly at him, and ostentatiously passing a pistol into a more convenient pocket.

Когда он произнес эти слова, тихо звякнул колокольчик.

Феджин бесшумно поднялся по лестнице к двери и вскоре вернулся с каким-то человеком, который был закутан до подбородка и держал под мышкой узел.

Усевшись и сбросив пальто, этот человек оказался дюжим Сайксом.

- Вот! - сказал он, кладя узел на стол.

- Займитесь-ка этим да постарайтесь побольше за него выручить.

Немало было хлопот, чтобы его добыть: я думал прийти сюда на три часа раньше.

Феджин забрал узел и, заперев его в шкаф, снова уселся, не говоря ни слова.

Все это время он ни на секунду не сводил глаз с грабителя, и теперь, когда они сидели друг против друга, лицом к лицу, он пристально смотрел на него, а губы его так сильно дрожали и лицо так изменилось от овладевшего им волнения, что грабитель невольно отодвинул свой стул и взглянул на него с неподдельным испугом.

- Что случилось? - крикнул Сайкс.

- Чего вы так уставились на меня?

Феджин поднял правую руку и погрозил дрожащим указательным пальцем, но возбуждение его было так велико, что на секунду он лишился дара речи.

- Проклятье! - крикнул Сайкс, с тревожным видом нащупывая что-то у себя за пазухой.

- Он с ума спятил.

Надо мне поостеречься.

- Нет! - возразил Феджин, обретя голос.

- Это не то... не вы тот человек, Билл.

Я никакой... никакой вины за вами не знаю.

- Не знаете! Вот как! - сказал Сайкс, злобно на него глядя и у него на глазах перекладывая пистолет в другой карман, что поближе.

'That's lucky — for one of us.

Which one that is, don't matter.'

'I've got that to tell you, Bill,' said Fagin, drawing his chair nearer, 'will make you worse than me.'

'Aye?' returned the robber with an incredulous air.

'Tell away!

Look sharp, or Nance will think I'm lost.'

'Lost!' cried Fagin.

'She has pretty well settled that, in her own mind, already.'

Sikes looked with an aspect of great perplexity into the Jew's face, and reading no satisfactory explanation of the riddle there, clenched his coat collar in his huge hand and shook him soundly.

'Speak, will you!' he said; 'or if you don't, it shall be for want of breath.

Open your mouth and say wot you've got to say in plain words.

Out with it, you thundering old cur, out with it!

'Suppose that lad that's laying there — ' Fagin began.

Sikes turned round to where Noah was sleeping, as if he had not previously observed him.

'Well!' he said, resuming his former position.

'Suppose that lad,' pursued Fagin, 'was to peach — to blow upon us all — first seeking out the right folks for the purpose, and then having a meeting with 'em in the street to paint our likenesses, describe every mark that they might know us by, and the crib where we might be most easily taken.

Suppose he was to do all this, and besides to blow upon a plant we've all been in, more or less — of his own fancy; not grabbed, trapped, tried, earwigged by the parson and brought to it on bread and water, — but of his own fancy; to please

- Это хорошо - для одного из нас.

Кто этот один - неважно.

- Билл, я вам должен сказать нечто такое, - начал Феджин, придвигая свой стул, - отчего вы почувствуете себя хуже, чем я.

- Ну? - недоверчиво отозвался грабитель.

- Говорите!

Да поживее, не то Нэнси подумает, что я пропал.

- Пропал! - воскликнул Феджин.

- Для нее это вопрос решенный.

Сайкс с величайшим недоумением посмотрел на еврея и, не найдя удовлетворительного разрешения загадки, схватил его огромной ручищей за шиворот и основательно встряхнул.

- Да говорите же! - крикнул он. - А если не заговорите, то скоро вам дышать будет нечем.

Раскройте рот и скажите просто и ясно.

Выкладывайте, проклятый старый пес, выкладывайте!

- Допустим, что парень, который лежит вон там... - начал Феджин.

Сайкс повернулся в ту сторону, где спал Ноэ, словно не заметил его раньше.

- Ну? - сказал он, принимая прежнюю позу.

- Допустим, этот парень, - продолжал Феджин, - вздумал донести... предать всех нас, сначала отыскав для этой цели подходящих людей, а потом назначив им свидание на улице, чтобы описать нашу внешность, указать все приметы, по которым они могут нас найти, и место, где нас легче всего захватить.

Допустим, он задумал все это устроить и вдобавок выдать одно дело, в котором мы все более или менее замешаны, - задумал это по своей прихоти; не потому, что священник ему нашептал или его довели до этого, посадив на хлеб и на воду, - по своей прихоти, для

his own taste; stealing out at nights to find those most interested against us, and peaching to them.

'Do you hear me?' cried the Jew, his eyes flashing with rage.

'Suppose he did all this, what then?'

'What then!' replied Sikes; with a tremendous oath.

'If he was left alive till I came, I'd grind his skull under the iron heel of my boot into as many grains as there are hairs upon his head.'

'What if I did it!' cried Fagin almost in a yell.

'I, that knows so much, and could hang so many besides myself!'

'I don't know,' replied Sikes, clenching his teeth and turning white at the mere suggestion.

'I'd do something in the jail that 'ud get me put in irons; and if I was tried along with you, I'd fall upon you with them in the open court, and beat your brains out afore the people.

I should have such strength,' muttered the robber, poisoning his brawny arm, 'that I could smash your head as if a loaded waggon had gone over it.'

'You would?'

'Would I!' said the housebreaker.

'Try me.'

'If it was Charley, or the Dodger, or Bet, or — '

'I don't care who,' replied Sikes impatiently.

'Whoever it was, I'd serve them the same.'

Fagin looked hard at the robber; and, motioning him to be silent, stooped over the bed upon the floor, and shook the sleeper to rouse him.

собственного своего удовольствия, уходил тайком, ночью отыскивать тех, кто больше всего вооружен против нас, и доносил им.

Вы слышите меня? - крикнул еврей, в глазах которого загорелась ярость.

- Допустим, он все это сделал. Что тогда?

- Что тогда? - повторил Сайкс, изрыгнув ужасное проклятье.

- Останься он в живых до моего прихода, я бы железным каблуком моего сапога раздробил ему череп на столько кусков, сколько у него волос на голове.

- Что, если бы это сделал я? - чуть ли не завопил Феджин.

- Я, который столько знает и столько людей может вздернуть, не считая самого себя!

- Не знаю, - отозвался Сайкс, стиснув зубы и побледнев при одном предположении.

- Я бы выкинул какую-нибудь штуку в тюрьме, чтобы на меня надели кандалы, и если бы меня судили вместе с вами, я бы на суде обрушил на вас эти кандалы и на глазах у всех вышиб вам мозги.

У меня хватило бы силы, - пробормотал грабитель, поднимая свою мускулистую руку, - разmozжить вам голову так, словно по ней проехала нагруженная повозка.

- Вы бы это сделали?

- Сделал ли бы я? - переспросил взломщик.

- Испытайте меня.

- А если бы это был Чарли, или Плут, или Бет, или...

- Мне все равно кто! - нетерпеливо ответил Сайкс.

- Кто бы это ни был, я бы расправился с ним точно так же.

Феджин в упор посмотрел на грабителя и, знаком приказав ему молчать, наклонился над тюфяком на полу и начал трясти спящего, стараясь разбудить его.

Sikes leant forward in his chair: looking on with his hands upon his knees, as if wondering much what all this questioning and preparation was to end in.

'Bolter, Bolter!

Poor lad!' said Fagin, looking up with an expression of devilish anticipation, and speaking slowly and with marked emphasis.

'He's tired — tired with watching for her so long, — watching for her, Bill.'

'Wot d'ye mean?' asked Sikes, drawing back.

Fagin made no answer, but bending over the sleeper again, hauled him into a sitting posture.

When his assumed name had been repeated several times, Noah rubbed his eyes, and, giving a heavy yawn, looked sleepily about him.

'Tell me that again — once again, just for him to hear,' said the Jew, pointing to Sikes as he spoke.

'Tell yer what?' asked the sleepy Noah, shaking himself pettishly.

'That about — Nancy,' said Fagin, clutching Sikes by the wrist, as if to prevent his leaving the house before he had heard enough.

'You followed her?'

'Yes.'

'To London Bridge?'

'Yes.'

'Where she met two people.'

'So she did.'

'A gentleman and a lady that she had gone to of her own accord before, who asked her to give up all her pals, and Monks first, which she did — and to describe him, which she did — and to tell her what house it was that we meet at, and go to, which she did — and where it could be best watched from, which she did — and what time the

Сайкс нагнулся вперед и, положив руки на колени, недоумевал, к чему клонились все эти вопросы и приготовления.

- Болтер, Болтер!

Бедняга! - сказал Феджин, поднимая глаза, горевшие дьявольским предвкушением развязки, и говоря медленно и с многозначительными ударениями.

- Он устал... устал, выслеживая ее так долго... выслеживая е_е, Билл!

- Что это значит? - спросил Сайкс, откинувшись назад.

Феджин ничего не ответил и, снова наклонившись над спящим, приподнял его и усадил.

Когда присвоенное им себе имя было повторено несколько раз, Ноэ протер глаза и, протяжно зевнув, стал сонно озираться.

- Расскажите мне опять об этом, еще раз, чтобы он послушал, - сказал еврей, указывая на Сайкса.

- О чем вам рассказать? - спросил сонный Ноэ, с неудовольствием встряхиваясь.

- Расскажите о... Н_э_н_с_и, - сказал Феджин, хватая Сайкса за кисть руки, чтобы тот не бросился вон из дома, не дослушав до конца.

- Вы шли за ней следом?

- Да.

- До Лондонского моста?

- Да.

- Там она встретила двоих?

- Вот, вот...

- Джентльмена и леди, к которой она уже ходила по собственному желанию, а те предложили ей выдать всех ее товарищей и в первую очередь Монкса, что она и сделала; и указать дом, где мы собираемся и куда ходим, что она и сделала; и место, откуда удобнее всего следить за ним, что она и сделала; и час,

people went there, which she did.

She did all this.

She told it all every word without a threat, without a murmur — she did — did she not?' cried Fagin, half mad with fury.

'All right,' replied Noah, scratching his head.

'That's just what it was!'

'What did they say, about last Sunday?'

'About last Sunday!' replied Noah, considering.

'Why I told yer that before.'

'Again.

Tell it again!' cried Fagin, tightening his grasp on Sikes, and brandishing his other hand aloft, as the foam flew from his lips.

'They asked her,' said Noah, who, as he grew more wakeful, seemed to have a dawning perception who Sikes was, 'they asked her why she didn't come, last Sunday, as she promised.

She said she couldn't.'

'Why — why?

Tell him that.'

'Because she was forcibly kept at home by Bill, the man she had told them of before,' replied Noah.

'What more of him?' cried Fagin.

'What more of the man she had told them of before?

Tell him that, tell him that.'

'Why, that she couldn't very easily get out of doors unless he knew where she was going to,' said Noah; 'and so the first time she went to see the lady, she — ha! ha! ha! it made me laugh when she said it, that it did — she gave him a drink of laudanum.'

когда там собираются, что она и сделала.

Все это она сделала.

Она рассказала все до последнего слова, хотя ей не угрожали, рассказала по своей воле. Она это сделала, да или нет? - крикнул Феджин, обезумев от ярости.

- Верно, - ответил Ноэ, почесывая голову.

- Так оно и было!

- Что они сказали о прошлом воскресенье?

- О прошлом воскресенье? - призадумавшись, отозвался Ноэ.

- Да ведь я вам уже говорил.

- Еще раз.

Скажите еще раз! - крикнул Феджин, еще крепче вцепляясь в Сайкса одной рукой и потрясая другой, в то время как на губах у него выступила пена.

- Они спросили ее... - сказал Ноэ, который, по мере того как рассеивалась его сонливость, как будто начинал догадываться, кто такой Сайкс, - они спросили ее, почему она не пришла, как обещала, в прошлое воскресенье.

Она сказала, что не могла.

- Почему, почему?

Скажите это ему.

- Потому что ее насильно удержал дома Билл - человек, о котором она говорила им раньше, - ответил Ноэ.

- Что еще про него? - крикнул Феджин.

- Что еще про человека, о котором она говорила им раньше?

Скажите это ему, скажите ему!

- Да то, что ей не очень-то легко уйти из дому, если он не знает, куда она идет, - сказал Ноэ, - и потому-то в первый раз, когда она пошла к леди, она дала ему - вот рассмешила-то она меня, когда это сказала! - она дала ему выпить настойки из опия.

'Hell's fire!' cried Sikes, breaking fiercely from the Jew.

'Let me go!'

Flinging the old man from him, he rushed from the room, and darted, wildly and furiously, up the stairs.

'Bill, Bill!' cried Fagin, following him hastily.

'A word.

Only a word.'

The word would not have been exchanged, but that the housebreaker was unable to open the door: on which he was expending fruitless oaths and violence, when the Jew came panting up.

'Let me out,' said Sikes.

'Don't speak to me; it's not safe.

Let me out, I say!'

'Hear me speak a word,' rejoined Fagin, laying his hand upon the lock.

'You won't be — '

'Well,' replied the other.

'You won't be — too — violent, Bill?'

The day was breaking, and there was light enough for the men to see each other's faces.

They exchanged one brief glance; there was a fire in the eyes of both, which could not be mistaken.

'I mean,' said Fagin, showing that he felt all disguise was now useless, 'not too violent for safety.

Be crafty, Bill, and not too bold.'

Sikes made no reply; but, pulling open the door, of which Fagin had turned the lock, dashed into the silent streets.

Without one pause, or moment's consideration;

- Тысяча чертей! - заревел Сайкс, неистово вырываясь из рук еврея.

- Пустите меня!

Отшвырнув старика, он бросился вон из комнаты и, вне себя от бешенства, сбежал по лестнице.

- Билл, Билл! - закричал Феджин, поспешив за ним.

- Одно слово!

Только одно слово!

Это слово не было бы сказано, если бы грабитель мог отпереть дверь, на что зря тратил силы и ругательства, когда еврей, запыхавшись, догнал его.

- Выпустите меня! - крикнул Сайкс.

- Не разговаривайте со мной, это опасно.

Говорю вам, выпустите меня!

- Выслушайте одно только слово, - возразил Феджин, положив руку на замок.

- Вы не будете...

- Ну? - отозвался тот.

- Вы не будете... слишком неистовы, Билл?

Загорался день, и было достаточно светло, чтобы каждый из них мог видеть лицо другого.

Они обменялись быстрым взглядом; у обоих глаза зажглись огнем, который не вызывал никаких сомнений.

- Я хочу сказать, - продолжал Феджин, не скрывая, что считает теперь всякое притворство бесполезным, - хочу сказать, что быть чересчур неистовым опасно.

Будьте хитрым, Билл, и не слишком неистовым...

Сайкс ничего не ответил и, распахнув дверь, которую отпер Феджин, выбежал на пустынную улицу.

Ни разу не остановившись, ни на секунду не задумываясь, не поворачивая головы ни

without once turning his head to the right or left, or raising his eyes to the sky, or lowering them to the ground, but looking straight before him with savage resolution: his teeth so tightly compressed that the strained jaw seemed starting through his skin; the robber held on his headlong course, nor muttered a word, nor relaxed a muscle, until he reached his own door.

He opened it, softly, with a key; strode lightly up the stairs; and entering his own room, double-locked the door, and lifting a heavy table against it, drew back the curtain of the bed.

The girl was lying, half-dressed, upon it.

He had roused her from her sleep, for she raised herself with a hurried and startled look.

'Get up!' said the man.

'It is you, Bill!' said the girl, with an expression of pleasure at his return.

'It is,' was the reply.

'Get up.'

There was a candle burning, but the man hastily drew it from the candlestick, and hurled it under the grate.

Seeing the faint light of early day without, the girl rose to undraw the curtain.

'Let it be,' said Sikes, thrusting his hand before her.

'There's enough light for wot I've got to do.'

'Bill,' said the girl, in the low voice of alarm, 'why do you look like that at me!'

The robber sat regarding her, for a few seconds, with dilated nostrils and heaving breast; and then, grasping her by the head and throat, dragged her into the middle of the room, and looking once towards the door, placed his heavy hand upon her mouth.

'Bill, Bill!' gasped the girl, wrestling with the strength of mortal fear, — 'I — I won't scream or cry — not once — hear me — speak to me — tell

направо, ни налево, не поднимая глаз к небу и не опуская их к земле, но с беспощадной решимостью глядя прямо перед собой, стиснув зубы так крепко, что, казалось, напряженные челюсти прорвут кожу, грабитель неудержимо мчался вперед и не пробормотал ни слова, не ослабил ни одного мускула, пока не очутился у своей двери.

Он бесшумно отпер дверь ключом, легко поднялся по лестнице и, войдя в свою комнату, дважды повернул ключ в замке и, придвинув к двери тяжелый стол, отдернул полог кровати.

Девушка лежала на ней полуодетая.

Его приход разбудил ее, она приподнялась торопливо, с испуганным видом.

- Вставай! - сказал мужчина.

- Ах, это ты, Билл! - сказала девушка, по-видимому обрадованная его возвращением.

- Это я, - был ответ.

- Вставай.

Горела свеча, но мужчина быстро выхватил ее из подсвечника и швырнул под каминную решетку.

Заметив слабый свет загоревшегося дня, девушка встала, чтобы отдернуть занавеску.

- Не надо, - сказал Сайкс, преграждая ей дорогу рукой.

- Света хватит для того, что я собираюсь сделать.

- Билл, - сказала девушка тихим, встревоженным голосом, - почему ты на меня так смотришь?

Несколько секунд грабитель сидел с раздувавшимися ноздрями и вздымающейся грудью, не спуская с нее глаз; потом, схватив ее за голову и за шею, потащил на середину комнаты и, оглянувшись на дверь, зажал ей рот тяжелой рукой.

- Билл, Билл, - хрипела девушка, отбиваясь с силой, рожденной смертельным страхом. - Я... я не буду ни вопить, ни кричать... ни разу не

me what I have done!'

'You know, you she devil!' returned the robber, suppressing his breath.

'You were watched to-night; every word you said was heard.'

'Then spare my life for the love of Heaven, as I spared yours,' rejoined the girl, clinging to him.

'Bill, dear Bill, you cannot have the heart to kill me.

Oh! think of all I have given up, only this one night, for you.

You shall have time to think, and save yourself this crime; I will not loose my hold, you cannot throw me off.

Bill, Bill, for dear God's sake, for your own, for mine, stop before you spill my blood!

I have been true to you, upon my guilty soul I have!'

The man struggled violently, to release his arms; but those of the girl were clasped round his, and tear her as he would, he could not tear them away.

'Bill,' cried the girl, striving to lay her head upon his breast, 'the gentleman and that dear lady, told me to-night of a home in some foreign country where I could end my days in solitude and peace.

Let me see them again, and beg them, on my knees, to show the same mercy and goodness to you; and let us both leave this dreadful place, and far apart lead better lives, and forget how we have lived, except in prayers, and never see each other more.

It is never too late to repent.

They told me so — I feel it now — but we must have time — a little, little time!'

The housebreaker freed one arm, and grasped his

вскрикну... Выслушай меня... поговори со мной... скажи мне, что я сделала!

- Сама знаешь, чертовка! - ответил грабитель, переводя дыхание.

- Этой ночью за тобой следили. Слышали каждое твое слово.

- Так пощади же, ради неба, мою жизнь, как я пощадила твою! - воскликнула девушка, прижимаясь к нему.

- Билл, милый Билл, у тебя не хватит духа убить меня.

О, подумай обо всем, от чего я отказалась ради тебя хотя бы только этой ночью.

Подумай об этом и спаси себя от преступления; я не разожму рук, тебе не удастся меня отшвырнуть.

Билл, Билл, ради господ бога, ради самого себя, ради меня, подожди, прежде чем прольешь мою кровь!

Я была тебе верна, клянусь моей грешной душой, я была верна!

Мужчина отчаянно боролся, чтобы освободить руки, но вокруг них обвились руки девушки, и, как он ни старался, он не мог оторвать ее от себя.

- Билл! - воскликнула девушка, пытаясь положить голову ему на грудь. - Джентльмен и эта милая леди предлагали мне сегодня пристанище в какой-нибудь чужой стране, где бы я могла доживать свои дни в уединении и покое.

Позволь мне повидать их еще раз и на коленях молить, чтобы они с такой же добротой и милосердием отнеслись и к тебе, и тогда мы оба покинем это ужасное место и далеко друг от друга начнем лучшую жизнь, забудем, как мы жили раньше, вспоминая об этом только в молитвах, и больше не встретимся.

Никогда не поздно раскаяться.

Так они мне сказали... я это чувствую теперь... но нам нужно время... хоть немножко времени.

Взломщик освободил одну руку и схватил

pistol.

The certainty of immediate detection if he fired, flashed across his mind even in the midst of his fury; and he beat it twice with all the force he could summon, upon the upturned face that almost touched his own.

She staggered and fell: nearly blinded with the blood that rained down from a deep gash in her forehead; but raising herself, with difficulty, on her knees, drew from her bosom a white handkerchief — Rose Maylie's own — and holding it up, in her folded hands, as high towards Heaven as her feeble strength would allow, breathed one prayer for mercy to her Maker.

It was a ghastly figure to look upon.

The murderer staggering backward to the wall, and shutting out the sight with his hand, seized a heavy club and struck her down.

CHAPTER XLVIII — THE FLIGHT OF SIKES

Of all bad deeds that, under cover of the darkness, had been committed within wide London's bounds since night hung over it, that was the worst.

Of all the horrors that rose with an ill scent upon the morning air, that was the foulest and most cruel.

The sun — the bright sun, that brings back, not light alone, but new life, and hope, and freshness to man — burst upon the crowded city in clear and radiant glory.

Through costly-coloured glass and paper-mended window, through cathedral dome and rotten crevice, it shed its equal ray.

It lighted up the room where the murdered woman lay.

It did.

He tried to shut it out, but it would stream in.

If the sight had been a ghastly one in the dull

пистолет.

Несмотря на взрыв ярости, в голове его пронеслась мысль, что он будет немедленно пойман, если выстрелит. И, собрав силы, он дважды ударил им по обращенному к нему лицу, почти касавшемуся его лица.

Она пошатнулась и упала, полуослепленная кровью, стекавшей из глубокой раны на лбу; поднявшись с трудом на колени, она вынула из-за пазухи белый носовой платок - платок Роз Мэйли - и, подняв его в сложенных руках к небу, так высоко, как только позволяли ее слабые силы, прошептала молитву, взывая к создателю о милосердии.

Страшно было смотреть на нее.

Убийца, отшатнувшись к стене и заслоняя глаза рукой, схватил тяжелую дубинку и одним ударом сбил ее с ног.

ГЛАВА XLVIII — Бегство Саймса

Из всех злодеяний, совершенных под покровом тьмы в пределах широко раскинувшегося Лондона с того часа, как нависла над ним ночь, это злодеяние было самое страшное.

Из всех ужасных преступлений, отравивших зловонием утренний воздух, это преступление было самое гнусное и самое жестокое.

Солнце - яркое солнце, приносящее человеку не только свет, но и новую жизнь, надежду и бодрость, - взошло, сияющее и лучезарное, над многолюдным городом.

Сквозь дорогое цветное стекло и заклеенное бумагой окно, сквозь соборный купол и расщелину в ветхой стене оно равно проливало свои лучи.

Оно озарило комнату, где лежала убитая женщина.

Оно озарило ее.

Сайкс попытался преградить ему доступ, но лучи все-таки струились.

Если зрелище было страшным в тусклых,

morning, what was it, now, in all that brilliant light!

He had not moved; he had been afraid to stir.

There had been a moan and motion of the hand; and, with terror added to rage, he had struck and struck again.

Once he threw a rug over it; but it was worse to fancy the eyes, and imagine them moving towards him, than to see them glaring upward, as if watching the reflection of the pool of gore that quivered and danced in the sunlight on the ceiling.

He had plucked it off again.

And there was the body — mere flesh and blood, no more — but such flesh, and so much blood!

He struck a light, kindled a fire, and thrust the club into it.

There was hair upon the end, which blazed and shrunk into a light cinder, and, caught by the air, whirled up the chimney.

Even that frightened him, sturdy as he was; but he held the weapon till it broke, and then piled it on the coals to burn away, and smoulder into ashes.

He washed himself, and rubbed his clothes; there were spots that would not be removed, but he cut the pieces out, and burnt them.

How those stains were dispersed about the room!

The very feet of the dog were bloody.

All this time he had, never once, turned his back upon the corpse; no, not for a moment.

Such preparations completed, he moved, backward, towards the door: dragging the dog with him, lest he should soil his feet anew and carry out new evidence of the crime into the streets.

He shut the door softly, locked it, took the key, and left the house.

He crossed over, and glanced up at the window, to be sure that nothing was visible from the outside.

предутренних сумерках, то каково же было оно теперь при этом ослепительном свете!

Сайкс не двигался: он боялся пошевелинуться.

Послышался стон, рука дернулась, и в ужасе, слившемся с яростью, он нанес еще удар и еще.

Он набросил на нее одеяло; но было тяжелее представлять себе глаза и думать, что они обращены к нему, чем видеть, как они пристально смотрят вверх, словно следя за отражением лужи крови, которое в лучах солнца трепетало и плясало на потолке.

Он снова сорвал одеяло.

Здесь лежало тело - только плоть и кровь, не больше, - но какое тело и как много крови!

Он зажег спичку, растопил очаг и сунул в огонь дубинку.

На конце ее прилипли волосы, они вспыхнули, съежились в легкий пепел и, подхваченные тягой, кружась, полетели вверх к дымоходу.

Даже это его испугало при всей его смелости, но он продолжал держать оружие, пока оно не переломилось, а потом бросил его на угли, чтобы оно сгорело и обратилось в золу.

Он умылся и вычистил свою одежду; несколько пятен не удалось вывести, он вырезал куски и сжег их.

Сколько этих пятен было в комнате!

Даже у собаки лапы были в крови.

Все это время он ни разу не поворачивался спиной к трупу - да, ни на секунду.

Покончив с приготовлениями, он, пятясь, отступил к двери, таща за собой собаку, чтобы она снова не запачкала лап и не вынесла на улицу новых улик преступления.

Он потихоньку открыл дверь, запер ее за собой, взял ключ и покинул дом.

Он перешел через дорогу и поднял глаза на окно, желая убедиться, что с улицы ничего не видно.

There was the curtain still drawn, which she would have opened to admit the light she never saw again.

It lay nearly under there.

He knew that.

God, how the sun poured down upon the very spot!

The glance was instantaneous.

It was a relief to have got free of the room.

He whistled on the dog, and walked rapidly away.

He went through Islington; strode up the hill at Highgate on which stands the stone in honour of Whittington; turned down to Highgate Hill, unsteady of purpose, and uncertain where to go; struck off to the right again, almost as soon as he began to descend it; and taking the foot-path across the fields, skirted Caen Wood, and so came on Hampstead Heath.

Traversing the hollow by the Vale of Heath, he mounted the opposite bank, and crossing the road which joins the villages of Hampstead and Highgate, made along the remaining portion of the heath to the fields at North End, in one of which he laid himself down under a hedge, and slept.

Soon he was up again, and away, — not far into the country, but back towards London by the high-road — then back again — then over another part of the same ground as he already traversed — then wandering up and down in fields, and lying on ditches' brinks to rest, and starting up to make for some other spot, and do the same, and ramble on again.

Where could he go, that was near and not too public, to get some meat and drink?

Hendon.

That was a good place, not far off, and out of most people's way.

Thither he directed his steps, — running sometimes, and sometimes, with a strange perversity, loitering at a snail's pace, or stopping altogether and idly breaking the hedges with a

Все еще была задернута занавеска, которую она хотела раздвинуть, чтобы впустить свет, так и не увиденный ею.

Она лежала почти у окна.

Он это знал.

Боже, как льются солнечные лучи на это самое место!

Взгляд был мимолетный.

Стало легче, когда он вырвался из этой комнаты.

Он свистнул собаку и быстро зашагал прочь.

Он прошел через Излингтон, поднялся на холм у Хайгета, где водружен камень в честь Виттингтона *, и стал спускаться к Хайгет-Хилл. Он шел бесцельно, не зная, куда идти; едва начав спускаться с холма, он опять свернул вправо, и пойдя по тропинке через поля, обогнул Сиин-Вуд и таким образом вышел на Хэмстед-Хит.

Миновав ложбину у Вейл-Хит, он взобрался на насыпь с противоположной стороны, пересек дорогу, соединяющую деревни Хэмстед и Хайгет, и, дойдя до конца вересковой пустоши, вышел в поля у Норт-Энда, где улегся под живой изгородью и заснул.

Вскоре он опять поднялся и пошел - не от Лондона, а обратно, в город, по проезжей дороге, потом назад, пересек с другой стороны пустошь, по которой уже проходил, затем стал блуждать по полям, ложился отдыхать у края канавы и снова вскакивал, чтобы отыскать какое-нибудь другое местечко, возвращался и снова бродил наугад.

Куда бы зайти поблизости, где было не слишкомлюдно, чтобы поесть и выпить?

Хэндон.

Это было прекрасное место, неподалеку, куда мало кто заглядывал по пути.

Сюда-то он и направился, то пускаясь бегом, то, по странной прихоти, подвигаясь со скоростью улитки, а иногда даже приостанавливался и

stick.

But when he got there, all the people he met — the very children at the doors — seemed to view him with suspicion.

Back he turned again, without the courage to purchase bit or drop, though he had tasted no food for many hours; and once more he lingered on the Heath, uncertain where to go.

He wandered over miles and miles of ground, and still came back to the old place.

Morning and noon had passed, and the day was on the wane, and still he rambled to and fro, and up and down, and round and round, and still lingered about the same spot.

At last he got away, and shaped his course for Hatfield.

It was nine o'clock at night, when the man, quite tired out, and the dog, limping and lame from the unaccustomed exercise, turned down the hill by the church of the quiet village, and plodding along the little street, crept into a small public-house, whose scanty light had guided them to the spot.

There was a fire in the tap-room, and some country-labourers were drinking before it.

They made room for the stranger, but he sat down in the furthest corner, and ate and drank alone, or rather with his dog: to whom he cast a morsel of food from time to time.

The conversation of the men assembled here, turned upon the neighbouring land, and farmers; and when those topics were exhausted, upon the age of some old man who had been buried on the previous Sunday; the young men present considering him very old, and the old men present declaring him to have been quite young — not older, one white-haired grandfather said, than he was — with ten or fifteen year of life in him at least — if he had taken care; if he had taken care.

There was nothing to attract attention, or excite alarm in this.

лениво сбивал палкой ветки кустарника.

Но когда он пришел туда, все, кого он встречал - даже дети у дверей, - казалось, посматривали на него подозрительно.

Снова повернул он обратно, не осмелившись купить чего-нибудь поесть или выпить, хотя вот уже много часов у него не было ни куска во рту; и опять он побрел по вересковой пустоши, не зная, куда идти.

Он проходил милю за милей и снова приходил на старое место.

Утро и полдень миновали, и день был на исходе, а он по-прежнему тащился то в одну сторону, то в другую, то в гору, то под гору, по-прежнему возвращался назад и мешкал возле одного и того же места.

Наконец, он ушел и зашагал по направлению к Хэтфилду.

Было девять часов вечера, когда мужчина, окончательно выбившись из сил, и собака, волочившая ноги и хромавшая от непривычной ходьбы, спустились с холма возле церкви в тихой деревне и, пройдя по маленькой улочке, проскользнули в небольшой трактир, тусклый огонек которого привел их сюда.

В комнате был затоплен камин, и перед ним выпивали поселяне.

Они освободили место для незнакомца, но он уселся в самом дальнем углу и ел и пил в одиночестве, или, вернее, со своей собакой, которой время от времени бросал кусок.

Беседа собравшихся здесь людей шла о соседних полях, о фермерах, а когда эти темы были исчерпаны - о возрасте какого-то старика, которого похоронили в прошлое воскресенье; юноши считали его очень дряхлым, а старики утверждали, что он был совсем еще молод - не старше, как заявил один седовласый дед, чем он сам, и его еще хватило бы лет на десять - пятнадцать по крайней мере, если бы он берег себя... если бы он берег себя!

Эта беседа ничем не могла привлечь внимания или вызвать тревогу.

The robber, after paying his reckoning, sat silent and unnoticed in his corner, and had almost dropped asleep, when he was half wakened by the noisy entrance of a new comer.

This was an antic fellow, half pedlar and half mountebank, who travelled about the country on foot to vend hones, strops, razors, washballs, harness-paste, medicine for dogs and horses, cheap perfumery, cosmetics, and such-like wares, which he carried in a case slung to his back.

His entrance was the signal for various homely jokes with the countrymen, which slackened not until he had made his supper, and opened his box of treasures, when he ingeniously contrived to unite business with amusement.

'And what be that stoof?

Good to eat, Harry?' asked a grinning countryman, pointing to some composition-cakes in one corner.

'This,' said the fellow, producing one, 'this is the infallible and invaluable composition for removing all sorts of stain, rust, dirt, mildew, spick, speck, spot, or spatter, from silk, satin, linen, cambric, cloth, crape, stuff, carpet, merino, muslin, bombazeen, or woollen stuff.

Wine-stains, fruit-stains, beer-stains, water-stains, paint-stains, pitch-stains, any stains, all come out at one rub with the infallible and invaluable composition.

If a lady stains her honour, she has only need to swallow one cake and she's cured at once — for it's poison.

If a gentleman wants to prove this, he has only need to bolt one little square, and he has put it beyond question — for it's quite as satisfactory as a pistol-bullet, and a great deal nastier in the flavour, consequently the more credit in taking it.

One penny a square.

Грабитель, расплатившись по счету, сидел молчаливый и неприметный в своем углу и уже задремал, как вдруг его разбудило шумное появление нового лица.

Это был коробейник, балагур и шарлатан, странствовавший пешком по деревням, торгуя точильными камнями, ремнями для правки бритв, бритвами, круглым мылом, смазкой для сбруи, лекарствами для собак и лошадей, дешевыми духами, косметическими мазями и тому подобными вещами, которые он таскал в ящике, привязанном за спиной.

Его появление послужило для поселян сигналом к обмену всевозможными незамысловатыми шуточками, которые не смолкали, пока он не поужинал и не раскрыл своего ящика с сокровищами, после чего остроумно ухитрился соединить приятное с полезным.

- А что это за товары?

Каковы на вкус, Гарри? - спросил ухмыляющийся поселянин, указывая на плитки в углу ящика.

- Вот это, - сказал парень, извлекая одну из них, - Это незаменимое и неоценимое средство для удаления всяких пятен, ржавчины, грязи, крапинок и брызг с шелка, атласа, полотна, батиста, сукна и крепа, с шерсти, с ковров, с шерсти мериносовой, с муслина, бомбазина и всяких шерстяных тканей.

Пятна от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски и дегтя - любое пятно сойдет, стоит разок потереть этим незаменимым и неоценимым средством.

Если леди запятнала свое имя, ей достаточно проглотить одну штуку - и она сразу исцелится, потому что это яд.

Если джентльмен пожелает это проверить, ему достаточно принять одну маленькую плиточку - и никаких сомнений не останется, потому что она действует не хуже пули и на вкус гораздо противнее, а стало быть, тем больше ему чести, что он ее принял...

Пенни за штуку!

With all these virtues, one penny a square!

There were two buyers directly, and more of the listeners plainly hesitated.

The vendor observing this, increased in loquacity.

'It's all bought up as fast as it can be made,' said the fellow.

'There are fourteen water-mills, six steam-engines, and a galvanic battery, always a-working upon it, and they can't make it fast enough, though the men work so hard that they die off, and the widows is pensioned directly, with twenty pound a-year for each of the children, and a premium of fifty for twins.

One penny a square!

Two half-pence is all the same, and four farthings is received with joy.

One penny a square!

Wine-stains, fruit-stains, beer-stains, water-stains, paint-stains, pitch-stains, mud-stains, blood-stains!

Here is a stain upon the hat of a gentleman in company, that I'll take clean out, before he can order me a pint of ale.'

'Hah!' cried Sikes starting up.

'Give that back.'

'I'll take it clean out, sir,' replied the man, winking to the company, 'before you can come across the room to get it.

Gentlemen all, observe the dark stain upon this gentleman's hat, no wider than a shilling, but thicker than a half-crown.

Whether it is a wine-stain, fruit-stain, beer-stain, water-stain, paint-stain, pitch-stain, mud-stain, or blood-stain — '

The man got no further, for Sikes with a hideous imprecation overthrew the table, and tearing the hat from him, burst out of the house.

With the same perversity of feeling and irresolution that had fastened upon him, despite

Такая польза, и только пенни за штуку!

Сразу нашлись два покупателя, и многие слушатели начинали явно склоняться к тому же.

Заметив это, торговец стал еще болтливее.

- Выпустить не успеют, как все нарасхват разбирают! - продолжал парень.

- Четырнадцать водяных мельниц, шесть паровых машин и гальваническая батарея без отдыха выделывают их да все не успевают, хотя люди трудятся так, что помирают, а вдовам сейчас же дают пенсию и двадцать фунтов в год на каждого ребенка, а за близнецов - пятьдесят...

Пенни за штуку!

Два полупенни тоже годятся, и четыре фартинга будут приняты с радостью.

Пенни за штуку!

Пятна от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски, дегтя, грязи, крови!..

Вот у этого джентльмена пятно на шляпе, которое я выведу, не успеет он заказать мне пинту пива.

- Эй! - вострепёнувшись, крикнул Сайкс.

- Отдайте!

- Я его выведу, сэр, - возразил торговец, подмигивая компании, - прежде чем вы подойдете с того конца комнаты.

Джентльмены, здесь присутствующие, обратите внимание на темное пятно на шляпе этого джентльмена величиной не больше шиллинга, но толщиной с полукрону.

Будь пятно от вина, от фруктов, от пива, от воды, от краски, дегтя, грязи или крови...

Торговец не кончил фразы, потому что Сайкс с отвратительным проклятьем опрокинул стол и, вырвав у него шляпу, выбежал из дому.

Под влиянием все той же странной прихоти и

himself, all day, the murderer, finding that he was not followed, and that they most probably considered him some drunken sullen fellow, turned back up the town, and getting out of the glare of the lamps of a stage-coach that was standing in the street, was walking past, when he recognised the mail from London, and saw that it was standing at the little post-office.

He almost knew what was to come; but he crossed over, and listened.

The guard was standing at the door, waiting for the letter-bag.

A man, dressed like a game-keeper, came up at the moment, and he handed him a basket which lay ready on the pavement.

'That's for your people,' said the guard.

'Now, look alive in there, will you.

Damn that 'ere bag, it warn't ready night afore last; this won't do, you know!'

'Anything new up in town, Ben?' asked the game-keeper, drawing back to the window-shutters, the better to admire the horses.

'No, nothing that I knows on,' replied the man, pulling on his gloves.

'Corn's up a little.

I heerd talk of a murder, too, down Spitalfields way, but I don't reckon much upon it.'

'Oh, that's quite true,' said a gentleman inside, who was looking out of the window.

'And a dreadful murder it was.'

'Was it, sir?' rejoined the guard, touching his hat.

'Man or woman, pray, sir?'

'A woman,' replied the gentleman.

'It is supposed — '

'Now, Ben,' replied the coachman impatiently.

'Damn that 'ere bag,' said the guard; 'are you gone to sleep in there?'

колебаний, которые весь день владели им вопреки его воле, убийца, убедившись, что его не преследуют и, по всей вероятности, приняли за угрюмого и пьяного парня, повернул обратно в город и, сторонясь от фонарей кареты, стоявшей перед маленькой почтовой конторой, хотел пройти мимо, но узнал почтовую карету из Лондона.

Он почти угадывал, что за этим последует, но перешел дорогу и стал прислушиваться.

У двери стоял кондуктор в ожидании почтовой сумки.

В эту минуту к нему подошел человек в форме лесничего, и тот вручил ему корзинку, которую поднял с мостовой.

- Это для вашей семьи, - сказал кондуктор.

- Эй, вы, там, пошевеливайтесь!

Будь проклята эта сумка, и вчера она была не готова. Так, знаете ли, не годится!

- Что нового в городе, Бен? - спросил лесничий, отступая к ставням, чтобы удобнее было любоваться лошадьми.

- Ничего как будто не слышал, - ответил тот, надевая перчатки.

- Цена на хлеб немного поднялась.

Слыхал, что толковали о каком-то убийстве в Спителфилдсе, но не очень-то я этому верю.

- Нет, это правда, - сказал джентльмен, сидевший в карете и выглядывавший из окна.

- И вдобавок - Зверское убийство.

- Вот как, сэр! - отозвался кондуктор, притронувшись к шляпе.

- Кого убили, сэр: мужчину или женщину?

- Женщину, - ответил джентльмен.

- Полагают...

- Эй, Бен! - нетерпеливо крикнул кучер.

- Будь проклята эта сумка! - воскликнул кондуктор. - Заснули вы там, что ли?

'Coming!' cried the office keeper, running out.

'Coming,' growled the guard.

'Ah, and so's the young 'ooman of property that's going to take a fancy to me, but I don't know when.

Here, give hold.

All ri — ight!'

The horn sounded a few cheerful notes, and the coach was gone.

Sikes remained standing in the street, apparently unmoved by what he had just heard, and agitated by no stronger feeling than a doubt where to go.

At length he went back again, and took the road which leads from Hatfield to St. Albans.

He went on doggedly; but as he left the town behind him, and plunged into the solitude and darkness of the road, he felt a dread and awe creeping upon him which shook him to the core.

Every object before him, substance or shadow, still or moving, took the semblance of some fearful thing; but these fears were nothing compared to the sense that haunted him of that morning's ghastly figure following at his heels.

He could trace its shadow in the gloom, supply the smallest item of the outline, and note how stiff and solemn it seemed to stalk along.

He could hear its garments rustling in the leaves, and every breath of wind came laden with that last low cry.

If he stopped it did the same.

If he ran, it followed — not running too: that would have been a relief: but like a corpse endowed with the mere machinery of life, and borne on one slow melancholy wind that never rose or fell.

- Иду! - крикнул, выбегая, заведующий конторой.

- Иду! - проворчал кондуктор.

- Идет так же, как та молодая и богатая женщина, которая собирается в меня влюбиться, да не знаю когда.

Ну, давайте!

Готово!

Весело затрубил рог, и карета уехала.

Сайкс продолжал стоять на улице; казалось, его не взволновала только что услышанная весть, не тревожило ни одно сильное чувство, кроме колебаний, куда идти.

Наконец, он снова повернул назад и пошел по дороге, ведущей из Хэтфилда в Сент-Элбанс.

Он шел упрямо вперед. Но, оставив позади город и очутившись на безлюдной и темной дороге, он почувствовал, как подкрадываются к нему страх и ужас, проникая до сокровенных его глубин.

Все, что находилось впереди - реальный предмет или тень, что-то неподвижное или движущееся, - превращалось в чудовищные образы, но эти страхи были ничто по сравнению с не покидавшим его чувством, будто за ним по пятам идет призрачная фигура, которую он видел этим утром.

Он мог проследить ее тень во мраке, точно восстановить очертания и видеть, как непреклонно и торжественно шествует она.

Он слышал шелест ее одежды в листве, и каждое дыхание ветра приносило ее последний тихий стон.

Если он останавливался, останавливалась и она.

Если он бежал, она следовала за ним, - не бежала, что было бы для него облегчением, но двигалась, как труп, наделенный какой-то механической жизнью и гонимый ровным, унылым ветром, не усиливавшимся и не стихавшим.

At times, he turned, with desperate determination, resolved to beat this phantom off, though it should look him dead; but the hair rose on his head, and his blood stood still, for it had turned with him and was behind him then.

He had kept it before him that morning, but it was behind now — always.

He leaned his back against a bank, and felt that it stood above him, visibly out against the cold night-sky.

He threw himself upon the road — on his back upon the road.

At his head it stood, silent, erect, and still — a living grave-stone, with its epitaph in blood.

Let no man talk of murderers escaping justice, and hint that Providence must sleep.

There were twenty score of violent deaths in one long minute of that agony of fear.

There was a shed in a field he passed, that offered shelter for the night.

Before the door, were three tall poplar trees, which made it very dark within; and the wind moaned through them with a dismal wail.

He could not walk on, till daylight came again; and here he stretched himself close to the wall — to undergo new torture.

For now, a vision came before him, as constant and more terrible than that from which he had escaped.

Those widely staring eyes, so lustreless and so glassy, that he had better borne to see them than think upon them, appeared in the midst of the darkness: light in themselves, but giving light to nothing.

There were but two, but they were everywhere.

If he shut out the sight, there came the room with every well-known object — some, indeed, that he would have forgotten, if he had gone over its

Иногда он поворачивался с отчаянным решением отогнать привидение, даже если б один его взгляд принес смерть; но волосы поднимались у него дыбом и кровь стыла в жилах, потому что оно поворачивалось вместе с ним и оставалось у него за спиной.

Утром он удерживал его перед собой, но теперь оно было за спиной - всегда.

Он прислонился к насыпи и чувствовал, что оно высится над ним, вырисовываясь на фоне холодного ночного неба.

Он растянулся на дороге - лег на спину.

Оно стояло над его головой, безмолвное, прямое и неподвижное - живой памятник с эпитафией, начертанной кровью.

Пусть никто не говорит об убийцах, ускользнувших от правосудия, и не высказывает догадку, что провидение, должно быть, спит.

Одна нескончаемая минута этого мучительного страха стоила десятка насильственных смертей.

В поле, где он проходил, был сарай, который мог служить пристанищем на ночь.

Перед дверью росли три высоких тополя, отчего внутри было очень темно, и ветер жалобно завывал в ветвях.

Он не мог идти дальше, пока не рассветет, и здесь он улегся у самой стены, чтобы подвергнуться новой пытке.

Ибо теперь видение предстало перед ним такое же неотвязное, но еще более страшное, чем то, от которого он спасся.

Эти широко раскрытые глаза, такие тусклые и такие остекленевшие, что ему легче было бы их видеть, чем о них думать, появились во мраке; свет был в них, но они не освещали ничего.

Только два глаза, но они были всюду.

Если он смыкал веки, перед ним возникала комната со всеми хорошо знакомыми предметами - конечно, об иных он бы не вспомнил, если бы восстанавливал обстановку

contents from memory — each in its accustomed place.

The body was in its place, and its eyes were as he saw them when he stole away.

He got up, and rushed into the field without.

The figure was behind him.

He re-entered the shed, and shrunk down once more.

The eyes were there, before he had laid himself along.

And here he remained in such terror as none but he can know, trembling in every limb, and the cold sweat starting from every pore, when suddenly there arose upon the night-wind the noise of distant shouting, and the roar of voices mingled in alarm and wonder.

Any sound of men in that lonely place, even though it conveyed a real cause of alarm, was something to him.

He regained his strength and energy at the prospect of personal danger; and springing to his feet, rushed into the open air.

The broad sky seemed on fire.

Rising into the air with showers of sparks, and rolling one above the other, were sheets of flame, lighting the atmosphere for miles round, and driving clouds of smoke in the direction where he stood.

The shouts grew louder as new voices swelled the roar, and he could hear the cry of Fire! mingled with the ringing of an alarm-bell, the fall of heavy bodies, and the crackling of flames as they twined round some new obstacle, and shot aloft as though refreshed by food.

The noise increased as he looked.

There were people there — men and women — light, bustle.

It was like new life to him.

по памяти, - каждая вещь на своем привычном месте.

И труп был на своем месте и глаза, какими он их видел, когда бесшумно уходил.

Он вскочил и побежал в поле.

Фигура была у него за спиной.

Он вернулся в сарай и снова съежился там.

Глаза появились раньше, чем он успел лечь.

И здесь он остался, охваченный таким ужасом, какой никому был неведом, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом, как вдруг ночной ветер донес издалека крики и гул голосов, испуганных и встревоженных.

Человеческий голос, прозвучавший в этом уединенном месте, пусть даже возвещающая о какой-то беде, принес ему облегчение.

Сознание грозящей опасности заставило Сайкса обрести новые силы, и, вскочив на ноги, он выбежал из сарая.

Казалось, широко раскинувшееся небо было в огне.

Поднимаясь вверх с дождем искр и перекатываясь один через другой, вырывались языки пламени, освещая окрестности на много миль и гоня облака дыма в ту сторону, где он стоял.

Рев стал громче, так как новые голоса подхватили вопль, и он мог расслышать крики: "Пожар!" - сливавшиеся с набатом, грохотом от падения каких-то тяжестей и треском огня, когда языки обвивались вокруг какого-нибудь нового препятствия и вздымались вверх, словно подкрепленные пищей.

Пока он смотрел, шум усилился.

Там были люди - мужчины и женщины, - свет, суматоха.

Для него это была как будто новая жизнь.

He darted onward — straight, headlong — dashing through brier and brake, and leaping gate and fence as madly as his dog, who careered with loud and sounding bark before him.

He came upon the spot.

There were half-dressed figures tearing to and fro, some endeavouring to drag the frightened horses from the stables, others driving the cattle from the yard and out-houses, and others coming laden from the burning pile, amidst a shower of falling sparks, and the tumbling down of red-hot beams.

The apertures, where doors and windows stood an hour ago, disclosed a mass of raging fire; walls rocked and crumbled into the burning well; the molten lead and iron poured down, white hot, upon the ground.

Women and children shrieked, and men encouraged each other with noisy shouts and cheers.

The clanking of the engine-pumps, and the spirting and hissing of the water as it fell upon the blazing wood, added to the tremendous roar.

He shouted, too, till he was hoarse; and flying from memory and himself, plunged into the thickest of the throng.

Hither and thither he dived that night: now working at the pumps, and now hurrying through the smoke and flame, but never ceasing to engage himself wherever noise and men were thickest.

Up and down the ladders, upon the roofs of buildings, over floors that quaked and trembled with his weight, under the lee of falling bricks and stones, in every part of that great fire was he; but he bore a charmed life, and had neither scratch nor bruise, nor weariness nor thought, till morning dawned again, and only smoke and blackened ruins remained.

This mad excitement over, there returned, with ten-fold force, the dreadful consciousness of his crime.

Он рванулся вперед - напрямик, опрометью, мчась сквозь вересковые заросли и кусты и перескакивая через изгороди и заборы так же неудержимо, как его собака, которая неслась впереди с громким и звонким лаем.

Он добежал.

Метались полуодетые фигуры: одни старались вывести из конюшен испуганных лошадей, другие гнали скот со двора и из надворных построек, тащили пожитки из горящего дома под градом сыпавшихся искр и раскаленных докрасна балок.

Сквозь отверстия, где час назад были двери и окна, виднелось бушующее море огня; стены качались и падали в пылающий колодец; расплавленный свинец и железо, добела раскаленные, лились потоком на землю.

Визжали женщины и дети, а мужчины подбадривали друг друга громкими криками.

Лязг пожарных насосов, свист и шипение струи, падавшей на горящее дерево, сливались в оглушительный рев.

Он тоже кричал до хрипоты и, убегая от воспоминаний и самого себя, нырнул в гущу толпы.

Из стороны в сторону бросался он в эту ночь, то трудясь у насосов, то пробиваясь сквозь дым и пламя, но все время норовя попасть туда, где больше всего было шума и людей.

На приставных лестницах, наверху и внизу, на крышах строений, на половицах, скрипевших и колебавшихся под его тяжестью, под градом падающих кирпичей и камней, - всюду, где бушевал огонь, был он, но его жизнь была заколдована, он остался невредимым: ни единой царапины, ни ушибов; он не ведал ни усталости, ни мыслей, пока снова не занялась заря и остались только дым да почерневшие развалины.

Когда прошло это сумасшедшее возбуждение, с удесyтеренной силой вернулось страшное сознание совершенного преступления.

He looked suspiciously about him, for the men were conversing in groups, and he feared to be the subject of their talk.

The dog obeyed the significant beck of his finger, and they drew off, stealthily, together.

He passed near an engine where some men were seated, and they called to him to share in their refreshment.

He took some bread and meat; and as he drank a draught of beer, heard the firemen, who were from London, talking about the murder.

'He has gone to Birmingham, they say,' said one: 'but they'll have him yet, for the scouts are out, and by to-morrow night there'll be a cry all through the country.'

He hurried off, and walked till he almost dropped upon the ground; then lay down in a lane, and had a long, but broken and uneasy sleep.

He wandered on again, irresolute and undecided, and oppressed with the fear of another solitary night.

Suddenly, he took the desperate resolution to going back to London.

'There's somebody to speak to there, at all event,' he thought. 'A good hiding-place, too.'

They'll never expect to nab me there, after this country scent.

Why can't I lie by for a week or so, and, forcing blunt from Fagin, get abroad to France?

Damme, I'll risk it.'

He acted upon this impulse without delay, and choosing the least frequented roads began his journey back, resolved to lie concealed within a short distance of the metropolis, and, entering it at dusk by a circuitous route, to proceed straight to that part of it which he had fixed on for his destination.

The dog, though.

If any description of him were out, it would not be

Он подозрительно осмотрелся; люди разговаривали, разбившись на группы, и он опасался, что предметом их беседы служит он.

Собака повиновалась выразительному движению его пальца, и они крадучись пошли прочь.

Он проходил мимо пожарного насоса, где сидели несколько человек, и они окликнули его, предлагая с ними закусить.

Он поел хлеба и мяса, а когда принялся за пиво, услышал, как пожарные, которые явились из Лондона, толкуют об убийстве.

- Говорят, он пошел в Бирмингем, - сказал один, - но его схватят, потому что сыщики уже на ногах, а завтра к вечеру об этом будут знать по всей стране.

Он поспешил уйти и шел, пока не подкосились ноги, - тогда он лег на тропинке и спал долго, но беспокойным сном.

Снова он побрел, нерешительный и колеблющийся, страшно боясь провести еще ночь в одиночестве.

Вдруг он принял отчаянное решение вернуться в Лондон.

"Там хоть есть с кем поговорить, - подумал он, - и надежное место, чтобы спрятаться.

Раз пущен слух, что я в этих краях, им не придет в голову ловить меня там.

Почему бы мне не притаиться на недельку, а потом выколотить деньги из Феджина и уехать во Францию?

Черт побери, рискну!"

Этому побуждению он последовал немедленно и, выбирая самые глухие дороги, пустился в обратный путь, решив укрыться где-нибудь неподалеку от столицы, в сумерках войти в нее окольными путями и отправиться в тот квартал, который он наметил целью своего путешествия.

А собака?

Если разосланы сведения о его приметах, не

forgotten that the dog was missing, and had probably gone with him.

This might lead to his apprehension as he passed along the streets.

He resolved to drown him, and walked on, looking about for a pond: picking up a heavy stone and tying it to his handkerchief as he went.

The animal looked up into his master's face while these preparations were making; whether his instinct apprehended something of their purpose, or the robber's sidelong look at him was sterner than ordinary, he skulked a little farther in the rear than usual, and cowered as he came more slowly along.

When his master halted at the brink of a pool, and looked round to call him, he stopped outright.

'Do you hear me call?

Come here!' cried Sikes.

The animal came up from the very force of habit; but as Sikes stooped to attach the handkerchief to his throat, he uttered a low growl and started back.

'Come back!' said the robber.

The dog wagged his tail, but moved not.

Sikes made a running noose and called him again.

The dog advanced, retreated, paused an instant, and scoured away at his hardest speed.

The man whistled again and again, and sat down and waited in the expectation that he would return.

But no dog appeared, and at length he resumed his journey.

CHAPTER XLIX — MONKS AND MR. BROWNLOW AT LENGTH MEET. THEIR CONVERSATION, AND THE INTELLIGENCE THAT INTERRUPTS IT

забудут, что собака тоже исчезла и, по всей вероятности, ушла с ним.

Это может привести к аресту, когда он будет проходить по улицам.

Он решил утопить ее и пошел дальше, отыскивая какой-нибудь пруд; по дороге поднял тяжелый камень и завязал его в носовой платок.

Пока делались эти приготовления, собака не сводила глаз со своего хозяина; инстинкт ли предупредил собаку об их цели, или же косой взгляд, брошенный на нее грабителем, был суровее обычного, но она держалась позади него немного дальше, чем всегда, и поджала хвост, как только он замедлил шаги.

Когда ее хозяин остановился у небольшого пруда и оглянулся, чтобы подзвать ее, она не тронулась с места.

- Слышишь, зову!

Сюда! - крикнул Сайкс.

Собака подошла в силу привычки, но, когда Сайкс нагнулся, чтобы обвязать ей шею платком, она глухо заворчала и отскочила.

- Назад! - крикнул грабитель.

Собака завиляла хвостом, но осталась на том же месте.

Сайкс сделал мертвую петлю и снова позвал ее.

Собака подошла, отступила, постояла секунду, повернулась и стремглав бросилась прочь.

Сайкс свистнул еще и еще раз, сел и стал ждать, надеясь, что она вернется.

Но собака так и не вернулась, и, наконец, он снова тронулся в путь.

ГЛАВА XLIX — Монкс и мистер Браунлоу, наконец, встречаются. Их беседа и известие, ее прервавшее

The twilight was beginning to close in, when Mr. Brownlow alighted from a hackney-coach at his own door, and knocked softly.

The door being opened, a sturdy man got out of the coach and stationed himself on one side of the steps, while another man, who had been seated on the box, dismounted too, and stood upon the other side.

At a sign from Mr. Brownlow, they helped out a third man, and taking him between them, hurried him into the house.

This man was Monks.

They walked in the same manner up the stairs without speaking, and Mr. Brownlow, preceding them, led the way into a back-room.

At the door of this apartment, Monks, who had ascended with evident reluctance, stopped. The two men looked at the old gentleman as if for instructions.

'He knows the alternative,' said Mr. Brownlow.

'If he hesitates or moves a finger but as you bid him, drag him into the street, call for the aid of the police, and impeach him as a felon in my name.'

'How dare you say this of me?' asked Monks.

'How dare you urge me to it, young man?' replied Mr. Brownlow, confronting him with a steady look.

'Are you mad enough to leave this house?

Unhand him.

There, sir. You are free to go, and we to follow.

But I warn you, by all I hold most solemn and most sacred, that instant will have you apprehended on a charge of fraud and robbery.

I am resolute and immovable.

If you are determined to be the same, your blood

Смеркалось, когда мистер Браунлоу вышел из наемной кареты у своего подъезда и тихо постучал.

Когда дверь открылась, из кареты вылез дюжий мужчина и занял место по одну сторону подножки, тогда как другой, сидевший на козлах, в свою очередь спустился и стал по другую сторону.

По знаку мистера Браунлоу они помогли выйти третьему и, поместившись по правую и левую его руку, быстро увлекли в дом.

Этот человек был Монкс.

Таким же манером они молча поднялись по лестнице, и мистер Браунлоу, шедший впереди, повел их в заднюю комнату.

У двери этой комнаты Монкс, поднимавшийся с явной неохотой, остановился.

- Пусть он выбирает, - сказал мистер Браунлоу.

- Если он замешкается или хоть пальцем пошевелинет, сопротивляясь вам, тащите его на улицу, зовите полицию и от моего имени предъявите ему обвинение в преступлении.

- Как вы смеете говорить это обо мне? - спросил Монкс.

- Как вы смеете вынуждать меня к этому, молодой человек? - отозвался мистер Браунлоу, пристально глядя ему в лицо.

- Или вы с ума сошли, что хотите уйти из этого дома?..

Отпустите его...

Ну вот, сэр: вы вольны идти, а мы - последовать за вами.

Но предупреждаю вас - клянусь всем самым для меня святым! - что в ту самую минуту, когда вы окажетесь на улице, я арестую вас по обвинению в мошенничестве и грабеже.

Я тверд и непоколебим.

Если и вы решили вести себя так же, то да

be upon your own head!'

'By what authority am I kidnapped in the street, and brought here by these dogs?' asked Monks, looking from one to the other of the men who stood beside him.

'By mine,' replied Mr. Brownlow.

'Those persons are indemnified by me.

If you complain of being deprived of your liberty — you had power and opportunity to retrieve it as you came along, but you deemed it advisable to remain quiet — I say again, throw yourself for protection on the law.

I will appeal to the law too; but when you have gone too far to recede, do not sue to me for leniency, when the power will have passed into other hands; and do not say I plunged you down the gulf into which you rushed, yourself.'

Monks was plainly disconcerted, and alarmed besides.

He hesitated.

'You will decide quickly,' said Mr. Brownlow, with perfect firmness and composure.

'If you wish me to prefer my charges publicly, and consign you to a punishment the extent of which, although I can, with a shudder, foresee, I cannot control, once more, I say, for you know the way.

If not, and you appeal to my forbearance, and the mercy of those you have deeply injured, seat yourself, without a word, in that chair.

It has waited for you two whole days.'

Monks muttered some unintelligible words, but wavered still.

'You will be prompt,' said Mr. Brownlow.

'A word from me, and the alternative has gone for ever.'

Still the man hesitated.

падет ваша кровь на вашу голову.

- По чьему распоряжению я схвачен на улице и доставлен сюда этими собаками? - спросил Монкс, переводя взгляд с одного на другого из стоявших возле него мужчин.

- По моему, - ответил мистер Браунлоу.

- За этих людей ответственность несу я.

Если вы жалуетесь, что вас лишили свободы, - вы имели право и возможность вернуть ее, когда ехали сюда, однако сочли разумным не поднимать шума, - то, повторяю, отдайтесь под защиту закона. Я в свою очередь обращусь к закону.

Но если вы зайдете слишком далеко, чтобы отступать, не просите меня о снисхождении, когда власть перейдет в другие руки, и не говорите, что я толкнул вас в пропасть, в которую вы бросились сами.

Монкс был заметно смущен и к тому же встревожен.

Он колебался.

- Вы должны поспешить с решением, - сказал мистер Браунлоу с большой твердостью и самообладанием.

- Если вам угодно, чтобы я предъявил обвинение публично и обрек вас на кару, которую хотя и могу с содроганием предвидеть, но не могу изменить, то, говорю еще раз, путь вам известен.

Если же не угодно и вы вызываете к моей снисходительности и к милосердию тех, кому причинили столько зла, садитесь без дальнейших разговоров на этот стул.

Он ждет вас вот уже два дня.

Монкс пробормотал что-то невнятное, но все еще колебался.

- Поторопитесь, - сказал мистер Браунлоу.

- Одно мое слово - и выбора уже не будет.

Монкс все еще колебался.

'I have not the inclination to parley,' said Mr. Brownlow, 'and, as I advocate the dearest interests of others, I have not the right.'

'Is there — ' demanded Monks with a faltering tongue, — 'is there — no middle course?'

'None.'

Monks looked at the old gentleman, with an anxious eye; but, reading in his countenance nothing but severity and determination, walked into the room, and, shrugging his shoulders, sat down.

'Lock the door on the outside,' said Mr. Brownlow to the attendants, 'and come when I ring.'

The men obeyed, and the two were left alone together.

'This is pretty treatment, sir,' said Monks, throwing down his hat and cloak, 'from my father's oldest friend.'

'It is because I was your father's oldest friend, young man,' returned Mr. Brownlow; 'it is because the hopes and wishes of young and happy years were bound up with him, and that fair creature of his blood and kindred who rejoined her God in youth, and left me here a solitary, lonely man: it is because he knelt with me beside his only sisters' death-bed when he was yet a boy, on the morning that would — but Heaven willed otherwise — have made her my young wife; it is because my seared heart clung to him, from that time forth, through all his trials and errors, till he died; it is because old recollections and associations filled my heart, and even the sight of you brings with it old thoughts of him; it is because of all these things that I am moved to treat you gently now — yes, Edward Leeford, even now — and blush for your unworthiness who bear the name.'

'What has the name to do with it?' asked the other, after contemplating, half in silence, and half in dogged wonder, the agitation of his companion.

'What is the name to me?'

- Я не склонен вступать в переговоры, - продолжал мистер Браунлоу. - И к тому же, раз я защищаю насущные интересы других, не имею на это права.

- Нет ли... - запинаясь, спросил Монкс, - нет ли какого-нибудь компромисса?

- Никакого.

Монкс с тревогой посмотрел на старого джентльмена, но, не прочтя на его лице ничего, кроме суровости и решимости, вошел в комнату и, пожав плечами, сел.

- Заприте дверь снаружи, - сказал мистер Браунлоу слугам, - и войдите, когда я позвоню.

Те повиновались, и они остались вдвоем.

- Недурное обращение, сэра, - сказал Монкс, снимая шляпу и плащ, - со стороны старейшего друга моего отца.

- Именно потому, что я был старейшим другом вашего отца, молодой человек! - отвечал мистер Браунлоу. - Именно потому, что надежды и желания юных и счастливых лет были связаны с ним и тем прекрасным созданием, родным ему по крови, которое в юности отошло к богу и оставило меня здесь печальным и одиноким; именно потому, что он, еще мальчиком, стоял на коленях рядом со мной у смертного ложа единственной своей сестры в то утро, когда - на это не было воли божьей - она должна была стать моей молодой женой; именно потому, что мое омертвевшее сердце льнуло к нему с того дня и вплоть до его смерти во время всех его испытаний и заблуждений; именно потому, что сердце мое полно старых воспоминаний и привязанностей, и даже при виде вас у меня возникают былые мысли о нем; именно потому - то я и расположен отнестись к вам мягко теперь... Да, Эдуард Лиффорд, даже теперь... И я краснею за вас, недостойного носить это имя!

- А причем тут мое имя? - спросил тот, до сих пор молча, с хмурым недоумением наблюдавший волнение своего собеседника.

- Что для меня имя?

'Nothing,' replied Mr. Brownlow, 'nothing to you.'

But it was hers, and even at this distance of time brings back to me, an old man, the glow and thrill which I once felt, only to hear it repeated by a stranger.

I am very glad you have changed it — very — very.'

'This is all mighty fine,' said Monks (to retain his assumed designation) after a long silence, during which he had jerked himself in sullen defiance to and fro, and Mr. Brownlow had sat, shading his face with his hand.

'But what do you want with me?'

'You have a brother,' said Mr. Brownlow, rousing himself: 'a brother, the whisper of whose name in your ear when I came behind you in the street, was, in itself, almost enough to make you accompany me hither, in wonder and alarm.'

'I have no brother,' replied Monks.

'You know I was an only child.

Why do you talk to me of brothers?

You know that, as well as I.'

'Attend to what I do know, and you may not,' said Mr. Brownlow.

'I shall interest you by and by.

I know that of the wretched marriage, into which family pride, and the most sordid and narrowest of all ambition, forced your unhappy father when a mere boy, you were the sole and most unnatural issue.'

'I don't care for hard names,' interrupted Monks with a jeering laugh.

'You know the fact, and that's enough for me.'

'But I also know,' pursued the old gentleman, 'the misery, the slow torture, the protracted anguish of that ill-assorted union.

I know how listlessly and wearily each of that wretched pair dragged on their heavy chain

- Ничто, - ответил мистер Браунлоу, - для вас ничто.

Но его носила о_н_а, и даже теперь, по прошествии стольких лет, оно возвращает мне, старику, жар и трепет, охватывавшие меня, стоило мне лишь услышать Это имя.

Я очень рад, что вы его переменили... очень рад.

- Все это превосходно, - сказал Монкс (сохраним присвоенное им себе имя) после долгой паузы, в течение которой он ерзал на стуле, с угрюмым и вызывающим видом поглядывая на мистера Браунлоу, тихо сидевшего заслонив лицо рукой.

- Но чего вы от меня хотите?

- У вас есть брат, - очнувшись, сказал мистер Браунлоу, - брат... И достаточно было шепотом сказать вам на ухо его имя, когда я шел за вами по улице, чтобы заставить вас последовать за мной сюда в недоумении и тревоге.

- У меня нет брата, - возразил Монкс.

- Вы знаете, что я был единственным ребенком.

Зачем вы толкуете мне о брате?

Вы это знаете не хуже, чем я.

- Выслушайте то, что знаю я и чего можете не знать вы, - сказал Браунлоу.

- Скоро я сумею вас заинтересовать.

Я знаю, что единственным и чудовищным плодом этого злосчастного брака, к которому принудили вашего отца, совсем еще юного, семейная гордость и корыстное, черствое тщеславие, - были вы!..

- Я равнодушен к резким выражениям, - с язвительным смехом перебил Монкс.

- Факт вам известен, и для меня этого достаточно.

- Но я знаю также, - продолжал старый джентльмен, - о медленной пытке, о долгих терзаниях, вызванных этим неудачным союзом.

Я знаю, как томительно и бесцельно влачила эта несчастная чета свою тяжелую цепь сквозь

through a world that was poisoned to them both.

I know how cold formalities were succeeded by open taunts; how indifference gave place to dislike, dislike to hate, and hate to loathing, until at last they wrenched the clanking bond asunder, and retiring a wide space apart, carried each a galling fragment, of which nothing but death could break the rivets, to hide it in new society beneath the gayest looks they could assume.

Your mother succeeded; she forgot it soon. But it rusted and cankered at your father's heart for years.'

'Well, they were separated,' said Monks, 'and what of that?'

'When they had been separated for some time,' returned Mr. Brownlow, 'and your mother, wholly given up to continental frivolities, had utterly forgotten the young husband ten good years her junior, who, with prospects blighted, lingered on at home, he fell among new friends.

This circumstance, at least, you know already.'

'Not I,' said Monks, turning away his eyes and beating his foot upon the ground, as a man who is determined to deny everything.

'Not I.'

'Your manner, no less than your actions, assures me that you have never forgotten it, or ceased to think of it with bitterness,' returned Mr. Brownlow.

'I speak of fifteen years ago, when you were not more than eleven years old, and your father but one-and-thirty — for he was, I repeat, a boy, when his father ordered him to marry.

Must I go back to events which cast a shade upon the memory of your parent, or will you spare it, and disclose to me the truth?'

жизнь, отравленную для обоих.

Я знаю, как холодные, формальные отношения сменились явным издевательством, как равнодушие уступило место неприязни, неприязнь - ненависти, а ненависть - отвращению, пока, наконец, они не разорвали гремющей цепи. И, разойдясь в разные стороны, каждый унес с собой обрывок постылой цепи, звенья которой не могло сломать ничто, кроме смерти, чтобы в новом окружении скрывать их под личиной веселости, на какую только ваши родители были способны.

Вашей матери это удалось: она забыла быстро; но в течение многих лет звенья ржавели и разъедали сердце вашего отца.

- Да, они разошлись, - сказал Монкс. - Ну так что же?

- Когда прошло некоторое время после их разрыва, - отвечал мистер Браунлоу, - и ваша мать, отдавшись всецело суетной жизни на континенте, совершенно забыла своего молодого мужа, который остался на родине без всяких надежд на будущее, - у него появились новые друзья.

Это обстоятельство вам во всяком случае известно.

- Нет, неизвестно, - сказал Монкс, отводя взгляд и постукивая ногой по полу, как бы решившись отрицать все.

- Неизвестно.

- Ваш вид, не менее чем ваши поступки, убеждает меня в том, что вы об этом никогда не забывали и всегда думали с горечью, - возразил мистер Браунлоу.

- Я говорю о том, что случилось пятнадцать лет назад, когда вам было не больше одиннадцати лет, а вашему отцу только тридцать один год, ибо, повторяю, он был совсем юным, когда его отец приказал ему жениться.

Должен ли я возвращаться к тем событиям, которые бросают тень на память вашего родителя, или же вы избавите меня от этого и откроете мне правду?

'I have nothing to disclose,' rejoined Monks.

'You must talk on if you will.'

'These new friends, then,' said Mr. Brownlow, 'were a naval officer retired from active service, whose wife had died some half-a-year before, and left him with two children — there had been more, but, of all their family, happily but two survived.

They were both daughters; one a beautiful creature of nineteen, and the other a mere child of two or three years old.'

'What's this to me?' asked Monks.

'They resided,' said Mr. Brownlow, without seeming to hear the interruption, 'in a part of the country to which your father in his wandering had repaired, and where he had taken up his abode.

Acquaintance, intimacy, friendship, fast followed on each other.

Your father was gifted as few men are.

He had his sister's soul and person.

As the old officer knew him more and more, he grew to love him.

I would that it had ended there.

His daughter did the same.'

The old gentleman paused; Monks was biting his lips, with his eyes fixed upon the floor; seeing this, he immediately resumed:

'The end of a year found him contracted, solemnly contracted, to that daughter; the object of the first, true, ardent, only passion of a guileless girl.'

'Your tale is of the longest,' observed Monks, moving restlessly in his chair.

'It is a true tale of grief and trial, and sorrow, young man,' returned Mr. Brownlow, 'and such tales usually are; if it were one of unmixed joy and happiness, it would be very brief.

At length one of those rich relations to strengthen

- Мне нечего открывать, - возразил Монкс.

- Можете говорить, если вы этого желаете.

- Ну что ж! - продолжал мистер Браунлоу. - Итак, одним из этих новых друзей был морской офицер, вышедший в отставку, жена которого умерла за полгода перед тем и оставила ему двух детей - их было больше, но, к счастью, выжили только двое.

Это были дочери: одна - прелестная девятнадцатилетняя девушка, а другая - совсем еще дитя двух-трех лет.

- Что мне за дело до этого? - спросил Монкс.

- Они проживали, - сказал мистер Браунлоу, не обратив внимания на вопрос, - в той части страны, куда ваш отец попал во время своих скитаний и где он обосновался.

Знакомство, сближение, дружба быстро следовали одно за другим.

Ваш отец был одарен, как немногие.

У него была душа и характер его сестры.

Чем ближе узнавал его старый офицер, тем больше любил.

Хорошо, если бы этим и кончилось.

Но дочь тоже его полюбила.

Старый джентльмен сделал паузу. Монкс кусал губы и смотрел в пол. Заметив это, джентльмен немедленно продолжал:

- К концу года он принял на себя обязательство, священное обязательство перед этой девушкой, - он завоевал первую истинную пламенную любовь бесхитростного, невинного создания.

- Ваш рассказ не из коротких, - заметил Монкс, беспокойно ерзая на стуле.

- Это правдивый рассказ о страданиях, испытаниях и горе, молодой человек, - возразил мистер Браунлоу, - а такие рассказы обычно бывают длинными; будь это рассказ о безоблачной радости и счастье, он оказался бы очень коротким.

Наконец, умер один из тех богатых

whose interest and importance your father had been sacrificed, as others are often — it is no uncommon case — died, and to repair the misery he had been instrumental in occasioning, left him his panacea for all griefs — Money.

It was necessary that he should immediately repair to Rome, whither this man had sped for health, and where he had died, leaving his affairs in great confusion.

He went; was seized with mortal illness there; was followed, the moment the intelligence reached Paris, by your mother who carried you with her; he died the day after her arrival, leaving no will — no will — so that the whole property fell to her and you.'

At this part of the recital Monks held his breath, and listened with a face of intense eagerness, though his eyes were not directed towards the speaker.

As Mr. Brownlow paused, he changed his position with the air of one who has experienced a sudden relief, and wiped his hot face and hands.

'Before he went abroad, and as he passed through London on his way,' said Mr. Brownlow, slowly, and fixing his eyes upon the other's face, 'he came to me.'

'I never heard of that,' interrupted Monks in a tone intended to appear incredulous, but savouring more of disagreeable surprise.

'He came to me, and left with me, among some other things, a picture — a portrait painted by himself — a likeness of this poor girl — which he did not wish to leave behind, and could not carry forward on his hasty journey.

He was worn by anxiety and remorse almost to a shadow; talked in a wild, distracted way, of ruin and dishonour worked by himself; confided to me his intention to convert his whole property, at any loss, into money, and, having settled on his wife and you a portion of his recent acquisition, to fly the country — I guessed too well he would not fly

родственников, ради интересов которых ваш отец был принесен в жертву, что является делом обычным; желая исправить зло, орудием которого он был, он оставил вашему отцу деньги, которые казались ему панацеей от всех бед.

Возникла необходимость немедленно ехать в Рим, куда этот человек отправился лечиться и где он умер, оставив свои дела в полном беспорядке.

Ваш отец поехал и заболел там смертельной болезнью. Как только сведения достигли Парижа, за ним последовала ваша мать, взяв с собой вас. На следующий день после ее приезда он умер, не оставив никакого завещания - н_и_к_а_к_о_г_о_з_а_в_е_щ_а_н_и_я, - так что все имущество досталось ей и вам.

Теперь Монкс затаил дыхание и слушал с напряженным вниманием, хотя и не смотрел на рассказчика.

Когда мистер Браунлоу сделал паузу, он изменил позу с видом человека, внезапно почувствовавшего облегчение, и вытер разгоряченное лицо и руки.

- Перед отъездом за границу, проезжая через Лондон, - медленно продолжал мистер Браунлоу, не спуская глаз с его лица, - он зашел ко мне...

- Об этом я никогда не слышал, - перебил Монкс голосом, который должен был звучать недоверчиво, но выражал скорее неприятное изумление.

- Он зашел ко мне и оставил у меня, помимо других вещей, картину - портрет этой бедной девушки, нарисованный им самим. Он не хотел оставлять его и не мог взять с собой, спешно отправляясь в путешествие.

От тревоги и угрызений совести он стал похож на собственную тень, говорил сбивчиво, в смятении о гибели и бесчестье, им самим навлеченных; сообщил мне о своем намерении обратить все имущество в деньги, несмотря ни на какие убытки, и, выделив своей жене и вам часть из полученного наследства, бежать из страны, - я прекрасно понял, что бежать он

alone — and never see it more.

Even from me, his old and early friend, whose strong attachment had taken root in the earth that covered one most dear to both — even from me he withheld any more particular confession, promising to write and tell me all, and after that to see me once again, for the last time on earth.

Alas!

That was the last time.

I had no letter, and I never saw him more.'

'I went,' said Mr. Brownlow, after a short pause, 'I went, when all was over, to the scene of his — I will use the term the world would freely use, for worldly harshness or favour are now alike to him — of his guilty love, resolved that if my fears were realised that erring child should find one heart and home to shelter and compassionate her.

The family had left that part a week before; they had called in such trifling debts as were outstanding, discharged them, and left the place by night.

Why, or whither, none can tell.'

Monks drew his breath yet more freely, and looked round with a smile of triumph.

'When your brother,' said Mr. Brownlow, drawing nearer to the other's chair, 'When your brother: a feeble, ragged, neglected child: was cast in my way by a stronger hand than chance, and rescued by me from a life of vice and infamy — '

'What?' cried Monks.

'By me,' said Mr. Brownlow. 'I told you I should interest you before long.

I say by me — I see that your cunning associate suppressed my name, although for ought he knew, it would be quite strange to your ears.

собирался не один, - и никогда больше сюда не возвращаться.

Даже мне, своему старому другу, которого связывала с ним смерть дорогого нам обоим существа, - даже мне он не сделал полного признания, обещав написать и рассказать обо всем, а затем повидаться со мной еще раз, последний раз в жизни.

Увы!

Это и был последний раз.

Никакого письма я не получил и никогда больше его не видел...

Когда все было кончено, - помолчав, продолжал мистер Браунлоу, - я поехал туда, где родилась - употребляю выражение, которым спокойно воспользовались бы люди, ибо и жестокость людская и снисходительность не имеют для него теперь значения, - где родилась его преступная любовь. Я решил, что если мои опасения оправдаются, заблудшее дитя найдет сердце и дом, которые будут ему приютом и защитой.

За неделю до моего приезда семья покинула те края; они расплатились со всеми мелкими долгами и уехали оттуда ночью.

Куда и зачем - никто не мог сказать мне.

Монкс вздохнул еще свободнее и с торжествующей улыбкой обвел взглядом комнату.

- Когда ваш брат, - сказал мистер Браунлоу, придвигаясь к нему ближе, - когда ваш брат, хилый, одетый в лохмотья, всеми покинутый мальчик, был брошен на моем пути силой более могущественной, чем случай, и спасен мною от жизни порочной и бесчестной...

- Что такое? - вскричал Монкс.

- Мною! - повторил мистер Браунлоу: - Я предупреждал, что скоро заинтересую вас.

Да, мною. Вижу, что хитрый сообщник скрыл от вас мое имя, хотя, как он считал, оно было вам незнакомо.

When he was rescued by me, then, and lay recovering from sickness in my house, his strong resemblance to this picture I have spoken of, struck me with astonishment.

Even when I first saw him in all his dirt and misery, there was a lingering expression in his face that came upon me like a glimpse of some old friend flashing on one in a vivid dream.

I need not tell you he was snared away before I knew his history — '

'Why not?' asked Monks hastily.

'Because you know it well.'

'I!'

'Denial to me is vain,' replied Mr. Brownlow.

'I shall show you that I know more than that.'

'You — you — can't prove anything against me,' stammered Monks.

'I defy you to do it!'

'We shall see,' returned the old gentleman with a searching glance.

'I lost the boy, and no efforts of mine could recover him.

Your mother being dead, I knew that you alone could solve the mystery if anybody could, and as when I had last heard of you you were on your own estate in the West Indies — whither, as you well know, you retired upon your mother's death to escape the consequences of vicious courses here — I made the voyage.

You had left it, months before, and were supposed to be in London, but no one could tell where.

I returned.

Your agents had no clue to your residence.

You came and went, they said, as strangely as you had ever done: sometimes for days together and

Когда ваш брат был спасен мною и, оправляясь от болезни, лежал в моем доме, поразительное его сходство с портретом, о котором я упоминал, привело меня в изумление.

Даже когда я впервые его увидел, грязного и жалкого, что-то в его лице произвело на меня впечатление, словно в ярком сне промелькнул передо мною образ какого-то старого друга.

Мне незачем говорить вам, что он был похищен, прежде чем я узнал его историю...

- Почему - незачем? - быстро спросил Монкс.

- Потому что вам это хорошо известно.

- Мне?

- Отрицать бессмысленно, - отозвался мистер Браунлоу.

- Я вам докажу, что знаю еще больше.

- Вы... вы... ничего не можете доказать... против меня, - заикаясь, выговорил Монкс.

- Попробуйте-ка это сделать.

- Посмотрим! - промолвил старый джентльмен, бросив на него пыливый взгляд.

- Я потерял мальчика и, несмотря на все мои усилия, не мог его найти.

Вашей матери уже не было в живых, и я знал, что, кроме вас, никто не может раскрыть тайну; а так как, когда я в последний раз о вас слышал, вы находились в своем поместье в Вест-Индии, куда, как вам хорошо известно, вы удалились после смерти матери, спасаясь от последствий дурных ваших поступков, то я отправился в путешествие.

Несколько месяцев назад вы оттуда уехали и, по-видимому, находились в Лондоне, но никто не мог сказать, где именно.

Я вернулся.

Агентам вашим было неизвестно ваше местопребывание.

По их словам, вы появлялись и исчезали так же таинственно, как делали это всегда: иногда появлялись ежедневно, а иногда исчезали на

sometimes not for months: keeping to all appearance the same low haunts and mingling with the same infamous herd who had been your associates when a fierce ungovernable boy.

I wearied them with new applications.

I paced the streets by night and day, but until two hours ago, all my efforts were fruitless, and I never saw you for an instant.'

'And now you do see me,' said Monks, rising boldly, 'what then?

Fraud and robbery are high-sounding words — justified, you think, by a fancied resemblance in some young imp to an idle daub of a dead man's Brother!

You don't even know that a child was born of this maudlin pair; you don't even know that.'

'I did not,' replied Mr. Brownlow, rising too; 'but within the last fortnight I have learnt it all.

You have a brother; you know it, and him.

There was a will, which your mother destroyed, leaving the secret and the gain to you at her own death.

It contained a reference to some child likely to be the result of this sad connection, which child was born, and accidentally encountered by you, when your suspicions were first awakened by his resemblance to your father.

You repaired to the place of his birth.

There existed proofs — proofs long suppressed — of his birth and parentage.

Those proofs were destroyed by you, and now, in your own words to your accomplice the Jew, "the only proofs of the boy's identity lie at the bottom of the river, and the old hag that received them from

месяцы, посещая, по-видимому, все те же притоны и общаясь все с теми же презренными людьми, которые были вашими товарищами в ту пору, когда вы были наглым, строптивым юнцом.

Я докучал вашим агентам новыми вопросами.

Днем и ночью я блуждал по улицам, но еще два часа назад все мои усилия оставались бесплодными, и мне не удавалось увидеть вас ни на мгновение.

- А теперь вы меня видите, - сказал Монкс, смело вставая. - Что же дальше?

Мошенничество и грабеж - громкие слова, оправданные, по вашему мнению, воображаемым сходством какого-то чертенка с дрянной картиной, намалеванной умершим человеком. Брат!

Вы даже не знаете, был ли у этой чувствительной пары ребенок. Даже этого вы не знаете.

- Я н_е з_н_а_л, - ответил Браунлоу, тоже вставая, - но за последние две недели я узнал все.

У вас есть брат! Вы это знаете и знаете его.

Было завещание, которое ваша мать уничтожила, перед смертью открыв вам тайну и связанные с нею выгоды.

В завещании упоминалось о ребенке, который мог явиться плодом этой печальной связи; ребенок родился, и, когда вы случайно его встретили, ваши подозрения были впервые пробуждены его сходством с отцом.

Вы отправились туда, где он родился.

Там сохранились данные - данные, которые долго скрывались, - о его рождении и происхождении.

Эти доказательства были уничтожены вами, и теперь говорю вашими же словами, обращенными к вашему собеседнику еврею, "е_д_и_н_с_т_в_е_н_н_ы_е д_о_к_а_з_а_т_е_л_ь_с_т_в_а, у_с_т_а_н_а_в_л_и_в_а_ю_щ_и_е л_и_ч_н_о_с_т_ь м_а_л_ь_ч_и_к_а, п_о_к_о_я_т_с_я н_а д_н_е

the mother is rotting in her coffin."

Unworthy son, coward, liar, — you, who hold your councils with thieves and murderers in dark rooms at night, — you, whose plots and wiles have brought a violent death upon the head of one worth millions such as you, — you, who from your cradle were gall and bitterness to your own father's heart, and in whom all evil passions, vice, and profligacy, festered, till they found a vent in a hideous disease which had made your face an index even to your mind — you, Edward Leeford, do you still brave me!

'No, no, no!' returned the coward, overwhelmed by these accumulated charges.

'Every word!' cried the gentleman, 'every word that has passed between you and this detested villain, is known to me. Shadows on the wall have caught your whispers, and brought them to my ear; the sight of the persecuted child has turned vice itself, and given it the courage and almost the attributes of virtue.

Murder has been done, to which you were morally if not really a party.'

'No, no,' interposed Monks.

'I — I knew nothing of that; I was going to inquire the truth of the story when you overtook me.

I didn't know the cause.

I thought it was a common quarrel.'

'It was the partial disclosure of your secrets,' replied Mr. Brownlow.

'Will you disclose the whole?'

'Yes, I will.'

'Set your hand to a statement of truth and facts, and repeat it before witnesses?'

'That I promise too.'

'Remain quietly here, until such a document is

р_е_к_и, а с_т_а_р_а_я к_а_р_г_а,
п_о_л_у_ч_и_в_ш_а_я и х_о_т_е_г_о м_а_т_е_р_и,
г_н_и_е_т в с_в_о_е м_г_р_о_б_у".

Недостойный сын, негодяй, лжец! Вы, по ночам совещающийся с ворами и убийцами в темных комнатах! Вы, чьи заговоры и плутни обрекли насильственной смерти ту, что стояла миллионов таких, как вы! Вы, кто с самой колыбели отравлял горечью и желчью сердце родного отца и в ком зрели все дурные страсти, порок и распутство, пока не завершились отвратительной болезнью, сделавшей ваше лицо верным отображением вашей души! Вы, Эдуард Лифорд, вы все еще бросаете мне вызов?

- Нет, нет, нет... - прошептал негодяй, ошеломленный всеми этими обвинениями.

- Каждое слово, каждое слово, каким обменялись вы с этим мерзким злодеем, известно мне! - воскликнул старый джентльмен,
- Тени на стене подслушивали ваш шепот и донесли его до моего слуха. Вид загнанного ребенка воздействовал даже на порочное существо, вдохнув в него мужество и чуть ли не добродетель.

Совершено убийство, в котором вы участвовали морально, если не фактически...

- Нет, нет! - перебил Монкс.

- Я... я... ничего об этом не знаю. Я собирался узнать правду об этом происшествии, когда вы меня задержали.

Я не знал причины.

Я думал, что это была обычная ссора.

- Причиной явилось частичное разоблачение ваших тайн, - отозвался мистер Браунлоу.

- Откроете ли вы все?

- Да, открою.

- Подпишете ли правдивое изложение фактов и подтвердите ли его при свидетелях?

- И это я обещаю.

- Останетесь спокойно здесь, пока не будет

drawn up, and proceed with me to such a place as I may deem most advisable, for the purpose of attesting it?'

'If you insist upon that, I'll do that also,' replied Monks.

'You must do more than that,' said Mr. Brownlow.

'Make restitution to an innocent and unoffending child, for such he is, although the offspring of a guilty and most miserable love.

You have not forgotten the provisions of the will.

Carry them into execution so far as your brother is concerned, and then go where you please.

In this world you need meet no more.'

While Monks was pacing up and down, meditating with dark and evil looks on this proposal and the possibilities of evading it: torn by his fears on the one hand and his hatred on the other: the door was hurriedly unlocked, and a gentleman (Mr. Losberne) entered the room in violent agitation.

'The man will be taken,' he cried.

'He will be taken to-night!'

'The murderer?' asked Mr. Brownlow.

'Yes, yes,' replied the other.

'His dog has been seen lurking about some old haunt, and there seems little doubt that his master either is, or will be, there, under cover of the darkness.

Spies are hovering about in every direction.

I have spoken to the men who are charged with his capture, and they tell me he cannot escape.

A reward of a hundred pounds is proclaimed by Government to-night.'

'I will give fifty more,' said Mr. Brownlow, 'and proclaim it with my own lips upon the spot, if I can

составлен этот документ, и отправитесь со мной туда, где я сочту наиболее уместным его засвидетельствовать?

- И это я сделаю, если вы настаиваете, - ответил Монкс.

- Вы должны сделать больше, - сказал мистер Браунлоу.

- Возвратить имущество невинному и безобидному ребенку, ибо таков он есть, хотя и является плодом преступной и самой несчастной любви.

Вы не забыли условий завещания?..

Исполните их, поскольку они касаются вашего брата, и тогда отправляйтесь куда угодно!

В этом мире вам больше незначит с ним встречаться!

Пока Монкс шагал взад и вперед, размышляя с мрачным и злобным видом об этом предложении и о возможностях увильнуть от него, терзаемый, с одной стороны, опасениями, а с другой - ненавистью, дверь торопливо отперли, и в Комнату в сильнейшем волнении вошел джентльмен (мистер Лосберн).

- Этот человек будет схвачен! - воскликнул он.

- Он будет схвачен сегодня вечером.

- Убийца? - спросил мистер Браунлоу.

- Да, - ответил тот.

- Видели, как его собака шныряла около одного из старых притонов, и, по-видимому, нет никаких сомнений в том, что ее хозяин либо находится там, либо придет туда под покровом темноты.

Там повсюду снуют сыщики.

Я говорил с людьми, которым поручена его поимка, и они утверждают, что он не может ускользнуть.

Сегодня вечером правительством объявлена награда в сто фунтов.

- Я дам еще пятьдесят, - сказал мистер Браунлоу, - и лично объявлю об этом там, на

reach it.

Where is Mr. Maylie?

'Harry?

As soon as he had seen your friend here, safe in a coach with you, he hurried off to where he heard this,' replied the doctor, 'and mounting his horse sallied forth to join the first party at some place in the outskirts agreed upon between them.'

'Fagin,' said Mr. Brownlow; 'what of him?'

'When I last heard, he had not been taken, but he will be, or is, by this time.

They're sure of him.'

'Have you made up your mind?' asked Mr. Brownlow, in a low voice, of Monks.

'Yes,' he replied.

'You — you — will be secret with me?'

'I will.

Remain here till I return.

It is your only hope of safety.'

They left the room, and the door was again locked.

'What have you done?' asked the doctor in a whisper.

'All that I could hope to do, and even more.

Coupling the poor girl's intelligence with my previous knowledge, and the result of our good friend's inquiries on the spot, I left him no loophole of escape, and laid bare the whole villainy which by these lights became plain as day.

Write and appoint the evening after to-morrow, at seven, for the meeting.

We shall be down there, a few hours before, but

месте, если мне удастся туда добраться...

Где мистер Мэйли?

- Гарри?

Как только он увидел, что вот этот ваш приятель благополучно уселся с вами в карету, он поспешил туда, где услышал эти вести, и поскакал верхом, чтобы присоединиться к первому отряду в каком-то условленном месте на окраине.

- А Феджин? - спросил мистер Браунлоу. - Что известно о нем?

- Когда я в последний раз о нем слышал, он еще не был арестован, но его схватят, быть может уже схватили.

В этом они уверены.

- Вы приняли решение? - тихо спросил Монкса мистер Браунлоу.

- Да, - ответил тот.

- Вы... вы... сохраните мою тайну?

- Сохраню.

Останьтесь здесь до моего возвращения.

Это единственная ваша надежда ускользнуть от опасности.

Джентльмены вышли из комнаты, и дверь была снова заперта на ключ.

- Чего вы добились? - шепотом спросил доктор.

- Всего, на что мог надеяться, и даже большего.

Сообщив полученные от бедной девушки сведения, а также прежние мои сведения и результаты расследования, произведенные на месте добрым нашим другом, я не оставил ему ни одной лазейки и показал в неприкрашенном виде всю его подлость, которая в таком освещении стала, ясной, как день.

Напишите и назначьте встречу послезавтра в семь часов вечера.

Мы будем там на несколько часов раньше, но нам необходимо отдохнуть, в особенности

shall require rest: especially the young lady, who may have greater need of firmness than either you or I can quite foresee just now.

But my blood boils to avenge this poor murdered creature.

Which way have they taken?

'Drive straight to the office and you will be in time,' replied Mr. Losberne.

'I will remain here.'

The two gentlemen hastily separated; each in a fever of excitement wholly uncontrollable.

CHAPTER I — THE PURSUIT AND ESCAPE

Near to that part of the Thames on which the church at Rotherhithe abuts, where the buildings on the banks are dirtiest and the vessels on the river blackest with the dust of colliers and the smoke of close-built low-roofed houses, there exists the filthiest, the strangest, the most extraordinary of the many localities that are hidden in London, wholly unknown, even by name, to the great mass of its inhabitants.

To reach this place, the visitor has to penetrate through a maze of close, narrow, and muddy streets, thronged by the roughest and poorest of waterside people, and devoted to the traffic they may be supposed to occasion.

The cheapest and least delicate provisions are heaped in the shops; the coarsest and commonest articles of wearing apparel dangle at the salesman's door, and stream from the house-parapet and windows.

Jostling with unemployed labourers of the lowest class, ballast-heavers, coal-whippers, brazen women, ragged children, and the raff and refuse of the river, he makes his way with difficulty along, assailed by offensive sights and smells from the narrow alleys which branch off on the right and left, and deafened by the clash of ponderous waggons that bear great piles of merchandise from

молодой леди, которой, вероятно, потребуется значительно большая твердость духа, чем мы с вами можем сейчас предполагать.

Но у меня кровь закипает от желания отомстить за эту бедную убитую женщину.

В какую сторону они отправились?

- Поезжайте прямо в полицейское управление - и вы явитесь как раз вовремя, - ответил мистер Лосберн.

- Я останусь здесь.

Джентльмены поспешно распрощались - оба были в лихорадочном возбуждении, с которым не могли справиться.

ГЛАВА I — Погоня и бегство

Неподалеку от Темзы, там, где стоит церковь в Ротерхизе и где строения на берегу самые грязные, а суда на реке самые черные от пыли угольных барж и от дыма скученных, низких домов, расположен самый грязный, самый странный, самый удивительный из всех многочисленных лондонских районов, неизвестных даже по названию огромному числу обитателей этого города.

Очутиться в этой местности путник может лишь пробравшись сквозь лабиринт тесных, узких и грязных улиц, заселенных самыми грубыми и самыми бедными из береговых жителей, где торгуют товарами, на которые здесь может оказаться спрос.

Самые дешевые и невкусные продукты навалены в лавках, самые неприхотливые и грубые одежды висят у двери торговца и свешиваются с перил и из окон.

Натыкаясь на безработных из числа самых неквалифицированных тружеников, на грузчиков, угольщиков, падших женщин, оборванных детей и всякий сброд с пристани, путник с трудом прокладывает себе дорогу, осаждаемый отвратительными картинами и запахами из узких переулков, ответвляющихся направо и налево, и оглушаемый грохотом тяжелых фургонов, которые развозят грузы

the stacks of warehouses that rise from every corner. Arriving, at length, in streets remoter and less-frequented than those through which he has passed, he walks beneath tottering house-fronts projecting over the pavement, dismantled walls that seem to totter as he passes, chimneys half crushed half hesitating to fall, windows guarded by rusty iron bars that time and dirt have almost eaten away, every imaginable sign of desolation and neglect.

In such a neighborhood, beyond Dockhead in the Borough of Southwark, stands Jacob's Island, surrounded by a muddy ditch, six or eight feet deep and fifteen or twenty wide when the tide is in, once called Mill Pond, but known in the days of this story as Folly Ditch.

It is a creek or inlet from the Thames, and can always be filled at high water by opening the sluices at the Lead Mills from which it took its old name.

At such times, a stranger, looking from one of the wooden bridges thrown across it at Mill Lane, will see the inhabitants of the houses on either side lowering from their back doors and windows, buckets, pails, domestic utensils of all kinds, in which to haul the water up; and when his eye is turned from these operations to the houses themselves, his utmost astonishment will be excited by the scene before him.

Crazy wooden galleries common to the backs of half a dozen houses, with holes from which to look upon the slime beneath; windows, broken and patched, with poles thrust out, on which to dry the linen that is never there; rooms so small, so filthy, so confined, that the air would seem too tainted even for the dirt and squalor which they shelter; wooden chambers thrusting themselves out above the mud, and threatening to fall into it — as some have done; dirt-besmeared walls and decaying foundations; every repulsive lineament of poverty, every loathsome indication of filth, rot, and garbage; all these ornament the banks of Folly Ditch.

In Jacob's Island, the warehouses are roofless and empty; the walls are crumbling down; the windows

товаров из складов, попадающих на каждом углу - Выйдя, наконец, на улицы более отдаленные и менее людные, он идет мимо шатких фасадов, нависающих над тротуаром; мимо подгнивших стен, как будто качающихся, когда он проходит; мимо полуразрушенных труб, вот-вот готовых упасть, окон, защищенных ржавыми железными прутьями, изъеденными временем, - мимо всего того, что свидетельствует о невообразимой нищете и разрушении.

Вот в этих-то краях за Докхедом, в Саутуорке, находится Остров Джекоба, окруженный грязным рвом глубиной в шесть - восемь футов в часы прилива и шириной в пятнадцать - двадцать, некогда называвшимся Милл-Ронд, но в дни, относящиеся к нашему повествованию, известным как Фолли-Дитч.

Эта речонка, или рукав Темзы, во время прилива всегда может наполниться водой, если открыть шлюзы у Лид-Миллс, от которой она и получила старое свое наименование.

В таких случаях прохожий, глядя с одного из деревянных мостиков, переброшенных через ров у Милл-лейн, может наблюдать, как жильцы домов по обеим сторонам спускают из задних дверей и окон кадушки, ведра и всевозможную домашнюю посуду, чтобы втащить наверх воду. А если взгляд его, оторвавшись от этих операций, обратится к самим домам, то открывшаяся картина вызовет величайшее его изумление.

Шаткие деревянные галереи вдоль задних стен, общие для пяти-шести домов, с дырами в полах, сквозь которые виден ил; окна, разбитые и заклеенные, с торчащими из них жердями для сушки белья, которого никогда на них нет; комнаты, такие маленькие, такие жалкие, такие тесные, что воздух кажется слишком зараженным даже для той грязи и мерзости, какую они скрывают; деревянные пристройки, нависающие над грязью и грозящие рухнуть в нее - что и случается с иными; закопченные стены и подгнивающие фундаменты; все отвратительные признаки нищеты, всякая грязь, гниль, отбросы, - это украшает берега Фолли-Дитч.

На Острове Джекоба склады стоят без крыш и

are windows no more; the doors are falling into the streets; the chimneys are blackened, but they yield no smoke.

Thirty or forty years ago, before losses and chancery suits came upon it, it was a thriving place; but now it is a desolate island indeed.

The houses have no owners; they are broken open, and entered upon by those who have the courage; and there they live, and there they die.

They must have powerful motives for a secret residence, or be reduced to a destitute condition indeed, who seek a refuge in Jacob's Island.

In an upper room of one of these houses — a detached house of fair size, ruinous in other respects, but strongly defended at door and window: of which house the back commanded the ditch in manner already described — there were assembled three men, who, regarding each other every now and then with looks expressive of perplexity and expectation, sat for some time in profound and gloomy silence.

One of these was Toby Crackit, another Mr. Chitling, and the third a robber of fifty years, whose nose had been almost beaten in, in some old scuffle, and whose face bore a frightful scar which might probably be traced to the same occasion.

This man was a returned transport, and his name was Kags.

'I wish,' said Toby turning to Mr. Chitling, 'that you had picked out some other crib when the two old ones got too warm, and had not come here, my fine feller.'

'Why didn't you, blunder-head!' said Kags.

'Well, I thought you'd have been a little more glad to see me than this,' replied Mr. Chitling, with a melancholy air.

'Why, look'e, young gentleman,' said Toby, 'when a

пустуют, стены крошатся, окна перестали быть окнами, двери вываливаются на улицу, трубы почернели, но из них не вырывается дым.

Лет тридцать - сорок назад, когда эта местность еще не знала убытков и тяжб в Канцлерском суде *, она процветала, но теперь это поистине заброшенный остров.

У домов нет владельцев; двери выломаны. И сюда входят все, у кого хватает на это храбрости; здесь они живут, и здесь они умирают.

Те, что ищут приюта на Острове Джекоба, должны иметь основательные причины для поисков тайного убежища, либо они дошли до крайней нищеты.

В верхней комнате одного из этих домов - в большом доме, не сообщавшемся с другими, полуразрушенном, но с крепкими дверями и окнами, задняя стена которого обращена была, как описано выше, ко рву, - собралось трое мужчин, которые, то и дело бросая друг на друга взгляды, выражавшие замешательство и ожидание, сидели некоторое время в глубоком и мрачном молчании.

Один был Тоби Крекит, другой - мистер Читлинг, а третий - грабитель лет пятидесяти, у которого нос был перебит во время одной из драк, а на лице виднелся страшный шрам, быть может появившийся в ту же пору.

Этот человек был беглый каторжник, и звали его Кэгс.

- Хотел бы я, милейший, - сказал Тоби, обращаясь к мистеру Читлингу, - чтобы вы подыскали себе какую-нибудь другую берлогу, когда в двух старых стало слишком жарко, а не являлись бы сюда.

- Почему вы этого не сделали, болван? - спросил Кэгс.

- Я думал, что вы чуточку больше обрадуетесь, увидев меня, - меланхолично ответил мистер Читлинг.

- Видите ли, юноша, - сказал Тоби, - если человек держится так обособленно, как

man keeps himself so very ex-clusive as I have done, and by that means has a snug house over his head with nobody a prying and smelling about it, it's rather a startling thing to have the honour of a wisit from a young gentleman (however respectable and pleasant a person he may be to play cards with at conweniency) circumstanced as you are.'

'Especially, when the exclusive young man has got a friend stopping with him, that's arrived sooner than was expected from foreign parts, and is too modest to want to be presented to the Judges on his return,' added Mr. Kags.

There was a short silence, after which Toby Crackit, seeming to abandon as hopeless any further effort to maintain his usual devil-may-care swagger, turned to Chitling and said,

'When was Fagin took then?'

'Just at dinner-time — two o'clock this afternoon.

Charley and I made our lucky up the wash-us chimney, and Bolter got into the empty water-butt, head downwards; but his legs were so precious long that they stuck out at the top, and so they took him too.'

'And Bet?'

'Poor Bet!

She went to see the Body, to speak to who it was,' replied Chitling, his countenance falling more and more, 'and went off mad, screaming and raving, and beating her head against the boards; so they put a strait-weskut on her and took her to the hospital — and there she is.'

'Wot's come of young Bates?' demanded Kags.

'He hung about, not to come over here afore dark, but he'll be here soon,' replied Chitling.

'There's nowhere else to go to now, for the people at the Cripples are all in custody, and the bar of the ken — I went up there and see it with my own eyes — is filled with traps.'

держался я, и, стало быть, имеет уютный дом, вокруг которого никто не шныряет и не разнюхивает, то довольно неприятно, когда его достаивает визитом молодой джентльмен (какой бы он ни был порядочный и приятный партнер, когда есть время перекинуться в карты), находящийся в таких обстоятельствах, как вы.

- Тем более что у этого обособленного молодого человека остановился приятель, который вернулся из чужих стран раньше, чем его ждали, и слишком скромн, чтобы до возвращении своем представляться судьям, - добавил мистер Кэгс.

Последовало короткое молчание, после чего Тоби Крекит, по-видимому понимая, насколько безнадежной будет всякая попытка сохранить свой обычный бесшабашно хвастливый вид, повернулся к Читлингу и спросил:

- Так когда же забрали Феджина?

- Как раз в обеденную пору - сегодня в два часа дня.

Мы с Чарли улизнули через дымоход в прачечной, а Болтер залез вниз головой в пустую бочку, но ноги у него такие чертовски длинные, что торчали из бочки, и его тоже забрали.

- А Бет?

- Бедняжка Бет!

Она пошла взглянуть, кого убили, - ответил Читлинг, чье лицо вытягивалось все больше и больше, - и рехнулась: начала визжать, бесноваться, биться головой об стенку, так что на нее надели смирительную рубашку и отправили в больницу. Там она и осталась.

- Где же юный Бейтс? - спросил Кэгс.

- Где-то слоняется, чтобы не показываться здесь до темноты, но он скоро придет, - ответил Читлинг.

- Теперь некуда больше идти, потому что у "Калек" всех забрали, а буфетная - я там проходил и своими глазами видел - битком набита ищейками.

'This is a smash,' observed Toby, biting his lips.

'There's more than one will go with this.'

'The sessions are on,' said Kags: 'if they get the inquest over, and Bolter turns King's evidence: as of course he will, from what he's said already: they can prove Fagin an accessory before the fact, and get the trial on on Friday, and he'll swing in six days from this, by G — !'

'You should have heard the people groan,' said Chitling; 'the officers fought like devils, or they'd have torn him away.'

He was down once, but they made a ring round him, and fought their way along.

You should have seen how he looked about him, all muddy and bleeding, and clung to them as if they were his dearest friends.

I can see 'em now, not able to stand upright with the pressing of the mob, and draggin him along amongst 'em; I can see the people jumping up, one behind another, and snarling with their teeth and making at him; I can see the blood upon his hair and beard, and hear the cries with which the women worked themselves into the centre of the crowd at the street corner, and swore they'd tear his heart out!'

The horror-stricken witness of this scene pressed his hands upon his ears, and with his eyes closed got up and paced violently to and fro, like one distracted.

While he was thus engaged, and the two men sat by in silence with their eyes fixed upon the floor, a pattering noise was heard upon the stairs, and Sikes's dog bounded into the room.

They ran to the window, downstairs, and into the street.

The dog had jumped in at an open window; he made no attempt to follow them, nor was his master to be seen.

'What's the meaning of this?' said Toby when they had returned.

- Это разгром, - кусая губы, заметил Тоби.

- Многих сцапают.

- Сейчас сессия, - сказал Кэгс. - Если они закончат следствие и Болтер выдаст остальных - а он, конечно, это сделает, судя по тому, что он уже сделал, - они могут доказать участие Феджина и назначить суд на пятницу, а через шесть дней его вздернут, клянусь всеми чертями!

- Послушали бы вы, как ревела толпа, - сказал Читлинг.

- Полицейские дрались как черти, а не то его разорвали бы в клочья.

Один раз его сбили с ног, но полицейские окружили его кольцом и проложили себе дорогу.

Видели бы вы, как он озирался, окровавленный, весь в грязи, и цеплялся за них, как за лучших своих друзей. Я их как сейчас вижу: они едва могут устоять, так на них наваливается толпа, и тащат его за собой; как сейчас вижу - в толпе дерутся, скалят на него зубы и рвутся к нему. Как сейчас вижу кровь на его волосах и бороде и слышу крики женщин - они пробились в самую гущу толпы на углу и клялись, что вырвут у него сердце.

Потрясенный ужасом, очевидец этой сцены зажал уши руками и с закрытыми глазами встал и словно помешанный начал быстро ходить взад и вперед.

Он метался, другие двое сидели молча, уставившись в пол, как вдруг они услышали, что в дверь кто-то скребется, и в комнату вбежала собака Сайкса.

Они бросились к окну, потом вниз по лестнице на улицу.

Собака вскочила на подоконник открытого окна; она не последовала за ними, а хозяйина ее нигде не было видно.

- Что же это значит? - сказал Тоби, когда они вернулись.

'He can't be coming here.

I — I — hope not.'

'If he was coming here, he'd have come with the dog,' said Kags, stooping down to examine the animal, who lay panting on the floor.

'Here! Give us some water for him; he has run himself faint.'

'He's drunk it all up, every drop,' said Chitling after watching the dog some time in silence.

'Covered with mud — lame — half blind — he must have come a long way.'

'Where can he have come from!' exclaimed Toby.

'He's been to the other kens of course, and finding them filled with strangers come on here, where he's been many a time and often.

But where can he have come from first, and how comes he here alone without the other!'

'He' — (none of them called the murderer by his old name) — 'He can't have made away with himself.

What do you think?' said Chitling.

Toby shook his head.

'If he had,' said Kags, 'the dog 'ud want to lead us away to where he did it.

No.

I think he's got out of the country, and left the dog behind.

He must have given him the slip somehow, or he wouldn't be so easy.'

This solution, appearing the most probable one, was adopted as the right; the dog, creeping under a chair, coiled himself up to sleep, without more notice from anybody.

It being now dark, the shutter was closed, and a candle lighted and placed upon the table.

The terrible events of the last two days had made a deep impression on all three, increased by the

- Не может быть, чтобы он шел сюда.

Надеюсь, что нет.

- Если бы он шел сюда, он пришел бы с собакой, - сказал Кэгс, наклоняясь и разглядывая собаку, которая, тяжело дыша, растянулась на полу.

- Послушайте, дадим-ка ей воды, она так долго бежала, что чуть жива...

- Все выпила, до последней капли, - сказал Читлинг, молча следивший за собакой.

- Вся в грязи, хромает, полуослепла... должно быть, долго бежала.

- Откуда она могла взяться? - воскликнул Тоби.

- Конечно, она побывала в других притонах, увидела толпу чужих людей и прибежала сюда, где частенько бывала раньше.

Но с самого-то начала откуда она пришла и как очутилась здесь одна, без него?

- Не мог же он (ни один из них не называл убийцу по имени), не мог же он покончить с собой?

Как вы думаете? - спросил Читлинг.

Тоби покачал головой.

- Если бы он покончил с собой, - сказал Кэгс, - собака потянула бы нас к тому месту.

Нет.

Я думаю, он убрался из Англии, а собаку оставил.

Должно быть, как-нибудь улизнул от нее, иначе она не лежала бы так смирно.

Это решение, казавшееся наиболее правдоподобным, было признано правильным; собака, забившись под стул, свернулась в клубок и заснула, не привлекая больше и себе внимания.

Так как уже стемнело, то закрыли ставни, зажгли свечу и поставили ее на стол.

Страшные события последних двух дней произвели глубокое впечатление на всех троих,

danger and uncertainty of their own position.

They drew their chairs closer together, starting at every sound.

They spoke little, and that in whispers, and were as silent and awe-stricken as if the remains of the murdered woman lay in the next room.

They had sat thus, some time, when suddenly was heard a hurried knocking at the door below.

'Young Bates,' said Kags, looking angrily round, to check the fear he felt himself.

The knocking came again.

No, it wasn't he.

He never knocked like that.

Crackit went to the window, and shaking all over, drew in his head.

There was no need to tell them who it was; his pale face was enough.

The dog too was on the alert in an instant, and ran whining to the door.

'We must let him in,' he said, taking up the candle.

'Isn't there any help for it?' asked the other man in a hoarse voice.

'None.

He must come in.'

'Don't leave us in the dark,' said Kags, taking down a candle from the chimney-piece, and lighting it, with such a trembling hand that the knocking was twice repeated before he had finished.

Crackit went down to the door, and returned followed by a man with the lower part of his face buried in a handkerchief, and another tied over his head under his hat.

He drew them slowly off.

еще усилившееся вследствие угрожавшей им опасности.

Они ближе сдвинули стулья, вздрагивая при каждом звуке.

Говорили они мало, да и то шепотом, и так были молчаливы и запуганы, словно в соседней комнате лежало тело убитой женщины.

Так сидели они некоторое время, как вдруг внизу раздался нетерпеливый стук в дверь.

- Юный Бейтс, - сказал Кэгс, сердито оглядываясь, чтобы побороть страх, охвативший его.

Стук повторился.

Нет, это был не Бейтс.

Тот никогда так не стучал.

Крекит подошел к окну и, дрожа всем телом, высунул голову.

Не было необходимости сообщать им, кто пришел: об этом говорило его бледное лицо.

Да и собака встrepенулась и, скуля, подбежала к двери.

- Мы должны его впустить, - сказал Крекит, беря свечу.

- Неужели ничего нельзя поделать? - хриплым голосом спросил другой.

- Ничего.

Он д_о_л_ж_е_н в_о_й_т_и.

- Не оставляйте нас в темноте, - сказал Кэгс, взяв с каминной полки другую свечу; рука его так дрожала, когда он зажигал свечу, что стук повторился дважды, прежде чем он успел это сделать.

Крекит спустился к двери и вернулся в сопровождении человека, у которого нижняя часть лица была обмотана носовым платком и голова под шляпой обвязана другим платком.

Он медленно их снял.

Побледневшее лицо, запавшие глаза,

Blanched face, sunken eyes, hollow cheeks, beard of three days' growth, wasted flesh, short thick breath; it was the very ghost of Sikes.

He laid his hand upon a chair which stood in the middle of the room, but shuddering as he was about to drop into it, and seeming to glance over his shoulder, dragged it back close to the wall — as close as it would go — and ground it against it — and sat down.

Not a word had been exchanged.

He looked from one to another in silence.

If an eye were furtively raised and met his, it was instantly averted.

When his hollow voice broke silence, they all three started.

They seemed never to have heard its tones before.

'How came that dog here?' he asked.

'Alone.

Three hours ago.'

'To-night's paper says that Fagin's took.

Is it true, or a lie?'

'True.'

They were silent again.

'Damn you all!' said Sikes, passing his hand across his forehead.

'Have you nothing to say to me?'

There was an uneasy movement among them, but nobody spoke.

'You that keep this house,' said Sikes, turning his face to Crackit, 'do you mean to sell me, or to let me lie here till this hunt is over?'

'You may stop here, if you think it safe,' returned

ввалившиеся щеки, борода, отросшая за три дня, изможденный вид, короткое, хриплое дыхание - это был призрак Сайкса.

Он положил руку на спинку стула, стоявшего посреди комнаты, но, когда собирался опуститься на него, вздрогнул и, бросив взгляд через плечо, придвинул стул к стене - так близко, как только мог, - придвинул вплотную и сел.

Никто не проронил ни слова.

Он молча посматривал то на одного, то на другого.

Если кто-нибудь украдкой поднимал глаза и встречал его взгляд, то сейчас же отворачивался.

Когда его глухой голос нарушил молчание, все трое вздрогнули.

Казалось, никогда еще не слышали они этого голоса.

- Как прибежала сюда собака? - спросил он.

- Одна.

Три часа назад.

- В вечерней газете пишут, что Феджина забрали.

Правда это или вздор?

- Правда.

Снова замолчали.

- Будьте вы все прокляты! - воскликнул Сайкс, проводя рукой по лбу.

- Нечего вам, что ли, мне сказать?

Они смущенно заерзали, но никто не заговорил.

- Вы хозяин этого дома, - сказал Сайкс, поворачиваясь лицом к Крекиту. - Собираетесь вы меня выдать или дадите мне пересидеть здесь, пока не кончилась эта охота?

- Можете оставаться здесь, если считаете безопасным, - ответил после некоторого

the person addressed, after some hesitation.

Sikes carried his eyes slowly up the wall behind him: rather trying to turn his head than actually doing it: and said,

'Is — it — the body — is it buried?'

They shook their heads.

'Why isn't it!' he retorted with the same glance behind him.

'Wot do they keep such ugly things above the ground for? — Who's that knocking?'

Crackit intimated, by a motion of his hand as he left the room, that there was nothing to fear; and directly came back with Charley Bates behind him.

Sikes sat opposite the door, so that the moment the boy entered the room he encountered his figure.

'Toby,' said the boy falling back, as Sikes turned his eyes towards him, 'why didn't you tell me this, downstairs?'

There had been something so tremendous in the shrinking off of the three, that the wretched man was willing to propitiate even this lad.

Accordingly he nodded, and made as though he would shake hands with him.

'Let me go into some other room,' said the boy, retreating still farther.

'Charley!' said Sikes, stepping forward.

'Don't you — don't you know me?'

'Don't come nearer me,' answered the boy, still retreating, and looking, with horror in his eyes, upon the murderer's face.

'You monster!'

The man stopped half-way, and they looked at each other; but Sikes's eyes sunk gradually to the ground.

'Witness you three,' cried the boy shaking his clenched fist, and becoming more and more excited as he spoke.

колебания тот, к кому он обратился.

Сайкс чуть заметно повернул голову, покосился на стену у себя за спиной - и спросил:

- А что оно... тело... его похоронили?

Они ответили отрицательным жестом.

- Да почему же нет? - воскликнул он, снова бросив взгляд назад.

- Чего ради держат они такую пакость на земле?... Кто это там стучит?

Прежде чем выйти из комнаты, Крекит дал понять жестом, что опасаться нечего, и тотчас же вернулся с Чарли Бейтсом, который шел за ним по пятам.

Сайкс сидел против двери, так что мальчик увидел его, едва вошел в комнату.

- Тоби! - сказал он, попятившись, когда Сайкс перевел на него взгляд. - Почему вы мне об этом не сказали там, внизу?

Было что-то столь потрясающее в боязни тех, троих, что злосчастный человек готов был заискивать даже перед этим простаком.

И вот он кивнул головой и, казалось, готов был пожать ему руку.

- Проводите-ка меня в какую-нибудь другую комнату, - сказал мальчик, снова пятясь.

- Чарли, - сказал Сайкс, шагнув вперед.

- Разве ты... ты меня не узнал?

- Не подходите ко мне, - отозвался тот, отступая еще дальше и с ужасом глядя в лицо убийцы.

- Чудовище!

Мужчина остановился на полпути, и они посмотрели друг на друга, но глаза Сайкса медленно опустились долу.

- Будьте свидетелями вы, трое! - крикнул мальчик, потрясая сжатым кулаком и волнуясь все больше и больше по мере того, как говорил.

'Witness you three — I'm not afraid of him — if they come here after him, I'll give him up; I will.

I tell you out at once.

He may kill me for it if he likes, or if he dares, but if I am here I'll give him up.

I'd give him up if he was to be boiled alive.

Murder!

Help!

If there's the pluck of a man among you three, you'll help me.

Murder!

Help!

Down with him!'

Pouring out these cries, and accompanying them with violent gesticulation, the boy actually threw himself, single-handed, upon the strong man, and in the intensity of his energy and the suddenness of his surprise, brought him heavily to the ground.

The three spectators seemed quite stupefied.

They offered no interference, and the boy and man rolled on the ground together; the former, heedless of the blows that showered upon him, wrenching his hands tighter and tighter in the garments about the murderer's breast, and never ceasing to call for help with all his might.

The contest, however, was too unequal to last long.

Sikes had him down, and his knee was on his throat, when Crackit pulled him back with a look of alarm, and pointed to the window.

There were lights gleaming below, voices in loud and earnest conversation, the tramp of hurried footsteps — endless they seemed in number — crossing the nearest wooden bridge.

One man on horseback seemed to be among the crowd; for there was the noise of hoofs rattling on the uneven pavement.

- Будьте свидетелями вы, трое, - я не боюсь его! Если они придут сюда за ним, я его выдам, я это сделаю.

Предупреждаю вас заранее.

Он может убить меня за это, если вздумает или если посмеет, но если я буду здесь, я его выдам.

Я бы выдал его, хотя бы его сварили заживо...

Убивают!

На помощь!..

Если у вас троих хватит храбрости взять одного человека, вы мне поможете...

Убивают!

На помощь!

Держите его!..

Издавая эти вопли и сопровождая их отчаянными жестами, мальчик действительно бросился один на сильного мужчину и благодаря неистовой своей энергии и внезапности нападения, повалил его на пол.

Трое зрителей казались совершенно ошеломленными.

Они не сделали попытки вмешаться, и мальчик и мужчина катались по полу: первый, невзирая на сыпавшиеся на него удары, вцепился в платье убийцы и во весь голос звал на помощь.

Однако борьба была слишком неравной, чтобы длиться долго.

Сайкс подмял его под себя и придавил ему горло коленом, но Крекит оттащил его от Бейтса и с тревогой указал на окно.

Внизу мелькали огни, слышались громкие голоса, торопливый топот ног - казалось, их было множество - на ближайшем мостике.

По-видимому, в толпе был верховой, так как раздался стук копыт, ударявших о неровную мостовую.

The gleam of lights increased; the footsteps came more thickly and noisily on.

Then, came a loud knocking at the door, and then a hoarse murmur from such a multitude of angry voices as would have made the boldest quail.

'Help!' shrieked the boy in a voice that rent the air.

'He's here!

Break down the door!'

'In the King's name,' cried the voices without; and the hoarse cry arose again, but louder.

'Break down the door!' screamed the boy. 'I tell you they'll never open it.

Run straight to the room where the light is.

Break down the door!'

Strokes, thick and heavy, rattled upon the door and lower window-shutters as he ceased to speak, and a loud huzzah burst from the crowd; giving the listener, for the first time, some adequate idea of its immense extent.

'Open the door of some place where I can lock this screeching Hell-babe,' cried Sikes fiercely; running to and fro, and dragging the boy, now, as easily as if he were an empty sack.

'That door.

Quick!'

He flung him in, bolted it, and turned the key.

'Is the downstairs door fast?'

'Double-locked and chained,' replied Crackit, who, with the other two men, still remained quite helpless and bewildered.

'The panels — are they strong?'

'Lined with sheet-iron.'

'And the windows too?'

Блеск огней стал ярче; шум шагов становился все сильнее.

Затем послышался громкий стук в дверь и такой яростный и глухой гул, что самый храбрый и тот содрогнулся бы.

- На помощь!.. - крикнул мальчик, и голос его прорезал воздух.

- Он здесь.

Выломайте дверь!

- Именем короля! - раздались голоса снаружи, в снова прокатился глухой рев, но еще более громкий.

- Выломайте дверь! - кричал мальчик; - Говорю вам: они никогда ее не откроют!

Бегите прямо в ту комнату, где горит свет!

Выломайте дверь!

Когда он умолк, удары, частые и тяжелые, обрушились на дверь и ставни нижнего этажа и громовое "ура" вырвалось у толпы, впервые давая слушателю возможность составить более или менее правильное представление о том, как велика эта толпа.

- Откройте дверь в какую-нибудь комнату, где бы я мог запереть этого визгливого чертенка! - в бешенстве крикнул Сайкс, бегая взад и вперед и волоча за собой мальчика с такой легкостью, словно это был пустой мешок.

- Вот эту!

Живее!

- Он швырнул мальчика в комнату, заложил засов и повернул ключ.

- Нижняя дверь заперта?

- На два поворота ключа и на цепь.

- А створки прочные?

- Обшиты листовым железом.

- И ставни тоже?

'Yes, and the windows.'

'Damn you!' cried the desperate ruffian, throwing up the sash and menacing the crowd.

'Do your worst!

I'll cheat you yet!'

Of all the terrific yells that ever fell on mortal ears, none could exceed the cry of the infuriated throng.

Some shouted to those who were nearest to set the house on fire; others roared to the officers to shoot him dead.

Among them all, none showed such fury as the man on horseback, who, throwing himself out of the saddle, and bursting through the crowd as if he were parting water, cried, beneath the window, in a voice that rose above all others,

'Twenty guineas to the man who brings a ladder!'

The nearest voices took up the cry, and hundreds echoed it.

Some called for ladders, some for sledge-hammers; some ran with torches to and fro as if to seek them, and still came back and roared again; some spent their breath in impotent curses and execrations; some pressed forward with the ecstasy of madmen, and thus impeded the progress of those below; some among the boldest attempted to climb up by the water-spout and crevices in the wall; and all waved to and fro, in the darkness beneath, like a field of corn moved by an angry wind: and joined from time to time in one loud furious roar.

'The tide,' cried the murderer, as he staggered back into the room, and shut the faces out, 'the tide was in as I came up.

Give me a rope, a long rope.

They're all in front.

I may drop into the Folly Ditch, and clear off that way.

Give me a rope, or I shall do three more murders and kill myself.'

- Да, и ставни.

- Будьте вы прокляты! - крикнул отъявленный негодяй, поднимая оконную раму и угрожая толпе.

- Делайте что хотите!

Я вам еще покажу!

Из всех устрашающих воплей, когда-либо касавшихся человеческого слуха, ни один не был громче рева этой взбешенной толпы.

Одни кричали тем, кто стоял ближе, чтобы они подожгли дом; другие орали полисменам, чтобы они его застрелили.

В толпе никто, не проявлял такой ярости, как человек верхом на лошади, который, соскочив с седла и прорвавшись сквозь толпу, словно сквозь воду, крикнул под самым окном голосом, заглушившим все остальные:

- Двадцать гиней тому, кто принесет лестницу!

Стоявшие ближе подхватили этот крик, и сотни повторили его.

Одни требовали лестниц, другие - молотов; третьи метались с факелами, возвращались и снова кричали; иные надрывались, выкрикивая беспощадные проклятья; другие с иступлением сумасшедших пробивались вперед и мешали тем, кто работал; смельчаки пытались взобраться по водосточной трубе и выбоинам в стене. И все волновались в темноте, словно колосья в поле под гневным ветром, и время от времени сливали вопли в едином громком, неистовом реве.

- Прилив! - крикнул убийца, отпрянув в комнату и опуская оконную раму. - Был прилив, когда я пришел.

Дайте мне веревку, длинную веревку!

Все они толпятся у фасада.

Я спущусь в Фолли-Дитч и улизну.

Дайте мне веревку, а не то я совершу еще три убийства и покончу с собой!

The panic-stricken men pointed to where such articles were kept; the murderer, hastily selecting the longest and strongest cord, hurried up to the house-top.

All the window in the rear of the house had been long ago bricked up, except one small trap in the room where the boy was locked, and that was too small even for the passage of his body.

But, from this aperture, he had never ceased to call on those without, to guard the back; and thus, when the murderer emerged at last on the house-top by the door in the roof, a loud shout proclaimed the fact to those in front, who immediately began to pour round, pressing upon each other in an unbroken stream.

He planted a board, which he had carried up with him for the purpose, so firmly against the door that it must be matter of great difficulty to open it from the inside; and creeping over the tiles, looked over the low parapet.

The water was out, and the ditch a bed of mud.

The crowd had been hushed during these few moments, watching his motions and doubtful of his purpose, but the instant they perceived it and knew it was defeated, they raised a cry of triumphant execration to which all their previous shouting had been whispers.

Again and again it rose.

Those who were at too great a distance to know its meaning, took up the sound; it echoed and re-echoed; it seemed as though the whole city had poured its population out to curse him.

On pressed the people from the front — on, on, on, in a strong struggling current of angry faces, with here and there a glaring torch to lighten them up, and show them out in all their wrath and passion.

The houses on the opposite side of the ditch had been entered by the mob; sashes were thrown up, or torn bodily out; there were tiers and tiers of faces in every window; cluster upon cluster of people clinging to every house-top.

Each little bridge (and there were three in sight) bent beneath the weight of the crowd upon it.

Охваченные паническим страхом, люди указали, где хранятся веревки. Убийца второпях схватил самую длинную и крепкую веревку и бросился наверх.

Все окна в задней половине дома были давно заложены кирпичом, за исключением одного оконца в той комнате, где заперли мальчика. Оно было слишком узко, чтобы он мог пролезть.

Но через это отверстие мальчик все время кричал стоявшим на улице, чтобы они охраняли дом сзади, и когда убийца выбрался, наконец, через дверцу чердака на крышу, громкий крик возвестил об этом собравшимся перед фасадом дома, и они тотчас же непрерывным потоком пустились в обход, напирая друг на друга.

Сайкс так крепко припер дверцу доской, которую нарочно захватил для этой цели, что изнутри очень трудно было ее открыть, и, пробираясь ползком по черепицам, взглянул через низкий парапет.

Вода схлынула, и рев превратился в илистое русло.

На несколько мгновений толпа притихла, следя за его движением, не зная его намерений, но, угадав их и увидев, что его постигла неудача, она разразилась таким торжествующим и бешеным ревом, по сравнению с которым все прежние вопли казались шепотом.

Снова и снова раздавался рев.

К нему присоединялись те, кто стоял слишком далеко, чтобы уловить его значение; казалось, будто город изрыгнул сюда всех своих обитателей, чтобы проклясть этого человека.

Со стороны фасада спешили люди - вперед и вперед, - могучий, бурный поток яростных лиц, то там, то сям озаряемых пылающими факелами.

В дома по ту сторону канала ворвалась толпа; в каждом окне виднелись лица; люди гроздьями лепились на каждой крыше.

Каждый мостик (а отсюда видно было три моста) прогибался под тяжестью толпы.

Still the current poured on to find some nook or hole from which to vent their shouts, and only for an instant see the wretch.

'They have him now,' cried a man on the nearest bridge.

'Hurrah!'

The crowd grew light with uncovered heads; and again the shout uprose.

'I will give fifty pounds,' cried an old gentleman from the same quarter, 'to the man who takes him alive.'

I will remain here, till he come to ask me for it.'

There was another roar.

At this moment the word was passed among the crowd that the door was forced at last, and that he who had first called for the ladder had mounted into the room.

The stream abruptly turned, as this intelligence ran from mouth to mouth; and the people at the windows, seeing those upon the bridges pouring back, quitted their stations, and running into the street, joined the concourse that now thronged pell-mell to the spot they had left: each man crushing and striving with his neighbor, and all panting with impatience to get near the door, and look upon the criminal as the officers brought him out.

The cries and shrieks of those who were pressed almost to suffocation, or trampled down and trodden under foot in the confusion, were dreadful; the narrow ways were completely blocked up; and at this time, between the rush of some to regain the space in front of the house, and the unavailing struggles of others to extricate themselves from the mass, the immediate attention was distracted from the murderer, although the universal eagerness for his capture was, if possible, increased.

The man had shrunk down, thoroughly quelled by the ferocity of the crowd, and the impossibility of escape; but seeing this sudden change with no less

А поток людей все катился, - отыскивая какое-нибудь местечко, откуда можно было хоть на секунду увидеть негодяя и выкрикнуть какое-нибудь проклятье.

- Теперь они его поймают! - крикнул кто-то на ближайшем мосту.

- Ура!

В толпе размахивали шапками. И снова поднялся крик.

- Я дам пятьдесят фунтов тому, кто захватит его живым! - крикнул старый джентльмен, появившийся на том же мосту.

- Я останусь здесь, пока этот человек не придет ко мне за деньгами.

Опять раздался рев.

В эту минуту в толпе пронесся слух, что дверь, наконец, взломали и тот, кто первый потребовал лестницу, поднялся в комнату.

Как только это известие стало переходить из уст в уста, поток круто повернул назад; а люди у окон, видя, что народ на мостах хлынул обратно, выбежали на улицу и влились в толпу, которая беспорядочно рвалась теперь к покинутому ею месту. Толкаясь и напирая друг на друга, они неудержимо стремились к двери, чтобы взглянуть на преступника, когда полисмены будут выводить его из дома.

Крики и вопли тех, кого чуть не задушили или сбили с ног и топтали в давке, были устрашающи; узкие проходы оказались запруженными; и в это время, когда одни ломились вперед, чтобы вернуться к фасаду дома, а другие тщетно пытались выбраться из толпы, внимание было отвлечено от убийцы, хотя всеобщее желание видеть его схваченным возросло, если только это было возможно.

Убийца, съежившись, присел, совершенно подавленный яростью толпы и невозможностью спастись, но, подметив эту внезапную

rapidity than it had occurred, he sprang upon his feet, determined to make one last effort for his life by dropping into the ditch, and, at the risk of being stifled, endeavouring to creep away in the darkness and confusion.

Roused into new strength and energy, and stimulated by the noise within the house which announced that an entrance had really been effected, he set his foot against the stack of chimneys, fastened one end of the rope tightly and firmly round it, and with the other made a strong running noose by the aid of his hands and teeth almost in a second.

He could let himself down by the cord to within a less distance of the ground than his own height, and had his knife ready in his hand to cut it then and drop.

At the very instant when he brought the loop over his head previous to slipping it beneath his arm-pits, and when the old gentleman before-mentioned (who had clung so tight to the railing of the bridge as to resist the force of the crowd, and retain his position) earnestly warned those about him that the man was about to lower himself down — at that very instant the murderer, looking behind him on the roof, threw his arms above his head, and uttered a yell of terror.

"The eyes again!" he cried in an unearthly screech.

Staggering as if struck by lightning, he lost his balance and tumbled over the parapet.

The noose was on his neck.

It ran up with his weight, tight as a bow-string, and swift as the arrow it speeds. He fell for five-and-thirty feet.

There was a sudden jerk, a terrific convulsion of the limbs; and there he hung, with the open knife clenched in his stiffening hand.

The old chimney quivered with the shock, but stood it bravely.

The murderer swung lifeless against the wall; and the boy, thrusting aside the dangling body which obscured his view, called to the people to come

перемену, он вскочил, решив сделать последнее усилие в борьбе за жизнь - спуститься в ров и, рискуя захлебнуться, ускользнуть в темноте и суматохе.

Обретя новую силу и энергию и подгоняемый шумом в доме, возвещавшим, что туда ворвались, он оперся ногой о дымовую трубу, крепко обвязал вокруг нее один конец веревки и руками и зубами чуть ли не в одну секунду сделал прочную подвижную петлю на другом ее конце.

Он мог спуститься по веревке так, чтобы от земли его отделяло расстояние меньше его собственного роста, и - в руке он держал наготове нож, намереваясь перерезать затем веревку и прыгнуть.

В тот самый момент, когда он накинул петлю на шею, собираясь пропустить ее под мышки, а упомянутый старый джентльмен (который крепко вцепился в перила моста, чтобы его не смяла толпа) взволнованно предупреждал стоявших вокруг, что человек готовится спуститься в ров, - в этот самый момент убийца, бросив взгляд назад, на крышу, поднял руки над головой и вскрикнул от ужаса.

- Опять эти глаза! - вырвался у него нечеловеческий вопль.

Шатаясь, словно пораженный молнией, он потерял равновесие и упал через парапет.

Петля была у него на шее.

От его тяжести она натянулась, как тетива; точно стрела, сорвавшаяся с нее, он пролетел тридцать пять футов.

Тело его резко дернулось, страшная судорога свела руки и ноги, и он повис, сжимая в коченеющей руке раскрытый нож.

Старая труба дрогнула от толчка, но доблестно устояла.

Убийца висел безжизненный у стены, а мальчик, отталкивая раскачивающееся тело, заслонявшее ему оконце, молил ради господ

and take him out, for God's sake.

A dog, which had lain concealed till now, ran backwards and forwards on the parapet with a dismal howl, and collecting himself for a spring, jumped for the dead man's shoulders.

Missing his aim, he fell into the ditch, turning completely over as he went; and striking his head against a stone, dashed out his brains.

CHAPTER LI — AFFORDING AN EXPLANATION OF MORE MYSTERIES THAN ONE, AND COMPREHENDING A PROPOSAL OF MARRIAGE WITH NO WORD OF SETTLEMENT OR PIN-MONEY

The events narrated in the last chapter were yet but two days old, when Oliver found himself, at three o'clock in the afternoon, in a travelling-carriage rolling fast towards his native town.

Mrs. Maylie, and Rose, and Mrs. Bedwin, and the good doctor were with him: and Mr. Brownlow followed in a post-chaise, accompanied by one other person whose name had not been mentioned.

They had not talked much upon the way; for Oliver was in a flutter of agitation and uncertainty which deprived him of the power of collecting his thoughts, and almost of speech, and appeared to have scarcely less effect on his companions, who shared it, in at least an equal degree.

He and the two ladies had been very carefully made acquainted by Mr. Brownlow with the nature of the admissions which had been forced from Monks; and although they knew that the object of their present journey was to complete the work which had been so well begun, still the whole matter was enveloped in enough of doubt and mystery to leave them in endurance of the most intense suspense.

The same kind friend had, with Mr. Losberne's assistance, cautiously stopped all channels of communication through which they could receive intelligence of the dreadful occurrences that so recently taken place.

'It was quite true,' he said, 'that they must know

выпустить его.

Собака, до той поры где-то прятаясь, бегала с заунывным воем взад и вперед по парапету и вдруг прыгнула на плечи мертвеца.

Промахнувшись, она полетела в ров, перекувырнулась в воздухе и, ударившись о камень, размозжила себе голову.

ГЛАВА LI, — дающая объяснение некоторых тайн и включающая брачное предложение без всяких упоминаний о закреплении части имущества за женой и о деньгах на булавки

>Всего лишь два дня спустя после событий, изложенных в предыдущей главе, — в три часа пополудни Оливер сидел в дорожной карете, быстро мчавшей его к родному городу.

С ним ехали миссис Мэйли, Роз, миссис Бэдуин и добряк доктор, а в почтовой карете следовал мистер Браунлоу в сопровождении еще одного человека, чье имя не было названо.

Дорогой они разговаривали мало, ибо от волнения и неизвестности Оливер не мог собраться с мыслями и почти лишился дара речи; по-видимому, его спутники в равной степени разделяли это волнение.

Мистер Браунлоу очень осторожно ознакомил его и обеих леди с показаниями, вырванными у Монкса, и хотя они знали, что целью их настоящего путешествия является завершение дела, так удачно начатого, однако все происходящее было настолько окутано таинственностью, что они испытывали сильнейшее беспокойство.

Тот же добрый друг с помощью мистера Лосберна позаботился, чтобы к ним не просочилось никаких сведений о случившихся недавно ужасных событиях.

"Разумеется, - сказал он, - в скором времени им придется узнать о них, но, пожалуй, лучше

them before long, but it might be at a better time than the present, and it could not be at a worse.'

So, they travelled on in silence: each busied with reflections on the object which had brought them together: and no one disposed to give utterance to the thoughts which crowded upon all.

But if Oliver, under these influences, had remained silent while they journeyed towards his birth-place by a road he had never seen, how the whole current of his recollections ran back to old times, and what a crowd of emotions were awakened up in his breast, when they turned into that which he had traversed on foot: a poor houseless, wandering boy, without a friend to help him, or a roof to shelter his head.

'See there, there!' cried Oliver, eagerly clasping the hand of Rose, and pointing out at the carriage window; 'that's the stile I came over; there are the hedges I crept behind, for fear any one should overtake me and force me back!

Yonder is the path across the fields, leading to the old house where I was a little child!

Oh Dick, Dick, my dear old friend, if I could only see you now!'

'You will see him soon,' replied Rose, gently taking his folded hands between her own.

'You shall tell him how happy you are, and how rich you have grown, and that in all your happiness you have none so great as the coming back to make him happy too.'

'Yes, yes,' said Oliver, 'and we'll — we'll take him away from here, and have him clothed and taught, and send him to some quiet country place where he may grow strong and well, — shall we?'

Rose nodded 'yes,' for the boy was smiling through such happy tears that she could not speak.

'You will be kind and good to him, for you are to every one,' said Oliver.

'It will make you cry, I know, to hear what he can tell; but never mind, never mind, it will be all over, and you will smile again — I know that too — to

будет, если они узнают не теперь; хуже, во всяком случае, быть не может".

Итак, ехали они молча. Каждый был погружен в размышления о том, что свело их вместе, и ни один не был расположен высказывать вслух мысли, осаждавшие всех.

Но если Оливер под влиянием таких впечатлений молчал, пока они ехали к месту его рождения дорогой, которую он никогда не видел, зато какой поток воспоминаний увлек его в былые времена и какие чувства проснулись у него в груди, когда они свернули на ту дорогу, по которой он шел пешком, бедный, бездомный мальчик-бродяга, не имеющий ни друга, который бы помог ему, ни крова, где можно приклонить голову.

- Видите, вон там! Там! - воскликнул Оливер, с волнением схватив за руку Роз и показывая в окно кареты. - Вон тот перелаз, где я перебрался; вон та живая изгородь, за которой я крался, боясь, как бы кто-нибудь меня не догнал и не заставил вернуться.

А там тропинка через поля, ведущая к старому дому, где я жил, когда был совсем маленьким.

Ах, Дик, Дик, мой милый старый друг, как бы я хотел тебя увидеть!

- Ты его скоро увидишь, - отозвалась Роз, ласково сжимая его стиснутые руки.

- Ты ему скажешь, как ты счастлив и каким стал богатым; скажешь, что никогда еще не был так счастлив, как теперь, когда вернулся сюда, чтобы и его сделать счастливым!

- О да! - подхватил Оливер. - И мы... мы увезем его отсюда, оденем его, будем учить, пошлем в какое-нибудь тихое местечко в деревне, где он окрепнет и выздоровеет, да?

Роз ответила только кивком: мальчик так радостно улыбался сквозь слезы, что она не могла говорить.

- Вы будете ласковы и добры к нему, потому что со всеми вы такая, - сказал Оливер.

- Я знаю, вы заплачете, слушая его рассказ; но ничего, ничего, все это пройдет, и вы опять начнете улыбаться - я это тоже знаю, - когда

think how changed he is; you did the same with me.

He said

"God bless you" to me when I ran away,' cried the boy with a burst of affectionate emotion; 'and I will say

"God bless you" now, and show him how I love him for it!"

As they approached the town, and at length drove through its narrow streets, it became matter of no small difficulty to restrain the boy within reasonable bounds.

There was Sowerberry's the undertaker's just as it used to be, only smaller and less imposing in appearance than he remembered it — there were all the well-known shops and houses, with almost every one of which he had some slight incident connected — there was Gamfield's cart, the very cart he used to have, standing at the old public-house door — there was the workhouse, the dreary prison of his youthful days, with its dismal windows frowning on the street — there was the same lean porter standing at the gate, at sight of whom Oliver involuntarily shrunk back, and then laughed at himself for being so foolish, then cried, then laughed again — there were scores of faces at the doors and windows that he knew quite well — there was nearly everything as if he had left it but yesterday, and all his recent life had been but a happy dream.

But it was pure, earnest, joyful reality.

They drove straight to the door of the chief hotel (which Oliver used to stare up at, with awe, and think a mighty palace, but which had somehow fallen off in grandeur and size); and here was Mr. Grimwig all ready to receive them, kissing the young lady, and the old one too, when they got out of the coach, as if he were the grandfather of the whole party, all smiles and kindness, and not offering to eat his head — no, not once; not even when he contradicted a very old postboy about the nearest road to London, and maintained he knew it best, though he had only come that way once, and

увидите, как он изменится... Так отнеслись вы и ко мне...

Он мне сказал:

"Да благословит тебя бог", - когда я решился бежать! - с умилением воскликнул мальчик. - А теперь я скажу:

"Да благословит тебя бог", - и докажу ему, как я люблю его.

Когда они достигли, наконец, города и ехали узкими его улицами, оказалось нелегко удержать мальчика в пределах благоразумия.

Здесь было заведение гробовщика Сауербери, точь-в-точь такое же, как и в прежние времена, только не такое большое и внушительное, каким оно ему запомнилось; здесь были хорошо знакомые лавки и дома, - чуть ли не с каждым из них он связывал какое-нибудь маленькое происшествие; здесь была повозка Гэмфилда - та самая, что и прежде, - и стояла она у двери старого трактира; здесь был работный дом, мрачная тюрьма его детства, с унылыми окнами, хмуро обращенными к улице; здесь был все тот же тощий привратник у ворот, при виде которого Оливер отпрянул, а потом сам засмеялся над своей глупостью, потом заплакал, потом снова засмеялся. В дверях и окнах он видел десятки знакомых людей; здесь почти все осталось по-прежнему, словно он только вчера покинул эти места, а та жизнь, какую он вел последнее время, была лишь счастливым сном.

Однако это была подлинная, радостная действительность.

Они подъехали прямо к подъезду главной гостиницы (на которую Оливер смотрел, бывало, с благоговением, считая ее великолепным дворцом, но которая утратила часть своего величия и внушительности). Здесь уже ждал их мистер Гримуиг, поцеловавший молодую леди, а также и старую, когда они вышли из кареты, словно приходился дедушкой всей компании, - мистер Гримуиг, расплывавшийся в улыбках, приветливый и не выражавший желания съесть свою голову, - да, ни разу, даже когда поспорил с очень старым форейтором о кратчайшем пути в Лондон и

that time fast asleep.

There was dinner prepared, and there were bedrooms ready, and everything was arranged as if by magic.

Notwithstanding all this, when the hurry of the first half-hour was over, the same silence and constraint prevailed that had marked their journey down.

Mr. Brownlow did not join them at dinner, but remained in a separate room.

The two other gentlemen hurried in and out with anxious faces, and, during the short intervals when they were present, conversed apart.

Once, Mrs. Maylie was called away, and after being absent for nearly an hour, returned with eyes swollen with weeping.

All these things made Rose and Oliver, who were not in any new secrets, nervous and uncomfortable.

They sat wondering, in silence; or, if they exchanged a few words, spoke in whispers, as if they were afraid to hear the sound of their own voices.

At length, when nine o'clock had come, and they began to think they were to hear no more that night, Mr. Losberne and Mr. Grimwig entered the room, followed by Mr. Brownlow and a man whom Oliver almost shrieked with surprise to see; for they told him it was his brother, and it was the same man he had met at the market-town, and seen looking in with Fagin at the window of his little room.

Monks cast a look of hate, which, even then, he could not dissemble, at the astonished boy, and sat down near the door.

Mr. Brownlow, who had papers in his hand, walked to a table near which Rose and Oliver were seated.

уверял, что он лучше знает, хотя только один раз ехал этой дорогой, да и то крепко спал.

Их ждал обед, спальни были приготовлены, и все устроено, словно по волшебству.

И все же, когда по прошествии получаса суматоха улеглась, снова наступило то неловкое молчание, которое сопровождало их путешествие.

За обедом мистер Браунлоу не присоединился к ним и оставался в своей комнате.

Два других джентльмена то приходили торопливо, то уходили с взволнованными лицами, а в те короткие промежутки времени, пока находились здесь, беседовали друг с другом в сторонке.

Один раз вызвали миссис Мэйли, и после часового отсутствия она вернулась с опухшими от слез глазами.

Все это породило беспокойство и растерянность у Роз и Оливера, которые не были посвящены в новые тайны.

В недоумении они сидели молча либо, если обменивались несколькими словами, говорили шепотом, словно боялись услышать звук собственного голоса.

Наконец, когда пробило девять часов и они начали подумывать, что сегодня вечером им ничего больше не придется узнать, в комнату вошли мистер Лосберн и мистер Гримуиг в сопровождении мистера Браунлоу и человека, при виде которого Оливер чуть не вскрикнул от изумления: его предупредили, что придет его брат, а это был тот самый человек, которого он встретил в городе, где базар, и видел, когда тот вместе с Феджином заглядывал в окно его маленькой комнатки.

Монкс бросил на пораженного мальчика взгляд, полный ненависти, которую даже теперь не мог скрыть, и сел у двери.

Мистер Браунлоу, державший в руке какие-то бумаги, подошел к столу, у которого сидели Роз и Оливер.

'This is a painful task,' said he, 'but these declarations, which have been signed in London before many gentlemen, must be in substance repeated here.

I would have spared you the degradation, but we must hear them from your own lips before we part, and you know why.'

'Go on,' said the person addressed, turning away his face.

'Quick.

I have almost done enough, I think.

Don't keep me here.'

'This child,' said Mr. Brownlow, drawing Oliver to him, and laying his hand upon his head, 'is your half-brother; the illegitimate son of your father, my dear friend Edwin Leeford, by poor young Agnes Fleming, who died in giving him birth.'

'Yes,' said Monks, scowling at the trembling boy: the beating of whose heart he might have heard.

'That is the bastard child.'

'The term you use,' said Mr. Brownlow, sternly, 'is a reproach to those long since passed beyond the feeble censure of the world.

It reflects disgrace on no one living, except you who use it.

Let that pass.

He was born in this town.'

'In the workhouse of this town,' was the sullen reply.

'You have the story there.'

He pointed impatiently to the papers as he spoke.

'I must have it here, too,' said Mr. Brownlow, looking round upon the listeners.

- Это тягостная обязанность, - сказал он, - но заявления, подписанные в Лондоне в присутствии многих джентльменов, должны быть в основных чертах повторены здесь.

Я бы хотел избавить вас от унижения, но мы должны услышать их из ваших собственных уст, прежде чем расстанемся. Причина вам известна.

- Продолжайте, - отвернувшись, сказал тот, к кому он обращался.

- Поторопитесь.

Думаю, я сделал почти все, что требуется.

Не задерживайте меня здесь.

- Этот мальчик, - сказал мистер Браунлоу, притянув к себе Оливера и положив руку ему на голову, - ваш единокровный брат, незаконный сын вашего отца, дорогого моего друга Эдвина Лифорда, и бедной юной Агнес Флеминг, которая умерла, дав ему жизнь.

- Да, - отозвался Монкс, бросив хмурый взгляд на трепещущего мальчика, у которого сердце билось так, что он мог услышать его биение.

- Это их незаконнорожденный ублюдок.

- Вы позволяете себе оскорблять тех, - сурово сказал мистер Браунлоу, - кто давно ушел в иной мир, где бессильны наши жалкие осуждения.

Оно не навлекает позора ни на одного живого человека, за исключением вас, воспользовавшегося им.

Не будем об этом говорить...

Он родился в этом городе.

- В здешнем работном доме, - последовал угрюмый ответ.

- У вас там записана эта история.

- С этими словами он нетерпеливо указал на бумаги.

- Вы должны сейчас ее повторить, - сказал мистер Браунлоу, окинув взглядом слушателей.

'Listen then! You!' returned Monks.

'His father being taken ill at Rome, was joined by his wife, my mother, from whom he had been long separated, who went from Paris and took me with her — to look after his property, for what I know, for she had no great affection for him, nor he for her.

He knew nothing of us, for his senses were gone, and he slumbered on till next day, when he died.

Among the papers in his desk, were two, dated on the night his illness first came on, directed to yourself'; he addressed himself to Mr. Brownlow; 'and enclosed in a few short lines to you, with an intimation on the cover of the package that it was not to be forwarded till after he was dead.

One of these papers was a letter to this girl Agnes; the other a will.'

'What of the letter?' asked Mr. Brownlow.

'The letter? — A sheet of paper crossed and crossed again, with a penitent confession, and prayers to God to help her.

He had palmed a tale on the girl that some secret mystery — to be explained one day — prevented his marrying her just then; and so she had gone on, trusting patiently to him, until she trusted too far, and lost what none could ever give her back.

She was, at that time, within a few months of her confinement.

He told her all he had meant to do, to hide her shame, if he had lived, and prayed her, if he died, not to curse his memory, or think the consequences of their sin would be visited on her or their young child; for all the guilt was his.

He reminded her of the day he had given her the little locket and the ring with her christian name engraved upon it, and a blank left for that which he hoped one day to have bestowed upon her —

- Ну так слушайте! - воскликнул Монкс.

- Когда его отец заболел в Риме, к нему приехала жена, моя мать, с которой он давно разошелся. Она выехала из Парижа и взяла меня с собой - мне кажется, она хотела присмотреть за его имуществом, так как сильной любви она к нему отнюдь не питала, так же как и он к ней.

Нас он не узнал, потому что был без сознания и не приходил в себя вплоть до следующего дня, когда он умер.

Среди бумаг у него в столе мы нашли пакет, помеченный вечером того дня, когда он заболел, и адресованный на ваше имя, - повернулся он к мистеру Браунлоу. - На конверте была короткая приписка, в которой он просил вас после его смерти переслать этот пакет по назначению.

В нем лежали две бумаги - письмо к этой девушке - Агнес - и завещание.

- Что вы можете сказать о письме? - спросил мистер Браунлоу.

- О письме?.. Лист бумаги, в котором многое было замазано, с покаянным признанием и молитвами богу о помощи ей.

Он одурачил девушку сказкой, будто какаято загадочная тайна, которая в конце концов должна раскрыться, препятствует в настоящее время его бракосочетанию с ней, и она жила, терпеливо доверяясь ему, пока ее доверие не зашло слишком далеко и она не утратила то, чего никто не мог ей вернуть.

В то время ей оставалось всего несколько месяцев до родов.

Он поведал ей обо всем, что намеревался сделать, чтобы скрыть ее позор, если будет жив, и умолял ее, если он умрет, не проклинать его памяти и не думать о том, что последствия их греха падут на нее или на их младенца, ибо вся вина лежит на нем.

Он напоминал о том дне, когда подарил ей маленький медальон и кольцо, на котором было выгравировано ее имя и оставлено место для того имени, какое он надеялся когда-нибудь ей

prayed her yet to keep it, and wear it next her heart, as she had done before — and then ran on, wildly, in the same words, over and over again, as if he had gone distracted.

I believe he had.'

'The will,' said Mr. Brownlow, as Oliver's tears fell fast.

Monks was silent.

'The will,' said Mr. Brownlow, speaking for him, 'was in the same spirit as the letter.

He talked of miseries which his wife had brought upon him; of the rebellious disposition, vice, malice, and premature bad passions of you his only son, who had been trained to hate him; and left you, and your mother, each an annuity of eight hundred pounds.

The bulk of his property he divided into two equal portions — one for Agnes Fleming, and the other for their child, if it should be born alive, and ever come of age.

If it were a girl, it was to inherit the money unconditionally; but if a boy, only on the stipulation that in his minority he should never have stained his name with any public act of dishonour, meanness, cowardice, or wrong.

He did this, he said, to mark his confidence in the other, and his conviction — only strengthened by approaching death — that the child would share her gentle heart, and noble nature.

If he were disappointed in this expectation, then the money was to come to you: for then, and not till then, when both children were equal, would he recognise your prior claim upon his purse, who had none upon his heart, but had, from an infant, repulsed him with coldness and aversion.'

'My mother,' said Monks, in a louder tone, 'did what a woman should have done.

дать; умолял ее хранить медальон и носить на сердце, как она это делала раньше, а затем снова и снова повторял бессвязно все те же слова, как будто лишился рассудка.

Думаю, так оно и было.

- А завещание? - задал вопрос мистер Браунлоу. Оливер заливался слезами.

Монкс молчал.

- Завещание, - заговорил вместо него мистер Браунлоу, - было составлено в том же духе, что и письмо.

Он писал о несчастьях, какие навлекла на него его жена, о строптивом нраве, порочности, злобе, о том, что уже с раннего детства проявились дурные страсти у вас, его единственного сына, которого научили ненавидеть его, и оставил вам и вашей матери по восемьсот фунтов годового дохода каждому.

Все остальное свое имущество он разделил на две равные части: одну для Агнес Флеминг, другую для ребенка, если он родится живым и достигнет совершеннолетия.

Если бы родилась девочка, она должна была унаследовать деньги безоговорочно; если мальчик, то лишь при условии, что до совершеннолетия он не запятнает своего имени никаким позорным, бесчестным, подлым или порочным поступком.

По его словам, он сделал это, чтобы подчеркнуть свое доверие к матери и свое убеждение, укрепившееся с приближением смерти, что ребенок унаследует ее кроткое сердце и благородную натуру.

Если бы он обманулся в своих ожиданиях, деньги перешли бы к вам; ибо тогда - и только тогда, когда оба сына были бы равны, - соглашался он признать, что права притязать на его кошелек в первую очередь имеете вы, который никогда не притязал на его сердце, но еще в раннем детстве оттолкнул его своей холодностью и злобой.

- Моя мать, - повысив голос, сказал Монкс, - сделала то, что сделала бы любая женщина.

She burnt this will.

The letter never reached its destination; but that, and other proofs, she kept, in case they ever tried to lie away the blot.

The girl's father had the truth from her with every aggravation that her violent hate — I love her for it now — could add.

Goaded by shame and dishonour he fled with his children into a remote corner of Wales, changing his very name that his friends might never know of his retreat; and here, no great while afterwards, he was found dead in his bed.

The girl had left her home, in secret, some weeks before; he had searched for her, on foot, in every town and village near; it was on the night when he returned home, assured that she had destroyed herself, to hide her shame and his, that his old heart broke.'

There was a short silence here, until Mr. Brownlow took up the thread of the narrative.

'Years after this,' he said, 'this man's — Edward Leeford's — mother came to me.

He had left her, when only eighteen; robbed her of jewels and money; gambled, squandered, forged, and fled to London: where for two years he had associated with the lowest outcasts.

She was sinking under a painful and incurable disease, and wished to recover him before she died.

Inquiries were set on foot, and strict searches made.

They were unavailing for a long time, but ultimately successful; and he went back with her to France.'

'There she died,' said Monks, 'after a lingering illness; and, on her death-bed, she bequeathed

Она сожгла это завещание.

Письмо так и не достигло места своего назначения; но и письмо и другие доказательства она сохранила на случай, если эти люди когда-нибудь попытаются скрыть пятно позора.

Отец девушки узнал от нее правду со всеми преувеличениями, какие могла подсказать ее жестокая ненависть, - за это я люблю ее теперь.

Под гнетом стыда и бесчестья он бежал со своими детьми в самый отдаленный уголок Уэльса, переменив даже свою фамилию, чтобы друзья не могли отыскать его убежище; и здесь, спустя некоторое время, его нашли мертвым в постели.

За несколько недель до этого девушка тайком ушла из дому; он искал ее, бродя по окрестным городам и деревням. В ту самую ночь, когда он вернулся домой, уверенный, что она покончила с собой, чтобы скрыть свой и его позор, его старое сердце разорвалось.

Наступило короткое молчание, после которого мистер Браунлоу продолжал рассказ.

- По прошествии многих лет, - сказал он, - мать этого человека - Эдуарда Лифорда - явилась ко мне.

Он покинул ее, когда ему было только восемнадцать лет; похитил у нее драгоценности и деньги; играл в азартные игры, швырял деньгами, не останавливался перед мошенничеством и бежал в Лондон, где в течение двух лет поддерживал связь с самыми гнусными подонками общества.

Она страдала мучительным и неизлечимым недугом и хотела отыскать его перед смертью.

Начато было дознание, и предприняты самые тщательные поиски.

Долгое время они были безрезультатны, но в конце концов увенчались успехом, и он вернулся с матерью во Францию.

- Там она умерла после долгой болезни, - продолжал Монкс, - и на смертном одре завещала мне эти тайны, а также неутолимую и

these secrets to me, together with her unquenchable and deadly hatred of all whom they involved — though she need not have left me that, for I had inherited it long before.

She would not believe that the girl had destroyed herself, and the child too, but was filled with the impression that a male child had been born, and was alive.

I swore to her, if ever it crossed my path, to hunt it down; never to let it rest; to pursue it with the bitterest and most unrelenting animosity; to vent upon it the hatred that I deeply felt, and to spit upon the empty vaunt of that insulting will by draggin it, if I could, to the very gallows-foot.

She was right.

He came in my way at last.

I began well; and, but for babbling drabs, I would have finished as I began!'

As the villain folded his arms tight together, and muttered curses on himself in the impotence of baffled malice, Mr. Brownlow turned to the terrified group beside him, and explained that the Jew, who had been his old accomplice and confidant, had a large reward for keeping Oliver ensnared: of which some part was to be given up, in the event of his being rescued: and that a dispute on this head had led to their visit to the country house for the purpose of identifying him.

'The locket and ring?' said Mr. Brownlow, turning to Monks.

'I bought them from the man and woman I told you of, who stole them from the nurse, who stole them from the corpse,' answered Monks without raising his eyes.

'You know what became of them.'

Mr. Brownlow merely nodded to Mr. Grimwig, who disappearing with great alacrity, shortly returned, pushing in Mrs. Bumble, and dragging her unwilling consort after him.

смертельную ненависть ко всем, кого они касались, - хотя ей незачем было завещать ее мне, потому что эту ненависть я унаследовал гораздо раньше.

Она отказывалась верить, что девушка покончила с собой, а стало быть и с ребенком, и не сомневалась, что родился мальчик и этот мальчик жив.

Я поклялся ей затравить его, если он когда-нибудь появится на моем пути; не давать ему ни минуты покоя; преследовать его с самой, неукротимой жестокостью; излить на него всю сжигающую меня ненависть и, если сумею, притащить его к самому подножию виселиц, и тем посмеяться над оскорбительным завещанием отца.

Она была права.

Он появился, наконец, на моем пути.

Я начал хорошо, и, не будь этих болтливых шлюх, я бы кончил так же, как начал!

Когда негодяй скрестил руки и в бессильной злобе стал вполголоса проклинать самого себя, мистер Браунлоу повернулся к потрясенным слушателям и пояснил, что еврей, старый сообщник и доверенное лицо Монкса, получил большое вознаграждение за то, чтобы держать в сетях Оливера, причем часть этого вознаграждения надлежало возвратить в случае, если тому удастся спастись, и что спор, возникший по этому поводу, повлек за собой их посещение загородного дома с целью опознать мальчика.

- Медальон и кольцо? - сказал мистер Браунлоу, поворачиваясь к Монксу.

- Я их купил, у мужчины и женщины, о которых говорил вам, а они украли их у сиделки, которая сияла их с трупа, - не поднимая глаз, ответил Монкс.

- Вам известно, что случилось с ними.

Мистер Браунлоу кивнул мистеру Гримуигу, который, стремительно выбежав из комнаты, вскоре вернулся, подталкивая вперед миссис Бамбл и таща за собою упирающегося супруга.

'Do my hi's deceive me!' cried Mr. Bumble, with ill-feigned enthusiasm, 'or is that little Oliver?

Oh O-li-ver, if you know'd how I've been a-grieving for you — '

'Hold your tongue, fool,' murmured Mrs. Bumble.

'Isn't natur, natur, Mrs. Bumble?' remonstrated the workhouse master.

'Can't I be supposed to feel — I as brought him up porochially — when I see him a-setting here among ladies and gentlemen of the very affablest description!

I always loved that boy as if he'd been my — my — my own grandfather,' said Mr. Bumble, halting for an appropriate comparison.

'Master Oliver, my dear, you remember the blessed gentleman in the white waistcoat?

Ah! he went to heaven last week, in a oak coffin with plated handles, Oliver.'

'Come, sir,' said Mr. Grimwig, tartly; 'suppress your feelings.'

'I will do my endeavours, sir,' replied Mr. Bumble.

'How do you do, sir?

I hope you are very well.'

This salutation was addressed to Mr. Brownlow, who had stepped up to within a short distance of the respectable couple.

He inquired, as he pointed to Monks,

'Do you know that person?'

'No,' replied Mrs. Bumble flatly.

'Perhaps you don't?' said Mr. Brownlow, addressing her spouse.

'I never saw him in all my life,' said Mr. Bumble.

- Уж не обманывают ли меня глаза, или это в самом деле маленький Оливер? - воскликнул мистер Бамбл с явно притворным восторгом.

- Ах, Оливер, если бы ты знал, как я горевал о тебе!..

- Придержи язык, болван! - пробормотала миссис Бамбл.

- Это голос природы, природы, миссис Бамбл! - возразил надзиратель работного дома.

- Неужели я не могу расчувствоваться - я, воспитавший его по-приходски, - когда вижу, как он восседает здесь среди леди и джентльменов самой приятнейшей наружности!

Я всегда любил этого мальчика, как будто он приходился мне родным... родным дедушкой, - продолжал мистер Бамбл, запнувшись и подыскивая удачное сравнение.

- Оливер, дорогой мой, ты помнишь того достойного джентльмена в белом жилете?

Ах, Оливер, на прошлой неделе он отошел на небо в дубовом гробу с ручками накладного серебра.

- Довольно, сэр! - резко сказал мистер Гримуиг.
- Сдержите свои чувства.

- Постараюсь по мере сил, сэр, - ответил мистер Бамбл.

- Как поживаете, сэр?

Надеюсь, - вы в добром здоровье.

Это приветствие было обращено к мистеру Браунлоу, который остановился в двух шагах от почтенной четы.

Он спросил, указывая на Монкса:

- Знаете ли вы этого человека?

- Нет, - решительно ответила Миссис Бамбл.

- Быть может, и вы не знаете? - сказал мистер Браунлоу, обращаясь к ее супругу.

- Ни разу в жизни его не видел, - сказал мистер Бамбл.

'Nor sold him anything, perhaps?'

'No,' replied Mrs. Bumble.

'You never had, perhaps, a certain gold locket and ring?' said Mr. Brownlow.

'Certainly not,' replied the matron.

'Why are we brought here to answer to such nonsense as this?'

Again Mr. Brownlow nodded to Mr. Grimwig; and again that gentleman limped away with extraordinary readiness.

But not again did he return with a stout man and wife; for this time, he led in two palsied women, who shook and tottered as they walked.

'You shut the door the night old Sally died,' said the foremost one, raising her shrivelled hand, 'but you couldn't shut out the sound, nor stop the chinks.'

'No, no,' said the other, looking round her and wagging her toothless jaws.

'No, no, no.'

'We heard her try to tell you what she'd done, and saw you take a paper from her hand, and watched you too, next day, to the pawnbroker's shop,' said the first.

'Yes,' added the second, 'and it was a "locket and gold ring."

We found out that, and saw it given you.

We were by.

Oh! we were by.'

'And we know more than that,' resumed the first, 'for she told us often, long ago, that the young mother had told her that, feeling she should never get over it, she was on her way, at the time that she was taken ill, to die near the grave of the father of the child.'

'Would you like to see the pawnbroker himself?' asked Mr. Grimwig with a motion towards the door.

- И, может быть, ничего ему не продавали?

- Ничего, - ответила миссис Бамбл.

- И, может быть, у вас никогда не было золотого медальона и кольца? - сказал мистер Браунлоу.

- Конечно, не было! - ответила надзирательница.

- Зачем нас привели сюда и заставляют отвечать на такие дурацкие вопросы?

Снова мистер Браунлоу кивнул мистеру Гримуигу, и снова сей джентльмен с величайшей готовностью вышел, прихрамывая.

На этот раз его сопровождали не дородный мужчина с женой, а две параличных женщины, которые шли, трясясь и шатаясь.

- Вы закрыли дверь, когда умирала старая Салли, - сказала шедшая впереди, поднимая высохшую руку, - во вы не могли заглушить звуки и заткнуть щели.

- Вот, вот, - сказала вторая, озираясь и двигая беззубыми челюстями.

- Вот... вот...

- Мы слышали, как Салли пыталась рассказать вам, что она сделала, и видели, как вы взяли у нее из рук бумагу, а на следующий день мы проследили вас до лавки ростовщика, - сказала первая.

- Вот, вот! - подтвердила вторая. - Медальон и золотое кольцо.

Мы это разузнали и видели, как вам их отдали.

Мы были поблизости, да поблизости!

- И мы еще больше знаем, - продолжала первая.

- Много времени назад мы слышали от нее о том, как молодая мать сказала, что направлялась к могиле отца ребенка, чтобы там умереть: когда ей стало плохо, она почувствовала, что ей не остаться в живых.

- Не желаете ли повидать самого ростовщика? - спросил мистер Гримуиг, направившись к двери.

'No,' replied the woman; 'if he — she pointed to Monks — 'has been coward enough to confess, as I see he has, and you have sounded all these hags till you have found the right ones, I have nothing more to say.'

I did sell them, and they're where you'll never get them.

What then?'

'Nothing,' replied Mr. Brownlow, 'except that it remains for us to take care that neither of you is employed in a situation of trust again.'

You may leave the room.'

'I hope,' said Mr. Bumble, looking about him with great ruefulness, as Mr. Grimwig disappeared with the two old women: 'I hope that this unfortunate little circumstance will not deprive me of my parochial office?'

'Indeed it will,' replied Mr. Brownlow.

'You may make up your mind to that, and think yourself well off besides.'

'It was all Mrs. Bumble.

She would do it,' urged Mr. Bumble; first looking round to ascertain that his partner had left the room.

'That is no excuse,' replied Mr. Brownlow.

'You were present on the occasion of the destruction of these trinkets, and indeed are the more guilty of the two, in the eye of the law; for the law supposes that your wife acts under your direction.'

'If the law supposes that,' said Mr. Bumble, squeezing his hat emphatically in both hands, 'the law is a ass — a idiot.'

If that's the eye of the law, the law is a bachelor; and the worst I wish the law is, that his eye may be opened by experience — by experience.'

Laying great stress on the repetition of these two

- Нет! - ответила миссис Бамбл. - Если он, - она указала на Монкса, - трусил и признался, - вижу, что он это сделал, - а вы расспрашивали всех этих ведьм, пока не нашли подходящих, мне нечего больше сказать.

Да, я продала эти вещи, и сейчас они там, откуда вы их никогда не добудете!

Что дальше?

- Ничего, - отозвался мистер Браунлоу. - За одним исключением: нам остается позаботиться о том, чтобы вы оба не занимали больше должностей, требующих доверия.

Уходите!

- Надеюсь... - сказал мистер Бамбл, с великим унынием посматривая вокруг, когда мистер Гримуиг вышел с двумя старухами, - надеюсь, эта злополучная, ничтожная случайность не лишит меня моего поста в приходе?

- Разумеется, лишит, - ответил мистер Браунлоу.

- С этим вы должны примириться и вдобавок почитать себя счастливым.

- Это все миссис Бамбл!

Она настаивала на этом, - упорствовал мистер Бамбл, оглянувшись сначала, дабы удостовериться, что спутница его жизни покинула комнату.

- Это не оправдание! - возразил мистер Браунлоу.

- Эти вещицы были уничтожены в вашем присутствии, и по закону вы еще более виновны, ибо закон полагает, что ваша жена действует по вашим указаниям.

- Если закон это полагает, - сказал мистер Бамбл, выразительно сжимая обеими руками свою шляпу, - стало быть, закон - осел... идиот!

Если такова точка зрения закона, значит закон - холостяк, и наихудшее, что я могу ему пожелать, - это чтобы глаза у него раскрылись благодаря опыту... благодаря опыту!..

Повторив последние два слова с энергическим

words, Mr. Bumble fixed his hat on very tight, and putting his hands in his pockets, followed his helpmate downstairs.

'Young lady,' said Mr. Brownlow, turning to Rose, 'give me your hand.

Do not tremble.

You need not fear to hear the few remaining words we have to say.'

'If they have — I do not know how they can, but if they have — any reference to me,' said Rose, 'pray let me hear them at some other time.

I have not strength or spirits now.'

'Nay,' returned the old gentleman, drawing her arm through his; 'you have more fortitude than this, I am sure.

Do you know this young lady, sir?'

'Yes,' replied Monks.

'I never saw you before,' said Rose faintly.

'I have seen you often,' returned Monks.

'The father of the unhappy Agnes had two daughters,' said Mr. Brownlow.

'What was the fate of the other — the child?'

'The child,' replied Monks, 'when her father died in a strange place, in a strange name, without a letter, book, or scrap of paper that yielded the faintest clue by which his friends or relatives could be traced — the child was taken by some wretched cottagers, who reared it as their own.'

'Go on,' said Mr. Brownlow, signing to Mrs. Maylie to approach.

'Go on!'

'You couldn't find the spot to which these people had repaired,' said Monks, 'but where friendship fails, hatred will often force a way.

ударением, мистер Бамбл плотно нахлобучил шляпу и, засунув руки в карманы, последовал вниз по лестнице за подругой своей жизни.

- Милая леди, - сказал мистер Браунлоу, обращаясь к Роз, - дайте мне вашу руку.

Не надо дрожать.

Вы можете без страха выслушать те последние несколько слов, какие нам осталось сказать.

- Если они... я не допускаю этой возможности, но если они имеют... какое-то отношение ко мне, - сказала Роз, - прошу вас, разрешите мне выслушать их в другой раз.

Сейчас у меня не хватит ни сил, ни мужества.

- Нет, - возразил старый джентльмен, продевая ее руку под свою, - я уверен, что у вас хватит твердости духа...

Знаете ли вы эту молодую леди, сэр?

- Да, - ответил Монкс.

- Я никогда не видела вас, - слабым голосом сказала Роз.

- Я вас часто видел, - произнес Монкс.

- У отца несчастной Агнес было две дочери, - сказал мистер Браунлоу.

- Какова судьба другой - маленькой девочки?

- Девочку, - ответил Монкс, - когда ее отец умер в чужом месте, под чужой фамилией, не оставив ни письма, ни клочка бумаги, которые дали бы хоть какую-то нить, чтобы отыскать его друзей или родственников, - девочку взяли бедняки-крестьяне, воспитавшие ее, как родную.

- Продолжайте, - сказал мистер Браунлоу, знаком приглашая миссис Мэйли подойти ближе.

- Продолжайте!

- Вам бы не найти того места, куда удалились эти люди, - сказал Монкс, - но там, где терпит неудачу дружба, часто пробивает себе путь ненависть.

My mother found it, after a year of cunning search — ay, and found the child.'

'She took it, did she?'

'No.

The people were poor and began to sicken — at least the man did — of their fine humanity; so she left it with them, giving them a small present of money which would not last long, and promised more, which she never meant to send.

She didn't quite rely, however, on their discontent and poverty for the child's unhappiness, but told the history of the sister's shame, with such alterations as suited her; bade them take good heed of the child, for she came of bad blood; and told them she was illegitimate, and sure to go wrong at one time or other.

The circumstances countenanced all this; the people believed it; and there the child dragged on an existence, miserable enough even to satisfy us, until a widow lady, residing, then, at Chester, saw the girl by chance, pitied her, and took her home.

There was some cursed spell, I think, against us; for in spite of all our efforts she remained there and was happy.

I lost sight of her, two or three years ago, and saw her no more until a few months back.'

'Do you see her now?'

'Yes.

Leaning on your arm.'

'But not the less my niece,' cried Mrs. Maylie, folding the fainting girl in her arms; 'not the less my dearest child.

I would not lose her now, for all the treasures of the world. My sweet companion, my own dear girl!'

Моя мать нашла это место после искусных поисков, длившихся год, - и нашла девочку.

- Она взяла ее к себе?

- Нет.

Эти люди были бедны, и им начало надоедать - во всяком случае, мужу - их похвальное человеколюбие; поэтому моя мать оставила ее у них, дав им небольшую сумму денег, которой не могло хватить надолго, и обещала выслать еще, чего отнюдь не намеревалась делать.

Впрочем, она не совсем полагалась на то, что недовольство и бедность сделают девочку несчастной, И рассказала этим людям о позоре ее сестры с теми изменениями, какие считала нужными, просила их хорошенько присматривать за девочкой, так как у нее дурная кровь, и сказала им, что она незаконнорожденная и рано или поздно несомненно собьется с пути.

Все это подтверждалось обстоятельствами; эти люди поверили. И ребенок влачил существование достаточно жалкое, чтобы удовлетворить даже нас, но случайно одна леди, вдова, проживавшая в то время в Честере, увидела девочку, почувствовала к ней сострадание и взяла ее к себе.

Мне кажется, против нас действовали какие-то проклятые чары, потому что, несмотря на все наши усилия, она осталась у этой леди и была счастлива.

Года два-три назад я потерял ее из виду и снова встретил всего за несколько месяцев до этого дня.

- Вы видите ее сейчас?

- Да.

Она опирается о вашу руку.

- Но она по-прежнему моя племянница, - воскликнула миссис Мэйли, обнимая слабеющую девушку, - она по-прежнему мое дорогое дитя!

Ни за какие блага в мире не рассталась бы я с ней теперь: это моя милая, родная девочка!

'The only friend I ever had,' cried Rose, clinging to her.

'The kindest, best of friends.

My heart will burst.

I cannot bear all this.'

'You have borne more, and have been, through all, the best and gentlest creature that ever shed happiness on every one she knew,' said Mrs. Maylie, embracing her tenderly.

'Come, come, my love, remember who this is who waits to clasp you in his arms, poor child!

See here — look, look, my dear!'

'Not aunt,' cried Oliver, throwing his arms about her neck;

'I'll never call her aunt — sister, my own dear sister, that something taught my heart to love so dearly from the first!

Rose, dear, darling Rose!'

Let the tears which fell, and the broken words which were exchanged in the long close embrace between the orphans, be sacred.

A father, sister, and mother, were gained, and lost, in that one moment.

Joy and grief were mingled in the cup; but there were no bitter tears: for even grief itself arose so softened, and clothed in such sweet and tender recollections, that it became a solemn pleasure, and lost all character of pain.

They were a long, long time alone.

A soft tap at the door, at length announced that some one was without.

Oliver opened it, glided away, and gave place to Harry Maylie.

'I know it all,' he said, taking a seat beside the lovely girl.

- Единственный мой друг! - воскликнула Роз, прижимаясь к ней.

- Самый добрый, самый лучший из друзей!

У меня сердце разрывается.

Я не в силах все это вынести!

- Ты вынесла больше и, несмотря ни на что, оставалась всегда самой милой и кроткой девушкой, делавшей счастливыми всех, кого ты знала, - нежно обнимая ее, сказала миссис Мэйли.

- Полно, полно, дорогая моя! Подумай о том, кому не терпится заключить тебя в свои объятия!

Взгляни сюда... посмотри, посмотри моя милая!

- Нет, она мне не тетя! - вскричал Оливер, обвивая руками ее шею.

- Я никогда не буду называть ее тетей!.. Сестра... моя дорогая сестра, которую почему-то я сразу так горячо полюбил!

Роз, милая, дорогая Роз!

Да будут священны эти слезы и те бессвязные слова, какими обменялись сироты, заключившие друг друга в долгие, крепкие объятия!

Отец, сестра и мать были обретены и потеряны в течение одного мгновения.

Радость и горе смешались в одной чаше, но это не были горькие слезы; ибо сама скорбь была такой смягченной и окутанной такими нежными воспоминаниями, что, перестав быть мучительной, превратилась в торжественную радость.

Долго-долго оставались они вдвоем.

Наконец, тихий стук возвестил о том, что кто-то стоит за дверью.

Оливер открыл дверь, выскользнул из комнаты и уступил место: Гарри Мэйли.

- Я знаю все! - сказал он, садясь рядом с прелестной девушкой.

'Dear Rose, I know it all.'

'I am not here by accident,' he added after a lengthened silence; 'nor have I heard all this to-night, for I knew it yesterday — only yesterday.'

Do you guess that I have come to remind you of a promise?'

'Stay,' said Rose.

'You do know all.'

'All.'

You gave me leave, at any time within a year, to renew the subject of our last discourse.'

'I did.'

'Not to press you to alter your determination,' pursued the young man, 'but to hear you repeat it, if you would.'

I was to lay whatever of station or fortune I might possess at your feet, and if you still adhered to your former determination, I pledged myself, by no word or act, to seek to change it.'

'The same reasons which influenced me then, will influence me now,' said Rose firmly.

'If I ever owed a strict and rigid duty to her, whose goodness saved me from a life of indigence and suffering, when should I ever feel it, as I should to-night?'

It is a struggle,' said Rose, 'but one I am proud to make; it is a pang, but one my heart shall bear.'

'The disclosure of to-night,' — Harry began.

'The disclosure of to-night,' replied Rose softly, 'leaves me in the same position, with reference to you, as that in which I stood before.'

'You harden your heart against me, Rose,' urged her lover.

- Дорогая Роз, я знаю все!..

Я здесь не случайно, - добавил он после долгого молчания. - И обо всем этом я, услышал не сегодня, я это узнал вчера - только вчера...

Вы догадываетесь, что я пришел напомнить вам об одном обещании?

- Подождите, - сказала Роз.

- Вы знаете все?

- Все...

Вы разрешили мне в любое время в течение года вернуться к предмету нашего последнего разговора.

- Разрешила.

- Не ради того, чтобы заставить вас изменить свое решение, - продолжал молодой человек, - но чтобы выслушать, как вы его повторите, если пожелаете.

Я должен был положить к вашим ногам то положение в обществе и то состояние, какие могли у меня быть, и если бы вы не отступили от первоначального своего решения, я взял на себя обязательство не пытаться ни словом, ни делом его изменить.

- Те самые причины, какие влияли на меня тогда, будут влиять на меня и теперь, - твердо сказала Роз.

- Если есть у меня твердое и неуклонное чувство долга по отношению к той, чья доброта спасла меня от нищеты и страданий, то могло ли оно быть когда-нибудь сильнее, чем сегодня?..

Это борьба, - добавила Роз, - но я буду с гордостью ее вести.

Это боль, но ее мое сердце перенесет.

- Разоблачения сегодняшнего вечера... - начал Гарри. - Разоблачения сегодняшнего вечера, - мягко повторила Роз, - не изменяют моего положения.

- Вы ожесточаете свое сердце против меня, Роз, - возразил влюбленный.

'Oh Harry, Harry,' said the young lady, bursting into tears;

'I wish I could, and spare myself this pain.'

'Then why inflict it on yourself?' said Harry, taking her hand.

'Think, dear Rose, think what you have heard to-night.'

'And what have I heard!

What have I heard!' cried Rose.

'That a sense of his deep disgrace so worked upon my own father that he shunned all — there, we have said enough, Harry, we have said enough.'

'Not yet, not yet,' said the young man, detaining her as she rose.

'My hopes, my wishes, prospects, feeling: every thought in life except my love for you: have undergone a change.

I offer you, now, no distinction among a bustling crowd; no mingling with a world of malice and detraction, where the blood is called into honest cheeks by aught but real disgrace and shame; but a home — a heart and home — yes, dearest Rose, and those, and those alone, are all I have to offer.'

'What do you mean!' she faltered.

'I mean but this — that when I left you last, I left you with a firm determination to level all fancied barriers between yourself and me; resolved that if my world could not be yours, I would make yours mine; that no pride of birth should curl the lip at you, for I would turn from it.

This I have done.

Those who have shrunk from me because of this, have shrunk from you, and proved you so far right.

- Ах, Гарри, Гарри! - залившись слезами, сказала молодая леди.

- Хотелось бы мне, чтобы я могла это сделать и избавить себя от такой муки!

- Зачем же причинять ее себе? - сказал Гарри, взяв ее руку.

- Подумайте, дорогая Роз, подумайте о том, что вы услышали сегодня вечером.

- А что я услышала?

Что я услышала? - воскликнула Роз.

- Сознание, что он обещан, так повлияло на моего отца, что он бежал от всех... Вот что я услышала! Довольно... достаточно сказано, Гарри, достаточно сказано!

- Еще нет! - сказал молодой человек, удерживая ее, когда она встала.

- Мои надежды, желания, виды на будущее, чувства, каждая мысль - все, за исключением моей любви к вам, претерпело изменения.

Я не предлагаю вам теперь почетного положения в светлом свете, я не предлагаю вам общаться с миром злобы и унижений, где честного человека заставляют краснеть отнюдь не из-за подлинного бесчестия и позора... Я предлагаю свой домашний очаг - сердце и домашний очаг, - да, дорогая Роз, и только это, только это я и могу вам предложить.

- Что вы хотите сказать? - запинаясь, выговорила Роз.

- Я хочу сказать только одно: когда я расстался с вами в последний раз, я вас покинул с твердой решимостью сравнять с землей все воображаемые преграды между вами и мной. Я решил, что, если мой мир не может быть вашим, я сделаю ваш мир своим; я решил, что ни один из тех, кто чванится своим происхождением, не будет презрительно смотреть на вас, ибо я отвернусь от них.

Это я сделал.

Те, которые отшатнулись от меня из-за этого, отшатнулись от вас и доказали, что в этом смысле вы были правы.

Such power and patronage: such relatives of influence and rank: as smiled upon me then, look coldly now; but there are smiling fields and waving trees in England's richest county; and by one village church — mine, Rose, my own! — there stands a rustic dwelling which you can make me prouder of, than all the hopes I have renounced, measured a thousandfold.

This is my rank and station now, and here I lay it down!'

'It's a trying thing waiting supper for lovers,' said Mr. Grimwig, waking up, and pulling his pocket-handkerchief from over his head.

Truth to tell, the supper had been waiting a most unreasonable time.

Neither Mrs. Maylie, nor Harry, nor Rose (who all came in together), could offer a word in extenuation.

'I had serious thoughts of eating my head to-night,' said Mr. Grimwig, 'for I began to think I should get nothing else.

I'll take the liberty, if you'll allow me, of saluting the bride that is to be.'

Mr. Grimwig lost no time in carrying this notice into effect upon the blushing girl; and the example, being contagious, was followed both by the doctor and Mr. Brownlow: some people affirm that Harry Maylie had been observed to set it, originally, in a dark room adjoining; but the best authorities consider this downright scandal: he being young and a clergyman.

'Oliver, my child,' said Mrs. Maylie, 'where have you been, and why do you look so sad?

There are tears stealing down your face at this moment.

What is the matter?'

It is a world of disappointment: often to the hopes we most cherish, and hopes that do our nature the greatest honour.

Те покровители, власть имущие, и те влиятельные и знатные родственники, которые улыбались мне тогда, смотрят теперь холодно. Но есть в самом преуспевающем графстве Англии веселые поля и колеблемые ветром рощи, а близ одной деревенской церкви - моей церкви. Роз, моей! - стоит деревенский коттедж, и вы можете заставить меня гордиться им в тысячу раз больше, чем всеми надеждами, от которых я отрекся.

Таково теперь м_о_е положение и звание, и я их кладу к вашим ногам.

- Пренеприятная штука - ждать влюбленных к ужину! - сказал мистер Гримуиг, просыпаясь и сдергивая с головы носовой платок.

По правде говоря, ужин откладывали возмутительно долго...

Ни миссис Мэйли, ни Гарри, ни Роз (которые вошли все вместе) ничего не могли сказать в оправдание.

- У меня было серьезное намерение съесть сегодня вечером свою голову, - сказал мистер Гримуиг, - так как я начал подумывать, что ничего другого не получу.

С вашего разрешения, я беру на себя смелость поцеловать невесту.

Не теряя времени, мистер Гримуиг привел эти слова в исполнение и поцеловал зарумянившуюся девушку, а его примеру, оказавшемуся заразительным, последовали и доктор и мистер Браунлоу. Кое-кто утверждает, что Гарри Мэйли первый подал пример в соседней комнате, но наиболее авторитетные лица считают это явной клеветой, так как он молод и к тому же священник.

- Оливер, дитя мое, - сказала миссис Мэйли, - где ты был и почему у тебя такой печальный вид?

Вот и сейчас ты плачешь.

Что случилось?

Наш мир - мир разочарований, и нередко разочарований в тех надеждах, какие мы больше всего лелеем, и в надеждах, которые

Poor Dick was dead!

CHAPTER LII — FAGIN'S LAST NIGHT ALIVE

The court was paved, from floor to roof, with human faces.

Inquisitive and eager eyes peered from every inch of space.

From the rail before the dock, away into the sharpest angle of the smallest corner in the galleries, all looks were fixed upon one man — Fagin. Before him and behind: above, below, on the right and on the left: he seemed to stand surrounded by a firmament, all bright with gleaming eyes.

He stood there, in all this glare of living light, with one hand resting on the wooden slab before him, the other held to his ear, and his head thrust forward to enable him to catch with greater distinctness every word that fell from the presiding judge, who was delivering his charge to the jury.

At times, he turned his eyes sharply upon them to observe the effect of the slightest featherweight in his favour; and when the points against him were stated with terrible distinctness, looked towards his counsel, in mute appeal that he would, even then, urge something in his behalf.

Beyond these manifestations of anxiety, he stirred not hand or foot.

He had scarcely moved since the trial began; and now that the judge ceased to speak, he still remained in the same strained attitude of close attention, with his gaze bent on him, as though he listened still.

A slight bustle in the court, recalled him to himself.

Looking round, he saw that the juryman had turned together, to consider their verdict.

делают великую честь нашей природе.

Бедный Дик умер!

ГЛАВА LII — Последняя ночь Феджина

Снизу доверху зал суда был битком набит людьми.

Испытующие, горящие нетерпением глаза заполняли каждый дюйм пространства.

От перил перед скамьей подсудимых и вплоть до самого тесного и крохотного уголка на галерее все взоры были прикованы к одному человеку - Феджину, - перед ним, сзади него, вверху, внизу, справа и слева; он, казалось, стоял окруженный небосводом, усеянным сверкающими глазами.

Он стоял в лучах этого живого света, одну руку опустив на деревянную перекладину перед собой, другую - поднес к уху и вытягивая шею, чтобы отчетливее слышать каждое слово, срывавшееся с уст председательствующего судьи, который обращался с речью к присяжным.

Иногда он быстро переводил на них взгляд, стараясь подметить впечатление, произведенное каким-нибудь незначительным, почти невесомым доводом в его пользу, а когда обвинительные пункты излагались с ужасающей ясностью, посматривал на своего адвоката с немой мольбой, чтобы тот хоть теперь сказал что-нибудь в его защиту.

Если не считать этих проявлений тревоги, он не шевельнул ни рукой, ни ногой.

Вряд ли он сделал хоть одно движение с самого начала судебного разбирательства, и теперь, когда судья умолк, он оставался в той же напряженной позе, выражавшей глубокое внимание, и не сводил с него глаз, словно все еще слушал.

Легкая суэта в зале заставила его опомниться.

Оглянувшись, он увидел, что присяжные придвинулись друг к другу, чтобы обсудить

As his eyes wandered to the gallery, he could see the people rising above each other to see his face: some hastily applying their glasses to their eyes: and others whispering their neighbours with looks expressive of abhorrence.

A few there were, who seemed unmindful of him, and looked only to the jury, in impatient wonder how they could delay.

But in no one face — not even among the women, of whom there were many there — could he read the faintest sympathy with himself, or any feeling but one of all-absorbing interest that he should be condemned.

As he saw all this in one bewildered glance, the deathlike stillness came again, and looking back he saw that the jurymen had turned towards the judge.

Hush!

They only sought permission to retire.

He looked, wistfully, into their faces, one by one when they passed out, as though to see which way the greater number leant; but that was fruitless.

The jailer touched him on the shoulder.

He followed mechanically to the end of the dock, and sat down on a chair.

The man pointed it out, or he would not have seen it.

He looked up into the gallery again.

Some of the people were eating, and some fanning themselves with handkerchiefs; for the crowded place was very hot.

There was one young man sketching his face in a little note-book.

He wondered whether it was like, and looked on when the artist broke his pencil-point, and made another with his knife, as any idle spectator might have done.

приговор.

Когда его взгляд блуждал по галерее, он мог наблюдать, как люди приподнимаются, стараясь разглядеть его лицо; одни торопливо подносили к глазам бинокль, другие с видом, выражающим омерзение, шептали что-то соседям.

Были здесь немногие, которые как будто не обращали на него внимания и смотрели только на присяжных, досадливо недоумевая, как могут они медлить.

Но ни на одном лице - даже у женщин, которых здесь было множество, не прочел он ни малейшего сочувствия, ничего, кроме всепоглощающего желания услышать, как его осудят.

Когда он все это заметил, бросив вокруг растерянный взгляд, снова наступила мертвая тишина, и, оглянувшись, он увидел, что присяжные повернулись к судье.

Тише!

Но они просили только разрешения удалиться.

Он пристально всматривался в их лица, когда один за другим они выходили, как будто надеялся узнать, к чему склоняется большинство; но это было тщетно.

Тюремщик тронул его за плечо.

Он машинально последовал за ним с помоста и сел на стул.

Стул указал ему тюремщик, иначе он бы его не увидел.

Снова он поднял глаза к галерее.

Кое-кто из публики закусывал, а некоторые обмахивались носовыми платками, так как в переполненном зале было очень жарко.

Какой-то молодой человек зарисовывал его лицо в маленькую записную книжку.

Он задал себе вопрос, есть ли сходство, и, словно был праздным зрителем, смотрел на художника, когда тот сломал карандаш и очинил его перочинным ножом.

In the same way, when he turned his eyes towards the judge, his mind began to busy itself with the fashion of his dress, and what it cost, and how he put it on.

There was an old fat gentleman on the bench, too, who had gone out, some half an hour before, and now come back.

He wondered within himself whether this man had been to get his dinner, what he had had, and where he had had it; and pursued this train of careless thought until some new object caught his eye and roused another.

Not that, all this time, his mind was, for an instant, free from one oppressive overwhelming sense of the grave that opened at his feet; it was ever present to him, but in a vague and general way, and he could not fix his thoughts upon it.

Thus, even while he trembled, and turned burning hot at the idea of speedy death, he fell to counting the iron spikes before him, and wondering how the head of one had been broken off, and whether they would mend it, or leave it as it was.

Then, he thought of all the horrors of the gallows and the scaffold — and stopped to watch a man sprinkling the floor to cool it — and then went on to think again.

At length there was a cry of silence, and a breathless look from all towards the door.

The jury returned, and passed him close.

He could glean nothing from their faces; they might as well have been of stone.

Perfect stillness ensued — not a rustle — not a breath — Guilty.

The building rang with a tremendous shout, and another, and another, and then it echoed loud groans, that gathered strength as they swelled out, like angry thunder.

It was a peal of joy from the populace outside, greeting the news that he would die on Monday.

Когда он перевел взгляд на судью, в голове у него закопошились мысли о покрое его одежды, о том, сколько она стоит и как он ее надевает.

Одно из судейских кресел занимал старый толстый джентльмен, который с полчаса назад вышел и сейчас вернулся.

Он задавал себе вопрос, уходил ли этот человек обедать, что было у него на обед и где он обедал, и предавался этим пустым размышлениям, пока какой-то другой человек не привлек его внимания и не вызвал новых размышлений.

Однако в течение всего этого времени его мозг ни на секунду не мог избавиться от гнетущего, ошеломляющего сознания, что у ног его разверзлась могила; оно не покидало его, но это было смутное, неопределенное представление, и он не мог на нем сосредоточиться.

Но даже сейчас, когда он дрожал и его бросало в жар при мысли о близкой смерти, он принялся считать железные прутья перед собой и размышлять о том, как могла отломиться верхушка одного из них и починят ли ее или оставят такой, какая есть.

Потом он вспомнил обо всех ужасах виселицы и эшафота и вдруг отвлекся, следя за человеком, кропившим пол водой, чтобы охладить его, а потом снова задумался.

Наконец, раздался возглас, призывающий к молчанию, и все, затаив дыхание, устремили взгляд на дверь.

Присяжные вернулись и прошли мимо него.

Он ничего не мог угадать по их лицам: они были словно каменные.

Спустилась глубокая тишина... ни шороха... ни вздоха... Виновен!

Зал огласился страшными криками, повторявшимися снова и снова, а затем эхом прокатился громкий рев, который усиливался, нарастая, как грозные раскаты грома.

То был взрыв радости толпы, ликующей перед зданием суда при вести о том, что он умрет в

The noise subsided, and he was asked if he had anything to say why sentence of death should not be passed upon him.

He had resumed his listening attitude, and looked intently at his questioner while the demand was made; but it was twice repeated before he seemed to hear it, and then he only muttered that he was an old man — an old man — and so, dropping into a whisper, was silent again.

The judge assumed the black cap, and the prisoner still stood with the same air and gesture.

A woman in the gallery, uttered some exclamation, called forth by this dread solemnity; he looked hastily up as if angry at the interruption, and bent forward yet more attentively.

The address was solemn and impressive; the sentence fearful to hear.

But he stood, like a marble figure, without the motion of a nerve.

His haggard face was still thrust forward, his under-jaw hanging down, and his eyes staring out before him, when the jailer put his hand upon his arm, and beckoned him away.

He gazed stupidly about him for an instant, and obeyed.

They led him through a paved room under the court, where some prisoners were waiting till their turns came, and others were talking to their friends, who crowded round a grate which looked into the open yard.

There was nobody there to speak to him; but, as he passed, the prisoners fell back to render him more visible to the people who were clinging to the bars: and they assailed him with opprobrious names, and screeched and hissed.

He shook his fist, and would have spat upon them; but his conductors hurried him on, through a gloomy passage lighted by a few dim lamps, into the interior of the prison.

понедельник.

Шум утих, и его спросили, имеет ли он что-нибудь сказать против вынесенного ему смертного приговора.

Он принял прежнюю напряженную позу и пристально смотрел на вопрошавшего; но вопрос повторили дважды, прежде чем Феджин его расслышал, а тогда он пробормотал только, что он - старик... старик... старик... и, понизив голос до шепота, снова умолк.

Судья надел черную шапочку, а осужденный стоял все с тем же видом и в той же позе.

У женщин на галерее вырвалось восклицание, вызванное этим страшным и торжественным моментом. Феджин быстро поднял глаза, словно рассерженный этой помехой, и с еще большим вниманием наклонился вперед.

Речь, обращенная к нему, была торжественна и внушительна; приговор страшно было слушать.

Но он стоял, как мраморная статуя: ни один мускул не дрогнул.

Его лицо с отвисшей нижней челюстью и широко раскрытыми глазами было изможденным, и он все еще вытягивал шею, когда тюремщик положил ему руку на плечо и поманил его к выходу.

Он тупо посмотрел вокруг и повиновался.

Его повели через комнату с каменным полом, находившуюся под залом суда, где одни арестанты ждали своей очереди, а другие беседовали с друзьями, которые толпились у решетки, выходившей на открытый двор.

Не было никого, кто бы поговорил с ним; но когда он проходил мимо, арестованные расступились, чтобы не заслонять его от тех, кто прильнул к прутьям решетки, а те осыпали его ругательствами, кричали и свистели.

Он погрозил кулаком и хотел плюнуть на них, но сопровождающие увлекли его мрачным коридором, освещенным несколькими тусклыми лампами, в недра тюрьмы.

Здесь его обыскали - нет ли при нем каких-

Here, he was searched, that he might not have about him the means of anticipating the law; this ceremony performed, they led him to one of the condemned cells, and left him there — alone.

He sat down on a stone bench opposite the door, which served for seat and bedstead; and casting his blood-shot eyes upon the ground, tried to collect his thoughts.

After awhile, he began to remember a few disjointed fragments of what the judge had said: though it had seemed to him, at the time, that he could not hear a word.

These gradually fell into their proper places, and by degrees suggested more: so that in a little time he had the whole, almost as it was delivered.

To be hanged by the neck, till he was dead — that was the end.

To be hanged by the neck till he was dead.

As it came on very dark, he began to think of all the men he had known who had died upon the scaffold; some of them through his means.

They rose up, in such quick succession, that he could hardly count them.

He had seen some of them die, — and had joked too, because they died with prayers upon their lips.

With what a rattling noise the drop went down; and how suddenly they changed, from strong and vigorous men to dangling heaps of clothes!

Some of them might have inhabited that very cell — sat upon that very spot.

It was very dark; why didn't they bring a light?

The cell had been built for many years.

Scores of men must have passed their last hours there.

It was like sitting in a vault strewn with dead bodies — the cap, the noose, the pinioned arms, the faces that he knew, even beneath that hideous veil. — Light, light!

At length, when his hands were raw with beating

нибудь средств, которые могли бы предварить исполнение приговора; по совершении этой церемонии его отвели в одну из камер для осужденных и оставили здесь одного.

Он опустился на каменную скамью против двери, служившую стулом и ложем, и, уставившись налитыми кровью глазами в пол, попытался собраться с мыслями.

Спустя некоторое время он начал припоминать отдельные, не связанные между собой фразы из речи судьи, хотя тогда ему казалось, что он ни слова не может расслышать.

Постепенно они расположились в должном порядке, - а за ними пришли и другие. Вскоре он восстановил почти всю речь.

Быть повешенным, за шею, пока не умрет, - таков был приговор.

Быть повешенным за шею, пока не умрет.

Когда совсем стемнело, он начал думать обо всех знакомых ему людях, которые умерли на эшафоте - иные не без его помощи.

Они возникали перед ним в такой стремительной последовательности, что он едва мог их сосчитать.

Он видел, как умерли иные из них, и посмеивался, потому что они умирали с молитвой на устах.

С каким стуком падала доска * и как быстро превращались они из крепких, здоровых людей в качающиеся тюки одежды!

Может быть, кое-кто из них находился в этой самой камере - сидел на этом самом месте.

Было очень темно; почему не принесли света?

Эта камера была выстроена много лет назад.

Должно быть, десятки людей проводили здесь последние свои часы.

Казалось, будто сидишь в склепе, устланном мертвыми телами, - капюшон, петля, связанные руки, лица, которые он узнавал даже сквозь это отвратительное покрывало... Света, света!

Наконец, когда он в кровь разбил руки, колотя о

against the heavy door and walls, two men appeared: one bearing a candle, which he thrust into an iron candlestick fixed against the wall: the other dragging in a mattress on which to pass the night; for the prisoner was to be left alone no more.

Then came the night — dark, dismal, silent night.

Other watchers are glad to hear this church-clock strike, for they tell of life and coming day.

To him they brought despair.

The boom of every iron bell came laden with the one, deep, hollow sound — Death.

What availed the noise and bustle of cheerful morning, which penetrated even there, to him?

It was another form of knell, with mockery added to the warning.

The day passed off.

Day?

There was no day; it was gone as soon as come — and night came on again; night so long, and yet so short; long in its dreadful silence, and short in its fleeting hours.

At one time he raved and blasphemed; and at another howled and tore his hair.

Venerable men of his own persuasion had come to pray beside him, but he had driven them away with curses.

They renewed their charitable efforts, and he beat them off.

Saturday night.

He had only one night more to live.

And as he thought of this, the day broke — Sunday.

It was not until the night of this last awful day, that a withering sense of his helpless, desperate

тяжелую дверь и стены, появилось двое: один нес свечу, которую затем вставил в железный фонарь, прикрепленный к стене; другой тащил тюфяк, чтобы переспать на нем, так как заключенного больше не должны были оставлять одного.

Вскоре настала ночь - темная, унылая, немая ночь.

Другим, бодрствующим, радостно прислушиваться к бою часов на церкви, потому что он возвещает о жизни и следующем дне.

Ему он приносил отчаяние.

В каждом звуке медного колокола, его глухом и низком "бум", ему слышалось - "смерть".

Что толку было от шума и сутолоки беззаботного утра, проникавших даже сюда, к нему?

Это был все тот же похоронный звон, в котором издевательство слилось с предостережением.

День миновал.

День?

Не было никакого дня; он пролетел так же быстро, как наступил, - и снова спустилась ночь, ночь такая долгая и все же такая короткая: долгая благодаря устрашающему своему безмолвию и короткая благодаря быстротечным своим часам.

Он то бесновался и богохульствовал, то выл и рвал на себе волосы.

Его почтенные единоверцы пришли, чтобы помолиться вместе с ним, но он их прогнал с проклятиями.

Они возобновили свои благочестивые усилия, но он вытолкнул их вон.

Ночь с субботы на воскресенье.

Ему осталось жить еще одну ночь.

И пока он размышлял об этом, настал день - воскресенье.

Только к вечеру этого последнего, ужасного дня угнетающее сознание беспомощного и

state came in its full intensity upon his blighted soul; not that he had ever held any defined or positive hope of mercy, but that he had never been able to consider more than the dim probability of dying so soon.

He had spoken little to either of the two men, who relieved each other in their attendance upon him; and they, for their parts, made no effort to rouse his attention.

He had sat there, awake, but dreaming.

Now, he started up, every minute, and with gasping mouth and burning skin, hurried to and fro, in such a paroxysm of fear and wrath that even they — used to such sights — recoiled from him with horror.

He grew so terrible, at last, in all the tortures of his evil conscience, that one man could not bear to sit there, eyeing him alone; and so the two kept watch together.

He cowered down upon his stone bed, and thought of the past.

He had been wounded with some missiles from the crowd on the day of his capture, and his head was bandaged with a linen cloth.

His red hair hung down upon his bloodless face; his beard was torn, and twisted into knots; his eyes shone with a terrible light; his unwashed flesh crackled with the fever that burnt him up.

Eight — nine — then.

If it was not a trick to frighten him, and those were the real hours treading on each other's heels, where would he be, when they came round again!

Eleven!

Another struck, before the voice of the previous hour had ceased to vibrate.

At eight, he would be the only mourner in his own funeral train; at eleven —

Those dreadful walls of Newgate, which have

отчаянного его положения охватило во всей своей напряженности его порочную душу - не потому, что он лелеял какую-то твердую надежду на помилование, а потому, что до сей поры он допускал лишь смутную возможность столь близкой смерти.

Он мало говорил с теми двумя людьми, которые сменяли друг друга, присматривая за ним, а они в свою очередь не пытались привлечь его внимание.

Он сидел бодрствуя, но грезя.

Иногда он вскакивал и с раскрытым ртом, весь в жару, бегал взад и вперед в таком припадке страха и злобы, что даже они - привычные к таким сценам - отшатывались от него с ужасом.

Наконец, он стал столь страшен, терзаемый нечистой своей совестью, что один человек не в силах был сидеть с ним с глазу на глаз - и теперь они сторожили его вдвоем.

Он прикорнул на своем каменном ложе и задумался о прошлом.

Он был ранен каким-то предметом, брошенным в него из толпы в день ареста, и голова его была обмотана полотняными бинтами.

Рыжие волосы свешивались на бескровное лицо; борода сбилась, несколько клочьев было вырвано; глаза горели страшным огнем; немытая кожа трескалась от пожиравшей его лихорадки.

Восемь... девять... десять...

Если это не фокус, чтобы запугать его, если это и в самом деле часы, следующие по пятам друг за другом, где будет он, когда стрелка обойдет еще круг!

Одиннадцать!

Снова бой, а эхо предыдущего часа еще не отзывало.

В восемь он будет единственным плакальщиком в своей собственной траурной процессии. В одиннадцать...

Страшные стены Ньюгета, скрывавшие столько

hidden so much misery and such unspeakable anguish, not only from the eyes, but, too often, and too long, from the thoughts, of men, never held so dread a spectacle as that.

The few who lingered as they passed, and wondered what the man was doing who was to be hanged to-morrow, would have slept but ill that night, if they could have seen him.

From early in the evening until nearly midnight, little groups of two and three presented themselves at the lodge-gate, and inquired, with anxious faces, whether any reprieve had been received.

These being answered in the negative, communicated the welcome intelligence to clusters in the street, who pointed out to one another the door from which he must come out, and showed where the scaffold would be built, and, walking with unwilling steps away, turned back to conjure up the scene.

By degrees they fell off, one by one; and, for an hour, in the dead of night, the street was left to solitude and darkness.

The space before the prison was cleared, and a few strong barriers, painted black, had been already thrown across the road to break the pressure of the expected crowd, when Mr. Brownlow and Oliver appeared at the wicket, and presented an order of admission to the prisoner, signed by one of the sheriffs.

They were immediately admitted into the lodge.

'Is the young gentleman to come too, sir?' said the man whose duty it was to conduct them.

'It's not a sight for children, sir.'

'It is not indeed, my friend,' rejoined Mr. Brownlow; 'but my business with this man is intimately connected with him; and as this child has seen him in the full career of his success and villainy, I think it as well — even at the cost of some pain and fear — that he should see him now.'

страдания и столько невыразимой тоски не только от глаз, но - слишком часто и слишком долго - от мыслей людей, никогда не видели зрелища столь ужасного.

Те немногие, которые, проходя мимо, замедляли шаги и задавали себе вопрос, что делает человек, приговоренный к повешению, плохо спали бы в эту ночь, если бы могли его увидеть.

С раннего вечера и почти до полуночи маленькие группы, из двух-трех человек, приближались ко входу в привратническую, и люди с встревоженным видом осведомлялись, не отложен ли смертный приговор.

Получив отрицательный ответ, они передавали желанную весть другим группам, собиравшимся на улице, указывали друг другу дверь, откуда он должен был выйти, и место для эшафота, а затем, неохотно уходя, оглядывались, мысленно представляя себе это зрелище.

Мало-помалу они ушли один за другим, и в течение часа в глухую пору ночи улица оставалась безлюдной и темной.

Площадка перед тюрьмой была расчищена, и несколько крепких брусьев, окрашенных в черный цвет, были положены заранее, чтобы сдержат натиск толпы, когда у калитки появились мистер Браунлоу и Оливер и предъявили разрешение на свидание с заключенным, подписанное одним из шерифов *.

Их немедленно впустили в привратническую.

- И этот юный джентльмен тоже войдет, сэр? - спросил человек, которому поручено было сопровождать их.

- Такое зрелище не для детей, сэр.

- Верно, друг мой, - сказал мистер Браунлоу, - но мальчик имеет прямое отношение к тому делу, которое привело меня к этому человеку; а так как этот ребенок видел его в пору его преуспевания и злодейств, то я считаю полезным, чтобы он увидел его теперь, хотя бы это вызвало страх и причинило страдания.

These few words had been said apart, so as to be inaudible to Oliver.

The man touched his hat; and glancing at Oliver with some curiosity, opened another gate, opposite to that by which they had entered, and led them on, through dark and winding ways, towards the cells.

'This,' said the man, stopping in a gloomy passage where a couple of workmen were making some preparations in profound silence — 'this is the place he passes through.

If you step this way, you can see the door he goes out at.'

He led them into a stone kitchen, fitted with coppers for dressing the prison food, and pointed to a door.

There was an open grating above it, through which came the sound of men's voices, mingled with the noise of hammering, and the throwing down of boards.

There were putting up the scaffold.

From this place, they passed through several strong gates, opened by other turnkeys from the inner side; and, having entered an open yard, ascended a flight of narrow steps, and came into a passage with a row of strong doors on the left hand.

Motioning them to remain where they were, the turnkey knocked at one of these with his bunch of keys.

The two attendants, after a little whispering, came out into the passage, stretching themselves as if glad of the temporary relief, and motioned the visitors to follow the jailer into the cell.

They did so.

The condemned criminal was seated on his bed, rocking himself from side to side, with a countenance more like that of a snared beast than the face of a man.

His mind was evidently wandering to his old life, for he continued to mutter, without appearing conscious of their presence otherwise than as a

Эти несколько слов были сказаны в сторонке - так, чтобы Оливер их не слышал.

Человек притронулся к шляпе и, с любопытством взглянув - на Оливера, открыл другие ворота, против тех, в которые они вошли, и темными, извилистыми коридорами повел их к камерам.

- Вот здесь, - сказал он, останавливаясь в мрачном коридоре, где двое рабочих в глубоком молчании занимались какими-то приготовлениями, - вот здесь он будет проходить.

А если вы заглянете сюда, то увидите дверь, через которую он выйдет.

Он ввел их в кухню с каменным полом, уставленную медными котлами для варки тюремной пищи, и указал на дверь.

На ней было зарешеченное отверстие, в которое врывались голоса, сливаясь со стуком молотков и грохотом падающих досок.

Там возводили эшафот.

Далее они миновали несколько массивных ворот, которые отпирали другие тюремщики с внутренней стороны, и, пройдя открытым двором, поднялись по узкой лестнице и вступили в коридор с рядом дверей по левую руку.

Подав им знак остановиться здесь, тюремщик постучал в одну из них связкой ключей.

Оба сторожа, пошептавшись, вышли, потягиваясь, в коридор, словно обрадованные передышкой, и предложили посетителям войти вслед за тюремщиком в камеру.

Они вошли.

Осужденный сидел на скамье, раскачиваясь из стороны в сторону; лицо его напоминало скорее морду затравленного зверя, чем лицо человека.

По-видимому, мысли его блуждали в прошлом, потому что он без умолку бормотал, казалось воспринимая посетителей только как

part of his vision.

'Good boy, Charley — well done — ' he mumbled.

'Oliver, too, ha! ha! ha!

Oliver too — quite the gentleman now — quite the — take that boy away to bed!

The jailer took the disengaged hand of Oliver; and, whispering him not to be alarmed, looked on without speaking.

'Take him away to bed!' cried Fagin.

'Do you hear me, some of you?

He has been the — the — somehow the cause of all this.

It's worth the money to bring him up to it — Bolter's throat, Bill; never mind the girl — Bolter's throat as deep as you can cut.

Saw his head off!

'Fagin,' said the jailer.

'That's me!' cried the Jew, falling instantly, into the attitude of listening he had assumed upon his trial.

'An old man, my Lord; a very old, old man!'

'Here,' said the turnkey, laying his hand upon his breast to keep him down.

'Here's somebody wants to see you, to ask you some questions, I suppose.

Fagin, Fagin!

Are you a man?'

'I shan't be one long,' he replied, looking up with a face retaining no human expression but rage and terror.

'Strike them all dead!

What right have they to butcher me?'

As he spoke he caught sight of Oliver and Mr. Brownlow.

Shrinking to the furthest corner of the seat, he demanded to know what they wanted there.

участников своих галлюцинаций.

- Славный мальчик, Чарли... ловко сделано... - бормотал он.

- Оливер тоже... ха-ха-ха!.. и Оливер...

Он теперь совсем джентльмен... совсем джентль... уведите этого мальчика спать!

Тюремщик взял Оливера за руку и, шепнув, чтобы он не боялся, молча смотрел.

- Уведите его спать! - крикнул Феджин.

- Слышите вы меня, кто-нибудь из вас?

Он... он... причина всего этого.

Дадут денег, если приучить его... глотку Болтера... Билл, не возитесь с девушкой... режьте как можно глубже глотку Болтера.

Отпилите ему голову!

- Феджин! - окликнул его тюремщик.

- Это я! - воскликнул еврей, мгновенно принимая ту напряженную позу, какую сохранял во время суда.

- Старик, милорд! Дряхлый, дряхлый старик!

- Слушайте! - сказал тюремщик, положив ему руку на грудь, чтобы он не вставал.

- Вас хотят видеть, чтобы о чем-то спросить.

Феджин, Феджин!

Ведь вы мужчина!

- Мне недолго им быть, - ответил тот, поднимая лицо, не выражавшее никаких человеческих чувств, кроме бешенства и ужаса.

- Прикончите их всех!

Какое имеют они право убивать меня?

Тут он заметил Оливера и мистера Браунлоу.

Забившись в самый дальний угол скамьи, он спросил, что им здесь нужно.

'Steady,' said the turnkey, still holding him down.

'Now, sir, tell him what you want.

Quick, if you please, for he grows worse as the time gets on.'

'You have some papers,' said Mr. Brownlow advancing, 'which were placed in your hands, for better security, by a man called Monks.'

'It's all a lie together,' replied Fagin.

'I haven't one — not one.'

'For the love of God,' said Mr. Brownlow solemnly, 'do not say that now, upon the very verge of death; but tell me where they are.

You know that Sikes is dead; that Monks has confessed; that there is no hope of any further gain.

Where are those papers?'

'Oliver,' cried Fagin, beckoning to him.

'Here, here!

Let me whisper to you.'

'I am not afraid,' said Oliver in a low voice, as he relinquished Mr. Brownlow's hand.

'The papers,' said Fagin, drawing Oliver towards him, 'are in a canvas bag, in a hole a little way up the chimney in the top front-room.

I want to talk to you, my dear.

I want to talk to you.'

'Yes, yes,' returned Oliver.

'Let me say a prayer.

Do!

Let me say one prayer.

Say only one, upon your knees, with me, and we will talk till morning.'

- Сидите смирно, - сказал тюремщик, все еще придерживая его.

- А теперь, сэр, говорите то, что вам нужно.

Пожалуйста, поскорее, потому что с каждым часом он становится все хуже!

- У вас есть кое-какие бумаги, - подходя к нему, сказал мистер Браунлоу, - которые передал вам для большей сохранности человек по имени Монкс.

- Все это ложь! - ответил Феджин.

- У меня нет ни одной, ни одной!

- Ради господ бога, - торжественно сказал мистер Браунлоу, - не говорите так сейчас, на пороге смерти! Ответьте мне, где они.

Вы знаете, что Сайкс умер, что Монкс сознался, что нет больше надежды извлечь какую-нибудь выгоду.

Где эти бумаги?

- Оливер! - крикнул Феджин, поманив его.

- Сюда, сюда!

Я хочу сказать тебе что-то на ухо.

- Я не боюсь, - тихо сказал Оливер, выпустив руку мистера Браунлоу.

- Бумаги, - сказал Феджин, притягивая к себе Оливера, - бумаги в холщовом мешке спрятаны в отверстии над самым камином в комнате наверху...

Я хочу поговорить с тобой, мой милый.

Я хочу поговорить с тобой.

- Хорошо, хорошо, - ответил Оливер.

- Позвольте мне прочитать молитву.

Прошу вас!

Позвольте мне прочитать одну молитву.

На коленях прочитайте вместе со мной только одну молитву, и мы будем говорить до утра.

'Outside, outside,' replied Fagin, pushing the boy before him towards the door, and looking vacantly over his head.

'Say I've gone to sleep — they'll believe you.

You can get me out, if you take me so.

Now then, now then!'

'Oh! God forgive this wretched man!' cried the boy with a burst of tears.

'That's right, that's right,' said Fagin.

'That'll help us on.

This door first.

If I shake and tremble, as we pass the gallows, don't you mind, but hurry on.

Now, now, now!'

'Have you nothing else to ask him, sir?' inquired the turnkey.

'No other question,' replied Mr. Brownlow.

'If I hoped we could recall him to a sense of his position — '

'Nothing will do that, sir,' replied the man, shaking his head.

'You had better leave him.'

The door of the cell opened, and the attendants returned.

'Press on, press on,' cried Fagin.

'Softly, but not so slow.

Faster, faster!'

The men laid hands upon him, and disengaging Oliver from his grasp, held him back.

He struggled with the power of desperation, for an instant; and then sent up cry upon cry that penetrated even those massive walls, and rang in their ears until they reached the open yard.

- Туда, туда! - сказал Феджин, толкая перед собой мальчика к двери и растерянно глядя поверх его головы.

- Скажи, что я лег спать, - тебе они поверят.

Ты можешь меня вывести, если пойдешь вот так.

Ну же, ну!

- О боже, прости этому несчастному! - заливаясь слезами, вскричал мальчик.

- Прекрасно, прекрасно! - сказал Феджин.

- Это нам поможет.

Сначала в эту дверь.

Если я начну дрожать и трястись, когда мы будем проходить мимо виселицы, не обращай внимания и ускорь шаги.

Ну, ну, ну!

- Вам больше не о чем его спрашивать, сэр? - осведомился тюремщик.

- Больше нет никаких вопросов, - ответил мистер Браунлоу.

- Если бы я надеялся, что можно добиться, чтобы он понял свое положение...

- Это безнадежно, сэр, - ответил тот, покачив головой.

- Лучше оставьте его.

Дверь камеры открылась, и вернулись сторожа.

- Поторопись, поторопись! - крикнул Феджин.

- Без шума, но не мешкай.

Скорее, скорее!

Люди схватили его и, освободив из его рук Оливера, оттащили назад.

С минуту он отбивался с силой отчаяния, а затем начал испускать вопли, которые проникали даже сквозь эти толстые стены и звенели у посетителей в ушах, пока они не вышли во двор.

It was some time before they left the prison.

Oliver nearly swooned after this frightful scene, and was so weak that for an hour or more, he had not the strength to walk.

Day was dawning when they again emerged.

A great multitude had already assembled; the windows were filled with people, smoking and playing cards to beguile the time; the crowd were pushing, quarrelling, joking.

Everything told of life and animation, but one dark cluster of objects in the centre of all — the black stage, the cross-beam, the rope, and all the hideous apparatus of death.

CHAPTER LIII — AND LAST

The fortunes of those who have figured in this tale are nearly closed.

The little that remains to their historian to relate, is told in few and simple words.

Before three months had passed, Rose Fleming and Harry Maylie were married in the village church which was henceforth to be the scene of the young clergyman's labours; on the same day they entered into possession of their new and happy home.

Mrs. Maylie took up her abode with her son and daughter-in-law, to enjoy, during the tranquil remainder of her days, the greatest felicity that age and worth can know — the contemplation of the happiness of those on whom the warmest affections and tenderest cares of a well-spent life, have been unceasingly bestowed.

It appeared, on full and careful investigation, that if the wreck of property remaining in the custody of Monks (which had never prospered either in his hands or in those of his mother) were equally divided between himself and Oliver, it would yield, to each, little more than three thousand pounds.

By the provisions of his father's will, Oliver would have been entitled to the whole; but Mr.

Не сразу покинули они тюрьму.

Оливер чуть не упал в обморок после этой страшной сцены и так ослабел, что в течение часа, если не больше, не в силах был идти.

Светало, когда они вышли.

Уже собралась огромная толпа; во всех окнах теснились люди, курившие и игравшие в карты, чтобы скоротать время; в толпе толкались, спорили, шутили.

Все говорило о кипучей жизни - все, кроме страшных предметов в самом центре: черного помоста, поперечной перекладки, веревки и прочих отвратительных орудий смерти.

ГЛАВА LIII — и последняя

Рассказ о судьбе тех, кто выступал в этой повести, почти закончен.

То небольшое, что остается поведать их историку, мы изложим коротко и просто.

Не прошло и трех месяцев, как Роз Флеминг и Гарри Мэйли сочетались браком в деревенской церкви, где отныне должен был трудиться молодой священник; в тот же день они вступили во владение своим новым и счастливым домом.

Миссис Мэйли поселилась у своего сына и невестки, чтобы в течение остающихся ей безмятежных дней наслаждаться величайшим блаженством, какое может быть ведомо почтенной старости: созерцанием счастья тех, на кого неустанно расточались самая горячая любовь и нежнейшая забота всей жизни, прожитой столь достойно.

После основательного и тщательного расследования обнаружилось, что, если остатки промотанного состояния, находившегося у Монкса (оно никогда не увеличивалось ни в его руках, ни в руках его матери), разделить поровну между ним и Оливером, каждый получит немногим больше трех тысяч фунтов.

Согласно условиям отцовского завещания, Оливер имел права на все имущество; но

Brownlow, unwilling to deprive the elder son of the opportunity of retrieving his former vices and pursuing an honest career, proposed this mode of distribution, to which his young charge joyfully acceded.

Monks, still bearing that assumed name, retired with his portion to a distant part of the New World; where, having quickly squandered it, he once more fell into his old courses, and, after undergoing a long confinement for some fresh act of fraud and knavery, at length sunk under an attack of his old disorder, and died in prison.

As far from home, died the chief remaining members of his friend Fagin's gang.

Mr. Brownlow adopted Oliver as his son.

Removing with him and the old housekeeper to within a mile of the parsonage-house, where his dear friends resided, he gratified the only remaining wish of Oliver's warm and earnest heart, and thus linked together a little society, whose condition approached as nearly to one of perfect happiness as can ever be known in this changing world.

Soon after the marriage of the young people, the worthy doctor returned to Chertsey, where, bereft of the presence of his old friends, he would have been discontented if his temperament had admitted of such a feeling; and would have turned quite peevish if he had known how.

For two or three months, he contented himself with hinting that he feared the air began to disagree with him; then, finding that the place really no longer was, to him, what it had been, he settled his business on his assistant, took a bachelor's cottage outside the village of which his young friend was pastor, and instantaneously recovered.

Here he took to gardening, planting, fishing, carpentering, and various other pursuits of a similar kind: all undertaken with his characteristic impetuosity.

In each and all he has since become famous throughout the neighborhood, as a most profound

мистер Браунлоу, не желая лишать старшего сына возможности отречься от прежних пороков и вести честную жизнь, предложил такой раздел, на который его юный питомец с радостью согласился.

Монкс, все еще под этим вымышленным именем, уехал со своей долей наследства в самую удаленную часть Нового Света, где, быстро растратив все, вновь вступил на прежний путь и за какое-то мошенническое деяние попал в тюрьму, где пробыл долго, был сражен приступом прежней своей болезни и умер.

Так же далеко от родины умерли главные уцелевшие члены шайки его приятеля Феджина.

Мистер Браунлоу усыновил Оливера.

Поселившись с ним и старой экономкой на расстоянии мили от приходского дома, в котором жили его добрые друзья, он исполнил единственное еще не удовлетворенное желание преданного и любящего Оливера, и все маленькое общество собралось вместе и зажило такой счастливой жизнью, какая только возможна в этом полном превратностей мире.

Вскоре после свадьбы молодой пары достойный доктор вернулся в Чертси, где, лишенный общества старых своих друзей, мог бы предаться хандре, если бы по своему нраву был на это способен, и превратился бы в брюзгу, если бы знал, как это сделать.

В течение двух-трех месяцев он ограничивался намеками, что опасается, не вредит ли здешний климат его здоровью; затем, убедившись, что эта местность потеряла для него прежнюю притягательную силу, передал практику помощнику, поселился в холостяцком коттедже на окраине деревни, где его молодой друг был пастором, и мгновенно выздоровел.

Здесь он увлекся садоводством, посадкой деревьев, ужением, столярными работами и различными другими занятиями в таком же роде, которым отдался с присущей ему пылкостью.

Во всех этих занятиях он прославился по всей

authority.

Before his removal, he had managed to contract a strong friendship for Mr. Grimwig, which that eccentric gentleman cordially reciprocated.

He is accordingly visited by Mr. Grimwig a great many times in the course of the year.

On all such occasions, Mr. Grimwig plants, fishes, and carpenters, with great ardour; doing everything in a very singular and unprecedented manner, but always maintaining with his favourite asseveration, that his mode is the right one.

On Sundays, he never fails to criticise the sermon to the young clergyman's face: always informing Mr. Losberne, in strict confidence afterwards, that he considers it an excellent performance, but deems it as well not to say so.

It is a standing and very favourite joke, for Mr. Brownlow to rally him on his old prophecy concerning Oliver, and to remind him of the night on which they sat with the watch between them, waiting his return; but Mr. Grimwig contends that he was right in the main, and, in proof thereof, remarks that Oliver did not come back after all; which always calls forth a laugh on his side, and increases his good humour.

Mr. Noah Claypole: receiving a free pardon from the Crown in consequence of being admitted approver against Fagin: and considering his profession not altogether as safe a one as he could wish: was, for some little time, at a loss for the means of a livelihood, not burdened with too much work.

After some consideration, he went into business as an Informer, in which calling he realises a genteel subsistence.

His plan is, to walk out once a week during church time attended by Charlotte in respectable attire.

округе как величайший авторитет.

Еще до своего переселения он воспылал дружескими чувствами к мистеру Гримуигу, на которые этот эксцентрический джентльмен отвечал искренней взаимностью.

Поэтому великое множество раз на протяжении года мистер Гримуиг навещает его.

И каждый раз, когда он приезжает, мистер Гримуиг сажает деревья, удит рыбу и столярничает с большим рвением, делая все это странно и необычно, но упорно повторяя любимое свое утверждение, что его способ - самый правильный.

По воскресеньям в разговоре с молодым священником он неизменно критикует его проповедь, всегда сообщая затем мистеру Лосберну строго конфиденциально, что находит проповедь превосходной, но не считает нужным это говорить.

Постоянное и любимое развлечение мистера Браунлоу - подсмеиваться над старым его пророчеством касательно Оливера и напоминать ему о том вечере, когда они сидели, положив перед собой часы, и ждали его возвращения. Но мистер Гримуиг уверяет, что в сущности он был прав, и в доказательство сего замечает, что в конце концов Оливер не вернулся, каковое замечание всегда вызывает смех у него самого и способствует его доброму расположению духа.

Мистер Ноз Клейпол, получив прощение от Коронного суда благодаря своим показаниям о преступлениях Феджина и рассудив, что его профессия не столь безопасна, как было бы ему желательно, сначала не знал, где искать средств к существованию, не обременяя себя чрезмерной работой.

После недолгих размышлений он взял на себя обязанности осведомителя, в каковом звании имеет приличный заработок.

Метод его заключается в том, что раз в неделю, во время церковного богослужения, он выходит на прогулку вместе с Шарлотт, оба прилично одетые.

The lady faints away at the doors of charitable publicans, and the gentleman being accommodated with three-penny worth of brandy to restore her, lays an information next day, and pockets half the penalty.

Sometimes Mr. Claypole faints himself, but the result is the same.

Mr. and Mrs. Bumble, deprived of their situations, were gradually reduced to great indigence and misery, and finally became paupers in that very same workhouse in which they had once lorded it over others.

Mr. Bumble has been heard to say, that in this reverse and degradation, he has not even spirits to be thankful for being separated from his wife.

As to Mr. Giles and Brittles, they still remain in their old posts, although the former is bald, and the last-named boy quite grey.

They sleep at the parsonage, but divide their attentions so equally among its inmates, and Oliver and Mr. Brownlow, and Mr. Losberne, that to this day the villagers have never been able to discover to which establishment they properly belong.

Master Charles Bates, appalled by Sikes's crime, fell into a train of reflection whether an honest life was not, after all, the best.

Arriving at the conclusion that it certainly was, he turned his back upon the scenes of the past, resolved to amend it in some new sphere of action.

He struggled hard, and suffered much, for some time; but, having a contented disposition, and a good purpose, succeeded in the end; and, from being a farmer's drudge, and a carrier's lad, he is now the merriest young grazier in all Northamptonshire.

And now, the hand that traces these words, falters, as it approaches the conclusion of its task; and would weave, for a little longer space, the thread of these adventures.

Леди падает в обморок у двери какого-нибудь сердобольного трактирщика, а джентльмен, получив на три пенса бренди для приведения ее в чувство, доносит об этом на следующий же день и кладет себе в карман половину штрафа *.

Иногда в обморок падает сам мистер Клейпол, но результат получается тот же.

Мистер и миссис Бамбл, лишившись должности, дошли постепенно до крайне бедственного и жалкого состояния и, наконец, поселились как призреваемые бедняки в том самом работном доме, где некогда властвовали над другими.

Передавали, будто мистер Бамбл говорил, что такие унижения и превратности судьбы мешают ему быть благодарным даже за разлуку с супругой.

Что касается мистера Джайлса и Бритлса, то они попрежнему занимают свои посты, хотя первый облысел, а упомянутый паренек стал совсем седым.

Они ночуют в доме приходского священника, но так равномерно распределяют свое внимание между его обитателями и Оливером, мистером Браунлоу и мистером Лосберном, что населению и по сей день не удалось установить, у кого в сущности состоят они на службе.

Чарльз Бейтс, уstraшенный преступлением Сайкса, принялся размышлять о том, не является ли честная жизнь наилучшей.

Придя к заключению, что эго несомненно так, он покончил со своим прошлым и решил загладить его, принявшись за какой-нибудь другой род деятельности.

Сначала ему пришлось тяжело, и он терпел большие лишения, но, отличаясь благодушным нравом и преследуя прекрасную цель, в конце концов добился успеха; поработав батраком у фермера и подручным у возчика, он стал теперь самым веселым молодым скотопромышленником во всем Нортхемптоншире.

Рука, пишушая эти строки, начинает дрожать по мере приближения к концу работы и охотно протянула бы немного дальше нити этих приключений.

I would fain linger yet with a few of those among whom I have so long moved, and share their happiness by endeavouring to depict it.

I would show Rose Maylie in all the bloom and grace of early womanhood, shedding on her secluded path in life soft and gentle light, that fell on all who trod it with her, and shone into their hearts.

I would paint her the life and joy of the fire-side circle and the lively summer group; I would follow her through the sultry fields at noon, and hear the low tones of her sweet voice in the moonlit evening walk; I would watch her in all her goodness and charity abroad, and the smiling untiring discharge of domestic duties at home; I would paint her and her dead sister's child happy in their love for one another, and passing whole hours together in picturing the friends whom they had so sadly lost; I would summon before me, once again, those joyous little faces that clustered round her knee, and listen to their merry prattle; I would recall the tones of that clear laugh, and conjure up the sympathising tear that glistened in the soft blue eye.

These, and a thousand looks and smiles, and turns of thought and speech — I would fain recall them every one.

How Mr. Brownlow went on, from day to day, filling the mind of his adopted child with stores of knowledge, and becoming attached to him, more and more, as his nature developed itself, and showed the thriving seeds of all he wished him to become — how he traced in him new traits of his early friend, that awakened in his own bosom old remembrances, melancholy and yet sweet and soothing — how the two orphans, tried by adversity, remembered its lessons in mercy to others, and mutual love, and fervent thanks to Him who had protected and preserved them — these are all matters which need not to be told.

I have said that they were truly happy; and without strong affection and humanity of heart, and gratitude to that Being whose code is Mercy,

Я неохотно расстаюсь с некоторыми из тех, с кем так долго общался, и с радостью разделю бы их счастье, пытаюсь его описать.

Я показал бы Роз Мэйли в полном расцвете и очаровании юной женственности, показал бы ее излучающей на свою тихую жизненную тропу мягкий и нежный свет, который падал на всех, шедших вместе с нею, и проникал в их сердца.

Я изобразил бы ее как воплощение жизни и радости в семейном кругу зимой, у очага, и в веселой компании летом; я последовал бы за нею по знойным полям в полдень и слушал бы ее тихий, милый голос во время вечерней прогулки при лунном свете; я наблюдал бы ее вне дома, всегда добрую и милосердную и с улыбкой неумоимо исполняющую свои обязанности у домашнего очага; я описал бы, как она и дитя ее покойной сестры счастливы своей любовью друг к другу и многие часы проводят вместе, рисуя в своем воображении образы друзей, столь печально ими утраченных; я вновь увидел бы радостные личики, льнущие к ее коленям, и прислушался бы к их болтовне; я припомнил бы этот звонкий смех и вызвал бы в памяти слезы умиления, сверкавшие в кротких голубых глазах.

Все это и еще тысячу взглядов и улыбок, мыслей и слов - все хотел бы я воскресить.

О том, как мистер Браунлоу продолжал изо дня в день обогащать ум своего приемного сына сокровищами знаний и привязывался к нему все сильнее и сильнее по мере того, как он развивался и прорастали семена тех качеств, какие он хотел видеть в нем. О том, как он подмечал в нем новые черты сходства с другом своей молодости, которые пробуждали воспоминания о былом и тихую печаль, но были сладостны и успокоительны. О том, как двое сирот, испытав превратности судьбы, сохранили в памяти ее уроки, не забывая о милосердии к людям, о взаимной любви и о пылкой благодарности к тому, кто защитил и сохранил их. Обо всем этом не нужно говорить.

Я сказал, что они были истинно счастливы, а без глубокой любви, доброты сердечной и благодарности к тому существу, чей закон -

and whose great attribute is Benevolence to all things that breathe, happiness can never be attained.

Within the altar of the old village church there stands a white marble tablet, which bears as yet but one word: 'AGNES.'

There is no coffin in that tomb; and may it be many, many years, before another name is placed above it!

But, if the spirits of the Dead ever come back to earth, to visit spots hallowed by the love — the love beyond the grave — of those whom they knew in life, I believe that the shade of Agnes sometimes hovers round that solemn nook.

I believe it none the less because that nook is in a Church, and she was weak and erring.

милосердие и великое свойство которого - благоволение ко всему, что дышит, - без этого не достижимо счастье.

В алтаре старой деревенской церкви находится белая мраморная доска, на которой начертано пока одно только слово: "А_г_н_е_с".

Нет гроба в этом склепе, и пусть пройдет много-много лет, прежде чем появится над ним еще другое имя!

Но если души умерших возвращаются когда-нибудь на землю, чтобы посетить места, овеянные любовью уходящей за грань могилы, - любовью тех, кого они знали при жизни, - я верю, что тень Агнес витает иногда в этом священном уголке.

Верю, что она приходит сюда, в алтарь, хоть при жизни и была слабой и заблуждающейся.